

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.
ЧАСТЬ XIV.

1908.
МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія	8
II. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія	10
III. Отъ управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ	12
IV. Опрежденія основнаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	18
V. Опрежденія отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. по начальному образованію	15
VI. Опрежденія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	17
Списокъ книгъ, рассмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безлатинныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ	18
Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія	19
Отъ учебно-воспитательнаго комитета педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній	22
Фр. Ф. Вестбергъ. Къ анализу восточныхъ мотечниковъ о Восточной Европѣ. 18—28 (окончаніе)	1
Ф. И. Леонтовичъ. Правоспособность литовско-русской шляхты	58
П. Г. Васенко. Дядя Иванъ Тимошеевъ, авторъ „Временника“	88

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Ф. Ф. Зигель. <i>Povčesne české dějiny pravní</i> , проф. Яроміра Челькоускаго. Изд. 2-е. 1902—1906.—Къ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. О. Балъзера. С.-Пб. 1908	122
Н. А. Котляревскій. Н. М. Гумьель. Иванъ Сергѣевичъ Турго-невъ. Юрьевъ. 1907	174
Н. Б. Ковшинъ. М. Гершензонъ. П. Я. Чаадовъ. Жизнь и мнѣніе. С.-Пб. 1908	181
С. А. Шумиковъ. А. В.—изъ Гранаты и акты Вятскаго Успенскаго Трифонова монастыря 1580—1764 гг. Вятка. 1906	188
Н. М. Петровскій. Указатель къ „Омьту русской библиографіи“ В. С. Сошникова. Составилъ В. Н. Рогожинъ. С.-Пб. 1908	196
Н. В. Шаровольскій. Отвѣтъ моему критику	215
— Книжныя новости	227

См. 3-ю страницу обложки.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.
ЧАСТЬ XIV.

1908.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

I. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(7-го января 1908 года, № 2). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи: магистръ химіи *Семеновъ*—съ 1-го октября 1907 г. и ученый инженеръ-технологъ *Шкателовъ* — съ 27-го октября 1907 г.; директора: Прагской мужской гимназій, *Швачка* — съ 1-го сентября 1907 г., учительскихъ семинарій: Херсонской, *Руновскій* — съ 1-го августа 1904 г. и Новочеркасской, *Войниловичъ* — съ 3-го октября 1907 г. и Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго училища, *Сиво-любовъ*—съ 28-го мая 1907 г.; экстраординарные профессора: Императорскаго Московскаго университета: докторъ чистой математики *Ежуровъ* — съ 27-го января 1906 г., докторъ медицины *Рейнъ* — съ 30-го апрѣля 1906 г., докторъ зоологіи *Кожешниковъ* — съ 20-го марта 1907 г., (исправляющій должность) магистръ агрономіи *Сабанинъ* — съ 6-го іюля 1906 г., Лазаревскаго института восточныхъ языковъ (исправляющій должность) *Крымскій* — съ 29-го января 1905 г. и директоръ Калязинскаго низшаго механико-техническаго училища имени Н. М. Полежаева, инженеръ-технологъ *Ледневъ* — съ 8-го августа 1907 г.; изъ титулярныхъ советниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, дѣлопроизводитель VI класса департамента общихъ дѣлъ *Бычковъ*—съ 30-го ноября 1907 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ

титულлярные советники: причисленные къ министерству: *Южилинъ* — съ 24-го мая 1902 г. и *Фокротъ* — съ 1-го сентября 1907 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго советника*, исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лица, надворный совѣтникъ *Голубевъ* — съ 13-го апрѣля 1907 г.; *коллежскаго секретаря*, причисленный къ министерству *Разенбергъ* — съ 30-го января 1904 г., по диплому первой степени Императорскаго университета.

(14-го января 1908 года, № 3). *Назначается* инспекторъ Кронштадтской гимназіи, статскій совѣтникъ *Якималъ* — директоромъ той же гимназіи.

Утверждаются, согласно избранію: надворный совѣтникъ *Дьяченко* и потомственный почетный гражданинъ *Швецовъ* — почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый — Изюмскаго, а второй — Троицко-Санскаго Алексѣевскаго, оба на три года, изъ нихъ *Швецовъ* съ 1-го января.

(15-го января 1908 года, № 4). *Объявляется Высочайшая благодарность* директору Императорскаго археологическаго института въ С.-Петербургѣ, тайному совѣтнику Николаю *Покровскому* — за лично-усердную службу.

(21-го января 1908 года, № 6). *Опредѣляются на службу*, изъ оставшихъ: докторъ ботаники, статскій совѣтникъ *Каменскій* — ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета, по кафедрѣ ботаники; губернский секретарь *Ивановъ*, — съ утверженіемъ почетнымъ попечителемъ Елисаветградской гимназіи, согласно избранію, на три года.

Назначаются: адъюнкты — профессора Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III: магистръ химіи, статскій совѣтникъ *Чернай* и инженеръ-технологъ, коллежскіе совѣтники: *Копылевъ* и *Серебровскій* — профессорами того же института: первый — по химіи, а двое послѣднихъ — по прикладной механикѣ и теоріи построенія машинъ, изъ нихъ *Чернай* съ 1-го ноября 1907 г.; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ ботаники, коллежскій секретарь *Арнальди* — ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ ботаники; инспекторъ народныхъ училищъ Подольской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Цыганковъ-Куриленко* и преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Александровскаго, Екатеринославской губерніи, средняго семикласснаго техническаго училища съ

нижнему ремесленному при немъ школоу, статскій совѣтникъ *Садиковъ*—директорами: первый—Барскаго реального училища, а второй—ремесленно-воспитательнаго заведенія имени Н. П. Трапезникова, въ городѣ Иркутскѣ; преподаватели С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I, инженеръ-технологи: статскій совѣтникъ *Лоскевичъ*, коллежскій совѣтникъ *Евангуловъ* и надворный совѣтникъ *Холмогоровъ* и лаборантъ того же института, надворный совѣтникъ *Тизенгольтъ* — въ названный институтъ: первые трое — адъюнкты-профессорами, а послѣдній — исправляющимъ должность адъюнкты-профессора, изъ нихъ: Лоскевичъ по строительному искусству съ архитектурой, Евангуловъ по механической технологіи, Холмогоровъ по прикладной механикѣ и теоріи построенія машинъ и Тизенгольтъ по химіи.

Утверждаются: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета, по кафедрѣ ботаники, докторъ ботаники, титулярный совѣтникъ *Мережковский* — въ исправляемой имъ должности, коллежскій секретарь *Леоновъ* — вновь почетнымъ попечителемъ Скопинскаго реального училища, согласно избранію, на три года; коллежскій совѣтникъ *Асневъ*, отставной подполковникъ *Отталъ* и дворянинъ *Гуаданини*—почетными попечителями гимназій: первый — Тамбовской, второй — Ростовской и послѣдній — Борисоглебской, всѣ, согласно избранію, на три года.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, директоръ частнаго реального училища товарищества педагоговъ, въ Москвѣ, статскій совѣтникъ *Персональный*.

По Императорскому клиническому институту Великой Княгини Елены Павловны. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники, исправляющій должность старшаго ассистента института, докторъ медицины *Вестерриксъ* — со 2-го іюня 1907 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники, сверхштатный ассистентъ института, докторъ медицины *Иновскій*—съ 25-го апрѣля 1907 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники: сверхштатные ассистенты института: лекаръ *Протопоповъ*—съ 23-го іюля 1907 г., лекаръ *Степановъ*—съ 6-го ноября 1906 г. и докторъ медицины *Карловичъ* — съ 7-го сентября 1906 г.

Утверждается въ чинѣ титулярнаго совѣтника, со старшинствомъ, сверхштатный ассистентъ института *Майманъ* — съ 17-го декабря 1902 г., по степени лекаря.

По Оренбургскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу

лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: директоръ Пермскаго Алексіевскаго реальнаго училища *Окурскій*—съ 12-го февраля 1904 г.; правитель канцеляріи попечителя *Молчановъ*—съ 26-го сентября 1907 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Оренбургскаго уѣзда и губерніи *Лашкаревъ*—съ 1-го мая 1906 г.; преподаватели: Нижне-Тагильскаго горнозаводскаго училища, *Вильчковскій*—съ 14-го декабря 1905 г., Оренбургской 1-й женской гимназіи, *Быллеевъ*—съ 1-го іюля 1906 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: преподаватель, исполняющій обязанности инспектора въ горнозаводскомъ отдѣленіи при Пермскомъ Алексіевскомъ реальномъ училищѣ *Тихонравовъ*—съ 10-го декабря 1906 г.; преподаватели: Пермскаго Алексіевскаго реальнаго училища: *Строгановъ*—съ 28-го сентября 1906 г. и *Николаевъ*—съ 29-го марта 1906 г., Красноуфимскаго промышленнаго училища, *Пучковскій*—съ 22-го мая 1907 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: бывшій преподаватель реальнаго училища, нынѣ директоръ Уфимской частной мужской прогимназіи *Завьяловъ*—съ 1-го сентября 1906 г.; преподаватели: Уфимской мужской гимназіи: *Кочуровъ*—съ 1-го сентября 1905 г. и *Шенбертъ*—съ 16-го августа 1905 г., Красноуфимскаго промышленнаго училища, *Мурзасовъ*—съ 1-го марта 1906 г., Нижне-Тагильскаго горнозаводскаго училища, *Лятолій Петровъ*—съ 10-го декабря 1902 г.; врачъ того же училища *Киприанъ Петровъ*—съ 28-го марта 1903 г.; инспекторъ Усольской школы ремесленныхъ учениковъ *Кочеровъ*—съ 23-го февраля 1907 г.; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Камбарской школы ремесленныхъ учениковъ *Дркинъ*—съ 10-го ноября 1903 г.; учитель-инспекторъ Гурьевскаго городского училища *Ломинъ*—съ 1-го іюля 1904 г.; учителя городскихъ училищъ: Осинскаго, *Губинъ*—съ 10-го октября 1906 г., Троицкаго, *Гречкинъ*—съ 18-го іюля 1905 г., Златоустовскаго, *Шретеръ*—съ 10-го іюля 1907 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель Красноуфимской мужской русско-башкирскаго сельско-хозяйственной школы *Филатовъ*—съ 5-го августа 1903 г.; учителя городскихъ училищъ: Камышловскаго, *Сыромятниковъ*—съ 1-го ноября 1904 г., Екатеринбургскаго 1-го, *Устиновъ*—съ 15-го іюля 1904 г., Оренбургскаго 2-го, *Рассторуповъ*—съ 1-го іюля 1907 г.; надзиратель Бирской инородческой учительской школы *Горбуновъ*—съ 28-го августа 1905 г.; учитель приготовительнаго класса Троицкой гимназіи *Пумъ*—съ 1-го февраля 1905 г.; писмоводитель Красноуфимскаго промышленнаго училища *Вяткинъ*—съ 5-го августа 1907 г.; изъ коллежскихъ

секретарей въ титулярные совѣтники: учитель Оронбургскаго 2-го городского училища, *Юдинъ* — съ 9-го августа 1905 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Пермскаго Алексіевскаго реальнаго училища, *Зотинъ* — съ 1-го іюля 1903 г., гимназій: Троицкой, *Долбневъ* — съ 16-го августа 1902 г., Екатеринбургской, *Фортунатовъ* — съ 1-го сентября 1904 г.; изъ губерпскихъ въ коллежскіе секретари, сверхштатный преподаватель Пермскаго Алексіевскаго реальнаго училища *Борманъ* — съ 5-го іюня 1904 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губерпскіе секретари: учитель-завѣдывающий Илецкимъ двухкласснымъ русско-киргизскимъ училищемъ, Уральской области, *Токмаковъ* — съ 1-го августа 1895 г.; учитель Стерлитамакскаго 2-го приходскаго училища *Кылаевъ* — съ 20-го октября 1897 г.; въ коллежскіе регистраторы: почетный смотритель Троицкаго городского училища *Зукеръ*, учитель Стерлитамакскаго 1-го приходскаго училища *Николаевъ*, дѣлопроизводитель дирекціи народныхъ училищъ Пермской губерніи *Тимофьевъ*, писмоводители: Кунгурскаго техническаго, Губына, училища *Поповъ*, Екатеринбургской мужской гимназій, *Кучинъ*, помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Доловъ* (онъ же Осинкинъ), всѣ шесторо — съ 5-го октября 1906 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: коллежскаго ассессора: преподаватели гимназій: Екатеринбургской мужской: *Соловьевъ* и титулярный совѣтникъ *Клеръ*, оба — съ 1-го августа 1903 г., Пермской Маріинской женской, *Петровъ* — съ 1-го сентября 1901 г., Уральской женской, *Андреевъ* — съ 28-го октября 1902 г., реальныхъ училищъ: Челябинскаго, *Уразовъ* — съ 15-го августа 1900 г., Оренбургскаго, *Незнамовъ* — съ 17-го іюня 1903 г., руководитель практическихъ работъ въ механическихъ мастерскихъ Красноуфимскаго промышленнаго училища *Хвастуновъ* — съ 15-го августа 1903 г.; инспекторъ Златоустовскаго ремесленнаго училища инженеръ-технологъ, коллежскій секретарь *Шахунинъ* — съ 1-го іюля 1907 г.; титулярнаго совѣтника, завѣдывающимъ Симской, Уфимской губерніи, низшей ремесленной школой *Костаревъ* — съ 1-го августа 1902 г.; коллежскаго секретаря: учителя городскихъ училищъ: Красноуфимскаго, *Литвиненко* — съ 1-го августа 1900 г., Пермскаго 1-го, *Фирфаровъ* — съ 11-го сентября 1900 г.

(28-го января 1908 года, № 7). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники, дѣлопроизводитель VIII класса, старшаго оклада, департамента народнаго просвѣщенія *Бодановъ* — съ 10-го ноября 1907 г.; изъ ти-

тулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры, журналистъ отдѣла промышленныхъ училищъ *Сунцовъ*—съ 1-го января 1908 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники, бухгалтеръ управления пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ *Стефановичъ*—съ 1-го ноября 1907 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари, канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія *Матвѣевъ*—съ 1-го октября 1907 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари: канцелярскіе чиновники департаментовъ: народнаго просвѣщенія, *Филипповъ*—съ 5-го августа 1906 г. и департамента общихъ дѣлъ: *Пайкуль* и *Самойловъ*, оба — съ 1-го января 1908 г.; въ коллежскіе регистраторы: канцелярскіе служители департамента общихъ дѣлъ: *Вешняковъ* и *Урбанъ*, оба съ 1-го января 1908 г.

По С.-Петербургскому учебному округу. Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники: учитель Порховскаго городского училища *Васильевъ*—съ 15-го августа 1904 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ С.-Петербургскаго частнаго реальнаго училища К. Мая *Симманъ-Вамбола*—съ 1-го октября 1907 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры, помощникъ классныхъ наставниковъ Вологодскаго Александровскаго реальнаго училища *Орловъ*—съ 1-го января 1907 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники: бывшіе помощники классныхъ наставниковъ: С.-Петербургской гимназій Императорскаго человеколюбиваго общества, нынѣ въ отставкѣ *Сычевъ*—съ 1-го сентября 1905 г. и С.-Петербургскаго частнаго реальнаго училища Богинскаго, нынѣ причисленный къ министерству *Корнутако* — съ 1-го іюня 1906 г.

Переименовывается, въ коллежскіе секретари, со старшинствомъ, директоръ Архангельскаго низшаго механико-техническаго училища, отставной поручикъ арміи, инженеръ-электрикъ *Пономаревъ*—съ 7-го августа 1907 г.

По Западно-Сибирскому учебному округу. Производятся за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники, наставникъ Семипалатинской учительской семинаріи *Степановъ*—съ 1-го августа 1906 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: первый учитель Семипалатинскаго пятикласснаго городского училища *Самойловъ*—съ 19-го апрѣля 1907 г.; учитель Барнаульскаго реальнаго училища Императора Николая II *Верещанинъ*—съ 15-го іюля 1907 г.; учителя Томской гимназій: *Слободскій*—съ 1-го августа 1907 г. и

Юдинъ—съ 17-го сентября 1907 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: учитель, исполняющій обязанности инспектора Омской гимназіи *Барилоничъ*—съ 20-го іюня 1906 г.; инспекторъ народныхъ училищъ третьяго района Тобольской губерніи *Ивченко*—съ 1-го іюля 1906 г.; изъ титулярныхъ советниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель-инспекторъ Курганскаго четырехкласснаго городского училища *Голендухинъ*—съ 1-го ноября 1903 г.; четвертый учитель Семипалатинскаго пятикласснаго городского училища *Донскихъ*—съ 19-го апрѣля 1907 г.; исправляющій должность учителя-инспектора Кочетавскаго трехкласснаго городского училища *Горбачевъ*—съ 1-го августа 1907 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные советники*: учитель Тюкалинскаго двухкласснаго городского училища *Ермльевъ*—съ 1-го іюля 1905 г.; исправляющій должность учителя Омскаго пятикласснаго городского училища *Багряновскій*—съ 1-го августа 1907 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учитель Томской Маріинской женской гимназіи *Ордынскій*—съ 17-го января 1903 г.; дѣлопроизводитель при директорѣ народныхъ училищъ Акмолинской и Семипалатинской областей *Кабановъ*—съ 17-го августа 1907 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: бывшій помощникъ учителя городского училища, нынѣ первый учитель Акмолинскаго трехкласснаго городского училища *Туруникъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; учителя приходскихъ городскихъ училищъ: Омскаго Гоголевскаго, *Медведевъ*—съ 15-го мая 1904 г., Тобольскаго Андреевскаго, *Сумтьвичъ*—съ 16-го іюня 1905 г. и Омскаго Воскресенскаго, *Вруччинскій*—съ 1-го августа 1907 г.; письмоводитель Петропавловскаго реальнаго училища *Морилловъ*—съ 10-го августа 1907 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго советника*, инспекторъ народныхъ училищъ перваго района Тобольской губерніи, коллежскій ассессоръ *Соколовъ*—съ 1-го января 1900 г.; *коллежскаго ассессора*: учителя Томской гимназіи: *Васильевскій*—со 2-го іюня 1903 г., *Ичасъ*—съ 1-го іюля 1903 г., Петропавловскаго реальнаго училища *Шеневъ*—съ 1-го августа 1903 г. и *Вируть*—съ 1-го сентября 1903 г. и Семипалатинской гимназіи, *Козловъ*—съ 1-го августа 1903 г.; *коллежскаго секретаря*, помощникъ классныхъ наставниковъ Семипалатинской гимназіи *Гордлевъ*—съ 1-го августа 1903 г.; *коллежскаго регистратора*, бывшій помощникъ учителя Акмолинскаго трехкласснаго городского училища, нынѣ исправляющій должность втораго учителя, того же училища *Токаревъ*—съ 20-го октября 1900 г.

II. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (18-го декабря 1907 года, № 28929). *По вопросу о порядке допущенія постороннихъ лицъ къ испытаніямъ изъ полного курса мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.*

Высочайше одобреннымъ, въ 8-ой день сего декабря, положеніемъ совѣта министровъ постановлено: испытанія зрѣлости и другія дополнительные испытанія изъ полного гимназическаго курса, а также изъ полного курса предметовъ, преподаваемыхъ въ реальныхъ училищахъ, производятся постороннимъ лицамъ какъ въ названныхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ состоящихъ при управленіяхъ учебныхъ округовъ испытательныхъ комитетахъ, со взиманіемъ съ экзаменующихся десятирублеваго взноса въ пользу экзаменаторовъ на общихъ основаніяхъ, указанныхъ въ статьяхъ 1501 и 1723 уставовъ ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній (св. зак. т. XI, ч. I, изд. 1893 года и по прод. 1906 г.).

Сообщая объ этомъ вашему превосходительству, для надлежащаго распоряженія и руководства по ввѣренному вамъ учебному округу, считаю необходимымъ преподать вамъ слѣдующія дополнительные указанія.

Предоставленіемъ постороннимъ лицамъ права держать испытанія изъ полного курса мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ какъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ испытательномъ комитетѣ при управленіи учебнаго округа, педагогическимъ совѣтамъ дается нынѣ полная возможность, во избѣжаніе чрезмѣрнаго обремененія преподавательскаго персонала и нарушенія правильности учебныхъ занятій, ограничивать, по соображенію съ мѣстными условіями, число постороннихъ лицъ, допускаемыхъ въ томъ или другомъ среднемъ учебномъ заведеніи къ упомянутымъ испытаніямъ. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что педагогическіе совѣты не должны пользоваться указаннымъ правомъ безъ особой въ томъ нужды. При этомъ желательно, чтобы постороннія лица изъ мѣстныхъ обывателей не лишались возможности экзаменоваться въ учебномъ заведеніи того города, гдѣ они постоянно проживаютъ. Поэтому, въ случаѣ наплыва постороннихъ лицъ, ходатайствующихъ о допущеніи въ испытанію изъ полного курса гимназій или реального училища, педагогическіе совѣты должны принимать во вниманіе мѣсто жительства просителей и отклонять просьбы преимущественно лицъ иногороднихъ, направляя ихъ

въ тотъ городъ, гдѣ имѣеть мѣстопробываніе попечитель учебнаго округа и гдѣ они могутъ держать экзаменъ въ испытательномъ комитетѣ.

Точно также и испытательные комитеты при управленіи учебнаго округа имѣють своимъ назначеніемъ производство испытаній главнымъ образомъ лицамъ, имѣющимъ постоянное пребываніе въ предѣлахъ даннаго учебнаго округа. Поэтому, если число желающихъ экзаменоваться въ испытательномъ комитетѣ при управленіи учебнаго округа будетъ настолько значительно, что производство испытаній всѣмъ экстернамъ можетъ оказаться затруднительнымъ, то отъ усмотрѣнія учебно-окружнаго начальства зависитъ по допускать къ испытанію тѣхъ лицъ, которыя прибыли изъ другого учебнаго округа.

Что касается, наконецъ, организаціи производства испытаній въ испытательномъ комитетѣ при управленіи учебнаго округа, то, представляя выработку всѣхъ подробностей этой организаціи учебно-окружному начальству, я, съ своей стороны, полагаю бы возможнымъ установить, чтобы испытанія изъ полного курса мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ производились въ означенныхъ комитетахъ, примѣрно, по два раза въ каждое изъ учебныхъ полугодій.

2. (2-го января 1908 года, № 11). *По вопросу о воспрещеніи перехода среди учебнаго года лицъ педагогическаго персонала на службу изъ одного учебнаго заведенія въ другое.*

Циркулярнымъ распоряженіемъ отъ 1-го іюля 1872 г., за № 6067, министерство народнаго просвѣщенія воспретило переходъ среди учебнаго года лицъ педагогическаго персонала на службу изъ одного учебнаго заведенія въ другое, даже въ предѣлахъ того же учебнаго округа, такое распоряженіе было подтверждено и циркуляромъ отъ 16-го ноября 1900 г. за 29840.

Тѣмъ не менѣе означенное распоряженіе, по имѣющимся въ министерствѣ свѣдѣніямъ, нерѣдко обходится лицами педагогическаго персонала, которыя, желая перемѣнить мѣсто службы въ теченіе учебнаго года, но не надѣясь на то, что на перемѣщеніе ихъ будетъ изъявлено начальствомъ учебнаго округа согласіе, подаютъ въ такихъ случаяхъ прошенія объ увольненіи ихъ въ первомъ мѣствѣ служенія.

Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе, что несвоевременное оставленіе учителемъ учебнаго заведенія, несомнѣнно, влечетъ за собою серьезный ущербъ для учебнаго дѣла въ виду затруднительности пріискать въ среднѣхъ учебнаго года подходящаго замѣстителя, прошу

ваше превосходительство не допускать означенныхъ выше лицъ, до истеченія учебнаго года, на учительскія должности въ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа.

III. ОТЪ УПРАВЛЕНІЯ ПЕНСИОННОЙ КАССЫ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ.

На 1-ое января 1908 года по отдѣлу XXX специальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія „капиталъ пенсионной кассы народныхъ учителей и учительницъ“ состояло на лицо суммъ, поступившихъ по квитанціямъ главнаго казначейства:

Паличными деньгами 19.458 р. 73 к.
Процентными бумагами на нарицат. сумму . 5.270.790 „ 15 „

Изъ нихъ:

4 ¹ / ₂ % закл. лист. Московскаго земельнаго банка.	220.000	„ — „
„ „ „ Бессар.-Таврическаго „	224.700	„ — „
„ „ „ Донскаго земельнаго „	233.400	„ — „
„ „ „ Полтавскаго земельнаго „	223.900	„ — „
„ „ „ Кіевскаго земельнаго „	235.300	„ — „
„ „ „ Ярослав.-Костромскаго „	220.500	„ — „
„ „ „ Виленскаго земельнаго „	225.600	„ — „
„ „ „ Нижегород.-Самарскаго „	225.100	„ — „
„ „ „ С.-Петербур.-Тулск. поз. банка .	166.500	„ — „
„ „ „ Харьковскаго земельнаго	198.600	„ — „
3, 8% конверсионныя облигаціи .	132.000	„ — „
5% закл. лист. Тифлискаго двор. банка.	127.800	„ — „
4% свидѣт. Крестьянскаго поземельнаго банка	500	„ — „
5% свидѣт. Крестьянскаго поземельнаго банка .	30.200	„ — „
6% именныя обязательства Крестьян. поз. банка	1.040.085	„ 15 „
4% свидѣт. государственной ренты	596.700	„ — „
4 ¹ / ₂ % закл. лист. земск. банка Херсонской губ.	229.600	„ — „
„ облигаціи Московск. гор. кред. общества.	225.800	„ — „
„ „ С.-Петербуриск. гор. кред. общ.	228.700	„ — „
5% внутренній заемъ 1905 года I выпуска.	149.900	„ — „
„ „ „ „ II „	188.000	„ — „
„ Россійскій государственный заемъ 1906 года	98.062	„ 50 „
4% конс. облиг. Россійскихъ жел. д. 1 и 2 серій .	50.062	„ 50 „

Итого 5.270.790 руб. 15 к.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— *„Ney, P. Elemente der deutschen Grammatik. Etymologie, Syntax und Orthographie. Kiew. 1907. 147 S. Preis geb. 60 Kop.“*

— *„Петровъ, Конст. Федор. Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. С.-Пб. 1908. Этимологія въ образцахъ. 14-е изданіе. Стр. 120. Цѣна 40 коп. — Синтаксисъ въ образцахъ. 15-е изданіе. Стр. 128. Цѣна 40 коп.“*

— *„Щербаконъ, С. Курсъ космографіи. 6-е изданіе. Нижний-Новгородъ. 1907. Стр. IV + 220 + карта звѣзднаго неба. Цѣна 1 р. 10 коп.“*

б) въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній:

— *„Welt, J. Deutsches Lesebuch für russische Mittelschulen. Изданіе И. С. Козлова. М. 1907. Стр. IV + 320. Цѣна 1 р. 60 коп.“*

— *„Вернеръ, В. «На честное слово» и «Браконьеръ». Обработала М. А. Целле. (Избр. произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. С. А. Манштейна). Изданіе С. А. Манштейна, 2-е. С.-Пб. 1908. Стр. 98 (текста) + 55 + 42 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 50 коп. въ перепл.“*

— *„Hauff, W. Lichtenstein. Illustrierte Schulausgabe von P. Ney. (Deutsche Autoren. Band 23). Kiew. 1907. 176 + 77 S. Preis geb. 80 Kop.“*

— *„Додъ, Альфонсъ. Малышъ. Обработалъ В. Ф. Кленцъ. (Избр. произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. С. А. Манштейна). Изданіе С. А. Манштейна, 3-е. С.-Пб. 1908. Стр. 116 (текста) + 93 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 65 коп. въ перепл.“*

— *„Кирпичникова, Е. А. Новая книга для чтенія. Часть I. Хрестоматія. Изданіе 2-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. VIII + 312. Цѣна 80 коп.“ (для приготовительныхъ классовъ).*

— „*Ливій, Титъ*. Книга XXI. Нашествіе Аннибала. Объяснилъ *Ө. Зльинскій*. (Илл. собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, подъ ред. *Льва Георгиевскаго* и *Сергья Манштейна*). Изданіе 6-е. С.-Пб. 1908. Ч. I: Текстъ. Стр. 57 + 2 карты.—Ч. II: Комментарій. Стр. 164. Цѣна за обѣ части 1 р.“

— „*де-Местръ, Ксавье*. Параша сибирячка. Объяснила *А. М. Пллыгъ*. (Избр. произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе 5-е, С. А. Манштейна. С.-Пб. 1908. Стр. 84 (текста) + 79 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 50 коп. въ перепл.“

— „*Neu, P., M. Brunneck und L. Behrsin*. Lehrbuch der deutschen Sprache. I und II Schuljahr (Vorstufe zu den «Deutschen Autogram»). Kiew 1907. 196 S. Preis geb. 1 Rbl.“ (для всѣхъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподается нѣмецкій языкъ).

— „*Овидій Назонъ, II*. Избранныя стихотворенія. Объяснилъ *И. В. Нетушилъ*. (Илл. собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, подъ ред. *Льва Георгиевскаго* и *Сергья Манштейна*). Изданіе 7-е. С.-Пб. 1908. Ч. I: Текстъ. Стр. 94.—Ч. II: Комментарій. Стр. 175. Цѣна за обѣ части 1 р.“

— „*Сувестръ*. Избранные рассказы изъ сочиненія *Au coin du feu*. Обработалъ *В. М. Бараневскій*. (Избр. произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе С. А. Манштейна, 5-е. С.-Пб. 1908. Стр. 96 (текста) + 83 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 60 коп. въ перепл.“

— „*Цезарь, Гай Юлій*. Записки о Галльской войнѣ. Книга VI. Объяснилъ *Николай Наумовъ*. (Илл. собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, подъ ред. *Льва Георгиевскаго* и *Сергья Манштейна*). Изданіе 4-е. С.-Пб. 1908. Ч. I: Текстъ. Стр. 24 + 1 карта.—Ч. II: Комментарій. Стр. 62. Цѣна за обѣ части 40 коп.“

— „*Цицеронъ, М. Туллій*. Рѣчь противъ Катиллины. Объяснилъ *И. Нетушилъ*. (Илл. собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, подъ ред. *Льва Георгиевскаго* и *Сергья Манштейна*). Изданіе 6-е. С.-Пб. 1908. Ч. I: Текстъ. Стр. 47.—Ч. II: Комментарій. Стр. 108. Цѣна за обѣ части 50 коп.“

3. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи учебническихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Вишневскій, С. М.* Какъ намъ жить, чтобъ здоровыми быть.“

Изданіе 4-е, испр., бр. Башмаковыхъ. С.-Пб. 1907. Стр. IV + 388. Цѣна 1 р.“

— „Вопросы физики. Изданіе физическаго отдѣленія русскаго физико-химическаго общества. Редакторъ *В. К. Лебединскій*. С.-Пб. 1907. Выпуски 1—10. Стр. 405. Цѣна по подпискѣ 2 р.“

— „Гоголь на родинѣ. Альбомъ художественныхъ фототипій и гелио-гравюръ, относящихся къ памяти Н. В. Гоголя. Изданіе *И. Ц. Хмѣлевскаго* въ Полтавѣ. Стр. 8 + 42 табл. Цѣна 10 р., въ перепл. 12 р.“

— „*Грибовскій, В. М.* Памятники русскаго законодательства XVIII столѣтія. Вып. I. (Эпоха Петровская). С.-Пб. 1907. Стр. 208.“

— „*Дестунисъ, Софія*. Библия, пересказанная дѣтскимъ старшаго возраста. Изд. *И. Л. Тузова*. С.-Пб. 1906. Стр. 708 + 4. Цѣна 4 р.“

— „*Козеровскій, Н. I.* Доблести русскихъ воиновъ. Издано при содѣйствіи канцеляріи Императорской Главной Квартіры. С.-Пб. Стр. 191. Цѣна не обозначена.“

— „*Лезинъ, Б. А.* Вопросы теоріи и психологіи творчества. Харьковъ. 1907. Стр. 2 + 445. Цѣна 2 р. 50 к.“

— „*Павловскій, И. Фр.* Битва подъ Полтавою 27-го іюня 1709 года и ея памятники. Полтава. 1908. Стр. VII + 243 + XXXIII. Цѣна 2 р.“

— „*Семалъ, С. Л.* Курсъ гігіены. Изданіе (второе) Донскаго общества воспитанія бѣдныхъ дѣтей. Новочеркасскъ. 1907. Стр. 195 + III. Цѣна 1 р.“

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ классному употребленію въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Киселевъ, А.* Краткая арифметика. Изд. 12-е, *В. В. Думнова*. М. 1908. Стр. 140. Цѣна 35 коп.“ (для городскихъ училищъ и низшихъ женскихъ уч. зав.).

— „*Leder, Albert*. Deutsches Lesebuch für mehrklassige Schulen. 2. Teil. Verlag von Ludwig Fischer. Lodz. 1907. 199 S. Preis geb. 65 Кор.“ (для нач. учил. съ нѣмецк. преподав. языкомъ).

— „*Львовичъ, А.* Родная рѣчь. Часть I. Одесса. 1908. Стр. 175. Цѣна 25 коп.“ (для еврейск. нач. учил.).

— „Потная азбука. Изд. 2-е, исп. и доп. С.-Пб. Стр. 8. Цѣна 2 коп.“

б) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Ассонова, Ольга*. Святая война. Повѣсть для юношества изъ временъ перваго крестоваго похода. М. 1905. Стр. 68. Цѣна 30 коп.“

— „*Вульфсонъ, Э. С.* Эсты, ихъ жизнь и нравы. Изд. А. С. На-нафинкой. (Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ). М. 1908. Стр. 74. Цѣна 15 коп.“

— „Для младшихъ. 1-я книжка. Изд. М. Н. Слѣпцовой. («Книжка за книжкой»). С.-Пб. 1907. Стр. 137. Цѣна 40 коп.“

— „*Іоаннъ Златоустъ*. Золотое слово вселенскаго учителя нынѣшнему вѣку. Избранныя бесѣды. Къ 1500-лѣтію со дня кончины святителя. Изд. маг. «Вѣра и знаніе». С.-Пб. 1907. Стр. VI+136. Цѣна 60 коп.“ (для городск. учил.).

— „*Кирюшинъ, Е. Д.* Вычисленіе на счетахъ. М. 1907. Стр. 109. Цѣна 75 коп.“

— „*Круммахеръ*. Двадцать избранныхъ притчъ. («Книжка за книжкой», кн. 23-я). Изд. М. Н. Слѣпцовой. С.-Пб. 1903. Стр. 39. Цѣна 10 коп.“

— „*Ломъ, В.* Школа лѣсовъ. Разказы. Вып. III. Богатырь лѣсовъ и др. разказы. Переводъ съ англ. *А. Ульяновой*. (Библіот. И. Горбунова-Посадова). М. 1907. Стр. 100. Цѣна 40 коп.“

— „*Мироносицкій, П.* Лепта. 3-е изд., т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“

— „*Никольскій, А. М.* Подъ открытымъ небомъ. Разказы для дѣтей. Харьковъ. 1908. Стр. 250. Цѣна 1 р. 80 коп.“

— „*Романовъ, Е. Р.* Старина доисторическая Сѣверо-Западнаго края. Популярный очеркъ. Вильна. 1908. Стр. 46. Цѣна 20 коп.“ (для городск. учил.).

— „*Томпсонъ-Сстонъ, Э.* По слѣдамъ оленя. Изд. В. М. Саблина. М. Стр. 68. Цѣна 75 коп.“

— „*Чистякова-Вэръ, Е. М.* Въ доброй часъ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей, составленный по англійскимъ и американскимъ писателямъ. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. Стр. 211. Цѣна 1 р. въ папѣ“.

2. Допустить условно слѣдующую книгу:

а) въ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Ярошевскій, К. Ѡ.* Краткій курсъ естественной исторіи. Часть 3-я. Описанію человѣческаго тѣла съ гистологическими указаніями, общій обзоръ животныхъ и растений и краткія свѣдѣнія изъ физической геологіи. Изд. 21-е. М. 1907. Стр. 341—VII. Цѣна 1 р. 55 коп.“ (для городскихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе было исправлено согласно замѣчаніямъ учснаго комитета).

Опредѣленіемъ отдѣла учснаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Сохранить въ настоящее время за журналомъ „Юнал Россія. Журналъ для семьи и школы, подъ ред. *Д. И. Тихомирова.* Москва.“ допущеніе къ выпискѣ лишь въ ученическія библіотеки городскихъ, по Положенію 1872 года, училищъ, и притомъ на одинъ только 1908 годъ¹⁾.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія учснаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденными министерствомъ, постановлено:

¹⁾ Согласно циркулярному распоряженію министерства 5-го февраля 1906 г., № 2683, педагогическимъ совѣтамъ среднихъ учебныхъ заведеній предоставлено руководствоваться собственнымъ усмотрѣніемъ при выборѣ книгъ въ ученическія библіотеки этихъ заведеній.

— 1) „*П. И. Межеричеръ*. Техническое черченіе. Расчеты вычерчиванія главнѣйшихъ деталей машинъ. Изд. 3-е. С.-Пб. 1907 г. Цѣна 2 р. 25 коп.“ — признать заслуживающимъ допущенія въ качествѣ учебнаго пособия въ ремесленные и низшія техническія училища, при условіи пониженія цѣны книги для пріобрѣтенія ея учебными заведениями до 1 р. 50 к. за экземпляръ;

— 2) „*Гедеръ*. Большой двигатель внутреннего горѣнія. Перев. съ нѣм. В. В. Варенова. С.-Пб. 1907 г. Цѣна 50 коп.“ — признать заслуживающимъ одобренія въ качествѣ учебнаго пособия, для учебныхъ библиотекъ ремесленныхъ и техническихъ училищъ;

— 3) „*М. Е. Соловьевъ*. Элементарная геологія. Курсъ среднихъ горно-техническихъ училищъ. Изд. 2-е С.-Пб. 1907 г.“ — допустить, въ качествѣ пособія, въ библиотеки тѣхъ среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ, въ которыхъ преподается геологія, и

— 4) „*М. Е. Соловьевъ*. 16 кристаллографическихъ сѣтокъ. С.-Пб. 1907 г.“ — допустить, въ качествѣ пособія, въ библиотеки тѣхъ среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ, въ которыхъ преподается кристаллографія.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

рассмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

— „*Баулина, А.* Руководство къ веденію дѣтскихъ подготовительныхъ школъ. С.-Пб. 1907. Стр. 51. Цѣна 50 коп.“

— „*Вульфсонъ, Э. С.* Какъ живутъ сарты. Изд. А. С. Панафилиной. (Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ занимается). М. 1908. Стр. 117. Цѣна 30 коп.“

— „*Дневникъ писателя.* Ежемѣсячное общедоступное изданіе А. В. Круглова. Годъ 1-й. Январь по декабрь. М. 1907. Цѣна за годъ съ перес. 3 р.“

— „*Иоаннъ Златоустъ.* Золотое слово вселенскаго учителя нынѣшнему вѣку. Избранныя бесѣды. Къ 1500-лѣтію со дня кончины святителя. Изд. маг. «Вѣра и знаніе». С.-Пб. 1907. Стр. VI+136. Цѣна 60 коп.“

— „*Козеровскій, Н. І.* Доблести русскихъ воиновъ. Издаемо при

содѣйствіи канцеляріи Императорской Главной Квартіры. С.-Пб. Стр. 131. Цѣна не обозначена.“

— „*Нечаевъ, А. П.* Очерки изъ жизни и исторіи земли. Изд. т-ва Н. Д. Сытина. (Библиотека для всѣхъ). М. 1908. Работа льда. Стр. 95. Цѣна 35 коп.—Работа рѣкъ и ручьевъ. Стр. 128. Цѣна 40 коп.—Работа подземной воды. Стр. 103. Цѣна 40 коп.“

— „*Никольскій, А. М.* Подъ открытымъ небомъ. Разказы для дѣтей. Харьковъ. 1908. Стр. 250. Цѣна 1 р. 80 коп.“

— „*Павловскій, И. Фр.* Битва подъ Полтавой 27-го іюня 1709 года и ея памятники. Полтава. 1908. Стр. VII + 243 + XXXIII. Цѣна 2 р.“

— „*Романовъ, Е. Р.* Старина донсторическая Сѣверо-Западнаго вряя. Популярный очеркъ. Вильна 1908. Стр. 46. Цѣна 20 коп.“

ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Второе соисканіе премій имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника **О. В. Езерскаго.**

I.

Для соисканія въ 1908 году премій имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника **О. В. Езерскаго**, учрежденныхъ при ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, назначена была „Русская хрестоматія для дѣтей отъ 10 лѣтъ“.

Для разсмотрѣнія представленныхъ къ установленному сроку 4-хъ сочиненій [3—рукописныхъ—1. Хрестоматія „Свѣтъ“. Для дѣтей отъ 10 лѣтъ. Книга вторая. Составилъ *Флегонтъ Мясниковъ*, учитель 3-го училища имени Павла Пономарова въ г. Иркутскѣ; 2. *В. Яковичъ* (гор. Тамбовъ). Хрестоматія для дѣтей, представляемая на конкурсѣ на соисканіе премій **О. В. Езерскаго**, съ эпиграфомъ: „Двадцатый вѣкъ—вѣкъ ребенка“. Миссъ Эленъ Кей; 3. Родникъ. Книга для чтенія въ классѣ и дома. Составилъ *Н. Мироновъ* (гор. Ковровъ)—и 1 печатнаго: „Въ родномъ мѣрѣ“. Хрестоматія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній (чтеніе въ классѣ и дома). Часть I. Составили: *Н. В. Пуцило, М. М. Лебедкина*. С.-Пб. 1908. Стр. XVI+376 in 8°] при ученомъ комитетѣ была образована особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета.

И. А. Шляпкина, изъ членовъ комитета И. О. Анненскаго, С. О. Глинки и В. В. Синовскаго и преподавателя Коломенской женской гимназіи Н. К. Козмина съ приглашеніемъ къ участію въ ней, согласно § 11 Положенія о преміяхъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника О. В. Езерскаго.

Комиссія, обсудивъ на основаніи подробныхъ рецензій своихъ членовъ достоинства переданныхъ ей для разсмотрѣнія сочиненій, представила свое заключеніе о нихъ въ ученый комитетъ, который по всестороннему обсужденію какъ этого заключенія, такъ и подробныхъ отзывовъ о разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ, постановилъ представить на благоусмотрѣніе г. министра нижеслѣдующее свое заключеніе:

1. Признавая именѣ дѣйствующую редакцію § 7 Положенія о преміяхъ имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника О. В. Езерскаго стѣснительной, измѣнить ее и изложить § 7 слѣдующимъ образомъ: „За сочиненіе, удовлетворяющее условіямъ конкурса, присуждается автору премія въ 500 р.; при отсутствіи сочиненія достойнаго полной преміи, послѣдняя можетъ быть раздѣлена на части по усмотрѣнію ученаго комитета, съ тѣмъ, однако, чтобы размѣръ каждой изъ неполныхъ премій не былъ ниже 100 р.“;

2. Присоединяясь къ заключенію комиссіи о достоинствахъ конкурсныхъ сочиненій и признавая, что ни одно изъ нихъ не заслуживаетъ полной преміи, но всѣ достойны нѣкотораго поощренія, испросить разрѣшенія министерства на примѣненіе § 7 въ новой его редакціи и на выдачу премій въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

а) автору рукописнаго сочиненія „Родникъ“, Н. Миронову, выдать 200 р.

б) авторамъ прочихъ сочиненій [„Свѣтикъ“, Хрестоматія съ эпиграфомъ: „Двадцатый вѣкъ—вѣкъ ребенка“ и „Въ родномъ мирѣ“] гг. Мясникову, Яковичу и г-жамъ Лебедкиной и Пуцило (совмѣстно)—по 100 р.

Такое постановленіе ученаго комитета утверждено г. министромъ.

II.

На соисканіе премій имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника О. В. Езерскаго въ 1911 году (третья очередь) назначена, согласно § 3 Положенія о сихъ преміяхъ, тема: „Краткая отечественная исторія“.

Конкурсныя сочиненія на эту тему должны удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ:

1) Краткая отечественная исторія для чтенія учениковъ младшихъ классовъ средней школы должна преслѣдовать тѣ же цѣли, какія поставлены эпизодическому курсу русской исторіи, проходящему въ первыхъ двухъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ.

2) Краткая отечественная исторія должна содержать въ себѣ жизнеописанія государей, іерарховъ, государственныхъ дѣятелей, ученыхъ, путешественниковъ, изобрѣтателей въ связи съ характеристикой важнѣйшихъ историческихъ событій и сторонъ быта.

Не задаваясь цѣлью систематически исчерпать всѣ важнѣйшія событія русской исторіи въ хронологической послѣдовательности, слѣдуетъ налагать избранные сюжеты (біографіи, характеристики событій, бытовые картины) въ такой послѣдовательности и внутренней связи, дабы чтенію книги давало ясное представленіе о смѣнѣ главнѣйшихъ моментовъ родной исторіи.

4) Особенное вниманіе должно быть обращено на простоту, живость, ясность и конкретность изложенія избранныхъ сюжетовъ.

5) Раскрывая высокій нравственный смыслъ жизни и дѣятельности выдающихся русскихъ людей, слѣдуетъ избѣгать общихъ правоучительныхъ разсужденій, легко впадающихъ въ тенденціозность. Нравственная назидательность историческаго чтенія должна почерпаться дѣтми непосредственно изъ конкретнаго и вполне правдиваго историческаго изображенія.

6) Предоставляется усмотрѣнію составителя помѣщеніе стихотворныхъ отрывковъ изъ классическихъ произведеній извѣстной русской литературы на историческія томы, а также изъ памятниковъ народной словесности.

7) Также желательно помѣщеніе въ текстъ иллюстрацій (портретовъ, памятниковъ архитектуры, искусства, вооруженія, быта). Недопустимо помѣщеніе вымышленныхъ портретовъ.

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія не позже 1-го сентября 1910 года и могутъ быть какъ печатныя, такъ и рукописныя. Рукописи будутъ подвергнуты разсмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, если окажутся написанными опрятно и разборчиво. Сочиненія могутъ быть представлены и безъ обозначенія имени автора, подъ какимъ либо девизомъ, съ приложеніемъ пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто-жительство.

УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО МУЗЕЯ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

(С.-Петербургъ, Солной Городокъ)

симъ объявляютъ, что по конкурсу 1907 года премія имени *Константина Дмитриевича Ушинскаго* присуждена не была. Слѣдующій конкурсъ назначенъ въ 1910 году.

Условія конкурса:

1) Конкурсу подлежатъ сочиненія какъ рукописныя, представленныя для этой цѣли въ Педагогическій музей, такъ и печатныя, вышедшія въ свѣтъ не ранѣе 1907 г.

2) Рукописи, представляемыя на конкурсъ въ 1910 г., доставляются въ Педагогическій музей не позже 1-го мая того же года. Онѣ должны быть написаны на русскомъ языкѣ и четкимъ почеркомъ. Въ случаѣ желанія автора скрыть свою фамилію, дозволяется снабжать рукописи девизомъ и прилагать особый запечатанный пакетъ съ тѣмъ же девизомъ и со вложеніемъ въ него записки съ обозначеніемъ фамиліи автора и его мѣстожительства.

Примѣчаніе. Представленные на конкурсъ рукописи могутъ быть взяты обратно или самими авторами или по довѣренности, надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованной.

3) Печатныя сочиненія рассматриваются или по просьбѣ автора, или по указанію кого-либо изъ членовъ учебно-воспитательнаго комитета.

Примѣчаніе. Время представленія ихъ авторами (не менѣе, какъ въ пяти экземплярахъ) то же, что и для рукописей.

4) Премія будетъ присуждена ко дню годовщины смерти К. Д. Ушинскаго, 21-го декабря 1910 года, за выдающійся по своимъ достоинствамъ педагогическій трудъ одного изъ слѣдующихъ родовъ:

а) книги для класснаго чтенія, предназначаемыя для народныхъ школъ (сельскихъ, городскихъ, воскресныхъ и т. п.), какъ общеобразовательнаго, такъ равно и литературнаго, историческаго, географическаго или естественно-историческаго содержанія ¹⁾.

¹⁾ Желательныя требованія, какія должна удовлетворять книга для класснаго чтенія, напечатаны въ „Краткомъ обзорѣ дѣятельности Педагогическаго Музея за 1898—1899 учебный годъ.“ (Иркутскъ I-II, стр. 66).

б) сочиненія, обнимающія методикѣ всѣхъ предметовъ начальной народной школы или группы предметовъ и наконецъ одного какого-либо предмета;

в) сочиненія общепедагогическаго характера: по исторіи народнаго образованія въ Россіи, по исторіи движенія педагогическихъ идей въ Россіи, по организаціи русской народной школы и т. п.;

и г) по исторіи и организаціи женскаго образованія въ Россіи.

5) Размѣръ преміи составляетъ 900 рублей; премія эта можетъ быть раздѣлена на двѣ: въ 600 рубл. и 300 рубл.

6) Преміи за рукописныя сочиненія выдаются только по напечатаніи ихъ, и въ такомъ случаѣ до выдачи автору преміи ему выдается удостовѣреніе о присужденіи преміи. Право на полученіе преміи сохраняется за авторомъ рукописнаго сочиненія въ теченіе 3-хъ лѣтъ.

7) Премія, не взятая авторомъ въ теченіе трехлѣтняго срока, причисляется къ основному капиталу, послѣ чего авторъ теряетъ право на полученіе ея.

8) Рецензія того сочиненія, которое удостоится преміи, и протоколъ о присужденіи ея будутъ напечатаны въ Обзорѣ дѣятельности Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній за 1910—1911 учебный годъ, а о присужденіи преміи своевременно будетъ объявлено въ газетахъ.

КЪ АНАЛИЗУ ВОСТОЧНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ О ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПѢ ¹⁾.

16. Русы Ибн-Фадлана.

Гдѣ встрѣтилъ Ибн-Фадланъ русовъ: въ Итиль или въ Булгарѣ, въ Хазаріи или Болгаріи? „Я видѣлъ русовъ, говоритъ Ибн-Фадланъ, когда они пришли со своими товарами и расположились по рѣкѣ Итиль“. Фроизъ оставляетъ вопросъ открытымъ, замѣчая въ введеніи къ своему Ибн-Фадлану, на стр. LVII: „По дорогѣ въ Булгарѣ или же на возвратномъ пути онъ встрѣтился на Волгѣ съ русами“. Савельевъ въ своей Мухаммеданской нумизматикѣ LIX—LXI высказывается голословно въ пользу Булгара. Гаркави Сказанія 109 — 110 соглашается съ Савельевымъ и обращаетъ вниманіе на скрывающіеся въ Запискѣ слабыя намеки относительно мѣста свиданія Ибн-Фадлана съ русами. „Во-первыхъ, въ пользу Булгара можно привести обстоятельство, что русы, по словамъ Записки, расположились не въ самомъ городѣ, а по Волгѣ, гдѣ у нихъ была священная роща, значить городъ былъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки, что согласно съ показаніемъ автора записки..., что Булгарѣ отстоялъ отъ Волги менѣе, чѣмъ на фарсангъ“. На это можно возразить, что въ своей Запискѣ Ибн-Фадланъ нигдѣ не говоритъ о какой бы то ни было рощѣ, а только объ идолахъ и вставленныхъ за ними въ землю высокихъ столбахъ, и даже если бы таковая существовала, она могла бы находиться и на Волгѣ подлѣ Итиля, нѣсколько выше или ниже его. „Вторымъ указаніемъ на Булгарѣ можетъ служить показаніе Ибн-Фадлана, что онъ видѣлъ, какъ мертвецъ почернѣлъ отъ холода этой

¹⁾ Окончаніе. См. февральскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1908 г.

страны", — что по мнѣнію Гаркави болѣе подходитъ къ Камской Болгаріи, чѣмъ къ землѣ хазарь. Но такой аргументъ мало убѣдителенъ, такъ какъ мы совсѣмъ не знаемъ, въ какое время года происходилъ обрядъ сожженія покойника.

Въ пользу Булгара Гаркави могъ бы, пожалуй, указать еще на слѣдующія обстоятельства. Видимое обиліе дѣса по Волгѣ, если судить по нѣкоторымъ мѣстамъ. Заниски, говоритъ скорѣе за окрестности Булгара, чѣмъ Итиля. Далѣе, если бы встрѣча состоялась въ Итилѣ, то не совсѣмъ понятно, какъ это Ибн-Фадланъ раньше не выдалъ русовъ въ Булгарѣ, въ которомъ онъ провелъ по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ, или же въ Итилѣ, гдѣ по Масуди и Ибн-Хаукалю русы вмѣстѣ со славянами проживали въ той части города, которая зовется Хазраномъ.

Цѣлью арабскаго посольства было насажденіе вѣры Магомета въ землѣ болгаръ и постройка крѣпостцы. Выѣхавъ изъ Гургенджа (Куяя Ургенчъ), столицы Ховарезма (Хивы), посольство достигло Булгара въ воскресенье 12-го мугаррема 310 года, т. е. 11-го мая 922 года, пробывъ 70 дней въ дорогѣ. Уже по этому становится весьма вѣроятнымъ, что Ибн-Фадланъ сначала направился прямо на Булгаръ, не заѣхавъ въ Итиль, лежащій значительно въ сторонѣ отъ прямого пути. Слѣдующее соображеніе рѣшаетъ дѣло окончательно. Мугарромъ это *первый* мѣсяць 310 года. А изъ записки Ибн-Фадлана (De Chazaris Френа, С.-Пб. 1822 г.: Anno trecentesimo decimo (922 p. C.) Rex, asserto nuncio Muhammedanos...) явствуетъ, что Ибн-Фадланъ въ томъ же 310 году посѣтилъ Итиль. Если бы онъ до своего прѣѣзда въ Булгаръ, лежащій немного ниже устья Камы, побывалъ въ Итилѣ, находящійся въ ста верстахъ отъ Каспійскаго моря, то оказалось бы, что арабское посольство совершило проѣздъ изъ Итиля въ Булгаръ въ промежутокъ времени не болѣе одиннадцати дней, — вещь немислимая. Итакъ слѣдуетъ считать доказаннымъ, что Ибн-Фадланъ раньше посѣтилъ Булгаръ, а потомъ въ томъ же 310 году на возвратномъ пути заѣхалъ въ Итиль.

Въ Булгарѣ посольство въ видахъ исполненія возложенной на него миссиіи провело безспорно гораздо больше времени, чѣмъ въ Итилѣ. Булгаръ лежитъ гораздо ближе къ родинѣ русовъ, спускавшихся по Волгѣ съ товарами. Этихъ соображеній уже достаточно, мнѣ кажется, для выясненія вопроса, гдѣ Ибн-Фадланъ впервые выдалъ русовъ. Но рѣшающее значеніе все-таки имѣетъ упоминаніе Ибн-Фадланомъ дерева халонджъ (сосна) въ разсказѣ о русахъ. Даже

если бы халенджъ означалъ березу, какъ предполагаетъ значительная часть ученыхъ, то это нисколько не измѣняетъ сущности дѣла, ибо въ низовьяхъ Волги не произрастаетъ не только сосенъ, но и березъ.

По поводу русовъ Ибн-Фадланъ (Гаркави 93) восклицаетъ: „и я не видалъ болѣе совершенныхъ (великихъ) членами чѣмъ они, какъ будто они пальмовыя деревья; они рыжи“. Въ нѣмецкомъ переводѣ Френа это мѣсто гласитъ: Nie sah ich Leute von ausgewachsenerem Körperbau; sie sind hoch wie Palmbäume, Fleischfarben und roth. Наружность невиданныхъ имъ доселѣ русовъ приводитъ его въ сильное удивленіе. Теперь спрашивается, могутъ ли русы Ибн-Фадлана быть славянами, которые, какъ извѣстно, нводняли собою рынки востока и нмѣлись всюду въ большихъ городахъ Передней Азии? Простая ли случайность, что восточные писатели, какъ Ибн-Фадланъ, Ибн-Ростекъ, Гардизи указываютъ на высокій ростъ русовъ, а говоря о славянахъ замалчиваютъ его? Простая ли случайность, что описаніе наружности русовъ у Ибн-Фадлана сходится съ описаніемъ скандинавовъ у Димешен (Mehren 158): „Dans cette mer (Glaciale) est située une grande île, peuplée d'hommes d'une grande taille, d'un teint et de cheveux clairs, aux yeux bleus“. Равнымъ образомъ у Френа J. F. 185—186. Scherif Dschordschang (1409), комментаторъ знаменитаго астронома Nasir-ed-din изъ Туса († 1274) отзывается о варягахъ V-г-нк: Volk von hochgewachsenen und streitbaren Männern, народъ высокорослый и воинственный. Ср. Hadschi-Halfa ibid. 196: глубокоученый Ширази (XIII—XIV столѣтія) говоритъ: „На берегу Варяжскаго моря живетъ народъ высокорослый и воинственный“.

17. Походъ русовъ въ 969 г. у Ибн-Хаукали.

Извѣстія ад-Бекри часть II 171—172. Ибн-Хаукаль: „Болгаръ небольшой городъ, владѣющій небольшою территоріею; но онъ знаменитъ, какъ торговый центръ (портъ) для этого государства. Въ 358 году онъ, подобно Хазарану, Итилю и Самандару, былъ совершенно разграбленъ рѣсами, которые *тотчасъ послѣ этого отправились въ страну рѣмовъ (Византію) и Испанію*“. Ср. Гаркави Сказанія мусульманскихъ писателей 218—219.

Подчеркнутыя слова современнаго описаннымъ событіямъ Ибн-Хаукала, который добылъ свои свѣдѣнія у прикаспійскихъ жителей, весьма любопытны. Антинормалисты не знаютъ, какъ быть съ свѣдѣтельствомъ Ибн-Хаукала, и усматриваютъ въ немъ неразрѣшимую, загадку. Но при предположеніи, что русы, опустошившіе Булгаръ

Итель и Семендерь, норманская вольница, дѣло вполнѣ ясно. Нагруженные несмѣтною добычею, русы-норманны пускаются въ обратный путь (въ Скандинавію) черезъ Средиземное море, вѣроятно, съ цѣлью сбыть награбленное добро, а можетъ быть и потому, что путь вверхъ по Волгѣ или Днѣпру былъ невозможенъ вслѣдствіе наступавшаго зимняго времени. Какъ бы то ни было, фактъ, съ которымъ намъ приходится считаться, тотъ, что русы отправились во свояся черезъ Средиземное море. По этой причинѣ нѣтъ возможности видѣть въ этихъ русахъ восточныхъ славянъ. Словами Румъ и Андалусъ Ибн-Хаукаль намѣчаетъ направленіе возвратнаго пути русовъ. Впрочемъ я далеко отъ утвержденія, будто Ибн-Хаукаль зналъ въ точности географическое положеніе родины русовъ. Но если скомбинируемъ оба факта: во-первыхъ, что русы спустились по Волгѣ и во-вторыхъ, что они на возвратномъ пути коснулись Рума и Андалуса, то отсюда вытекаетъ, что ихъ родину слѣдуетъ искать въ сѣверо-западной Европѣ.

Еще по другимъ соображеніямъ мы можемъ придти къ заключенію, что русы Ибн-Хаукаля не совпадаютъ съ подданными великаго князя Святослава. Въ 968 году Святославъ спѣшилъ во главѣ коннаго отряда изъ придунайской Болгаріи въ Кіевъ, чтобы устранить опасность, угрожавшую со стороны хищническихъ печенѣговъ. Мать его Ольга, чувствуя приближеніе смерти, уговорила своего сына остаться при ней до ея кончины, воспослѣдовавшей (лѣтомъ) въ 969 году. Святославъ пробылъ въ Россіи до конца 970 (мартовскаго) года, занимаясь отчасти устройствомъ государственныхъ дѣлъ, отчасти, какъ слѣдуетъ предположить, приготовленіями къ упорной борьбѣ съ храбрымъ Цамисхемъ. Поэтому крайне трудно себѣ представить, чтобы великій князь въ то время, когда мать его находилась при смерти и собственное его войско занимало на югѣ Болгарію, раздробилъ свои силы и снарядилъ большое войско внизъ по Волгѣ въ долговременную экспедицію противъ двухъ значительныхъ государствъ: Камскую Болгарію и Хазарію.

Вотъ причины, по которымъ вмѣстѣ съ Куникомъ приписываю походъ русовъ противъ болгаръ и хазаръ норманской вольницѣ. Этимъ и объясняется полное молчаніе русской лѣтописи, повѣствующей и о менѣ важныхъ предпріятіяхъ Святослава, объ этихъ знаменательныхъ событіяхъ. Подобно урагану русы-норманны пронеслись по Камской Болгаріи и по Хазаріи, но не стерли ихъ съ лица земли. Оба государства, хотя и сильно потрясенныя, продолжали существо-

вать; они не были включены въ предѣлы Россіи, какъ то случилось съ землею ясовъ и касоговъ въ 965 году.

Разгромъ Болгаріи и Хазаріи русами происходилъ по Ибн-Хаукалю въ 358 году гижры. По Дорну (Каспій гѣм. изд. стр. 309) начало 358 года падаетъ на 25-ое ноября 968 года, — чѣмъ исключается походъ русовъ по Волгѣ въ этомъ 968 году. Итакъ остается только 969 годъ. Въ томъ же самомъ 969 году Ибн-Хаукаль наводитъ справки о разгромѣ Хазаріи русами, чѣмъ и объясняется его рассказъ о недоумѣніи жителей Болгаріи и Хазаріи относительно своего будущаго и о боязни ихъ передъ русами. Ошеломленные неожиданнымъ ударомъ и разбѣжавшись въ различныя стороны, они еще не знали объ окончательномъ удаленіи русовъ и своемъ освобожденіи отъ столь ужасныхъ враговъ. А свое извѣстіе о томъ, что русы отправились въ Румъ и Андалусъ, Ибн-Хаукаль получилъ, очевидно, послѣ 969 года.

Антинорманнскіе Гаркави Св. 223—227, чтобы какъ-нибудь поладить съ неудобнымъ ему показаніемъ Ибн-Хаукаля, просто вычеркиваютъ нѣтъ текста слова „и Андалусъ“, считают поѣздку русовъ въ Румъ за походъ и ставятъ укороченный имъ текстъ въ связь съ войнами Святослава въ Болгаріи.

Мимоходомъ замѣчаю, что Мукаддеси (985—986) причисляютъ русовъ Ибн-Хаукаля къ ромеямъ: „войско ромеевъ, называемыхъ русъ“, а Ибн-Саидъ переделывалъ ихъ въ алманъ.

Послѣ выясненія нами норманскаго происхожденія русовъ у Ибн-Хаукаля, слѣдуетъ рѣшительно отвергнуть гипотезу Маркварта (Streifzüge 1—5), связывающаго походъ русовъ 969 года съ походами Святослава на вятичей, хазарь, ясовъ и касоговъ въ 965 и 966 годахъ. По Маркварту выходило бы, что Святославъ, одновременно съ войною русскихъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ 969 году, въ годъ смерти Ольги, покоряетъ кромѣ вятичей всѣ народы по средней и нижней Волгѣ и въ Прикавказьѣ: болгарь, буртась, хазарь (Итилъ и Семендеръ), ясовъ и касоговъ. Вещь вполне несообразная. Утвержденіе Маркварта, будто извѣстія русской лѣтописи о походахъ Святослава весьма обивчивы, не выдерживаетъ критики. Быть можетъ, только въ одномъ мѣстѣ ошибается начальная лѣтопись на одинъ годъ, относя мирный договоръ, заключенный между Святославомъ и Цемискіемъ, къ 971 году. См. мой трудъ Ibrahim-ibn-Jakubs Reisebericht стр. 150—152 и 164—165. Выстѣ съ тѣмъ рушится предположеніе Маркварта о тождественности Бѣлой вожи съ Итилемъ. На

стр. 474 онъ, правда, отказывается отъ своихъ домысловъ въ пользу моихъ соображеній, хотя и не вполне, ибо онъ полагаетъ, что Святославъ этихъ вольныхъ русовъ-норманновъ, по возвращеніи ихъ изъ похода, нанялъ въ свою службу, и что Ибн-Хаукаль ихъ неправильно скомбинировалъ съ другими норманнами, грабившими въ тому же времени Испанію. Весьма важно свидѣтельство Ибн-ад-Атира, сообщаемое имъ подь 354 годомъ (965) о нападеніи тюркскаго племени на хазарь, отраженномъ мусульманскими хваризмійцами, которые подали помощь хазарамъ лишь подь условіемъ принятія ими ислама. Это событіе я связываю съ походомъ Святослава на хазарь, ясовъ и касоговъ, относимымъ русскимъ лѣтописцемъ въ тому же 965 году. Въ тюркскомъ племени, напавшемъ на хазарь, я готовъ видѣть союзниковъ Святослава въ борьбѣ его съ хазарами. Какъ бы то ни было, но изъ разсказа Ибн-ад-Атира явствуетъ, что въ 965 году Хазарія, бывшая на краю гибели, все же отстояла свою независимость. По этой причинѣ Бѣла века не можетъ совпасть съ Итилемъ, хазарскою столицею, а есть Саркель. Саркель лежалъ не въ низовьяхъ Дона, а далѣе вверхъ по теченію близъ Цымлянской станицы, что на мой взглядъ вполне доказано Поповымъ въ Трудахъ 9-го археологическаго сѣзда въ Вильнѣ I. 1893 г. въ статьѣ, озаглавленной: О мѣстѣ хазарской крѣпости Саркель.

Что касается хваризмійцевъ, то Марквартъ совершенно правъ, если подь ними разумѣть не жителей Хваризма, а наемное войско хазарь, происходящее лишь изъ Хваризма и состоящее изъ мусульманъ. Масуди ихъ называетъ ал-Арсія или ал-Ларсія. Мнѣ кажется, что это названію исковеркано изъ Карис-ія. Мои соображенія слѣдующія. Іоаннъ Киннамъ (XII стол.) упоминаетъ о существованіи среди венгровъ не единовѣрныхъ съ ними халисіанъ *Χαλισίαν*, бывшихъ одного вѣроисповѣданія съ персами. Проф. Васильевскій первый выяснилъ въ Слав. Сборникѣ II, отд. I, стр. 248, что халисіане (хвалисы, хваризмійцы) были магометане и что подь именемъ *Caliz* они съ 970 года извѣстны венгерскимъ лѣтописцамъ, называющимъ ихъ измиллятянами. См. сочиненія Константина Багрянороднаго, перев. Г. Ласкина, Москва, 1899, стр. 218—219. Между тѣмъ Samuel Krauss, *Zur Geschichte der Chazaren* 175, въ *Revue Orientale*. Budapest 1900, по-прежнему считаетъ халисіанъ за приверженцевъ Моисеева закона. Ибрагимъ ибн-Якубъ также повѣствуетъ о мусульманахъ, приходящихъ съ товарами изъ земли турокъ-мадьяръ въ городъ Прагу. Итакъ Іоаннъ Киннамъ и венгерскіе лѣтописцы употребляютъ народ-

ное имя халисіянъ, *Caliz*—хваризмійцы, въ смыслѣ мусульманъ. Подобное словоупотребленіе существовало также у восточныхъ писателей, какъ можно заключить изъ разсказа Масуди о походѣ русовъ послѣ 300 года гѣджры и изъ свидѣтельства Ибн-ал-Атира о нападѣнн турецкаго племени на хазарь въ 965 г. по Р. Хр.

Остается сказать нѣсколько словъ объ островахъ Сіяку и Баб-ал-абвабъ. Жители Итиля спаслись по Ибн-Хаукалю на островъ Баб-ал-абвабъ и на островъ *Sijah-Kuh*. По Маркварту *Streifzüge* 2 прим. Сіяку это островъ Челекенъ у входа въ Красноводскій заливъ, а по моему мнѣнію это полуостровъ Мангышлакъ съ Бузачи. Вполнѣ ясно опредѣляетъ положеніе Сіяку ал-Гургани (Дорнъ, *Mélanges Asiat.* VII, стр. 37): „Мангышлакъ—турецкій народъ. Вслѣдствіе ссоры, возникшей между ними и гуззами, они покинули свое мѣстожитолиство и пришли въ окрестности Сіяку. Онъ, т. е. Сіяку, лежитъ вблизи озера Абесгуна, и такъ какъ они тамъ нашли много источниковъ и пастбищъ, они тамъ остались, и ихъ прозвали жителями Мангышлака“. *Sjah-Kuh* значитъ на персидскомъ языкѣ Черная гора; на Мангышлакѣ поднимается хребтъ Кара-тау. Рыннимъ образомъ географическое положеніе Сіяку правильно указывается въ географіи Абуль-феды. См. *Reinaud* томъ II, Парижъ, 148, стр. 326: Сіяку лежитъ подъ 79 градусомъ долготы и 43,5 градусомъ широты.

Островъ, либо полуостровъ Баб-ал-абвабъ я признаю за Апшеронскій полуостровъ.

18. Когда писалъ Ибн-Ростехъ?

Вопросъ о времени составленія сочиненія Ибн-Ростеха (Ибн-Даста) спорный. Хвольсонъ стоитъ за періодъ времени между 903—913 г. на основаніи слѣдующихъ соображеній. Ибн-Ростехъ упоминаетъ въ своей книгѣ о своемъ пилигримствѣ 290 г. (903—904). Съ *terminus a quo* всѣ согласны. *Terminus ad quem* Хвольсонъ считаетъ 913 годъ, ибо Ибн-Ростехъ ничего не сообщаетъ о походѣ русовъ 913 года на южное побережье Каспійскаго моря. Противъ такого доказательства возсталъ уже Дорнъ (*M. A.* VI, 653—654), но признающій обязательнымъ держаться его въ виду того, что и многіе другіе писатели молчатъ объ этомъ походѣ, и съ своей стороны предлагаетъ развинути хронологическую рамку приблизительно до 920 года. Въ пользу своего предположенія Хвольсонъ ссылается на то, что Ибн-Ростехъ не зналъ Записки Ибн-Фадлана, посѣтившаго приволжскую Болгарію въ 922—923 году. Все-таки показаніе Ибн-Ростеха, что большая

часть болгаръ исповѣдуетъ исламъ и что существуютъ въ нихъ селеніяхъ мечети и начальныя училища съ муэззинами и имамами, рѣшительно опровергаетъ Хвольсона, указывая на время послѣ 922 года; до этого времени замѣчались лишь слабыя начатки ислама въ странѣ болгаръ. Ср. Marquart Streifzüge 25—26. Кроме того можно возразить, что и многими другимъ писателямъ Записка Ибн-Фадлана осталась недоступною. Впрочемъ Гаркани ни за что не соглашается съ утвержденіемъ Хвольсона, что Ибн-Ростехъ не пользовался показаніями Ибн-Фадлана, указывая на два тождественныхъ названія: имя болгарскаго царя Алмушъ и названіе напитка сиджъ, или сиджу, и полагаетъ, что Ибн-Ростехъ спуталъ нѣкоторые показанія Ибн-Фадлана: „Что языческіе хазаре повергаются ницъ при встрѣчѣ съ знакомыми, является у Ибн-Даста въ описаніи Булгаръ; напитокъ сиджу, видѣнный посланникомъ Мухтадиромъ въ Булгарѣ, Ибн-Даста приписываетъ славянамъ и т. п.“

Упомянутое Ибн-Ростехомъ болгарскаго царя Алмуша, ставшаго извѣстнымъ мусульманскому міру, благодаря своему обращенію въ исламъ и отношеніямъ къ халифу, ничего не доказываетъ. Далѣе крайне невѣроятно, чтобы приготовляемый изъ меда напитокъ болгарскій *al-shû* совпадалъ съ *s-ch*, *s-dsh* Ибн-Ростеха, у котораго это не напитокъ, а деревянный сосудъ, улей пчелиный, содержащій по десяти кружель меда. Что Ибн-Ростехъ ничего не перепуталъ, явствуетъ изъ подобнаго свидѣтельства Гардиза (Бартольдъ, Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію. С.-Петербургъ, 1897, стр. 123, въ Запискахъ Императорской академіи наукъ, VIII серія. Томъ I. № 4), приближающаго еще, что изъ одного улья получаютъ иногда 50, 60 или 100 мезъ меда. Поэтому Хвольсонъ вполне правъ въ томъ, что онъ различаетъ *al-s-ch*, *al-s-dsh* и *s-dshû*, привлекая для объясненія перваго слова хорватское *uliac*, русскій улей. Осторожность въ обращеніи съ этими двумя словами тѣмъ болѣе на мѣстѣ, что мы не можемъ знать, какъ ихъ произносить: считать ли *al* за членъ или за нераздѣльную часть слова *al*, *il*, *ul*. Френъ (*Die ältesten Nachrichten über die Wolgabulgharen* въ Мемуарахъ Имп. акад. наукъ. Томъ VI, *Série I*, 1832, стр. 546, прим. 46) сопоставляетъ *s-dshû* съ татарскимъ *суджу* и финскимъ *сахти*, но окончательно склоняется къ предположенію Сеньковскаго, усматривающаго въ *s-dshû* русскую сышу, сычовку, опяняющій напитокъ, приготовляемый изъ солода и хмѣля съ примѣсью меда. Все же этимологія слова остается темною. Ср. Р. Реслера *Ro-män. Studien* стр. 253.

Утвержденіе Гаркави 261, что большая часть свѣдѣній о болгаряхъ и хазарахъ у Ибн-Ростеха и Ибн-Фадлана согласна между собою, побудило меня сличить ихъ показанія. На повѣрку выходитъ, что Гаркави неправъ. Отдаленное сходство нѣкоторыхъ показаній, замѣчаемое между ними, вполне объясняется тѣмъ, что оба писателя трактуютъ о томъ же предметѣ.

Ибн-Фадланъ (Гаркави, 93): „Каждый изъ нихъ (русовъ) имѣетъ при себѣ неразлучно мечъ, ножъ и скинру; мечи же ихъ суть широкіе, волнообразные, клинки франкской работы“. Ибн-Ростехъ (Хвольсонъ 39 и 87): „Всѣ постоянно носятъ при себѣ мечи... Мечи у нихъ Соломоновы“. Въ примѣч. на стр. 196 Хвольсонъ поясняетъ, что сулеймановы мечи походили на франкскіе. — Ибн-Фадланъ (Гаркави 93):... „я по видамъ болѣе совершенныхъ (великихъ) членами чѣмъ они (русы), какъ будто они пальмовыя деревья; они рыжи“. Ибн-Ростехъ (Хвольсонъ 39): „Ростомъ они высоки, красивы собою и смѣлы въ нападеніяхъ“.—Обрядъ погребенія русовъ у Ибн-Фадлана и Ибн-Ростеха въ значительной степени походятъ другъ на друга. Въ существенномъ же оба писателя расходятся. У Ибн-Фадлана покойниковъ сожигаютъ въ лодкахъ, а у Ибн-Ростеха ихъ хоронятъ. Что касается обычая падать ницъ, то онъ могъ существовать какъ у хазаръ, такъ и болгаръ.

Да и какъ могъ Ибн-Ростехъ заимствовать вышеприведенныя мѣста у Ибн-Фадлана, если показанія перваго находятся и у Гардизи, почерпнувшаго эти свои свѣдѣнія изъ источника IX столѣтія. Объ этомъ ниже.

Если Ибн-Ростехъ и не зналъ Записки Ибн-Фадлана, онъ все же написалъ свою книгу послѣ 922 года. Уже Гаркави напираетъ на то, что свидѣтельство Ибн-Ростеха о томъ, что большая часть болгаръ исповѣдуетъ исламъ и въ ихъ селеніяхъ есть мечети и начальныя училища съ музззинами и имамами, можетъ только относиться ко времени, слѣдовавшему за носольствомъ халифа, которое имѣло цѣлью насадить исламъ и воздвигнуть мечети, такъ что только съ 922 года страна ихъ могла быть причислена къ мусульманскому міру. Такъ Масуди въ 944 году замѣчаетъ, что современный царь болгаръ мусульманинъ, принявшій при Муьтадиръ-биллахъ послѣ 310 (922) года исламъ вслѣдствіе сновидѣнія. Якутъ также приурочиваетъ это событіе къ халифату Муьтадира, при чемъ прибавляетъ, что онъ не въ состояніи былъ раззнать поводъ къ обращенію въ исламъ. Далѣе Масуди и, слѣдуя ему, Димешки повѣствуютъ, что вскорѣ послѣ со-

бѣтія 922 г. нѣсколько болгаръ съ царевичемъ во главѣ отправились въ Мекку на поклоненіе. Кромѣ Иби-Ростеха имя болгарскаго царя Алм-с знаютъ еще Гардизи и Бекри (Масуди).

Итакъ, мы пришли къ заключенію, что Иби-Ростехъ могъ написать свое сочиненіе только послѣ 922 года по Р. Хр.

19. Жупанъ и Святуполькъ Хвольсона.

Иби-Ростехъ у Хвольсона стр. 31: „Рабочаго скота у нихъ (славянъ) мало, а верховыхъ лошадей имѣеть одинъ только упомянутый человекъ“. Подъ упомянутымъ человекомъ разумѣется великій князь, какъ это видно изъ слѣдующаго параграфа (стр. 32). Но слѣдуетъ ли въ этомъ мѣстѣ усматривать пропускъ, еще вопросъ. Это могло, пожалуй, быть позднѣйшею небрежною вставкою въ виду словъ слѣдующаго §: „Помянутое выше лицо... имѣеть верховыхъ лошадей и питается исключительно жобильемъ молокомъ“. Въ текстѣ Гардизи стоитъ только: „лошадей у нихъ мало“, что соответствуетъ у Иби-Ростеха фразѣ: „Рабочаго скота у нихъ мало“.

Хвольсонъ стр. 32: „Глава ихъ зовется супанечъ (жупанъ). Ему они повинуются и отъ приказаній его не отступаютъ, жилище его находится въ среднѣй землѣ славянъ. Помянутое выше лицо, которое титулуютъ они главою главъ (великій князь), зовется у нихъ Святуполькъ. Это лицо стоитъ выше супанеча (жупана), который считается лишь его намѣстникомъ“. Въ этомъ мѣстѣ, если держаться Хвольсонова перевода, что-то неладно. „Помянутое выше лицо“, какъ явствуетъ изъ контекста, относится къ предложенію „глава ихъ зовется супаночъ (жупанъ)“. Какъ же топоръ это лицо можетъ стоять выше супаноча, т. е. выше самого себя? Загадка разрѣшается просто. Въ арабскомъ текстѣ стоятъ отчетливо слова: „и ихъ глава коронуется“, что Хвольсонъ по непонятнымъ мнѣ причинамъ передѣлываетъ на фразу: „глава ихъ зовется жупанечъ“. Конъектура Хвольсона не только совершенно лишняя, но еще вдобавокъ затемняетъ ясный смыслъ текста. Къ тому же эта конъектура по замѣчанію Гаркави (266, прим. 2) врядъ ли допустима со стороны языка, ибо при чужомъ непонятномъ имени непременно требуется пояснительное слово.

Бартольдъ въ своемъ Отчетѣ стр. 123 говоритъ, что Гардизіево соответственное мѣсто совпадаетъ со свидѣтельствомъ Иби-Ростеха за исключеніемъ того, что у Гардизи прибавлено: ихъ „начальникъ носить вѣнецъ“. Вижу себя вынужденнымъ тутъ же обратить вниманіе историковъ на то, что оба текста, вопреки заявленію Бартольда, не

вполнѣ тождественны. Уклоненія, кажушіяся ничтожными лингвисту, могутъ иногда имѣть для историка большое значеніе. По этой причинѣ нельзя не сожалѣть, что Бартольдъ не перевелъ всего текста пѣбликомъ, а ссылается на переводъ Ибн-Ростеха у Хвольсона. У Ибн-Ростеха слово, которое Хвольсонъ читаетъ „супанечъ“, встрѣчается два раза, даже три, если присоединить сюда выраженіе „коронуется“. Въ текстѣ же Гардизи оно значится, на сколько вижу, только въ одномъ мѣстѣ. Въ текстѣ Гардизи, повидимому, нѣтъ предложенія, соотвѣтствующаго Хвольсонову: „Глава ихъ зовется супанечъ“. За то у Гардизи по Бартольду, какъ сказано, имѣется прибавленіе: „начальникъ ихъ носить вѣнецъ“,—что по моему мнѣнію вполнѣ отвѣчаетъ подлиннымъ словамъ Ибн-Ростеха: „и глава ихъ коронуется“, которыя Хвольсонъ, къ сожалѣнію, перопачиваетъ: „и глава ихъ—супанечъ“.

Обращаемся къ Святополку Хвольсона.

Въ арабскомъ текстѣ стоятъ *sūjt mlk*. Хвольсонъ читаетъ блк и, стягивая его съ предыдущимъ словомъ, читаетъ Святополькъ и разумѣютъ подъ нимъ Святополка, великаго князя Моравскаго, жившаго во второй половинѣ IX вѣка. Противъ такого толкованія можно привести слѣдующее. Здѣсь идетъ рѣчь не о западныхъ славянахъ, а о восточныхъ, о чемъ ниже. Текстъ Гардизи имѣетъ тоже *sūjt mlk* свит м-л-к, хотя и справедливо, что буквы м и б въ арабскихъ и персидскихъ рукописяхъ нрѣдка смѣшиваются между собою. Все же измѣненіе м-л-к въ блк встрѣчаетъ (по Гаркави) затрудненіе въ слѣдующихъ словахъ Ибн-Ростеха „и этотъ царь“, которыя по необходимости предполагаютъ предшествующее упоминаніе слова маликъ, т. е. царь. Позднѣйшіе компиляторы приводятъ лишь первое слово *sūjt* въ качествѣ имени славянскаго царя (Хвольсонъ 141). Вотъ причины, по которымъ мы рѣшительно отвергаемъ конъектуру Хвольсона. Но и домыслъ Гаркави, читающаго слять-царь (по лучше ли свѣтъ-царь), не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ.

Въ персидской, открытой Туманскимъ, рукописи (Зап. Вост. отд. Н. Р. А. О. Томъ X, С.-Пб., 1897, стр. 121—137) стоитъ: „Надшахъ славянъ называется *бсамут савит*“. Туманскій опускаетъ въ своемъ переводѣ первую букву, могущую означать предлогъ, и пишетъ *самосвит*.—*зайит* соотвѣтствуетъ *sūjt* Ибн-Ростеха. Но какъ объясняется недостающее у всѣхъ другихъ компиляторовъ бсамутъ? По моему мнѣнію персидскій географъ превратно понялъ свой арабскій подлинникъ, имѣвшій *jsmtūna зайит*, счелъ оба слова за собственнос

имя и образовалъ изъ нихъ *bsamūt saūt*. Ибн-Ростехъ: „Городъ, въ которомъ онъ (т. е. великій князь) живетъ, зовется Джербабъ“. Хвольсонъ предлагаетъ читать Хорватъ или Моравъ, даже Градистъ. Но такъ какъ тутъ рѣчь идетъ о восточныхъ славянахъ, то будетъ доказано мною въ другомъ мѣстѣ, то я читаю Куаб (Куяв), Киевъ.

Хвольсонъ: „Это лицо (великій князь) стоитъ выше суанеча (жулана), который считается лишь его намѣстникомъ“. Въ текстѣ просто: „И оно выше *sûb-dsh* и *sûb-dsh* его намѣстникъ (пресминикъ)“. У Гардизи стоитъ *sûtdsh*. Чтенія у позднѣйшихъ компиляторовъ походятъ на приведенныя. Шармуа, *Relation T. II*, 1834, p. 366—368: *sûp-dsh*, *sûb-dsh* и т. п. Хвольсонъ, которому слѣдуетъ также Гаркави, читаетъ *сûб-н-дж* и разумѣетъ жуланеча (жулана). Насколько мнѣ известно, намѣстники (либо пресминики князей) у восточныхъ славянъ никогда не назывались жуланами. Далѣе весьма поправдоподобно, чтобы славянскій звукъ ж восточный писатель передалъ буквою синъ; слѣдовало ожидать букву зе. Лучшее толкованіе Шармуа, предлагающаго читать Святчъ или Свентчъ. Сходство между разными чтеніями поразило уже Шармуа. Въ персидскомъ извлеченіи хроникъ и лѣтописей (Шармуа 366—367) сказано: *Is donnent à leur prince (Empir) le nom de Swiat et au Lieutenant du royaume (ou héritier présomptif) celui de swèntch (peut-être Swiatitsch ou Swèntitsch)*. Значитъ, уже Шармуа усматривалъ здѣсь патронимическое окончаніе, въ чемъ едва ли можно сомнѣваться. А въ такомъ случаѣ слѣдуетъ предполагать коренную форму святъ или свентъ, что тоже говоритъ противъ конъектуры Святополкъ. Неудобно лишь то, что подобныхъ именъ собственнахъ, какъ Свѣтъ, Святъ, Свентъ, не существуютъ. Не стоитъ ли имя кievскаго князя, которое можно читать и *sûbb-t*, въ связи съ древнимъ названіемъ Кіева *Σαββατ-α-ς* у Константина Багрянороднаго? Ср. суббота, по нѣмцамъ *saub-s-tag*, по французски *sam-e-di*.

20. Примѣчанія къ тексту Ибн-Ростеха и Гардизи.

Ибн-Ростехъ (Хвольсонъ, стр. 15—16): „пробираются изъ страны Печенѣжской до самой земли Хозарской, какъ сказано, лѣсистыми и болотистыми мѣстами“. Но выше сказано: „по *стеннымъ* и лѣсистымъ мѣстамъ“. А что выраженіе „по *стеннымъ* мѣстамъ“ не искажено, явствуетъ изъ соответственнаго мѣста у Гардизи (Бартольдъ, 120): „Между владѣніями печенѣговъ и владѣніями хазаръ 10 дней пути по *стени*, рошамъ и лѣсамъ“ и у Бекри (Извѣстія ал-Бекри I Ку-

ника и Розена, стр. 60): „Ты идишь изъ страны печенѣговъ въ страну хазарь 10 дней по лѣсамъ и степямъ“. Читай, слѣдовательно, *ibid.* вмѣсто *kiád* текста, изъ чего Хвольсонъ дѣлаетъ *gláz*.

Бекри (*ibid.*): „Потомъ (ты идешь) въ страну Тифлиса, а Тифлисъ—начало границы Арменіи. И овцы ихъ ягнятся два раза въ годъ“. (Этихъ словъ нѣтъ у Гардизи и Ибн-Ростеха). Сюда относится примѣчаніе 2, барона Розена: „Defr: Les brebis des Khazars. Я опять предполагаю пропускъ. Овцы являются для меня слишкомъ неожиданными“. Бекриѣво (Масудиѣво) сообщеніе объ овцахъ считаю остаткомъ разсказа о скотоводствѣ у хазарь. Мукаддесси (Хвольсонъ, 44—45) повѣствуетъ также объ овцахъ въ странѣ хазарь: „Она лежитъ по ту сторону Каспійскаго моря, очень обширна, но суха и неплодородна. Много въ ней овецъ, меду и овреговъ“. Мукаддесси вмѣстѣ съ другими писателями черпаетъ изъ общаго источника.

Гардизи 120: „Ихъ главный начальникъ и шпандъ придерживается еврейской религіи, также какъ ихъ приближенные, начальники и вельможи; остальные придерживаются вѣры, похожей на вѣру торковъ-гузговъ. У нихъ два большихъ города, Саргышъ (?) и Хылытъ (?)... Въ обоихъ городахъ живетъ нѣкоторое число мусульманъ; у нихъ есть мечети, имамы, музавины и цыколы; хазары ежегодно взимаютъ налогъ съ мусульманъ, сообразно имуществу каждаго“. Ср. сокращенный текстъ у Ибн-Ростеха (Хвольсонъ, 17). Изъ приведенной цитаты оказывается, что мусульмане составляли часть городскихъ жителей, очевидно, не хазарскаго происхожденія, между тѣмъ какъ сами хазары пребывали еще въ язычествѣ за исключеніемъ верхняго слоя націи, исповѣдывавшаго законъ Моисея. Относительно христіанъ какъ Гардизи, такъ и Ибн-Ростехъ хранятъ полное молчаніе. Нельзя ли изъ этого заключить, что первоначальный источникъ, изъ котораго оба заимствуютъ свои свѣдѣнія, восходитъ къ эпохѣ, предшествовавшей миссіонерской дѣятельности Константина (ок. 860) у хазарь? Совсѣмъ иначе гласятъ позднѣйшія свидѣтельства Масуди, Бекри (Масуди), Ибн-Фадлана.

Что касается городовъ, расположенныхъ по рѣкѣ Итилю, то извѣстія о нихъ полнѣе всего сохранялись у Бекри, при чемъ удивительно, что ни Гардизи, ни Ибн-Ростехъ, ни Бекри не знаютъ названія Итили въ смыслѣ хазарской столицы. Бекри 60: „И ал-Хазарь есть имя этой страны, а главный городъ ихъ состоитъ изъ двухъ частей: на восточномъ и западномъ берегахъ рѣки Итиля... И изъ этихъ двухъ городовъ одинъ называется Бър'ишъ, а другой Хтслг. Большой изъ нихъ

западный". Ибн-Ростехъ 17: „Главнымъ городомъ у нихъ Сара’иенъ, рядомъ съ которымъ лежитъ другой городъ, по имени Хабъ-Нела’ (Hab-Nela’) или Хабнела’...“. Гардизи: „У нихъ два большихъ города: Саргышъ и Хылыгъ“. Независимо отъ Маркварта я пришелъ къ убѣжденію, что первый городъ означаетъ „бѣлый городъ“ и тождественъ съ городомъ Байда восточныхъ писателей. Чтеніе имени перваго города Марквартъ возстановляетъ такъ: sār-g ä-h-g. Въ Байда Хвольсонъ на стр. 45 видитъ Саркель на Дону, ἀστρον ὀσπίτιον, λιμὸν οἰκόμεν, Бѣлу Вежу. Къ этому мнѣнію присоединился было Гаркави (Russ. Revue Pettgera VI, стр. 97), но потомъ рѣшительно отказался отъ него, оттого что Ибн-ал-Атиръ упоминаетъ о Байда подъ 111 годомъ (729—730), значить до построенія Саркеля; см. Гаркави въ Russ. Revue X, 1877, стр. 313, пр. 6. Съ своей стороны Марквартъ Streifzüge. Leipzig, 1903, стр. 1—3 впадаетъ въ тяжкое заблужденіе, заявляя, что Бѣла Вежа русской лѣтописи не Саркель на Дону, а городъ Итиль на низовьяхъ Волги.

Второй городъ называется h-thl-g, h-b n-l-g или chäl-g. Уже Марквартъ на стр. 90 въ Chronologie der alttürkischen Inschriften правильно замѣчаетъ, что толкованіе этого слова въ смыслѣ города (балыг) хана (chân) исключается писаннымъ hab съ начальною буквою hâ. Это писаніе свидѣтельствуетъ о томъ, что городъ назывался не Chamlig, какъ оно принято теперь именовать, а Hamlidsh съ начальною буквою hâ.

Постоянное писаніе Буртасы (tâ) у Хвольсона, Гаркави, Бартольда и другихъ противъ чтенія Бурдасы (dâl) у Ибн-Ростеха, Гардизи, Бекри и тѣхъ авторовъ, которые, какъ, напримѣръ, Шукр-аллахъ, ихъ пишутъ, нельзя одобрить, хотя бы всѣ остальные восточные историки и географы писали Буртасъ. Хвольсонъ по крайней мѣрѣ упоминаетъ на стр. 19 и 71 о чтеніи оригинала, Гаркави же и Бартольдъ замалчиваютъ его. А между тѣмъ форма Бурдасъ весьма характерна въ томъ отношеніи, что ее употребляютъ лишь тѣ писатели, которые прямо или косвенно пользуются нашимъ первоисточникомъ, относившимся приблизительно къ срединѣ IX вѣка. Тѣмъ болѣе мы обязаны тщательно сохранять въ переводахъ такую отличительную черту.

Ибн-Ростехъ (Хвольсонъ, 20): „Земля ихъ (бурдасовъ) просторна и обилуетъ лѣсными мѣстами“. Ср. Гардизи у Бартольда, 121. Бекри стр. 72: „Они (бурдасы) имѣютъ обширную страну и много торговыхъ мѣстъ“. Бекриевы торговые мѣста mādshir, очевидно, искажены изъ mādshir.

Ибн-Ростехъ (Хвольсонъ, 21): „Буртасы имѣютъ верблюдовъ, рогатый скотъ и много меду“. По Бартольдъ текстъ у Гардизи совпадаетъ съ текстомъ И. Р. Но Бекриевъ текстъ (Извѣстія, 62) отличный: „Они имѣютъ большія стада рогатаго скота и овецъ“. Верблюды въ странѣ буртасовъ являются болѣе, чѣмъ сомнительными. Но и „много меду“ въ связи съ рогатымъ скотомъ возбуждаетъ подозрѣніе. Не сохранился ли первоначальный текстъ въ лучшемъ состояніи у Бокри?

Гардизи (Бартольдъ, 122): „Всѣ они (мадьяры) производятъ набѣги на славянъ, постоянно налагаютъ на славянъ оброки и обращаются съ ними, какъ со своими воспопльниками... Они производятъ набѣги на славянъ и русовъ, уводятъ оттуда плѣнныхъ, привозятъ ихъ въ Румъ и продаютъ... Они постоянно нападаютъ на славянъ“. Изъ сопоставленія этихъ трехъ фразъ невольно возникаетъ мысль, что слова „и русовъ“ представляютъ позднѣйшую вставку. Въ этомъ вполне убѣждаетъ насъ соответствующее мѣсто у Ибн-Ростеха, въ которомъ нѣтъ словъ „и русовъ“: „Мадьяры господствуютъ надъ всѣми соседними славянами, палагаютъ на нихъ тяжелые оброки и обращаются съ ними какъ военноплѣнными... *Воля славянъ и добычи отъ нихъ плѣнниковъ*, отводятъ они этихъ плѣнниковъ берегомъ моря къ одной изъ пристаней румской земли, которая зовется Кархъ... А какъ дойдутъ мадьяры съ плѣнными своими до Карха, греки выходятъ къ нимъ на встрѣчу. Мадьяры заводятъ торгъ съ ними, отдаютъ имъ плѣнниковъ своихъ, и въ замѣнъ ихъ получаютъ греческую нарчу, ностриле шерстяныя ковры и другіе греческіе товары“.

Что слова „и русовъ“ случайно попали въ текстъ Гардизи, известно также изъ слѣдующихъ соображеній. Славянамъ, подвергавшимся нападеніямъ мадьяръ, посвящается особый отрывокъ, въ которомъ ни у Гардизи, ни у Ибн-Ростеха помину нѣтъ о русахъ. Между тѣмъ въ отрывкѣ о русахъ говорится, что славяне порабощены разбойничьими русами, живущими въ числѣ 100.000 на островѣ, который очевидно тождественъ съ Hólmgarðr исландскихъ сагъ, какъ въ нихъ постоянно называется Повгородъ. Объ этомъ подробнѣе ниже. Интерполяція „и русъ“ перешла къ позднѣйшимъ компиляторамъ, см. Шармуа Relation de Mas'ouduy 366—368.

Марквартъ въ своихъ Streifzüge стр. 34 признаетъ слова „и русъ“ тоже за вставку Гардизи, но, къ сожалѣнію, на стр. 391 и 472 онъ безъ основательной причины готовъ приписать ихъ самому первоисточнику, что явно противорѣчитъ тѣмъ мѣстамъ въ его сочиненіи, въ

которыхъ онъ высказывается за время составленія первоисточника раньше половины IX столѣтія, когда и по Марьварту русь еще не владѣла Поднѣпровьемъ.

Бартольдъ, 123: „О религіи сказано, что они (славяне) поклоняются быку“. Гардизи нашель, должно быть, въ арабскомъ оригиналѣ слово *thīrān*, стоящее также у Ибн-Ростеха,—слово безспорно искаженное изъ *nīrān* (огонь). Текстъ Шукр-аллаха (Хвольсонъ, 133) гласитъ правильно: „Они (славяно) поклоняются также огню“.

21. Древнѣйшее свидѣтельство о русахъ.

Рядъ восточныхъ отрывочныхъ параллельныхъ показаній о народахъ восточной Европы приводится къ первоисточнику IX вѣка. Разсѣянные обрывки первоначально богатыхъ мемуаровъ все же помъ даютъ возможность установить точнѣе время ихъ составленія. Обратимъ съ этою цѣлью наше вниманіе на мѣстожителство описанныхъ народовъ.

Главные источники слѣдующіе:

Извѣстія Ибн-Даста (Ростехъ) о хозарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадыарахъ, славянахъ и руссахъ, изд. Д. А. Хвольсономъ. С.-Пб. 1869.

Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о руси и славянахъ. Часть 1. Статьи и разысканія А. Куника и барона В. Розена. Приложение къ XXXII тому Записокъ Императорской академіи наукъ № 2. С.-Петербургъ, 1878.

Сочиненіе Гардизи къ отчету В. Бартольда о поѣздкѣ въ Среднюю Азію. С.-Петербургъ, 1897. Записки Императорской академіи наукъ. VIII серия, т. I, № 4.

Печенги.

Гардизи, 119: „Что касается печенѣговъ, то дорога къ нимъ идетъ отъ Гурганджа къ Хорезмійской горѣ и дальше въ страну печенѣговъ“. Бокри: „Что же касается до Баджандіа, то путь въ ихъ страны идетъ отъ Джорджаніи 12 фарсаховъ до горы, которая называется горою Ховарезма; и на вершинѣ ея башня, а у подножія ея жилища народа изъ Джорджаніи, который имѣетъ тамъ (въ жилищахъ у подножія горы) пашни“. Гурганджъ—это Куна-Ургенджъ на Узбоѣ, а не Джурджанъ въ юговосточномъ углу Каспійскаго моря, какъ я полагалъ въ *Beiträge*, 212.

Гардизи, 119—120: „Дойдя до Хорезмійскаго озера, оставляють его по правую сторону, и идутъ дальше. Приходятъ въ безводную землю и степь, по которой идутъ 9 дней“. Это пустыня Усть-Уртъ, лежащая между Аральскимъ и Каспійскими морями. „На десятии дни достигаютъ источниковъ, гдѣ есть вода и всякаго рода дичь, изъ птицъ и антилопъ; травы много“. Значитъ, проехали около 300 верстъ, входятъ въ степную болѣе оживленную полосу. Мы, очевидно, приближаемся къ бассейну рѣки Эмба. „По этой мѣстности идутъ 16 дней; на 17 день приходятъ къ шатрамъ печенѣговъ“. Если отсчитать на сѣверозападъ 17 дней пути, т. е. болѣе 500 верстъ, то мы очутимся приблизительно на рѣкѣ Уралѣ.

Гардизи, 120: „Владѣнія печенѣговъ простираются на 30 дней пути“. Бекри, 59: „Длина ихъ страны — 30 дней пути, и ширина столько же“. Тридцатидневный путь составляетъ около 900 верстъ. Если отсчитать верстъ 900 на западъ отъ Урала, мы попадаемъ въ бассейнъ рѣки Дона. Дальше Гардизи: „Съ каждой стороны къ нимъ примыкаетъ какой-нибудь народъ: съ востока — кипчаки, съ югозапада — хазары, съ запада — славяне“. Бекри: „На сѣверъ отъ нихъ — страны джиджаховъ, называемыхъ также кифджаксами; на югъ страны хазаръ, на востокъ страны гуззовъ и на западъ страны славянъ“. Какъ Гардизи, такъ и Бекри свидѣтельствуютъ единогласно, что кочевья печенѣговъ на западѣ граничатъ со *славянами*. Это показаніе вполне подтверждается выводомъ, къ которому мы выше пришли на основаніи маршрута составителя мемуара, выводомъ, что кочевья печенѣговъ заходили въ бассейнъ Дона. Такимъ образомъ авторъ первоисточника удѣляетъ печенѣгамъ обширную область, на западѣ доходящую до славянской земли, на югѣ, либо югозападѣ, смежную съ хазарскою державою, а на востокѣ и сѣверѣ сопредѣльную кипчакамъ (половцамъ) и гузамъ (торкамъ). Въ непосредственномъ сосѣдствѣ печенѣговъ обитали также буртасы (жившіе на правомъ берегу Волги между болгарами и хазарами), такъ какъ Гардизи 120 и Ибн-Ростехъ 20 рассказываютъ о битвахъ между ними или, по Маркварту Streifzüge, 161 прим., о сообщи совершенныхъ походахъ, такъ что во всякомъ случаѣ кочевья печенѣговъ доходили уже тогда до средней Волги. Но важнѣе всего показаніе, что печенѣги на западѣ, ко времени составленія первоисточника, уже соприкасались со славянами. Совсѣмъ противоположнаго мнѣнія Марквартъ Streifzüge XXXIII, 77—78, 160—161. Вопреки свидѣтельству Ибн-Ростеха, Гардизи и Бекри, онъ помѣщаетъ кочевья печенѣговъ между Аральскимъ озеромъ

и Ликомъ. Впрочемъ, одно мѣсто у Гардизи Марквартъ, согласно письму отъ 19 декабря 1901 г., переводить и толкуеть иначе, чѣмъ Бартольдъ. У послѣдняго оно гласить: „Что касается печенѣговъ, то дорога къ нимъ идетъ отъ Гурганджа въ Хорезмійской горѣ и дальше въ страну печенѣговъ. Дойдя до Хорезмійскаго озера...“. А Марквартъ предлагасть перевести: „...und von diesem Berge an kommt die Gegend der Pañnak und begegnet der See von Xwârizm“, — при чемъ замѣчаетъ: „Это мѣсто, кажется мнѣ, исключаетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что область печенѣговъ начиналась сейчасъ за тою горою“. По моему разумѣнію, переводъ Маркварта, правда, дословный, а Бартольда болѣе вольный, все же Бартольдъ лучше схватилъ смыслъ даннаго мѣста. Даже, если держаться толкованія Маркварта, все-таки его утверждение (77—78 и 160), что отъ Гурганджа до кочевьевъ печенѣговъ (орды бѣга) 17 дней пути, не выдерживаютъ критики, ибо текстъ Гардизи оказывается, что 17-дневный путь считается не отъ Гурганджа, а отъ края степи вблизи Аральскаго озера. И изъ другихъ источниковъ мы можемъ судить о мѣстожителѣствѣ печенѣговъ въ данное время. См. *Românische Studien* von R. Roesler. Leipzig, 1871, стр. 153. На основаніи свѣдѣній Константина Багрянороднаго Реслеръ говоритъ: *Diesem zufolge ist die Lagerung der nomadischen Völkerschaften im Pontuslande während des 8. und am Anfang des 9. Jahrhunderts folgende. Vom Jaik bis zur Wolga oder Itil sitzen die Petchinaken oder Petschenegen. Ihre Nachbarn sind... nach Norden die Uzen, nach Westen die Chazaren...* Такимъ образомъ весьма возможно, что къ срединѣ IX вѣка отдѣльными орды ихъ перешли Волгу и придвинулись къ странамъ славянъ.

Ибн-Ростехъ (Хвольсонъ, 28) и Гардизи, 123: „Отъ земли печенѣговъ до земли славянъ 10 дней пути. Въ ближнихъ краяхъ славянской земли находится городъ, по имени Ва-и“ (Ванит). Слово *medina* (городъ) можетъ быть переведено также черезъ область, округъ. Слова „въ ближнихъ краяхъ славянской земли“ означаютъ, какъ явствуетъ изъ контекста, несомнѣнно: въ сосѣдствѣ съ печенѣгами, т. е. авторъ имѣетъ въ виду восточный сопредѣльный печенѣгамъ край славянской земли. Въ другомъ мѣстѣ, въ главѣ о мадьярахъ, правда, Гардизи, 122 говоритъ: „Изъ страны мадьяръ до страны славянъ 10 дней пути. Въ славянъ есть городъ Ванитъ“ (?). Но другіе компиляторы (Шармуа *Relation*, 366 — 368) имѣютъ подобно Ибн-Ростеху (ср. Гардизи, 123) „печенѣговъ“ вмѣсто мадьяръ съ тѣмъ только различіемъ, что они разстояніе между печенѣгами

и славянами опредѣляютъ въ 13 и 15 дней пути. Марквартъ на стр. 466—467 высказываетъ въ томъ смыслѣ, что слова „отъ земли печенѣговъ до земли славянъ 10 дней пути. Въ ближнихъ краяхъ славянскои земли находится городъ, по имени Вѣнтѣтъ“—первоначально не стояли въ рассказѣ о славянахъ, а заимствованы изъ отрывка о мадьярахъ (Гардизи, 122), гдѣ говорится: „Изъ страны мадьяръ до страны славянъ 10 дней пути. Въ ... славянахъ есть городъ Вѣнтѣтъ“,—при чемъ компиляторъ, сообразно измѣнившимся этнографическимъ условіямъ восточной Европы, мадьяръ замѣнилъ печенѣгами. Какъ бы то ни было, въ новооткрытой рукописи Туманскаго (Зап. Вост. Отд. Имп. Рус. Арх. Общ. X, С.-Пб., 1897, стр. 135) сказано прямо: „Вабитъ—первый городъ съ востока славянъ“. Форму, стоящую у Гардизи Вѣнтѣтъ считаю вполне правильною. Она впрочемъ графически мало разнится отъ Ванит Вабит Иби-Ростеха и Вабитъ персидскаго анонима. Я читаю Вѣнтѣтъ и вижу въ немъ названіе вятичей, вятичей, самаго восточнаго изъ славянскихъ племенъ.

Прекраснымъ подтвержденіемъ тому, что вятичи назывались у восточныхъ писателей вантитъ, служатъ *цитаты* въ письмѣ, хаварскаго кагана Иосифа. Все мѣсто гласитъ въ переводѣ Гаркани (Ein Briefwechsel... 86): „На этой рѣкѣ (Итиль) живутъ многіе народы:... буртасы, болгары, сувары, арису (эрия), цармисы (черемисы), венентиты, северы (или савары), славіуны (славяны)“. Буртасы не финскіе мордвинны, какъ обыкновенно думаютъ, а по всей вѣроятности тюркскіе мещеряки. Ср. статью Чекалина о мещерѣ и буртасахъ въ Трудахъ 8 арх. съѣзда въ Москвѣ, 1890. Томъ III, 1897, стр. 65—74. Сувары или сивары племя и городъ болгаръ у арабскихъ писателей: *szûar* (начинается синомъ) или *szûar* (написано буквою садъ). Арису или арса тождественны съ мордвою. Насупротивъ послѣднихъ на другомъ берегу Волги жили цармисы, т. е. черемисы. Если судить по порядку перечисленныхъ народовъ, то сначала авторъ прослѣживаетъ вверхъ теченіе Волги, но по упоминаніи черемисы онъ заворачиваетъ въ бассейнъ Оки и преслѣдуетъ югозападное направленіе. Еврейское *inntit* читай *w-ntit* вантитъ. На стр. 93 (Briefwechsel) Гаркани видитъ *in-вантитъ-ахъ* вотяковъ, но потомъ въ недоступномъ мѣстѣ Еврейскомъ Сборникѣ высказываетъ совершенно правильное предположеніе, что подъ ними скрываются вятичи русской лѣтописи. Если вантитъ—вятичи, то северы должны совпасть съ сосѣдями вятичей, сѣверянами. Что касается третьяго племени славіуны (славійны), то его слѣдуетъ искать къ югу или лучше къ юговостоку отъ сѣверянъ.

Послѣ вышесказаннаго едва ли дозволено будетъ сомнѣваться въ тождественности вѣнтит-овъ восточныхъ писателей съ вѣттичами летописи. Возраженія Маркварта 200, не знавшаго про вѣттичь въ хазарскомъ письмѣ, несостоятельны. Я нигдѣ и никогда не предполагалъ существованія какого-то славянскаго государства на нижнемъ теченіи Дона. На стр. 199 „рѣка славянтъ“ Балами не есть Донъ, какъ думаетъ Марквартъ, а Волга, при чемъ ссылки стр. 198 на Иби-Хордадбеха недопустима, такъ какъ у послѣдняго „рѣка славянтъ“ совпадаетъ съ Волгою (см. мое разысканіе: Русы Иби-Хордадбеха). Невѣрно замѣчаніе Маркварта, что транскрипція вѣттичи черезъ вѣнтит невозможна. Можно подыскать безчисленное множество славянскихъ словъ, въ которыхъ славянскій звукъ ч. передается иноземцами черезъ т.

Перечисленіе орзи, черомисы, а далѣе вѣттичей, сѣверянъ и „славянтъ“, показываетъ, что авторъ обращаетъ свои взоры не на востокъ къ Камѣ, считаемой восточными писателями за верхнее теченіе Итиля (Волги), а на юго-западъ. И: потому, если вѣттичь говорится, что „оттуда граница поворачиваетъ къ Буарсмъ (чит. Хуарсм) до Джорджаніи“, то подчеркнутымъ словомъ намѣчается какое-то мѣсто на востокъ Хазаріи, о которомъ однакъ раньше не было рѣчи. Тутъ, слѣдовательно, есть значительный пропускъ въ текстѣ.

Марквартъ Streifzüge 189, 194, 198, 471, 508 видитъ въ Вѣттичъ то Кіевъ на Днѣпрѣ, то какой-то городъ на Днѣстрѣ, считая вѣнтитъ либо за искаженіе данст (= Днѣстръ), либо данбр (= Днѣпръ). Наконецъ, на стр. 509 и XXXIV онъ предлагаетъ читать Занбат, усматривая въ немъ названіе Кіева *Zanbatas* у Колотытина Багрянороднаго. Такое колебаніе Маркварта уже само по себѣ говоритъ противъ его догадокъ.

Мадьяры.

Иби-Ростехъ, 26: „... одной окраиной своей прилегаетъ она (страна мадьяръ) къ Румскому морю, въ которое впадаютъ двѣ рѣки, одна изъ нихъ больше Джэйгуна (Аму-Дарья); между этими-то двумя рѣками и находится мѣстопробываніе мадьяръ“. Гардивъ, 122: „Ихъ владѣнія прилегаютъ къ Румскому морю... Они живутъ между (этими двумя) рѣками... Изъ этихъ двухъ рѣкъ одну называютъ Итилемъ, другую—Дунаемъ... Та рѣка, которая находится по правую сторону мадьяръ, течетъ по направленію къ странѣ славянъ и оттуда къ странѣ хазаръ, эта рѣка больше другой“. Подъ послѣднею рѣкою, очевидно, разу-

мѣется Итиль (Волга). Странно только то, что она впадаетъ въ Румское море. Можетъ быть, Донъ здѣсь считается рукавомъ Волги, а Керченскій проливъ его устьемъ. Другая рѣка называется Дуна. Такъ гласитъ названіе Дуная у Абулфеда и въ хазарскомъ письмѣ Іосифа. Марквартъ Streifzüge 31 справедливо говоритъ, что описаніе обвѣихъ рѣкъ у Гардиви очень неясное. По моему мнѣнію въ подлинномъ текстѣ шла, вѣроятно, рѣчь не о двухъ, а о нѣсколькихъ рѣкахъ. Въмѣсто Дуна Марквартъ предлагаетъ читать Куба = Кубань, но тутъ же замѣчаетъ, что къ этому не подходитъ показаніе Гардиви, что эта рѣка находится слѣва у. стороны славянъ.

„Между этими - то двумя рѣками находится мѣстопробываніе мадыаръ“ (Ибн-Ростехъ). По Маркварту 516 эта фраза искажена, ибо у Гардиви, говоритъ Марквартъ, сначала рѣчь шла только объ одной рѣкѣ, на которой живутъ мадыары. Переводъ Гардиви долженъ по остроумной конъектурѣ Маркварта гласить: „нѣкъ владѣнія прилегають къ морю румовъ, въ которое впадаетъ рѣка большая Джейгуна“. А далѣе текстъ гласитъ по Маркварту такъ: „они сидятъ между (среди) этою рѣкою“, т. е. живутъ въ бассейнѣ этой рѣки. Какъ бы то ни было, ясно одно, что подъ моремъ румовъ, имѣющимся и у Бебри 63 (и одна изъ границъ соприкасается съ странами румовъ) можно разумѣть только Черное море, а не Азовское море, какъ думаетъ Марквартъ. Азовское море было всецѣло окружено хазарскими владѣніями, и поэтому наименованіе „море румовъ“ для него невозможно. Марквартъ во что бы то ни стало стремится во многихъ мѣстахъ своей книги ограничить мѣстожительство мадыаръ пространствомъ между Дономъ и Кубанью. Отсюда у него произошелъ цѣлый рядъ натяжекъ. Такъ, объ румскую гавань Кархъ отождествляетъ съ Таманью (Streifzüge 162—164), хотя Тамань въ IX вѣкѣ завѣдомо не принадлежала грекамъ. Ибн-Ростехъ, 27: „Воюя славяцъ и добывши отъ нихъ плѣнниковъ, отводятъ они этихъ плѣнниковъ берегомъ моря къ одной изъ пристаней румской земли, которая зовется Кархъ“. Въ текстѣ Гардиви городъ не поименовывается. Земля румовъ это греческіи колоніи на сѣверномъ берегу Понта. Кархъ не слѣдуетъ смѣшивать съ Керчью, принадлежавшимъ въ IX вѣкѣ хазарамъ и называвшимся по-гречески Κόριζος (μετόχιον τοῦ Κορίζου), по-еврейски согласно хазарскому письму крз, крц, по-персидски крз по анониму Туманскаго (море Крз = Азовское море). Мнѣніе Маркварта 162, будто имя: Керчь возникло лишь послѣ татарскаго нашествія, не выдерживаетъ критики. Но онъ самъ на: стр. 506—567,

благодаря своимъ ему сдѣланнымъ сообщеніямъ, повидимому, 'отъезжается отъ своего мнѣнія. Кархъ я вмѣстѣ съ Хвольсономъ признаю за Кархъ-ние древнихъ на Перекопскомъ заливѣ.

Вышеприведенными цитатами въ достаточной мѣрѣ выясняется мѣстожителство мадьяръ на сѣверномъ побережьи Чернаго моря, такъ что рѣка, по которой жили мадьяры, по всей вѣроятности совпадаетъ съ Давпромъ. Но кромѣ того, мы находимъ мадьяръ еще на Кавказѣ, на правомъ берегу Кубани. Въ этомъ всякій самъ можетъ убѣдиться. Бекри, 63: „И одна изъ ихъ границъ соприкасается къ странамъ рѣмовъ, а въ концѣ ея границъ по направленію въ пустынь, находится гора, на которой живетъ народъ, называемый а..ин и владѣющей лошадьми, скотомъ и пашнями. Ниже этой горы, на берегу моря живетъ народъ по имени авгива. Это христіане; они граничатъ съ мусульманскими странами, причисляемыми къ странамъ Тифлиса, гдѣ начинается граница Арменіи. И эта гора тянется до страны Биб-ал-абваба, и доходитъ до страны хазаръ“. Гардизи, 122: „(На берегу) той рѣки, которая находится вѣво отъ нихъ, въ сторону славянъ, живетъ, народъ изъ румійцевъ; всѣ они христіане; ихъ называютъ нендерами (?); они многочисленнѣе мадьяръ, но слабѣе ихъ... Когда мадыры живутъ на берегу рѣки, они видятъ этихъ нендеровъ; надъ областью нендеровъ, на берегу рѣки, возвышается гора, по склону которой течетъ рѣка. За горой живетъ народъ изъ христіанъ, которыхъ называютъ мардѣтами (?); между ихъ областью и областью нендеровъ 10 дней пути. Они составляютъ многочисленный народъ; ихъ одежда походитъ на одежду арабовъ... У нихъ есть пашни и виноградъ... Они составляютъ особый народъ; торговлю ведутъ преимущественно съ арабами“.

Здѣсь разумѣются тѣ же народы, которые у Ибн-Ростеха 16 въ отрывкѣ о хазарахъ фигурируютъ подъ именами туласъ и лугарь: „Хазарская же земля—страна обширная, одною стороною прилегающая къ великимъ горамъ, тѣмъ самымъ, въ отдаленнѣйшихъ окраинахъ которыхъ живутъ туласъ и лугарь, и которыя простираются до Тифлисской страны“. Туманскій 136, дающій лишь извлеченіе изъ персидскаго анонима, говоритъ, что нашъ авторъ неоднократно упоминаетъ объ этомъ народѣ мрвэг, мрвэг и сообщаетъ, что они живутъ на берегу Чернаго моря, по сосѣдству съ внутренними болгарями и печенѣгами хазарскими. Позднѣйшимъ компиляторомъ эти народы тоже не безызвѣстны (см. Хвольсона, Ибн-Ростехъ 53—54).

Въ тождественности великой горы или великихъ горъ съ Кавказомъ

сомнѣваться нельзя. Баб-сл-абвабъ, т. е. ворота ворота, — это Дербентъ, что въ персидскомъ языкѣ (Дербендъ) значитъ ворота. Соответственно тому Дербентъ иногда и у арабскихъ писателей называется просто ел-Бабъ. На противоположномъ Бабъ-ель-абвабу концѣ Кавказа живутъ два горскихъ племени, долженствующихъ покрывать аллановъ, ясовъ, Аас, и абхазовъ, Abazgi, Awagoz. Замѣчательно, что независимо отъ меня (Beiträge 114—115) Марквартъ въ своихъ Streifzüge 31—32 дошелъ до такого же результата. Пустыня, о которой тутъ же идетъ рѣчь, мѣтитъ на солончаковыя степи Кубанской области. А рѣка, текущая у подножя горы (Кавказъ), не можетъ не покрывать Кубани.

Русы и славяне.

Иби-Ростехъ, 34: „Что касается до Руси, то находится она на островѣ, окруженномъ озеромъ. Окружность этого острова, на которомъ живутъ они (русы), равняется тремъ днямъ пути; покрытъ онъ глѣсами и бодотами; нездоровъ и сыръ до того, что стоитъ наступить ногою на землю, и она уже трясется, по причинѣ (рыхлости отъ) обилія въ ней воды“. Муваддеси (Гаркави Сказ. 282—283): русы живутъ на нездоровомъ островѣ, окруженномъ озеромъ и служащемъ укрѣпленіемъ для нихъ противъ враговъ. Количество ихъ — около ста тысячъ“. Бартольдъ, 123: (Гардизи) О русахъ какъ Ибнъ-Русте, Хвольсонъ 34—40. „Длина и ширина острова три дня пути“; прибавлено, что на этомъ островѣ живутъ до 100.000 людей.—Если вынимать эти цитаты изъ контекста и разсматривать ихъ безъ всякаго отношенія къ всему разсказу о русахъ и къ другимъ показаніямъ автора нашего первоисточника, то тогда дѣйствительно можно прийти къ мысли, что идетъ рѣчь о какомъ-то островѣ на Черномъ, либо Азовскомъ моряхъ, предположеніе, разбивающееся о тщательный анализъ источника въ его цѣломъ.

Иби-Ростехъ, 35: „Русъ имѣеть царя, который зовется Хакаиъ-русъ. Они производятъ набѣги на славянъ; подъѣзжаютъ къ нимъ на корабляхъ, выходятъ на берегъ и полоняютъ народъ, который отправляютъ потомъ въ Хазеранъ и къ болгарамъ и продаютъ тамъ. Нашимъ русъ не имѣеть и нѣтается тѣмъ, что добываютъ въ странѣ славянъ“. То же самое сообщаетъ Гардизи по Бартольду 123. Но вмѣсто §. 10 у Иби-Ростеха стоитъ у Гардизи: „Ихъ царь взимаетъ десятину съ купцовъ. Они постоянно въ числѣ 100 или 200 чело-вѣкъ приходятъ въ страну славянъ и силою отнимаютъ у нихъ по-

лезные предметы, чтобы они находились у нихъ (русовъ); много людей изъ славянъ приходятъ къ русамъ и служатъ имъ, чтобы этой службой обезопасить себя". Поддѣвншіе компиляторы сообщаютъ тѣ же свѣдѣнія частью въ сокращенномъ и искаженномъ видѣ.

Такое сильное разбойничье гнѣздо русовъ немислимо на Керченскомъ проливѣ, если Кіевъ ко времени составленія нашихъ Записокъ не находится еще въ рукахъ русовъ. А между тѣмъ приведенные писатели съ ихъ сравнительно подробными и связными показаніями о народахъ восточной Европы не содержатъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на какія бы то ни было русскія владѣнія на югѣ, будь то въ Поддѣпровьѣ, будь то на побережьи Чернаго моря: Въ главѣ о мадыряхъ, которые помѣщаются въ Понтійскихъ степяхъ и на берегу Кубани, нѣтъ помину о русахъ ни у Ибн-Ростеха, ни Бекри, ни Гардизи, если не считать явной вставки „и русовъ" у Гардизи, о которой мы уже трактовали выше въ другомъ мѣстѣ.

Въ отрывкахъ о буртасахъ нигдѣ нѣтъ рѣчи о русахъ. То же самое относится и къ отрывкамъ о печенѣгахъ. Въ фрагментахъ о хазарахъ русы не упоминаются ни у Ибн-Ростеха, ни у Гардизи. У Бекри 60 они встрѣчаются только въ такой связи: „Это — рѣка (Итиль), которая течетъ къ нимъ (хазарамъ) отъ русовъ и впадаетъ въ море Хазарское". Но болѣе всего поражаетъ насъ, что въ отрывкахъ, посвященныхъ специально славянамъ, какъ у Ибн-Ростеха 28—34, такъ и Гардизи 123, ни слова не говорится о русахъ, а описываются здѣсь славяно, жившіе на югѣ теперешней Россіи — о-богъ съ мадырями, которые терзаютъ ихъ непрерывными набѣгами. О пантять = патичи было уже говорено. Столица славянъ, мѣстопробываніе ихъ великаго князя, называется hrûâb у Ибн-Ростеха, churdâb у персидскаго анонима, dshraût у Гардизи, читай Chûjab = Кіевъ. Марквартъ Streifzüge 471 читаетъ Khogwat, что графически нѣсколько лучше, но по смыслу совсѣмъ не подходитъ. Послѣ того какъ Марквартъ подъ мнимымъ Святополкомъ sūjt mlk не разумѣетъ болѣе моравскаго князя Святополка, о которомъ думаетъ Хвольсонъ, то нѣтъ ни малѣйшей причины приравнивать вмѣстѣ съ Хвольсономъ столицу славянскаго князя въ отрывкѣ о (восточныхъ) славянахъ въ Кракову.

Если такимъ образомъ приходится исключить островныхъ русовъ изъ юга восточной Европы, куда ихъ въ такомъ случаѣ дѣвать?

Уже выше я привелъ мѣсто изъ Бекри: „Это — рѣка (Итиль), которая къ нимъ течетъ отъ русовъ и впадаетъ въ море Хазарское".

Согласно тому русы должны жить на верховьяхъ Волги, такъ какъ на среднемъ и нижнемъ теченіи Волги помѣщаются другіе народы, какъ-то: болгары, буртасы, хазары. На верховья Волги указываетъ также нижеслѣдующее мѣсто въ разсказѣ о болгарахъ (Ибн-Ростехъ, 23): „Хазаре ведутъ торгъ съ болгарами; равнымъ образомъ и русы привозятъ къ нимъ свои товары“. А дальнѣ переводч. должнѣ гласить по Гаркави, къ которому я присоединяюсь, такимъ образомъ (Дополн. къ Сказ. стр. 36): „и всѣ народы, которые живутъ по обонимъ берегамъ помянутой рѣки, везутъ къ нимъ (болгарамъ) товары свои какъ-то: мѣха соболей, горностаевы, бѣличьи и другіе“. Гардизи совпадаетъ съ Ибн-Ростехомъ, но прибавляетъ еще къ концу: „Потому они тѣ диргемы отдають русамъ и славянамъ, такъ какъ тѣ люди не продають товара иначе, какъ за чеканенныя диргемы“. Ср. Вольтъ, 63: „Хазаре ведутъ съ ними (Блкар-ами) торговые сношенія и также русы“. Наконецъ указываю еще на мѣсто въ разсказѣ о русахъ (Ибн-Ростехъ, 35): „... подвѣзжаютъ (русы) къ нимъ (славянамъ) на корабляхъ, выходятъ на берегъ и полоняютъ народъ, который отправляють потомъ въ Хазерагъ и къ болгарамъ и продають тамъ“.

Заключеніе, къ которому прихожу, слѣдующее. Разбойничье гнѣздо островныхъ русовъ находится на сѣверѣ восточной Европы, въ странѣ славявъ. Въ бассейнъ рѣки Двѣпра русы еще не проникли, во всякомъ случаѣ не успѣли еще овладѣть Кіевомъ. Итакъ, авторъ нашего первоисточника писалъ не позже середины 50 годовъ IX столѣтія, еще до появленія Аскольда и Дира въ Кіевѣ, которые (по Кунку) зашли тамъ по крайней мѣрѣ около 855 года, если не раньше, ибо уже въ 860 году они предпринимаетъ свой знаменитый походъ на Византію.

Островъ, служившій мѣстопребываніемъ русовъ, тожественъ съ Holmgard'омъ (что значить островной городъ) исландскихъ сагъ, какъ неоднократно именуется въ нихъ Новгородъ. Ср. В. Томсена Происхожденіе русскаго государства, нѣм. перев. Борнemann. Гота 1879, стр. 84: „Дальнѣ крайне часто (въ сагахъ) упоминается Новгородъ, но-скандинавски называемый *Holmgardr*, вѣроятно потому, что онъ лежалъ на островѣ (Holm), гдѣ Волховъ выходитъ изъ Ильменскаго озера“. См. еще примѣчаніе 2 у Томсена: „Или *Hölm* = *Ильмень*, передѣланное сообразно древнему норвежскому *hölmr*?“ Древнерусская форма Илмерь, вариантъ Вылмеръ, еще болѣе подходитъ къ *holmr*, *hulmr*. Сравня извѣстія ал-Бекри и другихъ авторовъ о русахъ и славянахъ. Часть 2. С.-Пб. 1903, стр. 106: „*Hölmgarðher* = городъ на

островѣ; по-славянски самый городъ сталъ называться *Новгородомъ*... Эта колонія была основана на правомъ (болѣе высокомъ) берегу Волхова, тогда какъ Кремль Рюриковичей былъ построенъ на островѣ или на лежащемъ по направленію къ озеру Ильмену полуостровѣ, искусственно превращенномъ въ островъ... Полуостровъ, на которомъ возвышалось укрѣпленіе... уже давно называется Городище (въ одной гизейской грамотѣ Gerscke)". При этомъ прошу не забывать, что ни Томсенъ, ни Кунигъ нисколько не подозрѣвали тождественности „острова русовъ" съ Holmgard'омъ исландскихъ сагъ. Нашъ островъ русовъ не имѣетъ ничего общаго ни съ Истаркѣвымъ островомъ русовъ въ Каспійскомъ морѣ, какъ думалъ Гарзави, См. 196, ни съ полуостровомъ Таманскимъ, какъ предполагалъ Кунигъ въ Запискахъ Имп. Акад. Наукъ. С.-Пб. 1874, томъ 24: О запискѣ готскаго Топарха, стр. 89 прим.

Царь русовъ называется хѣкѣн рѣс-овѣ (Иби-Ростехъ и Гардизя) или просто хѣкѣн (анонимъ персидскій) и совпадаетъ съ *схасанус* Пруденція отъ 839 г. Писаніе *схѣкѣн* доказываетъ, что это слово означаетъ здѣсь известный тюркскій титулъ, а потому и *схасанус* не представляетъ имя собственное Након или Накан, какъ полагали Кунигъ и въ особенности Гутцейтъ. При этомъ не лишнимъ будетъ вспомнить, что тюркскимъ почетнымъ титуломъ коганъ величали на Руси и славянскихъ князей, откуда слѣдуетъ, что сосѣдніе не тюркскіе народы усвоили себѣ это слово для обозначенія представителей высшей власти.

Что касается національности древнихъ русовъ, то прошу обратить вниманіе на то, что авторъ первоисточника трактуетъ о русахъ и славянахъ въ двухъ отдѣльныхъ статьяхъ, приписывая имъ различный образъ жизни, различныя нравы и обычаи. Мало того: онъ опредѣлительно указываетъ на непріязненные отношенія, существовавшія между славянами и русами; изъ нихъ послѣдніе являются работодателями, а первые—порабощенными. „Что касается до руси, то находится она на островѣ, окруженномъ озеромъ и служащемъ оплотомъ противъ враговъ... На этомъ островѣ живутъ до 100.000 людей. Они производятъ набѣги на славянъ, подѣзжаютъ къ нимъ на корабляхъ, выходятъ на берегъ и полонятъ народъ, который отправляютъ потомъ въ Хазеранъ (Итиль) и къ болгарамъ и продаютъ тамъ. Пашенъ русъ не имѣетъ и питается лишь тѣмъ, что добываетъ въ землѣ славянъ. Когда у кого изъ руси родится сынъ, отецъ беретъ обнаженный мечъ, кладетъ его передъ дитятемъ и говоритъ: „Не

оставляю въ наслѣдство тебѣ никакого имущества; будешь имѣть только то, что приобрѣтешь себѣ этимъ мочемъ. Русь не имѣетъ ни недвижимаго имущества, ни деревень, ни пашень; единственный промыселъ ихъ — торговли соболями, бѣличьими и другими мѣхами... Ихъ царь взымаетъ десятину съ купцовъ. Они постоянно въ числѣ 100 или 200 человекъ приходятъ въ страну славянъ и силой отнимаютъ у нихъ полезные предметы, чтобы они находились у нихъ (русовъ); много людей изъ славянъ приходятъ къ русамъ и служатъ имъ, чтобы этой службой обезопасить себя... Когда просятъ о помощи который либо изъ ихъ родовъ, выступаютъ въ поле всѣ и не раздѣляются на отдѣльные отряды, а борются соменутымъ строемъ, пока не побѣдятъ“.

Русы образуютъ организованную по полному, занимающуюся грабежомъ и торговлею, разбойничью колонію въ числѣ 100.000 въ сѣверо-славянской землѣ. Первоисточникъ переноситъ насъ во время основанія русскаго государства, и какъ историческій документъ—неопровержимъ. По своему содержанию онъ въ состояніи разогнать туманы, окутывающій спорное начало русской исторіи и заставить замолчать навсегда изслѣдователей, сомнѣвающихся въ славянскомъ происхожденіи древней руси. Во всякомъ случаѣ наше свидѣтельство исключаетъ всякую мысль объ исконномъ жителствѣ русовъ въ Поднѣпровьѣ. Замѣчательно, что уже В. Томсонъ предугадалъ значеніе нашего источника. Въ своихъ лекціяхъ о происхожденіи русскаго государства 1870 стр. 28—29 онъ говоритъ; „Предварительно я желалъ бы указать на противоположность, обнаруживающуюся въ показаніи Ибн-Дустаха между самими русами и славянами, съ которыми они воюють... Мнѣ сдается, что мы имѣемъ тутъ свидѣтельство изъ вторыхъ, пожалуй даже изъ третьихъ рукъ, источникъ (или источники) котораго восходятъ ко времени до окончательнаго заселенія Кіева русами... Если авторъ говоритъ, что ихъ князья назывались Хазан-Русъ, то я вижу въ этомъ намекъ на то, что онъ свое показаніе почерпнулъ прямо или косвенно у хазаръ; ибо хазанъ—турецкій или татарскій титулъ, употребленный самими хазарами для ихъ собственныхъ князей“.

Въ 860 году русы съ сильнымъ войскомъ подступили къ Константинополю, такъ что завоеваніе Кіева русью слѣдуетъ приурочить ко времени не позднѣе середины пятидесятихъ годовъ IX столѣтія. Значитъ, *terminus ad quem* для времени составленія нашего первоисточника является приблизительно 850 годъ. Впервые упоминаются росы

въ исторіи подъ 839 годомъ. Этихъ-то росовъ Бертиніанскихъ лѣтописей я вмѣстѣ съ Куникомъ и Томсеномъ признаю за выселившееся уже изъ Скандинавіи 'норманское племя. Сообразно съ тѣмъ можно считать за *terminus a quo* время около 839 года, но не позже. Мадыры кочевали въ припонтійскихъ степяхъ, гдѣ ихъ застаеетъ авторъ первоисточника, отъ 825 до 895 года; см. приложение: къ праисторіи мадыръ. На основаніи сказаннаго отношу время составленія нашего документа къ второй четверти IX столѣтія.

Замѣчательно, что къ тому же результату, совсѣмъ независимо отъ меня и на основаніи другихъ признаковъ, дошелъ и Маревартъ, тщательно изслѣдовавшій нашъ памятникъ. См. *Streifzüge* XXVIII, XXX—XXXI, XXXII.

29. Мнимая Черноморская русь.

Предлежащая статья заимствована изъ моего рукописнаго труда: комментарий на Записку готскаго Топарха. Опущено мною лишь то, что не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ свидѣтельствамъ восточныхъ писателей.

Все, что вообще возможно привести въ пользу Черноморской или Тмутараканской руси, сведено въ одно Гедеоновымъ въ его нежданномъ 3 томѣ „Варяги и Русь“ и Куникомъ въ сочиненіи „Галицко и Черноморская русь“, тоже оставшемся невзданнымъ. Удивительно, что какъ у Гедеонова, такъ и у Куника на первомъ планѣ стоятъ извѣстія восточныхъ писателей, не смотря на то, что эти извѣстія дошли до насъ въ искаженномъ видѣ и не подвергнуты предварительной критической обработкѣ. Если пользоваться свидѣтельствами восточныхъ писателей, то по крайней мѣрѣ слѣдовало показанія позднѣйшихъ компиляторовъ привести къ первоисточникамъ и различать между писателями до 965 года, до времени похода Святослава въ землю хазарь, ясовъ и касоговъ. Ничего подобнаго не сдѣлано. Понятно поэтому, что неразборчивое и ненаучное отношеніе къ показаніямъ восточныхъ писателей породило ужасную путаницу, въ которой погрязнеть еще не мало ученыхъ, занимающихся изслѣдованіями по древне-русской исторіи.

Гедеоновъ, стр. 135: „Извѣстія о ней (Черноморской руси) и намека находимъ мы у писателей арабскихъ, еврейскихъ, греческихъ и словенорусскихъ... Изъ нихъ, по своей положительности, стоитъ на первомъ планѣ классическое мѣсто Масуди, достовѣрнѣйшаго и ученѣйшаго изъ восточныхъ писателей († 956—957). Онъ говоритъ:

Вверхъ по теченію хазарской рѣки (то есть Волги) есть истокъ, имѣющій сообщеніе съ однимъ рукавомъ моря Нитасъ, которое есть море русовъ и т. д. Вокругъ этого основного, никакого сомнительнаго толкованія не допускающаго извѣстія, группируются остальные, какъ предшествующія ему, такъ и позднѣйшія. А все-таки Гедеоновъ сильно ошибается на счетъ Масуди. Приведенное мѣсто подробно анализировано мною выше, куда я и отсылаю читателей. „Ибо они живутъ на одномъ изъ его береговъ“,—подъ этими словами Масуди разумѣть не берегъ Чернаго, или Азовскаго моря, но западное побережье моря Балтійскаго. Названіе же Чернаго моря „моремъ русовъ“ у Масуди нисколько не свидѣтельствуетъ о поселеніяхъ русскихъ на Керченскомъ проливѣ. Съ покореніемъ угличей и тиверцевъ границы русскаго государства широко раздвинулись на югъ до сѣверозападнаго края Чернаго моря. Наименованіе „русское море“ могло произойти и оттого, что русскіе часто выѣзжали въ торговыхъ и военныхъ цѣляхъ въ море и приставали ко всѣмъ его берегамъ. Въ первую половину X вѣка русскіе господствовали на Понтѣ. Изъ другого извѣстія Масуди, извѣстія о походѣ русовъ послѣ 300 года гиджры, явствуетъ, что въ означенное время они не владѣли побережьемъ Боспора, иммерійскаго, находившагося въ ту эпоху въ рукахъ хазаръ.

Затѣмъ Гедеоновъ цитуетъ показаніе Иби-Даста (Иби-Ростехъ) и Мукаддеси, писателей X вѣка, объ „островѣ русовъ“. Вопросъ объ этомъ загадочномъ островѣ, съ которымъ и Куникъ не могъ справиться, разработанъ мною въ статьѣ: Древнѣйшее свидѣтельство о русахъ. Оказывается, что островъ русовъ совпадаетъ съ Holmgarð (=островной городъ) исландскихъ сагъ, т. е. Новгородомъ, и что первоисточникъ, изъ котораго черпали свои свѣдѣнія позднѣйшіе историки и географы, не знаетъ еще руси въ области рѣки Днѣпра, населенной къ тому времени исключительно славянами, которыхъ авторъ первоисточника рѣзко отличаетъ отъ русовъ, поработившихъ себѣ землю сѣверныхъ славянъ. Далѣе, Гедеоновъ ссылается на Дименки, компилятора XIV столѣтія, „но черпавшаго, какъ извѣстно, изъ надревнѣйшихъ источниковъ“. Восходятъ ли эти источники къ времени до 965 года, Гедеоновъ, конечно, не знаетъ.

Что же касается Идриси (1153 г.), то Гедеонову и тутъ слѣдовало бы прежде всего доказать, что тѣ мѣста, на которыя онъ указываетъ въ подтвержденіе своей гипотезы о Черноморской руси, принадлежатъ къ источникамъ, возникшимъ до 965 года. Но и помимо

того, толкованіе извѣстій Идриси Гедсоновымъ врядъ-ли выдерживаетъ критику. Одно уже правописаніе *bergian* (буржданъ), какъ изрѣдка называются только дунайскіе болгары, свидѣтельствуешь объ ошибочномъ отождествленіи ихъ съ черными болгарами, жившими на Азовскомъ морѣ. Страна русовъ и буржданъ опредѣляется точнѣе упоминаніемъ устьевъ Днѣпра и Дуная. Кто желаетъ ближе ознакомиться съ текстомъ Идриси, тому совѣтую не довольствоваться однимъ латинскимъ переводомъ, а сравнивать его также съ французскимъ переводомъ Жюбера. Гедсоновъ, очевидно, особенно напираетъ на слѣдующее мѣсто у Идриси: „*Amplectitur sexta haec pars climatis sexti particulam maris Pontici cum adiacentibus illi regionibus, complectitur (complectitur) etiam portionem terrae Commaniae (землю половцевъ между нижнимъ Дономъ и Каспійскимъ моремъ), regiones Russiae exterioris (азовскую Русь), aliquot regiones Bolghariae (волжскихъ болгаръ...)*“. Но, во-первыхъ, упоминаніе половецкой земли, которую Гедсоновъ напрасно ограничиваетъ пространствомъ, заключеннымъ между нижнимъ Дономъ и Каспійскимъ моремъ, выдаетъ время составленія этого извѣстія (XI—XII вѣкъ), а во-вторыхъ, весьма сомнительно отождествленіе *Russia exterior* съ Русью тмугараванской; ср. ꙗ, ёѡ Рѣжа у Константина Багрянороднаго. Такому допущенію противорѣчатъ также терминологія у восточныхъ писателей, которые приазовскихъ болгаръ называютъ „внутренними“, не „внѣшними“. Внѣшніе болгары—это по восточнымъ писателямъ болгары приволжскіе. См. мое разысканіе: Внутренніе болгары.

Относительно города Русія, встрѣчающагося у восточныхъ писателей (Идриси XII ст., Иби-Сандъ XIII ст., Иби-Варди 14 ст.) и помѣщаемого ими на Киммерійскомъ проливѣ, слѣдуетъ сказать, что онъ никакъ не можетъ служить доказательствомъ существованія черноморской руси до 965 года; а что при Владимірѣ уже было Тмугараванское княжество, общезвѣстно.

Толкованіе отрывка изъ Іосифа бенъ-Горіонъ въ пользу черноморской руси вполне произвольное. Предполагая даже вмѣстѣ съ Гедсоновымъ, что Бира совпадаетъ съ *Beira* (*Vulzunbeire* у мюнхонскаго географа), можно мѣстонахожденіе руси съ одинаковымъ, если не большимъ, правомъ отнести къ руси новгородской. Но въ виду сопоставленія Іосифомъ руси съ *Vosni* (чит. *Saksi*, см. мое разысканіе: Русь Іосифова и Ибрагима Иби-Якуба) и съ *Anglesi*, которымъ приписывается одинъ и тотъ же родоначальникъ, гораздо правильнѣе этихъ *rusi* считать за норманновъ, населяющихъ сѣверозападную Европу.

Весьма странно, что Гедеоновъ и извѣстіе Ибн-Хордадбеха отнести къ черноморской руси. Ибн-Хордадбехъ говоритъ о двухъ торговыхъ путяхъ, по которымъ русы изъ отдаленнѣйшихъ концовъ славянской земли отправляются на югъ. Одинъ изъ нихъ ведетъ (по Диввру) въ Черное море, другой по Волгѣ въ Каспійское. См. мою статью: Русь Ибн-Хордадбеха. Въ такомъ же ненаучномъ, смѣю сказать, духѣ и другія свидѣтельства восточныхъ писателей подгоняются Гедеоновымъ, во что бы то ни стало, къ черноморской руси.

Извѣстія же Эс. Шабангарея (1333), Шукроллаха (1456) и Мохаммеда писателя (1574), приводимыя Гедеоновымъ на стр. 154, лучше разсматривать у Купика, къ изслѣдованію котораго теперь и обратимся.

На стр. 326 сл. Купикъ въ своемъ сочиненіи „Галиндо и черноморская русь“ сообщаетъ показанія позднѣйшихъ компиляторовъ, яко бы свидѣтельствующія въ пользу существованія черноморской руси.

Персіянинъ Мирхондъ († 1498) въ переводѣ барона Розена: „Послѣ этого (т. е. послѣ того какъ тюркское племя хазаръ поселилось въ кряхъ, гдѣ застала ихъ исторія) пришелъ русъ въ окрестности странъ хазара и, отправивъ посланца, потребовалъ отъ него (позволенія) поселиться на томъ мѣстѣ. Хазаръ очень обласкалъ его посланца, соизволилъ передать ему нѣкоторые изъ острововъ той области, которые имѣли хорошій воздухъ и чистую землю“. Второе извѣстіе Мирхонда: „Что касается руси, то онъ былъ человекъ безпощадный. Послѣ долгихъ странствованій онъ пришелъ въ окрестности хазара и потребовалъ отъ брата юрты, чтобы поселиться. И хазаръ обласкалъ его посланца и уступилъ ему нѣкоторые изъ острововъ, которые были землею теплою и имѣли хорошій воздухъ. И обычай творить судъ и расправу русъ установилъ. И обычай русовъ таковъ, что они все имущество даютъ дочери, а сыну ничего не даютъ кромѣ меча и говорятъ: вотъ это—твое наслѣдство“. По поводу этихъ свидѣтельствъ Купикъ замѣчаетъ, что, къ сожалѣнію, не существуетъ никакой монографіи, по которой можно было бы составить себѣ понятіе объ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ источникахъ, которыми пользовался Мирхондъ при составленіи своего историческаго труда.

Извѣстіе Шабангарея (Галиндо 329—330): „Осьмое отдѣленіе составляютъ русы (или росы). И они живутъ на островѣ (полуостровѣ), длиною и шириною въ 3 дня пути, покрытомъ лѣсами и окруженномъ моремъ. Они безпрестанно разбойничаютъ и только

мечомъ находятъ себѣ пропитаніе и добытокъ. Если кто изъ нихъ, умирая, оставитъ сына и дочь, то послѣдняя получаетъ все оставленное отцомъ, а сынъ только мечъ. Ему говорятъ: отецъ твой приобрѣлъ себѣ имущество мечемъ; дѣлай какъ онъ. Въ году 300 (=912—913) сдѣлались они христіанами. И ихъ постигло горе и они обратились къ исламу и стали мусульманами, и желаніемъ ихъ было при этомъ право на войну и грабежъ. Они отправили пословъ къ шаху Хваризма (хвалисьскому)—ихъ было четверо—и шахъ Хваризма далъ имъ знатнаго (шорифъ) и радovelся ихъ переходу къ исламу. И плывъ они въ войнѣ недосигаемы и развѣзжаютъ по морю, и къ кому придуть, того убиваютъ и грабятъ. Они всѣхъ превосходятъ могуществомъ, и лошадей у нихъ нѣтъ. Богъ знаетъ это лучше. И много есть тюрескихъ родовъ и племенъ, и это все, что извѣстно о ихъ обычаяхъ, о ихъ образѣ жизни, о ихъ жилищахъ и поселеніяхъ и вѣрѣ.—При этомъ Куникъ замѣчаетъ, что до сихъ поръ еще не изслѣдовано, какіе источники служили основаніемъ для составленія сочиненія Шабангарея (ок. 1333) и откуда два другихъ компилятора Шукроллахъ (1456) и Мухаммедъ (1574) заимствовали свои краткія свѣдѣнія о мухаммеданской руси.

Шукроллахъ гласитъ у Гаммера: L'an de l'Hégire 303 on les craignit, et cette peur les fit musulmans. Leur but en se convertissant était de légitimer le butin. Мохаммедъ у Гаммера: L'an de l'Hégire 333 ce peuple fut éclairé par le rayon de la direction divine et se convertit à l'islam pour jouir à juste titre de son butin.

Къ нашему счастью болѣе подробный рассказъ о томъ же предметѣ сохранился у ал-Ауфя, писателя XIII вѣка, и опубликованъ Бартольдомъ въ Запискахъ восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества, IX томъ, выпускъ I—IV. С. IIб. 1896, стр. 262—267:

„Руссы живутъ на одномъ островѣ среди моря; какъ въ даянѣ, такъ и въ ширину островъ простирается на три дня пути. На томъ островѣ есть деревья и лѣса; окъ со всѣхъ сторонъ окруженъ моремъ. Они постоянно занимаются разбоемъ и знаютъ только одно средство добывать себѣ пропитаніе—мечъ. Если кто-нибудь изъ нихъ умретъ и послѣ него останутся сынъ и дочь, то все имущество отдають дочери, а сыну не даютъ ничего, кромѣ одного меча, и говорятъ ему: твой отецъ добылъ себѣ имущество мечомъ. (Такъ было до тѣхъ поръ), пока они не сдѣлались христіанами въ 300 г. гдждры; принявъ христіанство, они вложили тѣ мечи въ пожны. Такъ какъ

они не знали другого способа добывать себѣ пропитаніе, а прежній былъ (теперь) для нихъ закрытъ, то ихъ дѣла пришли въ разстройство, и жить стало имъ трудно. Поэтому они почувствовали склонность къ религіи ислама и сдѣлались мусульманами; ихъ побуждало къ этому желаніе получить право вести войну за вѣру. Они отправили пословъ къ хорезмшаху; пословъ было четверо, изъ родственниковъ царя, правившаго вполне самостоятельно и носившаго титулъ будадмира, какъ туркестанскій царь носить титулъ хакана, болгарскій—титулъ владавца [чит. иаутверъ]. Когда послы пришли къ хорезмшаху, онъ очень обрадовался ихъ желанію принять исламъ, пожаловалъ имъ почетные подарки и отправилъ одного изъ имамовъ, чтобы научить ихъ правиламъ ислама. Послѣ этого они сдѣлались мусульманами. Они совершаютъ походы на отдаленныя земли, постоянно странствуютъ по морю на судахъ, нападаютъ на каждое встрѣчное судно и грабятъ его. Могуществомъ они превосходятъ всѣ народы, только что у нихъ нѣтъ лошадей; если бы у нихъ были лошади, то они приобрѣли бы господство надъ многими народами⁴.

Первая часть этихъ извѣстій, кончая словами: „Твой отецъ добылъ себѣ имущество мочомъ“, сводится къ источнику, изъ котораго черпаютъ Иби-Ростехъ, Гардизи, Бекри и др. Этотъ первоисточникъ восходитъ ко второй четверти IX вѣка. Островъ русовъ тождественъ съ Holmgard-омъ исландскихъ сагъ. Слѣдующія затѣмъ извѣстія относительно перехода къ исламу не могутъ по причинѣ упоминанія Владимира (Будадмиръ или Вудадмиръ) падать на время до 980 года. Поэтому отмѣченныя даты 300, 303, 333 гнджры должны быть искажены переписчиками. Бартольдъ, стр. 226: „Въ примѣчаніяхъ къ переводу Ауфи мы привели нѣкоторые источники, изъ которыхъ онъ повидимому заимствовалъ свои свѣдѣнія; но о томъ, какъ дошло до него извѣстіе о посольствѣ Владимира, мы ничего не можемъ сказать. Загѣтимъ только, что Ауфи, судя по одному мѣсту въ его книгѣ, въ молодости былъ въ Хорезмѣ“. Что же касается послѣднихъ сообщеній, начиная со словъ: „Они совершаютъ походы на отдаленныя земли“, то они лучше всего подходятъ къ X столѣтію

Послѣ всего вышесказаннаго ясно, что и въ основѣ разсказа Мирхонда лежатъ данныя первоисточника, относящагося къ срединѣ IX столѣтія и ничего не знающаго ни о руси черноморской, ни о руси придиѣпровской.

Таковы главнѣйшія свѣдѣтельства, на почвѣ которыхъ возникла призрачная теорія о вольной черноморской руси.

23. Когда хазары приняли законъ Моисея.

Борьба между хазарами и болгарами, отгѣсненными къ Дунаю, приходится между 635—679 годами. Въ 635 году Кувратъ пошелъ на аваръ, заключивъ союзъ съ императоромъ Иракліемъ, а въ 679 году Аспарухъ покорилъ балканскихъ славянъ. Каганъ Іосифъ, разсказавъ въ своемъ письмѣ къ Хаздаю про войны съ болгарами, продолжаетъ: „Послѣ этого прошли поколѣнія (т. е. нѣсколько поколѣній), пока не возсталъ (среди хазаръ) царь, по имени Буланъ, который былъ мудръ, богоболазненъ, благочестивъ и всѣмъ своимъ сердцемъ уповалъ на Бога“. Буланъ, свѣтскій каганъ, первый принялъ еврейскую религію, а за нимъ и духовный каганъ и верхній слой народа обратились въ ней. Слова „прошли поколѣнія“ свидѣтельствуютъ о томъ, что принятіе закона Моисея хазарами приурочивается Іосифомъ не къ VII столѣтію, около середины котораго хазары ударили на болгаръ, а къ позднѣйшему времени. Равнымъ образомъ Іуда Галлеви, писавшій около 1140 года и знавшій письмо хазарское, относитъ это событіе не къ VII вѣку, а къ VIII, приблизительно къ 740 году. Съ этимъ опредѣленіемъ времени согласуется дальнѣйшій разсказъ Іосифа о вторженіи Булана черезъ Дарьяльское ущелье въ Азію, въ страну Ардавилъ. Замѣчательно, что по Георгіевской лѣтописи хазарскій полководецъ Буланъ совершаетъ набѣгъ на Азію, по Броссе, въ 731 году. Хазары овладѣли Кахетією, взяли Тифлисъ, двинулись далѣе на югъ и дошли до Адзербайджана. Упоминаніе Кахетіи и Тифлиса указываетъ на то, что хазары вторглись въ Азію черезъ ворота Аланъ (Дараланъ въ хазарскомъ письмѣ). По другимъ восточнымъ писателямъ, цитованнымъ у Маркварта *Streifzüge* на стр. 11, примѣч. 2, хазары въ 730—731 году при своемъ набѣгѣ на Азію заняли Ардебиль (Ардавилъ хазарскаго письма). Буланъ не былъ великимъ каганомъ, а майордомомъ хазарскимъ, что совпадаетъ съ извѣстіемъ Гевонда, который называетъ главнокомандующаго хазаръ Буланомъ. Италъ видѣ всякаго сомнѣнія, что впервые еврейская религія пустила корни въ Хазаріи къ срединѣ VIII столѣтія, не раньше и не позже. Слѣдовательно, вторая дата въ письмѣ хазарскомъ касательно тѣхъ же событій, опредѣляющая принятіе Моисеева закона хазарами за 340 лѣтъ, считая отъ времени кагана Іосифа (приблизно 960), безспорно искажена. Очевидно, слѣдуетъ читать 240, а не 340. Если вычтемъ 240 изъ 960, получимъ 720. Окончательно еврейская религія утвердилась по Іосифу въ странѣ хазаръ при Обадѣ, потомкѣ Булана.

Масуди и Димешки (Ибн-ал-Атиръ) относятъ распространеніе еврейской религіи среди хазаръ ко времени Гарунъ-ар-Рашида 786—809, когда въ Византіи открылось гоненіе на евреевъ, отчего много изъ нихъ выселилось во владѣнія хазаръ, отличавшихся вѣротерпимостью.

Въ виду вышеизложеннаго долженъ показаться страннымъ взглядъ Маркварта, что хазары приобщились къ закону Моисея во второй половинѣ IX столѣтія, лишь послѣ миссіонерской дѣятельности Константина. Сужденіе Маркварта, *Streifzüge* 5 сл., о хазарскомъ письмѣ совершенно превратное и, по всей вѣроятности, гласило бы иначе, если бы ему была доступна болѣе подробная редакція его. Въ настоящее время врядъ-ли кто изъ знаточковъ русскихъ древностей, основательно изучившихъ этотъ оригинальный и важный документъ, сомнѣвается въ его подлинности. Доводы Маркварта, приводимые имъ для доказательства подложности его, не выдерживаютъ критики. Такъ, напримѣръ, рѣка в-г-з или іуз-г это рѣка Днѣпръ, какъ мною показано въ моихъ *Beiträge*, между тѣмъ Маркварту чудится „море Варангъ“. Тет или Тет ничего общаго не имѣетъ съ Танатіа итальянскихъ картъ, ибо изъ контекста явствуетъ, что его слѣдуетъ искать на сѣверозападномъ концѣ Кавказа. Рѣка Вршанъ или Удшанъ въ дѣйствительности представляетъ одинъ изъ рукавовъ Волги, а Марквартъ на стр. 19 въ рѣкѣ Варшанъ готовъ усмотрѣть рѣку города Баладжара, при чемъ онъ отождествляетъ столицу гуновъ Варачанъ съ Баладжаромъ, городомъ хазаръ. А между тѣмъ Варачанъ это Вартсанъ, городъ Азербейджана, часто упоминаемый арабскими историками. Впрочемъ онъ отъ своего домысла самъ отказывается на стр. 492. Марквартъ останавливается на предположеніи о связи рѣки Варшанъ въ исторіи обращеніи хазарскаго царя у Галлеви и предлагаетъ вмѣсто рѣки Варшанъ читать „горы Варшана“. Во второй редакціи ясно говорится о дорогѣ Дараланъ (Дарьяльское ущелье) и странѣ Ардавилъ, а Марквартъ, держась первой испорченной редакціи, лишь напуталъ при разборѣ этого мѣста. Марквартъ сильно ошибается, если думаетъ, что Гаркави оттого-то и не издастъ еврейскаго текста второй редакціи хазарскаго отвѣтнаго посланія, что убѣдился въ поддѣлкѣ его. Напротивъ, Гаркави, изобличитель Фирковича, всегда настаивалъ и настаиваетъ на подлинности этого историческаго свидѣтельства и нашелъ сторонника въ такомъ знатокѣ древнорусской исторіи, какимъ былъ незабвенный академикъ Кунинъ. Разъ ставъ на ложный путь, Марквартъ не смогъ поладить со своею задачею, высказываетъ различныя предположенія

и не приходитъ ни къ какому опредѣленному результату, хотя и все норовитъ доказать, будто хазары сдѣлались евреями во второй половинѣ IX вѣка.

Подъ вліяніемъ такой предвзятой мысли Марквартъ ложно толкуетъ ясныя историческія свидѣтельства. Уже до крещенія болгарскаго царя Богориса около 864 года многіе болгары приняли христіанскую религію. Марквартъ, *Streifzüge* 23—24: *quia vero dicitur quod christianissimus rex speret quod ipse rex Vulgarorum ad fidem velit converti et jam multi ex ipsis christiani facti sint.* Крестившись, Богорисъ принудилъ всѣхъ остальныхъ языческихъ своихъ подданныхъ сдѣлаться христіанами. Италѣ христіанизация Болгарія завершилась около 864 г. Если Друтмаръ, комментаторъ евангелиста Маттея, замѣчаетъ: *Bulgarii quoque...cottidie baptizantur*, то всякій непредубѣжденный, мнѣ кажется, отнесетъ эти слова ко времени, предшествовавшему 864 году. А если Друтмаръ тутъ же говоритъ: *Gog et Magog, quae sunt gentes Hunorum, quae ab eis Gazari vocantur circumcisa est, et omnem Iudaismum observat*, то во всякомъ случаѣ обрѣзаніе хазаръ приходится на эпоху, предшествовавшую переходу болгаръ въ христіанство. Слѣдовательно, по Друтмару никакъ нельзя приурочивать принятіе хазарами Моисеева закона ко второй половинѣ IX столѣтія, ко времени, слѣдовавшему за пребываніемъ Константина въ землѣ хазаръ (ок. 857). Ибн-Ростекъ и Гардизи, черпавшіе изъ источника второй четверти IX вѣка, совсѣмъ молчатъ о христіанахъ въ землѣ хазаръ, а повѣствуютъ о томъ, что высшій классъ населенія исповѣдуетъ еврейскую религію, остальные же хазары—язычники, между тѣмъ какъ городское, повидному, нпншмоншное нпншмонш состоитъ изъ мусульманъ. О христіанствѣ, повторяю, нѣтъ у нихъ помину. Лишь писатели X столѣтія, какъ шпримѣръ, Масудя, знаютъ о существованіи христіанъ среди хазаръ.

Съ какою ярою предвзятостью Марквартъ, *Streifzüge* XII—XIV, выдаетъ хазарское письмо за поддѣлку, видно уже изъ того, что онъ отваживается судить о немъ, хотя ему были недоступны какъ болѣе полная и исправная редакція посланія Іосифа, такъ и всѣ сюда относящіяся статьи Гаркави, изъ которыхъ главнѣйшія: *Ein Briefwechsel zwischen Cordova und Astrachan* въ *Russische Revue von Röttger* St. Petersburg. 1875, *Die Schicksale des chasarischen Briefwechsels* въ *Russ. Revue* 1877. Равнымъ образомъ Марквартъ вполне игнорируетъ мое изслѣдованіе отдѣльных мѣстъ нашего документа, см. *Beiträge* 292—294, 302—311. Такое отношеніе къ хазарскому посланію нельзя признать научнымъ.

24. Городъ и народъ Саксинъ.

Ахмедъ Тусскій [1173—1193] у Дорна Мсl. An. VI С.-Пб. 1873 стр. 371—372: „Саксинъ большой городъ, котораго никакой другой городъ не превосходитъ по величинѣ, въ Туркестанѣ. Онъ шесть фарсаховъ въ окружности. Другіе города этой области, Юзкендъ и Беджепдъ хорошо населены. Имъ приходится много страдать отъ ордъ кичаковъ. Страна не имѣетъ другой рѣки кромѣ Итиля (Волга). На берегу его живутъ въ шатрахъ. У жителей этихъ городовъ мусульманскій обычай. Они исполняютъ главную молитву въ Шабанъ и Рамазанъ, какъ я слышалъ отъ нѣкоторыхъ купцовъ. Они торгуютъ оловомъ“. Смотри еще примѣчаніе 86: „Въ этомъ мѣстѣ обѣ рукописи значительно расходятся. Вѣнская рукопись пропускаетъ слово „въ Туркестанѣ“; далѣе она... даетъ Бузкендъ и Іевдшенъ... По нашему писателю Саксинъ едва ли можетъ лежать на Уралѣ“.

Торговля оловомъ крайне сомнительна. Если Ахмедъ черпалъ изъ арабскихъ источниковъ, то въ нихъ олово кэдйр могло быть графически перепутано съ бобровымъ мѣхомъ кэз, подобно тому какъ легко смѣшавъ абар (свиноцъ) съ аубар (пушнина). (См. мой Комментарій на записку Ибрагима Иби-Якуба стр. 25. Туркестанъ—позднѣйшая вставка, здѣсь неумѣстная. Именнованные города должны гласить: Саксинъ, Бузкендъ и Иджкендъ.

Съ Ахмедомъ Тусскимъ сравни Шебиба-ал-Харрани (около 1330), выписывавшаго Масуди (ibidem Дорнъ 357): „Страна Итиль. Это—большой населенный городъ, большинство построекъ котораго шатры и хижины изъ войлока. Онъ состоитъ изъ трехъ частей, разъединенныхъ большой рѣкой; она приходитъ отъ возвышенной области тюркскихъ земель и называется Итиль. Отъ нея отдѣляется рукавъ, протекающій страну Тагаргазъ? и изливающейся въ море Нитошъ, т. о. море русовъ. Отъ этой рѣки отдѣляются семьдесятъ рѣкъ. Въ этихъ странахъ и областяхъ нѣтъ царя, который содержалъ бы войско, кромѣ царя хазаръ“. Сличенію съ текстомъ Масуди, Золотые луга II, 7, обнаруживаетъ, что tgrgh исковеркано изъ brgr, бургар=болгары. Это черные или приазовскіе болгары.

Большой населенный городъ Итиль у Шебиба отвѣчаетъ городу Саксинъ у Ахмеда. По Шебибу онъ распадается на три части, именнованныхъ у Ахмеда: Саксинъ, Бузкендъ и Иджкендъ. Кендъ означаетъ въ тюркскихъ языкахъ „городъ“. Бузанъ и Идшанъ—названія двухъ рукавовъ Волги. Теперь обратимся къ повѣствованію

Абу Хамида ал-Андалуси († 1169), побывавшаго лично въ юго-восточной Европѣ. Удивительно, что нашъ путешественникъ часто говоритъ о странѣ хазарь, а о столицѣ хазарь хранить полное молчаніе. Чѣмъ это объясняется? Тѣмъ, что у него, какъ и у Ахмеда Тусскаго, главный городъ хазарь выступаетъ подъ именемъ Саксинь. Дѣло столь очевидно, что считаю возможнымъ ограничиться приведеніемъ тѣхъ мѣстъ изъ ал-Андалуси, въ которыхъ встрѣчается Саксинь. Мѣл. Ав., VI, 704 сл.: „Хазарское море, на которомъ лежитъ Табарнстанъ. Оно простирается къ Джурджану и странамъ Тюрковъ до Хазара и Баб-эль-Абваба... Въ это море течетъ большая рѣка по имени Итиль, которая приходитъ изъ странъ ирака выше Булгарь. Она въ сто разъ или еще больше Тигра. Отъ нея изливаются 70 рукавовъ въ море; каждый рукавъ какъ Тигръ; у Саксиня отъ нея остается... большая рѣка..., по которой я ходилъ въ зимнее время, такъ какъ она замерзаетъ и подобна землѣ въ томъ отношеніи, что люди, лошади, повозки и вьючныя животныя и т. п. ходятъ по ней. Ея ширину составляютъ 1.800 и еще около 40 шаговъ. Въ ней водится различнаго рода рыба. Рыба (бѣлуга) вѣситъ сто фунтовъ, болѣе или менѣе. Она очень длинна [рук. копеек. 100 локтей] съ заостреною мордою и маленькимъ ртомъ въ $\frac{1}{7}$ пальца, безъ зубовъ и костей. Изъ его желудка получаютъ рыбій клей, вывозимый во все страны... Когда я въ году 525 = 1131 пришелъ... въ Саксинь, я вращался въ обществѣ ученыхъ и другихъ людей... Я слышалъ въ Булгарѣ, городѣ на концѣ мусульманскаго міра на сѣверѣ,—онъ лежитъ сорокъ дней выше Саксиня...". Стр. 716, тамъ же: „Въ отрывкѣ... о животной шерсти или мѣхѣ упоминается о бѣлкѣ... Хирхиза..., о соболѣ Булгара и лисицахъ Хазара“.

Тамъ же извлеченіе изъ компилятора Бакуви (ок. 1403): „Саксинь—большой городъ въ странахъ хазарь, очень населенъ и снабженъ рѣками (каналами). Жители его составляютъ сорокъ племенъ; чужестранцевъ и купцовъ въ немъ безчисленное множество. У нихъ холодъ весьма сильный. Они большей частью мусульмане. Крыши ихъ домовъ все изъ слоньяго дерева. Тамъ большая рѣка, больше Тигра, въ которой водится различнаго рода рыба; родъ (ея) такъ тяжелъ какъ верблюжій грузъ; изъ ся живота получается много жиру, такъ что онъ служитъ для освѣщенія на нѣсколько мѣсяцевъ. Тамъ много мяса... и оно дешевое... Ихъ рѣка зимою такъ замерзаетъ, что ходить по ней. Ея ширина составляетъ тысячу да еще около 40 шаговъ; теперъ его (Саксинь) покрыла вода и нѣтъ больше его слѣда.“

Городъ тамъ, Сарай Беревахъ, столица этой мѣстности“. Что послѣднія предложенія, начиная со словъ „теперь его...“, не заимствованы у ал-Андалуса, разумеется само собою.

Весь матеріалъ, относящійся къ городу Саксинъ, сопоставленъ у Дюна въ Мѣл. Аз. въ Каспін (пѣм. изд. перечень и стр. 20 — 23), а также у Хвольсона (Ибн-Даста, 63 сл.). По Ибн-Сайду (Абульфедъ въ франц. переводѣ Reinaud, стр. 291) городъ Саксинъ лежалъ на Днѣпрѣ, по Григорьеву на Волгѣ, вблизи Сарая, по Хвольсону на Уралѣ. Хвольсонъ (65) видитъ „положительное извѣстіе о томъ, что Саксинъ лежалъ именно на Уралѣ“ въ извѣстін лѣтописи подъ 1229 годомъ, гласящей по списку Лаврентія въ изд. Арх. Ком., С.-Пб. 1872: „Того же лѣта саксини и половцы възбѣгоша изъ низу къ болгаромъ передъ татары, и сторожево болгарскими прибѣгоша, бѣони отъ татаръ близъ рѣки, ейже имя Ликъ“. Заключение Хвольсона весьма смѣлое. Изъ приведеннаго мѣста явствуетъ только, что саксини и половцы жили въ непосредственномъ соосѣдствіи другъ съ другомъ на низовьяхъ Волги и что область болгаръ въ то время доходила до Урала. Лѣтописецъ различаетъ два событія: бѣгство саксиновъ и половцевъ „изъ низу“ передъ татарами къ болгарамъ и бѣгство выставленнаго вблизи Урала болгарскаго сторожевого отряда.

У Якута III, стр. 76, по цитатѣ Г. Якоба Welche Handelsartikel 2 изд., 1891, стр. 21 — 22, стоитъ срѣдъ, вмѣсто ссѣдъ, какъ уже подвѣривалъ Якобъ. Тамъ же на стр. 33 Якобъ приводитъ выдержку изъ Казвини, II, 415, гдѣ рѣчь идетъ о рѣкѣ въ странѣ славянъ, въ которой водятся звѣрята, монильно коники, доставляющій мѣхъ необычайно мягкой, поступающій въ продажу въ Саксинъ и Булгаръ. Казвиніева рѣка славянъ должна быть Волга. На стр. 43 Якобъ приводитъ отрывокъ изъ Димешки того содержанія, что бобръ встрѣчается въ Нилѣ, и присоединяется въ догадкѣ Френа, что слѣдуетъ читать Тбл, Тоболь, такъ какъ въ Египтѣ, насколько намъ извѣстно, никогда не водились бобры. Якобъ присоединяетъ, что Димешки на стр. 147 (перев. Морена, 194 — 195) описываетъ именно бобра, замѣчая, что онъ приходитъ съ Каспійскаго моря. Не слѣдуетъ ли загадочную рѣку читать Итиль, т. е. Волга?

Саксинъ (Итиль) лежалъ приблизительно въ десяти верстахъ отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ, на разстояніи верстъ ста отъ устья. На такъ называемомъ Шареномъ бугрѣ, находящемся на западномъ берегу Волги, виднѣются понынѣ жалкіе остатки развалинъ древняго города. Не крестся ли въ Шареномъ бугрѣ слово š-h-g „городъ“?

Отъ имени „Бѣлый городъ“ хазары у сосѣднихъ славянъ, кажется, еще назывались бѣловежцами. См. Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands von Lehrberg 1816. Petersburg, VI (Abhandlg.). Ueber die geogr. Lage d. chasar. Festung Sarkel, стр. 455. Лербергъ, не знавшій другого названія Итиля, готовъ видѣть въ бѣловеждахъ русской лѣтописи жителей Саркала, Бѣлой Вожи. Онъ ссылается на Татищева, книга II, стр. 220, гдѣ подъ годомъ 1117 говорится: „Тогожъ году пришли многіе бѣловежцы въ Русь, которымъ князь великій повелѣлъ для поселенія земли отвести, а души сѣли по разнымъ городамъ“. Въ Густ. лѣтописи, цитованной въ сочиненіи Д. Вагалѣя, Исторія Сѣверской земли до половины XIV столѣтія, Кіевъ, 1882, стр. 22, эти бѣловежцы прямо называются хазарами: „Въ се лѣто прійдоша бѣловежцы, си естъ козары, въ Русь“. У Плато Карпини хазары (саксыны), быть можетъ, скрываются подъ именемъ Sakh, Saxones.

Изъ разсмотрѣнія свидѣтельствъ касательно саксинъ я вывожу слѣдующее заключеніе. Городъ Саксинъ тождественъ съ Итилемъ, столицею хазаръ, а саксыны покрываютъ хазаръ. Хазарское царство не погнбло окончательно въ 969 году, но, обезсильное и тѣсное половецами, просуществовало до появленія татаръ.

Кромѣ Саксинъ приводятся еще два города въ странѣ хазаръ, имена которыхъ я возстапавлию при помощи отвѣтнаго посланія хазарскаго царя Юсифа. См. Russ. Revue, изд. К. Реттгера. С.-Пб., 1875. Переписка между Кордовою и Астраханью во времени Святослава (ок. 960 года), перевод. Гаркави, стр. 88—89: „Ты спрашивашь меня также о мѣстѣ мѣстопробываніи—знай, что я съ Божією помощію живу на названной рѣкѣ [Итиль], на которой лежатъ три главныхъ города (или провинціи); въ одномъ изъ нихъ живетъ царь..., во второмъ живутъ евреи, назарине и измалътяне... Въ третьемъ живу я самъ... между ихъ стѣнами течетъ рѣка. Это моя столица въ зимнее время; начиная съ мѣсяца кисанъ (апрѣль) мы выходимъ изъ города и каждый отправляется къ своему винограднику, къ своему полю и къ своей работѣ. Каждый родъ имѣетъ свое родовое владѣніе, туда онъ направляется и тамъ онъ живетъ. Я же со своими князьями и слугами, мы отправляемся 20 фарсанговъ, пока не доходимъ до рѣки, называемой Варшанъ (или Удшанъ); отсюда мы направляемся къ концу страны, безъ страха и боязни (передъ врагами), такъ что мы въ концѣ мѣсяца кислевъ (октябрь—ноябрь) возвращаемся къ празднику Ханука опять въ столицу. Это размѣръ

нашей земли и мѣсто нашего пребыванія. Страна не имѣетъ много дождя, но изобилуетъ рѣками и источниками; въ рѣкахъ ловится чрезмѣрное количество рыбы... Страна жирна, имѣетъ очень много полей, лѣсовъ, виноградниковъ и безчисленное множество садовъ, орошаемыхъ рѣками и орошаемыхъ ими. Оповѣщаю тебя также, что граница страны, въ которой я живу, тлится на востокъ 20 фарсанговъ до моря Джурджанскаго; на югъ—30 фарсанговъ до великой рѣки Угру; на западъ—30 фарсанговъ, до рѣки Бузанъ, выходящей изъ Угру; на сѣверъ—40 фарсанговъ до Бузана и до истока рѣки въ море Джурджанское. Я живу на островѣ и съ помощью Всевышняго живу въ безопасности“.

Въ хазарскомъ письмѣ здѣсь изображаются не прикаспійскія степи, а дельта рѣки Волги, изрѣзанная цѣлою сѣтью рукавовъ. Главный рукавъ, собственно Волга, называется „великою рѣкою Угру“. Въ виду того, что рѣка названа „великою“ и что еще понижѣ Волга у турецко-татарскихъ народовъ имѣетъ наименованіе Улуг-Итиль (Дорнъ, въ М. А., VI, 372, прим. 87), что въ переводѣ означаетъ „великая рѣка“, — я предлагаю исправить чтеніе Угру въ Улуг. Другая рѣка называется Бузанъ, какъ еще по настоящее время зовется многоводный рукавъ Волги, отдѣляющійся отъ нея въ пятидесяти верстахъ выше Астрахани. Ср. Дорна, Каспій (нѣм. изд.), стр. 175, 273 и приложение № 1, изъ чего видно, что большой (восточный) рукавъ Волги носилъ старинну имя Бузанъ или Пузанъ. Отъ рѣки Бузанъ я и произвожу названіе города Буз-кендъ. Другой рукавъ называлъ В(а)р-шагъ (или Удишагъ). Сличая формы съ еврейскимъ Удишагъ, я по аналогіи съ Бузкендомъ принимаю за исконную форму Иди-кендъ, а за названіе рѣки—Идшагъ.

Фарсангъ (въ письмѣ Іосифа) несравненно меньше общепотребительнаго фарсанта, считаемаго приблизительно въ пять верстъ. Трудно въ точности опредѣлить по даннымъ письма величину фарсанта Іосифа, ибо дельта Волги не могла остаться неизмѣнною за тысячелѣтіе. На сколько могу судить, фарсангъ Іосифа по величинѣ своей приближается къ нашей верстѣ.

25. Положеніе Тарку, Беленджера и Семендера.

Дорнъ, Извѣстія Табари о хазарахъ, въ Мемуарахъ Императорской академіи наукъ. С.-Пб., 6 серія, томъ VI, 1844.

Стр. 457. По завоеваніи Дербента, города хазаръ (при Омарѣ подъ 642 г.), Абдурахманъ со своимъ войскомъ двинулся на Бе-

ленджеръ. На 200 миль (въ текстѣ стоятъ: 200 фарсаховъ) онъ вторгся въ эту страну, заставляя многіе города принять исламъ, а затѣмъ вернулся въ Дербентъ. Содержаніе этого разсказа въ Дербентъ-Намѣ относится къ Сельману, сыну Ребіа-Бахелы, подъ 660 годомъ. Сельманъ же, какъ извѣстно, былъ убитъ казарами вблизи Беленджера. Отсюда слѣдуетъ, что опредѣленіе длины пути въ 200 фарсаховъ крайне преувеличенное, если подъ фарсахомъ разумѣть мѣру длины верстъ въ пять.

Стр. 463. При Езидъ бенъ-Абдулмеликъ (720—724) происходили новыя войны между арабами и казарами. Въ Нархванѣ, въ шести миляхъ отъ Баб-ал-абваба, Джерра сошелся въ битвѣ съ Барджи-лемъ, сыномъ Кагана. Джерра преслѣдуетъ разбитыхъ казаръ и беретъ городъ Хашинъ, Хушинъ, сдавшійся на капитуляцію. Затѣмъ Джерра отправился далѣе на городъ Тарку. Потому онъ подошелъ къ казарской крѣпости по имени Беленджеръ. Владѣтель Беленджера бѣжалъ въ Семендеръ.

Итакъ, другъ за другомъ идутъ: Дербентъ, Хашинъ (Хушинъ), Тарку, Беленджеръ, Семендеръ. Положеніе Хашина обозначается точнѣе въ Дербентъ-Намѣ (Дорнъ, тамъ же, стр. 466, прим.): „Хашинъ, слѣды котораго еще виднѣются на горѣ у Каякенди“. Каякентъ лежитъ на сѣверо-западъ отъ Дербента въ верстахъ штидесяти приблизительно. Для меня особенно важно положеніе Тарку, Беленджера и Семендера. Изъ извлеченія Ибн-Асемеъ Элкуфи относительно полководца Муслимъ-бенъ-Ребіа (Селманъ) также видно, что поименованные города слѣдуютъ другъ за другомъ въ указанномъ порядкѣ (тамъ же, 491 сл.): Тарку, Беленджеръ, Семендеръ. А между тѣмъ по Маркварту, *Streifzüge* стр. 17 выходитъ, что Беленджеръ лежитъ отъ Дорбота дальнѣе Семендера, что совсѣмъ невѣрно. Равнымъ образомъ несостоятельно мнѣніе Маркварта 18, 21, 474, по которому Семендеръ совпадаетъ съ Тарки (Тарку), ибо восточные писатели ясно различаютъ города Тарку и Семендеръ. На картѣ Сеуттера (Дорнъ, *Caspia Mém. Imp. d. Sc. d. St. P.*, VII Série. T. XXIII, № 1, 1875, стр. 44. 3) Семендеръ также отличенъ отъ Тарку и лежитъ у устья рѣки „Быстрая“, являющейся старымъ Терекомъ. О тождественности Быстрой съ Терекомъ см. *Caspia*, Дорна, стр. 80 и 132. Уже до Маркварта ученые ошибались на счетъ географическаго положенія Семендера, какъ, напримѣръ, Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей, стр. 219, прим. 1 и стр. 229, гдѣ онъ говоритъ: „Самандару вѣроятно отвѣчаетъ нынѣшній Тарку, ибо этому городу соответствуетъ

опредѣленіе Истахри, что отъ него до Итиля восемь дней пути, а до Бабъ-аль-Абаба (Дербенда) четыре дня“. По подобная аргументація, къ которой повидямому присоединяется и Маркгартъ 17, неправильна, ибо если разстояніе, отдѣляющее Итиль отъ Семендера, вдвое больше разстоянія между Семендеромъ и Дербентомъ, то сообразно съ этимъ показаніемъ Семендеръ долженъ находиться вблизи Аграханскаго залива, не сѣвернѣе рѣки Якташъ (Озень) и южнѣе низовьевъ Терека. Словомъ, указаніе Истахри исключаетъ равенство Тарки = Семендеръ и заставляетъ насъ помѣстить Семендеръ сѣверовосточнѣе Тарку (Тарху). Путь отъ Дербента до Тарки не въ два, а четыре раза короче пути отъ Тарки въ Итиль. По опредѣленію Истахри не придаю особеннаго значенія, тѣмъ болѣе, что Масуди съ нимъ значительно расходится. Гаркави, 230: „...Масуди иначе опредѣляетъ положеніе Самандара нежели Истахри и Якутъ, говоря, что отъ Самандара до Бабъ-аль-Абаба восемь дней, а до Итиля семь дней, что лучше подходитъ къ Кизлярю, чѣмъ къ Тарху“. Свидѣтельство Масуди заслуживаетъ болѣе довѣрія, чѣмъ показаніе Истахри, по слѣдующимъ причинамъ. По Истахри оказывается, что Итиль отстоитъ отъ Дербента на $8 + 4 = 12$ дней пути, по Масуди на $7 + 8 = 15$ дней пути. Разстояніе же отъ Итиля до Дербента составляетъ приблизительно 515 верстъ. Если раздѣлить это число на 12, то получимъ около 43 верстъ, а на 15—около 35 верстъ. Дневной переходъ въ 35 верстъ возбуждаетъ болѣе довѣрія, чѣмъ въ 43 версты. Поэтому-то я рѣшительно отдаю предпочтеніе свидѣтельству Масуди. Отношеніе 8 : 7 заставляетъ искать Семендеръ въ низовьяхъ Терека. А такъ какъ Семендеръ лежалъ въ мѣстности, изобиловавшей виноградниками (Иби-Хаумаль), то онъ по необходимости совпадаетъ съ Кизлярюмъ. Поближе къ морю, чего я раньше не зналъ, разведеніе винограда невозможно влѣдствіе особыхъ условій почвы. Во всякомъ случаѣ нами выяснено, что Семендеръ не есть Тарки и что онъ лежалъ на сѣверо-востокъ отъ Тарки у низовьевъ Терека. Тарки же это Тарху, Тарку, Таргу восточныхъ писателей. См. Caspia, Дорна, стр. 130: *trchū, trchū, trđū, řgrchū*. Поэтому внѣ всякаго сомнѣнія, что названный выше въ персидскомъ Табари городъ слѣдуетъ читать Тарку = Тарки. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и то обстоятельство, что онъ находится по дорогѣ отъ Хушныя (вблизи Каякента) на Семендеръ.

Гдѣ лежалъ городъ Беленджеръ? Уже выше мы видѣли (Извѣстія Табари о хазарахъ, стр. 463), что Беленджеръ находился между Тарку (Тарки) и Семендеромъ. Въ разсказѣ о походѣ Маслама при Хишамѣ

бен-Абдульмеликъ (724—743) у Дорна стр. 479 — 485 упоминаются только Дербендъ, Хупнинагъ (Хушинъ) и Беленджеръ, такъ что Беленджеръ во всякомъ случаѣ приходится за Хушиномъ (вблизи Каякента). Что Беленджеръ лежитъ на сѣверовостокъ отъ Тарки, явствуетъ и изъ слѣдующаго повѣствованія Балами (персидск. Табаръ) у Дорна стр. 492 — 494. Муслимъ бен-Рабіа (Селманъ, сынъ Рабіа Пахеля) отъ Тарку отправился на Беленджеръ. Онъ расположился на большой и широкой равнинѣ вблизи города у большой рѣки. Здѣсь онъ погибъ со своими отъ руки хазаръ. „Это событіе произошло въ степи города Беленджеръ и прахъ всѣхъ тѣхъ мусульманъ лежитъ въ степи, которую зовутъ могилами мучениковъ: Господи, помилуй ихъ“. Такъ какъ поле битвы лежало уже въ степной полосѣ вблизи большой рѣки, между Тарку (немного южнѣе Петровска) и Семендеромъ (Кизляръ), то мы врядъ-ли ошибемся, если помѣстимъ Беленджеръ на нижнемъ теченіи Сулака по большой дорогѣ, ведущей изъ Петровска въ Кизляръ. Беленджеръ лежалъ на окраинѣ степной полосы, ибо арабскій Табаръ упоминаетъ о горахъ Беленджера въ разсказѣ о войнѣ Масламы въ 731—732 г. Далѣе всего въ глубь хазарскихъ владѣній вторгся Мерванъ. См. Дорна Извѣстія Табары стр. 485 сл. Изъ Берда Мерванъ выступаетъ въ походъ и поднимаетъ съ собою всѣхъ владѣтелей Арменіи. Затѣмъ онъ проникъ въ ущелье, называемое „Баб-Алланъ“ (Дарьялъ), все испровергая на своемъ пути, а отсюда направляется на хазарскую столицу Семендеръ (Кизляръ). Мерванъ спустился, очевидно, сначала по долинѣ верхняго Терека приблизительно до темерскаго Владикавказа, а отсюда, должно быть, перешелъ въ долину рѣки Сунджи, праваго притока Терека. Трудно сказать, гдѣ съ Марваномъ соединилось войско, выступившее изъ Дербента. Это соединеніе, быть можетъ, произошло въ Беленджерѣ. Въ такомъ случаѣ Мерванъ изъ долины нижней Сунджи направился сначала прямо на востокъ къ Беленджеру, а отсюда со всею арміею, достигавшей громадной цифры въ 150.000 человекъ, на сѣверозападъ на Семендеръ (Кизляръ). Каганъ хазарскій, узнавъ о приближеніи Марвана, покидаетъ Семендеръ и бѣжитъ на сѣверъ. Мерванъ его преслѣдуетъ до рѣки Сиклабъ (рѣка славянъ = Волга), гдѣ онъ нападетъ на многочисленныя селенія невѣрныхъ. Не понимаю, какъ это Марквартъ, 119, подъ рѣкою славянъ разумѣетъ Донъ, вслѣдствіе чего онъ Марвана направляетъ изъ Дарьяла сначала на Донъ, а потомъ на востокъ къ Волгѣ, гдѣ заставляеть соединиться съ другою арміею, выступившею изъ Дербента. Что-то очень чудно. По араб-

скому Табари и Иби-ал-Атиру (цитаты у Маркварта, 17) Марванъ изъ Семендера двинулся на ал-Байду, столицу хазаръ. Байда же какъ извѣстно, совпадаетъ съ Итилемъ. Значить „рѣка славянъ“, на которой расположены были многочисленныя жилища невѣрныхъ, тоже-ственна съ Волгою, а не съ Дономъ. Маркварта (199) ввели въ заблужденіе упомянутыя у Баладури славяне. Вторгнувшись черезъ Дарьяльское ущелье въ страну хазаръ, Марванъ, по Баладури, нападаетъ на славянъ, захватываетъ 20.000 семействъ и переселяетъ ихъ въ Кахетію. Этихъ-то славянъ Марквартъ, игнорируя растяжимость „сакалиба“ у восточныхъ писателей, считаетъ за вятичей и радимичей. Съ минимыми славянами Баладури Марквартъ комбинируетъ рѣку славянъ у Балами (персидск. Табари). Славянъ Баладури слѣдуетъ признавать за какое-нибудь голубоглазое, бѣлолицое, русоволосое кавказское племя, жившее на Сѣверномъ Кавказѣ. Это были, по всей вѣроятности, осетины, аланы.

26. Орды болгаръ у Моисея Хоренскаго.

Въ географіи Моисея Хоренскаго по цитатѣ Маркварта Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig 1898, стр. 88 стоитъ: „Къ сѣверу оттуда — народъ туркъ (хазаръ) и болгаръ, названныхъ по имени тѣхъ рѣкъ: Купи-Булгаръ, Лучи-Булваръ, Олхонторъ-Влкаръ переселенцевъ (во Фракіи), Чдаръ-Болкаръ. И отъ гинійскихъ горъ бѣжалъ сынъ Кубрада... На этомъ островѣ (Певко) поселился Ашаръ-Хрукъ, сынъ Кубрата, бѣжавшій передъ хазарами съ горъ болгарскихъ, и выселился и прогналъ на западъ народъ аваръ и тамъ поселился“. Сходный по содержанию разговоръ въ хазарскомъ посланіи ускользнулъ отъ вниманія Маркварта. Онъ гласитъ въ переводѣ Гаркави (Russ. Revue изд. К. Ретгера VI, С.-Пб. 1875, стр. 81): „Въ странѣ, въ которой я живу, проживали нѣкогда венентеръ; тогда пришли наши предки хазары и бились съ ними; венентеръ было такъ много, какъ песокъ на морѣ, но они все-таки не могли противостоятъ хазарамъ и покинули свою страну и убѣжали; а хазары ихъ преслѣдовали, пока они не отѣснили ихъ къ рѣкѣ Дуна (Дунай), такъ что они еще нынѣ живутъ на рѣкѣ Дуна, въ сосѣдствѣ Константіана, и хазары овладѣли ихъ страной и удержали ее до настоящаго времени“.

Венентеръ. Въ текстѣ еврейскомъ стоитъ внитр или унитр, чатай внитр, угитр = вогонтор или угунтур, Οὐνογοουδοῖρος византійцевъ. Борьба хазаръ съ болгарами относится къ періоду времени между

635 — 679 годами. Что черная орда названа по Кубани, бесспорно. Въмѣсто Дучи Марквартъ предлагаетъ чтеніе Кучи и ставить кучи-болгарь въ связь съ Κούραροι, Κούραηροι. Конъектуру Маркварта слѣдуетъ признавать весьма удачною, такъ какъ и и д едва различны въ армянскихъ рукописяхъ. Съ своей стороны усматриваю зависимость между Кучи-Болгарь и Кочо, наименованіемъ Днѣпра у Моисея Хоренскаго, тождественнымъ съ Κοοζοο, названіемъ Днѣпра у Константина Багрянороднаго. Въ новой рукописи Моисея Хоренскаго (Паткаловъ, *Жур. Мин. Нар. Пр.* Часть 226. С.-Пб. 1883) говорится, что нѣкоторые рѣки, текущія въ Понтъ, соединяясь, образуютъ одну рѣку, по имени Кочо, съ маленькимъ озеромъ. Такъ какъ Понтъ омывается по Моисею Хоренскому берега Европейской Сарматіи отъ рѣки Тирась (Днѣстръ) до Таврическаго полуострова, то многовѣтвистыя рѣки Кочо можеть быть только Днѣпръ, принимающій въ своемъ нижнемъ теченіи Ингулецъ, а въ своемъ лиманѣ Южный Бугъ съ Ингуломъ. Днѣпровскій лиманъ есть означенное маленькое озеро Моисея Хоренскаго. Отъ названія Днѣпра Кочо, Κοοζοο, болгары получили, очевидно, свое наименованіе Κούραηροι, кучи-болгарь. Олхонторъ-булгарь — это болгары, завоевавшіе дунайскихъ славянъ. Не ставить-ли Моисей Хоренскій Олх-онтор, Вогах-ондор, Вуг-унтур, въ связь съ „Волг-ою“, если только это финское наименованіе рѣки было тогда уже извѣстно? Или не скрывается ли въ олх(онтор) слово улуг „великій“, согласно названію дунайскихъ болгаръ „Великими“ болгарями у нѣкоторыхъ восточныхъ писателей? Четвертое племя — это чдар-болгары. Если три первыхъ орды получили свое названіе отъ большихъ рѣкъ: Кубань, Днѣпръ, Волга (?), — то быть можеть Чдар означать Донъ.

27. Рѣка Кочо у Моисея Хоренскаго.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Часть 226. С.-Пб. 1883. Изъ новаго списка географів, приписываемой Моисею Хоренскому. Статья Паткалова. Стр. 26: „Десятая страна Европы, Фракія, лежитъ къ востоку отъ Далмаціи, рядомъ съ Сарматіей, начиная отъ рѣки Тароса (читай: Тирась, какъ въ описаніи европейской Сарматіи) и до Дануба“. Паткаловъ видитъ въ Таросѣ рѣку Тирась, Днѣстръ, — конъектура неправильная, ибо изъ текста явствуетъ, что рѣкою Таросъ обозначается западная граница Фракіи. Если бы Таросъ былъ Днѣстромъ (Тирась), то Фракія Моисея Хоренскаго совпадала бы съ областью, лежащею между Днѣстромъ и Ду-

наемъ, а этому противорѣчатъ всѣ его данныя относительно Оракин и Дакіи. По моему мнѣнію Тарось тождественъ съ Дриною, правымъ притокомъ Савы, верхнее теченіе котораго и понинѣ называется Тара. Нижнее же теченіе Дрины образовало встарину границу между Далмаціею и Moesia Superior.

„Европейская Сарматія. По старымъ спискамъ: Сарматія, часть (или половина, то-есть, европейская) которой лежитъ къ востоку отъ Германіи, тянется по сѣверному океану до неизвѣстной земли и до горы Рипія (Ріпаіа), изъ которой вытекаетъ рѣка Тонависъ“. Сюда относится примѣчаніе третье: „Въ текстахъ Вистоновъ и Сога Мартена вмѣсто: отъ Германіи, стоитъ: Сарматія находится къ востоку отъ Загуріи, то есть, Германскихъ Булгаръ, тянется по Сѣверному океану до неизвѣстной земли, называемой Палахъ (?), и до горы Рипія и пр.“. Загоріи это область между Желѣзными воротами и дриинимъ Девелтосомъ (вблизи Бургаса). См. Марквартъ, *Stroifzüge* 70. Въ Кroatіи тоже есть мѣстность по имени Загорья, жители которой какъ по типу, такъ и по языку отличаются отъ другихъ кровтовъ, а, что важнѣе, считаются потомками 700 спасшихся отъ избиенія въ Баваріи болгаръ. См. Maurer, *Eine Reise durch Bosnien* 1870, стр. 54, дитати Roesler, *Römianische Studien*. Лейпцигъ 1871, стр. 235. Напрасно Roesler смѣется надъ этимъ преданіемъ. Конечно, отъ тѣхъ 700 болгаръ, ушедшихъ въ Италію, жители Загорья не происходятъ, но они могутъ быть ославянившимися потомками загурійскихъ болгаръ. Не слѣдуетъ ли плема з-бухъ у Иосипова (Гаркави, Сказ. еврейск. писат. стр. 299 и 235) и з-пур или й-пур въ хазарскомъ письмѣ Иосифа, племѣ, принадлежащее къ потомству Тогирмы, читать загур и ставить въ связь съ болгарскими загуріа Моисея Хоронскаго? Подобное этническое названіе существуетъ по настоящее время у Кавказскихъ горцевъ: зегуры (цегуры). *Германскими* болгарамъ называются Загуріа у Моисея Хоронскаго, оттого что Германія по нему представляеть всю среднюю Европу. См. Патканова (по новому списку) стр. 27: „Девятую страну Европы составляетъ (Европейская) половина Сарматіи, къ востоку отъ Германіи, начиная отъ рѣки Хистулы (читай: Вистулы) и горъ, носящихъ то же названіе (то-есть Сарматскихъ)“. Далѣе текстъ гласитъ: „Она простирается по берегу Сѣвернаго океана до неизвѣстной страны и до восточныхъ оконечностей горы Рипа, откуда истекаетъ рѣка Танаисъ, которая, направляясь на югъ, раздѣляетъ Сарматію на двѣ части: на восточную въ Азіи и на западную въ Европѣ, до впаденія своего въ море Меотисъ (называемое

всюду въ текстѣ цовакъ = малое море). Продолжая плаваніе на корабляхъ до моря Понта, граница идетъ Понтомъ до рѣки Тираса (Tyrag), которая отдѣляетъ Дакію отъ Сарматіи. Итакъ Дакія лежитъ на западъ отъ Днѣстра, а также на сѣверъ отъ Фракіи, ибо въ новомъ спискѣ (Паткановъ стр. 26) прямо говорится: „на югѣ (Фракія) находится Собственная Фракія, а къ сѣверу великая страна Дакія“, слѣдовательно Тарось, повторяю еще разъ, не можетъ совпадать съ Тирасомъ, Днѣстромъ. Границы европейской Сарматіи по Моисею Хоренскому слѣдующія: на западѣ—Висла, Карпатскія горы (Карпаты), рѣка Днѣстръ, на востокѣ рѣка Донъ, берущая начало на Рифейскихъ горахъ; на югѣ же Сарматія омывается Азовскимъ и Чернымъ морями. Далѣе: „Въ Сарматіи множество мелкихъ странъ. Христіанамъ принадлежатъ Таврическій полуостровъ, то есть Херсонезъ, между озеромъ Бюко (Буко), моремъ Мелитисъ и Понтомъ до впаденія Каркинитской рѣки въ заливъ того же имени. Остальныя же области принадлежатъ язычникамъ, изъ которыхъ одинъ народъ называется амаксабін, то-есть живущіе въ толѣгахъ“. Озеро Бюко — Сивашъ. Каркинитскій заливъ тянется на западъ отъ Перекопскаго перешейка.

„Въ Сарматіи семь круглыхъ горъ, изъ которыхъ втекаютъ въ Понтъ много рѣкъ. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ, соединившись вмѣстѣ, образуютъ одну рѣку, называемую Кочо (?). Есть тамъ небольшое озеро, два острова и два капища (храма)“. По старымъ спискамъ капища называются *οἱ Ἀλεξάνδρου βουαὶ* и *οἱ Καίσαρος βουαὶ*. Что это за рѣка Кочо, называющаяся въ Понтѣ? По Моисею Хоренскому Понтъ омываетъ берега европейской Сарматіи отъ рѣки Тираса (Днѣстръ) до Таврическаго полуострова. Поэтому означенная многовѣтвистая рѣка можетъ быть только рѣка Днѣпръ, принимающая въ своемъ нижнемъ теченіи Ингулецъ, а въ своемъ лиманѣ — Южный Бугъ съ Ингуломъ. Днѣпровскій лиманъ, по всей вѣроятности, представляетъ маленькое озеро Моисея Хоренскаго съ двумя островами (или полуостровами), на которыхъ находятся упомянутыя капища. Кочо Моисея Хоренскаго я отождествляю съ *Κουζοο* Константина Багрянороднаго, какъ у Константина Багрянороднаго называется Днѣпръ. Ученые, какъ видно, успокоились на толкованіи *Ἀτελκούζοο* въ смыслѣ „междурѣчья“, *Atelköz*, см. Geza Kuun *Relationum Hungarorum Historia Antiquissima* Vol. I. *Claudipoli*, 1898, p. 189, и не подозревали существованія древняго названія Кочо для Днѣпра, подрывающаго ихъ конъектуру. Это наименованіе Днѣпра звучитъ, какъ мнѣ кажется, въ словѣ Кочказъ, имени древней крѣпости при Крайскомъ

бродъ на Днѣпрѣ, развалины которой по Бруну Черноморье, II, 288, еще существовали во время Михаила Литвина. Ласота называетъ Кичкасъ, Kich-Kossow. Въ виду сказаннаго я восстанавливаю это имя такъ: Коч-кошъ, т. е. стоянка на Кочѣ, на Днѣпрѣ. Если выраженіе Ателькузу не можетъ имѣть значенія „рѣка Кузу (Купу)“, такъ какъ въ этомъ случаѣ стояло бы Кузу-Атель, то, быть можетъ, первоначально и здѣсь, какъ и въ другомъ мѣстѣ главы 40 у Константина Багрянороднаго, гдѣ это выраженіе употреблено въ томъ же смыслѣ, стояло Ἐτέλλ καὶ Κοῦζοο. Глава 40: ὁ δὲ τόπος, ἐν ᾧ πρότερον οἱ Τοῦρκοι ἔβηρον, ὀνομάζεται κατὰ τὴν ἐπωνομίαν τοῦ ἐκείσε διαρρομένου ποταμοῦ Ἐτέλλ καὶ Κοῦζοο. Итакъ, область, въ которой прежде обитали мадьяры, была прозвана Этель или Кузу (Купу) по имени протекающей тамъ рѣки. А въ Κοῦζοο Константина Багрянороднаго я, какъ сказано, усматриваю Кочо Моисея Хоренскаго. Значитъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова Ателькузу бассейнь нижняго Днѣпра, включая область по Южному Бугу и Ингулу. Въ обширномъ же смыслѣ Ателькузу доходить до рѣки Серета и устья Дуная въ виду словъ Константина Багрянороднаго глава 38: „страна печенѣговъ, въ которой тогда проживали турки, называется по имени протекающихъ тамъ рѣкъ. А эти рѣки слѣдующія: первая рѣка такъ называемая Варухъ, вторая рѣка—Кузу, третья рѣка—Трулъгъ, четвертая рѣка—Пруть, пятая рѣка—Сереть“ (Ласкинъ, стр. 144). Трулъгъ, у турокъ теперь Турла, рѣка Днѣстръ. Въ Кузу слѣдуетъ признать Бугъ, ибо вѣдъ всякаго сомнѣнія, что Варухъ тождественъ съ Ворисеономъ, Днѣпромъ, называемымъ гуннами Варъ (Jordanis, изд. Моммсона, гл. LII). Въ хазарскомъ письмѣ Днѣпръ носитъ названіе в-г-з, вариантъ іуз-г, читай w-r-g, ūg-g=Варугъ. По-турецки Днѣпръ называется Узу и Узы. Гаркави Узу производитъ отъ Уз-су, что значило бы: вода или рѣка Узовъ. Но вѣроятно, что Узу образовалось изъ Кузу Константина Багрянороднаго, Кочо Моисея Хоренскаго. Хотя Узы и называется у восточныхъ писателей Гуззами, все же наименованіе Днѣпра у Константина Багрянороднаго и Моисея Хоренскаго не можетъ имѣть ничего общаго съ гузз-ами по той простой причинѣ, что, ко времени составленія сочиненій Константина Багрянороднаго и Моисея Хоренскаго, на Днѣпрѣ не было еще кочевьевъ узовъ или гуззовъ.

28. Къ прансторіи мадьяръ.

Не могу согласиться съ хронологіей прансторіи мадьяръ, какъ она опредѣляется Гротомъ, Моравія и мадьяры, С.-Пб. 1881, и Кууномъ,

Relationum Hungarorum Historia. Claudiopoli, 1898. Мнѣ кажется, что наличный матеріалъ не использованъ надлежащимъ образомъ, и что время, когда мадьяры были вытѣснены печенѣгами изъ Леведіи, можно съ приблизительною точностію установить при помощи генеалогіи Арпадовичей. Въ 40-й главѣ сочиненія Константина Багрянороднаго de administrando imperio (въ переводѣ Ласкина, Москва, 1899, стр. 147) сказано: „должно знать, что Арпадъ великій вождь Туркинъ, имѣлъ четырехъ сыновей: перваго—Таркачуя, втораго—Іелеха, третьяго—Ютоцана, четвертаго—Залтана. Должно знать, что первый сынъ Арпада имѣлъ сына Тевелія, второй сынъ, Іелехъ, имѣлъ сына Іезелеха, третій сынъ, Ютоцай, имѣлъ сына Фалиція, князья, четвертый сынъ, Залтанъ, имѣлъ сына Тасія. Должно знать, что всѣ сыновья Арпада умерли, внуки же его Фалий и Тасій, а также ихъ двоюродный братъ Тасій живы. Должно знать, что Тевелій умеръ, а существуютъ его сынъ Термацій, который теперь подросши (сдѣлался) другомъ Вульчи, третьяго вождя и кэрхи Туркинъ“. Обращаю вниманіе на то, что около 950 года, когда писалъ Константинъ Багрянородный, старшіе изъ внуковъ уже померли, а остались въ живыхъ только его младшіе внучата. Изъ этого можно заключить, что около 950 года они были пожилыми людьми, если не стариками. Слова, сказанныя Константиномъ Багрянороднымъ о старшемъ правнукѣ Арпада Термаціи, сынѣ Тевелія: „теперь выросши“ *ἀρτίως ἀνελθών*, свидѣтельствуютъ о томъ, что отецъ его умеръ по крайней мѣрѣ за нѣсколько лѣтъ до времени составленія Константиномъ Багрянороднымъ своей книги. Итакъ, мы не ошибемся, если примемъ приблизительно 945 годъ (но позже) за годъ кончины Тевелія, самаго старшаго изъ внуковъ Арпада. Общепринято считать поколѣніе въ 30 лѣтъ. Въ такомъ случаѣ Таркачуя, отецъ Тевелія, умеръ около 915 года, Арпадъ—около 885, а его отецъ Салмуць—около 855. Изъ разсказа Константина Багрянороднаго явствуетъ, что во время избранія Арпада въ князья его отецъ Салмуць былъ еще бодрымъ старикомъ, ибо на него какъ на кандидата на княжеское достоинство было указано Леведіасомъ. Поэтому избраніе Арпада должно было состояться еще во второй четверти IX вѣка, никакъ не позднѣ середины его. А такъ какъ выселеніе мадьяръ изъ Леведіи въ Атолькузу произошло по Константину Багрянородному незадолго до провозглашенія Арпада княземъ, то пребываніе мадьяръ въ Атолькузу обнимаетъ періодъ отъ приблизительно 825 года до 895 года.

Сколько лѣтъ провели мадьяры въ Леведіи, въ непосредственномъ

сосѣдствѣ съ хазарами? По Константину Багрянородному, глава 38, всего три года. Въ правильности этой даты сомнѣваются все безъ исключенія исследователи. Да и самый рассказ Константина Багрянороднаго какъ-то не вяжется съ такимъ кратковременнымъ пребываніемъ мадьяръ въ Леведін подѣ предводительствомъ Леведіаса. Леведіасъ, повѣствуетъ Константинъ Багрянородный, принималъ участіе во всѣхъ войнахъ хазарь съ сосѣдями и стажалъ такую дружбу и уваженіе у хазарь, что ихъ каганъ далъ ему въ жены благородную хазарку (съ которою онъ однако не прижилъ дѣтей). Въ Леведін, какъ видно, онъ является мужемъ въ полномъ цвѣтѣ своихъ силъ, а между тѣмъ спустя недолгое время онъ въ Ателькузу рѣшительно отказывается отъ княжескаго достоинства, ссылаясь на свой преклонный возрастъ,—песообразность, которая до сихъ поръ ускользала отъ вниманія исследователей. Изъ сказаннаго я заключаю, что въ подлинномъ текстѣ у Константина Багрянороднаго стояло не три, а тридцать три, либо тридцать. Подобная порча текста замѣчается и въ 37 главѣ, гдѣ говорится: „50 лѣтъ тому назадъ“, а нѣсколько строчекъ ниже: „какъ сказано, 55 лѣтъ“. Тутъ незачѣмъ автора винить въ противорѣчій.

По нашему вышеприведенному расчету Арпадъ скончался около 885 года, такъ что при немъ лишь началось движеніе изъ Ателькузу на западъ. Въ подтвержденіе того указываю на главу 40 у Константина Багрянороднаго, въ которой около 889 года княземъ мадьяръ называется уже не Арпадъ, а его сынъ Ліунтинъ (=Левента въ генеалогическомъ перечнѣ у Thwrosza, см. *Romänische Studien* Pessler, 216). Есть возможность сдѣлать поправку и остальнымъ хронологическимъ датамъ, выведеннымъ нами приблизительно при помощи родословной дома Арпадовъ. Около 839 года, когда позднѣйшій византійскій императоръ былъ груднымъ ребенкомъ, появились впервые мадьяры на берегахъ нижняго Дуная, слѣдовательно она къ этому времени уже жили въ Ателькузу, такъ что выселеніе изъ Леведін подѣ напоромъ печенѣговъ должно было произойти раньше 839 года. Поэтому-то хазарская крѣпость Саркель, построенная около 835 года, имѣла, очевидно, цѣлью охранять землю хазарь отъ вторженія печенѣговъ. Около 856 года мы встрѣчаемъ мадьяръ въ Крыму, а въ 862 году они совершаютъ первый свой набѣгъ на предѣлы франкскихъ владѣній. Итакъ, мы не ошиблись, принявъ выше 825 годъ за приблизительноное время вытѣсненія мадьяръ изъ Леведін печенѣгами.

Что касается мѣстоположенія Леветин, то почти всѣ ученые согласны въ томъ, что ее слѣдуетъ искать въ бассейнѣ Дона, между тѣмъ какъ положеніе Ательвузу до сихъ поръ оставалось спорнымъ. Дѣло стало за опредѣленіемъ загадочныхъ рѣкъ Варухъ и Куву. Но въ настоящее время невозможно болѣе сомнѣваться въ тождественности Варуха съ Днѣпромъ въ виду его древняго имени Ворн-сөөгъ и обозначенія у гунновъ Var (см. Iordanis въ изд. Моммсена 1882). Ср. наименованіе Днѣпра въ хазарскомъ письмѣ въз, luzg, чит. врг=варег. Если Варухъ совпадетъ съ Днѣпромъ, то Куву конечно Бугъ, ибо остальные наименованія у Константина Багрянороднаго рѣки: Трулъ (у турокъ теперь Турла=Днѣстръ), Прутъ и Сереть.

Фр. Вестбергъ.

ПРАВОСПОСОБНОСТЬ ЛИТОВСКО-РУССКОЙ ШЛЯХТЫ.

Настоящий очерк имѣетъ своей задачей восполнить хотя отчасти существенный пробѣлъ въ дѣлѣ изученія исторіи сословій по литовско-русскому праву. Въ существующей литературѣ польской и русской, обладающей рядомъ солидныхъ изслѣдованій по исторіи городскихъ и сельскихъ обывателей Литвы-Руси, едва лишь намѣчены и далеко не выиспаны всѣ главнѣйшіе вопросы по исторіи литовско-русской шляхты¹⁾. Не претендуя на полноту изслѣдованія, мы ограничимся въ предлагаемомъ очеркѣ разборомъ главнѣйшихъ актовъ данныхъ по слѣдующимъ вопросамъ: о генезисѣ литовско-русской шляхты, объ отдѣльныхъ ея классахъ, объ актахъ пріобрѣтенія и утраты шляхетства и о политическихъ и частно-правовыхъ „вольно-

¹⁾ По вопросу о правоспособности литовско-русской шляхты можно указать лишь на весьма немногія спеціальныя изслѣдованія, въ большинствѣ принадлежащія 50-мъ и 60-мъ годамъ прошлаго вѣка. Таковы монографіи: Малиновскаго *O ziemianach wedlug dawnych praw Litewskich* (1857), Порай-Козица *Историч. разсказъ о литовскомъ дворянствѣ* (1859), Антоновича *Объ околичной шляхтѣ* (1867), Тумасова *О дворянствѣ Запада. Россія въ XVI в.* (1868) и др. Отдѣльныя замѣтки о правахъ литовско-русской шляхты находимъ, затѣмъ, какъ въ общихъ трудахъ по исторіи Литвы (напр. Ярошевича), такъ и въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ по исторіи источниковъ литовскаго права (напр. въ известномъ трудѣ Чацкаго), также въ изслѣдованіяхъ по исторіи литовскаго права государственнаго, гражданскаго, уголовнаго и пр. Въ важнѣйшихъ трудахъ г.г. Ярбавскаго (*Областное дѣленіе и Сеймъ*) и Довнаръ-Зановскаго (*Государственное хозяйство*) находимъ нѣсколько этюдовъ, относящихся къ нашему вопросу, въ особенности о шляхетскихъ классахъ, актахъ пріобрѣтенія шляхетства и его генезисѣ. Труды эти заслуживаютъ вниманія, главнымъ образомъ, по богатству собранныхъ въ нихъ архивныхъ данныхъ. Объ изслѣдованіяхъ по исторіи литовско-русской шляхты см. I выпускъ моей исторіи русскаго права (1902 г.) и дополненія въ Варшав. Унив. Извѣстіяхъ 1903 г.

статье" литовско-русской шляхты до и послѣ уніи Литвы-Руси съ Польшей.

І. Генезисъ шляхты.

Шляхта, въ значеніи привилегированнаго сословія, съ особыми правами и преимуществами, отличавшими ее отъ другихъ общественныхъ классовъ, возникаетъ въ Литвѣ-Руси въ началѣ XV в. и затѣмъ съ Люблинской уніи 1569 г. окончательно организуется по польскимъ образцамъ. Старые бояре и вообще служилые люди до шляхетской эпохи, изъ личнаго состава которыхъ образовалось позднѣйшее шляхетство, имѣли значеніе бытовыхъ, чисто фактическихъ классовъ, безъ всякихъ различій отъ другихъ классовъ по правамъ и обязанностямъ. Изъ нашего очерка о боярахъ и служилыхъ людяхъ въ литовско-русскомъ государствѣ ¹⁾ видно, что въ быту стараго литовскаго и русскаго боярства вовсе не было въ наличности сколько-нибудь реальныхъ сословныхъ элементовъ и сословныхъ тенденцій въ политическому господству. Если и признаемъ наличность такихъ элементовъ, то во всякомъ случаѣ они могли только что зародиться, еще не были на столько развиты и усвоены старымъ боярствомъ, чтобы на почвѣ такихъ элементовъ оно могло организоваться въ позднѣйшее шляхетское сословіе.

Воззрѣніе о социальной организаціи и сословныхъ элементахъ стараго боярства, какъ главныхъ факторахъ въ дѣлѣ созданія литовско-русской шляхты, высказано г. Довнаръ-Запольскимъ въ изслѣдованіи „Государственное хозяйство великаго княжества литовскаго при Ягеллонахъ“ ²⁾. Оцѣнка этого воззрѣнія изложена мной въ упомянутомъ выше очеркѣ о боярахъ и служилыхъ людяхъ въ литовскомъ государствѣ. Къ сказанному въ этихъ очеркахъ прибавимъ слѣдующую замѣтку по занимающему насъ вопросу.

Главными мотивами, на которыхъ собственно обосновано изложенное воззрѣніе, нужно считать положеніе о томъ, что „литовское боярство успѣло закрѣпить великокняжескимъ привилеемъ (Ягеллы) нѣкоторыя изъ тѣхъ правъ (участіе въ радѣ, судѣ и пр.), которыми оно пользовалось въ силу обычая“ ³⁾, что въ концѣ XIV и началѣ XV в. „высшее сословіе (боярство), пользуясь событиями, превращаетъ

¹⁾ См. „Журналъ Министерства Юстиціи“ 1907, май и июль.

²⁾ Стр. 56—87, 803.

³⁾ См. Госуд. хозяйство, стр. 70.

обычай въ право¹⁾). Ближайшее изученіе актовыхъ данныхъ показываетъ, что участіе въ радѣ мѣстной и общегосударственной и другія „права“, въ которыхъ по этому воззрѣнію сказывается сословная корпоративность стараго боярства, на дѣлѣ были одинаково доступны для всѣхъ свободныхъ классовъ населенія, не составляли особыхъ сословныхъ правъ, которыми бояре будто бы пользовались въ силу „обычая“, превращающагося затѣмъ въ „право“ на основаніи великокняжескихъ привилеевъ. Все дѣло въ томъ, что права, „закрытыя“ великокняжескими привилеями (1387 и 1413 г.), какъ увидимъ ниже, были признаны не за всѣмъ составомъ литовскаго боярства, а лишь за тѣми изъ бояръ, которые приняли католичество, а по привилею 1413 г. также усвоили горбы польской шляхты, какъ эмблему „pariatom“ литовскихъ бояръ-католиковъ съ польскимъ шилхотствомъ. Выходитъ одно изъ двухъ: или обычай, въ силу котораго данныя права усвоились только боярамъ-католикамъ, практиковался въ быту литовскихъ бояръ еще до изданія „закрывшихъ“ этотъ обычай великокняжескихъ привилеевъ въ концѣ XIV и началѣ XV в., или же, что будетъ на нашъ взглядъ вѣрнѣе, раньше привилеевъ таковой „обычай“ вовсе не былъ извѣстенъ въ старой Литвѣ. Всѣ извѣстныя намъ документальныя данныя указываютъ на то, что до временъ Ягеллы никто изъ бояръ не пользовался какими либо особыми правами,—по правамъ бояре были въ одинаковомъ положеніи съ другими общественными классами, безъ всякихъ вѣронисовѣдныхъ и иныхъ различій, ставшихъ реализоваться впервые лишь со временъ Ягелловскихъ привилеевъ. Въ виду изложеннаго слѣдуетъ полагать, что воззрѣніе о сословныхъ элементахъ стараго боярства, какъ главныхъ факторовъ въ дѣлѣ созданія литовско-русскаго шляхетства, не можетъ быть признано научно доказаннымъ, безспорнымъ положеніемъ.

Факторы, положившіе начало развитію литовско-русскаго шляхетства, какъ обособленнаго юридически сословія, нужно искать не въ мнимой социальной организаціи стараго боярства съ сословными элементами, каковыхъ на дѣлѣ вовсе не существовало, но исключительно въ *политическихъ* условіяхъ, при какихъ слѣчалось литовское государство и устанавливались его отношенія къ сосѣдней Польшѣ. Въ дѣлѣ созданія и всей дальнѣйшей организаціи литовско-русскаго шляхетства дѣйствовали не простыя, социальные условія боярскаго быта, но иные, болѣе могучіе факторы всей народной жизни. Факторы эти, во

¹⁾ Ibid., стр. 86.

всей ихъ совокупности, коренятся въ многовѣковой борьбѣ за политическое существованіе,—борьбѣ, какую, при одинаковыхъ условіяхъ, осуждены были вести Польша и Литва-Русь, долго борovníяся съ своими сосѣдями и другъ съ другомъ и, въ концѣ концовъ, приведенныя къ сознанію о необходимости въ мирномъ сближеніи и единеніи ради взаимопомощи въ борьбѣ съ врагами общими силами Польши и Литвы-Руси ¹⁾).

Отторженіе Польшею и нѣмецкимъ орденомъ цѣлаго ряда литовскихъ и русскихъ земель до значительной степени ослабило оборонительныя силы Литвы-Руси и вмѣстѣ съ тѣмъ заставило ихъ, несмотря на сильный антагонизмъ, недовѣріе и вражду съ поляками ²⁾, пойти на встрѣчу объединительной тенденціи Польши въ видахъ болѣе усилительнаго веденія борьбы съ врагами общими силами Польши и Литвы-Руси. Съ конца XIV в. Польша развиваетъ новую политику добыванія русскихъ и литовскихъ земель не завоеваніемъ ихъ оружіемъ, какъ было раньше, но мирнымъ путемъ уніи, „wscielenia“ съ Польшею и „уравненія“ (coaequationis) русскихъ и литовцевъ въ правахъ съ обывателями Польши. Такое уравненіе было не отдѣлимо отъ объединительной тенденціи,—безъ него послѣдняя была бы немыслима, не достигала бы своего осуществленія. Необходимость въ такомъ уравненіи въ правахъ и вызвала изданіе цѣлаго ряда шляхетскихъ привилегій, направленныхъ на упроченіе уніи и на созданіе и прививку въ Литвѣ-Руси тѣхъ же сословно-шляхетскихъ распоряженій, какіе къ началу XV в. установились въ польскихъ областяхъ ³⁾.

Опыты польско-литовской уніи, начавшіяся союзнымъ актомъ 1385 г. и предпринимавшіяся затѣмъ въ теченіе почти двухъ вѣковъ до послѣдняго заключительнаго акта—Люблинской уніи 1569 г., провазодились на норвыхъ порахъ по инициативѣ и настойчивому требованію самихъ поляковъ. По всему видно, Польша больше Литвы-Руси нуж-

¹⁾ О бывшей борьбѣ Польши въ особенности съ нѣмцами и Литвой см. Narbutt, Dzieje III, стр. 320, 373, 439. Boldt, Der deutsche Orden u. Lithauen. 1873. Репеля Geschichte Polens, I, стр. 135 и сл. Первольфа Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи, т. III, ч. II, стр. 11 и слѣд. Smolka, Rok 1386, стр. 76. Вестужева-Рюмина Исторія, I, 299. Антоновича Монографія, I, 17. Филевича Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе, 33, 53. Мои Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи, стр. 53, 208, 244, 374.

²⁾ См. объ этомъ ниже.

³⁾ Объ „упроченіи“ уніи, какъ хотѣли изданія привилегій, категорически говорится въ привилегіяхъ 1413, 1432 и 1434 г. (см. объ этомъ ниже).

далась въ униі, ради успѣшной борьбы съ врагами, при помощи союзныхъ силъ Литвы-Руси. Союзные опыты, однакожь, долго оставались безъ сколько-нибудь реальныхъ и прочныхъ результатовъ, главнымъ образомъ, въ виду рѣзкаго конфликта цѣлей и стремленій, какими, при установленіи униі, руководились Польша и Литва-Русь,—конфликта, не разъ приводившаго къ расторженію униі и къ отказу литовскимъ боярствомъ, отъ только-что зародившагося „paritatem“ съ польской шляхтой, вмѣстѣ съ отсылкой шляхетскихъ гербовъ полякамъ ¹⁾).

Какъ видно изъ актовъ, Польша неизмѣнно стремилась, при заключеніи униі съ Литвой-Русью, къ устраненію розни и раздоровъ (*divisio aut aliquot dispensum*) ихъ съ Польшей, путемъ установленія вѣчнаго союза (*liga perpetua*), *wcielenia*, *incorporacyi* и подчиненія (*subjectio*) Литвы Польшѣ, даже, какъ было заявлено на общемъ съѣздѣ литовскихъ и польскихъ пановъ въ 1448 г. ²⁾, съ отміной самаго титула „великаго княжества литовскаго“. Лишь въ трудныхъ обстоятельствахъ, въ виду, напримѣръ, наступавшаго сильнаго врага, Польша на время оставляла давнишнюю свою политику, предлагала сама вступить съ ней въ простой братскій союзъ (*in unione frater-nam*), въ „ровное злученіе скупинимъ а раднымъ обычаемъ, безъ ображенія и шлоды“ Литвы-Руси, т. е. безъ старыхъ ограничительныхъ условій, какъ это было предложено поляками, напримѣръ, въ 1446 и 1495—1496 г. ³⁾. Но, вслѣдъ за вѣтвлившимися обстоятельствами, необычныя предложенія обыкновенно брались назадъ поляками, остававшимися до конца вѣрными своей старой объединительной политикѣ на началахъ инкорпорации и пр.

Иныя цѣли руководили литовцами и русскими, соглашавшимися вступить въ унию съ Польшей. Дорожа независимостью и вообще интересами своего государства и потому безусловно отвергая инкорпорацию и политическое подчиненіе его Польшѣ, литовцы настаивали на простомъ оборонительномъ союзѣ съ Польшей, *unionem fraternam, societatem et ligam*, безъ „уйму почтивости“, автономіи и политиче-

¹⁾ Кроме отказа отъ такого *paritatem* при Витовтѣ, послѣ расторженія униі 1413 г., при Казимирѣ, въ 1451 г., паны литовскіе также отказались было отъ униі, въ виду требимыхъ привилегій поляковъ, и отослали свои гербы польскимъ одиогербовникамъ (см. *Zbiór praw Litewskich i polskich*, стр. 42, примѣч. 14. *Narbutt, Pomniki*, 68. *Czacki, O litow. i pol. prawach*, I, 279).

²⁾ См. Любавскаго Сеймъ, стр. 116.

³⁾ *Ibid.*, стр. 113, 139.

своей независимости Литвы-Руси. На такихъ именно условіяхъ русскіе и литовскіе паны, на съѣздѣ 1499 г., „wpiśali się“ къ коронѣ польской; но это не согласовалось съ интересами поляковъ, и потому не могло состояться „братство“ Литвы съ Польшей¹⁾.

На почвѣ указанныхъ непримиримыхъ интересовъ польскихъ и литовско-русскихъ стоялъ вопросъ объ уніи въ теченіе почти двухъ вѣковъ. Если нѣкоторые опыты уніи входили въ силу, то они держались лишь временно: только что заключенная унія по большей части тотчасъ же и расторгалась²⁾. Переговоры объ уніи велись обыкновенно литовскими панями на съѣздахъ съ поляками. Иногда же случалось, что сами литовскіе господа принимали на себя обязательства, не выгодныя для литовцевъ; почему иногда возникала въ ихъ средѣ большая смута³⁾.

Такъ стоялъ вопросъ объ уніи до 60-хъ годовъ XVI в., когда въ

¹⁾ Vol. leg. I, 60. Объ наложенныхъ тенденціяхъ Польши и Литвы-Руси, какими она руководилась при разновременныхъ опытахъ уніи, см. богатый матеріалъ архивный и известный въ печати, собранный въ сочиненіи Любавскаго Сейма, стр. 10, 15, 75, 113, 116, 118, 137 и пр.

²⁾ Объ уніи 1385 см. Monumenta medii aevi historica res gestas illustrantia, т. III, № 3. Zbiór praw litew., стр. 3—7. Любавскаго Сейма, II. Унія 1392 г.: Monument. med. aevi, VI, № 233; XIV, прибав. № 1. Любавскаго Сейма, 18. Унія 1401 г.: Monument. med. aevi, VI, № 234. Любавскаго Сейма, 28. Унія 1413 г.: Rzyszczewski, Cod. diplom. Polon. I, № 147. Zbiór praw litew., 20—24. Любавскаго Сейма 34, 35. Унія 1433 г.: Supplementum ad historica Russiae monumenta, № 217. Rzyszczewski, Cod. dipl. Polon. I, № 175. Skarbiec, № 1649. Любавскаго Сейма, 72. Унія 1434 г.: Rzyszczewski, Cod. dipl. Polon. I, 176. Любавскаго Сейма, 81. Унія 1437 г.: Monument. med. aevi II, № 91—93. Rzyszczewski, Cod. I, 177. Любавскаго, 87. Унія 1439 г.: Monument. XII, № 262. Vol. leg. I, 63. Zbiór, 25, 27. Любавскаго 92, 93. Унія 1446 г.: Monument. XII, ч. II, № 6; XIV, № 5. Liber cancellariae Stanislai Ciołek, II, стр. 245. Любавскаго, 113. Унія 1499 г.: Monument. XIV, № 422, 423, 492—444, 488, 489. Любавскаго, 140—142. Унія 1501 г.: Rzyszczewski, Cod. dipl. Polon. I, № 196, 197. Zbiór praw litew., 77—81. Любавскаго Сейма, 144.

³⁾ Такъ, польскіе паны на сеймѣ въ Сѣрадзѣ, 1452 г., заставили прибывшаго въ Литву кор. Сигизмунда дать имъ письменное обязательство въ томъ, что онъ подтвердитъ права Польши на Волынь, что осматривалось литовцами и сильно торжовало унію. Но возвращеніи Казимира въ Вильну, на сеймѣ 1453 г., изъ-за славянскаго обязательства произошла большая смута. Паны выразили было даже желаніе избрать другого господара; произошла между ними вооруженная свалка, во время которой король былъ раненъ и чуть не покинутъ живъю. Обязательство Казимира осталось неисполненнымъ. Ему удалось склонить литовцевъ отправиться въ Парчовъ, на польскій сеймъ, для новыхъ переговоровъ; но это не привело ни къ какимъ результатамъ (см. Любавскаго Сейма, 119, 120).

общегосударственных дѣлахъ Литвы-Руси приняло дѣятельное участие рядовое шляхетство, стоявшее больше всего за свои ближайшіе сословные интересы, съ предпочтеніемъ ихъ интересамъ общегосударственнымъ. Литовско-русскіе паны, волей неволей отказавшіеся отъ старыхъ традицій по вопросу о польской униі, приняли въ 1564 г. декларацию короля Сигизмунда Августа объ отреченіи его отъ принадлежавшаго ему династическаго права („права дѣдичнаго“) на великое княжество литовское въ пользу короны польской на вѣчныя времена ¹⁾. Въ послѣдующее время паны литовскіе заботились лишь о сохраненіи литовскаго княжества въ его „чести и достоинствахъ“. Между тѣмъ, наступившая вскорѣ война съ Москвою, отторженіе Подляшья и Малороссіи, раскрыли всю невозможность, какъ дальнѣйшей борьбы съ сильнымъ противникомъ, такъ и вообще невозможность самостоятельнаго существованія литовскаго государства. Въ началѣ второй половины (1-го іюля) 1569 г. состоялось на сеймѣ литовскихъ и польскихъ пановъ соглашеніе объ униі, которое въ особомъ актѣ объ стороны подтвердили взаимной присягой ²⁾. По акту Люблинской униі, послѣдняя устанавливается въ видахъ „*dobrego y szczerego braterstwa, dla mocniejszego spoienia w spolney a zaiemney miłości braterskiey u w wieczney obronie obudwu panstw spoleczney niewatpliwey wiary braterskiey czasy wiecznemi*“ и пр. Корона польская и великое княжество литовское образуютъ съ этихъ поръ одно нераздѣльное и неразрозненное цѣлое, одну Речь Посполитую, составившуюся изъ двухъ народовъ, съ однимъ господаремъ, избираемымъ общими голосами всѣхъ сеймовыхъ становъ, затѣмъ съ общей коронной радой и сеймомъ, общей монетой и пр., съ удержаніемъ, однако, титула великаго княжества литовскаго, также съ признаніемъ прежней силы и дѣйствія мѣстныхъ Статутовъ (кромя артикуловъ, противныхъ униі), привилеевъ, правъ и вольностей, пожалованныхъ господами землямъ короннымъ и литовско-русскимъ „*wszem wobec y kazdemu zosobna*“ ³⁾. Поляки, такимъ образомъ, достигли своей цѣли, добыли въ Литвѣ-Руси „насуущій хлѣбъ“ для возстановленія истощенныхъ силъ Польши. Речь Посполитая приобрѣла достаточныя средства для борьбы съ врагами, посягавшими на ея независимость.

„Родоначальникомъ“ шляхетскаго сословія въ Литвѣ принято счи-

¹⁾ Vol. leg. II, 643.

²⁾ Дневникъ Люблин. сейма, стр. 407—490.

³⁾ Vol. leg. II, 766—775.

тать привилей 1387 г. ¹⁾. Онъ былъ издавъ великимъ княземъ Ягеллой для одной Литвы, т. е. великокняжескаго удѣла, слагавшагося изъ волостей Виленскаго княжества, и удѣла Свиргайлы—Троискаго княжества, перешедшаго въ нему по смерти Кейстута въ 1382 г. Какъ видно изъ введенія къ привилею 1387 г., онъ имѣеть въ виду поощреніе родовитыхъ литовскихъ бояръ (*armigeri*) въ принятію католичества ²⁾,—очевидно, на основаніи обязательства Ягеллы, по акту уніи 1385 г., „принять католическую вѣру съ родными, знатными и простыми людьми отъ мала до велика“ ³⁾, вмѣстѣ съ уравненіемъ въ нѣкоторыхъ правахъ литовцевъ (*incolis magni ducatus Lithuaniae*, какъ сказано въ заглавіи привилея) съ польской шляхтой ⁴⁾. Есть основаніе полагать, что поляки, строго настаивавшіе на соблюденіи литовцами условій уніи 1385 г., первые могли указать на необходимость изданія особаго акта объ „уравненіи“ въ правахъ литовцевъ и поляковъ. Только при возможномъ уравненіи („*ne vediantur in iuribus dispareres, quos eidem Coronae subjectos fecit unum*“, по выраженію первой статьи привилея 1387 г.), поляки могли рассчитывать на устойчивость уніи и на поддержку ея самими литовцами. Повидимому, собственно литовскіе бояре не участвовали въ составленіи привилея 1387 г.; главная роль здѣсь принадлежала удѣльнымъ князьямъ литовскимъ и польскимъ съ польскими же панами.

Привилей 1387 г. данъ литовскимъ боярамъ, на основаніи акта уніи 1385 г. объ обязательномъ введеніи католичества въ Литвѣ ⁵⁾,

¹⁾ *Zbiór praw litew.*, стр. 1, 2. *Skarbiec*, № 539 (польскій переводъ).

²⁾ „*Quia sollicita et pia ratione, debite perpetuendum, sincere dilectionis, pium atque liberum affectum, quem gens nostra Lithuanica, ad baptismi, nec non orthodoxae, ac catholicae fidei susceptionem habere dinoscitur et gestaro... ad augmentum sanctae fidei, atque religionis catholicae roboris firmitatem, universis et singulis Lithuanis, armigeris, sive bazaris nostrae ditioni... baptisatis, baptisari volentibus: damus et concedimus libertates et jura*“ etc. (*Zbiór*, стр. 1).

³⁾ См. Любавскаго Сѣмж., 10.

⁴⁾ О такомъ уравненіи въ правахъ съ шляхтой собственно говорится только въ первыхъ статьяхъ привилея объ имущественныхъ правахъ бояръ „*quibus et caeteri nobiles in terris aliis regni nostri Poloniae potiuntur ne videantur in iuribus dispareres, quod eidem coronae subjectos fecit unum*“. Въ остальныхъ статьяхъ рѣчь идетъ вообще о „*more et jure regni nostri poloniae*“ и пр.

⁵⁾ Черезъ два дня (22 окт.) послѣ наданія привилея 1387 г. Ягелло обнародовалъ особый актъ о принужденіи литовцевъ къ принятію католицизма. Приведемъ главныя положенія этого любопытнаго акта. Желая въ краяхъ своихъ литовскихъ и русскихъ умножить католическую вѣру, съ согласія и соизволенія своихъ братьевъ, князей и всѣхъ бояръ земли литовской, Владис. Ягелло постановилъ и присягнулъ: всѣхъ

данъ не всему литовскому боярству, а только знатымъ литовцамъ (*universis et singulis Lithuanis*)¹⁾, принявшимъ католичество,—данъ лишь на нѣкоторыя *libertates et jura*, а не на всѣ шляхетскія вольности, приобретенныя въ то время шляхтой польской. Такимъ образомъ, въ привилеѣ 1387 г. говорится о владѣннхъ имѣннхъ на равныхъ правахъ съ шляхтой польской, о свободѣ вступленнхъ въ бракъ боярскихъ дочерей и вдовъ, но только съ католиками, о правѣ вдовъ на владѣнне имѣннемъ мужа до вступленнхъ въ новый бракъ и о свободѣ бояръ—католиковъ отъ господарскаго тягла, кромѣ военной службы и замковой повинности (ремонта и постройки замковъ). Самое же главное—въ привилеѣ 1387 г. вовсе нѣтъ рѣчи о признаннхъ за литовскими боярами *шляхетства* наравнѣ съ польскими *nobiles*: боярамъ—католикамъ предоставлено не самое шляхетство, какъ цѣль-

родовитыхъ литвиновъ обоюго пола всякаго стана, похоженнхъ или состоиннхъ, живущихъ въ своихъ имѣннхъ литовскихъ и русскихъ, къ вѣрѣ католической и послушаннхъ св. римской церкви склонить, привлечь, призвать, приневолить, къ какому бы исповѣданнхъ ни принадлежали. Чтобы никакимъ способомъ новообращенные въ католическую вѣру не были отвлечены, — чтобы отклонить всякій, безъ исключеннхъ, вредъ, затрудняющнй возрастанне вѣры католической, Ягелло сурово приказалъ, чтобы никто изъ литвиновъ обоюго пола съ русскими, т. е. схизматиками, не заключалъ брачныхъ связей, если предварительно не принялъ явнаго послушаннхъ римской церкви; если бы гдѣ, въ противность этому, случилось, что кто либо изъ исповѣдующихъ русскнй обрядъ вступалъ въ бракъ съ католикомъ, въ такомъ случаѣ бракъ не долженъ расторгаться, но мужъ или жена того исповѣданнхъ должны идти во вѣрѣ за католикомъ или католичкой, послушными римской церкви и оставаться вѣрными ей, къ чему могутъ быть приневолены тѣлесными наказаннхми. (Этотъ актъ въ цѣлости извѣстенъ въ пол. переводѣ Малиновскаго, при изданнхъ Валовскаго *Dzieje Kogony Pol.*; W. X. lit. I, стр. 74, прим. 1. См. также *Skarbiec*, № 540. Латинскнй отрывокъ есть у Устряковскаго, изд. 1846, стр. 81. См. Докум., объясняющне исторнхъ зап.-рус. края, № 1. Оригиналъ находится въ архивѣ Канцелярнхъ Виленской). Такимъ образомъ, родовитые литовцы, всѣ безъ разлнчнхъ, въ особенности принявшне обрядъ русскнй, гдѣ бы ни находились, должны были принять обрядъ римскнй. Чтобы не оставалось въ томъ никакаго сомнѣннхъ, король приказалъ тотчасъ же казннтъ смертью двухъ знатнѣншихъ бояръ, которые, будучи уже исповѣданнхъ русскаго, сопротивлялись принятнхъ католической вѣры. Извѣстне объ этомъ записано въ Софнйскомъ Временннхъ: „И два литвина у него боленнхъ его, а тѣ крестинаса въ хрнстнанскую вѣру, онъ же (Ягелло) хотѣлъ ихъ крестити въ свою вѣру латинскую, они же не послушавше; король же Ягайло казни ихъ многими муками и смерти повелѣлъ предати“. (Пол. Соб. Литов. V, стр. 242). О томъ же сообщается въ Новгородской лѣтописи: „Два большаго литвина Ягайлова крещени въ крестннанскую вѣру“, но захотѣли принять вѣру католическую по приказу Ягеллы и за то были наказаны смертнхъ (*ibid.*, IV, 95).

¹⁾ Въ особомъ актѣ того же года о принятнхъ католичества боярами послѣднне названы „*rodowitymъ*“ (см. предыдущее примѣчанне).

ный правовой институтъ, а лишь нѣкоторыя права и вольности польской шляхты ¹⁾). Въ привилей 1413 г. Ягелло ссылается на то, что договоръ объ уніи 1385 г. составленъ „de consensu unanimi omnium baronum, nobilium, procerum et boyarorum eiusdem terrae Lythwaniae“ ²⁾). Между тѣмъ, въ 1385 г., на дѣлѣ вовсе не было въ Литвѣ ни пановъ, ни шляхты, какъ это было въ Польшѣ. Очевидно, въ данномъ случаѣ разумѣются большіе (родовитые) и меньшіе (рядовые) бояре, призывавшіеся въ господарскую раду. Какъ намъ кажется, актъ 1387 г. можно назвать просто боярскимъ или земскимъ, но не „шляхетскимъ“ привилеемъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Это былъ лишь первый опытъ осуществленія заявленной при заключеніи уніи въ 1385 г. тенденціи сближенія и „wcielenia“ Литвы съ Польшей, не больше; о приобрѣтеніи литовцами польскаго шляхетства еще не было рѣчи при составленіи привилей 1387 г. „Родоначальникомъ“ шляхетства, его правъ и вольностей въ литовскомъ государствѣ слѣдуетъ считать не привилей 1387 г. ³⁾, но привилей Городельскій 1413 г., трактующій о разныхъ вольностяхъ литовской шляхты,—*certis libertationibus tunc nobilitati Lijtnanice*.

Обстоятельства, предшествовавшія Городельскому привилею и отчасти вызвавшія его изданіе, состояли въ слѣдующемъ. Какъ видно изъ актовъ, въ 1385 г. прибыли къ Ягеллѣ польскіе паны съ предложеніемъ условій ⁴⁾, на какихъ могло состояться соглашеніе о принятіи короны польской и о самой уніи Литвы съ Польшей. Ягелло выдалъ особый письменный актъ, съ подтвержденіемъ предложенныхъ

¹⁾ О признаніи шляхетства за боярами не говорится ни въ текотѣ привилей 1387 г., ни въ его заголовкѣ: „Privilegium regis Vladislai super certis libertatibus concessis imoko magni ducatus Lithuaniae, ad instar libertatum regni Poloniae ubi iudices in districtibus deputantur et conceduntur“. Что касается правъ, предоставленныхъ боярамъ, то они во многомъ уступаютъ правамъ польской шляхты, признаваемымъ за ней Людовикомъ Венгерскимъ, на основаніи ряда 1355 г. и Кошицкаго привилей 1374 г. объ освобожденіи шляхты отъ *всѣхъ* господарскихъ повинностей, о назначеніи новыхъ податковъ и повинностей лишь съ согласія пановъ на сеймахъ. о назначеніи войны тоже съ ихъ согласія и пр. (Vol. leg. I, 55—58. Długosz, Hist. Polon. IX, 1102. См. Журн. Мин. Юст. 1905. октябр. 146, 168, 175).

²⁾ Zbiór praw. litew., стр. 11.

³⁾ Какъ полагаютъ, наприм., Любавскій (см. Сеймъ. стр. 463) и другіе исследователи литовской старины. Такое же ошибочное воззрѣніе на привилей 1387 г., какъ на „первую шляхетскую хартію“, высказано въ моей монографіи—Источники русско-литовскаго права (Варш. Унив. Изв. 1894, I, стр. 23).

⁴⁾ Самы, по собственной инициативѣ, литовцы не могли предложить условій уніи, съ отказомъ отъ политической независимости Литвы.

условія уніи съ Польшею и съ обязательствомъ, кромѣ принятія католичества имъ, его братьями и всѣмъ населеніемъ Литвы, выложить свою казну на нужды Польши, возвратити отторгнутыя отъ Польши земли, выпустити на свободу илѣнныхъ поляковъ и навсегда присоединити свои земли къ Коронѣ Польской. Условія этого договора были утверждены польскими послами, давшими Ягеллъ письменное заявленіе о томъ въ августѣ 1386 г. ¹⁾. Эти-то условія уніи 1385 г., грозившія Литвѣ потерей политической самостоятельности, вскорѣ послѣ изданія привилей 1387 г., вызвали возстаніе литовскихъ князей и бояръ съ Витовтомъ во главѣ. Для литовцевъ, собственно говоря, привилей 1387 г. не могъ имѣть особенно важнаго значенія: онѣ имъ мало не измѣняли условій уніи и предоставляли литовскимъ боярамъ—католикамъ лишь въ незначительной дозѣ уравненіе въ правахъ съ поляками. Отвергая унію, литовцы тѣмъ самымъ могли отмѣнять и силу привилей 1387 г., изданнаго, по всѣмъ видностямъ, по ничтативѣ и настояцію поляковъ. Такимъ образомъ, едва зародившаяся унія была вскорѣ расторгнута. Въ начавшейся войнѣ Витовта и его сторонниковъ съ Польшею неровнѣе явно клонился на сторону литовцевъ. Поляки вынуждены были пойти на уступки: примиреніе состоялось въ 1392 г. Новымъ актомъ польско-литовская унія была возобновлена; Витовтъ, признанный великимъ княземъ литовскимъ, далъ запись на вѣрность королю и Коронѣ Польской съ новыми условіями, главнымъ образомъ съ упроченіемъ извѣстной автономіи Литвы ²⁾. Такой исходъ дѣла не былъ въ интересахъ поляковъ. Недовольство поляковъ королемъ Ягеллоу, не настоявшимъ на исполненіи всѣхъ обязательствъ первой уніи и не соединившимъ Литву съ Польшею, могло повлечь за собой для Ягеллы, особенно по смерти королевы Ядвиги, опасность лишенія польской короны. Отсюда, съ одной стороны, исканіе Ягеллою поддержки со стороны Витовта и литовцевъ, съ предложеніемъ о возобновленіи уніи, путемъ соби-

¹⁾ Monumenta medii aevi, т. II, № 3; т. XII, № 6. Касательно соблюденія литовцами принятаго ими договора объ уніи, поляки обнаружили особую настойчивость, какую не покидали и позже. Поляки потребовали отъ бояръ литовскихъ присягу въ вѣрности королю, королеві и коронѣ польской, взяли заложниковъ въ лицѣ князей литовскихъ, приближенныхъ въ Польшу на коронацію Ягеллы, собирали записки на вѣрность съ другихъ литовскихъ князей и пр. (Zbiór praw litew., стр. 3—7. Golębowski, Panowanie W. Jagielly, 5, 6. Monumenta medii aevi, II, № 4, 5, 13; VI, № 25, 29, 30, 33, 35, 40. Skarbiec, № 516, 526, 554, 565, 567).

²⁾ Monumenta medii aevi, VI, № 233; XIV, append., № 1.

ранія новыхъ записей на вѣрность королю и коронѣ¹⁾, а съ другой настойчивыя требованія поляковъ прочныхъ гарантій въ соблюденіи уніи. Такія гарантіи, по настоянію поляковъ, были оформлены, съ рядомъ новыхъ условій, въ двухъ одновременныхъ актахъ 1401 г.; одинъ выданъ Витовтомъ отъ себя лично²⁾, а другой съвадомъ литовскихъ князей и бояръ. Князья и бояре литовскіе клятвенно обѣщались помогать полякамъ, какъ и послѣдніе литовцамъ, въ случаѣ нападенія враговъ и въ другихъ трудныхъ обстоятельствахъ; радѣть объ интересахъ поляковъ, какъ о своихъ собственныхъ, а поляки объ интересахъ литовцевъ; не искать по смерти Витовта другого господаря помимо польскаго короля; въ нему и коронѣ польской, согласно договору, переходить все великое княжество; при чемъ князья и бояре литовскіе обязываются пристать, поддаться, быть послушными королю и коронѣ польской, безъ хитрости и измѣны (*sine dolo et fraude*). Въ случаѣ смерти короля Владислава, поляки не наберутъ себѣ новаго короля, безъ вѣдома и совѣта Витовта, бояръ и князей литовскихъ³⁾.

Такъ стояло дѣло уніи до 1413 г., когда, въ виду возникшихъ происловъ ливонскаго ордена и вступившаго съ нимъ въ сношенія Витовта и пановъ литовскихъ, въ видахъ отстаиванія независимости Литвы стремившихся къ расторженію уніи съ Польшей, поляки должны были повозботиться о прочномъ ея скрѣпленіи. По настоянію поляковъ въ Городцѣ въ 1413 г. состоялся общій польско-литовскій сеймъ. На этомъ сеймѣ литовскіе паны (въ числѣ 47-ми), за своими печатами, выдали полякамъ формальную записку о соблюденіи польской уніи и всѣхъ ея условій⁴⁾. Такую же записку выдали литовцамъ

¹⁾ А. З. Р. I, № 17—20. Vol. leg. I, 60. Monumenta medii aevi, II, № 27—32; VI, 82.

²⁾ Monumenta, VI, № 233.

³⁾ Monumenta, VI, № 234.

⁴⁾ Литовскіе паны, поминено обозначенные въ запискѣ, обещались не покидать польскихъ пановъ, шляхту и самое королевство польское, при всякихъ невзгодахъ и нуждахъ, помогать имъ противъ всякихъ неприятелей, ихъ коней и нападений; не начинать ссоръ, войнъ и столкновеній, безъ ихъ воли, согласія, совѣта и разсѣдыванія; не покидать никогда короля Владислава и великаго князя Витовта, но всегда, безъ хитрости и измѣны, помогать имъ совѣтомъ, помощью и расположеніемъ; по смерти Витовта никого не избирать на великое княженіе, кромѣ того, кого польскій король, паны и шляхта польская выберутъ и поставятъ; если король бездѣтно умретъ, полякамъ самимъ не избирать короля, безъ вѣдома и воли Витовта и пановъ литовскихъ. *Zbiór praw litew.*, стр. 20—24.

паны польскіе ¹⁾. По этимъ записямъ, Литва всегда будетъ имѣть отдѣльнаго господаря, которому польскій король будетъ делегировать свою власть. Въ данномъ случаѣ союзный договоръ 1413 г. дѣлаетъ крупную уступку литовцамъ, стоявшимъ за самобытный государственный режимъ Литвы, тогда какъ предыдущіе договоры допускали такой режимъ лишь до смерти Витовта. Съ другой стороны, литовскіе паны сдѣлали уступку полякамъ, соглашаясь на постоянную унію съ Польшей въ формѣ инкорпорации. Подтвержденіе уніи, для ббльшей ея прочности, на томъ же сеймѣ было поставлено, по предложенію польскихъ пановъ ²⁾, въ связь съ интересами самихъ литовцевъ, путемъ изданія привилеи въ пользу литовскаго боярства (*bojaris s. armigeris*), съ предоставленіемъ ему ряда шляхетскихъ вольностей.

Городельскій привилей (*littera*, листъ) 1413 г. ³⁾ пожалованъ королемъ польскимъ Владиславомъ Ягеллой, какъ *Littwaniarum principis supremus*, и Витовтомъ, *magnum dux Lyttw.*, литовской землѣ и ея обывателямъ (*incolas*) въ тѣхъ видахъ, чтобы она „удобнѣе упражнялась въ постоянствѣ въ принятой вѣрѣ и возрастала въ добродѣтели, сложивъ съ себя своей и разрѣшивъ иго рабства, которымъ до тѣхъ поръ были связаны и скованы“, съ пожалованіемъ имъ *libertates, immunitates, gratias, exemptiones et privilegia*, какими въ Польшѣ пользуются католики. Какъ при введеніи католической вѣры земли литовскія были соединены съ землями польскими, такъ и теперь, въ видахъ обезпеченія ихъ обороны отъ непріятельскихъ вторженій и измѣны крестоносцевъ и другихъ непріятелей, желающихъ опустошить и уничтожить землю литовскую и королевство польское, земли, кои состояли и доселѣ состоятъ въ полной власти и правѣ чистомъ и сѣмшанномъ Ягеллы и Витовта, вновь инкорпорированы и видѣруются въ королевство польское, по волѣ, одобренію и согласію литовскихъ пановъ, шляхты и бояръ.

Привилей 1413 г. несомнѣнно первая шляхетская хартія, формулировавшая основныя начала организаціи въ Литвѣ привилегированнаго сословія, пользовавшагося вольностями шляхты польской. Нѣ-

¹⁾ Rzymszewski, Codex diplom. Polon. I, № 147.

²⁾ См. Любавскаго, Сеймы, стр. 35.

³⁾ Zbiór praw litew., стр. 7—20. Vol. leg. I, 66—71. Rzymszewski, Codex diplom. Polon. I, 162. Hr. Platter, Zbiór pamiećn. I, 5. Skarbiec, № 1025. Niemcewicz Zbiór pamiećn. I, 340. Ак. Литов. Метрики, № 1. Du Monte, Corps univ. dipl. II 361. Zaacki, 125—127. Przućnaki, 686—690. Januszowski, 743—750. Herburt, 656—662. Sarnicki, 986—992.

которыя изъ такихъ вольностей были признаны за литовскими *bojagis s. armigeris* еще привилеемъ 1387 г.; но тамъ рѣчь идетъ лишь о боярахъ, безъ всякаго упоминанія о шляхтѣ литовской. Въ привилеѣ 1413 г. говорится о боярахъ лишь въ четырехъ статьяхъ (III, V, IX и XVII)¹⁾, какъ о лицахъ, изъявившихъ въ особой записи согласіе на унію съ Польшей, съ присягой вѣрности польскому королю и великому князю литовскому, и получившихъ польскіе гербы. Во всѣхъ статьяхъ привилея 1413 г. говорится исключительно о шляхтѣ—ся составѣ, генезисѣ и правоспособности. Шляхта литовская (*nobilitas Lijtuanicum*—по заглавію привилея) складается съ привилея 1413 г. изъ двухъ главныхъ классовъ: пановъ и шляхты (*bagones* и *nobiles*)²⁾. Привилея точно фиксируетъ личный составъ литовскихъ пановъ и шляхты, путемъ поименнаго обозначенія болгскихихъ фамилій, сопричисленныхъ въ польскимъ гербамъ и составившихъ изъ себя основной контингентъ „родовитаго“ шляхетства, пользовавшагося полной шляхетскою правоспособностью. Съ изданіемъ же привилея 1413 г. впервые въ литовскомъ правѣ устанавливаются способы приобрѣтенія шляхетства—путемъ рожденія отъ лицъ, получившихъ польскіе гербы, а съ ними и шляхетство, и путемъ пожалованія шляхетскихъ правъ, вмѣстѣ съ полученіемъ гербовъ на шляхетство. Правоспособность, по привилею 1413 г., устанавливается, по всему видно, на одинаковыхъ основаніяхъ въ отношеніи къ панамъ и шляхтѣ; различіе между ними въ правахъ точно устанавливается въ позднѣйшее время, когда окончательно исчезаетъ всякая рознь между шляхтой литовско-русской и польской. Привилея 1413 г. обуславливаютъ пользованіе шляхетскими вольностями послушаніемъ отдѣльныхъ лицъ католической церкви. Въ сферѣ гражданской правоспособности къ шляхетскимъ вольностямъ причислены, кромѣ правъ признанныхъ за боярами привилеемъ 1387 г. (по владѣнію имѣніями, свободѣ браковъ и правамъ вдовъ на имѣніе мужа), права по наследованію имущества, также касательно вѣна жены изъ имущества

¹⁾ *Zbiór praw litew.*, стр. 11—13, 18.

²⁾ Въ статьяхъ III, IX и XVII говорится, кромѣ того, о *proceres* лишь въ общемъ смыслѣ литовской знати или родовитаго шляхетства, подъ которыми специально разумѣлись *bagones*, наны литовскіе (*Zbiór praw. litew.*, стр. 11, 14, 18). Въ двухъ статьяхъ (III и X) упоминаются также литовскіе князья (*principes*) въ роли лицъ, давшихъ согласіе на унію съ Польшей и обязанныхъ въ силу этого оказывать въ нужныхъ случаяхъ помощь Польшѣ (*ibid.*, II, 14). Здѣсь разумѣются собственно удѣльные князья, стоявшіе отдѣльно отъ шляхты.

мужа. Въ сферѣ публичныхъ отношеній привилеіеі 1413 г. формулируетъ правоположенія касательно обязанности шляхты охранять и поддерживать унію съ Польшею, по началу инкорпорации,—также касательно участія шляхты въ соглашеніи съ панами польскими при избраніи великаго князя литовскаго, какъ и польскаго короля,—участія въ польско-литовскихъ сеймахъ, учреждаемыхъ по общимъ дѣламъ Польши и Литвы и пр. Привилеіеі 1413 г., вообще говоря, дѣлаетъ лишь первый опытъ уравниванія въ правахъ шляхты литовской съ польскою, при чемъ шляхтѣ литовской усвоится далеко не вся полнота вольностей польской шляхты. Таковы, напримѣръ, ограниченія въ сферѣ повинностныхъ отношеній. Литовская шляхта, подобно старому боярству, обязана была строить и ремонтировать господарскіе замки и платить податки, назначенныя по усмотрѣнію господаря, тогда какъ въ Польшѣ, со времени Кошицкаго привилеіеі 1374 г., шляхта была свободна отъ всякихъ повинностей, кромѣ тѣхъ, кои назначались на сеймахъ съ согласія самихъ пановъ ¹⁾. Точно также литовская шляхта пользуется по привилеіею 1413 г. сравнительно съ польскою ограниченными правами касательно участія въ господарской радѣ: по привилеіею 1413 г. въ нее призываются только католики, но безъ тѣхъ самостоятельныхъ функций, какія въ то время принадлежали польскимъ панамъ радѣ. Такія функции пріобрѣтаются литовскою радой лишь съ конца XV в. (съ привилеіеі 1492 г.). Къ польскимъ порядкамъ ближе подходитъ замѣщеніе урядовъ по привилеіею 1413 г.: какъ и въ Польшѣ ²⁾, на литовскіе уряды по привилеіею 1413 г. можетъ назначаться королемъ только католическая шляхта. Въ Польшѣ послы земскіе стали призываться къ участію въ законодательной дѣятельности съ Корчинскаго сейма 1404 г. и вскорѣ (съ конституціи 1454 г.) къ сеймамъ польскимъ переходить вся полнота законодательной функции ³⁾. Между тѣмъ, въ литовскомъ государствѣ сеймы, въ составѣ пановъ рады и земскихъ пословъ, стали собираться съ конца XV в.; но собственно лишь съ Люблинской уніи окончательно переходить къ сеймамъ власть законодательная ⁴⁾.

Итакъ, шляхетскихъ привилеіеіеі послѣдующаго времени (1432 и 1434 г.) стояло въ такой же связи съ вопросомъ о польско-литов-

¹⁾ Vol. leg., I, 55.

²⁾ Ibid., I, 57.

³⁾ См. Журн. Мпн. Юст. 1905, окт., стр. 168.

⁴⁾ См. объ этомъ ниже.

ской уніи, какъ и изданіе привилея 1413 г. Унія, въ формѣ инкорпорации, несмотря на рядъ вольностей, предоставленныхъ литовской шляхтѣ и рассчитанныхъ именно на поддержку съ ея стороны уніи, не могла, однако, не дѣйствовать отрицательно на самихъ литовцевъ, всегда крѣпко стоявшихъ за политическую независимость своей родины. Тѣмъ менѣе унія 1413 г. могла находить поддержку въ русскомъ боярствѣ, особенно въ земляхъ, входившихъ непосредственно въ составъ литовскаго княжества, гдѣ вольности литовской шляхты вовсе не распространялись на мѣстное боярство. При великомъ князѣ Свидригайтѣ Литва, поэтому, не только порвала унію съ Польшей, но и прямо становилась съ ней во враждебныя отношенія. Обстоятельства заставили поляковъ снова идти на уступки и примиреніе съ литовцами. По настоянію Ягеллы и польскихъ пановъ, Свидригайтло былъ свергнутъ и на его мѣсто посаженъ въ 1432 г. на великокняженіе въ Литвѣ Сигизмундъ Кейстутовичъ. При его содѣйствіи, поляки успѣли возстановить унію на старыхъ основаніяхъ. Ягелло, бывшій въ то время во Львовѣ ¹⁾, имѣлъ въ виду снарядить въ Литву пословъ, съ уполномоченіемъ возобновить унію и исправить старыя записи о ней. Въ виду же усилившагося значенія роли русскаго боярства въ литовскихъ дѣлахъ, тогда же могла возникнуть мысль о распространеніи на русское боярство привилеевъ, приобретенныхъ литовскими панамъ на основаніи привилея 1413 г. Для упроченія уніи могло быть признано необходимымъ, чтобы унія давала извѣстныя выгоды не только литовскимъ панамъ, но и князьямъ и боярамъ русскихъ земель, чтò могло быть осуществлено распространеніемъ на послѣднихъ правъ и вольностей литовской шляхты. Поэтому, снаряжая пословъ въ Литву для переговоровъ съ литовцами о возобновленіи уніи, полки не только дали имъ полномочіе измѣнить нѣкоторыя статьи въ предшествовавшихъ записяхъ уніи ²⁾, но и тутъ же, во Львовѣ, въ мѣстѣ пребыванія короля, поручили бывшимъ съ ними раднымъ панамъ составить отъ имени короля и по его приказу привилей объ уравненіи (соaequationis) въ правахъ русскихъ съ литовцами, съ приложеніемъ печатей государя и польскихъ пановъ радныхъ (на первомъ планѣ бискупа Краковскаго Збитнева Олесницкаго, отправившагося затѣмъ въ Литву во главѣ посольства).

¹⁾ Dlugosz, Hist. IV, стр. 487.

²⁾ О такихъ полномочіяхъ см. Monumenta medii aevi, XII, № 206. Любавскаго Связь, стр. 72.

Въ началѣ октября посольство отправилось въ Литву и въ Гродно вступило въ переговоры съ прибывшими сюда великимъ княземъ Сигизмундомъ и литовскими панами. Обѣ стороны заключили новый договоръ объ уніи ¹⁾. Сигизмундъ былъ признанъ, по этому договору, великимъ княземъ—пожизненнымъ соврателемъ (*in partem sollicitudinis suae*) польскаго короля, по избранію прелатовъ, пановъ и шляхты обоихъ государствъ, съ тѣмъ, что, по смерти Сигизмунда, великое княжество литовское должно перейти къ королю Ягеллѣ или его преемникамъ и къ Коронѣ Польской (кромѣ владѣній Сигизмунда). Сигизмундъ совершенно отказывался отъ Подолія, принадлежавшей Польшѣ; волынскіе же замки, по завоеваніи ихъ у Свидригайла, отдаются Сигизмунду, отъ котораго, по его смерти, Волынь тоже отходитъ къ Польшѣ. Сигизмундъ обязывается не покидать короля и Короны Польской, оказывать имъ помощь при нападеніи враговъ, не обольщаться ничьими подговорами и пр. Въ исполненіе договора дали ручательство паны литовскіе (въ числѣ 21,—въ большинствѣ тѣ же паны, которые дали запись объ уніи 1413 г. и получили польскіе гербы), участвовавшіе въ переговорахъ объ уніи, съ скрѣпною договора приложеніемъ своихъ початой ²⁾. Договоръ 1432 г. окончательно былъ утвержденъ польскимъ королемъ особымъ актомъ 1433 г. ³⁾. Съ своей стороны и Сигизмундъ выдалъ листъ въ подтвержденіе того же договора ⁴⁾.

Въ тотъ же день, когда заключенъ былъ договоръ объ уніи (15 окт.), польскіе послы, отъ имени короля Ягеллы и съ согласія вел. кн. Сигизмунда, выдали привилей, по всему видно, составленный, какъ замѣчено, еще въ Львовѣ во время пребыванія тамъ короля съ его радными панами. Въ Гродно могло быть прибавлено къ тексту, составленному въ Львовѣ, лишь обозначеніе времени выдачи привилей („*feria quarta ipso die sanctae Hedwigis*“ и пр.) въ Гроднѣ.

Привилеямъ 1432 г. русскіе князья и бояре, подданные литовской земли, уравниваются въ правахъ съ литовцами. Русскимъ и литовскимъ панамъ гарантируется неприкосновенность владѣнія отчинами и даннами, съ правомъ свободнаго распоряженія ими,—освобожденіе отъ всѣхъ повинностей, кромѣ ремонта и устройства укрѣ-

¹⁾ См. *Supplementum ad historica Russiae monumenta*, № 217.

²⁾ *Ibid.*, № 217.

³⁾ *Rzyszczewski*, *Cod. diplom. Polon.* I, № 175.

⁴⁾ *Skarbiec*, № 1649.

плений, военной службы ¹⁾ и доставленія кормовъ во время проѣзда господаря, его пословъ и гонцовъ. Русскимъ предоставляется брать у литовцевъ тѣ же самые гербы, какіе послѣдніе получили отъ польскихъ пановъ; литовцамъ же вмѣняется въ обязанность принимать русскую знать въ свои гербовыя братства, по сношенію съ своими польскими одноклассниками (*habito cum illis fratribus sue genealogie de regno Polonie tractatu*). Предоставленіе правъ русскимъ мотивируется въ привилее тѣмъ, чтобы впродъ не было между обоими народами розни или какого либо неравенства (*divisio aut aliquot dispensum*); конни можетъ наноситься ущербъ государству,—чтобы всѣ, утѣшенные одинаковыми милостями, единодушно и согласно, съ одинаковымъ рвеніемъ и постоянствомъ, радѣли о благѣ и преуспѣваніи государства, ревностно и вѣрно исполняли повелѣнія короля Ягеллы и брата его, великаго князя Сигизмунда ²⁾.

¹⁾ „*Vias expeditionales*“ привилей Любавскій неправильно переводитъ выраженіемъ „ремонтъ военныхъ дорогъ“. (См. Сеймъ, стр. 75. Ср. *Zbiór praw litew.*, 13, привилей Даниловича о значеніи *vias expedit.* Ср. мою монографію—Источники литовско-русскаго права,—въ Варш. Унив. Изв. 1894, I, стр. 28).

²⁾ Латвскій текстъ привилей 1432 г. помѣщенъ въ приложеніи къ отчету ученой коммандировки въ 1892 г. проф. П. П. Филевича (Варшав. Унив. Изв. 1893, III, стр. 22—24) и въ *Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia*, 1894, t. XIV, dodat. № 17, стр. 523—524. Польскій переводъ привилей Малаховскаго въ изд. *Warszawskiego Dzieje Korony Polskiej I. W. X Lit.*, t. II, стр. 207—209. Въ виду указанія на Львовъ, какъ мѣсто составленія акта, выданнаго однако въ Гродно въ тотъ же день, когда былъ заключенъ договоръ объ уніи, проф. Филевичъ считаетъ данный актъ „наглою мистификаціей“, какую поляки продали безнаказанно въ Львовѣ. Проф. Филевичъ относитъ привилей 1432 г. къ „унионнымъ“ актамъ между Польшею и Литвою, которые были обоюдны и съ обѣихъ сторонъ оформлены, чего нѣтъ въ привилее 1413 г., закрѣпленномъ лишь печатомъ Ягеллы и польскихъ пановъ. Дѣло въ томъ, что привилей 1413 г. нельзя считать „унионнымъ актомъ“, какъ договоръ объ уніи того же года. Привилей имѣетъ значеніе акта, изданнаго въ силу автономной воли короля съ радой; о „вольностяхъ“ здѣсь не договаривались „обоюдно“ стороны, дающія вольности и принимающія ихъ. Намъ привилей въ этомъ отношеніи вполнѣ сходенъ съ привилеемъ 1413 г., изданнымъ тоже по односторонней волѣ господаря и скрѣпленнымъ присутствовавшими при этомъ радными панами. Такой же характеръ, наприм., привилей Владислава III, выданнаго въ 1438 г. Сигизмунду съ подтвержденіемъ за нимъ „*jura et privilegia*“ великаго князя литовскаго. Актъ этотъ тоже не былъ „обоюднымъ“, но данъ лишь по волѣ короля, и потому, какъ и привилей 1432 г., закрѣпленъ только польскими панами, безъ участія въ томъ пановъ литовскихъ (*Zbiór praw litew.*, стр. 25—27). Въ актъ 1432 г., какъ простая „мистификація“ поляковъ, былъ забытъ ии и литовцамъ, какъ утверждаетъ проф. Филевичъ, актъ этотъ не былъ бы дѣльнымъ воспроизве-

Актъ 1432 г. ни въ чемъ не измѣнялъ и не отмѣнялъ условій привилея 1413 г., даннаго обывателямъ собственной Литвы. Князьямъ и боярамъ литовской Руси, непосредственно подчиненной Литвѣ, предоставлялись тѣ же самыя права, какими пользовались и литовскіе князья, шляхта и бояре ¹⁾. Въѣстѣ съ вольностями литовцевъ, рускіе люди должны были подчиняться тѣмъ же ограниченіямъ въ правахъ, какія были установлены привилеемъ 1413 г. и для литовцевъ. При Сигизмундѣ, ставленникѣ Польши и католической Литвы, и не могъ возбуждаться вопросъ объ отмѣнѣ такихъ ограниченій. Въ силу этого изъ всего состава русскаго, какъ и литовскаго боярства, лишь католики, послушные римской церкви, могли становиться шляхтой, пользоваться вольностями шляхты польской, получать шляхетскіе гербы, занимать уряды, участвовать въ совѣщаніяхъ господарской рады и пр. Уравнены были въ правахъ лишь католики, а не весь составъ русскаго боярства. Православные бояре оставались на прежнемъ неопредѣленномъ положеніи класса людей, не примыкавшихъ ни къ шляхетству, ни къ простолюдию. Вся заслуга привилея 1432 г. ограничивалась лишь тѣмъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, частично (только для католиковъ) устранялъ преграды, установленныя Гор-

день (съ нѣкоторыми лишь дополненіями и разъясненіями) чрезъ два года тѣмъ же Сигизмундомъ, издавшимъ, ради укрѣпленія связи между Литвою и Русью, подтверждающій привилей на права русскіхъ и литовцевъ (см. ниже). Почти одновременно съ привилеемъ, выданнымъ въ Гродно боярамъ Руси, подчиненной Литвѣ, Ягелло въ Львовѣ же выдалъ привилей въ пользу Луцкой земли, тоже на вольности, въ присутствіи трехъ польскихъ делегатовъ, прибывшихъ къ нему изъ Гродна (Monum. med. aevi, II, № 82, стр. 77). По Густинской лѣтописи, Ягелло въ томъ же 1432 г. выдалъ привилей Киевской землѣ (Stadnicki, Bracia Wl. Jagielly, стр. 134, прим. 22). По объясненію Левецкаго, польскіе наны, подписавшіе привилей и приложившіе къ нему печати, были 15 октября въ Гродно, а не въ Львовѣ, какъ говорится въ привилей. Не подлежитъ сомнѣнію, что такъ было и въ оригиналѣ, хотя актъ нужно было выдать въ Гроднѣ. Это можно объяснить тѣмъ, что, такъ какъ акты формально заявлялись отъ имени короли, то было вѣсто нѣсто тогдашняго его пребыванія въ Львовѣ, вѣсто Гродно (Monum. medii aevi, XIV, стр. 524, примѣч. 1. См. его же Powst. Swidrigielly, стр. 155, 156. Любанскаго Сѣмь, 72--77). Но намъ смѣшно, скорѣе всего слѣдуетъ полагать, что въ мѣстѣ пребыванія короли, еще до отъѣзда пословъ въ Литву, былъ составленъ привилей, который затѣмъ послами, прибывшими въ Гродно, былъ выданъ русскимъ. Никакой поддѣлки или мистификаціи въ данномъ случаѣ не могло быть.

¹⁾ Predictos principes, nobiles et bojaros Ruthenorum eisdem gratiis et libertatibus, privilegiis et commodis gaudere et uti frui volumus, quibus principes, nobiles et bojari Lithuaniae potantur ac fruuntur (Варш. Унив. Изв. 1893, III, стр. 21).

дѣльскимъ привилеемъ вообще для русскихъ людей въ участіи ихъ въ политической жизни литовскаго государства. Привилей 1432 г. относился собственно только къ такъ называемой литовской Руси въ тѣсномъ смыслѣ и не распространялся на обывателей другихъ русскихъ земель, бывшихъ „послушными“ литовскому государству, но въ данное время остававшихся вѣрными Свидригайлу, непримиримому противнику какъ польско-литовской уніи, такъ и повяго великаго князя, выдвинутаго Польшею и католической Литвой ¹⁾).

Борьба Сигизмунда съ Свидригайломъ и его сторонниками, длившаяся больше года, заставила перваго обратиться къ польскому королю съ просьбой о содѣйствіи къ упроченію его положенія въ Литвѣ-Руси. Въ началѣ 1434 г. Ягелло лично отправился въ Литву, гдѣ объявилъ литовскимъ панамъ, что онъ оказываетъ свою помощь Сигизмунду, облокачть его великокиняжеской властью и приказываетъ литовцамъ повиноваться ему, какъ законному великому князю. Чтобы устранить всякія сомнѣнія касательно уніи съ Польшею, было условлено подтвердить ее новымъ договоромъ, что и было исполнено двумя актами того же года, утвержденными, съ одной стороны, Сигизмундомъ и 36 литовскими боярами, а съ другой, Ягелломъ и панами польскими ²⁾. Новые акты уніи были лишь простымъ повтореніемъ предшествовавшихъ договоровъ.

Вслѣдъ за союзнымъ договоромъ вел. кн. Сигизмундъ издалъ новый *привилей съ 1434 г.*, съ подтвержденіемъ правъ и вольностей князей и бояръ русскихъ и литовскихъ земель, подчиненныхъ великому князю, ради устраненія на будущее время всякой возможной розни и неровности между населеніемъ земель ко вреду послѣднихъ ³⁾. Сигизмундъ обязуется, въ своемъ привилейѣ, никого не карать и не наказывать по доносу тайному или явному, а лишь по суду, согласно съ правомъ земли литовской, и затѣмъ подтверждаетъ и болѣе точно обозначаетъ права и вольности, предоставленныя литовскимъ и русскимъ князьямъ и боярамъ привилеемъ 1432 г. ⁴⁾.

Привилей 1434 г. представляетъ собой лишь подтвержденіе пре-

¹⁾ См. Любавскаго Сеймъ, стр. 76—77.

²⁾ Rzyszczowski, Codex diplom. Polon. I, № 176.

³⁾ „Volentes insuper, ne inter earundem terrarum populos divisio aut aliquod dispendium subsequatur in futurum, quo status terrarum predictarum ledi possit“ и пр. (Monumenta medii aevi, XIV, стр. 530).

⁴⁾ См. Monumenta medii aevi, XIV, dodat. № 22, стр. 529—531. Ак. Лит. Метр. № 4—сокращенное изложеніе привилея 1434 г., взятое изъ Литовской Метрики.

дядушаго привилея 1432 г., съ нѣкоторыми незначительными дополненіями и разъясненіями. Одинаковое распредѣленіе статей въ обоихъ актахъ несомнѣнно доказываетъ, что составители второго привилея имѣли подъ рукою текстъ привилея 1432 г., въ которомъ затѣмъ и произведены были нѣкоторыя разъясненія и дополненія, съ удержаніемъ однако основнаго характера и направленія законоположеній въ обоихъ актахъ. Подтверждая въ своемъ актѣ привилеи прежнихъ государей, Сигизмундъ, несомнѣнно, имѣлъ въ виду, между прочимъ, Городельскій привилей 1413 г., санкціонировавшій рѣзкую правовую рознь между католиками и не-католиками. Оттого-то, несмотря на категорически выраженную мотивировку изданія привилея 1434 г. желаніемъ устраненія „розни“ между русскими и литовцами, рознь эта, въ существѣ дѣла, остается той же, каковы констатируются въ старыхъ привилеяхъ,—именно рознь между католиками и православными, какой долго не имѣла возможности навсегда ослѣпить законодательская практика не только старой Руси-Литвы, но и, какъ увидимъ, позднѣйшей Речи Посполитой.

Послѣдующіе шляхетскіе привилеи, издававшіеся со времени избранія на великокняженіе Казимира Ягеллона, вызывались исключительно мѣстными интересами литовскихъ государей и пановъ, внѣ былой связи съ разновременными опытами польско-литовской уніи¹⁾ и безъ прямого воздѣйствія и вмѣшательства польскихъ королей и польскихъ пановъ. Съ конца первой половины XV вѣка издавъ рядъ шляхетскихъ привилеевъ, основныя положенія которыхъ вошли, затѣмъ, въ составъ Литовскаго Статута—этой великой хартии литовско-русскаго шляхетства, со всѣми комплексомъ шляхетскихъ вольностей, постепенно признанныхъ отдѣльными привилеями за литовско-русской шляхтой. Привилеи издавались литовскими государями и сеймами обык-

¹⁾ Расторженіе въ 1440 г. польско-литовской уніи, возобновленной на основаніи договорныхъ актовъ 1437 и 1439 г. (см. Monumenta medii aevi, II, № 91, 93; XII, № 262. Вуцкисzewski, Codex diplom. Polon. I, № 177), было результатомъ отказа польскаго короля Владислава литовцамъ въ просьбѣ признать ихъ великимъ княземъ Казимира Ягеллона, согласно избранію литовскихъ пановъ; король соглашался отпустить Казимира въ Литву лишь на положеніи наместника, чѣмъ вполнѣ нарушался союзный договоръ 1432 г. объ управленіи Литвы великимъ княземъ, избравшимся по свободному соглашенію литовскихъ пановъ съ польскими. Въ виду послѣдовавшаго въ этомъ смыслѣ отвѣта короля, литовскіе паны сочли унію расторгнутой и потому самостоятельно избрали Казимира на великокняженіе, безъ соглашенія съ поляками (Любавскаго Сеймъ, стр. 95, 96).

новенно по настоянію нановъ или по рѣшеніямъ и ходатайствамъ сеймовымъ. Таковы привилеи слѣдующихъ годовъ: 1447, 1492, 1499, 1506, 1522, 1547, 1563, 1564, 1568, 1569 и 1573. Мы рассмотримъ въ общихъ чертахъ обстоятельства, вызывавшія изданіе привилеевъ, общій ихъ характеръ и составъ вошедшихъ въ нихъ законоположеній.

Изданіе *привилей 1447 г.*¹⁾ вызвано было, главнымъ образомъ, тѣми сепаратистическими движеніями, какія, при началѣ княженія Казимира Ягеллона, были обнаружены русскими областями—аннексами, стремившимися къ полному отдѣленію отъ литовскаго государства²⁾. Земли, дѣйствовавшія все время безъ солидарности и единодушія, къ 1447 г. должны были прекратить смуту и подчиниться Казимиру. Ему приходилось располагать къ вѣрности не только литовцевъ, но и земли-аннексы, путемъ пожалованія разныхъ вольностей. Избранный польскимъ королемъ, Казимиръ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Польшу на коронацію, въ сказанныхъ видахъ, а также, „чтобы усновою литовцевъ въ ихъ опасеніяхъ касательно предстоявшаго тѣснаго союза съ Польшею“ (подъ однимъ господаремъ)³⁾, 2-го мая 1447 г. выдалъ новый привилей прелатамъ, князьямъ, панамъ, шляхтѣ, боярамъ

¹⁾ (см. Monumenta mediae aevi, XIV, № 7, стр. 9—13. Rzyszczewski, Codex diplom. Polon. № 188, стр. 333. Zbiór praw litew., стр. 28—35. Skarbiec, № 1025. А. З. Р. I, № 61. Христоматія Владимирскаго-Будалова II, стр. 23. Ак. Литов. Метр. № 17 (извлечение). См. также Gołdowski, Dzieje Polski, III, стр. 38, примѣч. 51. Въ текстѣ привилей дата его изданія обозначена 1457 годовъ. На правильность этой даты впервые указалъ Каро (въ Geschichte Polens, т. IV, стр. 278, примѣч. 2). Оказывается, что въ оригиналѣ привилей, находящемся въ архивѣ кн. Чарторяскихъ, первоначально обозначена была дата 1447 г. (anno domini millesimo quadringentesimo quadragesimo septimo), но затѣмъ „quadra“ было подскоблено (слѣды этого выраженія остались однако замѣтными) и замѣнено выраженіемъ „quinqua“ (см. примѣчаніе Левицкаго, при изданіи привилей въ Monumenta mediae aevi, XIV, стр. 12, прим. а и 1). Но весьма правдоподобной догадкѣ Левицкаго, вѣрныи даты привилей объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что, въ виду утраты господарской печати, привѣшенной къ привилею 1447 г., король Сигизмундъ 14 января 1457 г. издалъ особый актъ (начатаемый въ Monumenta mediae aevi, XIV, № 76, стр. 94) о привѣшоніи къ привилею 1447 г. новой печати. При исполненіи этого распоряженія, какъ по всему видно, старая дата „quadragesimo“ была подскоблена и замѣнена новой „quinquagesimo“, въ соответствии съ датой изданія акта о привѣшеніи печати (см. Monumenta mediae aevi, XIV, стр. 95).

²⁾ По смерти короля Александра, отъ литовскаго княжества отдѣлились было Подлясье, земли Смоленская съ Полоцкой и Витобской, затѣмъ земли Луцкая, Киевская и Жмудь (см. Любавскаго Сеймъ, стр. 105, 106).

³⁾ См. Любавскаго Сеймъ, 97.

и мѣщанамъ литовской, русской, жмудьской и другихъ земель великаго княжества. Этотъ привилей, въ нѣкоторыхъ своихъ статьяхъ, явно направленный противъ поляковъ, имѣлъ въ виду лишь одни мѣстные интересы Литвы-Руси и вообще оказалъ немаловажное воздѣйствіе на политическій строй литовскаго государства и въ частности на организацію литовско-русскаго шляхетства.

Въ начальной статьѣ привилея Казимира говорится, что привилей дается въ вознагражденіе за испытанную вѣрность къ нему, какъ господарю, прелатовъ, князей, пановъ, шляхты, боярь и мѣщанъ Литвы, Руси и Жмуди, также съ желаніемъ и на будущее время укрѣпить ихъ въ постоянной вѣрности. Сказаннымъ классамъ населенія земель великаго княжества—Литвы, Руси, Жмуди и пр. предоставляются всѣмъ вообще тѣ же права, вольности и выслуги, какими пользуются прелаты, князья, паны, шляхта и мѣщане королевства польскаго. Ради устраненія возможныхъ споровъ или сомнѣній на счетъ жалуемыхъ вольностей, послѣднія подробно и точно опредѣляются въ рядѣ отдѣльныхъ статей: о неприкосновенности привилегій католическихъ костеловъ; о господарскомъ *ius patronatus* по замѣщенію пастырскихъ должностей; о наказаніи шляхтичей лишь за свою вину и по суду, а не по доносу явному или тайному; о вольности выѣзда за границу; о подтвержденіи правилъ прежнихъ привилеевъ объ отчинахъ и даннахъ, наследованіи, вѣнѣ и свободѣ браковъ; объ освобожденіи шляхетскихъ подданныхъ отъ податей и разныхъ повинностей, кромѣ повинностей замковой, мостовой и дорожной; о запрещеніи приема бѣглыхъ (непохожихъ) подданныхъ шляхты и господаря; о судѣ владѣльческомъ; наконецъ о запрещеніи раздавать чужеземцамъ (*extraneorum, alienige*) уряды, земли и иныя держанія.

Законоположенія привилея 1447 г. о вольностяхъ относятся не только къ Литвѣ-Руси, входившимъ въ составъ литовскаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ и непосредственно подчинявшимся литовскимъ господарямъ, но и къ землямъ-аннексамъ, издавна имѣвшимъ „послушныхъ“ общему господарю удѣльныхъ князей и входившимъ въ составъ литовскаго государства въ широкомъ смыслѣ. Почти въ каждой статьѣ настоящаго привилея различаются отдѣльные привилегированные классы прелатовъ, князей, пановъ и шляхты; отъ шляхты отличаются другіе свободные классы—бояре и мѣщане—землевладельцы, пользовавшіеся по привилею 1447 г. нѣкоторыми вольностями наравнѣ съ шляхтой и, по всему видно, еще не причислявшіеся къ

„хлопству“, какъ это было позже. Въ этомъ отношеніи привилеіе 1447 г. можно назвать общеземскимъ привилеемъ, даннымъ всѣмъ землямъ литовскаго государства и опредѣляющимъ правоспособность не одной шляхты, но и другихъ свободныхъ классовъ—бояръ и мѣщанъ.

Въ настоящемъ привилеѣ нѣтъ рѣчи о шляхетскихъ гербахъ, ноже получившихъ значеніе основнаго „признака“ (clenodia) шляхетства; послѣднее въ это время могло еще приобретаться службой или владѣніемъ земскими имѣніями, слѣдовательно было доступно для служилыхъ бояръ и мѣщанъ-землевладѣльцевъ.

Съ другой стороны, статья привилея 1447 г. о раздачѣ урядовъ, владѣній и держаній, частію и пастырскихъ обязанностяхъ, только литовско-русскимъ туземцамъ, также о береженіи и территориальномъ расширеніи великаго княжества (въ виду притязаній поляковъ на Подолію и Волынь), категорически указываютъ на то, что настоящій привилеѣ составленъ въ разрѣзъ съ интересами поляковъ, стремившихся къ полной инкорпорации Литвы-Руси, съ допущеніемъ поляковъ къ мѣстнымъ урядамъ, землевладѣнію и вообще къ участию въ политической жизни Литвы-Руси на одинаковыхъ правахъ съ туземцамъ. Отрицательное отношеніе къ польскимъ тенденціямъ вообще характеризуетъ литовско-русское право во все послѣдующее время вплоть до начала XVIII вѣка, когда поляки успѣли, наконецъ, сдѣлаться „павами“ въ бывшемъ литовско-русскомъ государствѣ.

Вопросъ о правовой розни католиковъ и не католиковъ, такъ рѣзко поставленный привилеями 1387 и 1413 г., вовсе не затрагивается въ привилеѣ 1447 г., какъ и въ двухъ предыдущихъ (1432 и 1434 г.). Молчаніе привилеевъ о такомъ существенно важномъ и жизненномъ вопросѣ, какъ культовая рознь¹⁾, возникшая въ Литвѣ съ конца XIV вѣка, а нѣсколько позже и въ западно-русскихъ земляхъ, объясняется, какъ намъ кажется, главнымъ образомъ, опасеніемъ составителей привилеевъ возбудить непріязнь, какъ въ средѣ пановъ-католиковъ категорической постановкой вопроса о правовомъ уравненіи католиковъ и православныхъ, такъ и въ средѣ православнаго

¹⁾ Лишь въ статьяхъ привилея 1447 г. о вольностяхъ костеловъ и замѣщеніи въ нихъ пастырскихъ должностей, при полномъ умолчаніи о вольностяхъ православныхъ церквей и духовенства, преобладаетъ польская тенденція, не только отрицавшая всякую возможность отіянъ культовой розни въ средѣ мѣстнаго населенія, но и, какъ увидимъ ниже, старавшаяся крутыми мѣрами усилить такую рознь до полной побѣды католическихъ тенденцій.

русского боярства, еще немногимъ въ то время отличавшагося отъ шляхты и игравшаго немаловажную роль въ своихъ земляхъ, разъ былъ бы рѣшенъ культовой вопросъ въ пользу католиковъ. Составители привилеевъ, поэтому, выбрали благоразумную средину—полное умолчаніе объ опасномъ и щекотливомъ вопросѣ, предоставивъ пока самой жизни такое или иное его разрѣшеніе.

Институтъ юрисдикціи владѣльческой, намѣченный впервые въ привилее 1447 г., дѣлкомъ воспроизводится въ *Судебникъ Казимира 1468 г.*¹⁾ Въ послѣднемъ также намѣчается ответственность пановъ по преступленіямъ ихъ людей. Здѣсь же воспроизводятся первая начала институтовъ уголовного права и процесса, которыя затѣмъ въ Лятовскомъ Статутѣ будутъ воспроизведены примѣнительно къ шляхетскимъ вольностямъ. Таковы же статьи Судебника „объ обчѣмъ“ судѣ по дѣламъ людей зависимыхъ (судѣ велся мѣстнымъ намѣстникомъ или другимъ господарскимъ урядникомъ совмѣстно съ паномъ подсудимаго), о судѣ господарскомъ и полюбовномъ и въ частности о судѣ по поземельнымъ дѣламъ, — о похищеніи чужихъ людей, о мостовой повинности и, наконецъ, о гарантіяхъ правъ личныхъ и имущественныхъ. Всѣ перечисленные институты въ большей или меньшей степени сопрягаются съ шляхетскими „вольностями“. Въ виду изложеннаго мы сочли необходимымъ упомянуть о Судебникѣ Казимира въ ряду актовъ, опредѣлявшихъ сословную правоспособность лятовско-русской шляхты.

Первая начала „уравненія“ политическихъ правомочій лятовско-русскихъ пановъ съ польскими были заложены *привилеемъ 1492 г.*, изданнымъ, по настоянію литовскихъ пановъ, великимъ княземъ Александромъ тотчасъ послѣ коронаціи²⁾. Изданіе настоящаго привилея

¹⁾ Даниловича Statut Kazimierza Jagiellończyka. 1826. А. З. Р. I, № 67. Zbiór praw Litew. 36—55. Владимирскаго-Буданова Христоматія по исторіи русскаго права, II, 39—50.

²⁾ Zbiór praw Litew., стр. 58—66. Rzyszczewski, Codex diplom. Polon. I, № 124. Skarbiec, № 2044. Broel-Platter, Zbiór pamietników do dziej. Pol. I, стр. 17—29. Воздѣйствіе литовскихъ пановъ на великаго князя Александра высказываются въ рѣчи, обращенной къ нему во время коронаціи (30 июля) земскимъ маршалкомъ: „по изволенію воіхъ пановъ великаго княжества просимъ тебя рядити и судити насъ не по римскому или чешскому или нѣмецкому обычаю, но по правдному литовскому и Витовтову обычаю“ (Lodowici Decii, De Jagellonum familia, въ Historii Polonicae hist. corpus, II, стр. 204. См. Любавскаго Сеймъ, 136). Общаніе, данное при этомъ княземъ слѣдовать желанію сейма, было исполнено имъ черезъ недѣлю (6 августа) издавшемъ привилея.

стоитъ въ тѣсной связи съ измѣнившимися въ предыдущее правленіе Казимира Ягеллона условіями политической жизни литовскаго государства. Дѣло въ томъ, что при Казимирѣ, избранномъ королемъ польскимъ и лишь по временамъ прѣбывавшимъ изъ Польши въ Литву, литовскій государь фактически лишень былъ возможности непосредственно управлять великимъ княжествомъ; задача эта, сякоу ищещей, должна была сосредоточиться въ рукахъ пановъ рады. Практика рады по управленію государствомъ въ теченіе всего великокняженія Казимира должна была фактически стать въ основу твердаго административнаго „обычая“, который затѣмъ при Александрѣ, преемникѣ Казимира, по настоянію литовскихъ пановъ, закрѣпляется въ вновь изданномъ привилеѣ. Привилеѣ 1492 г. несомнѣнно можно считать актомъ, которымъ сакксировано и затѣмъ постепенно выросло политическое значеніе поземельной аристократіи, съ теченіемъ времени значительно ограничившей прерогативы государей литовскихъ.

Привилеѣ 1492 г. предоставляетъ права и вольности тѣмъ же общественнымъ классамъ, что и привилеѣ Казимира, т. е. предатамъ, князьямъ, панамъ, шляхтѣ, боярамъ и мѣщанамъ. Въ первой половинѣ привилеѣ (ст. I—XV) дословно излагаются, безъ всякихъ измѣненій, статьи привилеѣ 1447 г.¹⁾ Въ слѣдующемъ рядѣ статей (XVII—XL) великій князь, по своей особой милости и благосклонности (*de benedignitatis nostrae gratia singulari*), предоставляетъ новыя вольности литовско-русской шляхтѣ и въ особенности высшему ея классу—панамъ раднымъ.

Кардинальнымъ вопросомъ, придающимъ особенно важное значеніе привилеѣ 1492 г., нужно считать установленное имъ участіе господарской рады въ управленіи государствомъ. Безъ ея согласія и контроля не ведутся дипломатическія сношенія съ другими государствами, не раздаются земельныя данины, не удаляются виновные съ урядовъ, не назначаются урядники безъ представленія воеводъ, а въ пограничныхъ мѣстностяхъ безъ согласія рады не ведется господарскій судъ, не собираются и не расходуются государственныя доходы на нужды государства. Вездѣ требуется согласіе рады. Остается лишь недостаточно выясненнымъ вопросъ объ участіи рады въ законода-

¹⁾ Последніа двѣ статьи привилеѣ 1447 г.—о территориальномъ составѣ литовскаго княжества и о раздѣлѣ урядовъ вошли въ составъ новыихъ статей, съ нѣкоторыми измѣненіями и доводеніями.

тельной функции. Ясно только одно: безъ согласія рады не отменяются и не измѣняются постановленія, принятыя господаремъ съ радой, какъ и господарь обязанъ исполнять рѣшеніе, предложенное радой къ общей пользѣ. Но въ привилеѣ 1492 г. еще нѣтъ рѣчи о томъ, что имъ одинъ законъ не можетъ имѣть силы, если въ его установленіи не участвовала рада. Очевидно, она призывается господаремъ къ участию въ законодательствѣ, но безъ его личнаго усмотрѣнія, лишь въ нужныхъ случаяхъ. Не такъ стоитъ этотъ вопросъ въ современномъ польскомъ правѣ. Уже Кошицкимъ привилеемъ 1374 г. назначеніе новыхъ податей и сборовъ на государственныя нужды предоставляется польскому сейму, а по конституціи 1454 г. къ послѣднему переходитъ весь комплексъ законодательной функции¹⁾. Въ литовско-русскомъ привилеѣ 1492 г. нѣтъ ни слова о сеймѣ и его прерогативахъ: вопросъ объ этомъ вполнѣ выясняется лишь въ Литовскомъ Статутѣ. По остальнымъ вопросамъ привилеѣ 1492 г. стоятъ въ общемъ на точкѣ воззрѣній привилеѣ Казимира съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями по отдѣльнымъ статьямъ. Таковы вопросы о чужеземцахъ, устранимыхъ отъ урядовъ и землевладѣнія, объ урядахъ, судѣ, неотчуждаемости отчинъ и пр.

Разсмотрѣнные выше привилеи XV вѣка считаются главными актами, установившими первыя прочныя основы для всей послѣдующей эволюціи сословной правоспособности шляхты. Послѣдующіе привилеи собственно лишь подтверждаютъ и разъясняютъ положенія старыхъ привилеевъ и только въ Литовскомъ Статутѣ и сеймовыхъ конституціяхъ вполнѣ завершается организація шляхетства, какъ привилегированнаго сословія землевладѣльцовъ, съ признаннымъ за ними съ тѣхъ поръ полнымъ комплексомъ политической и гражданской правоспособности, вмѣстѣ съ экспропріаціей всѣхъ прерогативъ верховной власти.

Вопросъ о подтвержденіи старыхъ шляхетскихъ привилеевъ возбуждается вскорѣ послѣ изданія привилеѣ 1492 г. Это доказывается сеймовымъ листомъ 1499 г. объ уніи съ Польшей, также привилеемъ 1506 г. о подтвержденіи старыхъ привилеевъ.

*Листъ 24-го юля 1499 г.*²⁾ изданъ литовскимъ вальнымъ сеймомъ въ подтвержденіе уніи, заключенной съ Польшей въ маѣ того же года³⁾. Ради упроченія уніи на старыхъ основаніяхъ, изложенныхъ

¹⁾ Vol. leg. I, 55, 254.

²⁾ Vol. leg. I, стр. 281. Zbiór praw Litew., стр. 72—76.

³⁾ См. Листъ короля Яна Альбрехта и польскихъ пановъ объ уніи съ Литвой, 6-го мая 1499 г. (Monumenta medii aevi, XIV, № 448, стр. 465).

въ Городельскомъ привилеѣ 1413 г., литовскій вальный сеймъ вносить свой листъ цѣлыкомъ Городельскій привилеѣ, съ утвержденіемъ его дословно (*verbum de verbo*) во всѣхъ артикулахъ, статьяхъ, пунктахъ и положеніяхъ (*in omnibus suis articulis, clausulis, punctis et sententiis*). Лишь артикулъ объ избраніи господарей польскихъ и литовскихъ предположено вложить въ новой редакціи, примѣнительно къ условіямъ, при какихъ установились въ концѣ XV вѣка отношенія между Польшей и Литвой-Русью.

Привилеѣ земскій 1506 г. ¹⁾ изданъ Сигизмундомъ I, послѣ восшествія его на великое княженіе. Паны, присутствовавшіе на элекціонномъ сеймѣ, вслѣдъ за избраніемъ Сигизмунда великимъ княземъ, били ему челомъ объ утвержденіи въ особомъ привилеѣ правъ и вольностей, пожалованныхъ имъ прежними господарями, а также о санкціи новыхъ артикуловъ, составленныхъ на сеймѣ и представленныхъ ему съ просьбой о включеніи ихъ въ новый привилеѣ ²⁾. Сигизмундъ обѣщалъ исполнить просьбу литовскихъ пановъ и вскорѣ (18 окт.) выдалъ имъ письменное обязательство въ этомъ смыслѣ ³⁾. По восшествіи Сигизмунда на великое княженіе, былъ изданъ (7 дек.) и самый привилеѣ на права и вольности князей, прелатовъ, пановъ, шляхты, бояръ и мѣщанъ, съ утвержденіемъ старыхъ привилеѣвъ, подъ личпой присягой самого господаря ⁴⁾.

Сеймовые артикулы, вошедшіе въ составъ привилеѣ 1506 г., касаются вопросовъ о личныхъ и имущественныхъ правахъ пановъ и шляхты, о владѣніяхъ княжества литовскаго и объ участіи пановъ рады въ законодательной функціи.

Касательно дѣйствія старыхъ законовъ и обычаевъ, также изданія новыхъ распоряженій, великій князь обязывается за себя и своихъ преемниковъ ничего не постановлять, безъ совѣта и согласія пановъ рады литовскаго княжества ⁵⁾. Послѣдней статьѣй восполняется пробѣлъ въ привилеѣ 1492 г. касательно общей компетенціи господар-

¹⁾ Zbiór praw Litew., стр. 95—99. Skarbiec, № 2177. Rzyszczewski, Codex diplom. Polon., I, № 200. Akta Tomiciana, append. № 8. Broel-Platter, Zbiór pamieci. I, стр. 35—40.

²⁾ О такихъ сеймовыхъ артикулахъ см. первую половину привилеѣ 1506 г., отмечанную въ Skarbiec Даниловича, № 2177.

³⁾ Rzyszczewski, Codex diplom. Polon., I, 198.

⁴⁾ Объ обстоятельствахъ, при какихъ состоялось издаваніе привилеѣ 1506 г., см. Любавскаго Сеймъ, стр. 149, 150.

⁵⁾ См. Skarbiec, № 2177. Zbiór praw Litew., стр. 98.

ской рады по вопросам законодательнымъ. Въ этомъ привилеѣ, какъ сказано выше, рѣчь идетъ лишь о томъ, что безъ согласія пановъ рады не могутъ отгнѣяться постановленія, принятыя господаремъ съ согласія рады; при чемъ вовсе не затрогивается общій вопросъ о томъ, что безъ участія и согласія рады вообще не могутъ быть издаваемы законы и административныя распоряженія. Впервые этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ настоящемъ привилеѣ, въ смыслѣ обязательнаго участія рады въ законодательной функціи.

Новый *подтвердительный привилей* на шляхетскія вольности изданъ въ 1522 г. ¹⁾ Сигизмундомъ-Августомъ, послѣ возведенія (sublimatio) его на великое княженіе. Прелаты, князья, паны, рыцари, шляхты-бояре, обыватели всѣхъ земель великаго княжества литовскаго, просили Сигизмунда-Августа, послѣ избранія его на великое княженіе, выдать отъ себя и сына своего новое подтвержденіе всѣхъ правъ и вольностей, какими пользуется все великое княжество, отдѣльныя его земли и частныя лица. Сигизмундъ исполнилъ эту просьбу и выдалъ отъ своего имени привилей, въ которомъ торжественно обязался подъ личной присягой и своимъ господарскимъ словомъ (sub onere juramenti corporaliter, praefati verbo nostro regio et ducali) сохранять въ полной неприкосновенности всѣ „jura, tam publica quam privata“—привилеи, записи, пожалованія, вольности и иммунитеты всѣхъ мѣстъ и лицъ, именно костеловъ, прелатовъ, князей, пановъ, шляхты и бояръ, пожалованныя имъ прежними господарями—Владиславомъ (Ягеллою), Витовтомъ и другими. Въ заключеніе Сигизмундъ обѣщалъ, что его сыны, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, выдастъ такую же записъ подъ своей личной присягой.

Новое *подтвержденіе общеземскихъ привилеевъ* великаго княжества литовскаго издано было Сигизмундомъ-Августомъ въ 1547 г. ²⁾ Станы сейма, созваннаго въ этомъ году впервые послѣ восшествия Сигизмунда на великое княженіе, „все сполне продкемъ лео панове рада и. м. обоего стану духовного и свѣтскаго, такъ и вси княжата, панята и все рыцарство, обыватели того панства великаго князьства литовскаго“, вступили на сеймъ въ переговоры съ господаремъ, били

¹⁾ Zbiór praw Litew., стр. 124, 125. Любавскій въ своемъ изслѣдованіи о литовско-русскомъ сеймѣ (стр. 256) ошибочно относитъ изданіе привилея къ 1529 г.

²⁾ Привилей этотъ не сохранился. Свѣдѣнія о его изданіи сообщаются въ первомъ артикулѣ ухвалъ, постановленныхъ на вальномъ сеймѣ Виленскомъ въ 1547 г., съ „оказомъ“ господара на сеймовую просьбу объ изданіи новаго подтвердительнаго привилея (см. Zbiór praw Litew., стр. 418, 419. А. З. Р. III, № 32).

челомъ, чтобы онъ, на этомъ первомъ въ его правленіе сеймѣ, по обычаю своихъ предковъ, „съ ласки и добротливости свое панское“, приказалъ „вказати“ всѣ права и вольности, пожалованныя имъ государями за вѣрную службу и за „частыя кровопролитія“ ихъ предковъ и ихъ самихъ, дабы они, зная о выслугахъ предковъ, „съ того ся веселили и тымъ охотивѣи его королевской милости пану своему и Речи Посполитой служити могли, горла и статьевъ и маетности свои на послугахъ его милости не литуючи“. Станы сейма были челомъ, дабы, послѣ доклада сейму старыхъ привилеевъ и листовъ, государь приказалъ подтвердить ихъ вольности новымъ привилеемъ и листомъ своимъ господарскимъ, дабы они, въ виду таковой ласки господарской, могли впредь съ большей охотой и усердіемъ исполнять „послуги“ господарскіе и земскіе. Государь, найдя эту просьбу справедливой, приказалъ „оказати и вычести“ передъ всѣмъ сеймомъ привилей и листы вольностей ихъ, дабы они легче могли ознакомиться со всѣми своими вольностями. Затѣмъ, государь общалъ, по обычаю предковъ и согласно съ обязательствомъ, даннымъ за него отцомъ, подтвердить своимъ листомъ всѣ вольности „пановъ радъ обоего стана, духовнаго и свѣтскаго, римскаго и греческаго, князятъ, панятъ и всего рыцарства“, съ приказомъ канцлеру изготовить новый привилей. Изъ позднѣйшихъ грамотъ Сигизмунда-Августа видно, что онъ исполнилъ свое обѣщаніе и дѣйствительно выдалъ свой подтвердительный привилей ¹⁾).

Сеймовая ухвала 1547 г. даетъ немаловажное указаніе на то, что новымъ привилеемъ Сигизмунда-Августа были подтверждены вольности пановъ радныхъ „обоего стана — духовнаго и свѣтскаго, римскаго и греческаго“. Ни въ одномъ изъ привилеевъ XV вѣка не встрѣчаемъ никакихъ категорическихъ указаній на отиѣну культовой ровни между католиками и не католиками, установленной привилеями 1387 и 1413 г. Напротивъ, 1499 г., вмѣстѣ съ подтвержденіемъ Городельскаго привилея 1413 г. со всѣми его артикулами, было вмѣстѣ съ тѣмъ категорически подтверждено старое ограниченіе правъ не-католиковъ. На основаніи сеймовой ухвалы 1547 г. слѣдуетъ, однако, полагать, что разъ въ составѣ пановъ радныхъ, по привилею 1492 г. и сеймовой ухвалѣ 1506 г., пріобрѣвшихъ право на участіе во всѣхъ функціяхъ верховной власти, могли быть въ то время и паны „греческаго закона“, на дѣлѣ, въ самой жизни, стала терять прежнюю силу куль-

¹⁾ А. З. Р., III, № 32.

товая рознь, — общими вольностями шляхты могли пользоваться католики и православные на одинаковомъ основаніи. Бывали, однако, не разъ случаи, когда за ограниченіями Городельскаго привилея признавались юридическая сила и дѣйствіе оное въ началѣ XVI вѣка¹⁾.

Стародавній вопросъ о культовой розни, наконецъ, разрѣшенъ законодательнымъ путемъ въ *привилеи 1563 г.*²⁾, отъиинивномъ постановленіи Городельскаго привилея о предоставленіи урядовъ и участія въ радѣ господарской только католикамъ. Изъ привилея 1563 г. видно, что ограниченіе Городельскаго привилея на дѣлѣ не соблюдалось: не только „римского костела послушныи, але и грецкого“ бывали въ лавицѣ рады, при предшествованіяхъ Сигизмунда-Августа и при немъ самомъ. На сеймѣ 1563 г. станы сеймовые указали господарю на то, что въ Городельскомъ привилеѣ ссть статьи, идущіи въ разрѣзъ съ дѣйствующимъ правомъ и требующія „слушнаго поровнанья“; таковы статьи о предоставленіи только католикамъ шляхетскихъ правъ. Въ силу сеймовой ухвалы, господарь выдалъ особый привилей, которымъ пользованіе шляхетскими правами предоставляется не только напамъ и боярамъ-шляхтѣ римской вѣры, взнишимъ польскіе гербы и клейноты, но и всѣмъ инымъ „стану рыцарского и шляхетского“, какъ литовцамъ, такъ и русскимъ, исповѣдывающимъ христіанскую религію, хотя бы предки ихъ не брали гербовъ и клейнотовъ изъ Польши, „яко передъ тымъ здавна и до того часу, тыхъ всихъ вольностей стантъ рыцарскій шляхетскій обоего пароду, такъ литовского яко и русского, уживали и съ того ся веселили“³⁾.

Новый *привилей 1564 г.* основанъ на сеймовой ухвалѣ всѣхъ становъ сеймовыхъ и въ частности на рѣшеніи высшихъ земскихъ урядниковъ (воеводъ, старостъ и другихъ), присутствовавшихъ на вальномъ сеймѣ 1564 г. и рѣшившихъ добровольно отказаться отъ

¹⁾ Такой случай, напримѣръ, имѣлъ мѣсто въ 1522 г., при назначеніи князя Острожскаго на первое мѣсто въ лавицѣ рады господарской. Протестовавшіе противъ этого назначенія паны указывали, что въ сущности король не имѣетъ права, въ виду постановленія Городельскаго привилея, допускать схизматиковъ въ раду господарскую, а не то что назначать ихъ на первое мѣсто (см. Любавскаго Сеймъ, стр. 353). Въ сборникахъ Сварги и Гарасевича помѣщенъ даже привилей Сигизмунда, въ которомъ оны дадъ обязательство впредь не назначать схизматиковъ въ раду господарскую; но этотъ актъ не безъ основанія считается простымъ проектомъ, не получившимъ законодательной санкціи (*ibid.*, 354).

²⁾ А. З. Р., III, № 32. Привилея 1563 г. помѣщенъ въ прибавленіи къ Статуту 1566 г., какъ видно, на основаніи сеймовой ухвалы 1563 г.

³⁾ А. З. Р., III, № 32.

принадлежавшихъ имъ судебныхъ функцій, „во всѣмъ владѣніями и пожити“. По соглашенію всѣхъ сеймовыхъ становъ, состоялась ухвала о введеніи въ литовскомъ государствѣ общихъ для всѣхъ шляхетскихъ становъ судебныхъ учреждений, „съ одинакимъ, а не инакимъ судомъ, моцью и поступками судовыми и послушенствомъ, съ новымъ порядкомъ вѣрдовъ, на суды выбранныхъ и высажонныхъ“ по образцу польскихъ земскихъ и городскихъ судовъ. Тогда же положено было установить самый порядокъ избранія судей, что и было исполнено въ Статутѣ 1566 г. введеніемъ въ него ряда артикуловъ о новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ ¹⁾).

На сеймѣ 1568 г. станы предъявили господарю ходатайство объ исправленіи и окончательномъ подтвержденіи привилей 1563 г. Дѣло въ томъ, что станы наняли въ этомъ привилей важное упущеніе: въ немъ совсѣмъ не упоминалось о князьяхъ; между тѣмъ князья давно объединились съ панями и шляхтой, „сильодившись въ посродѣ всихъ и мешкаючи зъ ними посполатъ“, давно несли одинаковыя съ ними повинности и пользовались одинаковыми правами. Станы, поэтому, ходатайствовали о распространеніи привилей 1563 г. и на князей. Просьба сеймовыхъ становъ была удовлетворена, вмѣстѣ съ санкціей привилей 1563 г. и съ общимъ подтвержденіемъ другихъ привилей ²⁾).

Въ актѣ *Люблинской униі 1569 г.* ³⁾ исполнѣ санкцируются шляхетскіе привилей. Этимъ актомъ вмѣняется господарю оберегать въ полной неприкосновенности во всѣхъ земляхъ литовскаго государства права и вольности шляхты польской и литовско-русской, какъ и другихъ обывателей, дапныя имъ всякимъ писемомъ всѣми прожними господарями съ давнихъ временъ всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности.

Къ актамъ, гарантирующимъ права литовско-русской шляхты, относится ухвала *генеральной конфедерации Варшавской 1573 г.*, состоявшейся по смерти Сигизмунда Августа изъ пановъ и земскихъ пословъ польскихъ и литовскихъ, для избранія новаго господаря. Ухвала конфедерации подробно трактуетъ о „захованью въ цѣлою обывателей зъ стороны розного розуменья и уживанья набоженства хрестьянскаго“, съ уравниеніемъ въ правахъ католиковъ и не-католиковъ. Ухвала

¹⁾ Привилей 1564 г. цѣлкомъ помѣщенъ въ прибавленіи къ Статуту 1566 г.

²⁾ А. З. Р., II, № 146. Док. Моск. Арх. Мин. Юст., стр. 464 и слѣд.

³⁾ Vol. leg., II, 771.

эта, въ редакціи русской была, затѣмъ, цѣлкомъ записана въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г. ¹⁾.

Кромѣ общеземскихъ привилеевъ, дававшихся шляхтѣ всего литовскаго государства, начала и основы ея правоспособности формулируются также въ *привилеяхъ* областныхъ, дававшихся съ XV вѣка шляхтѣ и другимъ обывателямъ отдѣльныхъ земель литовскаго государства. Таковы областные привилеи земель Жмудьской, Витебской, Полоцкой и др. ²⁾. Привилеи издавались обыкновенно съ мотивировкой необходимости въ ихъ изданіи и съ указаніемъ на классы населенія, ходатайствовавшіе о выдачѣ привилеевъ—князей, пановъ духовныхъ и свѣтскихъ, шляхты, земляги, бояры, слуги, мѣщанинъ, иногда и кметей, черныхъ людей,—мужей старыхъ и молодыхъ, всего „носполства“ (comunitas) или всей шляхты, наконецъ вообще обывателей всей земли ³⁾. Во всѣхъ привилеяхъ рѣчь идетъ главнымъ образомъ объ уравниеніи мѣстной шляхты съ литовской въ правахъ и обязанностяхъ ⁴⁾, съ формулировкой институтовъ права государственнаго, финансоваго, гражданскаго и пр. Областные привилеи представляютъ собой мѣстныя разновидности общихъ шляхетскихъ хартій, развиваютъ шляхетскія *libertates et iura*, примѣнительно къ особенностямъ бытѣ отдѣльныхъ областей. О другихъ, не шляхетскихъ классахъ рѣчь идетъ въ областныхъ привилеяхъ, лишь насколько эти классы соприкасаются съ мѣстной шляхтой, въ силу совмѣстной жизни и возникающей отсюда общности интересовъ тягловыхъ, экономическихъ и др. Особый видъ мѣстныхъ шляхетскихъ хартій представляютъ *привилеи на польское право* въ западныхъ (полонизованныхъ) земляхъ Подляшья, съ изложеніемъ „впадовъ“—мѣстныхъ правовыхъ обычаевъ (русскихъ), удержавшихся въ Подляшьи въ видѣ изытій изъ земскаго польскаго права ⁵⁾.

Подтверженіе общеземскихъ и областныхъ привилеевъ находимъ въ *Литовскомъ Статутѣ* всѣхъ трехъ редакцій ⁶⁾. Третій раздѣлъ

¹⁾ Vol leg., II, 841. Русский текстъ—въ Литовск. Стат. 1588 г. III, 3.

²⁾ См. Ясимскаго, Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. 1889 г., стр. 100—200. Текстъ областныхъ привилеевъ сведенъ здѣсь въ отдѣльныя группы по разнымъ вопросамъ права государственнаго, гражданскаго и пр. Общій обзоръ областныхъ привилеевъ изложенъ въ моей монографіи: Источники русско-литовскаго права,—въ Варшавск. унив. Изв. 1894 г., I, стр. 35—69.

³⁾ См. Ясимскаго, стр. 103—105.

⁴⁾ Ibid., стр. 128—133.

⁵⁾ А. В. Р., I, № 189. Zbiór praw litew., стр. 82—91.

⁶⁾ Статутъ 1529 г., III, 6. Статутъ 1566 г., III, 12. Статутъ 1588 г., III, 15.

Статута специально трактуетъ о „свободахъ“ и „вольностяхъ“ шляхетскихъ; здѣсь сведены въ одно мѣсто общія положенія, развитыя общеземскими и областными привилегіями по вопросу о правоспособности литовско-русской шляхты. Въ остальныхъ раздѣлахъ Статута большинство артикуловъ посвящено также формулировкѣ основныхъ началъ шляхетской правоспособности въ разнообразныхъ сферахъ народнаго быта. Въ этомъ отношеніи Литовскій Статутъ съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ шляхетскимъ кодексомъ, детально регламентирующимъ всѣ основныя институты шляхетскаго „земскаго права“.

Съ послѣдней четверти XVI в. шляхетскіе привилегіи неизмѣнно подтверждались въ „*acta conventa*“ и въ „*confirmaciones generalis omnium iurium, privilegiorum et libertatum*“ королей Генриха, Стефана Баторія, Сигизмунда III и послѣдующихъ государей Речи Посполитой¹⁾. Затѣмъ съ XVII в. устанавливается въ литовскомъ правѣ мало извѣстное въ прежнее время различіе въ правахъ между шляхтой старинной и ново пожалованной. Различіе между ними устанавливается по польскимъ образцамъ²⁾. Съ того же времени возобновляется въ сеймовыхъ конституціяхъ былая рознь между католиками и не-католиками,—рознь, державшаяся, затѣмъ, въ Речи Посполитой во все время ея существованія³⁾. Въ конституціяхъ XVII и XVIII в. находимъ, кромѣ того; рядъ постановленій о приобрѣтеніи, выводѣ и уtratѣ шляхетства и о правахъ личныхъ и имущественныхъ шляхты и пр.⁴⁾.

Таковъ длинный рядъ законодательныхъ актовъ, постепенно установившихъ основныя начала сословной правоспособности литовско-русской шляхты. Первые начала ея организаціи заложены были Го-

¹⁾ Vol. leg., II, 859, 911, 1096, 1202; III, 779; IV, 259; V, 48, 332; VI, 6; VII, 304 (*confirmatio generalis iurium*, 1764 г., кор. Станислава Августа).

²⁾ О *родовитой* шляхтѣ по конституціяхъ XVII и XVIII в. см. Vol. leg. IV, 840, 871, 939, 998; V, 404; VII, 181; VIII, 62 (трактатъ 1775 г.). О шляхтѣ *новой* см. *ibid.*, II, 1502 г. (конституція 1601 г.); III, 169; IV, 458; V, 127, 492, 673; VI, 452, 625; VII, 378, 420; VIII, 679 (конституція 1775 г.). Удерживается также старое различіе между *поземельной* и *неосядлой*, служилой шляхтой. См. Vol. leg. II, 1217; IV, 840; VII, 61 и пр.

³⁾ *Ibid.*, IV, 258 (конституція 1649 г.), 874; V, 42, 133, 282, 673, 731; VII, 566, 571, 578, 585; VIII, 33, 60 (трактатъ 1775 г.).

⁴⁾ О приобрѣтеніи, выводѣ и уtratѣ шляхетства см. Vol. leg. II, 971, 1272, 1502, 1516, 1519, 1623, 1676; III, 169, 806, 806; IV, II, 449, 538; V, 463, 643 и пр. О личныхъ и имущественныхъ правахъ.—*ibid.*, II, 900, 920, 1213, III, 3, 26, V, 27.

родельскимъ привилеемъ 1413 г. — первой шляхетской хартіей въ точномъ смыслѣ, установившей „уравненіе“ въ правахъ литовской шляхты и то лишь почти въ одной сферѣ частно-правовыхъ отношеній. Дальнѣйшее выясненіе и развитіе политическихъ и гражданскихъ „вольностей“ шляхетства литовскихъ и русскихъ земель, входившихъ въ составъ литовскаго государства, сдѣлалось задачей длиннаго ряда общеземскихъ и областныхъ привилеевъ XV и первой половины XVI в. Основныя положенія отдѣльныхъ привилеевъ были сведены, затѣмъ, въ общій шляхетскій кодексъ—Литовскій Статутъ, въ которомъ завершается сословная организація литовско-русскаго шляхетства. Конституціи XVII и XVIII в. лишь нѣсколькими штрихами окончательно намѣтили полное „уравненіе“ шляхты литовско-русской и польской, выяснили и восполнили нѣкоторые пробѣлы въ организаціи шляхты, широко регламентированной Литовскимъ Статутомъ, но ни мало не измѣнили основную природу, генезисъ и сословную правоспособность литовско-русской шляхты.

Ф. Леонтовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДЬЯКЪ ИВАНЪ ТИМОФЕЕВЪ, АВТОРЪ „ВРЕМЕННОКА“.

(Къ исторіи перелома въ развитіи древнерусской исторической мысли).

I.

Одно изъ самыхъ обширныхъ и любопытныхъ произведеній, повѣствующихъ о Смутѣ начала XVII вѣка, написанное современникомъ ея, государственнымъ дьякомъ Иваномъ Тимофеевымъ, долгое время оставалось мало замѣченнымъ и оцененнымъ. Оно не отразилось, насколько намъ извѣстно, на болѣе позднихъ сказаніяхъ о Смутѣ и ко второй половинѣ XVII вѣка не могло быть разыскано для Записного приказа, который долженъ былъ „записывать степени и грани царственные съ великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи самодержца, государства послѣднихъ лѣтъ его государевыхъ“¹⁾. Лишь въ XIX вѣкѣ, когда начались усиленные поиски древнерусскихъ рукописныхъ сокровищъ, неутомимый археографъ, покойный П. М. Строевъ, въ Флорищевской пустыни отыскалъ единственный извѣстный съ тѣхъ поръ списокъ „Временника“ Ивана Тимофеева. Назвавъ Тимофеева новгородскимъ митрополитскимъ дьякомъ, Строевъ очень неблагополучно отнесся къ его сочиненію, которое, по его мнѣнію, „написано слогомъ высокопарнымъ, исполнено словозвѣтій и пустословія“²⁾.

¹⁾ С. А. Блочноуровъ, „Изъ духовной жизни Московскаго общества XVII вѣка. Москва. 1902 г.“. См. III-ю статью „О записномъ приказѣ“, стр. 55—84; о Тимофеевѣ см. стр. 62 и сл.

²⁾ Впервые Строевъ обнаружилъ свой отзывъ въ *Жур. Мин. Нар. Пр.* за 1834 г. Мы знакомы съ нимъ по книгѣ „Библиографическій словарь и черновы къ нему иллриіи. П. М. Строева. С.-Петербургъ. 1882 г.“, о Тимофеевѣ см. стр. 269—271. Несмотря на пренебрежительный отзывъ о „Временникѣ“ Строевъ отиѣтилъ, что въ немъ „встрѣчаются обстоятельства неизвѣстныя“. Изъ сообщеній Тимофеева Строеву особенно понравилось указаніе на полную неграмотность Бориса Годунова. Онъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: „А новѣйшіе историки Богъ знаетъ что говорятъ о просвѣщеніи Годунова. Да иначе оно и не могло быть. Онъ былъ русскій бояринъ, слѣдо-

Суровый приговоръ Стрובה обрекалъ „Временникъ“ на забвѣніе. И дѣйствительно, долгое время о немъ дѣлаются изрѣдка лишь глухія и незначашія упоминанія въ научной литературѣ. Такъ продолжалось дѣло до появленія замѣчательнаго труда С. О. Платонова „Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ“¹⁾. Въ этомъ сочиненіи произведеніе Тимошеева нашло себѣ обстоятельную и во многихъ отношеніяхъ мѣткую оцѣнку. Исслѣдователь съ общепризнаннымъ за нимъ мастерствомъ собралъ данныя о вѣдншихъ обстоятельствахъ жизни и карьеры Тимошеева. Онъ доказалъ, что послѣдній былъ государевымъ приказнымъ дьякомъ, впервые упоминаемымъ при этомъ въ качествѣ дьяка въ избирательной грамотѣ царя Бориса, на которой Тимошеевъ подписался. Затѣмъ С. О. Платоновъ прослѣдилъ дальнѣйшую судьбу Тимошеева, указалъ на службу его въ Новгородѣ, пребываніе тамъ во время шведскаго господства, службу въ Астрахани, Ярославлѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и опредѣлилъ приблизительно время смерти дьяка „списателя“ около 1629 года²⁾. Выяснивъ вѣдншія условія дѣятель-

тельно такой же, какъ и другіе“. Знаю литературную дѣятельность хотя бы М. В. Тучкова, князя Курбскаго, князей Катывевъ-Ростовскаго, Хворостинина, Сам. Шаховскаго, трудно согласиться съ такимъ замѣчаніемъ въ его общей формѣ.

¹⁾ Книга С. О. Платонова была издана въ 1888 г. въ С.-Петербурѣ. Тимошееву посвящены стр. 128—168. Сверхъ того общая характеристика дана на стр. 341 и сл.

²⁾ Данныя, собранныя С. О. Платоновымъ, почти исчерпали извѣстныя тогда о Тимошеевѣ матеріалы. Нѣкоторые дополненія къ этимъ свѣдѣніямъ сообщены Н. П. Лихачевымъ въ извѣстномъ трудѣ „Разрядные дьяки XVI вѣка. С.-Петербургъ 1888 г.“, на стр. 147—199. Затѣмъ въ ивановской копіи статей С. А. Бѣлокурова приведены необнародованныя до тѣхъ поръ данныя о трудѣ Тимошеева, объ его покровителѣ и т. д. Мы уже воспользовались однимъ изъ этихъ любопытнѣйшихъ указаній. Вернемся къ нимъ и впослѣдствіи. Съ своей стороны позволимъ себѣ отнѣсти еще неуказанный въ печати эпизодъ изъ дѣятельности Тимошеева. Въ 1611 году передъ занятіемъ Новгорода шведами Тимошеевъ по порученію новгородскаго митрополита и военнымъ составилъ „написаніе въ хартияхъ къ инославнымъ клятичамъ“, которое было очень „благословно“. Однако среди новгородскихъ властей напомнелъ „властолюбца двн“, которые увидѣвъ, что „начертаніе“ „противно все воли ихъ“, а покаяно было лишь новгородцамъ „въ надлежащихъ нуждахъ“, отвергли „написаніе“, уничтожили его, вмѣсто его составивъ другое „во угожденіе по всему варваромъ“. Эти властолюбцы получили большое значеніе въ Новгородѣ. Во время занятія послѣдняго шведами можно было утверждать, что „сія двн“ „иревратница“ „со враги“ „куни во всѣхъ“ „згосподствуютъ, наче рещи корчемствуютъ“. Сообщаемый фактъ устанавливается показаніями самого Тимошеева, сдѣланными имъ во „Временникѣ“. Тамъ находится статья „О крестномъ дѣлованіи королевичю Владиславу“ (см. Русск. Истор. Выбл., т. XIII, столб. 452—454). Подъ этимъ заглавіемъ, несомнѣнно невѣрнымъ, помѣщенъ разсказъ

ности Тимоеева, изслѣдователь перешелъ въ характеристикѣ самого „Временника“. Онъ подчеркнул вычурность и запутанность слога „писателя“, при чемъ склоненъ былъ считать ее послѣдствіемъ литературной неопытности дьяка Ивана. Цѣлью труда послѣдняго было, по мнѣнію профессора Платонова, изобразить событія своего времени,

о Новгородскихъ дѣлахъ. Слѣдующія соображенія убѣждаютъ насъ въ правильности такого утвержденія. Во-первыхъ, рассказъ ведется отъ имени плѣненного города, напримеръ, „сидюво въ прелѣтѣ мое“ и т. д. А это — обычная манера Тимоеева излагать новгородскія дѣла, помѣченная проф. Платоновымъ. Во-вторыхъ, городъ занятъ „Клянимъ“. Такъ дьякъ Иванъ постоянно называетъ шведовъ. Вотъ наиболѣе доказательные случаи: во „Временникѣ“ на об. 240 л. (Р. И. Б., XIII т., 422 ст.) рассказывается о притворномъ намѣреніи Сьюнни идти „въ крайней сея земли градъ, человѣческа имени пареченія, оже благодати имя бѣ, — Клянимъ“, „идати къ помоща“, тѣмъ же (Р. И. Б., XIII т., 438 ст.) въ главѣ „О княжѣ Михайловѣ къ Москвѣ изъ Новгорода походѣ“ говорится: „на тыя же имя наглыя Клянимъ“; на об. 303 и на 304 л. (Р. И. Б., XIII т., 465 ст.), Тимоеевъ замѣчаетъ: „понеже въ Новгородѣ Велицкѣ въ тожде междоусобіе земное всеградно Еллыи залѣнены выхомъ“ и т. д. Въ то же время поляки у Тимоеева носятъ названіе „Латыни“. Вотъ лучшій примѣръ: говора о выборѣ Владислава на Московскій престолъ, дьякъ Иванъ рассказываетъ, какъ Гермогена „новоблагодотступница прже хаскаши потому же прещеники къ воля своей неволею прилекона, во еже къ тѣхъ повинутю на же Російскія вса сканетры нѣтотъ Ингимонта Латыномъ краля сыну его Владиславу вдатися“ (Р. И. Б., т. XIII, ст. 440). Кромя того, какъ видно изъ приведеннаго выше изложенія извѣстія, рассказъ писанъ во время плѣненія города, а С. О. Платоновымъ установленъ фактъ работы Тимоеева надъ „Временникомъ“ съ 1616-го года, т. е. въ эпоху, когда Новгородъ еще былъ занятъ шведами, а Москва уже свободна отъ поляковъ. Наконецъ говора о святителѣ, поручившемъ составить грамоту, Тимоеевъ замѣчаетъ, что похваліе исходило „отъ бѣлоиднаго просвѣщенна ворха“. При этомъ невольно вспоминается 277 л. „Временника“ (Р. И. Б., XIII т., 446 ст.), гдѣ новгородскій митрополитъ Исидоръ характеризуется какъ „свѣтовидень верхъ“. Относя рассказъ Тимоеева о грамотѣ къ новгородскимъ дѣламъ, считаемъ авторомъ первой грамоты Тимоеева. Эту грамоту составлялъ дьякъ „ему же имя благодати“, т. е. Иванъ. А такъ звалъ Тимоеева. Сверхъ того грамота составлялась по порученію митрополита Исидора, который впоследствии „понуждаетъ бывающая предложить писанію дьяка Ивана Тимоеева“ (Р. И. Б., т. XIII, ст. 465—6, прим. 2). Далѣе, послѣ неудачи, постигшей составителя первой грамоты, положеніе его въ Новгородѣ при господствѣ двухъ тайнотворцевъ, которые сердились „на первосоставнаго“, должно было быть не изъ приятныхъ: онъ не пользовался значеніемъ, наоборотъ былъ подозрительнымъ человѣкомъ. Въ свою очередь Тимоеевъ замѣтилъ, что во время новгородскаго плѣна онъ „не точю тѣхъ иже градъ враждовно, яко змѣве, своины вубы держащихъ, но снѣ множество и своевѣримыхъ враждующихъ ми (т. е. дьяку Ивану) страхалса, иже присѣдти о насъ тайно въ довтохѣхъ ко Клянимъ“ (Р. И. Б., т. XIII, ст. 407). Истать обратимъ вниманіе и на то, что къ рассказу о грамотѣ Тимоеевъ отнесся съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Онъ редактировалъ свое повѣствованіе дважды, а

при чемъ „по характеру изложенія „Временника“ представляеть собою рядъ отдѣльныхъ очерковъ и характеристикъ дѣятелей и событій смуты“. Въ своихъ очеркахъ „съ самаго начала авторъ становится на точку зрѣнія моралиста, въ нарушеніи старыхъ началъ русской жизни видѣвшаго источникъ всѣхъ бѣдствій“. „Это — не спокойный лѣтописатель, а человѣкъ, стремящійся показать читателю, кто былъ повиненъ въ бѣдствіяхъ смуты“. „Авторъ не стремится къ фактической полнотѣ показаній и не стѣсняется хронологической послѣдовательностью“. Онъ „не только описываетъ и рассказываетъ, но и обсуждаеть факты“. Далѣе С. Ѳ. Платоновъ отмѣтилъ желаніе Тимошеева быть точнымъ и объективнымъ писателемъ, а также и тотъ фактъ, что „при отрицательномъ отношеніи къ современности Тимошеевъ не страдалъ однако сомнѣніемъ“. Послѣ общихъ замѣчаній о дьякѣ Иванѣ и его трудѣ, исследователь переходитъ „къ частностямъ его повѣствованія“. Сдѣлавъ рядъ любопытныхъ выписокъ изъ „Временника“ и снабдивъ ихъ не менѣе любопытными соображеніями, С. Ѳ. Платоновъ указалъ на безсистемность въ изложеніи Тимошеева и объяснилъ причину ея, заключающуюся въ томъ обстоятельстве, что дьякъ „написалъ свое произведеніе не сразу, а въ разное время“. Это время опредѣляется исследователемъ, какъ 1616 — 1619 гг. Послѣ выясненія времени написанія „Временника“ С. Ѳ. Платоновъ указалъ, что „предметомъ отдѣльной монографіи должно быть изслѣдованіе состава „Временника“, его отдѣльныхъ показаній и тѣхъ источниковъ, какими пользовался его авторъ“. Въ общемъ исследователь рѣшается „утверждать, что Тимошеевъ долженъ считаться писателемъ самостоятельнымъ“. „Такимъ образомъ, во „Временникѣ“ мы имѣемъ, безъ сомнѣнія, оригинальное произведеніе очевидца смуты“. Произведеніе Тимошеева, какъ думается профессору Платонову, „имѣеть большое значеніе“, и онъ не можетъ „согласиться съ тѣмъ строгимъ

одно мѣсто его — трижды. Въ этомъ легко убѣдиться, внимательно перечитавъ Р. И. Б., т. XIII, ст. 452—454. Слова: „Снцево въ пролетіе мое самое... яко на нѣкій превелкій залогъ къ противнымъ надѣвнися“ представляють рассказъ въ одной редакціи, слова: „Такое же въ самый лѣтвеніи моего чась... ради многихъ о себѣ тѣлннхъ благъ полученіи“ составляютъ другую редакцію; наконецъ слова: „Сіе же писаніе за любленіе хъ клятвѣ... яко другое составниа“ являютъ 3-ей редакціей повѣствованія о самой передѣлкѣ грамоты. Въ интересахъ истины надо прибавить, что статью „О крестномъ дѣлованіи королевичу Владиславу“ и С. Ѳ. Платоновъ впоследствии отнесъ къ описанію повгородскихъ дѣлъ, а авторомъ первой грамоты счелъ Тимошеева. Это выяснилось изъ нашей бесѣды съ нимъ, при чемъ въ бумагахъ профессора Платонова нашлась замѣтка о перомъ его первоначальномъ взглядѣ.

приговоромъ, какой произнесъ надъ его Временникомъ П. М. Строевъ“ и не можетъ „но жалѣть, что этотъ Временникъ такъ долго оставался въ полномъ забвеніи“. Въ заключительной главѣ своего труда С. Ѳ. Платоновъ отмѣчаетъ, что „ни у Тимофеева, ни у Палицына нѣтъ стремленія собирать подробности происшедшихъ на ихъ глазахъ бѣдствій; оба писателя ищутъ объясненія этихъ бѣдствій, изображаютъ причины смуты и ставятъ событія въ прагматическую связь, не описывая ихъ шагъ за шагомъ“. Поэтому исследователь долженъ помнить, что имѣеть дѣло не съ лѣтописцемъ, а съ общественнымъ дѣятелемъ, далекимъ отъ задачъ спокойнаго историка ¹⁾.

Исслѣдованію С. Ѳ. Платонова былъ посвященъ цѣнный отзывъ академика В. О. Ключевского ²⁾. Авторъ отзыва высоко ставитъ „Временникъ“ Ивана Тимофеева. „Это далеко не временникъ стараго лѣтописнаго характера“,—утверждаетъ В. О. Ключевскій, — „а скорѣе историко-политическій трактатъ: составитель его больше размышляетъ, чѣмъ рассказываетъ о случившемся. Онъ знаетъ пріемы научнаго изложенія и требованія исторической объективности и умѣетъ ихъ формулировать; подъ неуклюжей вычурностью его изложенія просвѣчиваютъ историческія идеи и политическіе принципы“. По мнѣнію автора отзыва, „всѣ такіе проблески политическаго мышленія и историческаго прагматизма, разсѣянные въ сказаніяхъ о Смутномъ времени, можно было бы соединить въ особый цѣльный очеркъ, который составилъ бы главу изъ исторіи русской исторіографіи, изображающую одинъ изъ переломовъ въ ея развитіи“. Въ дальнѣйшемъ изложеніи академикъ Ключевскій осматриваетъ выводъ проф. Платонова, что Тимофеевъ и Палицынъ не только описывая, но и обсуждая пережитую эпоху, нерѣдко выходили изъ роли историковъ и вступали на почву публицистическихъ разсужденій. „Вдумываться въ историческія явленія, описывая ихъ“,—говоритъ В. О. Ключевскій,—не „значить выходить изъ роли историка: сужденіе не тенденція и попытка уяснить смыслъ явленія себѣ и другимъ—не пропаганда“.

И такъ академикъ Ключевскій опредѣленно видитъ во „Временникѣ“ Тимофеева новое на Руси исторіографическое явленіе. Казалось бы, послѣ изслѣдованія С. Ѳ. Платонова и замѣчаній В. О. Ключев-

¹⁾ Русская историческая наука обязана С. Ѳ. Платонову и обнародованіемъ „Временника“ въ XIII т. *Русск. Ист. Библ.*, изд. Им. Археограф. Комиссіей.

²⁾ Помѣщенъ въ отчетѣ о тридцати первомъ присужденіи наградъ графа Уварова. С.-Пб. 1889 г. См. особенно 5 и 9 стр. отдѣльнаго оттиска этого отзыва.

скаго необходимо было изученіе труда дьяка Ивана съ одной изъ указанныхъ этими учеными точки зрѣнія. Между тѣмъ мы видимъ совсѣмъ иное. Въ сочиненіи покойнаго академика А. Н. Пыпина „Исторія русской литературы“ мы встрѣчаемся съ старымъ отношеніемъ къ Тимошеву¹⁾. Авторитетный историкъ литературы такъ характеризуетъ трудъ дьяка Ивана: „Однимъ изъ наиболѣе обширныхъ и историческихъ сказаній о Смутномъ времени былъ „Временникъ“ дьяка Ивана Тимошева. Временникъ, по твердому литературному обычаю, начинается въ своемъ вступленіи съ добрословія, и буквально отъ Адама“. Приведа затѣмъ, дѣйствительно, реторическое вступленіе Тимошева къ „Временнику“, покойный академикъ продолжаетъ: „Покончивъ вступленіе, давши оглавленіе „книги сей“ и приступая къ описанію царства Ивана Васильевича, дьякъ опять пускается въ невразумительное плетеніе словесъ“. Здѣсь А. Н. Пыпинъ снова приводитъ образчикъ витійства дьяка Ивана и приступаетъ къ заключительнымъ словамъ своей характеристики: „Такъ сохранялся старый историческій стиль, хотя можно бы думать, что самая чрезвычайность событій вызоветъ критическій взглядъ на самыя событія и на то прошедшее, съ которымъ они были связаны, и хотя уже раньше явилось произведеніе, гдѣ въ противовѣсъ официальной исторіи высказалась независимая критика: это была исторія времени Грознаго, написанная княземъ Курбскимъ. Она оставалась явленіемъ исключительнымъ“.

Мы преднамѣренно привели отзывъ покойнаго ученаго съ буквальной точностью, чтобы показать его категоричность. Ничего новаго въ трудѣ Тимошева нѣтъ, по мнѣнію А. П. Пыпина, и событія смуты прошли для него безслѣдно. Такое разногласіе во взглядахъ на произведеніе дьяка Ивана заставляетъ насъ попытаться изучить „Временникъ“, какъ исторіографическое явленіе. Мы постараемся главнымъ образомъ прослѣдить зависимость Тимошева отъ взглядовъ и литературныхъ приѣмовъ XVI вѣка, а затѣмъ уяснить, были ли какіе-нибудь новые мотивы въ трудѣ дьяка Ивана²⁾. Лишь такая работа можетъ

¹⁾ А. Н. Пыпинъ, „Исторія русской литературы“, т. II, изд. 2-е, С.-Пб. 1902 г.; о Тимошевѣ см. стр. 464 и сл.

²⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что наша работа къ значительной мѣрѣ будетъ опираться на изысканія проф. Платонова, являясь часто лишь дополненіемъ, или новой комбинаціей этихъ послѣднихъ. При этомъ мы не станемъ стремиться къ исчерпывающей полнотѣ изслѣдованія, т. е. не будемъ для каждаго случая приводить всѣхъ мѣстъ изъ „Временника“, доказывающихъ то или иное наше наблюденіе.

рѣшить сомнѣнія, порождаемыя столкновеніемъ столь противорѣчивыхъ отзыовъ представителей русской исторической науки.

II.

Если мы отъ произведеній древнерусской письменности XVI вѣка обратимся къ сочиненію Ивана Тимоеева, намъ не трудно будетъ установить большое сходство взглядовъ и пріемовъ дьяка — „писателя“ и его предшественниковъ. Отличительными чертами послѣднихъ были: убѣжденіе въ томъ, что народныя бѣдствія—небесная кара за грѣхи людей и что въ исторіи проявляются непосредственно Божья воля и козни діавола, преданность православію, исключительный интересъ къ обрядовой сторонѣ религіи. Такія же точно стороны замѣтны и во „Временникѣ“ Тимоеева. Какъ выяснилъ С. О. Платоновъ, основная точка зрѣнія Тимоеева на причину смуты формулирована дьякомъ Ивановъ такъ: „се же все бысть державныхъ малѣмъ поползновеніемъ, якоже Адамѣмъ во грѣху умяхченіемъ, рабскимъ же нашимъ многимъ прегрѣшеніемъ, единаче жъ обоихъ къ Богу о добродѣтелѣхъ неисправленіемъ“ ¹⁾. Говоря о бѣдствіяхъ русской земли и невзгодахъ Новгорода во время занятія его шведами, Тимоеевъ замѣчаетъ: „А иже что поущеніемъ Божіа смотрѣнія въ самомъ царствіи въ сей земли всей содѣяся къ наказанію нашему отъ противныхъ, но не въ конецъ, и еще мощенъ бо Попустивый вся пакы исполнити удобь: врази бо достояніе наше не наслѣдоваша себѣ,— веліе убо се есть намъ благо отъ Бога. Единъ азъ, глаголавый се, обладанъ Елѣяны и не могу сихъ изъ себѣ встребити, дондеже Введый иже въ мя благоволяхъ о мпѣ, тѣхъ влѣ изрынуть“ ²⁾. Параллельно съ подобными указаніями у дьяка Ивана находимъ и утвержденіе, что Борисъ погубилъ св. Димитрія „отъ врага властолюбіемъ устрѣленъ быть“ ³⁾.

Раздѣляя взгляды людей XVI вѣка на первопричины историческихъ явленій, Тимоеевъ такими же, какъ она, главами смотрѣлъ и на православіе. Не благоволя къ Грозному, авторъ „Временника“ силстаетъ тѣмъ не менѣ ему похвалу „за благочестіе, иже правыя во Христа вѣры, яко Тройческое поклоненіе во единствѣ и единство въ Троицы, по отцѣхъ даже до смерти пастырски цѣло ему соблюду

¹⁾ Платоновъ, *op. cit.*, 133 стр.

²⁾ Русск. Ист. Б., т. XIII, ст. 415.

³⁾ *Ibid.*, ст. 450.

непозволенно, ниже позыблемо“¹⁾. За отстраняване православія Тимоеевъ осыпаетъ похвалами патріарха Гермогена²⁾. Въ своемъ „Временникѣ“ особенное вниманіе отводитъ дякъ Иванъ обрядовой сторонѣ религіи, ви́шнему чипу ея. Онъ провозноситъ „царство благочестивое, еже отъ поста просіявши, государя царя и великаго князя Феодора Иваловича всеа Русіи“, описывая его постничество и молитвы, которыми склоненъ объяснять мирное, по его представленію, царствование Феодора³⁾. Дякъ Иванъ готовъ даже считать царя Феодора святымъ и молиться ему⁴⁾. Придавая особое значеніе посту и молитвѣ, Тимоеевъ съ большимъ благоговѣніемъ относится и къ св. мощамъ и иконамъ. Онъ пространно и съ видимымъ съвозъ роторьку чувствомъ новѣствуетъ о торжественномъ перенесеніи мощей св. царевича Дмитрія въ Москву, при чемъ убѣжденъ, что святой „честною и доброубѣдною кровію, на судъ готовъ, тою враги своя обличая: самого убійца первѣе, потомъ иже святое его и неприкладное

¹⁾ Ibid., ст. 277. Хвалы Ивала Грознаго, Тимоеевъ намскаетъ на то, что далеко не всё, даже и высшія духовныя лица, были тверды въ вѣрѣ, такъ что царь, „егда восхотѣлъ бы прочіихъ о вѣрѣ немужество обличити, яко мнѣ дѣти страшани, могъ бы страхомъ своея власти, поне искушалъ на часъ мало нѣкое отъ истинныхъ умъ, да предлогъ сотворивъ, бѣжащихъ нестойательное обличити“. „Се глаголю“,— продолжаетъ нежного слуха Тимоеевъ,— „не якобы церковь царя яко вграти показующу, но самозвольную его о вѣрѣ твердость навѣстую, наче же нестойательна бѣжаніе обижая, вѣрѣ силъ слабость“.

²⁾ Ibid., ст. 439—440. „Крмогена, глаголю, верховнаго въ пренодобіи главу всесвятую, патріарха православнаго, мужа апостола образнаго, надо всѣмъ честь крайняя, по Павлу же, носило хорувимское плотно и уста, еже добръ огненнаго рзавитола—ревностію за Христову вѣру противленіемъ любви онъ наче огня разжигався,—многовреженно не послабляя, противу Латынъ добльствовавшаго, онѣмъ же антихристовѣмъ способникомъ, еже отъ христіанъ въ тожде съ миславными противленіе претворимся,—онъ на силъ крѣпцѣ грабствова...“.

³⁾ Ст. 288—90; похвалы Феодору составлены совершенно въ стилѣ XVI вѣкѣ; о силѣ молитвъ Феодора см. ibid., ст. 285: „зае не бѣ браня его къ плоти и крови“ но Писанію, но молитвою противныя ему одолѣваша. И только ему возмогаше молитвенная сила, яко Божію тому милость на са отъ сея иривленія...“ Тимоеевъ и въ другихъ мѣстахъ отмѣчаетъ мирное, по его мнѣнію, царствованіе Феодора; такъ онъ пишетъ (ibid., 288 ст.): „тихо и безматечно царствова; во дни бо державы его земля блие противными не наступаема...“. При этомъ Тимоеевъ забываетъ, какъ отмѣчалъ С. О. Платоновъ (ор. cit., 139 стр.), „о войнахъ Феодорова царствованія“.

⁴⁾ Русск. Ист. В., т. XIII, ст. 285, „яко не, вѣдѣны бысть убо, согрѣшити кто, аще днесъ вѣроу и въ молитвахъ того иривозеть, и да не обліжнся азъ, предваря всѣхъ“; ниже (ibid., 450 ст.) Тимоеевъ замѣчаетъ: „мию, не убо кто согрѣшити, аще и въ молитвахъ того иривозеть“.

ня на ся возлагающихъ и царствія его съ прочими разоршихъ“¹⁾. Обличая тономъ моралиста русскихъ людей въ разныхъ грѣхахъ и порокахъ, дьякъ Иванъ не преминулъ заявить: „всѣхъ зловѣрныхъ языкъ исполнихомъ дѣла ихъ мѣру и вѣщше; единомъ точию лучши смхъ явихомся, еже ко иконамъ покланяемую въ себѣ явихомъ по- честь и еже не созволяемъ съ ними предавая намъ посты разорити, но не у и мы сія вси совершенѣ, якоже подобаше“²⁾.

Интересъ къ обрядности заставлялъ Тимоѣева посвящать особый очеркъ разсказу „О печи и о ходѣ съ кресты“. Въ этомъ разсказѣ онъ съ благоговѣніемъ разсуждаетъ о благочестивыхъ обрядахъ, которые „отъ нечестивыхъ днесь вся упразднишася въ насъ и недѣй- ствени всяко быша и престаша“³⁾. Любя обрядовую сторону религія, Иванъ Тимоѣевъ являлся въ то же время большимъ сторонникомъ вѣщшаго чина и пристойности. Онъ осуждаетъ присягу въ перквахъ на вѣрность Борису Годунову, такъ какъ присягавшіе мѣшала благолѣпнѣ церковныхъ службъ⁴⁾. Это дало поводъ Тимоѣеву къ иѣсволькимъ справедливымъ замѣчаніямъ и обличеніямъ въ томъ, что страхъ передъ земной властью превозмогъ почтеніе къ Богу⁵⁾.

¹⁾ Р. И. В., т. XIII, 322 ст.; глава „О принесеніи мощей святаго царевича Дмитрія“ занимаетъ 320—4 ст.

²⁾ Ibid., 379—80 ст. Все обличеніе помѣщено на 377 — 80. Оно представляетъ собою обычное у проповѣдниковъ обвиненіе современнаго автору общества во все- возможныхъ порокахъ и вкратцѣ разсказано проф. Платоновымъ (op. cit., 154—5 стр.).

³⁾ Р. И. В., XIII т., 432 ст. Вся глава (ibid., ст. 431—5) посвящена указанію на лучшее дѣйствіе и его значеніе („Первое десетѣ благолѣпно бысть и велико, стремно же и гроно образование, яко начертаніемъ Вошь воплощенія челоуѣческа ради снаселія, иже ангеловъ отъ небесъ ужасна сходженіе въ печь, ииъ же три- численными бысть иноуготованнаго мучителемъ пламени во опаленіе разжеи на росопроложеніе“), на крестныя ходы, сѣтованія на прекращеніе ихъ въ годовиу смуты и благочестивымъ разсужденіямъ во отому поводу.

⁴⁾ Ibid., 344—350 ст. На ст. 364 Тимоѣевъ говоритъ: „но и Евангельская святовоглашенія неблагословныи вошь одолѣваше вресоложденіемъ мума“... Замѣ- тить кстати, что дьякъ Иванъ всегда строго осуждалъ, какъ и подобало всякому степенному русскому челоуѣку стараго времени, уклоненіе отъ обычнаго чина. Въ этомъ отношеніи особенно характеренъ отиѣжничій С. О. Платоновымъ (op. cit., 146 стр.) разсказъ о мальчикѣ, громко молвившемъ Бориса о согласіи стать царемъ.

⁵⁾ Р. И. В., т. XIII, ст. 347—8: „Аще ты и не суну самому царю гѣломъ, ииже образу его, никакоже новелѣное презрѣти смѣян бы, ииъ же и во истину Су- щаго, яко не суда номышляюще не трепещемъ... Доволно бо есть во указаніе на- шего пенитія се обличеніе, яко, во время святыхъ собрании, не терпѣливи въ мо- литвахъ обрѣтасяся, еже не прежде отпущенія малъ отлученый часть на гѣние во

Вообще привѣсиванью къ вопросамъ благочестія земныхъ расчетовъ и соображеній глубоко задѣвало дяка Ивана. Поэтому онъ осудилъ цѣлый рядъ явленій и событій русской жизни, въ которыхъ ясны были подобныя побужденія. Такъ онъ съ порицаніемъ отнесся къ установленію крестнаго хода въ память избранія Бориса на престолъ ¹⁾, къ обычаю строить храмы въ честь святого, чье имя носилъ царь ²⁾, къ новому обыкновенію писать отдѣльныя иконы св. мученика Бориса ³⁾. Съ неодобреніемъ посмотрѣлъ Тимошеевъ и на то, что Борисъ Годуновъ на колокольнѣ Ивана Великаго „въ позлащенныхъ дикахъ златописанными словесы имя свое пригвоздивъ“ и на цѣлый рядъ аналогичныхъ фактовъ ⁴⁾.

Являясь по своему правовѣрью и православію примымъ наследникомъ писателей предшествующей поры, Тимошеевъ подобно имъ и на

церкви нескодоно пребыти, но, страхъ Божій прозрѣши и заповѣди Кго, входимъ бо и исходитъ, яко скоти бесловесна, безвременно и безъ страха явчима... Мы же небесный страхъ ниже земному сравнимомъ, но срабнаго яче самого Владыки почтохомъ“.

¹⁾ Ibid., 333 — 6 ст. „Лаврскаго же ради иже променія сотворенаго получени въ бѣлѣрѣя установи... и т. д.“. Рассказавъ о прекращеніи этого торжества по смерти Бориса, Тимошеевъ добавляетъ: „Не убо ли отъ сихъ и нервосвятителя съ прочима обнажися лесное послуженіе въ животѣ ему?“ Ср. *Платоновъ*, *op. cit.*, 147 стр.

²⁾ Р. И. Б., XIII т., 336 ст. Ср. *Платоновъ*, *op. et loc. cit.*

³⁾ Р. И. Б., XIII т., ст. 336—8. Тимошеевъ съ негодованіемъ отиѣчаетъ, что „тѣхъ святую двоицу, неразлучимую Богомъ, челоукоугодимица иконописани на дикахъ разлучаху единаго отъ другаго“. По этому поводу дякъ Иванъ приводитъ притчу „земныхъ указаний“ о двухъ друзьяхъ-братьяхъ, изъ которыхъ „во случаю же званъ будетъ иишь третьимъ на бракъ единъ отъ двоихъ, но разлучавшихся никогда нигдѣ же“. Результатомъ такого приглашенія будетъ вражда къ приглашавшему и только со стороны братьевъ, но разсердятся на него „я не средиа друзи же“.

⁴⁾ Ibid., ст. 351—2; нѣкоторые другіе прикѣры см. *Платонова*, *op. cit.*, 148—9 стр. Отиѣтимъ, что и къ факту учрежденія патриаршества въ Россіи Тимошеевъ относится съ уклончивымъ неодобреніемъ. Онъ говоритъ: „колеблетъ же смущении самошнихъ укъ и о прѣтвеніи въ Россіи итѣи аже стеними нервыхъ престолу святительныхъ... якоже митрополски на патриаршески прѣменовася“... „О сихъ святостныхъ си вышнихъ не сѣмо къ прочимъ гордостнымъ дѣлъ Борисовыхъ словесы предложити“,—продолжаетъ дякъ Иванъ,—„да не погнѣваю Бога, заче во дѣи доирочестиваго дара сіи содѣтася. Ныиѣ не прѣстанъ близити ми, яко тогожде гордолюбда и при оного державѣ итѣуство дѣйствова, ноноже устроение се бысть начала гордыни его, и настолнѣишимъ се не неугодно яже сими красящимся. О семъ достоятъ иотовымъ утвердитися и колеблемое мысли уставити, аще такое отъ Бога есть и неисмытню къ тому пребудеть“ (Р. И. Б., XIII т., 359 ст.). Ср. *Платоновъ*, *op. cit.*, 150 стр.

національность смотритъ сквозь призму вѣровсвѣдной исключительности. Русскій народъ представляется ему новымъ Израилемъ ¹⁾. Остальныя народности—вѣчто враждебное, поганое ²⁾. Христианамъ—русскимъ противопоставляются сретники и безбожники: еллины, или кѣмтующіе фригги, латынс, „вкупослатинная“ и „главохоженная“ Литва ³⁾. Ивану Грозному Тимошеевъ ставилъ въ упрекъ склонность къ ипоземцамъ. Дялку Ивану кажется даже, что „вся внутренняя“ царя „въ руку варваръ быша, и яже о немъ восхотѣ да сотвориша“ ⁴⁾.

И политическія представленія и симпатіи Тимошеева—наслѣдіе XVI вѣка. Онъ вѣритъ легендѣ объ Августѣ Кесарѣ, постоянно говорить въ духѣ книги Степенной царскаго родословія о святомъ корени государей, о святыхъ лѣторосляхъ, колѣнствѣ царскомъ и т. д. ⁵⁾.

¹⁾ Р. II. В., т. XIII, ст. 269 „яже царствоваша во благодати Новому Израилю, Великій Росіи“; *ibid.*, 430 ст. „яже и сего новыи Израильъ нашъ за освобожденіе его, яко къ сямъ сего народа вся желательи сравниша“; *ibid.*, 448 ст. „По первымъ убо господствова въ Русіи Божіими нового Израилля людми“.

²⁾ *ibid.*, 445 ст. „местоугодно же бысть безъ мала одержкити всако поганю туждихъ руками“. Ср. *Илимовъ*, *op. cit.*, стр. 165.

³⁾ Р. II. В., т. XIII, ст. 284 „И убо отъ языкъ пріидица земля нашей безбожна Литва, купно погубоша... такоу убо бываеъ концу востающихъ неправедно на православныхъ земля“; *ibid.*, 445 ст. „яже та (т. е. Москва) многими, гдѣ, образы подья отъ Латынь исповѣданіе зло“; *ibid.*, 447 ст. „о преславновеличкѣ Новгородѣ семь, яже новешемъ въ себѣ многолѣтню отъ Вланыи вестеричныхъ языкъ различъ болѣзней“; *ibid.*, 463 ст. „наследованіи главохоженныхъ, и во странѣ земли Повградскія отъ кѣмтующихъ Фригъ такожде“; *ibid.*, 467 ст. „и порабощеніе наше отъ главохоженныхъ и слатинныхъ Литвы“; *ibid.*, 468 ст. „Литвыи скорби, яже посреде Латынь бываеъ, яко между волковъ“ и т. д.

⁴⁾ *ibid.*, 271—2 ст. Тимошеевъ между прочимъ говоритъ: „отъ окрестныхъ странъ пріѣхавшии къ нему кѣмлюби и большыми дарованиями тѣхъ богаты“.

⁵⁾ 269—70 ст.: „государи великаго князя Ивана... благоданну царю сына, яже всему великому Росію господствующа, государя Василія Ивановича великаго князя и царя корень по колѣнству и мужъ ирородителей своихъ прозобеніи... Не бо точію отъ Юриика начало являху о немъ, но отъ самого Августа, Цесаря Римскаго и обладателя вселенною, влечахуса во своя роды, яко дѣи днесь; паче же сроднаго естества прічтеса по благочестіи прже его благовѣрными бывши; благочестивыхъ благочестивѣйшии, законно же и святилѣно сынови отъ отецъ до днесь происхождаху. Такоу убо отдрелю самодержавныхъ или отродѣ“. *ibid.*, 229 ст.: „Не оскудѣвающе бо нлкогда же и до днесь происхожденіемъ дѣти кореніемъ отчичъ естественными законами къ прозобенію отраслей, еже бы не привезстися когда царскими стоблеомъ отъ пресль отческихъ въ наслѣдіе толку и такоу отчеству,—во влечахуса дружи по первымъ, яко всекрасныи лѣторосли домосадными и плодосояи, въ родѣ отъ рода, не оскудѣвающе; ... Розги блыху рода того отъ моря и до моря“ и т. д.

Царская власть въ главахъ автора „Временника“ стоитъ чрезвычайно высоко. Царь, по мнѣнію Тимошѣева, поставленъ самимъ Богомъ „во утвержденіе и управленіе обще наше“. Поэтому онъ „рогъ всеа крѣпости наша, и жезлъ пастырства и опираиіе совершеноаго о всѣхъ заступленія“. Подданные не должны посягать на носителя царской власти или сочувствовать „пизведенію“ государя. Царей судитъ лишь Богъ. Если государь водеть „погрѣшитолну жизнь“, „вѣнцу же честному что есть съ нимъ“. Думая такъ, дьякъ Иванъ сравниваетъ положеніе царской власти и церкви. Какъ въ порокахъ святителей держковъ не „бываетъ сповинна“, „но пребываетъ присно въ своей чистотѣ и юбѣтса“, „снце и о свѣчничѣмъ и престолахъ царствѣмъ всѣмъ знается о семъ слово едино“. Царскій престолъ—это „престолъ святости“. Цари почитаютъ „яко Бога“. Его честь „превыде“ „всѣхъ на землѣ славою“¹⁾. Тимошѣевъ повторяетъ даже мнѣніе, по которому „аще и человекъ царь бѣ по естеству, властію достоинства привлеченъ естъ Богу, мже надо всѣмъ; но имать бо на земли высочайши собо“²⁾.

Къ такому высокому положенію государя дьякъ Иванъ относится съ полнымъ сочувствіемъ. Онъ оцѣкиваетъ въ двухъ притчахъ вдовство Московскаго государства во время междоусобицъ, сравнивая въ одной изъ нихъ Русскую землю съ осиротѣвшимъ домоу „сильножителю“³⁾. Говоря въ началѣ „Временника“ о причинѣ смуты, Тимошѣевъ указываетъ, что „наша самодержавіи во своихъ державахъ обладаху нами всѣми, отъ вѣка рабы свонни, дондеже они сами держохуся повеленій данихъ Богомъ“. „Къ нимъ же быхомъ“, — продолжаетъ „спасатель“, — „отъ всѣхъ многъ вѣкъ доселѣ непринкословни, слико по Писанію быти достовѣтъ ко своимъ владыкомъ работъ повинѣмъ... тако безоотвѣтн быша къ нимъ, яко рыбы безгласни, вслюко со тпачіемъ кротцѣ рабское иго ношахомъ“⁴⁾.

Мнѣнія, высказанныя Тимошѣевымъ относительно царской власти, позволяютъ зачестъ его въ ряды сторонниковъ теоріи теократическаго

¹⁾ Ibid., 396—99 сс.

²⁾ Ibid., 397—8. Это разсужденіе чуть ли не дословно повторилъ мысль, высказанную въ „похвальномъ словѣ великому князю Василю III“, виссенному затѣмъ почти цѣликомъ въ Степенную книгу; см. М. А. Дьяконова, „Власть Московскихъ Государей“, стр. 105—7; Степ. печ. изд., II т., 212 стр.

³⁾ Р. И. Б., т. XIII, ст. 454—61.

⁴⁾ Ст. 261—2; Тимошѣевъ замѣчаетъ при этомъ, что русскіе люди повиновались своимъ государямъ „честъ страда ради творяще имать яко не равну зъ Богомъ“.

абсолютизма, развившіяся въ XVI вѣкѣ. Но въ этихъ мѣнѣяхъ есть характерный отбѣнокъ. Власть государей, по словамъ „писателя“, была сильна, пока они свято соблюдали „древняя благоустановленія законная и отцы предавая“. Когда же они стали „добрыя обычая на новосопротивная измѣнати“, то „и въ повинующихся рабѣхъ естественный страхъ къ покоренію владыкъ оскудѣваше исчезая“. Изъ дальнѣйшихъ разсужденій дьяка Ивана выясняется, что онъ разумѣетъ подъ нарушеніемъ „добрыхъ обычаевъ“. Зло заключалось въ томъ, что „восхотѣша бо обдѣржитолс ушеса своя сладцѣ приклоняти къ ложнымъ шепотныхъ глаголомъ“; эти „шепотные“, какъ ихъ называетъ Тимоеевъ, „языки бо своими убиваху люди, яко мечи“; „слюбленіемъ тѣхъ послушателей возношаху бо ся зѣло надъ правдою въ неявиственныхъ своихъ похвалахъ державинъ же“. Результатомъ такого отношенія царей къ своимъ ласкателямъ и льстецамъ было то, что „сопротивна бо древнихъ царей уставнымъ закономъ пачаша вся во всѣхъ бывать: малая великихъ одолѣвати, юнныя же старыхъ, и безчестныя честныхъ, рабы своихъ имъ владыкъ“¹⁾. При прежнихъ государяхъ такого явленія не могло быть: „истинни же убо наши царіе“ „вѣдяху коему роду юую и какову честь и чесо ради даровати, худороднымъ же ни“²⁾. Можно было бы думать, что возвышеніе „худородныхъ“ начинается, по мнѣнію Тимоеева, лишь во времена смуты, при Годуновѣ, который возводилъ „худородныя на благородныхъ“ „степени кромѣ мѣры и времени, тайнословія ради тѣхъ ко оному“³⁾. Но такому предположенію мѣшаетъ утвержденіе дьяка Ивана о Грозномъ и его иноземцахъ-совѣтникахъ и возвышеніи Богдана Бѣльскаго⁴⁾. Со времени Грознаго и ведутъ, какъ думаетъ

¹⁾ Ibid., 265 ст. Курень нашъ.

²⁾ Ibid., 393 ст. Историческо указаніе, что Михаилъ Татищевъ, по поводу котораго идетъ разсужденіе, „и первую честь недостойнѣ пріять“ „паче бо бѣ естества и первая ему вѣдана почестъ; благородни же, аще и выдаде черезъ достоиніе то, но царевъ воля ни словомъ противится не восхотѣша, крѣпчайшимъ въ нихъ не обрѣтшимся ни одному“. Объ окольничемъ М. И. Татищевѣ см. С. Ф. Платоновъ, „Очерки по исторіи Смуты“ раздѣл.

³⁾ Р. И. С., т. XIII, 355—6 ст. Поремѣна въ системѣ назначеній и пожалованій, по представленію Тимоеева, была радикальной: „якъ же пачама измѣненія чинюмъ отъ первыхъ до послѣднихъ тогда въ бываемыхъ“.

⁴⁾ Объ иноземцахъ-совѣтникахъ Ивана Грознаго см. ibid., 271 ст.: „болшии даровани тѣхъ богаты, отъ нихъ же нѣтъ и въ тайномыслие си пріятова“. О Богданѣ Бѣльскомъ см. ibid., 371 ст.: „Нѣкому званіемъ бывшу по реклу Богдану, отъ всего царскя спиканта первоближну и началосовѣтну при преславнаго царя Ивана отѣхъ

дьякъ Иванъ, свое начало „земли всей великъ расколъ“ ¹⁾. Описывая съ большимъ несочувствіемъ опричнину, не понимая истиннаго значенія этой мѣры ²⁾, Тимошеевъ неоднократно съ большимъ вниманіемъ относится къ принципу „благородства“. Его точка зрѣнія, какъ мы уже видѣли, діаметрально противоположна взгляду, по которому „и великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ“ ³⁾. Дьякъ Иванъ до такой степени проникнуть аристократическими представленіями „благородныхъ“, что въ его глазахъ Годуновъ „яко на небо отъ земля, одноступленіемъ на престолъ царствія воступи, благороднѣйшихъ себе въ рабы себѣ повори, первѣе средороденъ и средочиненъ“ ⁴⁾, а „Михалко“ Татищевъ былъ совсѣмъ худороднымъ человекомъ ⁵⁾. Въ глазахъ Тимошеева дочери знатнѣйшихъ боярскихъ родовъ были „госпожами“ Бориса Годунова ⁶⁾. Говоря такъ, дьякъ Иванъ какъ бы становился на точку зрѣнія тѣхъ князей, которыхъ Грозный по ихъ мнѣнію „штѣснилъ“, женившись на своей „робѣ“ Анастасіи Романовнѣ ⁷⁾. Можно, кажется, въ настоящее время догадаться, подѣ

елиа въ державѣ и величайшая многи благородіемъ бяху, неже той, превозлюблену жо ому бывшу царемъ начю встѣхъ по угождоуи².

¹⁾ 272 ст.

²⁾ Опричнинѣ посвящены 271 — 3 ст. XII Р. И. В. Любопытно, что опричнина въ точно такомъ же свѣтѣ представляется кн. Ивану Мих. Катыреву (*ibid.*, 561 — 2), который подобно Тимошееву, хотя и независимо отъ него, упоминаетъ и о царѣ Симеонѣ Казанскомъ. Этотъ фактъ отмѣчаетъ С. Ф. Платоновичъ, который по поводу установленія опричнины говоритъ: „и дьяку Ивану Тимошееву и знатному князю Н. М. Катыреву-Ростовскому дѣло представляется такъ“ („Очерки по исторіи Смуты“, 2-о издан., 106 стр.; на стр. 105—21 мастерское выиспаніе причинъ установленія и описаніе хода развитія опричнины). Ниже мы поймемъ, можетъ быть, почему и „престой дьякъ“ и „знатный князь“ одинаково смотрятъ на опричнину.

³⁾ Платоновъ, „Очерки“, изд. 2-е, стр. 169.

⁴⁾ Р. И. В., т. XIII, ст. 330; ср. *ibid.*, 293 ст.: „въ прикровеніи злости своея благороднѣйшихъ себе во царство превозведѣ“.

⁵⁾ О худородствѣ „Михалка Татищева“ Тимошеевъ говоритъ при всякомъ удобномъ случаѣ. См. особенно Р. И. В., т. XIII, ст. 389: „не свойственнѣ, ниже достойнѣ въ синглитства чинѣ нововоднаго худородна жо по несему“. Конечно, „Гришка шоржло Отрентевъ“ разсматривается какъ „худороденъ сы и зѣло вломайши племенн порождь ему бѣ“ (*ibid.*, 366 ст.).

⁶⁾ *Ibid.*, 338 ст.: „ниже порывхъ по царѣ боярскія многи дщери дѣвы, своя же госпожа, нуждеи отъ зависти пострѣзати, яко несозрѣлыя класы срѣзovati, ниъ же не бѣ всяко воли“.

⁷⁾ П. С. Р. Л., т. XIII, первая половина, 237 стр., примѣч. 5-е: „государь не жагуетъ великихъ родовъ бозчостити, а приближаетъ къ себѣ молодыхъ людей а насъ нив теснитъ да и тѣмъ насъ истоснилъ си что жонцлся у боярина у своего дочеръ вельгъ поная робу свою“.

чьимъ вліяніемъ Тимоосовъ выработалъ свои аристократическо-реакціонныя тенденціи, вступившія въ своеобразное сочетаніе съ принципомъ теократическо-домократическаго абсолютизма, одной изъ задачъ котораго было „управить исконное въ отечествѣ“ „любопрѣнное и гордынное о благородствѣ мятежное шатаніе“¹⁾. Благодаря собраннымъ (С. А. Бѣлокуровымъ извѣстіямъ о Записномъ приказѣ, мы узнали, что Иванъ Тимоосовъ былъ наипотомъ еще въ 1658 году, какъ „книго-чтецъ и временныхъ книгъ писецъ“, котораго „жаловалъ за то бояринъ князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій“; думали даже, что экземпляръ сочиненія Тимоосова найдется „у столника у князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго“²⁾. Въ то же время въ сочиненіи дьяка Ивана находимъ хвалебный отзывъ о знаменитомъ воеводѣ времени Грознаго, князѣ Михаилѣ Ивановичѣ Воротынскомъ. Этотъ князь, по отзыву Тимоосова, былъ „вправду снѣгитиць великъ при цари, со властію повелѣвая сотворити со или оно, паче же о ративмъ уряжонів врученіе печать кмѣ о сихъ собѣ слово самодержавнаго; бранному хѣлу по всему свазуютъ его бывша искусна“. Этому Воротынскому дьяку Иванъ приписываетъ изобрѣтеніе извѣстнаго „гуляй-города“, говоря: „разумъ же глаголютъ вѣдци первосуціл составленія его художества въ началѣ бысть, имъ же таковое хитростное умыслися первіе, князя наричють пѣкосго Михаила, порекло Воротынскій Ипановичъ“³⁾. Какъ отмѣтилъ уже С. Ѳ. Платоновъ, гуляй-городъ не былъ изобрѣтеніемъ Воротынскаго⁴⁾; послѣдній вѣрнѣе всего усовершенствовалъ этотъ видъ подвижныхъ оборонительныхъ сооружений, но въ семьѣ покойнаго воеводы могли быть преданія подобныя тому, которое передалъ Тимоосовъ. Но крайней мѣрѣ мы лично подѣ „вѣдцими“ склонны разумѣть семью Воротынскихъ. Вліяніемъ этой очень знатной и очень пострадавшей при Грозномъ семьѣ на песомѣнно „впечатлительнаго“⁵⁾

¹⁾ Дьяконовъ, *op. cit.*, стр. 106; Ст. Кн. Ц, 209 стр.

²⁾ Бѣлокуровъ, „О записномъ приказѣ“, стр. 62 и сл. Приведенныя свѣдѣнія сообщилъ начальнику Записнаго приказа, дьяку Кудрявцеву „гость Матвій Васильевъ“; по предположенію послѣдняго у И. А. Воротынскаго долженъ былъ найтись или подлинникъ „Ипановыхъ книгъ“, или списокъ „с тѣхъ книгъ“. Съ своей стороны „купчина Гараски Діаковъ про дѣтонисные книги того ж дѣака Ивана Тимоосова сказывалъ“ Кудрявцеву: „чалт де тѣ Ипановы дѣтонисные книги остались после боярина князя Алексѣя Михайловича Лвова въ дому его“.

³⁾ О Воротынскомъ см. Р. Н. Б., т. XIII, ст. 307.

⁴⁾ Платоновъ, „Древнерусскія сказанія“, стр. 141—2 и сл., примѣчаніе.

⁵⁾ Такъ характеризуетъ Тимоосова проф. Платоновъ („Очерки“, 2-о изд., стр. 96),

дьяка Ивана объясняется въ значительной мѣрѣ и отношеніе его къ опричиннѣ и аристократически-реакціонныя тенденціи ¹⁾, а литературѣ XVI вѣка „книгочета“, по всей вѣроятности, обязанъ былъ своей теоріей тоократическаго абсолютизма.

Мы видѣли, въ какомъ близкомъ родствѣ съ идеями XVI вѣка находятся взгляды Тимошеова. И вѣрнѣшіе приемы изложенья „писателя“ *Временника* сильно отражаютъ на собѣ литературное творчество предшестующей эпохи. Не будемъ говорить объ общепризнанной риторичности Ивана Тимошеова, доведенной у него до запутанности и темноты. Въ послѣднихъ сказалась, какъ правильно замѣтилъ С. Ѡ. Платоновъ, нѣкоторая литературная неопытность дьяка Ивана ²⁾. Въ немъ, очевидно, боролись жизненная опытность приказнаго дѣльца, стремившагося приводить житейскіе примѣры для доказательства своихъ мыслей, и книжная мудрость „книгочета“, силившагося обо всемъ писать какъ можно высокопарнѣе ³⁾. Иногда риторика удавалась Тимошеову, и тогда рѣчь его не отличалась отъ витійства XVI вѣка, иногда же смыслъ фразъ дьяка Ивана ускользаетъ отъ читателя вслѣдствіе массы нагроможденныхъ „писателемъ“ вычурныхъ словъ и выражений ⁴⁾.

называя его однимъ „изъ самыхъ впечатлительныхъ и непосредственныхъ“ „писателей конца XVI и начала XVII вѣка“.

¹⁾ Отмѣтимъ, кстати, одно мѣсто во „*Временникѣ*“, гдѣ авторъ высказываетъ нѣсколько въ духѣ нѣвѣстнаго принципа „noblesse oblige“. См. Р. И. В., т. XIII, 426 ст. „Но только маленькіе хуdorодъ всяко отъ дѣлъ студи, слегка величѣтъ и благородитѣтъ отъ словесъ срамъ“.

²⁾ *Платоновъ*, *op. cit.*, стр. 136.

³⁾ Приведемъ характерный образецъ этого. Извиняясь за несвѣдомитность изложенья, вызванную опасеніемъ что-нибудь унустать изъ виду, Тимошеовъ приводитъ въ примѣръ собирателей грибовъ, ягодъ или полевыхъ злаковъ (Р. И. В., т. XIII, ст. 278) и вотъ какъ излагаетъ свою мысль: „Идѣ же ни суть пбо берущіи въ дѣсопроходныхъ мѣстахъ и на поляхъ земнолюдное растуще отъ снѣдшихъ, такожде не рачитъ собиратель по ряду въ сосудѣ возрастомъ ихъ величества и не смѣшиван болшія съ среднею и малю; по все тѣмъ тѣчаніе бысть, еже перніе болшую, потомъ же малю, еже бы снѣшнѣе конуждо свой сосудѣ собираемыхъ наложити и варити братію свою, въ собраніихъ тѣхъ не остав, наче же да ни постигнутиса имъ, не объятѣтъ быти ношю и остави внѣ своего дому, шже отъ дождевъ окропитиса, аще маліше забудутъ“.

⁴⁾ Какъ примѣръ удачной сравнительно риторики Тимошеова см. хотя бы *ibid.*, ст. 334 и сл. „О овраченіи, о многого славоославленія! Или еще отъ снѣхъ внѣ сего злоба, аще царей умершвеніе и царствія жалаша, не обличиса, ни обнажиса?“ и т. д. Изъ многихъ случаевъ вычурности см. *ibid.*, на 402 ст. слѣдующее описаніе

Помимо общаго тона рѣчи Тимоѳеева и частности изложенія „Временника“ родитъ его съ предшествующей литературой. Таковы нѣрѣдкѣя, какъ это указано проф. Платоновымъ, „выписки изъ Св. Писанія и богословскихъ книгъ“¹⁾. Таковъ и способъ сопоставленія значенія именъ съ свойствами ихъ носителей. Такъ Царь Феодоръ „по толку Божія си дара стяжа имя, по дарованнѣй же благодати паче зѣло благочестивъ бѣ“. Про Клешинина, посланнаго Борисомъ Годуновымъ въ 1591 г. на слѣдствіе въ Угличъ, во „Временникѣ“ говорится какъ про „зѣло злыхъ злѣйша, Луппа нѣкогого... иже толкуется волкъ, отъдѣль званіе примѣ“. „Сопоставляя М. В. Скопина-Шуйскаго и М. И. Татищева, дьякъ Иванъ отъ имени Новгорода замѣчаетъ: „А иже вправду отъ дѣль званіе приемый, вданный ми ся отъ Бога ратоборець на плотныя враги моя, хотящихъ разорити мой градъ, боголичный толку князь Михайло Васильевичъ свободился одного много плетенныхъ свѣтей—не нареку одного Михаила: василаска же обаче во змѣяхъ, неже Михаила. Аще же и соименемъ бѣ первому лучшему оному, по той всяко отъ сего разньствова“²⁾. Часто Тимоѳеевъ вмѣсто имени или названія употребляетъ описательную форму. Такъ вмѣсто Дмитрій онъ пишетъ „двоиматерскъ“, царь Иванъ Грозный упоминается дѣлкомъ „сиискателемъ“ какъ „благодати же соименный“, а Иванъ-городъ превращается во „Временщикъ“ въ „градъ,—человѣческа имени нареченія, оже благодати имя“³⁾. Этотъ литературный приемъ, которымъ Тимоѳеевъ злоупотребляетъ, не былъ новостью въ его время. Для этого достаточно вспомнить хотя бы „Книгу Степенную царскаго родословія“⁴⁾.

нумеръ: „градохранительная же, иже во время брани обращаящая градъ, и сопротивная творящихъ стѣннбнствѣ рыкающихъ осудѣ тѣлостныхъ великія промногоа тѣлеса“.

¹⁾ Платоновъ, „Древнерусскія сказанія“, 168 стр., 1-е прил.

²⁾ Р. И. В., т. XIII, ст. 288 (о Феодорѣ), 294 (о Клешининѣ), 428 (о Скопинѣ и Татищевѣ) и ин. др. мѣсть.

³⁾ Ibid., 282 ст. „именомъ же двоиматерскъ по толку“ и т. д.; объ Иванъ-городѣ см. ibid., 422 ст.; объ Иванѣ Грозномъ см. ibid., 448 ст.

⁴⁾ Ст. I т., 77 стр. „Сей же самодержавный по туше Владимиръ именовася, иже никимъ же отъ челоука не обладаѣ бысть, по сямъ владий нась всею Русіемъ“; ibid., 78 стр. „Василій прарочѣ бысть. Василій же по Гроческому языку, по Русскому же языку толкуется Царь. Василій иже царское свѣщеніе, царское же се и божественное именованіе“; ibid., 409 стр. „Иванъ именовася, иже есть благодатное имя“ и т. д. Этотъ обычный приемъ древней письменности довелъ бойлаго и несдержаннаго автора новой повѣсти до неурядичнаго каламбура объ Андронозѣ (Р. И. В.,

Подражая своимъ предшественникамъ въ способѣ изложенія, цитированіи Св. Писанія и т. д., авторъ „Временника“ подобно имъ щеголялъ своей скромностью ¹⁾. Онъ долго отказывался приступить къ писанію „Временника“, ссылаясь митрополиту Псидору на разныя причины, „особиѣ же“ на „недовольство смысла“ и „ненаученіе“. Онъ приступилъ къ дѣлу лишь уступивъ доводамъ митрополита, такъ какъ „преслушанія бояхся“ и „повинухся великаго словеса“. Однако дяль Иванъ помнилъ свое „небѣжество все ненаученія“ и любилъ распространяться на эту тему ²⁾. Когда же Тимофееву пришлось рассказать

т. XIII, ст. 213 и сл. „но достойтъ его во имя Стратилата, но во имя Памата правды, или во имя пренодобнаго, но во имя ненадобнаго...“ и т. д.

¹⁾ Ср. С. А. Платоновъ, „Древнерусскія сказанія“, стр. 135: „Тимофеевъ не страдалъ однако самоувѣреніемъ“ и т. д.

²⁾ Рассказъ о попуженіи Тимофеева Исидоромъ см. въ Р. И. В., т. XIII, ст. 446; ссылку на „небѣжество все ненаученія“ см. *ibid.*, 408 ст. Ср. 279 ст.: „вѣдѣ, яко моя недостойнѣ во всему далече книжнаго разума“, 441 ст.: „такжеже ижеже иже писательства слову добръ но обученныхъ о положеніи писаній къ начиванію мѣсти, подобитъ; узы, и акжеже мною творимо днесь послѣднаго недоразуміи знаменія“ и ин. др. Сообщенія авторовъ о вынужденномъ писательствѣ и ихъ ссылки на неподготовленности очень часты въ древней письменности. Возможно для притѣра риторическое житіе св. Михаила Клонскаго, написанное въ 1537 году М. П. Тучковымъ по порученію знаменитаго митрополита Макарія, въ то время бывшаго архіепископомъ Новгородскимъ (объ этомъ житіи см. В. О. Ключевскій, „Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“, стр. 232—235 и Васенко, „Книга Степана царскаго родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности“, стр. 141—152), изданное въ четвертомъ выискѣ „Памятникъ старинной русской литературы“ на стр. 36—51. Въ этомъ житіи авторъ говоритъ „како началу слова коснуся, разума нищетою обману ми суцу. ижеже риторикѣ (въ нем. изд. „риторски“, исправлено на основаніи рукописей) намилку, ни философія учоу когда, ижеже пакъ софистикію протетну?“ („Памятникъ“, стр. 37). О своемъ отказѣ писать Житіе „яко недостойну“ „суцу коснуся величій и неостойжмій сей бѣдѣ“ Тучковъ говоритъ дважды: въ началѣ своего труда и въ послѣсловіи къ нему („Памятникъ“, стр. 37 и 50—51). Въ первый разъ онъ замѣчаетъ, что взялся за дѣло, такъ какъ „бояхся преслушанія отъ... святительства“. Во второмъ рассказъ выраженія нѣсколько иныя: „перисвятителю же о семъ понуждающе ми, мѣт же не хотицу повинухся и бояхся заиреженія, Истору бо власти виѣху нервопрестольницѣ“. Передъ этимъ авторъ Житія признается, что онъ и самъ еще въ молодости „многимъ желаніемъ“ раскаялся писать о святомъ „но не бѣ тогда, яко святому невольнику, ижеже мѣт (т. е. Тучкову) смѣющу на сивеая деранути, яко недостойну суцу“. Когда же впоследствии Тучковъ явился по порученію правительства въ Новгородъ и по выполненіи дѣла пришелъ къ Макарію „пріяты благословеніе“, послѣдній „поведѣ“ ему „писати новѣсть о Житіи“. Какъ видно изъ сказаннаго, и Тучковъ и Тимофеевъ дѣйствовали при сходныхъ условіяхъ: оба хотѣли заняться писательствомъ

о своей заслугѣ передъ Новгородомъ и неудачѣ, постигшей его вслѣдствіе интригъ „враждотворцевъ“, онъ укрывся, слѣдуя обычному въ подобныхъ случаяхъ приему древнерусской письменности, за янско-запѣемъ и намсками ¹⁾).

III.

Если бы „Временникъ“ Тимоосова содержалъ въ себѣ лишь отрицательныя вышє черты, то памятникъ этотъ представлялъ бы весьма малый интересъ, какъ исторіографическое явленіе. Конечно, это произведеніе и тогда имѣло бы значеніе важнаго историческаго источника, но и только ²⁾). Однако, вчитываясь внимательно въ трудъ дьяка Ивана, трудно не увидать въ немъ ничего новаго и счесть его лишь отраженіемъ и переживаніями старины. Это тѣмъ болѣе трудно, что самъ Тимоосевъ очень откровененъ и словоохотливъ. Это не хѣтосецъ, замыкающійся, не всегда удачно, въ эпическое безстрастіе, нѣтъ, это—историкъ, прагматизирующій и по мѣрѣ умѣнья и способностей критикующій. „Впечатлительный и непосредственный“ дьякъ Иванъ склоненъ по временамъ заплѣтаться самонаблюденіемъ и самокритикой и охотно вводитъ читателя въ свой внутренній міръ. Онъ очень живо и образно рисуетъ свое настроеніе по окончательномъ опустошеніи Новгорода шведами, когда онъ ходилъ „яко иступивъ умомъ, изгубленіе таковое граду мысля“. Онъ сжалихся, пребывалъ въ себѣ, помышляя, какъ „яко въ часъ“ разоренъ такой великій городъ и пропала его красота, „яже“ „мняшеся она пребывать въ вѣкъ яко до нже стихія растаюся“. „А нже о самой главѣ царствія и всел земли что рещи?“, задавалъ себѣ мучительный вопросъ Тимоосевъ, вспоминая о бѣдствіяхъ и повзгодахъ Руси во времена лихолѣтія и междуцарствія ³⁾). И вотъ подъ вліяніемъ такого неотвязнаго раздумья

(см. Р. И. Б., т. XIII, ст. 402—403), но не рѣшался на это, думалъ о своей неподготовленности, я быльи поуждени вышнимъ авторитетомъ Новгородскихъ архипастырей. Нѣтъ ничего нейтронаго въ предположеніи, что „вѣнчотецъ“ Тимоосевъ хорошо зналъ трудъ Тучкова, составленныи въ Новгородѣ, внесенныи въ Миленъ и очень популярныи въ XVII вѣкѣ. У обоихъ писателей попадаются даже иногда сходныи выраженія.

¹⁾ Р. И. Б., XIII, т., 452—454 ст.

²⁾ Показанія Тимоосева въ этомъ отношеніи оцѣнены и использованы профессоромъ Платоновымъ, какъ въ „Древнерусскыхъ сказаніяхъ“, такъ я въ „Очеркахъ“.

³⁾ Р. И. Б., XIII, т., 402 ст. Платоновъ, „Древнерусскія сказанія“, стр. 163.

дьякъ Ивана начала поотступно преслѣдовать „мысль облакоподобная по всему и скоролетящая высокопаригъ, яко по воздуху птица“. Эта мысль не давала покоя уму Тимоѳеева, „но яко перстомъ тыкаше въ ребра“ автора „Временника“, „понужая жо недостойнаго“ „и не на удобная поущая, ко еже прилежати“, „поне мало что отчасти написати богонаказанія дншняя, иже въ нашей земля бывшыл, — на сія присно подвизая“.

Тщеты были всѣ усилія дьяка Ивана отвязаться отъ назойливой мысли. Напрасно онъ „многащя“ яко спираяся къ (такъ; вѣроятно, съ) ней“ приводилъ „передъ лицемъ ся“ разные доводы: „невѣжество все ненаученія“ своего, „къ сему и инославныхъ насылію еже всѣмъ плѣннымъ стъ затвора, иже во градѣ не откровенныхъ нуждъ“, „еще и единовѣрныхъ зазіранія и воздержная ихъ смѣхотворная прекословія многаа“. Люди склонны, какъ прибавляетъ при этомъ Тимоѳеевъ, критиковать и осуждать другихъ, а къ себѣ готовы относиться какъ къ „бесплотивымъ и непорочнымъ“. Поэтому „писатель“ не хотѣлъ вводить въ грѣхъ осужденія своихъ „единовѣрныхъ“. Однако, несмотря на всѣ доводы, какіе приводилъ смѣхъ Тимоѳеевъ, мысль о писательствѣ не оставила его, и становилась все сильнѣе и сильнѣе. „Елико азъ сію отрѣвахъ“, — жалуется дьякъ Иванъ, — „елико она безстудствуя ми падежа“. Тогда Тимоѳеевъ пустилъ въ ходъ послѣдній доводъ: „къ неудобству свое уединеніе представихъ; глаголахъ ей всяко, яко словеса убо зболѣзнующая“ „о написаніи обрѣтъ, въ рукодѣйствіе же тайномыслимаго начертанія, по еже омокается трость же и трудолюбіе по хартіи къ провлаченію, въ сіе вспомогающаго“ „ни одинаго“¹⁾. Но и этотъ доводъ оказался безсильнымъ побороть все болѣе и болѣе настойчивую идею. Подъ ея вліяніемъ на умъ Тимоѳееву припалъ житейскій примѣръ о путникѣ, который въ случаѣ необходимости принужденъ пускаться въ путь одинъ безъ товарищей „не отлагая, да не изгубитъ своего орудія въ пожданія времени, ниже дождемъ, и слапамъ и прочему въ путя нестроенію внимасть“. Быть можетъ, счастливый случай пошлетъ ему „готова енослѣдователя“; если же нѣтъ, то онъ долженъ продолжить странствіе, „ничтоже сомняся, о Богѣ уповавъ, показующу ему путь и безбѣдно добрѣ направляющую

¹⁾ Эти слова Тимоѳеева не совсѣмъ ясны. Судя по первому впечатлѣнію дѣло можетъ идти о простомъ переписчикѣ; но послѣдующія разсужденія дьяка Ивана какъ бы указываютъ на сотрудника. Въ концѣ отрывка онъ говоритъ: „Сидо... и наше судится пути уединеніе еже къ словесемъ *составленію* (курсивъ нашъ), иже о спутникѣ неполученіе“.

невеществовному тайно егову руководителю и хранителю святому Ангелу" ¹⁾).

Стремленіе написать „не токмо же о велицѣмъ градѣ семъ, но и о матере градомъ и всеа земля, главоболіе ея дошедшее здѣ въ слухи наша“ „да не проходимъ лѣтъ мнозѣхъ забвѣтся еже о сихъ память ихъ же еда вмалѣ и жизнь померкнеть“, наконецъ превозмогло, и Тимоосевъ уступилъ своему горячему желанію, какъ это и всегда бываетъ, по его мнѣнію, съ людьми, готовыми „свой яравъ поползеніемъ данати въ умяхченіе грѣху“. Онъ рѣшилъ не обращать вниманію на возможные толки и пересуды и „отъ неудержанія попустихъ самовластія“ „изволеніе многоцѣтному“ „помыслу, въ покореніе вдахся ему отъ смысла слабости“. Дьякъ Иванъ надѣялся, что его трудъ, предпріятыи изъ высокихъ побужденій послужить родинѣ, можетъ быть пригоденъ „обогащеннымъ въ разумѣ“, которые сумѣютъ „сія добрѣ исправить“. Если же на темы, затронутыя Тимоосевымъ, „сложивше яно“ „обрящется добрѣйши и совершеннѣйши“, „списатель“ охотно отступить съ своимъ „Временникомъ“ на задній планъ и будетъ отъ души привѣтствовать появленіе такого труда ²⁾). При этомъ дьякъ Иванъ усноканвалъ себя мыслию, что полной точности и безусловнаго совершенства не въ состояніи достигъ ни одинъ писатель божь особои помощи свыше ³⁾).

Утѣшаясь соображеніями о невозможности обыкновенному смертному достигъ совершенства, Тимоосевъ ясно сознавалъ нѣкоторые изъ недостатковъ своей собственной работы и всячески старался оправдаться въ глазахъ читателей. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ самооправданій и самоуниженій, какъ указано выше, возможно отнести на

¹⁾ Р. II. В., т. XIII, ст. 402—404. И въ произведеніяхъ XVI вѣка можно найти указанія на внутреннюю борьбу мотивовъ въ душѣ писателя по вопросу, приступать ли въ труду, или нѣтъ. Но, насколько намъ извѣстно, ни у одного русскаго писателя, предшествовавшаго или современнаго дьяку Ивану, нѣтъ такого подробнаго и психологически-вѣрнаго самонаблюденія.

²⁾ Ibid., стр. 404—406. На стр. 406 читаемъ по поводу возможности появленія лучшаго труда на ту же тему: „наше тому да отступитъ кроуцъ и мѣсто подаетъ, прочее же помолчимъ, но и десницу ему дадимъ; побѣждаетъ бо ся въ рѣсноту присно худшее лучшимъ, и меншее болшему даетъ мѣсто“.

³⁾ Ibid., 406 ст.: „ночь же уступаетъ пришествіемъ дня, и луна при солиды свиваетъ свой свѣтъ. Сицеже разумъ и въ писуемыхъ судится; но не у вѣрю быти сему возможну, шже плоть носяи кто аще иже отъ началъ самѣхъ наченныхъ по тонку до одной черты полность всю, якоже луна совершается, всолюиома во округлости ся, разлѣи кто обоженъ“.

счетъ обычнаго лекторатурнаго приѣма. Иногда же дякомъ Иваномъ бесспорно руководить върное чутье самокритики. Такъ, онъ совершенно ясно сознавалъ несистематичность своего „Временника“. Эту несистематичность Тимоосевъ объяснялъ и выѣшними условіями своего писательства и причинами, коренившимися въ самомъ „списателѣ“. Онъ указывалъ въ первомъ случаѣ на невозможность привести въ порядокъ разрозненные листки своихъ записокъ во время новгородскаго плѣненія шведами: тогда съ одной стороны не доставало бумаги „хартейныя отъ изнуренія въ затворѣ скудости“, съ другой—авторъ былъ одержимъ „противныхъ страхомъ въ смерти чаяніа“. Страхась и шведовъ, и домашнихъ враговъ, Тимоосевъ „самѣхъ томпомѣсть безгласныхъ, иже та (т. е. писанія дяка Ивана) въ себѣ таящихъ, яко чувствона отъ нихъ провѣщанія бояхся“. Поэтому Тимоосевъ заявлялъ читателю „о тайнописаніи“ своего труда. Результатомъ такого „тайнописанія“ было то, что самимъ дякомъ Иваномъ „скудоумнаго сего составленія писательство“ оцѣнивалось, „яко новоскроена нѣкая риза, купноже не сошвена, ли разпадхася отъ ветхости“¹⁾. Но не только выѣшнія обстоятельства дѣлали работу Тимоосева похожей „на новоскроену нѣкую ризу“. Въ этомъ виновать, по собственному мнѣнію, и самъ авторъ „Временника“, не всегда умѣвшій сосредоточиться, упустившій иногда изъ виду во время сообщить важное извѣстіе и сгѣшавшій при первомъ случаѣ заполнить допущенный пробѣлъ. Поэтому, многоо „аще что и первобытно, вписалося послѣжде“. Тимоосевъ думаетъ все-таки, что несмотря на такіе промахи „существо дѣло испопредно бысть“, и проситъ читателя быть снисходительнѣе и „по чину же рѣда въ мысли слагатиси“. Дякъ Иванъ надѣется, что „доброразсудливый се разумѣеть, аще чтущен тою же немощію обложени“²⁾.

¹⁾ Ibid., 408 — 7 ст. Ср. Платоновъ, „Древнерусскія сказанія“, стр. 164; какъ указалъ проф. Платоновъ, Тимоосевъ собирался впоследствии исправить свой трудъ. Однако большихъ по крайней мѣрѣ исправленій онъ не предпринималъ. Впрочемъ, говоря о своемъ настроеніи „о исправленіи предварныхъ своихъ писаній“, дякъ Иванъ дѣлаетъ оговорку: „якоже случай дастъ и кромѣ будемъ коего новопреятіа, аще не занутся въ кихъ стопы наша“ (Р. Н. Б., XIII т., ст. 408).

²⁾ Разсужденія Тимоосева на указанную тему см. въ Р. Н. Б., XIII т., 278—9 ст. Здѣсь дякъ Иванъ замѣчаетъ сначала: „егда что въ мысли обрѣлося, то и вчинихъ, иждѣ же что обрѣтохомъ, не предъизбирающе, иже по чину коемуждо подобныхъ мѣсть“. Приводя затѣмъ житоискій примѣръ о собирателяхъ плодовъ, ягодъ или грибовъ, Тимоосевъ прибавляетъ: „Сице и о глаголемыхъ адѣ благодарсудийъ рассудими не украшающее, но слѣшашее, а во яко испѣдушу по рѣду чина“. Далѣе дякъ Иванъ

Желаніе Тимоосова оправдать себя и свой трудъ въ глазахъ читателя заставило автора „Временника“ неоднократно выступать съ объясненіями своихъ взглядовъ на задачи и обязанности историка. Изъ этихъ объясненій обнаруживается, что Тимоосевъ выдвигалъ на первый планъ въ историческомъ повѣствованіи, цѣль котораго состоитъ, какъ высказывалъ дьякъ Иванъ, въ спасеніи прошлаго отъ забвенія, точность и правдивость съ одной стороны и наибѣйшую объективность съ другой. Писатель, по мнѣнію дьяка Ивана, могъ, какъ мы это только что видѣли, располагать своей матеріалъ, не гонясь за хронологическимъ порядкомъ въ описаніи событій, но онъ не имѣлъ никакого права дѣлать фантастическія описанія фактовъ, о которыхъ не зналъ достоверно, не смѣлъ допускать путаницы въ умахъ читателя, смѣшивая въ своихъ разсказахъ дѣйствительный ходъ исторической жизни. Такое отношеніе къ дѣлу нанесло на писателя неотвратимый и воплѣтъ заслуженный позоръ ¹⁾.

Требованія точности и правдивости неизменно принуждали писателя быть объективнымъ и по возможности не дѣлать одностороннихъ оцѣнокъ. Тимоосевъ прекрасно понималъ это и высказывался въ такомъ смыслѣ въ своемъ „Временникѣ“. Онъ указывалъ, что односторонняя характеристика все равно можетъ не достичь своей цѣли и уронить въ то же время репутацію „писателя“, о которой Тимоосевъ,

просить снисхожденія у читателей и указываетъ, что они могутъ произвести мысленныя исправленія въ его работѣ. При этомъ дьякъ Иванъ замѣчаетъ: „И научитесь лучшаго не отрицаю, лѣтъ, яко моя недостижитъ по всему далеку книжнаго разуму, непрпраженія ради сіе все быти уставился“. Однако Тимоосевъ указываетъ, что его трудъ помѣщаетъ событія въ возрастѣ „многимъ терпѣніемъ забвонія отъ лѣтъ прехожденія“. Надо припятъ во вниманіе, сообщаетъ затѣмъ дьякъ Иванъ, что его произведеніе „въ нуждахъ расцѣпленна ума, яко въ углѣ темнѣ, бысть сотворено и не бѣ воля же по чину изрядитъ украинсіомъ хотицею вся иредълабярати“.

¹⁾ Ibid., 470 ст.: „попосно бо ость писателю, но асно вѣдуще судая вещи описувати, навѣтъ полагаи постиженіи, и бывшая дѣлани неопытитъ вообразати, иредняя послѣди писати, послѣдняя же назади, инжо подробну“. См. *Платонова*, op. cit., стр. 134. Иптересно сопоставить съ приведенными словами Тимоосова мнѣніе незытскаго автора найденой нѣсколько лѣтъ тому назадъ и напечатанной въ статьѣ „Новыя данныя для характеристики патріарха Ермогена“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1901 г., июль, стр. 138—45), отпосвѣди въ защиту патріарха отъ нападковъ, помѣщенныхъ въ хронографѣ 1617 года. По поводу этихъ нападковъ отпосвѣди замѣчаетъ: „Добро убо есть и хвалити, вѣдая по правдѣ дѣло кого; аще ли не вѣдая хвалити, то ложь есть и грѣхъ и безуміе. Аще ли же хвалити добродѣтель кого, а по вѣдая, то убо и вражда противу правды будеть, и ложь да буди съ неправдымъ умышленіемъ изъоблечена“.

очевидно, очень заботился. При объективной же и разносторонней оцѣнкѣ „уже обою вправду извѣстна безъ прилога, всяка уста заградятся“ ¹⁾. Ставъ на такую точку зрѣнія, дякъ Иванъ боялся, что читатели ее плохо усвоятъ, или забудутъ. Поэтому онъ иногда предостерегаетъ ихъ отъ возможной неправильной оцѣнки его мнѣній и стремится доказать, что имъ руководить не двойственность суждений, а разносторонность ихъ. Такъ, осмысливъ большіи похвалами Бориса за его высокія умственные качества, дякъ Иванъ замѣчаетъ: „да никто же мя о сихъ словесахъ уловить неже о любославнѣмъ раздѣленіемъ: во оныхъ того есмь уничижая, въ прочихъ же яко похваляя, въ нихъ явится мнотѣхъ“. Авторъ говоритъ, что онъ всегда держался безпристрастія, которымъ и впоследствии будетъ руководиться ²⁾. Въ другомъ подобномъ случаѣ, оплакивая паденіе Шуйскаго, къ которому авторъ „Временника“ очень не благосклоненъ, Тимоосевъ подчеркиваетъ, что, относясь отрицательно къ нему, какъ къ человѣку, онъ жалѣетъ его, какъ царя, и главнымъ образомъ скорбитъ о поруганіи царскаго престола ³⁾.

Мы видѣли, какъ сознательно относился Тимоосевъ къ обязанностямъ историка, главной задачей котораго должно явиться по твор-

¹⁾ Р. И. Б., XIII т., 339 ст. Говори о Бористѣ, Тимоосевъ прибавляетъ: „Влика убо злотворная его подробну написати подщажомся, сице и добротворная о немъ исповѣдати не обѣтнемся, дождеже отъ прехода гѣтнато продолженіа не спокрышася забовеніемъ. Влика нѣтъ на память взыдохомъ, толико напишумъ ихъ, да не и наше снисаніе еже намъ влобное возмнѣтся по нѣмъхъ враждуемо, егда злотворная однако изречена бы, добрая же отъ нихъхъ сказуема—нами же умолюкнута, *яко исправдованіе обнажилось бы стисателево*“ (курсивъ нашъ). См. *Платоновъ*, *op. cit.*, 134—5 стр.

²⁾ Р. И. Б., т. XIII, ст. 331: „по нѣмъхъ ни убо, но адѣ того при онѣхъ разума единого праведнѣ представляю, якоже и въ прочахъ, не разликую; во мнѣхъ же, яко и въ снѣхъ, оглаголаніемъ не терзю сего господствѣхъ главъ убійственное наложеніе и на слѣхъ престолы наступленіа; развѣ же сего въ дѣлныхъ прочая того благая и алая, бывшая на лицы и нами изрочи возможная, не утаишася, но не вся, развѣ что сокровенныхъ“.

³⁾ *Ibid.*, ст. 396 и сл. „По что обрыдавъ первѣе: самого ли царя, ли царствія его? Нужда бо и обонѣхъ, о царюющемъ и мѣстѣ его, въ среду иривести алачь, но ни единому же безъ другаго, яко ни души мощно бѣ безъ тѣла въ видимѣмъ содержатися, ниже тѣлу кромя душа въ составленіи дызатися... Аде о немъ (Шуйскомъ) яже бесчестнѣ нѣкое въ словеніи семъ рекохомъ пѣдѣтъ, отъ дѣла его творимо имъ что безчестно, но тамо вправду не подобное того единого извѣщано, адѣ же въ рѣкноту подобно жалостныи словеса и положили о томъ же. Но аще онъ повиненъ. возмѣ въ сложеніи грѣсѣхъ, престолъ же мѣста о всѣхъ непороченъ см, чисто бо отъ грѣхъ достояніе бѣ“.

дому убѣжденію дьяка Ивана безпристрастное и разностороннее изложеніе прошлаго съ цѣлью спасти его отъ забвенія. Мы замѣтили при этомъ, какъ хорошо наблюдалъ Тимоѣевъ свои душевныя движенія и какую большую важность придавалъ онъ объясненію мотивовъ своихъ сужденій о лицахъ, а также и самокритикѣ. Эти свойства дьяка Ивана уже а priori позволяютъ думать, что въ трудѣ его читатель долженъ встрѣтиться съ попытками прагматизированія событій, обсужденіями отдѣльных фактовъ и ихъ мотивовъ, съ попытками критики чужихъ мнѣній, наконецъ съ наблюденіями и замѣчаніями.

И дѣйствительно во „Временникѣ“ Тимоѣева мы встрѣчаемся со всѣми указанными явленіями. Остановимся на нѣсколькихъ примѣрахъ этого.

Выше было отмѣчено, что авторъ „Временника“ стоялъ на старой, общей всѣмъ лѣтописцамъ, точкѣ зрѣнія, по которой непосредственное вмѣшательство Провидѣнія съ одной стороны и грѣхи людей, внушаемые дьяволомъ съ другой, вызываютъ историческія событія и вліяютъ на ихъ ходъ. Такой религіозный прагматизмъ, являясь исходной точкой построеній Тимоѣева, не препятствовалъ его опытамъ въ прагматизированіи иного характера. Задавшись цѣлью прослѣдить „отъ кихъ разлился грѣхъ земли наша“, Тимоѣевъ сначала рисуетъ общую и обычную для моралистовъ картину пороковъ и преступленій народа, а затѣмъ переходитъ къ изложенію общаго хода Смуты. Въ этомъ изложеніи подъ теологической оболочкой скрывается чисто историческій прагматизмъ. Все развитіе Смуты представляется дьяку Ивану въ такихъ чертахъ ¹⁾. Начало зла — насильственная смерть царя Ивана Грознаго, которая сошла безнаказанно виновнику ея, Борису Годунову ²⁾. Ободренный усѣхомъ и молчаливымъ попустительствомъ

¹⁾ Ibid., 377 — 83 ст. Изложеніе хода событій находится на ст. 380 — 3. Оно представляетъ съ одной стороны сводку предъидущихъ, съ другой — суммирующее предисловіе къ послѣдующимъ очеркамъ Тимоѣева. Кое-что указало лишь намекомъ.

²⁾ Ibid., 380 ст. На тайное убійство Грознаго Борисомъ адѣсь лишь намекъ: „аще не быхомъ Борису первѣ умолчали, благородныя по царѣхъ сущія столпы великія“... Но раньше Тимоѣевъ совершенно опредѣленно называетъ Годунова. См. ibid., ст. 275 и сл. „Жизнь же яростиваго царя, глаголютъ ибѣды, преже времени ближнихъ сего вѣдства его ради сокращенія угашена: Борисъ, пже послѣди въ Росіи царь бысть, сложившии кунно з дѣла въ тайномыслии о убіеніи его съ настоящихъ того времени царевемъ приближеннымъ возлюбленнымъ ибѣкимъ, глаголемымъ Богдакомъ Бѣльскимъ“. Далѣе объясняется и причина безнаказанности Бориса: „Но убо я рабъ его (Юлиана Грознаго), вольможа вси, отъ заленія его стуживше, сіи угашеніемъ живота ему оскорбился тогда печалію не истинною, но въ тайнопри-

знатнѣйшихъ въ государствѣ лицъ Годуновъ дерзнуть на второе убійство, „еже новомученика святаго царевича Димитрія“, при чемъ приказалъ „вѣщную часть всего царствія во время то запалителни пожещи“. Борисъ думалъ, что народъ, оплакивая свое бѣдствіе, равнодушно отнесется къ смерти царевича ¹⁾. Когда и второе злодѣйство не вызвало протестовъ и бури народнаго гнѣва, Годуновъ „вооружился третіе иже прекратити отъ жизни живото самого незлобиваю дара Θεодора“. Послѣ этого, благодаря малодушію народному, Борисъ безтрепетно вступилъ на престолъ. Однако зло таяло въ себѣ и возмездіе. Годуновъ „вскоренилъ отъ земля благородныя вся и благословныя безъ остатка сѣмяна малыя съ великими, даже отъ главы до ноги“. Насильственное прекращеніе династіи, „слабости страшивство всѣхъ“ и успѣхъ Годунова подали мысль Гришеѣ Разстригѣ рѣшиться въ свою очередь завладѣть престоломъ ²⁾. За вторымъ самозванцемъ послѣдовалъ третій, а соблазнительныя ихъ успѣхомъ и развращенныя ихъ злодѣяніями „по градомъ и мѣстахъ (sic) господская имьяна невѣжды многія на ся такожде налагати смѣли“. Всѣ эти самозванцы находили себѣ въ развращенномъ обществѣ сторонниковъ даже „и отъ нарочитыхъ, вдругъ съ ними землю опустѣвати и саны различныя отъ нихъ получать“. Мало того, иностранцы давно съ радостію наблюдали „радвоенія злоденствіе“. Когда же на помощь были

кровенія дѣйствія“. Вѣроятно долго не рѣшались даже повѣрить, что лютый въ своей ярости царь уже уморъ: смерть Грознаго имъ казалась спомъ. Ср. *Платоновъ*, „Древнерусскія сказанія“, стр. 138.

1) Р. И. Б., т. XIII, 380 ст.: „егда вся поожкомн забудутъ въ своихъ имъ клачихъ оного ради смерти востати нань, — тако мншесе онъ“. Ср. *Повѣсть Катырева-Ростовскаго* (ibid., ст. 565). „Той же Борисъ вида народъ возмущенъ о царевичевѣ убіеніи, и носмязеть совѣтници своя и повегѣ имъ многія славныя дома въ царствующемъ градѣ запалити, дѣбмъ люди о своихъ напастяхъ попеченіе имѣли“. Приведенныя нами выше слова Тимошова позволяютъ исправить неточность, вкравшуюся въ изслѣдованіе С. О. Платонова, „Древнерусскія сказанія...“ На стр. 141 читаемъ: „Но для чего понадобилось Годунову жечь Москву, Тимошевъ совершенно не объясняетъ“. Въ концѣ изслѣдованія (348 стр.) говорится: „но уже Тимошевъ занесъ въ свой *Временникъ* показаніе, что московскій пожаръ произошелъ повелѣніемъ Бориса, а немогъитъ пожеже Катыревъ кратко объяснилъ и мотивъ преступнаго повелѣнія“. Какъ мы видѣли, совершенно аналогичное объясненіе причини пожара Москвы въ 1591 г. даетъ уже Тимошевъ.

2) Р. И. Б., т. XIII, ст. 381. По поводу Растрига Тимошевъ замѣчаетъ: „Первый (т. е. Борисъ) бо восхищенія его указаніемъ второму учителъ бысть, и второй третьему, и вси аже по снхъ безымыслии споти, неже царю; канждо бо злоба мати естъ второй, указаніе бо второму первый о благихъ и злыхъ“.

приглашены правительствомъ шведы, это еще болѣе усилило бѣдствіе, вмѣшавъ въ смуту иноземцевъ, которые напали на Русь, вслѣдствіе чего „земля вся Російская“ была „инославными въ конецъ и гнѣвнѣишемъ потреблена“. Наконецъ поляки заняли „главу и сердце всего царствія, градъ Москву“, которой и владѣли до прихода нижегородскаго ополченія, освободившаго столицу. Но въ бѣдствіяхъ смуты погибъ патриархъ ¹⁾, все царство было разорено и выжжено, государственная казна истощена и перевезена „въ насилюющихъ землю“, а Россія при веденіи ея въслѣдствіи мирныхъ переговоровъ была принуждена „искать отъ странъ помощи“.

Можно во многомъ не соглашаться съ Тимофеевымъ, не раздѣляя его чрезмѣрной довѣрчивости „къ злоязычнымъ“ смельчакамъ своего времени ²⁾, но нельзя отказать построениямъ дядка Ивана въ известной стройности и изыскательности. Старался представить собѣ и читателю общій ходъ Смуты, Тимофеевъ тщательно искалъ и причинъ ея. Какъ мы уже видѣли, главной причиной нестройнѣйшаго начала XVII вѣка дядка Иванъ считаетъ измѣну государей „древнимъ благоустановкамъ законнымъ“ и связываетъ Смуту съ опричниной ³⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Тимофеевъ винить и русское общество, у кото-

¹⁾ Ibid., 383 ст. „И аще не первая быша вся, не у бы еще отпочинальнхъ всѣхъ во изгнаніихъ нужно почелъ, его же естество не стерѣтъ величества бѣды, его же не возбранихъ оставихъ бѣ храбрость... ему же похвала не отъ челоуѣкъ, но отъ Бога“. Нельзя съ увѣренностью сказать, кого изъ патриарховъ: Иова или Гермогена разумѣлъ здѣсь Тимофеевъ. Оба „почали“ „во изгнаніихъ“. Впрочемъ Иовъ умеръ на покой въ царствованіе Шуйскаго, который относился съ большимъ уваженіемъ къ сведенному Лжодимитрію патриарху. Съ другой стороны контекстъ указываетъ на Гермогена, который погябъ въ залатой коляскахъ Москвѣ и къ которому Тимофеевъ относился съ большимъ почтеніемъ. Ср. Ibid., 467 ст.: „поборательство же во обдержаніи по благочестіи и въ доброй ревности благуу дерзость и подвизаніе до смерти второсвятѣйшаго по первѣхъ патриарха Гермогена Московскаго и вса Русіи... кто неспіишетъ, ихъ же ради той вскорѣ хотя отъ Бога вѣнчанъ бытъ, неспіидичю тѣмъ наду получаа“. Поэтому мы лично склонны думать, что Тимофеевъ въ данномъ случаѣ ведетъ рѣчь про Гермогена.

²⁾ См. *Листового*, *op. cit.*, стр. 135. Отвѣтивъ, что самъ Тимофеевъ всячески старался о достовѣрности своихъ извѣстій и предупреждалъ читателя, когда не могъ ообщать, но его мнѣніи, провѣренныхъ фактовъ. Онъ указалъ, наприкръ, что о царствованіи Шуйскаго писалъ даже по слухамъ, находясь въ Новгородѣ (Р. И. Б., т. XIII, ст. 395—6).

³⁾ То обстоятельство, что Тимофеевъ „видитъ прямую связь между Смутными временами, когда отъ писалъ, и опричниной, которую понималъ“, отвѣтилъ В. О. Ключевскій. См. „Курсъ русской исторіи“. Часть II, стр. 233.

раго не было „мужественная“ „крѣпости“ „иже многолюднаго бо собранія ликъ составити на негодная нѣкая Богови и человекѣомъ, иже что нововводна и черезъ законы бываемо обладателѣхъ“ „повелѣнія, еже неподобная начинанія ихъ“ „мощи возразити бы“. Помимо отсутствія мужества препятствіемъ къ созванію такого „вселюдскаго собора“ была, какъ утверждаетъ Тимоѣевъ, страшная ровнь среди русскихъ людей ¹⁾.

Вдумываясь въ общій ходъ событій, ища причинъ Смуты, дьякъ Иванъ съ такимъ же тщаніемъ вникаетъ въ мотивы, руководившіе людьми при совершеніи ими тѣхъ или иныхъ поступковъ. Тамъ, описавъ удаленіе Бориса послѣ смерти Феодора въ Поводѣвичій монастырь, Тимоѣевъ выясняетъ причины этого факта. Борисъ опасался возстанія народа, который могъ, оплакивая царя, рѣшиться мстить его убійцѣ. Если же такого возстанія не произойдетъ, тогда можно будетъ, думалось Годунову, чувствовать себя въ безопасности. У Бориса было при томъ и еще соображеніе: ему хотѣлось знать, „колицемъ усердіемъ народъ весь въ державу собѣ его възыщетъ“ и кто будетъ при этомъ особенно ревностнымъ или нерадивымъ. Такимъ же образомъ, сообщивъ о дѣятельномъ содѣйствіи М. Татищева въ дѣлѣ возведенія Василія Шуйскаго на московскій престолъ, Тимоѣевъ указываетъ и на поводъ, который при этомъ руководилъ „напраснемъ въ дѣлѣхъ и словесѣхъ волкохитнемъ лжесидентіаромъ“ ²⁾. Онъ же „весьма удовлетворительно объясняетъ, какія причины заставили „мздомнаго“ Татищева стараться о скорѣйшемъ отъѣздѣ изъ Новгорода“ ³⁾.

¹⁾ Р. И. Б., т. XIII, ст. 462 и сл. Ср. *Платоновъ*, *op. cit.*, стр. 162; Тимоѣевъ описывая ровнь русскихъ, дѣлаетъ такое сравненіе: „якоже градъ отъ града отстоитъ, или мѣста нѣкая многими между себе поприща разна, тако и мы другъ другѣ любовнымъ союзомъ растоихомся, къ собѣ кождо насъ хренты обращахомся, ови къ востоку зрятъ, ови же къ западу“.

²⁾ Р. И. Б., т. XIII, ст. 389: „прожде бо нѣкогда оному первоглавоанному Василію, о немъ же здѣ слово, даже и до рукобіенія всеродно той (т. е. Татищевъ) досаждая, широлубообладателю первоцарю своему Борису чести ради сана полученія си тому угодная, оного же Василія всеродна бесчестія: сеи онъ предваршиа ради своея вини ему лживѣи гонанути хоти и обаче не получи“.

³⁾ Рассказъ Тимоѣева о внезапномъ отъѣздѣ—бѣгствѣ Скопина, подстрекателя Татищевымъ и дьякомъ Телопневнымъ, изъ Новгорода, настроеніи гражданъ, блужданіи и невзгодахъ бѣглецовъ, возвращеніи ихъ и самосудъ надъ Татищевымъ см. въ Р. И. Б., т. XIII, ст. 418—28 и 392—4; ср. *Платоновъ*, „Древнерусскія сказанія“, стр. 158—60; того же автора „Очерки по исторіи Смуты“ изд. второе, 295—7 стр.

Наряду съ желаніемъ объяснять и обсуждать мотивы событій ¹⁾ во „Временникѣ“ Тимофеева мы встрѣчаемся съ рѣдкимъ въ древнерусской исторической письменности фактомъ полемической критики. Дьякъ Иванъ задаетъ вопросъ: „Гдѣ суть иже нѣкогда глаголющєи, яко поповинана суща Бориса закланію царскаго дѣтища, яко о царствіи къ сему того завести?“ Далѣе онъ доказываетъ виновность Бориса такими соображеніями: Годуновъ очень строго наказалъ жителей города Углича, „иже на закалателе“ „воздвигшихъ руки“, и щедро наградилъ родственниковъ погибшихъ убійцъ царовича, „снмъ по сродству казни достойныхъ“ ²⁾. Такое разсужденіе очень убѣдительно, если ставить дѣло такъ: Борисъ знаетъ, что царевичъ Дмитрій убитъ и что слѣдственное дѣло подтасовано. Но Борисъ, невинный въ смерти царевича, могъ вполне повѣрить даннымъ, установленнымъ официально во время слѣдствія. Какъ онъ долженъ былъ поступить тогда? При такихъ обстоятельствахъ все разсужденіе Тимофеева опровергнуто. Но въ данномъ случаѣ менѣе интересно выполненіе поставленной Тимофеевымъ себѣ задачи, чѣмъ самый фактъ ея постановки ³⁾.

Очень интересны также наблюденія и сентенціи ad hoc, неоднократно попадающіяся въ трудѣ наблюдательнаго и резонирующаго „списателя“. Вотъ наиболѣе любопытное изъ нихъ, помѣщенное почти въ самомъ началѣ „Временника“. Въ немъ Тимофеевъ отмѣчаетъ слѣдующій фактъ политической жизни. Если въ какой-нибудь странѣ происходитъ внутреннее замѣшательство, а государь отвлеченъ внѣшними врагами, или опасается возможнаго нашествія ихъ, то онъ идетъ на уступки своимъ мятежнымъ подданнымъ, чтобы не допустить полнаго раззоренія государства и собственнаго наденія и плѣна. Когда же никакой внѣшній врагъ не грозитъ государству, мятежниковъ послѣ подавленія возстанія неминуемо ждутъ жесточайшія наказанія ⁴⁾. Этому

¹⁾ Кромѣ вышеуказанныхъ примѣровъ въ трудѣ дьяка Ивана мы имѣемъ цѣлый рядъ аналогичныхъ случаевъ. Полагаемъ, что и приведеннаго матеріала достаточно для обрисовки произведенія Тимофеева въ этомъ отношеніи.

²⁾ Р. И. Б., т. XIII, ст. 315; *Летопись*, „Древнерусскія сказанія“, стр. 142 и сл.

³⁾ Аналогичную, но болѣе удачную попытку историко-полемической критики представляютъ собой вышеупомянутая отповѣдь въ защиту патріарха Гермогена.

⁴⁾ Р. И. Б., т. XIII, ст. 285—6. Приводимъ это разсужденіе полностью: „Иже въ безгодіи время своему владыцѣ раби дожа его досадиши и зѣло мнози, но дѣхъ же той отъ бѣды отраду примѣ, абіе лютовъ смертію умучаються, первая тѣхъ досаждовія воспоминають, егда никого же отъ внѣшнихъ врагъ на ся нашествіемъ бояся

разсужденію нельзя, думается намъ, отказать въ правильности и мѣткости.

Выйда изъ роли стараго лѣтописца, ставъ историкомъ, Тимоѣевъ и формой своего „Временника“ избралъ отдѣльные очерки и характеристики, не стремясь „къ фактической полнотѣ показаній“ и не стѣсняясь „хронологической послѣдовательностью“. Такой способъ изложенія крупныхъ историческихъ эпохъ былъ на Руси новостью, неизвѣстной, насколько мы знаемъ, писателямъ XVI вѣка ¹⁾. Появленіе его у Тимоѣева въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что дьякъ Иванъ писалъ личные воспоминанія, многое ему оставалось неизвѣстнымъ, а навести нужная справки онъ не всегда могъ, быть источникомъ не хотѣлъ. Поэтому избранная форма была для него наиболѣе удобной. Впрочемъ изъ предыдущаго изложенія ясно, что Тимоѣевъ, выступая, чуть ли не невольнo, новаторомъ въ способѣ расположенія историческаго матеріала, опасался неблагоклоннаго приѣма его новшества читателями „Временника“. Этими въ значительной мѣрѣ объясняются извиненія „писателя“ и указанія, что читатель можетъ въ своемъ умѣ распределять находящійся во „Временникѣ“ матеріалъ по личному усмотрѣнію. Отмѣтивъ форму изложенія событій въ трудѣ Тимоѣева, не станемъ останавливаться на разборѣ содержанія его очерковъ и характеристикъ. Это и не входитъ въ наши задачи, и детально выполнено въ изслѣдованіи проф. Платонова. Ограничимся лишь нѣкоторыми замѣчаніями, относящимися къ нашей темѣ. Дѣло въ томъ, что во „Временникѣ“ Тимоѣева мы встрѣчаемся съ теоріей, которая на первый взглядъ можетъ подорвать увѣренность въ искренности желанія ея автора быть вполне объективнымъ и правдивымъ

найтѣ, ли слово съ ними нѣкое крѣпче о мирѣ положить. Аще ли ни, то предбывшую работу досаду, отъ горести утѣшевъ и терпѣнъ одолѣвъ отлагаетъ неволнѣ на время довольно, да не убо варварки того окрестныя, оцутыише оноу умаленіе людѣи наче перваго, приидеши, всю его въ конецъ поглядѣтъ землю, и господина самого восхитятъ вседонно, и заплѣтятъ, и соотведутъ во свои всередину“. Весьма вѣроятно, что судьба Василия Шуйскаго навела Тимоѣева на подобныя мысли.

¹⁾ Въ одно, приблизительно, время съ „Временникомъ“ появились „Хронографъ 1617 года“, составленный неизвѣстнымъ авторомъ, и „Словеса дней и царей“, написанныя княземъ Изв. Андр. Хворостиннымъ. Оба эти произведенія подобно труду дьяка Ивана представляютъ собой рядъ очерковъ смутной эпохи и характеристикъ ея дѣятелей; эти очерки лишь болѣе систематичны, чѣмъ „Временникъ“. Ихъ текстъ см. у А. Н. Попова, „Изборникъ“, стр. 189—202 и Р. И. В., т. XIII, ст. 525—58; рассмотримъ эти произведенія С. О. Платоновымъ въ книгѣ „Древнерусскія сказанія“ на стр. 63—80 и 182—203; ср. В. О. Ключевскій, „Отамъ“, стр. 5.

писателемъ. Приступая къ изложенію печальныхъ событій 1591 года, въ которыхъ по мнѣнію Тимоосова новипомъ „дѣтубійца“ и „любо-славія рачитель“—Борисъ Годуновъ, дьякъ Иванъ замѣчаетъ, что о законныхъ государяхъ нельзя „писанми вносить неподобная, кже въ жизни си еще и безмѣстно что сотвориша и погрѣши“. Писатель долженъ по примѣру и обыкновенію прежнихъ писателей „развѣ что добротнѣ къ снхъ (т. е. государей) славѣ, къ чести же и къ похвалѣ“ „ушнати, единою сполгати въ писаніохъ будущимъ ревнителемъ въ память“. Судьей такимъ государямъ можетъ быть лишь Богъ. О „несущихъ“ же и „ниже благословно и черезъ подобство насакающихъ на царство“ историкъ долженъ писать съ полной откровенностью и осужденіемъ: „щцевыхъ явѣ отъ благихъ по всему отдѣлися судъ“. Поэтому писатели въ случаѣ „необличнаго умолчанія“ „сже о тѣхъ нечестіяхъ“, по мнѣнію Тимоосова, „съ ними наравнѣ истяжуются“¹⁾.

Теорія, выставленная дьякомъ Иваномъ, съ одной стороны космично гарантируетъ читателю искренность автора при изложеніи дѣлъ Бориса Годунова, Разстриги и другихъ государей Смуты, съ другой она какъ будто противорѣчитъ разсужденіямъ самого Тимоосова о необходимости безпристрастія для историка. Однако наблюденія надъ „Временникомъ“ разсѣиваютъ сомнѣнія. Стоитъ лишь вспомнить отзывы Тимоосова о Грозномъ, чтобы понять, какъ представлялъ себѣ Тимоосовъ свою теорію. Разница въ описаніяхъ царствованія и поступковъ Ивана IV и Бориса, это—разница въ тонѣ изложенія, въ способѣ его, а не въ существѣ дѣла²⁾.

И другіе примѣры подтверждаютъ дѣйствительное стремленіе Тимоосова къ объективности. Такъ слагая паногирикъ Гормогелу, дьякъ Иванъ неодобрительно относится къ согласію патріарха на избраніе Владислава³⁾. Діаграммы, воспѣваемые Тимоосовымъ Скопину-Шуйскому, не помѣшали ему довольно сурово осудить „побѣгъ“ „истоваго воеводы“ изъ Новгорода⁴⁾. Поэтому читатель съ полнымъ довѣріемъ можетъ относиться къ искренности оцѣнокъ историческихъ дѣятелей дьякомъ Иваномъ⁵⁾.

¹⁾ Р. И. В., т. XIII, ст. 300; *Млатоновъ*, *op. cit.*, стр. 140 и сл.

²⁾ См. Р. И. В., т. XIII, ст. 271—78 (описание царствованія Грознаго).

³⁾ *Ibid.*, ст. 440.

⁴⁾ *Ibid.*, ст. 418—28. См. особенно ст. 420 „безчестіе послѣднее же на лице великаго снѣгъ нанесеніемъ, яко приказу нѣкую рукама наложина“.

⁵⁾ Это по живасть нвольной субъективности и некоторыхъ характеристикъ и отзывовъ, сдѣланныхъ Тимоосовымъ.

IV.

Сводя воедино наши наблюденія надъ „Временникомъ“ Тимоосова, убѣждаемся, что въ этомъ сочиненіи ясно замѣтенъ переломъ въ развитіи древнерусской исторической мысли, происшедшій во время Смуты. Какъ всѣ произведенія переходной эпохи, трудъ дяка Ивана представляеть собой своеобразное сочетаніе старинны и новизны. На ряду съ испытанными приѣмами стараго „добрословія“, съ религиознымъ прагматизмомъ лѣтописца, приверженностью къ религіи и обрядовой ея сторонѣ, у Тимоосова встрѣчаются черты, позволяющія видѣть въ немъ историка-мыслителя, обсуждающаго событія, склоннаго къ самонаблюденію и самокритикѣ. Для того, чтобы вполне понять это довольно сложное историко-литературное явленіе, слѣдуетъ выяснитъ, подъ какими вліяніями оно создавалось. Къ сожалѣнію, эта работа трудно выполнима въ желательномъ для насъ объемѣ. Мы не можемъ рѣшить поставленный вопросъ съ надлежащей точностью и увѣренностью. Нижеслѣдующія соображенія являются въ большинствѣ случаевъ рядомъ догадокъ, убѣдительныхъ лишь *ad hominem*. Дѣло усложняется тѣмъ, что самъ Тимоосевъ—очень самостоятельный писатель, у котораго трудно установить прямое вліяніе какихъ-нибудь литературныхъ, или документальныхъ источниковъ. С. О. Платонову удалось въ этомъ отношеніи сдѣлать лишь немногочисленные указанія ¹⁾. Намъ съ своей стороны посчастливилось подмѣтить почти дословное сходство Тимоосова съ произведеніями предшествовавшей письменности въ уподобленіи царя Богу. Самъ дякъ Ивагъ опредѣленно указываетъ на одинъ источникъ своихъ сообщеній: Житіе св. Никиты Переяславскаго и, дѣйствительно, использовалъ рассказъ о 20-мъ чудѣ этого святого ²⁾. Въ другихъ случаяхъ Тимоосевъ позволяетъ лишь догадываться о кругѣ своихъ чтеній. Онъ хорошо знакомъ съ Священнымъ Писаніемъ и разными богословскими книгами, обращающимися въ старину. Ему знакомы Житія святыхъ и старинныя историческія сочиненія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя. Онъ знаетъ рассказъ о взятіи Трои и ссылается на авторитетъ старыхъ „списателей“, которые привыкли „творити тцанно и страхоприступно“ повѣсти о прежнихъ „первосу-

¹⁾ Платоновъ, *op. cit.*, стр. 167.

²⁾ Р. И. Б., т. XIII, ст. 282—4; ср. брошюру Г. З. Кумисенча, „Житіе св. Никиты Переяславскаго“, С.-Пб., 1902 г.

щихъ царѣхъ". Можно, пожалуй, думать, что „книгогтецъ“ разумѣлъ здѣсь „Степенную царскаго родословія“. Вліяніемъ указанного нами круга произведеній, извѣстныхъ дяку Ивану, объясняется „старина“ въ его трудѣ; произведенія предшествующей Тимоееву письменности тѣмъ болѣе могли вліять на него, что авторъ „Временника“ къ началу Смуты въ 1598 году, будучи уже дьякомъ, конечно находился въ томъ возрастѣ, къ которому слагаются прочные взгляды и убѣжденія.

Остается выяснитъ, откуда взялась „повизна“, такъ сильно заявившая себя во „Временникѣ“. Мы не беремся указать на ея литературные источники. Намъ кажется даже, что ихъ, пожалуй, и не было. Мы склонны думать, что исключительныя тревоги и бѣдствія Смуты способствовали дальнѣйшему развитію дяка Ивана и, по колебавъ основъ, на которыхъ построены были его убѣжденія, расширили его кругозоръ и пробудили въ немъ критическую мысль. Тимоеевъ много видѣлъ и испыталъ въ Смуту. Объ этомъ онъ не разъ даетъ понять съ своей непосредственностью и впечатлительностью. Дякъ Иванъ самъ рассказалъ намъ, какъ потрясли его колоссальныя несчастія Новгородца и всей земли. Смѣна правительствъ заставила его критически отнестись къ носителямъ власти, надъ которыми ясно сказались, какъ думаетъ Тимоеевъ, Божій судъ. Встрешенный умъ дяка Ивана сталъ работать все сильнѣе и сильнѣе, и въ результатѣ появилось проникновеніе въ смыслъ событій, а вмѣстѣ и оцрилась и сила наблюдательности и самоанализа. При этомъ Тимоееву случилось встрѣчаться съ людьми разныхъ лагерей и воззрѣній, и въ бесѣдахъ съ ними еще болѣе развивался его впечатлительный умъ ¹⁾. Въ результатѣ взаимодѣйствія старыхъ основъ, во многомъ восторжествовавшихъ надъ Смутой, и новыхъ мыслей и настроеній, вызванныхъ къ жизни „разрухой“ начала XVII вѣка и не погибшихъ съ нею, и появился „Временникъ“ дяка Ивана. На первый взглядъ въ

¹⁾ Мы видѣли, какъ Тимоеевъ оспариваетъ лицъ, не вѣрившихъ въ виновность Бориса Годунова; самъ дякъ Иванъ упоминаетъ о своемъ разговорѣ съ русскими приверженцами поляковъ (см. Р. И. Б., т. XIII, ст. 431; *Платоновъ*, *op. cit.*, стр. 160); наконецъ, находясь въ Новгородѣ во время шведской оккупации, Тимоеевъ волею-неволею долженъ былъ не разъ бесѣдовать и съ „Влиинъ“, т. е. шведами. Не изъ бесѣдъ ли съ иностранцами заимствовалъ дякъ Иванъ въ своей лексиконѣ такіа слова, какъ сидентіаръ, куртесъ и т. д.? Припомнимъ и о служебномъ знакомствѣ Тимоеева въ 1604 г. съ святой царскихъ гонимовъ (Лихачевъ, *op. cit.*, стр. 197).

номъ нѣтъ ничего кромѣ стараго риторическаго „доброеловія“. При пристальномъ чтеніи „доброеловія“, стоящій на почвѣ религіознаго прагматизма, отступаетъ на второй планъ, и читатель видитъ передъ собой одного изъ предвѣстниковъ новаго чисто историческаго мышленія.

И. А. Васенко.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

- Рочнісний збвк дѣлун главнї, проф. *Яроміра Челяковскаго*. 2-е изд. 1902—1906.
- Нитова устрою Польки, przeglad wykladów uniwersyteckich, проф. *Освальда Вальцера*. 1906.
- Къ исторїи общественно-государственнаго строя Польши, *О. Бальчера*, переводъ съ польскаго, подъ редакціей и со вступительной статьей приват-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Н. В. Ястребова*. С.-Пб. 1908.

Съ половины прошлаго вѣка чрезвычайно усиливается у западныхъ славянъ, у чеховъ и поляковъ, интересъ въ исторїи. Обнарождаются гораздо болѣе критически, чѣмъ прежде, лѣтописи; появляется цѣлый рядъ мастерски изданныхъ сборниковъ грамотъ; пишутся прекрасныя монографїи по различнымъ вопросамъ. Вся эта научная дѣятельность по изданію и разработкѣ историческихъ матеріаловъ находитъ себѣ средоточіе въ открываемыхъ академіяхъ, югославянской (1867), краковской (1870), чешской (1890). Понятно, все это значительно измѣнило прежнее пониманіе историческихъ явленій. Между тѣмъ изображеніе общаго хода развитія государства, общества и права въ отдѣльныхъ славянскихъ государствахъ не появлялось; прекрасная исторія славянскаго права въ Чехїи и Моравїи Герм. Иречка доведена только до начала XV в.; мастерская работа Калоуска останавливалась на государствѣ, даже общества касалась только отчасти, при чемъ самая группировка матеріала была вызвана практическою потребностью исторически обосновать требованіе возстановленія чешскаго государственнаго права; блестяще написанный очеркъ исторїи Польши Бобржинскаго черезчуръ сжато говорилъ объ управленїи. Причину такого явленія западно-славянскіе ученые объясняли тѣмъ, что не наступила еще возможность для обобщеній, что нѣсколько

фантастическія построєнія первой половины XIX в. сильно охлаждають желаніе подвести къ одному знаменателю добытые уже результаты.

Время, однако, не ждетъ. Съ появленіемъ національныхъ университетовъ возникла необходимость въ чтеніи общихъ курсовъ по исторіи чешскаго и польскаго права для студентовъ. Въ 1873 г. выступилъ доцентомъ по исторіи польскаго права М. Бобржинскій въ краковскомъ университетѣ; въ 1883 г. началъ чтеніе лекцій по исторіи чешскаго права въ чешскомъ университетѣ Праги знаменитый знатокъ чешскаго права Яр. Челяковский; наконецъ въ лѣтнемъ семестрѣ 1884—5 г. открылъ преподаваніе по исторіи польскаго права выдающийся ученый Осв. Бальцеръ въ львовскомъ университетѣ. Результатомъ преподаванія вышеупомянутыхъ ученыхъ явились ихъ курсы. Бобржинскій выступилъ раньше всѣхъ, но придалъ своему наложенію, какъ уже сказано, не столько характеръ курса, сколько учебника польской исторіи вообще съ преобладаніемъ, однако, юридическаго элемента. Проф. Челяковский далъ сжатый очеркъ своихъ лекцій въ статьѣ объ исторіи чешскаго права въ Ученомъ Словарѣ Отто и затѣмъ во 2-мъ изд., расширенномъ и дополненномъ, представилъ полный курсъ своего предмета. Наконецъ, проф. Бальцеръ ознакомилъ ученый міръ только обстоятельною программой со своими лекціями. Последняя, при всей своей полнотѣ, не дала бы яснаго представленія о взглядахъ автора, если бы не появилось случайное обстоятельство. Доцентъ краковскаго университета Кутржеба издалъ очеркъ исторіи государственнаго строя Польши, по поводу котораго возникла полемика у автора между прочимъ и съ профессоромъ Бальцеромъ. Приватъ-доцентъ Петербургскаго университета Н. В. Ястребовъ, заинтересовавшись исторіей польскаго права, обратился къ г. Кутржебѣ съ просьбою напечатать его очеркъ по русски съ тѣми измѣненіями, которыя оказались необходимыми вслѣдствіе критическихъ замѣчаній. Такимъ образомъ появился въ Петербургѣ трудъ Кутржебы уже вторымъ изданіемъ съ весьма интереснымъ предисловіемъ г. Ястребова¹⁾. Но г. Ястребовъ не ограничился и этимъ, а попросилъ Бальдера дать

¹⁾ Д-ръ Станиславъ Кутржеба. Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши; переводъ съ польскаго подъ ред. и со вступительной статьёй приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго университета Н. В. Ястребова. С.-Пб. 1907 г. Трудъ д-ра Кутржебы былъ раньше переведенъ г-жою Пашковичъ, но очень неудовлетворительно, д-ръ Кутржеба серьезнымъ образомъ переработалъ специально для русскаго изданія г. Ястребова польскій оригиналъ своей книги, принявъ во вниманіе и замѣчанія критиковъ, особенно проф. Бальдера.

разрѣшеніе на переводъ его критическихъ замѣтокъ на сочиненіе г. Кутржобы, напечатанныхъ въ *Kwartalnik historyczny*. Проф. Бальцеръ не только разрѣшилъ, но и самъ переработалъ свои критическія замѣчанія въ одно болѣе или менѣе систематическое цѣлое. Такимъ образомъ, благодаря стараніямъ г. Ястребова, русская литература обогатилась двумя изложеніями польскаго государственнаго права, изъ которыхъ послѣднее можетъ служить какъ бы частичнымъ выполненіемъ изданной программы.

Даже при поверхностномъ сравненіи обоихъ курсовъ по исторіямъ чешскаго и польскаго правъ бросается въ глаза большое сходство въ распредѣленіи матеріала. Оба выдающіеся ученые исключаютъ гражданское и уголовное права, а также процессъ, хотя частное право составляетъ значительную долю всего права каждого народа, а уголовное право наказаніями охраняетъ безусловно необходимыя начала для существованія общества по его убѣжденіямъ въ данный историческій моментъ. Такое ограниченіе объема преподаванія было слѣдствіемъ того, что изученіе исторіи чешскаго и польскаго права въ національно-славянскихъ университетахъ завоевывало себѣ мѣсто, мало по малу появляясь въ началѣ въ видѣ необязательныхъ курсовъ, читаемыхъ доцентами, затѣмъ какъ извѣстная составная часть исторіи государственнаго строя Австріи, и только въ новѣйшее время какъ самостоятельный общеобязательный предметъ. При этомъ на объемъ исторій чешскаго и польскаго правъ оказали существенное вліяніе какъ объемъ курса объ австрійскомъ государственномъ строѣ, такъ и широко распространенныя въ Германіи и Австріи идеи исторической школы. Подъ вліяніемъ послѣдней ввели во всѣ австрійскіе университеты, съ 1893 г., преподаваніе исторіи государственнаго устройства Австріи, а такъ какъ эта держава начала слагаться въ одно политическое цѣлое со второй четверти XVI в. изъ нѣмецко-австрійскихъ земель, чешскаго государства и Венгріи съ Хорватіей, то оказалось необходимымъ предпослать историческій очеркъ составныхъ частей до ихъ соединенія. Въ читавшихся такимъ образомъ лекціяхъ по исторіи государственнаго устройства Австріи не замедлили проявиться два направленія. Между тѣмъ какъ нѣмецкіе историки-юристы выдвигали на первое мѣсто нѣмецкій элементъ, слѣдовательно австрійско-нѣмецкія земли, славянскіе профессора воспользовались этимъ для обстоятельнаго изложенія государственнаго строя Чехіи и Хорватіи (въ загребскомъ университетѣ). Такъ преподавался этотъ предметъ въ чешскомъ университетѣ недавно умершимъ замѣ-

чательнымъ ученымъ Богушемъ бар. Ригеромъ, а проф. Бальцеръ издалъ въ 1899 г. исторію австрійскаго государственнаго строя для своихъ слушателей. Въ ней выяснено, почему изъ очерка исторіи государственнаго устройства Австріи исключено „такъ называемое судебное право, т. е. право гражданское, уголовное и процессъ“. Это произошло потому, что объединеніе „прежде отдѣльно существовавшихъ политическихъ и административныхъ организмовъ“ вызвало естественное стремленіе къ устраненію различій и отождествленію учреждений, между тѣмъ какъ въ теченіе долгихъ лѣтъ право, пригнѣяемое въ судахъ, оставалось почти неизмѣнимымъ ¹⁾. Очевидно, въ основѣ всего этого лежало ученіе исторической школы о томъ, что исторія права имѣетъ своею цѣлью сознательное усвоеніе современнаго права, государства и общества. Современное австрійское гражданское право опирается на римскомъ правѣ, видоизмѣненномъ школами глоссаторовъ и комментаторовъ, а преимущественно на позднѣйшей судебной практикѣ (*usus modernus*); нѣкоторое количество чешскихъ элементовъ въ немъ (см. ниже) нѣмецкими учеными, вліявшими на постановку преподаванія въ университетахъ, не признавалось. Современное австрійское уголовное право, какъ и уголовное право всей Европы, подверглось существенной переработкѣ подъ вліяніемъ гуманитарныхъ вѣяній и философскихъ ученій; наконецъ процессъ почіетъ на началахъ римскихъ, нѣсколько видоизмѣненныхъ канонистами. Такимъ образомъ чешское и польское „судобныя права“ утратили всякое практическое значеніе, а потому и не могутъ быть включены въ кругъ предметовъ, обязательныхъ для будущихъ практическихъ юристовъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній переходимъ къ анализу двухъ упомянутыхъ общихъ курсовъ по исторіямъ чешскаго и польскаго права.

„Общій курсъ исторіи чешскаго права“ Челяковскаго распадается на двѣ части, самое изложеніе (стр. 1—214) и приложения (217 до конца). Обратимся сначала къ приложениямъ, дабы затѣмъ болѣе подробно остановиться на изложеніи.

Приложенія состоятъ изъ отдѣльныхъ монографій по различнымъ вопросамъ особенно важнымъ или доселѣ недостаточно выясненнымъ. Итакъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ самостоятельными изслѣдованіями, которыя иногда даже появлялись ранѣе въ журналахъ. Они слѣдующія:

¹⁾ *Oswald Balsar, Historia ustroju Austrii w zagysie. Lwów. 1899, стр. 1, 2.*

1) „Доски въ чешскихъ земляхъ“, т. е. книги, въ которыя чиновники заносили всевозможныя проявленія частной и государственной жизни, дабы придать имъ обязательную силу (стр. 217—263);

2) очеркъ чешскаго горнаго права, весьма важнаго, ибо оно легло въ основу кодификацій горнаго права не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ (черезъ посредство Испаніи); 264—292;

3) сжатый очеркъ политической исторіи Еггера съ его областью; статья вызвана притязаніями чеховъ на Еггеръ и его округъ (293—336);

4) „Коморный судъ“ при королѣ Владиславѣ II; организація и компетенція этого верховнаго королевскаго суда въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. Вопросъ спорный и притомъ важный, какъ для судоустройства въ Чехіи, такъ и для объема королевской власти (337—395);

5) самая важная и чрезвычайно выдающаяся статья „О возникновеніи и развитіи городского управленія вообще и въ Чехіи и Моравіи въ особенности“ представляетъ сводъ результатовъ, добытыхъ многолѣтнимъ усидчивымъ трудомъ. Вниманіе автора издавна было привлечено къ этому предмету двумя обстоятельствами. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, въ которыхъ относятся пребываніе почтеннаго ученаго въ университетѣ и первые шаги его на ученомъ поприщѣ, всецѣло владычествовала историческая школа Савиньи, по которой извѣстное національное право имѣло значеніе настолько, насколько оно могло служить объясненіемъ нынѣ дѣйствующаго права. Изъ цѣлага объема національно-чешскаго права это можно было сказать въ особенности относительно городского права. Города въ Чехіи, какъ и во всемъ западномъ славянствѣ, были происхожденія нѣмецкаго. Но это нѣмецкое городское право, подѣ влияніемъ обстановки, прониклось немалымъ количествомъ чешско-славянскихъ началъ, а также восприняло многіе римско-каноническіе элементы. Поэтому, когда послѣ паденія чешской государственной независимости появлялась необходимость издать новый законодательный памятникъ въ немъ, т. е. въ Обновленномъ Уложеніи 1627 г. Фердинанда II, гражданское право было почти цѣлкомъ заимствовано изъ сборниковъ чешскаго городского права. Гражданское право Обновленнаго Уложения въ свою очередь послужило обильнымъ источникомъ нынѣ дѣйствующаго въ Австріи гражданскаго права (Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch 1811 г.). Такимъ образомъ знаніе чешско-моравскаго городского устройства и связаннаго съ нимъ гражданскаго городского права имѣло непосредственное значеніе для пониманія нынѣшняго австрійскаго права, а такъ какъ изъ общей органической національно-чешской связи города

не могли быть вырваны, то и все древнее чешское право получало, по теории Савиньи, свое научное обоснование. Вторым обстоятельством, направившим внимание проф. Челяковского особенно на развитие городов, была та чрезвычайно важная роль, которую они играли в истории Чехии. Их значение особенно увеличилось со времени гуситских войн, т. е. с окончательной победы в городах чешского элемента; политический и общественный быт Чехии и Моравии в XVI в., в наиболее блестящее время чешской государственной и общественной жизни, чуть не всецело исчерпывался борьбою горожанъ съ дворянствомъ; наконецъ города представляли изъ себя элементъ переходовой по отношенію ко всѣмъ другимъ частямъ чешско-моравскаго населенія. Такимъ образомъ города могли приковать къ себѣ вниманіе чешскихъ ученыхъ; однако изученіе городовъ представляло чрезвычайныя трудности. Какъ сказано, города въ западно-славянскихъ земляхъ были нѣмецкаго происхожденія, но и германскіе города едва-ли представляютъ самородное явленіе; на ихъ устройство, очевидно, оказали вліяніе древне-римскія municipia. Слѣдовательно, вопросъ все болѣе и болѣе расширялся; приходилось обстоятельно изучить устройство и жизнь городовъ во весь длинный періодъ римскаго государства. Неудивительно поэтому, что громадность предмета отразилась и на литературѣ. Нынѣ нѣтъся не менѣе восьми теорій о возникновеніи городовъ въ Германіи. Изучить всю эту огромную литературу, изложить ее съ большою обстоятельностью, полнотою и ясностью, проверить ее по документальнымъ даннымъ, наконецъ сдѣлать свои окончательные выводы, все это представляетъ такой колоссальный и капитальный трудъ, которымъ могла бы гордиться лучшая европейская литература (стр. 396 до конца).

Обращаясь теперь къ самому очерку истории чешскаго права, мы видимъ, что онъ состоитъ изъ введенія (стр. 1—7), истории источниковъ права (7—54) и истории государственнаго устройства и управленія (55—204) въ одной только Чехіи безъ другихъ присоединенныхъ земель (Моравіи, Силезіи, Лужиць). Изложеніе остальныхъ частей права, именно права гражданскаго и уголовнаго, процесса, отчасти права финансоваго, авторъ оставляетъ до другого мѣста безъ выясненія причинъ.

Во введеніи, опредѣливъ въ самомъ началѣ понятіе и значеніе истории чешскаго права, авторъ останавливается на литературѣ и на группировкѣ матеріала. Въ историческомъ очеркѣ литературы, особенно въ новѣйшія времена, я желалъ бы найти какія-либо указа-

нія на достоинства и недостатки отдѣльныхъ сочиненій, между тѣмъ авторъ довольствуется только перечисленіемъ именъ писателей, въ которыхъ нѣкоторые кажутся миѣ утратившими почти совершенно значеніе, наиримѣръ, Глюкзелихъ, Шмидтъ фонъ-Бергенхольдъ, Славичекъ. Кромѣ того, хотя чешская литература не имѣетъ такихъ довольно ясно сложившихся школъ, какъ польская, но и въ ней можно было бы выдѣлять двѣ группы писателей, отчасти отличныхъ по національности. Тогда какъ чешскіе писатели видятъ въ исторіи чешскаго права развитіе чешско-славянскихъ началъ подъ сильнымъ вліяніемъ западной Европы и поэтому сравниваютъ чешскій древній бытъ съ такимъ же бытомъ другихъ славянъ, нѣмецкіе писатели смотрятъ на древнечешскія отношенія какъ на совершенно первобытныя, свойственныя дикимъ племенамъ; по ихъ мнѣнію, отношенія эти постепенно видоизмѣняются подъ давленіемъ германской культуры. Тогда какъ чешскіе писатели усматриваютъ въ гуситствѣ мировое движеніе человѣческой мысли къ свободѣ отъ подавляющей опеки средне-вѣковыхъ церкви и государства, нѣмецкіе не прочь умалить этотъ періодъ, какъ болѣе разрушающій, чѣмъ полагающій здоровыя основы для будущаго благоденствія. Наконецъ, умѣстнымъ было бы, по моему мнѣнію, отдѣлять монографіи, остававшіяся на крупныхъ по продолжительности или по важности политическихъ, общественныхъ и юридическихъ явленіяхъ, отъ монографій, разбирающихъ второстепенные вопросы. Это не увеличило бы значительно параграфъ о литературѣ, а было бы чрезвычайно цѣнно для студентовъ и вообще читателей, особенно принимая во вниманіе выдающееся значеніе профессора Чаляковскаго, какъ ученаго, критическія замѣчанія котораго имѣютъ особенную важность.

Параграфъ 3-ій, о періодизаціи чешской исторіи права, особенно важенъ потому, что въ характеристикѣ авторомъ отдѣльныхъ періодовъ выражается наиболѣе ярко взглядъ автора на самое существо историческаго процесса. Слѣдуя положеніямъ Геринга о постепенности развитія правового организма и вслѣдствіе этого невозможности отграниченія періодовъ годами, нашъ авторъ дѣлитъ всю исторію чешскаго права на три періода, „которые преимущественно опредѣляются степенью развитія юридическихъ учреждений и связаннымъ съ этимъ меньшимъ или большимъ вліяніемъ западной юридической образованности на правовую и общественную жизнь чешскаго народа“. Отдѣльные періоды охъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ:

1) Болѣе старая эпоха отъ древнѣйшихъ извѣстій до конца

XII столѣтія. Развитіе права совершалось преимущественно изъ общественныхъ славянскихъ основъ; обычай преобладалъ; территорія чешскаго государства опредѣлялась; государственная власть сохраняла народный характеръ; сословныя различія постепенно начали входить и въ объемъ права, а несложное управленіе начало развиваться и улучшаться подъ вліяніемъ главнымъ образомъ христіанства.

2) Среднія времена отъ конца XII вѣка до тридцатилѣтней войны. Юридическое вліяніе западной культуры становилось чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе, и способствовало дальнѣйшему развитію чешскихъ юридическихъ учреждений на туземныхъ и иностранныхъ началахъ. Подлѣ національнаго земскаго права получали обязательную силу особенныя права иностраннаго происхожденія, а всѣ эти права записывались, научно разрабатывались и кодифицировались. Границы чешскаго государства раздвинулись на новыя земли, а потомъ всѣ чешскія земли были въ 1526 г. соединены съ наследственными австрійскими землями и со странами венгерскаго государства подъ общую династію Габсбурговъ. Королевская власть укрѣпляется съ одной стороны, но была принуждена отказаться отъ многихъ своихъ правъ въ пользу привилегированныхъ сословій, которыя постоянно все болѣе и болѣе замыкались въ себѣ и отдѣлялись отъ остальныхъ общественныхъ слоевъ. Подлѣ чешско-славянскаго населенія поселилось много кѣмцевъ, которые помогали равноправію въ чешскихъ земляхъ, что болышею частію утратили вслѣдствіе гуситскихъ войнъ. Долголѣтнія внутреннія политическія и религіозныя несогласія, поддерживаемыя эгоизмомъ и стремленіемъ къ власти высшихъ общественныхъ слоевъ, привели къ паденію общественнаго духа и къ упадку Чехіи.

3) Новѣйшія времена отъ тридцатилѣтней войны до нашихъ дней. Чешское государство уменьшается въ своемъ объемѣ, а чешскія земли тѣснѣе соединены съ остальными землями австрійскаго дома; этотъ союзъ былъ признавъ ненарушимымъ прагматическою санкцію 1713 г., въ 1804 г. онъ получилъ названіе австрійской имперіи, а въ 1868 г. австро-венгерскаго государства. Вслѣдствіе усвоенія общаго права и осуществленія стремленій къ единству права въ не-венгерскихъ земляхъ были кодифицированы важнѣйшія части права для всѣхъ этихъ земель; при этомъ видоизмѣнено и замѣнено національное чешское право общимъ австрійскимъ правомъ. Одновременно также существенно измѣнено государственное устройство и управленіе чешскихъ земель вслѣдствіе проведенія замысловъ сосредоточить и упростить государственное управленіе во всѣхъ земляхъ австрійскаго дома. Растущая

государственная власть прежде всего ограничила, а затѣмъ въ концѣ этого періода совершенно отменила права привилегированныхъ сословій, превратила членовъ управленія и суда въ государственныхъ чиновниковъ, провела существенныя перемены въ устройствѣ и управленіи, отменила государственное производство, уничтожила крепостное право и начала все населеніе безъ отношенія къ родовитости и имуществу уравнивать передъ лицомъ закона и суда, признавала за нимъ, какъ за гражданами, въ новѣйшее время опредѣленные политическія „основныя права“. Наконецъ она обезпечила свободно выбраннымъ представителямъ населенія участіе въ законодательствѣ и государственномъ управленіи; обновила въ извѣстной мѣрѣ самоуправленіе земли, округовъ и общинъ, которое было возможно стѣсняемо въ теченіе двухъ столѣтій; она признала права чешской народности, которая по закону 1627 г. должна была имѣть равныя права съ народностью нѣмецкою, но въ дѣйствительности находилась въ подчиненномъ положеніи въ странѣ, по крайней мѣрѣ въ принципѣ опять признала равныя права въ государственной жизни и способствовала во многихъ отношеніяхъ къ новому духовному и матеріальному подъему земли, поддержанная въ этомъ существенно автономными органами, а также образованностію, трудолюбіемъ и талантливостію населенія. Конечно, много вопросовъ общественной жизни остаются и теперь неразрѣшенными, многія справедливыя желанія неисполненными. Не проведено равноправіе чешской народности съ нѣмецкой въ странѣ; не согласованы требованія, вытекающія изъ стараго государственнаго положенія и изъ остатковъ до сихъ поръ дѣйствующаго особеннаго публичнаго права чешскихъ земель, съ новѣйшимъ государственнымъ устройствомъ; до нынѣ не осуществлены многія великія задачи, которыя ставятъ новое время просвѣщенному современному государству въ такомъ большомъ объемѣ.

Я передалъ почти дословно характеристики отдѣльныхъ періодовъ вмѣстѣ съ пожеланіями нововведеній. Характеристики эти относятся къ разряду описательныхъ; онѣ имѣютъ въ виду не столько самый политическій и общественный бытъ, сколько превратныя судьбы чешскаго народа, хотя авторъ, слѣдуя мѣтнію Геринга, и желалъ основать свои періоды на меньшемъ или большемъ развитіи праваго организма вслѣдствіе меньшаго или большаго вліянія западно-европейскаго правовѣдѣнія. Посмотримъ теперь, на сколько превосходный очеркъ исторіи права въ Чехіи проф. Челяжовскаго соответствуетъ установленнымъ имъ періодамъ.

Въ началѣ чешской исторіи Чехія, говоритъ авторъ, не подчинялась одной государственной власти и не составляла въ политическомъ смыслѣ единства, а дѣлилась на много племенъ со слабыми племенными начальниками во главѣ¹⁾; въ языческія времена они обладали религіозною, военною и судебною властью и были ограничены при ея проявленіи частію совѣтомъ родоначальниковъ или кмствоу, частію племеннымъ народнымъ собраніемъ²⁾. Такое отсутствіе политическаго единства проявилось и въ правѣ: обычаи чешскихъ племенъ отличались одни отъ другихъ³⁾. Такимъ образомъ до половины X вѣка, собственно говоря, не было ни чешскаго государства, ни чешскаго народа, ни чешскаго права, а были только славянскія племена, населяющія Чехію. Послѣднія жили совершенно также, какъ и всѣ остальные славяне на сѣверѣ, югѣ и востокѣ; общественный ихъ строй чрезвычайно напоминалъ бытъ древнихъ грековъ во времена Гомера, римлянъ при царяхъ, германцевъ въ глубокой древности. Этотъ древнѣйшій славянскій бытъ, на сколько мы можемъ въ него проникнуть нашею мыслию, отличался чрезвычайнымъ духовнымъ единствомъ, ибо мировоззрѣніе князя, знати и народа было результатомъ однихъ и тѣхъ же религіозныхъ вѣрованій, одного и того же жизненного опыта, однихъ и тѣхъ же простѣйшихъ экономическихъ отношеній. Совершенно противоположное передается намъ о времени Болеслава I и его потомковъ. Мы видимъ князя, дѣйствующаго наперекоръ народнымъ желаніямъ, опирающагося на преданной ему дружину изъ различныхъ національностей, проводящаго вѣрованія и порядки, чуждые народнымъ массамъ. Появляется стремленіе насадить цѣлое чуждое народу міросозерцаніе. Другими словами, въ X в. происходитъ среди славянскихъ племенъ такая революція, представленіе о которой мы почти составить себѣ не въ состояніи. Религіозныя вѣрованія, устройство семьи, понятіе о власти, характеръ управленія, экономическія отношенія, все измѣняется. Понятно, это должно было вести къ анархіи и къ временному паденію государства (занятіе Праги Болеславомъ Храбрымъ). Если это вѣрно, а въ этомъ трудно сомнѣваться, тогда возможно ли соединить древнѣйшія времена Чехіи съ XI и XII вв.? Не слѣдуетъ ли видѣть въ X в. переломъ въ цѣломъ славянствѣ и съ этого времени начинать исторію отдѣльных славянскихъ государствъ и слагающихся народностей?

¹⁾ Стр. 55.

²⁾ Стр. 57.

³⁾ Стр. 7, 8.

Во второмъ періодѣ нашъ авторъ, описывающій съ чрезвычайною добросовѣстностію, полнотою и обстоятельностью совершившіяся по-ремѣны, также соединяетъ въ одинъ періодъ явленія, по моему мнѣнію, несоединимыя. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Указывая на борьбу короля съ сословіями, нашъ авторъ говоритъ: „Ежели поредъ гуситскими войнами не было сомнѣнія, что королю принадлежать всѣ верховныя права, а сословіямъ только тѣ права, юридическое пріобрѣтеніе которыхъ они могли доказать; послѣ этихъ войнъ все болѣе и болѣе становилось обязательнымъ противоположное начало, что высшія сословія могутъ самовольно увеличивать и уменьшать свои права, а что король и остальное недворянское населеніе имѣютъ только тѣ права, которыя имъ высшія сословія захотятъ удѣлать и признать“¹⁾. Легко подмѣтить, что въ этихъ словахъ заключается громадное различіе. До гуситскихъ войнъ король считался, согласно средневѣковому міросозерцанію, надѣленнымъ самимъ Богомъ чрезвычайною полнотою власти, которую онъ долженъ былъ осуществлять при помощи духовной и свѣтской аристократіи; напротивъ послѣ войнъ проявляются первые слѣды народовластія, при чемъ подъ народомъ, однако, понимается только дворянство. Относительно сословій нашъ авторъ говоритъ, что хотя издавна дворянство дѣлилось на высшее и низшее, тѣмъ не менѣе только при Карлѣ IV и Вячеславѣ IV (вторая половина XIV в.) паны совершенно отдѣлились отъ владыкъ и въ 1395 г. достигли того, что въ составъ королевскаго совѣта могли входить только паны, а также имъ принадлежали высшія мѣста въ управленіи и судѣ. Послѣ гуситскихъ войнъ требуетъ нѣкотораго участія въ управленіи и судѣ и рыцарство, какъ особое сословіе, а не какъ лица, которыя по полученіи известной должности становятся панами. Духовенство, сословіе могущественное въ средніе вѣка, послѣ гуситскихъ войнъ совершенно перестало имѣть какое бы то ни было политическое значеніе²⁾. Легко подмѣтить и здѣсь глубокія перемѣны. Идея объ управленіи посредствомъ короля съ духовенствомъ и знатію не раздѣлившимся еще на сословія народомъ падаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выступаетъ требованіе участія въ управленіи другихъ сложившихся сословій. До гуситскихъ войнъ сохранялось еще, хотя и съ значительными измѣненіями при Оттокарѣ II (вторая половина XIII в.), старое мѣстное управленіе при помощи нѣсколькихъ чиновниковъ. Послѣ

¹⁾ Стр. 104.

²⁾ Стр. 162, 163.

гуситскихъ войнъ, говоря вообще, выбираются населеніемъ края крайскіе гетманы, которые при Габсбургахъ назначаются кородемъ ¹⁾. И здѣсь замѣчается существенная перемена: до гуситскихъ войнъ вся власть въ мѣстномъ управленіи происходила отъ короли; послѣ гуситскихъ войнъ во главѣ областей стояли органы самоуправленія, которые превратились въ органы по назначенію только послѣ ослабленія крайскаго самоуправленія въ 70-хъ годахъ XVI в. Все это, по моему мнѣнію, указываетъ, что во время гуситскихъ войнъ (1419—1436 г.) произошли существеннѣйшія измѣненія, вызванныя не случайными реформами, а переворотомъ въ цѣломъ міросозерцаніи народныхъ массъ. Пашъ авторъ, преимущественно занятый фактической стороною, не коснулся этого вопроса; постараемся его попополнить тѣмъ болѣе, что онъ самъ указываетъ на западно-европейское вліяніе, какъ на причину развитія славяно-чешскихъ основъ, не опредѣляя, однако, характеръ и существо этого вліянія. Предварительно только сдѣлаемъ для ясности нѣсколько замѣчаній.

Если мы вникнемъ въ историческій процессъ, мы замѣтимъ, что прежде всего совершаются фактическія измѣненія въ общественномъ бытѣ, а затѣмъ уже человѣческая мысль придаетъ этимъ измѣненіямъ разумное значеніе и наконецъ еще позже связываетъ ихъ въ одно цѣлостное міросозерцаніе. Давно уже возникъ на Западѣ антагонизмъ между церковью и государствомъ, но только папа Григорій VII придалъ этому антагонизму разумное по тогдашнимъ представленіямъ основаніе, высказавъ мысль, что государство явилось въ міръ только съ грѣхомъ, что его цѣль заключается въ искорененіи грѣха свѣтскими средствами, что напротивъ того вся сфера нравственнаго, умственнаго, даже экономическаго подъема человѣчества лежитъ на обязанности церкви. Точно также вслѣдствіе случайныхъ причинъ, нападенія кочевниковъ, явилась необходимость въ конницы, куда избирались люди изъ всѣхъ сословій, не исключая и рабовъ, способные служить на конѣ. Только гораздо позже, подъ вліяніемъ церкви, востока, сланки всей конницы на поляхъ Палестины и т. д., образуется рыцарство со своими идеалами и общимъ западно-европейскимъ сознаніемъ единства. Наконецъ всѣ эти отдѣльно образовавшіеся идеалы церкви, государства, знати, рыцарства соединяются вмѣстѣ уже мыслителями, въ средневѣковѣѣ монахами, и превращаются въ одно величавое міросозерцаніе, которое и импонируетъ человѣческимъ обще-

¹⁾ Стр. 142—147.

ствамъ, пока не разрушается вслѣдствіе новыхъ фактическихъ перемѣнъ. Если мы примѣнимъ эти наши общія соображенія къ нашему вопросу, мы увидимъ, что фактическія измѣненія, какъ необходимыя условія для новыхъ идей, совершаются на мѣстѣ, а вліяніе заключается преимущественно въ воздѣйствіи отдѣльныхъ идеаловъ и цѣлаго міросозерцанія на оцѣнку и уразумѣніе совершившихся измѣненій. Вслѣдствіе извѣнъ воспринятыхъ взглядовъ фактическія измѣненія получаютъ совершенно новое освѣщеніе, имъ придается особенная формулировка, въ нихъ вкладывается совершенно новое содержаніе. По этимъ измѣняющимся міросозерцаніямъ, составляющимъ одухотворяющую силу въ людей, и учрежденій, и слѣдуетъ производить періодизацію. Такъ, собственно говоря, и смотрѣлъ на періоды Іерингъ. Обратимся теперь къ Чехіи.

Среди чешскихъ племенъ, какъ и въ цѣломъ славянствѣ, въ IX в. въ двухъ наиболѣе видныхъ элементахъ, въ князьяхъ и въ знати отдѣльныхъ племенъ, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ западомъ и востокомъ Европы появилось недовѣріе къ старымъ, унаслѣдованнымъ отъ дѣдовъ порядкамъ. Возникло сознаніе необходимости широкихъ реформъ по образцу образованныхъ народовъ. Что же къ этому времени представляла изъ себя западная Европа? При Карлѣ Великомъ и его преемникахъ сложилась могущественная монархія, въ которой власти свѣтскія и церковныя еще мирно уживались между собою и дружно работали надъ всестороннимъ подъемомъ общества. Императоръ, получавшій по тогдашнему мнѣнію черезъ коронацію особенную мудрость свыше, признавался воплощеніемъ всей власти на землѣ; онъ правилъ народами согласно указаніямъ церкви, пользуясь, какъ своими органами, знатью, экономически обезнеченной и потому наиболѣе образованной среди свѣтскаго общества; народъ разсматривался, какъ масса грубая, невѣжественная, полужычская, слушаться которой было бы неразумно. Это представленіе несомнѣнно импонируетъ славянскимъ князьямъ и знати; оно заставляетъ ихъ принять христіанство и работать надъ возможно большимъ распространеніемъ образованности. Но возлѣ этого начертаннаго, какъ тогда думали, самимъ Богомъ устройства обнаруживается рядъ новыхъ явленій. Въ XI вѣкѣ устраивается церковь, какъ самоуправляющееся общество; въ XII в. въ Италіи появляются самоуправляющіеся города; еще позже и рыцарство стремится создать свои органы самоуправленія. Такимъ образомъ подлѣ всепоглощающей въ себя монархической власти съ ея савонниками возникаютъ правители, избранные извѣстнымъ обществомъ-

(духовенствомъ, горожанами, рыцарствомъ). Обѣ эти идеи, самодержавіе и самоуправленіе, однако, довольно мирно уживаются: монархъ съ знатью, по прежнему, представляется центромъ государственнаго управленія, но народъ уже не считается грубою массою, а напротивъ известными слоями, пользующимися самоуправленіемъ, такъ что самъ монархъ почти только утверждаетъ проявленія самоуправляющейся жизни отдѣльныхъ слоевъ.

Описанный средневѣковой строй могъ держаться только при живомъ и чрезвычайно глубокомъ религіозномъ чувствѣ, которое заставляло безконтрольныхъ правителей (монарха, знать) дѣйствовать для общаго блага. Какъ только къ концу XIV в. произошло паденіе религіознаго чувства въ высшихъ слояхъ, наступили страшныя злоупотребленія, которыя и привели этотъ строй къ паденію. На его смѣну выступаетъ идея самоуправленія, отчасти таившаяся въ народныхъ глубинахъ чуть не съ языческихъ временъ, отчасти проявившаяся въ организаціи церкви, городовъ и т. д., наконецъ отчасти проникающая въ общество вслѣдствіе ознакомленія съ древнимъ Римомъ и Греціей. Однако въ Германіи этотъ переворотъ совершается незамѣтно; самодержавная монархія постепенно ограничивается знатью, затѣмъ переходитъ въ феодальную монархію, а изъ нея образуются монархія сословная; вслѣдствіе постепенности многое изъ прежнихъ сохраняетъ свою силу и при новыхъ порядкахъ. Въ Чехіи наоборотъ этотъ переходъ совершается съ чрезвычайно рѣзкостью во время гуситскихъ войнъ; въ ней средневѣковое совершенно рушится и на смѣну выступаетъ политическій строй, основанный на самоуправленіи. Въ теченіе гуситскаго періода онъ существуетъ нераздѣльно, но и потомъ его должны признать короли, которые даже изъ династїи Габсбурговъ сплошь и рядомъ довольствовались только формальнымъ утвержденіемъ того, что намѣчалось общественнымъ мнѣніемъ. Во время гуситскихъ войнъ чешское общество распадается на самоуправляющіеся религіозныя союзы. Когда религіозное воодушевленіе охладѣваетъ, образуются двѣ уже политическія партїи, дворянская, стремящаяся къ возстановленію прежнихъ порядковъ, хотя и съ значительными перемѣнами, и демократическая, поставившая свою задачу послѣдовательное проведеніе началъ самоуправленія. Хотя демократическая партія была разбита въ 1434 г., но съ нею вмѣстѣ не погибло начало самоуправленія; оно превратилось только изъ всенароднаго въ сословное съ большимъ преобладаніемъ высшаго и низшаго дворянства. Сословія стали до того могущественны, что даже сеймъ представляется въ видѣ:

трехъ отдѣльно засѣдающихъ тѣлъ, пановъ, рыцарей и горожанъ, а его постановленія—въ видѣ соглашеній между сословіями. Сословность со второй половины XV в. была до того сильна, что проявлялась не только въ сеймѣ и управленіи, но проникала даже въ сферу суда, который долженъ былъ бы совершенно стоять въ сторонѣ отъ сословныхъ интересовъ. При замкнутости сословіи и слабости королевской власти каждое сословіе, конечно, должно было преслѣдовать исключительно свои сословные интересы и даже самъ король считалъ необходимымъ искать опоры въ томъ или другомъ сословіи, напримѣръ Габсбурги въ панакъ, съ которыми ихъ связывала общность религіи; это отсутствіе общественнаго единства и привело чешское государство къ паденію.

И такъ сильная монархія, установившаяся по образцу монархій каролинговъ и все болѣе и болѣе слабѣющая, какъ и въ Германіи, подъ давленіемъ знати къ началу XV в., рушится въ Чехіи въ 20-хъ годахъ XV в., а на сибѣну ея выступаетъ идея, что правители должны быть избираемы изъ среды, въ которой имъ придется дѣйствовать. Эта демократическая мысль не удержалась въ своей чистотѣ послѣ пораженія демократической партіи, но она не исчезла; напротивъ того самоуправленіе имѣло чрезвычайное значеніе; даже самъ король считался не только наслѣдственнымъ, но и избраннымъ. Изъ этого ясно, что между 1419 и 1436 гг. наступилъ переворотъ, вызванный измѣнившимся міросозерданіемъ: до двадцатыхъ годовъ XV в. управленіе въ широчайшемъ смыслѣ (и судомъ, и международными дѣлами) совершалось людьми, указанными перстомъ Божиимъ, отвѣтственными только передъ Богомъ и получившими свыше мудрость для управленія народами, а съ гуситскихъ войнъ оно осуществляется людьми, избираемыми самимъ обществомъ и отвѣтственными передъ нимъ.

Если теперь мы пожелаемъ установить, что сдѣлала западная Европа, преимущественно Германія, для приданія опредѣленныхъ формъ политически очень слабо развитому чешскому обществу, то оказывается, что она внесла идею самодержавной монархіи съ сильнымъ теократическимъ характеромъ и идею сословности. Обѣ идеи воспринимались очень медленно совѣмъ къ нимъ неподготовленными чехами. Въѣка протекали, пока учреждается настоящая монархія, да и та у чеховъ становится въ известной степени ограниченной сеймомъ. Разъ она утвердилась, она дисциплинировала общество и имѣла свой блестящій періодъ при Карлѣ IV, но лишенная своихъ необхо-

димыхъ условій, сильнаго религіознаго чувства въ высшихъ слояхъ духовнаго и свѣтскаго общества, она падаетъ. Не менѣе трудно прививалась къ чехамъ и сословность; не смотря на примѣръ духовенства и горожанъ, даже высшее дворянство приобретаетъ замкнутость не ранѣе начала XIV в., но сословный духъ былъ даже въ XV в. такъ еще слабо развитъ, что подъ влияніемъ религіознаго воодушевленія онъ почти совсѣмъ не давалъ себя чувствовать во время гуситскихъ войнъ. Только во второй половинѣ XV в. чешское население распадается на строго опредѣленные и притомъ замкнутыя сословія, каждое со своими правами и обязанностями. XVI в. представляется блестящимъ вѣкомъ для дворянства и горожанъ, хотя подъ конецъ его замѣтны первые признаки упадка, вызванные исключительнымъ преслѣдованіемъ своихъ сословныхъ интересовъ. Появившаяся сословная монархія падаетъ вмѣстѣ съ паденіемъ чешской государственной независимости вслѣдствіе рѣзкой противоположности сословныхъ интересовъ населенія.

Значительное сомнѣніе вызываетъ во мнѣ и третій періодъ. Прежде всего кажется мнѣ невозможнымъ говорить объ извѣстномъ періодѣ чешскаго права послѣ 1627 г., такъ какъ оно вдругъ насильственно прекратило свое существованіе. Чешское государство постепенно развивалось, слѣдуя западнымъ образцамъ монархіи самодержавной и затѣмъ сословной, приспособляя эти образцы къ своему духу и своимъ потребностямъ; нѣкоторыя явленія, какъ, напримѣръ, феодализмъ, оно восприняло въ очень слабой степени. Государственные дѣятели были чехами; даже иностранная династія Люксембурговъ сравнительно скоро очехилась. Иное мы видимъ при Габсбургахъ, которые довольно часто переносятъ свою столицу въ Вѣну и чувствуютъ себя скорѣе испанцами и нѣмцами, чѣмъ чехами. Ихъ стремленіе, очевидно, было направлено къ тому, чтобы лишить чешское государство его національныхъ особенностей и затѣмъ слить въ одну общую массу со всѣми другими странами Габсбурговъ. Послѣ пораженія чеховъ на Вѣлой Горѣ ничего уже болѣе не препятствовало осуществленію этихъ намѣреній и они приводятся въ исполненіе отчасти обновленнымъ уложеніемъ 1627 г., а въ особенности позднѣйшими указами. Такъ какъ австрійскій императоръ по уложенію 1627 г. становится самодержавнымъ, то ничто уже ему не могло воспрепятствовать къ проведенію его замысловъ. Чешское право, чисто славянское по своему духу, опредѣлилось постановленіями верховнаго земскаго суда, образованнаго Оттокаромъ II во второй половинѣ XIII столѣтія изъ выдающихся

чешскихъ землевладѣльцевъ, назначавшихся королемъ пожизненно. Эти члены суда были прекрасно ознакомлены съ чешскими правами и обычаями, но обыкновенно даже не знали по латыни. Поэтому правочешское, установленное ихъ рѣшеніями, было чисто славянскимъ и мало заключало въ себѣ слѣдовъ римскаго вліянія. Постановленія верховнаго земскаго суда послужили матеріаломъ для блестящей чешской юридической литературы, начавшейся съ конца XIII вѣка. Наоборотъ по Обновленному Уложенію въ составъ верховнаго земскаго суда входять доктора правъ; они обязаны судить по Обновленному Уложенію, въ основу котораго были положены начала чешскаго городского права, нѣмецкаго по происхожденію, а также римско-каноническое право. Въ случаѣ пробѣловъ судьи, совершенно незнакомые съ чешскою жизнію, должны обращаться къ императору, который поноляилъ пробѣлы, конечно, не въ чешскомъ духѣ, ибо онъ его не зналъ и ему не сочувствовалъ. Наконецъ само населеніе, подъ вліяніемъ политическихъ и религіозныхъ преслѣдованій, въ значительной степени выселилось или погибло во время тридцатилѣтней войны. Можно ли при всѣхъ этихъ событіяхъ говорить даже о существованіи чешскаго права послѣ 1627 г.? Вѣдь и самъ нашъ авторъ этого не признаетъ, ибо, по его мнѣнію, „вслѣдствіе усвоенія общаго, т. е. римско-каноническаго, права и осуществленія стремленій къ единству права въ не-венгерскихъ земляхъ были кодифицированы важнѣйшія части права для всѣхъ этихъ земель; при этомъ видоизмѣнено и замѣнено національное чешское право общими австрійскими правами“.

Если затѣмъ взглянуть въ духовный обликъ людей XVII и XVIII вв. и сопоставить ихъ съ людьми нашего времени, то окажутся наибольшая противоположность. Мотивы дѣйствій у тѣхъ и другихъ совершенно иные; религіозныя убѣжденія, нравы и обычаи, вкусы и т. д., все глубоко различно. Другими словами, все міросозерцаніе людей тридцатилѣтней войны и ея послѣдствій существеннѣйшимъ образомъ отличается отъ нашихъ современниковъ. Такъ какъ люди творятъ государство и право, спрашивается, возможно ли въ одинъ періодъ включать творчества людей, такъ рѣзко между собою различныхъ?

Если же мы наконецъ обратимся къ пробуждающемуся чешскому народу, то и въ немъ замѣтны противорѣчіе съ прошедшимъ. Въ тяжелыя времена XVII и XVIII столѣтій измѣнило національности дворянство, оиѣмечивались горожане и только крестьянство осталось вѣрно чешскому знамени. Дѣйствительно, прадѣды почти всѣхъ чешскихъ великихъ ученыхъ, поэтовъ, политическихъ дѣятелей родятся

въ сельскихъ хижинахъ. Выступаетъ, слѣдовательно, на историческое поприще новый слой населенія, ранѣе не игравшій никакой роли. Да и при колыбели въ новой жизни пробуждающагося народа раздавались вѣны колыбельныя гѣсени. Не о войнахъ и славныхъ побѣдахъ гласили онѣ, а о равенствѣ и братствѣ народовъ, о социальной справедливости. Воскресали преданія славнаго Табора, пробуждался духъ старыхъ чешскихъ братьевъ. Что же можетъ быть общаго у этого демократическаго славянскаго народа съ самодержавной монархіей Каролинговъ и съ сословностію XV и XVI вв.? Пусть же мирно спятъ въ своихъ могилахъ Оттокаръ II, Карлъ IV, Юрій Подѣбрадь. Они сыграли свою роль и сонли со сцены. Для пробуждающагося народа не требуется никакой генеалогіи. Великое прошлое уже умерло и похоронено; тѣмъ безприсяжнѣе народъ можетъ принятись за осуществленіе задачъ современности.

Перехода теперь къ самому изложенію, мы ограничимся только указаніемъ на тѣ предметы, которые затрогиваются, и на тотъ порядокъ, въ которомъ они изображены; выдающійся ученый такъ долго работалъ въ архивахъ, такъ много вносилъ свѣта въ чешскія юридическія древности, что намъ приходится только принять его положительныя результаты.

Исторія источниковъ и государственнаго права излагается по тремъ уже разобраннѣмъ нами періодамъ; порядокъ изложенія въ каждомъ періодѣ одинъ и тотъ же.

Въ исторіи источниковъ древнѣйшій періодъ очень кратокъ, ибо о немъ имѣется крайне мало матеріаловъ. Здѣсь авторъ дѣлаетъ общія замѣчанія о характерѣ права перваго періода, а также о тѣхъ источникахъ, откуда мы почерпаемъ свѣдѣнія о правѣ (грамоты, лѣтописи), стр. 7—10. Во второмъ періодѣ онъ сначала даетъ общій очеркъ развитія источниковъ (11—13); затѣмъ переходитъ къ земскому праву, т. е. праву, обязывающему поземельныхъ собственниковъ, и къ его источникамъ, особенно выдѣляя юридическую литературу, земскія уложенія и королевскіе указы (13—22); далѣе пишетъ авторъ останавливается на церковномъ правѣ (22—24), феодальномъ (24—27), городскомъ (27—31) и сельскомъ (31—33), заканчивая періодъ краткою замѣткою объ источникахъ въ филологическомъ смыслѣ. Въ третьемъ періодѣ авторъ говоритъ о тѣхъ перемѣнахъ, которыя совершились въ правѣ земскомъ и объ его источникахъ (34—43), о кодификаціяхъ права (43—49), объ особенныхъ правахъ и ихъ судьбахъ (49—54).

Въ исторіи государственнаго права порядокъ изложенія сохраненъ тотъ же самый во всѣхъ трехъ періодахъ. Перемены вызваны только тѣмъ, что описываемый предметъ видоизмѣнился или распался на нѣсколько частей. И такъ слѣдуютъ одно за другимъ описанія территорій (55—57, 86—97, 166—169), государственной власти (57—62, 97—107, 170—179), отношеній къ имперіи (62—66, 107—118, 179—184). Центральное управленіе въ первомъ періодѣ является подъ формою управленія княжескаго двора (66—67), а въ двухъ остальныхъ періодахъ подъ названіемъ: самые высшіе органы управленія и суды (118—137, 184—192). Въ первомъ періодѣ участіе населенія въ законодательствѣ и управленія сведено въ одинъ параграфъ подъ заглавіемъ княжескій совѣтъ и сеймъ (68—69), а въ дальнѣйшихъ періодахъ земскій сеймъ поставленъ отдѣльно (137—141, 192—195). Областное управленіе въ первомъ періодѣ сосредоточено въ отдѣльныхъ замкахъ, потому и называется градскимъ устройствомъ (69—73), а въ болѣе позднее время въ немъ принимается живое участіе и само населеніе, область (kraj), почему и именуется крайскимъ управленіемъ (142—147, 195—201). Въ первомъ періодѣ нашъ авторъ говоритъ о семейныхъ союзахъ, деревняхъ, общинахъ, подъ заглавіемъ мѣстнаго управленія (74—78), а въ слѣдующихъ періодахъ появляются города, вслѣдствіе чего далѣе отдѣльно идутъ рѣчь о городскомъ (147—157, 201—206) и отдѣльно о сельскомъ (157—161, 206—209) устройствахъ. Наконецъ отдѣлъ о населеніи (78—86, 161—165, 209—214) замыкаетъ каждый періодъ.

Обзоръ университетскихъ лекцій проф. Бальдера получалъ надлежащую ясность послѣ изданія сочиненія „Къ исторіи общественно-государственнаго строя Польши“. Въ него авторъ, конечно, включилъ всѣ перемены и дополненія, которыя не считалъ возможнымъ помѣстить въ печатномъ обзорѣ, составленномъ по литографированнымъ лекціямъ 1896 г.

Курсъ распадется на изложеніе предварительныхъ свѣдѣній и на исторію государственнаго устройства Польши. Во вступленіи авторъ говоритъ о славянахъ, ихъ первобытныхъ жилищахъ, ихъ раздѣленіи, ихъ позднѣйшомъ расселеніи и о первыхъ славянскихъ государствахъ. Затѣмъ слѣдуетъ дѣленіе польской исторіи права на періоды и обстоятельное изложеніе, а также критическая оцѣнка литературы предмета. Наиболѣе важнымъ является дѣленіе исторіи польскаго права на періоды, ибо въ немъ раскрывается взглядъ выдающагося ученаго на самое существо совершившагося историческаго процесса, при чемъ я

буду пользоваться русскимъ изложеніемъ взглядовъ автора, какъ наиболѣе новымъ и полнымъ.

Политическій строй государствъ, говорятъ онъ, подлежатъ съ теченіемъ времени существеннымъ перемѣнамъ, которыя даютъ основаніе для установленія періодовъ; на границѣ стоятъ здѣсь факты первостепенной важности, не всегда однако подлежащіе точному хронологическому опредѣленію. Такъ какъ всякій политическій строй состоитъ изъ двухъ основныхъ элементовъ: общественнаго (организация общества) и государственнаго (организация государства), органически связанныхъ другъ съ другомъ, непосредственно вліяющихъ другъ на друга, совладающихъ по задачамъ и конечнымъ цѣлямъ, но тѣмъ не менѣе часто сталкивающихся другъ съ другомъ въ стремленіи осуществить эти задачи и цѣли, то слѣдуетъ избирать для отличія періодовъ извѣстныя основныя отношенія, какъ они складываются у этихъ элементовъ въ теченіе даннаго времени.

На основаніи основнаго отношенія элемента государственнаго къ общественному профессоръ Бальцеръ различаетъ, кромѣ вводнаго періода, простирающагося въ доисторическую эпоху, когда на почвѣ первобытной славянской культуры создались первые зачатки польскихъ общественныхъ и политическихъ учрежденій, въ историческія времена слѣдующіе три періода, а потомъ еще начало четвертаго періода.

I. „Періодъ первый, *княжескаго права*, отъ начала илстовской монархіи до начала XIII в., т. е. до появленія великихъ иммунитетныхъ привилегій для польской церкви (1211, 1214—1215 гг.). Отличительная черта этого періода—сильная централизованная княжеская власть, съ совокупностью прерогативъ, охватываемыхъ понятіемъ „княжескаго права“, при непосредственномъ подчиненіи всего общества, не обладающаго еще никакими правами самоуправленія, власти князя или зависимыхъ отъ него чиновниковъ: государственный элементъ здѣсь рѣшительно преобладаетъ надъ общественнымъ.

II. Періодъ второй, *самоуправленія сословныхъ обществъ* (*communitates*), отъ начала XIII в. до начала XVI в. (1505 г., радомская конституція). Общество распадается на нѣсколько обособленныхъ группъ, принципиально замкнутыхъ внутри себя, снабженныхъ опредѣленными специальными, отчасти даже различными привилегіями или правами (духовенство, шляхта, мѣщанство, крестьянство), при чемъ каждое сословіе, отчасти даже и низшее, крестьянское сословіе, пріобрѣтаетъ право самостоятельнаго рѣшенія своихъ внутреннихъ дѣлъ съ помощію органовъ самоуправления, при томъ такъ, что ни одно

сословіе не можетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла другого сословія. Такимъ образомъ осуществляется принципъ общественнаго равновѣсія; на ряду съ этимъ вырабатывается и равновѣсіе элементовъ общественнаго и государственнаго. Ибо государство также не имѣетъ права стѣснять сословное самоуправленіе, вмѣшиваясь во внутреннія дѣла сословій; съ другой стороны, существуетъ извѣстный кругъ общихъ дѣлъ, входящихъ въ сферу дѣятельности государства, выполняемыхъ имъ самостоятельно, съ помощью государственныхъ органовъ, при чемъ всѣ общественныя группы обязаны соотвѣствующимъ образомъ содѣйствовать осуществленію названныхъ общегосударственныхъ цѣлей.

III. Періодъ третій, *шляхетской Речи Посполитой*, отъ начала XVI вѣка до четырехлѣтняго сейма (1788). Здѣсь прежде всего происходитъ нарушеніе равновѣсія въ самой общественной организаціи, въ томъ смыслѣ, что одно изъ сословій, шляхта, ограничиваетъ права низшихъ сословій (мѣщанства и кметей) и упрочиваетъ за собою господствующее вліяніе на ихъ внутреннія дѣла; что же касается духовнаго сословія, то оставляетъ за собою исключительный доступъ во всѣмъ высшимъ церковнымъ должностямъ и такимъ путемъ тѣсно связываетъ и это сословіе со своими сословными интересами. Добившись, такимъ образомъ, перевѣса въ сферѣ общественной организаціи, шляхта черезъ шляхетскіе сеймы и сеймики тотчасъ же посягаетъ на исключительное вліяніе въ сферѣ государственныхъ дѣлъ, и доводитъ дѣло до перехода въ ея руки почти всей государственной власти: общественный элементъ получаетъ перевѣсъ надъ элементомъ государственнымъ.

Раздѣленные такимъ образомъ три періода яро отражаютъ отдѣльныя стадіи развитія отношеній обохъ основныхъ элементовъ строя; развитіе началось перевѣсомъ государственнаго элемента надъ общественнымъ; потомъ наступилъ періодъ ихъ равновѣсія; кончилось же дѣло перевѣсомъ элемента общественнаго надъ государственнымъ. Законодательство четырехлѣтняго сейма (1788—1792 гг.) и, прежде всего, конституція 3-го мая, правда, не успѣли устранить цѣлкомъ эту непропорціональность, но все же во многомъ смягчили рѣзкость сложившихся отношеній: они дали низшимъ слоямъ правовую защиту, отчасти возвратили имъ самоуправленіе, признали за ними нѣкоторыя прежде отнятыя у нихъ политическія права (напр., за мѣщанами—доступъ къ должностямъ, а въ извѣстной мѣрѣ и участіе въ сеймѣ). Одновременно съ тѣмъ они реорганизовали сеймъ, въ духѣ новаго вре-

мени, ввели наследственность престола, создали сильную высшую правительственную власть. Такимъ образомъ строй Польши сталъ опираться на новыхъ основахъ; дальнѣйшее его развитіе и усовершенствованіе принадлежали будущему. Съ этого момента можно начинать *новый, четвертый по порядку періодъ, періодъ реформъ*, направленныхъ къ созданію *государства новаго времени*, періодъ, къ несчастію, прерванный въ самомъ своемъ началѣ двумя послѣдними раздѣлами Польши¹⁾.

И такъ дѣленіе исторіи польскаго государственнаго права у проф. Бальцера построено на отношеніи элемента государственнаго къ общественному. Такое основаніе для дѣленія гораздо уже, чѣмъ у проф. Челяковскаго: меньшее или большее развитіе правового организма примѣнимо ко всѣмъ областямъ права, между тѣмъ какъ отношеніе государственнаго элемента къ общественному пригодно только къ политическому быту. Мнѣ кажется, однако, такое основаніе характеристики у Бальцера вызываетъ нѣкоторое сомнѣніе въ первомъ періодѣ, а потому и не можетъ быть положено въ основу цѣлой периодизаціи. Для противоположенія элементовъ государственнаго и общественного необходимо, думается мнѣ, самоопредѣленіе обоихъ элементовъ, что дѣйствительно замѣчается во второмъ и третьемъ періодахъ, но крайне сомнительно въ первомъ.

Польское государство образуется путемъ завоеванія сосѣднихъ славяно-польскихъ племенъ князьями полянъ. Князья эти, конечно, считали себя сначала простыми завоевателями, но очень рано Мечиславъ I и въ особенности Болеславъ Храбрый, подражая Отгону III, представляются организаторами государства и церкви по западно-европейскому образцу и наследителями западно-европейской образованности. Таковой отпечатокъ лежитъ на всѣхъ Болеславахъ, но уже при Казиміръ Справедливомъ замѣчается умаленіе княжескаго достоинства, князь становится иногда простымъ исполнителемъ воли церкви, а послѣ него слѣдуютъ цѣлый рядъ князей, рассматривающихъ княже-

¹⁾ Д-ръ Осв. Бальцеръ, Къ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. Стр. 5—7. Я считалъ необходимымъ передать дѣленіе на періоды и ихъ характеристику словами самого автора, ибо въ вопросѣ о периодизаціи выражаются наиболѣе глубокія мысли о ходѣ развитія всего политическаго строя Польши. Нашъ авторъ посвящаетъ цѣлый отдѣлъ (стр. 4—32) вопросу о раздѣленіи исторіи строя Польши на періоды; послѣ изложенія своихъ взглядовъ онъ говоритъ объ отношеніи своей периодизаціи къ периодизаціямъ М. Вобрижинскаго и Ст. Куртжебы, а также разбираетъ спорные пункты, связанные съ периодизаціей; въ сочиненіи Куртжебы.

ство, какъ свое частное семейное достояніе. Говоря о наследованіи престола, проф. Бальперъ совершенно правъ, замѣчая, что съ древнѣйшихъ временъ по смерти отца-князя ему наследуютъ всѣ сыновья сообща подъ верховенствомъ одного изъ нихъ, произвольно назначеннаго отцомъ. Такой порядокъ наследованія прямо заимствованъ изъ частнаго быта; даже верховный князь имѣетъ свой образецъ въ домохозяйствѣ. Весь характеръ управленія тоже является чисто частнымъ. Это довольно картинно изображено въ описаніи основанія Гейриховскаго монастыря въ Силезіи. Все это обозначаетъ, что только особенно талантливыя личности изъ князей и притомъ подъ сильнымъ вліяніемъ блестящихъ представителей Запада (Оттоновъ, папы Григорія VII и его преемниковъ) увлекаются политическими и религіозными идеалами, но какъ только это измѣняется, князья подчиняются общественной средѣ, не умѣвшей еще различать отношеній политическихъ отъ частныхъ. Даже такой замѣчательный правитель, какъ Болеславъ Кривоустый, и онъ своимъ завѣщаніемъ доказалъ, что не могъ подняться до пониманія политическихъ отношеній, задачъ и интересовъ. Точно также не трудно доказать, что и общество еще не опредѣлялось, и это признаютъ и проф. Бальперъ; личность, поступающая въ дружину, становилась орудіемъ княжеской воли и разрывала всякую связь съ обществомъ, такъ что ее приходилось ограждать отъ посягательствъ высшими ценями, ибо ея кровный союзъ за нее не заступался. Только во второй половинѣ XII вѣка у знати замѣчаются первые слѣды сословнаго интереса. И такъ, по моему мнѣнію, трудно противопоставлять государственные и общественные интересы тамъ, гдѣ ни тѣ, ни другіе еще не сознавались; они только нарождались подъ вліяніемъ Запада. Очевидно, сомнѣніи, вызываемыя первымъ періодомъ, должны отразиться и на остальныхъ, такъ какъ основа периодизаціи должна быть одна и та же во всѣхъ трехъ періодахъ.

Дальнѣйшее недоумѣніе вызываетъ во мнѣ опредѣленіе конца I періода. Борьба за привилегированное положеніе церкви начинается съ гнѣзненскаго архіепископа Гейриха Кетлича, современника Иннокентія III, но польское общество было такъ мало къ этому подготовлено, что Владислава Одонича, чрезвычайнаго покровителя церкви и вдохновителя другихъ князей въ этомъ направленіи, именно за удѣленіе княжескихъ привилегій церкви, населеніе свергло съ престола. Не ранѣе половины XIII вѣка замѣчается поворотъ въ польскомъ общественномъ мнѣніи вслѣдствіе чрезвычайныхъ стараній церкви. Привилегированное положеніе церкви вмѣстѣ съ появленіемъ въ боль-

номъ количествѣ городовъ съ нѣмецкими самоуправляющимися жителями и послужило образцомъ для другихъ слоевъ населенія; привилегіи шляхты опредѣляются не ранѣе второй половины XIII вѣка. Къ этому времени относится выдѣленіе и другихъ сословій, при чемъ огромное значеніе и для крестьянства имѣла нѣмецкая колонизація XIII вѣка; она собственно дала формы для самоуправленія не только горожанамъ, но и крестьянамъ. Если теперь принять во вниманіе, что періодъ опредѣляется владычествомъ извѣстныхъ идей, для II періода идеи сословнаго самоуправленія, надъ умами массъ, тогда оказывается непонятнымъ, почему нашъ авторъ отнесъ тринадцатый вѣкъ ко второму періоду. Въ началѣ XIII вѣка мы видимъ неподготовленность общества признавать даже самоуправленіе церкви; сами образцы для самоуправленія свѣтскаго общества даются извнѣ, духовенствомъ и нѣмецкими колонистами; которые приходятъ особенно во второй половинѣ XIII вѣка въ великую и малую Польшу; наконецъ сословныя права и преимущества духовенства возникаютъ, по моему мнѣнію, въ первой половинѣ, а шляхты не ранѣе второй половины XIII вѣка¹⁾. Кромѣ всего этого въ это время совершается существенный переворотъ во всемъ строѣ польской жизни. Въ 1295 г. великопольскій князь Пржемыславъ II коронуется въ польскіе короли, что доказываетъ окончательную побѣду политическаго элемента надъ частнымъ въ пониманіи государственной власти ея почитателями; во второй половинѣ XIII вѣка падаетъ классъ дѣдичей, т. е. свободныхъ земледѣльцевъ, сидящихъ на своихъ собственныхъ малыхъ участкахъ; въ концѣ XIII вѣка разлагаются ополя, древнія славянскія территориальныя общины, въ составъ которыхъ входило нѣсколько деревень, со своимъ широко развитымъ, по моему мнѣнію, самоуправленіемъ, чрезвычайно важнымъ для древняго суда и управленія; въ самомъ началѣ XIV вѣка исчезаютъ суды божіе и появляются первые слѣды слѣдственной системы процесса. Однимъ словомъ, куда мы ни кинемъ нашъ взглядъ, вездѣ мы замѣчаемъ въ концѣ XIII вѣка окончательное паденіе старославянскихъ началъ, унаслѣдованныхъ еще отъ временъ языческихъ, и побѣду началъ, занесенныхъ съ Запада, а самъ XIII вѣкъ представляется мнѣ временемъ ожесточенной борьбы стараго съ новымъ.

¹⁾ Проф. Балцеръ относитъ, въ противоположность д-ру Куртшебѣ, образованіе сословій въ XIII вѣку, а именно организацію духовенства къ началу, а шляхты ко второй половинѣ XIII вѣка. Къ исторіи общественно-государственнаго строя Польши, стр. 14—32, 197—199, 202—204.

Послѣднее сомнѣніе относительно періодизаціи вызывается во мнѣ тѣмъ, что четырехлѣтній сеймъ открываетъ, по мнѣнію автора, четвертый періодъ, періодъ современнаго польскаго государства, а отсутствіе дальнѣйшаго развитія объясняется исключительно иностраннымъ вмѣшательствомъ. Несомнѣнно, что со Станислава Августа начинаются реформы, что образуется группа очень вліятельныхъ лицъ, стремящихся къ усовершенствованію государственнаго строя, что эта группа находитъ себѣ поддержку въ королѣ. Ей удалось даже настолько наэлектризовать польское общество, что реформы были осуществлены 3-го мая 1791 г., хотя подготовка самой конституціи и велась секретно отъ широкой шляхетской массы. Несомнѣнно также и то, что Тарговицкая конфедерація и гродненскій сеймъ дѣйствовали подъ давленіемъ Россіи. Все это вѣдь сомнѣній. Но для начала новаго періода требуется, думается мнѣ, нѣчто болѣе существенное, ибо нельзя отрицать, что реформы 1791 г. продержались не болѣе двухъ лѣтъ и наліи подѣ напоромъ шляхетской массы. Мы видимъ людей, жаждущихъ реформъ, и въ XVI вѣкѣ (Фричь Модржевскій, Скарга и т. д.); мы находимъ при Сигизмундѣ Августѣ даже цѣлую партію, требующую на сеймахъ улучшеній, что и привело къ нѣкоторымъ успѣхамъ. Нѣсколько усовершенствованій, притомъ выполненныхъ только извѣстною группою, не создаютъ еще новаго періода. Для этого нужна переиѣна основныхъ взглядовъ на государство и общество и притомъ, если не въ цѣломъ народѣ, то по крайней мѣрѣ въ руководящихъ общественныхъ слояхъ. Спрашивается теперь, произошло ли такое измѣненіе и даже могло ли оно произойти?

Для рѣшенія этого вопроса приходится обратиться къ очень отдаленнымъ временамъ. Среди общей массы свободнаго населенія еще при Болеславѣ Кривоустомѣ въ концѣ XI и началѣ XII вѣковъ слугается классъ людей, специально занятый военною службою на конѣ. По мѣрѣ выдѣленія рыцарства на Западъ и образованія его идеаловъ все это переносится въ Польшу, и уже во второй половинѣ XIII вѣка появляется рыцарство, какъ сословіе свободное, обладающее по праву частной собственности землею, освобожденною отъ нѣкоторой части налоговъ и повинностей, и охраняемое высшими пенями за посягательство на него. Въ XIV в. рыцарство получаетъ самоуправленіе, а также возможность оказывать вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ. Въ 30-хъ годахъ XV вѣка въ Польшу проникаетъ идея рыцарскаго равенства и братства, имѣвшая чрезвычайное значеніе для польскаго

рыцарства, придавшая ему особенную сплоченность и объединившая его со знатью. Около половины XV вѣка рыцарство приобретает право рѣшать на своихъ собраніяхъ вопросы о нововведеніяхъ и объ участіи земскихъ войскъ въ походахъ. Послѣ паденія ордена Крестоносцевъ въ 1466 г. и открытія устьевъ Вислы цѣны сельскихъ продуктовъ чрезвычайно возвышаются, что сильно обогащаетъ рыцарей, какъ сословіе по преимуществу поземельныхъ собственниковъ. Изъ представителей отдѣльныхъ сеймиковъ образуется подъ конецъ XV вѣка сеймъ, куда входятъ король, сенатъ вначалѣ съ совѣщательнымъ голосомъ, и посольская палата. Если принять во вниманіе, что по обычаю еще съ XIII вѣка всѣ высшія должности занимаются шляхтою, тогда станетъ совершенно понятнымъ, почему съ конца XV вѣка вся политическая власть сосредоточивается въ рукахъ этого сословія.

Этому постоянному росту рыцарскаго, т. е. дворянскаго, могущества чрезвычайно способствуетъ отсутствіе всякаго уравновѣшивающаго элемента. При повсемѣстной слабости во всей Европѣ крестьянства могли имѣть значеніе противовѣса только горожане съ королемъ. Однако, ихъ положеніе было подорвано тѣмъ, что они были нѣмецкаго происхожденія, а при постоянныхъ войнахъ съ нѣмецкимъ орденомъ Крестоносцевъ это вызывало немаловажныя подозрѣнія, тѣмъ болѣе что возстаніе краковянъ противъ Владислава Локетка не было позабыто. Притомъ, громадныя богатства польскихъ городовъ XIV вѣка начали исчезать вслѣдствіе упадка торговли по причинѣ перемѣнъ въ путяхъ сообщенія. Королевская власть еще во второй половинѣ XII вѣка была подорвана стараніями духовенства, всецѣло проникнутаго убѣжденіями Григорія VII и Иннокентія III о преходящемъ значеніи государства. Если въ рѣшительный моментъ, въ концѣ XII и началѣ XIII вѣковъ, папскій престолъ и поддержалъ силу королевской власти въ Чехіи, то это происходило потому, что могущественные чешскіе короли могли служить противовѣсомъ западноримскимъ императорамъ. Въ Польшѣ такой необходимости въ поддержкѣ свѣтской власти, конечно, не представлялось; здѣсь безпрепятственно дѣйствовало общее недоуверіе къ королевской власти и стремленіе найдти въ знати охрану противъ ея возможныхъ посягательствъ на церковь. Наконецъ, ко всему этому присоединилось еще одно очень важное явленіе. Несомнѣнно, средневѣковая католическая церковь побуждала поляковъ двигаться на Востокъ, заставляла ихъ присоединить древній Галичь, стремиться къ объединенію съ Литвою. Но для успѣха релігіозной пропаганды должны были быть созданы мѣстныя силы, под-

держивающія интересы католичества. Это могло быть достигнуто посредствомъ надѣленія польскихъ шляхтичей обширными земельными пространствами на Востокѣ, посредствомъ поощренія нѣмецкой колонизаціи въ русско-литовскихъ городахъ, а главное посредствомъ привлеченія на свою сторону землевладѣльческихъ слоевъ въ приобрѣтенныхъ странахъ. Слѣдовательно, чѣмъ шире были политическія и общественныя права польскаго рыцарства, тѣмъ сильнѣе проявлялось желаніе у бояръ литовскихъ и русскихъ, у бароновъ нѣмецкихъ войти въ составъ польскаго рыцарства посредствомъ ихъ воспріятія въ гербы отдѣльныхъ польскихъ родовъ. Такимъ образомъ интересъ всемогущей въ средніе вѣка церкви сливался здѣсь съ интересомъ рыцарства. Этимъ, я убѣжденъ, объясняется, почему церковь допустила въ 1496 г. начало, что высшія церковныя должности могутъ быть занимаемы только шляхтичами. Для католической церкви было выгодно придать католичеству на Востокѣ характеръ церкви дворянской и вселить въ русско-литовское населеніе убѣжденіе, что православіе и иновѣрчество суть вѣроисповѣданія крестьянское и мѣщанское. И такъ цѣлый рядъ причинъ соединился для того, чтобы сдѣлать къ XVI вѣку дворянство полнымъ властелиномъ Польши.

Созданное длиннымъ рядомъ столѣтій веселіе шляхты нашло себѣ краснорѣчивое оправданіе въ возродившейся литературѣ древнихъ грековъ и римлянъ. Исторія классическихъ народовъ представляла блестящіе образцы народовластія, но подъ народомъ понимались не народныя массы, состоящія изъ ремесленниковъ, вольноотпущенныхъ и рабовъ, а зажиточные землесобственники, имѣвшіе вслѣдствіе поднвольнаго труда рабовъ достаточно досуга для занятія науками, искусствами и политическими дѣлами. Только земледѣльческій трудъ облагораживалъ челоуѣка, говорили древніе; ремесла и торговля принижали его и приучали къ плутовству и обману. При иноводчествѣ и упадкѣ горожанъ, при безпомощности крестьянъ, при слабости королевской власти эти идеи падали въ Польшѣ на чрезвычайно благоприятную почву. Онѣ оправдывали приниженіе горожанъ, лишеніе ихъ права имѣть недвижимую собственность, устраненіе ихъ отъ политическихъ сѣздовъ, сеймишловъ и сейма; онѣ краснорѣчиво доказывали необходимость прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ и обремененія ихъ неносильною барщиной; онѣ наводили на мысль о выборѣ жороя народомъ—шляхтой, какъ было въ Римѣ царей; онѣ всецѣло подтверждали притязаніе шляхты сосредоточить въ своихъ рукахъ всю полноту законодательной, исполнятельной и судебной власти.

Результатъ осуществленія такихъ идей въ жизни на первыхъ порахъ оказался чрезвычайно благоприятнымъ; появился необычайный разцвѣтъ благосостоянія и литературы; предѣлы Польши раздвигались мирнымъ путемъ, при чемъ съ поразительною быстротою возникало духовное единство новопріобрѣтенныхъ земель безъ всякаго внѣшняго давленія, ибо дворянство всѣхъ составныхъ частей, національностей и вѣроисповѣданій проникалось однимъ духомъ и сплавивало духовнымъ цементомъ образованности все огромное государство. Затѣмъ наступаютъ признаки разложенія; торговля и промышленность, задержанныя въ своемъ развитіи мѣрами въ интересахъ дворянства, падаютъ; горожане бѣднѣютъ и грубѣютъ; крестьяне превращаются въ нищихъ и дичаютъ; умственный кругозоръ самаго дворянства суживается, ибо развитіе критическаго мышленія не было въ интересахъ могущественной польской церкви. Все это не укрывается отъ взгляда передовыхъ людей общества, которые требуютъ реформъ. Тѣмъ не менѣе прежній бытъ держался чрезвычайно крѣпко, ибо онъ отвѣчалъ интересамъ церкви и широкихъ шляхетскихъ массъ, а также самому составу государства. Церковь при помощи католическаго дворянства и шляхетскаго духовенства приводила разновѣрческіе народы сначала къ униі съ Римомъ, а затѣмъ постепенно и къ католичеству. Среди шляхты немногія лица были богаты; громадное большинство было бѣдно; оно чуждалось торговли и промышленности, занималось исключительно земледѣліемъ и совершенно не могло существовать безъ дароваго крестьянскаго труда. Наконецъ въ государствѣ духовное единство имѣлось только въ одномъ дворянствѣ: уже среди горожанъ замѣчались въ обилии гѣмцы и оврен, не имѣвшіе ничею общаго съ поляками, а крестьяне различались по національностямъ; кромѣ поляковъ среди нихъ были и русскіе, и гѣмцы, и литовцы, эстонцы и т. д. Понятно, слѣдовательно, что когда могучій подъемъ прогрессивныхъ силъ (1788—1791) сталъ нѣсколько ослабѣвать, появилось раздумье, а затѣмъ и прямое желаніе возвратиться къ старымъ порядкамъ.

Дѣйствительно, возвышенныя и отчасти осуществленныя широкія реформы представляя для шляхты тою времени не мало крайне сомнительныхъ точекъ. Положенное начало равноправія различныхъ вѣроисповѣданій могло нарушить единство религіозныхъ вѣрованій въ шляхтѣ и тѣмъ ослабить ея духовную цѣльность. Удѣленіе права приобретать недвижимости горожанамъ должно было еще болѣе затруднить положеніе безземельной шляхты. Неизвѣстно было, что внесутъ горожане въ политическую жизнь, когда имъ будетъ предоставлено

участіе въ сеймѣ, къ чему, очевидно, должно было придти въ недалекомъ будущемъ. Не поднимется ли до чрезвычайности цѣна рабочихъ рукъ вслѣдствіе признанія обязательной силы договоровъ между землесобственниками и крестьянами? Не сдѣлается ли дворъ наследственнаго короля центромъ всевозможныхъ интригъ? Вообще, не подорвутъ ли реформы преобладаніе дворянства въ государствѣ, а дворянство было тогда наиболѣе просвѣщеннымъ сословіемъ, наиболѣе сплоченнымъ во всѣхъ частяхъ государства и наиболѣе привычнымъ къ дѣламъ управленія. Другими словами, не наступитъ ли разложеніе государства вслѣдствіе ослабленія двухъ силъ, католичества и шляхты, придавшихъ ему единство и обозначившихъ ему самое существованіе?

Ко всей этой боязни поколебать вѣковые устои государства присоединялись низземныя вліянія. Безспорно, партія реформъ въ Польшѣ была оживлена идеями, возникшими въ передовыхъ слояхъ французскаго общества. Но именно 91—92 годы французской революціи разочаровали ея поклонниковъ. Первый опытъ примѣненія къ жизни просвѣтительныхъ идей, возникшихъ въ типѣ кабинетовъ, оказался ужаснымъ. Если исходъ французской революціи вызвалъ реакцію во всей Европѣ, тѣмъ болѣе это должно было совершиться въ Польшѣ, гдѣ идеи вѣротерпимости и равноправія шли въ разрѣзъ съ самымъ строемъ государства. Къ этому присоединилось еще вліяніе Россіи. Для значительной части польскаго шляхецкаго общества XVIII вѣка соединеніе съ Россіей обозначало повтореніе соединенія Польши съ Литвою. Въ концѣ XIV вѣка мирнымъ путемъ раздвинулись предѣлы Польши, при чемъ шляхта и духовенство только выиграли. Тенерь, казалось, наступало время продѣлать то же самое, но только въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ. Эти ожиданія считались тогда настолько правдоподобными, что даже іезуиты, всегда отличавшіеся политическимъ чутьемъ, встрѣчали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вступленіе русскихъ войскъ послѣ раздѣла Польши съ благодарственнымъ торжественнымъ богослуженіемъ. Если звѣрить все сказанное нами, тогда, думается мнѣ, необходимо придти къ заключенію, что реформы 1764—1791 гг. вытекали не изъ измѣненія во взглядахъ народныхъ массъ, какъ это требуется для начала новаго періода, а изъ желаній небольшой, но крайне вліятельной группы лицъ, сумѣвшей временно наэлектризовать всю польскую шляхту. Что такой мой взглядъ на событія 1788—1795 гг. не лишитъ основаній, видно изъ послѣдующей исторіи. Прошли сто лѣтъ послѣ Тарговицы, и въ Галиціи до сихъ поръ мы подмѣчаемъ духъ Тарговиц-

кой конфедерации, а именно преобладание кастовых землевладельческих дворянских интересов, клерикализм, пренебрежение къ другимъ нешляхетскимъ слоямъ населенія, наконецъ узкій націонализмъ. Всѣ эти явленія не случайны; польское вліяніе раскинулось на большія этнографически чуждыя ему пространства, гдѣ оно держится посредствомъ многоземельнаго дворянства и католической церкви. Поэтому всякое колебаніе дворянскихъ интересовъ вслѣдствіе расширения самосознанія народныхъ массъ, всякое ослабленіе вліянія на умы католической церкви неминуемо должно уменьшить польское значеніе, что чутьемъ понимается живымъ польскимъ народомъ.

Судя по программѣ, самъ предметъ излагался на лекціяхъ въ порядкѣ, значительно различномъ въ различныхъ періодахъ вслѣдствіе существенныхъ измѣненій въ организаціи государственной власти и общества, а также въ составѣ территоріи. Первый періодъ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе параграфы: происхожденіе польскаго государства; формы первобытнаго поселенія; организація общества; существо княжеской власти и отношеніе Польши къ папству и нѣмецкой имперіи; наследованіе престола; государственное устройство и управленіе; судоустройство; тяжести княжескаго права (т. е. финансы); военное дѣло; развитіе права. Во второмъ періодѣ авторъ останавливается на слѣдующихъ вопросахъ: переходъ ко второму періоду. Имунитеты и происхожденіе самоуправленія; церковь и духовенство; шляхта; горожане и города; крестьянство; судоустройство въ городахъ и деревняхъ, основанныхъ на нѣмецкомъ правѣ; княжеская и королевская власть. Унія Литвы съ Польшею. Ленныя страны; наследованіе престола; земскія должности. Земли и уѣзды (powiaty); старосты; придворныя должности и должности государственныя; вѣча. Общія сѣзды. Сенатъ. Сеймики. Сеймы; конфедерации; судоустройство; финансы; военное дѣло; развитіе права. Въ третьемъ періодѣ излагаются слѣдующіе предметы: переходъ къ 3-ему періоду. Шляхетское государство; шляхта; упадокъ городовъ; ограниченія крестьянскаго сословія; вѣроисповѣданія; сеймы и сеймики; конфедерации; избранія королей. Rosta conventa; центральное управленіе; областное управленіе; судоустройство; финансы; военное дѣло; источники права. „Зачатки IV періода“ подъ заглавіемъ: „реформа устройства Польши съ 1788 г.“ говорятъ о слѣдующихъ вопросахъ: возникновеніе и приготовленіе реформъ; реформы общества; реформа рѣшенія дѣлъ въ сеймахъ; реформы государственнаго устройства; развитіе реформъ конституціи въ законодательствѣ четырехлѣтняго сейма; паденіе и значеніе реформъ.

Изъ этого обзора, при чемъ въ каждомъ параграфѣ въ самыхъ общихъ чертахъ изложено содержаніе; легко усмотрѣть, какой огромный интересъ представляло бы полное изданіе лекцій выдающагося ученаго.

Не останавливаясь на частностяхъ, я сосредоточилъ все свое вниманіе на характеристикѣ періодовъ, такъ какъ въ этомъ выражается, какъ понимаетъ извѣстный авторъ завершившіеся историческіе процессы. Какъ видно изъ моихъ замѣчаній, я не вполне удовлетворенъ распредѣленіемъ исторій государственнаго права на періоды. Наши ученые, думается мнѣ, остановились на наиболѣе выпуклыхъ особенностяхъ отдѣльныхъ періодовъ, не придавъ выдающагося значенія *тѣмъ силамъ*, которыя двигали славянскія общества иногда даже противъ ихъ воли ¹⁾). Настоящій прогрессъ идей совершался вѣтъ славянства; оно усваивало эти идеи, но сколько оно ихъ понимало, и приспособляло ихъ въ своимъ бытовымъ условіямъ, на сколько это ему казалось возможнымъ. Притомъ это воспріятіе совершалось всегда съ значительнымъ опозданіемъ. Заводилось, напримѣръ, въ Чехіи и Польшѣ крѣпостное право и устанавливался сословный строй, когда оба явленія уже исчезали въ Англіи; укрѣплялись идеи просвѣщеннаго абсолютизма въ Россіи, когда уже появлялись сомнѣнія въ ихъ пользѣ, въ западной Европѣ. Затѣмъ оба автора недостаточно внимательно отнеслись къ требованію правильной періодизаціи, а именно, что измѣненія въ структурѣ государства и общества *должны происходить вслѣдствіе сознанія объ ихъ необходимости народныхъ массъ или по крайней мѣрѣ руководящихъ общественныхъ слоевъ*. Такъ, напримѣръ, въ Польшѣ вслѣдствіе появленія особенно энергической личности на чигѣзлонскомъ архіепископскомъ престолѣ и подъ непосредственнымъ вліяніемъ одного изъ гегемоническихъ папъ Иннокентія III, т. е. вслѣдствіе какъ бы случайныхъ событій, устанавливается выборъ епископовъ капитулами и издается рядъ чрезвычайно важныхъ привилегій въ пользу духовенства между 1207—1215 гг. Однако позднѣйшія происшествія, а также дальнѣйшія изданія многочисленныхъ привилегій въ пользу отдѣльныхъ епископовъ, монастырей, церковей, ясно доказываютъ, что папы и рыцарство въ первой половинѣ XIII вѣка еще не свыклись съ привилегированнымъ положеніемъ церкви. Наконецъ, неправильною ка-

¹⁾ Впрочемъ періодизаціи проф. Челіковскаго въ этомъ отношеніи почти неповиная; онъ особенно подчеркиваетъ западно-европейское вліяніе на ходъ развитія политической жизни Чехіи.

жестя мѣ самая *исходная точка* обомхъ писателей, что сильнѣе замѣчается у проф. Бальцера, гораздо слабѣе у проф. Челяковскаго. Они оба берутъ за исходный моментъ уже сложившееся государство съ кажущеюся имъ неограниченною княжескою властію, между тѣмъ какъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ принимать за точку отправленія древнѣйшій славянскій бытъ до появленія сильной княжеской власти и введенія христіанства. По описаніямъ профессоровъ Челяковскаго и Бальцера Чехія и Польша представляются государствами, въ которыхъ, если не народныя массы цѣлкомъ, то по крайней мѣрѣ паны и военный элементъ прониклись глубокимъ сознаниемъ необходимости сильной княжеской власти ¹⁾. Эта власть и кладетъ свой отпечатокъ на первый періодъ, такъ что постепенное ослабѣваніе ея въ интересахъ общества и является одною изъ особенностей дальнѣйшаго развитія чешскаго и польскаго государствъ. Такого рода положеніе оказывается по отношенію къ Польшѣ, по моему мнѣнію, совершенно невѣрнымъ. Княжеская власть въ самомъ началѣ періода представляется до того неокрѣпшею, что достаточно было смерти такого гениальнаго представителя княжеской власти, какъ Болеславъ Храбрый, и вступленія на престолъ далеко не безталантливаго его сына, Мочислава II, чтобы все государственное зданіе рухнуло. Мы чрезвычайно мало знаемъ историческія событія X и XI вѣковъ, но и то, что извѣстно, не говоритъ въ пользу крѣпкой княжеской власти. Изгнаніе Болеслава Сибѣлаго, одного изъ энергичныхъ и талантливыхъ польскихъ князей, вѣроятныя попытки воеводы Сѣдеха занять престолъ Пястовичей, доисторическое преданіе о замѣнѣ династіи Попеловичей Пястовичами, все это свидѣтельствуетъ объ отсутствіи въ народныхъ массахъ глубокой вѣры въ необходимость сильной княжеской власти и большой привязанности къ занявшей престолъ династіи.

Стоитъ только принять за исходный моментъ древнѣйшій языческій славянскій бытъ до образованія большихъ политическихъ единицъ и множество непримиримыхъ противорѣчій источниковъ найдутъ, по моему мнѣнію, свое надлежащее разъясненіе. Въ какомъ же видѣ представляется намъ этотъ древнѣйшій бытъ, на сколько мы можемъ

¹⁾ Единственно при такомъ предположеніи можно въ Польшѣ говорить о періодѣ княжескаго права. О Чехіи Челяковскій говоритъ: „Во время соединенія чешскихъ племенъ въ X ст. представляется намъ его (князя) власть почти неограниченною, по временамъ жестокою и деспотическою; съ XI ст. чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе начинаютъ ее ограничивать шляхта и духовенство, которымъ нѣтъ рѣшающее значеніе въ земскомъ совѣтѣ и на сеймахъ“, стр. 61. *Revue des Études Slaves*, 2 изд.

въ него проникнуть при помощи историческихъ, филологическихъ и археологическихъ данныхъ, а также при помощи аналогій съ древнѣйшимъ бытомъ грековъ, римлянъ, германцевъ?

Славянство, занимавшее въ VIII и IX вѣкахъ громадное пространство въ восточной и юго-восточной Европѣ, распадалось на множество племенъ, во главѣ которыхъ стояли племенные князья. Народностей еще не образовалось, хотя конечно между сосѣдними племенами подмѣчалась большая близость въ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ, религиозныхъ вѣрованіяхъ. Не смотря на князей, существовало народовластіе, ибо князь былъ исполнителемъ народной воли, которая проявлялась въ совѣтѣ старѣйшихъ, обсуждавшемъ дѣльный вопросъ, и въ народномъ собраніи, гдѣ могъ участвовать каждый взрослый мужчина и гдѣ постановлялось рѣшеніе по обсужденному въ совѣтѣ вопросу; и тутъ, и тамъ требовалось единогласіе ¹⁾. Племя распадалось на братства, будущія ополча, околицы, жупы, верви, связанные съ центромъ крайне слабо и пользующіяся тоже самоуправленіемъ въ формахъ, аналогичныхъ съ управленіемъ племени (княжескій сановникъ, совѣтъ старѣйшихъ, народное собраніе). Самъ народъ распадался на знать, въ которой, какъ въ словъ зажиточномъ и потому могущемъ удѣлять болѣе времени умственному труду, сохранялись добытыя народнымъ опытомъ знанія, а также въ болѣе заочленномъ и чистомъ видѣ вѣрованія, преданія, пѣсни и т. д., и на свободныя народныя массы, жизнь которыхъ была въ значительной степени поглощена добываніемъ средствъ существованія. Этотъ несложный строй сожителства людей ²⁾ былъ весь проникнутъ религиозными вѣрованіями, что придавало ему чрезвычайную прочность и сливало его со всѣмъ духовнымъ міромъ славянина въ одно цѣлостное міросозерданіе. Такъ, напримѣръ, власть князя въ племени, власть старѣйшины въ родѣ вытекала изъ ихъ значенія, какъ жрецовъ, съ чѣмъ тѣснѣйшимъ образомъ была связана ихъ судебная власть. Какъ представитель своего племени передъ богами, князь былъ лицомъ священнымъ. Повидимому, такимъ же качествомъ отличалась древняя славянская знать; такъ какъ въ знатныхъ родахъ сохранялась путемъ устной передачи вся народная му-

¹⁾ Только покойный проф. Харьковского университета Собѣстіанскій былъ склоненъ значительно ограничивать у славянъ въ древнѣйшемъ періодѣ народовластіе

²⁾ Умышленно избѣгаю слово государство, государственныи, общество, общественныи, какъ чрезечуръ точныхъ, ибо въ это время еще не усматриваю сознанія различія интересовъ цѣлаго съ одной стороны и составляющихъ его единицъ съ другой.

дрость, къ которой народъ обращался въ случаѣ болѣзни, распрѣй, войнъ и т. д., то народныя массы въ это отдаленное время не могли объяснить себѣ эти свѣдѣнія своей знати иначе, какъ особымъ даромъ боговъ. Только что описанный бытъ былъ чрезвычайно дорогъ простому славянину, который цѣнилъ свое маленькое государство, гдѣ утромъ онъ могъ быть на народной сходкѣ, а вечеромъ сидѣть въ своей хатѣ у семейнаго очага. Этому единству міросозерцанія у князя, знати и народа, этой сильной привязанности славянскаго простолюдина къ своему быту, этой полной гармоніи духовнаго міра у славянина съ вѣшнею обстановкой, я придаю особенное, чрезвычайное значеніе.

На это многочисленное числомъ, но крайне слабое по своей политической организаціи славянство издавна наступали кочевники, гунны, авары, мадьяры, по эти азійцы, даже болѣе образованные среди нихъ, напримѣръ, хазары, довольствовались одною данью и не вторгались во внутренней бытъ славянъ. Съ VIII вѣка положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось, когда славяне столкнулись съ Византіей и державой кароллинговъ. Обѣ имперіи были проникнуты желаніемъ насадить свою религію и свою христіанскую образованность среди славянъ, притомъ онѣ находились подъ подавляющимъ вліяніемъ римскихъ предамій о вселенности имперіи и не допускали возможности существованія независимыхъ племенъ подлѣ міроваго государства, долженствующаго включить въ себя всѣ христіанскіе народы ради обезпеченія всеобщаго мира. Такимъ образомъ явилась громадная опасность не только для политической независимости славянъ, но и для ихъ языческой культуры. Восточная и западная имперіи могли достигнуть присоединенія славянъ наиболѣе легко при помощи созданія точекъ опоры среди нихъ самихъ; поэтому происходятъ попытки заинтересовать отдѣльных племенныхъ князей въ осуществленіи плановъ имперій посредствомъ общаго за легкую дань и призрачное признаніе верховенства императора поддержать князей въ ихъ стремленіи покорить околныя племена и освободиться отъ подчасъ неудобнаго контроля сената и пароднаго собранія. Одновременно происходятъ измѣненія во взглядахъ князей и нѣкоторой части знати вслѣдствіе частыхъ сношеній съ образованными народами; сравненіе дворцовъ и храмовъ Запада и Востока съ жилищами славянъ, закованной въ желѣзо рати кароллинговъ и византійцевъ съ нестройными и полуодѣтыми полчищами славянъ, однимъ словомъ сравненіе непоказныхъ славянскихъ жилищъ, вооруженія, орудій съ такими же предметами у германцевъ и византійцевъ, наводило на мысль, вслѣдствіе своеобразнаго мышле-

нія первобытнаго человѣка, что христіанскій Богъ сильнѣе, могуще-
ственнѣе славянскихъ боговъ, чѣмъ очевидно подтачивалось въ самомъ
корнѣ славянское міросозерцаніе. Такимъ образомъ незамѣтно для
глазъ современниковъ подготовлялся громадный умственный перево-
ротъ въ цѣломъ славянствѣ.

Описанный мною процессъ засвидѣтельствовать цѣлымъ рядомъ
историческихъ фактовъ. Держава Само, попытка образовать изъ хор-
ватскихъ племенъ одно цѣлое (Людоветь, правитель Гудускановъ
Борна), стремленія различныхъ сербскихъ племенныхъ князей при по-
мощи то Византіи, то Болгаріи объединить сербскія племена, велико-
моравская держава, образованія чешскаго и польскаго государствъ,
представляють между собою поразительное сходство. Вездѣ мы видимъ
выдающагося по талантливости князя, который, опираясь на иностран-
ную помощь, собираетъ кругомъ себя недовольныхъ прежнимъ строемъ,
увеличиваетъ дружину, обучаетъ и вооружаетъ ее по иностраннымъ
образцамъ и выступаетъ завоевателемъ сосѣднихъ племенъ. Въ случаѣ
успѣха не только усиливается его власть, обогащается его дружина,
но и все побѣдоносное племя получаетъ не маловажныя выгоды. Кое-
гдѣ выступаютъ и иноземные завоеватели (Болгарія, Россія), которые
впрочемъ сравнительно скоро славянятся и потому не нарушаютъ
общей картины. Какъ только славянское государство считаетъ себя
достаточно окрѣпшимъ, оно выступаетъ противъ своего покровителя
(франкской монархіи, Византіи, Болгаріи) и стремится освободиться
отъ дани и признамаго во времена образованія верховенства, что
иногда и удается.

Если мы обратимъ вниманіе даже на извѣстныя пмѣт. попытки
образованія славянскихъ государствъ, то легко подмѣтимъ, какъ рѣдко
онѣ удавались; даже тамъ, гдѣ государство вазалось прочно устано-
вившимся, оно сплошь и рядомъ неожиданно падало (велико-морав-
ская держава, сербская держава Чеслава, первое болгарское царство)
или по крайней мѣрѣ переживало трудный кризисъ (временное осла-
бленіе Хорватіи въ первой половинѣ X в., занятіе Праги Болесла-
вомъ Храбрымъ, занятіе Гнѣзна Бретиславомъ I); наконецъ мы мо-
жемъ предполагать, что множество попытокъ племенныхъ князей обра-
зовать одно политическое цѣлое оказалось неудачнымъ въ самомъ
началѣ и потому не оставило по себѣ никакихъ слѣдствъ. Это явленіе,
по моему мнѣнію, можетъ быть объяснено только вѣрностію славянъ
своему старому быту и желаніемъ къ нему возвратиться. Такого рода
выводъ находить себѣ немало подтвержденій. Прежде всего мы видимъ

самыя энергическія усилія князей утвердить христіанство; здѣсь дѣйствовало не столько убѣжденіе въ истинѣ новой вѣры, сколько политическій расчетъ, ибо при старомъ культѣ все напоминало старое народовластіе. Затѣмъ исторія повѣствуетъ намъ о сильной языческой реакціи въ Польшѣ послѣ Болеслава Храбраго, не говоря уже о многочисленныхъ возстаніяхъ противъ новыхъ порядковъ прибалтійскихъ славянъ. Но наиболѣе интересное явленіе представляютъ намъ возникшее при болгарскомъ царѣ Петрѣ богумильство. Богумилы прямо отрицали государство и весь государственный строй съ его сановниками и чиновниками и различіемъ сословій (считали все это порожденіемъ дьявола), отвергали официальное христіанство и всю церковную іерархію и требовали самаго широкаго самоуправленія при полномъ равенствѣ всѣхъ въ земледѣльческихъ общинахъ, гдѣ земля составляла достояніе общины. Если принять во вниманіе, что религіозныя вѣрованія богумильцовъ, несмотря на ихъ армянское происхожденіе, во многомъ, повидимому, напоминали языческую религію славянъ, то можно надѣяться найти и въ политическихъ идеалахъ богумильцовъ отголоски языческой славянской старины. Очевидно, отсутствіе князей и знати, руководившихъ въ былыя времена народными собраніями, было вызвано переходомъ ихъ въ ряды сторонниковъ новаго порядка вещей. Ненависть богумильцовъ къ своему національному государству, заставлявшая ихъ предпочитать византійское иго своему блестящему болгарскому царству, ясно свидѣтельствуетъ намъ, какъ смотрѣли славянскія народныя массы въ X, XI вѣкахъ на своихъ Пржемысловичей, Попеловичей, Пястовичей. Можно ли въ такомъ случаѣ считать первый періодъ исторіи польскаго государственнаго права княжескимъ, особенно если признавать необходимымъ условіемъ правильной періодизаціи измѣненія государственнаго и общественнаго строя перемѣну въ убѣжденіяхъ народныхъ массъ?

Вторымъ важнымъ результатомъ надлежащаго установленія исходной точки является необходимость признанія широкаго самоуправленія въ X, XI вѣкахъ. Славяне, устранившіе всѣ свои дѣла въ народныхъ сходкахъ въ теченіе тысячелѣтій, очевидно, не могли отказаться подъ вліяніемъ нѣсколькихъ Попеловичей, Пястовичей, Пржемысловичей отъ своихъ старыхъ навыковъ. Да и для князей-завоевателей такая общественная организація была крайне желательна; она до крайности облегчала имъ управленіе. Къ сожалѣнію, свѣдѣній объ этомъ почти не осталось, и мы считаемъ возможнымъ признавать ее только на основаніи косвенныхъ данныхъ. У прибалтійскихъ славянъ, сохранившихъ

въ наиболѣе чистомъ видѣ древнѣйшій славянскій бытъ, мы видимъ всегда и вездѣ народную сходку. У болгаръ и сербовъ подѣ верховенствомъ царя, великаго жупана, короля, находились племенные князья, конечно, весьма мало ограниченные въ своемъ внутреннемъ управленіи съ участіемъ мѣстнаго населенія; у хорватовъ подѣ бана, жупановъ и другихъ областныхъ правителей мы находимъ присутствіе мѣстной знати и военного элемента. На чешскую область, какъ на замѣнутую общественную самоуправляющуюся единицу, особенно указалъ Герм. Прочекъ, но и бар. Ригеръ и проф. Челяковскій ее не отрицаютъ ¹⁾. Въ Польшѣ въ историческія времена государство распалось на каштелянія, небольшіе военно-административно-судобные округа безъ всякихъ слѣдовъ самоуправленія; очевидно, каштелянская или городская организація была заведена князьями-завоевателями по образцу западной минерии (Geme, Grafen). Однако и здѣсь мы слышимъ темныя извѣстія о попыткахъ при Владиславѣ Германѣ назначить княжескихъ намѣстниковъ въ Силезію и Мазовію, изъ чего можемъ заключать, что сохранилось еще преданіе о племенахъ, какъ отдѣльныхъ единицахъ; при распаденіи Польши на удѣлы племени, думается мнѣ, играли нѣкоторую роль при опредѣленіи объема княжескаго удѣла, а въ послѣднемъ скоро ожило самоуправленіе, хотя вначалѣ и въ крайне несовершенномъ и замѣпномъ видѣ. Мы встрѣтимся еще съ ббльшими слѣдами самоуправленія, если перейдемъ отъ областей къ древнимъ братствамъ, превратившимся въ территоріальныя общины (юго-славянскія и прибалтійскія жупы, уѣзды, ополя, околицы, верви). Я убѣжденъ, что въ X, XI вѣкахъ въ нихъ кипѣла жизнь, и собственно онѣ вѣдали управленіе, судъ, пожалуй даже отчасти военное дѣло. Княжескіе чиновники ограничивались пріѣздомъ въ „чело ополя“ ²⁾ для предъявленія княжескихъ требованій о выполненіи повинностей и налоговъ по старинѣ (быкъ, корова опольные и т. д.), для захвата лихихъ людей, выданныхъ и, очевидно, предварительно судимыхъ ополемъ, даже можетъ быть для сбора ратныхъ людей, представляемыхъ ополемъ въ случаѣ княжескаго похода. Весь же внутренній распорядокъ, охрана мира на земляхъ ополя, преслѣдованіе и судъ лихихъ людей, распредѣленіе между деревнями общихъ пастбищъ и покосовъ, можетъ быть даже лѣсовъ, разверстка между

¹⁾ Rověschné České Dějiny, стр. 73.

²⁾ Главная деревня ополя, гдѣ собирався опольный сходъ и можетъ, быть, жила опольная власть.

семьями ополья княжескихъ налоговъ и повинностей лежали на свободно выбираемыхъ властяхъ и опольномъ сходѣ ¹⁾).

Подводя итогъ всему сказанному, мы должны признать, что начала, на которыхъ опирался древне-славянской бытъ, далеко не были подорваны въ X вѣку, не смотря на охлажденіе къ богамъ и значительное распространеніе христіанства. Легко также подмѣтить, что заводимый вновь князьями-завоевателями порядокъ былъ ненавистенъ славянскимъ массамъ. Тѣмъ не менѣе въ X вѣкѣ, когда начало проповѣдываться христіанство на понятномъ славянамъ языкѣ, совершился чрезвычайный умственный переворотъ, съ котораго начинается совершенно новая жизнь. Языческое славянство опиралось на очень скудномъ объемѣ всевозможныхъ свѣдѣній, что замѣнялось взаимнымъ соглашеніемъ всѣхъ по данному вопросу; возможность такого соглашенія предположала малое государство, не имѣвшее вслѣдствіе этого никакихъ силъ отстоять свое существованію, а языческая религія въ значительной степени состояла изъ культа предковъ и потому еще увеличивала рознь. Князья-завоеватели преслѣдовали, конечно, прежде всего свои честолюбивые замыслы — усиленіе своего могущества — завоеваніемъ сосѣднихъ племенъ и организаціей преданной себѣ дружины. Столкнувшись съ противодѣйствіемъ массъ, не желавшихъ перелома, не понимавшихъ значенія вводимыхъ измѣненій, они стремились переселить умственный складъ народа посредствомъ новой

¹⁾ Меня всегда чрезвычайно удивляло, что польскіе выдающіеся ученые, а именно Бобринскій и Смолка, совершенно отрицаютъ самоуправленіе опольей при Болославахъ. У проф. Вальцера я нахожу протаворѣчіе; въ обзорѣ лекцій онъ не прочь признать самоуправленіе, хотя бы въ оферѣ и суда (стр. 8), а въ книгѣ онъ относитъ появленіе самоуправленія къ XIII в. и, очевидно, видитъ въ немъ вліяніе Запада (Къ ист. обществ.-госуд. строя Польши, стр. 32). Д-ръ Кутржеба точно также считаетъ понятіе объ общинѣ чуждымъ древней Польшѣ и появившимся только съ нѣмецкими колонистами (Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши, стр. 31). Мнѣ кажется, здѣсь польскіе ученые неосудачно принимаютъ къ историческому процессу общезвѣстную юридическую формулу: *quod non est in actis, non est in mundo*. Древне-славянская самоуправляющаяся община, по моему мнѣнію, по была отмѣнена, а разложилась въ XIII в. сама собою вслѣдствіе дифференціаціи общества. Когда изъ общины выдѣлялась знать, найдя себѣ центръ въ княжескомъ дворцѣ, когда воины начали группироваться кругомъ воеводы, община стала состоять изъ однихъ тяглыхъ элементовъ и притомъ лишилась своихъ естественныхъ руководителей въ людяхъ болѣе зажиточныхъ и развитыхъ. Съ этого момента на общину начали налагать одні тяжести; принадлежность къ ней сдѣлалась обременительною, и отъ нея стремились отдѣлаться даже наиболее обездоленные классы общества.

религии, а нѣкоторые (Симеонъ болгарскій) даже прямо посредствомъ широко задуманнаго книжнаго народнаго просвѣщенія. Что этотъ переворотъ былъ славянамъ безусловно необходимъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ судьба прибалтійскаго славянства, погибнувшаго вслѣдствіе отрицанія христіанской образованности. Такимъ образомъ съ X вѣка движущею силою всего славянскаго государственнаго и общественнаго бытія становится накопленный тысячелѣтіями запасъ всевозможнаго вѣдѣнія, тѣсно связанный съ христіанствомъ и облекшійся подъ вліяніемъ Рима съ одной стороны, и Греціи съ другой въ формы католической и православной образованности. И такъ на первое мѣсто выступаетъ церковь, какъ культурная сила. Проповѣдь устная и книжная церкви была, по моему мнѣнію, до того продолжительна и могущественна, что наложила на Западъ и Востокъ славянства свою неизгладимую печать до нынѣшняго дня и произвела распаденіе всего славянства на католиковъ и православныхъ.

Глубокое различіе въ развитіи славянъ до X вѣка и послѣ этого столѣтія можетъ быть, по моему мнѣнію, выяснено и съ точки зрѣнія психологій. Дѣятельность людей, а поэтому и человѣческихъ обществъ, повидимому, опредѣляется закономъ причинности и цѣлесообразности. Въ первомъ случаѣ человѣкъ и общество поступаютъ непроизвольно; что же касается цѣлесообразности, то здѣсь воля людей имѣетъ болѣе болій просторъ. Каждый человѣкъ и общество могутъ ставить себѣ болѣе или менѣе самостоятельно идеалъ для своей дѣятельности. До X вѣка жизнь славянъ почти исключительно опредѣлялась причинами; славянинъ не создавалъ себѣ идеаловъ, а если и создавалъ, то они были заимствованы изъ сферъ, далекихъ отъ дѣйствительности. Наоборотъ, съ X вѣка нередъ славянами ставятся опредѣленные и притомъ осуществимые идеалы, основанные на преданіяхъ обществъ существовавшихъ. Эти идеалы оказываютъ на жизнь славянина чрезвычайное вліяніе, ибо проповѣдываются людьми съ глубокою вѣрою въ ихъ истину. Постановка идеаловъ почти исключительно возможна для людей болѣе или менѣе обеспеченныхъ; массы, поглощенные вопросомъ о насущномъ хлѣбѣ, идеаловъ не преслѣдуютъ. Отсюда происходитъ, что сознательная жизнь славянъ протекала съ X вѣка въ сравнительно высокихъ общественныхъ сферахъ, живущихъ какъ бы толикою жизнью и ставящихъ иной разъ себѣ цѣли, не имѣющія никакой почвы въ нравахъ и обычаяхъ, убѣжденіяхъ и чаяніяхъ народныхъ массъ (пандр., идеалъ шляхетской Речи Посполитой съ его выборнымъ королемъ, *Ubertum veto* и самовластіемъ сеймиковъ).

Спрашивається тощєрь, какіє жє ідеалы ставляла передь католикомъ славяниномъ западная Европа?

Западная перковь имѣла среди своихъ поклонниковъ не мало римлянъ, а потому она рано усвоила политическую организацію римской имперіи. Послѣ паденія послѣдней слабость и дикость пѣмецкихъ килзей, а главное неурядицы въ ихъ княжествахъ скоро вызвали въ церкви стремленіе къ независимости отъ свѣтской власти. Однако, боязнь лангобардовъ и страхъ всего христіанскаго міра передь арабами привели на нѣкоторое время къ искреннему примиренію западной церкви со свѣтскою властію, что и выразилось въ созданіи западно-римской имперіи и въ правленіи Каролинговъ и Оттоновъ. Уменьшеніе грозной опасности отъ арабовъ и улучшеніе положенія папъ въ Италіи дало возможность проявиться вновь антагонизму церкви и государства, приведшему даже къ открытой борьбѣ папъ съ императорами. Тѣмъ не менѣе даже во время мира обѣихъ средневѣковыхъ высшихъ властей недоувѣріе къ свѣтской власти среди духовенства существовало и выразилось еще въ IX вѣкѣ въ появленіи теоріи, что императоръ долженъ управлять міромъ для пасажденія христіанскихъ началъ въ еще полуязыческомъ обществѣ при посредствѣ духовной и свѣтской аристократіи, отвѣтственной передь самимъ Богомъ за дурное управленіе. Такимъ образомъ званіе считалась призванной самимъ Богомъ стоять на стражѣ управленія народами въ духѣ христіанской религіи. Кромѣ того постоянно дѣлались попытки превратить наследственность императорскаго престола въ избраніе, ибо самъ Богъ, по величавимъ представленіямъ среднихъ вѣковъ, долженъ былъ указать посредствомъ выбора достойнѣйшаго среди людей управлять народами и затѣмъ перелить для этого на своего избранника при коронаціи особые дары. Такимъ образомъ недоувѣріе западной церкви къ свѣтской власти привело къ стремленію создать въ знати элементъ, ограничивающій свѣтскую власть, а избирательность престола заставила добывающихся его искать поддержки у папъ. Такъ создавался въ обществѣ, при помощи церкви, высшій классъ, сознающій свое независимое положеніе отъ императоровъ и королей и долженствующій даже наблюдать за свѣтскою властію, чтобы ол носители не руководились произволомъ. При всемъ томъ время союза папъ съ императорами (Карлъ Великій, Оттоны) оставило по себѣ такое неизгладимое впечатлѣніе на умы людей, что монархъ, слѣдующій совѣтамъ церкви и управляющій при посредствѣ духовной и свѣтской аристократіи, казался идеаломъ для цѣлыхъ среднихъ вѣковъ.

Разъ начавшееся развитіе и расчлененіе общества не могло остановиться. Не безъ участія церкви подъ сильнымъ влияніемъ крестовыхъ походовъ сложилось рыцарство. Въ идеяхъ рыцарства о равенствѣ и братствѣ этого сословія, о необходимости отстаивать съ оружіемъ въ рукахъ христіанство, охранять слабыхъ и безпомощныхъ, въ чрезвычайномъ уваженіи къ женщинѣ, несомнѣнно чувствовалось присутствіе христіанской мысли. Наоборотъ въ выдѣленіи горожанъ незамѣтно вліяніе церкви; развивающіяся промышленность и торговля объединили классъ населенія, находящій въ нихъ средства къ своему существованію, а формы для организаціи этого сословія отчасти дали и древній Римъ. Роль церкви не ограничилась, однако, тѣмъ, что она возложила на общество, въ лицѣ знати, охрану общественныхъ интересовъ отъ посягательствъ свѣтской власти, что она возбуждала расчлененіе общества выдѣленіемъ въ отдѣльныя сословія духовенства, знати и рыцарства, она дала также своимъ собственнымъ устройствомъ образецъ самоуправленія сословія. Выборъ папы коллегіей кардиналовъ, выборъ епископовъ — капитулами, установленіе обязательныхъ для духовенства началъ соборами, свой судъ по правиламъ каноническаго права, все это, вмѣстѣ съ развивающейся автономіей городовъ, подавало и другимъ сословіямъ готовые примѣры для подражанія. Когда сословія превратились въ замкнутыя самоуправляющіяся единицы, свѣтская власть, преслѣдующая интересъ цѣлаго государства, или входила въ непосредственныя сношенія съ каждымъ отдѣльнымъ сословіемъ по общегосударственнымъ дѣламъ или, позднѣе, созывала депутатовъ отъ отдѣльныхъ сословія сообща. Такимъ образомъ появились или съѣзды депутатовъ одного сословія въ столицѣ или соединеніе всѣхъ сословія въ одно общее собраніе чиновъ, въ соймъ.

Наконецъ вслѣдствію ознакомленія болѣе широкихъ круговъ съ древностію появилась классическая идея народовластія, нашедшая скоро себѣ опору и въ ветхомъ завѣтѣ, сдѣлавшемся болѣе доступнымъ народнымъ массамъ съ XV вѣка. Къ воспріятію этихъ идей западно-европейское общество отчасти уже было подготовлено таившимися среди крестьянъ преданіями о нѣкогда бывшемъ народовластвѣ, а также развитымъ самоуправленіемъ отдѣльныхъ сословія.

Всѣ эти перемѣны въ организаціи свѣтской власти и общества должны были оказать громадное вліяніе на западныхъ славянъ. Историческія свѣдѣнія даютъ намъ въ этомъ отношеніи множество данныхъ. Первые чешскіе и польскіе князья признавали верховенство

германскаго императора и опирались при проведеніи реформъ на его поддержкѣ; они заводили дворъ и управленіе по образцамъ имперіи; организація дружины, несомнѣнно, происходила даже подъ наблюденіемъ западно-европейскихъ воиновъ, находившихъ себѣ пристанище у чешскихъ и польскихъ князей. Духовные, конечно, долгое время были иностраннаго происхожденія; лѣтописи составлялись, очевидно, по западнымъ образцамъ; у Космы Пражскаго и Кадлубка мы, безспорно, подмѣчаемъ недоверіе къ свѣтской власти, восхваленіе вельможъ, совѣты сдѣлать престолъ избирательнымъ. Весьма рано появляется въ Чехіи нѣмецкая колонизація; въ Силезіи она замѣчается съ 70-хъ годовъ XII вѣка; въ Малой и Великой Польшѣ въ XIII вѣкѣ. Перенесеніе изъ Германіи обычая принимать гербы въ высшіе классы вноситъ въ чешское и польское дворянство извѣстную организацію и облегчаетъ его превращеніе въ одно цѣлое. Чуть не съ доисторическихъ временъ славянская молодежь знатныхъ родовъ отправляется въ германскія школы (св. Войтъхъ, сынъ полумионическаго чешскаго князя Славника), что продолжается въ теченіе всего существованія славянскихъ государствъ. Такимъ образомъ оказывается, что западно славяне поглотили въ себя массу западно-европейскихъ, преимущественно нѣмецкихъ элементовъ, а кромѣ того и на чистокровныхъ славянъ влияніе Запада было громадно съ древнѣйшихъ и до послѣднихъ временъ. Не удивительно поэтому, что исторія государственнаго права въ Чехіи и Польшѣ сводится къ переработкѣ и усвоенію западно-европейскихъ образцовъ. Отмѣтивъ пути, по которымъ проникали мысли и понятія Запада, мы перейдемъ къ вопросу о томъ, какъ относились чехи и поляки къ различнымъ западно-европейскимъ представленіямъ о государственной власти и обществѣ, такъ какъ это и должно, по нашему мнѣнію, послужить основаніемъ періодизаціи.

Славянскія народныя массы, какъ мы видѣли, были не подготовлены къ политическому и религіозному перевороту. Значительное большинство своего племени смотрѣло на князя, какъ на должностную исполняющую волю буйныхъ вѣщъ, а покоренныя племена подчинялись только силѣ. Опора у князя-реформатора находилась только въ дружинѣ, лучшую часть которой составляли иностранцы. Нѣсколько позже мы замѣчаемъ въ князьяхъ удивительную смѣну князей сильныхъ и слабыхъ, князей съ глубокимъ пониманіемъ политическихъ и религіозныхъ задачъ и князей, смотрящихъ на свое княжество исключительно какъ на свое достоинствѣ, дѣйствіи, вытекаю-

щихъ изъ княжескаго произвола, которому подчиняется все, и дѣйствій народныхъ, заключающихся въ сведеніи нелюбыхъ князей съ престола. При такихъ порядкахъ трудно говорить о сильной княжеской власти; кажется, здѣсь все зависѣло отъ того обаянія, которое князь сумѣлъ приобрести въ глазахъ народа. То же самое отсутствіе какихъ-либо твердыхъ началъ мы видимъ и въ обществѣ. Старая родовая знать отстываетъ на задній планъ; выдвигается знать служилая, помогающая князю въ осуществленіи его задачъ; въ Чехіи чловѣкъ, родившійся на мельницѣ, становится намѣстникомъ князя въ его отсутствіе; въ Польшѣ рабъ за спасеніе князя на полѣ битвы дѣлается аристократомъ. Только во второй половинѣ XII вѣка знать въ обонхъ государствахъ изъ служилой превращается въ родовую и считаетъ себя, конечно подъ влияніемъ церкви, призванною самимъ Богомъ къ управленію (*palatinus Dei gratia* въ одной польской грамотѣ). Если вдуматься въ эти событія, то по моему мнѣнію необходимо придетъ къ заключенію, что въ западно-славянскихъ государствахъ проходили столѣтія въ борьбѣ идей старо-славянскихъ о народоправствѣ, личной свободѣ народа и т. д. съ идеями, внесенными изъ Запада. Въ первомъ періодѣ, строго говоря, нѣтъ исторіи права, т. е. нѣтъ началъ, считаемыхъ народными массами необходимыми; такіе начала только еще слагаются изъ столбовой началъ старыхъ съ началами, внесенными духовенствомъ. Поэтому мы и встрѣчаемъ подлѣ князей съ идеалами Карла Великаго (Болеславъ I чешскій, Болеславъ Храбрый) князей, всецѣло подчиняющихся велѣніямъ церкви, князей, прислушивающихся къ голосу народному и князей съ характеромъ князи завоспателя, преслѣдующаго при управленіи исключительно свои личныя цѣли или цѣли своей семьи.

Этотъ первобытный хаосъ постепенно упорядочивается подъ сильнымъ влияніемъ запада. Въ понятіяхъ о княжеской власти поремѣнно ясно отмѣчается окончательнымъ утвержденіемъ королевскаго титула съ коронаціей; политическій элементъ въ средневѣковомъ смыслѣ (лицо, призванное самимъ Богомъ въ правители и получившее для этого дары свыше) окончательно одерживаетъ верхъ надъ элементомъ частнымъ (княжество — собственность княжеской семьи) и надъ понятіемъ о князѣ, какъ исполнителѣ народной воли. Это происходитъ въ Чехіи въ концѣ XII вѣка и въ Польшѣ въ 1295 г. Нѣсколько ранѣе, въ Чехіи и въ Польшѣ въ XII вѣкѣ, происходитъ вмѣненіе и въ обществѣ, а вмѣнно знать превращается изъ служилой въ родовую и начинаетъ проникаться сознаніемъ, что она тоже при-

звана самимъ Богомъ въ помощь князю и потому непосредственно отвѣтственна за неурядицы въ управленіи. Несмотря на единство образца (западно-римская имперія) и сходство перемѣнъ, Чехія и Польша начинаютъ значительно различаться между собою въ этомъ второмъ періодѣ, а причину различій я вижу главнымъ образомъ въ политикѣ папъ.

Въ концѣ XII вѣка въ чешскомъ духовенствѣ особенно усилилось стремленіе къ независимости отъ свѣтской власти, такъ что въ 1186 г. пражскій епископъ даже получилъ грамоту на превращеніе его въ имперскаго князя. Это, очевидно, грозило опасностью самому существованію чешскаго государства. Папы, однако, стали на сторону чешскихъ королей, и Фридрихъ II, тогда еще несовершеннолѣтній и всецѣло зависящій отъ папскаго престола, въ 1212 г. удѣлялъ чешскимъ королямъ королевское достоинство съ правомъ инвеституры пражскихъ епископовъ наследственно, что и дало поводъ къ установленію наследственности по первородству чешскаго престола. Въ 1222 г. споръ между духовенствомъ и свѣтскою властью былъ рѣшенъ съ помяловажными уступками въ пользу чешскихъ королей. Эта поддержка королевской власти въ Чехіи была вызвана, конечно, желаніемъ папъ имѣть въ самомъ центрѣ имперіи оплотъ противъ посягательствъ на папскій престолъ западно-римскихъ императоровъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что чешскіе короли не разъ сражались за папскихъ претендентовъ на императорскую корону. Только при этой главной причинѣ получали значеніе и второстепенныя, именно богатство Чехіи импералами, талантливость нѣкоторыхъ королей (Оттокара II, Карла IV). Сила королевской власти нагляднѣе всего проявилась въ централизаціи суда и управленія въ Прагѣ, такъ что мѣстные органы являлись только исполнителями центральныхъ. Въ концѣ XIV вѣка мы замѣчаемъ паденіе королевскаго достоинства и превращеніе короля въ орудіе знати, но это было вызвано общимъ упадкомъ средневѣковаго міросозерцанія. Участіе общества въ верховной власти, хотя и ограничивалось знатію и рыцарствомъ, но было весьма значительно и съ 1281 г. распространилось и на горожанъ; до 1310 г. участіе это носило характеръ обязанности, а въ этомъ году высшіе слои получили значительныя права, вслѣдствіе чего ихъ участіе превратилось изъ ихъ обязанности въ ихъ право. Общество распалось на духовенство, знать (папы), рыцарей (владыки), горожанъ и крестьянъ, каждое со своими особыми правами и обязанностями, но сословный духъ, можетъ быть вслѣдствіе силы королев-

ской власти, не былъ еще особенно развитъ; какъ и на Западѣ, духовенство занимало особое, выдающееся положеніе; паны и рышари, преимущественно первые, имѣли чрезвычайное значеніе въ судѣ и управленіи; горожане со своимъ самоуправленіемъ стояли какъ бы нѣсколько отдѣльно; крестьяне были лишены совершенно политическихъ правъ, а также ограничены въ своихъ частныхъ правахъ. Законщикъ идеал, что чешское королевство составляетъ самую почетную часть имперіи, наводила на мысль чешскихъ передовыхъ людей объ обязанности чеховъ прежде всего озаботиться о реформахъ въ церкви и государствѣ, а это и привело Гуса, подъ вліяніемъ изученія сочиненій Виллефа, къ стремленію осуществить великія нововведенія, въ которыхъ ожили смутныя воспоминанія о демократическомъ строе славянъ во время язычества.

Второй періодъ въ Польшѣ представляется намъ въ значительно иномъ видѣ. Королевская власть оказывается слабѣе, чѣмъ въ Чехіи. Это проявляется не только въ томъ, что польскіе короли при осуществленіи своихъ, казалось, чрезвычайныхъ правъ должны были слушаться голоса могущественной знати, но и въ томъ, что при объединеніи Польши реформы въ смыслѣ централизаціи суда и управленія не могли быть произведены. Даже такой выдающійся законодатель и политикъ, какъ Казиміръ Великій, долженъ былъ иногда подтверждать законы, которые были надиктованы „авторитетомъ нашихъ бароновъ“ и которымъ онъ сочувствовать не могъ; даже онъ не могъ придать единство государству посредствомъ ограниченія самоуправленія отдѣльныхъ воеводствъ и земель. Гдѣ же лежитъ причина всего этого? Несомнѣнно, по моему мнѣнію, въ политикѣ напѣ, которые убѣдились на опытѣ въ неадежности различныхъ носителей свѣтской власти. Дѣйствительно, оставили въ сторонѣ убійствѣ Болеславомъ Смѣлымъ краковскаго епископа Станислава, мы видимъ еще въ XII вѣкѣ энергическую поддержку, оказанную гнѣзнонскимъ архіепископомъ младшимъ сыновьямъ Болеслава Кривоустаго противъ Владислава II, представителя самодержавной монархіи. На Ленчицкомъ сѣздѣ 1180 или 1181 г. происходитъ первое ограниченіе княжескихъ правъ церковью. Въ XIII вѣкѣ мы слышимъ изъ устъ Кадлуба восторженные похвалы знати и избирательности престола; мы присутствуемъ при канонизаціи св. Станислава, т. е. при вызовѣ, брошенномъ свѣтской власти. Вообще все управленіе польскихъ княжествъ въ XIII вѣкѣ носитъ на себѣ строго средневѣковой характеръ, т. е. подлѣ князей, номинально обладающихъ всею полнотою

власти, править собственно свѣтскими и духовными аристократія безъ всякаго участія рыцарства и горожанъ. Королевскій титулъ, объединеніе Польши и долгое правленіе знаменитаго законодателя Казимира Великаго тоже не особенно увеличили обаяніе королевской власти. Если при Ягеллонахъ она была сильнѣе, то это исключительно происходило отъ того, что Ягеллоны были наследственными литовскими князьями. Тѣмъ не менѣе еще при нихъ королевскій престолъ становится избирательнымъ. Въ управленіи въ XIV вѣкѣ принимаетъ участіе исключительно знать; въ 1374 г. получаетъ значительныя права кромѣ знати рыцарство, въ XV вѣкѣ все болѣе оказывающее вліяніе на ходъ событій. Такъ какъ отдѣльныя воеводства и земли управляются почти совершенно самостоятельно, только старосты являлись надежнымъ оплотомъ королевской власти въ областяхъ, то къ концу XV вѣка изъ депутатовъ отдѣльныхъ сеймикомъ образуется посольская изба, которая вмѣстѣ съ королемъ и сенатомъ и составляетъ сеймъ, высшій органъ законодательства, управленія, даже суда. Что касается общества, то несмотря на обычную средневѣковую структуру, въ немъ замѣчаются тоже значительное отлічіе отъ Чехіи. Всею полнотою политическихъ и гражданскихъ правъ пользуются духовенство, знать и рыцарство; горожане, пѣльцы по національности, въ концѣ періода утрачиваютъ право обладать недвижимою собственностію и не интересуются своею незначительною долею участія въ управленіи, довольствуясь своею автономіею; наконецъ крестьянство, не имѣвшее политическихъ правъ, все болѣе и болѣе утрачиваетъ и права гражданскія. Расширеніе границъ Польши на Востокъ и соединеніе Польши съ Литвою было слѣдствіемъ политики наизъ, стремящихся къ распространенію католицизма, при чемъ духовенство поддерживаетъ знать и рыцарство въ ущербъ крестьянамъ, ибо громадные политическія права польскаго рыцарства, а также ихъ возможное расширеніе на счетъ горожанъ и крестьянъ, и должны были служить приманкою для превращенія литовско-русскихъ бояръ сначала въ польскихъ шляхтичей, а затѣмъ и въ католиковъ.

Итакъ, во второмъ періодѣ политическимъ идеаломъ для Чохинъ какъ бы служила монархія Карла Великаго, для Польши—времена гораздо болѣе позднія, когда съ значительною силою выступаетъ элементъ общественный въ лицѣ аристократіи и рыцарства.

Въ теченіе гуситскихъ войнъ въ Чехіи прежній строй рушится; государство распадается на самоуправляющіяся области (края), которыя входятъ между собою въ союзы на сеймѣ или заключаютъ между

собою договоры. Очевидно, въ глубинѣ народныхъ массъ тамъ еще древне-славянскій языческій идеаль малаго государства. Однако, такой демократически-республиканскій строй былъ неосуществимъ; ему противодѣйствовала сложность политическихъ и экономическихъ вопросовъ, недоступная для пониманія народныхъ массъ. Тогда выдвинулся у вождей демократической партіи болѣе возможный идеаль объединить цѣлое государство на началахъ широкаго самоуправленія, при чемъ въ управленіи принимали бы участіе не непосредственно народныя массы, а только ихъ выборные. Въ противоположность демократической партіи, зерно которой составляли горожане, но куда входили и крестьяне, образовалась дворянская партія, стремившаяся возстановить монархію съ широкимъ участіемъ въ законодательствѣ и управленіи паповъ и рыцарства. Несмотря на гениальность вождей и воодушевленіе войскъ, демократическая партія была разбита въ 1434 г.; въ сраженіи у Липапъ множество воиновъ, укравшихся въ постройкахъ, сожжены живыми, остальные, лишеныя руководителей, принялись за поджоги и разбои и тѣмъ только усилили ужасныя для себя послѣдствія побѣды дворянства. Уже въ 1436 г. старая династія Люксембурговъ вступила снова на престолъ, но королевская власть вышла изъ гуситскихъ войнъ крайне ослабленною. Дворянство пожелало закрѣпить свою побѣду законодательнымъ актомъ; появилось Уложеніе 1500 г., по которому участіе въ сеймѣ было признано только за панами и рыцарями; однако, города въ 1508 г. вынудили себѣ участіе въ законодательномъ собраніи, а въ 1517 г. получали и другія, весьма важныя политическія и экономическія выгоды. Даже Габсбурги, заваявшіе чешскій престолъ въ 1526 г., несмотря на свою талантливость и убѣжденность въ необходимости абсолютизма, не смогли поднять королевскаго достоинства; они, какъ ярые католики, всѣми иѣрами поддерживали паповъ, въ громадномъ большинствѣ католиковъ, и тѣмъ постоянно возбуждали недовѣріе къ себѣ въ гуситскихъ рыцаряхъ и горожанахъ. Слѣдовательно, элементъ религіозный не ослабъ и въ третьемъ періодѣ, хотя католическая церковь официально почти лишена была всякаго значенія, а гуситство не имѣло духовенства, какъ особаго сословія. При довольно слабой королевской власти существовалъ для управленія земскій совѣтъ, состоящій изъ наиболѣе выдающихся членовъ панскаго и рыцарскаго сословія по королевскому назначенію. Что же касается сейма, то въ немъ, какъ уже сказано, принимали участіе паны, рыцаря и горожане, при чемъ каждое сословіе засѣдало отдѣльно, а по-

становленія достигались при помощи взаимныхъ уступокъ. Въ обществѣ послѣ гуситскихъ войнъ появляется стремленіе среди рыцарей занять строго опредѣленное положеніе въ судѣ, земскомъ совѣтѣ и управленіи, чѣмъ и объясняется распредѣленіе государственныхъ должностей въ самомъ концѣ XV вѣка между панями и рыцарями; горожане почти совершенно устраниются отъ земскаго управленія, а крестьяне во второй половинѣ XV вѣка прирываются къ землѣ и лишаются весьма важныхъ гражданскихъ правъ. Хотя такимъ образомъ вся полнота законодательной, исполнительной и судебной власти фактически сосредоточивается въ рукахъ представителей пановъ и рыцарей, сдѣлавшихся въ началѣ XV вѣка замкнутыми сословіями, города сохраняютъ свои самостоятельныя суды и свое управленіе, а крестьянство, хотя лишенное всѣхъ политическихъ правъ и многихъ гражданскихъ и прирванное къ землѣ, оказывается сословіемъ довольно зажиточнымъ даже съ нѣкоторою долей самоуправленія. Государственные тягости точно также не возлагаются исключительно на горожанъ и крестьянъ; онѣ падаютъ и на другія сословія хотя въ значительно меньшей степени. Наконецъ до самаго паденія государства сохраняются, хотя и въ незначительномъ количествѣ, свободные крестьяне-собственники (svobodnici).

Въ третьемъ періодѣ Польша еще болѣе рѣзко отличается отъ Чехіи. Последняя представляла изъ себя типичную сословную монархію съ слабою королевскою властью, что встрѣчалось почти повсемѣстно въ средніе вѣка; Польша стремилась создать нѣчто новое, дотогѣ невиданное. Польскій шляхтичъ, искренно привязанный къ земледѣлію и сдѣлавшійся зажиточнымъ вслѣдствіе поднятія цѣны и земледѣльческіе продукты, съ величайшимъ интересомъ вчитывался въ модныя тогда въ западной Европѣ произведенія классическаго міра. Они поражаютъ его не только своею изящною формою и глубиною содержанія, но и чрезвычайною пригодностью для сложившихся исторически польскихъ отношеній. Фактически польскій шляхтичъ уже давно правилъ государствомъ, почти устранивъ горожанъ, но почему это произошло, несмотря на ихъ богатство и образованность, онъ сказать не могъ; онъ все болѣе и болѣе уменьшалъ права крестьянъ, а между тѣмъ они тоже христіане и притомъ слабые, бѣдные, которыхъ рыцарскій долгъ повелѣваетъ охранять, а не притѣснять. На всѣ эти. можетъ быть иногда томившія его, сомнѣнія онъ вдругъ встрѣчаетъ у классическихъ народовъ убѣдительный отвѣтъ. Ремесла и торговля принижаютъ человѣка, а потому они должны быть удѣломъ вольно-

отпущенниковъ и иностранцевъ; управленіе государствомъ должно быть всецѣло возложено на землесобственниковъ, которые при рабскомъ трудѣ достаточно обеспечены матеріально, чтобы посвятить свой досугъ на развитіе наукъ и искусствъ, на занятія государственными дѣлами. Только землесобственники дѣйствительно заинтересованы въ охранѣ государства; только они одни должны управлять странюю. Особенно плѣняль шляхтича, не утратившаго еще воинскихъ доблестей, Римъ царей; тамъ всѣмъ народомъ—воинами избирался достойнѣйшій въ цари и ему, какъ избраннику народа, всѣ охотно подчинялись. Избраніе установилось еще во второмъ періодѣ, но подъ вліяніемъ классиковъ оно сдѣлалось только болѣе сознательнымъ. Итакъ, сравнительно небольшой и потому легко усвояемый запасъ идей, заимствованныхъ изъ древняго міра, владычествовалъ надъ умами польской шляхты въ теченіе послѣднихъ столѣтій. Длинный рядъ отмѣченныхъ мною причинъ еще съ XII вѣка поставилъ знать, а затѣмъ рыцарство во главѣ польскаго общества; слабость королевской власти, а также иноземство и отсутствіе сплоченности у горожанъ устранили единственную силу, могущія воспрепятствовать росту значенія шляхты; поддержка церкви еще болѣе укрѣпила шляхту, а въ классической литературѣ она нашла краснорѣчивое оправданіе своего давнишняго желанія смотрѣть на себя, какъ на самъ полноправный народъ. Дальнѣйшее было уже логическимъ слѣдствіемъ всего вышеназложеннаго. Все большее и большее паденіе королевской власти, перенесеніе законодательной и даже отчасти исполнительной власти съ короля и сейма на сеймики, лишеніе короля судебной власти и порочна ея избраннымъ имъ вромл шляхтичамъ, засѣдающимъ въ трибуналь, возложеніе всего финансового бремени исключительно на горожанъ и крестьянъ, постепенное ограниченіе ихъ правъ и превращеніе крестьянъ въ древне-римскихъ рабовъ, все это лежало уже въ зародышѣ въ высказанныхъ мною только что положеніяхъ. Все это съ неумолимою послѣдовательностью вытекало изъ признанія шляхты народомъ, долженствующимъ быть матеріально, вслѣдствіе дарового труда своихъ крѣпостныхъ, обеспеченнымъ для занятія науками, государственными дѣлами и защитою государства отъ враговъ и сохранившимъ за собою въ полномъ объемѣ народное верховенство. Такого рода явленіе имѣло и свою положительную сторону. Польскій шляхтичъ былъ колонизаторомъ; онъ сталкивался съ людьми, воспитанными въ другихъ понятіяхъ; знакомство съ древнимъ міромъ, увлечавшимъ нѣкогда

всю мыслящую Европу, благородная гордость, вызванная сознанием своего народного верховенства, чрезвычайно укрѣпляли въ немъ убѣжденіе въ его умственномъ превосходствѣ, весьма полезномъ для успѣха; онъ imponировалъ своею культурностью среди чуждаго ему общества. Этимъ явленіемъ какъ нельзя лучше воспользовалась католическая церковь для своей цѣли—пропаганды. Усиливъ посредствомъ іезуитскаго воспитанія вѣнскій лоскъ шляхтича, она вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляла его способность критически относиться къ дѣйствительности и убѣдила его въ недостижимомъ превосходствѣ католичества предъ всѣми другими христіанскими вѣроисповѣданіями. Такимъ образомъ строй польскаго государства и общества получилъ религіозную санкцію; онъ былъ сознательно усвоенъ не какою-либо небольшою группою людей, а цѣлымъ миллиономъ шляхты, матеріальнымъ и духовнымъ интересамъ которой онъ вполне соответствовалъ, и вслѣдствіе этого этотъ строй общества оказался гораздо болѣе живучимъ, чѣмъ даже само польское государство. Такъ появився среди славянъ народъ, наиболѣе пронизанный клерикализмомъ и дворянско-земледѣльческими симпатіями съ положительными и отрицательными сторонами, народъ наименѣе демократичный изъ всѣхъ.

Я считалъ необходимымъ послѣ моей критики періодизаціи государственнаго права Чехіи и Польши у проф. Челяковскаго и Вальцера представить мое дѣленіе на періоды. Оно основано для обоихъ государствъ на одной и той же идѣѣ, а потому и возможно было сопоставленіе каждаго періода. Славянскій міръ съ государственнымъ и общественнымъ строемъ, чрезвычайно близкимъ къ первобытному строю аріевъ, былъ втянутъ въ круговоротъ жизни двухъ культурныхъ единицъ, западной и восточной имперій. Факторы, унаслѣдованные отъ древнихъ Греціи и Рима, въ связи съ различіемъ историческихъ событій создали на Западѣ и на Востокѣ совершенно различные политическіе и общественные идеалы. Эти идеалы вмѣстѣ съ христіанствомъ были занесены къ славянамъ духовенствомъ, которое до самаго XV вѣка представляло изъ себя единственную умственную силу. Если присоединить къ этому, что на Западѣ въ панствѣ образовался центръ неизмѣримой важности, прекрасно освѣдомленный о событіяхъ тогдашняго міра и преслѣдовавшій съ неумолимою послѣдовательностью свои цѣли, тогда станеть вполне понятнымъ, что сравнительно слабыя славянскія государства являлись часто только средствомъ въ рукахъ папъ для осуществленія ихъ задачъ. Возможно усиливъ королевскую власть въ Чехіи, они сдѣлали изъ нея въ за-

надпой имперіи противовѣсь императорамъ, затѣмъ перенесли самую императорскую корону на чешскихъ королей, можетъ быть рассчитывал на оживленіе чешскаго самосознанія въ противоположность національности нѣмецкой, наконецъ стремились къ уничтоженію чешскаго государства, когда оно стало еретическимъ въ ихъ глазахъ, при помощи католической дѣнастїи и постоянныхъ взаимныхъ раздоровъ между сословіями. Польша, какъ и Хорватія и Венгрія, имѣла для папъ значеніе только какъ передовой постъ въ поступательномъ движеніи католицизма на Востокъ; для этой цѣли, конечно, важнѣе было общество, чѣмъ король, ибо его вліяніе на мѣстное православное и языческоє населеніе было гораздо надежнѣе; усилить высшіе слои польскаго общества матеріально, способствуя черезъ королей надѣленіемъ ихъ землею въ присоединенныхъ странахъ, укрѣпить ихъ вліяніе на крестьянъ посредствомъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, наконецъ повесить въ нихъ самыя широкія распространеніемъ идеи верховенства народа—шляхты, все это было крайне желательно для католической церкви.

Если посмотрѣть съ этой крайне правдоподобной точки зрѣнія на исторію государства и общества въ Чехіи и Польшѣ, тогда естественно исторія эта распадается на три періода. Первый, въ Чехіи съ X до конца XII вѣка, въ Польшѣ съ X до конца XIII вѣка, представляеть въ себя борьбу началъ старославянскихъ съ началами, внесенными съ Запада. Юридическія нормы здѣсь только слагаются уставною дѣятельностью князей и духовенства, а самыя обычаи разнятся по отдѣльнымъ общинамъ ¹⁾; въ сферѣ государственной власти, участія народа въ управленіи и т. д. нельзя также еще говорить о какихъ-либо твердыхъ началахъ. Этотъ процессъ образованія долѣе на цѣло столѣтіе въ Польшѣ, ибо она была больше Чехіи, менѣе населена, наконецъ цѣлымъ вѣкомъ позже выступила на историческое поприще. Второй періодъ, въ Чехіи съ конца XII вѣка до 1434 г., въ Польшѣ съ конца XIII вѣка до 1505 г., можетъ быть опредѣленъ какъ установленіе сословной средневѣковой монархіи, при чемъ въ Чехіи королевская власть оказывается гораздо болѣе

¹⁾ Это особенно замѣтно въ уголовномъ правѣ, о которомъ сохранилось наиболѣе данныхъ. Внимательно вчитываясь въ памятники, мы встрѣчаемся часто съ большимъ разнообразіемъ наказаній за одно и то же преступленіе. Ученые стремились объяснить это различіемъ оцѣнокъ виновности, сдѣланной судьей. И, напротивъ, думаемъ, что въ уголовномъ правѣ, какъ и вообще связанномъ съ религіозно-нравственными началами, просто еще не выработалось никакихъ точныхъ правилъ.

сильною, чѣмъ въ Польшѣ; въ послѣдней уже въ первой половинѣ XV вѣка замѣчается избирательность престола ¹⁾ и значительное вліяніе шляхты на законодательство и управленіе. Наконецъ третій періодъ въ Чехіи съ 1434 г. по 1627 г., въ Польшѣ съ 1505 г. по 1795 г., рѣзко различается въ обоихъ государствахъ. Въ Чехіи сословное государство существуетъ по прежнему, хотя въ немъ видны существенныя различія отъ предыдущаго періода. Центръ тяжести въ законодательствѣ, судѣ и управленіи переносится съ короля на сословія, которыя оказываются гораздо болѣе сознательными и замѣнутыми. Въ Польшѣ, раскинувшейся далеко за предѣлы своихъ этнографическихъ границъ и покрытой тонкимъ слоемъ шляхты все разнообразіе составныхъ элементовъ населенія, шляхта все болѣе и болѣе признаетъ только за собою всю полную политическую и гражданскую правъ, значительно ограничивая права горожанъ, а крестьянъ превращая почти въ древнихъ рабовъ.

Если остановиться на вопросѣ, какое значеніе имѣли въ этомъ историческомъ процессѣ народныя массы въ Чехіи и Польшѣ, то необходимо признать, что онѣ не принимали въ немъ почти никакого участія. Идеи, возникшія среди иныхъ условій, развившіяся на иной почвѣ, воспринимались только классами, болѣе обезпеченными и образованными, которые и примѣняли ихъ къ жизни такъ, какъ они понимали ихъ, и настолько, насколько они видѣли въ этомъ свой интересъ. Овладевъ умами руководящихъ слоевъ, идеи эти начали развиваться, пока не оказалась ихъ полная неспособность упорядочить вновь возникшія народныя потребности. Такимъ образомъ паденіе западно-славянскихъ государствъ было слѣдствіемъ не внѣшнихъ насилій, а внутренней несостоятельности чуждаго народному пониманію государственнаго и общественнаго строя. Политическая и общественная жизнь развивалась изъ своихъ внутреннихъ основъ, а идеи, извнѣ заимствованныя, вкладывали въ нее иное, чуждое ей содержаніе, и такимъ образомъ извращали правильное развитіе событій ²⁾.

Ф. Зигель.

¹⁾ Со вступленія на престолъ Владислава Варненчика. Проф. Бальмеръ, Къ ист. обществ.-госуд. строя Польшы, стр. 211—222.

²⁾ Какъ видно изъ моего изложенія, я нѣсколько измѣнилъ мой взглядъ на періодизацію, который изложенъ въ „Новомъ сборникѣ статей по славяновѣдѣнію въ честь В. Н. Ламанскаго. 1904“ (Періодизація славянскаго права) и былъ прикѣпченъ ко всѣмъ славянскимъ правамъ.

И. М. Гутыяръ. Иванъ Свѣтлицычъ Тургыпѣвъ. Юрьевъ. 1907.

Научная разработка исторіи новой русской литературы началась недавно. Виной тому была отчасти трудность задачи, которая для своего успешнаго выполненія требовала документальнаго матеріала, до сихъ поръ въ недостаточномъ количествѣ опубликованнаго, отчасти и некоторая брезгливость, какую обнаруживала строгая наука въ лицѣ ея официальныхъ представителей въ вопросамъ, которые, какъ имъ казалось, не подлежатъ научному обследованію въ виду ихъ близости къ переживаемому нами моменту.

За послѣднее время матеріаловъ по исторіи новой русской литературы было накоплено много; исчезъ также и предрасудокъ, который мѣшалъ истинно ученому заниматься „животрепещущими“ вопросами. Можно сказать даже, что наша наука стала весьма ревностно искупать свою вину передъ новой словесностью, не отступая даже передъ ученымъ изслѣдованіемъ жизни и творчества такихъ писателей, которые, несмотря на то, что они покойные, могутъ съ полнымъ правомъ называться нашими современниками.

Работы въ области жизни и творчества такихъ писателей могутъ быть раздѣлены на нѣсколько основныхъ типовъ ученыхъ сочиненій. Либо это сборники сырого матеріала, записокъ, воспоминаній, переписки и вообще всякихъ документовъ, приведенныхъ въ хронологическій или иной порядокъ. Либо это—разработки какихъ-нибудь частныхъ эпизодовъ изъ жизни и творчества писателя, эпизодовъ, которые освѣщены съ привлеченіемъ всего доступнаго матеріала; либо это—попытки представить картину всей дѣятельности писателя, въ связи съ общимъ литературнымъ теченіемъ его эпохи и въ связи съ исторіей тѣхъ измѣненій, какія неснчала пережили писателя и его міросозерцаніе. Наконецъ существуетъ и еще особый родъ „изслѣдованій“ общекритическаго типа, очень субъективныхъ изслѣдованій, которыя ставятъ себѣ дѣлю продолжать „дѣло“ самого писателя, т. е. на основаніи его образовъ и мыслей, продолжать оборону его убѣжденій и взглядовъ. Всѣ эти виды изслѣдованій имѣютъ свои достоинства; но конечно и свои недостатки. Въ сборникѣ матеріаловъ, напримеръ, часто добрая половина не имѣетъ никакой цѣли, такъ какъ относится къ такимъ интимностямъ и мелочамъ жизни, которыя ни къ какимъ выводамъ не могутъ подать никакого повода; и было бы желательно, въ интересахъ экономіи времени, чтобы такіе сырые матеріалы печатались въ выдержкахъ. Если собиратель этихъ матеріаловъ историкъ и литераторъ, онъ несомнѣнно

отличить существенное от того, что рѣшительно низкой цѣны не имѣетъ.

Исслѣдованія детальныхъ вопросовъ имѣютъ несомнѣнную научную стоимость, но часто такая кропотливая работа производится изслѣдователемъ, который не составляетъ себѣ общаго понятія о всей дѣятельности писателя, не оцѣнилъ его въ цѣломъ, или этой оцѣнкой своей не подѣлился съ читателемъ. Въ этомъ случаѣ изслѣдованіе одной какой-нибудь детали въ жизни и творествѣ писателя сохраняетъ свой несомнѣнный интересъ, но терлется и мало что даетъ для общей оцѣнки писателя.

Наибольшую научную цѣпность имѣютъ, конечно, тѣ изслѣдованія, которыя охватываютъ всю жизнь писателя и всю его дѣятельность, и въ которыхъ онъ является передъ нами не только какъ мыслищій и творящій художникъ, но и какъ фигура историческая на фонѣ всей жизни своего времени. Такія изслѣдованія, однако, явленія очень рѣдкія; изъ нашихъ писателей новаго времени, считая съ начала XIX вѣка, очень немногіе стали предметомъ такой обработки. Это воиолнѣ попятно, если припомнить, какими трудностями такая работа обставлена. Когда имѣешь дѣло съ писателемъ двадцатыхъ или сороковыхъ годовъ, то количество матеріала и подготовительная работа по этимъ эпохамъ позволяютъ дать болѣе или менѣе полную картину его жизни и творчества, но по мѣрѣ того какъ писатель приближается къ новѣйшей эпохѣ, научное обследованіе его творчества становится все труднѣе и труднѣе. Вотъ почему такъ называемые „корифеи“ нашей новой литературы, какъ напримѣръ, Толстой, Тургеневъ, Островскій, Салтыковъ, Достоевскій, по говоря уже о менѣе крупныхъ, несмотря на все растущій интересъ къ нимъ, не подали до сихъ поръ ни одному ученому повода обозрѣть всю ихъ дѣятельность, какъ историческое и литературное явленіе. Все, что до сихъ поръ объ этихъ художникахъ было написано, — либо этюды, и характеристныя самаго общаго литературнаго типа безъ научной стоимости, либо фактическія розысканія въ области разнахъ частностей, либо, наконецъ, цѣлыя трактаты сошсьмъ особаго типа, — но историко-литературнаго, а чисто критическаго направленія, при которомъ критику дороже его личная симпатія къ отдѣльнымъ мыслямъ и чувствамъ художника, чѣмъ безпристрастная любовь къ творчеству писателя во всемъ его цѣломъ. Мы далеки отъ мысли сбавлять цѣну такимъ трактатамъ, но все-таки едва ли они могутъ удовлетворить научнымъ требованіямъ. Художникъ, въ защиту котораго или въ

опроверженію она выступаютъ, остаются совсѣмъ въ сторонѣ, какъ историческое явленіе, и разсматривается только какъ выразитель одной какой-нибудь мысли, опредѣленной группы чувствъ или наконецъ цѣлой философской, религіозной или общественной теоріи.

Есть писатели, которые особенно предрасполагаютъ къ такому критическому разсмотрѣнію ихъ творчества съ точки зрѣнія не исторической, а современной, писатели — съ очень опредѣленнымъ философскимъ, политическимъ или религіознымъ міропониманіемъ. Къ числу такихъ принадлежатъ, напримѣръ: Толстой и Достоевскій.

Рѣдкій изъ нашихъ критиковъ, присяжныхъ или вольныхъ, не пробовалъ „продолжать ихъ дѣло“ въ томъ или иномъ смыслѣ, и „литература“ о нихъ разрослась быстро до большихъ размѣровъ. Среди этой литературы очень много цѣннаго, но научно-цѣннаго очень мало.

Тургеневъ не принадлежитъ къ числу такихъ писателей, которые могли бы долго интересовать насъ своимъ міросозерцаніемъ. Ничего особенно характернаго не даетъ онъ ни въ области религіозныхъ вопросовъ, ни въ области нравственныхъ или общественныхъ. Въ свое время, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, русскій читатель съ любопытствомъ — и благожелательнымъ, и пожелательнымъ — слѣдилъ за тѣмъ, къ какому теченію мыслей прикинется популярный писатель. Онъ былъ на виду, и его личные взгляды имѣли известную временную стоимость, обусловленную тогдашнимъ нашимъ общественнымъ движеніемъ. Теперь эта сторона въ жизни и въ творествѣ Тургенева имѣетъ интересъ часто историческій. Какъ художникъ, Тургеневъ останется навсегда въ нашей памяти, для многихъ надолго его сочиненія будутъ сохранять свою цѣну, какъ историческій матеріалъ, но о Тургеневѣ, какъ о мыслителѣ или какъ объ учителѣ жизни, едва ли можно много говорить или спорить. Разговоръ объ этомъ уже по одному тому труднѣе, что самъ писатель неохотно говорилъ о своемъ міросозерцаніи, маскировалъ его въ своихъ романахъ, насколько возможно, а въ письмахъ выражался очень отрывочно и часто противорѣчиво.

Для всякаго изслѣдователя, который ставитъ себѣ задачей воскресить передъ нами образъ Тургенева, эта неясность и недоговоренность его міросозерцанія представляетъ большую трудность, если изслѣдователь не желаетъ ограничиться самыми общими либеральными формулами. Вотъ почему все, что писалось о Тургеневѣ до сего времени гг. Вогюэ, Цабелемъ, Ивановымъ, Буренинымъ, Николаевымъ и дру-

гвми, — которые желали говорить не о каких-нибудь частностях жизни Тургенева, а о всей совокупности его творчества — при всей цѣнности многихъ мыслей и вѣрности освѣщенія, оставляетъ все-таки облигъ писателя не вполне разъясненнымъ. Передъ нами стоитъ какъ живые тѣ образы, которые Тургеневъ создалъ въ своихъ романахъ, мы зановинаемъ удачный историческій комментарий къ этимъ образамъ, данный тѣмъ или другимъ изслѣдователемъ, но сама фигура писателя, какъ человѣка и мыслителя, все-таки остается въ тѣни. И можно спросить, не должна ли она навсегда въ тѣни остаться? Для Тургенева въ этомъ вопросѣ нѣтъ ничего обиднаго, такъ какъ можно быть первокласснымъ художникомъ, умѣть творить людей, обладать удивительно музыкальной рѣчью, необычайно граціозной фантазіей и не связать своего имени ни съ какимъ оригинальнымъ міросозерцаемъ или съ какой-нибудь ясной общественной проповѣдью.

Литература о Тургеневѣ обогатилась за послѣднее время изслѣдованіемъ г. Н. М. Гутьяра „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ“. Юрьевъ 1907.

Ни подъ одинъ изъ вышеупомянутыхъ типовъ изслѣдованій книга г. Гутьяра не подходитъ. Изъ всѣхъ работъ въ области новой русской литературы она по оригинальной своей формѣ кажется единственная. Сборникомъ матеріаловъ назвать ее нельзя: въ ней много сырого матеріала, но онъ обработанъ, сгруппированъ и лишнего балласта въ немъ нѣтъ. Книгу нельзя назвать и монографіей, потому что посвящена она не одному какому-нибудь вопросу, а въ ней сразу затроуто ихъ очень большое количество. Зачислить книгу въ разрядъ біографій тоже нельзя, такъ какъ каждая глава книги нѣчто самостоятельное, и полной картины жизни писателя при чтеніи книги не получается; наконецъ книга эта не беретъ на себя защиту взглядомъ художника на тотъ или другой религіозный, нравственный или общественный вопросъ. Такимъ образомъ книга имѣетъ свою совсѣмъ особую технику, и противъ такой техники едва ли что возразить можно.

Рядъ послѣдовательныхъ этюдовъ о разныхъ событіяхъ жизни писателя, исторія его встрѣчъ съ разными лицами, освѣщеніе нѣкоторыхъ сторонъ его „міросозерцаія“ и все это на основаніи документовъ и очень обильныхъ, — представляетъ несомнѣнный интересъ. Цѣльнаго впечатлѣнія, конечно, не получается, и книга эта писана не для тѣхъ, кто желалъ бы ознакомиться съ біографіей Тургенева или желалъ бы имѣть въ рукахъ очеркъ развитія его творчества. Трудъ г. Гутьяра рассчитанъ на совсѣмъ много читателя.

Тотъ, кто знакомъ съ жизнью Тургенева хотя бы въ самыхъ общихъ ея очертаніяхъ и доржить въ памяти послѣдовательное чередованіе ея главнѣйшихъ этаповъ, для того книга г. Гутьяра полна интереса. Въ сглаженномъ обзорѣ жизни любого писателя и въ ровномъ разсказѣ, къ какому обыкновенно сводятся всѣ біографіи, теряется очень много характернаго. Живое лицо рѣдко передъ нами: между нами и этимъ лицомъ всегда стоитъ авторъ біографіи. А бываютъ такіе эпизоды въ жизни художника, болѣе или менѣе интимные, надъ которыми біографъ, стѣсненный общимъ планомъ своей книги, можетъ и не останавливаться, и которые тѣмъ не менѣе очень цѣнны, такъ какъ въ нихъ-то именно и прорывается паружу человѣкъ со многими характерными чертами своей психикки.

Въ книгѣ г. Гутьяра мы часто встрѣчаемся съ такимъ живымъ человѣкомъ и наблюдаемъ его въ разныхъ житейскихъ положеніяхъ, въ какія можетъ попасть любой изъ насъ. Для читателя, который не можетъ забыть ни на мгновеніе, что Тургеневъ большой художникъ и участникъ, и свидѣтель очень знаменательнаго общественнаго движенія, всѣ такія житейскія мелочи кажутся очень не существенными. Но для психолога, изучающаго типичную личность, они очень цѣнны. Цѣнность эта, конечно, удваивается, когда рядомъ съ интересующимъ насъ человѣкомъ появляются другіе, не менѣе замѣчательные люди, тоже въ самой интимной обстановкѣ. Книга г. Гутьяра на половину составлена изъ разсказовъ о такихъ интимныхъ встрѣчахъ и сношеніяхъ Тургенева съ Л. Толстымъ, Некрасовымъ, Фетомъ, Боткинымъ, Достоевскимъ, Анненковымъ и другими.

Страницы эти—самыя интересныя въ книгѣ Гутьяра—были встрѣчены въ печати подружески. Автору поставили въ вину то, что онъ стремился облить своего любимца и всю вину въ размолвкахъ и ссорахъ Тургенева съ разными лицами валить на ихъ плечи. Намъ кажется, что это обвиненіе не совсемъ справедливо, потому что оно предполагаетъ какой-то умыселъ со стороны автора, умыселъ, который едва ли былъ. Едва ли авторъ собирался писать апологию. Вѣрнѣе будетъ предположить, что эта для Тургенева столь симпатичная, общая окраска статей Гутьяра получалась потому, что авторъ слушалъ слишкомъ долго одного Тургенева и ему повѣрилъ. Прежде всего, конечно, надо помнить, что въ этихъ ссорахъ господъ литераторовъ, изъ которыхъ почти всѣ давно уже покойные, разобратся нѣтъ рѣшительно никакой возможности. По отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя сохранились объ этихъ столкновеніяхъ, по намекамъ въ письмахъ, по раз-

сказанъ постороннихъ нельзя возстановить истины во всей ея полнотѣ и отъ всякаго суда слѣдуетъ, конечно, воздержаться. Г. Гутьяръ виновенъ въ томъ, что онъ далъ читателю почувствовать, что онъ (т. е., г. Гутьяръ) въ данномъ случаѣ на сторонѣ Тургенева. А это читателю мало интересно. Но свою ошибку авторъ въ известной мѣрѣ исправилъ тѣмъ, что онъ привелъ массу документовъ, привелъ добросовѣстно, ничего не утаивая, но можетъ быть многого не зная. Можно спросить, конечно, стоило ли во всѣхъ этихъ мелочахъ копаться? Намъ кажется, что стоило, потому что если истина не обнаружена, то съ полной ясностью обнаружено, какъ самъ Тургеневъ смотрѣлъ въ данный моментъ на тѣхъ или другихъ людей, съ которыми встрѣчался (а это для его характеристики важнѣе, чѣмъ его виновность или правота). Если бы Тургеневъ оставилъ послѣ себя записки о своей жизни, въ которыхъ самъ рассказалъ бы всѣ эти эпизоды, то, конечно, работа г. Гутьяра была бы совершенно лишней. Но если мы правильно понимаемъ цѣль, какую себѣ авторъ поставилъ, то она заключалась именно въ томъ, чтобы путемъ довольно кропотливаго изслѣдованія показать намъ, какъ Тургеневъ оцѣнивалъ своихъ знакомыхъ и ихъ отношеніе къ нему. Эта кропотливая работа выполнена г. Гутьяромъ вполне добросовѣстно, и будущій біографъ Тургенева, если онъ въ этихъ эпизодахъ будетъ разбираться, несомнѣнно трудомъ автора воспользуется. Съ симпатіями же автора, конечно, считаться не будетъ, но не забудетъ также, что и лица, съ которыми Тургеневъ ссорился, были также отнюдь не безгрѣшные ангелы въ родѣ, напримѣръ, Некрасова и Достоевскаго.

Такимъ образомъ за всей этой частью труда г. Гутьяра остается серьезное значеніе. У насъ нѣтъ ни одной книги, которая бы съ такимъ документальнымъ аппаратомъ излагала тѣ страницы біографіи Тургенева, на которыхъ онъ является передъ нами частнымъ человѣкомъ, въ своей семьѣ и среди своихъ знакомыхъ. Конечно, это только маленькая частица будущей біографіи писателя, и въ такомъ детальномъ изложеніи, какъ она дана въ нашей книгѣ, это, пожалуй, роскошь. Но вѣдь нужно же біографу знать, какъ самъ человѣкъ свое положеніе оцѣнивалъ.

Когда отъ этихъ статей чисто біографическаго характера переходимъ къ статьямъ историко-литературнымъ, которыхъ въ книгѣ г. Гутьяра немало, то, конечно, требованія приходится повысить. Въ этихъ статьяхъ, какъ, напримѣръ, „Тургеневъ и крестьянскій вопросъ“, „Къ характеристикѣ мировоззрѣнія И. С. Тургенева“, „Тургеневъ и

польскій вопросъ"—авторъ касается крайне сложныхъ и запутанныхъ темъ, и яснаго впечатлѣнія отъ этихъ страницъ книги у читателя не получается. Остается все-таки не выясненнымъ, какую роль сыгралъ Тургеневъ въ развитіи той или другой общественной мысли.

Но для суда надъ этими главами книги г. Гутьяра надо помнить, что то, что отъ міросозерцанія Тургенева дошло до насъ въ формѣ прямого утвержденія и признанія, крайне скудно и сбивчиво и что на немъ построить точнаго вывода невозможно. Тургеневъ нѣкогда особенно не интересовался теоретическими вопросами, которыми нужно интересоваться, если желаешь выработать себѣ связанное и болѣе или менѣе полное міросозерцаніе. Общественное движеніе своего времени Тургеневъ улавливалъ въ его вѣдшихъ очертаніяхъ и типичныхъ проявленіяхъ въ лицахъ, и не всегда ему было ясно, насколько онъ самъ критически или симпатично относится къ этимъ лицамъ и насколько онъ проникнуть чувствами и мыслями того лица, которымъ онъ былъ необычайно заинтересованъ какъ художникъ. Это очень наглядно сказалось, напримѣръ, во всѣхъ тѣхъ разъясненіяхъ, которыя онъ дѣлалъ къ „Отцамъ и дѣтямъ“. Были, конечно, такіе вопросы, какъ вопросъ крестьянскій или вообще вопросъ о реформѣ, которые Тургеневъ всегда безъ всякихъ колебаній и неясностей рѣшалъ въ опредѣленномъ смыслѣ, но были и другіе вопросы, какъ, напримѣръ, вопросъ о политическомъ радикализмѣ, въ рѣшеніи которыхъ Тургеневъ поддавался минутнымъ впечатлѣніямъ. Г. Гутьяръ, касаясь этихъ общественныхъ взглядовъ Тургенева, не скрылъ своей симпатіи къ нему. И онъ поступилъ совершенно правильно, такъ какъ въ общемъ эти взгляды Тургенева никакихъ иныхъ чувствъ, кромѣ признанія, не заслуживаютъ. Авторъ и здѣсь продѣлалъ работу, имѣющую несомнѣнную цѣну: онъ подобралъ къ этимъ взглядамъ писателя всѣ имѣющіяся на лицо документы. Что картина получилась не достаточно яркая и рельефная, въ этомъ авторъ не виноватъ. Онъ бралъ лишь то, что онъ могъ найти. Нѣкоторый полемическій тонъ замѣтенъ у г. Гутьяра на тѣхъ страницахъ его книги, гдѣ онъ говоритъ и объ отношеніяхъ Тургенева къ кружку „Современника“ и о Базаровѣ, который въ глазахъ многихъ былъ членомъ редакціи этого журнала. Эта ссора людей сороковыхъ годовъ съ шестидесятниками хоть и отошла давно въ прошлое, но сохраняетъ и по сей день свою остроту и свѣжесть. Въ этой части своего труда г. Гутьяръ безпристрастнымъ историкомъ не былъ.

Да и во всей своей работѣ онъ былъ не столько историкъ, сколько собиратель историческихъ матеріаловъ, приведенныхъ въ извѣстный

стройный порядокъ. Обиліе этихъ матеріаловъ отражается и на стилѣ всей книги. Нѣкоторыя ея страницы написаны очень живо и обнаруживаютъ въ авторѣ умѣлаго излагателя. Этой своей способности авторъ не могъ обнаружить вполне, увлеченный желаніемъ придать своей работѣ возможно большую документальность.

По имени за это обиліе документовъ и притомъ сортированныхъ и сопоставленныхъ и долженъ его благодарить читатель, и въ особенности тотъ читатель, который съ предметомъ знакомъ. Такого знатока г. Гутьяра, конечно, не увѣрить въ томъ, что во всѣхъ своихъ житейскихъ и идейныхъ столкновеніяхъ съ разными лицами Тургеневъ былъ правъ. По взаимію такого увѣренія, которое идетъ въ разрѣзъ съ истиной, читатель, умѣющій ориентироваться въ вопросѣ, получитъ хорошо подобранный матеріалъ, который освѣтитъ ему много эпизодовъ изъ жизни писателя и многи его мысли о разныхъ вопросахъ, и освѣтитъ такъ, какъ до появленія труда г. Гутьяра не освѣщала ни одна книга. Субъективное въ этомъ освѣщеніи легко отдѣлимо отъ цѣннаго и документально доказаннаго.

Исторія Котляревскій.

М. Гершензонъ. П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе. С.-Пб. 1908. IV+320 стр.

Среди многочисленныхъ сочиненій по исторіи литературы, наводящихъ нашъ книжный рынокъ и часто поражающихъ хлесткостью фразы и безсодержательностью, выдѣляется трудъ г. Гершензона о П. Я. Чаадаевѣ. Живо написанный, онъ читается легко и возбуждаетъ интересъ всякаго любителя русской словесности уже потому, что заключаетъ въ себѣ не мало новыхъ данныхъ о жизни и дѣятельности автора знаменитыхъ „Философическихъ писемъ“. Г. Гершензонъ добросовѣстно потрудился прежде, чѣмъ приступить къ своему изслѣдованію. Онъ старательно отыскивалъ всякаго рода рукописные документы. Судьба, видимо, ему благопріятствовала. Онъ получалъ въ свое распоряженіе значительное число писемъ Чаадаева отъ частныхъ лицъ (гг. А. В. Звонигородскаго, В. Н. Самцова, родственниковъ Е. П. Орловой) и кое-что нашелъ въ нашихъ московскихъ и петербургскихъ книгохранилищахъ. Знакомство съ литературой предмета облегчало его поиски: такъ замѣтка покойнаго А. И. Кирпичникова¹⁾ обратила его вниманіе на любопытный дневникъ Чаадаева, хранящійся въ Ру-

¹⁾ *А. И. Кирпичниковъ. Очерки по исторіи новой русской литературы. М. 1903, т. II, стр. 129.*

мянцовскомъ музеѣ. Добытый матеріалъ г. Гершензонъ обработалъ съ замѣчательной ловкостью, и въ результатѣ получилось „историко-психологическое“ изслѣдованіе (37, 75, 89), гдѣ характеризуется „мысленіе“ „мудреца“, „мечтателя“ и „безстрастнаго наблюдателя вѣтровой толпы“.

Къ сожалѣнію, несмотря на всю свою занимательность, книжка г. Гершензона не вполне удовлетворяетъ внимательнаго читателя. Недочеты замѣтны и въ исторіи, и въ психологіи. Начнемъ съ первой. Чаадаевъ, по словамъ г. Гершензона, „былъ несомнѣнно однимъ изъ образованнѣйшихъ людей въ Петербургѣ“ (10), „много и серьезно читалъ“. Мы вполне согласны съ мнѣніемъ почтеннаго литератора, признаемъ его основательность,—но мы склонны сдѣлать отъ себя небольшое добавленіе: если Чаадаевъ былъ начитанъ, то не менѣе начитанъ долженъ быть и изслѣдователь, желающій обосновать свои сужденія. Чтобы всесторонне оцѣнить какого-либо писателя, нужно самому продѣлать всю ту работу, какую продѣлалъ послѣдній. Это тяжело, но необходимо. Продѣлалъ ли подобную работу г. Гершензонъ? Какъ извѣстно, Чаадаевъ былъ хорошо знакомъ со многими историческими и религіозно-философскими трудами; отличаясь сильными умомъ и критическими способностями, онъ умѣлъ разбираться въ чужихъ мнѣніяхъ: кое-что отвергалъ, кое-что принималъ и воспринятое умѣлъ перерабатывать по-своему. Выяснены ли въ книжкѣ г. Гершензона отношенія Чаадаева къ западно-европейскимъ мыслителямъ? Очень мало! Повторяя мнѣнія П. Н. Милюкова о вліяніи Бональда и де-Местра (74—75), г. Гершензонъ самъ указываетъ лишь на Юнга Штйллинга, „подъ руководствомъ котораго Чаадаевъ вступилъ въ область мистики“. Изъ русскихъ переводовъ сочиненій Штйллинга приведено нѣсколько отрывковъ (30—33), и на основаніи ихъ сдѣлана попытка характеризовать особенности его ученія ¹⁾. Насколько изучалъ г. Гершензонъ „Theorie der Geisterkunde“, мы судить не беремся, но указаніе на одного Штйллинга кажется намъ недостаточнымъ. Еще г. Милюковъ отмѣтилъ, что „въ шеллингистской философіи исторіи были стороны, которыя Чаадаевъ легко могъ воспринять“, что „вліяніе московскаго шеллингизма сказалось уже въ самой терминологіи“ Петра Яковлевича ²⁾, который въ 1832 году отправилъ

¹⁾ Ср. „Приключенія по смерти“. С.-Пб. 1805, ч. III, стр. 243—261; „Угрозъ Сѣвѣвостоковъ“. С.-Пб. 1814, ч. VII, стр. 14, 22—24, 103—105, 170—171.

²⁾ П. Н. Милюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли. М. 1898, т. I, стр. 386—380.

А. И. Тургеневу письмо для передачи „знаменитому“ Шеллингу. Шеллингъ считался „знаменитымъ“ потому, что „знаніе стало благодаря ему позавіей и вмѣствъ геометріей, а, можетъ быть, уже и религіей“ (297). Этого „слиянiя“ жаждалъ Чаадаевъ. При такомъ положенiи дѣла важно опредѣлить, съ какой жырью и съ чѣмъ именно отразилось на немъ вліяніе гѣмпоцкаго философа. Но г. Гершензонъ уклоняется отъ разрѣшенiя вопроса, упоминая вскользь о томъ, что „мистицизмъ съ духомъ Шеллинга, съ годами, подъ вліяніемъ мышленiя и чтенiя, утратилъ въ Чаадаевѣ свой личный и патологическій характеръ“ (89; ср. 148). А между тѣмъ, помимо Шеллинга, Чаадаевъ читалъ сочиненiя Боллаша (93)¹⁾, Ламене (300—301)²⁾, даже Годо (40)³⁾, а Платона называлъ своимъ „другомъ“ (297). Что выность Чаадаевъ изъ этого чтенiя, такъ и остается неизвѣстнымъ. Такая задача, видимо, мало интересовала г. Гершензона, и онъ старается отдѣлаться общими фразами. Въ данномъ случаѣ онъ предпочитаетъ изъ историка обратиться въ психолога и заявляетъ, что „историко-психологическому изслѣдованiю съ такими фактами нечего дѣлать“. Для него важно, что Чаадаевъ „не сливается“ ни съ кѣмъ изъ западно-европейскихъ мыслителей (Бональдъ, де-Местръ), что, „*posait*“ у нихъ многое“, онъ въ „дѣломъ“ остается безусловно оригинальнымъ“. Такъ пишетъ г. Гершензонъ на стр. 75; а на стр. 93 онъ уже отрицаетъ фактъ заимствованiя, признанный раньше: „сходство несомнѣнно, но о заимствованiи не можетъ быть и рѣчи“. Общее положенiе, выставленное г. Гершензономъ, также вызываетъ недоумѣніе. Возможна ли „полная самобытность“ (94), „безусловная оригинальность“, если Чаадаевъ „заимствовалъ многое“ у „французской католической школы“ и находился въ „зависимости“ (74, 93) отъ ея представителей?...

Неудовлетворительными кажутся намъ и тѣ разъясненiя, въ которыя пускается г. Гершензонъ, говоря о взглядахъ русскаго правительства. „Правда“, читаемъ въ концѣ XIII главы, „Чаадаевъ съ отвращенiемъ смотрѣлъ на крѣпостное право, осуждалъ порабощенiе церкви въ Россіи свѣтской властью, осуждалъ и, главное, осмѣивалъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 377—378.

²⁾ Въ письмѣ къ А. И. Тургеневу Чаадаевъ называетъ умъ Ламене „умомъ высокихъ, одареннымъ дарами необычайнымъ“, и, несмотря на это, относится къ нему критически.

³⁾ Епископъ Антоній Годо (1605—1672)—авторъ сочиненiя „Histoire de l'Eglise depuis le commencement du monde jusqu'à la fin du VIII siècle“.

конечно, и многое другое. Но все это были мелочи, не идущія въ счетъ, какъ ихъ не ставили ему въ строкъ и высшія московскія власти, съ которыми онъ до смерти находился въ наилучшихъ отношеніяхъ. *Если Бенкендорфъ и самъ Николай относились къ Чаадаеву подозрительно, то это имѣло совсѣмъ друга основанія: юность умственной силы, какъ бы униженно она ни звучала, отератительно дѣйствуетъ на нервы деспотовъ, потому что они верхнимъ слухомъ тотчасъ чуютъ ея царственную, непокорную природу* (100—101)*. Безспорно, фраза красива; но безспорно и то, что она лишена серьезнаго значенія! Читатель, не забывшій фактовъ, изложенныхъ г. Гершензономъ на предшествующихъ страницахъ книги, *долженъ* прійти къ инымъ заключеніямъ. „Основанія“ подозрительно относятся къ Чаадаеву у правительства были, конечно, не тѣ, на которыя сослался г. Гершензонъ. Уже въ началѣ 1821 года было перехвачено и представлено высшимъ московскимъ властямъ письмо Чаадаева къ теткѣ. Въ этомъ письмѣ онъ весьма иронически отзывается о званіи флигель-адъютанта, которое предстояло ему получить. „Если онъ и желалъ чего-нибудь подобнаго, то это было все равно, какъ если бы онъ желалъ имѣть красивую мебель или изящный экипажъ, однимъ словомъ, какую-нибудь игрушку“. Онъ „счелъ болѣе забавнымъ пренебречь этою милостью, нежели добиваться ея“. Ему „было пріятно выказывать пренебреженіе людямъ, пренебрегающимъ всѣми“. Содержаніе письма стало извѣстно императору (22—23). Сношенія Чаадаева съ декабристами должны были усилить бдительность правительства послѣ злополучнаго 14 декабря (13—14, 24—25). Въ іюль 1826 г. возвратившійся изъ-за границы Чаадаевъ былъ задержанъ и подвергнутъ допросу. „Оказывается, что великій князь (Константинъ Павловичъ), получивъ отъ варшавской секретной полиціи донесеніе о прибытіи Чаадаева изъ-за границы и зная о близости его съ Тургеневыми и повѣзвъ въ Тропнау, тогда же сообщалъ объ этомъ государю, приказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, учредить за Чаадаевымъ въ Варшавѣ тайный надзоръ, а по пріѣздѣ въ Брестъ-Литовскъ тщательно осмотрѣть его бумаги. При обыскѣ въ Брестѣ у Чаадаева были найдены разныя *недозволенные* книги, *возмутительные* стихи и пр., а главное—*письма, обнаружившія его связи съ нѣкоторыми обвиняемыми по дѣлу 14 декабря*: съ П. Тургеневымъ, Муравьевыми и княземъ Трубецкимъ“ (58—59). На эти обстоятельства почему-то не пожелалъ обратить вниманія г. Гершензонъ, страдающій иногда отсутствіемъ опредѣленности въ толкованіи историческихъ фактовъ, что обнаружилось и въ

его отзывѣ объ извѣстномъ „отношеніи“ Бенкендорфа къ московскому генералъ-губернатору князю Голицыну. По поводу признанія Чаадаева ненормальнымъ и установленія за нимъ медицинскаго надзора г. Гершензонъ пишетъ: „Болѣе циничнаго издѣвательства торжествующей физической силы надъ мыслью, словомъ, надъ человѣческимъ достоинствомъ не видѣла даже Россія“ (137). Для того, чтобы „торжественно физической силы“ являлось „циничнымъ издѣвательствомъ“, съ нашей точки зрѣнія, необходима наличность *завѣдомо* признанія ненормальнымъ *вполнѣ* здороваго человѣка. Было ли это на самомъ дѣлѣ? Изъ книги г. Гершензона мы узнаемъ, что въ 1824—1825 гг. Чаадаевъ былъ „тяжелю, глубоко нервно настроенъ“, болѣлъ чуть ли не „острымъ психозомъ“ (38, 44, 46); подобное состояніе онъ пережилъ и въ 1847 г., когда былъ „близокъ къ сумасшествію“ (188). Повторялись ли такія явленія въ промежуткѣ съ 1825 по 1847 г., сказать трудно; но „мнительность и нервозность, повидимому, никогда не оставляли его“ (105). По свидѣтельству его брата, онъ часто терялъ „спокойствіе духа“ (110). Физически здоровый, онъ бывалъ „разстроены отъ миохондріи“, которая находила на него временами (36, 113): тогда онъ избѣжалъ общенія съ людьми „самыми близкими“, „дѣлался одинокимъ, угрюмымъ нелюдимомъ“, всенѣло „поддавался мрачному настроенію уха“ (60). Душевный недугъ, отъ котораго Чаадаевъ никакъ не могъ вполнѣ избавиться, естественно, отражался на его поведеніи и манерѣ держать себя даже въ тѣ моменты, когда самочувствіе было сравнительно сносно. Отсюда его пристрастіе къ напыщенности, склонность къ проповѣдничеству (118), „печальная усмѣшка“ на устахъ (117). „Хомякова удивляло въ немъ соединеніе бодрости живого ума съ какою-то *постоянной печалью*“ (117). Онъ имѣлъ обыкновеніе, отдалившись отъ толпы, „стоять, сложъ руки, гдѣ-нибудь у колонны, у дерева на бульварѣ, въ залахъ и театрахъ, въ клубѣ,—и воплощеннымъ veto, живой протестаціей смотрѣть на вихрь лицъ, бессмысленно вертѣвшихся около него“ (183—184). Онъ былъ „крайне раздражителенъ“ (35), „капризенъ“, „мнительнъ“ (105, 109), „чрезвычайно обидчивъ“, „зорко слѣдилъ“ за всѣмъ, происходящимъ вокругъ него (185), и на иныхъ „производилъ *отталкивающее впечатлѣніе*“ (118). Итакъ, нѣкоторые странности за Чаадаевымъ водились... Его фантазія работала иногда очень живо. Онъ любилъ представлять себя „въ роли совѣтника власти, вдохновляющагося полетнику въ какой-нибудь отрасли управленія. И съ этимъ-то Платоновскимъ предложеніемъ о союзѣ философіи съ правительственной силой“ онъ обратился къ

императору Николаю и Бенкендорфу. „Желавшій получить должность по дипломатической части“, но совсѣмъ не имѣвшій дипломатическихъ способностей, Чаадаевъ пишетъ письмо графу съ такой „дерзкой фамильярностью“, какой не могъ вынести „бюрократъ-царедворецъ“. Самому Николаю I Петръ Яковлевичъ предлагалъ свои услуги лишь въ томъ случаѣ, „если его взгляды окажутся отвѣчающими взглядамъ Его Величества“. Чаадаевъ не сознавалъ „чудовищной дерзости своихъ строкъ“, а онѣ-то и сдѣлали свое дѣло: при дворѣ составили объ авторѣ определенное мнѣніе. „Россійскаго Платона не пожелали и выслушать“; и „*ничего нѣтъ мудренаго, если въ Петербургѣ уже теперь (т. е. въ 1833 г.) зародилось подозрѣніе на счетъ нормальности умственныхъ способностей Чаадаева*“ (124—130). Приведенныя слова самого г. Гершензона убѣждаютъ насъ, что представители власти, разсуждая *по-своему*, могли вполне искренно заподозрѣть Чаадаева на нѣкоторой ненормальности, и что въ „отношеніи“ Бенкендорфа можно видѣть лишь „торжество физической силы“, а не „циничное издѣвательство надъ человѣческимъ достоинствомъ“¹⁾.

Отъ исторической стороны разбираемой книги перейдемъ къ психологической, на разработку которой направлены всѣ усилія г. Гершензона. Его благія намѣренія, конечно, заслуживаютъ всякой похвалы. Написать историко-психологическій очеркъ о такомъ лицѣ, какъ Чаадаевъ, — благодарная, заманчивая, интересная тема! Но, къ несчастію, не все то, что манитъ и интересуетъ насъ, практически осуществимо. Даже даровитый изслѣдователь можетъ встрѣтить непреодолимыя препятствія! Встрѣтилъ ли препятствія на пути, ведущемъ къ намѣченной цѣли, г. Гершензонъ? Увы, да! И очень большія! „Скудость матеріаловъ“ (34, 89) „не позволяла ему сдѣлать“ многого. *Основательно прослѣдить постепенное развитіе чаадаевского „мышленія“* оказалось немыслимо. Порою приходилось или строить довольно смѣлыя гипотезы, или оставлять пробѣлы. Г. Гершензонъ предпочиталъ послѣднее первому. Но будучи осторожнымъ, сдерживая полетъ

¹⁾ Должно замѣтить, что и „торжество физической силы“ произошло по особенной рѣлке. „Чаадаевъ былъ пріятель и товарищ по службѣ А. Х. Бенкендорфа, что и объясняетъ сравнительную мягкость его наказаній“ (И. А. Шлякинъ. Изъ послѣднихъ бумагъ А. С. Пушкина. С.-Пб. 1903, стр. 282). Не даромъ „бюрократъ-царедворецъ“, единственный изъ многихъ „начальниковъ вѣдомствъ“, „изъявилъ готовность всячески содѣйствовать“ Чаадаеву въ пріисканіи „подобающаго мѣста“, а послѣдній въ сношеніяхъ съ нимъ допустилъ даже „дерзкую фамильярность“ (М. Гершензонъ. И. Я. Чаадаевъ, стр. 125—127).

воображенія, онъ не могъ не сѣтовать, что психическій міръ Чаадаева далеко не всегда для него доступенъ. Особенно досадно, что ему не удалось выяснитъ самый важный эпизодъ въ жизни Чаадаева— „религіозный переломъ“, плодомъ котораго были „Философическія письма“. Какъ совершился „душевный переворотъ“, который привелъ декабриста, надѣленнаго „гордымъ умомъ“, къ мистицизму, — осталось загадкой и для читателя, и для биографа. Биографъ можетъ только констатировать фактъ и утверждать, что въ 1823 году Чаадаевъ былъ „совсѣмъ не тотъ человѣкъ“, котораго знали его друзья „два года назадъ“ (25). У г. Гершензона „нѣтъ никакихъ свѣдѣній, по которымъ мы могли бы *достоверно* судить о религіозныхъ взглядахъ Чаадаева въ петербургскій періодъ его жизни“ (33); а для усѣбности его работы было „чрезвычайно важно опредѣлять нравственное состояніе П. Я. въ тотъ моментъ, когда его *первое* коснулось *вліяніе мистицизма*“ (34). Задача осталась нерѣшенной, и „какъ Чаадаевъ пришелъ къ настоящей вѣрѣ“, „*навсегда останется для насъ тайной*“ (34)... Описывая „мистическія настроенія“, пережитыя Чаадаевымъ, г. Гершензонъ знакомитъ насъ съ его „дневникомъ бѣднѣи, которому училъ Штиллингъ“ (38). „Около 1820 года — читаемъ на 34 стр. — произошло „обращеніе“ Чаадаева, а въ началѣ 1822 года онъ, по совѣту какого-то неизвѣстнаго намъ лица, прочиталъ нѣсколько сочиненій Штиллинга, которыя вызвали въ немъ тяжелый душевный кризисъ, затянувшійся на много лѣтъ. Прямъ свидѣтельствомъ этого кризиса является уцѣлѣвшій отрывокъ изъ дневника Чаадаева, веденнаго имъ за границей. Это, вѣроятно, одинъ изъ самыхъ удивительныхъ человѣческихъ документовъ, съ какимъ когда-либо приходилось имѣть дѣло биографу“. Намъ невольно хочется сказать по этому поводу, что „самые удивительные человѣческіе документы“ обыкновенно не хранятся подъ спудомъ, а опубликовываются, въ особенности тогда, когда изслѣдователь „*не безъ страха*“ приступаетъ не только къ ихъ анализу, но и къ простому „изложенію“ (36—37). Умъ — хорошо, два лучше. Польза лишать другихъ возможности повѣрить сдѣланные выводы. Такая повѣрка полезна для всесторонняго освѣщенія вопроса, и опубликованіе дневника принесло бы, несомнѣнно, больше пользы, чѣмъ изданіе новаго ¹⁾ русскаго перевода „Философическихъ писемъ“

¹⁾ Первый переводъ былъ сдѣланъ въ 1906 г. В. П. Дешке и С. М. Юрьевымъ подъ редакціей приватъ-доцента Кавказскаго университета Вл. П. Иванова.

и „Апологиі сумасшедшаго“, напечатанныхъ въ приложеніи къ изслѣдованію (204—296).

Въ заключеніе, мы должны повторить, что книжка г. Гершензона едва ли не самая любопытная изъ числа прочитанныхъ нами за послѣднее время, и что только интересъ, ею пробужденный, заставилъ насъ нѣсколько расширить предѣлы нашей рецензіи.

III. Козиминъ.

А. В.—въ. Грамоты и акты Вятскаго Успенскаго Трифонова монастыря 1580—1764 гг. Вятка, 1906.

I.

Цѣнное по содержанию собраніе официальныхъ ¹⁾ актовъ для исторіи Вятскаго края. Какъ это отмѣчается самимъ издателемъ въ „послѣсловіи“ къ изданію, оно прежде всего даетъ обильный матеріалъ для детальной исторіи колонизаціи Вятки и заселенія русскими инородческихъ земель по берегамъ рѣкъ Вятки, Бун, Чепочки, Кобры, Лекмы, Жерновой, Рѣнихи, Кырмыжа, Кумена, Ошети, Ситмы, Лудяны, Кырчана, Курчумъ, Сумы, Поли, Вон и т. д. (521—524). Папрасно только издатель не отмѣчаетъ при этомъ, что эта колонизація была далеко не мирной, а сопровождалась всякаго рода насиліями и жестокостями надъ инородцами и обманами ихъ со стороны русскихъ вообще и монастырей въ частности.

Папрасно также на стр. 521 издатель говоритъ, что всѣ земельныя тяжбы и прочія дѣла, касавшіяся матеріальнаго благосостоянія монастыря, обыкновенно оканчивались счастливо въ его пользу. Далеко не всегда такъ было, не смотря ни на „державное благоволеніе“, ни на „подношенія“, о чемъ такъ благодушно говоритъ издатель на той же страницѣ. Только дѣлъ, кончавшихся не въ пользу монастыря, конечно, надо искать не среди монастырскихъ актовъ. И въ этомъ отношеніи особенно характерны приводимые нами ниже выпуски изъ оригинала акта № 50 въ монастырской копіи этого акта. Если же такъ монастыри при случаѣ и возможности кастрировали неблагоприятныя имъ частности даже актовъ, служившихъ въ общемъ въ ихъ пользу,

¹⁾ Частный въ сборникѣ лишь одинъ актъ за № 44 (данная), что однако издателемъ не отмѣчено.

то акты въ общемъ имъ неблагоприятны они, конечно, просто уничтожали. Возможна была и фальсификація ими актовъ, какъ мы объ этомъ говоримъ подробнѣе въ „Вѣстникъ Права“ за октябрь 1900 г. Особенно же подозрительны частыя просьбы монастырей выдать имъ новую жалованную грамоту на ихъ вотчины по ихъ списку съ нея, такъ какъ до подлинникъ грамоты у нихъ утерился, а отнусае еи въ приказѣ сгорѣлъ (3-го мая 1626 г. напр.).

Даетъ изданіе свѣдѣнія и о бытѣ монаховъ и ихъ матеріальномъ и не матеріальномъ положеніи, о монастырскомъ хозяйствѣ и о поселскихъ старцахъ, также о положеніи монастырскихъ слугъ и службниковъ, крестьянъ и половниковъ и о повинностяхъ, сборахъ деньгами и припасами и вообще объ отношеніяхъ къ монастырямъ подвластныхъ имъ лицъ, что тоже отмѣчается издателемъ, при чемъ однако онъ забываетъ упомянуть, что послѣ колонизаціонной юридико-экономическая сторона въ издаваемыхъ имъ актахъ самая важная.

Цѣины и данныя актовъ для исторіи какъ самого Трифонова монастыря, такъ и другихъ (Челочкаго и Рождественскаго на Вятскихъ Полянахъ напр.), о чемъ издатель говорить особенно подробно (519—521). Только напрасно онъ оказываетъ такое слѣпое довѣріе къ акту № 1, дошедшему до насъ не въ подлинникѣ, какъ ошибочно говорить это издатель на стр. 3, а въ позднѣйшемъ списокѣ, хотя и архивномъ. Такимъ образомъ могъ быть этотъ актъ и фальсифицированъ, какъ, напримѣръ, фальсифицированы древнѣйшіе акты Слободскаго Богоявленскаго монастыря изъ „грамотъ коллегіи экономіи“ за №№ 10979—10891.

Особенно же важна въ изданіи „Опись“ Трифонова монастыря подпоручика Махова 1764 г. (№ 90; стр. 396—524), съ отмѣнной подробностью рисующая положеніе монастыря и результаты колонизаторской работы его наканунѣ секуляризаціи монастырскихъ земель и крестьянъ. Въ высшей степени любопытно и (не дѣлаемое однако издателемъ) сравненіе данныхъ этой „Описи“ о состояніи монастыря и его вотчинъ съ данными о томъ же то же итожнаго характера актовъ за №№ 6 (сотница 1589 г., а не 1590, какъ это думаетъ издатель, известная впрочемъ еще раньше г. Дьяконову: *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1893, VII, 230), 16 (жалованная грамота 1627 г.) и 89 (жалованная грамота 1693 г. на стр. 347—396).

Отмѣтимъ также, что къ изданію приложены: „Объясненіе ста-

ринныхъ словъ", составленное издателемъ (525 — 530), и указатели, составленные г. Ялусовымъ.

II.

Теперь археографическая сторона дѣла.

Сорокъ восемь актовъ взяты издателемъ со списковъ середины XVIII вѣка Вятской казенной палаты, при чемъ однако издателю, несмотря на его заявленіе въ предисловіи, что онъ занимался въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи надъ дѣлами коллегіи экономіи, остались неизвѣстными подлинники шести изъ этихъ актовъ, сохранившіеся среди „грамотъ коллегіи экономіи“ *Московскаго архива министерства юстиціи*, а именно:

№ изданія.	№ архивный.	
58	14275	Номера же 46-го изданія есть въ архивѣ божіе ранній списокъ (именно 7195 г.) на лл. 70—72 сборника № 14251.
76	14316 и 14315	
81	14322	
83	14326	
86	14335	
88	14343	

Правда, въ предисловіи издатель говоритъ, что списки казенной палаты „достаточно вѣрно передаютъ подлинники“. Но тутъ же онъ принужденъ былъ сдѣлать оговорку, что все же „въ нѣкоторыхъ спискахъ оказались описки переписчиковъ“. А на стр. 49, напримѣръ, чтеніе казенной палаты „пять чети“ онъ самъ отмѣтилъ вопросительнымъ знакомъ, на стр. 201 „105“ переправилъ въ „190“, на стр. 211 отмѣтилъ пропускъ въ списокъ казенной палаты. Мы же, свернивъ № 81 изданія съ архивнымъ № 14322, въ первомъ кромѣ выпусковъ титуловъ (о которыхъ тоже издатель ничего не говоритъ, хотя дѣлаетъ ихъ сплошь и рядомъ) нашли еще слѣдующія погрѣбности:

Страница.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
328	17	Собрать и	Собравъ.
—	19	государей	государей, собравъ, прислать.

Такимъ образомъ эти семь актовъ слѣдовало бы издать по болѣе раннимъ архивнымъ спискамъ, а не по болѣе позднимъ казенной палаты, какъ это дѣлаетъ издатель.

Затѣмъ изъ „грамотъ коллегіи экономіи“ *Московскаго архива министерства юстиціи* издатель взялъ изъ хлыновскихъ тридцать

одинъ актъ (№№ изданія 1—8, 12—14, 17—19, 23, 25—28, 34, 43, 44, 47, 56, 60, 61, 64, 65, 73, 74), изъ казанскихъ одинъ (№ 89, при чемъ однако издатель забылъ упомянуть, что архивный номеръ этого акта № 6579) и изъ монастырскихъ описей по Хлынову тоже одинъ актъ (№ 90). Но въ изданіи и этихъ актовъ имѣются погрѣшности, а именно, свѣрнувъ только текстъ изданія одного № 6 для примѣра съ архивнымъ текстомъ № 14169, мы нашли слѣдующее:

<i>Страница.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
11	2 св.	Бурдинъ	Бурдинъ.
18	6 св.	Шеломовъ	Шелуховъ.
—	7 —	Чахловъ	Чахловнцъ.

Кромѣ того въ этомъ актѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, издатель, не оговаривая этого особо, выпускаетъ не только межевыя лѣвы XVIII вѣка, но даже и крайне важныя помѣты, о которыхъ мы подробно говоримъ въ рецензіи на книгу г. Рубцова (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1906, июнь). Приведемъ образцы этихъ помѣтъ:

<i>№№</i>	<i>Помѣты.</i>
14164	Хлыновъ. № 84. 91. № 1.
14165	Хлыновъ. № 85. Хлыновъ. № 86. 86. 87. Послѣднія три помѣты зачеркнуты.
14169	Хлыновъ. № 90. № 4. № 6.

На стр. же 72-ой издатель № 14206 ошибочно помѣтилъ № 14200.

Далѣе. Шесть актовъ (за №№ 48, 50, 52, 53, 79 и 85) издатель взялъ изъ межевыхъ книгъ Трифонова монастыря Красовскаго неизвестно какого времени. Но и изъ этихъ актовъ цѣлыхъ пяти напались неизвестные издателю подлинники среди „грамотъ коллегіи экзопоміа“, а именно:

<i>№ изданія.</i>	<i>№ архивный.</i>
50	Доп. Лихачева по Пестякову.
52	6520 (Казань).
53	14267
79	14320 и 14319
85	14332

} (Хлыновъ).

Къ тому же тексты межевыхъ книгъ очень плохи и съ большими пропусками. Возьмемъ № 50, который все же имѣетъ нѣкото-

рую цѣнность, такъ какъ въ подлинникѣ 11 начальныхъ строкъ вырвано:

<i>Страница.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
172	4	поломцеъ	поломечь.
—	13	владѣтъ	и, досмотря писцовыхъ, въ писцовыхъ и въ оброчныхъ книгахъ будетъ тѣ угоды на оброкѣ за ихъ монастыремъ писаны и оброкъ они платятъ, владѣтъ.
—	14	оброку	оброку ихъ.
—	21	днкое раменьє	двими раменьемъ.
—	28	съ товарищи, отдать	съ товарищи, за тремя человекъ, будетъ тѣ угоды къ посадамъ и къ инымъ нашимъ землямъ не приписаны и спору ни съ кѣмъ не будетъ, отдать.
—	31	годъ. Да они жь	годъ. А будетъ на тотъ лѣтъ оброку положено болши того, и на нихъ имать оброкъ по болшому оброку. Да они жь
173	10	Оникѣву, и вдовамъ	Оникѣву, всѣмъ зъ дѣтми и зъ братьями и съ племяннижи, и вдовамъ.
—	27	но прежнесму; а которые	но прежнесму. И тѣхъ крестьянъ и бобылей и земель пашенныхъ и полевыхъ къ посаду подъ выгонъ и огородавъ у того монастыря не отнимать и тоѣ землю очистить къ монастырю, потому что по нашему великого государя указу въ дачь земли на выгонъ отнимать по скаскамъ не велено. А велено отнимать такне земли, которыми землями у посацкихъ людей нст крепостей завладѣлъ хто насильствомъ. И столбы и грани, которыя на ихъ монастырской землѣ Федоръ Супоневъ поставилъ, велено выметать и ямы заровнять. А владѣтъ архимандриту зъ братьею тою землею по старимъ кѣжамъ. А поручные записи, которые Успенскаго монастыря по крестьянехъ и по бобыляхъ въ земскую избу въ житьѣ и въ тягѣ взяты, у земского старосты и у посацкихъ людей взявъ, отдать архимандриту зъ братьею. А по тѣхъ монастырскихъ крестьянехъ, которымъ по нашему великого государя указу велено быть въ посадѣ, взять новые поручные записи противъ

прежних поручныхъ записей, что имъ съ монастырскихъ дворовъ и огородовъ сойти и жить имъ на посаженныхъ земляхъ въ тѣгѣ съ посаженными людьми въ рядъ. А которые.

Наконецъ три акта (за №№ 38, 40 и 84) взяты издателемъ со списковъ Трапизина XVII вѣка, въ которыхъ по его мнѣнiю нѣтъ ни поддѣлки, ни фальсификаци. Но и изъ этихъ актовъ подлинникъ № 40 (хотя и безъ начала)¹⁾ имѣется среди хлыновскихъ „грамотъ коллегiи экономiи“ за № 14220, что осталось тоже издателю неизвѣстнымъ. Да и изданный текстъ этого акта тоже возбуждаетъ сомнѣнiя, такъ какъ на строкѣ 2-ой снизу стр. 104 стоитъ „мая 21“ вмѣсто „12“, какъ это слѣдовало бы по оригиналу.

III.

Отмѣтимъ теперь акты изъ „грамотъ коллегiи экономiи“ по Хлыновскому уѣзду Трифонова монастыря, оставшіеся совсѣмъ неизвѣстными г-ну В—ну и неизданные имъ²⁾:

14175	7109 марта 29.	Книги дозорныя Федора Рязанцова монастырю и его вотчинамъ.
14181	7123	Книги дозорныя кн. Ф. А. Звенигородскаго съ товарищи монастырю и его вотчинамъ.
14198	7164	Книги переписныя В. П. Отяева и под. С. Ищенна вотчинамъ монастыря.
2274	7169 iюля 30.	Грамота (съ оторваннымъ началомъ) на рыбныя ловли по р. Ваткѣ.
14227	7178 сентября 30.	Списокъ съ отводныхъ и описныхъ книгъ Гр. Соковинна и под. Ф. Немирова на Кырчанъ и на Лудяну.
14246	7185 октября 16.	Списокъ съ отказныхъ книгъ Ивана Хохлова на Курчанской приселокъ.

¹⁾ Вѣрить съ началомъ, подклееннымъ изъ другого акта.

²⁾ Впрочемъ этимъ же самымъ недостаткомъ страдаетъ и высокоавторитетная книга г. Шахматова: „Исслѣдованiе о двинскихъ грамотахъ“, С.-Пб., 1903 (рецензированная нами въ „Вѣстникъ Права“ за январь 1903 г.). Такъ, напр., изъ мухановскихъ актовъ Румянцевскаго музея въ ней не ладаны №№ 21 (заказная Михаила Васильева Микифору Перхурьеву на участокъ на Ровднiи горѣ 1490 — 1491 гг.) и 68 (купчая Анд. Изв. Епифанова его братьямъ на четверть Епифановской земли 1498—1499 гг.).

14247	7185	октября 30.	„Грамота“ (воеводская) на село Вознесенское и на приселокъ Кырчанской.
14255	7186		Книги переписныя Мих. Воейкова и под Фед. Прокофьева на вотчины монастыря. Копія 1742 г.
14256	7187	декабря 12.	Кортонная Д. К. и М. Б. Девятаровыхъ на деревню Девятаровскую.
14257	—	марта 30.	Поступная Е. А. Девятарова на четверть той же деревни.
14260	7189	февраля 15.	Переписныя книги Мих. Писемскаго и под Влад. Степанова на вотчины монастыря.
14266	7190	января 15.	Поступная сыновей В. Девятарова на четверть деревни Девятаровской.
14268	—	мая 8.	Поступная сыновей К. Перевозшикова на треть новочиств противъ Ивановской перелоки.
14271	7191	июня 25.	Поступная Девятаровыхъ на половину деревни Девятаровской.
14300	7198	июня 2.	„Договорное письмо“ (мировое межевое) съ арх. Вятскимъ на Кырмыжъ.
14349—14355	Безъ датъ.		Переписныя книги крестьянамъ второй ревизіи.
14358	1710		Переписныя книги С. Д. Траханиотова Вобловницкой вол.
14363	1717		Переписныя книги Ив. М. Кологривова
14365	1722		Переписныя книги первой ревизіи
14380	1759		Межевая книга Як. Красильникова и П. Иванова монастырскимъ землямъ съ городскими выгонными землями.

} на
крестьянъ.

И изъ всѣхъ этихъ пропусковъ всего непонятнѣе и страннѣе пропускъ актовъ за №№ 2274, 14268, 14300 и особенно 14256, 14257, 14266 и 14271, какъ крайне важныхъ для исторіи колонизаціи края.

Не изданы еще г. В—нымъ и слѣдующіе акты, упоминаемые имъ на стр. 346 съ неточными заголовками, а №№ 14230—14231 и безъ указанія номера и съ невѣрною датю (27 апрѣля! — Невѣрны даты и въ №№ 14248 и 14286: 1677 и 1687 гг.).

14191	7187		Книги писцовыя А. М. Толочанова и под А. Іевлева монастырю и его вотчинамъ.
14222	7176		Выпись съ межевыхъ и отгавныхъ книгъ Ив. М. Алфимова на спорныя земли въ Березовскомъ стану.
14280—14281	7178	апрѣля 23.	„Договоръ“ (мировая дѣловая) съ еп. Вят-

			скимъ на земли вверху по рѣкѣ Выстрицѣ въ двухъ экземплярахъ.
14248	7185 октябрь.		Списокъ съ отказныхъ книгъ Ивана Хохлова на село Вознесенское.
14258	7188 февраля 17.		Выписъ изъ дѣла на земли по Арской дорогѣ на усть рѣки Воштормы.
14286	7195 октлбра 23.		Выписъ изъ писцовыхъ и межевыхъ книгъ М. М. Поздѣева и под. Ив. Андреенова на уржумскія монастырскія вотчины.

IV.

Что же касается ореографіи изданія, то вообще въ немъ сохраняются особенности говора, но во многихъ актахъ сохранены и особенности написанія.

На стр. 15 приведены издателемъ разночтенія списковъ архивнаго и казенной палаты. Приведены разночтенія и въ актѣ № 76. Но и только.

Свѣдѣній по сфрагистикѣ и дипломатикѣ въ изданіи, къ сожалѣнію, нѣтъ.

Повторныя подтвержденія (напр., въ № 8) и повторныя тексты (напр., въ № 84), титулы, межевыя явки XVIII вѣка и помѣты, какъ мы уже говорили, издатель обыкновенно выпускаетъ. Въ № 34 издателемъ выпущены слова „во дворѣ“ и имена дѣтей.

Заголовки актовъ случайны и неопредѣленны и совсѣмъ не отражаютъ въ себѣ древней терминологіи актовъ.

О перепечаткахъ авторъ говоритъ глухо въ предисловіи, что въ изданіе вошли и „Древніе Вятскіе акты“ 1880 г. Детальныя же указанія на перепечатки имѣются лишь при № 1.

Съ чисто исторической литературой предмета издатель довольно хорошо знакомъ, но юридическая и экономическая литература совершенно неизвѣстна ему, что между прочимъ рѣзко сказалось въ „объясненіи старинныхъ словъ“, приложенномъ къ изданію. Такъ, напримѣръ, „грамоту“ издатель опредѣляетъ, какъ „письменный актъ, документъ всякаго рода“ (526)—и только! Такимъ образомъ ему совершенно неизвѣстна роль грамоты, какъ официального акта, а также различіе между отдѣльными видами грамотъ (жалованныя, правыя, съ прочетомъ и т. д.), о чемъ мы подробнѣе говоримъ въ „Большой энциклопедіи“ Южакова (VII, 430—434). Если же изъ отдѣльныхъ видовъ грамотъ на стр. 525 издатель говоритъ еще о „ввозныхъ грамотахъ“,

то при этомъ смѣшиваетъ ихъ съ жалованными и забываетъ сказать объ отличіи ихъ отъ послушныхъ грамотъ.

Совершенно молчатъ „объясненіе“ о „выписяхъ“ (владѣльныхъ, правыхъ, оброчныхъ и т. д.), даваемыхъ провинціальными властями частнымъ лицамъ на недвижимости, и о такихъ ихъ подвидахъ, какъ „данныя“, „памяти“ и даже „грамоты“. Не упомянуто и про „данныя“, какъ частные акты („Бол. энц.“, VII, 432).

„Память“ на стр. 528 издатель опредѣляетъ, какъ „предписаніе, письмо“—и только. На дѣлѣ же „памятями“ прежде всего сносились центральныя правительственныя установленія между собою. Давались и провинціальными властями иногда „памяти“ владѣльныя частнымъ лицамъ, какъ и центральными учрежденіями „выписи“. Назывался „памятью“ и первоначальный набросокъ „записи“, о чемъ подробнѣе мы говоримъ на стр. 126 *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за ноябрь, 1906 г., равно какъ иногда и самая „запись“.

„Соху“ издатель на стр. 530 опредѣляетъ такъ: „800 четвертей доброй земли, 1.000 средней, 1.200 худой“—и только! Но вѣдь это лишь подвѣнчившій результатъ (да и то для однихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ, а не для монастырскихъ земель) неизвѣстной издателью сложной и трудной исторіи сохи, о которой см. подробнѣе хотя бы, напримѣръ, на 35—52 стр. „Спорныхъ вопросовъ финансовой исторіи Московскаго государства“ Милюкова.

Также легковѣсны, вовсе не отражая въ себѣ новѣйшей литературы предмета, объясненія издателя къ словамъ: „въ дву потому жъ“, „выть“, „перелогъ“, „писцовыя книги“, „четверть“.

Нельзя не отмѣтить и отсутствія въ „объясненіи“ даже такихъ словъ, какъ поломецъ, бобыль, половникъ, наездъ, живущая четверть, десятина, конва, село, сельцо, селнице, деревня, пустошь и т. д.

Сергій Шушановъ.

Указатель къ „Опыту россійской библиографіи“ В. С. Сошкова. Составилъ В. П. Рогожинъ. Исправленное и дополненное изданіе. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1908. 8°. XXI+253 стр.

Выходомъ въ свѣтъ книги, заглавіе которой только что выпи-сано нами, закончено перевданіе „Опыта россійской библиографіи“ Сошкова подъ редакціей г. Рогожина. О первыхъ пяти томахъ „Опыта“ (1904—1906) мы выѣли уже случай говорить на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1906 г., № 7,

стр. 164—174 второго счета); при этомъ было высказано (стр. 174) предположеніе, что обѣщанный при изданіи г. Рогожина указатель къ „Опыту“ явится исправленной и дополненной перепечаткой прежняго аналогичнаго труда г. редактора новаго изданія. Предположеніе это оправдалось. Какъ извѣстно, г. Рогожинъ въ 1899 г. издалъ (въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторія и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ“, книга четвертая, и отдѣльно) „Указатель къ «Опыту російской библиографіи» В. С. Сопикова (къ книгамъ гражданской печати)“. Этотъ трудъ полезенъ для всѣхъ, имѣющихъ случай обращаться къ „Опыту“, въ которомъ, какъ извѣстно, принятая авторомъ азбучная система вовсе не выдержана, и отыскать ту или иную книгу по ея названію бываеъ трудно, а зачастую и невозможно. Г. Рогожинъ составилъ весьма удобный указатель заглавій, упоминаемыхъ въ „Опытѣ“ (части II—V). Далѣе, собравъ изъ разныхъ источниковъ данныя о промахахъ Сопикова, особенно о пропущенныхъ имъ именахъ авторовъ и переводчиковъ книгъ, г. Рогожинъ далъ довольно полный алфавитный списокъ авторовъ и переводчиковъ, труды которыхъ упоминаются въ „Опытѣ“. Это было также полезной работой, такъ какъ существовавшій ранѣе указатель (г. Морозова) собственныхъ именъ, встрѣчающихся у Сопикова, неудовлетворителенъ ни въ какомъ отношеніи. Таковы были главные отдѣлы книги г. Рогожина, вышедшей въ 1899 году; она послужила предметомъ весьма обстоятельной рецензій г. Д. Д. Языкова (Отчетъ о первомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ присужденія премій митрополита Макарія. С.-Пб., 1903, стр. 86—102). Для изданія текущаго года г. Рогожинъ, конечно, долженъ былъ нѣсколько переработать свой трудъ; въ новомъ видѣ онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы (кромѣ предисловія): 1) указатель сокращенныхъ заглавій (стр. 1—106); 2) указатель авторовъ, переводчиковъ, издателей, редакторовъ и др. (стр. 107—192); 3) указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ заглавіяхъ книгъ и журналовъ, а также въ примѣчаніяхъ Сопикова и г. Рогожина (стр. 193—225); 4) указатель географическихъ [и этнографическихъ] названій (стр. 226—237); 5) указатель книгъ, напечатанныхъ въ провинціальныхъ городахъ и за границей (стр. 238—241) и 6) списокъ книгъ, показанныхъ въ „Опытѣ“ Сопикова рѣдкими (стр. 242—253). Изъ этихъ шести отдѣловъ только одинъ (четвертый) составленъ для изданія 1908 г. заново. Списокъ рѣдкихъ по мнѣнію Сопикова книгъ въ этомъ изданіи, завершающемъ собою перепечатку „Опыта“, вовсе

ненуженъ; въ крайнемъ случаѣ можно было перечислить только номера ихъ, подъ которыми каждый желающій можетъ развѣснать соотвѣтственную отиѣтку Сопникова.

Въ предисловіи г. Рогожинъ характеризуетъ приемы, употребленныя имъ при перенечатиѣ „Опыта“; объ этомъ мы говорить не будемъ, такъ какъ въ рецензін на I—V томы „перензданія“ было сказано по данному вопросу, на нашъ взглядъ, достаточно. Не упоминая объ этой рецензін, г. Рогожинъ, повиднмому, намѣревался возразить на нескоторыи мѣстами своего предисловія; такъ, мы указывали (стр. 168), что статья Кэппена (1826 г.) служила г. Рогожину единственнымъ пособіемъ для справокъ о нѣкоторыхъ славянскихъ книгахъ; даже опечатка этой статьи—въ названіи румынскаго города „Тирюиште“ воспроизведена въ новомъ изданіи „Опыта“ (часть I, стр. XXXIX). Какъ бы отвѣчала на это замѣчаніе, г. Рогожинъ въ „Указатель“ пишетъ (стр. VII): „на самомъ дѣлѣ, послѣ изданій библиографическихъ трудовъ Ундольскаго и Каратаева, названіе этого города послѣдовательно повторяется въ нѣсколькихъ выходныхъ листахъ въ формѣ Тирюиште“. Было бы весьма жаль, чтобы авторъ этой оригинально построенной фразы присоединилъ къ ней и указаніе на источникъ такого утвержденія. Въ нашей рецензін указывалось (стр. 168 и слѣд.), что г. Рогожинъ, исправляя и дополняя Сопникова, воспользовался далеко не всеми библиографическими пособіями, которыя должны были быть ему извѣстны и доступны; теперь г. Рогожинъ сообщаетъ (стр. IV), что не могъ „поставить себѣ задачей исправить и выѣбрить окончательно всѣ указанія Сопникова“; онъ имѣлъ въ виду „или волюгѣ исправить многія неточности и ошибки, или же только выяснитъ и указать на многія противорѣчивыя и сбивчивыя указанія Сопникова и этимъ самымъ дать возможность самимъ же справляющимся болѣе точно выяснитъ эти противорѣчія“ (стр. V). Мы рѣшительно не понимаемъ такого стремленія обратить прибѣгающихъ къ „Опыту“ въ шкельникивъ, пишущихъ extemporalia по библиографіи; не развѣсняетъ недоумѣнія и фраза, слѣдующая за только что приведенной: „Но, чтобы не превратить такую работу въ оригинальное изслѣдованіе по русской библиографіи, мы должны были поставить опредѣленные рамки и потому ограничить кругъ нашихъ пособій и матеріаловъ“. Въ первый разъ видимъ мы книгу, авторъ которой боится, что его работа приметъ характеръ оригинальнаго изслѣдованія, и потому, пользуясь одними пособіями, намѣренно устраняетъ другія!

Переходя къ самымъ указателямъ, мы должны прежде всего отмѣтить весьма странное обстоятельство: книги, перечисляемыя въ I части „Опыта“, не вошли въ „Указатель сокращенныхъ заглавій“. Въ первомъ изданіи труда г. Рогожина это было оговорено въ самомъ заглавіи; здѣсь же почему-то не повторено. Можно было бы подумать, что I часть „Опыта“ г. Рогожинъ рѣшилъ игнорировать, какъ въ первомъ изданіи; но въ „Указателѣ авторовъ“ etc. она принята во вниманіе; потому получается нѣчто очень странное, напримѣръ, книга „Илиотропюнь“ (Опытъ, I, № 405), переведенная Іоанномъ Максимовичемъ, въ спискѣ заглавій не помѣщена, а въ перечнѣ авторовъ, переводчиковъ etc. при имени „Іоаниъ (Максимовичъ)“ находимъ и ссылку на № 405; „Проповѣди“ Стефана Яворскаго (ч. I, № 928) не нашли себѣ мѣста въ „Указателѣ сокращенныхъ заглавій“, по въ спискѣ авторовъ с. в. „Стефанъ (Яворскій, Симеонъ)“ значится и № 928. Въ „указателѣ собственныхъ именъ“ I часть также принята во вниманіе.

Другого рода несообразность между различными отдѣлами книги г. Рогожина заключается въ томъ, что въ первомъ и въ послѣднемъ книги обозначаются только номерами, тогда какъ въ остальныхъ указывается и соответственная часть „Опыта“; на нашъ взглядъ въ такомъ цитированіи частей нѣтъ никакой надобности, такъ какъ у Сопикова во всѣхъ томахъ нумерація одна.

На „Указатель авторовъ“ etc. г. Рогожинъ, очевидно, положилъ много труда; упоминаемыя здѣсь лица снабжены, по возможности, отчествами; у монаховъ указаны (въ скобкахъ) мірское имя, отчество и фамилія; у иностранцевъ—ихъ имя и фамилія въ подлинникѣ. За это всѣ пользующіеся „Указателемъ“ должны быть признательны составителю. Въ тѣхъ случаяхъ, когда у Сопикова какая либо фамилія приведена невѣрно, г. Рогожинъ помѣщаетъ ее, какъ и слѣдуетъ, въ этой ошибочной формѣ со ссылкой на правильную. Тѣмъ не менѣе, въ „Указателѣ авторовъ“ etc. можно найти не мало ошибокъ, особенно въ именахъ славянскихъ писателей. Такъ, упоминаемый Сопиковымъ (№ 10407) *Влоштенецъ* на самомъ дѣлѣ назывался *Влоштенецъ*; вмѣсто *Везаличъ* (такъ у Сопикова подъ № 7638 съ датой 1780 вмѣсто 1788 и другими неточностями—ср. Новаковић, Ст., Српска библиографија за новіју книжевност, № 93) слѣдуетъ читать *Везаличъ*, Алексѣй. Венццлоль, значащійся въ „Указателѣ“, въ дѣйствительности былъ никто иной, какъ Вячеславъ, или по нѣмецки *Wenzel, Pohl*, авторъ знаменитой (съ отрицательной стороны) чешской

грамматики. Имя: „Владиславъ, Рагузинскій, графъ Савва, Лычичъ“ представляется результатомъ какой-то невѣроятной путаницы г. Рогожина; этого дѣятеля слѣдовало занести въ указатель такъ: „Рагузинскій, Савва Владиславовичъ, графъ“. Въмѣсто „Вописка, Флавій“ слѣдуетъ, конечно, читать „Вопискъ, Флавій“. Фамилія „Врдежъ, Андрей,“ наводитъ на нѣкоторыя соображенія; подъ цитруемымъ при ней въ „Указатель“ номеромъ (4422) находимъ у Сопикова анонимный переводъ съ нѣмецкаго: „Извѣстія (новыя и достоверныя) о Ланландцахъ“ etc. (Москва, 1792); въ „Первомъ прибавленіи къ росписи... Смирдина“ та же книга (№ 10173) имѣетъ, очевидно по подлиннику, помѣту: „пер. съ нѣм. *Андрм. Врдем.*“ Вопреки замѣчаніямъ Геннади (съ ошибкой) и г. Рогожина (въ перепечаткѣ „Опыта“), дѣло объясняется просто: на подлинникѣ этой книги сказано: „Переводъ [sic]... *Сржнттм. Андрм. Врдем.*“, а потому переводчикомъ былъ, вѣроятно, *сержантъ Андрей Выродовъ* (ср. другой переводъ съ нѣмецкаго, вышедшій въ Москвѣ же въ 1789 г., сдѣланный Андреемъ Выродовымъ и указанный у Сопикова подъ № 2442).

„Габделихъ, Георгій“, и „Габделихъ, Юлій“, стоящіе у г. Рогожина рядомъ, на самомъ дѣлѣ—одно лицо—Габделичъ, Георгій (Юліемъ онъ названъ у Сопикова подъ № 1103, вѣроятно, благодаря опечаткѣ, вм. Юріемъ). Изъ фразы: „переведена... Георгіемъ Дандоломъ“ (Опытъ, № 12374) г. Рогожинъ выводитъ, что переводчика звали „Дандолъ, Георгій“. Извѣстный вѣнскій типографъ, Іосифъ-Лаврентій von Kurtzböck, внесенъ въ „Указатель авторовъ etc.“ дважды—и какъ „Іосифъ (Курцбекъ)“, и какъ „Курцбекъ, Іосифъ“, а сербскій литераторъ Іосифъ Путичъ фигурируетъ, какъ въ „Словарѣ“ Геннади, подъ именемъ „Іосифъ отъ Путичъ“. Юлій Цезарь занесенъ въ „указатель авторовъ“ etc. такъ, что едва ли кто-нибудь найдетъ его: „Каія, Юлій, цезарь“. Упомяная (на стр. 145) имена: „Костыговъ, Василій“ и „Костюговъ, Василій“, г. Рогожинъ замѣчаетъ: „Можетъ быть, Костыговъ и Костюговъ одно и то же лицо, и разница только въ написаніи фамиліи?“ При второй изъ этихъ фамилій находимъ ссылку только на № 3910, подъ которымъ въ „Опытѣ“ значится „С.-Петербургское экономическое сочиненіе, на 1778 годъ“; какъ было уже выяснено въ „Библиографическихъ замѣткахъ о русскихъ журналахъ XVIII вѣка“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1898, № 1, стр. 93 второго счета), это изданіе, не воплію точно озаглавленное Сопиковымъ, переводилось съ нѣмецкаго

языка; хотя въ объявленіи о подпискѣ одинъ изъ переводчиковъ и названъ Костыговымъ (см. А. Н. Неустрова, Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 годы, стр. 257), но это—не болѣе, какъ недоразумѣніе со стороны гвнца-издателя; Баммейстеръ (Russische Bibliothek VI, 299) назы-

ваетъ переводчиковъ: Kost'ughow' и Dmitrij von Lad'ughin, т. е. Костыговъ и Ладыгинъ. Геннади (Словарь, I, 161) изъ *Костылова* сдѣлалъ *Костылева*, и г. Рогожинъ помѣстилъ этого небывалаго писателя въ свой указатель. Ладыгинъ фигурируетъ здѣсь въ видѣ: „Ладыгинъ, Дмитрій“, какъ у Сопикова. Подобнымъ образомъ Ланосовичъ, Маріанъ, превращенный Сопиковымъ (№№ 233 и 10416) въ Ланосовича, въ этой невѣрной формѣ занесенъ и въ „Указатель“. Подъ буквой *Л* у г. Рогожина между прочимъ находимъ:

„Львовскій, Андрей—ч. IV. № 9526.

Львовъ, Андрей, протоіерей—ч. III. №№ 4315—4316, 4949; ч. IV. № (8572)“.

Но № 4315—4316 („Золотые часы государей“) переведенъ, по словамъ Сопикова, Андреемъ Львовымъ, который при этомъ вовсе не названъ *протоіереемъ* (на имѣющей у насъ подъ руками второй части этой книги сказано: „... перевелъ находящійся при комиссіи о Сочиненіи проекта новаго уложенія студентъ *Андрей Львовъ*“); поэтому № 4315—4316 принадлежитъ не тому лицу, которому онъ приписанъ у г. Рогожина. Книга „Разность не безъ пріятности“, занесенная въ „Опытъ“ подъ № 9526, имѣетъ на заглавномъ листѣ фразу: „Переволь Коллежскій Протоколистъ *Андрей Львовскій (печатавшійся въ Золотыхъ Государскихъ Часахъ Львовъ)*“; отсюда видно, что и № 4315—4316 слѣдуетъ помѣстить при имени *Львовскаго*. Внося въ указатель фамилію *Мавроурбинъ*, г. Рогожинъ былъ обязанъ объяснить истинный составъ этого имени. Подобнымъ образомъ слѣдовало исправить и ошибку Сопикова (№ 8245) относительно „Харитона Мекентинъ“. Сомнѣваемся, чтобы первопечатника Ивана Федорова кто-нибудь напелъ въ „Указатель“, въ который онъ внесенъ подъ буквой *М*: „Москвитинъ, Іоаннъ Федоровичъ“. Памву Беринду г. Рогожинъ отиѣталъ с. в. *Памва*, вмѣсто того, чтобы поставить на первомъ мѣстѣ фамилію этого лица. Подъ буквой *Р* находимъ „Рафаэль Леваховичъ, архіепископъ Аьридскій“; дѣйствительно, въ „Опытѣ“ подъ № 1731 упомянуто лицо съ такимъ именемъ, но библиографъ нашего времени обязанъ поправить его на: „Леваковичъ, Рафаэль-

архіепископъ анкирскій". Изъ известнаго Стефана Истриянина, по прозвищу Консула, Сошниковъ сдѣлалъ (№№ 705, 1711, 1717) „Стефанія, Консула Истрийскаго“—въ „Указателѣ“ г. Рогожина фигурируетъ „Стефаній, консулъ Истрийскій“, а немного ниже выступаетъ „Стефановичъ, Сербіанецъ“, подъ которымъ слѣдуетъ подразумѣвать *Вука Стефановича Караджича*. Въмѣсто *Татмасъ-Кульхана*, какъ называлъ у Сошникова (№ 8150) известный персидскій шахъ, въ „Указателѣ“ значитса „Татмасъ-Жулы-ханъ“. Известный краинскій реформаторъ, Примусъ Труберъ, получившій отъ Сошникова имя Примаса (№№ 705, 1695, 1711, 1714, 1717, 1732), произведетъ г. Рогожинымъ въ примасы и потерялъ при этомъ имя.

Примѣровъ подобныхъ промаховъ можно привести гораздо больше, но мы ограничиваемся только что перечисленными, полагая, что и ихъ достаточно для того, чтобы составить себѣ не сляшвомъ выгодное мнѣніе о качествахъ труда г. Рогожина. Не свободенъ отъ ошибокъ—иногда тождественныхъ съ вышеупомянутыми—и „Указатель собственныхъ именъ“, но здѣсь онѣ не такъ важны: приведенныя здѣсь имена не будутъ служить никому пособіемъ для составленія словаря русскихъ писателей.

Г. Рогожинъ и въ первомъ изданіи своего „Указателя“, и въ перепечаткѣ „Опыта россійской библіографіи“ собралъ (въ большинствѣ случаевъ изъ вторыхъ рукъ) немало данныхъ объ авторахъ и переводчикахъ книгъ, показанныхъ у Сошникова анонимными; даже во второмъ изданіи „Указателя“ находимъ нѣсколько подобныхъ замѣтокъ (см., напр., сноски на стр. 112, 115, 118 и др.). Съ своей стороны мы можемъ предложить нѣкоторыя дополненія къ свѣдѣніямъ г. Рогожина объ авторахъ и переводчикахъ анонимныхъ (у Сошникова) книгъ; расположимъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ (или переводчиковъ). При этомъ необходимо имѣть въ виду, что опредѣлять, кому принадлежать драматическія пьесы, въ большинствѣ случаевъ переводныя, очень трудно; нерѣдко бывало, что одна и та же комедія или драма шла въ *двухъ* переводахъ на русской сценѣ, а издавался только *одинъ* и притомъ анонимно; въ этихъ случаяхъ изслѣдователь остается въ недоумѣніи—чей переводъ напечатанъ? Поэтому, сохранившись въ театральной хроникѣ известіе о переводѣ той или другой пьесы опредѣленнымъ лицомъ нельзя принимать за несомнѣнное показаніе о принадлежности именно этому лицу напечатаннаго анонимно перевода данной пьесы. Тѣмъ не менѣе, ниже мы сообщаемъ нѣсколько подобныхъ известій въ расчетѣ, что они могутъ

послужить некоторымъ матеріаломъ для дальнѣйшихъ разысканій въ области нашей старинной драматической литературы. Замѣтимъ еще, что немало указаній на авторовъ или переводчиковъ пьесъ, шедшихъ въ XVIII вѣкъ на русской сценѣ, можно почерпнуть изъ „Хроники русскаго театра, Носова“ (издана г. Е. В. Барсовымъ въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древности Россійскихъ при Московскомъ университетѣ“ и отдѣльно, Москва, 1883). Этотъ источникъ—несомнѣнно, очень мутный—до недавняго времени совершенно игнорировался, вѣроятно подѣ влияніемъ отрицательнаго отзыва о немъ г. П. О. Морозова; только два года тому назадъ появилась въ печати защита (конечно, не безусловная) „Хроники“ (см. брошюру г. Б. В. Варнеке „Объ изученіи исторіи русскаго театра“. Воронежъ, 1906, стр. 11—14). Не довѣрля показанія Носова вполне, мы все же приводимъ ихъ *на всякій случай*.

Подъ № 5658 у Сопикова показана одноактная комедія „Троюкая жевитѣба“, переведенная изъ де-Туша и изданная анонимно въ Петербургѣ въ 1787 (по замѣчанію г. Рогожина въ 1778) г. Переводъ ея г. Рогожинъ приписываетъ Ив. Ао. Дмитревскому, ссылаясь на „Лѣтиснь русскаго театра“, Аранова (стр. 318); Носовъ (стр. 326) также называетъ переводчикомъ Дмитревскаго; но мы имѣемъ указаніе, что та же пьеса (*Le triple mariage, comédie en un acte de Philippe Nericault Detouches*) была уже въ 1758 г. переведена Иваномъ Акимовымъ на русскій языкъ также подѣ заглавіемъ „Троюкая жевитѣба“ и „Впервой разѣ представлена была на придворномъ руссійскомъ театрѣ 1760 года генваря 27 дня“ (см. въ статьѣ г. В. И. Рѣзанова „Парижскіе рукописные тексты сочиненій А. П. Сумарокова“—Издвстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, тома XII-го книжка 2-я, стр. 165). Который изъ этихъ переводовъ попалъ въ печать?

Подъ № 6806 въ „Опытѣ“ значится книга „Шебылица; соч. М. В.“ Подѣ этими инициалами скрылся М. Верескинъ (см. у г. В. В. Сиповскаго, Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти, I, № 360). Одноактная пьеса д'Анкури „Опокунъ обмануть, битъ и доволенъ“ (*Le tuteur trompé, battu et content*), анонимно изданная впервые въ Петербургѣ въ 1779 или 1778 г. („Опытъ“, № 5530), была переведена по показанію Носова (стр. 135; вмѣсто „доволенъ“ здѣсь читается „осмѣявъ“) Ф. Волковымъ, а по словамъ другого источника (см. въ цитированной статьѣ г. Рѣзанова, стр. 165)—„Александромъ Волковымъ в Санктъ Питеръ Бурге, 1758 года. Представлена въ первой

разъ того же года октября 29 дня". Подобное разногласіе источниковъ существуетъ и относительно имени переводчика комедія-балета Мольера „Le Sicilien, ou l'Amour peintre": анонимное русское издание этой пьесы (подъ заглавіемъ „Сициліанецъ") г. Рогожинъ („Опытъ", № 5613—5614) приписываетъ Ѳ. Г. Волеву, хотя и отмѣчаетъ, что въ рукописи была вѣроятно та же комедія — „Сициліанецъ, или любовь живописцевъ [sic], въ переводѣ Л. Волкова (?) въ 1758 г." Несомнѣнно, что Л. — опечатка вмѣсто А., ибо мы имѣемъ свидѣтельство (въ цитированной статьѣ г. Рѣзанова, стр. 164), что комедія „Сициліанецъ или любовь живописцевъ" была „Переведена с французскаго языка Александромъ Волковымъ 1758 г. января 20 дня. Въ Санктъ Петербургѣ". Наконецъ Носовъ упоминаетъ (стр. 119), что 1 января 1758 г. эта же пьеса шла въ Петербургѣ въ переводѣ Н. А. Д. (вѣроятно Дмитревскаго), при чемъ въ числѣ участвовавшихъ значится Ѳ. Гр. Волековъ.

Подъ № 5647 въ „Опытѣ" упомянута безъ имени переводчика комедія „Тимонъ нелюди́мъ, въ 3 д. г. Алленвала" (С.-Пб., 1773); у Носова (стр. 113) подъ 25 ноября 1757 г. значится первое представленіе трехъ актной прозаической комедіи Алленвала „Тимонъ нелюди́мъ" въ переводѣ И. А. Дмитревскаго; по другому свидѣтельству (въ статьѣ г. Рѣзанова, стр. 169), переводъ этой пьесы, приписанной Ренару, т. е. Реньяру, принадлежалъ какому-то Волеву (Volchof). Этотъ же Volchof по словамъ того же источника (ibidem) перевелъ также изъ „Ренара" пьесу „Нечаянное возвращеніе" — возможно (по пчѣмъ не доказано), что *этотъ* переводъ былъ анонимно изданъ въ 1789 г. въ Москвѣ („Опытъ", № 5318).

Опера Фальбера „Двое скупыхъ" вышла въ 1783 г. въ переводѣ Ѳ. Генша; г. Рогожинъ („Опытъ", № 7409) упоминаетъ еще переводъ З. Крыжановскаго, по которому эта опера игралась въ Петербургѣ; можно прибавить, что существовалъ еще переводъ В. Вороблевскаго, упомянутый въ „Ресстрѣ" его работъ при переводѣ комедіи „господина Деларибардіера" — „Двѣ сестры или хорошая пріятельница" (Москва, 1779). „Руководство къ Арифметикѣ", издававшееся („Опытъ", №№ 2036, 9868 — 9870) для народныхъ училищъ, было переведено съ гѣмощкаго языка „Адъюнктомъ Академіи Наукъ Головиннымъ" (Вороновъ, А., Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1715 по 1828 годъ включительно. С.-Пб. 1849, стр. 28¹). „Руководство (краткое) къ Гражданской Архитектурѣ", изданное въ 1789 г. (въ „Опытѣ" подѣ

№ 9893 ошибочно выставленъ 1785 г.) также „для употребленія въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи“, принадлежало профессору Головину (Вороновъ, *op. ibid.*, pag. 59¹; cf. *ibid.*, 28⁶, гдѣ сказано, что это руководство представляетъ собою переводъ съ нѣмецкаго и было просмотрѣно Эйлеромъ). Имъ же, вѣроятно, были переведены (и Эйлеромъ просмотрѣны — ср. Вороновъ, *op. cit.*, pag. 28⁶) и „Руководство (краткое) къ Геометріи“ („Опытъ“, № 9894) и „Руководство къ Механикѣ“ (*ibid.*, № 9915). Поэтому всѣ только что перечисленные №№ „Опытъ“ слѣдуетъ помѣстить въ „Указателѣ“ при имени Головина, Михаила Евсѣевича, небезызвѣстнаго математика XVIII столѣтія († въ 1790 г.), сначала адъюнкта академіи наукъ, а потомъ профессора учительской семинаріи.

Подъ № 3470 Сопиковъ помѣстилъ трехъактную драму „Цирца и Улиссъ“, вышедшую въ Москвѣ въ 1785 г. По указанію г. Рогожина, это изданіе неизвѣстно; обычно цитируется другое (С.-Пб. 1803); авторомъ драмы былъ А. Я. Княжнинъ, музыку составилъ А. Н. Титовъ. Но г. Рогожинъ не обратилъ вниманія на то, что упоминаемая Арановымъ (Лѣтопись русскаго театра, стр. 212) подъ 1811 г. мелодрама „Цирца и Улиссъ“ состоитъ изъ *одного* акта и потому не тождественна съ напечатанной въ 1785 г. пьесой подъ тѣмъ же заглавіемъ. Въ весьма ненадежномъ пособіи — книгѣ В. Маркова „Историческій очеркъ русской оперы съ самаго ея начала по 1862 годъ“ (С.-Пб., 1862) — упомянута (стр. 35) въ числѣ оперъ Екатерининскаго времени „Цирца и Улиссъ, соч. Князя Горчакова, музыка Матвѣйскаго“. Если это указаніе вѣрно, то перечень сочиненій князя Д. П. Горчакова слѣдуетъ увеличить еще однимъ номеромъ.

Въ спискѣ сочиненій и переводовъ Дим. Ив. Дмитревскаго, помѣщенномъ въ книгѣ г. П. Страхова „Историческій очеркъ Владимирской губернской гимназіи“ (Владимиръ на Клязьмѣ, 1891, выпускъ I), находимъ (стр. 174) „Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ христіанской жизни, 196 стр.“; въ „Опытѣ“ упоминается (№ 9511) книга: „Размышленія (краткія) о важнѣйшихъ предметахъ жизни Христіанской; соч. Нѣмецкаго (Богослова *Tauleira*); перев. съ Франц. М. 1801“; возможно, что Дмитревскій и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, цитируетъ заглавіе своей работы не вполне точно, и потому эта книга принадлежитъ къ числу его переводовъ.

При имени извѣстнаго актера, Ив. Ав. Дмитревскаго, въ „Указателѣ“ г. Рогожина перечислено немало литературныхъ произведеній; но Носовъ называетъ переводами Дмитревскаго и многія другія пьесы,

при чемъ иногда его указанія относятся къ такимъ драмамъ, которыя принадлежать достоверно не Дмитревскому, напримѣръ комедія Вольтера „L'indiscret“ была переведена на русскій языкъ П. Свистуновымъ (Опытъ ², № 2566; ср. у г. Рѣзанова, *op. cit.* pag. 164; у Сопикова упоминается также и подъ № 5490, и оба раза съ повѣрною датой—1766 вмѣсто 1760 г.); Носовъ (стр. 333, подъ 1779 г.) упоминаетъ переводъ Н. А. Дмитревскаго (разумѣется, могло быть и такъ, что пьеса была переведена вторично, но второй переводъ остался въ рукописи). „Мизантропъ или нелюдимъ“, вышедшій въ 1788 г. (Опытъ ², № 5451) и несомнѣнно переведенный И. П. Елагинымъ, также приписанъ Носовымъ (стр. 108) актеру Н. (вѣроятно, опечатка) А. Дмитревскому. Ему же принадлежать, по свѣдѣніямъ этого источника слѣдующія пьесы: „Осмѣянный женихъ“ (переводъ съ итальянскаго — Носовъ, 362; Опытъ, № 3421, анонимно), „Евгонія“ Бомарше (Носовъ, 344: „перев. съ франц. Ф. Н. Пушкикова и Ив. Аф. Дмитревскаго“, Опытъ, № 5370 — 5371: „п. съ Франц. Ник. Пушкинковымъ“), „Игра любви и случая“, Мариво (Носовъ, 264, 321, 356; Опытъ, № 5392, анонимно, изданіе 1769 г.), „Мотъ или расточитель“, переводъ съ польскаго (Носовъ, 327; Опытъ, № 5460, анонимно; по другимъ свѣдѣніямъ переведено ивѣиимъ А. А.), „Необитаемый островъ“, переводъ съ французскаго (Носовъ, 339; Опытъ, № 5492, анонимно), „Оракулъ“, Сентъ-Фуа (Носовъ, 109, 306; Опытъ, № 5534, анонимно; у г. Рѣзанова, стр. 166, упомянуть переводъ Свистунова), „Паша Смириской“, Г. М., переводъ съ французскаго (Носовъ, 127; Опытъ, № 5545, анонимно), „Ревнивый, изъ заблужденія выведенный“, Кампистрона (Носовъ, 302, 307; Опытъ, № 5591, анонимно; на самомъ дѣлѣ переводъ принадлежитъ В. И. Лукину, ср. Сочиненія и переводы П. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова, С.-Пб., 1868, стр. 112), „Солиманъ второй или три султаниши“, Фаворта (Носовъ, 416; Опытъ, № 5629, анонимно), „Степанъ и Таяюша“ (Носовъ, 166: „соч. И. А. Д.“ Опытъ, № 5641: „съ французскаго“, анонимно), „Два охотника“, Ансома, т. е. Anseume (Носовъ, 324; Опытъ, № 7407 — 7408 анонимно; существовалъ и переводъ З. Крыжановскаго) и „Димитрій“, Метастазіо (Носовъ, 340; Опытъ, № 7411, анонимно). Въ книгѣ П. Полетаева „Труды митрополита кievскаго Евгенія Болховитнинова по исторіи русской церкви“ (Казань, 1889) находимъ (стр. 5 — 6, сносокъ 4) между прочимъ замѣчаніе, что г. Шмурло въ „Библиографическомъ спискѣ литературныхъ трудовъ кievскаго митрополита Евгенія Болховитнинова“ (выпускъ I, С.-Пб. 1888) пропустилъ „Магазинъ

чтенія, для всякаго возраста и пола людей, собранный изъ разныхъ повѣстей, сказокъ, басенъ, анекдотовъ, стихотворческихъ и другихъ краткихъ сочиненій, 4 ч. М. 1789 г. 8°. О „Магазинѣ“ этомъ самъ Евгенийъ писалъ Анастасевичу отъ 17 мая 1820 г., что онъ „сбранъ, переведенъ и частію сочиненъ Евфимомъ Болховитиновымъ въ бытность его Московскимъ студентомъ“. На самомъ дѣлѣ въ цитируемомъ письмѣ Евгения къ Анастасевичу (оно напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1889 годъ, II, 348 — 349) этихъ свѣдѣній нѣтъ; за то въ поправкахъ Евгения къ извѣстной „Росписи“ Плавильщикова (С.-Пб. 1820) сказано (*ibid.*, pag. 375¹), что № 6747 (слѣдуетъ читать 6647, подъ которымъ упоминается „Магазинъ чтенія“, тогда какъ подъ № 6747 значится „Вѣстникъ Европы“ на 1811 годъ) „Сбранъ, переведенъ и частію сочиненъ Евфимомъ Болховитиновымъ въ бытность его Московскимъ студентомъ“. Поэтому г. Рогожинъ долженъ былъ въ „Указателѣ“ при имени: Евгений (Болховитиновъ, Евфимій Алексѣевичъ) помѣстить и № 6138, подъ которымъ „Магазинъ чтенія“ занесенъ въ „Опытъ“.

Подъ № 4249 у Соникова находимъ книгу: „Землеописаніе (оестственное); соч. г. Бермана; пороведено съ Нѣмецкаго, и издано Коммиссією Народныхъ Училищъ; 2 части; С.-Пб. 1791“. Г. Рогожинъ отмѣчаетъ, что это землеописаніе „Сокращено Готфридомъ Гроссе“; между тѣмъ въ числѣ книгъ, изданныхъ комиссіей народныхъ училищъ, была (Вороновъ, *op. cit.* pag. 60, nota) и „Физическая Географія; 1 часть ея переведена была Карандашевымъ, а 2 ч. Зуевымъ въ 1789 г.“ Если это указаніе относится къ „Естественному землеописанію“, то при именахъ В. О. Зуева и Карандашева слѣдуетъ въ „Указателѣ“ помѣстить № 4249.

Дополняя „Опытъ“ заглавными книгъ, почерпнутыми изъ „Росписей“ Смирдина и Плавильщикова, г. Рогожинъ внесъ подъ № 11655. С. „Таблицы (аналогическія) Славено-Россійскаго словаря“, въ пяти частяхъ. С.-Пб., 1781. Между тѣмъ давно уже извѣстно, что эта книга выходила „постепенно съ 1784 по 1787 годъ“ (Сухомлиновъ, М. И., *Исторія Россійской Академіи*, VIII, 55). Этотъ списокъ словъ былъ составленъ въ Россійской Академіи и напечатанъ, вѣроятно, въ 120 экземплярахъ (*ibid.*, 54). Г. Рогожинъ въ „Указателѣ авторовъ“ etc. ошибочно внесъ № 11655. С. въ число трудовъ *Академіи Наукъ*. На экземплярѣ „Аналогическихъ таблицъ“, принадлежавшемъ графу Н. П. Румянцову, на каждой части имѣются „красныя клейма: сверху—*Karjavine*; сбоку — *Theodore Karjavine*“ (Сухомлиновъ, *op. cit.*, 381);

конечно, эта помѣта могла бы обозначать прежняго владѣльца книги, но вотъ что читаемъ въ письмѣ митрополита Евгенія къ Анастасевичу отъ 22 октября 1820 г. (Русскій Архивъ, 1889, II, 376): „Аналогическія таблицы *Каржавина* изд. Росс. Академіи подлинно рѣдкость, какъ первая попытка академическая“. Въ какомъ отношеніи находился небезызвѣстный Ф. В. Каржавинъ къ „Аналогическимъ таблицамъ“? При имени Кириака Андреевича *Кондратовича* г. Рогожинъ въ „Указателѣ“ помѣстилъ № (4254), т. е. „Землеописание (краткое) Россійскаго Государства съ картами; С.-Пб., 1786“. Въ „дополненіяхъ къ примѣчаніямъ III-й части“ дѣйствительно читаемъ (стр. 262), что эту книгу „перевелъ — Кириакъ (Кондратовичъ)“, но это очевидное недоразумѣніе, такъ какъ у Воронова (op. cit., pag. 27^b) сказано, что Русская Географія была „переведена Г. Кириакомъ“, т. е. Тимофеемъ Прокофьевичемъ Кириакъ, котораго Вороновъ напрасно называлъ „переводчикомъ Академіи наукъ“ и тѣмъ подалъ поводъ къ смѣшенію его съ Кириакъ Кондратовичемъ. О картахъ Россіи извѣстно, что въ комиссіи народныхъ училищъ онѣ составлялись по плану Яковича-де-Миріево (Вороновъ, op. cit., pag. 28^a).

Изъ оставшихся у Сопикова анонимными оперъ три приписаны В. Морковымъ въ цитированной уже его книгѣ Княжнину: „Добродѣтельный волшебникъ“ (Москва, 1787; Опытъ, № 7415; Морковь, стр. 34: „сочиненіе Княжнина, музыка Булана“), „Рыбаль и духъ“ (Москва, 1788; Опытъ, № 7477; Морковь, стр. 36: „сочиненіе Княжнина, музыка Булана“) и „Трое лѣвивыхъ“ (Москва, 1789; Опытъ, № 7497; Морковь, стр. 34: „сочиненіе Княжнина, музыка Оомина“). Такъ какъ оперы писались двоими носителями фамиліи *Княжнинъ*, отцомъ и сыномъ, то указаніе Моркова — если оно вѣрно — могло бы относиться и къ тому, и къ другому; но дата рожденія Княжнинна-сына (1771 г.) заставляетъ предполагать, что въ данномъ случаѣ Морковь подразумѣвалъ Княжнина-отца.

Подъ № 5366 въ „Опытѣ“ значится анонимный переводъ комедіи „*Ле-Гранда*“ — „Другъ всесвѣтнѣйшій“; въ цитированной выше статьѣ г. Рѣзанова упоминается (стр. 169), повидимому, въ качествѣ переводчика этой пьесы нѣкій Стolorof; быть можетъ, это — переработанная фамилія извѣстнаго переводчика Мольера на русскій языкъ, Ивана *Кротова*?

При имени *Меводія* (въ мірѣ Михаилъ Алексѣевичъ Смирновъ) мы не нашли въ „Указателѣ авторовъ“ etc. № 5919, подъ которымъ въ „Опытѣ“ значится анонимный „Лексиконъ простаго Греческаго языка“

(Москва, 1783). „Предувѣдомленіе“ къ этому лексикону оказывается первой редакціей „Краткаго начертанія грамматическихъ правилъ“, приложеннаго къ „Словарию простаго, или общенародно нынѣ Греками употребляемаго языка“ (Москва, 1795, съ подписью подь „Предувѣдомленіемъ“: А. и Р. М., т. е. *Архимандритъ и ректоръ Меводій*; ср. Опытъ, № 10427). Митрополитъ Евгоній (Словарь исторической о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина², II², 69) неточно цитировалъ „Лексиконъ“, называя его: „Краткія правила и Словарь простаго Греческаго языка, напечатанъ въ Москвѣ 1783 г.“, а это подало поводъ и позднѣйшимъ библиографамъ, напримѣръ Геннади (Словарь, II, 317), упоминать несуществующую книгу: „Краткія правила“ etc.

Упомянутая у Сопикова подь № 7443 безъ имени автора опера „Любовникъ колдунъ“ была, по словамъ В. Морикова (op. cit., pag. 35), написана Николевымъ; музыка къ ней принадлежала Булану. При имени Н. П. Николова слѣдовало въ „Указателѣ авторовъ“ etc. помѣстить и № 7496. II., какъ было нами выяснено въ рецензій на I—V томы изданія г. Рогожина (стр. 173—174).

Г. Рогожинъ приписываетъ вслѣдъ за Геннади переводъ I-ой части „Начальныхъ основаній чистой и прикладной математики“ Кестнера (Опытъ, № 6706) Пахомову; дѣйствительно, у Воронова находимъ (op. cit., pag. 60, nota) такое свѣдѣніе, повторенное Геннади. Но въ концѣ II части „начальныхъ основаній прикладной математики“ прямо сказано: „Объ части сей прикладной математики предложены . . . Петромъ Иноходцовымъ“ (Сухомлиновъ, op. cit., III, 427). Быть можетъ, Иноходцовъ перевелъ двѣ части *прикладной математики*, а Пахомовъ—двѣ части *чистой*?

„Грамматика (греческая)“ 1788 г. (№ 2890. С., анонимно) принадлежитъ Семену *Протасову*, какъ было замѣчено въ рецензій на I—V части перепечатки „Опыта“ (стр. 172).

Относительно переводовъ И. Г. Рахманинова г. Рогожинъ иногда ссылается (см. подь №№ 4975, 5275, 5756. С., 6122, 6358, 6824) на неизданный рукописный документъ: „довѣренность, выданная кн. Ник. Мих. Кутушеву отъ вдовы Рахманинова по дѣлу условіи, заключеннаго Рахманиновымъ съ купцами А. Косовымъ и Козыревымъ на право печатанія его изданій и переводовъ“. Этого документа мы, конечно, не знаемъ, но намъ извѣстенъ другой, едва ли не болѣе важный, а именно „Уловіе И. Г. Рахманинова съ московскими купцами Аноховымъ и Козыревымъ о продажѣ книжныхъ изданій“ (Извѣстія Тамбовской ученой архивной комиссіи, XVIII, 87—88). Изъ этого

условія, заключеннаго въ 1801 г. и обнародованнаго еще въ 1888 г., мы видимъ, что г. Рогожинъ не сумѣлъ прочесть фамилія одного изъ купцовъ (въ неправильной формѣ „Косовъ, А.“ эта фамилія попала теперь въ „Указатель собственныхъ именъ“; слѣдуетъ поставить: „Акоховъ, Трофимъ Евсѣевъичъ“). Далѣе изъ этого документа можно почерпнуть нѣкоторые бібліографическія свѣдѣнія; Рахманиновъ говоритъ здѣсь: „продаль я принадлежашіе мнѣ оригиналы, съ которыхъ и печатаю съ позволенія тогдашнихъ цензоровъ въ разныя времена, какъ то: ожедѣльное изданіе Утренніе часы, въ четырехъ частяхъ, Извѣстіе о Россійскихъ дворянахъ, въ одной книгѣ, Мой спальнй колпакъ, въ одной книгѣ, Уединенный кабинетъ, въ одной книгѣ, драма Албертъ, въ одной книгѣ, Колесо счастья, въ одной книгѣ, Примѣръ матерямъ, въ одной книгѣ, Ненависть побѣжденная любовью, въ одной книгѣ, Любовь Сафо и Фаона, въ одной книгѣ, ежемѣсячныя изданія Почта духовъ, въ двухъ книгахъ, Ночныя мысли, Юнга, въ одной книгѣ, Королева Голкондія, въ одной книгѣ, Демиза и Евгения, въ одной книгѣ, и изъ сочиненій Г. Волтора, какъ-то: Политическое завѣщаніе, въ одной книгѣ, Собраніе сочиненій, въ трехъ частяхъ, Аллегорическія и философическія сочиненія, въ одной книгѣ, Извѣстіе о болѣзни и исповѣди, въ одной книгѣ“. Намъ кажется, что выраженіе „*принадлежащіе мнѣ оригиналы*“ не даетъ намъ права считать всѣ перечисленныя книги сочиненіями или переводами *самого* Рахманинова, тѣмъ болѣе, что въ этотъ списокъ вошли и такія, авторы которыхъ намъ извѣстны; напр. „Извѣстіе о дворянахъ Россійскихъ“, составленное Миллеромъ и только изданное Рахманиновымъ, или журналы („Утренніе часы“ и „Почта духовъ“), которые издавались и составлялись при участіи Рахманинова наряду съ другими лицами. Тѣмъ не менѣе, относительно многихъ изъ перечисленныхъ въ „Условіа“ книгъ несомнѣнно, что они вышли изъ-подъ пера Рахманинова, хотя и безъ полнаго имени его. Такъ „Уединенный кабинетъ“ (Опытъ, № 4975), „Королева Голкондская“ (Опытъ³, № 5756. С., С.-Пб., 1780 г.), „Ночныя мысли“ (Опытъ, № 6358) и „Ненависть побѣжденная любовью“ (Опытъ, № 6824) имѣютъ, по показанію „Росписи“ Смирдина (№№ 6198, 8922, 1320 и 9051), инициалы И. Р. (отмѣтимъ, что приведенное въ „Условіа“ заглавіе „Королева Голкондія“ болѣе подходитъ къ анонимному переводу, вышедшему въ 1792 г.: „Королева Гольгондія“ по Сопникову, № 5756, или „Королева Гольгондія“ по Смирдину, № 8923; г. Сиповскій въ цитированной книгѣ приписываетъ

подъ № 470 изданіе 1780 г. какому-то Н. Р., а подъ № 1340 изданіе 1792 г.—Ивану Рахманинову). „Любовь Сафо и Фаона“ (Опытъ, № 6122) въ „Росписи“ Смирдина (№ 3975) снабжена даже буквами *Ив. Ра...* Изъ прочихъ перечисленныхъ въ „Условіи“ книгъ нѣкоторыя остались у Сопикова анонимными; пятнадцатая драма „Альбертъ I“, вышедшая въ Петербургѣ въ 1788 г., была перенесена, по словамъ „Опыта“ (№ 3300), *съ французскаго изъ ле-Блана*; г. Рогожинъ отождествляетъ ее съ одноименной *трехактною* драмой, переведенной И. А. Дмитревскимъ *съ итальянскаго* (Араповъ, стр. 321; у Носова, стр. 287, пьеса эта цитируется, какъ переводъ Дмитревскаго съ французскаго, изъ Лоблава). „Колесо счастья“, не имѣющее инициаловъ (Опытъ, 5275), приписано г. Рогожинымъ Рахманинову по показанію рукописной довѣренности. Книга „Примѣръ матерямъ“ у Сопикова цитируется дважды: подъ заглавіемъ „Приключеніе маркизы де Безиръ, или примѣръ матерямъ“ (№ 8962, Козловъ, 1791) и подъ заглавіемъ „Примѣръ матерямъ, или приключенія Марквы Добезиры“ (№ 9011, Тамбовъ, 1791); такъ какъ второй изъ этихъ переводовъ принадлежитъ (ср. у г. Сиповскаго, № 1273) Аннѣ Муравьевой (Апостоль), то Рахманинову могъ бы быть приписанъ только первый (припомнимъ, что Рахманиновъ въ 1791 г. перевелъ свою типографію въ Козловскій уѣздъ—Извѣстія Тамбовской ученой архивной комиссіи, XVIII, 86), помѣщать же № 8962 при имени А. С. Муравьевой, какъ дѣлаетъ г. Рогожинъ въ „Указатель авторовъ“ *etc.*, не слѣдуетъ. О томъ, принадлежитъ ли переводъ повѣсти „Демиза и Евгенія“ (Опытъ, № 3111; ср. у г. Сиповскаго № 350) Рахманинову, мы ничего сказать не можемъ. Изъ „Довѣренности отъ И. Г. Рахманинова губернскому секретарю Осипову“, напечатанной въ томъ же выпускѣ „Извѣстій Тамбовской ученой комиссіи“ (стр. 88—89), узнаемъ между прочимъ, что со времени заключенія условія съ Рахманиновымъ (довѣренность не датирована, но 1801 годъ въ ней называется прошлымъ) Акоховъ и Козыревъ напечатали только два изъ принадлежавшихъ ему оригиналовъ, „а именно: Вольтеровыхъ сочиненій три части и Почты духовъ двѣ части“. Эта фраза удостовѣряетъ, что издателями „Собранія сочиненій“ Вольтера („Опытъ“, № 2602) и перепечатки „Почты духовъ“ (*ibid.*, № 3844) были Акоховъ и Козыревъ (впрочемъ, въ „Предувѣдомленіи“ ко второму изданію „Почты духовъ“ рекомендуется „присылать деньги за всѣ четыре части... въ Санктпетербургъ въ книжную лавку Сеѣшикова...“, а объ Акоховѣ и Козыревѣ не упомянуто).

При инициалахъ „С. Э.“ и при фамилии князя М. М. Щербатова въ „Указателѣ авторовъ“ etc. помѣщенъ № (4795), подъ которымъ у Соеникова значится анонимное изданіе „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“ (ср. въ „Опытѣ“, III, 257). Откуда взялъ Н. Н. Булячъ (Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, I, 551¹) извѣстіе, будто эта книга издана Щербатовымъ, мы не знаемъ; но что оно невѣрно—не подлежитъ сомнѣнію: подъ „Предувѣдомленіемъ“ этого изданія выставлены инициалы Э. С. Обычно думаютъ, что подъ ними скрылся Стриттеръ; опроверженіе этого мнѣнія см. въ статьѣ г. Кундича „Печатное изданіе „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“ 1791 г.“ (Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, тома V-го книжка 3-я, стр. 1006¹).

Въ „Опытѣ“ подъ № 5429 значится анонимный переводъ „Лекаря по поволѣ“, Мольера; въ „Росписи“ Смирдина (№ 7156) онъ снабженъ инициалами П. С.; въ цитированной статьѣ г. Рѣзанова упоминается (стр. 166) переводъ этой пьесы, сдѣланный—подъ тѣмъ же заглавіемъ—Петромъ Свистуновымъ, а по словамъ Носова (стр. 128¹) пьеса эта была переведена на русскій языкъ трижды: императрицей [sic] Софіей Алексѣевной, *Петромъ Сумароковымъ*, отцомъ извѣстнаго писателя, въ 1751 г., и И. А. Дмитревскимъ въ 1758 г. Отецъ А. П. Сумарокова въ 1751 г. былъ живъ, такъ какъ смерть его относится ко временамъ царствованія Екатерины II (Булячъ, Н., Сумароковъ и современная ему критика, стр. 10). Кому изъ двоихъ лицъ, могшихъ подписаться буквами П. С.—Свистунову или Сумарокову,—принадлежалъ переводъ „Le Médecin malgré lui“, мы не знаемъ, но Свистуновъ извѣстенъ, какъ переводчикъ Мольера (Опытъ № 5285—5286, 5464), а литературная дѣятельность П. Сумарокова намъ вовсе незнакома.

Подъ № 9911 въ „Опытѣ“ значится анонимное „Руководство (краткое) къ физикѣ, для употребленія въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи“. Г. Рогожинъ, слѣдуя Геннади, приписалъ этотъ переводъ воспитанникамъ Главнаго народнаго училища Толмачеву и Зубкову; но Вороновъ (op. cit., pag. 34), у котораго заимствовано это свидѣніе, не говоритъ, что переводочная этими лицами физика Эборта предназначалась для училищъ; нѣсколько выше (стр. 27¹) онъ упоминаетъ, что „Руководство къ физикѣ“, предназначавшееся въ учебники „для высшихъ классовъ Главнаго народнаго училища“, было „переведено съ нѣмецкаго языка надворнымъ совѣтникомъ Сячаревымъ“.

Переводная комедія „Бранчивый“ (Москва, 1788 г.), анонимная у

Сопикова (№ 5303) и имѣющая инициалы Г. С. въ „Росписи“ Смирдина (№ 7017, ср. въ „Русскихъ книгахъ“ г. Венгорова, № 7882), шла въ Москвѣ въ 1769 году въ переводѣ С. Соколова (Носовъ, 318). Подъ №№ 5410 — 5411 въ „Опытѣ“ значится „вольный переводъ“ одноактной комедіи Лессинга „Кладъ“: Носовъ дважды (стр. 286 и 296) упоминаетъ одноактную комедію „Кладъ“, „соч. автора С. Соколова“.

Значашійся у Сопикова подъ № 7868 „Опытъ произведенія именъ скихъ: князь и книга С. С.“ принадлежатъ извѣстному митрополиту Стефану Стратимировичу (Šafařík, P. J., Geschichte der süd-slawischen Literatur, III, 369, № 330).

Подъ №№ 5352. С. и 5352 въ новомъ изданіи „Опыта“ помѣщены анонимные переводы (а, можетъ быть, и разныя изданія одного и того же перевода) комедіи „Arléquin sauvage“. Г. Рогожинъ замѣчаетъ, что былъ „еще переводъ этой комедіи—Г. Т., оставшійся въ рукописи“; въ неразъ цитированной статьѣ г. Ръзанова упоминается повидимому въ качествѣ переводчика этой пьесы, неправильно приписанной „Ронару“, пѣвій Терлоф; не былъ ли это Г. П. Тепловъ?

„Грамматика (краткая) древняго греческаго языка, изданная для народныхъ училищъ“, отмѣченная Сопиковымъ по двумъ изданіямъ, 1787 и 1809 г.г. (№№ 2888—2889), осталась въ „Опытѣ“ анонимной. У Воронова (op. cit., pag. 60, nota) находимъ извѣстіе, что въ числѣ книгъ „для употребленія въ народныхъ училищахъ“ была „Еллинскаго языка Краткая грамматика Филонова 1799 г.“ (Филоновъ—вѣроятно Борисъ, ср. Опытъ, № 4360). Ни годъ, ни заглавіе не совпадаютъ съ данными Сопикова, но такъ какъ другой греческой грамматикѣ для народныхъ училищъ неизвѣстно, то можно предположить, что №№ 2888 — 2889 „Опыта“ составлены Филоновымъ. Вѣроятно, эта грамматика имѣла много изданій, и едва ли слѣдуетъ особенно довѣрять датѣ Воронова; изданная „Коммиссіей объ училищахъ“ „Краткая грамматика древняго греческаго языка“ извѣстна и съ обозначеніемъ 1789 г. (Буличъ, С. К., Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи, I, 354, № 8).

Анонимный переводъ „Слова похвальнаго г. Вольтеру“, Фридриха II (Опытъ, № 10858) былъ сдѣланъ Д. И. Хвостовымъ (см. объ этомъ „Полное собраніе стихотвореній графа Хвостова. Томъ пятый“, С.-Пб., 1830, стр. 397, подъ № 194).

Имени П. З. Хомякова въ „Указателѣ авторовъ“ etc. нѣтъ; между тѣмъ этому лицу принадлежитъ „Похожденіе нѣкотораго Россіянина“

(Опытъ, № 8610; ср. въ рецензіи на I—V томы изданія г. Рогожина, стр. 173).

Относительно инициаловъ К. П. Ч., которыми подписана пьеса „Сестры соперницы“ (Опытъ, № 3449), давно выяснено (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1898 г., № 1, отд. 2, стр. 99), что К. обозначаетъ князь, а потому, выставляя въ „Указателѣ авторовъ“ etc. буквы „Ч. К. П.“, г. Рогожинъ могъ сдѣлать соответствующее замѣчаніе.

При имени „Шеллеръ, Александръ“ въ „Указателѣ авторовъ“ etc. сдѣлана между прочимъ ссылка на № 10259, подъ которымъ въ „Опытѣ“ значится „Синтаксисъ латинскій, дополненный нѣкоторыми примѣчаніями изъ Шеллера“; несомнѣнно, что упомянутый здѣсь Шеллеръ—известный лексикографъ и грамматистъ Импауель Johann Gerhard Scheller (1735—1803), а потому № 10259 слѣдовало помѣстить при слѣдующемъ имени (Шеллеръ, Эммануэль Иоганнъ).

О томъ, что №№ 5016 и 5017 напрасно помѣщены при имени А. С. Шишкова, ср. Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ, тома XII книжка 2, стр. 311.

Въ „Опытѣ“ отмѣчены между прочимъ слѣдующіе буквари:

„1902 + Азбучная таблица буквъ церковной печати.	} издавныя
для народ-
ныхъ учи-
лищъ“.
1903 + Азбучная таблица для складовъ церковной печати.	
1904 + Азбучная таблица буквъ гражданской печати.	
1905 + Азбучная таблица для складовъ гражданской печати ¹⁾ .	

Изъ цитированной нѣсколько разъ книги *Воронова* мы знаемъ (стр. 17—18), что комиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ въ 1782 году издала составленные Ликовичемъ (т. е. Ѳ. И. Ликовичемъ де Миріево) пособія:

„1) Двѣ азбучныя таблицы, одна церковной, а другая гражданской печати.

2) Три таблицы для складовъ, одна церковной, другая гражданской печати, а третья рукописная“ ²⁾.

¹⁾ Возможно, что та же таблица занесена Сопиковымъ и подъ № 11624 подъ заглавіемъ: „Таблица для складовъ гражданской печати; С.-Пб. на отпр. л.“. *Н. П.*

²⁾ По всей вѣроятности, эта таблица значится въ „Опытѣ“ подъ № 11625: „Таблица для складовъ рукопися; С.-Пб. на отпр. л.“.

Нѣсколько ниже въ томъ же спискѣ упоминается составленный также Янковичемъ и изданный въ 1782 г. „Россійскій букварь“; вѣроятно, это была книжка, описанная въ „Опытѣ“ подъ № 2340: „Букварь церковной и гражданской печати, для употребленія Россійскому юношеству; С.-Пб. 1782—въ 8^о“. Въ той же книгѣ Воронова при разсказѣ о дѣятельности комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ за 1783 г. сообщается (стр. 27—28), что „продолжалось... составленіе... учебныхъ книгъ“, между прочимъ Священной Исторіи, авторомъ которой былъ тотъ же Янковичъ; можно думать, что именно его трудъ занесенъ въ „Опытъ“ (№ 4910) подъ заглавіемъ: „Исторія (Священная краткая) церкви ветхаго и новаго Завета, изданная для народныхъ училищъ Россійской Имперіи; С.-Пб. 1784 г.“. Въ числѣ книгъ, изданныхъ комиссіей въ 1782 г., Вороновъ (стр. 18) упоминаетъ составленное Янковичемъ „Руководство къ чистописанію съ прописей“—очевидно, что этотъ самый учебникъ значится у Сошкова подъ № 9951: „Руководство къ чистописанію для юношества, въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи обучающагося; С.-Пб. 1782 г.“.

При имени „Яценко(въ), Григорій Максимовичъ“ въ „Указателѣ авторовъ“ etc. не упомянутъ № 2234, подъ которымъ въ „Опытѣ“ находимъ книгу „Бачъ Франція“ (этотъ номеръ значится подъ буквою Я.); между тѣмъ на принадлежность перевода ея Яценкову было указано въ рецензій на I—V части изданія г. Рогожина (стр. 173).

Привода всѣ эти примѣры неполноты и неточности „Указателя“, мы вовсе не отрицаемъ того, что онъ можетъ быть—преимущественно алфавитнымъ спискомъ заглавій книгъ, внесенныхъ въ „Опытъ“—полезенъ для лицъ, имѣющихъ дѣло съ трудомъ Сошкова; тѣмъ не менѣе, книга г. Рогожина и во второмъ, „исправленномъ и дополненномъ изданіи“ весьма далека отъ той степени совершенства, которой она могла бы достигнуть подъ перомъ болѣе склоннаго къ критикѣ источниковъ и пособій составителя.

II. Истремскій.

Отвѣтъ моему критику.

Есть два существенно различныхъ рода рецензій. Однѣ изъ нихъ даютъ строго научную оцѣнку извѣстной работы: въ нихъ указывается, что новаго дала послѣдняя, каково качество этой новизны и пр. Такія рецензій возникаютъ при наличности двухъ условій: при глубо-

комъ знакомствѣ съ той областью науки, къ которой относится разбираемый трудъ, и при полномъ усвоеніи содержанія этого труда. Но есть другого рода рецензій; онѣ не преслѣдуютъ научныхъ цѣлей: цѣль ихъ заключается въ одномъ—доказать во что бы то ни стало превосходство или ничтожество какого-либо сочиненія. Для составленія рецензій послѣдняго рода не требуется ни общаго знакомства съ предметомъ, ни даже надлежащаго усвоенія содержанія разсматриваемой работы. Пишутся онѣ очень просто: изъ книги выхватываются отдѣльныя мѣста и восхваляются или подвергаются строгой критикѣ на основаніи соображеній общаго характера (методологическихъ и т. п.).

Ко второму роду рецензій принадлежитъ и помѣщенный въ „*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*“ за октябрь 1907 г. разборъ моей книги: „Сказаніе о мечѣ Тюрфингѣ. Кіевъ, 1906“, ч. I и III, принадлежащій перу г. де-Ла-Барта.

Я не стану входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе критическихъ пріемовъ г. де-Ла-Барта—я ограничусь лишь указаніемъ, въ какой степени мой критикъ былъ подготовленъ или, вѣрнѣе говоря, не подготовленъ къ составленію рецензій на мою работу.

Не сказать ни слова о постановкѣ затронутаго мною вопроса въ современной наукѣ, не опредѣливъ отношенія моего труда къ изслѣдованіямъ предшественниковъ, не упомянуть даже о задачахъ моей работы, г. де-Ла-Бартъ, сдѣлавъ лишь краткое замѣчаніе о планѣ III ч., сразу приступаетъ къ указанію ея недостатковъ, въ чемъ и состоитъ вся рецензія. Но при этомъ уже первое критическое замѣчаніе г. де-Ла-Барта ясно доказываетъ, что онъ незнакомъ даже съ планомъ III части моего труда, на которую онъ обращалъ преимущественно свое вниманіе.

Указавъ, какіе вопросы я поставилъ себѣ въ III части, г. де-Ла-Бартъ замѣчаетъ: „На первый изъ поставленныхъ имъ вопросовъ (т. е. когда и гдѣ возникли составныя части саги) г. Шаровольскій даетъ отвѣтъ произвольный, недостаточно обоснованный фактическими данными. По его словамъ, „общій планъ памятника врядъ ли подвергся существеннымъ искаженіямъ, такъ какъ въ X-мъ вѣкѣ съ составъ ея входили тѣ же главнѣйшіе эпизоды, что и теперь“¹⁾. Смыслу увѣрить г. де-Ла-Барта—и онъ можетъ легко убѣдиться въ справедливости моихъ увѣреній, стоитъ ему внимательно прочесть мою книгу—что ни цитированныя имъ слова мои, ни даже цѣлая глава, въ ко-

¹⁾ Стр. 433; курсивъ г. де-Ла-Барта.

торой они встрѣчаются, не имѣютъ никакого отношенія къ указанному имъ вопросу—здѣсь идетъ рѣчь о времени возникновенія Нервагаг-саг'и, какъ цѣльнаго произведенія.

Моя аргументація, имѣющая цѣлью доказать, что Нервагаг-сага была составлена въ X вѣкѣ, возбуждастъ сомнѣніе г. рецензента. „Прежде всего для читателя совершенно непонятно (пишетъ онъ), на какомъ основаніи г. Шарвольскій беретъ утверждать такъ категорично, что имена Hlödг и Angantyr отсутствовали въ исторіи Гейдрекъ. О томъ, какова была эта исторія въ X вѣкѣ, въ какихъ она существовала вариантахъ, мы ничего достоверно сказать не можемъ“¹⁾. По вѣдь цѣлая глава въ моей работѣ (ч. III, стр. 73—79) посвящена восстановленію составныхъ частей саги въ томъ видѣ, какой онѣ имѣли до соединенія въ цѣльное произведеніе, и тамъ (стр. 76 сл., ср. стр. 69 сл.) выяснено, что Hlödг и Ангантюр первоначально въ исторіи Гейдрекъ не упоминались. Конечно, можно не согласиться съ доказательствами, которыми я обосновываю это положеніе, но говорить, что для „читателя совершенно непонятно, на какомъ основаніи“ я берусь дѣлать подобное утвержденіе, можетъ только читатель, который плохо знакомъ съ моей книгой.

Опредѣляя время возникновенія H-sag'и, я привлекъ между прочимъ англосаксонскій памятникъ Widsid: изъ того обстоятельства, что въ послѣднемъ приведены вѣсть имена героев H-sag'и (...Heaforic and Sifescan, Hliffe and Incegenfeow), я заключаю, что въ пору возникновенія цитированной строки Widsid'a H-saga уже существовала. Подобный методъ доказательства кажется г. де-Ла-Барту рискованнымъ, такъ какъ совпаденіе именъ „могло быть чисто случайнымъ: о Гейдрекѣ и другихъ герояхъ H-sag'и въ устномъ преданіи могли существовать рядъ независимыхъ сказаній..... Авторъ Widsid'a могъ знать о Гейдрекѣ, Сифкѣ и другихъ помимо H-sag'и“²⁾. Подобное возраженіе отпадаетъ само собой при ближайшемъ знакомствѣ съ Widsid'омъ. Въ этомъ памятникѣ встрѣчается большое количество именъ, заимствованныхъ изъ германскихъ эпическихъ сказаній. И вотъ среди нихъ четыре имени героев H-sag'и сооставлены вѣсть и при томъ въ порядкѣ соответствующихъ ей эпизодовъ. Говорить при такихъ условіяхъ о „чистой случайности“ врядъ ли возможно. Противъ предположенія г. де-Ла-Барта свидѣтельствуетъ также и то

¹⁾ Стр. 434.

²⁾ Стр. 434.

обстоятельство, что въ Widsit'ѣ не разъ названы вмѣстѣ герои одного и того же цикла сказаній (ср. стихи 111—113, 124—130 и др. по изданію Grein-Wülcker, Bibliothek der angelsächsischen Poesie, B. I, S. 5 f.). Поэтому лучшіе знатоки германскаго эпоса принимали тотъ способъ доказательства, которымъ воспользовался и я въ своей работѣ, и который кажется столь ненадежнымъ г. де-Ла-Барту.

Изъ сказаннаго легко видѣть, какое значеніе имѣетъ аргументація, на основаніи которой г. де-Ла-Бартъ счелъ возможнымъ признать мой выводъ о времени возникновенія Н-sag'и произвольнымъ и недостаточно обоснованнымъ.

Заканчиваетъ г. рецензентъ словами, которыя еще разъ обнаруживаютъ его слабое знакомство съ моей работой: „Такимъ образомъ изъ главы (II), посвященной исторіи Н-sag'и, мы ничего достовернаго о генизисѣ этого произведенія не узнаемъ. Къ этому вопросу авторъ возвращается въ IV главѣ“¹⁾. Между тѣмъ IV глава ничего общаго со второй не имѣетъ: въ ней идетъ рѣчь не о виѣшней исторіи Н-sag'и, какъ цѣльнаго произведенія, а лишь о происхожденіи одной изъ составныхъ частей памятника—именно, сказанія о добываніи меча Тюрфинга.

Обращаясь къ разбору IV главы, г. де-Ла-Бартъ отмѣчаетъ, что матеріалъ, собранный мной здѣсь, крайне скуденъ, а сдѣланныя мною сопоставленія „не выясняютъ вопроса о томъ, какъ сложился рассказъ о добываніи Тюрфинга. Для этого г. Шаровольскому слѣдовало взять тѣ многочисленныя (?) англо-саксонскія, ниже-германскія (sic) и скандинавскія сказанія, которыя либо древнѣе, либо современны первоначальной версіи Н-sag'и. Таковы, напр., сказанія о мудромъ знахарѣ—ковачѣ Weland'ѣ или Volund'ѣ, широко распространенныя въ средніе вѣка въ нижней Германіи, откуда они перешли въ Англію: Беовульфъ (VII—VIII в.), Сѣтованія Деора (VIII в.), Waldere (VIII—IX в.); *такіе рассказы встрѣчаются и въ Скандинавіи (Völsungasaga IX века), въ Исландіи (Пльмя Эдды о Велундѣ IX—X в.) и т. д.*“²⁾.

Если бы г. де-Ла-Бартъ потрудился не только выписать³⁾ заглавія

¹⁾ Стр. 434.

²⁾ Стр. 435; курсивъ мой.

³⁾ А что г. де-Ла-Бартъ выписалъ эти заглавія изъ труда А. Н. Веселовскаго, доказываютъ словесныя совпаденія послѣдней фразы цитированнаго только что отрывка со слѣдующими словами покойнаго академика: „Въ германскихъ сказаніяхъ

этих произведений изъ статьи академика Веселовскаго, помѣщенной въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1896 г., № 8, стр. 235), но и познакомиться съ ихъ содержаніемъ, то ему, конечно, не пришло бы на мысль и рекомендовать ихъ. Прежде всего, названныя имъ англо-саксонскія произведенія содержатъ въ себѣ лишь намеки на сагу о Велундѣ или сжатый оя пересказъ; между тѣмъ, упоминаемая объ этихъ произведеніяхъ, г. рецензентъ упустилъ изъ виду подробнѣйшій источникъ сказанія о славномъ ковачѣ—Тидрекъ-сагу. Далѣе, вообще въ разсказахъ о Велундѣ нѣтъ нигдѣ и рѣчи о добываніи меча, которое бы напоминало встрѣчу Свафрлами съ карликами; поэтому они не идутъ къ дѣлу.

Но все это еще не такъ важно—гораздо интереснѣе вотъ что. Пока г. де-Ла-Бартъ, выписывая изъ статьи А. П. Веселовскаго заглавія памятниковъ (ср. выше), близко держался его текста, все обстояло благополучно; но стоило ему уклониться въ сторону, и сразу же онъ впалъ въ грубѣйшую ошибку: помимо *Völundarkviða* г. рецензентъ называетъ еще „Пѣсню Эдды о Велундѣ“ IX—X в., встрѣчавшуюся на Исландіи. Между тѣмъ, со времени епископа *Brunjólfr Sveinsson's*, нашедшаго знаменитую рукопись Эдды (*Codex Regius 2365 4-to*) въ 1643 году, и до нашихъ дней общеизвѣстно, что *Völundarkviða* и есть пѣсня Эдды о Велундѣ. Что это такъ, всякій можетъ легко удостовѣриться, заглянувъ въ любое изъ многочисленныхъ изданій названнаго сейчасъ важнѣйшаго памятника старой скандинавской поэзіи.

Изъ предыдущаго ясно видно, что указанные г. рецензентомъ источники не идутъ къ дѣлу.

Желательно было бы, чтобы онъ изъ извѣстныхъ ему „многочисленныхъ сказаній“ привелъ хоть одно, но только болѣе подходящее.

Перехожу теперь къ разбору возраженій, направленныхъ противъ V главы.

Г. де-Ла-Бартъ пишетъ на стр. 138: „Взамѣнъ „опровергнутыхъ“ теорій Гейнцеля и Бура, г. Шаровольскій предлагаетъ слѣдующую

широко распространенны были имя и представленія городов—ковача *Weland's* или *Völund's*; преимущественно въ нижней Германіи; откуда сага о немъ перешла въ Англію (Бесонулдъ VII—VIII вѣка, Стованіе *Deor's* VIII вѣка, *Waldere* VIII—IX вѣка). Она рано встрѣчается въ Скандинавіи (*Völundarkviða* IX в.)“.

гипотезу: существовало три вида сказанія о битвѣ на Самсѣ; одинъ изъ нихъ заключалъ лишь описаніе самаго боя, обусловленнаго случайной встрѣчей; въ составъ другого входилъ, кромѣ того, мотивъ любви Гальмара къ Ингиборгѣ; третій же слагался изъ двухъ упомянутыхъ частей, которымъ предшествовало сообщеніе о клятвѣ Ангантюра въ одинъ изъ вечеровъ зимняго солнворота и его сватовствѣ, послужившемъ поводомъ къ кровавому столкновенію на Самсѣ. Такое предположеніе г. Шаровольскій основываетъ на слѣдующемъ: бой на Самсѣ, говоритъ онъ, не похожъ на обыкновенный поединокъ: послѣднему на сѣверѣ предшествовало заключеніе условій, которыми опредѣлялся способъ боя, количество участниковъ и проч., между тѣмъ по нашему памятнику, замѣтивъ корабли Олда и Гальмара, прибывшіе на Самсѣ берсерки, не говоря ни слова, бросились на нихъ и поребили весь экипажъ. Такое различіе можно объяснить только тѣмъ, что искони столкновеніе на Самсѣ объяснялось простой случайностью, что, слѣдовательно, эпизодъ клятвы и сватовства (съ вызовомъ на бой) представлялъ позднѣйшую прибавку". Изложивъ такъ разсматриваемую часть моей работы, г. де-Ла-Бартъ опровергаетъ приведенную мотивировку, на основаніи которой я будто призналъ три вида сказанія о боѣ на Самсѣ, и затѣмъ дѣлаетъ выводъ, что я весьма безосновательно устанавливаю эти виды. Все это разсужденіе г. де-Ла-Барта не нуждается ни въ какомъ опроверженіи—оно ясно показываетъ, что авторъ его совершенно не понялъ или не усвоилъ соотвѣтствующей части V главы: три вида сказанія о боѣ на Самсѣ я установилъ вовсе не на томъ основаніи, какое онъ мнѣ приписываетъ—на какомъ же именпо, отвѣтъ на этотъ вопросъ г. де-Ла-Бартъ найдетъ на стр. 115—120 III части моей работы, къ чтенію которыхъ ому и придется обратиться, если онъ пожелаетъ узнать, почему я призналъ три вида сказанія о битвѣ на Самсѣ, а же не имѣю ни времени, ни охоты здѣсь пересказывать содержаніе указаннаго отрывка.

Что же касается приведеннаго г. де-Ла-Бартомъ доказательства, на основаніи котораго я будто бы установилъ три вида интересующаго насъ разсказа, то оно, дѣйствительно, встрѣчается въ моей книгѣ, но является однимъ изъ звеньевъ аргументаціи, которой я подтверждаю, что клятва Ангантюра, его сватовство къ Ингиборгѣ и вызовъ имъ Гальмара на бой, составляющіе одинъ изъ эпизодовъ Н-sag'и, представляютъ собою позднѣйшую прибавку. Почему г. де-Ла-Барту угодно было обратить вниманіе именно на это доказатель-

ство, остается его тайной; но такъ какъ онъ подвергается его критикѣ, то я позволю себѣ остановиться нѣсколько на ней.

„Заключеніе условій боя (пишетъ онъ) отнюдь не составляетъ исключительную особенность одного лишь сѣвера. Въ старо-французскомъ, древне- и ново-греческомъ, въ русскомъ эпосѣ существуетъ рядъ готовыхъ формулъ для вызова на поединокъ, формулъ, отражающихъ, несомнѣнно, бытовые отношенія. Но въ эпосѣ упомянутыхъ странъ на ряду съ нападеніемъ, коему предшествуетъ вызовъ, встрѣчается сплошь и рядомъ описаніе нападенія врасплохъ... что несомнѣнно происходило и въ дѣйствительности. То же самое, повидимому, произошло и въ Н-sag'ѣ. Кроме того, авторъ самъ могъ предположить, что противники давно уже условились другъ съ другомъ о встрѣчѣ на Самсѣ, на что, повидимому, намекаетъ слѣдующая фраза: „Гяльмаръ и Одда пошли на острова разузнать, прибыли ли берсерки (стало быть, они ихъ ожидали), и, когда они вышли изъ леса къ своимъ кораблямъ, тогда сошли берсерки со своихъ (sic) кораблей“ ¹⁾. Обращаясь къ разбору. Какое отношеніе къ моей работѣ имѣетъ замѣчаніе г. де-Ли-Барта, что заключеніе условій боя не составляетъ исключительной особенности одного сѣвера, неизвѣстно. Я вѣдь такого утвержденія не дѣлаю—я просто отмѣчаю, что на сѣверѣ поединку предшествовало заключеніе условій. Что подобный обычай существовалъ и въ другихъ странахъ и нашелъ отраженіе въ ихъ эпосѣ, объ этомъ говорить мнѣ не было никакой надобности: ходъ мыслей у меня въ данномъ мѣстѣ таковъ: поединку на сѣверѣ предшествовало заключеніе условій; въ Н-sag'ѣ, берсерки, замѣтивъ корабли Гяльмара и Одда, бросились на нихъ, не говоря ни слова, и перебили весь экипажъ; слѣдовательно, въ Н-sag'ѣ (именно, въ рассказѣ о боѣ на Самсѣ) мы имѣемъ дѣло не съ поединкомъ; поэтому весь эпизодъ ея, повѣствующій о томъ, что Антанторъ вызвалъ Гяльмара на бой, и о причинахъ этого вызова, неисконенъ. Но оставимъ эту часть цитированнаго отрывка рецензій—для насъ гораздо интереснѣе вторая его половина, гдѣ высказана мысль, что авторъ саги могъ предполагать, что противники давно условились о встрѣчѣ на Самсѣ, и что на это намекаетъ приведенная фраза. Это замѣчаніе ясно обнаруживаетъ всю „глубину“ знакомства г. рецензента съ содержаніемъ Н-sag'а, т. е. того памятника, изслѣдованіе о которомъ онъ подвергъ разбору. Авторъ Н-sag'а не только могъ знать, что

¹⁾ Стр. 438 сл., курсивъ мой.

Гяльмаръ и Ангантиуръ условились встрѣтиться на Самсѣ, но дѣйствительно *такъ*, в это доказываетъ не фраза, цитированная г. де-Ла-Бартомъ, а просто содержаніе памятника: въ *H-sag*'ѣ находится эпизодъ, въ которомъ повѣствуется между прочимъ о томъ, что Ангантиуръ вызвалъ Гяльмара на поединокъ на Самсѣ (см. мое изданіе, стр. 4, 32). Но условившись встрѣтиться на островѣ, противники ни словомъ не упомянули о томъ, какъ они будутъ сражаться; вотъ почему обстоятельство, которое такъ неудачно отмѣтилъ г. де-Ла-Бартъ, ничуть не подрываетъ моей аргументаціи.

Вооружается г. де-Ла-Бартъ и противъ второго изъ аргументовъ, которыми я подтверждаю, что эпизодъ *H-sag*'и, содержащій въ себѣ рассказъ о сватовствѣ Ангантиура и вызовѣ имъ Гяльмара, позднѣйшая прибавка. Я указываю, что посѣщеніе лѣса Оддомъ и Гяльмаромъ, о которомъ говорится въ *H-sag*'ѣ, кажется неумѣстнымъ: берсерки, враги названныхъ героевъ, могли прибыть только моремъ; слѣдовательно, ихъ можно было искать лишь на берегу, и въ лѣсъ ходить для этого было незачѣмъ. Г. де-Ла-Бартъ заявляетъ, что въ этомъ эпизодѣ онъ никакой несообразности не видитъ: „герон (т. е. Гяльмаръ и Оддъ) могли думать, что ихъ противники прибыли раньше ихъ и ушли въ лѣсъ“. Въ этомъ замѣчаніи опять оказалось незнакомство г. рецензента съ содержаніемъ *H-sag*'и: горон не только *могли* думать, что ихъ враги пріѣхали, но въ памятникѣ прямо сказано: „Гяльмаръ и Оддъ сошли на островъ, чтобы разузнать, прибыли ли берсерки“ (*Hialnar ok Oddr hófu gengit up aa euna at ulita, ef berzerkirniir uaegi kompir*; ср. мое изданіе, стр. 32₇). Хотя такимъ образомъ въ *H-sag*'ѣ и засвидѣтельствовано то обстоятельство, которое г. де-Ла-Бартъ пытается установить путемъ собственнаго предположенія, но аргументація его оттого ничуть не выигрываетъ. Согласно *H-sag*'ѣ, а также и другимъ скандинавскимъ произведеніямъ на островѣ Самсѣ находилась бухта *Munargarag*, куда входили прибывающіе корабли; въ эту бухту вошли и оба друга и берсерки. Если бы въ первоначальномъ видѣ сказанія о боѣ на Самсѣ сообщалось, что Гяльмаръ и его товарищъ отправились разыскивать противниковъ, то, естественно думать, они предприняли бы розыски вдоль названной бухты, подобно тому, какъ и берсерки ищутъ ихъ на ея берегу, гдѣ и встрѣчаютъ ихъ корабли.

Покончивъ съ разборкомъ моего изслѣдованія о боѣ на Самсѣ, г. де-Ла-Бартъ обращается къ VI главѣ моей работы, гдѣ, между прочимъ, я рассматриваю странствующій мотивъ о полученныхъ ге-

роемъ мудрыхъ совѣтагъ. „Къ сожалѣнію (пишетъ г. де-Ла-Бартъ), при разборѣ этого вопроса у автора скрывается отсутствіе научнаго метода. Подборъ параллелей, приведенный г. Шаровольскимъ, чисто случайный. Авторъ сопоставляетъ сказанія, не имѣющія между собой рѣшительно ничего общаго ни по времени, ни по мѣсту происхожденія, ни даже по сюжету. Для того, чтобы онъ сталъ сравнивать любой рассказъ съ разбираемымъ отрывкомъ Н-sag'и, достаточно, чтобы въ немъ упоминалось вообще о какомъ-нибудь совѣтѣ“ ¹⁾. Возражать противъ этого критическаго замѣчанія чрезвычайно трудно, потому что оно... ничѣмъ не доказано. Отмѣчу только, что рецензентъ ставить мнѣ въ вину, что я сопоставляю сказанія, „не имѣющія между собой рѣшительно ничего общаго по времени и мѣсту происхожденія“. Это возраженіе должно быть признано несостоятельнымъ, потому что при изслѣдованіи мотивовъ, широко распространенныхъ по міру, обыкновенно и не замыкаются въ предѣлахъ одного мѣста или времени: смотри работы Келлера, Ландау, Веселовскаго и многихъ другихъ. Затѣмъ, замыкаясь при изслѣдованіи интересующаго насъ эпизода Н-sag'и въ предѣлахъ извѣстнаго времени и мѣстности, мы рисковали бы остаться безъ параллелей.

Г. де-Ла-Бартъ отмѣчаетъ также, что я собралъ сказанія, не имѣющія рѣшительно ничего общаго между собою даже по сюжету. Это *фактически не тѣрно*. Сходство между Н-sag'ой и рассказами b, c, d, e, f, g, h заключается въ пяти пунктахъ (см. стр. 165, гдѣ эти пункты перечислены). Что же касается прочихъ параллелей, то я вовсе не настаиваю на ихъ близкомъ родствѣ съ соответствующимъ эпизодомъ Н-sag'и (ср. замѣчаніе объ этомъ на стр. 177). Но тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ непременно заключаетъ въ себѣ нѣсколько чертъ, встрѣчающихся также и въ Н-sag'ѣ, при чемъ сходство вовсе не исчерпывается тѣмъ, что въ параллеляхъ упоминается о какомъ-либо совѣтѣ, какъ утверждаетъ *вопреки фактамъ* г. де-Ла-Бартъ.

Я допустилъ нѣкоторую неточность, говоря, что изложенное сейчасъ возраженіе г. де-Ла-Барта ничѣмъ не доказано—въ подтвержденіе его онъ ссылается (см. стр. 440, прим. 1) на приведенныя у меня на стр. 161 (1) и 179 рассказы, которые по г. де-Ла-Барту не имѣютъ ничего общаго съ рассказомъ о совѣтахъ, данныхъ Гейдреку отцомъ. Но лучше было бы для г. де-Ла-Барта, если бы онъ совсѣмъ не

¹⁾ Стр. 440.

упоминалъ объ этихъ разсказахъ. Что касается перваго изъ нихъ, то и я не считаю его очень сходнымъ съ интересующимъ насъ эпизодомъ Н-ваг'и—онъ принадлежитъ ко второй группѣ собранныхъ мною параллелей; но утверждать, что между нимъ и Н-ваг'ой нѣтъ ничего общаго, это значитъ говорить противъ факта: въ одномъ и другомъ сказаніи мы находимъ запрощеніе открывать тайны женѣ и предостереженіе противъ короля. Второй же изъ разсказовъ, на который обратилъ вниманіе г. де-Ла-Бартъ, я вовсе и не причисляю къ параллелямъ Н-ваг'ѣ, а привожу совсѣмъ по иному поводу. Противъ чего въ такомъ случаѣ возражаетъ г. рецензентъ? Очевидно, и здѣсь мы встречаемся съ „недосмотромъ“, который приходилось отмѣчать не разъ и раньше.

Дальнѣйшія возраженія г. де-Ла-Барта сводятся къ тому, что я не изслѣдовала эпическихъ формулъ, встречающихся въ Н-ваг'ѣ, при чемъ г. рецензентъ замѣчаетъ (на стр. 446): „Игнорированіе всѣхъ этихъ особенностей эпоса г. Шаровольскимъ едва ли объясняется тѣмъ, что онъ вовсе не хотѣлъ касаться вопросовъ поэтики и стили, а ставилъ себѣ совершенно инныя задачи. Вѣдь коснулся же онъ вопроса о загадкахъ, ходячаго мотива „о мудрыхъ совѣтахъ“, сватовства. Почему же, разбирая одни общепоческіе приемы, г. Шаровольскій игнорируетъ другіе? Объясняется это, повидимому, тѣмъ, что первыя касались Юнссонъ и Гейслеръ, и г. Шаровольскій отъ этихъ изслѣдователей узналъ, что это общепоческіе сюжеты и мотивы. Что же касается вторыхъ, то г. Шаровольскій счелъ ихъ за обыкновенные эпизоды, вслѣдствіе ранѣе отмѣченнаго нами нежеланія считаться съ явленіями средне-вѣковаго и русскаго былого эпоса“. Приведенное объясненіе г. де-Ла-Барта ужъ потому должно быть признано неосновательнымъ, что мотива мудрыхъ совѣтовъ и сватовства не касается ни Юнссонъ, ни Гейслеръ—вопреки противному утвержденію г. де-Ла-Барта, которое такимъ образомъ ясно обнаруживаетъ его незнакомство съ работами обонхъ ученыхъ. Причина здѣсь иная—она вполне понятна для того, кто усвоилъ содержаніе III части моего изслѣдованія. Она имѣетъ цѣлью выяснитъ исторію Н-ваг'и. Только тѣхъ мотивовъ, изслѣдованіе которыхъ приближало меня къ этой цѣли, я и коснулся, остальные же оставилъ боже вниманія. Такъ, я коснулся мотива сватовства, потому что иначе мнѣ нельзя было выяснитъ происхожденіе сказанія о боѣ на Самсе; остановился на мотивѣ мудрыхъ совѣтовъ и пренія загадками, что помогло мнѣ разобрать генезисъ исторіи Гейдрекъ. Обратилъ я также

вниманіе и на вызовъ Гиндура—вопреки противному утверженію г. де-Ла-Барта—когда это мнѣ понадобилось при изслѣдованіи происхожденія сказанія о гого-гуннскомъ боѣ ¹⁾).

Самое странное непониманіе и извращеніе фактовъ мы встрѣчаемъ въ отрывкѣ рецензій, посвященномъ критикѣ математическаго подсчета, находящагося въ I части моей работы на стр. XIV сл. Для подтвержденія высказанной сейчасъ мысли я приведу три характерныхъ примѣра, хотя ихъ можно найти гораздо больше.

Прежде всего, любопытно слѣдующее замѣчаніе интересующаго насъ отрывка рецензій, воспроизводящее яко бы мою мысль: „Отрывокъ редакціи Н-sag'и, сохранившійся только въ бумажинныхъ сборникахъ (А. М. 281 4-to и А. М. 597 b 4-to), напечатанъ въ изданіи Ионссона болѣе убогистымъ шрифтомъ, чѣмъ прочій текстъ. Слѣдовательно (?) въ Н-sag'ѣ онъ занималъ нѣсколько больше тѣхъ 156 строкъ, который (очевидно, опечатка вмѣсто котораго) онъ занимаетъ теперь ²⁾); вѣроятно, около 3 страницъ“. Итакъ, выходитъ, что въ Н-sag'ѣ текстъ занималъ больше 156 строкъ потому, что въ изданіи Ионссона онъ напечатанъ болѣе убогистымъ шрифтомъ. Смѣю увѣрить г. де-Ла-Барта, что столь страннаго вывода я не дѣлалъ въ своей работѣ: какимъ бы шрифтомъ ни напечатали текстъ известной рукописи, отъ этого она нисколько не измѣняется въ объемѣ. Не мнѣ курьезна сама по себѣ фраза: „...въ Н-sag'ѣ онъ занималъ нѣсколько больше тѣхъ 156 строкъ, который (котораго?) онъ занимаетъ теперь“. Изъ нея слѣдуетъ, что въ Н-sag'ѣ одинъ и тотъ же текстъ нѣкогда заполнялъ больше строкъ, чѣмъ теперь. Что это значить? Кромѣ того, въ ней допущена фактическая ошибка: въ рукописи Н-sag'и текстъ загадокъ занимаетъ теперь строкъ 8 или 10, такъ какъ остальная часть его утрачена.

Обращаю вниманіе читателя еще на слѣдующую фразу: „Г. Маровольскій забываетъ, что и конецъ Н-sag'и, дошедшій до насъ въ Nauksbók, и загадки, находящіяся въ А. М. 281 (sic), дошли неизмѣненными, передѣланными“ ³⁾. О какомъ концѣ Н-sag'и, дошедшемъ до насъ въ Nauksbók, говорить г. де-Ла-Бартъ? Вѣдь, если бы этого конецъ сохранился, то не было бы никакихъ споровъ о его содержа-

¹⁾ См. мою работу: „Древне-скандинавское сказаніе о битвѣ гоговъ съ гуннами“. Кіевъ, 1904, стр. 8.

²⁾ Курсивъ мой.

³⁾ Стр. 447, курсивъ мой.

ни, и мнѣ не пришлось бы прибѣгать къ подсчету, которымъ такъ недоволенъ мой рецензентъ.

Наконецъ, г. де-Ла-Бартъ ставитъ мнѣ въ вину, что я столь вѣроу въ безошибочность своего подсчета, „что на его основаніи опровергаю мнѣніе Йонсона“ (ссылка на I ч., стр. 15). Это—напраслина: на стр. 15 I части я не только не опровергаю мнѣніе Йонсона, а даже, наоборотъ, ницъ подкрѣпленія одному изъ своихъ выводовъ въ словахъ этого почтеннаго ученаго (ч. I, стр. 15, прим. 4).

Я могъ бы указать еще нѣсколько любопытныхъ подробностей изъ разсматриваемой части рецензіи, но думаю, что приведенныхъ воплѣ достаточно, такъ какъ изъ нихъ видно, что г. де-Ла-Барту неясны ни цѣль моего подсчета, ни данныя, которыми я оперирую. Вслѣдствіе отсутствія надлежащаго знакомства съ соотвѣтствующими страницами (XIV и сл.) I ч. моей работы и съ рукописнымъ преданіемъ памятникъ, г. де-Ла-Барту показалось, что я два неизвѣстныхъ разыскиваю при помощи двухъ другихъ неизвѣстныхъ—выводъ, къ которому онъ приходитъ на стр. 448 послѣ „разбора“ моего подсчета.

На этомъ я заканчиваю свой отвѣтъ, и мнѣ остается лишь подвести итоги сказанному.

Вывышсь за составленіе рецензіи, г. де-Ла-Бартъ не ознакомился надлежащимъ образомъ съ содержаніемъ моей работы; результатомъ подобнаго отношенія къ дѣлу явилось то, что г. де-Ла-Бартъ оказался не въ состояніи передать безъ грубыхъ искаженій даже главнѣйшихъ положеній моей книги: нѣкоторымъ изъ нихъ онъ придалъ совершенно повѣрное освѣщеніе, многимъ приписалъ мотивировку, которая не стоитъ съ ними ни въ какой связи и т. д. Поэтому изъ рецензіи г. де-Ла-Барта читатель можетъ вынести лишь ложное представленіе о содержаніи моей книги. Но этого мало. Изъ моего разбора выяснилось, что г. де-Ла-Бартъ плохо знакомъ съ произведеніемъ, которому посвящено мое изслѣдованіе; что онъ имѣетъ слабое представленіе о другихъ памятникахъ германской старины, порой чрезвычайно важныхъ; что онъ, наконецъ, не знаетъ или знаетъ очень мало нѣкоторыхъ главнѣйшихъ работъ, посвященныхъ изслѣдованію И-sag'и. Конечно, при подобныхъ условіяхъ сдѣлать оцѣнку моей работы онъ былъ рѣшительно не въ состояніи. И, однако, не взирая на отсутствіе ближайшаго знакомства со столь важными данными, г. де-Ла-Бартъ говоритъ обо всемъ авторитетнымъ тономъ, какъ о вещахъ, прекрасно имъ усвоенныхъ. Здѣсь сказалась любопытная черта г. ре-

пензента—именно, склонность оперировать съ неизвѣстнымъ ему, какъ съ извѣстнымъ. Но при такомъ условіи не только составленіе рецензій, требующее солидныхъ познаній, но и вообще сколько-нибудь серьезная научная работа невозможны.

И. Шаромельскій.

Книжныя новости.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ V. Повременное изданіе комисіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1907. Стр. 164.

Въ числѣ „изслѣдованій“ настоящаго пятаго выпуска академическаго изданія „Пушкинъ и его современники“ обращаютъ особосъ вниманіе статьи: А. П. Кадлубовскаго—„Къ вопросу о вліяніи Вольтера на Пушкина“ и проф. Е. А. Боброва—„А. И. Полежаевъ объ А. С. Пушкинѣ“. Первый, прослѣдивъ довольно подробно слѣды вліянія, главнымъ образомъ, Вольтеровской комедіи „Le droit du Seigneur“ въ изображеніи Пушкинскихъ Татьянъ, такъ заключаетъ свою статью: „Несомнѣнно, Вольтеръ сыгралъ крупную роль въ воспитаніи у Пушкина,—какъ и вообще въ русской литературѣ и обществѣ,—чувства уваженія къ человѣческому достоинству; но чуткій Пушкинъ пошелъ дальше учителя.... Сила творчества и глубина дарованія поэта нигдѣ, быть можетъ, не бываетъ ясна въ такой степени, какъ въ этихъ обработкахъ, названныхъ литературными источниками мотивовъ; сравненіе выдвигаетъ и освѣщаетъ эти его свойства. Громадное дарованіе Шекспира давно уже выясняется съ указанной точки зрѣнія: это наиболее извѣстный примѣръ. Относительно Пушкина напоминою прекрасную статью покойнаго академика И. Н. Жданова о „Русалкѣ“, гдѣ онъ показалъ, что Пушкинъ разработалъ и углубилъ мотивъ, который нашелъ въ неважной драмѣ Гейснера „Das Ironawweibchen“. Какъ такъ, такъ и въ той параллели, которую позволю себѣ указать я, мы можемъ видѣть примѣры, съ одной стороны, чуткости и отзывчивости Пушкина, который вездѣ умѣлъ находить благодарные мотивы для своей творческой дѣятельности, подбирая ихъ нерѣдко въ литературныхъ произведеніяхъ второстепеннаго достоинства, а съ другой стороны—той замѣчательной самостоятельной обработки, которой онъ подвергалъ такіе мотивы, возводя ихъ въ перлъ созданія“ (стр. 28—29).

Проф. Е. А. Бобровъ даетъ, на нашъ взглядъ, болѣе правильную и полную характеристику поэтическихъ произведеній А. И. Полежаева, чѣмъ это дѣлали прежде изслѣдователи и въ особенности академикъ А. Н. Пыпинъ, и въ то же время рельефнѣе иллюстрируетъ вліяніе поэзіи Пушкина болѣе ранняго періода на него, которое объясняетъ, главнымъ образомъ, „конгеніальностью“ натурѣ обонхъ поэтовъ. „Этой конгеніальностью“, говоритъ онъ, „всего лучше и объясняется тотъ фактъ, что влѣ всякаго знакомства, влѣ личнаго общенія съ Пушкиннымъ и съ его ближайшимъ кружкомъ, одиноко стоявшій юный поэтъ Полежаевъ, къ сожалѣнію, чрезмѣрно поддавался фатальному для него вліянію

пушкинской музы ранняго періода,—и въ этомъ отношеніи нельзя не показать, что Полежаевъ не родился позднѣе, и что онъ со своею конгеніальностью Пушкину встрѣтитъ образцами—произведенія Пушкина—не зрѣнія, а еще раннѣе, отъ которыхъ тотъ самъ потомъ нерѣдко отрещивался. Отражалъ въ себѣ, съ одной стороны, вліянія иноземныхъ писателей и обветшалой русской словесности XVIII вѣка, Полежаевъ, съ другой стороны, какъ въ фокусѣ собралъ и разрозненныя черты мировоззрѣнія молодого Пушкина, отрядателя—„аеел“, въ своемъ первомъ крупномъ и очень оригинальномъ, но лясанномъ небрежными стихами, произведеніи „Сашка“... (стр. 108).

Далѣе интересна раскрываемая Н. К. Пясановичъ, на основаніи новыхъ данныхъ, почеркнутыхъ изъ неизданныхъ писемъ Н. И. Греча и изъ пушкинскихъ бумагъ Публичной бібліотеки, „довольно длинная исторія“ хлопотъ и ходатайствъ предъ А. Х. Бенкендорфомъ А. С. Пушкина по поводу задуманнаго имъ изданія политической газеты „Дневникъ“, которая, однако, несмотря на полуторагодинную волокиту (1830—1831 гг.), свѣта не увидѣла. Въ статьѣ: „Шестъ упрядненныхъ мѣстъ“ (эти слова заимствованы изъ стихотворенія Пушкина, относящагося къ 19-му октября 1831 г.) Д. Ф. Кобеко приводитъ нѣкоторыя біографическія указанія о слѣдующихъ шести товарищахъ Пушкина по лицю, умершихъ до него: П. Н. Ржевскомъ, Н. А. Корсаковѣ, К. Д. Костенкомъ, А. А. Дельвигѣ, С. С. Есаковѣ и П. Ф. Саврасовѣ.

Въ числѣ „Матеріаловъ“ находимъ: „Замѣтки о Пушкинѣ. I. Къ литературной исторіи двухъ раннихъ стихотвореній Пушкина. II. Поэтическіе отголоски дружескихъ отношеній Пушкина“, В. В. Каллаша; „Замѣтка о Пушкинѣ изъ дневника Ю. С. Телицовой 1827—1828 гг.“, В. В. Саввы и Б. М—аго; „Пушкинъ и Радищевъ“, „Нѣсны Варлаама“ и „Замѣтки о знакахъ препинанія у Пушкина“, В. И. Чернышева, и „Дельвигъ и Пушкинъ. (Письмо А. П. Марьковой-Виноградской (Кернъ) къ П. В. Анненкову). Съ портретомъ и слѣдующемъ А. П. Кернъ“, Б. Д. Модзалевскаго. Въ концѣ выпуска приложенъ указатель личныхъ именъ.

Потомство Рюрика. Матеріалы для составленія родословій. Томъ I. Князья Черниговскіе. Ч. 1-я и 2-я. С.-Пб. 1906. Ч. 3-я. С.-Пб. 1907. Составилъ Г. А. Власевъ. Стр. VII+667+8 родословныхъ таблицъ; II+535+3 родословныя таблицы; II+539.

Первыя двѣ части вышеозначеннаго труда Г. А. Власьева уже обратили на себя вниманіе специалистовъ и получили свою должную оцѣнку. Послѣдніе признали этотъ трудъ крупнымъ вкладомъ въ нашу историко-генеалогическую литературу и единодушно высказались за скорѣйшее появленіе въ свѣтъ дальѣйшихъ его частей. Г. А. Власевъ усмеленно работалъ болѣе 10 лѣтъ, при помощи нѣкоторыхъ специалистовъ, во многомъ исчерпавъ пригодный для него матеріалъ, паходившій въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи и въ дворанскомъ архивѣ департамента герольдіи ирапительствующаго сената, и широко воспользовавшись печатными источниками. Кому только не чужды совершенно генеалогическія изслѣдованія, тотъ пойметъ всю тяжесть и отвѣтственность крайне кропотливой и неблагодарной работы, которой посвятилъ себя уже убѣщенный свѣдѣями маститый генеалогъ. Подобнаго рода работа не можетъ

быть свободна отъ разныхъ недочетовъ, догадокъ, неточностей и т. д., и нужно только удивляться, что, судя по широко возбужденному интересу, она вызвала сравнительно немного поправокъ и дополненій. Поэтому мы съ особымъ удовольствиемъ позволяемъ себѣ ознакомить читателей съ содержаніемъ огромныхъ трехъ томовъ „Потомства Рюрика“.

Въ первомъ изъ нихъ, или, какъ называется авторъ, въ *первой части*, находимъ „введение, состоящее изъ перечисленія тѣхъ только членовъ потомства Рюрика, которые занимали великокняжескіе столы Киева, Владимира и Москвы, и лицъ, давшихъ послѣ себя потомство, кончая тѣми изъ нихъ, которые сдѣлались родоначальниками цѣлой серіи родовъ, принадлежащихъ къ одному какому-либо князю“. За Рюриковичами слѣдуетъ семья князей Черниговскихъ, начиная съ родоначальника ихъ князя св. Михаила Всеволодовича и кончая тѣми членами, которые сдѣлались родоначальниками уже отдѣльныхъ фамилій. Послѣ всего этого помѣщены генеалогическія данныя о князьяхъ: Бѣлевскихъ, Воротынскихъ, Одоевскихъ, Мосальскихъ, Литвиновыхъ-Мосальскихъ, Кольцовыхъ-Мосальскихъ, Клубковыхъ-Мосальскихъ, Хотеевскихъ, дворянахъ Бунаковыхъ, князьяхъ Огнскихъ и Пузынь, дворянахъ Сатинныхъ, князьяхъ Горчаковыхъ, Елецкихъ, Звенигородскихъ и Волховскихъ.

Во *вторую* часть вошли слѣдующія фамиліи, происшедшія отъ того же родоначальника, св. Михаила Черниговскаго: князья Мезецкіе, Барятинскіе, Мишецкіе и Оболенскіе со всѣми ихъ подраздѣленіями на князей: Курлятевыхъ, Ноготевыхъ, Стригинныхъ, Ярославовыхъ, Нягоевыхъ, Теленевыхъ, Турениныхъ, Рениныхъ, Пѣнинскихъ, Горенскихъ, Тюфякиныхъ, Щениныхъ, Золотыхъ, Серебряныхъ, Лыковыхъ и Кашиныхъ.

Въ *третьей* части больше всего мѣста удѣляется князьямъ Долгоруковымъ и князьямъ Волконскимъ; кромѣ нихъ сюда вошли князья Щербатовы и князья Тростенскіе. Но этимъ не исчерпывается содержаніе всего перваго тома „Потомства Рюрика“. Въ видѣ прибавленія къ нему авторъ намѣренъ въ скоромъ времени выпустить въ свѣтъ родословія князей Пронскихъ, какъ происшедшихъ отъ одного и того же родоначальника св. Михаила Черниговскаго.

Въ своемъ изложеніи составитель родословій держался слѣдующей системы: приведя данныя о какомъ-либо родѣ, онъ сейчасъ же сообщалъ къ нимъ свои примѣчанія, гдѣ много цѣнныхъ критическихъ поправокъ и дополненій къ напечатаннымъ до него матеріаламъ разными изсѣдователями. Каждое его сообщеніе обосновано указаніями на источники. Въ отдѣльномъ „приложеніи“ ко всѣмъ тремъ частямъ онъ помѣстилъ 25 таблицъ родословій въ трехъ большихъ фоліантахъ in 4°.

Извѣстія Императорской Археологической комиссіи. С.-Пб. 1907. Выпускъ 21-й. 207 стр. Съ 9 таблицами и 80 рисунками. *Прибавленіе* къ выпуску 21-му. (Хроника и библиографія, вып. 11). 102 стр. + 2 нен. Выпускъ 22. Стр. 144. Съ 1 таблицею и 111 рисунками. Выпускъ 24. Стр. 154. Съ 18-ю таблицами и 50-ю чертежами.

Весь 21-й выпускъ „Извѣстій“ занятъ одною работою А. Л. Бертье-Делагарда „О Херсонесѣ“. Статья раздѣлена на три части. Въ первой части

заключается описание раскопок „Крестообразнаго храма“. Время его построения, по мнѣнію автора, „съ наибольшею вѣроятностью можно отнести... къ началу царствованія Юстиніана, т. е. ко второй четверти VI вѣка“. Архитектура храма повидному заимствована на западѣ. Если это и на самомъ дѣлѣ такъ, то „по истинѣ изумительно будетъ, если откроется архитектурно-обладовое теченіе устройства христіанскаго храма съ востока на западъ, въ чемъ уже нельзя сомнѣваться, а затѣмъ обратно на востокъ въ дикія и грубыя мѣста ссѣлки, въ родѣ Херсонеса, что какъ будто бы налѣчается настоящимъ изслѣдованіемъ“ (стр. 70). Въ описаніи „Крещальни“ помѣщены поправки и разъясненія къ вышедшему недавно 1-му выпуску „Памятниковъ христіанскаго Херсонеса“ Д. В. Айналова, написанному на аналогичную тему. Наибольшая часть работы (стр. 87—172) посвящена описанію и изслѣдованію случайно обнаруженной при раскопкахъ „Крѣпостной оградѣ“. Въ заключеніе авторъ дѣлаетъ выводъ, полученный послѣ семнадцатилѣтнихъ раскопокъ: „Въ древне-греческій періодъ Херсонесъ былъ весьма бѣднымъ городомъ, отъ котораго постою никакихъ остатковъ такъ и не находится, кромя мелкихъ вещей... Все значеніе для насъ Херсонеса, и очень большое, лежитъ во временахъ христіанскихъ, византийскихъ“. Въ концѣ выпуска, въ качествѣ приложений помѣщены: „Списокъ определенныхъ монетъ, найденныхъ въ некронолѣ“; „Опредѣленіе могилъ некрополя у крестоваго храма по монетамъ въ нихъ найденнымъ“, и „Древнѣйшій Херсонесъ по Страбону и раскопкамъ“.

Выпускъ 22-й занятъ тремя отдѣльными статьями: *П. П. Покрышкинъ* „Церкви Псковскаго типа XV—XVI столѣтія по восточному побережью Чудскаго озера и по р. Наровѣ“ (съ 1 табл. и 47 рис.); *Н. Е. Макаренко* „Отчетъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Полтавской губерніи въ 1906 г.“ (съ 64 рис.), и „Почеченіе о памятникахъ старинны въ европейскихъ государствахъ“. Первая статья является результатомъ поѣздки, сдѣланныхъ авторомъ въ ноябрѣ 1902 и гѣтомъ 1906 г. Въ ней подробно описаны рядъ старыхъ церквей (отчасти датированныхъ) Гдовскаго уѣзда, интересныя по своей архитектурѣ, представляющей нѣкоторыя интересныя особенности. Всѣ описанія сдѣланы обстоятельно, снабжены снимками (общими и частными), планами и чертежами; дано чтеніе монадавшихся интересныя надписей. По поводу чтенія одной изъ надписей, помѣщенной на стр. 16 (срвн. снимокъ надписи на табл. 1), я сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія. Прежде всего, нужно было дать фототипическій снимокъ этой очень важной надписи, а не цинкографію, на которой многое вышло не соответствующимъ дѣйствительности. Въ свое время я видѣлъ фотографическіе снимки этой надписи, и мое чтеніе значительно расходилось съ настоящимъ. Пусть мое чтеніе было силою невѣрныиъ, но уже самая возможность разночтенія обязывала издателя дать возможно точный снимокъ надписи. Данное чтеніе допускаетъ различныя недомыслія: почему, напярѣвъ, одинаковыя надстрочныя знаки надъ я и и въ одномъ случаѣ пропущены, въ другомъ случаѣ приняты за ' (придыханіе и удареніе)? Почему ясныиъ остатокъ κ въ началѣ четвертаго фрагмента прочтатъ какъ λ? Почему остатокъ буквы въ началѣ пятаго фрагмента прочитаютъ за ρ? Такого р нѣтъ во всей надписи. Такого рода вопросы возникаютъ при чтеніи уже проясненной надписи. Слово *λεβυε* едва ли можно объяснить искаженіемъ словъ „λεβδεβί или лебедѣ“. Дѣло въ томъ, что очевидно отъ

упомянутого существительнаго есть прилагательным — *Ляблннъ и Ляблнннъ* ¹⁾. Они дѣлають вполне законнымъ существованіе и прозвища „Лебля“. Авторъ второй статьи даетъ описаніе совершенныхъ имъ раскопокъ: 1) кургановъ; 2) могильниковъ; 3) горюдицъ, и 4) описаніе разнородныхъ древностей. Въ послѣдней статьѣ сдѣланъ обзоръ законовъ, направленныхъ къ охранѣ памятниковъ старины въ слѣдующихъ государствахъ: I. Великобританія и Ирландія; II. Австрійская имперія; III. Бельгія и Голландія; IV. Скандинавскія государства; V. Испанія и Португалія; VI. Греція и Турція, и VII. Придунайскія государства. Эта статья является дополненіемъ къ помѣщенной въ 20-мъ выпускѣ „Извѣстій Императорской Археологической комиссіи“ работы проф. Wieland'a „Охрана памятниковъ родины въ современныхъ законодательствахъ“, которая разсматривала законодательства Франціи, Италіи, Германіи и Швейцаріи.

Весь двадцать четвертый выпускъ занятъ очень интересной по содержанию и обстоятельно написанной работой *Н. В. Султанова* „Остатки Якутскаго острога и нѣкоторые другіе памятники деревяннаго зодчества въ Сибири“. (Съ 18-ю таблицами и 50-ю чертежами). Это тотъ самый Якутскій острогъ, служившій нѣкогда центральнымъ пунктомъ, изъ котораго „русская власть широко волною разлилась на югъ, на сѣверъ и на востокъ“ (стр. 13) ²⁾.

Въ видѣ прибавленія къ 21-й книжкѣ „Извѣстій“ выпущенъ 11-ый выпускъ „Хроника и библиографія“, гдѣ помѣщены „Археологическая хроника“, обзоръ русскихъ повременныхъ изданій и списокъ новыхъ книгъ за 2-ю половину 1906 г. и „Обзоръ иностранныхъ журналовъ“ за 1905 и 1906 гг.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе января и февраля 1906 г.:

— *Лѣтопись Екатеринбургской ученой архивной комиссіи. Годъ третій. (Выпускъ IV)*. Издається подъ редакціей товарища председателя комиссіи *А. Силыскаго*. Екатеринбургъ 1906. 368 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— *Петровский, Н.* Первые годы дѣятельности *В. Копитаря*. Казань 1906. XXIII+757 стр. Цѣна 4 руб. съ пересылкою.

— *Болеславъ-Юрій П*, князь всей малой Руси. Сборникъ матеріаловъ и изслѣдованій, сообщенныхъ *О. Гонсіоровскимъ*, *А. А. Кувинкомъ*, *А. С. Лапшанинскимъ*, *И. А. Лвниченко*, *С. Л. Пташницкимъ* и *И. Режабкомъ*. Съ 10 таблицами. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1907. IV+334+10 табл. Цѣна 4 руб. 50 коп.

— *Бекъ, Г.* Къ физиологій гладкихъ мускуловъ. Казань 1907. 61 стр. (Изъ физиологической лабораторіи Императорскаго Казанскаго университета).

— *Адамюкъ, Валентинъ*. Мысленнй амилоидъ соединительной оболочки

¹⁾ См. „Костромская Старина“. Сборникъ, изд. Костр. губ. арх. учен. комиссіею. Вып. 5, стр. 35, 38 и 48. Кострома. 1901.

²⁾ Болѣе подробную рецензію объ этой работѣ см. „Нѣмая Старина“, 1907 г., вып. IV.

глаза. Клиническое, патолого-анатомическое и экспериментальное изслѣдованіе (Съ приложеніемъ 14 рисунковъ и одной фотографіи). Казань 1907. IV+255 стр. (Изъ главной клиники и патолого-анатомическаго кабинета Императорскаго Казанскаго университета).

— *Бемштейнъ, В. Н.* Древне-славянская корича XIV титуловъ възъ толкованій. Томъ первый. Выпускъ 3. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1907. Стр. 465—840. Цѣна 2 руб. 70 коп.

— *Wadowski, ks. Jan Ambroży.* Kościoły Lubelskie na podstawie źródeł archiwalnych. Nakładem Akademii Umiejętności. Kraków 1907. 598 стр.

— *Морозовъ, Николай.* Законы сопротивленія упругой среды движущимся теламъ. С.-Пб. 1906. 66 стр. Цѣна 1 руб.

— Труды топографо-геодезической комиссіи. Выпускъ XXI. Съ 5 листами чертежей. Изданіе подъ редакціей члена совѣта комиссіи О. Н. Красовскаго. М. 1907. 144 стр. Цѣна 2 руб.

— COLLECTANEA EX ARCHIVO COLLEGI JURIDICI. Tomus VIII. (Pars I). Archivum Komisji Prawniczej. Tom ósmy. (Część I). Nakładem Akademii Umiejętności. Kraków 1907. XI+270 стр.

— SPRAWOZDANIA KOMISJI DO BADANIA HISTORII SZTUKI W POLSCE. Tom VIII. Zeszyt I i II. Z 3 tablicami i 396 figurami w tekście. Nakładem Akademii Umiejętności. W Krakowie 1907. 228+CCLXVIII стр.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ ПО ВВЕДЕНІЮ ВСЕОБЩАГО ОБУЧЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

20-го февраля 1907 года министерствомъ народнаго просвѣщенія внесенъ былъ въ государственную думу второго созыва законопроектъ о введеніи всеобщаго начальнаго обученія въ Россійской Имперіи.

Въ основаніе этого законопроекта положены министерствомъ тѣ начала, которыя указаны были для развитія дѣла начальнаго народнаго образованія еще редакционными коммиссіями при составленіи положенія о крестьянахъ, — широкая общественная самодѣятельность, выражающаяся въ учрежденіи училищъ и въ завѣдываніи ими, при общемъ руководствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ, главная забота о развитіи начальнаго народнаго образованія въ отдѣльных мѣстностяхъ должна лежать на земствахъ и городахъ. Министерство же сохраняетъ за собою попрежнему наблюденіе за учебно-воспитательною частью училищъ. Кромѣ того, министерство будетъ оказывать мѣстнымъ органамъ самоуправленія денежную и иную помощь въ осуществленіи ими ихъ задачи — установленія всеобщности обученія, а также наблюдать за тѣмъ, чтобы открываемыя ими училища, по количеству и удобству распредѣленія ихъ, дѣйствительно обезпечивали всеобщее обученіе.

Изъ приведенныхъ основныхъ началъ законопроекта вытекаетъ необходимость, чтобы само министерство народнаго просвѣщенія располагало достаточными средствами для выдачи субсидій земствамъ и городамъ на развитіе народнаго образованія. Осуществленіе проекта введенія всеобщаго обученія требуетъ значительнаго усиленія кредитовъ министерства на потребности начальнаго народнаго образованія.

Относительно порядка назначенія упомянутых казенныхъ субсидій, а также размѣра послѣднихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ министерство народнаго просвѣщенія остановилось на формѣ субсидій на содержаніе учащихъ лицъ и притомъ въ такомъ размѣрѣ этого содержанія, который долженъ считаться минимальнымъ и общимъ для всѣхъ различныхъ мѣстностей Имперіи. Добавочное же содержаніе учащимъ, а равно все хозяйственное содержаніе училищъ должно лежать на попеченіи мѣстныхъ органовъ самоуправленія. Что касается строительныхъ надобностей училищъ, то послѣднія, въ той части ихъ, которая не теритъ отлагательства, будутъ удовлетворяться теперь же за счетъ земскихъ ассигнованій, сбереженій и остатковъ отъ кредитовъ, открытыхъ министерству на содержаніе учащихъ. Въ большей же части суммы, необходимыя на постройку зданій для училищъ, предложено покрывать изъ особаго школьно-строительнаго фонда (вопросъ объ этомъ фондѣ разрабатывается въ министерствѣ и будетъ внесенъ на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій особо отъ указаннаго выше законопроекта). Оставляя, такимъ образомъ, полную возможность, въ зависимости отъ мѣстныхъ потребностей и средствъ, варьировать хозяйственное содержаніе училищъ и способы ихъ устройства, а также увеличивать объемы содержанія учащихъ лицъ, министерство предположило повсемѣстно принять на себя уплату содержанія педагогическому персоналу начальныхъ учащихъ: учащему по 360 р. и законоучителю по 60 р. въ годъ (выдавая пособіе мѣстнымъ органамъ самоуправленія на эту надобность по особому расчету, который подробно излагается ниже).

Порядокъ субсидированія органовъ мѣстнаго самоуправленія, принятый министерствомъ (на содержаніе учащихъ), далъ полную возможность напередъ опредѣлить въ достаточно точныхъ рамкахъ размѣръ расхода, падающій по смыслу законопроекта на долю министерства народнаго просвѣщенія. Для выполненія этой цѣли, министерство провело специальную статистическую работу, наложенную въ изданныхъ министерствомъ „Таблицахъ смѣтнаго исчисленія расходовъ министерства народнаго просвѣщенія на введеніе всеобщаго обученія въ Россійской Имперіи“¹⁾. Въ основу этого исчисленія были положены данныя всероссійской переписи 1897 г., среднія данныя о приростѣ населенія центрального статистическаго комитета и тѣ среднія

¹⁾ Ниже приводится, въ приложеніи, сводная таблица по учебнымъ округамъ изъ этого труда.

данныя о количествѣ учащихся, приходящихся на одного учителя, о возрастѣ учащихся и продолжительности ученія въ начальномъ училищѣ и о соотношеніи числа учащихся и числа законоучителей въ училищахъ, которыя выяснились самою жизнью изъ многолѣтней практики начальной школы.

Въ данныхъ переписи 1897 г. имѣются по каждому уѣзду и городу свѣдѣнія о численномъ составѣ населенія по возрастамъ, при чемъ все населеніе раздѣлено на группы по числу лѣтъ отъ рожденія (возрастъ до 1 года, отъ 1 года до 2 лѣтъ, отъ 2 до 3 лѣтъ и т. д.). Суммируя цифры, выражающія численность населенія школьнаго возраста (8, 9, 10 и 11 лѣтъ), представлялось возможнымъ получить наиболѣе точное число дѣтей школьнаго возраста для каждаго уѣзда, каждаго города, губерніи, учебнаго округа и, наконецъ, для всей Имперіи въ 1897 году. Школьный возрастъ, какъ видно изъ вышеуказаннаго, принятъ министерствомъ — четырехлѣтній (отъ 8 до 12 лѣтъ). Дѣйствительно, практика начальной школы указала, что даже при 3-хъ лѣтнемъ курсѣ, учащіеся все-же должны въ большинствѣ случаевъ оставаться въ одномъ изъ отдѣленій на повторительный курсъ и окончивать, такимъ образомъ, школу черезъ 4 года послѣ поступленія въ нее. Преимущества четырехлѣтняго курса несомнѣнны, такъ какъ при 2-хъ учащихся (условіе, безъ котораго не можетъ быть введенъ четырехлѣтній курсъ) программы будутъ усвоены основательнѣе и занятія съ учащими будутъ идти продуктивнѣе. По опредѣленіи численности населенія школьнаго возраста въ 1897 г., было вычислено теоретически, путемъ прибавленія чиселъ, показывающихъ приростъ населенія за 10 лѣтъ, число дѣтей школьнаго возраста въ 1907 году также для каждаго города, уѣзда, губерніи, округа и для всей Имперіи. Процентъ прироста взятъ 1,49%, какъ средній за 10 лѣтъ (1891—1901 гг.) по даннымъ о движеніи населенія центрального статистическаго комитета. При такихъ условіяхъ численность дѣтей школьнаго возраста (8—12 лѣтъ) въ 1907 году во всей Имперіи выразилась въ 13.250.979.

Для опредѣленія размѣра надающаго на долю казны расхода, потребнаго на обученіе всего вышеуказаннаго числа дѣтей, необходимо опредѣлить число учащихся, оплату которыхъ министерство предположило принять на себя. Сдѣлать это à priori возможно было только теоретическимъ путемъ, принявъ за норму среднее количество учащихся на одного учителя въ настоящее время. Такимъ числомъ, по имѣющимся въ министерствѣ даннымъ, является 50. Это число можетъ быть,

вмѣстѣ съ тѣмъ, максимальнымъ, при которомъ возможно требовать отъ учащихся удовлетворительныхъ результатовъ ихъ занятій. Раздѣливъ число дѣтей школьнаго возраста въ каждомъ уѣздѣ или городѣ на 50, можно легко опредѣлять необходимое число учащихся или, вѣрнѣе сказать, школьныхъ комплектовъ для этихъ районовъ. Если мы сложимъ число, показывающее количество школьныхъ комплектовъ во всѣхъ уѣздахъ и городахъ, то получимъ общую цифру школьныхъ комплектовъ для всей Имперіи—265.042 ¹⁾.

Для опредѣленія размѣра субсидій на каждый школьный комплектъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что по свѣдѣніямъ министерства на 50 учащихся въ среднемъ приходится 1 учащій; но 1 законоучитель, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, приходится не на 50, а на 100 учащихся. Это происходитъ вслѣдствіе того, что имѣется много училищъ двухъ, трехъ и болѣе комплексныхъ, гдѣ при двухъ, трехъ и болѣе учителей преподаетъ только 1 законоучитель. Имѣя въ виду это обстоятельство, министерство считало необходимымъ въ предварительныхъ подсчетахъ опредѣлять отпускъ на каждый школьный комплектъ по 390 р., считая въ томъ числѣ 360 р. на содержаніе учащему и 30 р. на половину содержанія законоучителя. Общій размѣръ всего расхода на 265.042 школьныхъ комплекта, считая по 390 р. на каждый, выражается для всей Имперіи въ суммѣ 103.366.380 р.

Во внесенномъ въ государственную думу второго созыва, а впоследствии, и третьяго созыва—законопроектѣ министерство народнаго просвѣщенія полагаетъ установить для введенія всеобщаго обученія въ Россійской Имперіи слѣдующія основныя положенія:

1) Всѣмъ дѣтямъ обоого пола должна быть предоставлена возможность, по достиженіи школьнаго возраста, пройти полный курсъ обученія въ правильно организованной школѣ.

2) Забота объ открытіи достаточнаго числа училищъ, соотвѣтственно числу дѣтей школьнаго возраста, лежитъ на учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія, при этомъ расчеты относительно числа необходимыхъ школъ дѣлаются примѣнительно въ четыремъ возрастнымъ группамъ: 8, 9, 10 и 11 лѣтъ.

3) Нормальная продолжительность обученія въ начальной школѣ 4 года.

¹⁾ Такъ какъ, при вычисленіи количества школьныхъ комплектовъ въ каждомъ уѣздѣ или городѣ посредствомъ дѣленія числа дѣтей школьнаго возраста на 50, полученный остатокъ менѣе 25 отбрасывался, а болѣе 25 принимался за 1, то въ числѣ 265.042 получится нѣкоторая весьма небольшая неточность.

4) Нормальнымъ числомъ дѣтей въ начальной школѣ на одного учителя признается 50.

5) Нормальнымъ райономъ, который должна обслуживать одна школа, признается мѣстность съ трехверстнымъ радіусомъ.

6) На обязанность учрежденій мѣстнаго самоуправленія возлагается въ двухгодичный, со дня вступленія въ законную силу настоящихъ положеній, срокъ составленіе школьной сѣти и плана ея осуществленія для достиженія всеобщности обученія въ данной мѣстности, съ указаніемъ предѣльнаго для сего срока и ожидаемыхъ изъ мѣстныхъ источниковъ средствъ для выполненія школьной сѣти.

Примѣчаніе. Изъ разработкѣ школьной сѣти участвуютъ мѣстные органы церковно-школьнаго управленія.

7) Для включенія въ школьную сѣть училище, рассчитанное на четыре возрастныхъ группы, должно удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: имѣть законоучителя и учителя, обладающаго законнымъ правомъ на преподаваніе, быть обеспеченнымъ соотвѣтствующимъ школьнымъ и гигиеническимъ потребностямъ помѣщеніемъ, учебными книгами и пособиями и доставлять дѣтямъ бесплатное обученіе.

8) Означенные (п. 6) школьная сѣть и планъ ея выполненія представляются мѣстными органами самоуправленія установленнымъ порядкомъ въ министерство народнаго просвѣщенія, которое, предварительно утвержденія означенныхъ сѣти и плана, сносится съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ случаѣ одобренія сихъ плановъ и сѣтей, министерство народнаго просвѣщенія отпускаетъ, въ предѣлахъ ассигнуемыхъ по смѣтѣ сего министерства кредитовъ, на каждую входящую въ сѣть школу, открытую или подлежащую открытію въ теченіе ближайшаго учебнаго года, пособіе на минимальное вознагражденіе учителей и законоучителей по дѣйствительному ихъ числу въ означенныхъ школахъ, считая по 360 р. учителю и 60 р. законоучителю. При этомъ общій размѣръ пособій училищамъ въ данномъ районѣ не долженъ превышать суммы по расчету 390 р. на 50 дѣтей школьнаго возраста.

Примѣчаніе. Церковно-приходскія школы, вошедшія въ школьную сѣть, какъ открытыя, такъ и подлежащія открытію въ теченіе ближайшаго учебнаго года, получаютъ пособіе отъ казны на равныхъ основаніяхъ съ школами, состоящими въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, изъ кредита, ассигнуемаго по финансовой смѣтѣ святѣйшаго синода; школы же церковно-приходскія, не вошедшія въ сѣть въ тѣхъ мѣстностяхъ,

для конхъ она утверждена, могутъ содержаться лишь на мѣстныхъ средствахъ.

9. Прочіе расходы, какъ по содержанию и устройству помѣщеній для училищъ, такъ и по увеличенію оклада учащимъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, устанавливаются учредителями училищъ и относятся на мѣстные источники.

10. Полученіе пособія отъ министерства народнаго просвѣщенія не стѣсняетъ правъ учредителей училищъ въ дѣлѣ завѣдыванія начальной школой. Мѣстному самоуправленію предоставляется организація и ближайшее завѣдываніе начальными школами подъ руководствомъ и надзоромъ министерства народнаго просвѣщенія.

11. Сословнымъ и инымъ законнымъ организаціямъ и частнымъ лицамъ, если содержимыя ими школы входятъ въ общую школьную сѣть, министерство народнаго просвѣщенія даетъ пособіе, въ случаѣ признанія въ томъ необходимости, по вышеуказанному расчету (п. 8) на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и учрежденіямъ общественнаго самоуправления.

12. Впредь до полученія и утвержденія школьныхъ сѣтей и плановъ введенія всеобщаго обученія отъ мѣстныхъ самоуправленій, министерство народнаго просвѣщенія распределяетъ ассигнованный по его смѣтѣ кредитъ, по соображенію съ мѣстными нуждами и требованіями, преимущественно въ изложеннымъ положеніямъ, имѣя въ виду осуществленіе всеобщаго обученія въ данной мѣстности.

Вмѣстѣ съ ходатайствомъ объ утвержденіи вышензложенныхъ 12 основныхъ положеній, министерство народнаго просвѣщенія просило государственную думу объ отпускѣ на нужды народнаго образованія, въ виду введенія всеобщаго начальнаго обученія въ Имперіи, изъ средствъ государственнаго казначейства по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія 1907 года 5.500.000 руб.

Внесенный въ государственную думу второго созыва законопроектъ о введеніи всеобщаго обученія не успѣлъ получить осуществленія до роспуска думы. Не было удовлетворено также и ходатайство объ отпускѣ 5.500.000 руб. Но въ томъ же году, согласно постановленію совѣта министровъ 13-го іюля 1907 года, было отпущено въ распоряженіе министерства по смѣтѣ 1907 года 700.000 р. на расширеніе кредита на нужды начальнаго народнаго образованія на предстоящую еще половину этого года и занесено въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія 1908 г., соотвѣтственно съ этимъ отпускомъ, 1.400.000 р. на ту же надобность по расчету за дѣлныя годъ.

Ко времени внесенія законопроекта въ государственную думу въ министерство поступило 119 ходатайствъ земствъ и городовъ объ отпускѣ субсидій на развитіе дѣла начальнаго народнаго образованія, изъ которыхъ значительная часть стояла въ прямой связи съ предположеніями о введеніи всеобщаго обученія въ данной мѣстности. Ко времени назначенія совѣтомъ министровъ кредита на нужды начальнаго народнаго образованія число такихъ ходатайствъ возрасло до 158. Кромѣ того, имѣлись многочисленныя представленія объ отпускѣ средствъ на дѣло народнаго образованія отъ управленій учебныхъ округовъ, какъ тѣхъ, въ предѣлахъ которыхъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, такъ и тѣхъ, въ которыхъ это положеніе не введено.

Получивъ въ свое распоряженіе, хотя и въ значительно меньшомъ противъ испрашиваемаго, размѣрѣ средства на нужды народнаго образованія, министерство при распредѣленіи этихъ средствъ, на ряду съ удовлетвореніемъ тѣхъ изъ ходатайствъ, которыя представлялись попечителями округовъ, какъ вызываемыя мѣстными нуждами и требованіями, въ то же время считало своимъ долгомъ удовлетворить по мѣрѣ возможности и тѣ ходатайства, которыя земства представляли въ министерство, имѣя въ виду положить начало всеобщаго обученія въ данной мѣстности.

Въ виду новизны дѣла и чрезвычайнаго разнообразія земскихъ ходатайствъ, болѣе или менѣе обоснованныхъ, болѣе или менѣе разработанныхъ, иногда изобилующихъ массою весьма цѣнныхъ данныхъ, иногда не дающихъ даже тѣхъ необходимыхъ свѣдѣній, по которымъ министерство могло бы опредѣлить современное положеніе школьнаго дѣла и размѣръ необходимаго для данной мѣстности пособія, — министерству представлялось необходимымъ установить нѣкоторыя руководящія указанія и формы сообщенія свѣдѣній наиболѣе простыя, всчерпывающія матеріаль и дающія возможность легко извлекать всѣ необходимыя данныя. Приступивъ къ выработкѣ такихъ указаній, министерство въ основу ихъ положило, конечно, тѣ положенія, которыя были внесены имъ на благоусмотрѣнію государственной думы.

Общая цѣль работы намѣчалась уже въ самыхъ основныхъ положеніяхъ — „составленіе школьной сѣти и плана ея осуществленія“. При дальнѣйшемъ обсужденіи этого вопроса, министерство признало необходимымъ выработать форму и образцы для составленія школьныхъ сѣтей и школьныхъ картъ и финансоваго плана осуществленія

школьной сѣти въ опредѣленный срокъ, вмѣстѣ съ разъясненіями о работѣ по такимъ формамъ и образцамъ.

Въ осуществленіе этой задачи министерствомъ составлены бланки: „Школьной сѣти“, образцы „Школьной карты“, „Инструкція для за-полненія таблицъ школьной сѣти“, „Свѣдѣній и предположеній земствъ о введеніи всеобщаго обученія въ уѣздѣ“ и „Финансоваго плана“.

Не останавливаясь на подробномъ изложеніи этой сложной и кропотливой работы, достаточно здѣсь указать только общее краткое описаніе этихъ образцовъ. Ниже, въ приложеніяхъ, приведены эти образцы въ подлинникѣ.

Прежде всего выработаны бланкъ для составленія школьной сѣти ¹⁾. Планъ этотъ раздѣляется на 28 рубрикъ, заключающихъ въ себѣ прежде всего перечисленіе названій всѣхъ селеній каждой волости, съ указаніемъ въ каждомъ селеніи числа жителей обоаго пола и числа дѣтей школьнаго возраста. Затѣмъ слѣдуетъ размѣщеніе всѣхъ перечисленныхъ селеній по четыремъ группамъ, смотря по тому, входитъ ли селеніе въ районъ: а) нынѣ существующаго училища, подвѣдомственнаго училищному совѣту, б) существующей и вошедшей въ школьную сѣть церковно-приходской школы, в) проектируемой новой школы или, наконецъ, г) въ группу селеній, по обслуживаемую при введеніи всеобщаго обученія ни одною школою, отстоящую ближе 3-хъ верстъ. Въ послѣднемъ случаѣ необходимымъ становится указаніе, какими средствами обезпечено будетъ обученіе дѣтей въ такомъ селеніи. Наименованіе каждаго селенія, такимъ образомъ, будетъ на одномъ бланкѣ приведено два раза: при общемъ перечисленіи всѣхъ селеній и въ группѣ тѣхъ селеній, которыя относятся къ какой либо школѣ. Въ послѣднемъ случаѣ указывается разстояніе въ верстахъ отъ селенія до школы, и число учащихся и учащихъ въ каждомъ училищѣ при введеніи всеобщаго обученія (при существующихъ же училищахъ указывается также число учащихся и учащихъ и въ настоящее время).

Въ связи съ формой школьной сѣти стоитъ образецъ школьной карты (въ качествѣ образца взять наиболее типичный участокъ, захватывающій нѣсколько волостей Каширскаго уѣзда, Тульской губер-

¹⁾ Образецъ школьной сѣти, самою собою разумѣется, выработаны лишь для земствъ. Для городовъ представляется достаточнымъ сообщеніе свѣдѣній о числѣ дѣтей школьнаго возраста, о числѣ училищъ, учащихся и т. п., съ распредѣленіемъ, если это представляется удобнымъ, по отдѣльнымъ частямъ города.

ни). Въ основу ея положенъ не чисто территоріальный принципъ, т. е. вся мѣстность раздѣляется не на кружки съ трехверстнымъ радиусомъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ окружности пересѣкаются между собой и оставляютъ въ сомнѣніи вопросъ, къ какому изъ училищъ относятся селенія, находящіяся въ отрѣзкахъ пересѣкающихся дугъ. На образцѣ карты, разработаннымъ въ министерствѣ, селенія соединены съ училищемъ, обслуживающимъ его, чертою того же цвѣта, какимъ обозначено данное училище, и уже послѣ того весь участокъ съ училищемъ и причисленными къ нему селеніями очерчивается кругомъ ломанною линіею ¹⁾.

При такой системѣ становится сравнительно легкою обидна проверка по картѣ правильности школьной сѣти, и извлеченіе изъ школьной сѣти всѣхъ необходимыхъ данныхъ для опредѣленія размѣра подлежащаго выдачѣ пособія. Кроме того, помимо этихъ двухъ прямыхъ цѣлей, школьная сѣть съ школьной картой должны вмѣстѣ представить одну общую картину—сѣть въ формѣ схемы, карта наглядно,—какъ существующаго положенія школьнаго дѣла въ данной мѣстности, такъ и того, что предстоитъ еще сдѣлать земству въ этой области.

Для облегченія работы по образцамъ министерства, выработана особая инструкция заполнения таблицъ школьной сѣти вмѣстѣ съ наглядными образцами того, какъ заполнить этотъ бланкъ свѣдѣніями по двумъ волостямъ Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи (тѣмъ же волостямъ, которыя помѣщены въ образцѣ школьной карты).

Изъ итоговъ, подведенныхъ по графамъ школьной сѣти по всему уѣзду, легко получаются, между прочимъ, слѣдующія данныя:

I. Число существующихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, число комплектовъ (учащихъ въ нихъ), число предполагаемыхъ къ добавленію комплектовъ (учащихъ) и число дѣтей школьнаго возраста, относящихся къ этимъ училищамъ при введеніи всеобщаго обученія.

II. Тѣ же данныя по училищамъ церковно-приходскимъ.

III. Число предполагаемыхъ къ открытію училищъ, число комплектовъ (и учащихъ въ нихъ), число дѣтей школьнаго возраста, относящихся къ этимъ училищамъ при введеніи всеобщаго обученія.

IV. Число дѣтей, не обучающихся въ организованныхъ училищахъ,

¹⁾ Если земство признаетъ это удобнымъ, то возможно на картѣ обозначеніе посредствомъ условныхъ знаковъ также числа комплектовъ въ каждомъ училищѣ.

а равно число предположенныхъ къ открытію подсобныхъ и передвижныхъ школъ, ночлежныхъ пріемовъ-общежитій.

По этимъ даннымъ можно установить предѣльный размѣръ пособія, подлежащій выдачѣ на данный уѣздъ (см. п. 8 Основныхъ положеній) по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія и святѣйшаго синода. Для этого необходимо: числа дѣтей школьнаго возраста, относимыхъ къ существующимъ и предполагаемымъ училищамъ вѣдомства министерства и къ церковно-приходскимъ школамъ, каждое отдѣльно, раздѣлить на 50 и помножить на 390. Первое покажетъ сумму рублей, подлежащую ассигнованію отъ министерства народнаго просвѣщенія, второе—святѣйшаго синода.

Эти же данныя должны лечь въ основу вычисления земствами всего предстоящаго имъ расхода на содержаніе входящихъ въ школьную сѣть училищъ.

Для опредѣленія размѣра этого расхода, министерствомъ выработаны бланкъ: „Свѣдѣнія и предположенія земства или городского управленія о введеніи всеобщаго обученія“. Бланкъ раздѣленъ на четыре главные отдѣла:

I. Свѣдѣнія о числѣ училищъ, содержимыхъ на земскія или городскія средства, а также о числѣ учащихся, законоучителей и учащихся въ нихъ.

Всѣ эти данныя должны быть взяты изъ школьной сѣти.

II. Свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ на народное образованіе въ 1907 г. (по земской или городской смѣтѣ).

Въ этотъ отдѣлъ должны быть занесены расходы на нужды народнаго образованія вообще, и особенно указаны расходы на содержаніе начальныхъ училищъ, строительныя надобности и проч. Въ „приходѣ“ показываются отдѣльно поступления изъ всѣхъ источниковъ, спеціальныя школьныя капиталы, поступления натурою и т. п.

III. Предположенія о новыхъ расходахъ, вызываемыхъ осуществленіемъ всей школьной сѣти.

Зюда относятся расходы только на училища, т. е. на содержаніе ихъ и на постройку школьныхъ зданій для нихъ, а также расходы на обезпеченіе обученіемъ дѣтей, проживающихъ далѣе 3-хъ верстъ отъ училища. Этотъ отдѣлъ подраздѣляется на: 1) дополнительныя расходы на содержаніе уже существующихъ училищъ (добавка на содержаніе существующихъ учителей, приглашеніе новыхъ, увеличеніе хозяйственнаго содержанія), и 2) новые расходы на содержаніе вновь открываемыхъ училищъ. Въ этомъ послѣднемъ подраздѣленіи мини-

стерство признало болѣе удобнымъ предложить земствамъ, предварительно установленія общей суммы расхода, выработать *нормы расхода* по содержанію каждаго типа училищъ, съ разнымъ числомъ комплектовъ; затѣмъ по числу таковыхъ училищъ по школьной сѣти опредѣлить и весь расходъ на новыя училища. Особо показываются только не поддающіеся нормированію расходы: на наемъ помѣщеній или постройку зданій для школъ и расходы на обученіе дѣтей въ школьныхъ районахъ. Подъ расходомъ на постройку зданій для школъ министерство подразумѣвало не выполненіе широкихъ плановъ по обеспеченію всѣхъ училищъ собственными зданіями, а лишь постройку и приспособленіе помѣщеній для тѣхъ школъ, которыя безъ этого не могутъ быть открыты вовсе.

IV. Финансовое или экономическое положеніе земства или города.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ свѣдѣнія о нормахъ оцѣнки облагаемыхъ имуществъ, о напряженности обложенія и объ отношеніи расхода на народное образованіе ко всему земскому или городскому бюджету за 1907 г. ¹⁾.

Свѣдѣнія, помѣщаемыя въ указанныхъ бланкахъ, должны показывать всю совокупность расхода, предстоящаго на осуществленіе школьной сѣти (въ томъ числѣ и подлежащаго, согласно законопроекту, отнесенію на средства государственнаго казначейства по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія). Сюда не входятъ лишь слѣдующіе расходы, которые могутъ оказаться неизбежными, но которые или не имѣютъ прямого отношенія къ вопросу о введеніи всеобщаго обученія, или подлежатъ удовлетворенію въ особомъ порядкѣ.

1) Прежде всего слѣдуетъ исключить расходы на постройку новыхъ школьныхъ зданій для существующихъ училищъ, не обеспеченныхъ удовлетворительными помѣщеніями, и на постройку собственныхъ помѣщеній для тѣхъ изъ вновь открываемыхъ школъ и вторыхъ комплектовъ, которые, хотя бы временно и не вполнѣ удобно, но все же могутъ быть помѣщены въ наемныхъ зданіяхъ. Этотъ расходъ въ огромномъ большинствѣ земствъ не можетъ быть покрытъ ни изъ собственныхъ средствъ, ни при помощи пособій на введеніе всеобщаго обученія. Неизбѣжный вопросъ объ образованіи общенароднаго школьнаго строительнаго фонда, какъ сказано уже, начать разра-

¹⁾ Подъ бюджетомъ понимается постоянный бюджет даннаго года безъ случайныхъ поступленій, т. е. бюджетъ, составляющійся изъ поступленій земскаго обложенія.

ботною въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, и изъ него предполагается отпускать соуды, или даже мѣстами и безвозвратныя пособія, на постройки зданій для такихъ училищъ. Что же касается до тѣхъ изъ новыхъ училищъ, которыя вовсе не могутъ быть открыты иначе, какъ въ собственномъ помѣщеніи, то этотъ расходъ долженъ быть показанъ въ соответствующей рубрикѣ „Свѣдѣній и предположеній“, и удовлетворяться онъ будетъ, какъ за счетъ освобождающихся у земствъ средствъ, такъ и за счетъ новыхъ земскихъ ассигнованій. Кроме того, не малымъ подспорьемъ будетъ служить открытіе кредитовъ по смѣтѣ министерства на пособіе земствамъ съ начала гражданскаго года, между тѣмъ какъ самыя школы, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, начнутъ функционировать лишь съ начала учебнаго года, т. е. съ осени. Благодаря этому предвидятся значительныя остатки, которые цѣлкомъ пойдутъ на строительныя нужды.

2) Расходы на расширеніе церковно-приходскихъ школъ и на приглашеніе въ нихъ добавочныхъ учителей. Такъ какъ субсидія на эти училища должна быть выдаваема по смѣтѣ святѣйшаго синода, то не представляется необходимымъ касаться этихъ расходовъ вовсе.

3) Расходы земствъ на установленіе наблюденія за хозяйственною частью въ содержимыхъ ими училищахъ и на разнаго рода внѣшкольныя и школьно-вспомогательныя просвѣтительныя учрежденія. Такъ какъ мѣропріятія подобнаго рода лишь дополняютъ вопросъ о введеніи всеобщаго обученія, но прямо его не касаются, то казалось болѣе удобнымъ отказаться совсѣмъ отъ выясненія здѣсь расходовъ на нихъ, чтобы не усложнять и безъ того сложнаго расчета.

4) Расходы на училища, не содержимыя земствами и городами, какъ напримѣръ, такъ называемыя министерскія училища, училища различныхъ вѣдомствъ, фабричныя и т. п. Число этихъ училищъ, сравнительно, такъ невелико, условія же ихъ содержанія такъ разнообразны, что болѣе цѣлесообразнымъ представлялось не вносить имѣющіяся данныя о нихъ въ „Свѣдѣнія и предположенія земства“, а собрать таковыя особо, впоследствии, когда это представится необходимымъ для установленія предѣльной цифры пособія.

За четырьмя приведенными исключениями всѣ расходы по осуществленію всеобщаго обученія должны найтись мѣсто въ бланкахъ: „Свѣдѣнія и предположенія земства или городского управленія о введеніи всеобщаго обученія“.

Послѣдній образецъ выработаннаго министерствомъ бланка носитъ названіе: „Финансовый планъ введенія всеобщаго обученія“. Этотъ

бланкъ имѣеть цѣлью опредѣлять постепенное возрастаніе бюджета (расхода и прихода) по отдѣльнымъ годамъ и не имѣеть обязательнаго характера для мѣстныхъ учреждений. Онъ раздѣляется на двѣ части. Въ первой, въ болѣе общихъ, чѣмъ въ предыдущемъ бланкѣ, категоріяхъ повторяются расходъ и приходъ 1907 г.; вторая же часть заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія только объ увеличеніи расхода и прихода по такимъ же категоріямъ, начиная съ 1908 г. и, притомъ, съ распредѣленіемъ этого увеличенія по отдѣльнымъ годамъ. Такимъ образомъ для каждаго года указывается, напримѣръ, увеличеніе расхода на содержаніе учащихся въ существующихъ и предполагаемыхъ училищахъ, на строительныя нужды, увеличеніе прихода отъ уѣзднаго земства, отъ министерства народнаго просвѣщенія и т. п.

Однимъ изъ неудобствъ, выяснившихся при выработкѣ образца „Финансоваго плана“, было то, что земство, составляя свой планъ, не можетъ предвидѣть размѣръ того пособия, которое ему будетъ отпущено министерствомъ въ каждомъ году, а въ зависимости отъ этого, опредѣлить также и возможность для этого года увеличенія расходовъ. Несмотря на всю вѣскость такого возраженія, министерство признало болѣе удобнымъ предоставить земствамъ совершенно свободно выработать свой планъ, при чемъ имѣть въ виду такую субсидію отъ министерства народнаго просвѣщенія, которая давала бы имъ возможность открыть извѣстное число новыхъ училищъ въ каждый будущій годъ и въ то же время освободило бы, съ принятіемъ на счетъ казны содержанія учащихся въ части существующихъ школъ, и необходимую имъ для развитія въ дальнѣйшемъ школьнаго дѣла сумму. Само собою разумѣется, что за министерствомъ остается возможность измѣнять испрашиваемое земствомъ пособие въ зависимости отъ расчета, сдѣланнаго министерствомъ, а также отъ имѣющагося въ его распоряженіи кредита даннаго года. Слѣдуетъ къ этому добавить еще, что тѣмъ изъ земствъ, которыя занесутъ въ „Свѣдѣнія и предположенія“ большой расходъ на постройки училищъ, врядъ-ли удастся установить равновѣсіе между приходомъ и расходомъ въ финансовомъ планѣ въ теченіе всего періода осуществленія сѣти. Поэтому для такихъ земствъ удобнѣе было бы въ первые годы испрашивать субсидіи главнымъ образомъ на существующія училища и тѣ изъ новыхъ, открытіе которыхъ не связано съ крупными строительными расходами. Въ послѣдующіе же годы перерасходъ можетъ быть покрытъ за счетъ школьно-строительнаго фонда, въ случаѣ его осуществленія.

На рѣшеніи предложить земствамъ выработать финансовый планъ министерство остановилось по слѣдующимъ соображеніямъ. Возможность открытія училищъ обуславливается для земства чрезвычайно разнообразными факторами: наличностью свободныхъ средствъ, возможностью подыскать соответствующія помещенія или построить новыя зданія, наличностью контингента подготовленныхъ учителей и т. п. Предусмотрѣть всѣ подобныя условія въ центральномъ управленіи не представляется вовсе возможнымъ, между тѣмъ какъ на мѣстахъ они могутъ быть легко учтены. Съ другой стороны, оставляя за собою право измѣнять размѣръ испрашиваемой субсидіи, министерство легко можетъ внести тотъ коррективъ, который установитъ необходимую равномерность и справедливость въ распредѣленіи казенной субсидіи. (При этомъ министерство будетъ имѣть въ виду выясняющіеся изъ „Свѣдѣній и предположеній земства“ разнообразныя условія, въ которыхъ поставлено земство мѣстными экономическими и бытовыми условіями). Наконецъ, если бы нѣкоторыя изъ земствъ затруднились выработкою финансового плана по образцу министерства, то они могли бы замѣнить его другимъ по собственной формѣ или даже ограничиться доставленіемъ „Свѣдѣній и предположеній земства“ съ указаніемъ только цифръ испрашиваемой субсидіи на ближайшіе годы.

Этимъ исчерпываются всѣ тѣ свѣдѣнія отъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія, которыя необходимы министерству для плановнаго назначенія пособій согласно проекту о введеніи всеобщаго обученія.

Какъ выше уже указано, въ министерство народнаго просвѣщенія до послѣдняго времени поступило 158 ходатайствъ земствъ и городскихъ управленій о назначеніи пособій на нужды начальнаго народнаго образованія, стоявшихъ по большей части въ прямой связи съ вопросомъ о введеніи всеобщаго обученія; нѣкоторыя же изъ этихъ земствъ и городовъ возбуждали ходатайства прямо о введеніи у нихъ всеобщаго обученія. Предположенія министерства о введеніи всеобщаго обученія на основахъ выработаннаго имъ законопроекта большинству земствъ были тоже извѣстны въ той или иной мѣрѣ и притомъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ.

Съ своей стороны и министерство, въ цѣляхъ всесторонняго сужденія основныхъ положеній законопроекта, находило весьма полезнымъ, по мѣрѣ того какъ проектъ выработывался имъ, знакомить съ нимъ какъ нѣкоторые органы мѣстнаго самоуправленія въ ихъ цѣломъ, такъ и отдѣльныхъ земскихъ и общественныхъ дѣятелей. Благодаря этому въ ходатайствахъ нѣкоторыхъ земствъ есть прямое

указаніе на отпускъ имъ пособія на начальныя школы на основаніяхъ *выработанныхъ министерствомъ законопроекта о введеніи всеобщаго обученія*; были даже и такія земства, которыя при этихъ своихъ ходатайствахъ приложили школьныя сѣти и планы ихъ осуществленія, разработанныя уже по министерскимъ образцамъ.

При разсмотрѣніи земскихъ ходатайствъ, министерство нашло, что свѣдѣнія и планы, представляемые нѣкоторыми изъ земствъ, даютъ обширныя и подробныя матеріалы, рисующіе общую картину народнаго образованія въ данной мѣстности и планы объ осуществленіи всеобщаго обученія. Однако, на ряду съ такими положительными сторонами работы, оно должно было отмѣтить и нѣкоторыя частичныя несоотвѣтствія между земскою работою и своими предположеніями. Такія несоотвѣтствія основывались, прежде всего и главнымъ образомъ, на недостаточномъ или невѣрномъ знакомствѣ органовъ мѣстнаго самоуправленія съ основными положеніями законопроекта въ ихъ окончательной редакціи, въ каковой законопроектъ, по окончаніи разработки, былъ внесенъ въ государственную думу, а также и съ образцами бланковъ для разработки свѣдѣній, составленныхъ министерствомъ. Но было нѣсколько случаевъ и такихъ несоотвѣтствій, которыя обусловливались нѣсколько неточнымъ пониманіемъ основныхъ положеній. Дѣло въ томъ, что основныя положенія, редакцированныя въ формѣ *законопроекта*, составлены по необходимости въ сжатыхъ опредѣленіяхъ, безъ поясненія тѣхъ терминовъ, которые заимствованы изъ школьно-административной практики. Многіе изъ этихъ терминовъ и опредѣленій не оставляютъ никакого сомнѣнія въ ихъ толкованіи при ближайшемъ знакомствѣ съ объяснительной „Запиской по вопросу о всеобщемъ начальномъ обученіи“, составляющей приложение къ внесенному въ государственную думу законопроекту, а также съ выработанными министерствомъ образцами плановъ и инструкцій. Поэтому тѣ земства, которыя вели работу именно по этимъ образцамъ, по большей части избѣгли ошибокъ; но, во-первыхъ, лишь весьма немногія земства успѣли произвести свою работу по министерскимъ образцамъ, а, во-вторыхъ, упомянутая выше „Записка“ мало извѣстна въ земскихъ кругахъ, такъ какъ она была составлена съ спеціальной цѣлью—для представленія въ государственную думу. Поэтому здѣсь представляется вполнѣ умѣстнымъ въ краткихъ чертахъ освѣтить нѣсколько вопросовъ, вызывающихъ или могущихъ вызывать недоумѣніе при первомъ знакомствѣ съ основными положеніями о введеніи всеобщаго обученія.

Прежде всего возникаетъ вопросъ о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ терминомъ „всеобщее обученіе“. На ряду съ этимъ терминомъ, широко распространеннымъ, является выраженіе „общедоступное обученіе“. Нерѣдко въ школьно-административной практикѣ оба выраженія употребляются, какъ синонимы. Между тѣмъ это далеко не одно и то же, и необходимымъ представляется провести точную границу между этими понятіями. Въ основныхъ положеніяхъ есть опредѣленіе, указывающее объемъ и содержаніе понятія „введенія всеобщаго обученія“. По смыслу законопроекта—это открытіе достаточнаго числа училищъ соотвѣтственно числу дѣтей школьнаго возраста. При установленіи общедоступнаго обученія, училища открываются не по числу дѣтей въ данной мѣстности, а соотвѣтственно установленной потребности въ образованіи. Общедоступность обученія есть, такимъ образомъ, лишь этапъ въ дѣлѣ достиженія всеобщности его. Разъ конечною цѣлью работы, по смыслу законопроекта, поставлено всеобщее обученіе, то и школьная сѣть, какъ основа общаго плана развитія школьнаго дѣла, должна быть разработана въ расчетѣ на достиженіе именно этой конечной цѣли (эта мысль приводится въ инструкціи для заполнения таблицъ школьной сѣти). Если бы школьная сѣть была рассчитана лишь на общедоступность обученія для настоящаго времени, то впоследствии потребовалось бы неминуемо пересоставленіе ея притяжительно ко всеобщему обученію. При этомъ легко могла бы обнаружиться необходимость переноса училищъ изъ одного селенія въ другое, а при невозможности этого, затруднилась бы планомѣрность открытія училищъ. Такое явленіе уже и существуетъ въ настоящее время, какъ это выясняется изъ нѣкоторыхъ земскихъ докладовъ. Училища въ прежніе годы открывались тамъ, гдѣ въ нихъ чувствовалась наибольшая въ данный моментъ потребность. Для нихъ зачастую при этомъ выстраивались собственныя зданія. Въ настоящее время такія училища нерѣдко затрудняютъ выработку школьной сѣти и препятствуютъ систематическому проведенію принципа экономіи и удобства въ открытіи новыхъ училищъ.

При этомъ, однако, слѣдуетъ оговориться, что дѣйствительный спросъ со стороны населенія на школу можетъ и долженъ учитываться во время самого процесса введенія всеобщаго обученія. Удовлетворяться при этомъ онъ долженъ разумно поставленной очередью открытія училищъ и вторыхъ комплектовъ при нихъ по отдѣльнымъ годамъ того періода времени, въ который будетъ осуществляться земскій планъ введенія всеобщаго обученія.

Быть можетъ, для земства представится даже возможнымъ просмотрѣть заранѣе очередь въ открытіи отдѣльныхъ училищъ и вторыхъ комплектовъ по годамъ. Но во всякомъ случаѣ такая работа можетъ интересовать министерство лишь въ томъ отношеніи, чтобы она не противорѣчила основному плану шеольной сѣти, рассчитанной на введеніе всеобщаго обученія.

Вторымъ вопросомъ является, — какъ слѣдуетъ понимать четырехлѣтнюю нормальную продолжительность обученія, о которой говоритъ 3-й пунктъ законопроекта.

Это положеніе имѣетъ характеръ скорѣе принципіальный и къ органамъ мѣстнаго самоуправленія можетъ относиться только въ смыслѣ требованія открытія училищъ для 4-хъ возрастныхъ группъ. Какъ выше уже указано, нормальная продолжительность обученія для окончанія курса начальнаго училища, въ настоящее время въ среднемъ равняется 4-мъ годамъ. Что же касается до вопроса о самой продолжительности курса (т. е. о количествѣ отдѣленій въ училищахъ), то рѣшеніе его зависитъ отъ мѣстныхъ условій и, прежде всего, отъ того факта, будетъ ли данное училище однокласснымъ, т. е. съ однимъ учащимъ, или многокласснымъ съ нѣсколькими учащими. Въ первомъ случаѣ установленіе 4-хъ отдѣленій представляется едва ли возможнымъ. При двухъ же или нѣсколькихъ учителяхъ, министерство признаетъ преимущество за школой съ 4-мя отдѣленіями.

Затѣмъ, нѣкоторые сомнѣнія можетъ возбуждать вопросъ о нормальномъ числѣ учащихся въ начальной школѣ на одного учителя, каковымъ, согласно п. 4 основныхъ положеній, предположено установить 50 дѣтей. Выше уже указано, что такое число является среднимъ для начальныхъ училищъ въ настоящее время. Указаніе на это количество учащихся, приходящихся на 1 учителя, имѣется и въ инструкціи для заполнения таблицъ шеольной сѣти, гдѣ рекомендуется, при опредѣленіи количества учителей въ училищѣ, считать въ среднемъ по 50 дѣтей на каждого учителя. Такое число, однако, является среднимъ или нормальнымъ, но не максимальнымъ, какъ это считали для себя обязательнымъ нѣкоторые изъ земствъ, и не минимальнымъ. При возможности (по экономическому состоянію даннаго уѣзда) установленія того или иного максимума числа дѣтей на 1 учителя, это, конечно, весьма желательно, но принимая во вниманіе стѣсненное положеніе многихъ земствъ, а также то обстоятельство, что не всѣ дѣти, отнесенныя къ данному училищу, будутъ дѣйствительно посѣ-

цать его, министерство считаетъ вполне допустимымъ небольшое увеличеніе въ отдѣльныхъ случаяхъ числа учениковъ сверхъ нормы.

Нѣкотораго поясненія требуетъ также понятіе о нормальномъ радиусѣ школьнаго района, который п. 5 устанавливается въ 3 версты.

При принятіи чисто территоріальнаго принципа въ составленіи школьной сѣти, радиусъ имѣеть нѣсколько иное значеніе, чѣмъ то, которое ему отводится, по предположеніямъ министерства. Въ первомъ случаѣ, въ школьный районъ входитъ территоріальный участокъ въ формѣ круга, радиусъ котораго равняется точно определенной длинѣ и носитъ названіе школьнаго радиуса. Во второмъ же случаѣ при разсмотрѣніи школьнаго района, какъ участка, составляющаго совокупность отдѣльнаго училища и всѣхъ селеній, имъ обслуживаемыхъ, школьный районъ представляетъ изъ себя уже не кругъ, а неправильную фигуру. Геометрическое значеніе понятія радиусъ такимъ образомъ уничтожается. Но, принимая во вниманіе, что въ школьно-административной практикѣ за терминомъ „школьный радиусъ“ установилось еще и другое значеніе, какъ максимальнаго расстоянія отъ школы до селенія, ею обслуживаемаго, министерство признало возможнымъ сохранить этотъ терминъ въ законопроектѣ въ томъ послѣднемъ значеніи его.

Требованіе трехверстнаго школьнаго радиуса, какъ максимальнаго расстоянія отъ школы до обслуживаемаго ею селенія, установлено въ таблицахъ школьной сѣти. Слѣдуетъ, однако, имѣть при этомъ въ виду, что установленіе такого максимальнаго расстоянія не исключаетъ возможности отнесенія къ школѣ селенія, лежащаго отъ него далѣе трехъ верстъ; но это ставитъ непримѣнимымъ условіемъ обезпеченіе дѣтой, проживающихъ въ такомъ отдаленномъ селеніи, пріютомъ-общешитіемъ, или ночлежнымъ пріютомъ при училищѣ или, наконецъ, по меньшей мѣрѣ, организаціею подвоза дѣтей въ школу.

Выраженіе „минимальное вознагражденіе учителей по 360 р.“ вызвало недоразумѣніе. Являлся вопросъ, распространяется ли это требованіе законопроекта на помощниковъ учителей, а также, представлялось неяснымъ, входятъ ли въ понятіе о вознагражденіи квартирные деньги тѣмъ изъ учащихся, которые не пользуются квартирою въ натурѣ.

Министерство полагало, что всякій учащій, имѣющій законное право на преподаваніе въ начальномъ училищѣ и дѣйствительно преподающій въ немъ общепросвѣтительные предметы, долженъ пользоваться равными правами съ остальными учителями и не можетъ

считаться помощникомъ. Поэтому онъ долженъ наравнѣ съ прочими учителями получать не менѣе 360 руб. въ годъ. Что же касается квартиры, то ею въ натурѣ долженъ быть обеспеченъ каждый учащій, а въ случаѣ отсутствія ея, каждый долженъ пользоваться квартирными деньгами.

Наконецъ, не вполне яснымъ можетъ представляться понятіе о „мѣстныхъ средствахъ“, на которые, по п. 9 основныхъ положеній, должны быть отнесены все расходы по содержанию и устройству помѣщеній для училищъ и по увеличенію оцладовъ учащимъ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Министерство противопоставило это понятіе „мѣстныхъ средствъ“, охватывающее всевозможные денежные источники, разнообразныя для разныхъ мѣстностей Имперіи, понятію пособія отъ казны. При примѣненіи этого пункта на практикѣ въ земскихъ губерніяхъ, приходится, однако, считаться съ тѣмъ, какія именно мѣстныя средства могутъ быть использованы въ настоящее время въ земскихъ губерніяхъ и въ какой степени. Средства эти, за ничтожными исключениями, сводятся къ земскимъ ассигнованіямъ и къ отпускамъ, денежнымъ или натурою, крестьянскихъ обществъ.

При существующемъ стѣсненномъ экономическомъ положеніи земствъ, лишь весьма немногія изъ нихъ находятъ возможнымъ увеличивать свои ассигнованія на нужды начального народнаго образованія. Между тѣмъ крестьянскія общества, въ большинствѣ губерній, не только не принимаютъ на себя хозяйственнаго содержанія новыхъ училищъ, но зачастую отказываются въ дальнѣйшемъ нести расходы даже на тѣ училища, по которымъ ранѣе такой расходъ падалъ на крестьянъ. Поэтому одной изъ ближайшихъ задачъ большинства земствъ является принятіе на себя хозяйственнаго содержанія всѣхъ существующихъ училищъ и освобожденіе отъ этой повинности крестьянскихъ обществъ. Единственнымъ источникомъ для этого могутъ служить средства, освобождающіяся у земствъ вслѣдствіе принятія на себя казною расходовъ по содержанию учащаго персонала въ существующихъ училищахъ. По среднимъ нормамъ стоимость хозяйственнаго содержанія училищъ въ разныхъ губерніяхъ (безъ расходовъ на книги и учебныя пособія, которыя ранѣе по большей части оплачивались земствами) значительно ниже расхода на содержаніе учащихся, и освобожденіе земствъ отъ уплаты содержанія учащимъ въ существующихъ училищахъ даетъ имъ средства значительно большія, чѣмъ какія требуются на хозяйственное содержаніе тѣхъ же училищъ. Такимъ образомъ, остатки могутъ быть употребляемы на содержаніе и устройство наем-

ныхъ помѣщеній для новыхъ училищъ. Что касается до строитель-ныхъ нуждъ училищъ, то въ виду крупныхъ затратъ, которыя онѣ вызываютъ, онѣ могутъ быть удовлетворяемы за счетъ этихъ освобождающихся средствъ лишь въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ и притомъ преимущественно тамъ, гдѣ земства предполагаютъ испрашивать пособія въ первые годы, главнымъ образомъ, на существующія училища, откладывая открытіе большей части новыхъ училищъ до времени постройки для нихъ собственныхъ помѣщеній. Такое явленіе имѣетъ мѣсто, главнымъ образомъ, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ подысканіе наемныхъ помѣщеній представляется затруднительнымъ или невозможнымъ. Однако слѣдуетъ имѣть въ виду, что и въ этихъ мѣстностяхъ отсутствіе средствъ на оплату расходовъ по постройкѣ многочисленныхъ и дорого стоящихъ училищъ не задержать, или вѣрнѣе не слишкомъ задержать постепеннаго хода введенія всеобщаго обученія. Дѣло въ томъ, что ни въ одномъ вновь открываемомъ училищѣ нельзя рассчитывать съ первыхъ же годовъ его существованія на полное число учащихся, для которыхъ оно открыто. Поэтому многокомплектныя училища въ первый годъ будутъ открываться въ составѣ лишь одного комплекта, для котораго и постройка дешевле, и подысканіе наемнаго помѣщенія не такъ трудно, особенно если такое помѣщеніе окажется возможнымъ специально приспособить или расширить съ небольшою затратой изъ земскихъ средствъ (такая практика встрѣчается и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ земствахъ). При совершенной невозможности обойтись наемнымъ, хотя бы и приспособленнымъ зданіемъ существуетъ въ земской практикѣ другой путь разрѣшенія вопроса о помѣщеніи для училищъ (напр. Вятское земство),—это долгосрочный наемъ у отдѣльныхъ крестьянъ или у цѣльныхъ крестьянскихъ обществъ по контракту школьныхъ помѣщеній, специально выстраиваемыхъ для этой цѣли по выработанному земствомъ плану. Наконецъ, при невозможности и этого способа, остается послѣднее средство—постепеннаястройка школьныхъ зданій за счетъ освобождающихся у земства средствъ и при одновременныхъ пособіяхъ отъ министерства изъ остатковъ отъ имѣющихся въ его распоряженіи кредитовъ. Эти остатки, какъ уже сказано, получаютъ вслѣдствіе отпуска средствъ по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія съ начала гражданскаго года и фактическаго открытія училищъ съ начала учебнаго года, т. е. съ осени.

Наконецъ, относительно самаго расчета назначасмаго пособія слѣдуетъ имѣть въ виду, что суммы, отпускаемая въ пособіе, должны

быть оправдываемы по существующимъ правиламъ передъ государственнымъ контролемъ, а также, что всѣ учащіе, на которыхъ отпускается пособіе, должны состоять непремѣнными участниками пенсіонной кассы для народныхъ учителей при министерствѣ народнаго просвѣщенія, если только они не будутъ состоять участниками земской эмеритуры или земской пенсіонной кассы.

За разъясненіемъ этихъ вопросовъ, вызывавшихъ сомнѣніе у нѣкоторыхъ земствъ при знакомствѣ ихъ съ основными положеніями законопроекта о введеніи всеобщаго обученія, остальные пункты положеній не вызываютъ никакихъ недоразумѣній.

Ниже приводятся (въ сокращенномъ изложеніи) нѣкоторые примѣры ходатайствъ отдѣльныхъ земствъ и учебно-окружныхъ начальствъ о назначеніи пособія отъ министерства на введеніе всеобщаго обученія, наиболѣе интересныя съ точки зрѣнія разработки плановъ осуществленія этого мѣропріятія, а также и отвѣты министерства объ удовлетвореніи такихъ ходатайствъ.

Ходатайства земствъ и учебно-окружныхъ начальствъ о пособіи на введеніе всеобщаго обученія.

Ходатайство Нижегородскаго уѣднаго земства объ отпускѣ ему пособія отъ министерства народнаго просвѣщенія на введеніе всеобщаго обученія представляетъ тотъ интересъ, что Нижегородскій уѣздъ по состоянію школьнаго дѣла занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ и въ Московскомъ округѣ и во всей Россіи. Изъ ходатайства земства, какъ это подробно выясняется ниже, видно, что само земство считало для себя возможнымъ *введеніе всеобщаго обученія съ перваго же іюда, съ который министерствомъ будетъ отпущено пособіе* на введеніе всеобщаго обученія въ полномъ размѣрѣ, согласно предположительнымъ расчетамъ министерства, которые были извѣстны земству при возбужденіи имъ ходатайства. Подробности этого ходатайства таковы.

Въ началѣ 1906 года въ уѣздѣ было 5 двухклассныхъ училищъ съ 16 учителями, 156 одноклассныхъ земскихъ училищъ съ 191 учителями и 25 церковно-приходскихъ училищъ съ 25 учителями. Расходы на начальныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ это время равнялись 101.848 р.; по источникамъ поступления и по типамъ училищъ эти расходы распределялись слѣдующимъ образомъ.

	Земство.	Касса.
На 1-классныя училища	79.128 р.	7.800 р.
На 2-классныя училища	3.980 „	9.800 „
Всего	83.108 р.	17.640 р.

При такомъ положеніи школьнаго дѣла земствомъ было возбуждено первое ходатайство передъ управленіемъ Московскаго учебнаго округа о назначеніи пособія на введеніе всеобщаго обученія.

Кредиты, имѣвшіеся въ распоряженіи Московскаго округа въ 1907 г. на нужды народнаго образованія, были весьма ограничены. Проектъ министерства о введеніи всеобщаго обученія находился въ это время еще въ стадіи разработкы. Поэтому управленіе округа нашло возможнымъ отпустить на Нижегородскій уѣздъ частичное ежегодное пособіе на содержаніе учащихся въ существующихъ училищахъ и назначить постоянный денежный отпускъ на 10 новыхъ училищъ; всего управленіемъ округа было отпущено 20.900 р. ежегоднаго пособія, при чемъ расчетъ округа по исполнѣи соотвѣтствовалъ тому расчету, который впоследствии легъ въ основу законопроекта о введеніи всеобщаго обученія.

При помощи указаннаго выше пособія Нижегородскому земству, находившемуся въ то время, какъ и большинство другихъ земствъ, въ стѣсненномъ денежномъ положеніи, удалось провести слѣдующія мѣропріятія: установить минимальный окладъ жалованья учащимъ въ 300 рублей въ годъ, освободить сельскія общества отъ хозяйственнаго содержанія училищъ, открыть 18 новыхъ училищъ, изъ которыхъ 10 при пособіи отъ министерства и 8 вполнѣ на свой счетъ, увеличить число учителей на 27 человекъ и удѣлить нѣкоторую сумму на школьное строительство. Такія крупныя затраты не дали возможности Нижегородскому земству осуществить въ томъ же 1907 г. всеобщность обученія. Поэтому земство въ началѣ 1907 г. вновь обратилось съ ходатайствомъ къ министерству о назначеніи ему пособія на введеніе всеобщаго обученія по предположительнымъ расчетамъ министерства и притомъ въ полномъ размѣрѣ. При ходатайствѣ земство представило двѣ школьныя отчеты (идентичныя по содержанію, но одну, разработанную по образцамъ министерства, а другую старую, составленную по собственному плану), школьную карту уѣзда и подробныя свѣдѣнія и предположенія о финансовой сторонѣ дѣла, разработанныя по министерскимъ образцамъ и дополненныя многочисленными данными, составленными по собственному плану. Всѣ эти работы

были произведены при ближайшемъ участіи предсѣдателя уѣздной земской управы г. Астафьева и мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ г. Залипаева.

Изъ всѣхъ матеріаловъ, доставленныхъ земствомъ, вышло, что въ уѣздѣ, вмѣстѣ съ вновь открывшимися училищами, имѣется: 7 двухклассныхъ и 171 одноклассныхъ училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія съ 236 учителями и 25 церковно-приходскихъ школъ съ 25 учителями, а всего 203 училища и 261 учитель. Общее число дѣтей 8—11 лѣтняго возраста опредѣлено въ 14.828 (по „Таблицамъ смѣтнаго исчисленія расходовъ министерства народнаго просвѣщенія на введеніе всеобщаго обученія“ — 13.869 дѣтей). Изъ нихъ въ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія обучалось 8.685 дѣтей или 59%, и въ церковно-приходскихъ школахъ 784 дѣтей или 5%, а всего 9.469 дѣтей или 64%. Общее число дѣтей школьнаго возраста при введеніи всеобщаго обученія предположено распредѣлить между училищами вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и св. синода слѣдующимъ образомъ: къ первымъ должно быть отнесено 13.656 дѣтей (и 19 дѣтей — въ школьныхъ районовъ), а ко вторымъ 1.153 дѣтей. Для обученія всего этого количества дѣтей необходимо открыть 12 новыхъ училищъ (изъ которыхъ 2 двухклассныхъ) съ 14 учителями, и пригласить въ существующія училища 44 новыхъ учителя.

Какъ видно уже изъ наложеннаго, предстоящіе земству новые ежегодные расходы по введенію всеобщаго обученія не очень велики въ сравненіи съ размѣромъ пособія, подлежащаго ему къ назначенію на эту цѣль. По предположеніямъ, утвержденнымъ земскимъ собраніемъ, предстоятъ слѣдующіе новые расходы:

1) На жалованье вновь приглашаемыхъ преподавателей въ существующихъ училищахъ	17.160 р.
2) На прочія хозяйственныя нужды тѣхъ же училищъ . . .	3.300 р.
3) На новыя 12 училищъ	9.700 „
4) Временный расходъ на наемъ помѣщеній для новыхъ и расширяемыхъ училищъ	8.500 „
	<hr/>
Всего	38.760 р.

Кромѣ того, на увеличеніе до нормы въ 60 руб. и 360 руб. содержанія законоучителей и учащихся въ существующихъ училищахъ,

(получающихъ въ настоящее время въ среднемъ 30 руб. в 300 руб.) расходъ равняется приблизительно отъ 15.000 до 18.000 руб.

Значительно болѣе крупныя расходы предстоятъ земству по школьному строительству. По даннымъ 1906 г. изъ 161 училища 106 помѣщались въ собственныхъ зданіяхъ, 31 — въ наемныхъ, 18 — частью въ собственныхъ, частью въ наемныхъ помѣщеніяхъ и 6 — въ частныхъ бесплатныхъ помѣщеніяхъ. Послѣ сдѣланныхъ въ 1906—7 г. ремонтвъ и построекъ, земскимъ собраніемъ признаются необходимыми еще слѣдующія затраты на школьное строительство:

1) На постройку 10 новыхъ одноклассныхъ училищъ	23.100 р.
2) На постройку 2 новыхъ двухклассныхъ училищъ	15.860 „
3) На постройку зданій для 54 существующихъ училищъ	144.780 „
4) На расширеніе, переустройство и ремонтъ существующихъ училищъ	79.000 „
Всего	262.740 р.

При рассмотрѣніи ходатайства Нижегородскаго уѣзднаго земства, министерство народнаго просвѣщенія прежде всего остановилось на томъ соображеніи, что въ Нижегородскомъ уѣздѣ всеобщее обученіе, по призванію самого земства, можетъ быть осуществлено въ первый же годъ назначенія ему въ полномъ размѣрѣ пособія по расчетамъ министерства; дѣйствительно, постоянныя новыя расходы, предстоящія земству по осуществленію этого мѣропріятія, — насколько объ этомъ можно судить по доставленнымъ въ министерство матеріаламъ, — ниже размѣра предстоящаго къ назначенію пособія.

Довольно крупная цифра расхода исчислена земствомъ на строительныя нужды, но изъ нихъ на постройку необходимыхъ для завершенія сѣти одноклассныхъ училищъ нужно лишь 23.000 р.; а съ этимъ расходомъ земство могло бы справиться въ 1—2 года.

Въ виду этого, министерство признало необходимымъ отпустить Нижегородскому земству субсидію на начало введенія всеобщаго обученія въ предѣльномъ размѣрѣ, исчисляемую по числу дѣтей школьнаго возраста, считая по 390 руб. на 50 дѣтей, и притомъ въ возможно скорѣйшее время, насколько это окажется возможнымъ по состоянію средствъ, находящихся въ распоряженіи самого министерства.

Такъ какъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ 14.828 дѣтей школьнаго возраста, то общій размѣръ пособія выразится въ суммѣ 115.830 р.¹⁾; изъ нихъ 8.970 руб. подлежатъ выдачѣ отъ св. синода на вошедшія въ школьную сѣть церковно-приходскія школы, къ которымъ по сѣти относится 1.153 дѣтей, а остальные 106.870 руб. подлежатъ ассигнованію по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Нижегородское земство въ настоящее время, какъ выше указано, получаетъ уже отъ министерства 28.700 руб. постоянного пособія на содержаніе нѣмъ училища, которые подлежатъ зачету. За исключеніемъ этой суммы слѣдуетъ доассигновать 78.170 руб.

Затѣмъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ имѣется 7 двухклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, на содержаніе которыхъ министерство отпускаетъ ежегодно 9.800 руб. (при пособіи отъ земства въ 3.980 руб.). Такъ какъ училища эти включены въ школьную сѣть и на нихъ такимъ образомъ будетъ идти пособіе въ общей суммѣ 78.170 руб., то министерство признало справедливымъ передать содержаніе этихъ училищъ земству на равныхъ съ прочими училищами основаніяхъ и прекратить отпускъ отъ министерства средствъ на ихъ содержаніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе, что изъ суммы 9.800 руб. часть, именно 1.580 руб., имѣютъ спеціальное назначеніе, обусловливаемое самымъ типомъ двухкласснаго училища²⁾, министерство признало, что эта часть пособія (1.580 руб.) не можетъ быть связываема съ вопросомъ о назначеніи пособія на введеніе всеобщаго обученія, и потому признало необходимымъ сохранить ее и на будущее время и отпускать ее, въ интересахъ удобства, земству въ добавленіе къ пособію на введеніе всеобщаго обученія, которое увеличится такимъ образомъ до 79.750 руб. (78.170 р. + 1.580 р.), а считая и прежде получаемую субсидію, до 108.450 руб. въ годъ (79.750 р. + 28.700 р.).

Министерство предполагало въ этомъ размѣрѣ отпустить пособіе Нижегородскому земству въ 1907 г. Однако, ограниченность отпущенныхъ въ его распоряженіе въ этомъ году кредитовъ на нужды начальнаго народнаго образованія, а также поступленіе въ министерство нѣсколькихъ новыхъ вполне обоснованныхъ ходатайствъ отъ другихъ земствъ—заставило министерство причитающуюся по расчетамъ

¹⁾ (14.828 : 50) × 390 за округленіемъ равняется 115.830.

²⁾ 1.580 р. складаются изъ слѣдующихъ суммъ: 630 р. добавочнаго сверхъ принятой для одноклассныхъ училищъ нормы содержанія законоучителямъ, 480 р. за заведываніе училищами и общежитіемъ, 470 р. за обученіе пѣнію и рукодѣлію.

Нижегородскому земству сумму раздѣлить на двѣ части, изъ которыхъ 58.750 р. въ годъ отпустить съ 1907 г. (въ 1907 г. по расчету за остающуюся $\frac{1}{4}$ года), а 21.060 р. (на всѣ новыя училища и школьные комплекты) отложить до второй половины 1908 г. или до одного изъ послѣдующихъ годовъ, когда въ распоряженіи министерства будутъ необходимыя для того средства. Задержавъ отпускъ пособія на новыя училища, министерство тѣмъ самымъ дастъ возможность земству сохранить свои средства, потребныя на хозяйственное содержаніе такихъ новыхъ училищъ и на наемъ для нихъ помѣщеній, и употребить эти деньги цѣликомъ на школьное строительство.

Очередное Нижегородское уѣздное земское собраніе 24-го октября 1907 г., получивъ сообщеніе о назначеніи ему пособія, постановило такое же пособіе принять, а также обязалось, не уменьшая ассигнованій по земской смѣтѣ на начальныя училища, всѣ получающіеся, отъ назначенія ему пособія, остатки употреблять на устройство и оборудованіе училищъ, а также принять на земскія средства всѣ остальные, кромѣ пособія министерства, расходы по содержанію училищъ (въ томъ числѣ и двухклассныхъ). Выѣсть съ тѣмъ земство постановило: учредить особый школьно-строительный капиталъ изъ остатковъ отъ правительственной субсидіи и своихъ ассигнованій, каковой помѣстятъ на текущій счетъ въ государственный банкъ.

Старооскольское уѣздное земство Курской губерніи, является однимъ изъ наиболѣе точно и детально разработавшихъ школьную сѣть по нормамъ и образцамъ, установленнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ¹⁾.

Вопросъ о введеніи всеобщаго обученія поставленъ былъ въ Старооскольскомъ земствѣ уже 12 лѣтъ тому назадъ: Старооскольскою уѣздною земскою управою въ 1898 г. выработана была школьная сѣть, которая затѣмъ и осуществлялась земствомъ при пособіи со стороны министерства народнаго просвѣщенія, благодаря чему въ Старооскольскомъ уѣздѣ, выѣсть съ гор. Старымъ Осколомъ, въ настоящее время состоитъ 115 министерскихъ и земскихъ училищъ, на содержаніе коихъ изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія и земства было израсходовано въ 1906 г. до 80.000 р. Въ настоящее время эта сѣть признается осуществленною, хотя всеобщее обученіе все-таки не до-

¹⁾ Только бланкъ „Свидѣнія и предложенія земства о введеніи всеобщаго обученія въ уѣздѣ“ не былъ составленъ Старооскольскимъ земствомъ и заглавленъ табличками того же содержанія, но другой формы.

стигнуто, такъ какъ, по словамъ Старооскольской управы, „та сѣтъ преслѣдовала не всеобщее обученіе, а обученіе дѣтямъ тѣхъ селеній, гдѣ потребность эта ощущалась болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ“. Когда были выработаны представленныя министерствомъ народнаго просвѣщенія на законодательное утвержденіе государственной думы основныя положенія по введенію всеобщаго обученія въ Россіи, они дали толчекъ и направленіе новымъ работамъ въ этомъ отношеніи какъ Курской губернской земской управы, такъ и Старооскольской уѣздной.

Плодомъ этихъ работъ явился прежде всего большой печатный трудъ справочно-педагогическаго бюро Курскаго губернскаго земства „Школьная сѣтъ по Курской губерніи“ (Курскъ 1906 г., стр. 1—165). Эта школьная сѣтъ построена по нормамъ министерства; дополненіемъ, вытекающимъ уже изъ мѣстныхъ условій, явилась возможность строить школьную сѣтъ на двухверстномъ радіусѣ; затѣмъ изъ существующихъ школъ приняты въ расчетъ всѣ гражданскія школы, а изъ деревенныхъ только тѣ, которыя имѣютъ свои зданія. Необходимо сказать, что по своему географическому положенію Старооскольскій уѣздъ представляетъ собою сравнительно небольшой, густо населенный квадратъ, съ разселеніемъ жителей по большимъ деревнямъ, что само собою содѣйствуетъ устройству многокомплектныхъ школъ и уменьшаетъ радіусъ школьнаго района. Число дѣтей четырехъ школьныхъ возрастовъ всчислялось здѣсь отвлеченнымъ путемъ, а именно, оно принято было равнымъ 10%, какъ это установлено было для Курской губерніи г. Вѣлюковскимъ еще въ 1898 г. Этотъ школьный коэффициентъ затѣмъ былъ проверенъ по переписи 1897 г. При вычисленіи недостающаго количества школъ предварительно устанавливалось, на какое число учащихся годна существующая школа при расчетѣ по 11 куб. аршинъ воздуха и по 2 кв. арш. пола на каждого ученика, по нормамъ, принятымъ Воронежскимъ съѣздомъ врачей. Въ основу списковъ селеній по уѣздамъ здѣсь были положены списки казенной палаты, составленные въ 1906 году, въ которыхъ было обозначено число жителей по окладнымъ листамъ.

Приступая къ детальной разработкѣ сѣти своего уѣзда, Старооскольская уѣздная земская управа въ основу своихъ всчисленій положила уже готовые выводы вышеуказаннаго статистическаго труда. И однако, „чтобы сѣтъ ея представляла изъ себя не простыя ариметическія вычисленія, а данныя, возможно близко соответствующія дѣйствительности“, Старооскольская управа признала необходимыми пред-

принять специальное обследование 22-хъ селеній уѣзда для выясненія количества населенія въ нихъ и дѣтей школьнаго возраста четырехъ возрастныхъ группъ. При сравненіи полученныхъ при этомъ свѣдѣній съ вычисленіями Курскаго губернскаго земства разность оказалась настолько незначительною, что она не могла оказать никакого вліянія на число школьныхъ комплектовъ, почему признано было возможнымъ воспользоваться печатнымъ трудомъ губернскаго земства. Однако, и въ этомъ случаѣ Старооскольская управа признала необходимымъ получить разрѣшеніе собранія, при открытіи въ томъ или иномъ селеніи новой школы и новаго комплекта, предварительно производить въ немъ подсчетъ дѣтей школьнаго возраста, при чемъ земство ходатайствуетъ предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи переносить открытый ему кредитъ съ назначенныхъ по плану школъ на другія въ томъ случаѣ, если бы первыя почему-либо не были открыты.

Все число дѣтей школьнаго возраста четырехъ возрастныхъ группъ, подсчитанное вышеуказаннымъ способомъ, оказалось равнымъ для Старооскольскаго уѣзда, вмѣстѣ съ гор. Старымъ Осколомъ, 16.925 чел. (по министерскимъ „таблицамъ“ оно равно 16.782 чел.). Кромѣ существующихъ 115 министерскихъ, земскихъ училищъ и одного частнаго, въ засѣданіи уѣзднаго училищнаго совѣта, въ коемъ присутствовали и представитель духовнаго вѣдомства, въ школьную сѣть введены 66 существующихъ церковныхъ школъ и школъ грамоты „съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы дальнѣйшее ихъ существованіе было обезпечено и чтобы помѣщенія ихъ, въ случаѣ надобности, были исправлены и расширены до полнаго комплектнаго числа учащихся“.

Для остающихся внѣ школы 6.704-хъ дѣтей школьнаго возраста управа предполагаетъ, при двухверстномъ школьномъ радіусѣ, открыть еще 157 школьныхъ комплектовъ, хотя и при этомъ условіи до 170 дѣтей остаются внѣ школьныхъ районовъ. Воплотивъ предоставляя уѣзднымъ земствамъ открывать новыя школы на какое угодно число учащихся (Старооскольское земство принимаетъ за minimum 20 учениковъ), министерство народнаго просвѣщенія въ своихъ окончательныхъ расчетахъ предполагаетъ удовлетворять пособіемъ уѣзды по числу полныхъ школьныхъ комплектовъ, по 50 учениковъ въ каждомъ. Такимъ образомъ, за исключеніемъ 3.250 учениковъ, отнесенныхъ на введенныя въ сѣть церковно-приходскія школы, на министерствѣ и земскія училища будетъ приходиться всего 13.675 дѣтей школьнаго возраста, почему Старооскольское земство будетъ имѣть право полу-

цѣть при введеніи всеобщаго обученія пособие на содержаніе 274-хъ (а не 302) комплектовъ по 390 р. на каждый, а всего 106.860 р.

Кромѣ школьной сѣти и школьной карты уѣзда, составленной по трехверстному масштабу, Старооскольскою управою составлены и представлены въ министерство подробнѣйшіе и весьма точно составленные финансовыя планы по осуществленію сѣти, съ указаніемъ расходовъ по годамъ, а также соображенія по школьному строителству.

Чтобы составить финансовый планъ, необходимо прежде установить нормы расходовъ какъ на содержаніе училища, такъ и на постройку для него зданія. Нужно впрочемъ замѣтить, что въ Старооскольскомъ земствѣ строительный вопросъ не получилъ окончательнаго рѣшенія, такъ какъ, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени, вопросъ о школьныхъ помѣщеніяхъ въ Старооскольскомъ уѣздѣ довольно удовлетворительно рѣшается посредствомъ аренды подъ школы крестьянскихъ помѣщеній, иногда специально приспособляемыхъ домовладѣльцами на ссуду, выданную изъ земства.

Нормы расходовъ по содержанію училищъ установлены Старооскольскою управою въ слѣдующихъ размѣрахъ (см. табл. на стр. 30).

Слѣдующая таблица показывасть нормы расходовъ на постройку зданій въ Старооскольскомъ земствѣ:

							П Р И М Ѣ Ч А Н І Я.			
Число учащихся.	Число классныхъ комнатъ.	Площадь комнатъ въ квадратныхъ аршинахъ.	Объемъ воздуха въ куб. сажняхъ въ кв. аршинахъ.	На сколько учащихся квартиръ.	Общая площадь всѣхъ половъ въ кв. аршинахъ.	Стоимость постройки.				
1	2	3	4	5	6	7	8			
							Корридоръ. Кухня.		Квартира учителя.	
							Въ квадратныхъ аршинахъ.			
50	1	100	550	1	220	4.200	40	30	50	
100	2	200	1.100	2	390	7.000	40	30	100	
200	4	400	2.200	4	800	15.000	150	50	200	

Число учащихся.	Число учителей.	Ежегодный расходъ на:					В С Е Г О.	Отпуска натурой, если они норм. производятся.	10																																																																						
		Жалованье учителямъ.	Жалованье преподавателямъ.	Книги и учебныя пособия	Хозяйственные и прочіе расходы.	Единообразн. расходы на оборудов. школъ мебели.																																																																									
1	2	3	4	5	6	7	8	9																																																																							
50	1	360	60	50	200	150	820	—	<p>Расходы хозяйственные и на мебель распределяются:</p> <p>а) хозяйственные:</p> <p style="text-align: center;">Школы:</p> <table border="1"> <thead> <tr> <th></th> <th>Одно-классн.-амб.</th> <th>Дву-классн.-амб.</th> <th>Трех-классн.-амб.</th> <th>Четырех-классн.-амб.</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Сторожь.</td> <td>60</td> <td>110</td> <td>140</td> <td>170</td> </tr> <tr> <td>Отопление.</td> <td>75</td> <td>125</td> <td>180</td> <td>230</td> </tr> <tr> <td>Страхование.</td> <td>10</td> <td>20</td> <td>30</td> <td>40</td> </tr> <tr> <td>Разъѣзды . .</td> <td>20</td> <td>30</td> <td>30</td> <td>30</td> </tr> <tr> <td>Мелкій ремонтъ и другіе.</td> <td>25</td> <td>45</td> <td>45</td> <td>50</td> </tr> <tr> <td>Итого.</td> <td>200</td> <td>350</td> <td>450</td> <td>550</td> </tr> </tbody> </table> <p>б) на мебель:</p> <table border="1"> <tbody> <tr> <td>Парты.</td> <td>93</td> <td>182</td> <td>275</td> <td>363</td> </tr> <tr> <td>Шкафы . . .</td> <td>25</td> <td>50</td> <td>75</td> <td>100</td> </tr> <tr> <td>Столъ и стулья.</td> <td>8</td> <td>16</td> <td>24</td> <td>32</td> </tr> <tr> <td>Доски.</td> <td>5</td> <td>10</td> <td>15</td> <td>20</td> </tr> <tr> <td>Часы</td> <td>10</td> <td>10</td> <td>10</td> <td>10</td> </tr> <tr> <td>Прочіе предметы.</td> <td>10</td> <td>12</td> <td>16</td> <td>20</td> </tr> <tr> <td>Итого.</td> <td>150</td> <td>280</td> <td>415</td> <td>545</td> </tr> </tbody> </table>		Одно-классн.-амб.	Дву-классн.-амб.	Трех-классн.-амб.	Четырех-классн.-амб.	Сторожь.	60	110	140	170	Отопление.	75	125	180	230	Страхование.	10	20	30	40	Разъѣзды . .	20	30	30	30	Мелкій ремонтъ и другіе.	25	45	45	50	Итого.	200	350	450	550	Парты.	93	182	275	363	Шкафы . . .	25	50	75	100	Столъ и стулья.	8	16	24	32	Доски.	5	10	15	20	Часы	10	10	10	10	Прочіе предметы.	10	12	16	20	Итого.	150	280	415	545
	Одно-классн.-амб.	Дву-классн.-амб.	Трех-классн.-амб.	Четырех-классн.-амб.																																																																											
Сторожь.	60	110	140	170																																																																											
Отопление.	75	125	180	230																																																																											
Страхование.	10	20	30	40																																																																											
Разъѣзды . .	20	30	30	30																																																																											
Мелкій ремонтъ и другіе.	25	45	45	50																																																																											
Итого.	200	350	450	550																																																																											
Парты.	93	182	275	363																																																																											
Шкафы . . .	25	50	75	100																																																																											
Столъ и стулья.	8	16	24	32																																																																											
Доски.	5	10	15	20																																																																											
Часы	10	10	10	10																																																																											
Прочіе предметы.	10	12	16	20																																																																											
Итого.	150	280	415	545																																																																											
100	2	720	90	100	350	280	1.540	—																																																																							
150	3	1.080	120	150	450	415	2.215	—																																																																							
200	4	1.440	150	200	550	545	2.885	—																																																																							

Выработавъ вышеприведенныя нормы расходовъ и подробную школьную сѣтъ, Старооскольская управа составила вѣдомость съ указаніемъ тѣхъ селеній, въ которыхъ должны быть открыты новыя училища и тѣхъ школъ, которыя должны быть расширены новыми помѣщеніями, въ цѣляхъ введенія всеобщаго обученія, съ распредѣленіемъ ихъ по годамъ. Своденныя въ компактный видъ, эта таблица дастъ такія цифры:

Г О Д А.	1906.	1907.	1908.	1909.	1910.	1911.	1912.	1913.	1914.	1915.	1916.
Всего школъ	111	124	138	149	158	169	178	185	189	191	199
Всего комплектовъ	139	159	177	194	207	222	236	249	261	275	296

Въ болѣе подробной таблицѣ сообщается, сколько комплектовъ въ каждой школѣ будетъ въ каждомъ году, а такъ какъ нормы расходовъ на каждое училище указываются по комплектамъ, то не труднымъ является подвести итоги ежегодныхъ расходовъ на содержаніе училищъ за все время осуществленія школьной сѣти. Такъ, въ 1907 г. предполагается по плану существованіе 93-хъ одноклассныхъ училищъ, 28-ми двухклассныхъ, 2-хъ трехклассныхъ и одного четырехкласснаго, всего такимъ образомъ въ 1907 г. проектируются 124 училища съ 159 комплектами и, кромѣ того, 3 запасныхъ учителя. Всѣхъ учителей будетъ 162, на жалованье которымъ требуется, по 360 руб., 58.320 руб., а такъ какъ земство оставляетъ всѣ установленныя въ настоящее время прогрессивныя прибавки къ жалованью и существующія частныя постановленія о повышенномъ окладѣ, то ему приходится внести въ свою сѣтву, въ дополненіе къ указанной суммѣ, еще 7.901 р. Такъ какъ въ окладахъ законоучителей земство также оставляетъ всѣ существующія прибавки, то на содержаніе 124-хъ законоучителей оно вноситъ 8.490 р. На учебники и учебныя пособія, соотвѣтственно нормамъ, высчитывается на 124 комплекта, по 50 р. на каждый — 8.150 р. и по 10 р. на пополненіе 139 школьныхъ библиотекъ, существовавшихъ въ 1906 г., 1.390 р., а всего 9.540 р. На хозяйственные расходы внесено 29.850 р., на оборудованіе мебелью 4.620 р., на приобрѣтеніе 25 основныхъ учебныхъ библиотекъ 500 руб., на школьное строительство изъ остаточныхъ, за назначеніемъ министерскаго пособия, 7.333 р. 33 коп.

Весь расходъ на школьное дѣло въ 1907 году, при условіи принятія школьной сѣти и финансоваго плана, будетъ составлять 126.554 р. 33 коп. Такимъ же образомъ этотъ расходъ указывается и по всемъ остальнымъ годамъ.

Финансовый планъ Старооскольскаго земства, соответственно образцамъ министерства, раздѣляется на 2 части: въ первой изъ нихъ приводятся данныя, такъ сказать, о status quo положенія дѣла начального народнаго образованія въ уѣздѣ въ годъ введенія всеобщаго обученія, вторая же указываетъ на статьи расхода и прихода на дѣло всеобщаго обученія по годамъ. Приводимые ниже итоги говорятъ о всѣхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, училищахъ, изъ коихъ числятся 4 министерскихъ, 111 земскихъ и 1 частное училище, при чемъ всего въ данныхъ училищахъ состояло 6.917 учащихся и 148 учащихся (кромѣ того во вторыхъ классахъ— 147 учащихся и 6 учащихся). Расходы на содержаніе такого числа училищъ въ 1906 г. распределялись по слѣдующимъ рубрикамъ:

Жалованье учителямъ.		Жалованье законоучи- телямъ.		Книги и учебныя пособія.		Хозяйствен- ные и про- чіе расходы.		Всего на содержаніе школы.		Расходъ на школьное строитель- ство.		Весь рас- ходъ на школьное дѣло.	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
46.997	75	5.290	—	8.531	62	13.810	30	74.629	67	7.626	66	82.256	33

Необходимо сказать, что приведенныя цифры не соответствуют нѣсколько тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя Старооскольская земская управа дала о расходахъ по смѣтѣ 1906 года по бланкамъ министерства для его сводной статистической работы. Какія изъ цифръ вѣрнѣе, покажетъ дальнѣйшая переписка.

Указанный выше расходъ балансировался въ 1906 году приходомъ изъ слѣдующихъ источниковъ (см. табл. на стр. 33).

Вторую часть финансоваго плана, весьма тщательно разработанную Старооскольскою управою, трудно суммировать въ какихъ-либо ито-

гакъ; она приводится полностью въ приложеніи. (См. въ приложеніи табл. VIII).

Въ общемъ видѣ движеніе суммъ на дѣло всеобщаго обученія, если бы весь планъ земства былъ осуществленъ съ перваго года, можно представить въ такой таблицѣ:

Г О Д А.	Р А З М Ѣ Р Ъ								Сумма, освобожденная вслѣдствіе граж- данск. ассигнов. не съ начала гр. года, а съ учебнаго года.	О б щ и й				
	расхода.		прихода.		остатка.		дефицита.			остатковъ.		дефицита.		
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.		Руб.	К.	Руб.	К.	
1907.	126.554	33	140.406	47	13.852	14	—	—	20.578	41	34.428	55	—	—
1908.	139.711	—	144.597	46	4.886	40	—	—	6.276	66	11.168	06	—	—
1909.	152.037	66	152.341	56	303	90	—	—	5.868	33	6.172	23	—	—
1910.	160.522	66	157.689	06	—	—	2.833	60	4.515	—	1.681	40	—	—
1911.	164.741	—	157.324	90	—	—	7.316	10	5.238	33	—	—	2.077	76
1912.	174.306	—	163.149	—	—	—	11.166	10	4.830	—	—	—	6.336	10
1913.	183.066	—	168.557	40	—	—	14.508	60	4.421	66	—	—	10.066	98
1914.	190.921	—	173.547	40	—	—	17.383	60	4.466	66	—	—	12.916	94
1915.	200.361	—	179.432	40	—	—	20.928	60	4.503	33	—	—	16.425	27
1916.	215.711	—	188.339	90	—	—	27.421	10	6.941	66	—	—	20.479	44

Такимъ образомъ, какъ видно изъ приведенной таблицы, Старооскольскому земству, если бы,—повторимъ,—ходатайство его о пріятіи содержанія учительскаго персонала полностью на счетъ казны было удовлетворено съ перваго же года, въ теченіе четырехъ лѣтъ не только не пришлось бы увеличивать своего бюджета на содержаніе школъ, но спонсать нѣкоторые остатки (всего въ суммѣ 53.445 р. 24 к.); къ концу десятилѣтія земская смѣта возросла бы, сравнительно со смѣтою 1906 г., на 20.479 р. 44 к.

Чтобы построить зданія для всѣхъ училищъ соотвѣтственно установленнымъ управою нормамъ, по расчетамъ Старооскольской управы, потребовалось бы въ теченіе 10 лѣтъ затратить до 800.000 рублей. Не имѣя такихъ средствъ, земство въ своемъ финансовомъ планѣ вноситъ на постройку изъ своихъ суммъ только до 100.000 р., какая сумма составляется изъ остатковъ по уѣздной смѣтѣ, въ виду зачисленія предполагаемаго министерскаго пособия (53,445 р.) и изъ специальныхъ ассигнованій на дѣло школьнаго строительства Курскаго губернскаго земства (44.666 р.).

Такъ какъ устройство всѣхъ школьныхъ зданій требовало бы отъ земства затраты, какъ уже было выше сказано, до 800.000 р., то Старооскольское земство сочло необходимымъ ходатайствовать предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія объ ассигнованіи ему на это дѣло безвозвратнаго пособия.

Временно строительный вопросъ рѣшается для Старооскольскаго уѣзда способомъ аренды крестьянскихъ помѣщеній, когда крестьянинъ строитъ зданіе на свои средства по плану управы, при заключеніи контракта о наймѣ этого зданія подъ школу. Не смотря на такія, по словамъ доклада, благоприятныя условія, Старооскольская управа, не останавливаясь на временномъ и во всякомъ случаѣ несовершенномъ способѣ содержанія школъ, представляетъ подробный планъ школьнаго строительства съ перечисленіемъ въ трехъ спискахъ, въ какомъ году для какой школы необходимо построить зданіе, расширить или исправить. Затѣмъ въ особой таблицѣ по годамъ подведены итоги, сколько потребуется на тѣ или нилы работы, при чемъ всего предполагалось въ теченіе 10 лѣтъ построить 69 новыхъ зданій, 41 передѣлать изъ однокомплектныхъ въ двухкомплектныя и 38 зданій расширить и ремонтировать.

Несмотря на точность и опредѣленность всего плана Старооскольскаго земства, министерство народнаго просвѣщенія, по состоянію отпущенныхъ въ его распоряженіе кредитовъ, имѣло возможность назначить на 1907 и 1908 гг. пособие сравнительно въ незначительныхъ размѣрахъ, а именно: въ 1907 году на содержаніе 20 школьныхъ комплектовъ въ новыхъ, открывающихся въ 1907 г. училищахъ, съ 1-го октября этого года—1.950 руб. и кромѣ того 8.000 р. одновременно въ распоряженіе управы на устройство училищъ и съ 1908 г.— на содержаніе 38 вновь открываемыхъ въ 1907 и 1908 гг. училищъ и 5 комплектовъ существующихъ школъ ежегодно по 16.770 р. При этомъ Старооскольское земство обязалось: 1) открыть въ 1907 г.

20 новыхъ школьныхъ комплектовъ и не позднѣе 1-го октября 1908 г. еще 18 школьныхъ комплектовъ; 2) организовать мѣстными средствами доставку дѣтей въ училища изъ тѣхъ хуторовъ и селеній, которые оказались но сѣти внѣ трехверстного школьнаго района; 3) не уменьшать земскихъ ассигнованій на школьное дѣло со времени получения казеннаго пособия; 4) всѣ остатки, получающіеся по земской сѣтѣ за назначеніемъ министерскаго пособия, употреблять на школьное дѣло и 5) доставлять въ министерство ежегодно всѣ матеріалы (журналы собраній, доклады, статистическія работы и т. п.), касающіеся вопросовъ народнаго образованія.

Въ *Крестецкомъ уездѣ Новгородской губерніи* по таблицамъ министерства народнаго просвѣщенія имѣется 10.805 дѣтей школьнаго возраста, по приблизительному же подсчету данныхъ школьной сѣти около 9.300 дѣтей. Имѣется въ настоящее время 5 министерскихъ училищъ, 56 земскихъ, 32 церковно-приходскія школы и 9 частныхъ училищъ, а всего 102 организованныхъ училища, изъ которыхъ лишь 4 двухкомплектныхъ, а остальные всѣ — однокомплектныя. По школьной сѣти проектируется открытіе вновь 64 училищъ и 15 вторыхъ комплектовъ. Добавочный постоянный расходъ по содержанию новыхъ и расширенію старыхъ училищъ выразится по предположеніямъ земства въ 52.412 р.; въ такомъ же размѣрѣ исчислено земствомъ и пособие отъ министерства (52.210 р.). Земство предполагаетъ осуществить всеобщее обученіе въ 3-лѣтній срокъ и притомъ внѣ зависимости отъ разрѣшенія школьно-строительнаго вопроса. Всѣ новыя училища и комплекты будутъ отырываться въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Постройка же собственныхъ помѣщеній для школъ отложена на неопредѣленное время. Такая постановка дѣла оказалась возможной только въ виду наличности въ селеніяхъ уѣзда, благодаря обилію лѣса въ уѣздѣ, частныхъ помѣщеній, могущихъ быть приспособленными подъ училища. При разработкѣ школьной сѣти земству не удалось, вслѣдствіе разрѣженности населенія, избѣжать необходимости оставить нѣкоторыя селенія внѣ школьныхъ районовъ; для дѣтей изъ такихъ селеній проектировано устройство 43-хъ ночлежныхъ приютовъ при школахъ; земство будетъ оплачивать помѣщеніе приютовъ и прислугу для приготовленія пищи, считая по 50 р. въ среднемъ на содержаніе каждаго такого приюта, всего 2.150 р. Расходъ на обзаведеніе каждаго новаго училища мебелью и учебными пособиями исчисленъ въ 120 р. на училище, а всего 9.480 р. одновременно. Постоянный расходъ на каждое новое училище, кромѣ содержанія уча-

пидяхъ, опредѣленъ въ 90 р. (60 р. помѣщеніе и 30 р. учебныя пособия), а на всѣ новыя училища и комплекты—7.110 р. Квартирныя деньги учащимъ во всѣхъ новыхъ училищахъ составятъ 3.792 р., по 48 р. каждому учителю. Наконецъ, проектируется, начиная съ 1908 г., принятіе на себя земствомъ содержанія хозяйственной части существующихъ училищъ, лежащей до тѣхъ поръ на сельскихъ обществахъ; это составитъ около 3.600 р. въ годъ. Такимъ образомъ, весь расходъ на введеніе всеобщаго обученія исчисленъ въ 16.652 р. ежегодно (2.150 р. + 7.110 р. + 3.792 р. + 3.600 р.) и 9.480 р. одновременно. Бюджетъ земства на народное образованіе въ настоящее время равенъ 12,360 р.; пособие отъ министерства достигнетъ 2.000 руб.

Земство предполагать открывать всѣ новыя училища около 1-го сентября каждаго года и испрашивать ассигнованіе субсидій, какъ на новыя, такъ и на существующія училища, входящія въ очередь даннаго года, каждый разъ на $\frac{1}{3}$ года; соотвѣтственно съ этимъ и свое ассигнованіе средствъ на эти новыя училища оно исчисляетъ лишь на $\frac{1}{3}$ года. Субсидія испрашивается земствомъ въ такой послѣдовательности:

- 1) въ 1907 г. на содержаніе учащихся въ теченіе $\frac{1}{3}$ года въ 21 новомъ, 20 существующихъ училищахъ и на 6 вторыхъ комплектовъ;
- 2) въ 1908 г. на содержаніе въ теченіе цѣлаго года указанныхъ въ п. 1 учащихся и въ теченіе $\frac{1}{3}$ года учащихся еще въ 21 новомъ, 20 существующихъ училищахъ и еще на 6 вторыхъ комплектовъ;
- 3) въ 1909 г. на содержаніе въ теченіе цѣлаго года указанныхъ въ п. 2 учащихся и въ теченіе $\frac{1}{3}$ года учащихся въ остальныхъ 22 новыхъ, 16 существующихъ училищахъ и на 7 вторыхъ комплектовъ;
- 4) въ 1910 г. и въ послѣдующіе годы на содержаніе въ теченіе цѣлаго года учащихся во всѣхъ существующихъ 55 училищахъ и 4 вторыхъ комплектахъ и во всѣхъ новыхъ 64 училищахъ и 15 вторыхъ комплектахъ.

Въ соотвѣтственномъ размѣрѣ исчислены пособия министерства, при чемъ нѣтъ ассигнуемая 2.000 р. зачитываются по предположенію земства въ 1908 г.; но зато испрашивается единовременная субсидія въ 9.000 р. на обзаведеніе школъ, по 3.000 р. въ каждый годъ изъ тѣхъ 3-хъ лѣтъ, въ которыя предполагается осуществленіе сѣти.

Финансовый планъ земства въ сокращенномъ видѣ таковъ:

Годъ.	Число новыхъ комплектовъ.	Расходы на новые училища.				Содержаніе 43-хъ ночлежныхъ приютовъ.	Прибыль учащихся въ существующихъ школахъ.	Содержаніе помѣщеній существующихъ школъ.	Всего новаго расхода.	Правительственная субсидія.	Излишекъ или дефицитъ.
		Жалованіе учащихся.	Содержаніе помѣщеній.	Учебныя пособия.	Базарныя деньги.						
1907.	27	1.890	270	—	216	—	—	—	2.376	6.110	+3.734
1908.	64	15.120	2.160	810	1.728	—	2.580	3.600	25.998	22.440	—3.558
1909.	79	26.180	3.740	1.620	2.992	716	2.580	3.600	41.428	40.510	— 918
1910.	79	33.180	4.740	2.370	3.792	2.150	2.580	3.600	52.412	52.210	— 202

Министерство, рассмотрѣвъ ходатайство Крестецкаго земства, признало планъ его объ осуществленіи всеобщаго обученія приемлемымъ и потому имѣло желательнымъ, въ виду относительно небольшихъ размѣровъ испрашиваемой земствомъ субсидіи, отпустить ему пособие, начиная съ 1907 года, именно по этому плану, считая притомъ по 390 р. на каждое однокомплектное училище или каждый второй комплектъ; точно также министерство признало возможнымъ отпускать земству и одновременную субсидію по 3.000 р. въ каждый годъ. Въ виду изложеннаго, министерство, по соглашенію съ земствомъ, признало необходимымъ отпустить ему: 1) въ 1907 г. на содержаніе 21 новаго и 20 существующихъ училищъ и 6 вторыхъ комплектовъ (за 1/2 года)—6.110 р. и одновременно—3.000 р. и 2) въ 1908 г. на содержаніе этихъ училищъ въ теченіе цѣлаго года и на содержаніе еще 21 новаго, 20 существующихъ и 6 вторыхъ комплектовъ въ теченіе 1/2 года—24.440 р. и еще 3.000 р. одновременно.

При полученіи этого пособия Крестецкое земство обязалось: 1) представить министерству необходимыя свидѣнія, еще не доставленныя, и въ частности болѣе подробную школьную карту съ картой, 2) открыть въ соответствующіе сроки всѣ новыя училища, на которыя отпущено пособие, 3) во всѣхъ получающихъ пособие училищахъ установить оклады жалованья: учащему не менѣе 360 р. и завоучителю

не менѣе 60 р. въ годъ, 4) не уменьшать въ будущемъ своего смѣтнаго ассигнованія на начальныя училища, употребляя остатки на устройство помѣщеній и оборудованіе училищъ и 5) принять на себя всѣ хозяйственныя расходы по содержанию училищъ.

Ходатайство *Старорусская уездная земства* представляетъ интересъ по слѣдующимъ соображеніямъ: весь финансовый планъ разработанъ имъ самостоятельно, не по образцамъ министерства, но на почти тождественныхъ съ послѣднимъ основаніяхъ; затѣмъ въ немъ удѣлено довольно широкое мѣсто школьно-строительному дѣлу и наконецъ, для полнаго осуществленія своего плана, земство признало необходимымъ совершить небольшой заемъ, при чемъ въ самый планъ ввело какъ поступленія этого займа, такъ и погашеніе его и уплату процентовъ.

Въ Старорусскомъ уездѣ Новгородской губерніи исчислено земствомъ 18.958 дѣтей школьнаго возраста (по таблицамъ министерства 19.638); имѣется 129 училищъ, изъ нихъ 59 земскихъ, 9 министерскихъ и 61 церковно-приходская школа. Число учащихся (цифра показана вмѣстѣ съ учащимися въ 67 школахъ грамоты)¹⁾ равняется 9.478, т. е. 51% общаго количества дѣтей школьнаго возраста. Для введенія всеобщаго обученія необходимо открыть 110 училищъ и довести общее число учителей до 485 человекъ (изъ нихъ 326 въ земскихъ училищахъ). Общій размѣръ постояннаго расхода на осуществленіе этого мѣропріятія исчисленъ въ 235.950 р., изъ нихъ 160.740 р. на земскія школы. Размѣръ расхода на постройку училищъ (земскихъ—какъ новыхъ, такъ и нѣкоторыхъ существующихъ) равняется 315.000 р. Размѣръ пособій отъ казны на содержаніе учащихся земство исчисляетъ (какъ ниже указано, не вполне точно) въ 127.140 р. Срокъ введенія всеобщаго обученія принять 10-лѣтній.

Такое въ краткихъ словахъ положеніе школьнаго дѣла и планъ введенія всеобщаго обученія въ Старорусскомъ уездѣ.

Школьная сѣть, представленная земствомъ, не даетъ въ готовомъ видѣ нѣкоторыхъ безусловно необходимыхъ данныхъ, напримѣръ, о числѣ дѣтей школьнаго возраста, приписанныхъ къ училищамъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и къ церковно-приходскимъ школамъ въ отдѣльности. Такъ какъ на основаніи этихъ цифръ устанавливается согласно законопроекту предѣльный размѣръ пособія

¹⁾ Однако, школы грамоты въ сѣть не введены и на мѣстахъ ихъ повсюду предполагается открыть новыя организованныя училища.

по сѣтамъ министерства народнаго просвѣщенія и святѣйшаго синода, то первое изъ этихъ пособій и не можетъ быть опредѣлено до пересоставленія школьной сѣти (на что земскимъ собраніемъ уже изъявлено согласіе). Во всякомъ случаѣ, сумма въ 127.140 р., исчисленная земствомъ по дѣйствительному числу учителей, которое будетъ при введеніи всеобщаго обученія во всѣхъ училищахъ вѣдства министерства народнаго просвѣщенія, не многимъ, на сколько можно судить, превосходить ту сумму, которая въ дѣйствительности можетъ быть ассигнована земству. Школьная карта составлена по территориальному принципу, почему значительно затруднялась провѣрка ея; согласно постановленію земскаго собранія, она тоже будетъ передѣлана.

Чрезвычайно подробно и съ серьезнымъ обоснованіемъ разработанъ финансовый планъ земства. Постоянные расходы слагаются изъ слѣдующихъ статей:

1) Содержаніе учителей во всѣхъ училищахъ (существующихъ и проектируемыхъ):

	Учит.	Законоучит.
въ 53 одноклассн. учил.	20.670 р.	1.590 р.
123 двухклассн. учит. .	95.940 „	7.380 „
„ 48 трехклассн. учил.	56.160 „	4.320 „
„ 8 четырехклассн. учил.	12.480 „	960
„ 2 пятиклассн. учил. .	3.900 „	300 „
Всего въ 234 училищахъ	189.150 р.	14.550 р.

Жалованье для учителей предположено по 360 р. каждому, жалованье же законоучителей варьируется отъ 30 р. въ 1-комплектномъ училищѣ (что противорѣчатъ предположеніямъ законопроекта) до 150 р. въ 5-комплектномъ училищѣ.

2) Снабженіе школъ учебными и канцелярскими пособиями и книгами по 80 р. на училище, т. е. въ томъ размѣрѣ, какъ на это ассигнуется и въ настоящее время, всего 18.720 р.

3) На отопленіе, содержаніе (или наемъ) помѣщенія, жалованье сторожу, освѣщеніе и разные мелкіе расходы ¹⁾ по 120 р. на училище, въ томъ же размѣрѣ, какъ это ассигнуется и нынѣ, всего 28.080 р.

¹⁾ Сюда не вошелъ только расходъ на выдачу квартирныхъ денегъ учителямъ по 60 р. въ годъ каждому, не пользующемуся готовою квартирою.

Всего постоянного расхода на введение всеобщаго обученія 235.950 р.

Опредѣливъ общій постоянный расходъ, земство переходитъ въ дальнѣйшихъ своихъ планахъ къ расходамъ по училищамъ, исключительно земскимъ, какъ существующимъ, такъ и проектируемымъ. оставляя открытымъ вопросъ не только о церковно-приходскихъ школахъ, но и о министерскихъ училищахъ. Существующихъ и проектируемыхъ земскихъ училищъ по сѣти исчислено 168; постоянный расходъ на ихъ содержаніе опредѣляется въ 160.740 р., въ томъ числѣ содержаніе учащихся и законоучителей—127.140 р. и хозяйственные расходы 33.600 р.

Единовременный расходъ на постройку школьныхъ зданій для 110 проектируемыхъ и для 24 существующихъ земскихъ училищъ (34 школы уже имѣютъ собственныя зданія) исчислять въ слѣдующемъ размѣрѣ:

На какое число учащихся строится училище.	Стоимость постройки одного зданія.	Число учи- лищъ.	Расходъ, по- требный на по- стройку всѣхъ училищъ.
	Рубли.		Рубли.
До 50	1.500	19	28.500
Отъ 50 до 70	1.800	35	63.000
70 „ 90	2.000	24	48.000
90 „ 120	2.500	23	57.500
„ 120 „ 150	3.000	21	63.000
„ 150 „ 180	4.000	8	32.000
„ 180 „ 200	5.000	1	5.000
„ 200 „ 250	6.000	3	18.000
Всего.	—	134	315.000

Изъ этихъ училищъ требуютъ немедленной (для введенія всеобщаго обученія) постройки 88 школъ, на сумму 230.200 р. Остальныя

зданія предположено построить уже по введеніи всеобщаго обученія, т. е. черезъ 10 лѣтъ.

Такимъ образомъ, земство въ своихъ финансовыхъ планахъ должно было исходить изъ необходимости истратить въ теченіе 10 лѣтъ 230 тысячъ р. одновременными отпусками и довести размѣръ постоянного расхода до 160 тысячъ р. въ годъ.

Источниками доходовъ на это земство предусматривало:

1) Правительственное пособіе, которое въ послѣдній 10-тый годъ должно бы было по ихъ расчетамъ (какъ уже выше сказано, не совсемъ точнымъ) достигнуть 127.140 р., увеличиваясь ежегодно попорну на $\frac{1}{10}$ долю, т. е. на 12.714 р.

2) Земское ассигнованіе; размѣръ его въ 1907 г. опредѣленъ въ 42.461 р. (въ такой приблизительно суммѣ оно и внесено въ земскую смѣту 1907 г.). Такимъ съ легкимъ колебаніемъ это ассигнованіе возрастаетъ до 43.111 р. въ годъ и таковымъ остается до 1917 г., т. е. года завершенія школьной сѣти.

3) Замъ. Размѣръ его опредѣленъ въ 88.600 р. съ распределеніемъ займа на 8 лѣтъ. Уплату по займу земство предполагаетъ начать изъ превышенія дохода на школьное дѣло надъ расходомъ съ 1909 г.; до 1917 г. оно считаетъ возможнымъ покрыть всего 35.900 р.; такимъ образомъ, послѣ 1917 г. за земствомъ останется 52.700 р. долгу; проценты по займу предположено уплачивать изъ того же превышенія дохода надъ расходомъ, какъ и погашеніе долга.

Ниже приводимая таблица въ сокращенномъ видѣ и въ круглыхъ тысячахъ рублей показываетъ финансовый планъ Старорусскаго земства. Кромѣ этой таблицы земствомъ представлены таблицы возрастанія расходовъ по годамъ на каждое отдѣльное училище по разнымъ статьямъ, подробная смѣта расходовъ на содержаніе нормальнаго училища, планъ распределенія построекъ зданій для отдѣльныхъ училищъ по отдѣльнымъ годамъ и обширная объяснительная записка. (См. табл. на стр. 43).

При разсмотрѣніи школьной сѣти и финансоваго плана Старорусскаго земства, министерство остановилось на слѣдующихъ соображеніяхъ:

1) Предѣльный размѣръ пособія долженъ быть опредѣленъ по числу дѣтей школьнаго возраста, которыя при введеніи всеобщаго обученія будутъ посѣщать училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, дѣленному на 50 и умноженному на 390, а не по дѣйствительному числу учителей, которые будутъ въ это время, какъ это сдѣлало земство.

Г О Д А.	П Р И Х О Д Ъ.				Р А С Х О Д Ъ.				
	Отъ земства.	Отъ правительства.	Заслуги.	Всего.	На содержаніе школы.	На постройку школы.	Процентъ по займу.	Уплата долга.	Всего.
1907.	42.000	13.000	—	55.000	48.000	7.000	—	—	55.000
1908.	41.000	25.000	10.000	76.000	56.000	20.000	—	—	76.000
1909.	42.000	38.000	13.000	93.000	65.000	26.000	1.000	1.000	93.000
1910.	43.000	51.000	11.000	105.000	75.000	27.000	1.000	2.000	105.000
1911.	43.000	64.000	12.000	119.000	85.000	29.000	2.000	3.000	119.000
1912.	43.000	76.000	9.000	128.000	96.000	26.000	2.000	4.000	128.000
1913.	43.000	89.000	10.000	142.000	107.000	28.000	2.000	5.000	142.000
1914.	43.000	102.000	7.000	152.000	120.000	25.000	2.000	5.000	152.000
1915.	43.000	115.000	10.000	168.000	135.000	25.000	3.000	5.000	168.000
1916.	43.000	127.000	8.000	178.000	154.000	15.000	3.000	6.000	178.000
1917.	43.000	127.000	—	170.000	159.900	2.000	3.000	6.000	170.000

2) Минимальное жалованье законоучителей равняется 60 р., а не 30 руб.

3) Размѣръ пособія на каждый отдѣльный годъ до введенія всеобщаго обученія приурочивается къ дѣйствительно существующимъ или открываемымъ въ этомъ году училищамъ. Земство же на каждый годъ опредѣляетъ размѣръ пособія механическимъ путемъ, дѣля предѣльный размѣръ пособія на число, равное числу лѣтъ осуществленія проекта, и увеличивая размѣръ пособія на данный годъ на равную долю. Разница въ обоихъ способахъ расчета не только формальная, такъ какъ министерство предполагаетъ, что земство непременно будетъ доводить содержаніе учащихся и законоучителей до нормъ въ 60 р. и 360 р. въ тѣхъ училищахъ, на которыя земство получитъ въ данномъ году пособіе. При расчетѣ же ежегоднаго пособія, сдѣланномъ земствомъ, министерство не будетъ видѣть, на какия училища оно отпускаетъ въ данномъ году пособіе. Къ этому слѣдуетъ

прибавить, однако, что равномерное по годамъ возрастаніе пособія министерство признаеть наиболѣе удобнымъ и правильнымъ.

Первыя два изъ перечисленныхъ несоотвѣтствій финансоваго плана земства съ предположеніями министерства, вытекающими изъ законопроекта, при исправленіи ихъ съ одной стороны нѣсколько уменьшать размѣръ предположеннаго земствомъ казеннаго пособія, а съ другой, на значительную цифру увеличать расходъ, предстоящій земству. Во всякомъ случаѣ, министерство предполагаетъ, что эти измѣненія настолько незначительны, что легко могутъ быть покрыты земствомъ или путемъ увеличенія своего постоянного ассигнованія въ одинъ изъ 10 годовъ осуществленія сѣти, или путемъ небольшого увеличенія размѣра займа, или наконецъ, посредствомъ незначительной задержки школьно-строительнаго дѣла.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что финансовый планъ Старорусскаго земства выгодно отличается отъ многихъ другихъ стройностью, подробностью и практичностью. Послѣ небольшихъ исправленій, явившихся результатомъ того, что земство приступило къ работѣ своего плана въ то время, когда министерскій законопроектъ не вылился еще въ свою окончательную форму, послѣ этихъ *несважельныхъ* измѣненій планъ земства будетъ вполне соответствовать законопроекту, внесенному въ государственную думу.

Не можетъ къ тому служить препятствіемъ и тотъ фактъ, что земство въ числѣ источниковъ дохода указываетъ заемъ. Если предположить, что вопросъ о займѣ получить отрицательное рѣшеніе, отъ этого можетъ обрататься, и то лишь на $\frac{1}{2}$ часть, только школьно-строительная дѣятельность земства. Принимая же во вниманіе то обстоятельство, что земство вовсе не предусматривало возможности увеличенія своихъ собственныхъ ассигнованій на начальные училища въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ, а также то, что этнографическія и бытовые условія въ Новгородской губерніи не ставятъ вопросъ о постройкѣ училищъ, какъ *conditio sine qua non* возможности расширенія школьнаго дѣла,—можно надѣяться, что то или иное рѣшеніе вопроса о займѣ не затормозитъ введенія всеобщаго обученія въ Старорусскомъ уѣздѣ.

Но всѣми этими соображеніямъ министерство признало необходимымъ отпустить Старорусскому земству нѣкоторое пособіе на начальные училища, но, принимая во вниманіе чрезвычайную ограниченность средствъ на нужды начального народнаго образованія, отпущенныхъ министерству по сѣтямъ 1907—1908 гг.,—лишь въ очень не-

большомъ размѣрѣ, отложивъ начало осуществленія финансоваго плана земства до времени болѣе благоприятнаго для отпуска пособій въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Поэтому министерство, по соглашенію съ Старорусскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, ассигновало въ его распоряженіе пособіе на содержаніе учащаго персонала, считая по 390 р. въ годъ на каждое училище: 1) въ 1907 г. на 10 предположенныхъ въ открытію и 6 существующихъ земскихъ училищъ и 2) въ 1908 г. еще на 10 предположенныхъ къ открытію и еще на 6 существующихъ земскихъ училищъ; при этомъ въ 1907 г. по расчету за остающуюся четверть года (октябрь — декабрь), но зато съ добавленіемъ одновременной субсидіи въ 1.000 р., а въ 1908 г. по расчету за цѣлый годъ. Такимъ образомъ Старорусскому земству надлежитъ получить въ 1907 г.—3.160 р. и въ 1908 г.—12.480 р.

При полученіи этого пособія Старорусское земство обязалось:

1) Внести необходимыя измѣненія и поправки въ школьную сѣть, карту и финансовый планъ, представленныя имъ министерству.

2) Открыть въ текущемъ году 10 училищъ и не позднѣе 1-го октября 1908 г. еще 10 училищъ.

3) Установить въ училищахъ, на которыя отпущено пособіе, окладъ жалованья для законоучителя не менѣе 60 р. и для учащаго не менѣе 360 р. въ годъ.

4) Въ послѣдующіе годы не уменьшать общаго размѣра ассигнованій по смѣтѣ 1907 г. на начальныя училища, при чемъ освобождающіяся за назначеніемъ министерствомъ пособія суммы употреблять на устройство помѣщеній и оборудованіе училищъ.

5) Всѣ остальные расходы по содержанію вновь открываемыхъ училищъ принять на себя, а остатки отъ пособія министерства употребить на устройство помѣщеній и оборудованіе училищъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ШКОЛЬНЫЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

ГЛАВА I.

Задачи изслѣдованія и его методы.

Работа наша является результатомъ наблюдений, организованныхъ осенью и зимой 1904—1905 учебнаго года при Петербургскихъ педологическихъ курсахъ съ цѣлью полученія возможно болѣе полныхъ и притомъ фактически обоснованныхъ характеристикъ учащихся. Въ производствѣ наблюдений и постановкѣ экспериментовъ принимали участіе слѣдующія лица: Е. И. Готовъ, П. А. Ксенья, А. Ф. Лазурскій, С. Э. Лихошерстовъ, Л. И. Пальминъ и П. Н. Спирингъ. Окончательная же сводка и обработка полученнаго матеріала, составленіе схемы личности и анализъ сложныхъ проявленій личности (см. ниже) принадлежать автору этой работы.

Цѣль изслѣдованія, какъ уже сказано, состояла въ томъ, чтобы получить полныя, фактически обоснованныя и психологически проанализированныя характеристики мальчиковъ школьнаго возраста. Такія характеристики, какъ мы это сейчасъ увидимъ, могутъ представлять интересъ двоякаго рода: съ одной стороны онѣ имѣютъ самостоятельное значеніе, обрисовывая различныя типы учащихся и помогая уяснить психологическую конструцію каждаго отдѣльнаго типа, съ другой—даютъ богатый матеріалъ для различнаго рода сопоставленій и выводовъ, относящихся къ изученію сложныхъ проявленій личности.

Ближайшею цѣлью науки, изучающей человѣческіе характеры, является въ настоящее время составленіе естественной классификаціи характеровъ, которая опиралась бы съ одной стороны на данныя современной психологіи, а съ другой—на многочисленныя описанія и характеристики, приближающія ее къ жизни и дающія возможность

пользоваться ею въ качествѣ руководства при наблюдѣніяхъ надъ отдѣльными лицами. Существующія классификаціи, иногда очень выдержанныя въ психологическомъ отношеніи, страдаютъ въ большинствѣ случаевъ чрезмѣрной отвлеченностью и схематичностью. Будучи составлены чисто дедуктивнымъ путемъ, онѣ очень мало считаются со всею сложностью живой человѣческой личности и поэтому совершенно не могутъ служить руководствомъ или пособіемъ во время наблюдений надъ живыми людьми. Намъ кажется, что слѣдуетъ попытаться подойти къ той же цѣли нѣсколькими иными путемъ, именно путемъ составленія подробныхъ характеристикъ отдѣльныхъ личностей и послѣдательной ихъ группировки.

Но для того, чтобы эти характеристики не представляли собою безпорядочной груды сырого матеріала (цѣнность котораго въ такихъ случаяхъ была бы болѣе чѣмъ сомнительной), необходимо соблюдать одно очень важное условіе: каждая характеристика должна быть подвергнута детальному психологическому анализу, съ цѣлью опредѣлить преобладающія наклонности даннаго человѣка и способъ ихъ сочетанія, показать, какимъ образомъ комбинаціи преобладающихъ основныхъ наклонностей образуютъ рядъ сложныхъ проявленій, свойственныхъ этому человѣку, однимъ словомъ, — выяснитъ психологическую конструкцію данной личности. Только при этомъ условіи каждая новая характеристика будетъ приближать насъ къ созданію естественной классификаціи характеровъ, давая не только живой конкретный образъ, но также и указывая на тѣ основныя черты, которыми данный образъ отличается отъ другихъ, ему подобныхъ, и которыя позволяютъ помѣстить его въ ту или иную группу.

Подробный психологическій анализъ каждой характеристики можетъ представлять интересъ еще и въ другомъ отношеніи: онъ лишній разъ подчеркиваетъ ту закономерность, которая существуетъ въ строеніи каждой отдѣльной личности, каждаго отдѣльнаго характера. Чѣмъ больше разбираешься въ характеристикѣ любого мальчика (если только характеристика эта составлена достаточно полно и опирается на опредѣленные фактическія данныя), тѣмъ болѣе убѣждаешься въ томъ, что изученіе характеровъ можетъ и должно стать со временемъ точной наукой, не только описывающей, но и объясняющей, пользующейся въ своихъ наблюдѣніяхъ не только полубезсознательнымъ „чутьемъ“ и „знаніемъ жизни“, но также и опредѣленными, проверенными и сознательно примѣняемыми методами. Конечно, для достиженія этой цѣли придется сдѣлать еще очень многое, придется зна-

чительно усовершенствовать какъ приемы наблюденія, такъ и способы анализа полученныхъ результатовъ. Но уже и то, что мы имѣемъ въ настоящее время, позволяетъ надѣяться, что въ концѣ концовъ цѣль будетъ достигнута.

Придавая такое важное значеніе психологическому анализу полученныхъ результатовъ, мы въ то же время всё наши усилія направили на то, чтобы избѣжать другой ошибки, благодаря которой даже подробныя характеристики теряютъ нерѣдко половину своего значенія. Ошибка эта заключается въ томъ, что наблюдатель, отмѣчая у характеризуемаго лица какое-нибудь качество, дѣлаетъ это въ общихъ выраженіяхъ, не приводя ни вышнихъ, конкретныхъ проявленій этого качества, ни тѣхъ фактовъ, на основаніи которыхъ онъ пришелъ къ своему выводу. Отмѣтивши, на примѣръ, что наблюдаемый мальчикъ аккуратенъ, или настойчивъ, или разсѣянъ и невнимателенъ, нерѣдко ограничиваются этимъ и не считаютъ нужнымъ пускаться въ дальнѣйшія поясненія.

Такой способъ составленія характеристикъ мы считаемъ совершенно непригоднымъ для достиженія тѣхъ цѣлей, о которыхъ говорилось выше. Прежде всего, онъ даетъ намъ вмѣсто ясныхъ, конкретныхъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга типовъ и образовъ блѣдныя, полувывлеченныя схемы, такъ что читателю приходится значительно напрягать свое воображеніе, чтобы оживить эти схемы и вложить въ нихъ опредѣленное содержаніе. Благодаря этому теряется то приближеніе науки къ жизни, отвлеченія къ дѣйствительности, безъ котораго, по нашему мнѣнію, невозможенъ прогрессъ науки о характерахъ.

Но есть и другія, болѣе важныя основанія, заставляющія насъ дорожить каждымъ фактомъ, освѣщающимъ какую-нибудь сторону наблюдаемой личности. Всѣмъ извѣстно, какой крайней субъективностью отличается пониманіе психологическихъ терминовъ вообще, а въ особенности такихъ обще-жизельскихъ, полу-научныхъ обозначеній, какъ аккуратность, настойчивость, разсѣянность и т. п. Безъ преувеличенія можно сказать, что каждый понимаетъ ихъ по своему, вкладывая въ нихъ свое особое содержаніе, иногда значительно отличающееся отъ того, что подразумеваютъ подъ этими словами другіе люди. Фактическія данныя въ большинствѣ подобныхъ случаевъ сразу поясняютъ, въ чемъ дѣло, устраняя такимъ образомъ всякія возможныя недоразумѣнія.

Кромѣ того, представляя, хотя бы въ сжатомъ видѣ, тѣ факты, которые привели его къ извѣстнымъ выводамъ и заключеніямъ, авторъ

дасть возможность читателю самому судить о томъ, насколько правы и обоснованы эти выводы. Въ противномъ случаѣ, если вмѣсто фактовъ приведены одни только заключенія, выраженные къ тому же въ общей и категорической формѣ, въ родѣ „повниматели“, „легко поддается внушенію“ и т. п., то читатель долженъ, въ сущности, во всемъ вѣрить автору на слово: какъ бы ни были шатки, неполны и недостаточны тѣ данныя, на основаніи которыхъ сдѣланы извѣстныя обобщенія, все равно, обобщенія эти даются въ одинаково категорической, не допускающей возраженій формѣ. Получается кажущаяся точность и опредѣленность тамъ, гдѣ ея, быть можетъ, вовсе нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

Всѣ эти соображенія заставили насъ, не останавливаясь передъ размѣрами характеристикъ, включить въ нихъ большинство тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыя во время составленія характеристикъ служили матеріаломъ для нашихъ выводовъ и обобщеній.

Цѣлесообразность такого приѣма подтвердилась еще болѣе, когда мы перешли къ послѣдней и вмѣстѣ съ тѣмъ очень важной части нашей работы, именно — къ анализу сложныхъ проявленій личности. Этимъ именемъ мы будемъ называть такія качества, какъ бережливость, любовь къ порядку, разговорчивость и болтливость, любознательство и любознательность, отношеніе къ чтенію, общительность, отношеніе къ своимъ обязанностямъ, отношеніе къ товарищамъ и воспитателямъ, — однимъ словомъ, всѣ тѣ сложныя и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе устойчивыя особенности поведенія и внѣшней жизни наблюдаемыхъ, на которыхъ отражается, съ одной стороны, индивидуальный складъ каждаго изъ нихъ, а съ другой — вліяніе среды, обстановки, условій жизни и т. п. Въ составъ каждаго такого сложнаго проявленія входятъ обыкновенно нѣсколько болѣе элементарныхъ основныхъ склонностей. Эти склонности, отчасти благодаря своему психологическому сродству, а отчасти подъ вліяніемъ постоянного воздѣйствія извѣстныхъ внѣшнихъ условій, прочно сплавляются между собой, образуя стойкое сочетаніе, которое во многихъ случаяхъ является настолько типичнымъ и характернымъ, что одного упоминанія о немъ бывасть уже достаточно, чтобы охарактеризовать съ извѣстной стороны личность даннаго человѣка.

Когда мы приступили къ анализу этихъ проявленій, то оказалось, что описанія и фактическія данныя нашихъ характеристикъ не только не страдаютъ излишней полнотою, но наоборотъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказываются даже недостаточно подробными. Сравнивая между

собою аналогичныя проявленія у разныхъ испытуемыхъ и стараюсь выяснить, отчего зависятъ различія этихъ проявленій и какія элементарныя наклонности лежатъ въ ихъ основѣ, мы убѣждаемся перѣдко, что какой-нибудь незначительный фактъ, казавшійся при составленіи характеристики второстепенной деталью, даетъ совершенно неожиданно новое освѣщеніе вопросу и помогаетъ его уясненію. Вообще, на основаніи своей работы мы пришли къ заключенію, что психологическій анализъ сложныхъ проявленій личности возможенъ только въ томъ случаѣ, если имѣется на лицо рядъ очень полно составленныхъ характеристикъ, служащихъ необходимымъ для анализа матеріаломъ.

Помимо своего теоретическаго интереса, подробно составленныя и психологически проанализированныя характеристики могутъ, какъ намъ кажется, имѣть также и извѣстное практическое значеніе, облегчая наблюденія для тѣхъ, кто еще не приобрѣлъ въ этомъ дѣлѣ достаточнаго навыка. Пока у насъ нѣтъ подробно разработанной и близкой къ жизни классификаціи характеровъ, каждый наблюдатель вынужденъ идти, такъ сказать, ощупью, не зная даже въ общихъ чертахъ, какіе типы могутъ у него получиться и къ чему приведетъ его группировка отрывочныхъ фактовъ и наблюденій. Пользованіе какой-нибудь определенной программой изслѣдованія личности (а такихъ программъ имѣется въ настоящее время уже нѣсколько), конечно, значительно облегчаетъ дѣло, но все же одной только программы недостаточно для успѣшнаго веденія наблюденій. Программа помогаетъ собиранію отдѣльныхъ характерныхъ фактовъ изъ жизни испытуемаго, обращая на нихъ наше вниманіе и способствуя ихъ психологической оцѣнкѣ, но она не можетъ научить тому, какъ слѣдуетъ потомъ скомбинировать эти факты, чтобы получить изъ нихъ цѣльную, закономерно построенную человѣческую личность. Существованіе ряда подробно составленныхъ и детально проанализированныхъ характеристикъ, дающихъ къ тому же самыя разнообразныя типы и разновидности учащихся, можетъ, какъ намъ кажется, служить въ этомъ отношеніи для наблюдателя хорошимъ пособіемъ. Имѣя ихъ постоянно передъ глазами, онъ сравниваетъ съ ними своихъ испытуемыхъ, благодаря чему вся вообще его работа значительно облегчается.

Нѣкоторымъ, быть можетъ, покажется страннымъ то обстоятельство, что мы все время говоримъ о психологическомъ анализѣ личности, совершенно не упоминая о такихъ сторонахъ изслѣдованія, какъ измѣреніе роста, объема груди и формы черепа, описаніе тѣло-

сложенія, состояніе здоровья, мышечной силы и т. п. На это мы можем отвѣтить, что методы физическаго изслѣдованія личности въ настоящее время разработаны уже очень детально, такъ что эта сторона дѣла интересовала насъ лишь постольку, поскольку состояніе здоровья, а также особенности тѣлосложенія и такъ называемаго физиологическаго темперамента могли отразиться на психическомъ складѣ нашихъ испытуемыхъ. Необходимыя съ этой точки зрѣнія данныя будутъ приведены въ нашихъ характеристикахъ.

Наблюденія наши были произведены надъ воспитанниками 2-го Петербургскаго кадетскаго корпуса, въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ. Общее число мальчиковъ, подвергавшихся наблюденію, достигало въ началѣ 18 человекъ, но такъ какъ, въ силу различныхъ побочныхъ обстоятельствъ, не всѣ наблюденія удалось довести до конца, то законченныхъ характеристикъ получилось всего 11. Изъ этихъ 11 мальчиковъ большинство (9 человекъ) находились тогда въ возрастѣ отъ 12 до 13½ лѣтъ, одному было 14 и одному 15 лѣтъ.

Методами изслѣдованія служили экспериментъ и внѣшнее наблюденіе. Описаніе пріемовъ экспериментальнаго изслѣдованія будетъ сдѣлано нами въ соответствующей главѣ, вмѣстѣ съ изложеніемъ полученныхъ этимъ путемъ результатовъ. Здѣсь же мы займемся исключительно методомъ внѣшняго наблюденія, который вообще игралъ преобладающую роль въ нашей работѣ.

Для того, чтобы наблюденія были полными и по возможности объективными, необходимо, какъ намъ кажется, соблюдать слѣдующія три условія: 1) Изслѣдованіе личности производится по опредѣленной, заранее выработанной, подробной программѣ. 2) Для каждаго испытуемаго ведется дневникъ, въ который изо дня въ день записываются всѣ наблюденія и факты, могущіе имѣть значеніе для характеристики его личности. 3) Наблюденія ведутся лицомъ, близко знающимъ даннаго воспитанника и имѣющимъ возможность наблюдать его не только въ классѣ, но также и во внѣклассное время.

Всѣ эти требованія мы старались соблюдать въ нашей работѣ. Наблюденія велись Е. И. Глотовымъ, Н. А. Кенелемъ, С. Э. Лихошерстовымъ и П. Н. Спирингомъ. Будучи воспитателями во 2-мъ корпусѣ, они по своему положенію имѣли возможность наблюдать испытуемыхъ, какъ въ классѣ, такъ и во время рекреаций, прогулокъ, гимнастики, вечернихъ занятій, игръ, обѣда, сна и т. д. Вся жизнь воспитанника въ корпусѣ протекала передъ ихъ глазами.

Кромѣ того, благодаря сношеніямъ съ родственниками, являлась въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможность получать свѣдѣнія относительно прошлаго воспитанника и его пребыванія въ корпусѣ (напр., во время отпуска и каникулъ). Само собою разумѣется, что кадеты не знали о производившихся надъ ними наблюденіяхъ и думали, что все дѣло ограничивается одной только экспериментальной частью работы. Каждый изъ названныхъ пяти участниковъ работы выбралъ себѣ для наблюденій 3—5 воспитанниковъ изъ своего отдѣленія. Опытъ показалъ, что вести одновременно большее количество наблюденій представляется почти невозможнымъ, такъ какъ пришлось бы слишкомъ разбрасываться.

Нѣкоторымъ недостаткомъ нашей работы является, конечно, тотъ фактъ, что матеріалъ собирался четырьмя лицами, изъ которыхъ каждое могло вносить въ свои наблюденія нѣкоторую долю субъективности. Возраженіе это, однако, въ значительной степени устраняется тѣмъ, что для наблюденій выбирались большею частью такіе воспитанники, которыхъ знали (по крайней мѣрѣ, отчасти) также и другіе участники работы. Кромѣ того, полученные результаты подвергались обыкновенно совмѣстному обсужденію, и въ случаѣ какихъ-либо разногласій производились дополнительные наблюденія.

Главнымъ источникомъ для составленія характеристикъ явились, какъ уже сказано, дневникъ, который велся изо дня въ день въ теченіе около полутора мѣсяца (октябрь—ноябрь 1904 года). При веденіи дневника наблюдатели руководились программой изслѣдованія личности А. Ф. Лазурскаго ¹⁾. Каждое проявленіе, могущее характеризовать наблюдаемаго воспитанника съ той или иной стороны, записывалось по возможности подробно, со всѣми сопутствующими обстоятельствами, такъ какъ эти послѣднія имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для анализа и оцѣнки отдѣльныхъ проявленій. Вообще, опытъ показалъ, что тѣ отрывочныя записи, изъ которыхъ составляется весь дневникъ, имѣютъ наиболѣе цѣны въ томъ случаѣ, когда соблюдены слѣдующія требованія:

а) Наблюдатель выбираетъ факты и проявленія (для записи ихъ въ дневникъ) вполне сознательно, т. е., представляя себѣ, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, какую именно сторону душевной жизни можетъ освѣтить данное проявленіе. При этомъ необходимо стано-

¹⁾ Нашечатана въ „Вѣстникѣ Психологич“ за 1904 г. № 9, а также въ сочиненіи того же автора: „Очеркъ науки о характерахъ“.

виться исключительно на психологическую точку зрѣнія, т. е., обращать вниманіе на то, насколько данное качество важно для всего склада личности, а отнюдь не руководиться какими-нибудь посторонними, чисто практическими соображеніями (оцѣнка поступковъ воспитанника съ дисциплинарной, педагогической и тому подобныхъ точекъ зрѣнія).

б) Всѣ записи носятъ по возможности объективный характеръ. Записываются только факты, т. е., поведеніе наблюдаемаго, его рѣчи, поступки, мимика, движенія,—но отнюдь не тѣ выводы, которые дѣлаетъ изъ нихъ наблюдатель. Кромѣ того, если отдѣльныя наблюденія противорѣчатъ другъ другу, то этихъ противорѣчій ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ сглаживать, объяснять и т. п.; они должны выступить передъ читателемъ въ полной своей силѣ.

с) Наряду съ проявленіями необходимо записывать также и тѣ внѣшнія условія (обстоятельства-возбудители), среди которыхъ данное проявленіе было замѣчено. Конечно, всю обстановку описать невозможно, да это и не требуется: главное вниманіе должно быть обращено на тѣ обстоятельства, которые могли способствовать или, наоборотъ, препятствовать данному проявленію,—но за то эти обстоятельства слѣдуетъ описывать по возможности подробнѣе.

На первый взглядъ можетъ показаться, что первое требованіе до нѣкоторой степени противорѣчитъ второму: наблюдатель, съ одной стороны, долженъ записывать факты и только факты, а съ другой—онъ обязанъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, какое именно качество обнаруживается въ описываемомъ имъ проявленіи, т. е., иначе говоря, обязанъ уже въ моментъ записи истолковать это проявленіе, объяснить его себѣ такъ или иначе. Однако, противорѣчіе это—только кажущееся, и данныя требованія представляютъ собой, въ сущности, тѣ же самыя правила, которыми руководствуется всякій опытный клиницистъ при изслѣдованіи и описаніи своихъ больныхъ. Распрашивая больного, такой врачъ отмѣчаетъ только тѣ заявленія этого послѣдняго, которыя могутъ способствовать выясненію болѣзни, указывая на существованіе какихъ-либо болѣзненныхъ симптомовъ. Точно такъ же поступаетъ онъ и при осмотрѣ больного. Но за то все, на что онъ обратилъ вниманіе, описывается имъ какъ можно точнѣе и обстоятельнѣе, хотя бы отдѣльныя подробности и не соответствовали его диагнозу. Закончивши изложеніе фактовъ, онъ даетъ свое собственное резюме, въ которомъ можетъ пускаться въ какія угодно разсужденія и теоріи,—но при описаніи онъ строго объекти-

вень. Читая хорошо составленную исторію болѣзни, встрѣчаешь въ ней только одни факты,—и тѣмъ не менѣе, сквозь эти факты уже сквозить, такъ сказать, діагнозъ, такъ какъ нѣтъ ничего ненужнаго, лишняго. Наоборотъ, въ плохой исторіи половину фактовъ приходится выбросить, какъ ничего не говорящихъ, а изъ оставшейся половины очень многіе описаны неточно, будучи явно подогнаны подъ заражѣе составленный діагнозъ. Всѣ эти соображенія должны, какъ намъ кажется, имѣть важное значеніе также и при составленіи характеристикъ.

Какъ уже сказано выше, систематическая запись шизо дня въ день велась въ теченіе около 1½ мѣсяца. Послѣ этого веденіе дневника было прекращено, и только отъ времени до времени записывались какіе-нибудь выдающіеся факты, особенно ярко освѣщающіе ту или иную сторону душевной жизни наблюдаемаго лица. Весною 1905 г. было приступлено къ составленію *дополнительныхъ свѣдѣній*. Такъ какъ эта часть матеріала также имѣетъ для составленія характеристикъ очень важное значеніе, то мы и о ней скажемъ здѣсь нѣсколько словъ.

При составленіи дополнительныхъ свѣдѣній поступали слѣдующимъ образомъ. Наблюдатель, руководствуясь программой, о которой говорилось выше, старался припомнить всѣ тѣ извѣстные ему случаи изъ жизни воспитанника, которые въ какомъ-либо отношеніи представлялись характерными для этого послѣдняго. Припоминаніе производилось въ порядкѣ программы: сначала разбирались отдѣлы воспріятій и ощущеній, затѣмъ память, ассоціаціи и т. д.

Такимъ образомъ, дополнительные свѣдѣнія отличались отъ дневника тѣмъ, что, во-первыхъ, факты записывались здѣсь не непосредственно, а по воспоминаніямъ, во-вторыхъ,—самая запись велась не въ порядкѣ хронологической послѣдовательности, а въ порядкѣ, указанномъ программой. Далѣе, тотъ періодъ времени, изъ котораго приходилось выбирать отдѣльные факты, не былъ здѣсь такъ ограниченъ, какъ при веденіи дневника; наблюдатель долженъ былъ только указывать, къ какому возрасту воспитанника относится воспроизведенное имъ проявленіе. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь мы старались придать дополнительнымъ свѣдѣніямъ необходимую степень полноты и объективности. Записывались по возможности только фактическія данныя, и притомъ такія, относительно которыхъ наблюдатель былъ увѣренъ, что память его не обманываетъ. Наряду съ проявленіями отмѣчались и сопутствующія обстоятельства. Бывали случаи, когда, записывая какое-нибудь проявленіе, наблюдатель не могъ опредѣлить точно,

когда именно и при какихъ обстоятельствахъ онъ его наблюдалъ, но за то твердо помнилъ, что наблюдалъ его неоднократно. Здѣсь уже самая повторяемость явленія (независимо отъ обстоятельствъ) указывала на значительную степень развитія данного качества.—Итакъ, дополнительные свѣдѣнія представляютъ изъ себя все еще матеріалъ, а не выводы,—факты, а не заключенія.

Для иллюстраціи всего вышеназложеннаго, мы приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ, какъ изъ дневника, такъ и изъ дополнительныхъ свѣдѣній. Каждая отдѣльная запись изъ дневника будетъ сопровождаться указаніемъ на то, какимъ именно особенностямъ душевной жизни соответствуетъ, на нашъ взглядъ, данное проявленіе, а также ссылкой на соответствующіе параграфы нашей программы (см. выше). Конечно, матеріалъ, собранный нами, не можетъ считаться вполнѣ совершеннымъ ни въ смыслѣ объективности, ни въ смыслѣ полноты отдѣльныхъ записей. Но не слѣдуетъ забывать, что наша работа является, сколько намъ извѣстно, первой въ этомъ родѣ. Тѣ требованія, которыя были перечислены выше, вырабатывались постепенно, отчасти еще до начала работы, а отчасти и во время самаго производства наблюденій, по мѣрѣ того, какъ накопившійся опытъ освѣщаль передъ нами различныя стороны этого труднаго и сложнаго дѣла. Дальнѣйшія усовершенствованія метода представляются, разумѣется, не только возможными, но и необходимыми. Тѣмъ не менѣе, и въ томъ видѣ, какъ мы его примѣняли, методъ этотъ доставилъ намъ много интересныхъ данныхъ.

Выдержки изъ дневника.

„Вслѣдъ за наложеннымъ высканіемъ (не особенно значительнымъ) усилленно начинаетъ просить прощенія. Кожа надъ бровями наливаются кровью, на глазахъ появляются слезы, но не надолго: скоро забываетъ и опять веселъ (хотя наказаніе и не отмѣнено). (Возбудимость чувствованій, ихъ неустойчивость. XIV, 61, 63).

На воспитательскомъ чтеніи сидитъ очень внимательно, весь отдается разсказу и отъ удовольствія громко вскрикиваетъ: „молодецъ!“ „Такъ ему и надо!“ и т. п.; при этомъ не всегда разбирается въ сути всего разсказа, а останавливается на отдѣльныхъ его моментахъ, особенно для него интересныхъ. (Интересъ, пассивное вниманіе. X, 49; IV, 17).

Во время завтрака и обѣда положительно набрасывается на подаваемые блюда и, несмотря на свой маленькій ростъ и небольшіе годы,

ѣлъ, какъ взрослый, много и съ большою поспѣшностью, предлагая товарищамъ отдать пирожное за котлету. Передъ тѣмъ завтракалъ въ свое время вмѣстѣ съ другими. (Пизшія органическія чувства. XI, 50).

Увлекся игрою въ перышки до того, что на зовъ не сразу отвѣчалъ. (Сосредоточ. пассивн. вним. IV, 16).

Начинаеть увлекаться игрой въ шахматы, за игрой ничего не слышитъ, весь погруженъ въ нее. (Сосредоточ. пассивнаго вниманія IV, 16).

Во время воспитательскаго чтенія рѣшалъ шахматную задачу и въ то же время старался не пропускать сути читаемаго; время отъ времени вставлялъ вопросы, но видно было, что голова занята не тѣмъ. (Объемъ вниманія. IV, 19).

Къ казеннымъ вещамъ относится небрежно: вырѣзалъ фамилію на столѣ, бросалъ грязной губкой и замазалъ стѣну, платье чистить рѣдко, а сапоги только по приказанію. (Отношеніе къ обязанностямъ. XIII, 59).

Не можетъ сидѣть, какъ всѣ сидятъ: то подождетъ ноги подъ себя, то ихъ согнетъ въ колѣняхъ и упретъ въ столъ, а то и на столъ влѣзетъ. (Обиліе двигат. импульсовъ. XV, 66)^а.

Само собою разумѣется, что на основаніи одного какого-нибудь факта или одного наблюденія мы еще не считали себя въ правѣ заключать, что соответствующее качество развито у наблюдаемаго въ значительной степени. Выводъ этотъ дѣлался нами только въ томъ случаѣ, если одно и то же проявленіе (или рядъ однородныхъ проявленій) наблюдалось нами у даннаго мальчика неоднократно, въ различныхъ формахъ и при различныхъ обстоятельствахъ.

Дополнительныя оцѣдки (отрывокъ).

I. Ощущенія. Воспріятія. Музыкальный слухъ сильно развитъ: легко схватываетъ мотивъ и передаетъ его на рояли съ достаточной точностью. Слышанный маршъ подобралъ на рояли безъ труда. (Острота воспріятій, качеств. сторона. I, 1).

Наблюдательность сказывается въ мелочахъ, какъ, напримѣръ, въ подражаніи или копированіи — и часто удачномъ — старшихъ и товарищей; подмѣчаетъ ихъ жесты, движенія, говоръ и вообще внѣшнія особенности. (Богатство воспріятій. I, 2).

II. Память. Безъ труда выучиваетъ слова иностранныхъ языковъ. Слова, выученныя въ началѣ года, въ большинствѣ отвѣтъ прѣ-

вильно безъ повтореній въ апрѣлѣ. (Запоминаніе, сохраненіе въ памяти. II, 4, 5).

Во время воспитательскихъ чтеній легко вспоминалъ при каждомъ новомъ чтеніи то мѣсто (страницу или же послѣднія слова), гдѣ чтеніе было прервано. (Сохран. въ пам. II, 5).

Развитіе музыкальной памяти подтверждается легкимъ воспроизведеніемъ слышаннаго, а также знаніемъ многихъ вещей наизусть. Въ сравненіи со сверстниками, занимающимися музыкой, выдѣляется своею музыкальною памятью, что постоянно подтверждаетъ учитель музыки. (Типъ воспроизведенныхъ представленій. II, 10).

III. Ассоціаціи. Пережитыя впечатлѣнія возникаютъ у него быстро, когда онъ попадаетъ въ аналогичную обстановку. Тогда онъ идетъ на разговоръ легко и въ выборѣ темъ разговора находчивъ: отъ случаевъ кадетской жизни переходитъ къ жизни брата на войнѣ, вспоминаетъ о братѣ, свободно говоритъ о семьѣ и времяпрепровожденіи дома и т. д. Если его ничто не отвлекаетъ болѣе интересное, то разговоръ можетъ поддерживать долго, — хоть цѣлый часъ. (Обиліе ассоціацій. III, 12).

IV. Вниманіе. Въ интересное для него занятіе онъ уходитъ весь, и чтобы вывести его изъ него и привлечь вниманіе, требуется настойчивое повтореніе. Такъ, напримѣръ, увлекшись игрой въ шахматы, онъ только послѣ нѣсколькихъ окликовъ по фамилии обращается съ вопросомъ: „что?“ (Сила сосредоточенія вниманія. IV, 16).

Во время классныхъ или другихъ занятій отвлекается отъ дѣла всѣмъ, что бы ни случилось около него: ломовой проѣхалъ, солдаты прошли и т. д. (Пассивное вниманіе. IV, 17).

При большомъ интересѣ (напр., при чтеніи вслухъ разсказа „Питеръ Марицъ“ въ 500 съ лишнимъ страницъ) въ теченіе нѣсколькихъ дней слушалъ чтеніе съ выдающимся вниманіемъ отъ начала до конца. (Устойчивость пассивнаго вниманія. IV, 18).

Послѣ того какъ собраніе матеріала было закончено, мы приступили къ составленію характеристикъ.

Опытъ показалъ, что составленіе характеристикъ, если его разсматривать со стороны чисто внѣшней, такъ сказать, технической, можетъ производиться двумя способами. Первый изъ нихъ состоитъ въ томъ, что составляется подробнѣйшая сводка всѣхъ фактическихъ данныхъ, включая сюда какъ дневникъ, такъ и дополнительныя свидѣнія. Сводка эта производится въ известной послѣдовательности, напримѣръ, въ порядкѣ той программы, на которую мы уже

осмыслились выше. Благодаря сопоставленію данныхъ, полученныхъ въ разное время и при помощи различныхъ методовъ, здѣсь могутъ обнаружиться случайныя ошибки, допущенныя при собираніи матеріала, а также выясниться, какіе именно факты и проявленія повторяются особенно часто и, слѣдовательно, являются особенно важными для характеристики даннаго субъекта. Когда же такая обстоятельная сводка закончена, остается сдѣлать только заключительное (обыкновенно довольно короткое) резюме, въ которомъ оцѣнивается сравнительная важность различныхъ сторонъ изучаемаго характера и устанавливается между ними связь, основанная на данныхъ психологій и отчасти физиологій.

Другой способъ заключается въ томъ, что изслѣдователь уже заранее, изучая матеріалы, относящіеся къ данной личности, составилъ себѣ общее представленіе о ея внутренней конструкціи, о ея главныхъ особенностяхъ. Поэтому, приступая къ составленію подробной сводки всего матеріала, онъ не придерживается порядка программы, а сразу же выдвигаетъ тѣ черты, которыя, по его мнѣнію, являются въ данномъ случаѣ наиболѣе характерными, подкрѣпляя свои выводы всѣми фактами, имѣющимися въ его распоряженіи. Получается, такимъ образомъ, сразу же полная, связанная и законченная характеристика, въ которой всѣ разрозненные факты приведены въ одно цѣлое и которая въ то же время представляетъ изъ себя не блѣдную, отвлеченную схему, а живой, конкретный портретъ данной личности. Этотъ второй способъ труднѣе перваго, но даетъ болѣе яркія, такъ сказать, болѣе красивыя характеристики. Само собою разумѣется, что какой бы изъ этихъ двухъ способовъ мы ни примѣняли, всѣ наши выводы и заключенія непрѣмѣнно должны опираться на вполне опредѣленные фактическія данныя, а отнюдь не основываться на какихъ-либо догадкахъ или на общемъ впечатлѣніи, которое всегда отличается значительной долей субъективности.

Оба названныхъ способа можно соединить вмѣстѣ. Сначала дѣлается подробная сводка факческаго матеріала и короткое заключительное резюме,—какъ это было изложено въ первомъ приѣмѣ. Затѣмъ это резюме подробно разрабатывается и въ него включаются всѣ тѣ фактическия данныя, которыя имѣются въ сводкѣ матеріала. Такимъ образомъ, сама собой получится та связанная и вмѣстѣ съ тѣмъ фактически обоснованная характеристика, о которой мы говорили при изложеніи второго приѣма. Именно такимъ образомъ поступали мы при разработкѣ полученныхъ нами данныхъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній приступимъ къ изложению самихъ характеристикъ.

ГЛАВА II.

Характеристики.

Приводимыя здѣсь 11 характеристикъ расположены нами въ известной послѣдовательности. Вначалѣ идутъ мальчики, по своей природѣ болѣе одаренные или выдѣляющіеся въ какомъ-нибудь другомъ отношеніи (Антоновичъ, Борисовъ, Валницкій, Грузининъ, Дмитренко), подъ конецъ же—натуры болѣе бѣдныя и узкія (Павловскій, Робертсъ, Федотовъ). Надо сказать, впрочемъ, что послѣдовательность эта является очень и очень приблизительной и принята нами лишь въ цѣляхъ большаго удобства при чтеніи характеристикъ. На самомъ же дѣлѣ разнообразіе типовъ и сложность каждой отдѣльной личности далеко не позволяютъ расположить ихъ по одной нисходящей линіи. Такъ, напримѣръ, Антоновичъ и Борисовъ по своему характеру не только не сходны съ Валницкимъ и Грузининымъ, но даже прямо имъ противоположны. Ивановъ и Федотовъ, не будучи особенно одаренными или настойчивыми въ своихъ дѣйствіяхъ, тѣмъ не менѣе, представляютъ собой личности, въ своемъ родѣ чрезвычайно типичныя и интересныя.

Что касается обозначенія мальчиковъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, то вначалѣ мы хотѣли пользоваться для этого начальными буквами ихъ фамилій. Однако опытъ показалъ, что въ дальнѣйшемъ изложеніи, особенно при анализѣ сложныхъ проявленій личности, когда чуть не на каждомъ шагѣ приходится упоминать названія отдѣльныхъ мальчиковъ и съ каждымъ такимъ названіемъ соединять представленіе о всей его характеристикѣ, подобное обозначеніе является крайне неудобнымъ. Поэтому мы рѣшили замѣнить настоящія фамиліи вымышленными, при чемъ для большаго удобства при справкахъ начальныя буквы этихъ вымышленныхъ фамилій по своей послѣдовательности соотвѣтствуютъ порядку расположенія самихъ характеристикъ.

1. Антоновичъ, 2 класса, 12 лѣтъ.

Небольшого роста, слабаго тѣлосложенія, довольно слабаго здоровья. Мускулатура развита плохо, хотя въ движеніяхъ не отстаетъ отъ сверстниковъ-товарищей. Очень блѣдный, свѣтлые волосы, без-

пвѣтные глаза. Ходить съежившись, особенно по утрамъ, говорить, что руки въ плечахъ зябнуть. Стараются уклониться отъ прогулки на воздухъ, что объясняется, быть можетъ, слабостью груди и боязнью простудиться. Лѣвшя. Страдаетъ физическимъ недостаткомъ (*epigastis postigna*). Мать его больна чахоткой. Семейныя условія сложились также неблагопріятно: родители не живутъ вмѣстѣ; рано былъ лишенъ родительской ласки и отданъ въ школу Бѣлаго Креста.

Въ характерѣ этого мальчика умственная жизнь и умственные интересы занимаютъ, несомнѣнно, преобладающее мѣсто, отгнѣсія на второй планъ все остальное. Онъ очень любитъ чтеніе, читаетъ много и прочитанное записываетъ. Данную ему книгу „1001 ночь“ прочелъ очень быстро; читаетъ книгу во время рапорта, при входѣ воспитателя въ классъ. Увлекается романами Жюль Верна, Майнъ-Рида и тому подобными; изъ отпуска принесъ двѣ книги для чтенія: одну объ австралийцахъ, другую объ индѣйцахъ. Однако, этимъ кругъ его интересовъ далеко не исчерпывается. Онъ очень охотно читаетъ серьезныя книги: по естественной исторіи, физикѣ, исторіи, географіи; серьезно и по собственной охотѣ изучаетъ физику, хотя она и не входитъ въ программу 2-го класса. Съ большимъ интересомъ разсматриваетъ новыя препараты и модели по естественной исторіи. Очень любитъ рѣшать всякія задачи, загадки и т. п.; быстро выучивши уроки, предлагалъ воспитателю отгадать загадку, а затѣмъ углубился въ рѣшеніе какой-то сложной (не арифметической) задачи. Интересуется также и общественными событіями, въ данное время—войной съ Японіей; собираетъ рисунки, относящіеся къ войнѣ, слѣдитъ за военными событіями. Ждетъ, когда дежурный воспитатель пошлетъ за вечерними телеграммами, и проситъ дать ему для прочтенія. Всѣ эти факты указываютъ на значительное развитіе у Антоновича *интеллектуальнаго чувства*, серьезныхъ умственныхъ интересовъ. Наоборотъ, любопытство, *интересъ къ новому* у него почти отсутствуютъ. Малкія новости кадетской жизни (появленіе новаго воспитателя, проѣздъ пожарныхъ) мало его привлекаютъ: всѣ бѣгутъ смотрѣть, а Антоновичъ сидитъ на своемъ мѣстѣ.

Изъ тѣсной связи со всѣмъ только что описаннымъ находится необычайно сильное развитіе у Антоновича наклонностей, относящихся къ дѣятельности мышленія и воображенія. Охотно занимаясь математикой, онъ однако не любитъ заучивать арифметическія правила, рѣшать шаблонныя численныя примѣры, предпочитаетъ трудныя задачи, требующія работы и напряженія мысли. Изучивши по своей охотѣ и

вполнѣ самостоятельно механизмъ Сегнерова колеса, объясняетъ очень отчетливо и послѣдовательно его устройство и причину его дѣйствія (наклонность къ составленію сужденій, способность къ умозаключеніямъ).

Но особенно значительно развита въ немъ дѣятельность *комбинирующая воображеніи*, проявляющаяся въ двухъ разныхъ направленіяхъ: во-первыхъ, въ придумываніи и разработкѣ различныхъ проектовъ технического характера, во-вторыхъ—въ сочинительствѣ (писаніе стиховъ, повѣстей и т. п.). Узнавъ изъ физики какое-нибудь новое явленіе, старается тотчасъ примѣнить его къ устройству задуманнаго имъ прибора, наиримѣръ, гидравлическаго просса или своеобразнаго „стрѣльчатаго телеграфа“. Одно время былъ занятъ составленіемъ проекта корабля, который бы могъ летать, ѣздить по землѣ и плавать по водѣ. Составилъ для этого корабля цѣлый реестръ необходимыхъ вещей; самъ онъ долженъ былъ быть капитаномъ корабля. Въ другой разъ во время утреннихъ занятій попросилъ разрѣшенія заниматься постороннимъ дѣломъ. Оказалось, что онъ работаетъ (и уже довольно давно) надъ устройствомъ очень сложной игры въ русско-японскую войну. Идея игры чужая, но устройство требуетъ обдуманности; углубился въ обдумываніе того, какъ лучше расположить въ укрѣпленіяхъ гарнизоны: 800 человекъ пѣхоты, 200—кавалеріи и 200—артиллеріи. Сдалъ воспитателю тетрадь, въ которой всѣ листы были разрисованы чертежами крѣпостей, относящимися къ этой игрѣ. Интересно, что всѣ свои изобрѣтенія онъ не пытается осуществить на практикѣ, ограничиваясь однимъ только чертежами; тѣмъ не менѣе, работаетъ надъ чертежами настолько усердно, что отъ товарищей получалъ прозвище „изобрѣтателя“.

По способности къ сочиненію стиховъ занимаетъ въ классѣ первое мѣсто, при чемъ содержаніе стихотвореній свидѣтельствуетъ о значительномъ *богатствѣ* и *яркости* его воображенія. Однажды по предложенію воспитателя тутъ же, въ классѣ, эспромптомъ, не задумываясь буквально ни одной минуты, написалъ довольно удачное стихотвореніе изъ кадетской жизни.

Вотъ одинъ изъ образчиковъ его поэзіи:

Желаніе.

О, какъ хотѣлъ бы я учиться
Въ то царство, гдѣ печали нѣтъ,

И съ нимъ во вѣкъ не разставаться
 И жить, пока живетъ весь свѣтъ.
 Гдѣ тишь и гдѣ одна отрада,
 Гдѣ жиръ, покой и тишина,
 Гдѣ нѣту слезъ, гдѣ нѣту ада,
 Гдѣ вѣчно радость и мечта.
 О, какъ хотѣлъ бы я умчаться
 Туда хотя бы вѣтеркомъ
 И посмотрѣть, полюбоваться
 Хотя однимъ, однимъ глазкомъ.
 Но нѣтъ! Судьба невозвратна
 И я ея простой слуга....
 Ее молю.... не колебна
 Она стоитъ, молчитъ она.

Стихи пишетъ охотно, во всякое время. Такъ, однажды во время вечернихъ занятій, не приготовивъ уроковъ, писалъ стихотвореніе о Московскомъ кремлѣ ночью. Въ своихъ стихахъ очень отзывчивъ къ событіямъ текущей общественной жизни, въ данный моментъ, когда всѣ заняты русско-японской войной, пишетъ стихи на военные событія. Для улучшенія своего стиха въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ работалъ надъ подборіемъ рیمъ, записывая ихъ въ тетрадку въ известномъ порядкѣ (*умственная работоспособность*).

Не ограничиваясь стихотвореніями, пишетъ также романы и издаетъ журналъ. Въ данное время увлекается чтеніемъ Майкъ-Рида и Купера и подъ вліяніемъ ихъ пишетъ романъ въ трехъ частяхъ изъ индѣйской жизни. Сюжетъ выдуманъ имъ самимъ, а обстановка и характеръ дѣйствующихъ лицъ, нравы и обычай индѣйцевъ навѣяны прочитаннымъ; прямого позаимствованія нѣтъ нигдѣ, а всюду замѣтна скорѣе самостоятельная переработка того матеріала, который онъ въ изобиліи усвоилъ изъ прочитаннаго. Въ классич.хъ поросказахъ, какъ и въ романахъ, нерѣдко дополняютъ прочитанное своими собственными образами; напримѣръ, въ пересказѣ „Утоленника“ Пушкина вставилъ: „дневное свѣтло уже давно скрылось за горизонтомъ“. При этомъ обыкновенно можетъ точно указать тѣ мѣста, которыя онъ вставлялъ отъ себя.

Въ бесѣдахъ съ товарищами онъ бываетъ остроуменъ, его шутки и остроты отличаются мѣткостью. Занимается также рисованіемъ, но особыхъ способностей въ этомъ отношеніи не обнаруживаетъ. На вечернихъ занятіяхъ рисовалъ вѣнеты, какъ для фотографій; подобно другимъ товарищамъ приобрѣлъ себѣ краски, однако рисуетъ немного и неважно.

Что касается остальных проявлений умственной жизни, то в этом отношении Антонович стоит если не выше, то во всяком случае и не ниже большинства своих товарищей. Он наблюдатель, в особенности по отношению к тем предметам и явлениям, которые его интересуют: при описании физических приборов или рисунков, относящихся к естественной истории, не упускает из виду ни малейшей подробности (*обилие восприятий*). Если захочет, то может выучить уроки быстро и хорошо. В физике и геометрии легко схватывает общую схему чертежа. Прослушав в классе стихотворение „Утопленник“, которого раньше не знал, передал его содержание своими словами подробно и точно (способность запоминания). В разговор перьдко вспоминает: „это я читал, эту картинку я помню“ и т. п. (способность *улавливать*). Уроки учить всегда про себя.

Ассоциации обильны и разнообразны. С воспитателями он, правда, говорит мало, отвечает односложно; за то с товарищами разговаривая, охотно дѣлается впечатлѣниями и может подолгу оживленно разговаривать, например, о прочитанных книгах, о показанных опытах. Речь свободная, без всяких задержек и запинок (*легкость сочетания словесных образов*). Говорит громко (быть может, вследствие слабости груди?), отрывисто, дѣлая пониженіе в концѣ каждой фразы. Несмотря на то, что фразы отрывисты, между ними все же существует известная связь, такъ что в концѣ концов получается одно общее дѣло. В разговорѣ не разбрасывается, а придерживается известной темы (*преобладание внутренних ассоциаций, наличность направляющих идей в умственной сфере*).

Вниманіе Антоновича можетъ быть очень *сосредоточеннымъ*, но только по отношению къ темъ объектамъ, которые его интересуютъ. Когда онъ читаетъ книгу, изучаетъ физику или рѣшаетъ сложную арифметическую задачу, то приходится окликнуть его нѣсколько разъ, чтобы заставить обернуться. При рапортѣ дежурнаго по классу только привстаетъ, но не прекращаетъ своего занятія; несмотря на неоднократность замѣчанія, не можетъ оставить этой привычки. В связи съ такой сосредоточенностью вниманія находится также и его значительная *работоспособность*. Любимымъ предметомъ можетъ заниматься 2—3 часа подрядъ, не выказывая особыхъ признаковъ утомленія. Надъ проектомъ воздушно-водяного корабля работалъ долго и терпѣливо, вычерчивалъ, составляя подробную смѣту. Наоборотъ, надъ неинтереснымъ дѣломъ (какимъ представляется для него большинство уроковъ) совершенно не можетъ сосредоточиться: разговариваетъ о

постороннемъ, возится, а при настоячивомъ требованіи сердится и плачетъ (неспособность къ *активному сжиманію*). Благодаря этому, его учебныя занятія сильно страдаютъ. Правда, иногда въ дневникѣ встрѣчаются указанія на то, что онъ занимался прилежнѣе и дольше обыкновеннаго, переписывалъ тетрадь русскаго языка, которую обыкновенно ведетъ крайне небрежно, и т. п. Однако, такія отгѣтныя являюся скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ. Въ общемъ же занимается лѣнливо, къ учебнымъ занятіямъ относится поверхностно, торопится, хватаетъ верхушки и поэтому плохо сохраняетъ ихъ въ памяти.

Что касается чувствованій, то нѣкоторые высшія идейныя чувства достигаютъ у Антоновича значительной степени развитія, однако, далеко не всѣ. О высокомъ уровнѣ интеллектуальнаго чувства уже говорилось выше. Не менѣе сильнымъ представляется также *эстетическое чувство*, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ литературнымъ произведеніямъ. Однажды въ классѣ производились занятія художественнымъ чтеніемъ. Ученики по очереди читали вслухъ передъ всѣмъ классомъ, при чемъ каждому предоставлялось выбрать себѣ вещь для чтенія, нужно было только указать, почему онъ выбралъ то, а не иное произведеніе; выработка манеры чтенія также предоставлена была самимъ читающимъ. По окончаніи чтенія слѣдовало обсужденіе всѣмъ классомъ. Антоновичъ очень заинтересовался этими занятіями, съ нетерпѣніемъ ждалъ ихъ и принималъ въ нихъ живое участіе. Замѣчанія его по поводу чтенія другихъ были большею частью правильны; для своего чтенія всегда выбиралъ вещи художественныя какъ по замыслу, такъ и по исполненію. Собственныя его стихотворенія также свидѣтельствуютъ о значительномъ развитіи у него художественнаго чувства, которое, вѣроятно, находитъ себѣ поддержку въ сильно развитой дѣятельности воображенія (см. выше).

Интересно, что наряду съ такимъ развитіемъ художественнаго чувства у Антоновича наблюдается крайняя неряшливость и неопрятность по отношенію къ своимъ вещамъ и своей одеждѣ: на утреннемъ осмотрѣ часто приходится отсылать его чистить сапоги или пуговицы, въ партѣ всегда царитъ страшный безпорядокъ.

Подставныя привязанности и чувство симпатіи выражено у Антоновича довольно слабо. Болѣзнь матери его не беспокоитъ, онъ ей почти никогда не пишетъ. Съ братомъ своимъ, который воспитывается въ 1 классѣ того же корпуса, рѣдко видится, не гуляетъ и не играетъ, хотя говоритъ, что друженъ; свой романъ изъ индѣйской жизни по-

святѣль брату. Съ товарищами живеть довольно дружно, лишь изрѣдка осорится изъ-за ихъ насмѣшекъ. Однако, особенной дружбы ни съ кѣмъ не водеть; сходится лишь съ тѣми, которые, какъ и онъ, любятъ писать стихи или думать объ изобрѣтеніяхъ,—и то бывають вмѣстѣ только тогда, когда заняты общимъ дѣломъ. Слѣдовательно, общеніе здѣсь устанавливается не въ силу личной симпатіи, а скорѣе на почвѣ общихъ идейныхъ интересовъ. По отношенію къ старшимъ вѣжливъ, но будучи раздраженъ, дѣлается грубымъ; такъ, однажды позволялъ себѣ неприличную брань и обидныя прозвища по адресу воспитателя, неправильно (по его мнѣнію) посадившаго его подъ арестъ.

Значительно большей степени развитія достигаетъ у Антоновича тотъ разрядъ соціальныхъ чувствованій, въ которомъ идѣйные, сознательные элементы выступаютъ болѣе рѣзко, именно — чувства *общественныя* въ узкомъ смыслѣ этого слова. Чувство товарищества, какъ его понимаютъ школьники, сознание своихъ обязанностей по отношенію къ классу (и, отчасти, къ обществу) развито у него очень значительно. Когда классъ принимаетъ какое-нибудь рѣшеніе, напримѣръ, не сознаваться въ проступкѣ, не разговаривать съ провинившимся товарищемъ и т. п., то Антоновичъ охотно подчиняется общему рѣшенію, не разбирая его по существу. Одинъ воспитанникъ пожаловался на товарищѣй, побившихъ его; въ наказаніе за это классъ рѣшилъ съ нимъ не разговаривать. Рѣшеніе это вызвало протесты со стороны нѣкоторыхъ, находившихъ его несправедливымъ; что же касается Антоновича, то онъ безпрекословно подчинился мнѣнію большинства. При разборѣ дѣла, когда замѣшаны другіе воспитанники, проявляетъ крайнюю осторожность и иногда, не зная цѣли вопроса, или упорно молчать, или ссылается на то, что забылъ. Не допустить, чтобы изъ за него пострадали невинные. Такъ, однажды, обливши товарища квасомъ, сначала заперался въ своемъ проступкѣ и сознался лишь тогда, когда было сказано, что залишутъ нѣсколькихъ рядомъ сидѣвшихъ. Когда предпринимается какое-нибудь общее дѣло, Антоновичъ охотно въ немъ принимаетъ участіе. На лотерею въ пользу раненыхъ не пожалѣлъ пожертвовать почти новыя коньки. За журналъ, издаваемый имъ, а также за книги, которыя онъ даетъ для прочтенія товарищамъ, беретъ плату сахаромъ, при чемъ сахаръ предназначается для отправки на театръ военныхъ дѣйствій.

Надо сказать, однако, что такое внимательное отношеніе къ товарищескимъ обязанностямъ и интересъ ко всякому общему дѣлу

несколько не мѣшаетъ Антоновичу быть въ своемъ обхожденіи довольно замкнутымъ и *необщительнымъ*. Онъ очень рѣдко принимаетъ участіе въ общихъ играхъ; обычно предпочитаетъ сидѣть одинъ, читая или работая надъ изобрѣтеніемъ какой-либо машины. Когда въ корпусѣ былъ базаръ, то Антоновичъ ушелъ въ отпускъ передъ самымъ началомъ базара, тогда какъ другіе нарочно не пошли въ отпускъ, чтобы накупить всякой ненужной мелочи. Впрочемъ, съ товарищами онъ все же бываетъ иногда разговорчивъ, особенно при обсужденіи тѣхъ вопросовъ, которые его интересуютъ (см. выше), а также нрѣдка принимаетъ участіе въ ихъ играхъ; такъ, однажды, во время вечернихъ зачатій игралъ съ товарищами и оживленно, сильно жестикуюля, разговаривалъ о чемъ-то постороннемъ. За то съ воспитателемъ почти никогда не разговариваетъ о постороннемъ. Вообще, въ разговорахъ со старшими кратокъ, отвѣчаетъ односложно, почти всегда потупивъ голову; такъ же кратокъ и въ своихъ разъясненіяхъ по поводу устроенной имъ игры. Не любитъ шутокъ и фамильярностей. Однажды, когда воспитанники выходили изъ класса, воспитатель сталъ у дверей и шути выставлалъ ихъ за плечи; шутилъ эта никого не обидѣла, только Антоновичъ поморщился.

О *кравственномъ чувствѣ* и нравственныхъ воззрѣніяхъ Антоновича трудно судить, отчасти вслѣдствіе ого замкнутости и необщительности, а отчасти и потому, что школьная мораль и школьныя требованія, повидимому, не вполне совпадаютъ съ тѣмъ, что онъ считаетъ для себя обязательнымъ (см., напр., выше—о чувствѣ товарищества). Къ своимъ обязанностямъ воспитанника относится довольно небрежно, часто забываетъ отданныя приказанія или замрещенія. Получивъ изъ русскаго языка двойку, объясняетъ, что совершенно неожиданно для себя забылъ посмотреть, что было задано, общается въ другой разъ быть внимательнѣе. *Религіозное чувство*, насколько оно, по крайней мѣрѣ, проявляется въ извѣстныхъ обрядностяхъ, повидимому, слабо развито. Въ церкви и на молитвѣ стоитъ безучастно, видимо тяготится церковной службой; замѣченъ не разъ въ разговорѣ въ церкви, во время богослуженія.

Не тщеславенъ,—своими стихотвореніями не хвастается и вслухъ ихъ не читаетъ. Зато насмѣшки товарищей по поводу его недостатка (см. въ началѣ характеристики) сильно на него дѣйствуютъ. Очень обижаетъ также Антоновича прозвище „изобрѣтатель“, данное ему товарищами; не разъ изъ-за этого плакалъ и въ концѣ концовъ даже пересталъ работать надъ изобрѣтеніемъ приборовъ (*самолобіе*). *Низ-*

ная *органическія чувства* развиты умеренно. Ысть не много, только свою порцію, тогда какъ другіе стараются вымѣнить лишнюю. Спать крепко. Проявленій полового влеченія еще не замѣчалось.

Настроеніе большою частью ровное и спокойное, особенно сильной радости или горя не замѣчалось. Удовольствіе выражаетъ улыбкой, при неудовольствіи сильно морщится и иногда плачетъ. Припоминаетъ что-нибудь трудное, особенно изъ уроковъ, также сильно морщится (*отмѣненія проявленія чувствованій*). Больше другихъ аффектовъ развита склонность къ *раздраженію и мнѣю*, проявляющаяся неоднократно, и иногда съ очень значительной силой. Отказъ въ какой-нибудь просьбѣ, особенно въ просьбѣ заниматься постороннимъ во время занятій, сильно его раздражаетъ, иногда заставляетъ горько плакать. Когда воспитатель сдѣлалъ замѣчаніе за то, что своими загадками отвлекаетъ товарищей отъ занятій, на лицѣ его выразилось неудовольствіе. Получивъ выговоръ съ наложеніемъ наказанія за то, что при входѣ воспитателя опять продолжалъ читать свои записки, поморщился и сдѣлалъ недовольную физиономію, однако скоро успокоился. Плакалъ, когда ему сдѣлано было замѣчаніе, что послѣ прибавки балла за поведеніе сталъ вести себя хуже. Вообще, почти каждое замѣчаніе вызываетъ въ немъ раздраженіе: хмурится, опускаетъ голову, бросаетъ сердитые взгляды. Однако, раздраженіе большею частью длится не долго. Когда воспитатель отобралъ у него всѣ записки и книжечки, онъ сильно плакалъ, говоря, что никогда ему этого не простить; на другой день очень покойно давалъ объясненія по этому поводу и былъ доволенъ, что ему все вернули (*непродолжительность чувствованій*). Впрочемъ, въ другой разъ, разсердившись на товарища, который смѣялся надъ его недостаткомъ, побилъ его день спустя послѣ того, какъ тотъ смѣялся. Вообще, насмѣшки товарищей сильно его раздражаютъ и сердятъ; онъ или бранится съ обидчиками, или—хотя и очень рѣдко—дорется. Въ большинствѣ случаевъ обида выражается слезами.

Волевые процессы Антоновича характеризуются способностью къ довольно значительному напряженію *положительнаго волевого усилія*, но исключительно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ руководитъ какое-нибудь непосредственное желаніе или непосредственный интересъ. Мы уже видѣли, что будучи совершенно неспособенъ къ активному сосредоточенію вниманія, онъ въ то же время можетъ долго работать надъ дѣломъ, которое его интересуетъ. При этомъ неохотно обращается къ чужой помощи, а какъ бы ни были трудны возникаю-

ице вопросы, старается самъ дойти до ихъ рѣшенія (*продолжительность волевого усилія, самостоятельность*). И въ то же время онъ почти совершенно не въ состоянн владѣть собою, сдерживать свои желанія тамъ, гдѣ это требуется обстоятельствами. Такъ, хотя насмѣшки товарищей по поводу его недостатка сильно его сердятъ, однако не принимаютъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы умнѣшить этотъ недостатокъ; наоборотъ, за чаемъ старается потихоньку выпить полную чашку (*неспособность къ психической задержкѣ*).

Еще одна небольшая особенность, вытекающая, повидимому, изъ нѣкотораго упорства, въ связи съ самолюбіемъ и замкнутостью характера: когда въ порывѣ раздраженія наговорить старшему грубостей, то хотя потомъ, успокоившись, и сознаетъ свою вину, однако по своему личному почину никогда не проситъ извиненія.

Такъ какъ интересы Антоновича направлены преимущественно въ сторону отвлеченныхъ, чисто теоретическихъ плановъ, задачъ и построеній, то въ практической жизни, а также по отношенію къ своимъ обязанностямъ онъ отличается отсутствіемъ предусмотрительности (*обсужденіе мотивовъ*) и неспособностью къ аккуратной, *систематической дѣятельности*. Будучи дежурнымъ по классу, онъ забылъ объ этомъ и не вынесъ съ рашпортомъ при входѣ въ классъ воспитателя. Выданныя ему тетради рветъ по милосердію: это оттого, что наряду съ учебнымъ матеріаломъ заноситъ въ нихъ также стихи, чертежи машинъ, рожки, а такъ какъ въ такомъ видѣ подавать нельзя, то потомъ вырываетъ ихъ; чтобы не рвать казенныя тетради, покупаетъ свои, но это несколько не улучшаетъ дѣла. Столъ въ полномъ безпорядкѣ, въ немъ онъ хранитъ массу всякой дряни; разъ было приказано ему убрать столъ, выбросивъ все ненужное, — и это наполнило весь, довольно большой мусорный ящикъ въ классѣ. По отношенію къ деньгамъ въ теченіе всего года былъ бережливъ, велъ запись и хотя имѣлъ ихъ довольно много, все-таки не тратилъ на пустяки. Въ концѣ же года, отпущенный за покупкой корзины (хотѣлъ вѣхать къ матери) съ однимъ рублемъ, накупилъ ненужныхъ вещей: никуда негодный микроскопъ, пистолетъ и пистоны, — хотя и зналъ, что въ корпусѣ стрѣлять нельзя. Когда приказали пистолетъ вернуть въ магазинъ и взять что-нибудь другое, обвинялъ на тетради и карандаши.

Со стороны двигательной сферы Антоновичъ не представляетъ чего-нибудь особенно характернаго. *Движенія его быстры, но дѣлается мало*; больше сидитъ на мѣстѣ; по корридолу не гуляетъ, а лишь пробѣгаетъ черезъ него, когда нужно за чѣмъ-нибудь выйти изъ

класса. При разговорѣ (серьезномъ или пустомъ — все равно) замѣчается усиленная игра личныхъ мускуловъ: морщится, щурится, дѣлаетъ движенія головы. Когда же приготовляетъ уроки или изучаетъ какіе-либо чертежи, то сидитъ спокойно, молча и сосредоточенно рассматривая подробности чертежа, не шевелитъ при этомъ губами, не дѣлаетъ движеній руками. Гимнастику любитъ и дѣлаетъ ищурно, танцы же ему не особенно нравятся: вернувшись изъ лазарета (куда былъ отправленъ вслѣдствіе носового кровотечения), просилъ освободить его отъ танцевъ и съелъ играть съ Федотовымъ въ солдатки. Въ играхъ сравнительно ловокъ, но скоро устаетъ, повидимому, вслѣдствіе слабости груди. При игрѣ въ мячъ, а также метаніи шасталиномъ въ классную доску отличается мѣткостью, хорошо попадаетъ въ цѣль (*координаціи сложныхъ движеній*); метаніе очень любитъ и увлекается имъ.

Резюме. При довольно слабомъ физическомъ здоровьи рѣзкое преобладаніе умственной жизни и умственныхъ интересовъ. Богатое воображеніе, способность къ творчеству. Хорошо развитое для его возраста мышленіе. Умственная работоспособность. Умренное развитіе нравственныхъ и социальныхъ чувствованій. Довольно слабая воля, отсутствіе расчетливости. Больше теоретикъ, чѣмъ практикъ.

2. Ворисовъ, 4 класса, 14 лѣтъ.

Сынъ артиллерійскаго офицера, въ октябрѣ 1904 г. умершаго во Владивостокѣ отъ кровоизліянія въ мозгу. Отецъ его былъ умѣренной и трезвой жизни, умеръ лѣтъ 36. Мать такихъ же лѣтъ, живетъ въ Петербургѣ, очень развитая, умная и образованная женщина съ нѣсколько расшатанной нервной системой, много занималась и занимается умственнымъ трудомъ; три года тому назадъ у ней были симптомы сильной истеріи, боялся, чтобы это не перешло на сына, хотя въ прошломъ признаковъ такой наследственной передачи она въ сынѣ не замѣчала.

Мальчикъ средняго роста, довольно хорошаго тѣлосложенія, худощавый, сухой, съ узкой грудью; годъ 2 — 3 назадъ былъ упорный кашель. Сильный брюнетъ съ блестящими черными глазами и нѣсколько блѣднымъ цвѣтомъ лица. Движенія иногда вялы, иногда же рѣзки и порывисты. Находится какъ разъ въ періодѣ полового созрѣванія и въ настоящее время (начиная съ января 1905 г.) физически (мышцы, общее питаніе) значительно окрепъ.

Дома былъ не лишень разумнаго воспитанія. Его считали не пѣлтамъ развитымъ въ умственномъ отношеніи (называли за глаза гениемъ), не стѣснялись разговорами о серьезныхъ вещахъ въ его присутствіи, широко давали читать книги, такъ что онъ явился въ корпусъ уже съ достаточно развитой рѣчью и большимъ запасомъ словъ. Въ семьѣ вообще господствовали идейныя тенденціи, и наряду съ этимъ не стѣсняли его досуга, пользуясь которымъ онъ часто бѣгалъ съ уличными мальчишками, нерѣдко заимствуя отъ нихъ разныя угловатая привычки, съ которыми и явился въ корпусъ.

Въ характерѣ этого мальчика обращаютъ на себя вниманіе двѣ одинаково важныя особенности, до нѣкоторой степени между собой связанныя: во-первыхъ, значительное развитіе аффективной жизни, вліяющей на всю его душевную дѣятельность; во-вторыхъ, хорошія умственныя способности, направленныя преимущественно на усвоеніе и передачу живыхъ, конкретныхъ впечатлѣній окружающей дѣятельности. Такъ какъ еще въ дѣтствѣ раннее умственное развитіе Борисова обращало на себя вниманіе окружающихъ, то мы и начнемъ съ описанія его умственной сферы.

Хорошая память. Легко и быстро заучиваетъ даже длинныя стихотворенія и прозаическіе отрывки (*способность запоминанія*); прочитанное вслухъ одинъ только разъ, незнакомое ему четырехстишіе средней трудности, Некрасовскаго стиля тотчасъ же повторилъ безъ ошибки, остановившись только на послѣднемъ словѣ. Различныя игры усваиваетъ быстро, приемы игръ запоминаетъ легко. Знаетъ наизусть много стихотвореній, особенно шаржей, пародій, глупостей, но много и изящной словесности (*сохраненіе въ памяти*). Надо, впрочемъ, оговориться, что не всѣ образы сохранять съ одинаковой живостью: такъ, говорить, что лицо отца, котораго не видѣлъ уже три года, кажется ему какъ-будто въ туманѣ; также и отцу (еще при жизни его) писалъ, что не помнить его лица. При вопросѣ, заданномъ классу, напоминаетъ свободно, лучше многихъ (*способность воспроизведенія*). Услышавъ игру товарищей на балалайкѣ, сразу же узналъ, какую пьесу они играютъ (изъ Паяцовъ); вообще, легко *узнаетъ* стихотворенія и музыкальныя произведенія.

Болтливъ; способенъ совершенно свободно въ теченіе какаго угодно времени (пока не устанетъ) поддерживать разговоръ, особенно легкаго, несерьезнаго характера (*обиліе типичныхъ ассоціаций*). Въ разговорѣ часто перескакиваетъ съ одного предмета на другой; преобладаютъ поверхностныя аналогіи, хотя не лишень способности пере-

дать и внутреннюю связь явлений. Обладает богатым запасомъ словъ (*обиліе словесныхъ образовъ*), что доказывается любымъ сочиненіемъ; по запасу словъ можетъ считаться вторымъ во всемъ классѣ. Говоритъ свободно (*легкость сочетанія словесныхъ образовъ*) и красиво. Разговоръ пересыпаетъ прибаутками, присказками и излюбленными словечками, иногда вульгарными. Рѣчь безусловно мѣткая; напримѣръ, про одного кадета, котораго воспитатель за его вѣшность называлъ въ шутку кукулой, сейчасъ же добавилъ: „говорить папа-мама, танцуетъ вальсъ и польку“, что удивительно мѣтко иллюстрировало шутку воспитателя.

Вообще, мыслить преимущественно *образными, живыми и яркими*, что сказывается и въ его разговорахъ. Когда заговорили о возможности пожара, сейчасъ припомнилъ изъ Гоголя (Афласіи Ивановичъ и Пульхерія Ивановна): „тогда мы перейдемъ въ кухню, изъ кухни въ амбаръ“. Въ свидѣніяхъ также бываетъ много яркихъ образовъ, которые описываетъ достаточно подробно.

Комбинирующее воображеніе также развито въ значительной степени. Пишетъ свободно сочиненія и письма, имѣетъ 12 по словесности. Издастъ журналъ для кадетъ, въ которомъ, между прочимъ, помѣстятъ свою повѣсть подражательнаго характера („Хозяинъ и работники“). Пишетъ юмористическія пародіи на товарищій, но лишеныя остроумія. Раньше довольно много писалъ стихи, подражая Бальмонту, Леркамъ и сатирикамъ; теперь бросилъ, такъ какъ вообще неустойчивъ.

Къ *отвлеченному же мышленію* почти совершенно неспособенъ. Въ то время, какъ нѣкоторые его товарищи интересуются вопросами философіи и общаго міросозерцанія (конечно, въ самой элементарной формѣ), онъ ко всему этому относится совершенно равнодушно: „ну, да это чепуха! веревка — вервѣ простое“. Математикой занимается только готовя уроки, и то насильно. Когда однажды во что бы то ни стало пужило было учить урокъ алгебры, то даже слѣдя за объясненіемъ воспитателя и видимо насилуя свое вниманіе (гримасы), все же ничего не могъ понять. Дангъ былъ отдыхъ, и черезъ часъ — вторично такой же неудачный опытъ, окончившійся слезами.

Нерѣдко бываетъ мечтателемъ (*преобладаніе внутреннихъ воспріятій надъ внѣшними*). Вдругъ садеть, уставившись неподвижно своими выразительными черными глазами въ одну точку, точно задумавшись; раскрытая книга лежитъ передъ нимъ, но онъ въ нее не смотритъ. Если въ нему обратиться въ это время съ вопросомъ, то можно даже

испугать его: глядѣть растерянно и недоумѣваетъ, въ чемъ дѣло. Затѣмъ глубоко вздохнетъ, глаза станутъ мутные, выраженіе лица усталое. Трудно сказать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, была ли это глубокая задумчивость, или просто смутное, неопредѣленное настроеніе, обусловленное причинами чисто фізіологическими. Болѣе вѣроятнымъ кажется первое объясненіе, тѣмъ болѣе, что онъ вообще способенъ къ *самонаблюденію* и описанію своихъ внутреннихъ переживаній, особенно въ тѣ минуты, когда грустно настроенъ: „сжало сердце, защемило, грустно стало, сосеть“. Прочтя стихотвореніе Надсона „Мать“, вспомнилъ свою маму, домъ и проч.; на вопросъ воспитателя довольно подробно передалъ ему свои чувства. Когда же находится въ веселомъ настроеніи, то наклонность къ задумчивости совершенно исчезаетъ. Въ такія минуты бываетъ *общителенъ*, не любитъ тишины и уединенія, предпочитаетъ неструю, разнообразную обстановку; всегда вмѣстѣ съ товарищами, ни за что не пойдетъ туда, гдѣ никого нѣтъ.

Вниманіе у Борисова чисто *пассивное*, управлять имъ онъ совершенно неспособенъ. Воспитательское чтеніе, въ особенности мѣста, затрогивающія чувство, слушаетъ внимательно. Во время же уроковъ, особенно такихъ, которые для него неинтересны (напримѣръ, математика), крайне разсѣянъ, большую часть занимается постороннимъ дѣломъ: что-нибудь рисуетъ, часто карикатуру на преподавателя. Будучи отвлеченъ въ серединѣ работы, долго потомъ не можетъ снова за нее приняться. Такъ, однажды училъ географію. Проходившій мимо товарищъ далъ ему пивка, онъ обернулся и началъ переругиваться. Когда хотѣлъ снова ваяться за работу, попалась на глаза книга; сталъ читать и забылъ про географію. Когда ему напомнили, что надо учить Европу, то все-таки прежде началъ разсматривать карту Азіи, такъ что слова пришлось напомнить про Европу.

Въ случаяхъ, его интересующихъ, вниманіе можетъ быть очень *сосредоточеннымъ*. Сидѣлъ, углубясь въ книгу, и на заданный ему вопросъ отвѣчалъ совершенно невпопадъ, потомъ посмотрѣлъ и отвѣтилъ точно. Читалъ вслухъ классу романъ Станюковича и видимо нещадно былъ этимъ поглощенъ. Углубленный въ игру на мандолинѣ, можетъ поддерживать разговоръ только короткими репликами: „а?... да, да... шелъ къ чорту!.... отстань!..“ и т. п. (суженіе *объема вниманія*). Однако, даже такое сосредоточенное вниманіе никогда не бываетъ сколько-нибудь *устойчивымъ*. Во время урока или чтенія, даже его интересующаго, сначала—въ неподвижномъ вниманіи, затѣмъ что-нибудь беретъ въ руки, напримѣръ, вставочку, вертитъ книгу, сло-

вомъ—играетъ, продолжая временами слушать. Подъ конецъ „ловить ртомъ мухъ“, т. е., зѣваетъ, оглядывается назадъ, перемигивается, корчитъ рожи, кладетъ ногу на ногу, чертитъ что-нибудь, теребитъ пуговицу и т. д.,—между тѣмъ какъ въ началѣ чтенія былъ волноцѣнное вниманіе, переживалъ автора: „нишъ ты! ловко!“ и т. п. Свою неудачу на опытѣ съ выборомъ буквъ (см. ниже, въ результатахъ экспериментальнаго изслѣдованія) объясняетъ тѣмъ, что вообще вниманіе у него скоро устаетъ,—особенно во время письма. При всякой умственной работѣ утомляется очень быстро. Серьезную работу (чтеніе, диктовку) можетъ дѣлать не больше 15—20 минутъ. Диктовки пишетъ безошибочно, но въ концѣ почеркъ всегда дѣлается много хуже и попадаются какіе-нибудь промахи.

Аффективная сфера Борисова отличается значительной *возбудимостью* и обиліемъ внѣшнихъ, *физиологическихъ проявленій чувства*. Раздражителенъ, изъ-за пустяковъ кричитъ и ругается, можетъ полѣзть въ драку (наклонность къ *нѣту*). Недовольный, что учитель русскаго языка послѣ 12 балловъ поставилъ ему 6, раскапризничался и нарочно не отвѣчалъ, за что получилъ 5 балловъ. Подрался съ товарищемъ; сидѣлъ углубясь въ книгу, а тотъ его толкнулъ; Борисовъ вдругъ разсордился. Неожиданная *радость* можетъ заставить его подпрыгнуть, завертѣться на одномъ мѣстѣ, захопать въ ладоши и разразиться возгласами и восклицаніями. Отъ восторга прыгаетъ на мѣстѣ, ударяетъ кулакомъ по столу и т. п. Смѣясь, держится иногда рукой за животъ и испускаетъ дикіе возгласы. Читая повѣсть съ комическимъ началомъ, смѣлся, размахивалъ руками и вслухъ восхищался; веселъ и шаловливъ. Въ неприятныхъ же положеніяхъ какъ-то весь сразу опускается, становится „моврой курицей“, отвѣчаетъ вяло, однотонно,—между тѣмъ какъ для выраженія восторга модуляція голоса у него довольно обширна.

Настроеніе неустойчивое, легко мѣняется въ зависимости отъ чисто физиологическихъ вліяній: даже при легкомъ недомоганіи дѣлается мрачнымъ, начинаетъ хныкать и жаловаться и способенъ надѣвдать. Временами впадаетъ въ состояніе тугой апатіи, глаза тускнѣютъ, отвѣчаетъ односложно, тихимъ голосомъ, иногда невпопадъ. Такія состоянія наступаютъ иногда безъ всякаго внѣшняго повода. Отъ неожиданности вздрагиваетъ. При прыганіи черезъ кобылу, несмотря на то, что прыгаетъ хорошо, временами испытываетъ *иступъ*, совершенно необоснованный, напримѣръ, боится, что у него вдругъ заболитъ нога. Нерѣдко, разбѣжавшись съ охотой, вдругъ останавли-

вается и говоритъ: „не могу!“ дѣлая это очевидно не изъ шалости. Или посреди прыжка останавливается въ самомъ рискованномъ положеніи, рискуя не только повредить ногу, но даже сломать себѣ шею. Или перепрыгнувъ, испытываетъ сильный испугъ, доходящій до полной прострація: тяжело дышеть и проч.

Чувства обычно не отличаются особой продолжительностью. Повавшись въ какомъ-нибудь простужѣ и раскаявшись въ немъ, онъ скоро забываетъ о непріятности и относится къ происшедшему уже съ усмѣшкой. Однако, въ серьезныхъ случаяхъ способенъ къ *сильнымъ и продолжительнымъ* чувствованіямъ, при чемъ съ теченіемъ времени чувство не только не ослабѣваетъ, но даже усиливается. Когда ему 21-го октября было осторожно сообщено о смерти отца, то сначала встрѣтилъ извѣстіе крайне спокойно, объясняя это долгой разлукой (3 года не видались). Весь день задумчивъ; въ вечеру дежурный офицеръ, случайно заведя разговоръ, вызвалъ слезы. На другой день утромъ—уже въ лазаретъ: нервно разстроены, плачутъ горько, временами истерически; ронцетъ на судьбу: „за что же онъ умеръ, что онъ сдѣлалъ, когда другіе живутъ!“ Черезъ день, 23-го октября вышине споконитъ, скажеть: „я уже уснокоился“, можеть говорить о смерти отца, какъ о совершившемся фактѣ. 27-го октября, подъ впечатлѣніемъ стихотворенія Надсона „Мать“, страшно разрыдался на вечернихъ занятіяхъ въ классѣ. Въ тотъ же день имѣлъ первое свиданіе съ матерью, и она сказала, что не ожидала отъ него такого самообладанія. Послѣ ухода ея отправленъ въ лазаретъ, дано успокоительное. На другой день—то же, затѣмъ оправился. 3-го ноября вечеромъ, читая послѣднее письмо покойнаго отца, горько зарыдалъ. 8-го ноября сильно разстроены, ничѣмъ не можеть заняться. 20-го ноября: пономногу оправился, хотя не спитъ по ночамъ, почему на урокахъ временами сонный. 3-го декабря сталъ разсѣянно заниматься. 12-го декабря нервный припадокъ средней силы; написалъ стихотвореніе въ память отца. 11-го февраля: написано нѣсколько стихотвореній лирическаго характера, гдѣ описана его скорбь о внезапно умершемъ отцѣ.

При столь сильно развитой аффективной жизни *вліяніе чувствований на умственные процессы* не можеть не быть очень значительнымъ. Это вліяніе сказывается у Борисова отчасти уже въ преобладаніи конкретнаго, образнаго мышленія надъ отвлеченнымъ (см. выше). Съ другой стороны, настроеніе каждаго даннаго момента рѣзко отражается на его сужденіяхъ. При удачѣ оптимистиченъ: строитъ самыя радужные планы относительно своихъ дальнѣйшихъ успѣховъ и своей

будущей деятельности. При неудаче или утомлении — горький и отчаянный пессимизм, что отражается и на работѣ: не можетъ рѣшить самой простой задачи, дѣлаетъ ошибки въ сложении и вычитании, забываетъ таблицу умножения. Винить въ этомъ сначала другихъ („задача глупая, и такихъ задачъ нѣтъ рѣшить не можетъ“), а кончаетъ тѣмъ, что онъ самъ идиотъ и ему такія задачи не подѣ силу, онъ ихъ никогда не рѣшитъ. Случалось, что отвлеченный или успокоенный воспитателемъ или преподавателемъ не только рѣшалъ аналогичную задачу, но и показывалъ ее другимъ, при чемъ очень сердился, что „такихъ пустяковъ не понимаютъ“.

Что касается чувствованій, то въ общемъ высшія чувства, идеинныя и альтруистическія, преобладаютъ у Борисова надъ низшими; однако, благодаря его неустойчивости и слабости (см. ниже), ни одно изъ этихъ высшихъ чувствъ не можетъ достигнуть такой силы, чтобы направлять его деятельность и привести къ сколько-нибудь значительнымъ результатамъ.

Органическія влеченія развиты не особенно сильно. Правда, въ послѣднее время ѣсть много (быть можетъ, потому, что находится какъ разъ въ періодѣ полового развитія и усиленнаго роста): проситъ врача выписать дополнительную порцію, ждетъ съ нетерпѣніемъ сосисокъ съ капустой, интересуется ѣдой и т. п. Но не обжора: когда сытъ, не хватается опять за пищу. Особеннаго *любознания*, заботы о своихъ интересахъ не замѣчалось. Точно также отсутствуетъ и *первоистинна собственная личность*. Отличается неувѣренностью въ себя, особенно въ минуты апатичнаго, вялаго настроенія: „не могу выучить алгебры“, — хотя на самомъ дѣлѣ можетъ.

Въ отношеніяхъ Борисова къ родителямъ (*родственныя привязанности*) замѣчается известная двойственность. Съ одной стороны, онъ проявляетъ къ нимъ нѣрѣдко очень нѣжные чувства. При жизни отца письма къ нему писалъ тонкимъ, дѣтскимъ. Узнавъ о его смерти, выражалъ опасеніе, что мать этого не переживетъ, жалѣлъ о ней, говоря, какъ она должна горевать, способенъ даже плакать по этому поводу. Шаливши, разбивалъ электрическій колпакъ; при угрозѣ вызвать мать. впалъ въ грустное настроеніе. Очень беспокоился, что при его неуспѣхѣхъ по математикѣ мать будетъ сильно огорчена, плакалъ. Будучи же дома, въ отпуску, говоритъ матери дерзости, бываетъ непочтительнъ, ссорится, при первомъ удобномъ случаѣ уходитъ изъ дому гулять, на балабалаечную речетяницу и т. п. Обо всемъ, что съ нимъ случится въ корпусѣ, пишетъ матери, спрашиваетъ ея совѣтовъ, но рѣдко имъ слѣдуетъ.

Такая двойственность въ отношеніяхъ къ матери объясняется, какъ намъ кажется, слѣдующимъ образомъ. Онъ въ ней дѣйствительно привязанъ, эта привязанность сказывается особенно сильно во время разлуки. Но когда это расположеніе къ матери приходится не только высказывать въ письмахъ и нѣжныхъ изліяніяхъ, но также проводить на дѣлѣ (слушаться ся, слѣдовать оя совѣтамъ), то здѣсь у него по обыкновенію не хватаетъ терпѣнія и выдержки, и онъ дѣлается рѣзкимъ и непослушнымъ. Къ брату хладнокровенъ, съ нимъ дерется. Привязанности къ товарищамъ (*чувство симпатіи*) не глубоки, особенныхъ друзей нѣтъ, но со всѣми въ прекрасныхъ отношеніяхъ. Въ разговорахъ часто шуточно насмѣхается надъ товарищами, но безъ особенной злобы.

Въ *нравственной* сферѣ замѣчается та же неустойчивость и отсутствіе выдержки. Въ денежныхъ расчетахъ честенъ, — но выѣстъ съ тѣмъ нерѣдко способенъ забыть, что онъ вамъ долженъ. Совершивши какой-нибудь проступокъ (напр., дерзость), сильно затѣмъ раскаивается, что выражается въ угнетенномъ настроеніи, слезахъ, капризахъ и недовольствѣ самимъ собой. Позволивши себѣ дерзкую выходку по отношенію къ дежурному офицеру, послѣ сдѣланнаго разъясненія извивался, повидимому, искренно. Наряду съ этимъ, шалости и нарушенія школьной дисциплины повторяются безпрестанно. Записанъ въ классѣ за неспокойное поведеніе на урокѣ: болталъ и смѣялся. Разбивши электрическій колпакъ, мѣшалъ дневальному убирать осколки. Въ раздраженіи на товарища позволяеть себѣ базарную ругань. Заявляя о томъ, что не знаетъ урока, дѣлалъ это въ шутовскомъ тонѣ. Когда ему выговаривали, что, несмотря на обѣщаніе, держитъ себя въ классѣ шаловливо и неспокойно, говорилъ, нервно подергиваясь и съ прибаутками, что это случай. Давши слово держать себя хорошо, старается выполнить его, и когда это не удается, то самъ надъ собой подтруниваетъ: „вотъ я и опять прорвался!“ Наказаніе дѣйствуетъ на нѣкоторое время: арестованный на 6 часовъ, держалъ себя тихо.

Религиозное чувство, повидимому, сохранилось съ дѣтства. Хотя особеннаго усердія въ посѣщеніи церкви и не обнаруживаетъ, но въ таинству исповѣди и причастія относится вдумчиво и видимо переживаетъ извѣстный подъемъ. Въ то же время не прочь для краснаго слова пуститься въ критику или высказать вычитанный гдѣ-нибудь рискованный парадоксъ, хлесткую фразу и т. п. Впрочемъ, особенно на этихъ вопросахъ не останавливается.

Проявленія *эстетическаго чувства* очень разнообразны. Большой любитель чтенія, читаетъ въ засосъ. Предпочитаетъ беллетристику, перечиталъ всѣхъ русскихъ классиковъ. Но такъ же охотно читаетъ газеты, карнавалы, бульварные романы и т. д. Очень любитъ шутки, каламбуры, остроты, шаржи. Особенно охотно запоминая остроумныя замѣчанія старшихъ и товарищей, игру словъ и т. п.; напримѣръ, выраженіе „интеллигентное хулиганство“ очень ему понравилось. Написалъ декадентскіе стихи, хотя ему и выяснялась ихъ туманность. Обладаетъ хорошимъ слухомъ и рѣдкимъ музыкальнымъ вкусомъ. Пѣвчій, искусно играетъ на балалайкѣ и мандолинѣ; играя на мандолинѣ, никогда не фальшивитъ, въ высшей степени точно и чисто беретъ ноты, даже при самой трудной модуляціи. Въ послѣднее время замѣчается наклонность франтить: сузилъ брюки (надѣ чѣмъ самъ раньше смѣялся), любитъ приодѣться, прихорашивается. Обычно онъ скорѣе неряшливъ; иди же въ отпускъ, начиститъ очень хорошо сапоги, надѣнетъ чистыя перчатки, вообще прифрантится. *Интеллектуальное чувство*, повиданому, слабо развито, скорѣе *любопытствъ*, чѣмъ *любознательствъ*. Всякую новую вещь разсматриваетъ съ любопытствомъ, вертитъ въ рукахъ, старается заглянуть внутрь и т. д. Съ одинаковымъ интересомъ разглядываетъ какъ серьезные новинки (напр., физическій приборъ), такъ и всякій пустякъ.

Волевые процессы Борисова характеризуются слабымъ развитіемъ *процесса выбора* и неспособностью къ предварительному *обсужденію мотивовъ*. Говоря о своихъ *желаніяхъ* и *намѣреніяхъ*, оживляется, строитъ необычайные планы и воздушные замки. Въ раздраженіи способенъ, не стѣсняясь обстановкой, прозвонности непримичную брань, — послѣ чего конфузится и старается свалить на то, что его разсердили. Предпринимая съ товарищами прогулку по улицѣ, самъ не зная, куда и зачѣмъ они шли, и говорилъ, что „хотѣлъ пошляться“. Стараясь прифрантиться, способенъ, разбросавшись по мелочамъ, забыть какую-нибудь важную подробность туалета, напримѣръ, надѣвши франтовскіе сапоги и перчатки, забудетъ кушакъ (*отсутствіе систематичности сложныя дѣйствій*). Наряду съ этимъ отличается *нерешительностью*, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ него требуется придти къ какому-нибудь быстрому и въ то же время вполнѣ опредѣленному выводу: такъ, въ хоропо знакомомъ предметѣ, при вопросѣ, обращенномъ ко всему классу, все же не рѣшится поднять руку, опасаясь ошибиться. Въ критическомъ положеніи теряется и рѣдко способенъ найти выходъ.

Способностью къ *волевоу усилию*, терпѣніемъ и *настойчивостью* не отличается. Неуспѣхъ въ математикѣ, какъ слѣдствіе праздности, началъ наконецъ его безпокоить и заставилъ заняться рѣшеніемъ задачъ по алгебрѣ, съ цѣлью исправиться; однако принятыя за дѣло какъ слѣдуетъ все-таки не можетъ. На занятіяхъ берется за разные предметы, задумывается и ничего толкомъ не доводитъ до конца. Нервно и нетерпѣливо понукалъ товарища поправить ему шинель: „что ваши баронскіе пальцы не ходять?!“ *Чужимъ вліяніемъ подчиняется* довольно легко. Прочтя газетную статью, нерѣдко цѣлкомъ усваиваетъ какое-нибудь ходячее мнѣніе, хлесткую фразу и т. д. Всегда можно убѣдить его безъ особеннаго труда доводами, въ особенности вліяющими на чувство. Такъ, напримѣръ, при обсужденіи вопроса о значеніи арміи, ссылка на отца, учившаго солдатъ грамотѣ и умершаго во время войны, заставила его задуматься и, наконецъ, прийти къ выводу: „теперь я понялъ: армія — это вооруженный народъ“. Шаловливо и шумно сидѣлъ на урокѣ одного очень любимаго, но мягкаго и неопытнаго преподавателя, снисхожденіемъ котораго пользовался для шалостей. Когда ему указали, что неловко злоупотреблять добротой и снисходительностью старшаго, который къ нему такъ хорошо относится, то согласился и сталъ вести себя лучше.

Движенія въ общемъ обильны и хорошо *координированы*, хотя и тутъ настроеніе каждаго даннаго момента отражается очень рѣзко. Во время урока неспокоенъ, вертится, заглядываетъ то къ тому, то къ другому, встаетъ съ мѣста и т. д.; въ угнетенномъ же настроеніи крайне малоодвиженъ, сонный, вялый. Въ гимнастикѣ обнаруживаетъ достаточно силы и ловкости (*координація движеній*); быстро и хорошо усваиваетъ новые роды движеній: ѣзду на велосипедѣ, сложныя гимнастическія упражненія, прыжки и т. п. (*двигательная упражняемость*). Танцуетъ хорошо и съ увлеченіемъ. Способенъ танцовать до упаду и затѣмъ, отойдя въ сторону, удивляться, „какъ люди могутъ заниматься такимъ пустымъ и пошлымъ дѣломъ, когда они могли бы интересно говорить и спорить“; отдохнувъ, съ увлеченіемъ танцуетъ мазурку.

Разсужд. Хорошія *умственные способности*, съ преобладаніемъ *конкретныхъ сторонъ умственной жизни: воспріятія, памяти и воображенія*. Мышленіе *гораздо слабѣе*. *Чувствованія* легко возбудимы, обильно проявляются *наружу* и сильно отражаются какъ на его сужденіяхъ, такъ и на *всей его дѣятельности*. Ловокъ, подвиженъ. Не знаетъ, способенъ испытывать *высшіе, идейные интересы и влеченія*, но въ

силу своей разбросанности и непостоянства не может вообще ни на что сосредоточиться. Воля слабая и неустойчивая; несмотря на значительное (для своих лет) умственное развитие, легко поддается чужим влияниям. „Великий человек на малых дѣлах“, какъ съ оубрѣ дѣлалъ воспитатель.

3. Валицкий, 3 класса, 13 лѣтъ.

Средняго роста, хорошо сложенъ, мускулатура умѣренно развита. Шатень, глаза сѣро-зеленые, хорошій цвѣтъ лица, переходящій часто въ сильно красный, особенно когда онъ сконфузень.

Наиболѣе характерными чертами этого мальчика можно считать сознательную систематичность и послѣдовательную настойчивость во всемъ его поведеніи. Онъ — первый ученикъ въ классѣ и прилагасть всякій разъ много труда и терпѣнія на то, чтобы твердо и осмысленно выучить уроки. Своимъ усердіемъ къ школьнымъ занятіямъ выдѣляется среди товарищей. На урокахъ все время очень внимателенъ, при чемъ на послѣднемъ урокѣ такъ же осмысленно и серьезно работаетъ, какъ и на первомъ: признакомъ усталости (вялость, головная боль) почти никогда не замѣчается (*умственной работоспособность*). Ко всемъ занятіямъ онъ относится съ одинаковымъ усердіемъ. Такъ, напримѣръ, гимнастика дается ему не особенно легко; тѣмъ не менѣе, старается не отставать отъ товарищей и, благодаря усердію, быстро подвигается въ усвоеніи пріемовъ на машинахъ (*способность къ положительному волевому усилію*). Всякое дѣло непременно старается довести до конца; при чемъ никогда не разбрасывается и не берется за нѣсколько дѣлъ разомъ. Очень аккуратенъ, любитъ порядокъ. Такъ, получивъ отъ воспитателя приказаніе записывать уроки входящему кадету, ведетъ это дѣло съ большой аккуратностью. Книжки и тетради, а также платье у него всегда въ образцовомъ порядкѣ; въ столикѣ прибрано, опрятно, картинки, календарь и проч. Не довольствуясь этимъ, старается поддерживать порядокъ и во всемъ классѣ: помогаетъ дежурному убирать классъ, подметать полъ, чистить парты, доски и т. п. (*систематичность сложнѣйшхъ дѣйствій*).

Въ связи съ этой разсудочностью всехъ волевыхъ проявленій стоятъ также и значительное развитіе у Валицкаго *активной* *вниманія*. Онъ можетъ съ одинаковымъ вниманіемъ слѣдить за всякою, хотя бы и неинтересной работой, если это нужно; два совершенно различныхъ урока проводить одинаково серьезно и къ вечеру знаетъ оба одинаково хорошо. Въ случаѣ надобности онъ тотчасъ же можетъ

отвлечься отъ работы и затѣмъ опять такъ же легко возвращается къ прерванному занятію. На урокахъ онъ внимательно слѣдитъ за разъясненіями, и бывали случаи (напримѣръ, на урокъ французскаго языка), когда только онъ одинъ могъ повторить только что разучивавшееся правило. Въ то же время вниманіе Валицкаго отличается *устойчивостью*: онъ долго, до 2-хъ часовъ подрядъ, можетъ съ одинаковымъ вниманіемъ работать надъ предметомъ, хотя бы и мало его интересующимъ. Однако, усиленное напряженіе вниманія вызываетъ въ данномъ случаѣ *суженіе его объема*: сосредоточившись надъ однимъ какимъ-нибудь дѣломъ, Валицкій уже не въ состояніи заниматься одновременно другимъ.

Надо сказать, впрочемъ, что энергія Валицкаго сказывается главнымъ образомъ въ области сложныхъ психическихъ проявленій, тогда какъ двигательная область представляется въ этомъ отношеніи значительно болѣе отсталой. *Мышечная сила* у него средняя, на физическихъ занятіяхъ онъ скорѣе утомляется, чѣмъ сверстники, въ играхъ живого участія не принимаетъ, кромѣ ланты, въ которую лѣтомъ играетъ охотно. Въ танцахъ довольно ловокъ, но гимнастика дается ему труднѣе. Особой *подвижностью* не отличается: на урокахъ сидитъ спокойно, въ свободное время не гуляетъ, не играетъ, не бѣгаетъ, а сидитъ за книгой.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человекъ дѣйствуетъ сознательно и планомерно, у него непременно существуютъ опредѣленные мотивы дѣятельности, болѣе или менѣе отчетливые принципы и правила, руководящія всѣмъ его поведеніемъ. Эти господствующіе мотивы поведенія имѣютъ своимъ источникомъ тѣ чувства, которыя особенно сильно развиты у данного человека. Поэтому намъ необходимо подробнѣе рассмотреть, какія именно чувства особенно сильно отражаются на дѣятельности Валицкаго.

Начнемъ съ того, что *низшія органическія влеченія* развиты у Валицкаго сравнительно слабо: потребности его умѣренны, особеннаго пристрастія къ ѣдѣ и лакомствамъ не замѣчается. Значительно болѣе развито у него *самолюбіе*. Такъ, одобреніе воспитателя за хорошій баллъ, полученный у требовательнаго преподавателя, онъ встрѣчаетъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ, хотя и нѣсколько застѣнчиво. Рассказывая воспитателю о прошедшемъ лѣтѣ, подчеркиваетъ, что проводилъ время не праздно, а занимался. Достигнувъ успѣха въ прыганіи черезъ кобылу, видимо доволенъ собой, полученную похвалу принимаетъ какъ-то особенно съ удовольствіемъ. Заботятся о томъ, чтобы под-

держат свое реноме хорошаго воспитанника; эта погоня за первымъ ученикомъ была особенно замѣтна въ прошломъ году, теперь меньше, но все же есть (огорчается отиѣткой, сравнительно мало помогаетъ товарищамъ). Какъ это нерѣдко бываетъ у людей самолюбивыхъ и вѣсть съ тѣмъ недостаточно увѣренныхъ въ себѣ, Валицкій отличается застѣнчивостью. Такъ, подходя къ старшимъ, онъ нѣсколько краснѣетъ и смотритъ въ сторону; когда товарищи ему зааплодировали (см. ниже), онъ сконфузился.

Изъ соціальныхъ чувствованій особенно развиты у него *родственные привязанности*. Онъ очень любитъ братьевъ и родителей. Съ родителями часто переписывается, съ братьями (которые тоже учатся въ корпусѣ, но въ разныхъ ротахъ) видится при первой возможности. Изъ полученныхъ (въ видѣ поощренія за успѣхи) нирожныхъ 3 отдалъ одному брату, 3 — другому, 3 — товарищамъ и 1 — взялъ себѣ. Однажды, на вопросъ воспитателя, отчего онъ не такой, какъ всегда, отвѣтилъ: „братъ серьезно боленъ“ — и при этомъ горько заплакалъ. Очень обезпокоенъ болѣзнию брата, просилъ нѣсколько разъ посѣтить его въ лазаретъ, разрѣшенію очень обрадовался. До слезъ разстроены тѣмъ, что братъ изъ-за болѣзни много пропуститъ. Многими своими нравственными привычками, поведенію, обязанъ семьѣ; и въ настоящее время отецъ въ письмахъ продолжаетъ давать ему наставленія, напримѣръ, по поводу отношеній къ товарищамъ пишетъ: „не имѣй 100 рублей, а имѣй 100 друзей“.

Сравнительно меньше участія Валицкій проявляетъ къ товарищамъ (*чувство симпатіи*). Правда, будучи старшимъ по классу, онъ помогаетъ имъ въ запятыхъ и терпѣливо разъясняетъ уроки; особенно участливъ къ товарищу, заслужившему порицаніе преподавателя; когда приходящій кадетъ забылъ дневникъ, то, жалѣя товарища, не докладываетъ воспитателю, а записываетъ товарищу на бумажечкѣ. Однако, болѣе внимательное наблюденіе показываетъ, что участіе это является не столько результатомъ непосредственнаго влеченія (какъ это бываетъ у него по отношенію къ роднымъ), сколько выполненіемъ долга, своего рода несеніемъ обязанностей. Помогаетъ товарищамъ только тогда, когда воспитатель ему на это укажетъ, — хотя въ такихъ случаяхъ выполняетъ приказаніе, какъ всегда, охотно и добросовѣстно. Такъ, однажды, приготовивши уроки, просилъ разрѣшенія читать; на замѣчаніе воспитателя, что надо бы помочь товарищамъ, сконфузился чуть не до слезъ и послѣ указанія, кому именно, разучилъ съ нимъ урокъ хорошо. Въ общемъ же помощь слабымъ

товарищамъ могла бы быть значительно большею. То же преобладаніе чувства долга надъ непосредственнымъ участіемъ къ товарищамъ сказалось очень ясно во время одного разговора: говорили о судьбѣ кадета, совершившаго рядъ серьезныхъ проступковъ; Валицкій, не высказывая сожалѣній, а строго оцѣнивая проступки товарища, говорилъ, что его нельзя оставить въ корпусѣ.

Что касается товарищей, то хотя особымъ друзей у Валицкаго нѣтъ, но въ общемъ къ нему относятся хорошо и съ уваженіемъ. Когда его отмѣтки (въ числѣ прочихъ) прочли въ концѣ четверти передъ классомъ, многіе захопали; кадетъ Дмитренко (см. ниже) ставитъ его своимъ идеаломъ и говоритъ, что непременно добьется того, чтобы быть такимъ, какъ Валицкій. Со стороны старшихъ (учителей, воспитателей) Валицкій пользуется полнымъ довѣріемъ и сочувствіемъ. Преподаватели всегда отзываются о немъ съ похвалою; у ксендза (онъ католикъ) пользуется особымъ довѣріемъ, имѣетъ круглое 12, приноситъ и уноситъ журналъ. Надо сказать, что Валицкій охотно сходится и разговариваетъ со старшими. При этомъ онъ относится къ нимъ очень почтительно, никогда не критикуетъ открыто ихъ дѣйствій и заговариваетъ обыкновенно для того, чтобы обсудить что-нибудь или спросить совѣта. Будучи особенно расположенъ къ одному воспитателю, онъ почти всѣ перемѣны ходитъ съ нимъ или внимательно прислушивается къ его словамъ, или разговариваетъ о серьезныхъ предметахъ. За разрѣшеніемъ всѣхъ возникающихъ у него сомнѣній обращается къ этому воспитателю.

Очень развитымъ представляется у Валицкаго сознаніе долга (*причастностъ чувству*), которое и служитъ, повидимому, однимъ изъ главныхъ мотивовъ, руководящихъ его поведеніемъ. Всѣ обязанности, налагаемыя на него школой (напримѣръ, приготовленіе уроковъ, обязанности старшаго въ классѣ, записываніе уроковъ приходящимъ и т. д.), онъ выполняетъ чрезвычайно усердно и добросовѣстно. Неудачи въ этомъ отношеніи сильно его огорчаютъ; такъ, однажды, не будучи въ состояніи отвѣтить на вопросъ преподавателя, отвернулся и заплакалъ. На занятіяхъ всегда первый въ строю и на мѣстѣ. Во время уроковъ Закона Божія у православныхъ, когда его товарищи дѣлаютъ что имъ нравится, онъ готовитъ уроки. Такое отношеніе къ школьнымъ обязанностямъ отнюдь не является у него результатомъ механической привычки или слѣпнаго подчиненія, а (какъ и все въ его дѣятельности) носитъ вполне сознательный характеръ. На этотъ счетъ у него существуютъ вполне опредѣленные взгляды, подчасъ рѣзко

отличающіеся отъ взглядовъ его товарищей. Такъ, однажды весь классъ не хотѣлъ готовить урока, ссылаясь на неопредѣленность заданія; Валицкій, однако, убѣдилъ всѣхъ и они приготовили то, что онъ указалъ. Вообще, въ своихъ мнѣніяхъ твердъ, но безъ слѣпнаго упрямства: если представить ему достаточные доводы, то можетъ перемѣнить мнѣніе (*наличность руководящихъ идей и стремленій; сопротивляемость внѣшнимъ влияніямъ*). Наряду съ сознаніемъ долга, у него значительно развиты также нѣкоторыя нравственныя привычки, вѣроятно усвоенныя еще въ семьѣ: когда ему даютъ что-нибудь (книгу для чтенія, прощныя), онъ всегда благодаритъ очень вѣжливо; во время разговора въ классѣ о грязныхъ шалостяхъ краснѣлъ и усиленно смотрѣлъ въ книгу.

Въ тѣсной связи съ предыдущимъ стоитъ значительное развитіе у Валицкаго *религіознаго чувства*, поскольку, конечно, можно судить о немъ по его внѣшнимъ проявленіямъ. Валицкій аккуратно посѣщаетъ всѣ церковныя службы и во время богослуженія молится очень ревностно, закрывая глаза. Передъ урокомъ и садясь за книгу, усердно молится въ присутствіи всего класса; вообще крестится очень часто, не обращая вниманія на обстановку; ложась спать, также молится. Судя по всему складу характера Валицкаго можно думать, что это усердное выполненіе религіозныхъ обрядностей не является простой формальностью, привычкой, усвоенной съ дѣтства, а наоборотъ, соответствуетъ извѣстнымъ сознательнымъ религіознымъ взглядамъ, — поскольку они, конечно, возможны у 13 лѣтняго мальчика. Возможно также, что сильно развитая религіозность въ свою очередь оказываетъ влияние на весь характеръ Валицкаго.

Такимъ образомъ, чувства отчасти эгоистическія (самолюбіе), а главнымъ образомъ нравственныя (чувство долга) даютъ Валицкому руководящую основу для его дѣятельности. Соотвѣтственно этому *возбудимость чувствованій* и ихъ *внѣшнія проявленія* развиты у него довольно значительно. Такъ, однажды товарищъ, желая пошутить, больно ударилъ его; Валицкій всплилъ и бросился на него, но по неумѣнью драться, сталъ отталкивать его обѣими руками такъ смѣшно, что всѣ рассмѣялись; тогда онъ въ безсильномъ раздраженіи заплакалъ (*наклонность къ мнѣ*). Обычное настроеніе — спокойное, ясное, но при непріятности оно мѣняется: плачетъ изъ-за болѣзни брата, изъ-за неудачи въ отвѣтъ; незаслуженной обиды товарища (уже не въ первый разъ) не вынесъ и расплакался передъ всѣмъ классомъ. Вообще,

всякаго рода непріятныя чувства у него легко проявляются наружу: онъ краснѣетъ, легко плачетъ, начинаетъ говорить гораздо скорѣе чѣмъ обыкновенно. Иногда онъ пытается сдерживать свое чувство или, по крайней мѣрѣ, его проявленія,—но это не всегда удается. Когда товарищъ его обидѣлъ, онъ, сдерживая свое раздраженіе, краснѣетъ и видимо не хотѣлъ, чтобы воспитатель это замѣтилъ; получаемые щипки и пинки часто переносятъ безъ выраженія отерятаго неудовольствія, хотя иногда и плачетъ (способность *физической и психической задержки*). Менѣе замѣтно проявляется *радость* (напр., при полученіи письма изъ дому, отпуска въ театр): онъ лишь слегка краснѣетъ и на словахъ высказываетъ свое удовольствіе.

Въ связи съ значительно развитыми внѣшними проявленіями чувствъ находится также его *общительность*. Очень охотно принявъ предложеніе ходить въ отпускъ въ семью товарища; изъ отпуска вернулся съ массой новыхъ впечатлѣній, которыми охотно дѣлится съ воспитателемъ. Придя изъ театра, тотчасъ же началъ рассказывать о томъ, что тамъ видѣлъ.

Перехода къ умственной сферѣ, приходится и здѣсь также отмѣтить преобладаніе разсудочности надъ воображеніемъ и внѣшними воспріятіями. Въ немъ всегда видна работа мысли (*наклонность къ сужденіямъ, способность умозаключеній*). Малѣйшія подробности и неясности урока старается уяснить себѣ; такъ, напримѣръ, въ вопросѣ объ умноженіи дробей не довольствуется заучиваніемъ правила, а добивается понять смыслъ его. Если чего не можетъ понять, то обращается за разъясненіемъ къ воспитателю, при чемъ вопросы его всегда отличаются осмысленностью и вдумчивостью. Побывавши на ученическомъ концертѣ въ консерваторіи (отрывки изъ оперы), старался понять смыслъ оперы и высказывалъ на этотъ счетъ различныя догадки. Вообще, любитъ разсуждать обо всемъ видѣнномъ съ цѣлью отдать себѣ въ немъ подробный отчетъ. Въ рассказахъ и разговорахъ всегда выбираетъ болѣе существенное (*развитіе внутреннихъ ассоціацій*). Правда, работа мысли не всегда бываетъ у него одинаково успѣшной; такъ, напримѣръ, въ дневникѣ встрѣчается указаніе на то, что хотя и знаетъ ариметическое правило и понималъ его, но въ примѣніи встрѣчалъ не мало затрудненій. Однако, въ общемъ мышленіе у Валицкаго представляется, несомнѣнно, замѣтно болѣе развитымъ, чѣмъ у его сверстниковъ.

Это преобладаніе разсудочности отражается также на *воспріятіяхъ* Валицкаго и на направленіи его *интересовъ*. Все, что не представляетъ

для него серьезнаго интереса (какъ, напримѣръ, различныя мелкія событія кадетской жизни), проходитъ мимо него почти незамѣченнымъ. За то при объясненіи уроковъ замѣчаетъ такія подробности, которыя ускользають отъ его товарищей; такъ, на урокъ естественной исторіи одинъ изъ всего класса отмѣтилъ и запомнилъ нѣкоторыя мелкія детали, касающіяся устройства млекопитающихъ (*ботатство воспріятій*). При посѣщеніи эрмитажа, музея, зоологическаго сада интересуется и спрашиваетъ больше, чѣмъ другіе: „почему теперь не носятъ кольчугъ?“, „бабочки на всемъ свѣтѣ одинаковыя!“, „въ Туркестанскомъ краѣ птицы и звѣри желто-бѣлые, какъ песокъ“ и т. д. Въ отпуску ему пришлось осматривать училище глухонѣмыхъ; вернувшись изъ отпуска, съ оживленіемъ рассказываетъ о методахъ преподаванія и строѣ жизни въ училищѣ (любопытность, — развитіе *интеллектуально чувства*).

Слѣдуетъ отмѣтить отсутствіе преобладанія одного какого-нибудь интереса надъ всѣми остальными. Онъ одинаково всѣмъ интересуется: и фактами изъ естественной исторіи, и предметами древности, и преподаваніемъ у глухонѣмыхъ. Если, съ одной стороны, такая разносторонность интересовъ благоприятствуетъ успѣхамъ въ школьныхъ наукахъ, то съ другой, какъ намъ кажется, она указываетъ на то, что умственные интересы сами по себѣ не играютъ первенствующей, преобладающей роли въ характерѣ этого мальчюка. Главнымъ двигателемъ, регулирующимъ его поведеніе, остаются все тѣ же задачи нравственныя и практическія: хорошо учиться, обогащать себя знаніями, которыя пригодятся въ будущемъ. Отдѣльныя же вопросы теоретическаго характера хотя и интересуютъ его, но все же не настолько, чтобы въ теченіе нѣкотораго времени сосредоточить на себѣ все его вниманіе.

Память характеризуется у Валицкаго тѣмъ, что *заполненіе* происходитъ довольно медленно и требуетъ напряженія, но за то разъ усвоенное *сохраняется* долго и легко *воспроизводится*. Такъ, выученное утромъ правило по французскому языку знаетъ твердо; съ удивительною легкостью повторилъ разученное въ классѣ правило относительно дробей. Про жизнь дома рассказываетъ очень подробно (болѣзнь брата, сдѣлавшая его глухимъ, рассказы отца объ участіи въ кампаніяхъ). Припоминая подробности какого-нибудь событія (напримѣръ, происшествія, случившагося съ однимъ изъ товарищей), легко разбирается въ ихъ порядкѣ во времени (*локализанія воспроизведенныхъ представленій*). *Типъ воспроизведенныхъ образовъ* (по крайней

мѣрѣ, словесныхъ), повидному, зрительный: заучивая уроки, читаетъ про себя, не шевеля губами и не повторяя вслухъ.

Что касается количества образовъ, имѣющихся въ каждый данный моментъ въ сознаніи (*обликъ ассоціацій*), а также способности комбинировать эти образы (*комбинирующее воображеніе*), то въ этомъ отношеніи Валицкій стоитъ позади многихъ своихъ сверстниковъ. Разговоры его всегда бывають непродолжительны; получивъ удовлетворяющій его отвѣтъ, довольствуется этимъ и вовлечь его въ болѣе долгій разговоръ удается лишь съ трудомъ. Бываетъ также, что, исчерпавъ одну тему (напримѣръ, письмо изъ дому), затрудняется подобрать какую-нибудь другую, хотя видимо и не прочь поговорить. Рѣчь довольно отрывиста и однообразна. *Богатствомъ словъ* не отличается; письменное изложеніе нѣсколько болѣе плавно. Склонности къ сочинительству или изобрѣтательности не замѣчается. Не мечтатель,—планы на счетъ будущаго у него самые реальныя: готовится быть артиллерійскимъ офицеромъ (*реальность новообразованныхъ представленій*).

Эстетическія потребности у Валицкаго въ общемъ несомнѣнно существуютъ, хотя и не въ особенно сильной степени. Досугъ свой онъ исполняетъ чтеніемъ и рисованіемъ, при чемъ въ рисованіи дѣлаетъ быстрые успѣхи. Когда его назначили въ театръ, онъ видимо обрадовался: изъ театра пришелъ полный удовольствія. Однако, основныя черты его характера отражаются и на проявленіяхъ эстетическаго чувства. Такъ, въ выборѣ книгъ онъ очень разборчивъ, не станетъ читать безъ указанія, что читать. Шутокъ и острогъ не любитъ и самъ никогда не пытается шутить. Въ беллетристикѣ предпочитаетъ сюжеты о нравственныхъ герояхъ и самоотверженныхъ поступкахъ. Прослушавши на ученическомъ концертѣ отдѣльныя сцены изъ оперы, старался понять общій смыслъ всей оперы и высказывалъ на этотъ счетъ разныя догадки. Однимъ словомъ, присущія ему разсудочность и нравственныя тенденціи сказываются также и въ области эстетическихъ переживаній.

Резюме. *Общее преобладаніе мышленія надъ воображеніемъ. Значительно развитая волевая дѣятельность, носящая всегда сознательный и планомерный характеръ. Практическіе мотивы дѣятельности преобладаютъ надъ теоретическими, при чемъ основныя побужденія доставляются нравственнымъ чувствомъ (сознаніе долга) и отчасти самолюбіемъ.*

4. Грузиницъ, 3 класса, 13½ лѣтъ.

Неуклюжий, малоповоротливый, хотя физическое развитіе соответствуетъ возрасту, а мускулатура даже хорошая. Волосы темныя, глаза синеваато-зеленыя. Лицо полное, цвѣтъ лица здоровый; верхняя губа разсѣчена.

Благодаря малоподвижности и слабости вѣдшихъ проявленій чувства, мальчикъ этотъ на первый взглядъ можетъ произвести впечатлѣніе вялаго и апатичнаго. *Движенія его медленны*: ходить не торопясь, почти никогда не бѣгаетъ, когда же бѣжить, то бѣжить неуверенно. Въ подвижныхъ играхъ принимаетъ участіе только тогда, когда онѣ обязательны, самъ же очень рѣдко входитъ въ игру; предпочитаетъ сидѣть на мѣстѣ за книгой и встаетъ съ мѣста лѣниво и неохотно (*бѣдность движеній*). Изъ игръ любитъ только одну—попаданіе въ цѣль; въ этой игрѣ нѣсколько оживляется и выказываетъ умѣнье, не уступаетъ другимъ. Гимнастикой занимается неохотно и въ упражненіяхъ на снарядахъ отстаетъ отъ сверстниковъ. На урокъ танцевъ обратилъ на себя вниманіе учителя дурнымъ исполненіемъ разучиваемаго танца. Ручной трудъ любитъ, но и въ немъ не проявляетъ особенныхъ способностей (*плохая координація движеній*).

Настроеніе всегда ровное и спокойное, безъ особой веселости, но и безъ угнетенія. *Вниманія проявленія чувствъ* крайне незначительны. Слезы (например, отъ неудачи во время танцевъ) являются большой рѣдкостью; смѣется также мало, обыкновенно ограничивается улыбкой. Молчаливъ, малообщителенъ, о чувствахъ своихъ рассказываетъ рѣдко. Разговоръ ведетъ лишь тогда, когда его на это вызовутъ, отвѣчаетъ лаконически. Примѣръ: „Отчего ты долго не писалъ домой?“—Открытокъ не было.—„Что же ты не попросилъ тебѣ принести?“—Молчитъ. „Вѣдь ты получилъ на этой недѣлѣ уже два письма, надо же написать“.—Принесите 10 открытокъ, я напишу. При посѣщеніи музеевъ (морского и зоологическаго), а также зоологическаго сада осматривалъ все внимательно; однако, все время оставался спокойнымъ, не проявляя никакихъ признаковъ удивленія или удовольствія.

Было бы, однако, большою ошибкой предположить, что малоподвижность и необщительность Грузинина вытекаютъ изъ его вялости и неспособности сильно и глубоко чувствовать. Наблюденіе показываетъ, наоборотъ, что онъ способенъ къ энергичной дѣятельности и что чувства его богаты и разнообразны.

Онъ всегда чѣмъ-нибудь занятъ; въ свободное время самъ находитъ себѣ дѣло: рѣшеніе необязательныхъ задачъ, переписываніе тетрадей, исправленіе своего безобразнаго почерка, чтеніе. Работаетъ съ одинаковою энергіей также и въ тѣхъ случаяхъ, когда работа трудная и малонятересная (способность къ *положительному волевому усилію*). Встрѣтивши затрудненіе въ рѣшеніи задачи, онъ попроситъ только направить его, но отнюдь не рѣшитъ съ нимъ всю задачу (*самостоятельность*). Во время занятій съ неослабѣвающимъ вниманіемъ слѣдитъ за ходомъ каждаго урока; въ любой моментъ урока всегда въ курсѣ дѣла, и на каждый заданный вопросъ даетъ толковый, хотя и немногосложный отвѣтъ (*активное вниманіе*). Привыкъ заниматься среди шума; ему не мѣшаетъ игра на балалайкѣ, прыганіе черезъ стулъ, разговоры и тому подобныя забавы товарищей во внѣ-классное время (*сосредоточенность вниманія*). Частые и болѣзненные флюсы переносятъ терпѣливо, никогда не жалуется и не мѣняетъ своего обычнаго настроенія (не дѣлается угнетеннымъ, раздражительнымъ). Несмотря на то, что боль видимо беспокоитъ его и заставляетъ дѣлать надъ собой усиліе, онъ попрежнему усидчиво и старательно занимается (способность къ *физической задержкѣ*).

Что касается обдуманности и послѣдовательности поступковъ, то въ этомъ отношеніи Грузинникъ также стоитъ впереди многихъ своихъ сверстниковъ. Онъ бережливъ, не расходуетъ денегъ попусту. Никогда не подходитъ съ пустыми вопросами, а только тогда, когда ему дѣйствительно что-нибудь нужно, напримѣръ, если не можетъ составить фразы при переводѣ-пересказѣ на иностранный языкъ или не знаетъ, какъ приняться за рѣшеніе арифметической задачи (наклонность къ *обсужденію мотивовъ*). Въ часы, опредѣленные для сна, ложится спать и скоро засыпаетъ. Въ приготовленіи уроковъ и выполненіи классныхъ заданийъ послѣдователенъ и обстоятеленъ (*систематичность сложныхъ дѣйствій*).

Надо сказать, однако, что поддержаніе порядка ему не во всемъ удается. Такъ, въ платьѣ онъ неопрятенъ; столикъ съ вещами содержитъ всегда въ беспорядкѣ и даже при являющемся иногда желаніи привести свои вещи въ порядокъ, не умѣетъ этого сдѣлать. Кроме того, наряду съ расчетомъ, у него во многихъ случаяхъ выступаютъ тоже и непосредственныя влеченія, заставляющія его поступать такъ, а не иначе. Напримѣръ, объясняя свое добросовѣстное отношеніе къ учебному дѣлу, говорить, что это „доставитъ удовольствіе родителямъ“, „да и на шалости его не тянетъ“.

Такимъ образомъ, область волевыхъ процессовъ достигаетъ у Грузинина значительной степени развитія. То же слѣдуетъ сказать и относительно чувствованій, въ особенности нѣкоторыхъ изъ нихъ. Низшія *органическія чувства* выражены у него слабо: всѣ физическія потребности очень ограничены, ѣсть въ мѣру. За то опъ очень *самолюбивъ*. Обиженный замѣчаніемъ на урокъ музыки за неправильно взятую ноту, отказывается играть, говоря, что лучше взять ноту онъ не можетъ; хотѣлъ изъ-за этого даже бросить занятія музыкой, но учитель убѣдилъ не дѣлать этого, предложивши ему участвовать въ оркестрѣ. Когда учитель танцевъ, видя, что Грузининъ плохо танцуетъ, сталъ заниматься съ нимъ однимъ, это его такъ огорчило и раздосадовало, что послѣ ряда упражненій горько расплакался, ссылаясь на головную боль (*возбудимость чувствованій, сила аффектовъ*). Въ то же время, какъ это часто бываетъ у людей самолюбивыхъ, онъ отличается крайней застѣнчивостью и неувѣренностью въ себя (чувства, связанная съ *оцѣнкой собственной личности*). Въ разговорѣ со старшими, особенно мало знакомыми, теряется и робѣетъ, говорить тихимъ голосомъ, смотритъ куда-то въ сторону; только что говорилъ со своимъ воспитателемъ спокойно и доказательно, съ воспитателемъ же дежурнымъ тотчасъ же и на ту же тему смущался, робѣлъ и путался, хотя и не былъ ни въ чемъ виноватъ. Крайне нерѣшителенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится обращаться къ старшимъ съ вопросомъ, просьбой или за разъясненіемъ; бывали случаи, что товарищи за него спрашивали то, что ему нужно, чтобы только освободить его отъ обращенія къ старшимъ. Даже къ товарищамъ обращается какъ-то боязливо.

Отношенія къ семьѣ у Грузинина хорошия. Родители часто пишутъ, въ письмахъ сообщаютъ о братьяхъ и сестрахъ, которыхъ у него много; по праздникамъ ходитъ навѣщать сестру въ институтъ. Родителей, повидимому, любитъ, часто имъ пишетъ; тонъ писемъ нѣжный, даже въ открыткахъ (*родственныя привязанности*). Къ товарищамъ относится также хорошо, хотя особой дружбы ни къ кому не проявляетъ. Одному кадету, въ виду плохихъ его успѣховъ и дурного поведенія, грозило въ недалекомъ будущемъ исключеніе изъ корпуса; Грузининъ по собственной инициативѣ предложилъ ему свою помощь и никому не сказалъ объ этомъ (*чувство симпатіи*). Со стороны товарищей пользуется общимъ расположеніемъ. Къ старшимъ относится почтительно и съ уваженіемъ.

Переходя къ высшимъ идейнымъ чувствамъ, приходится отмѣтить

что всё они достигаютъ у Грузинина значительной степени развитія. Онъ очень *религозенъ*. На общей молитвѣ держитъ себя серьезно. Когда всё лягутъ спать, становится на кровати на колѣна и молится. Въ посту на недѣлѣ говнія готовится къ таинству по всемъ правиламъ христіанна: держитъ строгій постъ, читаетъ евангеліе или другую духовную книгу, дѣлается еще менѣе общитольнымъ съ товарищами и весь уходитъ въ себя. Несомнѣнно, что религіозныя убѣжденія дѣйствуютъ на весь его нравственный складъ и руководятъ его поступками. Къ своимъ обязанностямъ относится очень добросовѣстно: уроки учитъ исправно, правилъ заведенія почти никогда не нарушаетъ. Досадуетъ, когда виновный въ какомъ-либо проступкѣ кадетъ не сознается въ классѣ, при всѣхъ; при сознаніи же на лицѣ его появляется одобрительная улыбка (*нравственное чувство*, сознаніе долга). Услышавши непріятный разговоръ товарищей, смущается и стыдится.

Читаетъ много и въ выборѣ книгъ разборчивъ. Однажды, правда, соблазнился лубочнымъ изданіемъ „Адская жизнь“ и купилъ его; но потомъ оказалось, что въ книгѣ онъ надѣялся найти описаніе „ужасовъ жизни“. Вообще серьезные интересы (*интеллектуальное чувство*) у него преобладаютъ надъ празднымъ *любопытствомъ*. Весь классъ заинтересованъ проѣздомъ мимо оконъ пожарныхъ, казачьяго патруля, провшедшей на улицѣ дракой, Грузининъ же остается на мѣстѣ за своей работой или за чтеніемъ книги. На бездѣлушки, интересующія товарищей (вымѣниваніе картинокъ, марокъ, открытокъ и т. п.), не обращаетъ никакого вниманія. По выбору книгъ можно думать, что любимыми сюжетами у него являются такіе, гдѣ выводятся герои нравственные, добрые и самоотверженные. Такъ, въ повѣсти Сталюковича „Антошка“ его всецѣло захватила личность героя—„графа“, въ рассказѣ „Петеръ Марицъ“ особенно понравилась личность добродѣтельнаго пастора.

Эстетическое чувство проявляется у Грузинина любовью къ музыкѣ. Онъ недурно играетъ на флейтѣ, участіе въ оркестрѣ ему нравится. Учитель музыки цѣнитъ его, какъ способнаго, и поставилъ въ оркестрѣ впереди товарищей, начавшихъ играть одновременно съ нимъ. Когда Грузининъ, огорченный неудачей, хотѣлъ бросить музыку (см. выше), учитель убѣдилъ его не дѣлать этого.

Интересно, что при такой музыкальности воображеніе у Грузинина развито очень слабо. Онъ не пишетъ ни стиховъ, ни повѣстей (*комбинирующее воображеніе*). Въ разговорѣ, такъ же какъ и въ пись-

менномъ изложеніи, не употребляетъ никакихъ фигуръ, сравненій, противоположеній, а старается только коротко и ясно изложить описываемые факты (отсутствіе *живости, яркости воображенія*). Такимъ образомъ, получается какъ бы противорѣчіе: значительно развитое эстетическое чувство (музыкальныя способности) при полномъ почти отсутствіи воображенія. Память кажется, это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что изъ всѣхъ проявленій эстетическаго чувства любовь къ музыкѣ меньше всего требуетъ яркихъ, пластичныхъ образовъ, живыхъ и отчетливыхъ представленій, въ особенности зрительныхъ. Здѣсь нужно скорѣе тонко развитое, отзывчивое чувство, способность испытывать настроенія, смутныя, ноенныя, измѣнчивыя, и тѣмъ не менѣе настолько сильныя, что они всецѣло захватываютъ человѣка; кромѣ того, необходимъ хорошій слухъ. И тѣмъ, и другимъ Грузинникъ, какъ мы уже видѣли, обладаетъ въ зполнѣ достаточной степени.

Что касается остальныхъ проявленій умственной дѣятельности (память, мышленіе), то они, въ общемъ, развиты у Грузинника очень хорошо. Такъ, усвоенное въ теченіе года онъ настолько хорошо *сохраняетъ въ памяти*, что къ концу года, при повтореніи курса, ему не нужно справляться съ книгой; въ этомъ отношеніи превосходитъ даже лучшихъ учениковъ класса, пиримѣръ, Валицкаго.—Обладаетъ обширными для своего возраста свѣдѣніями, такъ какъ много и серьезно читалъ. *Типъ памяти*, повидному, зрительный: заучивая урокъ, сидитъ и читаетъ про себя, при этомъ не шепчетъ и никакихъ движеній губами или руками не производитъ. Заучиваніе носитъ всегда осмысленный характеръ; изъ того, что слышитъ на урокахъ, запоминаетъ лишь существенное, опускаетъ подробности. Точно также и въ разговорѣ, излагая что-нибудь, не уклоняется въ сторону и не говоритъ лишняго, а коротко и ясно излагаетъ свои мысли (преобладаніе *внутреннихъ ассоціацій*). Наклонность къ *составленію сужденій* выражена у Грузинника очень рѣзко. Такъ, однажды разговаривали о томъ, что не слѣдуетъ дѣлать отзывовъ о людяхъ въ присутствіи ихъ самихъ; спустя нѣсколько часовъ послѣ разговора Грузинникъ по собственной инициативѣ возобновляетъ его: онъ припомнилъ аналогичный случай (когда взрослые говорили о дѣтяхъ въ присутствіи этихъ послѣднихъ) и желаетъ обсудить его. По ариметикѣ рѣшеніе задачъ, доказательства пропорцій и проч. передаетъ сознательно и толково. На вопросы, предложенные классу, даетъ отвѣтъ послѣ нѣкоторой паузы, предварительно обдумавши его, между тѣмъ какъ на простые, обыденные вопросы отвѣчаетъ тотчасъ же, безъ всякаго затрудненія.

Письменную работу по естественной исторіи („о ракъ“) выполнилъ по сравненію съ товарищами гораздо полнѣе и систематичнѣе: не остановился на описаніи однихъ только виѣшнихъ, общезвѣстныхъ признаковъ рака и фактовъ изъ его жизни, а коротко, но ясно и послѣдовательно описываетъ внутреннее строеніе, органы и отиравленія ихъ (*наклонность къ анализу*).

Итакъ, умственные процессы, хотя и нѣсколько односторонне направленные, тѣмъ не менѣе, имѣютъ для душевной жизни Грузинина ничуть не меньшее значеніе, чѣмъ проявленія эмоціональной и волевой дѣятельности.

Резюме. При общей замкнутости и бѣдности внѣшнихъ проявленій, значительное развитіе внутренней душевной жизни. Энергичная и настойчивая воля, направляемая разнообразными чувствами, какъ поистинскими, такъ и альтруистическими. Хорошо развитая память и мышленіе при сравнительно бѣдномъ воображеніи.

Б. Дмитренко, 3 класса, 13½ лѣтъ.

Здоровый, нормально сложенный мальчикъ, въ отношеніи мышечной силы нѣсколько превосходящій своихъ сверстниковъ. Черные волосы, совсѣмъ темные, коричневые глаза, окаймленные густыми черными бровями; длинныя рѣсницы. Хорошій цвѣтъ лица.

Родители живутъ скромно, но съ достаткомъ; при домѣ садъ, есть свое, хотя и небольшое, хозяйство. Отецъ выслужился изъ рядовыхъ въ офицеры; практиченъ, умѣетъ хорошо устриваться. Семейно любитъ, не жалѣетъ средствъ на образованіе дѣтей. Мать хорошая хозяйка. Родители къ дѣтямъ требовательны и, кажется, строги; дѣти ихъ очень слушаются.

Такъ какъ особенности умственной жизни менѣе характерны для этого мальчика, чѣмъ его эмоціонально-волевая сфера, то мы и начнемъ съ этой послѣдней. Виѣшнія *физиологическія проявленія чувствъ* развиты у него, повидимому, довольно слабо. Такъ, хотя посвященіе зоологическаго сада чрезвычайно заинтересовало его, однако особыхъ признаковъ удивленія или удовольствія открыто не обнаруживалъ. Свиданія съ сестрами добивался усердно, когда же получилъ его, то не проявилъ особой радости. Съ товарищами мало общителенъ; въ послѣднее время становится общителнѣе со старшими, отъ которыхъ сторонился раньше. Однажды, вопреки обыкновенію, былъ очень общителенъ съ воспитателемъ, старался поговорить, но затруднялся въ выборѣ темъ: нѣтъ привычки быть близко старшихъ; при-

слушивался къ разговору и задавалъ вопросы. *Настроение* обычно ровное и спокойное: не замѣчается ни особенной радости, ни особеннаго юра. Нѣсколько замѣтнѣе сказывается раздражительность, *наклонность къ шуткѣ*. Такъ, напримѣръ, неудовольствіе по поводу запрещенія идти въ театръ высказалъ довольно рѣзко: „ну, да на васъ никогда не угодишь!“ На замѣчаніе по поводу игры въ перышки не во время отвѣтилъ рѣзко: „да я никому не мѣшаю!“ Наказаніе, состоявшее въ томъ, что вымѣненное имъ у товарища блюдо отобрала и отдала служителю, вызвало съ его стороны рѣзкій отвѣтъ: „такъ мнѣ и не надо“!

Чувство *страха* въ большинствѣ случаевъ совершенно отсутствуеъ. Онъ нисколько не боится темноты и привидѣній, а, наоборотъ, самъ иногда пугаетъ товарищомъ. Совершенно хладнокровно беретъ въ руки пауковъ, лягушекъ и проч. и занимается съ ними. На гимнастикѣ охотно продѣлываетъ разныя рискованныя упражненія: прыганіе черезъ кобылу, прыжки сверху внизъ и т. п. Если чего и боится, такъ исключительно наказаній, записей въ журналъ, какъ влекущихъ за собой, при неудовлетворительномъ баллѣ за поведеніе, возможность исключенія изъ корпуса. Замѣченный однажды воспитателемъ въ попыткѣ курить, поблѣдпѣлъ до бѣлизны и сталъ увѣрять, что не курилъ, при этомъ усиленно божился. Видя, что этимъ не можешь, сталъ нервно плакать и увѣрять, что не курилъ. Когда же убѣдился, что фактъ установленъ, то сознался, очень просилъ простить и обѣщалъ не курить впредь.

Надо сказать, что забота о своихъ интересахъ и, вообще говоря, чувства, относящіяся къ собственной личности, отличаются у Дмитренко значительнымъ развитіемъ. Онъ любитъ поѣсть и постоянно старается вымѣнить какое-нибудь мало любимое блюдо на другое или выиграть его у товарища въ перышки, въ стрѣльбу. Въ случаѣ мѣны въ убыткѣ не остается. Хотя обжорой назвать нельзя, но лакомка несомнѣнный: ждетъ возвращенія товарищомъ изъ отпуска съ тѣмъ, чтобы получить гостинцы, для чего охотно вступаетъ на праздничное дежурство (*низшія органическія чувства*). Свои интересы отстаиваетъ всегда очень усердно (*эгоизмъ*). Когда что-нибудь раздаютъ классу (щетки, коньки и т. п.) и на всѣхъ не хватаетъ, то онъ считаетъ, что ему должно быть дано непременно и настойчиво просить, хорошо понимая, что всѣмъ не дашь. Считалъ себя, какъ не ходячаго въ отпускъ, имѣющимъ право идти на спектакль для учебныхъ заведеній и былъ очень обижень, что воспитатель не назначилъ его въ театръ.

Самолюбивъ и самоуверенъ. На гимнастикѣ щеголяетъ свою смѣлостью, продѣлывая разныя рискованныя упражненія. Похвалы принимаетъ охотно, а на порицанія возражаетъ въ рѣзкой формѣ, въ родѣ: „довольно вамъ меня ругать!“ Получивъ одинъ во всемъ классѣ прибавку балла за поведение, просилъ написать родителямъ и былъ очень доволенъ, когда воспитатель написалъ: „по сравненію съ прошлымъ годомъ ведетъ себя лучше“. Тутъ же высказалъ увѣренность, что скоро и 6-й баллъ заслужитъ. Замѣчается наклонность и умѣнье командовать другими. Такъ, во время свободнаго урока инспекторъ предложилъ классу разучить басню въ лицахъ: „Судъ звѣрей“. Дмитренко распредѣлялъ роли. Черезъ часъ роли были уже разучены, и Дмитренко просилъ воспитателя прослушать эту басню, для чего выстроилъ всѣхъ кадетъ по порядку чтенія и управлялъ ролями, какъ опытный режиссеръ. Для достиженія порядка въ классѣ и въ строю совершенно спокойно принимаетъ мѣры въ родѣ пинка или затрещины и достигаетъ этимъ повиновенія. Классъ начинаетъ его слушаться.

Родственныя привязанности и чувство симпатіи развиты у него въ общемъ довольно слабо. Особенно нѣжныхъ чувствъ къ роднымъ или товарищамъ не проявляетъ: письма домой пишетъ рѣдко, съ товарищами сходится не прочно, особенной дружбы ни съ кѣмъ не ведетъ. Отдѣльныя проявленія симпатіи, правда, иногда наблюдаются. Такъ, однажды высказалъ жалость къ одному изъ дѣйствующихъ лицъ въ разсказѣ Станюковича. Очень сочувственно отнесся къ предстоящему базару въ пользу дѣтей убитыхъ и раненыхъ на войнѣ; несмотря на свою бережливость, взялъ 3 билета по 25 коп. Однако, и здѣсь озлобленъ главнымъ образомъ тѣмъ, что можно получить на базарѣ и какія вещи будутъ на лоттерей. На базарѣ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за выигрышами и былъ очень доволенъ, что получилъ хорошій кожаный альбомъ. Выигранный альбомъ рѣшилъ подарить одной изъ сестеръ, но не зналъ, которой изъ двухъ, съ тѣмъ чтобы не обидѣть ни одну.

За то разнаго рода грубыя шалости, нерѣдко съ оттѣнкомъ жестокости, встрѣчаются у Дмитренка на каждомъ шагѣ. Въ строю незамѣтно для товарища старался задѣть его, съ тѣмъ чтобы обидѣть. Задѣвалъ впереди сидящаго товарища ногами и мѣшалъ ему готовить уроки; на его слезы смѣялся и называлъ его бабой. Когда товарищъ проходилъ въ классѣ мимо его на свое мѣсто, выставилъ ногу изъ-подъ парты и уронилъ его, на раздраженіе упавшаго смѣялся. На урокъ танцевъ стоитъ только отвернуться отъ него,

чтобы онъ изподтишка задѣлъ кого-нибудь изъ товарищей. Налѣпляя на волосы пластилины, послѣ котораго трудно разлѣпить и очистить волосы; эта грубая забава повторялась нѣсколько разъ и доставляла ему не малое удовольствіе. При укладкѣ спать устраивалъ товарищамъ провалы щитовъ кроватей и радовался, когда его затѣя удавалась. Когда всѣ уснутъ, Дмитренко нерѣдко начинаеть новыя продѣлки: разрисовываетъ фizioноміи или вставляетъ гусариковъ спящимъ товарищамъ, налѣзается въ самодѣльную маску и пугаетъ ихъ и т. д. Пугалъ также и маленькихъ, несмотря на то, что вызывалъ этимъ у нихъ страхъ и слезы. Иной разъ обижаетъ даже и тѣхъ товарищей, которыхъ ставить высоко или которые пользуются его симпатіей; при этомъ большею частью не можетъ назвать причины, заставившей его обидѣть товарища.

Послѣ всего этого перечня приходится съ нѣкоторымъ удивленіемъ отмѣтить, что, несмотря на свои грубыя выходки, Дмитренко все же пользуется достаточнымъ расположеніемъ товарищей. Чѣмъ объяснить такое отношеніе? Можетъ быть, товарищи цѣнятъ въ немъ смѣлость, увѣренность въ себѣ и уважають ту опредѣленность взглядовъ и убѣжденій, которою, какъ мы сейчасъ увидимъ, отличается Дмитренко и которая придасть ему извѣстный авторитетъ среди окружающихъ?

Перехода къ вопросу о *правдивности чувствъ*, слѣдуетъ отмѣтить, что проявленія его у Дмитренка, несомнѣнно, наблюдаются, но, въ связи со всѣмъ складомъ личности этого мальчика, носятъ нѣсколько своеобразный характеръ. Мы уже видѣли, какъ равнодушно относится Дмитренко къ интересамъ своихъ товарищей. То же самое слѣдуетъ сказать и объ его отношеніи къ школьнымъ обязанностямъ. Уроки онъ учить небрежно, на вечернихъ занятіяхъ постоянно ищетъ какой-либо забавы или работы,—кромѣ обязательной. Только различныя побочныя цѣли, какъ, напримѣръ, желаніе получить лучшую отмѣтку, пойти въ отпускъ и т. п. заставляютъ его дѣлать надъ собой усиліе и заниматься прилежиѣе. Къ воспитательскимъ внушеніямъ и выговорамъ совершенно равнодушенъ. Выговоръ, сдѣланный ему за то, что, подставивъ ногу, уронилъ товарища, очень мало смутилъ его. Къ замѣчанію по поводу мѣны блюдъ относится настолько безразлично, что пришлось вымѣненное отдать служителю. Въ случаѣ надобности охотно прибѣгаетъ ко лжи; такъ, уличенный въ куреніи, сначала всячески заперся, божился,—и сознался лишь тогда, когда фактъ куренія былъ вполне установленъ.

Несмотря на все это, или, вѣрнѣе, наряду со всѣмъ этимъ у Дмитренко существуютъ вполне опредѣленные (хотя, повторяемъ, своеобразныя) нравственныя воззрѣнія, руководящія его поступками и сужденіями. Такъ, онъ открыто возмущался поведеніемъ товарища, за которымъ уже и раньше были грязныя шалости; при обсужденіи его поступка Дмитренко, не щадя товарища, вставляя въ общій разговоръ фразы, бросающія на обвиняемаго лишній комъ грязи. По его мнѣнію, причиной проступка явилась легкость наказанія: если бы виновнаго въ прошломъ году наказали строже, то исторія эта не повторилась бы. Данныя имъ самими обѣщанія старается выполнять; такъ, наприимѣръ, давши воспитателю слово не курить, держитъ его строго. Охотно вступаетъ въ разговоръ о правѣ и справедливости. Справедливымъ считаетъ все то, что честно; понятіе же права толкуетъ исключительно съ точки зрѣнія своихъ личныхъ интересовъ. Однажды онъ придумалъ повѣсить дощечки въ партѣ товарища для устройства шума во время урока. Шалость эта была приведена въ исполненіе, при чемъ нитку отъ дощечки провели къ партѣ Дмитрення. Будучи уличенъ, Дмитренко сначала записался, сваливая на того, въ чьей партѣ были найдены дощечки, но скоро сознался. При обсужденіи всего инцидента никакъ не можеть согласиться съ воспитателемъ, что каждый долженъ беречь и охранять общіе интересы, а не сваливать вину на другихъ и не прятаться за чужую спину. Онъ же считаетъ, что какую бы шалость ни выкинуть, сознаваться не слѣдуетъ, пока не поймають: „не пойманъ—не воръ“. На другой день самъ началъ разговоръ на эту тему и видимо нѣсколько разобрался, такъ какъ уже соглашался, что поступилъ некрасиво, подводя товарища. Однако, въ разговорѣ воспитателя съ классомъ по поводу товарищескихъ отношеній болѣе другихъ принималъ участіе, стараясь доказать, что вина одного несознававшегося, хотя бы и влекла наказаніе многихъ виновныхъ, всегда наказывается легче,—а потому и нѣтъ расчета сознаваться.

Существованіе у Дмитрення такихъ своеобразныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне опредѣленныхъ взглядовъ на нравственность и на социальныя отношенія станетъ для насъ болѣе понятнымъ, когда мы разберемся въ его умственной и волевой сферѣ. Прежде всего, тѣ первичные импульсы, которые заставляютъ человека дѣйствовать, именно—желанія и стремленія, отличаются у Дмитрення нерѣдко чрезвычайной интенсивностью. Занятіемъ, которое ему понравилось, онъ способенъ увлекаться до крайности. Однимъ изъ такихъ увле-

ченіи является въ данный моментъ игра въ перышки, на которую онъ тратитъ значительную часть своего свободнаго времени. На вечернихъ занятіяхъ, торопливо приготовивъ уроки, тотчасъ же сѣлъ за эту игру. Когда воспитатель сдѣлалъ замѣчаніе, что играть не время, сдѣлалъ видъ, будто не слышалъ, что замѣчаніе относилось къ нему; повтореніе замѣчанія его не остановило, пока воспитатель не подошелъ съ каедрой до его мѣста. Въ другой разъ вечеромъ игралъ въ перышки до того, что бросилъ заниматься, и взялся за дѣло лишь послѣ того, какъ получилъ категорическое запрещеніе играть. Та же исторія повторяется съ чтеніемъ, на которое иной разъ употребляетъ все свое свободное время. Слѣдшею приготовилъ урока, просить дать ему книгу для чтенія и, получивъ ее, читаетъ не отрываясь до конца запятій. Когда рота уже снала, читалъ тайкомъ книгу, лежа въ постели; послѣ замѣчанія пытался вторично читать. На урокъ пѣнія, какъ не имѣющій слуха, все время, не отрываясь, читалъ книгу. Передъ началомъ воспитательскаго чтенія убѣдительно рекомендовалъ читать Робинзона Крузо, котораго онъ только что прочелъ. Чтенію слушалъ съ большимъ вниманіемъ; когда воспитатель останавливался или кто-нибудь задавалъ вопросъ, Дмитренко кричалъ съ мѣста: „ну хорошо, дальше!“ „не перебивайте!“ и т. п.

Вмѣстѣ съ этимъ желанія и рѣшенія Дмитренка отличаются значительной *устойчивостью*. Разъ ему чего-нибудь захочется, онъ приступаетъ съ настойчивыми просьбами, хотя бы иной разъ и самъ признавалъ, что просьбу выполнить почему-нибудь неудобно. Усиленно упрашиваетъ отпустить въ институтъ къ сестрѣмъ и въ концѣ концовъ добивается своего. Общашное помнить долго и пристасть съ его выполненіемъ: данное два мѣсяца тому назадъ обѣщаніе пересадить къ нему товарища до сихъ поръ не забылъ и упорно добивается разрѣшенія сдѣлать это.

Постоянство желаній обыкновенно благоприятствуетъ обдуманности поступковъ, детальному *обсужденію мотивовъ* и способовъ дѣйствія. Эту обдуманность и систематичность поступковъ мы находимъ и у Дмитренка, съ тою лишь особенностью, что обсужденіе направлено здѣсь не на законность самихъ желаній (которыя онъ стремится осуществить во что бы то ни стало,—см. выше), а на способы наиболѣе полного ихъ осуществленія. Такъ, ожидая открытія катка, онъ уже за недѣлю проситъ купить коньки, придѣлываетъ пластинки къ сапогамъ, проситъ позаботиться о расчиствѣ катка,—и въ заключеніе одинъ изъ всего класса оказывается вполне готовымъ къ катанію.

Бережливъ и аккуратенъ, любитъ порядокъ. На отпускъ въ Смольный Институтъ отказался взять сколько-нибудь изъ имѣющихся у него 3-хъ рублей и рѣшился идти туда и обратно пѣшкомъ, чтобы не тратить лишнихъ денегъ. Въ классѣ во время дежурства держитъ образцовый порядокъ по сравненію съ другими. Соблюдаетъ порядокъ въ партѣ и аккуратность въ платьѣ. Его раздражаетъ дурно написанное на доскѣ заданіе уроковъ, подходит ежедневно, стираетъ написанное и вновь тщательно пишетъ самъ. Во время приготовленій къ базару составилъ очень подробный и аккуратный списокъ, кому и какихъ билетовъ на базаръ нужно и вручилъ его воспитателю (*систематичность сложныхъ дѣйствій*).

Что касается активности, способности къ положительному волевому усилію, то она у Дмитренко несомнѣнно существуетъ, но опять такъ въ тѣсной связи съ направлениемъ его желаній, т. е., лишь по отношенію къ тому, что его интересуетъ. Дѣло для него неинтересное (напр., приготовленіе уроковъ), ведетъ кое-какъ, при малѣйшей трудности бросаетъ или прибѣгаетъ къ чужой помощи. Наоборотъ, въ занятіи, его интересующемъ, отличается настойчивостью и упорствомъ. Такъ, ему очень понравилось вязаніе рыболовной сѣти. Со свойственнымъ ему увлеченіемъ просіяиваетъ цѣлыя часы надъ этой работой и научилъ ей многихъ товарищей. Занимается вязаніемъ сѣти во время воспитательскаго чтенія. Продолжалъ заниматься тѣмъ же и съ началомъ вечернихъ занятій, на предложеніе оставить работу согласился неохотно; уроки приготовилъ скоро и хорошо и просилъ поскорѣе спросить его съ тѣмъ, чтобы снова принялся за прерванную работу. То же и по отношенію къ умственной работѣ. На тѣхъ урокахъ, которые его не интересуютъ (напримѣръ, иностранные языки), онъ или занимается постороннимъ дѣломъ, или сидитъ апатично и разсѣянно, на предложенные вопросы отвѣчаетъ невпопадъ. Когда же находитъ себѣ интересное дѣло, то общество товарищей ему не нужно, онъ весь уходитъ въ свое занятіе и, хотя недолго, но сосредоточенно работаетъ: читаетъ, пишетъ и т. п. (*преобладаніе тихаго вниманія*). При этомъ можетъ одновременно вести двѣ работы, напримѣръ, слушать чтеніе и рисовать или дѣлать какую-нибудь ручную работу. Когда воспитатель читалъ классу Робинсона Крузо, Дмитренко все время вязалъ сѣть, но въ то же время живо интересовался чтеніемъ, внимательно слушалъ и во время остановокъ свободно напомнималъ, на чемъ остановились (*объемъ вниманія*).

Въ теченіе всего дня не обнаруживаетъ видимой усталости, къ

вечеру такъ же бодръ и способенъ на разговоры, шалости и разныя затѣи, какъ и утромъ: всѣ уже спать, а онъ очень часто лежитъ и читаетъ, повторяетъ уроки или же изощряется въ придумываніи какой-либо шалости (*умственная и физическая утомляемость*). Ко всякой новой работѣ приспосаблиется довольно долго и съ трудомъ; даже когда выучить приемы (правила арифметическихъ задачъ, построение фразъ въ иностранныхъ языкахъ), то и тогда не увѣренъ въ себѣ и лишь послѣ ряда упражненій пріобрѣтаетъ нѣкоторый навыкъ (*умственная упражняемость*). Бросивъ работу, не легко снова принимается за нее, особенно если работа для него не интересна.

Надо сказать, впрочемъ, что наряду со стремленіемъ немедленно и во что бы то ни стало осуществлять свои желанія, въ послѣднее время у Дмитренка стали замѣчаться также и попытки сдерживать себя, въ особенности, если это требуется для достиженія какой-нибудь болѣе отдаленной цѣли (способность въ *психической задержкѣ*). Съ каждымъ днемъ дѣлается замѣтнѣе работа надъ собой. Соблазнять его главнымъ образомъ прибавка балла за поведеніе, которая дастъ ему возможность чаще ходить въ отпускъ. Нипотѣ обл. этомъ своей сестрѣ, вполне увѣренный, что справится съ поставленной собою задачей. Получивъ замѣчаніе, видимо старался сдержаться и не отвѣчать рѣзко. Тонъ хотя и не заискивающій, но подлаживаніе подъ требованія замѣтно. Послѣ того, какъ былъ уличенъ въ попыткѣ курить, замѣтно измѣнился въ лучшую сторону, быть можетъ, въ силу полученнаго прощенія. Къ занятіямъ сталъ относиться добросовѣстно, доподлинно выучилъ уроки и сдѣланныя указанія выполнялъ аккуратно. На строевомъ ученіи замѣтно тянулся. Само собою разумѣется, что значеніе этихъ попытокъ не слѣдуетъ преувеличивать, такъ какъ въ общемъ свои собственные влеченія и цѣли всегда преобладаютъ у него надъ тѣми правилами и требованіями, которыя ставитъ ему учебное заведеніе.

Указанныя нами особенности волевой сферы Дмитренка отражаются также и на области движеній. Въ общемъ онъ *малоподвиженъ*. На вечернихъ занятіяхъ все время, не вставая, сидитъ на своемъ мѣстѣ. На урокѣ танцевъ невнимателенъ, видимо тяготеетъ танцами, требованіямъ преподавателя подчиняется только въ силу необходимости. За то тѣми физическими упражненіями, которыя ему нравятся (гимнастика, подвижныя игры), занимается очень охотно и при продѣлываніи ихъ показываетъ смѣлость и ловкость (*координація движеній*). Очень любитъ попаданіе мячомъ въ цѣль и попадаетъ удачно. На

гимнастикѣ старался поддерживать порядокъ среди товарищей съ тѣмъ, чтобы было больше времени на упражненія. Новыя упражненія усваиваетъ легко и быстро (*дополнительная упражняемость*). Силы, по сравненію со сверстниками, значительной, легко для своего возраста лазаетъ по лѣстницѣ, шестамъ и канатамъ. Такимъ образомъ, и въ области движеній положительныя качества Дмитренко сказываются лишь по отношенію къ тѣмъ родамъ движеній, которые почему-либо являются для него привлекательными.

Умственные интересы и умственные способности развиты у Дмитренко довольно значительно. Однажды онъ такъ заинтересовался объясненіями воспитателя по естественной исторіи (въ связи съ заданнымъ урокомъ), что вопреки привычкѣ сидѣть на мѣстѣ подошелъ къ каюдрѣ и въ то время, какъ другіе ученики принялись за текущую работу, вступилъ въ продолжительный разговоръ относительно подробностей устройства скелета и отправления внутреннихъ органовъ (*интеллектуальное чувство*). Посѣщеніе зоологическаго сада очень ему понравилось, и въ слѣдующій празникъ онъ усиленно просилъ опять идти туда. Во время осмотра эрмитажа проявилъ не мало любознательности, особенно въ отдѣлѣ среднихъ вѣковъ; прогулкой въ эрмитажъ остался очень доволенъ и въ бесѣдѣ по этому поводу много спрашивалъ относительно видѣннаго. Вообще, обо всемъ видѣнномъ впервые любитъ поговорить обстоятельно, спрашивая преимущественно о практическомъ примѣненіи даннаго предмета.

Память у Дмитренко довольно хорошая, при чемъ *запоминаніе* нерѣдко бываетъ чисто механическимъ, недостаточно осмысленнымъ. Такъ, уроки французскаго языка очень часто заучиваетъ со словъ преподавателя; при этомъ, не разбирая ясно словъ, запоминаетъ ихъ по созвучію, а не по смыслу и, конечно, сильно коверкаетъ текстъ. Приходится тратить много труда, чтобы потомъ выѣсть съ нимъ переучить урокъ осмысленно по печатному тексту. *Внѣшнія ассоціаціи* развиты у него, повидимому, довольно хорошо. Такъ, онъ можетъ долго (до 40 минутъ) поддерживать разговоръ, при чемъ въ подборѣ словъ и фразъ особыхъ затрудненій не встрѣчаетъ. О томъ же свидѣтельствуютъ и его письменныя работы (*обиліе словесныхъ образовъ, легкость ихъ сочетаній*). Наоборотъ, *внутреннія ассоціаціи* развиты значительно слабѣе. При рѣшеніи задачъ онъ не умѣетъ общее правило распространять на конкретные случаи. Написанное изложеніе о годахъ дѣтства (см. ниже) даетъ ясную картину отдѣльныхъ эпизодовъ жизни, но не представляетъ собою цѣлаго. Правда, наклонность

къ составленію сужденій (стоящая обыкновенно въ тѣсной связи съ развитіемъ внутреннѣхъ ассоціацій) сказывается у него довольно рѣзко: онъ охотно разсуждаетъ по поводу событій текущей жизни корпуса, часто высказываетъ свои мнѣнія по тѣмъ или инымъ вопросамъ. Но всѣ его сужденія являются не столько результатомъ логической дѣятельности разсудка, сколько простымъ обнаруженіемъ его чувствованій. Это—не рядъ послѣдовательныхъ умозаключеній, а простые утвержденія, указывающія на то, что именно ему нравится, что онъ находитъ хорошимъ и желательнымъ. Благодаря такому значительному вліянію чувствъ на умственные процессы, сужденія его бывають полны противорѣчій и далеко не отличаются безпристрастіемъ. Такъ, онъ склоненъ относиться критически къ жизни другихъ кадетъ, ясно видитъ ихъ недостатки, и они его даже возмущаютъ; между тѣмъ къ своимъ провинностямъ и недочетамъ относится болѣе, чѣмъ снисходительно. Этими же объясняются и тѣ своеобразныя воззрѣнія на право и справедливость, о которыхъ мы уже подробно говорили выше.

Дѣятельность *комбинирующую воображенія* также достигаетъ у Дмитренко значительной степени развитія, при чемъ, въ связи со всѣмъ утилитарнымъ складомъ его натуры, дѣятельность эту направлены преимущественно на практическія цѣли, на разныя мелкія техническія изобрѣтенія, удовлетворяющія его желаніямъ и прихотямъ. Каждый пустячекъ, попадающій ему въ руки, старается оборудовать въ какую-либо вещь: коробку—въ коробку для наѣвкомыхъ или въ камеръ-обскуру, веревку—въ свѣтъ, электрическіе изоляторы—въ флейту, изъ листа бумаги попромѣнно сдѣлаетъ маску съ полосами и бородой или какую-нибудь игру. Затѣи его въ этомъ отношеніи настолько удачны, что постоянно находятъ собѣ подражателей. Вообще, не мечтатель, планы и затѣи его всегда направлены въ реальную сторону (*реальность новообразованныхъ представленій*). Значительно слабѣе дѣятельность воображенія въ области искусства и литературы, хотя и тамъ она сказывается довольно замѣтно. Такъ, его рисунки часто бывають удачнѣе, чѣмъ у другихъ. Однажды преподаватель рисованія предложилъ довольно сложный рисунокъ перомъ, показавшійся ему сначала по своей трудности недоступнымъ; однако, принявшись за работу, выполнилъ ее очень успѣшно. Въ свободное время просилъ дать ему какую-нибудь работу и, получивъ отъ воспитателя предложеніе изложить что-нибудь изъ прочитаннаго, ухватился за эту мысль и написалъ содержаніе недавно прочитаннаго въ классѣ разсказа Станюковича „Антошка“. Изложеніе очень подробное, но не особенно связное.

Работа ему понравилась, просилъ дать новую тему. Получивши предложеніе описать „годы своего дѣтства до поступления въ корпусъ“, описалъ свою семью, подготовку въ корпусъ и время отъѣзда изъ Полтавской губерніи. Между прочимъ, подробно описываетъ мысли и чувства, пережитыя имъ при отъѣздѣ изъ дому въ корпусъ: „я до минуты отъѣзда не могъ себѣ представить, какъ тяжело будетъ мнѣ разлучаться съ родными, и только когда увидѣлъ слезы мамы, то понялъ, что эта разлука тяжела не только ей, но и мнѣ“,—до этого же момента испытывалъ радостное настроеніе при мысли надѣть кадетскій мундиръ, ѣхать въ столицу и проч. (способность къ самонаблюденію). Несмотря, однако, на подробное описаніе отдѣльных эпизодовъ, въ общемъ изложеніе слабое.

Резюме. Наклонность къ дѣятельности, нередко очень настойчивой и обдуманной, но въ общемъ все же направляемой основными чувствами и влеченіями. Эгоистическія чувства преобладаютъ надъ альтруистическими, органическія влеченія—надъ идейными. Вліяніе эмоциональной сферы отражается также на дѣятельности воображенія, направляя ея въ практическую сторону, и на сужденіяхъ, способствуя возникновенію своеобразныхъ нравственныхъ воззрѣній чисто утилитарнаго характера.

А. Давуреній.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ *).

Н. Соулзетт-Шэлеръ. Гражданинъ и его отношеніе къ государству. Выпуски 1 и 2. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей приватъ-доцента В. В. Лермонтова. Нарва. 1907 г. Цѣна выпуска 75 к.

Авторъ книги „Гражданинъ“ Н. Соулзетт-Шэлеръ не специалистъ по тому вопросу, который онъ трактуетъ: онъ профессоръ... геологій Харвардскаго университета. Поэтому и трудъ его не заключаетъ въ себѣ никакой научной цѣнности, а является просто понятной популярно изложить, часто даже въ общихъ чертахъ, что подразумеваетъ современный образованный и благомыслящій американецъ подъ своими правами и обязанностями гражданина, отношеніями къ нему правительства и *vice-versa*, патріотическими чувствами, политическими интересами и т. д.; каково отношеніе этого американца къ своей родинѣ, своему собрату и къ иностранцу, каковы надежды на будущее или взгляды на назрѣвшіе національные и социальныя вопросы.

Это *profession de foi* средняго профессора-американца, очень самоувѣреннаго въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ и крайне осторожнаго во всемъ, что можетъ его выбить изъ колеи установившагося міровоззрѣнія. Въ книгѣ встрѣчаются наивности, особенно въ общихъ разсужденіяхъ и ссылкахъ на Европу, но на томъ, что касается Соединенныхъ Штатовъ и собственныхъ правъ американскаго гражданина, онъ стоитъ твердо.

Идеалы американца очень певинны, по сравненію съ многими мыс-

*) Отзывы, отмѣченныя звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начального образованія, а также и по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

лямя, появившимися въ такъ называемой освободительной литературѣ у насъ. Онъ строго осуждаетъ анархистовъ, нигилистовъ, социалистовъ и приписываетъ всѣ ихъ заблужденія невѣжеству и незнакомству... съ усовершенствованными формами американской республики.

Онъ стоитъ за строгое повиновеніе законамъ, за безответность солдата, за необходимость охранять государственность отъ внутренняго врага, обязательность для каждаго честнаго человѣка способствовать скорѣйшему преданію правосудію врага порядка, за обязательное подчиненіе полиціи въ моменты бунтовъ и уличныхъ безпорядковъ. На каждой страницѣ говорится о благахъ свободы и рядомъ же доказывается обязательность подчиненія правиламъ, закону, дѣйствующей администраціи и пр.

Подробно описывая значеніе политическихъ партій, авторъ нѣсколько разъ настаиваетъ на томъ, что человѣкъ не обязанъ подчиняться партіи, если видитъ ея заблужденія, напротивъ даже долженъ выступать противъ нея.

Очень остороженъ авторъ и въ вопросахъ щекотливыхъ, какъ-то негрятинскій вопросъ, американскій империализмъ и классовая вражда. Онъ признаетъ существованіе расового отравленія и чуть-чуть его оправдываетъ, не очень вѣрить, что негры могутъ сравняться съ бѣлыми, и наконецъ доказываетъ, что конечно ихъ слѣдуетъ поддѣлять, но, Боже сохрани, не смѣшиваясь съ ними; конечно, можно развить ихъ особья, имъ присущія способности,—но это будетъ стоить очень, очень дорого и потребуетъ много времени.

Вѣншательство въ дѣла сосѣдей, вкусъ къ завоеваніямъ не кажутся ему преступными, но слѣдуетъ помнить, что это можетъ дорого обойтись странѣ и непроизводительно растратитъ многія ея богатства, поэтому немножко империализма не мѣшаетъ, а много его порекомендовать не слѣдуетъ.

Въ вопросѣ социальномъ авторъ просто ставитъ точку: всѣ ученія социалистовъ — бредни, стимулъ къ работѣ одинъ: возможность добыть большаго и лучшаго, безъ него никто не станетъ трудиться. А государство ни въ какомъ случаѣ въ дѣло борьбы богатыхъ и бѣдныхъ не должно мѣшаться: оно должно быть вѣдъ классовыхъ интересовъ, выше ихъ.

Авторъ кромѣ того неоднократно останавливается на воспитаніи гражданъ въ школѣ, на необходимости каждому образованному человѣку работать на пользу правильнаго пониманія его ближайшими согражданами ихъ обязанностей, на необходимости требовать отъ ино-

странцевъ, поселяющихся въ странѣ, знанія англійскаго языка и мѣстныхъ порядковъ управленія и суда.

Н. Соузеръ-Шалеръ упоминаетъ даже о хорошихъ манерахъ, посвящая имъ цѣлую главу.

Это смѣшеніе высокихъ идей и житейской практичности, любви къ свободѣ и проповѣдя дисциплины, такъ типично, такъ цѣльно характеризуетъ мировоззрѣніе американца, — „единственного сознательно-свободнаго чловѣка въ мірѣ“, того американца, съ которымъ я близко познакомился въ теченіе моего пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ, — что, по моему мнѣнію, книга можетъ быть прочитана съ большою пользою.

Изъясъ очень простъ, кромѣ злоупотребленія переводчикомъ въ 3—4 мѣстахъ иностранными терминами, но вѣдь, какъ извѣстно, послѣднее время ни одна книга не свободна отъ этого пристрастія къ „международнымъ“ словечкамъ, такъ какъ присутствіе ихъ придаетъ сочиненію яво бы научный обликъ.

Е. Копаленевій.

Учебникъ массажа и шведской гимнастики. Врача *Е. П. Залтсовой*. Съ 202 рис. въ текстѣ. Второе изданіе. С.-Пб. 1907 г. 500 + II стр. Цѣна 3 р.

Означенная книга врача Залтсовой написана собственно для лицъ, занимающихся массажемъ и шведскою врачебной гимнастикой, поэтому не должна бы повидимому имѣть особаго интереса для педагоговъ и школьныхъ врачей. Принимая, однако, въ соображеніе состояніе здоровья нашихъ учащихся, приходится согласиться, что такая книга далеко не лишена значенія въ дѣлѣ тѣлеснаго воспитанія этихъ учащихся.

Искривленія позвоночника представляютъ печальную специфическую особенность учащихся, какъ мальчиковъ, такъ преимущественно дѣвочекъ въ пору отроческаго и юношескаго ихъ развитія. Тщательныя изслѣдованія врачей, занимавшихся ортопедіей, показали, что не менѣе трети учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ одержимо искривленіемъ (преимущественно боковымъ) позвоночника и что многіе кончающіе курсъ въ этихъ заведеніяхъ остаются на всю послѣдующую жизнь сутуловатыми, кривобокими, горбатыми и т. п.

Въ недавнее еще время пороки искривленія позвоночника приписывались врачами исключительно вліянію школы, и только добросовѣстные изслѣдованія новѣйшихъ школьныхъ врачей доказали, что, наряду со школою въ порокахъ этихъ несомнѣнно виноваты и роди-

тельскій домъ. Дѣти золотушныя и рахитическія являются главными кандидатами на страданіе искривленіями позвоночника; за ними слѣдуютъ ученики, одержимые малокровіемъ, брадитрофіей (замедленнымъ питаніемъ тѣла), т. е. субъекты, живущіе въ наиболѣе неблагопріятныхъ условіяхъ окружающей среды, какъ санитарныхъ, такъ и социальныхъ, и вообще педагогическихъ. Такимъ образомъ, виною искривленій у учащихся приходится признать отнюдь не ненормальныя условія школы и ученія, какъ-то: плохіе классные столы, неправильный способъ сидѣнія, чтеніе и письмо, дурное освѣщеніе и т. д., а прямо болѣзненное развитіе тѣла, особенно костной и мышечной системы дѣтей. Не школьно-гигиеническія, а, главнымъ образомъ, мѣры тѣлеснаго воспитанія должны являться на помощь врачамъ и педагогамъ въ дѣлѣ охраненія здоровья учениковъ. Въ числѣ же мѣръ тѣлеснаго воспитанія, если не первую, то одною изъ первыхъ, изъ важнѣйшихъ слѣдуетъ признать гимнастику или искусство, имѣющее задачу упражнять и развивать мышечную и костную систему дѣтскаго организма. Разумно же поставленная гимнастика служитъ лучшимъ средствомъ къ культивированію не одной мышечной системы тѣла, способствуетъ развитію не однихъ органовъ движенія, но и другихъ, важныхъ органовъ и отправленій тѣла (дыханія, кровообращенія, питанія и т. д.), т. е. оказывается однимъ изъ главныхъ факторовъ обмѣна веществъ въ тѣлѣ, этого существеннаго условія жизнедѣятельности организма.

Системъ гимнастики въ распоряженіи педагоговъ и врачей имѣется не мало, однако, къ сожалѣнію, до сихъ поръ специалисты тѣлеснаго воспитанія далеко не пришли еще къ соглашенію касательно гигиеническихъ и педагогическихъ достоинствъ той или другой системы, и во всѣхъ культурныхъ странахъ рѣшительно поражаетъ странное разнообразіе мѣръ тѣлеснаго воспитанія вообще и системъ гимнастики въ частности. Объясняется разнообразіе это не тѣмъ, что специалисты не знаютъ научныхъ основъ своего искусства, но тѣмъ, что въ тѣлесныхъ упражненіяхъ и играхъ руководствуются, наряду съ научными основами, и личными вкусами, и нравами и обычаями среды и климатическими условіями мѣстности, и преданіями, словомъ, зачастую всѣмъ, чѣмъ хотите, только не научными данными. Лучшіе представители гимнастики — Аморось, Шпъ, Гутсъ-Мутсъ, Лингъ — были солдаты; лучшій специалистъ по тѣлесному воспитанію Ф. Демпли оказывается математикомъ; лучшій теоретикъ по системамъ гимнастики — Эйлеръ — былъ учителемъ, лучшій практикъ по тѣлес-

ному воспитанію Базедовъ—тоже педагогъ и т. д. Менѣ всего знакомыми съ дѣломъ тѣлеснаго воспитанія, съ гимнастикою приходится считать врачей, т. е. тѣхъ лицъ, которыхъ дѣло это касается спеціально. Школьные врачъ, которыхъ болѣе всего должны бы были интересовать теорія и практика тѣлеснаго воспитанія, увлеклись одною гігіеною, а заботу о тѣлесномъ воспитаніи предоставляли мажорантамъ, гимнастамъ, солдатамъ, т. е. грубымъ практикамъ по части муштровки, акробатства и т. д. Оказывается, что человѣку, желающему уяснить себѣ мотивы относительно введенія той или другой системы гимнастики въ любой школѣ любой страны, приходится прямо отказаться отъ всякой надежды удовлетворить свое любопытство, а ограничиться развѣ призапиемъ только того голословнаго утвержденія, что помощью гимнастики гг. специалисты воображаютъ сослужить службу оздоровленію молодого поколѣнія, но рѣшительно не знаютъ, какъ взяться за дѣло, какъ осуществить свои мечты. Нѣмцы видятъ все спасеніе въ Яновской (турнерской) гимнастикѣ, французы въ спортѣ и атлетизмѣ, шведы во врачебной гимнастикѣ, англичане въ футболѣ и крикетѣ, японцы въ джиу-джитсу, т. е. „спасаются кто въ лѣсъ кто по дрова“, не добившись не только пониманія основъ тѣлеснаго воспитанія, но порою даже и здраваго смысла.

Есть собственно два пути къ достиженію истины въ дѣлѣ установленія тѣлеснаго воспитанія вообще или культивированія органовъ движенія (гимнастики) въ частности: одинъ путь, это строгое слѣдованіе указаніямъ природы мышечной дѣятельности человѣка, другою же — изысканіе научныхъ основъ этой дѣятельности при посредствѣ наблюденія и эксперимента. Къ первому пути ближе всего подошли древніе греки со своимъ пятиборьемъ, ко второму французскіе ученые Ф. Лагранжъ, Ж. Демэни и, пожалуй, профессоръ Моссо (въ Туринѣ). И древніе греки, и названные повѣйшіе ученые главнымъ образомъ держались указаній природы и незначительною долею прибѣгали къ помощи искусства, къ простѣйшимъ гимнастическимъ снарядамъ; къ тому же они настаивали на упражненіяхъ на чистомъ воздухѣ. Въ ряду дѣйствующихъ системъ гимнастики система шведская наиболѣе отвѣчаетъ требованіямъ физиологій движетей и гігіены, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что ей особенно сочувствовали врачъ и гігіенисты. И даже Демэни, враждебный къ нѣмецкой гимнастикѣ, не только одобряетъ шведскую систему, но и многое заимствовалъ отъ нея при составленіи своего официального руководства по гимнастикѣ для учебныхъ заведеній Франціи.

Задача шведской гимнастики, по утвержденію специалистовъ и по признанію безпристрастныхъ наблюдателей, заключается въ томъ, чтобы дать возможность цѣлесообразно развиваться въ физическомъ отношеніи не только крѣпкимъ, но и слабымъ, болѣзненнымъ субъектамъ. И подтверждаетъ это даже одинъ изъ извѣстныхъ приверженцевъ нѣмецкой (турнирской) гимнастики, профессоръ Ф. А. Шмидтъ (въ Боннѣ).

Особенно важную роль въ шведской гимнастикѣ играетъ упражненіе дыхательныхъ движеній. Шведъ Лингъ, подобно Дельсарту (автору эстетической гимнастики), признавали здоровыя легкія основою здороваго тѣла.

Снарядовъ въ описываемой гимнастикѣ примѣняется сравнительно весьма мало. Главными оказываются два снаряда: такъ называемая шведская стѣна или Rippestol и горизонтальное бревно (Bom); остальные имѣютъ второстепенное значеніе. У шведовъ можно считать закономъ, что каждое трудное упражненіе готовится совершенно постепенно; каждое новое упражненіе обязательно вытекаетъ изъ предыдущаго, состоитъ съ нимъ въ тѣсномъ взаимодействіи. Развитію ловкости, легкости и граціи особенно способствуютъ упражненія на качающейся лѣстницѣ, допускающія безчисленное множество движеній подходящаго свойства.

По дѣйствию на организмъ всѣ упражненія шведской гимнастики дѣлятся на группы со строгой послѣдовательностью. Упражненія состоятъ изъ движеній „пассивныхъ“ и „активныхъ“ (изъ нихъ — надо замѣтить — пассивныя относятся къ гимнастикѣ врачебной). Дѣти слабенькія готовятся къ упражненіямъ при посредствѣ пассивныхъ и полупассивныхъ движеній.

Всѣ движенія начинаются со строго опредѣленнаго основного положенія и различаются какъ положенія выходныя и какъ движенія.

На каждомъ урокѣ продѣлываются слѣдующія упражненія:

Сначала намѣчается небольшая группа легкихъ вольныхъ движеній, которыя служатъ какъ бы переходомъ отъ умственныхъ занятій къ физической мышечной дѣятельности.

1. Вступленіе. Движеніе ногъ, рукъ, туловища и снова ногъ.

2. Напряженное ступительное движеніе (на шведской стѣнѣ): упражненіе, при космѣ сильнѣйшимъ образомъ дѣйствуютъ всѣ разгибающія мышцы тѣла.

3. Упражненія въ подъемѣ, лазаніи: главною задачею этого упражненія служатъ расширеніе грудной кѣтки и укрѣпленіе мышцъ верхнихъ конечностей и туловища.

4. Упражненіе въ равновѣсіи: тутъ напрягаются всѣ мышцы туловища, благодаря чему упражняющійся овладѣваетъ способностью управлять тѣломъ и пріобрѣтаетъ граціозность движеній.

5. Упражненіе, имѣющее спеціальною цѣлью укрѣпленіе мышцъ плечъ, спины и затылка.

6. Упражненіе съ цѣлью особаго укрѣпленія мышцъ туловища.

7. Тоже — переднихъ мышцъ туловища.

8. Вводится второе упражненіе въ подъемѣ, если допускаютъ это время и силы учащихъся.

9. Прыганіе. Свободные и связанные прыжки. Помощью упражненія правильныхъ школьныхъ прыжковъ (прыжка въ вышину, въ глубину, въ ширину, прыжковъ на снарядѣ) учащіеся должны выучиваться подлежащимъ образомъ управлять колѣнными и локтевыми суставами, для того чтобы, въ случаѣ необходимости прыгать, умѣть избѣгать сотрясенія брюшныхъ органовъ. Важно и то, что при этомъ развиваются мужество, отвага и способность управлять членами.

10. Отвлекающія движенія и дыхательныя упражненія заканчиваютъ урокъ. Дѣти покидаютъ классъ, когда вполне усноуются ускоренная дѣятельность сердца и легкихъ.

Во всѣхъ упражненіяхъ постоянно имѣютъ въ виду, чтобы обѣ стороны тѣла развивались равномерно.

Строгое правило, придерживаться отчетливости движеній, способствуетъ дисциплинѣ въ упражненіяхъ. Благодаря нравственному вліянію, производимому соблюденіемъ этого правила, развитію самообладанія, энергій и другимъ цѣннымъ качествамъ, такая гимнастика становится важнымъ воспитательнымъ средствомъ.

На урокъ не требуется никакого *принужденія* относительно тѣхъ или другихъ упражненій; учащіеся не обязаны упражняться въ каждомъ гимнастическомъ приемѣ наравнѣ съ товарищами. Это чрезвычайно важно.

Въ шведской гимнастикѣ требуется особая одежда, не стѣсняющая тѣла, однако сшитая такъ, чтобы всѣ контуры тѣла отлично были видны. Она доходитъ только до колѣнъ, и потому учительница можетъ удобно наблюдать за правильностью гимнастическихъ движеній упражняющихся. Обувь особая, безъ каблуконъ.

Признавая цѣнныя достоинства шведской гимнастики, не надо забывать, что шведы по натурѣ своей и по народной традиціи суть страстные любители и знатоки плаванья, гребли, катанья на конькахъ и на лыжахъ (на буграхъ), что всякія подвижныя игры и тѣлесныя

упражненія встрѣчаютъ полное сочувствіе во всѣхъ классахъ шведскаго общества, у мужчинъ и женщинъ, у взрослыхъ и дѣтей, и что, какъ общество, такъ и правительство одинаково ревностно конкурируютъ въ доставленіи молодому поколѣнію всѣхъ необходимыхъ средствъ къ охраненію здоровья его и тѣлеснаго развитія.

Такимъ образомъ, благодаря раціональнымъ требованіямъ шведской гимнастики и водяному и лдяному спорту, мы находимъ въ Швеціи чудные образцы для постановки тѣлеснаго воспитанія для любой страны, для любыхъ школъ.

Замѣтимъ кстати, что въ послѣднее время намъ указываютъ на джю-джитсу — гимнастику японскую, готовую будто бы уснѣшно соперничать съ гимнастикой шведской, однако при ближайшемъ ознакомленіи съ дѣломъ мы видимъ, что японская гимнастика представляетъ отчасти сколокъ шведской, отчасти же уступаетъ ей въ богатствѣ и разнообразіи содержанія. Что же касается спорта водяного, то шведскій спортъ едва-ли уступитъ японскому своей энергіей и изяществомъ. Къ этому, гимнастика японская далеко не развиваетъ настолько изящества тѣлодвиженій, насколько шведская, и, въ концѣ концовъ, требуетъ такого строгаго порядка пріемовъ, что набиваетъ у ученика оскомину не менѣе, чѣмъ наблюдаемъ мы это въ немецкой и въ восточной гимнастикѣ.

Противъ шведской гимнастики можно сказать развѣ еще то, что она какъ будто бы развиваетъ менѣе силу, чѣмъ ловкость и гибкость членовъ, но недостатокъ этотъ, по нашему мнѣнію, едва ли заслуживаетъ порицанія. Ловкость большею частью побѣждаетъ уснѣшнѣе, нежели сила, къ этому же, въ шведской гимнастикѣ мало развивается сила верхнихъ конечностей, сила же нижнихъ упражняется весьма удовлетворительно, что въ нѣкоторомъ отношеніи наиболѣе желательнo, такъ какъ, благодаря мощнымъ мышцамъ нижнихъ конечностей, нарочито повышается дѣятельность сердца и легкихъ, и чудно дѣйствуетъ обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ. Мы не говоримъ уже о томъ, что въ культурномъ обществѣ слишкомъ большая мышечная сила не представляется и необходимой, ловкость же и гибкость движеній оказываются въ высшей степени цѣнной во всѣхъ искусствахъ и ремеслахъ, да и въ практикѣ реальныхъ знаній, и потому изящный и ловкій субъектъ обыкновенно не завидуетъ обладающему значительной животной силой, а, напротивъ, грузный силачъ большею частью завидуетъ малосильному, но легкому и быстрому борцу. Голіаѳъ уступаетъ Давиду. Наконецъ, на мощныхъ, энергичныхъ движенія анато-

мически и физиологически рассчитаны нижнія, а не верхнія конечности, нуждающіяся большею частью въ тонкихъ, нѣжныхъ движеніяхъ, въ работѣ кисти, руки и пальцевъ, какъ это доказывали греки, допускавшіе для верхнихъ конечностей почти исключительно упражненія въ бросаніи копья и диска, а для нижнихъ бѣгъ и прыганье. Упражненія въ борьбѣ служили развлеченіемъ главнымъ образомъ для особенно сильныхъ, мускулистыхъ субъектовъ.

Только что высказанныя нами соображенія относятся собственно къ тѣлесному воспитанію молодыхъ людей здоровыхъ, достаточно крѣпкихъ и болѣе или менѣе хорошо развитыхъ тѣлесно. На практикѣ же мы такихъ молодыхъ людей встрѣчаемъ не особенно много. По показаніямъ большинства школьныхъ врачей едва четвертая часть учениковъ можетъ быть причислена къ крѣпкимъ и здоровымъ субъектамъ, около половины относится къ посредственнымъ по тѣлосложенію и по крѣпости здоровья и, наконецъ, около четверти къ безнадежно-слабымъ, болѣзненнымъ. Къ этому, въ числѣ посредственныхъ по здоровью субъектовъ насчитывается до трети, если не болѣе, малокровныхъ, золотушныхъ и нервныхъ, поэтому, въ итогѣ, болѣе или менѣе спосныхъ, годныхъ для хорошихъ тѣлесныхъ упражненій, можно считать не болѣе половины всего контингента учениковъ или, точнѣе, четвертой части, такъ какъ дѣтямъ младшихъ и среднихъ классовъ нельзя дозволить гимнастическія упражненія, съ каковыми справляются ученики старшаго возраста.

Все это указываетъ, что любая гимнастическая система должна быть допускаема въ учебное заведеніе съ большими ограниченіями, строго индивидуализируема, если администрація заведенія не желаетъ рисковать здоровьемъ и настроеніемъ дѣтей. Въ большинствѣ плохихъ здоровьемъ учащіеся въ средней школѣ годятся только для времяпрепровожденія въ легкихъ подвижныхъ играхъ, да въ нѣкоторыхъ интересныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ (въ плаваніи, въ катаньѣ на конькахъ и лыжахъ, въ фехтованіи и т. п.), систематическая же гимнастика съ ея утомительными, монотонными вольными движеніями и тягостными снарядами оказывается совершенно непосильною для средней школы и можетъ быть предоставлена въ пользованіе развѣ учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или военныхъ школахъ.

Въ настоящее время школьные врачи приняли, повидимому, безспорно къ убѣжденію, что для тѣлеснаго воспитанія нормальныхъ, здоровыхъ дѣтей совершенно достаточно подвижныхъ игръ и тѣлесныхъ упражненій; что прототипомъ игръ міръ не представлялъ ничего выше

гробоскаго пятиборья и что такъ называемыя вольныя движенія и гимнастика на снарядахъ совсѣмъ не отвѣчаютъ природѣ юнаго поколѣнія.

Вольныя движенія и движенія на снарядахъ, какъ бы ни были хитро придуманы, строго упорядочены, все-таки представляютъ ничтожную долю движеній, требуемыхъ въ жизненномъ обиходѣ, тогда какъ игры и тѣлесныя упражненія обилуютъ приемами движеній, указываемыми самою жизнью, самою природою человѣка. Игры и тѣлесныя упражненія наилучшимъ образомъ культивируютъ тѣло, воспитываютъ въ человѣкѣ ловкость, находчивость, энергію, мужественность; они приучаютъ къ порядку и дисциплинѣ и развиваютъ духъ товарищества, общительности, т. е. доставляютъ то, что каждому нужно въ жизни личной и социальной. Упражненія обычныхъ гимнастическихъ системъ представляютъ ограниченный, минимальный кругъ движеній въ крайне однообразной, монотонной формѣ выполнения. Къ этому, наиболѣе распространенная (можно сказать: излюбленная) гимнастика несуразно рассчитана предпочтительно на развитіе силы, на упражненіе верхнихъ конечностей и оказывается черезчуръ милитарною, т. е. не отвѣчаетъ строго ни физиологическимъ, ни гигиеническимъ требованіямъ; она слишкомъ искусственна, а потому и не педагогична.

Если бы и была допустима какая либо искусственная система гимнастики, то, во-первыхъ, съ врачевными цѣлями, а, во-вторыхъ, рассчитанная на строго гармоническое или эстетическое развитіе тѣла. Такая система вполнѣ подходитъ къ дѣтямъ, отличающимся неправильнымъ, уродливымъ строеніемъ и развитіемъ костнаго скелета, какъ и вообще къ дѣтямъ слабымъ, ненормально растущимъ, требующимъ медицинскаго ухода. А такъ какъ слабыхъ, болѣзненныхъ, уродливыхъ субъектовъ въ учебныхъ заведеніяхъ обильное количество, то понятно, что такой гимнастической системѣ въ этихъ послѣднихъ слѣдовало бы отвести самое почетное мѣсто. Третьимъ требованіямъ такой системы могла бы, повидимому, отвѣтить система Дельсарта (система эстетическая), если бы она не была недостаточно энергична и рассчитана исключительно на здоровыхъ индивидуумовъ. Большинство учащихся, какъ мы уже говорили, отличается плохимъ тѣлосложненіемъ, рѣзкими ненормальностями костной и мышечной системы, поэтому въ учебныхъ заведеніяхъ Дельсартова система годилась бы для меньшинства, для большинства же требовалась бы гимнастическая система врачевная.

У шведовъ въ знаменитомъ ихъ центральномъ гимнастическомъ институтѣ (въ Стокгольмѣ) преподаются всѣмъ учащимся четыре вида гимнастики: педагогическая, эстетическая, военная и врачебная. Изъ этихъ видовъ лучше всего поставлена и разработана гимнастика врачебная, которую отлично можно было бы воспользоваться для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, заимствовавъ кстатн и нѣкоторыя приемы эстетической гимнастики. Упражненія разгибающихъ мышцъ скелета (спинныхъ и поясничныхъ), мышцъ брюшныхъ, упражненія въ равновѣсїи, въ противодѣйствїи представляютъ безподобное средство шведской системы для современныхъ учениковъ, согбленныхыхъ и искривленныхыхъ за безконечнымъ сидѣніемъ въ классахъ и въ родительскомъ домѣ. Правда, имѣются въ шведской системѣ приемы упражненій излишніе, повторяющіеся, слишкомъ детальныя, но никто и не говоритъ, чтобы при введеніи ея не были исключены эти приемы и съ замѣною ихъ другими, болѣе подходящими, взятыми у Дельсарта или другихъ специалистовъ.

И такъ, всѣ соображенія приводятъ насъ къ убѣжденію, что для современныхъ учащихся въ средней школѣ при неудовлетворительной ея санитарной обстановкѣ слѣдовало бы допустить для мышечныхъ упражненій греческое пятиборье, общепринятая подвижныя игры и основныя тѣлесныя упражненія (плаванье, гребля, катанье на конькахъ и на лыжахъ, пожалуй фехтованье, верховая ѣзда, велосипедъ) и для извѣстной группы учениковъ шведскую врачебную гимнастику. Словомъ, шведскимъ врачамъ слѣдовало бы договориться на счетъ основныхъ положеній гимнастики и установить систему, вполне подходящую для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, и тѣмъ самымъ изгнать дѣйствующія системы, претящія дѣтямъ, насилующія ихъ и приносящія только вредъ ихъ здоровью и ученію.

Къ этому не надо забывать, что для нѣкоторыхъ учениковъ безусловно необходимо допустить шведскую гимнастику не только активную, но и пассивную, имѣющую цѣлью не столько развитіе мышечной системы, сколько развитіе и укрѣпленіе всего тѣла ребенка, слѣдовательно и приемы массажа должны бы были равнымъ образомъ найти себѣ мѣсто въ стѣнахъ учебныхъ заведеній.

Разсматриваемый учебникъ г-жи [Залѣвской] даетъ возможность ознакомиться съ основами массажа и шведской врачебной гимнастики. Дѣлится онъ авторомъ на три части. Въ первой части изложена физиологія массажа, приведены нѣкоторыя краткія анатомическія свѣдѣнія о расположеніи мышцъ, сосудовъ и нервовъ, подлежащихъ

массажу и, наконецъ, изложены подробно всѣ способы производства массажа.

Вторая часть вся посвящена описанію движеній шведской лечебной гимнастики въ томъ видѣ, въ какомъ она преподается въ Швеціи. (Рисунки для этой части работы взяты изъ книги доктора Виде, директора гимнастическаго института въ Стокгольмѣ).

Третья часть составляетъ собою краткое изложеніе всѣхъ заблужденій, подлежащихъ леченію массажемъ и гимнастикой, съ указаніемъ какъ приемовъ массажа, специально при этомъ употребляемыхъ, такъ и движеній шведской лечебной гимнастики.

Всякому, интересующемуся означеннымъ предметомъ, учебникъ г-жи Залъсовой можетъ служить вполне подходящимъ руководствомъ, тѣмъ болѣе что онъ, сколько намъ извѣстно, является единственнымъ въ русской новейшей медицинскій литературѣ.

Рисунки, въ числѣ 202-хъ, имѣющіеся въ текстѣ книги, отличаются чистотой и отчетливостью, что же касается вѣрности изданія (печати и бумаги), то оно вполне отвѣчаетъ гигиеническимъ требованіямъ.

Вообще, учебникъ г-жи Залъсовой можетъ быть рекомендованъ для гг. школьныхъ врачей и даже педагоговъ, какъ руководство, вполне заслуживающее вниманія лицъ, интересующихся постановкой гимнастики въ учебныхъ заведеніяхъ.

А. Вырсіуль.

*Г. Лемэръ. Методическое пособие къ ршенію геометрическихъ задачъ. Задачи на построеніе. Переводъ съ французскаго Н. Маракуса. Москва, 1907. VII+250 страницъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Методическихъ пособій къ ршенію геометрическихъ задачъ на русскомъ языкѣ существуетъ весьма немного. Изъ нихъ пользуются заслуженною извѣстностью: русскій переводъ книги Ю. Петерсена и задачникъ Александрова. Г. Маракусъ взялъ на себя полезный трудъ по переводу умѣло составленнаго г. Лемэръ задачника на построеніе. Появленіе этой книги на русскомъ языкѣ несомнѣнно можетъ принести большую пользу уже потому, что въ ней обращено вниманіе и на задачи стереометрическія, которыя у насъ находятся въ полномъ пренебреженіи. Такъ, напримѣръ, въ книгѣ Петерсена стереометрическія задачи на построеніе совершенно отсутствуютъ. Сравнивая разсматриваемую книгу Лемэра съ пользующимися заслуженной извѣстностью трудомъ Петерсена, при всемъ уваженіи къ послѣднему, я

отдалъ бы предпочтеніе Лемэру еще и потому, что Лемэръ даетъ подробныя объясненія и образцовыя рѣшенія многихъ задачъ, а это обстоятельство дѣлаетъ его книгу болѣе доступной пониманію учащагося.

Переводъ книги сдѣланъ г. Маракуевымъ хорошо, хотя и попадаются мѣста по совѣмъ удачныя. Неудачность этихъ мѣстъ, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что переводчикъ старался придерживаться слишкомъ близко французскаго текста. Ничѣмъ инымъ нельзя по крайней мѣрѣ объяснить выраженія:

„Окружность..., которая проходила бы черезъ А и касалась къ ОУ“ на стр. 218-ой и такого же выраженія на стр. 221-ой:

„Описать окружность, которая проходила бы чрезъ точку А и касалась къ двумъ даннымъ окружностямъ“.

На страницѣ 213-ой читаемъ:

„Если этотъ полюсъ соединить съ нѣкоторою точкою А фигуры I', и если на этой прямой или на радіусъ-векторѣ взять такую точку А!“.

Выходитъ, что точку можно взять или на прямой, или на какомъ-то радіусъ-векторѣ, отличномъ отъ этой прямой.

Укажу еще на стр. 92-ую, на которой авторъ говоритъ, что „при перенесеніи, параллельномъ направленію UV, имѣемъ прямую Z“. Слѣдовало бы сказать „получимъ также и прямую Z'“.

Надана книга г. Маракуева очень хорошо. Опечатокъ я не замѣтилъ, кромѣ одной. На страницѣ 115-ой читаемъ заглавіе: Вращеніе (1-я часть), а ниже: Вторую часть см. на стр. 20-ой. Между тѣмъ вторая часть начинается на страницѣ 225-ой

ИЗЪ ФРЕГЪ.

**Rechenbuch für deutsche Schulen von Christine Zalewska.* I часть. Числа отъ 1—100. 86 страницъ. Цѣна безъ переплета 25 коп., въ переплетѣ 30 коп. II часть. Отъ 1—1000. 108 страницъ. Цѣна безъ переплета 25 коп., въ переплетѣ 30 коп.

Учебникъ г-жи Залевской предназначается, очевидно, для начального обученія ариметикѣ. Такъ какъ книга не захватываетъ всего курса приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, то о допущеніи ея въ гимназій или реальныя училища не можетъ быть и рѣчи. Полагаю однако, что по этой книгѣ не слѣдуетъ обучать ариметикѣ и въ начальныхъ училищахъ. Въ этомъ легко можно убѣдиться изъ разсмотрѣнія 1-ой части книги. Стараясь оставаться на почвѣ наглядности и заинтересовать дѣтей разнообразіемъ счита-

ныхъ предметовъ, авторъ придавъ 1-ой части своей книги форму книжки съ интересными картинками (Bilderbuch). Картинки эти несомнѣнно заинтересуютъ дѣтей, но этимъ отвлекутъ ихъ отъ счета. Предположимъ однако, что дѣти, присмотрѣвшись къ картинкамъ, начнутъ считать и продѣлаютъ упражненія, указанныя въ книгѣ. Посмотримъ, чему они научатся?

На страницѣ 6-ой на первой картинкѣ изображены три коровы: двѣ—на лѣвой сторонѣ и одна на правой. Между этими двумя группами стоитъ знакъ $+$, т. е. знакъ сложенія, который едва ли удобно ставить между группами предметовъ.

Остальныя картинки на стр. 6-ой и 7-ой такого же рода.

На страницахъ 8-ой и 9-ой мы находимъ такое же неумѣстное употребленіе знака вычитанія.

Тутъ авторъ, однако, позволяетъ себѣ еще и другую вольность.

Изобразивъ, напр., на лѣвой сторонѣ 3 серны, онъ ставитъ знакъ минусъ и изображаетъ на правой сторонѣ 2 серны; затѣмъ нѣсколько правѣе онъ рисуетъ орла, захватившаго серну. Картинка объясняется авторомъ такъ: „Были когда-то три красивыя молодыя серны; вдругъ прилетѣлъ орелъ и унесъ одну серну. Сколько сернь осталось?“

Если даже допустить возможность употребленія знака минусъ между группами предметовъ, то во всякомъ случаѣ объясненіе автора не соответствуетъ картинкѣ, по которой ученныи могъ бы только прочесть слѣдующее:

Если отъ трехъ сернь отнять двѣ серны, то получится орелъ, уносящій серну.

Остальныя картинки на 8-ой и 9-ой страницахъ всѣ въ томъ же родѣ.

Иллюстраціи умноженія и дѣленія тоже весьма странны. Знака умноженія авторъ, правда, не рѣшается ставить между изображенными предметами, но зато, напр., для иллюстраціи вывода „ $2 \times 1 = 2$ “ рисуетъ анета, а рядомъ съ нимъ пишетъ $2 \times 1 = 2$.

Глубокій смыслъ картинки можно понять только изъ вопроса автора: „сколько ногъ у анета?“

Но и этотъ вопросъ не выясняетъ, почему рядомъ съ картинкой написано $2 \times 1 = 2$, а не просто 2.

Неужели авторъ хочетъ, чтобы дѣти ему отвѣтили „у анета одинъ разъ двѣ ноги“. Я полагаю, что дѣти этого не скажутъ.

Не мало несообразностей можно найти и въ другихъ картинкахъ, относящихся къ умноженію.

Самыя любопытныя иллюстраціи помѣщены однако на стр. 37-ой и 38-ой. Такъ какъ онѣ всѣ одинаково нелѣпы, то достаточно рассмотреть одну изъ нихъ, напр., первую.

Мы видимъ на этой картинкѣ съ лѣвой стороны столъ, на столѣ два круглыхъ предмета, по словамъ автора, два хлѣба, а за столомъ какого-то человѣка.

По срединѣ картинки стоитъ двоеточіе, т. е. знакъ дѣленія, а на правой сторонѣ помѣщена такая группа: столъ, человѣкъ съ двумя хлѣбами въ рукахъ и два ящикъ на костыляхъ.

Непонятно, какъ раздѣлить первую группу на вторую. Для разъясненія нашего недоумѣнія обратимся къ объясненію автора. Онъ говоритъ:

„У добраго человѣка были два хлѣба; къ нему приходятъ два ящикъ, и онъ дѣлитъ эти хлѣбы поровну между ними. Сколько хлѣбовъ получить каждый ящикъ?“.

Я думаю, что это объясненіе можетъ насъ только убѣдить въ нелѣпости картинки.

Во второй части книги картинки помѣщены только на первыхъ двухъ страницахъ. Ихъ всего 10, но онѣ всѣ заслуживаютъ вниманія. Въ сущности это не 10 картинокъ, а одна и та же картинка въ 10-и экземплярахъ. Каждый экземпляръ есть изображеніе луковницы съ 10-ю листьями. Возлѣ первой луковницы надпись: „10 или 1 десятокъ“; вторая луковница сопровождается надписью: „20 или два десятка“ и т. д.; наконецъ послѣдняя обозначаетъ: „100 или одну сотню“.

Эти странныя обозначенія отдѣльныхъ луковницъ числами 10, 20, 30... становятся болѣе или менѣе понятными, если прочесть на первой страницѣ требованіе автора: „сосчитай листья на всѣхъ луковницахъ сначала прямо, а потомъ въ обратномъ порядкѣ“.

Для чего, однако, авторъ требуетъ отъ учениковъ, усвоившихъ 1-ую часть его книги (числа отъ 1—100), такой скучной работы?

Помимо указанныхъ мною крупныхъ недостатковъ, достаточныхъ для того, чтобы признать книгу непригодной при обученіи арифметикѣ, укажу еще на другіе недостатки.

Во-первыхъ, авторъ въ своей книгѣ „для нѣмецкихъ школъ“ употребляетъ неправильныя нѣмецкія выраженія, напр., „Eine Arschine“, „5 Arschinen“ вмѣсто „1 Arschin“; „5 Arschin“; а также „2 Schnuren“ вмѣсто „2 Schnüre“ (стр. 34).

На стр. 45-ой 2-ой части въ выноскѣ читаемъ „zeigt man abwechl-

seind auf den Knöcheln“ вмѣсто „auf den Knöchel“. Такихъ неправоуказаний въ книгѣ вообще не мало.

Задачи составлены г-жою Залевскою довольно удовлетворительно, хотя попадаются и такія, которыя могутъ вызвать недоумѣніе, какъ, напримѣръ, стр. 37, I части: „4 дикія козы отправились на поиски за пищею; вдругъ пришли два пастуха, поймали дикихъ козъ и раздѣляли ихъ поровну между собою“.

Любопытность пастуховъ прямо изумительна!

Возьмемъ еще задачу 264 на стр. 46-ой (II часть):

„Сколько минутъ нужно большой стрѣльбѣ, чтобы сдѣлать полный кругъ на циферблатѣ? Какъ это можно иначе назвать?“

Трудно догадаться, чего авторъ добивается отъ учениковъ.

Н. Фектъ.

*Учебникъ физики для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ С. Ковалевскій, бывшій преподаватель физики въ С.-Петербургскомъ 1-мъ реальномъ училищѣ. Изданіе 7-е (посмертное), пересмотрѣнное проф. П. О. Сомовымъ и А. И. Тудоровскимъ. С.-Пб. 1907. VIII+447 стр. Цѣна 2 р. 20 коп.

Учебникъ покойнаго С. Ковалевскаго, пользующійся вполне заслуженною извѣстностью, вышелъ седьмымъ изданіемъ подъ редакціей проф. П. О. Сомова и А. И. Тудоровскаго. Первый изъ нихъ разсмотрѣлъ введеніе и механическій отдѣлъ (стр. 1 — 125), а также дополненіе къ ученію о движеніи и силахъ и ученіе объ энергіи (стр. 362—404). Очеркъ физическихъ явленій въ атмосферѣ и главнѣйшія свѣдѣнія изъ химіи (стр. 405 — 444) перепечатаны съ 6-го изданія безъ измѣненія. Всѣ остальные главы (стр. 126—361) пересмотрѣны А. И. Тудоровскимъ.

Учебникъ г. Ковалевскаго очень много выигралъ при новомъ его пересмотрѣ. Какимъ-либо существенныхъ промаховъ въ немъ не нашлось. Можно лишь добавить, что многія главы нынѣ выдѣлились въ форму вполне образцовую.

Ф. Хвольсонъ.

КНИЖНЫЕ НОВОСТИ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію въ теченіе февраля мѣсяца 1908 года.

— *Сведенборгъ, Эммануилъ*. Поясненіе первыхъ четырехъ главъ книги Бытія. Изъ „*Авсана Соелестія*“. С.-Пб. 1908. 172 стр. Цѣна 60 коп.

— *Тихомировъ, Д.* Овъ учивномъ комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ и о ревизіи духовно-учебныхъ заведеній. С.-Пб. 1908. 71 стр. Цѣна 50 коп.

— *Вильчисскій, Олмердъ*. Исторія Руси по сказаніямъ современниковъ, документамъ и памятникамъ (839—1078). Съ рисунками. Вильна 1908. 73 стр. Цѣна 60 коп.

— *Шпенслеръ, П. и Гардильмицъ, П.* Обученіе письму сочиненій въ низшихъ училищахъ, въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и при домашнемъ обученіи. Руководство для учителей. Харьковъ 1907. XII+106 стр. Цѣна 76 коп.

— *Абрамовъ, Ие.* Старообрядцы на Вяткѣ. Этнографическій очеркъ. С.-Пб. 1907. 34 стр. (Изъ журнала „Живая Старина“ 1907 г., выпускъ III).

— *Ганкомъ, Н.* Джо-джицу. Система физическаго развитія и атлетики у японцевъ. Съ 19-ю рисунками. Переводъ съ французскаго А. Г. Изданіе А. Н. Заруднаго. С.-Пб. 1908. 191 стр. Цѣна 1 руб. 20 коп.

— *Тимофеевъ, П.* Порто-франко на Дальнемъ Востоке и російскій космополитизмъ. М. 1908. 39 стр. Цѣна 5 коп.

— *Немовскій, В. Н.* Предметная система въ нашихъ университетахъ и ея примѣненіе къ философскимъ наукамъ. С.-Пб. 1908. 56 стр. Цѣна 40 коп.

— *Версъ, А. А.* Нравственность, какъ немишуемый продуктъ общественныхъ инстинктовъ. (Дарвинизмъ въ этикѣ и роль религіи въ эволюціи этики). 1907. 36 стр.

— Народное образованіе въ Херсонской губерніи за 1905 г. съ очеркомъ грамотности населенія губерніи по даннымъ всеобщей переписи 1897 года. Изданіе Херсонской губернской земской управы. Херсонъ 1907. IV + 260 + 142 стр.

— *Проэль, Луи.* Воспитаніе и самоувѣство дѣтей. Психологическій и соціологическій взглядъ. Переводъ А. Г. Изданіе А. Н. Заруднаго. С.-Пб. 1908. 181 стр. Цѣна 1 руб.

— Изданіе Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. С.-Пб. 1908. 10 стр.

— *Тимоховичъ, С. Я.* Какою системою вентилляціи для школъ надо отдать предпочтеніе. Докладъ Родительскому собранію 1-й мужской гимназіи въ С.-Петербургѣ 26-го ноября 1907 года. С.-Пб. 1908. 31 стр. Цѣна 20 коп.

— *Зейфертъ, Ф.* Руководство къ испытанію паровыхъ машинъ и котловъ, а также и пособіе для машинныхъ лабораторій техническихъ учебныхъ заведеній. Съ прибавленіемъ нѣмецкихъ нормъ для испытаній паровыхъ машинъ и котловъ. 36 рис. въ текстѣ. Съ разрѣшенія автора перевелъ Дм. Дьяковъ подъ редакціей проф. М. Носача. Изданіе В. Н. Гинкена. С.-Пб. 1908. П+8 стр. Цѣна 85 коп.

— *Бисальскій, В. Ив.* Гигиена письма. Изданіе журнала „Русская Школа“. С.-Пб. 1908. 9 стр. Цѣна 10 коп.

— *Гримсичъ, В.* Избранныя книги для дѣтей отъ 2-хъ до 15 лѣтъ. Изданіе журнала „Русская Школа“. С.-Пб. 1908. 40 стр. Цѣна 30 коп.

— Труды Варшавскаго Статистическаго комитета для десяти губерній Царства Польскаго. Выпускъ XXXIV. Земля и ея собственники въ 10 губерніяхъ Царства Польскаго въ 1907 году. Распрежденіе всей поземельной собственности въ Привислинскомъ краѣ по угодіямъ и по ряду владѣній. Варшава 1908. 127 стр. Цѣна 1 руб.

— Годичный отчетъ о состояніи Императорскаго Казанскаго университета за 1906 годъ. Казань 1907. 147+31 стр.

— *Короблевъ, В. Н.* Литературныя замѣтки. Жуковский, Гоголь, Хомяковъ, Некрасовъ, Глѣбъ Успенскій, Достоевскій, Левъ Толстой, Чеховъ, Владимиръ Сохоловъ, Максимъ Горькій, Леонидъ Андреевъ, Валерій Брюсовъ, Аполлонъ Коринфскій, Юрій Самаринъ, Айзманъ, Евгенийъ Чириковъ, Клавдія Лукашевичъ. С.-Пб. 1908. 257 стр. Цѣна 1 руб.

— Материалы по вопросу объ открытіи политехникума въ Нижнеѣ-Новгородѣ. Нижній-Новгородъ 1908. 87 стр.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Ноябрь 1907—январь 1908 г.

Въ июлѣ по предложенію высшаго совѣта министерства народнаго просвѣщенія былъ изданъ декретъ объ измѣненіи экзамена на получение *licence es lettres*. Прежде выдавался только одного рода дипломъ (*licentia docendi*); въ основу образованія полагалось усиленное изученіе классиковъ — гуманитарныя науки, какъ тогда выражались. Дипломъ на *licence es lettres*, дававшій право на преподаваніе въ лицеехъ и коллежахъ, удостовѣрялъ въ солидномъ классическомъ образованіи кандидата. Тотъ, кто желалъ преподавать какой-нибудь специальный предметъ, напр. исторію или философію, обязанъ былъ сдать специальный болѣе трудный экзаменъ, называвшійся *agrégation*; выдержавшій его получалъ степень доктора (*agrégé*) словесности, исторіи, философіи. Съ 1880 г. были установлены отдѣльные дипломы по исторіи, по философіи. Но въ нихъ входили нѣкоторые общіе предметы; отъ кандидатовъ на нихъ требовалось серьезное знаніе латыни и греческаго, чего въ настоящее время школы не даютъ. Декретъ 8-го іюля является въ нѣкоторомъ родѣ официальнымъ признаніемъ упадка классическаго образованія, на который я вамъ уже неоднократно указывалъ.

Съ этихъ поръ будутъ четыре диплома на *licence es lettres*:

- 1) дипломъ по философіи,
- 2) дипломъ по географіи,
- 3) дипломъ по классическимъ языкамъ и литературѣ,
- 4) дипломъ по новымъ иностраннымъ языкамъ и литературѣ.

Для всѣхъ четырехъ дипломовъ еще требуется знаніе латыни, но дальше вы увидите, къ чему эти требованія сводятся. Знаніе греческаго требуется только для экзамена на № 3.

Вотъ подробная программа:

№ 1. Философія. Письменный экзамень. Переводъ съ латинскаго языка какого-нибудь классическаго философскаго произведенія (кандидатъ долженъ умѣть разбирать Сенеку или Цицерона, но онъ можетъ и не быть въ состояніи читать Тацита или Тита Ливія). Сочиненіе по философіи. Сочиненіе по исторіи философіи. Сочиненіе на какой-нибудь изъ предметовъ, преподаваемыхъ въ университетѣ, по выбору кандидата.

На устномъ экзаменѣ кандидатъ долженъ умѣть объяснить выдержки изъ философскихъ сочиненій, написанныхъ на одномъ изъ двухъ языковъ по собственному выбору.

№ 2. Исторія и географія. Латинскій переводъ, взятый изъ какого-нибудь историческаго произведенія (кандидатъ долженъ умѣть читать Тацита или Тита Ливія, но можетъ и не быть въ состояніи понять Сенеку или Цицерона). Письменное сочиненіе на историческій сюжетъ и на сюжетъ, заимствованный изъ какого-нибудь университетскаго курса. Устный экзамень изъ исторіи или по какому-нибудь изъ предметовъ, проходящихся въ университетѣ.

№ 3. Классическіе языки и литература. Письменный переводъ съ греческаго и латыни съ историческими и грамматическими комментаріями. Теперь уже не требуется отъ кандидата сочиненія на греческомъ или латинскомъ языкахъ. Латинское сочиненіе и диссертация совершенно упряднены. Я не говорю уже о латинскихъ стихахъ, которые давно уже исчезли. На устномъ экзаменѣ литературное и грамматическое объясненіе греческихъ, латинскихъ и французскихъ текстовъ.

№ 4. Иностранные живые языки и литература. Переводъ съ латинскаго языка какого-нибудь классическаго автора. Переводъ и грамматическій комментарий иностраннаго автора. Сочиненія безъ помощи словаря. Французское сочиненіе на тему о какомъ-нибудь современномъ авторѣ (на программѣ находятся имена Сонтъ-Бева и Альфреда де-Мюссе).

Вообще на всѣхъ четырехъ экзаменахъ, даже на томъ, предметъ котораго составляютъ классическіе языки, знанія по нимъ сведены до возможнаго минимума. Все, что осталось на долю гуманитарныхъ наукъ, это переводъ съ латыни на всѣхъ экзаменахъ, но при этомъ,

согласно министерскому циркуляру отъ 31-го октября, отъ историка не слѣдуетъ требовать перевода текста, заимствованнаго изъ *De officiis*.

Министерскій циркуляръ является въ нѣкоторомъ родѣ надгробнымъ словомъ, эпитафией надъ гуманитарными науками. Въ немъ рѣшительно заявлено, что больше не требуется умѣть писать по латини и излишне обязывать кандидатовъ на *licence es lettres* въ этомъ упражняться. Этотъ циркуляръ и новыя программы отмѣчаютъ трагическую дату въ исторіи гуманитарныхъ наукъ.

Эта реформа тяжело отразится на интересахъ издателей классическихъ произведеній. Много книгъ, на которыя прежде заявляли большой спросъ, теперь станутъ совершенно ненужными.

Къ тому же эта реформа значительно облегчаетъ доступъ въ университеты, которые раньше были доступны только для избранныхъ гуманитарістовъ. Въ прошломъ году на словесномъ факультетѣ было 2357 студентовъ, въ этомъ году ихъ 2649, въ будущемъ году цифра, вѣроятно, достигнетъ трехъ тысячъ. Среди нихъ было 437 иностранцевъ, занимавшихся для полученія диплома на преподаваніе французскаго языка, изъ нихъ 214 держали экзаменъ и 145 получили дипломъ. Въ сущности этотъ дипломъ не есть удостовѣреніе въ полученіи высшаго образованія, и было бы гораздо лучше, если бы онъ выдавался лицами или коллежами. Это явилось бы значительнымъ облегченіемъ для профессоровъ Сорбонны, курсы которыхъ посѣщаются массою иностранцевъ, худо подготовленныхъ. Процентъ иностранцевъ въ Сорбоннѣ въ тому же весьма значителенъ: на 2357 студентовъ въ этомъ году 906 иностранцевъ (изъ нихъ 569 женщинъ). Большинство изъ нихъ не на столько подготовлены, чтобы серьезно воспользоваться курсомъ, читаемымъ для французскихъ студентовъ, имѣющихъ степень бакалавра, такъ какъ большинство иностранныхъ студентовъ, и особенно студентовъ, не получили классическаго образованія.

Наступаетъ время пріѣзда въ Парижъ иностранныхъ студентовъ, желающихъ слушать различныя интересующіе ихъ курсы или сдать экзамены для полученія диплома. При пріѣздѣ многіе изъ нихъ бывають въ большомъ затрудненіи. Имъ пришлось бы испытать меньше затрудненій, и они сохранили бы много времени и денегъ, если бы до отъѣзда пріобрѣли и изучили небольшую книжку, изданную для нихъ именно съ этой цѣлью. Это *Guide illustré de l'étudiant étranger à Paris*, издаваемый г. Жоржъ Дюфло, предсѣдателемъ правленія французскаго союза. Передъ г. Дюфло прошли тысячи иностранныхъ студентовъ обоюга пола, и ему лучше, чѣмъ кому либо,

извѣство, въ какихъ указаніяхъ они нуждаются. Его путеводитель даетъ свѣдѣнія объ ученыхъ степеняхъ, даваемыхъ французскимъ университетомъ, объ особенныхъ условіяхъ для иностранцевъ, о специальныхъ правилахъ для каждаго факультета, о всѣхъ доступныхъ для иностранцевъ высшихъ школахъ казенныхъ и частныхъ, объ учрежденіяхъ, въ которыя они могутъ обращаться за свѣдѣніями или уроками, о курсахъ, читаемыхъ для нихъ въ провинціяхъ, о министерствахъ, посольствахъ, музеяхъ, театрахъ, памятникахъ, о средствахъ передвиженія. Побезполезна и та часть книги, которая состоитъ изъ объявленій о книгахъ, гостинницахъ, пансіонахъ.

Г. Эдмондъ Гюге, профессоръ французской литературы на Каенскомъ словесномъ факультетѣ, во время каникулъ принимаетъ на себя завѣдванію Парижскими курсами Французскаго союза. На Каенскомъ факультетѣ онъ имѣетъ въ числѣ слушателей англичанъ, такъ что имѣетъ возможность лично убѣдиться, какія трудности представляеть для иностранцевъ языкъ нашихъ классиковъ XVII вѣка. Въ виду этого онъ составилъ *Petit glossaire des classiques français du XVII siècle*, представляющій книжку въ 400 страницъ, заключающую болѣе тысячи словъ, смыслъ которыхъ измѣнился съ того времени. Это очень цѣбная книжка, вызывающая на размышленія. Трудно себѣ представить, до какой степени нѣкоторые слова измѣнили смыслъ за эти три вѣка. Такъ напримѣръ: въ настоящее время слово *ressentiment* употребляется только въ смыслѣ выраженія досады, гнѣва. У Корнея и Боссюета оно означаетъ благодарность. На мой взглядъ книга г. Гюге одна изъ самыхъ интересныхъ изъ всѣхъ книгъ, написанныхъ для иностранныхъ студентовъ.

Мнѣ предстоятъ сообщить вамъ о нѣсколькихъ весьма интересныхъ книгахъ, относящихся къ классической французской литературѣ.

Покойный Брюнетьеръ оставилъ много учениковъ, разрабатывающихъ, слѣдуя его примѣру, богатую область французской литературы и дѣлающихъ ему честь. Однимъ изъ наиболѣе выдающихся является бывшій ученикъ Нормальной школы Викторъ Жиро, изучавшій исторію французской литературы въ Фрейбургскомъ университетѣ въ Швейцаріи. Въ настоящее время г. Жиро исполняетъ обязанности секретаря въ *Revue des deux mondes*, и онъ часто помѣщаетъ въ этомъ журналѣ свои статьи по французской литературѣ. Мы обязаны ему весьма выдающимися трудами о Сентъ-Бовѣ, Тэнѣ, Паскалѣ. Въ послѣднемъ письмѣ я вамъ какъ разъ говорилъ о Паскалѣ, который теперь особенно въ модѣ. Одна изъ статей недавно по-

явившейся книги Жиро *Livres et questions d'aujourd'hui* посвящена Паскалю и современной критикѣ. Другая не менѣ интересная статья посвящена Сентъ-Бову, который, несмотря ни на что, остается великимъ знатокомъ критики и исторіи литературы XIX вѣка во Франціи. Интересенъ также помѣщенный въ этой книгѣ урокъ французской литературы, данный во Фрейбургскомъ университетѣ. Кромѣ того укажу на нѣкоторыя замѣтки о швейцарской современной литературѣ, которую г. Жиро имѣлъ возможность хорошо изучить во время своего пребыванія въ Швейцаріи.

Я только что говорилъ о Паскалѣ; имъ занялся еще одинъ историкъ, г. Фортунатъ Стровскій, профессоръ Бордосскаго университета. Несмотря на свое польское происхожденіе, г. Стровскій совершенно освоился съ нашей французской литературой, и я уже указывалъ вамъ на его труды о Святомъ Францискѣ Сальскомъ и Монтенѣ; ему, какъ я уже сообщалъ, городъ Бордо поручилъ изданіе монтеновскихъ *Essais*. Этотъ трудъ не мѣшаетъ г. Стровскому писать новую книгу по исторіи религіознаго чувства во Франціи въ XVII вѣкѣ. Конечно, въ этой исторіи Паскаль играетъ большую роль, и г. Стровскій посвятилъ ему значительную монографію, озаглавленную *Pascal et son temps*. Уже появились два тома этого труда. Я дамъ вамъ отчетъ о всемъ трудѣ, когда появится третій и послѣдній томъ.

Въ то же время фирма Гашеттъ предприняла изданіе *Journal de voyage* знаменитаго философа, подъ редакціей Луи Лотрей. Эта вещь была впервые издана въ 1774 г. Она считается значительно ниже *Essais*. Гриммъ писалъ (май, 1774), что это сухое и холодное произведеніе, въ которомъ не болѣе двадцати интересныхъ страницъ. Въ XIX вѣкѣ Стендаль и Шатобрианъ упрекали Паскаля въ непониманіи произведеній искусства. Впервые отдалъ ему справедливость Сентъ-Бевъ, заявившій, что хотя путешествіе не обладаетъ литературными достоинствами, но оно чрезвычайно важно для познанія чловѣка. Это произведеніе не было переведено во Франціи съ 1836 г., но въ 1889 г. извѣстный итальянскій филологъ Алессандро д'Алкона выпустилъ критическое изданіе его, подъ заглавіемъ *l'Italia al fine del secolo XVI. Giornal del Viaggio di Michael de Montaigne in Italia nel 1580 et 1581*. Это изданіе сопровождается прекрасными примѣчаніями, которыми воспользовался новыи французскій издатель. Г. Лотрей снабдилъ книгу прекраснымъ комментариемъ, при составленіи котораго онъ пользовался писателями XVI вѣка и сочиненіями другихъ путешественниковъ по Италіи. Монтенъ выѣхалъ изъ Франціи

черезъ Лотарингію, проѣхалъ по Германіи отъ Бадена до Аугсбурга и отъ Аугсбурга до Венеціи; онъ проѣхалъ Италію отъ Венеціи до Рима, останавливаясь въ Лорето и въ Лукка и вернулся во Францію черезъ Монъ Сенись. Для того времени это было весьма большое путешествіе и, несмотря на сухость разсказа, это путешествіе слѣдуетъ прочесть и подумать надъ нимъ. Не слѣдуетъ забывать, что люди XVI вѣка не умѣли чувствовать красоту природы и интересовались только людьми и памятниками.

Монтень былъ мэромъ въ Бордо; Монтескье былъ президентомъ парламента, и этотъ городъ одинаково почитаетъ обоихъ великихъ людей. Г. Баркгаузенъ, профессоръ права въ Бордосскомъ университетѣ, особенно много занимался авторомъ *l'Esprit des lois*. Его книга *Montesquieu, ses idées et ses oeuvres* состоитъ изъ нѣсколькихъ статей, относящихся къ жизни и произведеніямъ Монтескье. Начинается она съ общаго изложенія идей Монтескье; вторая часть содержитъ изслѣдованіе его произведеній. Всѣ статьи указываютъ на глубокую эрудицію и свидѣтельствуютъ о горячей преданности автора знаменитому гражданину города Бордо. Имя г. Баркгауза останется навсегда связаннымъ съ именемъ Монтескье, и эта книга окажетъ большую услугу всѣмъ, у кого не будетъ подъ рукою изданій самого Монтескье. Нѣкоторыя изъ этихъ изданій стали большой рѣдкостью, напр. *Lettres Persanes*, изданныя Национальною типографіей in folio, во время выставки 1897 г.

Кстати мнѣ очень пріятно сообщать вамъ, что *la Société des études rabelaisiennes*, объ основаніи котораго я вамъ писалъ, предпринимаетъ большое изданіе произведеній Рабле. Одинъ щедрый меценатъ пожертвовалъ на это изданіе сорокъ тысячъ франковъ. Книга будетъ издана Абелемъ Лефранкомъ, профессоромъ *Collège de France*, основателемъ общества Рабле.

Г. Шарль Норманъ, профессоръ лицея въ Парижѣ (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ его однофамильцемъ г. Шарлемъ Норманомъ, председателемъ Общества друзей памятниковъ), задумалъ найти нѣчто новое въ столь хорошо изслѣдованной исторіи французскаго общества XVII вѣка. Въ своей книгѣ *La Bourgeoisie française au XVII siècle, la vie publique, les idées et les actions politiques (1604—1661), étude sociale*, онъ изучаетъ исторію буржуазіи этого времени. Сюжетъ довольно новъ, и г. Норманъ даетъ подробности, которыя освѣщаютъ многія темныя мѣста. Въ то время, какъ дворянство посвящало себя главнымъ образомъ военному искусству и дипломатіи, буржуазія за-

владѣла государственными должностями, особенно судебными, которыя она покупала у короля; она создала для себя новое дворянство, такъ называемое *la noblesse de robe* (благодаря мантія, которую носили, и теперь еще носить, во Франціи судьи). Буржуазія завладѣла управленіемъ финансовъ и именемъ закона эксплуатировала народъ; наконецъ она пожелала наложить руку и на королевскую власть (возмущеніе Фронды въ 1648 г.); она проявляетъ революціонныя стремленія не только въ Парижѣ, но и въ Эксѣ, Руанѣ, Бордо. Исслѣдованія г. Нормана бросаютъ интересный свѣтъ на нѣкоторыя событія, считавшіяся хорошо извѣстными, и открываютъ намъ любопытныя черты нравовъ нѣкоторыхъ корпорацій, наиримѣръ, медиковъ, аптекарей, книготорговцевъ, типографщиковъ и т. д. Къ книгѣ приложены интересныя иллюстраціи.

Я совсѣмъ недавно писалъ вамъ о г. Гастонѣ Могра по поводу его интересной книги о Люневильскомъ дворѣ. Г. Могра представляетъ весьма рѣдкій типъ литератора—ученаго, который занимается только литературой. Онъ не занимаетъ никакой общественной должности и не имѣетъ ни красной ленточки почетнаго легіона, къ обладанію которой такъ стремится весь ученый міръ, ни скромной фіолетовой ленточки, сопровождающей академическія пальмы. За то пять изъ его многочисленныхъ трудовъ по исторіи XVIII вѣка были премированы Французскою академіей. Самымъ интереснымъ, выдержавшимъ въ непродолжительное время нѣсколько изданій, является *La fin d'une société. Le duc de Lauzun; la cour de Louis XV et la cour de Marie Antoinette*.

Герцогъ де Лозенъ, извѣстный также подъ именемъ герцога де Лизрона, павшій жертвою революціи, оставилъ мемуары, вышедшіе впервые въ 1821 г., подлинность которыхъ однако оспаривалась. Они очень дурно написаны, но очень цѣнны благодаря подробностямъ, которыя они даютъ о французскомъ обществѣ временъ Людовика XV. Это общество, увы! было весьма испорченнымъ. Г. Могра, который особенно компетентенъ въ этой эпохѣ, считаетъ эти мемуары подлинными, но вмѣсто того, чтобы приводить ихъ въ ихъ довольно грубой формѣ, онъ извлекаетъ изъ нихъ матеріалъ для весьма интересной книги. Этому интересному сборнику портретовъ и анекдотовъ не хватаетъ только алфавитнаго указателя.

Подобно Гастону Могра и Франциску Брентано и г. Гей де Торниъ любятъ отыскивать въ исторіи эпизоды съ романтическимъ характеромъ. Его книга *Aventuriers et femmes de qualité* весьма удачна и въ

небольшой промежутокъ времени вышла вторымъ изданіемъ. Авторъ рисуетъ четыре эпизода изъ XVII и XVIII вѣковъ; онъ ихъ рассказываетъ чрезвычайно образно, иллюстрируя археологическими подробностями и описаніемъ нравовъ. Его очерки касаются Бюсси Рабютена, жившаго въ XVII вѣкѣ, хорошо известнаго тѣмъ, кто знакомъ съ перепискою мадамъ де Севиньи; происхожденія мадамъ де Помпадуръ; замка Багатель, построеннаго графомъ д'Артуа, впоследствии Карломъ X, принадлежащаго городу Парижу; наконецъ дочери маршала Саксонскаго, бабушки Жоржъ Зандъ. Всѣ эти очерки весьма интересны.

Самымъ неутомимымъ изслѣдователемъ фольклора нашей страны является г. Поль Сибилло. Онъ основалъ Общество народныхъ преданій, главнымъ секретаремъ котораго онъ состоитъ, и предпринялъ обширную анкету о фольклорѣ во Франціи. Результаты ея онъ собралъ въ громадномъ произведеніи *Le Folk Lore de la France*. Эта книга состоитъ изъ четырехъ большихъ томовъ in 8. Въ первомъ находится все, относящееся къ небу и землѣ, во второмъ—къ морю и рѣчнымъ водамъ, въ третьемъ—къ фаунѣ и флорѣ, въ четвертомъ—къ народу и исторіи; къ четвертому тому приложена общая алфавитная таблица и библиографія, состоящая изъ 600 произведеній. Книга обнимаетъ не только Францію, но и французскія части Швейцаріи и Бельгіи. Въ ней находится огромное число изслѣдованій и хорошо составленныхъ и классифицированныхъ замѣтокъ. Одинъ нѣмецкій ученый сказалъ недавно объ этой книгѣ: „вотъ чего намъ не хватаетъ въ Германіи. Когда же у насъ будетъ энциклопедія, подобная этой?“ Въ Бельгіи и въ Италіи также отдали должное трудамъ г-на Сибилло. Я съ своей стороны весьма рекомендую вамъ эту прекрасную книгу, которая скоро будетъ вся распродана.

Въ послѣднемъ письмѣ я вамъ писалъ объ успѣхѣ, выпавшемъ на долю мемуаровъ графини де Буанъ. Третій томъ ихъ не менѣе интересенъ, чѣмъ два первые. Онъ обнимаетъ періодъ отъ 1820 до 1830 г., т. е. конецъ царствованія Людовика XVIII и царствованіе Карла X. Въ немъ масса капитальныхъ очерковъ, забавныхъ анекдотовъ и даже нѣсколько интересныхъ подробностей относительно серьезныхъ вопросовъ политики. Представителемъ Россіи при французскомъ дворѣ былъ въ это время Поццо ди Борго. Онъ играетъ значительную роль въ этихъ мемуарахъ, его будущимъ біографамъ придется ими пользоваться. Мадамъ де Буанъ рассказываетъ интересное предсказаніе Поццо ди Борго по поводу рожденія герцога Бордосскаго, будущаго графа де Шамборъ:

„Я гуляла съ Поццо въ моемъ салонѣ и цѣлый часъ уже выражала восторгъ по поводу этого рожденія. Вдругъ онъ останавливается, беретъ меня за руку и говоритъ: „Слышите вы звонъ всѣхъ этихъ колоколовъ? Знайте, это похорошный звонъ по Бурбонскому дому, помните мое слово“. „Продсказаніе Поццо, говоритъ мадамъ де Буань, вполне оправдалось. Рожденіе герцога Бордосскаго побудило его семью стремиться къ восстановленію абсолютной монархіи, въ то же время оно отняло у народа надежду на естественное прекращеніе старшей вѣтви, которая ему была несимпатична. Нашимъ радостнымъ крикамъ пришлось превратиться въ слезы горести. Я должна отдать Поццо справедливость: онъ принадлежалъ къ незначительному меньшинству, уже тогда предвидѣвшему это“.

Г. Е. Родоканакки продолжаетъ изученіе старой Италіи. Я уже указывалъ вамъ на его прекрасную книгу о Капитоліи. Г. Родоканакки, любящій роскошные изданія и амбюшій на то средства, только что выпустилъ богато иллюстрированную книгу in 4° *La femme italienne à Péroque de la Renaissance*. Авторъ не пренебрегъ никакими свѣдѣніями, касающимися жизни женщины, начиная съ обычая, сопровождавшихъ ея рожденіе, ея обрученіе, ея игры, общественныя заботы, тайны ея туалета, кончая ея правовымъ и социальнымъ положеніемъ и контрактами, оберегавшими ея матеріальные интересы. Эта книга представляетъ съ одной стороны роскошный альбомъ, съ другой — важный вкладъ въ исторію цивилизаціи Италіи.

Наша французская пшела въ Египтѣ сдѣлала не такъ давно чрезвычайно интересное открытіе. Одинъ изъ ея членовъ г. Густавъ Лофевръ нашелъ семнадцать листовъ папируса съ отрывками изъ неизвестныхъ комедій Менандра, заключающими болѣе 500 стиховъ. Онъ издалъ ихъ въ Каирѣ. Г. Масперо сдѣлалъ въ 1906 г. докладъ объ этомъ открытіи въ Академіи надписей. Недавно г. Морисъ Круазе, профессоръ греческой филологіи въ Collège de France и членъ академіи, комментировалъ въ академіи книгу, напечатанную въ Каирѣ. Академія такъ была заинтересована докладомъ г. Круазе, что поручила ему повторить его въ годовомъ публичномъ засѣданіи пяти академій, происходившемъ 25-го октября, и этотъ докладъ чрезвычайно заинтересовалъ избранную публику, собирающуюся въ этотъ день подъ знаменитымъ куполомъ. Въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ *Journal des Savants* г. Круазе далъ критическій очеркъ этого интереснаго документа и предполагаетъ посвятить ему свой курсъ этого года въ Collège de France. Среди четырехъ пьесъ, отрывки которыхъ найдены на па-

ирусахъ, находится комедія 'Елтрéкои (Третейскій судъ), о которой говорить Квинтиліанъ.

Марокко теперь особенно въ модѣ. Г. Андре Шевильонъ посѣтилъ его и рассказываетъ вынесенныя имъ впечатлѣнія въ книгѣ, озаглавленной *Un crépuscule de l'islam*. Г. Шевильонъ талантливый писатель, но по моему мнѣнію онъ пишетъ недостаточно просто; его стиль высканно повтиченъ, иногда даже апокалиптиченъ. Мы приходимъ въ восторгъ, сказалъ Шатобрианъ, когда, думая найти автора, находимъ человѣка. Но у г. Шевильона мы находимъ главнымъ образомъ автора. Книга посвящена преимущественно Фецу и его окрестностямъ; она несомнѣнно интересна, даетъ много свѣдѣній и возбуждаетъ желаніе совершить путешествіе туда, но я предпочелъ бы, чтобы она была написана болѣе простымъ слогаомъ.

Въ своей книгѣ *Francisque Bouillier le dernier des Cartésiens* г. Латрель, профессоръ Лионскаго университета, налагаетъ біографію этого философа, который былъ профессоромъ университета, директоромъ Нормальной школы и членомъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Булье былъ любимымъ ученикомъ Виктора Кузена, который былъ долгое время великимъ учителемъ философіи во Франціи. Булье родился въ Лионѣ, городѣ, играющемъ значительную роль въ исторіи идей во Франціи, который и теперь считаетъ себя умственнымъ центромъ. Онъ много лѣтъ преподавалъ философію въ этомъ городѣ, онъ придавалъ большое значеніе провинціальнымъ преданіямъ, и одна изъ его послѣднихъ работъ есть Исторія провинціальныхъ академій. Преподавать философію было не легко, особенно при Луи Филиппѣ и даже Наполеонѣ III. Католическое духовенство было въ то время всемогуще, и профессора пользовались ограниченной свободой. Книга г-на Латреля представляетъ не простую біографію Булье, она есть въ то же время краткій очеркъ исторіи философіи во Франціи въ XIX вѣкѣ. Въ концѣ ея приложено нѣсколько ненаданныхъ писемъ Виктора Кузена. Она премірована Французскою академіей и Лионскою академіей.

Въ письмѣ, напечатанномъ въ октябрѣ прошлаго года, я сообщалъ вамъ о новомъ изданіи фирмы Лоранъ *Les grandes institutions de France*, и подробно остановился на томъ, посвященномъ Национальной бібліотекѣ. Эта серія обогатилась новой интересной книгою *l'Institut de France*. Въ ней сотрудничали пять непремѣнныхъ секретарей пяти академій: г. Гастонъ Буассье отъ французской академіи, г. Гастонъ Дарбу отъ академіи наукъ, г. Жоржъ Перро отъ академіи надписей и

belles lettres, г. Анри Ружонъ отъ академіи искусствъ, г. Пико отъ академіи нравственныхъ наукъ. Каждый изъ нихъ рассказываетъ исторію своей академіи; но дворецъ Института принадлежит не исключительно только Институту. Его правое крыло занято публичною библіотекою Мазарини. Иностранцы часто смѣшиваютъ эту библіотеку съ библіотекою Института, весьма богатой, но не открытой для публики. Въ послѣдній разъ, когда покойный А. Н. Веселовскій былъ въ Парижѣ, я назначилъ ему свиданіе въ библіотекѣ Института въ пятницу, день засѣданія академіи надписей и belles lettres. Мы желали вмѣстѣ съ Гастопомъ Парисомъ провести его въ члены-корреспонденты этой академіи, и поэтому я хотѣлъ его представить нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей. Онъ не пришелъ, такъ какъ понапрасну ждалъ меня въ библіотекѣ Мазарини. Можетъ быть, благодаря этой ошибкѣ онъ и не попалъ въ члены-корреспонденты Института. Кромѣ пяти секретарей въ книгѣ сотрудничаетъ ученый, на труды котораго по исторіи французскаго общества я вамъ часто указывалъ, г. Альфредъ Франклинъ, бывшій библіотекаръ библіотеки Мазарини. Онъ излагаетъ исторію зданія, въ которомъ въ настоящее время помѣщается Институтъ, такъ называемаго Collège des Quatre nations, построеннаго кардиналомъ Мазарини съ цѣлью поспигивать въ немъ 60 юпошей изъ четырехъ провинцій, присоединенныхъ къ Франціи во время его министерства (Пиньероль, Эльзась, Фландрія, Руссельмонтъ). Исторія этого коллежа представляетъ интересную главу изъ исторіи педагогики. Въ отдѣльной главѣ, посвященной всему Институту вообще, г. Перро излагаетъ исторію этого учрежденія съ его основанія въ 1795 г. до настоящаго времени и даетъ подробныя свѣдѣнія объ его общемъ устройствѣ. Институтъ является однимъ изъ богатѣйшихъ учрежденій во Франціи, если принимать въ расчетъ ту массу премій и фондовъ, которыми онъ располагаетъ. Его годовою доходъ составляетъ около 700.000 франковъ. Но сами академики, располагающіе этими колоссальными суммами, оплачиваются очень скудно. За исключеніемъ непремѣнныхъ секретарей, получающихъ по 6.000 франковъ въ годъ и квартиру, академики получаютъ 1.200 франковъ жалованья и 300 франковъ вознагражденія за посѣщенію засѣданій.

Кромѣ того Институтъ имѣетъ двѣ прекрасныхъ земельныхъ собственности: замокъ Шантели, завѣщанный герцогомъ Омальскимъ, и домъ Тьера въ Парижѣ; затѣмъ онъ состоитъ собственникомъ, не пользующимся доходомъ, замка Ланже, красивѣйшаго замка провинціи Турень. Такимъ образомъ Французскій институтъ съ виду очень

богатъ; но все это—богатства, которыми онъ въ дѣйствительности не можетъ располагать; онъ нуждается въ такихъ пожертвованіяхъ, которыми бы онъ могъ располагать для покрытія своихъ собственныхъ нуждъ и для удовлетворенія общихъ интересовъ науки. До сихъ поръ имѣется только одно такого рода пожертвованіе, дающее ему ежегодный доходъ въ 30.000 франковъ. Мало книгъ, чтеніе которыхъ можетъ доставить такое удовольствіе, какъ чтеніе этой, полной вслѣдствіе имѣль изъ области литературы, науки и искусствъ. Къ книгѣ приложены фотографіи портретовъ, медалей, автографовъ, видовъ Института.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ одинъ предприимчивый издатель заручился для своего путеводителя по Парижу статьями извѣстныхъ писателей о главныхъ научныхъ учрежденіяхъ столицы. Романъ написалъ объ Институтѣ, Сентъ-Бовъ—о Французской академіи, Бертелло—объ Академіи наукъ. Эти статьи вошли въ полное собраніе сочиненій этихъ писателей; онъ съ интересомъ читаются и теперь, и очень жаль, что онъ не вошли въ изданіе фирмы Лоранъ.

Мнѣ еще приходится говорить объ Институтѣ; а именно разсказать объ академическомъ юбилей г. Леопольда Делиля, праздновавшемся въ декабрѣ прошлаго года. Академику, состоявшему членомъ академіи въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, академія преподноситъ медаль съ его изображеніемъ. Эта честь выпала и на долю г. Делиля.

Мало кто оказалъ французской наукѣ столько услугъ, какъ г. Леопольдъ Делиль. Ему было всего 31 годъ, когда онъ былъ избранъ членомъ Института; въ то время онъ занималъ мѣсто помощника бібліотекаря въ Императорской бібліотекѣ. Въ 1874 г. онъ сдѣлался директоромъ бібліотеки и занималъ эту должность въ продолженіе тридцати лѣтъ. При немъ въ бібліотекѣ произведены тѣ измѣненія, которыя сдѣлали ее мѣстомъ наиболее удобнымъ для научныхъ занятій во всей Европѣ на ряду съ British Museum. Административныя обязанности не мѣшали г. Делилю неустанно заниматься научными изслѣдованіями. Библіографія его произведеній, вышедшая въ 1902 г., насчитывала 1889 номеровъ, а съ тѣхъ поръ это число еще возрасло. Напомню наиболее извѣстныя: *l'Etude sur la classe agricole et l'état de l'agriculture au moyen-âge*; *Le Catalogue des actes de Philippe Auguste*; *Mélanges de paléographie et de bibliographie, de Littérature latine et d'histoire du moyen-âge*. Несмотря на свой преклонный возрастъ, г. Делиль постоянно участвуетъ въ трудахъ академіи над-

писей и въ совѣтъ École des Chartes. Онъ былъ однимъ изъ основателей знаменитаго сборника La Bibliothèque de l'École des Chartes.

Желая отблагодарить своихъ товарищей за участіе, которое они приняли въ его чествованіи, г. Делиль на другой день послалъ каждому изъ академикомъ свой прекрасный новый трудъ Recherches sur la librairie (bibliothèque) de Charles V, съ приложеніемъ атласа фотографій. Въ предисловіи, посвященномъ академіи надписей, г. Делиль вспоминаетъ о своихъ предшественникахъ по библиотекѣ, гг. Ла Портъ дю Тейль (1787—1815) и Катрмеръ (1815—1857). Въ честь учрежденія, въ которомъ г. Делиль прослужилъ полъ-вѣка, онъ и предпринялъ изслѣдованіе библиотеки Карла V. Вслѣдъ за предисловіемъ идутъ нѣсколько страницъ, посвященныхъ воспоминаніямъ юности. Авторъ рассказываетъ, какъ онъ получилъ вкусъ къ палеологическимъ и палеографическимъ изслѣдованіямъ отъ одного провинціального ученаго въ небольшомъ нормандскомъ городкѣ Валонъ; какъ онъ прѣхалъ въ Парижъ, чтобы заниматься въ École des Chartes; какъ онъ чуть было не былъ назначенъ архивариусомъ въ Руанъ, но по счастью остался въ Парижѣ; какъ онъ поступилъ на службу въ Императорскую бібліотеку въ рукописное отдѣленіе и подъ руководствомъ палеографа Жерара привелъ его въ порядокъ. Библиотека, устроенная Карломъ V и Карломъ VI въ башнѣ Лувра, насчитывала 1.200 манускриптовъ; г. Делилю удалось разыскать около сотни ихъ. Онъ намъ рассказываетъ, при какихъ обстоятельствахъ Карлъ V положилъ начало своей бібліотеки, какъ она была составлена, откуда доставались книги, объ украшеніяхъ на манускриптахъ. Онъ даетъ подробный перечень сохранившихся рукописей и указываетъ, гдѣ онѣ въ настоящее время находятся. Онъ разбросаны по всей Европѣ: въ Парижѣ, Шантильи, Безансонѣ, Лондонѣ, Оксфордѣ, Туринѣ, Брюсселѣ, Стокгольмѣ и т. д. Во второмъ томѣ находится инвентарь библиотеки герцога Беррійскаго и списокъ библиотекъ, въ которыхъ находятся книги герцога Беррійскаго. Лучшее изъ этой библиотеки, приобретенной герцогомъ Омальскимъ, находится въ настоящее время въ бібліотекѣ Шантильи и, слѣдовательно, принадлежит Институту. Два тома книги г. Делили напечатаны на голландской бумагѣ и снабжены атласомъ, состоящимъ изъ 27 фотографій съ самыхъ замѣчательныхъ манускриптовъ; вначалѣ помѣщены фотографіи Леопольда Делиля и его жены, рожденной Бюрнуфъ, дочери знаменитаго ориенталиста, бывшей въ продолженіе 43 лѣтъ его спутницей и помощницей. Она изучила латинскую палеографію и могла помогать отцу во многихъ его работахъ. Другая дочь Бюрнуфа

вышла замужъ за Гастона Буассье, знаменитаго латиниста, въ настоящее время товарища Леопольда Делля по академіи надписей и непремѣннаго секретаря французской академіи.

Самымъ дѣятельнымъ изъ нашихъ провинціальныхъ университетовъ является Гренобльскій университетъ, привлекающій много иностранцевъ. Находясь въ сосѣдствѣ съ Италіей, этотъ университетъ особенно интересуется тѣмъ, что происходитъ на этомъ полуостровѣ. Германия имѣетъ во Флоренціи институтъ исторіи искусствъ и такой же институтъ хочетъ учредить въ этомъ городѣ Англія. Гренобльскій университетъ рѣшилъ учредить во Флоренціи французскій институтъ. Это учрежденіе окажетъ большія услуги французамъ, живущимъ въ древней столицѣ, и самимъ флорентинцамъ, интересующимся французской литературой. Флорентійскій институтъ будетъ связанъ съ Гренобльскимъ словеснымъ факультетомъ, какъ дополнительный курсъ по итальянскому языку и литературѣ, и будетъ состоять въ вѣдѣніи профессора этой каведры. Онъ будетъ состоять:

1) Изъ отдѣленія итальянской словесности.—Директоръ и секретарь института будутъ руководить научными изслѣдованіями студентовъ, а также и свободныхъ путешественниковъ, которые пожелаю бы воспользоваться своимъ пребываніемъ во Флоренціи для основательнаго ознакомленія съ итальянской литературой.

2) Секція исторіи искусства.—Тѣ же услуги, оказываемыя авторамъ трудовъ по исторіи искусства.

3) Секція французской словесности.—Она будетъ состоять въ платномъ курсѣ по французской литературѣ для флорентійскаго общества.

4) Бюро для научныхъ и литературныхъ сношеній между Италіей и Франціей.—Это бюро будетъ давать обращающимся къ нему ученымъ и литераторамъ обѣихъ націй всевозможныя свѣдѣнія: бібліографическія, статистическія, административныя и даже практическія указанія. Какъ видите, эта программа очень полная и очень заманчивая. Но Гренобльскій университетъ располагаетъ скромными средствами. Онъ нуждается въ болѣе богатомъ бюджетѣ для того, чтобы Флорентійскій французскій институтъ достигъ полного развитія и наибольшей полезности. Поэтому онъ обращается за помощью ко всемъ французскимъ друзьямъ Италіи, особенно же ко всемъ князьямъ Флоренціи. На его призывъ, конечно, откликнутся.

Въ то время какъ изученіе греческихъ и латинскихъ классиковъ находится въ полномъ упадкѣ, изученіе классиковъ XVII вѣка, на-

противъ, продолжаетъ быть въ модѣ. Особенно это относится къ Паскалю. Въ 1907 появились два изданія его „Мыслей“: одно—Виктора Жиро, вошедшее въ изданіе фирмы Блонъ la Littérature religieuse, другое издадо г. Газье, профессоромъ французской литературы въ Сорбоннѣ. Въ изданіи г. Жиро Паскаль является нѣсколько сокращеннымъ, къ нему приложенъ комментарий, въ которомъ преимущественно изложены этическія идеи автора. Изданіе г. Газье болѣе полно, къ нему приложены иллюстраціи.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ періодовъ нашей исторіи литературы является, безъ сомнѣнія, періодъ Sturm und Drang'a начала романтизма. Одна изъ симпатичнѣйшихъ личностей этого періода есть несомнѣнно Карлъ Нодье. Будучи библиографомъ, лексикографомъ, романистомъ, поэтомъ, академикомъ, Нодье въ продолженіе многихъ лѣтъ собиралъ въ своемъ салонѣ цвѣтъ интеллектуальнаго міра Парижа. Въ молодости онъ занимался даже славянскою литературою. Онъ былъ библиотечкаремъ въ Лайбахѣ въ то время, когда этотъ городъ былъ столицею Иллирской провинціи, занятой Наполеономъ, и заинтересовался литературою южныхъ славянъ; онъ написалъ о ней нѣсколько статей и, можетъ быть, косвенно побудилъ Мернго написать его знаменитую литературную мистификацію la Guzla, введшую въ заблужденіе двухъ великихъ славянскихъ поэтовъ: Пушкина и Мидевича. Рассказы Нодье, написанные элегантною и поэтическимъ языкомъ, можно читать еще и теперь. Но что особенно дѣлаетъ его память незабвенною, это воспоминаніе о его салонѣ de l'arsenal, бывшемъ главнымъ очагомъ романтической школы. Известный критикъ, сотрудникъ Journal des Débats, г. Мишель Саломонъ, воскрешающъ передъ нами это общество въ своей ликантной книгѣ Charles Nodier et le groupe romantique d'après des documents inédits. Въ книгѣ масса портретовъ и анекдотовъ, и она талантливо воспроизводитъ передъ нами это общество, въ которомъ Нодье игралъ значительную роль.

Книги по исторіи періода революціи и имперіи продолжаютъ быть въ модѣ. Gilbert Stenger только что закончилъ свое произведеніе la Société française pendant le combat, состоящее изъ слѣдующихъ шести томовъ: возрожденіе Франціи; взаимное положеніе аристократовъ, республиканцевъ и эмигрантовъ; Бонапартъ и его семья; міръ салоновъ, писатели и актеры; литература и театръ; искусства и гастрономія. Въ послѣднемъ томѣ описано положеніе арміи, духовенства, магистратуры и республики. Книга представляетъ занимательное собраніе портретовъ и анекдотовъ, въ общемъ она интересна для чтенія

и полезна для справокъ. Но она не обладаетъ тѣми высшими литературными достоинствами, которыя характеризуютъ книги Вандаля, Ланзака де Лабора ия Ленотра.

И только что называлъ г. Ленотра. Не проходитъ года, чтобы этотъ неутомимый ученый не написалъ какой-нибудь новой книги. Будучи увѣренъ въ успѣхѣ, который ему обезпечиваетъ его популярность, онъ началъ изданіе серіи книгъ, озаглавленной *Mémoires et Souvenirs sur la Révolution et l'Empire, publiés avec les documents inédits*; два тома этой серіи уже появились: *Les Massacres de Septembre*, содержащій много неизданныхъ документовъ объ этомъ ужасномъ эпизодѣ революціи, и *Les fils de Philippe Egalité pendant la terreur*. Филиппъ Эгалите (родился въ 1747 г. и умеръ въ 1793 г.), двоюродный братъ Людовика XVI, бросился въ объятія революціи изъ ненависти къ Маріи Антуанеттѣ; но это не помѣшало ему стать жертвой этой революціи, которая, подобно Сатурну, пожирала своихъ собственныхъ дѣтей. До приговора онъ нѣсколько лѣтъ провелъ въ марсельской тюрьмѣ со своими двумя сыновьями: графомъ Монпансье и графомъ Божоле. Графъ Монпансье (умершій въ 1807 г. въ Англии) оставилъ интересный рассказъ объ этомъ заключеніи, продолжавшемся сорокъ три мѣсяца. Этотъ-то рассказъ и перепечатываетъ г. Ленотръ, прибавляя къ нему нѣсколько постороннихъ весьма важныхъ документовъ и портреты современниковъ.

Успѣхъ, выпавшій на долю Энциклопедіи Ларусса, превосходить успѣхъ всѣхъ книгъ, изданныхъ во Франціи въ девятнадцатомъ и двадцатомъ вѣкахъ. Его можно сравнить только съ успѣхомъ Брокгауза въ Германіи. Но цѣна Энциклопедіи слишкомъ велика для скромнаго кошелька. Ноощренныя успѣхомъ, издатели задумали изданіе *Larousse poche lois*; онъ будетъ состоять приблизительно изъ ста выпусковъ, которые составятъ два, богато иллюстрированныхъ тома in 8°, цѣною въ 28 франковъ. Эта энциклопедія будетъ отличаться отъ другихъ энциклопедій тѣмъ, что она въ то же время дастъ словарь французскаго языка (даже со словами арга), съ ихъ произношеніемъ, этимологіей, синонимами, спряженіями неправильныхъ глаголовъ и т. д. Эта часть энциклопедіи дѣлаетъ ее особенно интересной для иностранцевъ.

Парижскій словесный факультетъ и академія нравственныхъ и политическихъ наукъ понесли большую утрату въ лицѣ профессора Брошара. Онъ преподавалъ въ Сорбоннѣ греческую философію. Особеннымъ уваженіемъ пользуются его труды о скептикахъ и стоикахъ.

Ослѣпнувъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на половину разбитый параличомъ, онъ не покидалъ кафедры и показывалъ себя достойнымъ ученикомъ стоиковъ, учене которыхъ онъ излагалъ съ такимъ криспорѣчиемъ.

На мѣсто покойнаго Жюль Лэри академія надписой выбрала извѣстнаго знатока среднихъ вѣковъ графа Дюръана, автора выдающихся трудовъ по исторіи искусства среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія. За нѣсколько дней до своего назначенія этотъ ученый издалъ при пособіи академіи роскошную книгу, озаглавленную *Les antiquités judaïques et le peintre Paul Fouquet*. Это описаніе рукописи еврейскихъ древностей Іосифа Флавія, прекрасно иллюстрированной миниатюристами Жаномъ Фуке, художникомъ XV вѣка, самыя лучшія произведенія котораго находятся въ музеѣ Шангильи. Рукопись, описанная и отчасти воспроизведенная г. Дюръаномъ, принадлежитъ Національной бібліотекѣ.

Ж — рь.

Г. О. ШУЛЬЦЪ.

(Некрологъ).

6-го января этого года скончался заслуженный профессоръ Харьковскаго университета по кафедрѣ классической филологіи Георгійъ Феодоровичъ Шульцъ.

Сынъ учителя музыки, уроженца Саксоніи, Г. О. Шульцъ родился въ Харьковѣ 14-го сентября 1853 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ училищѣ при мѣстной лютеранской церкви, а затѣмъ поступилъ во 2-й классъ 1-й Харьковской гимназіи, въ которой еще до введенія классической системы преподавался греческій языкъ (начиная съ 4-го класса). По окончаніи гимназическаго курса въ 1870 г., Г. О. Шульцъ поступилъ въ Харьковскій университетъ, на историко-филологическій факультетъ, избравъ классическое отдѣленіе. Уже тогда обнаружилась его научная симпатія: онъ преимущественно занимался греческимъ языкомъ подъ руководствомъ проф. О. И. Пѣховскаго. Въ 1874 г., получивъ степень кандидата, Г. О. Шульцъ оставленъ былъ при университетѣ въ качествѣ стипендіата для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ греческаго языка и словесности, и въ концѣ 1877 г., 24-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ онъ уже выступилъ на университетской кафедрѣ въ званіи приватъ-доцента: къ тому времени онъ выдержалъ магистерскій экзаменъ и защитилъ диссертацию pro venia legendi, какъ это требовалось тогдашними правилами. Степень магистра греческой словесности онъ получилъ въ 1881 г. и былъ избранъ въ доценты, а въ 1883 г. командированъ за границу на два года. Во время этой командировки Г. О. Шульцъ занимался въ Лейпцигѣ, Боннѣ и Берлинѣ. Ему довелось слушать выдающихся профессоровъ — Георга Курціуса, Риббека, Липсіуса, Оворбека, Бюхелера,

Узенора, Кекуле, Целлера, Дильса, Кирхгоффа и друг. Между тѣмъ введенъ былъ новый университетскій уставъ 1884 г., ураздлившій штатную доцентуру, и Г. Θ. Шульцъ, по возвращеніи изъ заграницы, назначенъ былъ временно исполняющимъ обязанности профессора, а въ 1890 г.—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора, ставъ такимъ образомъ полноправнымъ членомъ факультета и совѣта. Въ декабрѣ 1891 г. онъ защитилъ диссертацию на степень доктора классической филологіи и въ 1892 г. утверждень въ званіи экстраординарнаго профессора, а въ слѣдующемъ году назначенъ ординарнымъ. По окончаніи 30-лѣтняго срока службы Г. Θ. Шульцъ продолжалъ читать лекціи въ университетѣ вплоть до того момента, когда весной прошлаго года тяжкая болѣзнь приковала его къ постели. Умеръ онъ далеко не старымъ, всего 54 лѣтъ.

Въ первые годы по окончаніи университетскаго курса Г. Θ. Шульцъ интересовался преимущественно вопросомъ о значеніи падежей въ греческомъ языкѣ. Этому вопросу посвящены двѣ его диссертации—*pro venia legendi* (оставшаяся непечатанною) и магистерская („О значеніи косвенныхъ падежей въ греческомъ языкѣ. I. Введение. Внимательный падежь“, 1880). Затѣмъ его вниманіе привлекаетъ трагедія Софокла „Царь Эдипъ“. Въ 1887 г. онъ издаетъ книгу: „Къ вопросу объ основной идеѣ“ этой трагедіи, а въ 1891 г.—„Критическіи замѣтки“ къ ея тексту. Послѣднія я были докторскою диссертациею Г. Θ. Шульца. Когда въ 1891 г. опубликованъ былъ вновь найденный трактатъ Аристотеля объ Афинской Политіи, то Г. Θ. Шульцъ заинтересовался имъ, поразъ избиралъ его предметомъ университетскихъ чтеній и написалъ о немъ нѣсколько статей. О столь спорной четвертой главѣ Аристотелева трактата онъ напечаталъ одну статью на русскомъ языкѣ въ „Филологическомъ Обзорѣнн“ за 1892 г., а другую (съ нѣкоторыми добавленіями) на нѣмецкомъ въ *Nene Jahrbücher f. class. Philologie und Pädag.* за 1894. Здѣсь онъ пришелъ къ тѣмъ же выводамъ, что и извѣстный филологъ Блассъ, но раньше Бласса, который въ своихъ послѣдующихъ изданіяхъ Афинской Политіи ссылается на статью Г. Θ. Шульца. Нѣкоторыя замѣчанія и наблюденія послѣдняго принимаетъ и П. Г. Виноградовъ (въ статьѣ, касающейся первыхъ главъ Аристотелева трактата, въ „Филологическомъ Обзорѣнн“ за 1893 г.). Въ 1895 г. Г. Θ. Шульцъ помѣстивъ въ „Запискахъ Харьковскаго университета“ разборъ своей диссертаци: „Афинская Политія, Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Афинъ...“ Кроме того, Г. Θ. Шульцъ особенно интересовался Лисіемъ,

характеристику котораго, какъ „адвоката“, онъ представлялъ въ актовой рѣчи: „Адвокатура въ древнихъ Афинахъ и одинъ изъ ея представителей“ („Зап. Харьк. унив.“, 1897). Въ сборникѣ въ честь Ф. Е. Корша, *Χαριστήρια* (М. 1896), мы находимъ статью Г. О. Шульца изъ области метрики: „Ритмическое значеніе дохміа“. Покойный былъ сторонникомъ классическаго образованія и свой взглядъ на значеніе древнихъ языковъ для средней школы высказалъ въ докладѣ, читанномъ въ Педагогическомъ отдѣлѣ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества (напеч. въ „Харьк. Губернск. Вѣдом.“, за 1896 г.; ср. его же ст. „Непринужденныя бесѣды двухъ пріятелей по педагогическимъ вопросамъ“ въ журналѣ „Мирный Трудъ“ за 1902 г.). Для полноты перечня работъ Г. О. Шульца можно указать еще на его замѣтку о книгѣ *Heinr. Schmidt*, *Handbuch d. latein. und griech. Synonymik* („Филолог. Обзор.“, 1892), на переводъ ст. *Keller*, *Die Grenzen d. Uebersetzungskunst* (Сборн. Харьковск. Истор.-Филолог. Общества, 1893) и на критическія замѣчанія по поводу диссертациі врача Ф. Л. Германа, касающейся исторіи медицины („Къ исторіи моего диспута“, въ „Зап. Харьк. унив.“, 1899).

Университетскіе курсы проф. Г. О. Шульца состояли преимущественно въ чтеніи и толкованіи греческихъ авторовъ; нарядкѣ онъ читалъ и греческія древности, палеографію, метрику, грамматику. Когда назадъ тому 30 лѣтъ покойный Г. О. Шульцъ начиналъ свою преподавательскую дѣятельность, я былъ въ числѣ его первыхъ слушателей. Его лекціи — чтеніе и объясненіе Плутарховой біографіи Солона — были очень полезны для насъ, историковъ: онъ какъ бы замѣнили намъ практическія занятія по древней исторіи, которыя тогда въ Харьковскомъ университетѣ еще не велись. Уже въ ту пору особенно обнаруживалась въ Г. О. Шульцѣ черта, такъ характеризовавшая его, — его научная акрибія, чрезвычайно внимательное, тщательное отношеніе къ тексту. Эту черту онъ старался передать и намъ. Для его характеристики, какъ университетскаго преподавателя въ послѣдующіе годы, я позволю себѣ привести слова одного изъ его учениковъ, сказанныя въ день чествованія проф. Г. О. Шульца по поводу 25-лѣтія его учено-педагогической дѣятельности: „своими теоретическими лекціями вы ввели насъ, привыкшихъ относиться къ древнимъ текстамъ, какъ къ чему-то мертвому и застывшему, въ совершенно новую для насъ область конъектуральной критики, стремящейся возстановить мысль великихъ писателей во всей ея точности и красотѣ. На практическихъ же занятіяхъ вы научили насъ обращать вниманіе на

общую связь изложения, проникать въ духъ произведеній древнихъ авторовъ и вдумчиво искать въ богатой сокровищницѣ русскаго языка подходящія слова и выраженія для передачи оттѣнковъ и малѣйшихъ изгибовъ мысли гениевъ античнаго міра. Для насъ вы были не только преподавателемъ греческаго языка, но и учителемъ русскаго... Живымъ своимъ примѣромъ вы наставляли насъ, что безкорыстное служеніе чистому знанію, чуждое какиихъ-либо практическихъ соображеній, является долгомъ каждаго, выступающаго на трудное и почетное педагогическое поприще. Вы никогда не гнались за популярностью и въ добросовѣстномъ выполненіи своихъ обязанностей видѣли высшую для себя награду. Но всѣ насъ правильно оцѣнивали, но вы ко всѣмъ относились съ одинаковымъ безпристрастіемъ. Вы обнаруживали огромную терпимость, охотно допускали обсужденіе предлагаемаго вами толкованія или перевода, что превращало зачастую практическія занятія въ оживленное собесѣдованіе. Всякій, обращающійся къ вамъ за совѣтомъ и указаніемъ, постоянно находилъ живѣйшее сочувствіе и полную готовность помочь осветить трудное мѣсто, разъяснить недоумѣніе, устранить ошибочное пониманіе. Для насъ вы не жалѣли даже свободнаго отъ очередныхъ занятій времени и у себя въ кабинетѣ по цѣлымъ часамъ работали съ нами. Да и послѣ окончанія нами курса вы всегда готовы были оказать поддержку своимъ бывшимъ ученикамъ...“

Проф. Г. О. Шульцъ любилъ университетъ и отдавалъ свои силы на служеніе ему не только какъ преподаватель. Его мерзъ избирали въ различныя университетскія коммисіи, напримѣръ, въ 1901 г. по составленію отвѣта на вопросы, предложенныя министромъ П. С. Ванповскимъ о желательныхъ измѣненіяхъ въ уставѣ 1884 г., а также въ 1905 г. — по составленію записки объ условіяхъ, при которыхъ возможно достиженіе нормальнаго теченія университетской жизни. Одно время, когда въ Харьковскомъ университетѣ не было еще профессора по кафедрѣ исторіи искусствъ, Г. О. Шульцъ завѣдывалъ музеемъ изящныхъ искусствъ и, благодаря его стараніямъ, музей этотъ обогатился слѣпками памятниконъ античной скульптуры. Много лѣтъ Г. О. Шульцъ состоялъ членомъ редакціоннаго комитета по изданію „Записокъ Харьковскаго университета“, несъ обязанности его предсѣдателя и редактора. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ секретаремъ Общества пособія нуждающимся студентамъ, при чемъ, благодаря его энергіи и настойчивости, Обществу возвращены были старыя долги на сумму около 20.000 руб.

Въ средѣ профессорской коллегіи проф. Г. Ѳ. Шульцъ пользовался уваженіемъ и расположеніемъ. Мы цѣнили въ немъ его необыкновенно строгое отношеніе къ своимъ обязанностямъ, его высокое понятіе о долгѣ, сказывавшееся даже въ мелочахъ, его развитое чувство законности, любви и уваженія къ правдѣ. Къ нему можно было примѣнить слова: „вотъ человѣкъ, въ которомъ нѣтъ лукавства“. Намъ привлекали въ немъ благородство его души, прямота и честность, его корректность, его коллегіальность и любовь къ университету. Благо университета, его честь и достоинство были дороги покойному. Это благо стояло у него на первомъ планѣ, служило ему какъ бы путеводною звѣздой. И смерть этого благороднаго, коллегіальнаго, столь преданнаго университету человѣка — тяжелая утрата, особенно въ наше время, когда подобные люди такъ нужны. Событія послѣднихъ лѣтъ вмѣстѣ съ другими непріятностями и огорченіями глубоко повліяли на проф. Г. Ѳ. Шульца. Они подорвали его силы и здоровье. Часто приходилось видѣть его чрезвычайно взволнованнымъ, возбужденнымъ, нервнымъ, и подчасъ трудно было узнать въ немъ прежняго Георгія Ѳеодоровича, такого спокойнаго, уравновѣшеннаго. Послѣдніе мѣсяцы онъ тяжело страдалъ — подъ конецъ врачи находили у него Аддисонову болѣзнь; — лишь смерть превратила его страданія... Не стало дорогого товарища, одного изъ наиболѣе уважаемыхъ членовъ нашей университетской коллегіи.

В. Бузесмуль.

CIE. 446 (F. 1055) velias · fanacnal · θuffθas
alpan · menaxe · clen · ceχα:
tufines · tlenaxeis.

F. 2618: mi : flores svulare aritimi
fasti ruivfriś trce clen ceχα.

G. 804 ¹⁾ ..neteiesuinunehutueluniθmuza
l]enlumiθnjaunetnaχceχamiarce.

CIE. 4538 (F. 1914) B 21 сл.: ix · ca · | ceχα zixuxje.

F. 2280: laris pumpus | arndal clan | ceχase.

F. 2281: laris pumpu | ceχase

F. 2279: ceχasin θunxu[lθe]n **enas ***

G. 802, 3 sqq. (№ 27) **i ceχα***a. vac[l] · arθc.elisva*****
θafi ***ceχasie : θur : ercefaś**
z[i][χ]n ceχaneri tenθ[as]****

Deecke, Forsch. u. Stud. VI, 58: šta tχ nu herma tins ceχε ²⁾).

Agr. XI, 13: eθri suntnam ceχα | cntnam θesan.

Agr. XII, 7: hursic · caplθu · ceχam · enac · eisna · hindu

Agr. VII. 7: sacnitn | an cilθ · ceχane · sal śucivn.

Torp, Sitzungsber. d. K. Akad. d. Wiss. zu München, 1904, IV, n. 21:

havrenie[s?] | fleres : c[a] | esn ceχα | ***nindie[s?].

Другіе примѣры были приведены выше по поводу слова *municleθ* въ № 4 ³⁾). Не знаю, родственны ли слова *ceś* и *ceś-ca* въ Аграмскомъ ритуалѣ: Agr. X, 12: scanin ceśca upur, XI, 12: etnam aisna cesal tuχlac eθri, XI, 21: θluθeva | ceśum tei lanti. Повидимому, *ceχα* означает „присосенное въ жертву, жертвенный даръ, жертва“ ⁴⁾ и, какъ глаголъ, „приносить въ жертву, жертвовать“, *sacra facere*. Отсюда посредствомъ нарощенія основы суффиксомъ -n- образована новая форма **ceχana* съ praeter. *ceχane* Agr. VII, 7. Отъ новой основы *ceχan-* посредствомъ суффикса -ri образуется *transitivus (prolativus) ceχan-e-ri* съ несомнѣннымъ финальнымъ значеніемъ ⁵⁾. Титулъ *zile ceχaneri*

¹⁾ Доводена *Torp*мъ (D. vogr. Inschr. v. Lemn. 64).

²⁾ Чтеніе *herma* (*Torp*, Etr. Beitr. Zw. R. I, 21, n. 6), вѣроятно, опечатка, такъ какъ въ Etr. Beitr. I, 51 *Torp*ъ читаетъ то же *herma*. Форма *herma* встрѣчается въ № 24; см. нѣже, стр. 89.

³⁾ См. выше, стр. 57.

⁴⁾ Ср. *Torp*, Etr. Beitr. I, 42 сл. II, 17, 110.

⁵⁾ *Torp*ъ (Etr. Notes, 25 сл.) считаетъ *ceχaneri* за the denomination of some sacerdotal person or office въ род. надеждъ.

tenfas означаетъ такимъ образомъ „исправляющій обязанности зильха для совершения жертвъ сеха“. Этотъ титулъ предполагаетъ существованіе другого званія—zilc sehaneri. Быть можетъ, подобно римскимъ II (X, XV) viri sacris faciundis, которые были не только carminum Sibyllae ac fatorum populi interpretes, но также antistites Apollinaris sacri caerimoniarumque aliarum (Liv. X, 8, 2), коллегія zilc sehaneri—жрецы, какъ мы знаемъ ¹⁾, составляли коллегію—вмѣнялось въ обязанность, если судить по аналогіи, храненіе священныхъ книгъ и изложеннаго въ нихъ ученія Тагета ²⁾. Если это такъ, то обязанности коллегіи были унаслѣдованы ею отъ лукумоновъ (Verg. Aen. X, 175. Censor. de die nat. 4, 13) подобно тому, какъ въ Римѣ унаслѣдовали религиозныя обязанности царя sacrificulus. Такъ какъ слово сеха встрѣчается, повидимому, лишь въ качествѣ sacra fimeralia ³⁾, то весьма можетъ быть, что должность zilc sehaneri стояла въ связи съ такъ называемыми sacra Acheruntica; ср. Arnob. adv. gent. II, 62: Etruria libris Acherouticis pollicetur, certorum animalium sanguine numinibus certis dato divinas animas fieri et ab legibus mortalitatis educi. Этой-то коллегіи, очевидно, Циперонъ и присваивалъ названіе interpretes osteutorum (De divin. II, 53, 109). Конечно, это — простая догадка, лишь не лишняя известной доли вѣроятія и возможности.

Фамильное имя part(i)uni слѣдуетъ сравнить съ partenus въ Пизаврійской надписи, изданной Латтесомъ ⁴⁾, v. 2. Наша надпись переводится: „Вельтуръ, сынъ Лариса Партуну (и) Рамты, (дочери) Кухльни, исправляющій обязанности зильха для приношенія жертвъ, прожившій (до) возраст(а) 82 (лѣтъ)“.

О № 23 говорилось выше ⁵⁾. Весьма интересная какъ со стороны содержанія, такъ и по волнчивъ 24-я надпись вполне заслуживаетъ, чтобы на ней остановитица подольше. Отчасти я гонорилъ уже о ней ранѣе ⁶⁾. Здѣсь остается лишь повторить вкратцѣ сказанное и разобратъ тѣ мѣста, которыя не были затронуты ранѣе. Слово gatas — очевидное прозвище. Судя по окончанію, я принималъ его ранѣе ⁷⁾ за gen., однако теперь склоненъ видѣть въ немъ скорѣе nom., въ

¹⁾ Müller-Deecke, II, 7 сл.

²⁾ Ibid. II, 26. Thulin, D. etr. Disciplin, I, 9.

³⁾ Ториз (Rtr. Beitr. Zw. R. I, 21) переводитъ сеха черезъ votum.

⁴⁾ Di due nuove iscr. prerom. 18.

⁵⁾ Стр. 41 сл.

⁶⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1907, июль, 342 сл.

⁷⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1907, июль, 342.

чемъ меня убѣждаетъ сравненіе съ СІЕ. 835 (F. 896) ar : Uesna : ratacs : scirias, гдѣ ratacs несомнѣнный nom., какъ это видно изъ СІЕ. 895 (F. 905 bis b) θana : pulfnei : patacsalisa remznal : σεχ и 1047 (F. 968. 969) ad marenji clanti vl · | ratacsna!. Очевидно, s принадлежитъ основѣ. Nom. ratacs образованъ отъ корня rat- при помощи обычнаго суффикса -χ (-c). Значеніе суффикса -s мнѣ неясно. Быть можетъ, онъ мѣстоименнаго происхожденія. Корень rat- дважды встрѣчается въ Аграмскомъ ритуалѣ: X, 4 ar. ratum, гдѣ rat-um, подобно ar, является, повидимому, повелительнымъ наклоненіемъ ¹⁾, и X, 20 ara · ratum ainsa leitrum zuθeva. Последнее предложеніе не поддается объясненію. Во всякомъ случаѣ ara—ind. praes. глагола „дѣлать“ ²⁾. Опредѣляется значеніе rat- изъ G. 377 gad tusnuthie на glans missilis. Последнее слово Торпъ ³⁾ переводитъ черезъ prinserp, дух. Быть можетъ, въ немъ кроется скорѣе сравнительная (или превосходная) степень rectius, fortius (rectissime, fortissime) или что-либо подобное. Корень gad съ синонимами haco и adθ соотвѣтствуетъ, очевидно, лат. feri. Въ такомъ случаѣ ratacs = лат. Caesius „боецъ“, хотя Дэйке ⁴⁾ считаетъ для этого имени вѣроятной другую этимологію (отъ caesius blamāngig „голубоглазый“). Такое же прозвище sceise—Грeckъ ⁵⁾. Слово zlx я принимаю въ субстантивномъ значеніи „сооруженіе, постройка, зданіе“. Для даннаго мѣста выше было предложено augurasulum (P. Dias. ed. M. p. 18). По поводу sceals замѣчу, что территоріи Цэре и Тарвиній были смежны, но за единичностью примѣра предположеніе остается предположеніемъ. Конечно, можно допустить, что рѣчь шла о какомъ-нибудь урочищѣ близъ раздѣлявшей обѣ области границы. Относительно образованія sceal-s представляетъ полную параллель слѣдующему loc. tarχnal-θ : nom.-acc. обонхъ словъ кончается на -al. Это окончаніе показываетъ, что слова *sceal и *tarχnal собственно субстантивированныя прилагательныя, при которыхъ подразумевалось, безъ сомнѣнія, слово „городъ“. Первые три строки я перевожу такъ: „Ларисъ, сынъ Ларке Пулены, Боецъ, внучъ Ларта Вельтура, правнукъ Пуле, (сына) Лариса

¹⁾ *Torp*, *Etr. Beitr.* I, 59.

²⁾ *Ibid.* 7 et al.

³⁾ *Ibid.* 59.

⁴⁾ *Forsch. u. Stud.* V, 67.

⁵⁾ *Bugge, Vers. Beitr.* X, 79. *Etr. u. Arg.* 58. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1907, июль, 342, пр. 4.

Грека. Онъ зданіе (для) авгуровъ приобрѣлъ въ собственность отъ Царе въ (общинѣ) Тарквиніевской⁴.

Слѣдующее слово *luc-airce*, повидимому, *praeteritum*. Проще всего разлагается оно на *luc-airce* = **luc-airce*, **luc-airce* „сдѣлать *luc*“. Другая этимологія этого слова приводитъ насъ къ разложенію его на *lu-airce*, гдѣ корень **air* равносилецъ корню **air*, со смятченіемъ жоренной гласной **ae*-. Первую форму мы находимъ въ словахъ *caira* ¹⁾, *cairavie*, *caires*, *cairesi*, *caires-ri* ²⁾, *cairi* ³⁾, *cairi* ⁴⁾ и др., вторую — съ нарощеніями въ *ceirine*, *ceirinu*, *ceirixu*, *ceirixunde*. Основу *ceiri-* Торгъ ⁵⁾ принимаетъ въ значеніи *errichten* „сооружать“, т. е. въ значеніи, близкомъ къ предыдущему *zich... acaese*. Такимъ образомъ здѣсь, можетъ быть, также идетъ рѣчь о какой-то постройкѣ: „постройка *lu-*“. Въ словѣ *ira* Торгъ ⁶⁾ открытъ мѣстоименіе „который“; *gubsva* кажется тождественнымъ съ *ludsva* въ слѣдующей строкѣ, которое произведено отъ чистой основы *lud*; *loc.* послѣдней встрѣчается въ *Agr. VI*, 14 сл. *tinān* : *garuē* | *luθti* : *raχ* · *ture* : *acil* : *calica* : *θluθ* · *ceiθim*. *Nom.-acc.* представляетъ *CIE.* 371 *tinē* | *lut*, повидимому, со значеніемъ „умилостивительная жертва, умилостивленіе Тини“. Сложное слово *θuluter* ⁷⁾ (*nom.-acc. pl.*) встрѣчается у *F.* 2095. *Nom.-acc. sing.* его, повидимому,—*θluθ* въ приведенномъ мѣстѣ *Аграмскаго* текста съ производнымъ *θludsva* *Agr. XI*, 20. Ср. также *CIE.* 52^b *θludurit*. Неясно окончаніе той же основы *luθ-* въ *Not. d. Scavi*, 1887, 438 : ****alievī* : *fraet* : *teziis* : *lud****. Быть можетъ, нужно дополнить *luθ[sva]*.—*caθas-gen.-dat.*, подобно, *tinē* въ *CIE.* 371. ⁸⁾—*hermeri*—*transit.* отъ *herma*, *herme* Ἑρμῆς. Слѣдующія три слова не понятны: *slicales*, повидимому, *gen. s.* Если въ словѣ *-cal-* видѣтъ корень *cal*, *cal* „могила“, то **slicale*, можетъ быть, означаетъ *ἐπιτόμβιος*; *arpiθvale*, кажется, нужно дѣлать на днь слова—*arpiθ* (*loc.*) ⁹⁾ и *vale*, которое встрѣчается въ *Аграмскихъ* текстахъ *VII*, 3 сл. *vasl* · *aisvale* | *male* · *ceia* · *hia* ·

¹⁾ *Torp*, *Beitr.* I, 40, II, 96.

²⁾ *Ibid.* II, 94 сл.

³⁾ *Ibid.* 96.

⁴⁾ *Ibid.* 94 сл.

⁵⁾ *Ibid.* I, 46, II, 94. *D. vorgr. Inschr. v. Lemn.* 58. 65.

⁶⁾ *Str. Beitr.* I, 16.

⁷⁾ *Ibid.* II, 45.

⁸⁾ О значеніи *caθas* говорилось ранѣе: *Журн. Мин. Нар. Просв.* июль, 338, прим. 4, августъ, 367.

⁹⁾ Быть можетъ, *arpiθ* родственно съ *arpi* и пр. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1907, июль, 361 сл.

trinh . etnam . ciz, ibid. 5 vacl . vile . vale ., ibid. 20 сл. etnam ais-
vale | vacl. Кажется, vale—praeter. глагола. Относительно рахана была
рѣчь выше ¹⁾. И здѣсь, какъ въ № 30, имя бога Каты стоитъ въ связи
съ именемъ бога Паха. Въ рахана нужно видѣть храмъ съ прилегаю-
щей территоріей или празднество въ честь бога Паха. Въ такомъ слу-
чаѣ значеніе ludsva близко къ значенію рахана. Быть можетъ, ludsva
означаетъ „умиловительныя игры“ или „театральныя представленія“.
Корень lud- = лат. leud-, loud-, lud- А. Θ. Эманъ ²⁾ считаетъ „заим-
ствованнымъ этрусками изъ языка подчиненныхъ имъ италийцевъ“, хотя
могло случиться и обратное, чтѣ еще вѣроятнѣе. Изъ первоначаль-
наго значенія ludus „свобода, вольность“ (ср. ludum dare) и для корня
lud- можно вывести значенію „освобожденіе, очищеніе путемъ умило-
ствленія“. Производное отъ того же корня слово мы найдемъ въ
такомъ случаѣ и въ lautni, lutni, latni. ³⁾ Слѣдующее alumpave—loc.
sing.; *alumpna hermu, кажется, должно означать „святѣище Ермія“,
причемъ hermu, повидимому, сохранило свою оригинальную окраску:
это — gen. Ермоѣ отъ ном. herme CIE. 962 (F. I S. 145). Слово
alumpna производится, какъ кажется, отъ корня al- „давать, дарить“ ⁴⁾
при помощи суффиксовъ -um- и -na. Суффиксъ -um- тотъ же, что и
въ neblum и пр. Далѣе идетъ непонятное melecratic, въ которомъ
mele Торъ ⁵⁾ считаетъ тождественнымъ съ mene; въ такомъ случаѣ
cratic, должно быть, loc. корня *cag съ копулятивнымъ -c. Однако мнѣ
кажется въ этомъ melecratic нѣчто другое. Мишель Бреаль ⁶⁾ издалъ
интересную надпись, въ которой мы встрѣчаемъ то же слово, но въ
болѣе правильномъ начертаніи. Надпись эта слѣдующая: mi pu mel-
karθ avieklkφ...na. Наше melecrati-c вполне соответствуетъ Мель-
карту надписи Бреалья, съ той только разницей, что фонетика слова
melecrati—чисто народная. Этрусски, какъ мы знаемъ изъ многочислен-
ныхъ примѣровъ заимствованныхъ греческихъ словъ, безпощадно иска-
жали иностранныя слова, дико звучащія для ихъ уха, и передѣ-
лывали ихъ на свой ладъ, какъ имъ казалось лучше. Союзъ -c соеди-
няетъ melecrati съ hermu.—ces, вѣроятно, gen.-dat. sing. отъ en, en ⁷⁾,

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, январь, 71 сл.

²⁾ Лидьяне-игроки въ Сборникѣ статей по класс. филол. С.-Пб. 1901, IV, 8 сл.

³⁾ Эманъ, ibid. 91.

⁴⁾ См. выше.

⁵⁾ Etr. Beitr. II, 25.

⁶⁾ Journal des Savants, 1899, 64.

⁷⁾ Torp, Etr. Notes, 13.

согласованный съ *puis*, о которомъ говорилось ранѣе ¹⁾. Какъ существительное, *puis* можетъ означать „шествіе, церемонія“.—*χιν* Торгъ ²⁾ понимаетъ въ смыслѣ жертвоприношенія.—Имя *culsu*, *culsans* известно изъ CIE. 437 (F. 1051), 473 (F. 1053) и 1812 (F. 564) v. 9, какъ названіе богини, изображающейся съ факеломъ и ножницами въ рукахъ при выходѣ изъ вѣровъ Ада ³⁾. Вѣроятно, это „Атропос.—сверна—ген. прилагательнаго сверна, производнаго отъ *sver* ⁴⁾ посредствомъ общаго суффикса *-na*; *sver* означаетъ „даръ“.—*psl*—слово неясное какъ по формѣ, такъ и по значенію (быть можетъ, это предлогъ, подобно *pu?*).—*vaχti*—loc. неизвѣстнаго слова ⁵⁾. О словахъ *sepine* и *pu* говорилось ранѣе ⁶⁾. Выраженіе *pu* *alunpade* *pu* *hermu* показывааетъ интересное повтореніе предлога (ср. выше *alunpade hermu*), какъ въ греческомъ повторяется въ подобныхъ случаяхъ членъ. Означаетъ это выраженіе „при святилищѣ при Ерміевомъ“.—*huznatre* Дакке ⁷⁾ дѣлитъ на *huzn* *atre* „Priester des Hauses“, однако противъ этого говорить *maris huznana* F. 480, гдѣ послѣднее слово, очевидно, прозвище божественнаго ребенка. Родственное слово охъ видѣть въ *huzur* F. 1487 и *huzur* F. 2095 с. Первую изъ надписей: *agnθ volimnas | arzncaal huziur | suθi acil hese* Дакке переводитъ *Aguns Volumnius, Laris (ot) Aruntinae (filius)...* *sedom* (sc. *sepulcralem*) *propriam* *posuit*. Однако послѣднія слова можно перевести и такъ: *propriam sedom huziur posuit*, гдѣ *huziur* явится именно частью составнаго связуемаго въ смыслѣ *non tangendam, inviolabilem*. Въ этомъ значеніи „неприкосновенный“ я и принимаю оба слова. Изъ значенія „неприкосновенный“ легко вытекаетъ и другое: „неотвратимый“, „неотразимый“, какъ прозвище Марса. То же значеніе *invocabilis* имѣеть и *huzur* въ надписи F. 2095 с. *itanices huzur*. Какое имя скрывается въ *itanices*, для меня пока неясно. Повидимому, греческій оригиналь его оканчивался на *-νείκης* ⁸⁾ или *-νικος*. Надпись переводится: „...tan-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1907, июль, 351 сл.

²⁾ Etr. Beitr. II, 105. Etr. Notes, 10, no op. D. vorggr. Inschr. v. Lemn. 67 Ann. 1.

³⁾ Decker, Forschungen, IV, 62 сл. *Thulin*, D. Götter, 41.

⁴⁾ Torp, Beitr. I, 85.

⁵⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1907, июль, 347, прим. 4.

⁶⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1907, июль, 335.

⁷⁾ Forsch. u. Stud. VI, 61 сл.

⁸⁾ Ср. CIE. 3075 *pilunice* = *Πολυνίης* и т. п. у Буме, Forsch. u. Stud. IV. 23 сл. Изъ римскихъ именъ ближе всего было бы *Britannicus*.

nici inviolabile (bustum)*. Значеніе huznatre тѣмъ не менѣе отъ меня ускользаетъ (loc. на -e?, т. е. „въ неприкосновенномъ святилищѣ“?). Какъ имя собственное, тотъ же корень мы находимъ въ CIE. 1244 (F. 534 ter e) θalini : husni : cestn[a]sa и др. — mevlini имѣетъ ближайшее опредѣленіе въ pul hermi. Слѣдующее θutniθi — loc., можетъ быть, зависящій отъ предыдущаго pul. Повидному, основа этого слова тождественна съ tuθa, θuta „первый“¹⁾. — inlusna, можетъ быть, образовалось изъ *tuln-s-na, однако значеніе темно также, какъ и значеніе рядомъ стоящихъ словъ ganvis (gen. отъ gan-ve? ср. ganem Agr. VIII, 16) и mlamaθ... Последнее я раздѣляю на mlā (ср. mlax, mle, emle²⁾) и maθ[sva] (ср. Agr. X, 9. 17). — mnaθuras Паули³⁾ довольно правдоподобно дополняетъ въ [velti]mnaθuras; Литтесъ⁴⁾ предлагаетъ [alu]mnaθuras, но могло быть и [veli]mnaθuras, [ratu]mnaθuras или что-нибудь подобное. Доказать вѣрность того или другого чтенія или опровергнуть ее—въ настоящее время нѣтъ возможности.—Слово raniix Бунге⁵⁾ принимаетъ въ значеніи patronus, что допустимо, но за отсутствіемъ другихъ примѣровъ также доказано быть не можетъ.—lese . agrniθer объясненію не поддается.

Переводится наша надпись такъ: „Ларисъ, сынъ Ларке Пулены, Боецъ, внукъ Ларта Вельтура, правнукъ Пуле, (сына) Лариса Грека. Онъ зданіе (для) авгуровъ пріобрѣлъ въ собственность отъ Цэре въ (общинѣ) Тарквиніевской (или „въ общину Тарквиніевскую“). Онъ устроилъ lu-, которое — очищеніе погребальному (?) (богу) Катъ черезъ Ермія..... очищеніе (богу) Катъ и празднество (въ честь бога) Пахи въ святилищѣ Ермія и Мелькарта (?); приношеніе этой церемоніи, Кульсу подаренной..... онъ устроилъ при святилищѣ при Ерміевомъ,.... (былъ) членомъ коллегіи пяти при Ермія (святилищѣ)..... былъ патрономъ (?)..... мнатуръ...“

Такимъ образомъ изъ этой надписи мы почти ничего не извлекаемъ новаго для этруской магистратуры. Останавливаетъ на себѣ наше вниманіе лишь титулъ mevlini pul hermi, подтверждающій наше мнѣніе, что mevlin служило обозначеніемъ званія жреца⁶⁾.

Въ № 25 мы находимъ въ началѣ знакомое уже намъ изъ citva

¹⁾ См. *Torp*, *Btr. Beitr.* Zw. R. I, 10.

²⁾ См. *Torp*, *Btr. Beitr.* I, 40. II, 128.

³⁾ *Beaz. Beitr.* XXV (1899), 224.

⁴⁾ *Ibid.* XXVI (1900), 64.

⁵⁾ *Beaz. Beitr.* XI, 57. *Torp*, *Beitr.* II, 132.

⁶⁾ См. выше, стр. 61.

слово *eid*, которое здѣсь легко можетъ означать нарѣчіе *bene*. Торпъ ¹⁾, припавъ *eid* за *loc.*, чтобы быть послѣдовательнымъ, и слѣдующее *fanu* долженъ былъ принять за *loc.* Корень *fan*—мы встрѣчаемъ прежде всего въ собственныхъ именахъ *fani* = *Fannia* CIL. I, 1319. 1320, *fan-as-na-l* CIE. 44 (F. 1055) съ обычнымъ суффиксомъ *-ax*, *fan-ak-ni* ²⁾ и словахъ *fanufe* Agr. X, 23 (gen. sing. или *praeteritum*), *fanie* Cap. 42 (gen. sing. отъ *fani*, *fanie*), *faniri* Cap. 43. 44 (transit.), *fanxe* · i. Cap. 26 (= *fan-x* *ei* или *praeterit. fanxe* ³⁾). Соединеніе *eid fanu* повторяется въ формѣ *eid fanu* CIE. 4116 (F. 1915). Значеніе слова пока неясно. Слѣдующее *fadec*, вѣроятно, разлагается на *fade-c*; *fade* по формѣ можетъ быть принято за *praeterit.* глагола, распространенную основу котораго мы имѣемъ въ *fatene* CIE. 4538 (F. 1914) В 1 и *praes. fatena* *ibid.* 19. Сложное слово, можетъ быть, представлять *praefatio* въ № 31, о чемъ въ своемъ мѣствѣ Торпъ ⁴⁾ принимаетъ для глагола *fatena* значеніе „объяснять“. Съ другой стороны Аграмскій ритуальъ даетъ gen. существительнаго или скорѣе, какъ принимаетъ и Торпъ ⁵⁾, *partic. fadas* Agr. III, 11. VIII, 20. Другая форма *fatiri* Agr. XI, 22 представляетъ намъ *transit.* того же корня (суппинугерундій при глагольномъ значеніи слова). На основаніи F. 2335 Торпъ ⁶⁾ переводитъ *lavtu* черезъ *ein Familien-(grab)*. — *in* — *ira* „тотъ—который“ ⁷⁾. Значеніе *fenzna* неизвѣстно; *fenzneves* v. 5 Торпъ ⁸⁾ принимаетъ за gen. plur. отъ предыдущаго *fenzna*, что не вѣроятно: это—gen. sing. (или *nom.-acc. plur.*) основы *fenzna*, нарощенной суффиксомъ *-ve*, *-va*, о которомъ говорилось выше. Въ строкѣ 3-й *teisnica* разлагается на *teisni-ca*; первая часть, если не тождественна, то родственна съ *tesan*, *tesnâ*, — вторая представляетъ указательно-опредѣлительную частицу ⁹⁾. Это *teisni-*, по предположенію Торна ¹⁰⁾, означаетъ „общій для всѣхъ“. Форма *lineri*—*transitivus* отъ *tin* ¹¹⁾; *nutisus* gen. sing. (или plur.?),

¹⁾ Etr. Beitr. I. 48; стр. 4 н. 1.

²⁾ Deecke, Forsch. I, 51. Müller-Deecke, I, 495.

³⁾ Ср. Журн. Мин. Нар. Просв. 1907, августъ, 373 сл.

⁴⁾ Etr. Beitr. II, 104.

⁵⁾ *Ibid.*

⁶⁾ *Ibid.* I. 29.

⁷⁾ *Ibid.* I, 15. 17.

⁸⁾ *Ibid.* I, 89 сл.

⁹⁾ *Torp. Beitr.* I. 29. II, 86. Ср. *Pauli. Stud.* III, 93: *dedicatio*.

¹⁰⁾ Etr. Notes, 56.

¹¹⁾ *Bugge, Forsch. u. Stud.* IV, 206.

зависящій отъ *namutne* или пронавшего слова. Съ *nutisus* слѣдуетъ сравнить *puḍin Agr. X, 15*. Слово *namutne* встрѣчается въ побочной формѣ *namulti* въ СІЕ. 2490 (F. 816.): *arṇṇ: namulti* и СІЕ. 4282 (F. 1690): *ḍa calunci · velsis namulti*. Бунго ¹⁾ видѣлъ въ этомъ словѣ связь съ **mul-* въ *mulu, mulune, muleḍ, mulvannice* „дарить“ и дѣлалъ *na-multi* (изъ **nas-multi*), переводя *das (oder dies) zum Todtenopfer gehörige Weihgeschenk, т. е. ossuarium*. Нѣсколько позже ²⁾ онъ измѣнилъ свой взглядъ и привелъ слово въ связь съ „*nasna, nasna, nana Gruf*“ со значеніемъ *einem Bestatteten angehörig*. И то, и другое безусловно невѣрно: корень слова, въ всякаго сомнѣнія, **nam-*, основа причастія *namu*. Паули ³⁾ переводилъ сначала *namulti*—*unser Liebling*, позже ⁴⁾ онъ объяснялъ *namulti*, какъ *namu l(ar)t(a)l*. Мое мнѣніе изложено выше ⁵⁾. Значеніе *namu* остается темнымъ. Стоящее въ концѣ строки *nichte* нужно разложить на *ni ete*, ср. несомнѣнный loc. *fenznate v. 6, zilte Torp, Etr. Notes, 21, n. 15*. Въ пятой строкѣ, можетъ быть, нужно дополнить [ip]a c[e]c[as]..., ср. ниже v. 7 *sesasin* ⁶⁾, что можетъ быть принято или за *gen. sing.* съ указательной энклитической частицей *-in* (или *-n*), т. е. *sesas-in* (или *sesas-in*) или же за причастію *sesas* съ той же частицей. О значеніи *seu* въ смыслѣ *zasa faserge* мы говорили выше. Пелсно, нужно ли соединять въ одно слово *abisjṇam v. 5 сл.*, или читать *abis (e)ṇam (= etnam?)*. Конецъ надписи Торпъ ⁷⁾ переводить *dem Arnth, dem Sohne des Larth und der Ramtha Ch Das Objekt ist wohl das unmittelbar vor [a]rṇṇal stehende cal*, передъ которымъ стояло, вѣроятно, [e]ver. Исходя изъ чтенія Даніельссона, дающаго лажуну послѣ *chi*, болѣе широкую, чѣмъ Фабретти, вмѣсто предлагаемаго Дэккэ ⁸⁾ *chi[urn]al*, мы можемъ предложить *chi[mepai]al* или *chi[mīni]al*, ср. *χιμεπαία СІЕ. 3235* ⁹⁾. Форму *scupa v. 9 Торпъ* ¹⁰⁾ объясняетъ въ смыслѣ *gewährt*. Такимъ образомъ все, что можно понять въ надписи, лишено

¹⁾ Ibid. IV, 218 сл.

²⁾ Ibid. IV, 243.

³⁾ Altital. Stud. III, 55.

⁴⁾ СІЕ. ad n. 2490.

⁵⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1907, июль, 359.

⁶⁾ Даніельссонъ читаетъ *sesasin (Torp, Etr. Beitr. II, 71)* и вмѣсто *eli:s (v. 6) cel*; въ 8-й строкѣ *chi.....al* вмѣсто *chi.....al*.

⁷⁾ Beitr. I, 26.

⁸⁾ Forsch. u. Stud. VI, 4.

⁹⁾ Torp, Beitr. I, 57.

¹⁰⁾ Ibid. I, 26.

опредѣленной связи и весьма условно. Я перевожу: „хорошо (?) и объявило семейство Пумпу Скуну въ могилѣ этой такое всеобщее (увѣдомленіе, условіе, распоряжѣніе): *fenzna* склепъ, который есть въ ней (-*ani*)—для Тивы въ *panut nuŋi*, котор. въ этомъ склепѣ (= *nicite*) *fenzneves*, [котор. пожертвова.] сдѣлалъ *avis ŋnash* въ *fenzna* этотъ склепъ [или *eli : s?*] этого пожертвованія и *ŋnaxu[ŋe]* эт[. въ подарокъ?] склепъ [*A*]риту, сыну *La[rt]w* Ху[меня] (и) *R[amt]y* предоставляетъ“.

Такимъ образомъ и изъ этой надписи для титулатуры этруской мы ничего не извлекаемъ, остановиться же на ней, какъ и на предыдущей, было необходимо вслѣдствіи того, что Дакке ¹⁾ въ словахъ *sehasae*, *sehasin* и т. д. видѣлъ титулъ *flamen*, что совершенно ошибочно.

Въ № 26 въ виду значительности лакунь вмѣсто предлагаемого Дакке ²⁾ дополненія *reŋ[i]uŋ* · *pr[arces ŋ]uga* мнѣ болѣе вѣроятнымъ кажется чтеніе *reŋi* [*va*]r[χ][ti], какъ въ № 24 в. 6. Если насъ при этомъ будетъ стѣснять окончаніе *uga*, то не лишнимъ будетъ припомнить . . . *pnadugas* изъ той же надписи в. 8. Повидимому, *eisneve* · *erŋneve* · *tmacstreve* · *tm* . . . *eznχvalc*—новые титулы гражданскихъ и духовныхъ должностей. Что мы имѣемъ дѣло между прочимъ; а можетъ быть, и исключительно, съ жреческими функциями, показываетъ титулъ *eisneve*, несомнѣнно, происходящій отъ *eisna*, о которомъ говорилось выше подъ № 17. Образовано *eisneve*, подобно *erŋneve*—*erŋneva*, отъ *eisna*, *eisne*-. Значеніе *eisneve*, повидимому, соответствуетъ лат. *divinator* ³⁾. Букву *t* передъ *macstreve* и т. . . . *eznχvalc* Дакке ⁴⁾ съ полной вѣроятностью объяснилъ, какъ сокращеніе слова *t(enu)*. Конечно *s*, какъ и выше ⁵⁾, я принимаю за союзъ „и“, вопреки мнѣнію Торпа ⁶⁾, который въ каждомъ *s* нашей надписи видитъ *eine Ableitungsendung*. Въ пользу моего мнѣнія говоритъ *eznχvalc*-с, гдѣ *s* присоединено къ *gen.* слова, образованнаго при помощи известнаго уже намъ суффикса *-χva* отъ основы . . . *ezn*- и служащаго опредѣленіемъ слѣдующаго *tamega* „супругъ“ ⁷⁾. Титулъ *macstrev-c t(enu)* предполагаетъ существованіе титула *macstrev* безъ

¹⁾ Forsch. u. Stud. VI, 52.

²⁾ Ibid. 14.

³⁾ См. выше, стр. 81.

⁴⁾ Forsch. u. Stud. VI, 45.

⁵⁾ См. № 1, стр. 56 и др.

⁶⁾ Beitr. I, 78.

⁷⁾ См. выше, № 11, стр. 75.

ближайшаго опредѣленія, какъ самъ собою понятный. Дѣйке ¹⁾ сближаетъ *macstrev* съ лат. *magister*. Вторично онъ видитъ этотъ титулъ въ надписи CIE. 2459 (F. 658) *mastr[é]uplu*, что онъ переводитъ черезъ *magister collegii subulonium*. О другихъ толкованіяхъ этой надписи говорилось выше ²⁾. Кромѣ предполагаемаго Дѣйке заимствованія, есть однако и другая возможность объясненія слова *macstrev* при помощи чисто этруской этимологіи. Повидимому, оно стоитъ въ связи съ одной стороны съ числительнымъ *taχ*, съ другой — съ *macstrna*. Соотношеніе между формами *macstrev(a)* и *macstrna* такое же, какъ между выперазобранными словами *purtávana* и *purtávav(a)s*. Въ основѣ слова **macstre-* можно видѣть образованіе, аналогичное *gen. sing. sacnicstre-ś*, *špucéstre-ś*, *svelštre-śc* въ Аграмскихъ текстахъ ³⁾. Non-acc. этихъ словъ принялъ бы форму **sacnicstre*, **špucéstre*, **svelštre*. Отсюда заключаемъ, что и форма **macstre* представляетъ собою nom.-acc. plur. отъ *taχ* и должно означать то же, что *oi pénte* по-гречески, понятное, какъ обозначеніе должности, безъ ближайшаго опредѣленія, подобно извѣстному выраженію *oi évdeka*. Отъ этой затвердѣвшей уже, какъ *plurale tantum* или какъ собирательный *singularis*, формы возможно новое образованіе для обозначенія принадлежности къ коллегіи посредствомъ суффикса *-va*. Такимъ образомъ существительное **macstreva* по значенію соответствуетъ греч. *í tōn pénte*. Съ обычной ⁴⁾ передъ звукомъ *s* элизіей гласной получается наше *macstrevc*. Далѣе съ другимъ суффиксомъ *-na*, который, какъ мы видѣли, не различается существенно отъ суффикса *-va*, образовано существительное *macstrna*, по значенію, несомнѣнно, тождественное съ *macstrev(υ)*. Какъ имя собственное, оно извѣстно изъ отголосковъ этруской традиціи въ римской исторіи: такъ назывался Сервій Тулліи ⁵⁾.

Порядокъ титулатуры въ нашей надписи, повидимому, восходящій, и старшей названа должность *m...*, которую я дополняю *m[ar(uni)χva]* или *m[a · t]*, т. е. *ma(uni)χva* *t(enu)*. Едва ли вмѣсто *m[ar ·]* можно дополнять *m[évl]* и порядокъ степеней предполагать нисходящій, такъ какъ званіе *medlumi*, какъ мы видѣли, всегда сопровождается опре-

¹⁾ Forsch. u. Stud. VI, 45 сл.

²⁾ Стр. 83.

³⁾ *Torp*, Beitr. I, 90.

⁴⁾ Ср. *eisnevс*, *epšnevс* и *purtávavcti*.

⁵⁾ Ср. *Müller-Deecke*, I, 111 not. 128. 112. *Gardthausen*. *Mastarna oder Servius Tullius*, Leipzig 1882. *Dennis*, *The cities*, II°, 355 и др.

дѣленіемъ ¹⁾, которое здѣсь отсутствуетъ. Къ какой іерархіи—духовной или свѣтской—относится *masstreva*, рѣшить покуда на основаніи нашего матеріала нельзя: нужно ждать новыхъ открытій. Я отношу вполне субъективно *masstre* къ гражданскимъ (или военнымъ) должностямъ ²⁾.

Хотя я выше говорилъ, что іерархія гражданская, политическая должна быть отдѣлена отъ іерархій этрускаго жречества, однако нѣтъ сомнѣній, что между отдѣльными ступенями обѣихъ существовало все-таки нѣкоторое соотношеніе и соотвѣтствіе. Само собою разумѣется, что чиновникъ, достигшій высшихъ государственныхъ должностей, не могъ по окончаніи срока своей службы сдѣлаться какимъ-нибудь храмовымъ прислужникомъ или второстепеннымъ жрецомъ при какомъ-нибудь захудаломъ малораспространенномъ мѣстномъ культѣ ³⁾. Конечно, онъ могъ принять только такой санъ, который болѣе или менѣе соотвѣтствовалъ его достоинству и заслугамъ. Точно такъ же человѣкъ, возвысившійся до самаго почетнаго и вліятельнаго положенія въ области религіи, не могъ стать мелкимъ чиновникомъ и долженъ былъ при выставленіи своей кандидатуры имѣть это въ виду. Это общее разсужденіе приводитъ насъ къ тому, что титулъ *oisneva* мы должны признать равнозначущимъ или даже нѣсколько уступающимъ въ достоинствѣ званію *ergdneva*. Точно то же соотношеніе между гражданскими и религіозными обязанностями мы найдемъ и въ другихъ случаяхъ, теперь же вернемся къ дальнѣйшему разбору нашей надписи.

Выше подъ № 11 мы говорили уже о значеніи *tamega* въ смыслѣ *coniunx*. Подобно тому, какъ тамъ *tamega* опредѣлено прилагательнымъ *eiiva*, такъ и въ настоящей надписи оно опредѣляется *gen. sing. ...sznuval-s*. Можетъ быть, нѣкоторую связь съ этимъ словомъ имѣютъ формы *genuzua Agr. VII, 9, geuzineti Agr. VIII, 8* и *geuzzina Agr. VIII, 7,*

¹⁾ См. выше, № 4, стр. 65.

²⁾ Если отъ *maχ* мы имѣемъ жреческое званіе *teχhim*, *medim*, то другое производное, вѣроятно, будетъ должностью *семинскою*.

³⁾ Исключеніемъ, на первый взглядъ, являются №№ 18 и 21, однако вѣроятно, что званіе *zige* не было настолько ничтожнымъ, чтобы его не могло носить лицо, ранѣе бывшее *zalkom*. Другими словами, мы должны думать, что титулъ *zige*—одинъ изъ младшихъ въ церковной іерархіи, но не самый младшій, однако какіе титулы ему предшествовали, мы сказать пока не можемъ: быть можетъ; сюда должны быть отнесены нѣкоторыя изъ тѣхъ духовныхъ должностей, которыя ниже въ общемъ перечнѣ помѣщены всѣ вмѣстѣ въ отдѣлѣ IV, 1.

несомнѣнно, между собою родственныя, но весьма неустойчивыя относительно правописанія и темныя по значенію. Наше слово, повидимому, дополняется [r]ezn-χva-l-с и въ этомъ видѣ больше всего приближается къ начертанію geuzina, но безъ глухого гортаннаго звука въ срединѣ. Именно эта глухость его съ одной стороны могла повліять на то, что въ формѣ [r]ezn-χva-l-с онъ прямо не былъ обозначенъ писцомъ, съ другой—на замѣну его сильно гортаннымъ r въ формѣ geuzineti. Впрочемъ это также лишь одна изъ возможностей. Въ слѣдующей строкѣ вмѣсто предложеннаго Джекко ¹⁾ p]u[слѣдуетъ, повидимому, читать θ]u[, такъ какъ предлогъ pu[требуетъ юс., какъ говорилось выше подъ № 24. Переводъ слѣдующій: „Аритъ, сы[нъ] Лариса и [Тав]хвли, [у алтара(?)] реѣ..... и гадатель, и исправляющій должность нурутна, и исправляющій должность тасстро (одного изъ пяти) и..... супругъ, родившій двойней(?), здѣсь умершій. Скончался въ возрастѣ 36 (лѣтъ)“.

Въ сильно испорченной 27-ой надписи нѣтъ возможности разобратъ какъ вслѣдствіе обилія невзвѣстныхъ словъ, такъ и вслѣдствіе значительныхъ пропусковъ и недостаточно надежнаго чтенія въ уцѣлѣвшихъ мѣстахъ. Изъ повторенія словъ сеχα v. 3, c[εχα? a]rθε ibid., сеχασіе θur (даръ) ερεε fas[e] ci ant. v. 4, ερεε fise v. 6 (вѣроятно, тоже fase), θurs ²⁾ ibid., и, наконецъ, титула [z]i[ly]n: сеχaperi: ten[θas:] v. 4 сл. видно, что рѣчь шла, какъ и въ №№ 24, 25 о заслугахъ умершаго въ дѣлахъ религіи и его пожертвованіяхъ, свидѣтельствующихъ въ пользу большой его набожности. О титулѣ zilχ сеχaperi tenθas говорилось выше подъ № 22. Другихъ титуловъ, кромѣ zilci въ послѣдней строкѣ, я не усматриваю.

Остается разобрать еще четыре надписи. Въ одной изъ нихъ,—надписи изъ Мальяно—мы встрѣчаемъ титулы серен tuθiu „первый серен“ ³⁾, что свидѣтельствуетъ о коллегіальномъ характерѣ этой должности, и iχutevg. Джекко ⁴⁾, какъ всегда почти, правъ наполовину, сближая съ iχutevg слово tevaγαθ, дважды стоящее съ изображеніями жреца, одного въ красной, другого въ бѣлой одеждѣ съ черной мантией (G. 795): ошибочны только способ сближенія и этимологизація. Мнѣ кажется, что tevaγαθ такое же образованіе, какъ zilαθ. Отсюда

¹⁾ Forsch. u. Stud. VI, 14.

²⁾ Можно впрочемъ предполагать и сокращеніе формы θuras.

³⁾ Torr., Brit. Notes, 17.

⁴⁾ Forsch. u. Stud. VI, 47 слѣд.

можно предполагать существованіе въ этрусскомъ параллельной формы *tevaḡaḡ или съ синкопированнымъ а—*tevaḡ. Основой слова мы должны въ такомъ случаѣ считать *tevaḡ- или tevr-, т. е. именно ту форму, которую мы имѣемъ во второй половинѣ слова iḡutevr¹⁾. Торпъ²⁾ считаетъ iḡutevr за wohl Priester irgend einer Art. Основа *tevr- восходитъ къ глагольному корню *tev-, *teu-, какъ показываетъ надпись G. 791

ve[1] aḡḡaḡ! curunas
 ***nal: clantoucem
 **patevce iḡ · an.

На основаніи этой надписи Торпъ³⁾ находитъ, что iḡu-tevr indicates someone who undertakes with, or in regard to, something called iḡ, some action marked by the word tev. Что касается формы iḡu-, то это, повидимому, причастіе глагола іса Agr. X, 20, praeteritum которого мы встрѣчаемъ въ Car. v. 4 ісаі. Родственное слово должно быть ісамъ на чашѣ изъ Нарче (*Monit. ant.* IV 1894, 327. 332 сл. t. 171a), которое Торпъ⁴⁾ переводитъ словомъ „посвященіе“. Отсюда iḡu получается значеніе „посвятившій“ или „посвященный“, а iḡu-tevr, слѣдовательно, означаетъ, вѣроятно, „жрецъ-посвятитель“. Должность эта была коллегіальной, такъ какъ изъ словъ θuḡ iḡutevr „и одинъ ихутевръ“ нужно заключить, что ихутевровъ было нѣсколько. На тотъ же выводъ наталкиваетъ насъ и надпись G. 795, гдѣ изображены два жреца одного наименованія. Приведенную строчку надписи изъ Мальяно мы переводимъ⁵⁾: „это первый жрецъ-сереп и одинъ ихутевръ (жрецъ-посвятитель) въ храмѣ (?⁶⁾) пусть дастъ“.

Въ слѣдующей надписи мы встрѣчаемъ лишь одно слово представляющее затрудненіе — nolávis, о которомъ было достаточно сказано выше⁷⁾. Идущія за nolávis слова trutnvt frontae переведены въ латинской надписи черезъ hagnsrex fulguriator. Слово trutnvt, повидимому, въ полногласной формѣ должно являться въ

¹⁾ *Torp, Etr. Notes*, 17.

²⁾ *Etr. Beitr.* II, 97 сл.

³⁾ *Etr. Notes*, 17.

⁴⁾ *Etr. Beitr.* II, 125, 128. *Zweite Reihe*. I, 6: libatio.

⁵⁾ Ср. *Torp, Etr. Beitr.* II, 97. *Etr. Notes*, 18.

⁶⁾ Слово heśai можетъ быть принято и не за loc., а за такой же imperat., какъ и mulveni.

⁷⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1907, июль, 343, пр. 6.

видѣ **trutnevat* (ср. *eisneva*, *erðneva* и проч.). Конечное *-t*, вѣроятно, соотвѣтствуетъ такому же *-t*, образовавшемуся послѣ потери придыханія изъ *-ð* въ формѣ *zilat* вмѣсто *zilað*, **zilaχ*, о чемъ говорилось выше. По поводу слова *putáavacti* (№ 13) я уже имѣлъ случай говорить о соединеніи суффиксовъ *-va* и *-χ*. Здѣсь мы, повидимому, имѣемъ примѣръ нарощенія корня тремя суффиксами *-na-* (*-ne-*), *-va-* (*-vo-*), *-aχ-* (*-χ-*). Что собственно означаетъ корень **trut*, пока неизвѣстно. Онъ встрѣчается въ этрусскихъ надписяхъ неоднократно. Такъ въ Аграмскомъ ритуалѣ мы находимъ *trut-um* XI, 2, *truß* XI, 6. Другое начертаніе встрѣчается въ F. 2408: *mi tsrsas | trt* и CIE. 1119 (F. 986): *aneß caeß puil hui | iui ei · itruta*. Сложное слово или praeterit. глагола **trutva*, **trutve* имѣемъ мы въ надписи F. 2608 bis: *alpnas: turce: aisoras: ðufflicla: trutvesie*. Торпъ ¹⁾ вмѣстѣ съ Дэкке ²⁾ и Бунге ³⁾ считаетъ очень вѣроятнымъ для слова *trut* значеніе *heilig*. Въ такомъ случаѣ *trutivt* вполне соотвѣтствуетъ латинскому слову *sacerdos*. Очевидно, по преимуществу жрецъ являлся и гарусникомъ. Съ другой стороны всякое наблюденіе явленій и знаменій, проявляющихся какъ въ окружающей природѣ, такъ и во внутренностяхъ жертвы могло входить въ обязанности *netsvis*. Между обоими словами можно видѣть то же различіе, какъ между *μάντις* и *ἱερεὺς*. Другой разрядъ гадателей показывается, кажется, *eisneva*. Лёве ⁴⁾ указалъ еще на одно обозначеніе гарусника въ глоссѣ Плацида (ed. Deuerling, 68, 10): *nartheterem: auspice(m) Tuscum; artheraterem* (cod. Vat. 5216 *artheratorem*): *auspiciem Tuscum*. Дэкке ⁵⁾ считаетъ слово **nartherator*, которое получается изъ сопоставленія обѣихъ глоссъ, за соотвѣтствующее греч. *νεκρό-μαντις* = *νεκρόμαντις* „*Todtenbeschwörer*“. Скорѣе однако можно счесть это слово за заимствованное изъ умбрскаго этрусками или за чисто умбрское, которымъ умбрийцы обозначали этрусскихъ гарусниковъ, если придерживаться точнаго смысла глоссъ. Хотя для этрускаго языка однозвучныя слова изъ другихъ языковъ привлекать къ сравненію и не слѣдуетъ, однако не могу не указать, что глосса [n]artheraterem звучитъ скорѣе по-умбрски, чѣмъ по-этруски ⁶⁾.

¹⁾ *Torp*, Beitr. I, 27. II, 41.

²⁾ *Forsch. u. Stud.* II, 54 сл. V, 31. VI, 57.

³⁾ *Besz. Beitr.* X, 80.

⁴⁾ *Дэкке*, *Forsch. u. Stud.* V, 33 сл.

⁵⁾ *Ibid.* V, 34.

⁶⁾ Ср. *bharatorem*.

Точно также въ нашей надписи замѣствованнымъ кажется слово *frōna-s*; неясно только, вѣсто ли оно прямо у грековъ или у нихъ же, но черезъ посредство осковъ ¹⁾, а, можетъ быть, и тѣхъ же умбрійцевъ ²⁾. Впрочемъ для умбрскаго языка слово это памятниками пока еще, кажется, не засвидѣтельствовано.

О слѣдующей тридцатой надписи говорилось ранѣе ³⁾. Переводится она такъ: „Лартъ, (сынъ) Веля Статлане, скончался 36 лѣтъ, скончался марономъ (при храмѣ) Пахатуръ и Катъ“. Въ послѣдней надписи должность покойнаго опредѣлена формой *pruādnē*, которую слѣдуетъ сравнить съ *erḡdnē*. Возникаетъ затрудненіе, считать ли *erḡdnē* за *praeterit.* отъ основы глагола **pruḡdnā* или за сокращенное написаніе вмѣсто *erḡdnēva*. Мы знаемъ, что въ этрусскомъ языкѣ именныя основы употреблялись и въ глагольномъ значеніи, однако болѣе вѣроятнымъ является второе предположеніе, такъ какъ въ CIE. 1305 (G. 136) *erḡdnī*—очевидное сокращеніе вмѣсто **erḡdnēva* (ср. *erḡdnēva* F. 2057). Точно также формы *erḡdnē* и *pruḡdnē* CIE. 1227 (G. 132) должны быть сокращеніями словъ *erḡdnēva* и **pruḡdnēva*. Слѣдовательно, и *pruādnē*, вѣроятно, сокращеніе вмѣсто **pruḡdnēva*. Вмѣстѣ съ Дикко ⁴⁾ я отождествляю съ *pruādnē* имя *pruḡdnēci* F. Suppl. I, 442, [ḡ]ruḡdnē[i] F. 2092. Что означаетъ *pruādnē*, неизвѣстно. Быть можетъ, это слово сложное изъ **pruḡ-*, **pruḡi-* и корня *ād-*, *āt-*, о которомъ была рѣчь выше ⁵⁾ (ср. *ātene*). Въ такомъ случаѣ **pruḡ-ād-nēva* должно означать „объявляющій, объявитель *pruḡi*, глашатай *pruḡi*“ или „объясняющій *pruḡi*“. Что значить **pruḡi*, отъ котораго образовано также слово *pruḡn* ⁶⁾, мы не знаемъ; быть можетъ, оно означаетъ „законъ“. Въ такомъ случаѣ *pruḡn*=„законникъ, судья“, *vorobētus*. На этомъ основаніи въ нижеслѣдующей таблицѣ я помѣщаю титулъ *pruādnē* въ числѣ свѣтскихъ магистратуръ, а на шестомъ именно мѣстѣ—потому, что лишь это шестое мѣсто перечня не занято, хотя на самомъ дѣлѣ титулъ *pruḡdnēva* можетъ быть помѣщенъ точно съ такимъ же всѣмъ основаніемъ и въ любомъ промежуткѣ между перечисленными ниже магистратами, равно какъ

¹⁾ Ср. *taula numeris*: | frunter F. 2879. Н. В. Цомтаевъ, Сборникъ осскихъ надписей и пр. Кіевъ 1877, № 24.

²⁾ Надпись найдена въ Умбріи, близъ Цезаро.

³⁾ См. выше, стр. 71 сл.

⁴⁾ Müller-Deecke, II, 363. 364. Forsch. u. Stud. V, 134 not. 151. VI, 80.

⁵⁾ Стр. 92.

⁶⁾ См. выше, стр. 58.

и быть отнесеннымъ къ разряду духовныхъ званій. Синонимомъ Дакке ¹⁾ считаетъ также латинское *Porsenna*.

На основаніи всего вышеназложеннаго таблица чиновъ этруской магистратуры, какъ свѣтской, такъ и духовной, можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ:

Таблица чиновъ.

A. Должности свѣтскія.

B. Должности духовныя.

I.

I.

<p>1. a. <i>zilx spurai</i>, <i>zilx spurana</i> ²⁾,
<i>zilx parxis</i> ³⁾, [<i>zilx θufi</i>] ⁴⁾.
b. <i>zilx eterava</i> ⁵⁾, <i>zilx eteraias</i> ⁶⁾.</p> <p>2. a. <i>zilx parxis tenθas</i> (<i>tenu</i>) ⁷⁾,
<i>zilx θufi tenθas</i> (<i>tenu</i>) ⁸⁾
b. [<i>zilx eterava tenθas</i> (<i>tenu</i>)] ⁹⁾.</p>	1. [<i>zilx seχaneri</i>] ¹⁰⁾. 2. <i>zilx seχaneri tenθas</i> (<i>tenu</i>) ¹¹⁾.

II.

II.

1. a. <i>marunuxva spurai</i>, <i>marunuxva spurana</i> ¹²⁾, <i>marunuxva parxis</i> ¹³⁾.	1. a. <i>marunuxva paχanaθi</i> ¹⁴⁾, <i>marunuxva paχaθuras sabasc</i> ¹⁵⁾.

¹⁾ Forsch. u. Stud. V, 134.

²⁾ ММ 1. 3. 4. 6. 8. 9. 11. 12. 13. 14. 15. 18. 21. (27).

³⁾ ММ 5. 6.

⁴⁾ Заключаю изъ № 8.

⁵⁾ № 6.

⁶⁾ № 7 а б.

⁷⁾ № 20 по весьма вѣроятной конъектурѣ Дакке.

⁸⁾ № 8.

⁹⁾ О существованіи такой должности заключаю изъ *zile parxis tenθas* (*tenu*), по аналогіи съ *zilx eterava*.

¹⁰⁾ О существованіи этой должности нужно заключить изъ существованіи *zilx seχaneri tenθas*. На первомъ мѣстѣ она помѣщена, какъ параллель къ *zilx spurai*.

¹¹⁾ ММ 22. 29.

¹²⁾ ММ 1. 2. 3. 5. 8. 16. (17?). 20. 31. (26?).

¹³⁾ № 12 по конъектурѣ Дакке.

¹⁴⁾ № 8. Правильнѣе, какъ воздѣ, исправлю согласно требованіямъ этруской грамматики.

¹⁵⁾ № 30. Помѣщаю сюда по аналогіи съ В I 1.

b. [marunuxva eterava] ¹⁾ .	b. cepen, cepen tudiu ⁴⁾ .
2. a. marunuxva [spurana] tenu,
marunuxva [parxis] tenu ²⁾ .	2. a. [marunuxva paḡanaði tenu] ⁵⁾ ,
[marunuxva paḡaduras tenu] ⁶⁾ .
b. marunuxva [eterava] tenu ³⁾ .	b. cepen tenu ⁷⁾ .

III.

1. [macstreva] ⁸⁾.
2. macstreva tenu ⁹⁾.

III.

tevaraχ, iχutevr ¹⁰⁾.

IV.

1. puruθn ¹¹⁾, purθneva ¹²⁾, epḡneva ¹³⁾.
2. [puruθn tenu, purθneva tenu] ¹⁴⁾,
epḡneva tenu ¹⁵⁾.

IV.

1. eisneva ¹⁶⁾, esari ru... ¹⁷⁾ neθs ¹⁸⁾,
neθsivis ¹⁹⁾, trutnevaχ ²⁰⁾, fronta ²¹⁾.
2. meχlumi, meθlumi rasneas, rasnas, rasnal ²²⁾, pul hermu ²³⁾ и пр. ²⁴⁾.

¹⁾ Заключаю объ этомъ званіи възъ marunuxva parxis.

²⁾ Извлекаю, кромѣ №№ 11. 15. (177). 20. (267), възъ A II 1 a л b.

³⁾ См. прим. 4.

⁴⁾ № 28.

⁵⁾ О существованіи или возможности титула заключаю възъ B II 1 a. Конечно, мѣсто paḡanaði можетъ быть названо также святилище любого другого божества.

⁶⁾ №№ 1. 5. 12.

⁷⁾ Заключаю възъ № 26.

⁸⁾ № 26.

¹⁰⁾ Agr. III, 2. VIII, 0. См. подъ № 1.

¹¹⁾ №№ 9. 16.

¹²⁾ № 1.

¹³⁾ () способѣ начертаніи заключаю възъ A IV 1.

¹⁴⁾ №№ 1. 3. 26.

¹⁵⁾ № 28. Помѣщаю это званіе послѣ титула серен, какъ въ надписи възъ Мальино, хотя возможно и перемѣщеніе обоихъ титуловъ.

¹⁶⁾ № 28.

¹⁷⁾ № 17.

¹⁸⁾ № 24.

¹⁹⁾ № 29.

²⁰⁾ № 29. Имя trutnevaχ принимаю согласно моей этнологіи.

²¹⁾ № 29.

²²⁾ №№ 3. 8. 19.

²³⁾ № 24.

²⁴⁾ № 4 и Agr.

V.

1. *camθi* [*parχis*] ¹⁾.
2. *camθi eterava* ²⁾.

V.

1. *purtśavana* ³⁾, *purtśavavax* ⁴⁾,
2. *purtisura* ⁵⁾.

VI.

puruśadneva ⁶⁾.

VI.

śura, sure, śurnu, calisura ⁷⁾.

О функцияхъ большинства перечисленныхъ должностныхъ лицъ Этрурии, собственно говоря, мы ничего не знаемъ, а если что-нибудь и можемъ сказать, то болѣе или менѣе гадательно и главнымъ образомъ, суди по аналогіи съ Римомъ: литературныя свидетельства совершенно отсутствуютъ, а вещественные памятники не даютъ прочной основы для возможныхъ комбинацій. Поэтому считаю за лучшее воздержаться отъ попытки бездоказательныхъ построений и опроточивыхъ сужденій, откладывая обсужденіе вопроса до лучшаго будущаго, которое настанетъ когда-нибудь и для этрускологін. Быть можетъ, слѣдующія поколѣнія будутъ счастливѣе насъ, и многіе неразрѣшимые теперь вопросы предстанутъ предъ ними въ большей ясности и въ другомъ освѣщеніи, чѣмъ они являются передъ нами.

А. Бенштремъ.

¹⁾ № 4. 19. Относительно *parχis* заключаю изъ *eteran* въ № 10.

²⁾ № 10.

³⁾ № 31.

⁴⁾ № 13.

⁵⁾ № 14. Обл. титула номѣщикомъ здѣсь потому, что удалить ихъ отъ *erχineva* нтъ основанія, слѣдующее же *purtisura*, кромѣ того, указываетъ на связь *erχineva* съ званіемъ *śura*. Оба титула *purtśavana* и *purtisura* такимъ образомъ представляютъ единственную переходную ступень отъ VI класса къ IV, въ разрядъ же B номѣщены мною потому, что для *purtisura* принадлежность къ духовнымъ чинамъ не подлежитъ сомнѣнію, какъ показываетъ вторая часть слова, а *purtśavana* я считаю, хоть и не тождественнымъ, но весьма близкимъ къ *purtisura* по образованію. Хотя оба раза, что это слово встрѣчается, оно стоитъ въ непосредственномъ соствѣ съ титуломъ *śura*, однако безъ упоминанія другихъ званій, которыя позволяли бы ближе опредѣлить классъ должности. Поэтому и не вижу причинъ для отдѣленія *purtśavana* отъ *purtisura*.

⁶⁾ G. 912 bis. Ср. № 4. 8. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1907 июль, 317, прим. 5.

⁷⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1907, июль, 317 прим. 5. № 4. 8. Nom.-acc. **sure* вълекается изъ gen. *śuris Magi*. Въ № 21 *śurnu*, какъ и *calisura* въ № 18, стоитъ послѣ должности *śura*; почему,—неясно. Впрочемъ ср. выше, стр. 84.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗЪ ОБЛАСТИ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКОЗНАНІЯ.

Настоящая работа, вызванная ближайшимъ образомъ обширной рецензіей М. М. Покровскаго на мои двѣ диссертациі ¹⁾, имѣетъ цѣлью выяснить мой взглядъ на цѣлый рядъ общихъ и частныхъ вопросовъ по латинскому языкознанію, затронутыхъ критикомъ и представляющихъ несомнѣнный интересъ, какъ методологическій такъ и чисто фактической. Уже самое возникновеніе этихъ вопросовъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ далека еще эта сложная по составу и матеріалу дисциплина отъ общепризнанной методологіи или, по крайней мѣрѣ, какъ нелегко иногда въ конкретныхъ случаяхъ правильно примѣнить надлежащіе методологическіе приемы. Тѣмъ важнѣе представляется намъ тщательный пересмотръ критическихъ замѣчаній Покровскаго ²⁾, осведомленность котораго въ основныхъ методахъ научной разработки латинскаго языка не подлежитъ сомнѣнію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаемая работа является необходимымъ дополненіемъ къ моимъ двумъ диссертациямъ, изъ которыхъ одна появилась въ свѣтъ два года, а другая — нѣсколько лѣтъ тому назадъ; обѣ онѣ вдобавокъ преслѣдовали по преимуществу лингвистическія задачи, и потому чисто филологическую сторону дѣла, касающуюся точнаго установленія использованныхъ мной фактовъ, я вынужденъ былъ затрогивать лишь мимоходомъ, благодаря чему степень обоснованности этихъ фактовъ для нѣкоторыхъ читателей могла казаться несовсѣмъ ясной.

¹⁾ См. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1907 г., июль и сентябрь, а также отдѣльнымъ оттискомъ подъ заглавіемъ: „Критическія замѣтки по исторической грамматикѣ латинскаго языка“ (С.-Пб. 1907).

²⁾ Прошу извиненія у моего критика за такую законническую графика, вызванную желаніемъ сократить трудъ наборщиковъ.

Въ виду этого послѣдняго обстоятельства въ нижеслѣдующемъ изложеніи я удѣляю очень много мѣста специально-филологическимъ вопросамъ, выдѣленнымъ мною (пслѣдъ за критикомъ) въ два этюда, изъ которыхъ одинъ посвященъ контрoверсамъ по общей лексикографіи, а другой—болѣе обширный—проблемамъ глоссографическимъ. Всякій, кто знакомъ съ современнымъ положеніемъ этихъ двухъ отраслей латинскаго языковѣдѣнія, пойметъ значеніе и необходимость самаго тщательнаго анализа по возможности всѣхъ спорныхъ вопросовъ, относящихся сюда: достаточно сказать, что то или другое рѣшеніе ихъ должно непосредственно отразиться на формулировкѣ латинскаго словаря, научная редакция какового является одной изъ крупнѣйшихъ очередныхъ задачъ римской филологіи.

Паряду съ этимъ я подвергаю пересмотру рядъ проблемъ лингвистическаго характера, относящихся къ морфологіи латинскаго языка вообще и наименѣе разработанному ея отдѣлу—словообразованію—въ особенности. Хотя большинство вопросовъ этой послѣдней категоріи подробно были разсмотрѣны мною уже въ моихъ диссертацияхъ, однако въ виду нѣкоторой шаткости лингвистическихъ методовъ, сдѣланной между прочимъ возможными многочисленными теоретическimi разногласіями между мною и Покровскимъ, такой пересмотръ казался мнѣ безусловно необходимымъ въ интересахъ посильнаго выясненія истины. Результатомъ его является третій и послѣдній этюдъ—специально-лингвистическій.

Въ означенныхъ трехъ этюдахъ я преслѣдовалъ двѣ задачи, стремись, во-первыхъ, по возможности точно установить факты (лексикографическіе и морфологическіе) и, во-вторыхъ, — выяснить тѣ методологическіе принципы, которые руководили мною при установленіи этихъ фактовъ. Что касается фактовъ, то я далеко не всегда ограничивался тѣмъ запасомъ ихъ, который затронулъ былъ Покровскимъ въ его рецензіи или вообще входилъ въ составъ моихъ двухъ диссертаций. Наоборотъ, очень часто я привлекалъ къ разсмотрѣнію новый матеріалъ: такъ напр., во многихъ мѣстахъ настоящей работы (въ особенности въ первомъ этюдѣ) я обсуждаю отдѣльные пункты, затронутые Покровскимъ въ его „Матеріалахъ по исторической грамматикѣ латинскаго языка“ — трудъ, который, замѣчу кстати, заслуживаетъ вообще гораздо болѣе широкаго вниманія, чѣмъ то, какое выпало ему на долю въ русской научной литературѣ¹⁾. Съ другой стороны я пред-

¹⁾ Въ нижеслѣдующемъ изложеніи эту послѣднюю работу я обозначаю буквой М.,

лагаю на судъ специалистовъ рядъ совершенно новыхъ лексикографическихкихъ, морфологическихкихъ и этимологическихкихъ комбинацій по латинскому языку. Наконецъ, одинъ специальныйъ экскурсъ (последній во второмъ тождѣ) посвященъ характеристикѣ Скалигерова глоссарія въ виду того, что я расхожусь во взглядахъ на этотъ сборникъ съ нѣкоторыми глоссографами-специалистами.

А. Лексикографическія контроверсы.

Всякій изслѣдователь, занимавшійся научной разработкой латинскаго языка на всемъ его историческомъ протлженіи, по горькому опыту—какъ своему собственному, такъ и чужому—хорошо знаетъ, какъ опасно оперировать надъ тысячами лексикографическими дышками, которыя почерпнуты изъ словарей и не подвергнуты самостоятельной проверкѣ по контексту, рукописнымъ разночтеніямъ и т. д. Однако въ виду огромности и разнообразія матеріала, съ которымъ приходится имѣть дѣло такому изслѣдователю, эта проверка рѣдко (чтобы не выразиться болѣе радикально) можетъ быть распространена на всѣ отдѣльные факты, подвергнуты лингвистической обработкѣ. Тѣмъ важнѣе участіе въ этомъ дѣлѣ (хотя бы *post factum*—въ видѣ позднѣйшей критики) товарищомъ по профессіи и съ тѣмъ болѣе широкимъ вниманіемъ встрѣтилъ я попытку Покровскаго дать интенсивный контроль моихъ работъ со стороны достовѣрности ихъ лексикографическаго субстрата ¹⁾.

I.

Результаты этого контроля выразились въ нѣсколькихъ критическихкихъ замѣчаніяхъ по лексикографіи ²⁾, изъ числа которыхъ безусловно вѣрными признаю я два—относительно *spiculus* (Р. 15) и *bibulosus* (*ibid.* 29), и первое изъ этихъ образованій совершенно вы-

вышеупомянутую рецензію того же автора—буквой Р., мою первую диссертацию („Изслѣдованія изъ области латинскаго словообразованія“) — буквой И. и вторую („Этюды по латинскому писемному основообразованію“) — буквой Э.

¹⁾ О степени этой интенсивности можетъ дать понятіе хотя бы примѣчаніе I-ое стр. 7 рецензіи (какъ видѣть, такъ и дальше, ссылаясь на рецензіи, я пользуюсь аббревіатурой отдѣльнаго оттиска).

²⁾ Выбѣннымъ образомъ отдѣлъ, посвященный критикѣ „общей лексикографіи“, очень великъ, но проходить это отъ включенія въ него дѣлага ряда глоссографическихкихъ и лингвистическихкихъ экскурсовъ, которые составляютъ дѣльныхъ дѣль трети всего этого отдѣла и будутъ рассмотрѣны мною въ другой связи.

черкиваю, а относительно второго ставлю знак вопроса въ виду того, что оно опирается только на авторитетъ Паукера, показанія котораго далеко не всегда вѣрны.

Остальныя замѣчанія критика не представляются мнѣ убѣдительными. Такъ, что касается *indignus* (Р. 9), то для меня цѣлено, на какой другой редакціи текста (Itin. Alex. 5, 12) можно было бы остановиться. Впрочемъ, я признаю, что этотъ примѣръ требовалъ критической оговорки съ моей стороны. Зато совершенно неубѣдительны возраженія Покровскаго (Р. 16 сл.) противъ *inoboeodus* у Арнобія (VII, 43), такъ какъ я не вижу большой пятажки квалифицировать хотя бы и мотивированное промедленіе крестынина, о которомъ идетъ рѣчь въ данномъ отрывкѣ, въ качествѣ *inoboeoda cessatio*. Правда, прилагательное *inoboeodus* нигдѣ больше не засвидѣтельствовано и нѣсколько смѣло по своему образованію (хотя во всякомъ случаѣ не смѣлѣе, чѣмъ напр. *inopinus!*), однако можно ли придавать этимъ двумъ обстоятельствамъ рѣшающее значеніе у такого экстравагантнаго по языку писателя, какъ Арнобія? Во всякомъ случаѣ я не могу признать въ данномъ случаѣ конъектуру необходимой. Точно также я не рѣшился бы настаивать (ср. Р. 30) на измѣненіи *aquilentanus* (Chalcid. Tim. 67) въ *aquilonitanus*: такая конъектура представляется мнѣ тѣмъ болѣе смѣлой, что первое образованіе засвидѣтельствовано дважды. Впрочемъ, я нисколько не скрываю отъ себя и читателей (Э. 147) тѣхъ трудностей, которыя представляютъ истолкованіе традиціонной формы. Что касается *mullus* „красный“ (ср. Р. 31), то отъ Покровскаго, повидимому, ускользнуло, что я самъ (Э. 171) совершенно ясно выражаю сомнѣніе въ достовѣрности этого прилагательнаго и допускаю возможность того, что „въ вышеприведенномъ примѣрѣ (изъ Вописка) вм. *mulli* надо читать *mullei*“. Если же критикъ полагаетъ, что въ данномъ случаѣ можно идти дальше сомнѣній, то я съ этимъ согласиться не могу.

Нѣсколько подробнѣе останавлиюсь на *conseminus*, *fraxinus*, *falla* и *comarc*, такъ какъ вопросъ о первыхъ двухъ образованіяхъ осложняется наличностью рукописныхъ вариантовъ, а два послѣднихъ связаны съ важнымъ вопросомъ о томъ, какъ слѣдуетъ пользоваться для лексикографическихъ цѣлей показаніями античныхъ грамматиковъ.

1) Относительно *conseminu* (*vitis*) у Плинія старшаго (*h. n.* XIV, 36), упоминаемаго мною Э. 22, критикъ говоритъ (Р. 9): „Изъ рукописныхъ Плинія это образованіе засвидѣтельствовано не очень устойчиво, но съ вариантомъ *conseminia* (или *cum seminia*), каковой можно сопо-

ставить съ *consuetudinens* у Колумоллы⁴. Это показаніе однако несовсѣмъ точно, такъ какъ согласно Мауhoff'у (наиболѣе авторитетному издателью Плиніева текста) чтеніе *consuetudina* дано не въ рукописяхъ, а въ старинныхъ печатныхъ изданіяхъ, начиная съ Венеціанскаго 1472 г.; восходить ли, однако, это чтеніе къ рукописнымъ источникамъ или представляеть собой конъектуру старинныхъ издателей, это—едва ли разрѣшимый вопросъ. Что касается варианта *cum semina*, то онъ, по показанію того же издателя, встрѣчается въ рукописи а (= cod. Parisin. lat. 6795), переносчикъ которой (или ея первоисточника) былъ одержимъ, какъ выражается Мауhoffъ (ed. t. II, p. XXXV), „temeraria emendandi libidine“. Въ виду этого какъ самъ этотъ издатель, такъ и его ближайшій предшественникъ, Sillig, приняли въ текстъ чтеніе *consuetudina*, которое, замѣчу кстати, безъ всякой оговорки приводится и въ Thesaurus linguae latinae.

2) По поводу *fraxinus* „ясневый“, иллюстрированного мною (Э. 165) примѣромъ Ov. Her. XI, 76: *Ut qualitur tepido fraxina virga noto*, Покровский замѣчаетъ (Р. 12): „Преданіе указаннаго мѣста очень ненадежно (ср. напр. cod. P *fraxinaceis* и соображенія издателя Герондъ Palmer'a)“. Однако и это указаніе неполнѣе точно, такъ какъ отмѣченное критикомъ разпачтеніе, насколько мнѣ извѣстно,—единственное отступленіе отъ единогласнаго показанія всѣхъ другихъ рукописей. Правда, чтенія cod. Puteali (P) имѣютъ, вообще говоря, выдающееся значеніе, правда и то, что упомянутый критикомъ англійскій издатель предлагаетъ извлечь изъ испорченнаго чтенія *fraxinaceis* что-нибудь изъ родъ *fraxinus icla*, подовѣривъ въ *virga* поправку корректора, однако не слѣдуетъ забывать, что наряду съ этимъ онъ доускаетъ и другую возможность, а именно, что чтеніе всѣхъ остальныхъ рукописей *fraxini virga*—истинно, а что *fraxinaceis* (P) представляеть собой не что иное, какъ испорченную глоссею *fraxinacea*, выдуманную какимъ-нибудь переписчикомъ по аналогіи съ такими образцами, какъ *malvaceus*, *oleaceus* ¹⁾ для объясненія необычнаго въ качествѣ прилагательнаго *fraxinus*. Что касается меня, то, какъ бы высоко я ни цѣнилъ чтенія рукописи P, все-таки я долженъ признать, что первое предположеніе Памера болѣе чѣмъ сомнительно, такъ какъ 1) объяснить палеографически искаженіе *fraxinaceis* изъ *fraxinus icla* далеко нелегко, 2) вставка *virga* корректоромъ также едва ли можетъ быть признана вполне естественной. Наоборотъ, второе пред-

¹⁾ Замѣчу, что ближе къ *fraxinaceis* стояло бы *ratrpinaceis* (Col. XII, 30, 5).

положеніе того же ученаго очень остроумно и правдоподобно, тѣмъ болѣе что намъ извѣстны и другіе случаи проникновенія въ текстъ рукописи Р глоссемъ. Ср. напр. Нег. V, 23 сл.:

Et quantum trunci tantum mea nomina cresciunt:

Crescite et in titulos surgite rite meos.

Чтеніе *rite* принято Памеромъ изъ немногихъ рукописей, тогда какъ другія (и въ томъ числѣ Р!) даютъ *recta*, которое Памеру справедливо представляется интерполяціей вмѣсто глоссемы *recte*, объясняющей *rite* и вытѣсненной это послѣднее слово изъ текста. Нѣчто подобное, быть можетъ, мы найдемъ и въ X, 86 (см. комментарий Памера). Да и вообще Р нерѣдко даетъ чтенія худшія, чѣмъ въ другихъ рукописяхъ: ср. напр. VI, 162, VII, 108 (*virī* вм. *lori*), VIII, 104 (*et minus* вм. *hoc minus*), пожалуй, также X, 149 (*vento* вм. *velo*, даваемого только одной рукописью). Несомнѣнны также примѣры интерполяціи въ Р: ср. напр. XI, 46 (*nona* вм. *dena*), можетъ быть, также XII, 100 (*inter constrictas* вм. *inter se strictas*) и т. п. Поэтому, хотя Heinsius (въ примѣчаніи къ Нег. XII, 17) и характеризуетъ cod. Puteanus поэтической метафорой „sacra ancora“, однако мы, въ свою очередь, не должны забывать вѣрнаго наблюденія того самаго поэта, котораго комментировалъ названный ученый: *Non satis una tenet ceratas ancora puppes* (rem. am. 447). Въ заключеніе этого экскурса я долженъ замѣтить, что самъ Памеръ свои разсужденія по поводу *fraxinus* = *fraxineus* у Овидія заканчиваетъ слѣдующими словами: „On the whole I assent to the soundness of the received ἀπαξ λεγόμενον“¹⁾. Тѣмъ болѣе несомнѣннымъ представляется оно мнѣ. Впрочемъ, къ этому образованію я вернусь еще ниже въ другой связи.

3) Любопытную лексикографическую контрверсу представляетъ вопросъ о *falla* (ср. Э. 26), засвидѣтельствованномъ у Юнія (р. 109) со ссылкой на стихъ изъ Повія:

Me non vocavit ob eam rem hanc feci fallam.

Покровский (Р. 14) категорически опредѣляетъ чтеніе *falla*, какъ „испорченное“. Не слишкомъ ли однако поспѣшно такое мнѣніе?

¹⁾ Напомню кстати, что въ обширномъ итальянскомъ словарѣ Петрокки отличено между прочимъ любопытное слово *frassina*, какъ эквивалентъ *frassinina* (= principio cristallizzabile amaro della buccia del frassino). Впрочемъ, не зная исторіи этого слова, я не рѣшаюсь высказаться о немъ опредѣленно; къ тому же тутъ могла быть замѣшана и слоговая диссимилация.

Уже О. Е. Коршъ на моемъ диспутѣ указалъ на то, что это чтеніе можетъ быть сохранено безъ нарушенія метрическихъ требованій, если только мы предположимъ, что въ этомъ стихѣ пропало окончаніе, наличность котораго дѣлало изъ него не ямбическій сенарій, а септенарій или октонарій. Эта гипотеза представляется мнѣ не только остроумной, но и въ высшей степени вѣроятной по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) въ дошедшихъ до насъ стихотворныхъ цѣтатахъ Нонія нерѣдко встрѣчаются стихи съ пронашими окончаніями: въ частности ср. несомнѣнный примѣръ этого рода изъ того же Нонія (fr. 24 R.): *Multum ames, paulum des, crebro venias, rarerer <feras>* (дополнено Бюхслеромъ), 2) предполагаемое большинствомъ ученыхъ исправленіе *falla* въ *fala* влечетъ за собой необходимость измѣнить Ноніево *interpretamentum fallaciam* въ *fularicam*, что представляетъ собой очень насильственную операцію, 3) слово *falla* является прототипомъ ромалскихъ отраженій: ср. ит. и ст.-исп. *falla*, 4) наличность такого вульгарно-латинскаго слова именно у Нонія вполне естественна.

4) Мою попытку (Н. 145) иллюстрировать извлеченный Пожровскимъ (М. 244) изъ глоссаріеи глаголъ *comare* = *fromere* ссылкой на Paulin. Nolan. 28, 246: *scripter amans celsis alla comare iugis* критикъ находитъ (Р. 32) не вполне умѣстной, такъ какъ „по нѣкоторымъ признакамъ непереходное значеніе *comare* — довольно ранняго происхожденія. По крайней мѣрѣ, уже въ императорскую эпоху оно представлялось архаизмомъ, ср. напр. Сервія (ad Aen. III, 468): *est participium comantes nolium, non enim est verbum como*“. Это замѣчаніе вызываетъ рядъ серьезныхъ недоумѣній. Такъ, прежде всего, для меня неясно, какъ можно говорить о довольно раннемъ происхожденіи того или другого слова на томъ основаніи, что уже въ императорскую эпоху оно было архаизмомъ? Такое замѣчаніе не можетъ быть названо правильнымъ уже потому, что „императорская эпоха“, тянувшаяся цѣлыхъ 5 вѣковъ, отнюдь не представляетъ собой сколько-нибудь опредѣленной хронологической величины. Къ тому же грамматикъ Сервій, какъ извѣстно, жиялъ во второй половинѣ 4-го вѣка до Р. Хр., такъ что мы можемъ съ полнымъ основаніемъ причислить его къ поздне-императорской эпохѣ. Можно ли показанію столь поздняго писателя о томъ, что то или другое слово не встрѣчается (въ обычномъ для него языкѣ) эксплуатировать для вывода о довольно раннемъ происхожденіи этого слова? А кромѣ того, неужели текстъ Сервія, взятый самъ по себѣ, уполномочиваетъ насъ въ какихъ-ни-

будь заключеніямъ относительно того, что гл. *comare* существовалъ раньше этого грамматика, а не возникъ, наоборотъ, позднѣе (пу напр. въ 5-мъ вѣкѣ)? Въ лучшемъ случаѣ замѣчаніе Сервія представляетъ собой алгебраическую величину, переходъ которой поставлено \pm и для хронологіи этого глагола не даетъ рѣшительно никакихъ точекъ опоры. Къ тому же характерно, что Паулинъ Полапскій, на котораго я сослался,—какъ разъ почти полный современникъ Сервія, что еще болѣе подчеркиваетъ неправильность хронологическихъ выводовъ изъ Сервіева показанія ¹⁾).

II.

Хотя такимъ образомъ я и не считаю возможнымъ согласиться съ большинствомъ конкретныхъ лексикографическихъ замѣчаній Покровскаго ²⁾, однако нѣкоторыя общія соображенія его, взятая сами по

¹⁾ Въ томъ же экскурсѣ о гл. *comare* Покровскій пишетъ (Р. 32): „Въ противоположность А. А. Грумкѣ (см. его статью въ „Филол. Обзор.“, XI, 64) и его предшественникамъ, предпологающимъ, что *stellans, comans* и т. п. принадлежатъ къ типу „отыменныхъ образованій причастнаго вида“,—я доказывалъ (М. 244), что часть такихъ образованій первоначально была несомнѣнно причастіями отъ не переходныхъ деюминативныхъ глаголовъ на *-are*. Къ числу такихъ я отношу засвидѣтельствованный въ глоссахъ, новидному, вытѣй изъ латинскаго языка *comat frondeat*. Принимая это толкованіе, Грумка (указываетъ на примѣры изъ Паулина Полапскаго) и т. д.“ По поводу этихъ словъ Покровскаго замѣчу слѣдующее: 1) Въ цитированной критикѣ моей статьѣ я совершенно не касался вопроса объ условіяхъ генезиса образованій типа *stellans, comans* и т. п., такъ что я недоумѣваю, о какомъ противоположеніи между своимъ и моимъ взглядомъ на этому вопросу говорить мой оппонентъ, 2) и въ настоящее время генезисъ этихъ образованій представляется мнѣ далеко не только простымъ, какъ Покровскому, 3) для меня ясно, откуда заключаетъ критикъ, что я принялъ его толкованіе *comans*? 4) наоборотъ, я категорически заявляю, что не принимаю этого толкованія, считая его тѣмъ менѣе несомнѣннымъ, что, какъ и показалъ въ текстѣ, древность (хотя бы и относительная) гл. *comare* ничѣмъ не доказана. Въ заключеніе экскурса объ этомъ глаголѣ Покровскій замѣчаетъ: „Во всякомъ случаѣ было бы хорошо подробнѣе процитировать въ данномъ мѣстѣ Паулина и, быть можетъ, осветить эту цитату свѣдѣніями о его языкѣ и стилѣ“. На счетъ целесообразности болѣе подробной цитаты и позволю себѣ выразить сомнѣніе; что касается свѣдѣній о языкѣ и стилѣ этого писателя, то данная задача скорѣе должна пасть на Покровскаго, хотя бы въ виду отыченной мной выше современности Вергиліева толкователя и Полапскаго епископа-поэта.

²⁾ Вопроса о *Caes. Augel. Chron. IV 18* и не касаюсь, такъ какъ у меня нѣтъ подъ руками необходимыхъ пособій по критикѣ текста; какъ бы то ни было, все сказанное мной по поводу этого мѣста (Э. 143¹⁾ имѣло лишь условный характеръ, на что критикъ (Р. 31) не обратилъ должнаго вниманія. Нѣсколько дальше (Р. 35)

себя, вполне справедливы. Такъ, напримеръ, я согласенъ съ тѣмъ, что для безошибочнаго пользованія поздне-латинскими фактами „слѣд(устъ) бытъ прямымъ специалистомъ по поздней латыни, знаткомъ и самостоятельнымъ исследователемъ всѣхъ рукописей всѣхъ цитируемыхъ памятниковъ“ (Р. 8); справедливо также замѣчаніе критика (ibid.) о томъ, какъ рискованно „ограничива(ть)ся) приведеніемъ писанъ изъ готоваго текста или изъ словаря, не справляясь въ критическій аппаратъ“. Въ частности вполне основательно мнѣніе Покровскаго (ibid.), что отсутствіе въ словарѣ Л'оргеаса свѣдѣній по критикѣ текста „должн(а) на будущее время предостеречь всѣхъ насъ отъ чрезвѣрнаго довѣрія къ писану у (этого лексикографа)“. Недостаточно внимательное отношеніе ко всѣмъ этимъ требованіямъ является, между прочимъ, однимъ изъ главныхъ недостатковъ извѣстной исторической грамматики латинскаго языка Штольца, пользованіе которой поэтому требуетъ большой осторожности. Много лексикографическихъ поправокъ къ этой работѣ предложено мной ¹⁾, нѣсколько исправленій внесено туда же Покровскимъ какъ въ специально-критическихъ этюдахъ (*Филол. Обзор.* VII, 129 сл. и XI, 132 сл.), такъ отчасти и въ наиболее крупной по объему и значенію работѣ его—„Матеріалы по исторической грамматикѣ латинскаго языка“. Впрочемъ, въ этой послѣдней работѣ авторъ въ свою очередь часто пользуется матеріаломъ изъ вторыхъ рукъ, причемъ обнаруживаетъ нѣкоторую неустойчивость въ отношеніи къ лексикографическимъ авторитетамъ (Георгесу, Форчеллини, Паукеру, Рѣншу и т. д.), то черезчуръ довѣряя имъ, то безъ достаточнаго основанія отступая отъ нихъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они вполне правы, то, наконецъ, совершенно не пользуясь ихъ цѣнными лексикографическими показаніями ²⁾. Въ виду подчеркнутой выше важности возможно болѣе точнаго выясненія лексикографическихъ фактовъ (въ особенности такихъ, которые использо-

Покровскій указываетъ на то, что у меня „недостаетъ текста... при подозрительныхъ *Castellus* и *Exilius* (Э. 37)“. Однако это замѣчаніе основано на недоразумѣніи, такъ какъ: 1) *Castellus* отнюдь не можетъ быть названо подозрительнымъ, разъ оно документально засвидѣтельствовано на надписяхъ (I. R. N. n. 1453), что мной и отмѣчено I. с., 2) при дѣйствительно подозрительномъ (что опитъ-таки отмѣчено мной самимъ) *Exilius* текстъ приведенъ in extenso.

¹⁾ Ср., напр., II. 47, 50, 66, 84, 98, 104, 115, 140, 188, 227, 230, 253, Э. 30, 66, 207, 229 и т. д.

²⁾ Замѣчу кстати, что Покровскій неосвѣдѣлъ правъ, утверждая (М. 55), что *exilius* „не отмѣчен(о) въ словаряхъ“: это слово уже давно зарегистрировано въ общеправительномъ словарѣ Форчеллини.

ваны для лингвистических цѣлей) я считаю цѣлесообразнымъ отмѣтить наиболѣе крупные случаи моего разногласія съ Покровскимъ по вопросамъ этой категоріи, а также тѣ случаи, которые, на мой взглядъ, требуютъ болѣе отчетливаго освѣщенія.

1) Такъ, по поводу прилагательнаго *lactarius* Покровскій (М. 83) приводитъ цитату: „*boves* (Varro r. r. II, 1 § 17) „дающіе (sic) молоко, кормящіе (sic)“. Если однако мы просмотримъ соответствующій текстъ Варрона (*dandum bubus lupinum, et lactariis Medica et cythium*), то увидимъ, что *lactariis* отнюдь нельзя соединить съ *bubus*, а что здѣсь это слово является въ качествѣ самостоятельнаго существительнаго (субстантивированнаго прилагательнаго), которое значитъ или „коровы, кормящія молокомъ“ или, какъ думаетъ Форчеллини, „телки или телцы, кормящіяся молокомъ“ (что впрочемъ мнѣнго вѣроятно).

2) На стр. 31 тотъ же авторъ переводитъ *globosus* посредствомъ „крумой, похожій на круть“ съ глухой ссылкой на Пакувія. Однако просмотръ соответствующаго отрывка изъ этого трагика (Pacuv. inc. fab. XIV, R.): *Fortunam... philosophi Sazo... instare in globoso praedicant volubiles* дѣлаетъ несомнѣннымъ, что *globosus* значитъ „шарообразный, какъ шаръ“ (у Георгеса правильно: „*Kugelförmig, Kugelrund*“), что впрочемъ и совершенно естественно, такъ какъ лежащее въ его основѣ *globus* значитъ „шаръ“, а не „круть“.

3) Двумя страницами дальше Покровскій даетъ длинную цитату изъ Варрона (r. r. III, 7 § 3), гдѣ между прочимъ встрѣчается (въ формѣ abl.) *fenestrae... reticulatae utrimque*, причѣмъ авторъ понимаетъ *reticulatus* въ смыслѣ „устроенный на подобіе сѣтя“, что заставляетъ его помѣстять данное образование въ категорію прилагательныхъ на *-tus* съ значеніемъ „похожій на что“. Однако такая лексикографическая, а въ связи съ этимъ и лингвистическая квалифікація этого слова несостоятельна¹⁾: совершенно ясно, что дѣло идетъ здѣсь объ окнѣ, снабженномъ съ двухъ сторонъ сѣткою: ср. хотя бы аналогичное сочетаніе *fenestra clatrata* „окно, снабженное рѣшеткой“ (Plaut. Mil. gl. 379), о чемъ ср. сказанное мной И. 147.

4) Нѣсколько сомнительнымъ представляется мнѣ включеніе въ число прилагательныхъ на *-tus* съ значеніемъ „похожій на что“ и

¹⁾ Въ ошибкѣ этой, быть можетъ, виновать Георгесъ, дающій слѣдующія указанія въ своемъ словарѣ: „*reticulatus, -a, -um netzförmig, gegittert, fenestra* Varr.: *genus structure Vitr.*“, причѣмъ между нѣмецкими эквивалентами и латинскими леммами наблюдается курьезный хіазмъ.

papillatus. Правда, Покровский (*ibid.*) указывает на греческій эквивалент $\theta\lambda\omicron\sigma\iota\delta\eta\varsigma$, однако достоверно ли такой перевод? Что касается текстовъ, то тутъ *papillatus* имѣютъ значеніе „покрытый бутонами“ (см. примѣры у Форчеллини s. v.) отъ *papilla* въ смыслѣ „бутона“ (ср. напр. *Pervigil. Ven.* 14). Такъ или иначе, автору необходимо было отчетливо освѣтить этотъ примѣръ.

5) Можно ли согласиться съ тѣмъ, что гл. *fari* въ историческую эпоху употреблялся (и притомъ еще „обыкновенно“) „о сужденіи“, какъ это утверждаетъ Покровский (М. 17)? Я рѣшительно не знаю примѣровъ такого употребленія данного глагола, ссылка же автора на Варрона (*L. L.* VI, 29: *dies fasti per quos praetorius omnia verba sine piaculo licet fari*) абсолютно ничего не доказываетъ, такъ какъ тутъ глаголъ *fari*, можно сказать, притянуть за волосы для объясненія этимологіи прилагательнаго *fastus*¹⁾. Если бы мы даже согласились признать этимологическое родство, принимаемое Варрономъ, то все-таки оно далеко не такъ непосредственно, какъ это представлялось этому ученому; да и вообще дѣлать прямые лексикографическія заключенія изъ такихъ указаній античныхъ грамматиковъ, которыя связаны съ ихъ этимологическими спекуляціями, это — пріемъ, который рѣшительно не выдерживаетъ методологической критики²⁾. Весьма характерно, что нѣсколько дальѣ, въ связи съ другой этимологіей, тотъ же глаголъ *fari* характеризуется тѣмъ же самымъ Варрономъ уже иначе (§ 52): *Fatur is qui primum homo significabilem ore mittit vocem. Ab eo ante quam ita faciunt, pueri discuntur*

¹⁾ Въ виду этого обозначаются и значеніе § 30: *Praetor qui tum fastus est c. q. s.*

²⁾ Иногда такой пріемъ можно привести и къ очень интереснымъ историческимъ комбинаціямъ. Характерный образецъ этого рода представляетъ собой гипотеза Моммзена (см. *Römische Forsch.* I, 366) о древнѣйшемъ характерѣ земельныхъ отношеній между патриціями и плебеями, будто бы сводящемся къ тому, что патриціи были первоначальными собственниками всей земли, раздѣлявшими затѣмъ отдѣльные участки плебамъ, которые такимъ образомъ находились въ хозяйственной зависимости отъ патриціевъ. Эта теорія, нашедшая себѣ дальнѣйшее развитіе въ работѣ Небмана (*Die Grundherrschaft d. röm. Republ., die Bauerbefreiung und die Servian. Verfassung*), находитъ на слѣдующемъ текстѣ Феста (точнѣе — Павла Діакона, *Th. de Pon.*, p. 321): *Patres senatores ideo appellati sunt, quia agrorum partes attribuerant tenuioribus ac si liberis propriis*. Однако уже Нусе (*Grundriss. d. röm. Gesch.* 33⁴) справедливо предостерегаетъ отъ чрезмернаго довѣрія къ этому объясненію, „weil hier offenbar aus dem Gleichklang von *patres* und *partes* eine Etymologie gestrebt wird“.

infantes, причемъ опять въ угоду этимологической комбинаціи привнесены *ad hoc* нѣкоторыя спеціальныя черты (напр. *primitiv!*), совершенно чуждыя этому слову ¹⁾.

¹⁾ Вообще Покровский обнаруживаетъ несовѣсть устойчивое отношенію къ античнымъ грамматикамъ, то чрезвычайно доверчиво относится къ ихъ показаніямъ (к: мы только что это видѣли), то чрезвычайно серьезно полемизируетъ съ ними, причемъ однако полемика эта не всегда оказывается справедливой. Примеромъ торжествующей серьезной полемики Покровскаго съ античными грамматиками является обширный экскурсъ въ „Матеріалахъ“ (стр. 25 сл.), гдѣ авторъ старается показать, что взгляды Варрона далеко не всегда соотвѣтствуютъ современнымъ лингвистическимъ теоріямъ. Но едва ли была надобность въ подобной полемикѣ. Правда, Покровский утверждаетъ меня за перифразу значеній античныхъ теорій языкознанія, на томъ основаніи, что я напр. указалъ (§. 57) на то, что „связь *Janicium* съ этимъ божествомъ (т. е. *Janus*) сознавалась еще въ древности“ и замѣчаетъ: „этому поводу (Р. 33), что „врядъ ли (эта связь) сознавалась древними въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимается этотъ терминъ въ современной лингвистикѣ“ и что вообще „можно было бы обойтись безъ искусственныхъ этимологій древнихъ грамматиковъ для подкрѣпленія этимологій современныхъ лингвистовъ“. Но всѣ эти упрёки—результатъ нѣкотораго недоразумѣнія, такъ какъ ни изъ одного мѣста въ моемъ конспектѣ нельзя вывести тѣхъ словъ, которыя мною подчеркнуты въ замѣчаніяхъ критика, еще менѣе можно вычитать ихъ между строкаъ. Ссылка же на античныя этимологическія объясненія—самый обычный приемъ въ лингвистической литературѣ, которымъ пользовался самъ Покровскій, когда напр. утверждалъ, что „связь *serenus* съ *seresere* замѣчена еще древними“ (М. 168) или, что „еще древніе находили связь между всѣми этими словами (т. о. *Maturia, maturus, mane, manes*)“ (Сборникъ *Характеръ*, 359). Что сказало бы авторъ, если бы я указалъ ему на то, что такіе подкрѣпленія неумѣстны? Неужели напримѣръ современный филологъ, упоминающій, что уже древніе философы-атомисты утверждали, что всѣ тѣла независимо отъ своей тяжести падаютъ въ пустомъ пространствѣ съ одинаковою быстротой (ср. *Истор.* II, 238 сл.), дѣлаетъ это въ подкрѣпленіе аналогичнаго тезиса современной науки? Или Покровскаго смутилъ мой способъ выраженія („связь *Janicium* съ *Janus* сознавалась еще въ древности“), который, по его мнѣнію, не годится для характеристики античнаго взгляда на этимологическую и морфологическую близость между словами? Но вѣдь глаголъ „сознавать“ далеко не всегда употребляется въ полномъ значеніи. Не самъ ли мой критикъ утверждалъ (М. 143), что „*lamentabilis, lacrimabilis* и т. п. сознавались какъ производныя отъ *lamentata, lacrimata*“, или (*ibid.* 27), что „*cithara, psalterium, pandura*... всегда сознавались какъ слова иностранныя“? Что вышло бы, если бы я, подобно моему оппоненту (см. выше), захотѣлъ въ обоихъ случаяхъ mettre les points sur les i? Съ другой стороны, иногда полемика съ античными грамматиками у Покровскаго, какъ я сказалъ, иногда справедлива. Такъ напримѣръ, я сомнѣваюсь въ правильности слѣдующаго его замѣчанія (М. 124): „Грамматикъ Цезелій Виндикъ (ср. *Gell.* XVIII, 11) порицалъ *opulescere*, и равнымъ образомъ *lutescere, noctescere, virrescere*, но такое порицаніе неумѣстны: всѣ эти образованія вродѣ удовлетворительны и въ частности глаголъ *noctescere* находитъ себѣ аналогію въ *dicere, diescere*“. Однако тутъ явное недоразумѣніе. Правда

6) Не можно рискованно придавать вслѣдъ за Покровскимъ (М. 119) серьезное значеніе Плавтовскому *curio* (Aulul. 563), какъ реальному образованию отъ *cūra* (или *curius*) съ значеніемъ „удрученный заботами“. Вотъ соответствующій контекстъ Плавта (Aulul. 561 sq.):

Megadorus. *Etiam agnum misi. Euclio. Quó quidem agno
sát scio*

Magis curionem nusquam esse ullam beluam.

Meg. *Volo scire ego ex te quí sit agnus curio.*

Eucl. *Quia óssa ac pellis tólust: ita curá macet.*

Полное недоумѣніе Мегадора по поводу слова *curio* въ примѣненіи къ *agnus* равно какъ эксцентричность оборота *magis curionem... beluam* дѣлаютъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ предположеніе, что здѣсь просто каламбуръ съ обычнымъ словомъ *cūrio* (отъ *cūria*), которое *ad hoc* поставлено въ связь съ *cūra*. Всѣмъ извѣстна многочисленность каламбуровъ этого рода у Плавта, а съ другой стороны—довольно частое появленіе у этого комика государственно-правовыхъ терминовъ въ явно смѣхотворной обстановкѣ: ср. хотя бы въ той же комедіи ст. 601: *Qui ei curabit abstinebit censione bubula* или, напримѣръ, Pers. 22: *Fui praeferratus apud molas tribunus vapularis* и т. п. ¹⁾ Правда, Ноній (р. 86) вѣрять въ самостоятельное слово

Цезелій, встрѣтивъ всѣ эти необычныя слова у поэта Фурия „reprehendebat“ его за то, что онъ „dedecoravit linguam Latinam... huius modi vocum fictionibus“; однако ни откуда не видно, чтобы этотъ упрекъ былъ направленъ непременно на морфологическую сторону дѣла, а не исходилъ изъ стилистическихъ соображеній. Конечно, *postescere* можетъ опереться на аналогію *diescere*, но развѣ это дѣлало данное слово болѣе десогни? Чтобы сдѣлать болѣе внятной сущность этой контроверсы, представили себѣ, что кто-нибудь по аналогіи съ *vespernia* (отъ *vesper*) образовалъ бы соответствующій глаголъ отъ *uturo*. Такой глаголъ былъ бы вполне „удовлетворителен“ въ морфологическомъ отношеніи, но неужели протесты противъ него съ точки зрѣнія стилистики должны быть признаны „деужестными“? Не забудемъ, что аналогистъ Юлій Цезарь провозгласилъ знаменитый афоризмъ (сохраненный намъ тѣмъ же Велліежъ I, 10, 4): *tamquam voripitum sic fugias inaudilum atque insolens verbum*.

¹⁾ Болѣе серьезное недоумѣніе относительно Плавта представляютъ собой утвержденіе Покровскаго (М. 163), что этому комику была свойственна „принадлежнѣ“ къ номіну *actiois* на *-tura*, сравнительно съ соответствующими образованиями на *-tus* (4), причемъ это мнѣніе основывается на томъ фактѣ, что у Плавта встрѣчаются отдѣльныя *ataz* сформѣна на *-tura* въ родѣ *sibitura* (им. *sibitus*) или *venatura* (им. *venatus*). Явно ли однако такой выводъ можетъ быть признанъ истодически правильнымъ. Ср. кромѣ того Н. 102.

curio=curiosus, ссылаясь какъ разъ на это мѣсто изъ Плавта, однако подобныя указанія античныхъ грамматиковъ далеко не всегда заслуживаютъ довѣрія.

7) На стр. 137 Покровский приводитъ форму *matella*. Откуда однако она заимствована ¹⁾? Или этогъ итальянизмъ представляеть собой не болѣе, какъ досадную опечатку?

8) Съ нѣкоторой осторожностью приходится отнестись къ прилагательному *gradualis*, безъ всякой оговорки и точной цитаты приводимому Покровскимъ (М. 113), въ виду того, что оно извѣстно, новидимому, лишь изъ слѣдующей, довольно неясной глоссы: *Gradualis pro libro quodam* (Thes. nov. lat. p. 249).

9) На стр. 9 Покровский говоритъ: „отъ *sancio* извѣстно *sancierat* у Помпонія и *sancivit*, *sancitus* въ позднемъ языкѣ“. Эти лексикографическія указанія страдаютъ неясностью и неточностью. Неясно, къ какой эпохѣ относится *sancierat* (что однако важно въ виду контекста), такъ какъ глухая ссылка на Помпонія ничего не говоритъ: вѣдь это имя носилъ цѣлый рядъ римскихъ писателей (до 121), относящихся къ самымъ различнымъ эпохамъ; къ тому же авторъ формы *sancierat* далеко не самый видный изъ нихъ. Неточность представляеть собой приуроченье *ptc. sancitus* къ „поздней“ эпохѣ, такъ какъ эта форма прекрасно засвидѣтельствована уже у Лукреція (I, 585), жившаго почти на цѣлый вѣкъ раньше вышеупомянутаго Помпонія (=Pomponius Secundus, небезизвѣстный трагикъ времени императора Тиберія и его преемниковъ).

10) На стр. 4 Покровский приводитъ примѣръ изъ другого, гораздо болѣе извѣстнаго, Помпонія—автора Ателлангъ: *farinam insipui* съ глухой цитатой: Pompon. com. 86. Цифра фрагмента и текстъ его указываютъ на изданіе Риббека, однако необходимо было упомянуть, что такая редакція есть наполовину плодъ конъектуры этого ученаго, который по догадкѣ ввелъ *farinam* вмѣсто рукописнаго *pa(r)tem*, что дало ему возможность сохранить (интересное для Покровскаго) *insipui*. Во всякомъ случаѣ этотъ стихъ представляеть собой критическую контроверсу (см. критическій аппаратъ Риббека и Л. Мюллера ed. Non. I, p. 53 ²⁾).

¹⁾ Я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы авторъ имѣлъ въ виду глоссу: *Mamellicae masthoe* (Gloss. Leid. CGI. III, 411, 61), такъ какъ она ел не указывасть.

²⁾ Замѣчу мимоходомъ по поводу дублетовъ *insipere insipare*, что сложныя съ префиксами глаголы обнаруживаютъ специальную наклонность къ переходу въ кате-

11) Строго говоря, и по поводу *saepuosus* (M. 113) слѣдовало бы сдѣлать критическое замѣчаніе, такъ какъ форма прилагательнаго установлена Риббекомъ (fr. Расив.² 5) лишь путемъ конъектуры (правда, на этотъ разъ болѣе, чѣмъ вѣроятной), тогда какъ Ноній (р. 170) читалъ нарѣчіе *saepuose*, глоссируя его посредствомъ нарѣчія же *obscurc.*

12) На стр. 8 Покровскій безъ всякой оговорки цитируетъ форму inf. *effigiri* со ссылкой на Publ. Syr. Sent. 815; однако эта форма иеродана въ нѣсколько неясной и сбивчивой обстановкѣ, что и вставило многихъ ученыхъ (а въ томъ числѣ и самого Риббека во второмъ изданіи, подъ № 656) отступить отъ традиціоннаго чтенія (ср. критическій аппаратъ въ его изданіи): такъ или иначе, критическая оговорка была необходима тѣмъ болѣе, что цѣлькомъ рукописное чтеніе для этого стиха во всякомъ случаѣ принять нельзя (ср. теперь еще англійское изданіе Bickford-Smith'a, v. 136).

13) Въ болѣе точныхъ лексикографическихъ указаніяхъ нуждается прилагательное *humidosus* (M. 104), по поводу котораго Покровскій ограничивается лишь отиѣткой, что оно „позднее“. Однако всѣ мои попытки отыскать это слово не увѣнчались успѣхомъ; авторитетъ же Плуцера въ такихъ вопросахъ во всякомъ случаѣ недостаточенъ (какъ это было мной признано уже выше, по поводу *bibulosus*).

14) Подозрительно также „позднее“ *delirosus* (M. 103), толкуемое

горію глаголомъ 1-го спряженія: ср. по этому вопросу между прочимъ Н. 25 п 116, а также О. 232 сл. Пользуясь случаемъ, чтобы высказать свое мнѣніе по поводу гла. *assentari*, до сихъ поръ, какъ кажется, удачнопорительно не разъясненаго. Я не могу, по крайней мѣрѣ, принять ни толкованіе *Illmovassera* (хотя и одобренное *Meisnerom-Linnke*, Indologim. Kogach. I, Лпз. 123), который думаетъ, что въ основѣ этого глагола лежитъ ртс. **assenta* (> **ad-senta* ср. *ab-senta*), ни предположенію *Palmer* (Etym. Wtb. d. lat. Spr. 48), выводящаго *assentari* изъ **assentitari*. Проще всего, по моему мнѣнію, было бы объяснить *assentari* при *sentio*, какъ образованіе аналогичное съ *aperitari* при *aperire*, *occipare* при *capere* и т. п. Правда, точкой отсчета для *assentari* является глаголъ 4-го спряженія (*sentio*), но это тѣмъ менѣе можетъ служить препятствіемъ для моей гипотезы, что въ нѣблизкую эпоху латинскаго языка и *cario*, напр., — отъ котораго возникло *occipare* — было, несомнѣнно, глаголомъ 4-го спряженія, подобно другимъ глаголамъ на -*io*, внослѣдствіи перешедшимъ (и то не всегда окончательно) въ категорію глаголомъ 3-го спряженія. По этому послѣднему поводу ср. превосходную статью *Эксона* (*Hermathena* № XXVII, 382 сл.), которая, замѣчу кстати, разъясняетъ много вопросовъ, затронутые мной въ вѣдлѣ „къ вопросу о латинскихъ глаголахъ на -*io*“ (Н. 74 сл.); наоборотъ, нѣкоторые пункты въ этой статьѣ могутъ быть въ свою очередь дополнены и исправлены на основаніи моего изложенія.

Покровскимъ какъ отглагольное образование отъ *delirare*: по крайней мѣрѣ у Форчеллини приводится лишь болѣе простая въ морфологическомъ отношеніи форма *deliriosus* (отъ *delirium*) со ссылкой на *Interpr. Irenaei Haeretic. I, 13, 3 и 14, 4.*

15) Еще болѣе сомнительно цитируемой Покровскимъ (М. 104)—вѣроятно, тоже по Паузеру—и опять-таки лингвистически объяснимое прилагательное *faceliosus*. Правда, эта форма встрѣчается въ нѣкоторыхъ худшихъ рукописяхъ *Cic. de fin. II, 31 § 108: hominum faceliosam urbanitatem*, однако въ лучшихъ рукописяхъ это мѣсто редактируется такъ: *hominum facetorum urbanitatem*, что и принято во всѣхъ авторитетныхъ изданіяхъ.

16) Въ одномъ случаѣ однако Покровскій нѣсколько отступаетъ отъ показанія Паузера. Именно, вмѣсто отмѣченнаго у этого лексикографа нарѣчія *segniculose* (которое, замѣчу кстати, засвидѣтельствовано, кажется, только *Thes. nov. lat. p. 56*) нашъ авторъ (М. 105) приводитъ (безъ звѣздочки) прилагательное *segniculosus* съ указаніемъ, что оно встрѣчается въ „позднѣйшемъ“ языкѣ. Гдѣ однако оно засвидѣтельствовано? А кромѣ того я не увѣренъ въ томъ, что Покровскій правъ, причисляя это слово къ категоріи „прилагательныхъ на *-osus*, производимыхъ отъ прилагательныхъ же“, въ родѣ *rubiculosus, scabrosus* и т. п. и исходя слѣдовательно изъ прилагательнаго *segniculus*. Слѣдовало однако отмѣтить, что это послѣднее нигдѣ не засвидѣтельствовано. Да и безусловно ли оно необходимо? Кто поручится за то, что **segniculosus* не возникло по аналогіи хотя бы съ *somniculosus*? Сравни напр. (отъйти) еще болѣе смѣлое новообразование *somninus* (*Varro, Sat. Men. 427*) по аналогіи съ *nocturnus* (ср. *Solmsen, Stud. z. lat. Lautgesch. 100*). Впрочемъ, можно, пожалуй, допустить, что даже **segniculosus* фактически никогда не существовало, а что *segniculose* возникло прямо по аналогіи съ *somniculose*, значенія какового, кстати сказать, очень благоприятствуютъ такой гипотезѣ.

17) Точно также и прилагательное *argumentuosus*, упоминаемое Покровскимъ (М. 113), фактически, какъ кажется, нигдѣ не засвидѣтельствовано: извѣстно лишь *unicum argumentuose* (*GL. K. Suppl. 55, 15*).

18) Гораздо смѣлѣе реконструкціи (безъ звѣздочки!) прилагательнаго *alsus* на основаніи *neutr. compar. alsius* (М. 81). Впрочемъ, къ этому вопросу я вернусь во второмъ этюдѣ при критикѣ несомнѣнно правильной оцѣнки глоссографическихъ вариантовъ *alsosus alsiosus*.

19) Въ звѣздочкѣ нуждается, повидному, и *cassosus*, приводимое Покровскимъ (М. 103) безъ всякаго указанія на первоисточникъ; имѣ, по крайней мѣрѣ, извѣстно лишь сопномен *Cassosus*, подробности о которомъ см. Э. 197. Во всякомъ случаѣ это обстоятельство требовало очень серьезной оговорки.

20) Болѣе чѣмъ рискованно извлекать прилагательное *laborius* (снова безъ звѣздочки!) изъ собственного имени *Terrae Laboriae*, какъ это сдѣлалъ Покровскій на стр. 119 той же работы. Уже сама по себѣ эксплуатация собственныхъ именъ (въ особенности географическихъ) какъ для лингвистическихъ, такъ и для лексикографическихъ цѣлей требуетъ чрезвычайной осторожности, но тутъ дѣло значительно осложняется еще наличностью весьма важныхъ вариантовъ. А именно нѣкоторые рукописи Плинія Старшаго (XVIII 111) по показанію Майгоффа ¹⁾ даютъ чтеніе *Leboriae*, каковое и принято имъ въ текстъ; въ подтвержденіе правильности этого чтенія можно указать (вслѣдъ за Майгофомъ) на *campus Leborinus* у того же Плинія (XVII, 28, ср. также III, 60); кромѣ того обращу вниманіе на сопномен *Leborianus*, засвидѣтельствованное на надписяхъ (CIL. X 2225) ²⁾. Что касается варианта *Laboriae*, то, судя по итальянскому отклику *Terrae di Lavoro*, онъ, по всей вѣроятности, былъ также реаленъ. Какъ же объяснить его? Еще въ 1896 г. виолиѣ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ данъ von Planta (*Indegerm. Forsch.* VII, Anz. 71), предположившимъ здѣсь участіе народной этимологіи. Такимъ образомъ прилагательное *laborius* оказывается выяснимъ въ воздухѣ.

21) На стр. 9 Покровскій приводитъ безъ звѣздочки форму *transsilium*: точнѣе, выжется, было бы указать на форму *ptc. pass. transsilitus* ³⁾.

22) Гораздо смѣлѣе поступилъ Покровскій на стр. 4, гдѣ онъ безъ звѣздочки приводитъ форму *infinitiv'a vacere*, извлеченную имъ путемъ реконструкціи изъ *pf. vacui* и *ptc. vacentem* ⁴⁾. Впрочемъ, къ этому во-

¹⁾ Уже выше я аппелировалъ къ этому изданію въ своихъ разногласіяхъ съ Покровскимъ.

²⁾ Сюда же Вильгельмъ Шульце (*Z. Gesch. lat. Eigennam.* 118) относитъ и собственныя имена *Leborinus* (CIL. V 7719) и (хотя и съ оговоркой) *Leborinus* (ibid. VIII 9604).

³⁾ Что авторъ не придавалъ въ данномъ случаѣ сущности условнаго значенія, видно изъ того, что въ томъ же абзацѣ онъ неоднократно приводитъ только формы *ptc.* на *-to-*, напр. *farctus*, *orditus*, *vancitus* и т. д.

⁴⁾ Кстати: на той же страницѣ Покровскій по поводу *cybo*: *cybui*: *cybitum* за-

просу я вернусь ниже, въ связи съ критикою принятой тѣмъ же авторомъ глоссографической формы *imbricitur*.

23) Тамъ же (М. 4) наряду съ *velo: vetui: velitum, dono: donui: donitum* и т. п. Покровский упоминаетъ слѣдующую группу формъ: *misco: emisci: mistum*, вызывающую серьезныя недоумѣнія. Прежде всего, неясно, почему авторъ при простомъ гл. *misco* даетъ pf., осложненное префиксомъ *e-*: развѣ не существовало pf. *misci*? Ср. въ такомъ случаѣ хотя бы Оу. *Her.* I, 45: *Usque metu miscere vinus*. Съ другой стороны, откуда заимствоваль Покровскій форму *mistum*? Грамматикъ. Присцианъ (GL. K, II, 472, 20) совершенно опредѣленно говоритъ о томъ, что эта форма не была употребительна: *Misco quoque misci mistum debet facere, sed dubitationis causa, quia tingo quoque mistum facit, in usu non invenitur*. Какъ бы мы ни отнесли къ этому объясненію Присциана ¹⁾, но дѣйствительно форма *mistum* при гл. *miscere* фактически, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не засвидѣтельствована.

24) Несовсѣмъ понятны для меня также слѣдующія слова Покровскаго (М. 6): „*negubundus* (= *negubundus* у Павла Діакона) при *negare*“. Насколько мнѣ извѣстно, слово *negubundus* нигдѣ не засвидѣтельствовано и потому его, по меньшей мѣрѣ, слѣдовало снабдить звѣздочкой; но, по моему мнѣнію, и вообще нѣтъ никакого серьезнаго повода предполагать, что это слово должно было существовать когда-либо въ латинскомъ языкѣ.

25) Съ другой стороны, наоборотъ, Покровскій обнаруживаетъ нерѣдко чрезмѣрную осторожность, снабжал звѣздочками такія лексикографическія величины, которыя фактически засвидѣтельствованы въ памятникахъ латинской письменности: такъ напримѣръ на стр. 145 мы встрѣчаемъ **facia*; однако это слово, извѣстно изъ *Anecd. Helv.* 131, 17 и 20.

26) Напрасно Покровскій (М. 61) снабдилъ звѣздочкой и *gloriari* „хвалить“: этотъ глаголъ прекрасно засвидѣтельствованъ въ позднѣйшей латыни: ср. *Vulg. Interp. Ital. Act.* 4, 21: *Omnes... gloriabunt Deum*.

иѣчаетъ: „Отношеніе этого глагола къ *emibere* нѣсколько похоже, но крайней мѣрѣ въ *indicativ* и *infinitiv*, на отношеніе *iudare* къ *judicare*“. Подчеркнутыя слова для меня совершенно неясны: развѣ *indicativus* и *infinitivus* исчерпываютъ собой ту область, въ которой соприкасаются эти двѣ глагольныя пары, или имѣютъ даже хоть какія-нибудь преимущества напр. передъ *coniunctiv*’омъ?

¹⁾ Къ этому вопросу я вернусь въ другой связи (въ лингвистическомъ этюдѣ).

27) На стр. 120 тотъ же авторъ замѣчаетъ: „позволительно спросить, не было ли въ народномъ языкѣ существительнаго **mittimium*?“ Такая осторожность излишня, такъ же какъ и звѣздочка, такъ какъ это слово неоднократно встрѣчается въ поздней латыни, на что и уже указалъ Э. 195 и 251.

28) Замѣчу кстати, что на стр. 50 Покровский выводитъ (вслѣдъ за многими исследователями) прилагательное *sēdulus* изъ теоретической реконструкціи **sē dolo*: необходимо было однако при этомъ отмѣтить фактически засвидѣтельствованное на надписяхъ *se dulo m(al)o* (CIL. I 200, 39) ¹⁾.

29) Несомнѣнъ осторожно безъ всякихъ оговорокъ пользоваться для лингвистическихъ цѣлей прилагательнымъ *cornutus*: во всякомъ случаѣ простой ссылки на *trag. inc. 222 R.*, которую мы находимъ у Покровскаго (М. 11), совершенно недостаточно. Дѣло въ томъ, что это слово, хотя и получившее санкцію Георгеса (откуда, вѣроятно, и заимствовано нашими авторомъ) засвидѣтельствовано далеко не съ абсолютной достовѣрностью, такъ какъ въ рукописяхъ Варронова трактата *De lingua latina*, гдѣ встрѣчается этотъ стихъ (VII, 25), онъ перодалъ въ очень испорченномъ видѣ, притомъ съ различными рукописными колебаніями: такъ, лучшая рукопись — *cod. Florentinus* — (такъ же, какъ и нѣкоторыя другія) даетъ слѣдующую, явно искаженную редакцію его: *cornua taurum umbram iaci*, тогда какъ въ *cod. Parisiensis 7489* читается *cornua taurorum*, а въ вульгатѣ (такъ же какъ въ разночтеніяхъ, отмѣченныхъ *Victorius*'омъ въ *ed. Gryphiana*)—

¹⁾ Вообще Покровскій очень мало пользуется эпиграфическимъ матеріаломъ, даже тогда, когда онъ зарегистрированъ въ общедоступныхъ лексикографическихъ пособіяхъ: такъ напр., по поводу глоссографическаго *sacrimonium* (М. 147) полезно было бы сослаться на *Orelli inscr. 3188* (= CIL. XI 3933); съ другой стороны едва ли удобны такія сухія эпиграфическія указанія какъ напр. „неаполитанскія надписи даютъ *consequiturus*“ (М. 15) или „*dirutus* (искр.)“ (*ibid.* 16) и т. п. Я рѣшаюсь дѣлать эти нѣсколько придирчивыя замѣчанія въ виду того, что теперь самъ Покровскій, по возможности, придаетъ очень большое значеніе точнымъ эпиграфическимъ цитатамъ, такъ какъ напр. по поводу приведеннаго мной *согномен* *Missor* со ссылкой на *Fabretti 365 III* (:). 8) онъ спрашиваетъ (Р. 34): „зачѣмъ авторъ цитируетъ (это *согномен*) по старому сборнику *Fabretti*?“. Мнѣ кажется, однако, что въ данномъ случаѣ Покровскій впадаетъ въ противоположную крайность: сборникъ *Fabretti* во всякомъ случаѣ не таковъ, чтобы изъ него нельзя было дѣлать цитаты (звучитъ, это, кажется, единственная цитата изъ него, которую и себѣ позволяетъ) сомнѣясь напр. на такого осторожнаго исследователя, какъ *Соллжсемъ*, который приводитъ изъ этого источника иногда очень отвѣтственные факты, въ родѣ формы *volii* (*scr. Stud. z. lat. Lautgesch.* 12).

cornuam. Что касается объясненія Варрона къ этому стиху, то въ рукописи F оно читается такъ: *Dicere apparet cornuam a cornibus*, а въ нѣкоторыхъ другихъ, худшихъ по достоинству рукописяхъ *vm. cornuam* стоитъ *cornuatum* (или *cornuatum*). Какъ бы ни была соблазнительна окончательная редакція Риббека, она все-таки не можетъ быть названа вполне достовѣрною (ср. кстати все это мѣсто Варрона въ изданіи Андрея Шпенгеля).

30) Но, если бы даже мы признали нѣкоторую вѣроятность формы *cornuatus* (хотя, конечно, тутъ необходимы были оговорки), то безусловно неприемлемымъ представляется мнѣ прилагательное *lotulentus*, которое Покровский подворгать лингвистической обработкѣ на стр. 123. Правда, онъ ссылается при этомъ на *Titin. com.* 137, правда и то, что это слово нашло себѣ мѣсто у Георгоса, однако, не надо забывать, что оно не болѣе, какъ конъектура Риббека, и притомъ конъектура безусловно неудачная. Соответствующій стихъ Титинія извѣстенъ намъ изъ Нонія, каковое мѣсто въ изданіи Л. Мюллера (р. 188, 30) редактировано слѣдующимъ образомъ ¹⁾: *Lotiolente* (cod. H: *liciolente*) *dictum veluti lotulentis, a lotio. Titinius Varo*:

„*Lotiolente!* (cod. H: *latiolente*)— „*flōcci fiet*“ — „*culei cultor!*“

Какъ объясненіе Нонія, такъ и контекстъ стиха (хотя окончаніе его критически неполнѣ ясно) указываютъ на то, что интересующее насъ слово должно быть ругательнымъ ²⁾. Рукописныя свидѣтельства *liciolente* и *latiolente* наряду съ указаніемъ Нонія о связи соответствующаго слова съ *lotium*, конечно, скорѣе приводятъ къ поправкѣ *lotiolente*. Правда, въ латинскомъ языкѣ нѣтъ, повидимому, ни одного аналогичнаго по составу прилагательнаго на *-iolentus* (приводимое Л. Мюллеромъ ad l. *violentus* — не вполне подходящая аналогія), но это едва ли можетъ служить препятствіемъ къ его принятію, такъ какъ при именной основѣ на *-io-* соответствующее доминативное образованіе на *-lentus* должно было сохранить неприкосновеннымъ это *-io-* (ср. хотя бы уменьшительныя образованія въ родѣ *filiolus, modiolus* и т. п.). Что касается поправки Риббека, то она представляется мнѣ неудачною по слѣдующимъ причинамъ: 1) она чрезчуръ удаляется отъ руко-

¹⁾ Я привожу разночтенія только для интересующихъ насъ въ данномъ случаѣ словъ.

²⁾ Что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ нарѣчіемъ, какъ это, повидимому, думалъ Ноній и нѣкоторые старинные издатели, а съ звательнымъ падежомъ отъ прилагательнаго м. р., это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію.

писнаго преданія, 2) само по себѣ образованіе *lotilentus* какъ съ морфологической такъ и съ сомасіологической точекъ зрѣнія совершенно неправдоподобно. Правда, Покровский (l. c.) сопоставляетъ его съ *putulentus* при *potilis* и въ связи съ этимъ находитъ возможнымъ вывести *lotilentus* изъ **lotilis*. Однако я не вижу, какимъ образомъ при подобномъ объясненіи *lotilentus* это слово могло бы имѣть желательный для даннаго контекста смыслъ: вѣдь **lotilis* должно находиться въ ближайшемъ сомасіологическомъ соотношеніи съ *lotus* „мытый, вымытый“, что отнюдь не можетъ служить точкой отправленія для *lotilentus*. Предполагать же, что на **lotilis* распространилось специфическое значеніе *lotium* я считаю совершенно безпочвенной и потому методологически недопустимой гипотезой¹⁾.

Однако довольно. Я полагаю, что приведенныхъ 30 пунктовъ, — матеріалъ для которыхъ извлеченъ мной лишь изъ первыхъ 150 страницъ книги Покровскаго, — вполне достаточно, чтобы показать, какъ трудно для лингвиста, не смотря на всѣ благія намѣренія, всегда оставаться на высотѣ филологическихъ требованій. Что касается специально поздне-латинскихъ писемъ, которыми такъ широко пользовался Покровский (за что, конечно, его не обвинить ни одинъ изслѣдователь исторіи латинскаго языка), то тутъ, разумѣется, положеніе латиниста лингвистическаго направленія особенно тяжело, и я вполне согласенъ съ Покровскимъ (Р. 8), что „вообще многіе изъ частныхъ вопросовъ (этого рода) трудно рѣшать одному изслѣдователю, не обращаясь за указаніями къ соответствующимъ специалистамъ, которыхъ въ Россіи, на бѣду,

¹⁾ Вообще можно замѣтить, что многія реконструкціи Покровскаго недостаточно обоснованы и представляются сомнительными. Помню отиѣченныхъ выше случаевъ (см. пункты 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 30) укажу еще на **obstrudulentia*, восстановленную Покровскимъ на стр. 124: эта реконструкція гдѣ-то болѣе сомнительна, что точкой отправленія для нея служить очень неясная въ лексикографическомъ и семасіологическомъ отношеніи форма *obstrudulentus*. На стр. 133 тотъ же авторъ пишетъ: „у Плавта мы находимъ *estūris* вм. **estūlis*... у Варрона Sat. Men. 197 встрѣчается *cultro coquinari*, и это *coquinariis* также могло бы быть параллельной формой вм. **coquinūlis* ср. *purpūlis*“. Я однако не вижу ближайшаго повода къ предположенію дублетовъ **estūlis* и **coquinūlis*, представляющихся мнѣ нисколько не болѣе иррациональными, чѣмъ напр., „дублетъ“ **crūbilis* (при *crēber*), противъ котораго возражаетъ самъ Покровский (М. 19). (Иное дѣло *estūlis* въ смыслѣ „прямая книжка“, фактически засвидѣтельствованное во многихъ текстахъ: это слово, конечно, возникло въ языкѣ совершенно независимо отъ *estūris*). Впрочемъ, какъ я выискивалъ въ другомъ мѣстѣ (Н. 239 сл.), весь морфологическій этиюдъ Покровскаго о латинскихъ суффиксахъ *-li* : *-ri* (М. 130 сл.) основанъ на плѣвомъ рядѣ недоразумѣній.

или очень мало, или даже совсѣмъ нѣтъ". Въ частности, безъ подобныхъ справокъ я по рѣшаюсь произнести окончательнаго мнѣнія по поводу такихъ, напримѣръ, случаевъ, какъ *papillatus* (пунктъ 4), *gradualis* (п. 8), *humiliosus* (п. 13), *seyniculosus* (п. 16), *argumentuosus* (п. 17). Очень возможно, что мой скептицизмъ по отношенію къ нѣкоторымъ изъ этихъ поздне-латинскихъ словъ несовсѣмъ основателенъ, и въ этомъ отношеніи справки у иностранныхъ специалистовъ были бы вполне уместны. Всѣ остальные пункты моего разногласія съ Покровскимъ едва ли требуютъ внимательства иностранныхъ ученыхъ, не вызывая необходимости сложныхъ и самостоятельныхъ разысканій по первоисточникамъ. Что касается такихъ случаевъ, какъ *sitacula*, *sancitus*, *facia*, *gloriare*, *mirnuriunt*, *lactarius*, *globosus*, *reticulatus*, *curio*, *facetosus*, *Laboriae*, *corniatus*, отчасти также *saepmosus*, *insipui* и т. п., то я готовъ не придавать имъ особаго значенія, такъ какъ вполне сознаю, какъ трудно требовать отъ лингвиста, чтобы онъ во всѣхъ случаяхъ дѣлалъ точныя справки даже въ словаряхъ, а тѣмъ болѣе въ контекстахъ и критическихъ аппаратахъ¹⁾; единственною исключенію изъ даннаго слу-

¹⁾ Даже у такого образцово-точного исследователя латинскаго языка, какъ Сольмсенъ, въ его специальной работѣ по латинской фонетикѣ (*Stud. z. lat. Lautgesch.*) иногда проскальзываютъ отдѣльныя лексикографическія погрѣшности: такъ, напр., на стр. 25 онъ говоритъ, что слово *verber* „(ist) bei Plautus wiederholt... aber liefert“, тогда какъ у Плавта эта форма вовсе не встрѣчается, да и вообще она нѣсколько сомнительна (см. по этому поводу подробности Н. 17¹⁾); поправь также Сольмсенъ (*ibid.* 161), утверждая, что прилагательное *rapidus* засвидѣтельствовано, начиная съ Лукреція: оно извѣстно уже изъ Плавта (ср. *Curc.* 649), Цецилія (v. 204 R², ср. впрочемъ критическій аппаратъ) и Аттія (v. 184 R²). На той же страницѣ Сольмсенъ приводитъ форму *fovententem* съ отбѣткой „*Not. Tig.* 134“; однако это—не болѣе какъ конъектура (принятая и у Георгеса), традиціонное же чтеніе—*foventem*, и еще вопросъ, слѣдуетъ ли его мѣнять (ср. теперь замѣчаніи *Herzems's* въ *Arch. f. lat. Lex.* XII, 78). Но, повторю, къ такимъ мелкимъ погрѣшностямъ приходится относиться снисходительно. Что касается Покровскаго, то единственно, за что можно нѣсколько упрекнуть его въ данномъ случаѣ, это за сравнительно очень значительное количество такихъ неточностей. Кроме того вообще нѣкоторымъ недостаткомъ книги Покровскаго является чрезчуръ широкое пользованіе фактами, взятymi изъ вторыхъ рукъ безъ всякихъ, даже цифровыхъ, ссылокъ на первоисточники, благодаря чему между прочимъ совершенно стирается разница между данными, вычеркнутыми изъ хорошо дошедшихъ до насъ связныхъ текстовъ, и такими, которые восходятъ къ довольно мутнымъ лексикографическимъ источникамъ въ родѣ *Thesaurus novae Latinitatis* извѣстнаго кардинала Mai, откуда (безъ всякаго предувѣдомленія) заимствованы такіе напр., отвѣтственные факты, какъ *ventuosus* (M. 113), *lasegrovus* (*ibid.* 105) и т. п.; несовсѣмъ удобно также отсутствіе

чаѣ представляют примѣры, заимствованные изъ архаическихъ, а тѣмъ болѣе фрагментарныхъ текстовъ (напр., *sacptuosus*, *effugiti*, *cornuatus*, *lotilentus*): тутъ невнимательное отхошеніе къ рукописной традиціи и ея критической разработкѣ имѣетъ болѣе отвѣтственный характеръ, такъ какъ, съ одной стороны, изданія этихъ текстовъ въ большинствѣ случаевъ критически превосходно обставлены и притомъ общедоступны, а, съ другой стороны, всякій исследователь, занимавшійся архаической латынью хотя бы не специально, но опыту знаетъ, съ какими специфическими трудностями сопряжено установленіе подлинной редакціи въ подобнаго рода текстахъ и какъ опасно довѣряться въ этихъ случаяхъ даже такимъ превосходнымъ ученымъ, какъ Риббекъ. Еще болѣе важную важность придаю я пунктамъ 3 (*reticulatus*), 5 (*fari*, *noctescere*), 6 (*curio*), 16 (*segniculosus*, *segniculose*), 18 (*ulsus*), 19 (*cusosus*), 20 (*laborius*), 22 (*nacere*), 23 (*nictum*), 24 (*negabundus*), 29 (*lotilentus*), а также такимъ случаямъ, какъ *falla*, *comare*, (см. выше, стр. 109 сл.), такъ какъ эти случаи имѣютъ характеръ не только фактическихъ источниковъ, но и теоретически сомнительныхъ выводовъ изъ дѣйствит. традиціи, что затрогиваетъ уже отчасти лексикографическую методологію. Въ частности эти случаи показываютъ, какимъ

во многихъ случаяхъ указанія на то, откуда взять тотъ или другой фактъ,—въ текстовъ или изъ глоссаріевъ: такъ напр. глоссографическое происхожденіе не указано относительно *amiculare* (М. 10, ср. Goetz, Thes., v. v.), *lutuonia* (М. 113, ср. Goetz, Thes. v. v. *lutulentus*), *lacertuonia* (ibid. и Goetz, о. с. v. v.); особенно неудобно это въ тѣхъ случаяхъ, когда то или другое слово происходитъ къ какому-нибудь менѣе известному и плохо обследованному глоссографическому сборнику, какъ напр. *ibertuonia* (М. 113), засвидѣтельствованное (по показанію Формозини) въ глоссаріи Joh. de Janua. Недостаточно внимательно относится авторъ и къ вопросамъ графики, безъ всякихъ оговорокъ давая такіе сомнительныя орфографія, какъ *zartio* (М. 9), *conditionalis*, *conditionabilis* (ibid. 144) и т. п. Безусловно должна была быть не только отмѣчена графическая (чего мы не находимъ), но и оговорена долгота корняго и въ *lusulentus* (М. 125), такъ какъ эта долгота—лучшій аргументъ противъ неправильнаго сопоставленія этого слова съ *lusitani*. Вообще филологическая сторона дѣла въ „Материалахъ“ Покровскаго требуетъ тщательнаго пересмотра и многочисленныхъ исправленій. Что касается лингвистической стороны, то наиболѣе крупныя случаи моего разногласія съ Покровскимъ по вопросамъ этой категоріи перечислены мной Н. 4; кромѣ того ср. Н. 10, 32, 76, 90, 127, Ф. 111 и т. д. Къ нѣкоторымъ изъ этихъ пунктовъ я вернулся въ третьемъ (и отчасти—второмъ) издѣіи, гдѣ будутъ отмѣчены и другія мои лингвистическія возраженія Покровскому. Впрочемъ и многія подробности въ настоящемъ издѣіи имѣютъ прямое отношеніе къ лингвистикѣ: ср. мои критическія замѣчанія о *comans*, *reticulatus*, *noctescere*, *curio*, *segniculose*, *laborius*, *lotilentus*.

огромнымъ подспорьемъ для лексикографа является лингвистическое освѣщеніе являющихся фактовъ—тезисъ, который я буду отстаивать на протяжении всей настоящей работы, съ тѣмъ большей энергіей, что далеко не все даже лучшіе иностранные специалисты по латинской лексикографіи и глоссографіи въ родѣ Георгеса, Чіцца, Рёнишъ, Петтлшпипа и т. д. въ достаточной мѣрѣ считаются съ нимъ.

Остается еще одинъ капитальный методологическій вопросъ: какъ быть съ такими лексикографическими шпіса, которыя, представляя собой теоретически возможные величины, могутъ быть однако болѣе или менѣе легко устранены путемъ конъюктуры, превращаясь при этомъ въ общезвѣстные слова (ср. напр. *fallu*, *nullus*, *inobvolutus* и т. п.)? Покровский при встрѣчѣ съ подобными примѣрами, въ большинствѣ случаевъ становится на ортодоксально-филологическую точку зрѣнія, категорически настаивая на радикальныхъ конъектурахъ и не останавливаясь даже передъ такими случаями, гдѣ конъектуры въ свою очередь создаютъ лексикографическія шпіса (ср. напр. *lotilentus*); что касается меня, то я, наоборотъ, скорѣе придерживаюсь консервативнаго отношенія къ рукописной традиціи ¹⁾ или, по крайней мѣрѣ, не иду дальше подозрѣній въ правильности рукописнаго свидѣтельства (ср. *nullus*). Такое разногласіе, конечно, не можетъ быть сведено всецѣло къ вопросу о большей или меньшей строгости филологическихъ пріемовъ, а связано съ болѣе глубокими психологическими свойствами того или другого изслѣдователя, съ направлениемъ его занятій языкомъ, памятниками письменности и т. д. Впрочемъ, ниже, въ концѣ слѣдующаго этюда, я сдѣлаю попытку выяснитъ ближе объективныя причины моего консерватизма.

А. Грушина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Единственный случай, гдѣ Покровский обнаруживалъ болѣе консерватизмъ, чѣмъ я, это—въ оцѣнкѣ формы (изъ *Itala*) *custodiabatur* (Р. 29); впрочемъ, я тутъ произошло недоразумѣніе. Критикъ предполагаетъ что я, „заподозрѣ(аю) это образование на основаніи *custodiebatur* въ Вульгатѣ“ и въ связи съ этимъ замѣчаетъ: „но въдѣ *Itala* и *Vulgata*—разные памятники!“ Болѣе внимательный просмотръ моего контекста (И. 40) выяснилъ бы, какъ далеко я былъ отъ стола грубой ошибки. Какъ бы то ни было, въ настоящее время я самъ считаю гл. *custodiare* вполне вѣроятнымъ.

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Подготовительныя работы по введенію всеобщаго обученія въ Россіи .

А. Ф. Лазурскій. Школьныя характеристики .	1 48
--	---------

Отзывы о книгахъ:

И. П. Ковалевскій. <i>Н. Союзетъ-Шалеръ</i> . Гражданинъ и его отношеніе къ государству	108
А. О. Виреніусъ. <i>Е. П. Зальсова</i> . Учебникъ массажа и шведской гимнастики .	108
Е. В. Фоксъ. <i>Г. Лемеръ</i> . Методическое пособіе къ рѣшенію геометрическихъ задачъ	114
— <i>Christine Zaleska</i> . <i>Rechenbuch für deutsche Schulen</i>	115
О. Д. Жвольсонъ. <i>С. Ковалевскій</i> . Учебникъ физики	118
— Книжныя новости	119

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	101
В. П. Вувескулъ. Г. Ф. Шульдъ (<i>некрологъ</i>)	118

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. Г. Векштремъ. Изъ области этрускологіи. III	85
А. А. Груника. Спорные вопросы изъ области латинскаго языковѣдѣнія	104

Редакторъ Э. Л. Радловъ.

(Вышла 4-го марта).

—*—

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогичи и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки 12 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ 12 р. 75 к., съ пересылкой въ другіе города 14 р. 25 к., за границу—16 р. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ Редакціи находящіяся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902—1907 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію.

При „Журналѣ“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листовъ „Извѣстія по народному образованію“ съ приложеніемъ „Справочной книги по низшему образованію“. „Извѣстія“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „Журнала“, но „Справочная книга“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „Журнала“ изданіе. Цѣна „Извѣстія“ составляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой, за границу—4 р.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именной высочайшій указъ, данный Правительствующему Сенату.	27
II. Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія	—
III. Циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія	50
IV. Опредѣленія основнаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	58
V. Опредѣленія отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. по начальному образованию	60
VI. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованию	64
Списокъ книгъ, рассмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ	—
<u>А. Грушевскій.</u> Изъ харьковскихъ лѣтъ Н. И. Костомарова	233
<u>В. Ф. Миллеръ.</u> Изъ бытій о Добрынѣ и Василіи Казимировичѣ	298
<u>Н. Шанюшиковъ.</u> Ремесло	319
<u>С. А. Шумаковъ.</u> Отголоски помѣстного приказа	330

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

С. К. Буличъ. <i>Всеволодъ Чернышъ.</i> Исторія русской оперы (съ 1674 по 1903 г.). Москва 1905.	377
А. Музыченко. По поводу новой книги проф. Рейна	404
И. М. Булишеръ. <i>Paul Mantoux. La révolution industrielle au XVIII-e siècle.</i> Paris. 1906	417
А. И. Соболевскій. <i>Н. Каринскій.</i> Образцы глаголицы. С.-Пб. 1908	428
Н. П. Бондаковъ. Атласъ исторіи древняго искусства. Составилъ проф. А. А. Павловскій. Одесса. 1907.—А. А. Павловскій. Курсъ исторіи древняго искусства. Одесса. 1906	430
А. В. Марковъ. <i>С. Шамбинаго.</i> Повѣсти о Мамасовомъ побойнѣ. С.-Пб. 1906	433
— Книжныя новости	448

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

А. Ф. Лазурскій. Школьныя характеристики (<i>продолженіе</i>)	121
. Подготовительныя работы по введенію всеобщаго обученія въ Россіи (<i>окончаніе</i>)	168

См. 3-ю страницу обложки.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.
ЧАСТЬ ХІV.

1908.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТОКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.
ЧАСТЬ XIV.

1908.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ,

данный правительствующему сенату.

1. (9-го февраля 1908 года). „Члену совѣта министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительному статскому совѣтнику *Ульянову* — Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть товарищемъ министра народнаго просвѣщенія“.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(4-го февраля 1908 года, № 9). По Казанскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Казанской губерніи *Гусевъ* — съ 1-го іюля 1906 г.; Казанскаго реальнаго училища: преподаватель, исполняющій обязанности инспектора *Алексеевъ* — съ 6-го апрѣля 1907 г. и учитель *Семенинъ* — съ 1-го сентября 1906 г.; наставникъ Кукарской учительской семинаріи *Махлаковъ* — съ 1-го іюля 1907 г.; руководитель работъ Саратовскаго средняго механико- и химико-техническаго училища *Ригтеръ* — съ 15-го іюня 1907 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учителя: Саратовской 1-й гимназіи, *Миндалевъ* — съ 1-го августа 1907 г., Бугурусланской женской гимназіи, *Ундринцевъ* — съ 3-го сентября 1902 г., Казанскаго реальнаго училища: *Забусовъ* — съ 15-го сентября

1906 г., Саратовскаго средняго механико- и химико-техническаго училища *Брунсъ*—съ 1-го сентября 1907 г., и руководитель работъ того же училища, *Калмаковъ*—съ 1-го июля 1907 г.; учителя: Казанскаго промышленнаго училища, *Лаврентьевъ*—съ 29-го июня 1906 г., Казанскаго учительскаго института, *Запольскій*—съ 15-го мая 1907 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: сверхштатный ассистентъ Императорскаго Казанскаго университета при клиникѣ дѣтскихъ болѣзней *Зуевъ*—съ 29-го марта 1907 г.; учителя гимназій: Императорской Казанской 1-й: *Сокольскій*—съ 20-го июня 1906 г., *Розановъ*—съ 1-го августа 1906 г., Казанской 3-й: *Витевскій*—съ 7-го августа 1904 г., *Тимофеевъ*—съ 1-го августа 1906 г., Саратовской 1-й: *Мозеръ*—съ 15-го августа 1906 г., *Евдокимовъ*—съ 1-го августа 1907 г., Самарской женской, княгини А. С. Хованской, *Кобринъ*—съ 16-го сентября 1904 г., реальныхъ училищъ: Казанскаго, *Арбековъ*—съ 1-го августа 1905 г., Самарскаго, *Перкалевъ*—съ 17-го июля 1906 г., Вятскаго: *Смирновъ*—съ 20-го июня 1906 г., *Осткевичъ-Рудницкій*—съ 15-го августа 1906 г.; по Казанскому промышленному училищу: учитель и завѣдывающій учебной частью низшаго строительнаго училища, *Олениковъ*—съ 1-го июля 1903 г., руководитель работъ въ техно-химическихъ мастерскихъ средняго химико-техническаго училища, *Першаковъ*—съ 25-го сентября 1905 г.; учитель Саратовскаго средняго механико- и химико-техническаго училища *Лаговскій*—съ 1-го июля 1906 г.; наставники учительскихъ семинарій: Вольской, *Страховъ*—съ 1-го августа 1905 г., Кузарской, *Коридалинъ*—съ 21-го августа 1907 г.; учитель-инспекторъ Царевкокишайскаго городского трехкласснаго училища *Холоповъ*—съ 1-го августа 1907 г.; учителя городскихъ училищъ: Курмышскаго трехкласснаго, *Самаринъ*—съ 25-го апрѣля 1906 г., Самарскаго 2-го шестикласснаго, *Федоровъ*—съ 10-го сентября 1905 г., Бугурусланскаго четырехкласснаго, *Тураевъ*—съ 16-го сентября 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Вятской гимназій *Мантуровъ*—съ 1-го февраля 1907 г.; изъ титулярныхъ советниковъ въ *коллежские ассессоры*: по Императорскому Казанскому университету: лаборантъ факультетской хирургической клиники, *Енохинъ*—съ 23-го февраля 1903 г., сверхштатный лаборантъ при каюдрѣ прачебной діагностики, *Побѣдимскій*—съ 8-го марта 1905 г.; учителя Самарскаго 2-го городского шестикласснаго училища: *Тепловъ*—съ 1-го августа 1904 г., и *Николаевъ*—съ 20-го ноября 1902 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Саратовской 1-й гимназій, *Широковъ*—съ 11-го сентября

1907 г., Самарского реального училища, *Головинъ* — съ 1-го марта 1906 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные советники*: по Императорскому Казанскому университету: сверхштатный лаборантъ зоотомического кабинета *Державинъ* — съ 31-го мая 1906 г., хранитель минералогического кабинета *Кашинскій* — съ 1-го августа 1907 г.; лаборантъ фармаціи Казанскаго ветеринарнаго института *Жемчужниковъ* — съ 1-го сентября 1905 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Казанскаго реального училища *Павловскій* — съ 23-го сентября 1905 г.; учителя городскихъ училищъ: Цивильскаго трехкласснаго, *Храмцовъ* — съ 1-го августа 1905 г., Самарскаго втораго шестикласснаго, *Пыровъ* — съ 7-го сентября 1900 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: сверхштатный лаборантъ при кафедрѣ фармаціи и фармакологіи Императорскаго Казанскаго университета *Бенингъ* — съ 11-го марта 1907 г.; писмоводитель Казанскаго реального училища *Николаевъ* — съ 16-го февраля 1907 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: почетный смотритель Царевкожшайскаго городского трехкласснаго училища *Булыгинъ* — съ 17-го марта 1907 г.; бухгалтеръ Императорскаго Казанскаго университета *Кутцовъ* — съ 16-го октября 1907 г.; домашній учитель Казанской дирекціи народныхъ училищъ *Алексеевъ* — съ 10-го мая 1902 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго советника*, инспекторъ народныхъ училищъ Казанской губерніи *Струльниковъ* — съ 1-го октября 1902 г.; *коллежскаго ассессора*: ассистентъ факультетской хирургической клиники Императорскаго Казанскаго университета *Боголюбовъ* — съ 8-го мая 1905 г., по степени доктора медицины; учителя гимназій: Саратовской 1-й, *Шифферль* — съ 1-го сентября 1903 г., Симбирской, *Фурнь* — съ 1-го октября 1902 г., Казанскаго реального училища, *Захаровъ* — съ 21-го іюля 1900 г., Вятскаго средняго сельско-хозяйственно-техническаго училища: *Якубъ* — со 2-го сентября 1902 г., *Федоровъ* — съ 6-го сентября 1902 г., Казанскаго промышленнаго училища, *Прошевичъ* — съ 5-го сентября 1900 г., учитель-инспекторъ Елабужской Александровской школы ремесленныхъ учениковъ *Аверкиевъ* — съ 1-го сентября 1900 г.; *титуллярнаго советника*: по Императорскому Казанскому университету: сверхштатный лаборантъ при кафедрѣ гігіены *Орловъ* — съ 10-го іюня 1903 г., ординаторъ факультетской хирургической клиники *Овчинниковъ* — съ 10-го марта 1903 г., сверхштатный помощникъ лаборанта при бактериологическомъ институтѣ *Китаевъ* — съ 1-го февраля 1901 г., всѣ трое — по степени лекаря, лаборантъ при кафедрѣ фармаціи съ фар-

макогнозіей *Горсть*—съ 12-го сентября 1902 г., по степени магистра фармаціи; завѣдывающій Орловской низшей ремесленной школой *Черниковъ*—съ 15-го полбры 1898 г.; учитель-техникъ Елабужской Александровской школы ремесленныхъ учениковъ *Прямухинъ*—съ 25-го октября 1900 г.; *коллежскаго секретаря*: учитель Николаевской женской гимназіи *Федоровъ*—съ 16-го августа 1902 г., по степени кандидата богословія; учителя: городскихъ училищъ: четырехклассныхъ: Казанскаго, *Чесноковъ*—съ 1-го сентября 1899 г., Чистопольскаго, *Сухилъ*—съ 1-го августа 1902 г., Чебоксарскаго, *Болдыревъ*—съ 1-го августа 1903 г., трехклассныхъ: Царевкокшайскаго, *Денисовъ*—съ 1-го августа 1903 г., Нолинскаго, *Клязевъ*—съ 1-го августа 1902 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Императорской 1-й Казанской гимназіи *Борковъ*—съ 24-го іюня 1903 г.; *коллежскаго регистратора*, домашній учитель Казанской дирекціи народныхъ училищъ *Ткаченко*—съ 5-го сентября 1906 г.

(11-го февраля 1908 года, № 10). Назначаются: преподаватели, исполняющіе обязанности инспекторовъ: Рижской Александровской гимназіи, статскій совѣтникъ *Клюевъ* и Елабужскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Богатыревъ* директорами: первый Полтавской гимназіи, а второй—Уржумскаго реальнаго училища; коммерціи совѣтникъ *Лобедевъ*—вновь почетнымъ поочетствомъ С.-Петербургской третьей гимназіи, на три года, съ 15-го декабря 1907 г.

Утверждаются, согласно избранію: надворный совѣтникъ *Бѣловичъ* и потомственные почетные граждане: *Рымаревъ*, *Ельцовъ*, *Чурилинъ* и *Могилевцевъ*—почетными попечителями: Бѣловичъ—Кременчугскаго Александровскаго реальнаго училища, Рымаревъ—Моршанскаго реальнаго училища, Ельцовъ—вновь Благовѣщенской гимназіи, Чурилинъ—Ростовскаго на-Дону средняго механико и химико-техническаго училища и Могилевцевъ—вновь Брянскаго средняго технического училища, всѣ на три года, изъ нихъ послѣдній съ 1-го января 1907 г.; личный почетный гражданинъ *Трифоновъ*—товарищемъ почетнаго попечителя Ростовскаго на-Дону средняго механико и химико-техническаго училища, на три года.

Предоставляется, уволенному отъ службы, по болѣзни, на основаніи ст. 573 уст. служб. прав., директору Николаевской гимназіи, дѣйствительному статскому совѣтнику *Вальку*—носить въ отставкѣ мундиръ, означенной должности присвоенный.

Умершіе исключаются изъ списковъ: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, заслуженный ординарный профессоръ

Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ баронъ *Розенъ*, съ 10-го января; директоръ Саратовскаго средняго механико и химико-техническаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пановъ*, съ 27-го декабря 1907 г.

По Московскому учебному округу. *Производятся* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *станскіе совѣтники*: инспекторы народныхъ училищъ: Московской губерніи, князь *Щетининъ* — съ 1-го апрѣля 1906 г. и *Бонковский* — съ 1-го марта 1906 г., Костромской губерніи, *Ладженскій* — съ 29-го мая 1904 г., Орловской губерніи, *Терновскій* — съ 14-го января 1907 г., Смоленской губерніи, *Хайловъ* — съ 26-го ноября 1906 г., Тверской губерніи, *Лебедевъ* — съ 1-го марта 1906 г.; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища *Шейманъ* — съ 1-го августа 1907 г.; прозекторы Императорскаго Московскаго университета: *Кедровскій* — съ 11-го февраля 1907 г. и докторъ медицины *Орловъ* — съ 5-го июля 1906 г.; преподаватели Императорскаго Московскаго технического училища: *Пафнутаевъ*, *Гетье* и *Григорьевъ*, всѣ трое — съ 1-го сентября 1907 года; преподаватели: Смоленской гимназіи, *Клишкинъ* — съ 24-го марта 1907 г. и Рославльской мужской прогимназіи, *Сырейщиковъ* — съ 20-го октября 1906 г.; штатный учитель Московской 10-й гимназіи *Крыловъ* — съ 30-го сентября 1907 г.; учитель Елоцкой гимназіи *Недачинъ* — съ 11-го февраля 1907 г.; сверхштатный наставникъ Новоторжской учительской семинаріи *Гришинъ* — съ 15-го августа 1907 г.; преподаватель Рыбинскаго механико-техническаго училища дѣйствительнаго статскаго совѣтника Комарова *Четвертининъ* — съ 20-го октября 1905 г.; преподаватель Смоленской гимназіи *Аксеновъ* — съ 1-го декабря 1906 г.; учитель Калужской женской гимназіи *Савельевъ* — съ 27-го мая 1907 г.; учителя: Калужскаго реальнаго училища, *Покровский* — съ 1-го сентября 1906 г., Нижегородской шестиклассной прогимназіи, *Копьевъ* — съ 9-го сентября 1907 г. и гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, *Кусиковъ* — съ 18-го июля 1907 г.; штатный учитель того же института *Бодановъ* — съ 18-го сентября 1907 г.; преподаватели: Костромской гимназіи, *Арбатскій* — съ 15-го сентября 1906 г. и Муромскаго реальнаго училища *Доброводскій* — съ 1-го октября 1906 г.; штатный преподаватель частнаго реальнаго училища К. К. Мазинга въ Москвѣ *Нечаевъ* — съ 1-го августа 1907 г.; учитель Тверской гимназіи *Переслени* — съ 1-го июля 1907 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: исполняющій должность до-

цента Демидовскаго юридическаго лица *Свирицевскій*—съ 1-го марта 1906 г.; инспекторы народныхъ училищъ: Нижегородской губерніи, *Камуновъ*—съ 16-го октября 1906 г., Тульской губерніи: *Львовъ*—съ 1-го ноября 1906 г. и *Сходцевъ*—съ 1-го сентября 1906 г., Орловской губерніи, *Бакулинъ*—съ 1-го сентября 1906 г.; провекторъ Императорскаго Московскаго университета *Крюковъ*—съ 22-го декабря 1904 г.; ассистенты Императорскаго Московскаго университета: *Люткевичъ*—съ 3-го октября 1905 г., *Добротворскій*—съ 16-го февраля 1906 г., *Ивансенъ*—съ 12-го октября 1906 г., *Фейденюльдъ*—съ 6-го февраля 1907 г.; помощникъ директора при институтѣ имени Морозовыхъ для леченія опухолей при Императорскомъ Московскомъ университетѣ *Зыковъ*—съ 30-го декабря 1903 г.; учитель Рязанской 2-й гимназіи *Соболевъ*—съ 16-го сентября 1906 г.; преподаватель Императорскаго Московскаго техническаго училища *Васильевъ*—съ 1-го октября 1906 г.; учителя: Коломенской гимназіи, *Керовъ*—съ 1-го февраля 1907 г., Ливскаго реальнаго училища, *Ивановъ*—съ 15-го сентября 1906 г., Ярославскаго низшаго механико-техническаго училища имени Н. П. Пастухова, *Булочкинъ*—съ 19-го сентября 1906 г. и Костромскаго реальнаго училища, *Поновъ*—съ 1-го августа 1906 года; штатный преподаватель Московскаго учительскаго института *Сидоровъ*—съ 1-го сентября 1906 г.; учителя: Бѣльскаго гимназіи *Ушаковъ* в Орловской 1-й гимназіи, *Семеновскій*, оба—съ 11-го февраля 1907 г.; учитель Сергіевской, въ Сергіевомъ посадѣ, гимназіи *Черниковъ*—съ 24-го сентября 1906 г.; наставникъ Киржачской учительской семинаріи *Рубашкинъ*—съ 21-го августа 1906 г.; учитель Вяземской Императора Александра III гимназіи смоленскаго земства *Смирновъ*—съ 5-го юня 1907 г.; преподаватель Елизаветинской женской гимназіи *Катлькинъ*—съ 1-го августа 1905 г.; сверхштатный преподаватель Рыбинской гимназіи *Водъ*—съ 4-го мая 1906 г.; учитель Кологривскаго сельско-хозяйственно-техническаго училища имени Ѳ. В. Чижова *Николаевъ*—съ 24-го мая 1907 г.; преподаватели: Московскаго промышленнаго училища въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II, *Жуvena*—съ 28-го августа 1907 г. и частной женской гимназіи Алферовой, *Барковъ*—съ 1-го августа 1907 г.; лаборанты Императорскаго Московскаго университета: *Жолтынский*—съ 18-го декабря 1905 г. и *Илькевичъ*—съ 27-го февраля 1906 г.; помощникъ бібліотекаря Императорскаго Московскаго университета, *Лыжевичъ*—съ 25-го января 1907 г.; бывшіе помощники инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго универ-

ситота, нынѣ за штатомъ: *Гарскій* — съ 30-го сентября 1906 г. и *Григорьевъ* — съ 28-го іюня 1906 г.; сверхштатный преподаватель въ гимназическихъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *Силиничъ* — съ 16-го сентября 1907 г.; учителя: Тульской гимназій, *Шитаревъ* — съ 14-го августа 1905 г. и Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, *Аллендорфъ* — съ 20-го августа 1906 г.; штатный преподаватель Московской 6-й гимназій *Кашинъ* — съ 12-го сентября 1907 г.; наставникъ Новоторжской учительской семинаріи *Бодановъ* — съ 1-го сентября 1907 г.; преподаватель Рыбинскаго механико-техническаго училища дѣйствительнаго статскаго совѣтника М. Е. Комарова, *Арсеньевъ* — съ 1-го августа 1905 г.; бібліотекаръ Императорскаго Московскаго техническаго училища *Орловъ* — съ 18-го октября 1907 г.; лаборанты Императорскаго Московскаго техническаго училища: *Церевитиновъ*, *Солонина*, оба — съ 1-го сентября 1907 г. и *Сидоренко* — съ 24-го августа 1907 г.; управляющій аптекою Екатерининской больницы въ Москвѣ, провизоръ *Исаевъ* — съ 1-го октября 1907 г.; воспитатель Петровско-Александровскаго пансіонъ-пріюта московскаго дворянства *Шкляревскій* — съ 4-го мая 1906 г.; руководитель практическихъ работъ школы колористовъ, состоящей при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ *Наиновъ* — съ 1-го іюля 1906 г.; штатный преподаватель Московскаго учительскаго института *Барановъ* — съ 1-го сентября 1906 г.; учителя: Нижегородскаго Кулибинскаго ремесленнаго училища, *Ивановъ* — съ 1-го мая 1907 г. и Богородскаго кожевеннаго ремесленнаго училища, Нижегородской губерніи, *Клюгерманъ* — съ 15-го сентября 1903 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники: завѣдывающій студенческимъ общежитіемъ Императора Николая II при Императорскомъ Московскомъ университетѣ *Числовъ* — съ 22-го марта 1903 г.; прозекторъ Императорскаго Московскаго университета *Карповъ* — съ 20-го сентября 1906 г.; ассистенты того же университета: *Напалковъ* — съ 4-го декабря 1905 г., *Коротневъ* — съ 24-го августа 1904 г., *Ивановъ* — съ 12-го декабря 1905 г., *Кожеевниковъ* — съ 21-го іюня 1904 г., *Гацманъ* — съ 28-го февраля 1906 г., *Зубковъ* — съ 14-го января 1906 г. и *Щелканъ* — съ 7-го августа 1905 г.; учитель Московской 4-й гимназій *Изосевъ* — съ 1-го октября 1906 г.; преподаватель женской гимназій К. К. Алелековой *Нениковъ* — съ 1-го сентября 1906 г.; преподаватель и завѣдующій мастерскими Ярославскаго низшаго механико-техническаго училища имени Пастухова *Воскресенскій* — съ 1-го мая 1907 г.; руководитель практическихъ работъ

николы колористовъ, состоящей при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ *Тагановъ* — съ 16-го сентября 1904 г.; преподаватель Иваново-Вознесенскаго реального училища *Коржинъ* — съ 18-го декабря 1905 г.; учителя Иваново-Вознесенской женской гимназіи: *Комаровъ* — съ 21-го августа 1905 г. и *Смирновъ* — съ 6-го іюля 1905 г.; учитель Костромскаго реального училища *Филатовъ* — съ 1-го октября 1904 г.; штатный преподаватель Московскаго учительскаго института *Шальфеевъ* — съ 15-го августа 1904 г.; учителя: Сергіевской, въ Сергіевскомъ посадѣ, гимназіи, *Колоколовъ* — съ 19-го ноября 1905 г., Рязанской 1-й гимназіи, *Солодовниковъ* — съ 12-го марта 1906 г. и Орловской Алексѣевской гимназіи, *Канъ* — съ 7-го сентября 1904 г.; врачъ при Петровско-Александровскомъ пансіонѣ-пріютѣ московскаго дворянства *Иванцевъ* — съ 27-го марта 1907 г.; преподаватель Смоленскаго Александровскаго реального училища *Ионовъ* — съ 19-го марта 1906 г.; врачъ Галичскаго городского училища, Костромской губерніи, *Бруммеръ* — съ 5-го августа 1894 г.; учитель-инспекторъ Солигаличскаго городского трехкласснаго училища, Костромской губерніи, *Раевскій* — съ 11-го сентября 1906 г.; сверхштатный учитель Московской 2-й гимназіи *Глики* — съ 29-го ноября 1905 г.; постоянный ординаторъ (ассистентъ) Императорской Екатерининской больницы въ Москвѣ *Серебряковъ* — съ 13-го мая 1907 г.; учитель Александровской Серпуховской гимназіи *Геткеръ* — съ 1-го сентября 1905 г.; штатные преподаватели: Усачевско-Чернявскаго женскаго училища, *Саводникъ* — съ 1-го сентября 1905 г., реального училища при реформатской цорквѣ въ Москвѣ, *Бирюковъ* — съ 12-го сентября 1905 г.; сверхштатный учитель реального училища при евангелическо-лютеранской цоркви св. Михайла въ Москвѣ *Лютеръ* — съ 24-го января 1906 г.; почетный смотритель Одоовскаго городского трехкласснаго училища, Тульской губерніи *Герке* — съ 20-го октября 1906 г.; преподаватели: частной женской гимназіи Алферовой, *Новгородцевъ* — съ 21-го сентября 1906 г. и Костромскаго промышленнаго училища имени Ѳ. В. Чицова, *Соколовъ* — съ 1-го іюля 1905 г.; помощникъ прозектора Императорскаго Московскаго университета *Волнѣ* — съ 4-го марта 1906 г.; ассистенты Императорскаго Московскаго университета: *Юдинъ* — съ 18-го апрѣля 1906 г., *Поплатскій* — съ 28-го декабря 1905 г. и *Крашенинниковъ* — со 2-го ноября 1906 г.; лаборанты Императорскаго Московскаго университета: *Кративинъ* — съ 17-го января 1907 г., *Щукаревъ* — съ 21-го февраля 1907 г., *Мактевъ* — съ 29-го января 1907 г.; секретарь правленія Императорскаго Московскаго универси-

тета *Кезельманъ* — со 2-го марта 1907 г.; сверхштатный ординаторъ Императорскаго Московскаго университета *Васильевскій* — съ 13-го ноября 1904 г.; бывший помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета, нынѣ за штатомъ *Федоровъ* — съ 16-го июня 1906 г.; бывший преподаватель Усть-Медвѣдицкаго реальнаго училища, нынѣ помощникъ воспитателя Петровско-Александровскаго пансіона-пріюта московскаго дворянства *Щербаковъ* — съ 8-го августа 1906 г.; учителя: Ростовской Маринской женской гимназіи: *Домбровский* — съ 19-го августа 1907 г. и *Костюковъ* — съ 31-го августа 1906 г.; учитель Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II *Кукаркинъ* — съ 13-го сентября 1905 г.; учителя-инспекторы: 1-го Брянскаго городского училища, *Сычевъ* — съ 1-го января 1907 г. и Карачовскаго городского училища, *Горисовъ* — съ 1-го февраля 1907 г.; учителя Бѣжецкой женской гимназіи: *Державинъ* — съ 4-го октября 1903 г., *Максаковъ* — съ 27-го декабря 1905 г. и *Лисицынъ* — съ 27-го сентября 1907 г., преподаватель Касимовскаго средняго семикласснаго техническаго училища *Линевальдъ* — со 2-го марта 1906 г.; учителя-инспекторы: Вышневолоцкаго городского училища, Тверской губерніи, *Бажановъ* — съ 1-го іюля 1902 г. и Краснохолмскаго городского училища, Тверской губерніи, *Абросимовъ* — съ 29-го октября 1906 г.; учитель-инспекторъ Осташковскаго городского училища, Тверской губерніи, *Субботинъ* — съ 1-го сентября 1906 г.; штатный преподаватель Московской 6-й гимназіи *Бачинскій* — съ 1-го января 1904 г.; сверхштатный преподаватель той же гимназіи *Маницкий* — съ 1-го января 1905 г.; преподаватель Шуйской мужской гимназіи *Пржевальскій* — съ 14-го декабря 1906 г.; учителя: Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища, *Кестмеръ* — съ 23-го августа 1906 г. и Орловскаго Александровскаго реальнаго училища, *Беръ* — съ 11-го октября 1905 г.; учитель-инспекторъ Дмитровскаго городского училища, Московской губерніи, *Мыльниковъ* — съ 1-го сентября 1907 г.; бывший преподаватель Касимовскаго средняго семикласснаго техническаго училища, нынѣ въ отставкѣ *Касимовъ* — съ 9-го ноября 1905 г.; завѣдывающій Романово-Борисоглѣбской низшей ремесленной школой, Ярославской губерніи, *Комаровъ* — съ 22-го іюня 1907 г.; учитель Тульскаго ремесленнаго училища *Гребенщиковъ* — съ 21-го сентября 1906 г.; младшій надзиратель Комиссаровскаго техническаго училища *Сурминъ* — съ 1-го августа 1907 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Костромскаго реальнаго училища *Полянский-Жирковичъ* — съ 1-го ноября 1905 г.; учитель городского при Московскомъ учительскомъ

институтѣ училища *Коротинъ*—съ 15-го августа 1906 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Московскаго реального училища Воскресенскаго *Бодановъ*—съ 30-го апрѣля 1907 г.; учителя Костромской губерніи: Кинешемскаго городского училища, *Ильинскій*—съ 1-го іюля 1906 г. и Кологривскаго городского училища, *Мухинъ*—съ 7-го марта 1905 г.; штатный помощникъ классныхъ наставниковъ Московской 6-й гимназіи *Ашпиль*—съ 26-го мая 1907 г.; учителя: 1-го Смоленскаго городского училища *Листвинъ*—съ 1-го августа 1904 г. и Рославльскаго городского училища, Смоленской губерніи, *Комарницкій*—съ 1-го ноября 1902 г.; учитель-завѣдывающій 2-мъ Брянскимъ городскимъ училищемъ, Орловской губерніи, *Семеновъ*—съ 1-го іюля 1904 г.; учителя городскихъ училищъ: Орловской губерніи: 1-го Брянскаго, *Григорьевъ*—съ 1-го августа 1907 г.; Маловархангельскаго, *Травинскій*—съ 1-го іюля 1903 г., Тверской губерніи: Калынинскаго, *Бредковъ*—съ 1-го сентября 1906 г., Бѣжецкаго, *Полыновъ*—съ 1-го іюля 1905 г., Старинскаго, *Голубевъ*—съ 15-го августа 1906 г., 3-го Московскаго, *Тимофеевичевъ*—съ 21-го августа 1907 г., Гороховецкаго, Владимірской губерніи, *Беркинъ*—съ 1-го ноября 1902 г., Тульскаго 2-го, *Веселовскій*—съ 19-го августа 1907 г.; учителя городскихъ училищъ Ярославской губерніи: Рыбинскаго 2-го, *Вороновъ*—съ 1-го сентября 1907 г. и Ростовскаго, *Рахмановъ*—съ 1-го августа 1907 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Московскаго промышленнаго училища въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II *Маликовъ*—съ 12-го сентября 1907 г.; бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ Орловской 1-й гимназіи; нынѣ въ отставкѣ, *Скоковъ*—съ 24-го сентября 1907 г.; учитель Вязниковскаго низшаго техническаго училища имени Базанова *Сперанскій*—съ 1-го августа 1907 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе *ассессоры*: учитель-инспекторъ Чухломскаго городского трехкласснаго училища, Костромской губерніи, *Градусовъ*—съ 1-го августа 1905 г.; преподаватель школы колористовъ, состоящей при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ *Фаддеевъ*—съ 16-го января 1907 г.; учитель Бѣжецкой женской гимназіи *Гавриловъ*—съ 12-го августа 1905 г.; врачъ Весегонскаго городского училища Тверской губерніи, *Немировский*—съ 24-го октября 1903 г.; писмоводитель и бухгалтеръ Московскаго промышленнаго училища въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II *Постыловъ*—съ 1-го сентября 1907 г.; завѣдывающіе низшими ремесленными школами: Радуговищенскую, Тульскую губерніи, *Макеевъ*—съ 1-го октября 1904 г. и Коломенскую, Москов-

ской губерніи, *Гроховскій*—съ 24-го августа 1902 г.; преподаватель Новоторжской учительской семинаріи *Казанскій*—съ 24-го марта 1903 г.; учителя городскихъ училищъ Костромской губерніи: Кинешемскаго, *Филиновъ*—съ 1-го сентября 1906 г., *Магланинъ*—съ 1-го января 1907 г., Костромскаго, *Горячкинъ*—съ 20-го августа 1906 г., Солигаличскаго, *Роцинъ*—съ 19-го сентября 1902 г. и Чухломскаго, *Калинниковъ*—съ 18-го августа 1906 г.; учителя городскихъ училищъ Смоленской губерніи: Рославльскаго, *Филатовъ*—съ 1-го августа 1904 г., Гжатскаго, *Токаревъ*—съ 1-го января 1899 г. и Юхновскаго, *Хализовскій*—съ 18-го августа 1906 г.; учителя: Живдринскаго Михайловскаго городского училища Калужской губерніи, *Шнейдеръ*—съ 12-го января 1906 г., Нижегородскаго городского четырехкласснаго имени св. князя Владимира училища, *Хриновъ*—съ 3-го іюня 1902 г.; учителя городскихъ училищъ Владимирской губерніи: Иваново-Вознесенскаго, *Соколовъ*—съ 22-го августа 1904 г. и Шуѣйскаго, *Альбицкій*—съ 1-го августа 1903 г., учителя: Каширскаго городского трехкласснаго, Тульской губерніи, училища, *Петровъ*—съ 27-го декабря 1906 г., Касимовскаго, Рязанской губерніи, городского училища, *Морозовъ*—съ 11-го февраля 1906 г.; сверхштатный учитель Дорогобужскаго городского училища, Смоленской губерніи, *Розовъ*—съ 12-го іюня 1907 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Костромской, *Миромоловъ*—съ 11-го апрѣля 1907 г., Ржевской, *Абрамовъ*—съ 30-го октября 1903 г., Московской 1-й, *Изетковъ*—съ 1-го августа 1906 г., реальнаго училища при реформатской церкви въ Москвѣ, *Ситковъ*—съ 18-го августа 1906 г., Московской 10-й гимназій, *Назаровъ*—съ 15-го сентября 1907 г.; учитель приготовительнаго класса Ржевской гимназій *Новицкій*—съ 1-го іюня 1906 г.; бухгалтеръ и казначей Демидовскаго юридическаго лица *Меньшиковъ*—съ 24-го января 1907 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Рыбинской гимназій *Красносельскій*—съ 1-го апрѣля 1906 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные советники: учителя городскихъ училищъ: Вяземскаго, Смоленской губерніи, *Поручиковъ*—съ 1-го октября 1902 г., Владимирскаго, *Черепенинъ*—съ 1-го ноября 1902 г., Тульской губерніи: Каширскаго, *Земфиоровъ*—съ 1-го іюля 1904 г. и Бѣлевскаго, *Осиповъ*—съ 1-го сентября 1905 г., Тверской губерніи: Осташковскаго, *Вороновъ*—съ 1-го августа 1903 г., Корчевскаго, *Кортневъ*—съ 1-го января 1904 г., Краснохолмскаго, *Казанскій*—съ 1-го іюня 1906 г., Ржевскаго, *Угрюмслово*—съ 15-го октября 1903 г., Тверскаго, *Киринъ*—съ 1-го

августа 1903 г., Балахнинскаго, Нижегородской губерніи, *Копыринъ* — съ 19-го января 1902 г., Орловской губерніи: *Сѣвскаго*, *Смирдинъ* — съ 16-го сентября 1904 г., 1-го Брянскаго, *Плотнико́въ* — съ 14-го августа 1905 г., Дмитровскаго, *Дмитріевъ* — съ 30-го ноября 1905 г.; сверхштатный учитель Елецкаго городского училища *Дементьевъ* — съ 1-го сентября 1904 г.; учителя городскихъ училищъ: Веневскаго, Тульской губерніи, *Ченцовъ* — съ 1-го іюля 1904 г., 2-го Брянскаго, Орловской губерніи, *Петровъ* — съ 21-го августа 1904 г., Подольскаго, Московской губерніи, *Дмитріевъ* — съ 1-го января 1904 г., помощники классныхъ наставниковъ: Тульскаго реального училища, *Лабутинъ* — съ 10-го октября 1905 г., Тульской гимназій, *Архангельскій* — съ 18-го августа 1904 г., Рославльскаго мужской прогимназій, *Авоинскій* — съ 1-го августа 1897 г., Иваново-Вознесенскаго реального училища, *Лавровъ* — съ 26-го октября 1904 г., Тверской гимназій, *Пачинскій* — съ 1-го августа 1905 г., частнаго реального училища Мавинга, въ Москвѣ, *Щербаковъ* — съ 1-го января 1906 г.; учитель приготовительнаго класса Муромскаго реального училища *Зарькинъ* — съ 16-го августа 1907 г.; библиотекарь Демидовскаго юридическаго лица *Милославовъ* — съ 26-го февраля 1907 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари: почетный смотритель Бронницкаго городского училища, Московской губерніи, *Зиминъ* — съ 16-го іюля 1907 г.; учитель Юрьевецкаго Города-Миндовскаго училища, Костромской губерніи, *Винокуровъ* — съ 9-го августа 1905 г.; письмоводители: Калязинскаго низшаго механико-техническаго училища, *Прохоровъ* — съ 1-го августа 1906 г. и Коломенской гимназій, *Соколовъ* — съ 16-го ноября 1906 г.; бывший дѣлопроизводитель дирекціи народныхъ училищъ Тверской губерніи, нынѣ въ отставкѣ *Синевъ* — съ 10-го октября 1906 г.; штатный учитель частной женской гимназій Протопоповой *Макаровъ* — съ 16-го сентября 1905 г.; учитель Глуховскаго двухкласснаго училища, Московской губерніи, *Минервинъ* — съ 10-го ноября 1898 г.; помощники учителя: Дмитровскаго городского училища, Московской губерніи, *Королевъ* — съ 1-го октября 1906 г., Тверской губерніи: Краснохолмскаго, *Нашовъ* — съ 15-го августа 1904 г. и Бѣжонскаго, *Ветлицкій* — съ 11-го марта 1905 г., Клинскаго, Московской губерніи, *Курмаевъ* — съ 19-го мая 1907 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари: архитекторъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *Евлановъ* — съ 14-го марта 1904 г.; учителя приходскихъ училищъ: Княшешскаго однокласснаго, Костромской губерніи, *Цетковъ* — съ 1-го іюля 1906 г., Шуйскаго, Влади-

мірской губерніи, *Лекторскій*—съ 1-го мая 1896 г., Тверской губерніи; Бѣжецкаго, *Смирновъ*—съ 1-го августа 1901 г. и Кашинскаго Срѣтенскаго, *Севастьяновъ*—съ 20-го мая 1907 г.; завѣдывающій Николаевскимъ Большесольскимъ двухкласснымъ приходскимъ училищемъ, Костромской губерніи, *Басевъ*—съ 8-го іюня 1907 г.; помощники учителей городскихъ училищъ: Прославскаго 1-го, *Забѣловъ*—съ 1-го августа 1903 г., Муромскаго, Владимірской губерніи, *Всеголовскій*—съ 1-го сентября 1903 г., Чухломскаго, Костромской губерніи, *Соколовъ*—съ 1-го декабря 1904 г., Краснохолмскаго, Тверской губерніи (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Зубковъ*—съ 27-го января 1900 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: почетный смотритель Кашинскаго городского училища Тверской губерніи *Садиковъ*, помощникъ бухгалтера Императорскаго Московскаго университета *Максимовъ*, дѣлопроизводитель канцеляріи Орловской дирекціи народныхъ училищъ *Солнцево*, учителя приходскихъ училищъ: Егорьевскаго, *Печоринъ*, 1-го Орловскаго, *Приличевъ*, 2-го Орловскаго, *Орловъ*, Владимірскаго 3-го, *Титовъ*, сверхштатный учитель казенныхъ начальныхъ училищъ гор. Москвы, *Муравьевъ*, учителя-завѣдывающіе городскими приходскими училищами: 1-мъ Орловскимъ, *Замваловъ*, 2-мъ Орловскимъ, *Рыбинскій*, Мологскимъ, Ярославской губерніи, *Назимовъ*, экономъ пансіона при Калужской Николаевской гимназій, *Васильевъ*, дѣлопроизводитель дирекціи народныхъ училищъ Нижегородской губерніи, *Носовъ*, письменоводителя: Бѣлевскаго реальнаго училища, имени В. А. Жуковскаго, *Иноземцевъ* и бухгалтеръ Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища и школы колористовъ, *Смирновъ*, Мазарьевскаго ремесленнаго училища имени Ф. В. Чижова, *Лашинъ*, учителя: Новосильскаго мужскаго приходскаго училища, Тульской губерніи, *Анциферовъ*, Троицкаго, въ гор. Арзамасѣ, Нижегородской губерніи, приходскаго училища, *Бабайкинъ*, Александровскаго приходскаго въ селѣ Богородскомъ, Горбатовскаго уѣзда, *Штерновъ*, Княгининскаго городского приходскаго, *Колосовъ*, учитель-завѣдывающій 2-мъ Волховскимъ городскимъ приходскимъ училищемъ, Орловской губерніи, *Третьяковскій*, всѣ двадцать три съ 5-го октября 1906 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго советника*, инспекторъ народныхъ училищъ, Смоленской губерніи, *Добровольскій*—съ 1-го марта 1902 г.; *надворнаго советника*: преподаватели Императорскаго Московскаго техническаго училища: инженеръ-механикъ *Чарновскій*—съ 1-го сентября 1907 г., *Мозеръ*—съ 1-го сентября 1907 г., инженеръ-механикъ *Кнорре*—съ 1-го января 1907 г.,

инженеръ-строитель *Прокофьевъ*—съ 1-го января 1907 г. и инженеръ-механикъ *Сушкинъ*—съ 1-го сентября 1906 г.; *коллежскую ассессора*: штатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета *Ивановъ*—съ 29-го марта 1902 г., сверхштатный ассистентъ того же университета *Новиковъ*—съ 31-го мая 1903 г., оба по степени доктора медицины; лаборанты Императорскаго Московскаго техническаго училища: инженеръ-механикъ *Оттъ*—съ 1-го сентября 1907 г., коллежскій секретарь *Арбатскій*—съ 1-го августа 1907 г., инженеръ-технолог: *Суреньяницъ*—съ 18-го апрѣля 1907 г. и *Гандуринъ*—съ 23-го сентября 1906 г., инспекторъ Чухломскаго сельско-хозяйственно-ремесленнаго училища имени Θ . В. Чижова *Либерманъ*—съ 29-го сентября 1902 г., штатный помощникъ прозектора Императорскаго Московскаго университета *Саввинъ*—съ 13-го декабря 1903 г., по степени доктора медицины, учитель-инспекторъ Московскаго городского ремесленнаго училища имени Григорія Шелашутина *Кизилевельтъ*—съ 1-го юля 1903 года, учителя: Калужскаго реальнаго училища, *Пишкэ*—съ 18-го декабря 1902 г., Бѣльскои гимназии, *Юрковъ*—съ 25-го сентября 1902 г., Калужской женской гимназии, коллежскій секретарь *Шалмаиновъ*—съ 21-го декабря 1902 г., Елецкой гимназии, *Токсъ*—съ 29-го апрѣля 1903 г., Костромскаго реальнаго училища: *Гулень*—съ 5-го юля 1903 г., *Ушаковъ*—съ 12-го февраля 1903 г., частной женской гимназии Римской-Корсаковой въ Твери, *Львовъ*—съ 1-го августа 1903 г., Елецкой женской гимназии, *Федюшинъ*—съ 1-го августа 1903 г., Владимірской гимназии, *Николаевъ*—съ 30-го сентября 1903 г. и Ржевской, *Болачевъ*—съ 4-го февраля 1903 г.; учитель-инспекторъ Тверской школы ремесленныхъ учениковъ *Коняевъ*—съ 28-го августа 1901 г.; учителя: Московскаго учительскаго института, *Подтыкаинный*—съ 31-го августа 1900 г., Рязанской 2-й гимназии: *Панкратьевъ*—съ 1-го юля 1903 г. и *Архангельскій*—со 2-го юля 1903 г., реальнаго училища Воскресенскаго въ Москвѣ, *Трейеръ*—съ 18-го февраля 1903 г., Вяземской Императора Александра III гимназии смоленскаго земства: *Пичужкинъ*—съ 16-го сентября 1902 г. и *Смирновъ*—съ 31-го декабря 1905 г., Карачевской прогимназии, *Поновъ*—со 2-го августа 1903 г., Александровской Серпуховской гимназии, *Дубининъ*—съ 15-го октября 1902 г., Московской 5-й гимназии, князь *Грунава*—съ 5-го сентября 1903 г.; сверхштатный учитель Егорьевской гимназии *Макарьевъ*—съ 10-го сентября 1903 г.; преподаватели: Комисаровскаго техническаго училища, *Блювъ*—съ 21-го августа 1903 г., Костромскаго средняго механико-техническаго учи-

лица имени *О. В. Чицова*, *Марковъ*—съ 11-го сентября 1903 г., частной женской гимназій *Алферовой*, *Теръ-Григоріанецъ*—со 2-го августа 1902 г., Брянскаго средняго семикласснаго техническаго училища, *Вандоловскій*—съ 1-го августа 1903 г., Владимірской гимназій, *Смирновъ*, Шуйской мужской гимназій, *Никольскій*, оба—съ 5-го июня 1903 г., Московской 1-й гимназій, *Виноградовъ*, Смоленской 2-й женской гимназій, *Колчинскій*, оба—съ 1-го августа 1902 г., Скопинской женской гимназій, *Поникаровскій*—съ 19-го октября 1902 г., Московскаго 2-го реальнаго училища, *Козминскій*—съ 16-го сентября 1903 г., Скопинскаго реальнаго училища, *Усковъ*—съ 10-го сентября 1903 г., частнаго реальнаго училища *Мазинга* въ Москвѣ (сверхштатный) *Линияковъ*—съ 28-го сентября 1902 г.; наставникъ Рязанской Александровской учительской семинаріи *Лопатинскій*—съ 18-го сентября 1903 г.; руководитель практическихъ работъ Московскаго промышленнаго училища въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II *Залетскій*—съ 30-го октября 1903 г.; *штудлярнаго соотѣтника*: сверхштатные ассистенты Императорскаго Московскаго университета: *Сахаровъ*—съ 3-го декабря 1901 г., *Заведовъ*—съ 16-го января 1902 г., *Вашикевичъ*—съ 31-го октября 1901 г., *Казанскій*—съ 21-го марта 1902 г., штатные помощники прозектора того же университета *Алисовъ*—съ 31-го декабря 1901 г., *Дивинскій*—съ 24-го августа 1902 г., сверхштатные лаборанты того же университета: *Пельгуновъ*—съ 15-го января 1901 г., всѣ семеро—по степени лекаря, коллежскій регистраторъ *Степановъ*—съ 29-го марта 1902 г., по степени магистра фармаціи; врачи: Старикаго городскаго училища Тверской губерніи *Клушанцевъ*—съ 21-го марта 1901 г., Московскаго городскаго ремесленнаго училища имени Григорія Шеллапутина, *Быковскій*—съ 3-го ноября 1903 г. и Песочинской школы ремесленныхъ учениковъ Калужской губерніи, *Барисевичъ*—съ 20-го августа 1903 г., всѣ трое—по степени лекаря; учитель Нижегородскаго Кулибинскаго ремесленнаго училища *Шевелевъ*—съ 1-го сентября 1902 г.; учителя-техники: школы ремесленныхъ учениковъ Нижегородскихъ вѣчно и временно-цеховыхъ, *Александровъ*—съ 1-го июля 1903 г., Арзамасской школы ремесленныхъ учениковъ, *Черноруковъ*—съ 15-го сентября 1903 г.; завѣдывающіе: Рославльскою, Смоленской губерніи, низшею ремесленною, имени М. К. Мухина, школою *Лукинскій*—съ 1-го января 1902 г., низшей ремесленною школою Мининскаго братства въ Нижнемъ-Новгородѣ, *Флеровъ*—съ 3-го февраля 1903 г.; помощникъ преподавателя ручнаго труда при Московскомъ учительскомъ инсти-

туть *Аксеновъ* — съ 7-го сентября 1900 г.; *коллежскаго секретаря*: лекторъ англійскаго языка Императорскаго Московскаго университета *Мюллеръ*—съ 16-го декабря 1905 г., по диплому первой степени Императорскаго университета; сверхштатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета *Линновъ*—съ 14-го марта 1906 г., по званію инженеръ-технолога; архитекторъ Императорскаго технического училища *Монастыревъ*—съ 1-го апрѣля 1907 г., по званію инженеръ-механика; хранитель гербарія Императорскаго Московскаго университета *Крестовичъ*—съ 13-го октября 1905 г., по диплому первой степени Императорскаго университета; учителя: Дмитревскаго городского училища, Орловской губерніи, *Шевцовъ*—съ 14-го августа 1902 г., 1-го Тульскаго, *Бородулинъ*—съ 13-го августа 1902 г., Раненбургскаго трехкласснаго городского училища *Синюминъ*—съ 14-го августа 1902 г., Скопинскаго городского училища, Рязанской губерніи, *Шановаловъ*—съ 1-го іюля 1903 г., Тверскаго городского училища, *Ботомоловъ*—съ 1-го іюля 1903 г., Калязинскаго, Тверской губерніи, *Орловъ*—съ 10-го сентября 1902 г., Сычевскаго городского училища, Смоленской губерніи, *Смирновъ*—съ 14-го августа 1902 г., Рыбинскаго 2-го городского училища, Ярославской губерніи, *Скитаровъ*—съ 1-го августа 1898 г., Ковровскаго городского четырехкласснаго, Владимірской губерніи, *Салиновъ*—съ 14-го августа 1902 г., Тульскаго 2-го городского училища, *Костинъ*—съ 1-го іюля 1903 г., Чернскаго трехкласснаго городского, Тульской губерніи, училища, *Швецовъ*—съ 1-го іюля 1903 г., Новоторжскаго трехкласснаго, Тверской губерніи: *Архангельскій*—съ 1-го сентября 1901 г. и *Ивановъ*—съ 1-го іюля 1903 г.; сверхштатный учитель городского при Московскомъ учительскомъ институтѣ училища *Городецкій*—съ 13-го августа 1902 г., 1-го Московскаго городского училища (сверхштатный), *Аменицкій*—съ 8-го августа 1903 г.; помощникъ воспитателя при пансіонѣ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *Фрязиновъ*—съ 17-го февраля 1903 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Брянскаго средняго семикласснаго технического училища, *Степинъ*—съ 1-го августа 1903 г., Калужской Николаевской гимназіи, *Кривченковъ*—съ 16-го сентября 1903 г., Сергіевской въ Сергіевскомъ посадѣ гимназіи, *Рафѣвъ*—съ 1-го сентября 1902 г., Егорьевской гимназіи, *Шааловичъ*—съ 1-го іюля 1903 г., Рыбинской мужской гимназіи, *Островскій*—съ 1-го октября 1903 г.; *губернскаго секретаря*, штатный учитель приготовительнаго класса реальнаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила въ Москвѣ

Пиллау—съ 1-го сентября 1903 г.; *коллежскаго регистратора*: бывшій помощникъ учителя городского училища, нынѣ учитель Вяземскаго городского училища, Смоленской губерніи, *Ивановъ*—съ 1-го августа 1898 г.; домашній учитель дирекціи народныхъ училищъ, Московской губерніи, *Лизаковъ*—съ 1-го юни 1907 г.; учитель Вельегонскаго приходскаго училища, Тверской губерніи, *Колтыгинъ*—съ 1-го ноября 1902 г. на основаніи ст. 132 уст. служ. прав. изд. 1896 г.; учитель графическихъ искусствъ Болховскаго городского училища, Орловской губерніи, *Трофимовъ*—съ 1-го ноября 1902 г.; учитель рисованія въ пріютѣ Цесаревны Маріи, учрежденномъ въ Москвѣ обществомъ попеченія о дѣтяхъ лицъ, сосланныхъ по судебнымъ приговорамъ въ Сибирь, *Хмельевъ*—съ 5-го октября 1902 г.; помощники учителя: 2-го Брянскаго городского училища, Орловской губерніи, *Гомановичъ*—съ 1-го января 1903 г.; Спасскаго трехкласснаго городского училища, Рязанской губерніи, *Борисовъ*—съ 1-го сентября 1901 г., Касимовскаго трехкласснаго городского училища, Рязанской губерніи, *Александровъ*—съ 1-го января 1903 г., Троице-Сергіевскаго городского училища, Московской губерніи, *Бялининъ*—съ 24-го октября 1901 г., Калязинскаго городского училища, Тверской губерніи, *Зазыкинъ*—съ 1-го ноября 1900 г.

По Кавказскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, въ *коллежскіе регистраторы*, со старшинствомъ, почетный смотритель Кутавскаго городского шестикласснаго училища *Караловъ*—съ 5-го октября 1906 г.

(18-го февраля 1908 года, № 11). *Назначаются*: директоръ Рославльской шестиклассной прогимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ниландеръ* и преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Θεодосійской гимназіи, статскій совѣтникъ *Гамаловъ-Чураевъ*—директорами гимназій: первый—Рославльской, а второй—Вознесенской; директоръ Вознесенской гимназіи, статскій совѣтникъ *Георгиевъ* и преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Уфимскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Морозовъ*—директорами реальныхъ училищъ: первый—Симферопольскаго, а второй—Уральскаго войскового; статскій совѣтникъ *Штибель* и титулярный совѣтникъ *Крымъ*—почетными попечителями: Штибель—С.-Петербургскаго второго реальнаго училища, а Крымъ—Θеодосійскаго учительскаго института, оба на три года, изъ нихъ Штибель съ 1-го декабря 1907 года; преподаватель Томскаго технологическаго института Императора Николая II, горный инженеръ, коллежскій ассессоръ *Доборужинскій*—

исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора того же института, по горному искусству—съ 6-го октября 1907 года.

Утверждаются, согласно избранію: академикъ и ординарный профессоръ Императорской военно-медицинской академіи, совѣщательный членъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительный членъ Императорскаго института экспериментальной медицины, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Павловъ*—ординарнымъ академикомъ Императорской академіи наукъ, по сравнительной анатоміи и физиологіи, съ 1-го декабря 1907 г., съ оставленіемъ его въ занимаемыхъ имъ должностяхъ и академикомъ Императорской военно-медицинской академіи; въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго Двора, статскій совѣтникъ графъ *Уваровъ*, статскій совѣтникъ *Малетинскій* и потомственный почетный гражданинъ *Балинъ*—почетными почитателями гимназій: первый—вновь Бѣльской, второй—Елатомской и послѣдній—Шуйской, всѣ на три года, съ оставленіемъ графа Уварова въ предпріимомъ званіи.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія ординарный профессоръ Екатеринбургскаго высшаго горнаго училища, магистръ минералогіи, статскій совѣтникъ *Лаурскій*—ординарнымъ профессоромъ Томскаго технологическаго института Императора Николая II, по минералогіи, съ 1-го января.

Увольняется отъ службы: за выслугу срока, директоръ Дедеркальской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Каравановъ*; согласно прошеніямъ: директоры: Юрьевской гимназіи Императора Александра I Благословеннаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тихомировъ* и частной шестиклассной прогимназіи Ворпниовской и Пинца, въ гор. Уфѣ, коллежскій ассессоръ *Завьяловъ*, изъ нихъ послѣдній съ 11-го октября 1907 г.

Предоставляется уволенному отъ службы, согласно прошенію, директору народныхъ училищъ Бессарабской губерніи, дѣйствительному статскому совѣтнику *Крылову*—носить въ отставкѣ мундиръ, означенной должности присвоенный.

По С.-Петербургскому учебному округу. *Производятся*: за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: преподаватели гимназій: С.-Петербургской 2-й Императора Александра I: *Земель*—съ 1-го августа 1907 г. и *Ивановъ*—съ 22-го октября 1907 г., Олонекской, *Кириковъ*—съ 1-го сентября 1907 г., Псковской, *Ляпуновъ*—съ 5-го октября 1907 г., С.-Петербургскаго 1-го реальнаго училища, *Тихомировъ*—съ 1-го сентября 1907 г., учи-

лица при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины *Зеберъ*— съ 1-го іюля 1907 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе советники: преподаватели технологическаго института Императора Николая I, *Вареновъ*— съ 1-го сентября 1907 г., гимназій: С.-Петербургской 2-й Императора Александра I, *Гензель*— съ 5-го октября 1907 г., С.-Петербургской окружной, (сверхштатный) *Ковшовъ*— съ 1-го марта 1907 г.; частной Гуревича: *Савицкій*— съ 21-го сентября 1907 г., Олонецкой: (исполняющій обязанности инспектора) *Сертсвъ*— съ 1-го февраля 1907 г., *Солнышковъ*— съ 2-го ноября 1904 г., *Сидоровъ*— съ 1-го іюля 1906 г., реальныхъ училищъ: Гатчинскаго Императора Александра III, *Бароновъ*— съ 1-го августа 1906 г., Царскосельскаго Императора Николая II, *Шнаковскій*— съ 15-го октября 1907 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные советники: преподаватели: гимназій: С.-Петербургскихъ: 1-й: *Соколовъ*— съ 1-го августа 1906 г., *Палатко*— съ 1-го августа 1905 г., 2-й: Императора Александра I, *Глинка*— съ 16-го ноября 1906 г., 8-й: *Яновичъ*— съ 30-го декабря 1904 г., *Поповъ*— съ 1-го іюля 1906 г., Нарвской, *Гиттисъ*— съ 10-го сентября 1906 г., Олонецкой: *Сухановъ*— съ 1-го іюля 1904 г., *Зальковскій*— съ 1-го декабря 1905 г., женскихъ гимназій: С.-Петербургской Покровской, *Садиковъ*— съ 1-го ноября 1906 г., частной Э. П. Шаффе, *Нечаевъ*— съ 5-го сентября 1906 г., училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины: *Ниттъ*— съ 12-го ноября 1906 г., *Виллевалдъ*— съ 1-го іюля 1906 г., реальныхъ училищъ: Вологодскаго Александровскаго, *Беллавинъ*— со 2-го апрѣля 1906 г., *Воскресенскій*— съ 20-го іюня 1906 г., *Брола*— съ 5-го декабря 1906 г., Гатчинскаго, *Мудролюбовъ*— съ 14-го марта 1906 г., Кронштадтскаго: *Левлевъ*— съ 1-го февраля 1906 г., *Камининъ*— съ 1-го августа 1906 г., *Доббертъ*— съ 18-го января 1907 г., Царскосельскаго Императора Николая II, *Бобылевъ*— съ 20-го октября 1906 г., С.-Петербургскаго учительскаго института, *Ройтманъ*— съ 1-го декабря 1898 г.; помощники классныхъ наставниковъ: С.-Петербургской частной гимназій и реального училища Гуревича, *Лазаревъ*— съ 1-го августа 1907 г., Кронштадтскаго реального училища, *Пальниковъ*— съ 1-го августа 1907 г.; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Сольвычегодскаго, *Михайловъ*— съ 1-го іюля 1903 г., Лрснскаго, *Поповъ*— съ 1-го іюля 1906 г., Олонцаго, *Васильевъ*— съ 1-го іюля 1903 г.; учителя городскихъ училищъ: при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ: *Никифоровъ*— съ 18-го сентября 1907 г., (сверхштатный) *Запанковъ*— съ 1-го августа 1907 г., Кадниковскаго, *Чигаревъ*— съ 1-го января

1907 г., Демьянскаго, *Николаевъ*—съ 1-го августа 1907 г., Олонцакаго, *Дружининскій*—съ 10-го декабря 1906 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: преподаватель училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины (сверхштатный) *Феттерлейнъ*—съ 29-го іюля 1907 г.; помощники классныхъ наставниковъ Новгородской гимназіи: *Люблимовъ*—съ 1-го сентября 1906 г. и *Колышкинъ*—съ 15-го октября 1906 г.; врачъ женскаго училища принцессы Терезиі Ольденбургской *Яковлевъ*—съ 5-го февраля 1903 г.; учитель-инспекторъ Устьсысольскаго городского училища *Рейтенбордъ*—съ 1-го іюля 1905 г.; учителя городскихъ училищъ: Сольвычегодскаго, *Стабриковъ*—съ 1-го іюля 1905 г., Новгородскаго 1-го, *Прядильниковъ* (бывшій)—съ 1-го іюля 1907 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные соотъники*: директоръ Архангольскаго низшаго механико-техническаго училища *Пономаревъ*—съ 7-го августа 1900 г.; помощники классныхъ наставниковъ: С.-Петербургскихъ гимназій: 2-й Императора Александра I, *Любославскій*—съ 1-го ноября 1905 г., 3-й, *Гордъевъ*—съ 21-го января 1906 г., училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины *Шлутъ*—съ 1-го сентября 1904 г.; училища: приготовительнаго класса училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины, *Новоуспенскій*—съ 1-го мая 1907 г., Валдайскаго городского училища *Топринъ*—съ 1-го іюля 1905 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, учитель Самсоновскаго городского училища *Шароновъ*—съ 1-го іюля 1902 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: бывшій помощникъ учителя городского училища, нынѣ помощникъ классныхъ наставниковъ Олонцкой гимназіи, *Борисовъ*—съ 1-го октября 1899 г.; бывшіе помощники учителя городского училища, нынѣ учителя городскихъ училищъ: Устьсысольскаго, *Лебедевъ*—съ 1-го іюля 1903 г., Меазенскаго, *Холзаковъ*—съ 1-го сентября 1905 г.; почетные смотрители городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Самсоновскаго, *Фростъ*—съ 3-го февраля 1907 г., Гдовскаго, *Ивановъ*—съ 24-го февраля 1904 г.; дѣлопроизводитель дирекціи народныхъ училищъ Олонцкой губерніи *Поляковъ*—съ 1-го сентября 1907 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: помощникъ экзекутора Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Васильевъ*—съ 25-го іюля 1907 г.; училища: С.-Петербургскаго двухкласснаго приходскаго училища имени Комисарова-Костромскаго *Перхуровъ*, Кронштадтскаго приходскаго училища, *Ивановъ* (Жигаловъ), оба—съ 5-го октября 1906 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: надворнаго совет-

ника: преподавателя технологическаго института Императора Николая I: *Стожаровъ*—съ 1-го мая 1907 г. и *Смоленскій*—съ 20-го сентября 1907 г.; коллежскаго ассессора: преподаватели: С.-Петербургскихъ гимназій: 1-й, *Билибинъ*—съ 1-го сентября 1903 г., 2-й, Императора Александра I, *Лучинскій*—съ 1-го сентября 1902 г., 7-й: *Рубцовъ*—съ 25-го августа 1903 г., *Хлыборадъ* (сверхштатный)—съ 27-го сентября 1903 г., 8-й: *Максименко*—съ 1-го сентября 1903 г., *Трейеръ*—съ 24-го сентября 1902 г., частной гимназій К. Мая, *Гороховъ*—съ 1-го ноября 1903 г., С.-Петербургскаго 3-го реальнаго училища *Яцимирскій*—съ 21-го августа 1903 г. и коллежскій секретарь *Борманъ*—съ 1-го августа 1903 г.; воспитатель пансіона при гимназій Императорскаго человеколюбиваго общества *Можайскій*—съ 1-го августа 1903 г.; коллежскаго секретаря: помощникъ классныхъ наставниковъ Нарвской гимназій, коллежскій регистраторъ *Кусманъ*—съ 19-го августа 1903 г.; преподаватель женскаго училища принцессы Терезіи Ольденбургской *Гинкулъ*—съ 3-го ноября 1903 г., по степени кандидата богословія; учителя городскихъ училищъ: Архангельскаго, *Ефимовъ*—съ 1-го іюля 1903 г., Вологодскаго 1-го, *Соколовъ*—съ 1-го іюля 1903 г., Крестецкаго, *Ивановъ* (Василій Васильевъ)—съ 1-го іюля 1903 г., Боровичскаго, *Ивановъ* (Василій Ивановъ)—съ 1-го августа 1903 г.; Лодейнопольскаго, *Матюевъ*—съ 1-го іюля 1902 г.; бывшіе учителя городскихъ училищъ, нынѣ учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Пудожскаго, *Изотовъ*—съ 1-го февраля 1900 г. и Красноборскаго, *Засолоцкій*—съ 1-го іюля 1902 г.; коллежскаго регистратора, домашніе учителя: *Бабкинъ*—съ 27-го октября 1906 г., *Герасимчукъ*—съ 20-го декабря 1906 г. и *Никитинъ*—съ 10-го іюля 1906 г.

(21-го февраля 1906 года, № 12). Назначается инспекторъ Ельнинской четырехклассной прогимназій, статскій совѣтникъ *Муратовъ*—директоромъ Ельнинской шестиклассной прогимназій.

Утверждается согласно избранію, коллежскій ассессоръ *Ветчининъ*—почетнымъ попечителемъ Елецкой гимназій, на три года.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ ботаники, статскій совѣтникъ *Ротертъ*.

Умершій исключается изъ списковъ, почетный попечитель Елецкой гимназій, коллежскій секретарь *Богушевскій*, съ 31-го іюля 1907 г.

(3-го марта 1908 года, № 14). По Московскому публичному и Румянцовскому музеямъ. Производятся, за выслугу лѣтъ, со стар-

пшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: хранители отдѣленій: изящныхъ искусствъ и классическихкихъ древностей *Щуровъ* — съ 23-го декабря 1907 г. и древностей, магистръ русской исторіи *Готье* — съ 8-го октября 1907 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ, *титულлярнаго совѣтника*, состоящій при музеяхъ, чиновникъ X класса *Голлякъ* — съ 11-го октября 1906 г., по степенн лекаря; *коллежскаго секретаря*: состоящіе при музеяхъ, чиновники X класса: *Ржева* — съ 1-го января 1908 г. и *Истровскій* — съ 20-го іюня 1907 г., оба по диплому 1-й степени Императорскаго университета; *губернскаго секретаря*, состоящій при музеяхъ, чиновникъ X класса *Батюшковъ* — съ 15-го сентября 1907 г., по диплому 2-й степени Императорскаго университета.

Переименовывался въ *губернскіе секретари*, со старшинствомъ, помощникъ хранителя отдѣленія изящныхъ искусствъ и классическихкихъ древностей, прапорщикъ арміи въ отставкѣ, *Арцыбашевъ* — съ 1-го іюля 1907 г.

По управленію учебными заведениями Иркутскаго генералъ-губернаторства. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ коллежскиххъ въ *статскіе совѣтники*: бывшій инспекторъ народныхъ училищъ 2-го района, Иркутской губерніи, нынѣ въ отставкѣ, *Григорьевъ* — съ 14-го сентября 1906 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, инспекторъ народныхъ училищъ, Читинскаго и Акинскаго уѣздовъ, Забайкальской области, *Михлю* — съ 24-го августа 1906 г.; изъ коллежскиххъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ 1-го района, Иркутской губерніи, *Гьяльсъ* — съ 11-го февраля 1904 г.; наставникъ Иркутской учительской семинаріи *Лижнеръ* — съ 16-го декабря 1904 г.; преподаватель Троицкосовской женской графа Муравьева-Амурскаго гимназіи *Воловикъ* — съ 1-го августа 1905 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, врачъ Иркутскаго городского пятикласснаго училища *Рассушимъ* — съ 13-го октября 1900 г.; изъ коллежскиххъ секретарей въ *титულлярные совѣтники*: бывшій учитель городского училища, нынѣ учитель-инспекторъ Киренскаго трехкласснаго городского училища *Погатыревъ* — съ 1-го марта 1900 г.; учитель Читинскаго городского пятикласснаго училища *Рыжовъ* — съ 1-го ноября 1904 г.; изъ губернскаихъ въ *коллежскіе секретари*: бывшій учитель приготовительнаго класса Енисейской прогимназіи, нынѣ учитель-инспекторъ Иркутскаго городского пятикласснаго училища *Китенко* — съ 11-го сентября

1902 г.; дѣлопроизводитель дирекціи народныхъ училищъ Иркутской губерніи *Никоновъ* — съ 1-го октября 1903 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, помощникъ учителя Пижноудинскаго городского трехкласснаго училища *Демьяновскій* — съ 1-го августа 1895 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, бывшій учитель Усть-Кяхтинскаго приходскаго училища, нынѣ помощникъ классныхъ наставниковъ Троицкосавскаго Алексѣевскаго реальнаго училища *Сницынъ* — съ 5-го октября 1906 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ, *коллежскаго ассесора*: учителя: Троицкосавскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, *Барташевъ* — съ 1-го іюля 1903 г., Иркутской учительской семинаріи, *Кажкинъ* — съ 1-го августа 1902 г.; *коллежскаго секретаря*, учитель Иркутскаго городского четырехкласснаго училища *Кутасъ* — съ 26-го іюня 1901 г.

Назначаются: инспекторъ Саратовскаго средняго механико и химико-техническаго училища, надворный совѣтникъ *Манжиковскій* — директоромъ того же училища; привать-доценты Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго: магистръ политической экономіи и статистики *Анциферовъ* и магистръ государственнаго права *Фатѣевъ* и Томскаго, магистръ полицейскаго права *Новомібергскій* — исправляющими должность экстраординарнаго профессора Императорскихъ университетовъ: первые двое — Харьковскаго, а послѣдній — Томскаго, по кафедрамъ: Анциферовъ — политической экономіи и статистики, Фатѣевъ — энциклопедіи и исторіи философіи права и Новомібергскій — полицейскаго права; привать-доцентъ и сверхштатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета, титулярный совѣтникъ *Циновъ* — исправляющимъ должность адъюнктъ-профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, по минералогіи съ геологіею, съ 1-го декабря 1907 г.

Утверждаются, согласно избранію: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ классической филологіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-*Штернъ* — почетнымъ попечителемъ реальнаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Павла, въ Одессѣ, на три года, съ 1-го января, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности; почетный попечитель Жемрянской гимназіи, вишницкій, Подольской губерніи, уѣздный предводитель дворянства, отставной полковникъ графъ *Рейденъ* — почетнымъ попечителемъ Потокской учительской семинаріи, на три года, съ оставленіемъ его въ занимаемыхъ имъ должностяхъ; титулярный совѣтникъ

Шмиттеръ — почетнымъ попечителемъ Золотоношской земской гимназіи, на три года.

Увольняется, согласно прошенію, почетный попечитель Золотоношской земской гимназіи, почетный мировой судья Золотоношскаго уѣзда, статскій совѣтникъ *Лукашевичъ* — отъ первой изъ названныхъ должностей.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, почетный попечитель Нарвской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гамъ*.

Умершій исключается изъ списковъ директоръ Могилевскаго Александровскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лебедевъ*, со 2-го февраля.

III. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

3. (24-го января 1908 года, № 2044). *О практическихъ занятіяхъ по химіи въ VI классѣ реальныхъ училищъ.*

Циркулярнымъ распоряженіемъ министерства народнаго просвѣщенія отъ 30-го іюня 1906 г., за № 12414, въ VI классѣ реальныхъ училищъ положенъ 1 недѣльный часъ для практическихъ занятій по химіи.

Нынѣ министерство, рассмотрѣвъ вопросъ объ организаціи этихъ занятій, признало нужнымъ разъяснить, что

1) для веденія означенныхъ занятій VI классѣ реальныхъ училищъ можетъ, въ зависимости отъ его численности и размѣровъ помѣщенія, быть раздѣленъ на группы по 12—20 учениковъ въ каждой;

2) каждая изъ такихъ группъ должна имѣть по 1 недѣльному часу практическихъ занятій, и

3) за веденіе этихъ занятій по химіи преподаватель долженъ получать вознагражденіе изъ специальныхъ средствъ учебнаго заведенія въ размѣрѣ 70 р. за годовой часъ, посвящаемый занятіямъ съ каждою изъ означенныхъ группъ.

Объ изложенномъ увѣдомляю ваше превосходительство для надлежащихъ распоряженій.

4. (4-го февраля 1908 года, № 3045). *О числѣ уроковъ по временному языку въ V, VI и VII классахъ гимназій, помѣнованныхъ въ п. IV Высочайшаго повелѣнія 20-го іюля 1902 г.*

Согласно примѣч. 1 къ таблицѣ уроковъ въ гимназіяхъ и гимназіяхъ на 1905—1906 и 1906—1907 учебные годы, изложенной

въ циркулярѣ отъ 5-го іюня 1905 г., за № 10974, въ гимназіяхъ, поименованныхъ въ п. IV Высочайшаго повелѣнія 20-го іюля 1902 г., ученики, желающіе изучать греческій языкъ, занимаются имъ въ V классѣ при пяти, въ VI при трехъ и въ VII при четырехъ урокахъ въ недѣлю сверхъ общихъ для всѣхъ учениковъ прочихъ предметовъ.

Такъ какъ, съ одной стороны, факультативное преподаваніе греческаго языка, гдѣ таковое осуществляется, совершается при весьма ограниченномъ числѣ учащихся, изучающихъ при томъ этотъ предметъ добровольно, съ другой, значительное число уроковъ по этому языку увеличиваетъ у учениковъ число послѣобѣденныхъ часовъ занятій, вообще признаваемыхъ псеудобными и обременительными для учащихся, и отбавясть у нихъ охоту къ изученію необязательныхъ предметовъ, то въ министерствѣ народнаго просвѣщенія возникъ вопросъ объ уменьшеніи числа уроковъ греческаго языка въ упомянутыхъ классахъ вышеозначенныхъ гимназій.

Ученый комитетъ министерства, разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, не встрѣтилъ препятствій къ уменьшенію числа уроковъ по греческому языку въ каждомъ изъ трехъ означенныхъ классовъ до 3-хъ.

О такомъ мнѣніи ученаго комитета, утвержденномъ г. министромъ, департаментъ народнаго просвѣщенія увѣдомляетъ ваше превосходительство для соответственныхъ распоряженій.

5. (2-го марта 1908 года, № 5970). *О переводныхъ испытаніяхъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.*

Циркулярнымъ предложеніемъ отъ 15-го марта 1907 г., за № 5825, министерство народнаго просвѣщенія признало необходимымъ, по изложеннымъ въ томъ предложеніи основаніямъ, возстановить прежній порядокъ перевода учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ изъ одного класса въ другой по испытаніямъ, производимымъ въ концѣ учебнаго года. Предоставивъ въ минувшемъ учебномъ году ближайшему усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ какъ рѣшенію вопроса о томъ, въ какихъ классахъ и по какимъ предметамъ должны быть произведены переводныя испытанія, такъ и разработку всѣхъ подробностей производства такихъ испытаній, министерство народнаго просвѣщенія нынѣ, въ виду многочисленныхъ ходатайствъ объ отмініи означенной мѣры, подвергло вопросъ о переводныхъ испытаніяхъ новому разсмотрѣнію и, согласно съ заключеніемъ ученаго комитета, признало безусловно необходимымъ, по соображеніямъ педагогическаго характера, производство испытаній и на будущее время.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, считая полезнымъ для дѣла преподавать педагогическимъ совѣтамъ среднихъ учебныхъ заведеній нѣкоторыя общія руководящія указанія относительно производства переводныхъ испытаній въ текущемъ учебномъ году, предлагаю вышнему превосходительству сообщить названнымъ совѣтамъ для руководства слѣдующія правила:

1. Переводныя испытанія должны быть произведены во всѣхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, за исключеніемъ I и II классовъ, по слѣдующимъ предметамъ:

1. Въ мужскихъ гимназіяхъ (и прогимназіяхъ), поименованныхъ въ п. IV Высочайшаго повелѣнія 20-го Іюля 1902 г. ¹⁾:

а) письменныя:

въ III классѣ—по русскому языку (диктантъ) и арифметикѣ (задача),

въ IV классѣ—по алгебрѣ (задача),

въ V классѣ—по русскому языку (сочиненіе) и французскому языку (диктантъ),

въ VI классѣ—по русскому языку (сочиненіе), алгебрѣ (задача) и нѣмецкому языку,

въ VII классѣ—по русскому языку (сочиненіе), по тригонометріи (задача) и французскому языку;

б) устные:

въ III классѣ—по русскому языку и географіи,

въ IV классѣ—по латинскому языку, исторіи и нѣмецкому языку,

въ V классѣ—по Закону Божию (изъ курса IV и V классовъ—катехизисъ), геометріи, географіи (съ присоединеніемъ изъ курса IV класса обзора Россійской Имперіи по пространствамъ) и французскому языку,

въ VI классѣ—по Закону Божию (изъ курса V и VI классовъ—исторія церкви), русскому языку, латинскому языку, физикѣ и нѣмецкому языку,

въ VII классѣ—по исторіи (изъ курса VI и VII классовъ—новая исторія) и французскому языку.

2. Въ мужскихъ гимназіяхъ, поименованныхъ въ п. III Высочайшаго повелѣнія 20-го Іюля 1902 г. ²⁾:

а) письменныя—тѣ же, что и для гимназій, упомянутыхъ выше, съ соответственными измѣненіями относительно испытаній по новымъ

¹⁾ Въ гимназіяхъ съ однимъ обязательнымъ древнимъ (латинскимъ) языкомъ.

²⁾ Въ С.-Петербургской 3-й, Московской 5-й, Варшавской 4-й, Кіевской 2-й и Курьеской гимназіяхъ.

языкамъ, изъ коихъ обязательно изучается въ этихъ гимназіяхъ лишь одинъ, при чемъ выборъ одного изъ нихъ для учениковъ, обучающихся обоимъ языкамъ, предоставляется педагогическому совѣту;

б) *устнымъ*:

въ III классѣ—по русскому языку и географіи,

въ IV классѣ—по латинскому языку, исторіи и географіи,

въ V классѣ—по Закону Божию (изъ курса IV и V классовъ—катехизисъ), геометріи и одному изъ новыхъ языковъ,

въ VI классѣ—по Закону Божию (изъ курса V и VI классовъ—исторія церкви), русскому языку, физикѣ, латинскому языку и греческому языку,

въ VII классѣ—по исторіи (изъ курса VI и VII классовъ—новая исторія), по одному изъ новыхъ языковъ.

3. Въ мужскихъ гимназіяхъ, поименованныхъ въ п. II Высочайшаго повелѣнія 20-го іюля 1902 года ¹⁾:

а) *письменныя*—тѣ же, что и для гимназій, упомянутыхъ выше,

б) *устныя*:

въ III классѣ—по русскому языку, латинскому языку и географіи,

въ IV классѣ—по греческому языку, исторіи, географіи и одному изъ новыхъ языковъ,

въ V классѣ —

въ VI классѣ —

въ VII классѣ —

(по тѣмъ же предметамъ, по коимъ производятся устные испытанія въ гимназіяхъ, поименованныхъ въ п. 3 Высочайшаго повелѣнія 20-го іюля 1902 года.

4. Въ реальныхъ училищахъ:

а) *письменныя*—въ III, IV и V классахъ—по тѣмъ же предметамъ, по коимъ производится письменныя испытанія въ гимназіяхъ, поименованныхъ въ п. IV Высочайшаго повелѣнія 20-го іюля 1902 года,

б) *устныя*:

въ III классѣ—по русскому языку и географіи,

въ IV классѣ—по исторіи и нѣмецкому языку,

въ V классѣ—по Закону Божию (изъ курса IV и V классовъ—катехизисъ), геометріи, исторіи, географіи и французскому языку.

5. Въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ:

а) *письменныя*:

въ III классѣ—по русскому языку (дистантъ) и ариметикѣ (задача),

¹⁾ Въ гимназіяхъ, въ коихъ сохранились въ силѣ программы и таблицы 1890 г.

въ IV классѣ—по русскому языку (диктантъ) и ариѳметикѣ (задача),

въ V классѣ—по русскому языку (сочиненіе),

въ IV классѣ—по алгебрѣ (задача);

б) *устные*:

въ III классѣ—по исторіи и географіи,

въ VI классѣ—по русскому языку, ариѳметикѣ и исторіи,

въ V классѣ—по Закону Божию (изъ курса IV и V классовъ—катохизисъ), исторіи и естественнѣднію (изъ курса IV и V классовъ),

въ VI классѣ—по Закону Божию и географіи (если сравнительный курсъ географіи изучается въ этомъ классѣ).

II. Указаннымъ въ п. I испытаніямъ, составляющимъ необходимое завершеніе пройденнаго въ теченіе года учебнаго курса, подвергаются всѣ учащіеся даннаго класса, за исключеніемъ тѣхъ, которые, по мнѣнію педагогическаго совѣта, вслѣдствіе своей малоуспѣшности подлежатъ оставленію на повторительный курсъ.

Примѣчаніе. Тѣ изъ учениковъ (ученицъ), которые имѣютъ неудовлетворительныя годовыя отиѣтки по предметамъ испытанія, помѣнованнымъ въ п. I, подвергаются переводнымъ испытаніямъ по симъ предметамъ послѣ лѣтнихъ каникулъ, предъ началомъ новаго учебнаго года.

III. Педагогическимъ совѣтамъ предоставляется назначать какъ переводныя испытанія по предметамъ, не упомянутымъ въ п. I, всѣмъ или нѣкоторымъ ученикамъ (ученицамъ) даннаго класса, такъ и повѣрочныя испытанія тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ неудовлетворительныя годовыя отиѣтки по предметамъ, по коимъ испытаніе не указано въ п. I.

Примѣчаніе. Упомянутыя въ п. III повѣрочныя испытанія также должны быть производимы послѣ лѣтнихъ каникулъ, предъ началомъ новаго учебнаго года.

IV. Устные испытанія производятся по одобреннымъ педагогическими совѣтами программамъ, составленнымъ въ соотвѣтствіи съ утвержденными министерствомъ народнаго просвѣщенія учебными планами.

V. Ученики (ученицы), получившіе при удовлетворительной годовой отиѣткѣ неудовлетворительный баллъ на письменномъ испытаніи по предмету, по которому въ данномъ классѣ не назначено устнаго испытанія, подвергаются изъ этого предмета дополнительному испытанію до каникулъ.

VI. Перевода въ слѣдующіе классы удостоиваются лишь тѣ изъ учащихся, которые какъ на переводныхъ испытаніяхъ, такъ и на повѣрочныхъ и дополнительныхъ испытаніяхъ (пп. III и V), если таковыя были произведены, обнаружили познанія, оцѣненныя отмѣткой не ниже 3 (удовлетворительно), при чемъ общая отмѣтка за письменное и устное испытаніе по предметамъ, по коимъ было произведено то и другое испытаніе, выставляется педагогическимъ совѣтомъ.

VII. Присужденіе наградъ производится педагогическимъ совѣтомъ, согласно съ существующими по этому предмету правилами, на основаніи какъ годовыхъ отмѣтокъ, такъ и тѣхъ, которыя были получены на переводныхъ испытаніяхъ.

VIII. Ближайшему усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ предоставляется устанovitи непредусмотрѣнныя настоящими правилами подробности производства переводныхъ испытаній (составъ испытательныхъ комиссій, порядокъ производства письменныхъ испытаній и т. п.).

IX. Для производства испытаній, указанныхъ въ пп. I, III и V, назначаются три послѣднія недѣли учебнаго года, начиная съ 15-го мая, и одна недѣля предъ началомъ новаго учебнаго года.

6. (11-го марта 1908 года, № 7104). *О переводныхъ испытаніяхъ въ городскихъ училищахъ.*

Циркулярнымъ распоряженіемъ отъ 22-го мая 1906 г., за № 10231, предоставлено было педагогическимъ совѣтамъ городскихъ по положенію 31-го мая 1872 г. училищъ освобождать успѣвающихъ учениковъ этихъ училищъ отъ переводныхъ испытаній съ тѣмъ, чтобы неуспѣвающіе ученики подвергались таковымъ испытаніямъ послѣ лѣтнихъ каникулъ по тѣмъ предметамъ, по коимъ они имѣютъ неудовлетворительныя отмѣтки.

Признавая необходимымъ, въ виду содержащагося въ положеніи о названныхъ училищахъ (ст. 3155 уст. учен. учрежд. и учебн. зав. т. XI ч. I свод. зак., изд. 1893 г.) опредѣленнаго указанія относительно производства въ концѣ каждаго учебнаго года учащимся въ этихъ училищахъ переводныхъ испытаній въ предметахъ пройденнаго курса, возстановити дѣйствовавшій въ этомъ отношеніи до изданія упомянутаго циркулярнаго распоряженія порядокъ, прошу васъ предложить педагогическимъ совѣтамъ городскихъ по положенію 31-го мая 1872 г. училищъ производить всѣмъ учащимся въ этихъ училищахъ въ концѣ каждаго учебнаго года переводныя испытанія на точномъ

основаніи названной статьи закона, а циркулярное распоряженіе министерства отъ 22-го мая 1906 г., за № 10231, считать отмененнымъ.

Къ сему считаю нужнымъ присовокупить, что и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа (учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ), въ коихъ переводныя испытанія установлены закономъ, таковыя должны быть производимы съ соблюденіемъ указанныхъ въ законѣ условій.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— *Вороненкій, А.* Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ I-й. Общій обзоръ земнаго шара и карты Россійской Имперіи. 24-е изданіе, М. М. Гутзаца. С.-Пб. 1908. Стр. 72. Цѣна 45 коп.

— *Матченко, И. П.* Обзоръніе Россійской Имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами. Курсъ V класса. 11-е изданіе. Кіевъ. 1907. Стр. 200. Цѣна 80 коп.

— *Селисковъ, С. П.* Курсъ прямолинейной тригонометріи. Могилевъ н/Дн. 1907. Стр. II+162+4+3 листа чертежей. Цѣна 80 коп.

— *Шальшинъ, А.* Теорія словесности и хрестоматія для среднихъ классовъ. С.-Пб. 1908. Стр. XVI+203+267. Цѣна 1 р. 60 коп., въ перепл. 1 р. 75 коп.

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— *Александровъ, П.* Методы рѣшеній геометрическихъ задачъ на построеніе и сборникъ геометрическихъ задачъ. Изданіе 11-е. М. 1908. Стр. VIII+172. Цѣна 1 р.

— *Верситиновъ, И. А., и Б. О. Каиженскій.* Школьный гер-

барій споровыхъ растеній. Подъ ред. *А. А. Еленкина*. Выпускъ 1. Лишайники (Lichenes). Цѣна 5 р.“ (въ качествѣ класснаго пособія).

— „*Зонненитраль*, *А. А.*, и *А. Н. Яницкій*. Таблицы практическихъ запятій по физикѣ. Подъ ред. *І. І. Косоногова*. Вып. 1. Кіевъ. 1908. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (въ качествѣ пособяательнаго пособія).

— „*Neue Erzählungen (Is. Kurz, H. Stöckl, H. Peiberg und P. Hoegger)*. Erklärt und mit Wörterbüchern versehen von *N. Oerdel* (Band № 6). С.-Пб. 1908. Стр. 153. Цѣна 60 коп. въ перепл.“

— „*Покровский, Н.* Русская хрестоматія. М. 1908. Часть 1. Для приготовительнаго класса. Изданіе 19-е. Стр. 269. Цѣна 50 коп.— Часть II. Для двухъ первыхъ классовъ. Изданіе 17-е. Стр. 426. Цѣна 75 коп.— Часть III. Для третьяго и четвертаго классовъ. Изданіе 15-е. Стр. 453. Цѣна 1 р.“

— „*Пучило, Н. В.*, и *М. М. Лебекина*. Въ родномъ мѣрѣ. Хрестоматія. Часть I. Изданіе «Петербургскаго учебнаго магазина». С.-Пб. 1908. Стр. XIV+377. Цѣна 85 коп.“ (для приготовительныхъ классовъ).

— „*Schölsel, K.* 1) Deutsche Fibel für Elementarschulen in Russland. 12-te Auflage. Verlag von Emil Berndt. Odessa. 1908. Стр. 64. Цѣна въ перепл. 30 коп.— 2) Deutsches Lesebuch für Elementarschulen in Russland. I. Teil. 6-te Auflage. Verlag von Emil Berndt. Odessa. 1908. Стр. 104. Цѣна въ перепл. 40 коп.“ (для учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Александровъ, В.* Основанія аналитической геометріи на плоскости. М. 1908. Стр. 128. Цѣна 70 коп.“ (для реальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Немыцкій, Викт.* Краткій учебникъ зоологіи. Изданіе А. Ф. Девріена. (Учебники, составленные по порученію департамента земледѣлія). С.-Пб. 1908. Стр. XIV+366. Цѣна 1 р. 40 коп.“ (для женскихъ гимназій, учительскихъ институтовъ и семинарій, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Соколовъ, Н.* Элементарная физика. Курсъ женскихъ гимна-

зій. М. 1907. Стр. VIII+416. Цѣна 1 р. 30 коп.“ (для женскихъ гимназій, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

б) въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній:

„*Мельмуновъ, П.* Первые уроки исторіи. Древній Востокъ. Изданіе 8-е, магаз. «Сотрудникъ школь». М. 1907. Стр. XII+274+1 карта. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была тщательно пересмотрѣна въ соотвѣтствіи съ замѣчаніями ученаго комитета).

3. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Вейнбергъ, Б. П.* Твердые тѣла, жидкости и газы. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. (Физика для всѣхъ). М. 1908. Стр. 176. Цѣна 50 коп.“

— „*Вольнолюбовскій, Павелъ.* Въ лѣсу и въ полѣ. Очерки изъ жизни животныхъ и растений. 2-е испр. и доп. изданіе, А. Ф. Девріена. С.-Пб. Стр. VIII+396. Цѣна 2 р. 75 коп.“ (также для выдачи въ награду ученикамъ).

— „*Демковъ, М. И.* Курсъ педагогикѣ. Часть I. Основы педагогикѣ, даванія и методикѣ. М. 1907. Стр. VII+315. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Джудъ, Р.* Электричество и магнетизмъ. Съ разрѣшенія автора перовелъ съ англ. *К. Гудевичъ.* Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. V+366. Цѣна 1 р.“

— „*Желиховская, В. П.* Во имя долга.—Кукла.—Надъ пучиной. Три разсказа. 2-е изданіе, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1907. Стр. 361. Цѣна 3 р. въ переплетъ.“

— „*Желиховская, В. П.* Въ татарскомъ захолустѣ. Повѣсть для юношества. 4-е изданіе, А. Ф. Девріена. С.-Пб. Стр. 196. Цѣна въ перепл. 2 р.“

— „*Желиховская, В. П.* Князь Иликъ, маленькій Кавказскій цѣпчаникъ. Разсказъ для юношества. 5-е изданіе, А. Ф. Девріена. Стр. 231. Цѣна 2 р. въ перепл.“

— „*Желиховская, В. П.* Любовь правдой крѣпка. Повѣсть для

юношества. 4-е изданіе, А. Ф. Девріена С.-Пб. Стр. 275. Цѣна въ перепл. 2 р. 50 коп.“

— „*Желиховская, В. П.* Подруги. Повѣсть для юношества. 2-е изданіе, А. Ф. Девріена. С.-Пб. Стр. 266. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Креплингъ, Карль.* Природа въ комнатѣ. Вечернія бесѣды для юношества. Перевелъ съ нѣм. *И. А. Холодковскій.* 2-е изданіе, А. Ф. Девріена. С.-Пб. Стр. VIII+238. Цѣна 80 коп., въ перепл. 1 р.“

— „*Лермантоуз, В. В.* Методика физики и содержаніе приборовъ въ исправности. II-ой дополнительный выпускъ „Объясненій практическихъ работъ по физикѣ“. Изданіе К. Л. Риккора. С.-Пб. 1907. Стр. 177. Цѣна 1 р. 20 коп.“

— „*Михельсонъ, М. И.* Русская мысль и рѣчь. Свое и чужое. Опытъ русской фразеологіи. Сборникъ образныхъ словъ и присказаній. С.-Пб. Томъ I. Стр. VIII+779. — Томъ II. Стр. 580+250. Цѣна 18 р.“

— „Основные вопросы физики въ элементарномъ изложеніи. Сборникъ статей, составленныхъ кружкомъ преподавателей средней и высшей школы. Книга 1-ая. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. (Книги для современной школы). М. 1908. Стр. IV+573. Цѣна 2 р.“

— „*Полевой, П. Н.* Корень зла. Историческая повѣсть, переделанная для русскаго юношества. 3-е изданіе, А. Ф. Девріена. С.-Пб. Стр. V+240. Цѣна 3 р. 75 коп. въ перепл.“

— „*Постоловъ, С. А.* Въ странѣ свободы и труда. Разсказъ изъ американской жизни. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. Стр. 227. Цѣна 1 р.“

— „*Рабиновичъ, П. I.* Что далъ Менделѣевъ наукѣ и русской промышленности. С.-Пб. 1908. Стр. 20. Цѣна 20 коп.“

— „*Роденъ, Э.* Упрямыца. По нѣмецкому разсказу изъ школьной жизни составила *И. Гассельблатъ.* Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1907. Стр. III+345. Цѣна 3 р. 25 коп. въ перепл.“ (преимущественно для женскихъ учебныхъ заведеній).

— „*Сервантесъ Сааведра, Мигель де.* Остроумно-изобрѣтательный вдалеко Донъ-Кихоть Ламанскій. Полный переводъ съ испанскаго *М. В. Ватсонъ.* Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 1907. Часть I. Стр. XXXII+425.—Часть II. Стр. VII+476. Цѣна за 2 части 3 рубля, на лучшей бумагѣ, съ добавленіемъ 43 хромолитографій на отдѣльныхъ листахъ—7 руб.“ (роскошное изданіе также для выдачи въ награду учащимся).

— „*Ширлеъ, Н. Н.* Руководство къ собиранію и сохраненію насѣкомыхъ. По К. В. Рейли (C. V. Riley). Испр. и доп. подъ ред.

А. И. Яковлева. Изданіе 2-е, А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1908. Стр. IX+154. Цѣна 1 р.*

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ классному употребленію въ нившихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— *„Ванъ-Дейкъ, Г.* Какъ научиться рисовать? Тетради 1—10. Изд. К. Я. Магалифъ. С.-Пб. Цѣна 1 р. (для школь 70 коп.)*

— *„Соколовъ, Лв. Ѡ.* Практическая грамматика церковно-славянскаго языка новаго періода. Изд. 3-е, А. С. Панафидипой. М. 1906. Стр. 136. Цѣна 45 коп.“ (для городск., по Положенію 1872 года, училищъ и учит. семинарій).

— *„Якобсонъ, М. Я.* Учебникъ нѣмецкаго языка. Практическо-теоретическій методъ разговора, письма и чтенія. С.-Пб. Стр. 168. Цѣна 60 коп.“ (для городскихъ училищъ, гдѣ введено преподаваніе нѣмецкаго языка).

б) въ учительскія библіотеки нившихъ учебныхъ заведеній:

— *„Анастасіевъ, А.* Спутникъ учителя. Книжка о главныхъ вопросахъ школьнаго дѣла. Изд. ред. журн. «Народное образованіе». (Школьная библіот., кн. 45). С.-Пб. 1906. Стр. 55.“

— *„Евсеевъ, И. Е.* Методика обученія числописанію. Изд. 3-е, В. В. Думнова. М. 1907. Стр. V+153+37. Цѣна 70 коп.“ (также въ качествѣ учебн. пособія для учит. семинарій и педагог. класс. женск. гимназій).

— *„Евсеевъ, И. Е.* Образцы шрифтовъ круглаго (ronde), готическаго, фрактурнаго, батардъ, славянскаго и друг. (Объяснительный

текстъ и таблицы). 3-е изд., В. В. Думнова. М. 1907. Стр. 12+XVI табл. Цѣна 70 коп.“ (также въ ученич. библ. городск. учил.).

в) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Berté, Эм.* Дѣти лѣсовъ. Приключеніе мальчика, три года бывшаго въ плѣну у орангъ-утановъ. Переводъ съ франц. *Н. Ра-томская*. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. Стр. 239. Цѣна 1 р.“

— „*Бильскій, Л. П.* Вечернія зорьки. М. 1907. Стр. 141. Цѣна 1 руб.“

— „*Бэръ, Полъ.* Въ царствѣ животныхъ. Первые уроки съ дѣтми по зоологіи. 2-е русское изд., обраб. и дополи. *В. Лукьянской*. (Библиот. И. Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества). М. 1908. Стр. 151. Цѣна 60 коп.“

— „Во дни быы. (Бень-Гуръ). Повѣсть изъ первыхъ лѣтъ христіанства. Передѣлано съ англ. *Е. Бекетовой*. (Ben-Nug, by *Lewis Wallace*). Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. 319. Цѣна 1 р.“

— „*Гаршинъ, Ян.* Дѣти крестоносцы. Историч. повѣсть для юношества. 5-е изд., А. Ф. Девріона. С.-Пб. Стр. 88. Цѣна 60 коп.“

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И., и Л. Егоровъ.* Красное солнышко. Первая книга для чтенія. (Библиот. И. Горбунова-Посадова). Изд. 12-е. М. 1906. Стр. 79.“

— „Иностранные народныя поэты въ біографіяхъ и образахъ. Р. Борнсъ, П. Беранже, А. Петѣфи, А. Негри, М. Ковопницкая, Г. Амброзіусъ. Подъ ред. *И. А. Гьлюссони*. 2-е изд. ред. журн. «Юная Россія». М. 1908. Стр. 63. Цѣна 35 коп.“

— „*Кошеа*. Изд. М. Н. Слѣпцовой. («Книжка за книжкой», кн. 148-ая). С.-Пб. Стр. 28. Цѣна 8 коп.“

— „*Крумовъ, А. В.* Свѣтлыя годы. Издатель В. С. Спиридоновъ. (Библиот. маленьк. читателя). М. 1908. Стр. 47. Цѣна 30 коп.“

— „*Ледлау, Дж.* Стрѣлочникъ Лизъ. Изд. М. Н. Слѣпцовой. («Книжка за книжкой», кн. 137-ая). С.-Пб. 1904. Стр. 20. Цѣна 7 коп.“

— „*Лукашевичъ, К.* Изъ жизни. Сборникъ повѣстей и рассказовъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. 357. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для городск. и 2-ккл. сельск. учил.).

— „*Лукашевичъ, К.* Провинился. Игнатиинскій барчукъ. Два разсказа. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. Стр. 71. Цѣна 40 коп.“

- „*Лукашевичъ, К.* Честное слово. Повѣсть. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. Стр. 76. Цѣна 70 коп.“
- „*Майнъ-Ридъ.* Изгнанники въ лѣсу. Романъ. Изд. 3-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. 143. Цѣна 40 коп.“
- „*Майнъ-Ридъ.* Морской разбойникъ. Романъ. Переводъ съ франц. Н. Изд. 3-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. 207. Цѣна 50 коп.“
- „*Макарова, С.* Горомычмы. Историч. рассказъ для дѣтей. Изъ русской жизни. Изд. В. Д. Карчагина. М. 1908. Стр. 96. Цѣна 45 коп.“
- „*Нарская, В.* Швейцарскіе рассказы. Изд. М. Н. Слѣпцовой. («Книжка за книжкой», кн. 135-ая). С.-Пб. 1905. Стр. 32. Цѣна 8 коп.“
- „*Незванова, П. (П. Тицъ).* Федина курочка. Повѣсть для дѣтей. 3-е изд., А. Ф. Девриена. С.-Пб. Стр. 46. Цѣна 30 коп.“
- „*Немировичъ-Данченко, Вас.* Исторія брошеннаго мальчика. Изд. 4-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. 196. Цѣна 85 коп.“
- „*Нечаевъ, А. П.* Очерки изъ жизни и исторіи земли. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Библия для всѣхъ). М. 1908. Работа льда. Стр. 95. Цѣна 35 коп.—Работа рѣкъ и ручьевъ. Стр. 128. Цѣна 40 коп.—Работа подземной воды. Стр. 103. Цѣна 40 коп.—Работа вѣтра. Стр. 67. Цѣна 25 коп.—Великій круговоротъ. Очеркъ строенія земного шара и картины его жизни и исторіи. Стр. 75. Цѣна 25 коп.“
- „*Рейнеке-Лисъ-Хитродумъ.* Передѣлано съ нѣмецъ. *Н. И. Позняковскій.* 2-е изд., А. Ф. Девриена. С.-Пб. Стр. 92. Цѣна 2 р. 25 коп.“
- „Русскіе народныя герои и великіе полководцы. С.-Пб. 1 листъ.“
- „Самородки-нѣвцы народной жизни А. В. Кольцовъ, И. С. Пиктильпъ, Т. Г. Шевченко. Сборникъ избранныхъ стихотвореній съ биографіями и портретами поэтовъ подъ ред. *Д. И. Тихомирова.* Изд. ред. журн. «Юная Россія» (Библиот. для семьи и школы). М. 1907. Стр. 198+II. Цѣна 40 коп.“
- „*Соловьева, П. (Allegro).* Елка. Стихи для дѣтей. Изд. журн. «Тропинка». С.-Пб. Стр. 53. Цѣна 50 коп.“
- „*Сысоевъ, В. М.* Маленькое царство. Повѣсть изъ сельской жизни. 2-е изд., А. Ф. Девриена. С.-Пб. Стр. 117. Цѣна 60 коп.“
- „*Тихоново, Вл.* Боевые товарища человека. Сборникъ рассказовъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. 137. Цѣна 40 коп.“
- „*Чарская, Л. А.* Яркія звѣздочки. Рассказы для дѣтей. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. Стр. 223. Цѣна 25 коп.“
- „*Чебышева-Дмитріева, Е.* Улыбки и слезы. Сборникъ расска-

зовъ для дѣтей. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1907. Стр. 280. Цѣна 1 р.“

— „Чудесныя приключенія барона Мюнхгаузена. Перевела съ нѣм. *О. И. Рогова*. 4-е изд., А. Ф. Доврисна. С.-Пб. Стр. 50. Цѣна 1 р. 75 коп.“

— „*Юрьева, М.* Товарищи дѣтства. Разсказъ для дѣтей. Изд. В. Д. Карчагина. М. 1908. Стр. 39. Цѣна 20 коп.“

— „*Федоровъ-Давыдовъ, А. А.* Богъ на помощь. Разсказы. Изд. ред. журн. «Свѣтлячокъ», «Путеводный огонекъ», «Дѣло и потѣха». М. Стр. 31. Цѣна 25 коп.“ (для нач. нар. учил.).

— „*Федоровъ-Давыдовъ, А. А.* Другъ за друга. Разсказы. Изд. ред. журн. «Свѣтлячокъ», «Путеводный огонекъ», «Дѣло и потѣха». М. Стр. 46.“ (для нач. нар. учил.).

— „*Федоровъ-Давыдовъ, А. А.* Исторія за исторіей. Разсказы, сказки и стихи. Изд. ред. журн. «Свѣтлячокъ», «Путеводный огонекъ», «Дѣло и потѣха». М. Стр. 115. Цѣна 1 р.“ (для нач. нар. учил.).

2. Допустить условно слѣдующія книги:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Коржаниди, П.* Наглядная хрестоматія (съ элементарной русской грамматикой). Часть I. 6-е изд. Тифлисъ. 1907. Стр. 440+VII. Цѣна 70 коп.“ (для городск., по Пол. 1872 г., училищъ, а также для младш. класс. средн. уч. зав., съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе книги было исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „*Морозовъ, А.* Русское правописаніе. Части рѣчи. Изд. А. С. Панафидиной. М. 1907. Стр. 165+II. Цѣна 40 коп.“ (для городск., по Пол. 1872 года, училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Розановъ, Н., и Ив. Сахаровъ.* Добрый путь. Книга для чтенія. Изд. К. Тихомирова. М. 1907. I часть. 3-е испр. и доп. изд. Стр. 284+V. Цѣна 65 коп.—II часть. 3-е испр. изд. Стр. 431+IV. Цѣна 85 коп.“ (съ тѣмъ, что если и 4-е изданіе не будетъ тщательно исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета, то книга будетъ совершенно исключена изъ числа допущенныхъ учебниковъ).

— „*Соха, С.* Русскій букварь для польскихъ дѣтей. Nakład E. Wende i S-ka. Warszawa. 1907. Стр. 105. Цѣна 20 коп.“ (съ тѣмъ,

чтобы при слѣдующемъ изданіи книжки приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: *А. А. Коловъ*. „Строительные материалы. Опытъ руководства для техническихъ-железнодорожныхъ училищъ. Ташкентъ. 1906 г. Цѣна 1 р. 25 к.“ — признать заслуживающей допущенія, въ качествѣ учебнаго пособия, въ среднія и низшія техническія училища по строительной специальности.

— Журналъ „Техническій Вѣстникъ“ за время съ ноября 1906 г. по октябрь 1907 г. — признать заслуживающимъ одобренія для библиотекъ техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: *К. Итолитовъ*. „Домашній телефонъ и телеграфъ. С.-Пб. Цѣна 30 коп.“ — признать заслуживающей допущенія въ учебныя библиотекы высшихъ ремесленныхъ школъ и ремесленныхъ отдѣленій при начальныхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

рассмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

„*Библїица, Ив.* Сборникъ рассказовъ религіозно-нравственныхъ, историческихъ и бытовыхъ. Т. I. М. 1908. Стр. 247. Цѣна 80 коп.“

— „*Волята, А. М.* Объ Арміи. Армія и государство.—Армія и социализмъ.—Армія и милиція.—Армія и политика.—Русская военная сила.—Воинская повинность.—Реформы послѣднихъ лѣтъ.—Что надо улучшить въ арміи. Изд. 2-е, испр. и доп. С.-Пб. 1907. Стр VIII+144. Цѣна 20 коп.“

— „Иностранные народные поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Р. Борнсъ, П. Беранже, А. Петёфи, А. Негри, М. Конопницкая, І. Амбровіусъ. Подъ ред. И. А. Бьлюсова. 2-е изд. ред. журн. „Юная Россія“. М. 1908. Стр. 63. Цѣна 35 коп.“

— „Ледлау. Малолѣтокъ. Изд. М. П. Слѣпцовой. („Книжка за книжкой“, кн. 143-ья). С.-Пб. Стр. 22. Цѣна 5 коп.“

— „На помощь деревнѣ! Дешевая, прочная и огнестойкая постройка изъ глины и хвороста типа помѣщика Н. Г. Невѣровича. Вильна 1902. Стр. 15.“

— „Полная энциклопедія русскаго сельскаго хозяйства и соприкасающихся съ нимъ наукъ. Томъ X. Уайтъ-Ротъ — Яцуръ. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1907. Цѣна 7 руб. 50 коп.“

— „Рабиновичъ, П. І. Что дала Менделѣевъ наукѣ и русской промышленности. С.-Пб. 1908. Стр. 20. Цѣна 20 коп.“

— „Сервантесъ Сааведра, Мигель де. Остроумно-изобрѣтательный идальго Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Полный переводъ съ испанскаго М. В. Ватсонъ. Изд. Ф. Павленкова. С.-Пб. 1907. Часть I. Стр. XXXII + 425.—Часть II. Стр. VII + 476. Цѣна за 2 части 3 руб.“

— „Симоновичъ, А. С. Дѣтскій садъ. Практическое руководство для дѣтскихъ садовницъ. Изд. 3-е, перераб., т-ва И. Д. Сытина. Стр. 303. М. 1907. Съ приложеніемъ альбома рисунковъ работъ (15 пакетовъ въ особой папкѣ). Цѣна 3 руб.“

— „Скитковская икона Божіей Матери. Вильна. Стр. 19. Цѣна 5 коп.“

— „Слимакъ. Изд. М. П. Слѣпцовой. („Книжка за книжкой“, кн. 151-ая). С.-Пб. Стр. 55. Цѣна 15 коп.“

— „Фальборкъ, Г., и В. Чаптомускій. Испытанія на званіе начальнаго учителя (учителя и учительницы: начальныхъ училищъ, инородческихъ начальныхъ училищъ, церковно-приходскихъ школъ; о выдачѣ свидѣтельствъ на званіе учительницы начальныхъ училищъ воспитанницамъ женскихъ гимназій и прогимназій). Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній для экзаменаторовъ и подвергающихся испытаніямъ. 3-е, доп., изд., т-ва И. Д. Сытина. (Библиот. народн. образованія. Отдѣлъ справочный. Изд. неофициальное). М. 1907. Стр. 106. Цѣна 50 коп.“

— „Ширяевъ, Н. Н. Руководство къ собранію и сохраненію насѣкомыхъ. По К. В. Рейли (C. V. Riley). Изд. 2-е, А. Ф. Девріена,

испр. и доп. подъ ред. *А. И. Яковлева*. Спб. 1908. Стр. IX + 154. Цѣна 1 руб.“

— „*Шалеръ, Н. Союзетъ*. Гражданнѣ и его отношеніе къ государству. Переводъ съ англ. подъ ред. *В. В. Лермантова*. Нарва. 1907. Вып. I. Стр. 104.—Вып. II. Стр. (105—227). Цѣна каждаго вып. 75 коп.“

ИЗЪ ХАРЬКОВСКИХЪ ЛѢТЪ Н. И. КОСТОМАРОВА.

I.

Годы студенчества.

„Въ то время Харьковскій университетъ былъ въ большомъ упадкѣ. Профессорскія кафедры занимались отчасти людьми бездарными, отчасти же хотя и талантливыми, какимъ былъ, напримѣръ, Кронебергъ, но лѣнливыми“—такую рѣзкою характеристикою резюмируетъ Костомаровъ воспоминанія о своемъ студенчествѣ (1833—1836 гг.)¹⁾. Новѣйшій историкъ Харьковскаго университета, детально разбирая дѣятельность отдѣльныхъ профессоровъ, сопоставляя ихъ ученые труды съ различными воспоминаніями и отзывами студентовъ и современниковъ, приходитъ въ сущности къ такому же неутѣшительному выводу, хотя и не выражается такъ рѣзко. Въ концѣ такого обзорѣнія научныхъ силъ Харьковскаго университета, Д. И. Багалѣй перечисляетъ по факультетамъ наиболѣе выдающихся профессоровъ (времени съ 1815 по 1835 гг.), и на долю словеснаго факультета приходятся Успенскій, Кронебергъ и Дорнъ²⁾: студенту Костомарову изъ этой тройки могъ бы быть полезенъ только Кронебергъ, профессоръ латинской словесности³⁾ (Г. П. Успенскаго—по кафедрѣ русской

¹⁾ Автобіографія („Литературное Наслѣдіе“ с. 19—20), ср. Автобіографія (Русская Мысль 1885. V. 200: „тутъ я поступилъ на историко-филологическій факультетъ, который тогда еле держался“...).

²⁾ *Багалѣй, Опытъ исторіи Харьковскаго университета т. II (1815—1835), стр. 730.*

³⁾ О Кронебергѣ—у Багалѣй стр. 603—605 (отзывы) и стр. 681—687 (объ ученыхъ трудахъ). Воспоминанія Костомарова о профессорахъ см. Автобіографія (Литературное Наслѣдіе) стр. 20—22 и Автобіографія (Русская Мысль) стр. 200 (характеристики Якимова, Гулака-Артемовскаго, Циха, Маурера, Шахи-де-Савиньи, Кронеберга, Сокальскаго).

исторіи, географіи и статистики — Костомаровъ уже не всталъ, а талантливый Дорнъ при всѣхъ своихъ способностяхъ едва ли могъ вообще имѣть большое вліяніе на студентовъ, читая по латыни восточные языки). Даровитость Кронеберга отвѣчаетъ и Костомаровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ своего профессора „замѣчательно лѣнливымъ“¹⁾.

Быдѣлясть Костомаровъ изъ тогдашняго факультетскаго круга двухъ профессоровъ, перешедшихъ въ Харьковъ уже подъ конецъ его студентства,—Лунина по всеобщей исторіи и Валицкаго по греческой словесности. Лунинъ — вспоминаетъ Костомаровъ — „былъ безспорно одинъ изъ лучшихъ преподавателей всеобщей исторіи, какіе когда-либо являлись въ нашихъ университетахъ. Онъ былъ вооруженъ всею современною ученостію, получивъ ее въ германскихъ университетахъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ слушалъ лекціи. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ одаренъ счастливымъ даромъ слова; грудь у него была слабая, голосъ не громкій, дикція монотонная и какъ будто жеманная; но эти недостатки выкупались богатствомъ содержанія и критическимъ направленіемъ, къ которому онъ умѣлъ расположить влеченіе своихъ слушателей. Его лекціи по древней исторіи, и преимущественно Востока, и по средней исторіи, особенно лекціи о распространеніи христіанства и борьбѣ его съ язычествомъ, были столь же глубокомысленны, какъ и увлекательны. Исторію новыхъ вѣвовъ читалъ онъ слабѣе и, какъ кажется, самъ менѣе ею занимался. Вообще лекціи этого профессора оказали на меня громадное вліяніе и произвели въ моей духовной жизни рѣшительный поворотъ: я полюбилъ исторію болѣе всего и съ тѣхъ поръ съ жаромъ придался чтенію и изученію историческихъ книгъ“²⁾.... Подобнымъ же образомъ отзывается и Де-Пуле изъ своихъ воспоминаній о Харьковскомъ университетѣ того времени. „Звѣздами первой величины на небосклонѣ Харьковскаго университета были тогда два профессора словеснаго факультета, Лунинъ и Валицкій, оба вышедшіе изъ профессорскаго инсти-

¹⁾ Автобіографіи (Литературное Наслѣдіе) стр. 20 и Автобіографія (Русская Мысль) стр. 200 („замѣчательно ученый и даровитый, но замѣчательно лѣнливый“).

²⁾ Автобіографіи (Литературное Наслѣдіе) стр. 22. Автобіографія (Русская Мысль) стр. 206. „Лунинъ—безспорно одинъ изъ лучшихъ и достойнѣйшихъ русскихъ профессоровъ того времени“. В. П. Бузескулъ. „Профессоръ М. М. Лунинъ“ *Журн. Мил. Нар. Просв.*, 1905. II. 321—374 (отзывы о Лунинѣ—стр. 322). Воспоминанія М. П. Де-Пуле, Харьковскій университетъ и Д. Н. Каченовскій, *Вѣстн. Европы* 1874. I, стр. 88—91.

туда [при Дерптскомъ университетѣ] и докончившіе свое учное образованіе за границей [Лунинъ въ Берлинѣ]... Лунинъ принадлежалъ къ школѣ живописцевъ-историковъ, возникшей подъ вліяніемъ романовъ Вальтеръ-Скоттъ, котораго онъ называлъ «Албостворскимъ чиродѣемъ» и котораго, кажется, принималъ за образецъ при изображеніи феодальной жизни и рыцарства, блистательнѣйшіи изъ его лекцій, на которыя собирались толпы слушателей"... На ряду съ обявіемъ даровитости и обширныхъ знаній въ своей спеціальности, Лунинъ вліялъ на студенчество чарующею чистотою нравственнаго облика, далекаго отъ всякаго рода матеріализма, а тѣмъ болѣе—далекаго отъ тогдашняго университетскаго зла—„пансіонерства“. „Своимъ образомъ жизни, своею пуританскою честностію и обширною учностію Лунинъ поражалъ студентовъ и имѣлъ на нихъ громадное вліяніе; мы говоримъ о студентахъ всѣхъ факультетовъ, для которыхъ этотъ ученый казался идеаломъ профессора, тѣмъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ“. Такимъ образомъ и эти воспоминанія свидѣтельствуютъ о громадномъ вліяніи Лунина, какъ профессора, на слушателей-студентовъ.

Много лѣтъ спустя по смерти Лунина—въ наши дни—современный представитель этой науки въ Харьковскомъ университетѣ В. П. Бузескулъ на основаніи сохранившихся початныхъ работъ и отрывковъ курса пробуетъ возсоздать ученый обликъ своего давно умершаго предшественника. Вполнѣ соглашаясь съ показаніями о научномъ вліяніи профессора на студентовъ, съ свидѣтельствами объ умѣнніи ярко и живононо возсоздавать предъ аудиторією минувшіи судьбы народовъ, проф. Бузескулъ умѣряетъ за то значеніе Лунина, какъ самостоятельнаго изслѣдователя и ученаго, подчеркивая его близкое слѣдованіе писателямъ и изслѣдователямъ, служившимъ ему, Лунину, въ качествѣ пособій. Отмѣчая, какъ базисъ учености Лунина, нѣмецкую историческую науку того времени, выясняя здѣсь слѣды гегелевскаго міросозерцанія, проф. Бузескулъ приводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сопоставленія текста курсовъ Лунина съ соответствующими мѣстами Гизо, указывающія на усвоеніе взглядовъ французскаго историка. Вотъ одинъ изъ приведенныхъ проф. Бузескуломъ отрывковъ изъ научнаго наслѣдія Лунина, отрывокъ интересный какъ по выраженію здѣсь воззрѣнію, такъ и по манерѣ письма¹⁾. „По нашему мнѣнію—отвѣчаетъ Лунинъ на вопросъ: „что входитъ въ объемъ истинной и полной исторіи?“—исторія проникаетъ все, и мраморъ, и

¹⁾ Въ статьѣ проф. Бузескула стр. 367—368.

холстъ, и пергаментъ, и шёлкъ, и домашнюю утварь: ея отголосокъ слышенъ и въ тысячелѣтнихъ сводахъ рыцарскаго замка, и въ развалинахъ древняго аббатства, и въ гордыхъ стѣнахъ великолѣпнаго ратсгауза; она говоритъ намъ и въ обломкахъ древней колонны, и въ торсѣ Бельведерскаго Геркулеса, и въ застольномъ кубкѣ феодальнаго владѣльца; она отражается и въ картинахъ Джіотто и Альбрехта Дюрера, и въ убогой одеждѣ смиреннаго пилигрима, и въ тяжелыхъ латахъ крестоваго воина: она, такъ сказать, пѣтается этою живительною атмосферою, и въ ней то историкъ долженъ отыскивать идею каждой эпохи, преслѣдовать ее и освобождать ее отъ разнородныхъ частей; однимъ словомъ: внѣшнія формы жизни каждаго челоувѣчества, каждаго вѣка суть только выразительница одной общей идеи, которая обуславливаетъ эту жизнь и безъ знакомства съ этими внѣшними явленіями мы никогда не будемъ въ состояніи постигнуть ихъ творческаго первообраза¹⁾.

Если вспомнить теперь, что по свидѣтельству слушателей Лунинъ умѣлъ сочетать яркость и рельефность изложенія съ научною содержательностью, если припомнить теперь, какъ заботливо выяснялъ Лунинъ внутренній смыслъ событій, „идею каждой эпохи“²⁾,—то станетъ понятнымъ, чѣмъ именно въ выработкѣ историческаго міросозерцанія помогъ Костомарову Лунинъ, произведшій „рѣшительный поворотъ въ духовной жизни“ слушателя-студента, по собственному признанію этого послѣдняго.

Вспоминая съ сердечною симпатіею о профессорѣ всеобщей исторіи, Костомаровъ совершенно иначе отзывался о Артемовскомъ-Гулакѣ, преподавателѣ русской исторіи: въ этой области менѣе поспѣшавилось будущему историкъ. „Болтушъ и фразеръ“, отличавшійся въ своихъ лекціяхъ „пустымъ риторствомъ и напыщенностью“,

¹⁾ Отмѣтимъ здѣсь, что Лунинъ оцѣнилъ значеніе диссертациі Костомарова о народной поэзіи, не смотря на всю новизну темы для тогдашняго историческаго міросозерцанія—Автобіографія (Русская Мысль, стр. 206: „за меня особенно заступился преподаватель всеобщей исторіи Лунинъ... Послѣ того Лунинъ хлопоталъ о посылкѣ меня на границу для подготовленія на кафедру новой всеобщей исторіи“...) в Автобіографіи (Литературное Наслѣдіе стр. 45: „по поводу ея [диссертациі] я сошелся съ профессоромъ Лунинымъ... диссертациія ему особенно понравилась и онъ вполнѣ сочувствовалъ моей мысли о введеніи народнаго элемента въ науку. Какъ человѣкъ съ европейскимъ образованіемъ, онъ способенъ былъ смотреть шире другихъ ученыхъ мужей стараго зачала“...).

²⁾ См. отрывки въ статьѣ Бузескула—стр. 330—331, 339—342, 353.

Артемовскій — по замѣчанію Костомарова — „вѣрный старымъ предразсудкамъ, не понималъ, что исторія, какъ наука, обязана заниматься болѣе народною жизнью, чѣмъ вышними событіями“¹⁾. Конечно, это очень рѣзкій отзывъ, но если, сопоставляя его съ другими воспоминаніями, учесть у другихъ слушателей интересъ къ такому именно напыщенному цвѣстистому способу рѣчи, то всѣ эти отзывы сойдутся на одинаковой оцѣнкѣ учености профессора и лекцій. Историкъ Харьковскаго университета проф. Багалъйй тоже соглашается съ этими отзывами²⁾, и попытка заподозрить объективность Костомаровской характеристики остается одинокою³⁾.

Нѣсколько детально въ выступить ученый обликъ Артемовскаго въ воспоминаніяхъ Де-Пуле⁴⁾. „Артемовскій читалъ русскую исторію по Карамзину, но самъ ровно ничего не сдѣлалъ для этой науки. Обыкновенно—большую половину перваго года читалъ онъ объ источникахъ своей науки, которые всю жизнь собиралъ (а когда то и очень тщательно выбиралъ изъ початыхъ книгъ и журналовъ, русскихъ и польскихъ); затѣмъ чтеніе продолжалось по Карамзину и Устрялову (курсъ былъ 2-хъ-лѣтній). Студенты ничего не записывали, да и нечего было записать изъ шумихи фразъ и ничтожнѣйшей болтовни... Готовились къ экзамену обыкновенно по учебнику Устрялова“. Вѣрный всецѣло авторитету безсмертнаго Карамзина, Артемовскій всегда отиѣчалъ дерзость „какого-нибудь купца и прошлеца“, осмѣливавшагося критиковать „нашего безсмертнаго историографа“. „Правительственно-официальный“, по выраженію другого слушателя и очевидца, Артемовскій всецѣло придерживался возрѣвній схемъ троицы — „православія, самодержавія и народности“ — и совершенно игнорировалъ новыя вѣянія въ области историографіи. Луничъ безъ стѣсненія, по замѣчанію Де-Пуле, совѣтовалъ Артемовскому освѣжить свой научный багажъ, напоминалъ о лѣтонисяхъ и новыхъ взглядахъ Полевого, отъ котораго такъ отрицивался всегда Артемовскій. Сопо-

¹⁾ Автобіографія (Русская Мысль) стр. 200. Автобіографія (Литературное Наслѣдіе) 20. 42.

²⁾ Багалъйй, Опыт... II, с. 577. 596—598.

³⁾ См. біографію Костомарова въ книгѣ „Историческая записка о дѣятельности Императорскаго Московскаго Археологическаго общества. 1890“, с. 96.

⁴⁾ Де-Пуле, Вѣстникъ Европы 1874. I. 83—85, 91, ср. также въ статьѣ В. Срезневскаго „Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности И. И. Срезневскаго“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1898. I) стр. 24—25 (отзывъ Чирикова), 28, 32 (отношеніе къ диссертациі Срезневскаго).

ставляя всё эти отзывы и указанія, легко подмѣтить, что если и правда—какъ говорилъ самъ о себѣ Артемовскій,—что Артемовскому юношѣ внимали старцы, то уже Костомарову-студенту вѣчему было выучиться у Артемовскаго-профессора. Такимъ образомъ, если вообще съ методомъ историческаго изученія, съ приемами научнаго изложенія исторической науки могъ знакомиться даровитый студентъ у талантливаго профессора Лунина, то для будущей своей специальности—русской исторіи Костомаровъ не имѣлъ въ университетѣ полезнаго наставника и руководителя: такимъ руководителемъ не могъ быть „высокопарный Артемовскій, жаловавшійся предъ студентами, что никакъ не можетъ разогнать цвѣтами краснорѣчія скуку удѣльнаго періода“¹⁾).

Очень интересно было бы знать, какъ восполнялъ Костомаровъ самостоятельнымъ научнымъ чтеніемъ недостаточный запасъ вынесенныхъ изъ университета историческихъ знаній. Однако на это нѣтъ прямыхъ указаній, и автобіографія, подробно останавливающаяся, напримѣръ, на впечатлѣніяхъ отъ поэмъ Гюгера, не отмѣчаетъ, какимъ путемъ дополнялъ будущій ученый свои историческія познанія, не отмѣчаетъ заинтересовавшихся и повлиявшихъ на него сочиненій изъ области русской или западно-европейской исторіографіи. Такимъ образомъ приходится ограничиться лишь суммарною замѣткою автобіографіи относительно впечатлѣній отъ историческаго чтенія: „исторія сдѣлалась для меня любимымъ до страсти предметомъ: я читалъ много всякаго рода историческихъ книгъ, вдумывался въ науку и пришелъ къ такому вопросу: отчего это во всѣхъ исторіяхъ толкуютъ о выдающихся государственныхъ дѣятеляхъ, иногда о законахъ и учрежденіяхъ, но какъ-будто пренебрегаютъ жизнью народнои массы? Бѣдный мужикъ земледѣлецъ-труженикъ какъ-будто не существуетъ для исторіи; отчего исторія не говоритъ намъ ничего о его бытѣ, о

¹⁾ „Среди всеобщаго корыстолюбія, невѣжества и холодности къ наукѣ—суммируетъ Костомаровъ свои университетскія воспоминанія—только кафедра всеобщей исторіи, занимаемая проф. Луппинымъ, бесспорно однихъ изъ лучшихъ преподавателей въ дѣтислѣхъ нашихъ университетовъ, составила блестящее исключеніе. Н. Н. Костомаровъ (авторъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ) до сихъ поръ съ любовью и благодарностью вспоминаетъ объ этомъ достойномъ и почтенномъ профессорѣ, къ сожалѣнію, давно уже умершемъ, и сознается, что если бы не было въ университетѣ Лунина, то время, проведенное въ званіи студента, надобно было бы считать потеряннымъ“. Автобіографическая записка Костомарова 1860 г., напечатанная въ „Русскомъ Художественномъ Листкѣ“ и перепечатанная въ „Русской Старинѣ“ 1891. II, стр. 486.

его духовной жизни, о его чувствованіяхъ, способѣ его радостей и печалей? Скоро я пришелъ къ убѣжденію, что исторію пужно изучать не только по мертвымъ лѣтописямъ и запискамъ, а и въ живомъ народѣ... Это раннее недоумѣніе относительно односторонности историческихъ изысканій и изученій уже намѣчаетъ будущія особенности научныхъ интересовъ историка¹⁾. Годы ученичества кончались, наступала пора самостоятельной научной работы и вдумчивой выработки историческаго міросозерцанія.

II.

Этнографическія увлеченія.

Всматриваясь въ далекую молодость, въ процессъ развитія своего историческаго міросозерцанія, Костомаровъ не всегда оказывается въ состояніи установить ясный переходъ взглядовъ и настроеній. Такъ, говоря въ своей автобіографіи о началѣ самостоятельныхъ историческихъ изысканій и этнографическихъ наблюденій, Костомаровъ не отдѣляетъ научнаго взгляда на народъ, какъ главный дѣятель минувшаго, отъ этнографическихъ интересовъ къ современному народному быту, современнымъ взглядамъ и настроеніямъ народнаго быта. Что ранѣе было сознано,—необходимость введенія въ кругъ историческихъ изысканій народной жизни, какъ главнаго и основнаго содержанія, или же глубокий интересъ современнаго народнаго быта, какъ своеобразнаго мірка, полнаго чарующей прелести народныхъ пѣсенъ и преданій? Въ дальнѣйшемъ теченіи, конечно, то и другое стремленіе росло и крѣпли рядомъ, одно съ другимъ, но гдѣ былъ исходный моментъ,—на это нѣтъ яснаго отвѣта въ автобіографіи.

Въ краткой запискѣ о жизни и научныхъ трудахъ Костомаровъ замѣчаетъ мимоходомъ, что „такъ какъ народъ, посреди котораго онъ жилъ, были малороссіяне, то онъ полюбилъ и малороссійскую народность и ея языкъ, такъ что сталъ писать на этомъ языкѣ“²⁾. Это—сухая, официальная замѣтка, но она указываетъ на важный исходный моментъ: Костомаровъ съ ранняго дѣтства находился подъ вліяніемъ украинской народной стихіи, видѣлъ народный бытъ и слышалъ живую народную рѣчь³⁾. Однако въ юности Костомаровъ

¹⁾ Автобіографіи (Литературное Наслѣдіе) стр. 28.

²⁾ Біографическій словарь профессоровъ Имп. Университета Св. Владиміра стр. 285.

³⁾ Ср. Пынинъ. Исторія русской этнографіи III. 152.

недостаточно владѣлъ живою украинскою рѣчью, а „обыденный мало-россійскій языкъ, слышанный въ деревнѣ“, оказался недостаточнымъ для изученія украинской литературы. Еще въ дѣтствѣ, при отцѣ—вспоминаетъ Костомаровъ—вздумалъ было читать „Энеиду“, но бросилъ, мало понимая (фабулу или языкъ?). Когда позднѣе принялся Костомаровъ за чтеніе сочиненій Квитки, то не могъ понять разсказа „Салдацкій патрет“ и долженъ былъ обратиться за разъясненіями къ знакомымъ украинцамъ и къ своему слугѣ, юношѣ-украинцу. Упомянемъ также, что тѣ же знакомые украинцы подсмѣивались надъ произношеніемъ Костомарова, слыша изъ его устъ украинскія народныя пѣсни ¹⁾).

Тенерь, когда рядомъ съ сознаниемъ важности изученія бывлыхъ судебъ народа явился горячій интересъ къ современной жизни народной массы, Костомаровъ ревностно занимается изученіемъ языка украинскаго—изъ устъ народа и въ литературѣ, интересуется народными пѣснями, народнымъ бытомъ. Стремленіе было искренне и глубоко, а энергія велика. Сознывая себя „бѣднымъ неопитомъ“ въ украинскомъ языкѣ ²⁾, Костомаровъ неутомимо трудится надъ расширеніемъ запаса знаній, черпая и изъ изданныхъ народныхъ пѣсней, и изъ литературныхъ украинскихъ произведеній, изъ бесѣды съ украинцами изъ народа и изъ разспросовъ у знакомыхъ. Эти знанія не остаются лишь словарнымъ богатствомъ, Костомаровъ бросаетъ свои бывлыя упражненія въ русскомъ стихотворствѣ и начинаетъ писать по-украински стихи и драматическія сцены и переводить на украинскій языкъ съ русскаго ³⁾ и другихъ языковъ. Это были быстрые усилія, и искренчески ⁴⁾ настроенныя друзья Костомарова должны были наконецъ сдаться.

¹⁾ Автобіографія (Лит. Насл.), стр. 29 и Автобіографія (Р. Мысль), стр. 203.

²⁾ Метлинскій—пишетъ Костомаровъ въ одномъ своемъ украинскомъ писемѣ къ Срезневскому 1839 г.—„такъ зараза и заекуе, на те винъ козакъ и батько его козакъ и дѣди его козаци, весь ридъ его козаци украинскіи, а я бидный неопитъ, порекрещенць, поворогтемъ и гмиъ тилька мнѣ можно и простити, що хочъ може я и не вѣлю гораздъ зовсімъ переродиться, такъ коханье у мене царе и сердце за Украину бьется больше, ніжъ у якого справжняго южноруса“. Во. Срезневскій. Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности П. И. Срезневскаго. Жур. Мин. Нар. Просв. 1898. I, стр. 16.

³⁾ Напр., Свѣтлану Жуковскаго.

⁴⁾ Автобіографія (Р. Мысль) стр. 204. Автобіографія (Лит. Насл.) стр. 31 (иностранно указаніе о Метлинскомъ). Костомаровъ отмѣчаетъ, какъ глубоко прикрѣпленіемъ у него самого симпатіи къ украинской народной рѣчи шокировало и

Рядомъ съ этимъ увлеченіемъ украинскою литературою крѣпнѣетъ у Костомарова и собственно этнографическій интересъ. Самъ историкъ отиѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о вліяніи на усиленіе этнографическихъ интересовъ повѣстей Гоголя изъ украинской жизни, изданныхъ Максимовичемъ народныхъ пѣсень и наконецъ „Запорожской Старини“ Срезневскаго ¹⁾: чтеніе это раскрыло Костомарову глаза на окружающій народный бытъ и указало здѣсь интересныя стороны, обыкновенно оставлявшіяся безъ вниманія. „Меня поразила и увлекла неподдѣльная прелесть малорусской народной поэзіи; я никакъ и не подозрѣвалъ, чтобы такое изящество, такая глубина и свѣжесть чувства были въ произведеніяхъ народа, столько близкаго ко мнѣ и о которомъ я, какъ увидѣлъ, ничего не зналъ“.... Разъ пробудившись, новый интересъ всецѣло захватываетъ Костомарова, и со своимъ обычнымъ увлеченіемъ онъ занимается теперь этнографическими наблюденіями. Переходя изъ села въ село, присматривается онъ къ особенностямъ быта, мѣстнымъ своеобразностямъ народной рѣчи, запоминаетъ народныя пѣсни и преданія, присматриваясь вмѣстѣ съ тѣмъ и къ памятникамъ былого ²⁾. Приходилось порою наталкиваться на недоверіе и подозрительность крестьянъ, а, съ другой стороны, эти этнографическія увлеченія, поѣздки по селамъ и общеніе съ народомъ возбуждали недоумѣніе среди профессорскаго круга ³⁾, бросая тѣнь на научныя способности начинающаго ученаго, и, кажется, эти недоумѣнія отчасти были причиною того, что Костомаровъ не остался въ преподавательскомъ персоналѣ Харьковскаго университета, но это обстоятельство не охладило этнографическихъ увлеченій Костомарова. Если вспомнить, какъ Костомаровъ всегда интересовался этнографическими матеріалами, какъ всегда подчеркивалъ тѣсную связь этнографіи и исторіи, какъ часто онъ самъ прибѣгалъ къ этнографическимъ даннымъ для изученія и „уразумѣнія народнаго духа“ въ отдѣльныхъ народностяхъ или историческихъ эпохахъ,—если припомнить все это, легко понять, какую роль играли въ выработкѣ историческаго міросозерцанія Костомарова эти раннія этнографическія наблюденія и экскурсіи.

оскорбляло его пренебрежительное отношеніе къ ней у другихъ. Автобіографія (Р. Мысль) стр. 203. Автобіографія (Лит. Насл.) стр. 32.

¹⁾ Автобіографія (Р. Мысль) 202. Автобіографія (Лит. Насл.) стр. 28.

²⁾ Автобіографія (Р. Мысль) 203—204. Автобіографія (Лит. Насл.) 20—30.

³⁾ Автобіограф. записка (Віографич. Словарь) стр. 285. Автобіографія (Р. Мысль) стр. 206.

Здѣсь, говоря о началѣ этнографическихъ интересовъ Костомарова, кажется, умѣстнѣе всего будетъ остановиться детальнѣе на важномъ эпизодѣ Харьковской жизни историка, именно на знакомствѣ его съ Н. И. Срезневскимъ. Самъ Костомаровъ заявляетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что сближеніе съ Срезневскимъ „сильно содѣйствовало стремленію къ изученію малорусской народности“¹⁾. „Знакомство это возымѣло надолго сильное на меня вліяніе—вспоминаетъ Костомаровъ о своихъ харьковскихъ годахъ. Изманъ Ивановичъ, въ то время хотя еще очень молодой человѣкъ, былъ глубоко начитанъ, замѣчательно уменъ и съ большимъ жаромъ и охотою къ научному труду. Я сталъ часто посѣщать его и домъ его сдѣлался для меня любимымъ мѣстомъ отдыха и обмѣна мыслей“. Обаяніе личности усиливалось глубокимъ интересомъ къ литературной и ученой дѣятельности Срезневскаго: въ воспоминаніяхъ подчеркнута искреннее увлеченіе богатствомъ и новизной „Запорожской Старины“²⁾.

Н. И. Срезневскій былъ на 5 лѣтъ старше Костомарова (р. 1812 г., а другой въ 1817). По роду—рязанскіи, по рожденію—прославецъ, онъ провелъ дѣтство и юность въ Харьковѣ, гдѣ въ университетѣ отецъ его былъ профессоромъ по кафедрѣ россійскаго краснорѣчія и поэзіи. Рано молодой юноша поступилъ въ университетъ—14 л. и скоро кончилъ тогдашній университетскій трехъ-годичный курсъ—17 л. кандидатомъ юридическихъ наукъ въ 1829 г.³⁾.

Различные отзывы сходятся въ выясненіи основныхъ душевныхъ качествъ юноши Срезневскаго. Всѣ они свидѣтельствуютъ о необыкновенной привлекательности его душевнаго облика. „Добрѣйшей души“—онъ былъ внимателенъ къ знакомымъ и друзьямъ и готовъ былъ дѣлиться съ ними всѣмъ. И позднѣе случайно знакомые скоро сходились съ Срезневскимъ и долго сохранили къ нему глубокія симпатіи⁴⁾.

¹⁾ Автобіографія (Лит. Насл.) стр. 29.

²⁾ Ibid., стр. 28—29, 37.

³⁾ Біографія Н. И. Срезневскаго, написанная В. Ламакинскіи въ книгѣ: Историч. Записка о дѣятельности Импер. Московскаго Археологич. Общества. 1890.

⁴⁾ См. въ статьѣ Н. П. Соколяскаго (предисловіе къ породаданному „Историческому обозрѣнію гражданскаго устройства Слободской Украины“ Срезневскаго), въ статьѣ Вс. Срезневскаго „Изъ первыхъ лѣтъ“... Стр. 12—16 (отношенія къ Метлинскому и Костомарову), „Путевыя письма изъ славянскихъ земель“ (то-же), „Письма П. И. Крейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому etc.“ (отношенія къ П. И. Крейсу). Для выясненія духовнаго облика Срезневскаго вообще очень важны его отношенія къ матери, см. его письма къ ней: „Изъ первыя И. И. Срезневскаго 1829—1839 гг.“ („Кіевская Старина“ 1901. VI, VII) и особенно „Путевыя

Въ умственномъ отношеніи Срезневскій представляеть собою въ эти года даровитого, отзывчиваго, разносторонне-образованнаго и увлѣкающагося юношу ¹⁾. Юристъ по университетскому образованію, магистръ и адъюнктъ университета по кааодрѣ политической экономіи и статистики, Срезневскій не ограничивался этими рамками: онъ увлекается музыкою и театромъ, пишетъ разказы, изучаетъ украинскій языкъ и этнографію, пишетъ статьи по украинской исторіи, собираетъ и надаетъ памятники народной поэзіи, наконецъ интересуется славянскими языками, литературами славянскими и славянской исторіею. И все это рядомъ съ занятіями по своей специальности—статистикѣ, о которой не мало интересныхъ мыслей, удивившихъ официальныхъ критиковъ своею новизною, провелъ Срезневскій въ своей диссертациі (докторской): „Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи“ (1839) ²⁾.

Основною чертою духовнаго облика Срезневскаго была глубокая впечатлительность, отзывчивость ума ³⁾: въ окружающей средѣ и обстановкѣ отъ его наблюдательности не ускользало ничто интересное; а интересъ, углубляясь, переходилъ непримѣтно въ увлеченіе. Великороссъ по происхожденію, Срезневскій, выросши въ Украинѣ, присматривается внимательно въ окружающему и увлекается, какъ внимательный и чуткій наблюдатель ⁴⁾, чарующею прелестью народнаго искусства изъ славянскихъ земель“ С.-Пб. 1895 (здѣсь же въ предисловіи стр. VIII—X о В. И. Срезневской).

¹⁾ О занятіяхъ украинскою этнографіею и исторіею см. ниже. Занятія статистикою—у Ламанскаго стр. 253—260; планы дальнѣйшихъ работъ—у В. Срезневскаго стр. 21; судьба докторской диссертациі—у В. Срезневскаго стр. 32. Интересъ къ славистикѣ—у Ламанскаго стр. 246—248. 251. Планы статей—у В. Срезневскаго стр. 22. 31 (планъ словаря) ср. у Барсукова Жизнь и труды М. П. Погодина V, 190. 192. Другіе научные интересы—исторія религій—у Ламанскаго 253. Повѣсти: „Майоръ, Майоры“ и „Rhapsodia Sonatina“ въ „Москов. Набл.“. 1836 и 1837 гг. (сопки Срезневскаго — „Путевыя письма“ стр. 162, 166). Увлеченіе музыкою и театромъ—см. отзывы и впечатлѣнія въ „Путевыя письма“ разнѣ, ср. письма Прейса—„Письма П. И. Прейса“... стр. 39—47.

²⁾ Содержаніе изложено у Ламанскаго—стр. 254—257. Судьба диссертациі и отношеніе Артемовскаго—у В. Срезневскаго стр. 32.

³⁾ Эта живая восприимчивость къ окружающему отмѣчена въ сравненіи умственныхъ склоностей Прейса и Срезневскаго самимъ П. И. Прейсомъ и видѣвшимъ ихъ обомъ В. В. Ганкою — „Письма П. И. Прейса“... стр. 40. 108. О наблюдательности И. И. Срезневскаго — у В. Срезневскаго стр. 3; (мнѣнію Анастасевича). „Письма П. И. Прейса“ 112 (Годинскаго), у Ламанскаго — 261 (Шафарика).

⁴⁾ Именно внимательный и чуткій ученый: Ламанскій напрасно называетъ Срезневскаго „пламеннымъ украинцемъ“ (стр. 246), вѣришь у В. Срезневскаго стр. 3:

ной поэзіи и мощными отголосками былыхъ эпохъ; одинаково заинтересовывается онъ и современною украинскою литературою²⁾, и отголосками былого: такъ являются его сборники народныхъ произведеній и статьи по украинской исторіи. Увлекаясь самъ, Срезневскій умѣетъ передать свои интересы и другимъ, и вотъ около него складывается кружокъ товарищей съ одинаковыми интересами (сначала квартетъ³⁾ — Шнигоцкій, Росковшенко и два брата Евецкіе), послѣ кружокъ расширяется съ появленіемъ новыхъ друзей и знакомыхъ (Вадимъ Пасекъ, Мстляинскій, Костомаровъ).

Начало этнографическихъ наблюденій И. И. Срезневскаго на основаніи его замѣчаній въ предисловіи къ „Запорожской Старинѣ“ (1833) о семилѣтнемъ трудѣ относятся къ 14-лѣтнему возрасту, къ 1826 г.⁴⁾ Съ особенною энергіею и усѣбною заботливостію занимается Срезневскій со-

„онъ не сталъ малороссомъ... относился ко всему этому какъ наблюдатель, а не какъ патриотъ-украинецъ“... См. письма И. И. Срезневскаго „Кіевская Старина“ 1901. VI. 325:... а желалъ, „подобно птичкѣ полуденной, вскормленной на чуждой сторонѣ, полетѣть на свою невданную родину; и полетѣлъ и чѣмъ далѣе ѣду, тѣмъ болѣе знакомлюсь съ нею. Представьте, маменька, какъ должно биться мое ротовое“...; стр. 327 — о Москвѣ. „Любителямъ Славянщины“ — „Срезневскій-прославецъ“ читаю въ посвященіи „Украинскаго Сборника“. X. 1838. Интересно оиоставить съ отиымъ нѣкоторыя замѣчанія „Путевыхъ писемъ“: сопоставьте, напримеръ, замѣчаніе: „Гамалей — не товарищъ, но хохоль и, слѣдовательно, свой братъ“ (стр. 3), съ другимъ: „самъ чувствую, что мнѣ легко говорить по чешски, ижели по французски или по малороссійски“ (стр. 108).

²⁾ Интересуясь самъ украинскою литературою, Срезневскій старался при случаѣ знакомить съ нею и другихъ; такъ въ проѣздѣ черезъ Москву 1830 г. онъ знакомитъ тамъ своихъ новыхъ знакомыхъ съ литературною дѣятельностью харьковскихъ друзей, порождаетъ Вельтману „Савву Чалаго“ и „Украинскія Баллады“ и рекомендуетъ Мстляинскому и Костомарову послать Вельтману нхъ книги „Думки и нѣсни“ и „Шітку“. „Путевыя письма“ стр. 19. Точно также знакомитъ Срезневскій съ украинскою литературою и пражанъ ibid. стр. 86. Встрѣтисъ за границею съ П. И. Прейсомъ, Срезневскій подарилъ тому экземпляръ „Наталиа-Полтавки“ (въ Кенпгсбергѣ; похвѣе Прейсъ сообщаетъ Срезневскому реестръ украинскихъ книгъ въ своей библіотекѣ и проситъ пополнить ее въ этомъ отношеніи. Письмо П. И. Прейса стр. 83).

³⁾ Болѣе горячимъ украиннофильомъ былъ изъ нихъ Шнигоцкій: „о другъ мой — пишеть онъ Срезневскому — древнуу, равнуу о пробужденіи малороссійскаго гонія... Минувалось ей (Украиннѣ) козакованіе на поляхъ бранныхъ; не полагають уже козаку меча своего на вѣси судей; заказуеуть онъ теперь на поляхъ сладкаго нѣснопѣнія“ (Вс. Срезневскій стр. 4). О постепенномъ расширеніи кружка И. И. Срезневскаго — у Вс. Срезневскаго стр. 3—6. 8—17.

⁴⁾ Вс. Срезневскій — стр. 7, сѣ. къ писмѣ къ матерѣ Кіев. Стар. 1901. VII, 203 („трудъ мой почти семилѣтній“).

бираниемъ народныхъ пѣсенъ и историческихъ преданій въ бытность домашнимъ учителемъ въ имѣнїи Подольскихъ около Дѣпровскихъ пороговъ (1832—33 гг.). Уже въ самомъ началѣ своего здѣсь пребыванія высказываетъ Срезневскій увѣренность, что накопить здѣсь „пропасть, цѣлую пропасть для своей украинской скрини“¹⁾. Дѣйствительно, онъ не терпѣлъ никакого случая расширить свое этнографическое собраніе: уже по дорогѣ писалъ онъ „въ Водолажскомъ хуторѣ три пѣсни и одну думу, во Вшивой — пять пѣсенъ — и только. Правда, что пѣсни всѣ историческія, но все сляшкомъ мало; я ожидалъ болѣе... слышалъ сказку о Серпягѣ, пояснявшую мнѣ какъ нельзя лучше одну думу, слышалъ нѣсколько мпологическихъ преданій, записалъ двѣ страницы поговорокъ, вписалъ нѣсколько словъ въ лексиконъ — вотъ и все... онъ мнѣ наговорилъ промѣсть предшїи о Самарѣ. У меня сердце билось крѣпко, когда онъ мнѣ ихъ рассказывалъ; потомъ продиктовалъ пѣсню про рѣку Самару, наконецъ — думу“... Въ Варваровкѣ матеріалъ разнообразенъ: „украинская скрини моя выросла или, лучше сказать, подросла очень примѣтно... Последнее время я занимаюсь собираніемъ преданій о запорожцахъ. Въ воскресенье ожидаю къ себѣ старика-болтуна, который долженъ рассказать много... Я топоръ, мамонька, знаю старицу запорожскую, какъ свою собственную жизнь. Мало-по-малу я собралъ свѣдѣній очень много. Особенно мнѣ помогъ Гречка, о которомъ я писалъ въ прошломъ письмѣ. Часовъ пять я провелъ прошлое воскресенье на Вороной, все разговаривалъ съ стариною, и слышалъ и узналъ очень многое. Гречка былъ самъ запорожцемъ и всему очнымъ свѣдѣтелемъ, жаль что ему измѣняется иногда память, но въ такомъ случаѣ я его недоумливаю, онъ припоминаетъ, исправляетъ мои ошибки и дѣло ладно... На этихъ дняхъ у меня была развалина запорожская, старикъ лѣтъ 80, балдуристъ. Много я разспрашивалъ его, многое узналъ. Списалъ нѣсколько думъ и пѣсеней старинныхъ. Теперь, мамонька, я знаю Запорожье не хуже азбуки. Мало-по-малу, тихо-по-тиху, да и доползъ“...

Такъ постепенно обогащались записи И. И. Срезневскаго: отдѣльными отрывками появляются онѣ въ печати въ „Украинскомъ Аль-

¹⁾ Письма къ матерп Кіев. Стар. 1901. VI. 332, 333, VII, 214, 219, 221, 223; словація пѣсни VII, 214; валашскія 219. Болѣе позднее упоминаніе о собиранїи свѣдѣній — въ письмѣ И. М. Снегиреву 1839 г.: „давось обогатиу свой запасъ малороссійскихъ народностей“... Вс. Срезневскій — стр. 33, тамъ же въ примѣчанїи 3 о дневникѣ И. И. Срезневскаго; письма того времени — Кіев. Старина 1901. VII.

малыхъ“ (1832), въ примѣчаніяхъ къ словацкимъ пѣснямъ въ сборнички того же имени (1832) и въ альманахѣ „Утренняя Звѣзда“ ч. II (1833). Въ томъ же году начинается выходить серія книжекъ „Запорожской Старины“, оказавшей такое сильное впечатлѣніе на современниковъ свѣжестью и богатствомъ своего содержанія, раскрывавшаго новый міръ своеобразной прелести и художественности.

Подъ влияніемъ этнографическихъ увлеченій крѣпнеть и углубляется представленіе о народности ¹⁾. Уже позднѣе (1836), въ своей диссертациі Срезневскій изложилъ между прочимъ свои взгляды на народное творчество: „люди очень ошибаются — замѣчаютъ онъ здѣсь — говоря напримѣръ: „этотъ народъ имѣетъ отвращеніе отъ просвѣщенія, потому что у него не являются ученые книги и мало школъ и грамотности мало, — вотъ народъ безъ литературы, безъ понятій объ изящномъ“. Благодаря развитію понятій, въ наше время такія понятія становятся рѣже: не въ догматахъ и обрядахъ религіи, но въ духѣ и въ направленіи всѣхъ вѣрованій народа должно искать его вѣру, — самый ученый медикъ или естествословъ можетъ и долженъ учиться у народа естественной исторіи и медицинѣ, и философъ — философіи, и даже философъ-историкъ философіи исторіи; едва ли не всякій народъ, сколько бы ни былъ онъ дикъ, имѣетъ свою литературу и не ничтожную ни предъ Илиадой, ни предъ трилогіей Данта, ни предъ драмой Кальдерона и Шекспира“. При такомъ отношеніи къ народному творчеству понятно, какъ Срезневскій называетъ народныя пѣсни и думы — „драгоценности народности Южно-Русской“ или защищаютъ въ письмѣ къ И. М. Снегиреву литературную будущность украинскаго языка: „и почему же глубокомысленный Скворода, простодушный Котляревскій, богатый фантазіей Артемовскій, всегда игривый, всегда увлекательный Основьяненко и еще нѣсколько другихъ, польстившихъ обещаніями и надеждой выждать отъ нихъ чтонибудь достойное Украины, — почему должны они остаться одни въ доселѣ дикой пустынь украинской литературы? Языкъ Хмельницкаго, Пушкиря, Дорошенки, Палія, Кочубея, Апостола долженъ по крайней мѣрѣ передать потомству славу сихъ великихъ людей Украины“... Въ основѣ увлеченія народностью лежали романтическіе отголоски.

¹⁾ У Ламанскаго — стр. 259. Письмо къ Погодину у Барсукова Жизнь и труды У, 192 (1838). Письмо къ Снегиреву — „Взглядъ на памятникъ Украинской народной словесности“ (Учен. Зап. Имп. Московскаго Ун. 1834 г.), отрывокъ у Ламанскаго — стр. 218. Примопили здѣсь же и отзывъ Срезневскаго о 2-ой диссертациі Костомарова.

„Что за пѣсня! — замѣчаетъ какъ-то Срезневскій въ письмѣ къ матери: „молодой воякъ простился уже съ своею матерью, съ сестрою, своею милою, — и вотъ онъ мчится, одинокій, по пространной степи — и долгогривый конь его, чуя близость земли вражеской, взрываетъ копытами землю и пылью закрываетъ отъ молодого воина даль родимую, — но шалъ не звенитъ звукомъ: конскъ слышитъ прощанію матери, тоску сестры, слезы милой — и мчится быстрѣе къ землѣ враговъ своихъ“¹⁾... Полнѣе отразилось это настроеніе Срезневскаго въ предисловіи къ „Запорожской Старинѣ“. „Въ нихъ (пѣсняхъ и думахъ запорожскихъ) все дико, подобно дубравамъ и степямъ, восприимчивымъ ихъ на лоно свое при рожденіи, — все порывисто, подобно полоту урыгана стѣнного, подъ глухіи завыванія котораго огнь валелѣяны, все бурно, подобно минувшей жизни Запорожы. Пѣжное чувство нѣрѣдко пробивается сквозь грубую оболочку оныхъ, но какъ кинучая волна Пенасытенецкой пучины Пекла среди холода зимняго, сквозь прозрачную кору льда ее покрывающую, пробивается и застываетъ на ней. То пѣсни юноши, коего сердце, почерствѣвши для умилнаго чувства любви, суровое и непреклонное, радуется одною радостію побѣды и добычи, питается однимъ желаніемъ битвы, юноши, который неравнодушно взираетъ на гибель своихъ сподвижниковъ, съ отчаяніемъ отицвая за смерть ихъ врагамъ, равнодушно ждетъ своей участи, равнодушно, съ надеждою жить въ памяти потомства: эти пѣсни дышатъ отвагою, самонадѣяностію. — То думы старца: убіенная лѣтами голова его покоится на изголовьи могилы, готовій принять его въ свои нѣдра; его надежды исчезли, будто дымъ сповидѣній; но его душѣ осталась еще одна услада, то воспоминанія минувшаго, то звуки бандуры, ихъ возбуждающіе; и взоры его, прежде пылавшіе буйнымъ пламеномъ воинственности, теперь померкшіе, испепелившіеся, блистаютъ слезой печали о минувнемъ, и голосъ его уже увядшій, тихій, едва внятный, оживляется, мужаетъ, повторяя въ унылыхъ напѣвахъ преданія своего времени, своего по-

¹⁾ Киев. Старина 1901. VI стр. 329 (1832). Предисловіе къ „Запорожской Старинѣ“ переиздано у Вс. Срезневскаго стр. 34—38. Сгг. замѣчаніе Ламанскаго о статьяхъ И. И. Срезневскаго: „несомнѣнная даровитость и большая начитанность, обнаруженная въ разныхъ статьяхъ и историческихъ очеркахъ, не прикрываютъ недостатка въ тревожномъ критическомъ отношеніи къ источникамъ и пособіямъ, и риторически-морализующаго и сантиментальнаго характера, въ манерѣ Итцевича или его подражателя у насъ Рылѣва, въ изображеніи запорожцевъ и разныхъ мячкихъ людей Украины“ (стр. 249).

колѣнія: въ думахъ нѣтъ той непринужденности, той свободы чувства, которая горитъ въ пѣсняхъ; въ нихъ смѣнилась ее старческая вялость, нестройность чувства, хотя глубокого и самобытнаго. Въ пѣсняхъ выразилась лирика и драматика народной поэзіи запорожцевъ; въ думахъ — мрачный, холодный эпизмъ*...

По этимъ отрывкамъ можно судить о тогдашнихъ взглядахъ И. И. Срезневскаго на отзвуки минувшаго въ народныхъ украинскихъ пѣсняхъ и думахъ; но отдѣльными указаніями въ письмахъ къ матери мы можемъ представить себѣ дѣятельность молодого этнографа по собранію народныхъ пѣсонъ и преданій о минувшемъ. Какъ же воспользовался Срезневскій собраннымъ этнографическимъ запасомъ?

Оставляя въ сторонѣ первыя изданія Срезневскимъ извлоченія изъ запаса, скопленнаго въ раннюю пору этнографическихъ увлеченій, — займемся пока его первымъ отдѣльнымъ сборничкомъ этнографическаго характера, книжечкою подъ заглавіемъ „Словацкія пѣсни“. Это маленькое изданіице небольшого формата съ предисловіемъ, помѣченнымъ 8-го января 1832 г., и съ цензурною отмѣткою 8-го февраля того же года. Начинается оно съ замѣтки о словакахъ и эпиграфа изъ Метиславова договора о болѣе сохранности закрѣпленнаго грамотою, далѣе идутъ пѣсни и пѣсенки — всего числомъ 20 — въ русской транскрипціи; къ нимъ прибавлены замѣчанія о выговорѣ и небольшой словарикъ. Наконецъ — переводы пѣсонъ на русскій языкъ, объяснительныя замѣчанія, да двѣ украинскія параллели ¹⁾.

¹⁾ По поводу одной словацкой пѣсни Срезневскій замѣчаетъ: „что можетъ быть простоудушнѣе и очаровательнѣе сего разсказа! Да, не смотря на то, что Украину почитаютъ Славянской Авзоніей, подобныхъ пѣсонъ найдется не много между украинскими. А если слышать ее изъ устъ какой-нибудь миловидной горнички, звонкій голосъ которой перелетаетъ ущельями горъ... и въ каменномъ сердцѣ породится сочувствіе“ стр. 47. Въ другомъ мѣстѣ сопоставляя двѣ сходныя по темѣ пѣсни — словацкую и украинскую, Срезневскій замѣчаетъ: „если сравнить между собою эти двѣ пѣсни, то я думаю, первая (словацкая) превзойдетъ вторую въ богатствѣ чувства; вторая первую богатствомъ воображенія и очарованія. — Въ первой дышетъ природа; во второй виденъ отпечатокъ искусства. Первая рѣшительно народна; послѣдняя же совѣсмъ“ — стр. 51. А вотъ и еще замѣчаніе по поводу одной пѣсни: „пѣсня эта есть общая, какъ мнѣ кажется, всѣмъ славянскимъ племенамъ. Я нигдѣ не снискаю оной: польскіе, украинскіе; слышалъ русскую подобную; читалъ богемскую, сербскую. Представляю списокъ, сдѣланный въ Лебеднѣ И. В. Росковшениковымъ... эта пѣсня очень любопытна и даже важна при историческихъ изысканіяхъ о славянахъ. Я надѣюсь въ скоромъ времени подать всѣ списки оной, нигдѣ извѣстныя, и какъ настоящими обмѣнами, такъ и сказаніями историческими, пояснить странное отношеніе братья и

Издальце это прошло незамѣченнымъ, гораздо цѣниже и больше вниманія возбудила „Запорожская Старина“, серия небольшихъ книжечекъ. Заглавіе нѣсколько уже содержанія, — это вообще украинская старина. Въ основу здѣсь тоже положены тексты пѣсенъ вмѣстѣ съ переводами на русскій языкъ. Таковъ, кажется, былъ первоначальный планъ, и даже держись его одного, Срезневскій далъ бы сопромошпкамъ цѣльный систематическій подборъ историческихъ пѣсенъ украинскаго народа. Но затѣмъ издатель расширилъ свой первоначальный планъ; не ограничиваясь необходимыми объяснительными примѣчаніями, авторъ сопоставляетъ различныя свидѣтельства объ описываемыхъ въ пѣсняхъ событіяхъ и происшествіяхъ и переходитъ затѣмъ отъ такихъ примѣчаній къ цѣльнымъ историческимъ экскурсамъ. Такимъ образомъ задуманный сначала сборникъ пѣсенъ превращается теперь въ сборникъ матеріаловъ для исторіи украинской, сперва просто подобранныхъ хронологически по отдѣльнымъ эпизодамъ, а потомъ и разработанныхъ самимъ авторомъ въ видѣ цѣльныхъ, законченныхъ историческихъ эскизовъ.

„Я имѣю въ виду—заявляетъ въ самомъ началѣ издатель—оказывать услугу, хотя и маловажную, не однимъ любителямъ народной поэзіи, но преимущественно любопытствующимъ знать старину запорожскую,—быть, нравы, обычаи, подвиги этого народа воиновъ... Лѣтописи украинскія повѣствуютъ только о подвигахъ сего народа, касаясь очень рѣдко до внутренней жизни его, и самые даже подвиги описываютъ иногда кратко, иногда цвѣрно, сбивчиво, часто противорѣча одна другой“... Недостаточность этихъ источниковъ для изученія внутренней жизни Запорожья заставляетъ обратиться къ памятникамъ народной поэзіи, къ думамъ, пѣснямъ и преданіямъ: неточности и ошибки народныхъ пѣсенъ и думъ могутъ быть проверены и исправлены сопоставленіемъ отдѣльныхъ пѣсенъ и думъ, привлеченіемъ—далѣе—сюда данныхъ и указаній лѣтописей и хроникъ: такимъ образомъ, въ результатѣ такихъ сопоставленій и сравненій явится рядъ достоверныхъ данныхъ, намѣчающихъ картину минувшей жизни Запорожья, „жизни, хотя и грубой, но величественной, поэтической!“...¹⁾

сестры, существовавшее въ самое отдаленное время между вѣтви славянскими племенами“—стр. 54, 57.

¹⁾ Вотъ еще отзывъ о запорожцахъ: „этого народа воиновъ, который свое храбростию и смѣлостію, своимъ вліяніемъ на весь юго-востокъ Европы и даже Малую Азію, особенно въ XVII столѣтіи, своимъ страннымъ составомъ и образомъ жизни и

Въ первомъ выпускѣ „Запорожской Стьрины“ приводитъ издатель историческія справки и данныя только для объясненія напечатанныхъ здѣсь историческихъ пѣсенъ и думъ; во второмъ помѣщаетъ онъ свѣдѣнія о происхожденіи казачества и о гетманахъ запорожскихъ; въ третьемъ—помѣщена сводная хроника о событіяхъ въ Украйнѣ, начиная съ кончины Баторія и кончая гибелью Полтора-Кожуха и построеніемъ Кодака; при чемъ къ отдѣльнымъ эпизодамъ этой хроники присоединены отдѣльныя объясненія и разъясненія въ концѣ книжки.

Хмельницкому посвященъ отдѣльный выпускъ „Украинская лѣтопись 1640 — 1654“, послѣдующему полустолѣтію — тоже книжечка „Украинскія были 1657 — 1710“, распадаящаяся на пять этюдовъ: 1) Выговскій и Пушкаръ. 2) Юрій Хмельниченко. 3) Бруховецкій. 4) Самойловичъ и Мазепа. 5) Палій. Это уже цѣльные и законченныя историческіе очерки, съ біографическою канвою по отдѣльнымъ дѣятелямъ этого бурнаго и тревожнаго времени. Что составляло въ первомъ выпускѣ главное содержаніе,—народныя думы и пѣсни,—здѣсь вынесено въ примѣчанія и ссылки на предшествующіе выпуски вмѣстѣ съ критическими замѣчаніями и отиѣтками объ ихъ достовѣрности или подлинности.

Интересно отиѣтитъ постепенное нарастаніе критическаго чутья и критическаго отношенія къ своимъ источникамъ. Въ предисловіи къ книжечкѣ „Украинскія были, 1657—1710“ перечисливъ по группамъ использованные источники, Срезневскій замѣчаетъ въ концѣ: „вездѣ, гдѣ только можно было, повторялъ дословно сказанія старыхъ лѣтописцевъ; довѣрялъ имъ, гдѣ онѣ не противорѣчали между собою, а гдѣ противорѣчали, выбиралъ сказаніе того лѣтописца, котораго считалъ болѣе достойнымъ уваженія. Вообще я разсматривалъ сказанія лѣтописцевъ, какъ преданія, и какъ преданія передавалъ ихъ“. Сообразно съ этимъ въ концѣ отдѣльныхъ этюдовъ мы встрѣчаемъ указанія на данныя источниковъ и на ихъ взаимоотношеніе ¹⁾. Точно

характеромъ, будучи отличенъ отъ всего, его окружавшаго, заслужилъ мѣсто въ племени потомства“...

¹⁾ Напр., стр. 50: „главнѣйшимъ источникомъ для этого сказанія были для меня Записки Шафонскаго. Незначительныя дополненія сдѣланы по другимъ лѣтописцамъ, которыхъ извѣстія сравнивалъ я съ повѣствованіемъ Бантыша-Каменскаго и съ актами. Извѣстіе о смерти Юрія взято изъ Записокъ Шафонскаго: оно подробнѣе другихъ и, кажется, правдоподобнѣе“. Стр. стр. 85: „Я свѣрялъ ихъ (Записки Шафонскаго) съ другими лѣтописями, но слѣдовалъ Шафонскому. Остальное взято изъ Записокъ Гор-

также внимательнѣе ¹⁾ и критичнѣе относится Срезневскій и къ народнымъ пѣснямъ: „ошибки противъ языка могли случаться въ переписи; но ошибокъ противъ народности пельзы же приписать писцу“—замѣчаетъ какъ-то Срезневскій, устанавливая критеріи для выдѣленія подозрительныхъ пѣсенъ и думъ. Такія-то грубыя ошибки противъ языка и народности заставляютъ Срезневскаго заподозрить подлинность двухъ пѣсенъ о Гордіенкѣ и Паліѣ, при чемъ умѣреннѣе высказывается Срезневскій противъ первой, рѣзче—противъ второй; высказываетъ онъ сомнѣнія также и объ одной пѣснѣ, касающейся измѣны Мазепы ²⁾. Очень интересны нѣкоторыя общія замѣчанія о признакахъ подлинныхъ запорожскихъ пѣсенъ: известная выдержанность въ схемѣ изложенія, своеобразный цинкъ образовъ, отличающій эти пѣсни отъ другихъ, — напр., женскихъ, наконецъ „историчизмъ“. „Читатели Запорожской Старины—замѣчаетъ Срезневскій—могли замѣтить, что запорожскія пѣсни, если онѣ полны, отличаются особенною правильностью расположенія, а если сохранились въ отрывкахъ, то каждый отрывокъ имѣетъ въ нѣкоторой степени свою цѣлость... Другое важное достоинство пѣсенъ запорожскихъ—историчизмъ, только обложочный—и то не всегда—въ формы поэтическія“ и отсутствіе такого историчизма—доводъ противъ подлинности пѣсни ³⁾.

Книжечки „Запорожской Старины“ произвели сильное впечатлѣніе на публику, особенно на лицъ, интересующихся украинскою народною поэзіею и украинскою исторіею. Съ отзывомъ Костомарова можно сопоставить и слова Гоголя въ его письмѣ къ Срезневскому: „гдѣ выкопали вы столько сокровищъ? всѣ думы, особенно повѣсти бандуристовъ, ослѣпительно хороши“... Любителямъ были известны и раньше

дона“. Ср. стр. 109. Еще немного и критическое чутье Срезневскаго по отношенію къ историческимъ источникамъ окончательно окупало бы и эволюція его критическаго воспитанія была бы закончена.

¹⁾ Разборъ намѣка пѣсень бандуристовъ объ Иванѣ Хмельницкомъ — стр. 122. Расположеніе пѣсни на три отрывка съ отдѣльными сюжетами—стр. 124—125. Указаніе пропуску въ известномъ спискѣ пѣсни: „Я былъ бы счастливъ, еслибъ этимъ указаніемъ заставилъ любителей старинны украинской, имѣющихъ случай потрудиться разузнать, нѣтъ ли этой середины въ памяти кого-нибудь, и потомъ подать это важное допозненіе, если оно будетъ найдено. Если найдется нѣсколько различныхъ изъавокъ, тѣмъ лучше: критика оцѣнитъ ихъ“, стр. 121.

²⁾ Стр. 139 — 142, 147 — 148, 160. Ср. разборъ думы о Полтавской битвѣ стр. 153—154 („списокъ думы вообще дурень по разнымъ перестановкамъ ея частей съ мѣста на мѣсто“).

³⁾ Стр. 140—141, 160.

историческія пѣсни и народныя преданія о быломъ, извѣстны были въ тѣхъ или иныхъ версіяхъ, въ болѣе или менѣе сохранномъ видѣ,— но здѣсь въ книжечкѣ „Запорожской Старины“ впервые нашли они старательно подобранный циклъ этихъ историческихъ пѣсенъ и, казалось, словно впервые раскрылся предъ ними яркій просвѣтъ въ минувшую жизнь, словно впервые въ этомъ сборничкѣ раскрылась и своеобразная прелесть и научная цѣнность пѣсенъ и думъ, поодиночкѣ встрѣчавшихся раиѣ наблюдателю народной жизни.

Какъ было указано выше, Костомаровъ, познакомившись съ Срезневскимъ, подпалъ двойному обаянію — какъ личности, такъ и его научной дѣятельности ¹⁾. Отмѣтимъ здѣсь, что пріязнь эта не уцѣлѣла на долго: вернувшись изъ заграничной командировки и перейдя къ славистикѣ, Срезневскій не обращался болѣе къ своимъ прежнимъ интересамъ въ области украинской народной поэзіи и исторіи украинской, а затѣмъ занялъ и другое отношеніе вообще къ украинскому движенію и украинству. Кромѣ этой перемѣны во взглядахъ и воззрѣніяхъ, явилось и другое обстоятельство уже вполне научнаго характера: глубже всматривался въ минувшее, критичнѣе относился къ своимъ прежнимъ источникамъ, Костомаровъ усомнился въ подлинности и достопрѣности изданныхъ Срезневскимъ думъ и пѣсенъ историческихъ; позднѣйшіе отзывы Костомарова о „Запорожской Старинѣ“ очень рѣзки, словно Костомаровымъ все еще владѣло жгучее чувство досады за свою прежнюю довѣрчивость къ этому интересному и оригинальному изданію.

III.

Литературные опыты.

Въ одномъ мѣстѣ своей автобіографіи Костомаровъ вспоминаетъ о пробѣ писать на русскомъ языкѣ идиллическія стихотворенія гекза-

¹⁾ Къ приведенному выше отзыву Костомарова о Срезневскомъ вотъ еще сходный: „тѣсное знакомство съ Н. Н. Срезневскимъ дѣйствительно на него, въ то время, благотворительно изъ тошн. смысла, что побуждало его къ изученію малороссійской народности нераздѣльно съ изученіемъ народностей и исторіи другихъ славянскихъ народовъ и породило его любовь къ этнографіи отъ узкой исключительности, въ которую онъ легко могъ впасть, по своему увлекающемуся характеру“. Автобіографическая записка 1860 г., напечатанная въ „Русскомъ Художественномъ Листкѣ“ 1860 г. и переизданная отсюда въ Русской Старинѣ 1891 г., № 2 (записка писана въ третьемъ лицѣ).

метромъ ¹⁾). Отъ этихъ попытокъ не сохранилось никакихъ реальныхъ слѣдовъ и, какъ писатель, Костомаровъ со своими драматическими сценами „Сава Чалый“, сборниками стихотвореній „Украинскія баллады“ и „Вѣтка“ и трагедіей „Переяславська ніч“—является писателемъ украинскимъ. Не разъ отмѣчаетъ Костомаровъ свое недостаточное вначалѣ знаніе украинскаго литературнаго языка ²⁾ и, можетъ быть, поэтому друзья отнеслись скептически къ его плану писать по украински: однако, постепенно Костомаровъ полнѣе овладѣвалъ литературнымъ украинскимъ языкомъ, и сомнѣнія кружка должны были разсѣяться, Костомаровъ сталъ какъ бы признаннымъ поэтомъ кружка ³⁾.

Была попытка связать Костомарова или, точнѣе сказать, его первые стихотворные опыты на украинскомъ языкѣ съ опредѣленными вліяніемъ отдѣльной личности. Называли Гулака-Артемовскаго: помимо литературнаго, такъ сказать, вліянія популярныхъ стихотвореній Гулака-Артемовскаго, было — дескать — еще и непосредственное воздѣйствіе, вѣдь юноша Костомаровъ жилъ на квартирѣ Гулака Артемовскаго ⁴⁾. Едва-ли это такъ: если говорить о вліяніи на юношу Костомарова литературныхъ произведеній на украинскомъ языкѣ, то нѣтъ основанія выдѣлять специально стихотворенія Гулака-Артемовскаго, какъ рѣшающій стимулъ. Если же говорить о непосредственныхъ личныхъ вліяніяхъ, то сомнительно, чтобы во времена студенчества Костомарова профессоръ Гулак-Артемовскій сталъ вліять на юношу въ смыслѣ перехода къ украинскому языку. Легче приписать такое вліяніе знакомству съ писателемъ Квиткою-Основьяненко: Костомаровъ отводитъ этому писателю много мѣста въ своемъ критическомъ обзорѣ украинской литературы, придавалъ особенное значеніе

¹⁾ Автобіографія (Лит. Насл.) 22.

²⁾ Автобіографія (Р. Мысль) 203. Автобіографія (Лит. Насл.) стр. 29, 31; отголосокъ этого признанія у В. В. Григорьева, Императорскій С.-Петербургскій Университетъ... стр. 225.

³⁾ Обь отношеніи кружка къ первымъ опытамъ Костомарова Автобіографія (Р. Мысль) стр. 204. Автобіографія (Лит. Насл.) 31, 37; интересно упомянаніе о Метлинскомъ—стр. 31 („былъ въ числѣ противниковъ моихъ идей о малорусскомъ писательствѣ“): не звучитъ ли здѣсь отголосокъ сомнѣній Метлинскаго на счетъ достаточности знаній украинскаго языка у Костомарова? ср. письмо Костомарова Срезневскому — въ статьѣ Вс. Срезневскаго, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1898. I, стр. 16 (о Метлинскомъ—закенуе).

⁴⁾ Отголосокъ такого взгляда, напримѣръ, въ некрологѣ Костомарова *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1885. V, 34.

общему направленію его литературной дѣятельности: вмѣстѣ съ тѣмъ съ большою симпатією вспоминаетъ Костомаровъ о Квиткѣ въ своихъ воспоминаніяхъ ¹⁾. Это позволяетъ думать, что дѣйствительно между ними были дружескія отношенія, и эти дружескія отношенія упрочили и укрѣпили въ душѣ Костомарова сознательно вдумчивое отношеніе къ литературѣ на родномъ языкѣ: этого не могли сдѣлать великорусскіе друзья Костомарова, напримѣръ, Срезневскій, повліявшій на этнографическія склонности юноши: при всей внимательности къ украинской литературѣ, при всемъ признаніи ея правъ Срезневскій все-таки былъ теоретикъ въ этомъ вопросѣ, такъ какъ самъ не писалъ по украински.

Литературное наследіе харьковскихъ лѣтъ Костомарова заключается въ двухъ письмахъ, двухъ сборникахъ стихотвореній и въ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ, заданныхъ позднѣе этихъ сборниковъ. Есть упоминанія кромѣ того о другихъ произведеніяхъ, не увидавшихъ своевременно свѣта и потомъ затерявшихся. Начнемъ пока со стихотвореній. За харьковское время Костомаровъ издалъ ихъ всего 58 ²⁾. Съ ленивымъ автобіографическимъ отгнкомъ стихотвореній очень немного: одно изъ нихъ указано было выше—это стихотвореніе, написанное на память Срезневскому при его отъѣздѣ въ путешествіе по славянскимъ землямъ. Отличается оно простотою и сердечностью; здѣсь нѣтъ ни намека про цѣль путешествія или его высокія задачи, что такъ рельефно выразилъ при томъ же случаѣ В. В. Пассекъ: поэтическое выраженіе „счастливой дороги“ и въ концѣ въ простой формѣ заявленіе сердечной пріязни, для которой всегда будетъ дорога память объ увѣщавшемъ другѣ. По удачному сочетанію сердечности

¹⁾ О Квиткѣ — Автобіографія (Лит. Писл.) 37—38. Въ статьѣ Костомарова „Обзоръ сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ“ стр. 167—179, сѣр. въ статьѣ Срезневскаго „Памяти Квитки“, переданной въ журн. „Русская Старина“ 1893. VIII стр. 389, и въ письмѣ Срезневскаго Костомарову 1878 г. *ibid.*, стр. 390—391. А. А. Корсуна въ своихъ воспоминаніяхъ напоминаетъ, что это онъ познакомилъ Костомарова съ Квиткою, Русскій Архивъ 1890. X. 210.

²⁾ Въ книгѣ „Збірникъ творінь Ієрєміи Галки“ (стр. 114+85+30+127) Одесса 1875 г. переданы двѣ драматическія пьесы, стихотворенія изъ сборника „Вѣтка“ и отдѣльно заданныя стихотворенія (изъ Литературы, прибавл. къ Русскому Изнавѣду, сборниковъ „Сніпъ“—Корсуна и „Молодикъ“—Бенцкого); стихотворенія „Українскій балада“ сюда не вошли; перенесены стихотворенія близка къ начальной формѣ, но съ неизбѣжною орфографіею:—въ первоначальной формѣ были *о, ъ, ѣ, ы* замѣненны послѣ *і* да *и*. Въ настоящей статьѣ соблюдено въ приведенныхъ отрывкахъ правописаніе оригинала.

чувства съ простотою формы—это одно изъ лучшихъ стихотвореній Костомарова.

Къ опредѣленному моменту біографіи примыкають также и стихотворенія на крымскія томы. Навѣяны онѣ впечатлѣніями поѣздки въ Крымъ. Ханскій дворець въ Бахчисараѣ и поэтичскій образъ Маріи Потоцкой навѣяли стихотвореніе, озаглавленное по имени героини этой трогательной легенды. Воспоминанія былого могущества хановъ развѣялись и стерлись, и только ярка память объ этой тоскующей плѣнницѣ Маріи. Идеалистъ-поэтъ даже готовъ видѣть въ этомъ символѣ непреходящаго значенія всего возвышеннаго и чистаго.

Усе славне святоеве
Розлетиться й пропаде,
Тялькѣ чистее, святес
Повостанеться на вѣкѣ.
Плугъ могилы цорѣвше,
Черви камянь пройдите;
Що записано на небѣ—
Не зотреться на земля!

Иначе отразились корчепскіа впечатлѣнія и воспоминанія объ историческихъ судьбахъ этого крал. Въ стихотвореніи „Паццикалея“ личныя впечатлѣнія отъ брѣнности земного величія и равнодушія живыхъ къ памяти давно угасшихъ поколѣній, сливался съ античными представленіями о покоѣ мертвыхъ, намѣтили тоскливый образъ тѣни давно умершаго царя, мирно покоившагося цѣлые вѣка въ своей гробницѣ, пока люди не разрыли этой могилы и не нарушили тѣмъ вѣчнаго сна мертвыхъ. И теперь несчастная тѣнь, покинувъ свою разграбленную могилу, не имѣетъ покоя и блуждаетъ, какъ непогребенный мертвецъ. Эту тѣнь видитъ странникъ, посѣтившій разрытыя могилы: поборовши невольный страхъ, странникъ начинаетъ спрашивать тѣнь, и та рассказываетъ о своей ужасной участи, жалуясь вмѣстѣ съ тѣмъ на людскую назойливость и безсердечіе: для тѣни нарушить покой мертвыхъ—страшный грѣхъ:

Вишній законъ чоловікові дає справедлива;
Вишній законъ занекавши, лихо зробивъ чоловікѣ!
Горе тому, чьи кости зъ землі чоловікѣ вибрѣе;
Гірко й тому, хто за золото мертвихъ покою збанял.

Рамка къ этому діалогу тѣни съ путешественникомъ—чуть намѣченная картина разворенныхъ памятниковъ далекаго прошлаго.

Свѣтло гасне; галась пѣсень
 На судахъ затихъ;
 Мѣсяць блѣдный сумно плыве
 По водахъ морскихъ.
 Страшнѣй въ городу выходятъ
 По ноцѣ одна:
 Мѣсяць могиламъ, понурый,
 Въ поля ходить вѣкъ.
 Царозореніи, розрытіи
 Царскіи теремы;—
 Тысячлѣтніи останки
 Видѣ старовины!
 Помѣжь нини ѣ старійшіи
 Вышчій всѣхъ кургавъ:
 Его голову пробиту
 Покрывѣ тумашъ...

Еще короче заключительный аккордъ: нѣмая тишина мѣсячной ночи среди развороннаго кладбища.

Переходя къ лирическимъ стихотвореніямъ, нужно замѣтить, что они большею частію не носятъ ясныхъ автобіографическихъ примѣтъ, и читатель не можетъ увѣренно рѣшить, навѣяны ли элегическія нотки, либо неясные намеки о тоскѣ одиночества ¹⁾—личными впечатлѣніями автора, его пережитымъ и пережитымъ, бывшее ли это или думы?

Стихотворенія на любовныя томы не выдѣлены въ отдѣльный законченный цѣль; тѣмъ не менѣе, въ нихъ затронуты различныя стадіи развитія чувства, начиная съ неяснаго момента зарожденія первыхъ симпатій при случайной первой встрѣчѣ, съ не вполне еще сознанаго выдѣленія одной, любимой, въ веселомъ кругу дѣвушекъ, собравшихся для игръ и игръ, — и кончая полнымъ развитіемъ чувства, а затѣмъ и тяжелою разлукою съ ревнивымъ представленіемъ о другомъ. Что въ этой вереницѣ образовъ, начиная съ наброска „Веснянка“ и кончая стихотвореніемъ „Сонъ“, — что здѣсь автобіографическаго ²⁾? Замѣтимъ только, что въ этихъ красивыхъ, но спокойныхъ стихотвореніяхъ не слышится внутренней силы настроеній, что такъ часто для внимательнаго читателя является показателемъ непосредственности пережитыхъ впечатлѣній. Какъ и въ другихъ случаяхъ, автору лучше удается простая, непосредственная

¹⁾ Напр., стих. „Туга“, „Хмарка“.

²⁾ Сг. Автобіографія (Русская Мысль) стр. 205—206.

передача настроеній и сценокъ, и попытка придать къ этому въ одномъ случаѣ еще и философскія размышленія о мистическомъ значеніи охватывающаго душу чувства любви, — попытка эта не вышла удачною: авторъ больше и не возвращался къ такимъ попыткамъ.

Всматриваясь внимательно въ образы любовныхъ стихотвореній, легко подмѣтить близкую связь этихъ образовъ съ представленіями и настроеніями народныхъ пѣсенъ. Если исключить нѣсколько стихотвореній, какъ „Сонъ“ или „Зобаченья“, — гдѣ моменты развитія чувствъ представлены въ общихъ чертахъ, внѣ ясной связи съ образами и представленіями народной поэзіи, — то въ остальныхъ, въ большинствѣ стихотвореній тѣсная связь является замѣтною и легко уловимою. Въ стихотвореніи „Веснянка“ и само заглавіе указываетъ на связь съ народнымъ бытомъ, хотя здѣсь и нѣтъ близкаго переложенія мотивовъ этихъ пѣсенъ, пріуроченныхъ къ опредѣленному времени года. Въ иномъ мѣстѣ авторъ немногими бѣглыми чертами намѣтилъ этотъ раздѣлъ весенней природы вмѣстѣ съ весенними играми и забавами:

Унять спорили ставъ выговъ укривати;
Унять дѣждались весняныхъ сватокъ:
Унять идуть заквѣчсый дѣвчата
Гулялись въ хрещика, вести тавокъ.

Чаще всего въ стихотвореніяхъ на любовныя темы черты народного быта тѣсно переплетаются съ мотивами и образами народной любовной лирики. Жившіе въ Украйнѣ знаютъ, конечно, какъ въ ясныя теплыя ночи, по окончаніи пѣсенъ и забавъ молодежи, влюбленный юноша прокрадывается къ знакомой хатѣ и вызываетъ любимую дѣвушку, чтобы хоть немного побыть съ нею наединѣ въ чуткой таинствѣ лѣтней ночи. Не разъ упоминается эта тема и въ стихотвореніяхъ Костомарова, при чемъ черты быта сливаются тѣсно съ мотивами народныхъ пѣсенъ, и обращеніе юноши къ сомнѣвающейся и колеблющейся дѣвушкѣ, его увѣренія по своимъ выраженіямъ и образамъ близки къ обычнымъ образамъ и выраженіямъ народной лирики ¹⁾.

¹⁾ Наряду съ отголосками народной лирики въ стихотвореніяхъ „Нічна розмова“, „Підмова“, „Улиця“, „Зобаченья“ — укажемъ еще на близкій мотивъ, — напр., вѣ стих. „Подѣлунокъ“: дѣвушка на приглашеніе много выйти къ нему отвѣчаетъ, что не выйдетъ —

ні лѣтнимъ тепломъ, ні сею весною,

Подобную близость къ образамъ и выраженіямъ народной лирики замѣчаемъ мы и въ другихъ стихотвореніяхъ Костомарова на темы о любви. Вотъ въ стихотвореніи „Посланецъ“ влюбленная дѣвушка тоскуетъ по милomъ, уѣхавшемъ на войну, и воронъ приноситъ ей грустную вѣсть о смерти. Вотъ въ стихотвореніи „Стежки“ тоска покинутого юноши и образъ измѣнившей дѣвушки славятся для него съ представленіемъ о двухъ стежкахъ—

пѣдъ вербами стежка, пѣдъ яворомъ друга:
одна пошла въ поле, а друга до луга...
По первой стежцѣ ходить моя мила:
ходить до другого, мене обманила!
По другой стежцѣ ходить моя мила:
ходить та до мене, мене полюбила!
Та щобъ мѣжъ вербами слѣду не зосталось,
щобъ мое серденько тязко не врывалось!
Та щобъ пѣдъ яворомъ були ступы знати,
щобъ було чийъ сердце свое розважати!

Близость автора къ народной жизни, вліяніе на него образовъ народнаго творчества сказалось и въ другихъ случаяхъ, помимо только что указанныхъ чертъ народнаго быта или выраженій, напоминающихъ обиходъ народной лирики. У Костомарова есть нѣсколько стихотвореній на тему о народныхъ фантастическихъ представленіяхъ и суевѣріяхъ. Народное суевѣрное представленіе, связанное съ мимолетнымъ явленіемъ падающей звѣзды, легло въ основу стихотворенія „Зѣрочка“; суевѣріе на счетъ любовнаго колдовства передано въ стихотвореніи „Черный котъ“; болзливое представленіе о вспыхивающей въ Пасхальную ночь надъ землею таинственной свѣчѣ, дало тему стихотворенію „Великодня ночь“; нелюбимый страхъ передъ шведскою могилью въ Полтавѣ далъ содержаніе стихотворенія „Полтавська могила“. Подобнымъ же образомъ основаны на суевѣрныхъ и легендарныхъ народныхъ представленіяхъ стихотвореніе „Баба Гребетяичка“ (рассказъ дѣда про ведьму и переполохъ дѣтей ночью подъ свѣ-

а ввійдѣть къ нему—

півночницю саме добою

на осенню холодну ючъ; такъ и сталося—

холодна нѣчя, морозъ шлягася,
а вѣторъ осѣнній ажъ костя проймає.
Колн бѣ вѣнтъ не дувъ, та негода утихла,
бо вже моя мила холодна, якъ крига.

жимъ впечатлѣніемъ страшныхъ представленій), „Мѣсяць“ (легендарное представленіе о Казибѣ и Авелѣ на луцѣ), „Мана“ (чудный пейзажъ надъ заколдованнымъ озеромъ) ¹⁾.

Къ этимъ же образамъ народныхъ суевѣрій и легендъ нужно прибавить и представленія изъ области растительной символики. Вполнѣ развитъ этотъ мотивъ о превращеніи дѣвушки въ растение—въ стихотвореніи „Рожа“, въ другихъ случаяхъ та же тема лишь намѣчена ²⁾. Интересно пантеистическое расширеніе начальной темы въ стихотвореніи „Дѣвчина“—въ представленіи о душѣ умершей дѣвушки, какъ бы незримо присутствующей при веселыхъ забавахъ и играхъ своихъ подругъ.

Переходя къ историческимъ образамъ и воспоминаніямъ въ стихотвореніяхъ Костомарова, нужно отмѣтить случаи совпаденій во взглядахъ и темахъ у Костомарова въ его стихотвореніяхъ съ стихотвореніями Метлинскаго. Проще всего было бы здѣсь признать фактъ заимствованія сообразно съ разницею во времени у обоихъ писателей. Но вдумываясь въ эти совпаденія и сопоставляя взгляды и воззрѣнія этихъ писателей съ мыслями и представленіями въ другихъ изданіяхъ этихъ авторовъ и ихъ друзей, — легко прийти къ выводу, что здѣсь мы имѣемъ дѣло со взглядами и воззрѣніями на минувшія судьбы Украины—не отдѣльныхъ личностей, а цѣлага кружка, и эти взгляды на минувшее, на основныя его черты, на взаимоотношеніе минувшаго и настоящаго—высказывались и другими членами харьковскаго кружка и въ научной и въ литературной формѣ.

Въ одномъ стихотвореніи Костомаровъ представилъ, на основаніи народныхъ воззрѣній, тиниственную связь умершихъ съ нашимъ живымъ міромъ, но это связь болѣе близкихъ поколѣній, а историческое прошлое нераздѣльною пропастью раздѣлено отъ настоящаго. Минувшее безвозвратно, его не вернуть, да и сама память о немъ забывается, стирается, какъ ветшаютъ намятники этого минувшаго — могилы да курганы.

Що жъ то за могила?
 Вѣтеръ снѣгъ розиѣта;
 Скризь снѣгъ почорнѣла
 Трава вигляда!

¹⁾ Причислить сюда нужно и основанное на народныхъ преданіяхъ стих. „Дитина“ (изъ народнаго преданія) 1841 г. (Литературное наслѣдіе, стр. 221—222).

²⁾ Сюда, кажется, нужно отнести и представленіе о вырастающихъ на могилахъ растеніяхъ—стих. „Дѣвчина“.

Далекин роки далеко залыжи;
 А люду погнбшого слава волишла
 У пам'яті тмиється, якъ трава торйшла,
 Що вѣтеръ зъ пидъ спѣгу розкрывъ на могила!

И это не только одинокая могила, — цѣлый край можетъ казаться пустынею по сравнению съ славнымъ, полнымъ жизни и одушевленія невозвратнымъ минувшимъ—

де Заддѣировьск, край опустѣлый,
 де нема хать, — бованѣють могила;
 де нема гласу, — выють вовка,
 де буда Сѣча, — жили ксаки, —
 ходивъ я нѣчью...

Рѣзкій контрастъ между славнымъ прошлымъ и скучнымъ, безцвѣтнымъ настоящимъ, а съ другой стороны тяжелое сознание о небрежности, невниманіи живыхъ къ этому прошлому, объ его постепенномъ забываніи, — все это не можетъ не придать меланхолическаго грустнаго оттѣнка воспоминаніямъ о минувшемъ. И на воспоминаніяхъ отдѣльныхъ лицъ и на воспоминаніяхъ пѣвца — этого спеціальнаго хранителя преданій о минувшемъ — лежитъ одинаково этотъ отсвѣтъ грусти. Правда, въ начальномъ стихотвореніи своего сборника Костомаровъ говоритъ о пѣснѣ—

Одъ Сосны до Сава вона простягнулася;
 До хмары Карпатської вона доторкнулася;
 Чорноморською водою вымивається,
 Лугами, якъ квітками, квітається;
 Дніпрою стародавнини нідперсая;
 Річками, якъ стрілками, поубрапа;
 Городами — пам'ятами пообітана...

дальше обращается поэтъ къ пѣснѣ—

Лебедемъ бѣлымъ плыви по рѣкахъ;
 Чайкою, пѣсне, кигачь по лукахъ;
 Припетнемъ въ лузі заворочти;
 Дрѣбною пташкою защебечи;
 Новотикодемъ въ степу прокотися;
 По небу громомъ святимъ пронесися...

Но это — отголосокъ бодрого, увѣреннаго міросозерцанія; чаще на представленіяхъ о пѣсни и пѣвцѣ лежатъ оттѣнки грусти и умиранія. Вотъ тоска пѣвца—въ стихотвореніи „Слѣвцѣ“ (посвящено Амвросію Могила) —

Ой, чого молодий сіввець замурився,
Головою жалю на гуслі схилився!
Ой, чого молодий сіввець не сівває,
А чи гласу больше до нїсеня не має?

причина тоски—не въ личныхъ мотивахъ, она глубже—боязнь за народность, за родной языкъ—

Охъ, тимъ молодий сіввець не сівває,
Що рідная мова, якъ свѣчка, сконяє!
Охъ, тимъ той сіввець та у гуслі не бє,
Що ёго слухати никто не иде!

Таково горе пївца—

„Охъ, ниду до Днїпра, на гору високу
ниду подивлюся на степъ широкїй:
у старбжу Днїпровѣ вода желѣ,
а по степу долини ковыла сивѣ,
а скрѣвь по ковылѣ свистунѣ-вѣтерѣ вѣе!
Та припавъ сіввець до землі головою;
покотилися слѣзки изъ очей рїкою!
„Охъ, непе мол, ты рідная мати,
чи намъ, тебе, рідна, уже не видати!
Уставай изъ землі дѣтки приглядѣти“!...

Такимъ же отблескомъ угасанія подернуть и образъ другого хранителя народныхъ преданїй и историческихъ воспоминанїй — дѣда-настѣчника—

сїває дѣдусь и внуку и сыну,
сїває дѣдусь про стару годиву!

Онъ передаетъ въ своемъ разсказѣ въ сжатыхъ строчкахъ и яркихъ образахъ всю исторїю Украины, начиная съ эпохи славы и могущества и кончая временемъ паденїя Гетьманщины при Петрѣ I: чїмъ ближе къ настоящему, тїмъ тусклѣе тонѣ и въ концѣ—

блѣднѣе нашъ дѣдусенько: голосъ измѣнился;
якъ лимонька подцюкава на бокѣ похилився;
и вобзонька до долоньку въ брязгомъ новотнлася
и пїсенька не слїтая у вѣтрѣ разлетѣлася ²⁾.

Но и помимо контраста между былымъ и настоящимъ въ этомъ

²⁾ Эти черты напоминаютъ обрисовку фигуры бандуриста—у Метлинскаго въ его стихотворенїяхъ.

быломъ много тяжельхъ чертъ, заставляющихъ при воспоминаніяхъ сердце сжиматься отъ боли—

багацько ище тутъ про щось вінъ згадавъ:
якъ вѣсько голявне старшій изыывавъ;
згадавъ и про те, про що згадувать тошно,
про вінцо здыхати ꙗ не треба ꙗ не можно...

Вереница образовъ изъ украинской исторіи въ одномъ изъ стихотвореній Костомарова („Дѣдъ-Пасинникъ.“) починается съ былого величія Кіева.

Було колись—межъ всѣма городами
старый нашъ городъ Кіевъ чашурился ¹⁾,
изъ балми, изъ ясныи хрестами
у сланному Дѣдирѣ-рѣнѣ лициѣны;
тамъ въ теремахъ Князй бенкетовали,
а пѣсварѣ про ихъ дѣла свѣтали.
Було колись: вѣраниську аспу долю
розшарпали недобріи браты;
Було колись: педолою и неволю
къ намъ принесли татарськѣи орды;
изъ Кіева зробили нечелнще,
и залуствѣвъ пашъ край, якъ гробовище.
Було колись: завзятый гайдамака ²⁾
якъ стенахъ широкихъ вѣтры вперезавъ;
безъ ласки вѣтъ, обшарпавый бурлака,
до смерти все сусѣдне забивавъ.
Але не довго нарубки тулялись:
Господь помѣгъ,—вои угамовались.
Було колись: Латиниципа—панѣвна
нѣшла до васъ: прѣйшлося всѣмъ хворать!
Нашъ палыгала Польша супротивна
и стыдко-брыдко роки тѣ згадать:
святѣ церкви усѣ були замкнуты
и бѣднѣ люде мерли безъ покуты.
Було колись: Хмельницкѣи зъ козаками
бездольную Украину вызволивъ;
и усѣлавъ свои стони костями
и самѣи Польшѣ тусана дававъ:

¹⁾ У Метлинскаго о Кіевѣ въ стих. „Нѣдемна церква“—

у Кіевѣ всѣму, всѣму вачало:
та ꙗ старый, старый же вінъ казавъ...

²⁾ Въ Харьковскомъ кружкѣ тогда слово гайдамаки употреблялось въ болѣе широкомъ примѣненіи.

Король, паны Потоцкѣй, Вишневецкѣй,
затурканѣй, скакали по-нѣмецкѣй¹⁾.

Слѣдующія строфы посвящены бѣдствіямъ Украины во время Руины (павѣстное сравненіе Украины съ чайкою высидѣвшешо дѣтей-итенцовъ около дороги), упоминаніямъ о попыткѣ Мазепы („лукавій нашъ Мазепа“) и о героической рѣшимости Полуботка („воиць буйць Украинецъ останній“). Здѣсь грустные образы смѣняются со свѣтлыми, и чтобы выяснить, на какихъ моментахъ сосредоточенъ интересъ автора, нужно обратиться и къ другимъ историческимъ стихотвореніямъ Костомарова. Изъ такого сопоставленія логко замѣтитъ, что интересъ автора сосредоточенъ на эпохѣ подъема народныхъ силъ въ борьбѣ за свою свободу, когда—

слушна война запалала тодѣ на Вкраинѣ;
Хмельницкѣй зъ Потоцкииъ,
вода зъ нальгою крѣпко сцепилась, и тамъ подъ Корсунемъ
ляхи разбиты втѣкали²⁾,

и это было временемъ отщепенія и воздаянія, какъ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и цѣлой общественной группѣ,—за негуманное и близорукое отношеніе къ народной массѣ и народности—

такѡвсьеа була имъ заплата
за те що шкуры лупили зъ людей,

или какъ въ другомъ стихотвореніи,

„от-се тобѣ, вражій сыну, одъ насъ дякованья,
що терѣли мы одъ тебе всякя глузованья!“³⁾.

Здѣсь дѣятелемъ — безличнымъ народъ, въ другихъ случаяхъ эту роль защитниковъ и мстителей брало на себя казачество, и эти-то романически-обрисованные, неустрашимо-храбрые, но жестокіе „гайдамаки“ (по нѣсколько смутанной тогдашей терминологіи харьковского кружка)—привлекають вниманіе будущаго историка казачества. Таковъ, напримѣръ, Максимъ Поробійность—

¹⁾ Намекъ украинской народной пѣсни.

²⁾ Стих. „Щира правда“ (два друга, одинаково служившіе польской коронѣ, въ минуту народнаго возстанія оказываются во враждебныхъ лагеряхъ—польскомъ и казачкомъ и, какъ враги, во главѣ двухъ враждебныхъ отрядовъ на полѣ сраженія).

³⁾ Стих. „Пань Шульцка“ (съ отмѣткою, что стихъ. это написано на основаніи народнаго преданія), подобнымъ же образомъ проведено народное воззрѣніе и въ другомъ мѣстѣ—

Господь лхдѡвъ за вчинки покаравъ
и уручивъ страшный свѣй мечъ Максиму.

завзятѣйшій Украинскій гайдамака,
 зъ нимъ тысяча гайдамаковъ летять:
 заблискали ихъ гострин шабляки,
 теленька поле, меркне Вожиі свѣтъ.

Такъ, заключаетъ авторъ,

— Максимъ зъ ватагою своєю
 украинську недохлю вѣдомшае!¹⁾

Съ этимъ чуть намѣченнымъ рисункомъ неудержимо несущейся рѣшительной и жестокой ватаги можно сопоставить и другія сходныя указанія—

нездѣлена стая неслась волякѣвъ;
 якъ макъ при дорозѣ шапки ихъ бѣгѣли,
 списы грѣмотѣли, шаблѣ брызкотѣли²⁾,
 неслися вони супротивъ ворогѣвъ.
 Недоля и помста бѣгли за мни;
 якъ влочыл сухое палали краини.
 Дивитъся—лицарь вставъ,
 свѣтъ на коня та й засвѣставъ,—
 и вѣсько въ слѣдъ. За нмъ
 огонь, и дождь, и димъ!³⁾

или вотъ еще: воспоминаеть казакъ—

згадавъ видѣть про вѣсько, про ваху й пожаръ;
 якъ спорявъ въ харцѣствѣ въ буйными лѣтрами,
 на взаводы бѣгавъ зъ швидкими орзлами.

Въ этихъ чертахъ слышится отзвукъ романтическихъ представленій о казакахъ, ихъ геройской мощи и неустранимой удали.

Изъ другихъ деталей обрисовки былого казачества укажемъ здѣсь еще черту внутренней организаціи казачьихъ ватагъ — ихъ равенство во всемъ между собою:

¹⁾ Стихъ о Максимѣ Перебийносі кончается романтически-грустнымъ эпилогомъ: полька причаровала суроваго гайдамаку, и онъ забылъ про свой долгъ — мстити Польшѣ за Украину—

— плаче Украина:
 не має Максима, не має Максима;

такъ заканчивается стихотвореніе.

²⁾ Сравнить сходныя выраженія у Метлинскаго.

³⁾ Подобенъ же деталь и у Метлинскаго—

за нимъ, пидъ нимъ, вѣдъ нимъ
 огонь и кровь и димъ!

якъ съ хѣсомъ гора, вояи всѣ за одно;
нѣкого старшого у някъ не було,

и наконецъ жанровую сценку возвращенія съ набѣга —

якъ въ полѣ стѣну срібну чарку зивавъ¹⁾,
въ кружку, па прощавья зъ спонии братами
їи веселый до дому коня повертавъ.

Обращаясь въ заключеніе къ общей характеристикѣ стихотвореній Костомарова, мы видимъ, что въ сущности онъ не вышелъ изъ круга образовъ тогдашней романтической школы украинской литературы. Углубленіе интереса къ народу, къ его жизни и бытовымъ особенностямъ привело и въ литературу къ обрисовкѣ темъ изъ народной обывденщины, прикрашенной романтическимъ пониманіемъ: такъ появились описанія въ стихотвореніяхъ народныхъ праздниковъ и забавъ, хорошедовъ и игръ. Сюда же примыкають, составляя, однако, самостоятельную группу, и воспроизведенія въ стихотвореніяхъ народныхъ вѣрованій и суевѣрій, о колдовствѣ и чарахъ, о предчувствіяхъ и предзнаменованіяхъ. Подобное же проявленіе колдовства—превращеніе въ растеніе или дерево—можетъ, однако, входить и въ кругъ любовныхъ сюжетовъ, поскольку такое превращеніе является эпитоломъ несчастной любви.

Многое изъ этого нашли мы и у Костомарова: описанія веселыхъ игръ молодежи, далѣе передача народныхъ вѣрованій и суевѣрій, а въ стихотвореніяхъ на любовныя темы наряду съ намѣченными чертами народнаго быта слышится отголоски народной лирики и въ образахъ и въ выраженіяхъ.

Подобнымъ же образомъ можно подвести итогъ и историческимъ стихотвореніямъ: романтически подчеркнутый контрастъ между былымъ и настоящимъ, яркія краски въ обрисовкѣ этого былого, специальные черты гиперболизма въ характеристикахъ могучей удали и несокрушимой безавѣтной храбрости казаковъ защитниковъ и мстителей,—все это признаки и черты, общія цѣлому ряду произведеній и писателей, и сходство будетъ идти даже до отдѣльныхъ чертъ въ обрисовкѣ

¹⁾ Эта срібна чарка—нѣкая память мнувшихъ времени.—упоминается и у Мелниського въ стих. „Чарка“:

Е въ насъ, братци, чарка на полицѣ;
та вона, та чарка, срібна—старосвітська...
уже зъ якого часу нема того віиська
позостаєсь тільки чарка старосвітська.

образовъ, наиримѣрь, въ силуэтѣ тоскующаго пѣвца или бандуриста. Эти черты романтико-историческаго міросозерцанія родятъ Костомарова съ его ближайшими друзьями, — харьковскимъ кружкомъ, а затѣмъ и вообще съ представителями романтическаго пониманія миновавшаго, — учеными, какъ Бодянский, — въ его раннихъ работахъ, — писателями, какъ Н. Маркевичъ и другіе.

Эти общія замѣчанія объ основныхъ мотивахъ стихотвореній Костомарова вполне примѣнимы и къ его драматическимъ произведеніямъ. Ихъ двѣ, этихъ нѣсть, — „Савва Чалый“ ¹⁾ и „Переяславська Ніч“, и обѣ онѣ историческаго содержанія и сходныхъ даже сюжетовъ: тамъ и здѣсь конфликтъ на почвѣ русско-польскихъ отношеній и трагическая развязка; въ первой — для отдѣльной личности — Саввы Чалаго, а во второй — частію эпизодъ Хмельничины — для всего польскаго населенія Украйны. Дѣйствіе пьесы „Савва Чалый“ основано на разсказѣ народной пѣсни, но въ интересахъ большей полноты драматической темы авторъ ввелъ нѣкоторыя новыя детали сравнительно съ народною пѣсней, а, самое главное, перенесъ дѣйствіе въ болѣе раннюю эпоху, столѣтіемъ раньше и измѣнилъ основныя условія совершающагося событія: осталась тема пѣсни — мость измѣннику, передавшемуся на вражескую сторону, но личность и мотивы этой измѣны авторомъ измѣнены по своему. „Взявши содержаніе изъ извѣстной народной пѣсни — воспоминаетъ Костомаровъ въ своей автобіографіи о первомъ своемъ драматическомъ опытѣ — сдѣлалъ большую историческую ошибку, произвольно отнесши событіе, воспоминаемое въ этой пѣснѣ, къ первой половинѣ XVII в., тогда какъ оно относилось къ первой половинѣ XVIII в.“ ²⁾.

¹⁾ Такъ пишется это заглавіе въ изданіи 1838 г. Пьесѣ предносилно замѣчаніе автора: „содержаніе взято изъ народной южно-русской пѣсни. Смотри въ изданіи Украинскихъ пѣсней Максимовича, въ Запорожской старинѣ Срезневскаго и въ собраніи Галицкихъ пѣсней Вацлава зъ Олеска“.

²⁾ Автобіографія (Лит. Насл.) стр. 31. Подобный же отзывъ и о другой пьесѣ — „Переяславська Ніч“: „сюжетъ трагедіи взятъ изъ эпохи Хмельницкаго при самомъ началѣ ея востанія, но мнѣ значительно повредило довѣріе, оказанное такимъ мучниымъ источникомъ, какъ „Исторія Руссовъ“ Коניсскаго и „Запорожская старина“ Срезневскаго; кромѣ того я уклонился отъ строгой сообразности съ условіями вѣка, который являлся изображать, и впасть въ напыщенность и идеальность, развивши въ себѣ послѣднюю похоть вліяніемъ Шпклера“ *ibid.*, стр. 37. Снова пришлось Костомарову вспоминать о своихъ пробахъ вотъ по слѣдующему поводу: старый харьковскій другъ далнихъ лѣтъ А. А. Корсуна напомнилъ ему о нихъ, и, отговаривая Корсуна отъ мысли издать переводъ пьесы „Переяславська Ніч“, Костомаровъ писалъ 10/xx 1880:

Трагическая развязка „Саввы Чалаго“ — смерть „герол“ этой пьесы и его жены подъ ударами товарищей, мстящихъ за измѣну. Трагизмъ еще болѣе усиливается въ виду ошибки, лежащей въ основѣ этой катастрофы: Савва не былъ такимъ измѣнникомъ, какъ его представляли себѣ казаки подъ вліаніемъ рѣчей товарища Гната Голаго. Нужно впрочемъ сознаться, что въ обрисовкѣ характера Чалаго и въ мотивировкѣ его дѣяній есть достаточно неясностей и пробѣловъ. Чалый это—молодой и храбрый казакъ; ему нѣтъ еще тридцати лѣтъ, а онъ уже въ двухъ сраженіяхъ съ поляками отличился своею храбростью и оказалъ громадные услуги казачьему войску. Имя его стало извѣстно повсюду, про него сложили уже дѣй народныя пѣсни, его прочатъ на будущее гетманомъ, но пока Чалый не смотря на свою популярность остается вѣрнымъ и преданнымъ помощникомъ, искренне любимого имъ, гетмана Остряницы. Но вотъ Остряница погибъ, казаки задумываютъ избрать новаго гетмана и противъ ожиданія Саввы избираютъ гетманомъ его отца — Петра Чалаго, да еще и самъ отецъ отговариваетъ выбирать сына въ виду его характера. Разныя чувства просыпаются въ душѣ Саввы Чалаго: чувство несправедливой обиды со стороны людей, изъявившихъ ему преданность свою и свои симпатіи, гнететъ и давитъ его, а съ другой стороны онъ гордъ и самолюбивъ и, чувствуя въ себѣ самомъ достаточно силъ, чтобы повелѣвать и господствовать, не можетъ примириться съ ролью подчиненнаго, хотя бы и отцу—гетману. Судя по одному мѣсту въ воспоминаніяхъ Саввы Чалаго, это не только властное сознаніе своей силы, своихъ заслугъ, но и вообще беспокойный, самостоятельный характеръ, уже съ малолѣтства не признававшій надъ собою чужой воли, чужого господства. Теперь, когда надежды на гетманство рухнули, когда вѣрные, казалось, друзья не поддерживали его,—Савва чувствуетъ, что ему тяжело будетъ подчиняться отцу, тяжело и унижительно оставаться въ прежнемъ подчиненномъ

„моя Перелаславская ночь по истинѣ произведеніе до крайности слабое во всѣхъ отношеніяхъ и при томъ фальшивое до глубины своего существа: фальшивость эта произошла оттого, что я тогда находился подъ зловернымъ (въ научномъ отношеніи) вліаніемъ такихъ псевдоисторій, какъ „Исторія Руссовъ“, приписываемая некогда не сочинившему ее Комяскому, и такихъ сборниковъ псевдонародныхъ произведеній, какъ „Запорожская старина“ Срезневскаго. Много вреда надѣлалъ Малорусской исторіи и этнографіи этотъ челоѣкъ, прости ему Воже.... Не удивительно, что и я руководствовался лѣтописями, которыя получалъ отъ Срезневскаго, долго не сознавая ихъ фальшивости...“. Русскій Архивъ, 1890, X.

и незамѣтномъ положеніи. И вотъ предъ Саввой является новая, поощренная комбинація: поступить на службу польскому правительству, получить отъ него званіе гетмана и со своими казаками служить въ общихъ польско-украинскихъ интересахъ. Идеаль Саввы— времена короля Стефана Баторія: судя по рассказамъ старыхъ людей, тогда еще не было гибельныхъ споровъ объ уніи, не было взаимной вражды и казачество рыцарски боролось противъ общихъ враговъ Польши и Украины. И теперь принимая предложеніе поступить на службу польскому правительству, Савва ни на минуту не усомнился въ настоящемъ своемъ положеніи: онъ вовсе не измѣнитъ своимъ, перейдя на службу коронѣ, онъ останется вѣрнымъ своей народности, своей вѣрѣ, и первый же намекъ Конецпольскаго объ ожидаемыхъ отъ Саввы услугахъ на пользу уніи, первый же намекъ заставляеть Савву безболзненно высказать свои глубокія симпатіи и твердыя убѣжденія, а затѣмъ и отказаться отъ гетманства и службы,—вѣдь отъ Саввы ожидаютъ существенныхъ услугъ, а не идилліи во вкусъ давней дружбы польско-украинской.

Сходная же обрисовка характера—это Марина, сестра Лысенка, одного изъ дѣятелей Хмельничины („Переяславська Ніч“): она, Марина, полюбила поляка, переяславскаго старосту, и ушла къ нему, но, полюбивши поляка, Марина не измѣнила своей національности и попрежнему сознаеть себя украинкою: когда при появленіи Лысенка вспыхиваетъ возстаніе населенія противъ поляковъ, Марина не считаетъ возможнымъ стать на пути этому народному движенію, выдать своихъ польскимъ властямъ или спасти своего милаго—поляка; она предаетъ милаго возставшимъ, желая лишь погибнуть съ нимъ вмѣстѣ отъ руки своихъ же. Какъ Савва, раскрывая передъ Конецпольскимъ свою душу, рассказываетъ ему про угнетеніе украинскаго населенія поляками, такъ и Марина въ сходныхъ же образахъ говоритъ своему милому—поляку про глубокую вражду обоихъ братскихъ народовъ, вражду, порожденную безчеловѣчнымъ и жестокимъ поведеніемъ поляковъ. У Марины даже нѣтъ того смутнаго представленія о быломъ времени мирнаго сожительства сосѣднихъ народовъ, что для Саввы Чалаго является идеаломъ, желательнымъ исходомъ и на будущее время.

Савва Чалый, Марина и Лысенко,—энергичный, храбрый и жестокий организаторъ возстанія противъ польскаго режима, одинъ изъ дѣятелей Хмельничины и пособниковъ Богдана,—это крѣпкіе, стойкіе и энергичные тишы. Около нихъ отдѣльныя лица изъ народа и народ-

ная масса: въ нихъ есть скрытая энергія, готовая почва для искры возстанія, но ихъ нужно разжечь, увлечь. И тамъ, и здѣсь, въ обѣихъ пьесахъ намѣчены обружающія условія: въ пьесѣ „Савва Чалый“ намѣчено это въ рѣчахъ казаковъ, собранныхъ Петромъ Чалымъ, здѣсь, въ пьесѣ „Переяславська Ніч“, передъ читателемъ нѣсколько фактовъ рельефныхъ и яркихъ: порокъ на арондѣ у еврея и разрѣшеніе служить пасхальную заутреню, преслѣдованіе за печеніе пасокъ, оскорбленіе священника—все это детали, отдѣльныя черты цѣлой и мастерски-нарисованной картины гоненій въ „Исторіи Руссовъ“. Молодой историкъ вполне довѣрялъ еще этимъ показаніямъ и потому, пользовалъ и другими указаніями такъ называемаго Кокинского, привелъ изъ этого сочиненія и главныя детали характеристики этихъ временъ. Впрочемъ, намѣчал такими чертами польско-украинскія отношенія и самихъ поляковъ, Костомаровъ остался справедливымъ и къ украинцамъ, и реальными, можетъ быть нѣсколько рѣзкими, чертами намѣтилъ озлобленіе и жестокость возставшихъ въ ихъ стремленіи отомстить за претерпѣнныя страданія. Въ пьесѣ „Савва Чалый“ мы видимъ настроеніе народа лишь по разговорамъ собравшихся около Петра Чалаго его сподвижниковъ казаковъ, узнаемъ далѣе, что нововыбранный гетманъ ведетъ за собою казаковъ вернуть отъ поляковъ Чигиринъ и казаки не вполне довольны этими постоянными тревогами. Зато въ пьесѣ „Переяславська Ніч“ авторъ хотѣлъ намѣтить подъемъ народной энергіи, быстрый переходъ отъ безпомощнаго безсилія къ мощному проявленію народной мести и народной энергіи; вышннимъ толчкомъ послужило похваленіе Лысенка съ помощью отъ Хмельницкаго, но, конечно, негодованіе и злоба сильны были и ранѣе, а теперь вспыхнули такимъ яркимъ пламенемъ. Это вполне понятно, но этотъ быстрый переходъ къ энергіи и мести намѣченъ не вполне ясно. Точно такъ же не вполне ясно для читателя и переломъ въ душѣ Лысенка, когда онъ, тронутый увѣщаніями священника Анастасія, даетъ приказаніе остановить рѣзню и избіеніе поляковъ: конечно, этотъ призывъ къ покаянію и милосердію тронулъ суровую душу Лысенка, но обрисовано все это поверхностно и не вполне ясно.

Интересная фигура этотъ священникъ Анастасій, вызывающій среди рѣзни и избіенія къ милосердію и прощенію. Это не энергичный и мужественный человекъ, самъ въ душѣ казаясь, словно по подоразумѣнію смѣнившій гулъ воинственной схватки на мирную службу церкви и въ качествѣ священнослужителя благословляющій народъ и каза-

чество на ожесточенію и безошадную борьбу за родину и вѣру, типъ, существовавшій въ минувшемъ и оставившій прочный слѣдъ въ воспоминаніяхъ народа о быломъ. Нѣтъ, отецъ Анастасій задуманъ и обрисованъ иными чертами. Авторъ хотѣлъ здѣсь сочетать преданность идеѣ, преданность непоколебимую и даже не отступающую предъ возможностью мученичества, вмѣстѣ съ возвышеннымъ пониманіемъ завѣта Христова. Легко понять, что въ минуту ожесточеннаго избіенія врасплохъ захваченныхъ и беззащитныхъ поляковъ оставшимъ населеніемъ, среди вырвавшейся наконецъ наружу долго дотолѣ тайной и подавляемой жажды мести и возмездія, среди стоновъ и проклятій, когда нѣтъ уже сомнѣній въ перевѣсѣ надъ поляками, отецъ Анастасій въ такую минуту будетъ сдерживать разбушевавшуюся массу, будетъ взывать о милосердіи и жалости къ избиваемымъ врагамъ, стараясь пробудить у побѣдителей чувство великодушія. Это вполне понятно, но каково же поведеніе отца Анастасія дотолѣ, до этого народнаго возстанія, при видѣ тяжелыхъ сценъ оскорбленія и поруганія религиозныхъ чувствъ единовѣрцевъ? Вѣдь ему пришлось уже пережить тяжелую, унижительную минуту откупа у еврея православной церкви для совершенія тамъ насхальной службы, и вотъ неожиданно сирей останавливаетъ перенесенно плащаницы, требуетъ за это дополнительнаго сбора: народъ возмущенъ такимъ оскорбленіемъ, какъ же поступитъ отецъ Анастасій? За себя онъ не боится, не отступаетъ онъ даже и предъ страхомъ кары: вѣдь святое дѣло встать на защиту своей вѣры,—но народъ онъ останавливаетъ и старается удержать отъ рѣзкаго проявленія своихъ возбужденныхъ чувствъ. Здѣсь-то въ мотивировкѣ и есть психологическая неясность: убѣжденіе ли это, что лучше одному пострадать за весь народъ, одному священнику за всю свою паству? Снобойно встрѣчалъ грозящее ему заключеніе и оскорбленіе, отецъ Анастасій сдерживаетъ бросившійся было къ нему на защиту народъ напоминаніемъ, что существуетъ для религіи высшая, небесная защита, и она-то можетъ безъ людскаго вмѣшательства и помощи спасти отъ угнетенія, если на то будетъ выпущенъ полъ. Онъ приглашаетъ народъ успокоиться и далѣе торгѣть, какъ торгѣли и доселѣ, молясь и плача. Смертельный грѣхъ „запашдати душу дурно“: эту фразу нужно сопоставить съ тѣмъ мѣстомъ рѣчи отца Анастасія, гдѣ онъ указываетъ на безсудіе небольшой кучки, на безрезультатность задуманнаго возстанія. Такимъ образомъ выходитъ, что отецъ Анастасій не проводитъ до конца теоріи непротивленія злу, не до конца же совѣтуетъ торгѣть, молясь и совер-

шаясь, а только находить, что въ данную минуту, при наличныхъ силахъ, попытка восстанія будетъ неудачною: нужно ждать, чтобъ случились болѣе благоприятныя условія ¹⁾. Ближе развиваетъ свою мысль отецъ Анастасій въ своихъ словахъ Семену Герцыку. Когда Герцыкъ, возмущенный исчезновеніемъ своей невѣсты, ея насильственнымъ, какъ ему казалось, захватомъ, поднимаетъ въ порывѣ мести народъ противъ поляковъ вообще и похитителя-старосты въ частности, отецъ Анастасій удерживаетъ народъ сначала напоминаніемъ о святости дня, а послѣ рѣзкой отповѣди Герцыка — указываетъ, что неудачная попытка восстанія еще болѣе усилитъ гнѣтъ и давленіе со стороны поляковъ, и единственный по его мнѣнію выходъ это просить помощи у гетмана Хмельницкаго и, соединившись съ его войсками, разомъ подняться противъ поляковъ и добиться не временнаго изгнанія поляковъ изъ Украины, а полной свободы, полнаго очищенія украинской земли отъ непримиримыхъ враговъ. Но когда неожиданно эта помощь явилась, отецъ Анастасій снова успокаиваетъ народъ, призывая снова не поддаваться чувству мести, но забывать въ день Воскресенія великаго завіта Воскреснаго. И опять мы слышимъ тѣ же увѣщанія и призывы среди рѣзни и набіенія, но здѣсь уже побѣды лена, и этотъ призывъ къ гуманности обращенъ уже къ великодушію побѣдителей. Таковы неясности и недомолвки въ обрисовкѣ фигуры отца Анастасія.

Жестокій въ своемъ упоеніи местью, Лысенко не сразу поддается на увѣщанія и уговоры отца Анастасія; наконецъ, онъ уступаетъ, останавливаетъ рѣзню и даруетъ жизнь старостѣ поляку. Но тотъ не принимаетъ такого дара: униженіе вчерашняго повелителя и господина слишкомъ велико, чтобы ему это все перенести. Онъ пронизываетъ надъ великодушіемъ побѣдителя: неужели это великодушіе, эта пощада можетъ загладить весь вредъ и зло, причиненные полякамъ дѣятельностью Лысенки, неужели Лысенко думаетъ этимъ смыть всю пролитую имъ доселѣ польскую кровь? И вмѣсто благодарности за великодушіе, за пощаду, староста хочетъ мести, хочетъ биться одинъ-на-одинъ съ Лысенкомъ. Поединокъ кончается для обоихъ враговъ смертельнымъ исходомъ, и въ предсмертной агоніи Лысенко обращается со словомъ примиренія къ сражающему противнику и получаетъ въ свою очередь тѣ же слова примиренія и отъ старосты. Оба они умираютъ. Не подчеркнуто это, какъ мысль автора, но невольно

¹⁾ „коли бъ при явнѣшъ се було случай“...

приходить на умъ: неужели такъ и суждено этимъ двумъ братьскимъ народамъ враждовать и ослабить другъ друга, чтобы только на пороги вѣчности и смерти примириться, чтобы умереть братьями? Слово это отвѣтъ на идиллическіе образы бывшей дружбы, бывшего мирнаго единенія близкихъ сосѣдей (при королѣ Стефанѣ,—по словамъ Саввы Чалаго).

Лысенко и его сестра Марина, Савва Чалый, отецъ Анастасій—это персонажи, обрисованные болѣе детально; нѣсколько дальше стоятъ Катерина, жена Саввы Чалаго, готманъ Петро, отецъ Саввы, староста перемышлявскій, Конещпольскій,—намѣчены они поверхностнѣе, безъ детальной психологической разработки; два представителя польской администраціи и аристократіи—староста перемышлявскій и Конещпольскій словно отбѣгаютъ своимъ польскимъ панскимъ миросоверпаніемъ настроенія и желанія народной массы. Въ обрисовкѣ Катерины, сначала невѣсты, а послѣ и жены Саввы Чалаго, чувствуется близкое вліяніе народной лирики и созданныхъ ею чарующихъ женскихъ образовъ. И это не только въ общей обработкѣ женскихъ персонажей, даже въ отдѣльныхъ мѣстахъ решеніе чувствуется вліяніе тѣхъ или иныхъ опредѣленныхъ мѣстъ народныхъ пѣсенъ и ихъ деталей. Обычный интродуктъ драматическихъ произведеній украинской литературы, вставки народныхъ пѣсенъ, на лицо и у Костомарова: первое появленіе Катерины въ первой сценѣ 2-го акта намѣчаетъ общее положеніе дѣла грустною ея пѣсней „Чи я в лузі“, подобно тому и въ концѣ пьесы въ пѣсней предчувствіи грядущаго несчастія Савва Чалый выражаетъ народною пѣсней свое тоскливое настроеніе. Такимъ образомъ, какъ выше въ стихотвореніяхъ, такъ и здѣсь въ драматическихъ сценахъ чувствуется близкое вліяніе народной лирики ¹⁾.

¹⁾ Костомаровъ самъ въ автобіографіи отиѣтилъ въ трагедіи „Перемышлявщина“ какъ особенность „введеніе хора, что придавало ей видъ подражанія древней греческой трагедіи“ (Литер. насл. с. 37). Хоръ выступаетъ въ двухъ мѣстахъ: въ первомъ случаѣ это послѣ разказа Лысенка, призыва къ восстанію и діалога между Лысенкомъ и отцомъ Анастасіемъ. Распадается здѣсь хоръ на отдѣльные моменты: общій хоръ, хоръ всѣхъ: контрастъ легкой весны и тяжелой неволи Украины, далѣе въ тѣсной впаляющей силѣ хоръ молодежи: юношей и дѣвушекъ; при чемъ юноши поютъ дѣвушкѣ къ веселию играть и забавать, а дѣвушки отвѣчаютъ напоминаніемъ о необходимости сначала раздѣлаться съ врагомъ. Наконецъ, общій хоръ, хоръ всѣхъ заключаетъ сравненіемъ сибѣга, уступившаго протѣтскому, съ врагомъ, подпавшимъ суровой заслуженной карѣ. Въ другомъ случаѣ хоръ выступаетъ послѣ свиданія Лысенка съ сестрою Мариною и си признаніемъ о любви своей къ старостѣ подляку: хоръ, разбитый на два подхора, славитъ сначала личную любовь и си

Выше указано было чистосердечное признаніе самого Костомарова въ слабыхъ сторонахъ его пьесъ въ смыслѣ историческомъ. Остается сказать еще нѣсколько словъ о литературныхъ ихъ достоинствахъ. Основная черта драматическихъ пьесъ Костомарова—горячая любовь къ родинѣ, ея минувшому: былия страданія вызываютъ въ авторѣ горячее сочувствіе къ угнетеннымъ и торгившимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ повсюду сквозитъ бодрая увѣренность въ будущемъ, бодрая надежда на свѣтлую судьбу впереди. Между двумя этими по времени послѣдовательными пьесами есть небольшая разница въ разработкѣ основного сюжета. Судьба Саввы Чалаго—тема первой пьесы—это личная судьба, личныя колебанія и сомнѣнія, народа здѣсь нѣтъ и на сценѣ лишь отдѣльныя единичныя личности. Во второй пьесѣ выступаетъ уже и народъ: здѣсь не только изъ разговора присутствующихъ—какъ въ пьесѣ „Савва Чалый“—мы узнаемъ про тяжелое положеніе Украины, но и цѣлымъ рядомъ вмѣстѣ подобранныхъ эпизодовъ авторъ прямо передъ читателемъ рисуетъ угнетенное положеніе украинской народности и украинскаго населенія. Народныя массы являются здѣсь дѣятельнымъ факторомъ: онѣ пассивны и не выступаютъ пока, но въ глубинѣ народной души таятся тяжелое бремя безсильной ненависти и мучительной злобы, и появленіе Лысенка—толчокъ, выводящій изъ этой тяжелой пассивности. Народъ поднимается, чтобы отомстить и вернуть свои права, и на фонѣ этого пробужденія, этого подъема, вырисовываются колебанія Лысенка, страданія влюбленной Марины, ея тяжелый компромиссъ между родиною и любовью. Такимъ образомъ, въ разработкѣ пьесы народъ является уже важнымъ, необходимымъ элементомъ:—это было новинкою. Встрѣчается у Костомарова порою недостатокъ жизненности и выпуклости въ обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, неясности и пропуски въ психологической мотивировкѣ отдѣльных поступковъ и дѣяній, но эти промахи не подрываютъ литературныхъ достоинствъ пьесъ Костомарова, первыхъ историческихъ пьесъ въ украинской литературѣ XIX в. ¹⁾.

ѣтность никому, а потому великую любовь къ родинѣ, ея превосходство и первенство надъ всеми стремленіями и чувствами.

¹⁾ Относительно критики первыхъ опытовъ Костомарова на украинскомъ языкѣ отмѣтимъ, что Вѣлискій очень благосклонно отнесся къ первой пьесѣ Костомарова и болѣе сдержанно къ его же Валладамъ (Отеч. Зап. 1839). А. Чужбинскій, разбирая альманахъ Гребеня „Ластіпка“, мимоходомъ упомянулъ, что „Савва Чалый“ бездарное произведеніе (Москвитинъ 1841 г.), а Тихорскій, вообще похваливъ драму „Переяславська нічъ“ и переводы изъ Байрона, прочелъ цѣлое наставленіе на тому

Костомаровъ ¹⁾ не только былъ усерднымъ вкладчикомъ ²⁾ современной украинской литературы, но онъ же выступилъ и въ роли критика: въ сборникъ Бедяго „Молодикъ“ помѣстилъ Костомаровъ критическую статью „Обзоръ сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ“. Собственно критикѣ современныхъ литературныхъ произведеній на украинскомъ языкѣ предпосланы общія замѣчанія объ украинской литературѣ и украинскомъ литературномъ языкѣ—вообще. „Языкъ, называемый обыкновенно малороссійскимъ, которымъ говорятъ въ юго-западныхъ губерніяхъ Россіи и въ Галиціи королевствѣ, не есть нарѣчіе языка русскаго, образовавшагося въ послѣднее время: онъ существовалъ издавна и теперь существуетъ какъ нарѣчіе славянскаго корня, занимающее по своему грамматикальному и лексикальному устройству средину между восточными и западными нарѣчіями огромнаго славянскаго племени, нарѣчіе правильное, богато, гармоническое и способное къ развитію литературной образованности.... Но, можетъ быть, спросятъ: гдѣ же прежняя малороссійская литература? ибо если существовалъ народъ, то какъ можно, чтобы языкъ его оставался вовсе безъ письменности? но спросимъ прежде: была ли въ сѣверной Руси великороссійская литература? А между тѣмъ языкъ этой половины нашего отечества такъ же древенъ, какъ и южной“. Далѣе авторъ переходитъ къ историческимъ указаніямъ и намѣчаетъ процессъ образованія изъ литературнаго языка древней Руси—церковно-славянскаго—путемъ привнесенія сюда элементовъ народной рѣчи малороссійской и великороссійской—позднѣйшихъ двухъ литературныхъ языковъ Сѣверной Руси и Южной Руси, и вмѣстѣ съ тѣмъ

„поэзія—дѣла чистая“, о необходимости воздерживаться въ литературныхъ произведеніяхъ отъ всякихъ рѣзкихъ выраженій и „бранимыхъ словъ“ (Маякъ 1842). Въ защиту „Чернявльскаго поета“ отъ нападокъ Тихорскаго выступилъ Семеновскій (Маякъ 1843 XII). Относительно отзыва Чужбинскаго, см. въ автобіографіи Костомарова. Русск. Мысль 1885. V, стр. 204, — объясненіе самого Чужбинскаго на счетъ поспѣшности оцѣнки.

¹⁾ Костомарову принадлежатъ редакція украинскаго отдѣла въ „Молодикѣ“ Бедяго; интересно и умѣло подобранный литературный матеріалъ вызвалъ общее вниманіе и одобреніе публики. См. у Срезневскаго, Н. В. Вецкій. Жур. Мин. Нар. Просв. 1900. XII. 290.

²⁾ О нѣкоторыхъ неизданныхъ произведеніяхъ Костомарова вспоминаетъ А. Корсунъ въ воспоминаніяхъ своихъ о харьковской былой дружбѣ съ Костомаровымъ, см. Русскій Архивъ 1890. X, а нѣкоторые литературные свои планы намѣтилъ самъ Костомаровъ въ письмѣ своемъ Бедягому, см. въ статьѣ Срезневскаго, Н. В. Вецкій. Жур. Мин. Нар. Просв. 1900. XII.

указываетъ, что литературный языкъ Южной Руси „много имѣлъ вліянія на образованіе нашего языка высшаго общества и литературы“... Новый расцвѣтъ украинской литературы въ началѣ XIX в. тѣсно связанъ съ усвоеніемъ идеи народности: „народность Малороссіи есть особенная, отличная отъ народности Великороссійской.... По какъ могъ явиться на поприщѣ извѣстной литературы малороссійшишь, получившій первыя впечатлѣнія въ Малороссіи, лепетавшій—можетъ быть—первыя слова на родномъ своемъ языкѣ? Не иначе, какъ съ своею малороссійскою народностью, съ своимъ народнымъ нарѣчіемъ.... Стремленіе писать по малороссійски—есть потребность времени, потому что исходить изъ того начала, которое оживляетъ настоящее общество“...

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній Костомаровъ переходитъ собственно къ произведеніямъ украинской литературы XIX в.; начинается критикъ, конечно, съ „Энеиды“, далѣе идетъ разборъ „Паталки-Полтавки“ и стихотвореній Гулака-Артомовскаго. И „Энеида“ Котляревскаго и пародіи Гулака для Костомарова показатели дѣлага „пародического направленія“: это переходная ступень въ развитіи нашей литературы, переходная ступень къ задачамъ болѣе серьезнымъ и сложнымъ, но это „пародическое направленіе“ имѣло и опасныя качества, оно словно отбрасывало тѣнь на всю молодую литературу, словно возбуждало сомнѣнія въ серьезности дѣлага періода литературы. „Грѣбенка порвѣи отошелъ отъ прежняго пародического направленія... (онъ) хотѣлъ въ своихъ сочиненіяхъ показать способность его (украинскаго языка) къ развитію и богатству. Перевесть Полтаву Пушкина на малороссійскій языкъ—идея смѣлая, приносящая честь тому, кто первый счелъ языкъ способнымъ къ этому“... Съ другой стороны—„безъ всякаго сомнѣнія, честь возведенія родного слова на высшую степень развитія—смѣю сказать—честь созданія малороссійской литературы принадлежитъ писателю, скрывшему себя подъ вымышленнымъ именемъ Основьяненко“. Далѣе идетъ обстоятельная характеристика произведеній Квятки и специальный экскурсъ о психологіи украинской дѣвушки и жепщины. Другая крупная фигура современной украинской литературы, конечно, Шевченко, недавно начавшій, но неоспоримый талантъ, признанный всѣми. Критикъ выписываетъ стихъ „Бють пороги“ и послѣ общихъ указаній о литературномъ достоинствѣ стихотвореній Шевченка заканчиваетъ: „Основьяненко и Шевченко, безъ сомнѣнія, суть лучшіе малороссійскіе писатели, особенно отъ послѣдняго, при счастливомъ направленіи, можно ждать плодовъ достойныхъ“. По мысли автора, Квятка и Шевченко не только дальшо

ведуть молодую литературу, но впервые—послѣ крайностей „пародическому направлению“—ставятъ ее на достойную высоту, усваивая ей серьезный характеръ. Статья заканчивается разборомъ сочиненій К. Тополи и А. Метлинскаго, этихъ дѣи миногес современной Костомарову литературы украинской. Разобранная критическая статья—единственный опытъ Костомарова въ этомъ родѣ за все харьковское время: да и долго позднѣе не возвращался Костомаровъ къ такимъ темамъ, хотя первый дебютъ и имѣлъ успѣхъ.

IV.

Научныя работы.

Первою самостоятельной работою научнаго характера была для Костомарова разборка Острогомскаго казачьяго архива: одновременно было это и изученіе архива съ научными цѣлями и школа архивныхъ изысканій. Постепенно первоначальный скромный планъ расширяется болѣе и болѣе, и Костомаровъ задумываетъ болѣе сложную работу, именно проработать на основаніи сырого архивнаго матеріала исторію Слободской Украины: это былъ бы переходъ отъ прежнихъ „топографическихъ описаній“ и историко-статистическихъ экскурсовъ къ научно продуманному историческому обзору. Къ сожалѣнію, отъ этого ранняго труда не осталось слѣдовъ¹⁾.

Рако начинается намѣчатся у Костомарова основная черта его историческаго міросозерцанія—демократическое пониманіе исторіи. Заинтересовавшись внутреннею стороною пережитыхъ человѣчествомъ эпохъ, Костомаровъ скоро замѣтилъ важный пробѣлъ въ построеніихъ минувшаго прошлаго: не хватало народа, народныхъ массъ. „Отчего это—думалось молодому историку—во всѣхъ исторіяхъ толкуютъ о выдающихся государственныхъ дѣятеляхъ, иногда о законахъ и учрежденіяхъ, но какъ будто пренебрегаютъ живяюю народною массою? Бѣдный мужикъ, земледѣлецъ труженникъ, какъ будто

¹⁾ Автобіографія (Русск. Мысль 1885. V, 200--201). Автобіографія (Литер. Насл. 27—28; трудъ пропалъ при кievской катастрофѣ). Отмѣтить, что мысль объ исторіи Слободской Украины не была новизною для харьковскихъ знатоковъ мѣстной старины: въ 1812 г. заданы въ Харьковѣ „Записки о Слободскихъ полкахъ“ (Г. О. Квитка, переводъ въ Харьковѣ 1883 г.), въ 1839 г. Срезневскаго „Историческое Обзореніе гражданскаго устройства Слободской Украины“ (перевзд. въ Харьковѣ 1883 г.), наконецъ статья Квитки „О Слободскихъ полкахъ“ напечатана въ Современникѣ 1840 г.

не существуетъ для исторіи; отчего исторія не говоритъ намъ ничего о его бытѣ, о его духовной жизни, о его чувстваваніяхъ, способѣ его радостей и печалей?"¹⁾ У насъ теперь нѣтъ ясныхъ указаній на систему историческаго чтенія, на постепенную выработку оцѣнокъ и взглядовъ у Костомарова для этого далекаго времени, но по исторіи указанія мы находимъ въ историческихъ стихотвореніяхъ и пьесахъ Костомарова, именно здѣсь мы можемъ подмѣтить и прослѣдить, чѣмъ интересовался Костомаровъ въ минувшихъ судьбахъ родины, какими сторонами и какими моментами былой жизни. Присматриваясь внимательно къ этимъ поэтическимъ пробамъ Костомарова, легко замѣтить, что наиболѣе интересны ему не воспоминанія былаго могущества и славы, а отголоски времени подъема народныхъ массъ за свою вѣру, родину и національность, и силуэты одинокихъ выразителей народнаго протеста и гнѣва въ эпоху угнетенія и напряженнаго затишья передъ бурей, которое такъ часто въ близорукое ослѣпленіе считали за полное успокоеніе. Расправы гайдамакъ и движеніе Хмельницкаго, тяжелые факты угнетенія и могучій взрывъ народнаго воодушевленія—вотъ темы литературныхъ опытовъ Костомарова.

Эти-то интересы отразились и на первой диссертациі Костомарова²⁾. Затрагиваетъ она эпоху введенія религіозной уніи—„О причинахъ и характерѣ уніи въ Западной Россіи“ (1842), но помимо разработкѣ фактовъ и способа ихъ осмысленія, интересны здѣсь и общія воззрѣнія историка. „Когда исторія—замѣчаетъ здѣсь Костомаровъ—представляетъ намъ борьбу противныхъ идей, движущихъ враждебныя массы одного и того же народа, важность такой борьбы опредѣляется по мѣрѣ того, какъ весь народъ приметъ въ ней участіе, идеи ея приведутъ въ движеніе всѣ силы страны и станутъ народною идеею. Но чтобы опредѣлять характеръ такой эпохи, мы непремѣнно должны вникнуть въ событія того времени, когда пачала одушевляющія эту борьбу развиваются и приготавлиются ея дѣйствительности“. Такимъ образомъ, для ученаго, центръ интересовъ—жизнь и воззрѣнія народныхъ массъ и съ момента ихъ выступленія исторіи пріобрѣтаетъ особый интересъ. Унія интересна для Костомарова съ

¹⁾ Автобіографія—Интер. Пасл. стр. 28.

²⁾ О диссертациі Костомарова въ статьѣ М. Сухомлинова—Уничтоженіе диссертациі Н. И. Костомарова въ 1842 г.⁴. Дреинія и Новая Россія 1877. I, стр. 42—55.

того момента „когда она сдѣлалась политическою задачею, когда въ лагеряхъ козацкихъ предводителей рѣшено было отторгнуть Западную Русь отъ Польши, а въ московскомъ кабинетѣ—соединить ее съ Московіею“, здѣсь главный интересъ этой эпохи для изслѣдователя, хотя, конечно, для яснаго пониманія нельзя оставить безъ вниманія и предшествующаго времени, когда она, уніл, „возникла подъ честолюбивыми замыслами епископовъ“. Вопреки прѣжнему вниманію историковъ къ правителямъ и дипломатамъ, Костомаровъ выдвигаетъ на первый планъ народную массу, отодвигавшуюся ранѣе всегда въ тѣнь. Сообразно съ такимъ возрѣніемъ мѣняется и оцѣнка главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Хмельницкій, раньше вождь-освободитель, двигавшій и направлявшій народныя массы, теперь является лишь выразителемъ народныхъ стремленій и желаній. Хмельницкій это „человѣкъ, посланный Провидѣніемъ въ то время, когда уже сѣмена рѣшительнаго переворота созрѣли, когда единственною одушевляющею идеею народною стало освобожденіе отъ чужеземнаго ига;... но Хмельницкій подпаялъ ее (брань), но ему принадлежитъ честь освобожденія родины, честь славнаго окончанія первой войны: онъ былъ только избраницкомъ народа своего, орудіемъ потребностей своего времени, своей страны... не Хмельницкій былъ дѣйствующимъ лицомъ, а народъ; не Хмельницкій воззвалъ народъ къ возстанію, а народная потребность вызвала Хмельницкаго изъ бездѣйствія“...

Хмельницина или „брань малороссіянъ съ поляками“ — выясняетъ авторъ свой взглядъ—„эта великая борьба 'за свободу совѣсти, за независимость страны, — не была мятежомъ для пріобрѣтенія выгодныхъ правъ, не была возмущеніемъ утѣшенной массы въ родѣ попытки, это было ополченіе рѣшительное“... Различнаго типа бывали мятежи и возмущенія — дальѣе развиваетъ свою мысль Костомаровъ— „но бываютъ возстанія народа, потерявшаго не только права гражданскія, но и человѣческія; возстанія въ ту эпоху, когда всякое терпѣніе исчезаетъ, когда тиранія не одного правительства, а цѣлаго народа надъ другимъ переходитъ границы: такіа возстанія не кончаются примиреніемъ, а совершеннымъ отдѣленіемъ, часто паденіемъ одного изъ народовъ. Въ мятежахъ всѣхъ предъидущихъ родовъ для успѣха нужно великаго человѣка, нужно приготовить средства: здѣсь не для чего нести ихъ—они лягутъ сами; не нужно воззваній—всякій чувствуетъ свое бѣдствіе, всякій готовъ на смерть, потому что для всякаго уже надоѣла жизнь; не нужно даже готоваго войска: старики и женщины становятся въ ряды мятежныхъ полчищъ. Таковы

были брани нидерландцевъ съ испанцами, брани шведовъ съ датчанами при Густавѣ Вазѣ, брани грековъ съ турками въ наше столѣтіе. Такова была брань малороссянъ съ поляками“...

Конечно, чтобы представить ясно значеніе уніи въ исторіи украинскаго народа, нужно прослѣдить основные моменты предшествующаго времени. „Западная Русь, вначалѣ имѣвшая свою религіозную и національную самостоятельность, теряла ее по мѣрѣ упадка внутреннихъ силъ и единства“. Живя въ близкомъ сосѣдствѣ съ Польшею, Русь постепенно сближалась съ нею въ политической жизни и виѣствѣ съ тѣмъ—отмѣчаетъ Костомаровъ—сближалась православная вѣра съ римско-католическою: казалось, что болѣе тѣсно сближить двѣ народности, болѣе прочно ихъ свяжетъ—унія, однако вышло не такъ. „Народъ русскій былъ безсиленъ устоять въ православіи и національности. Унія пробудила въ немъ чувство того и другого“, и такимъ путемъ „послѣдствія уніи были совершенно противны ея положительному назначенію: дѣло шло о томъ, чтобы соединить крѣпко Русь съ Польшею, утвердить силу королевства, истребить на Русн православіе, а вышло то, что Русь совершенно освободилась отъ польскаго ига, Польша погибла, православіе избавилось отъ враговъ и процвѣло въ полномъ блескѣ“. Важную роль сыграли здѣсь козаки: они „были виновниками перерожденія Малороссіи и спасителями православія и народности“.

Такимъ образомъ тема объ уніи, взятая именно со стороны участія или интересовъ народной массы, неминуемо выдвигала вопросъ о ранней исторіи козачества въ XVI в. Явленіе, казалось бы, самостоятельное—унія тѣсно связана была съ многими теченіями и сторонами тогдашней жизни, и потому при разработкѣ темы объ уніи неминуемо поднимались и другіе важные и интересные вопросы. Перейдя отъ организаціи слободскихъ полковъ къ явленію болѣе раннему— уніи, изслѣдователь увидѣлъ безчисленныя нити, соединявшія эту эпоху съ временами предшествовавшими, напримѣръ, съ порою возникновенія и первоначальнаго развитія козачества. Такъ отодвигался далѣе и далѣе центръ научныхъ интересовъ Костомарова. И сама Хмельничина, какъ тема самостоятельная, оказалась связанною съ многими другими важными и неразработанными еще вопросами, и, перейдя къ изученію историческихъ источниковъ для времени Хмельницкаго, Костомаровъ долженъ былъ параллельно заняться обработкою детальныхъ экскурсовъ по ранней исторіи козачества, по исторіи дворянскаго сословія etc. Какъ что изъ этихъ своихъ экскурсовъ

онъ успѣлъ обработать еще въ Харьковѣ—такъ появились двѣ его историческія статьи въ сборникѣ Вецкаго „Молодикъ“¹⁾.

Первая статья „Русско-польскіе вельможи. I. Князья Острожскіе“ открывается общими бѣглыми замѣчаніями о могуществѣ и значеніи магнатства въ Литвѣ и Польшѣ; подчеркиваетъ исторію отношеній этого магнатства къ вѣрѣ и народности: „неоспоримо то, что большая часть изъ тѣхъ, которые жили въ Великомъ княжествѣ, были русскіе по крови и по вѣрѣ, въ старину храбро и ревниво стояли за честь своего отечества и неизрочною, напоминая польскимъ королямъ, что русскій народъ соединился съ польскимъ, какъ равный съ равнымъ, вольный съ вольнымъ,—а дѣти ихъ и внуки, принявши польскіе права и обычаи, перешли наконецъ въ католичество и сдѣлались прагами своей вѣры, родины и единокровнаго народа“. Останавливается нѣсколько детально на личности К. И. и К. К. Острожскихъ, отмѣчаетъ заботы о просвѣщеніи К. К. Острожскаго, описываетъ, какъ картину быта того времени, пышность острожской жизни магнатства, подробно рассказываетъ переходъ Острожскихъ въ католичество, заканчивая указаніями о судьбѣ Януша и Анны Острожскихъ.

Вторая статья „Первая война малороссійскихъ козаковъ“ обнимаетъ движеніе Косинскаго и Наливайка. „При составленіи этого разсказа сочинитель—замѣчаетъ Костомаровъ—руководствовался преимущественно Лубенскимъ²⁾, Янчинскимъ, Нѣщевичемъ, малороссійскимъ лѣтописцемъ и народными пѣснями“. Начиная авторъ съ общихъ замѣчаній о разложеніи общественнаго строя Польши за это время: „власть юриды ослабѣвала, сплосвольные магнаты забыли вслкія границы буйству; на сеймахъ не было ладу, въ судахъ—правосудіи, въ управленіи—порядка, въ законахъ святости“... Недовольство существующимъ порядкомъ проникало всѣ круги общества, магнаты жалѣли о недавней самостоятельности и сожалѣли о соединеніи Литвы съ Польшею, опасаясь за будущее. Народъ былъ въ угнетеніи у помѣщиковъ, евреевъ-арендаторовъ и буйнаго жолнерства, размѣщеннаго на квартирахъ. Духовенство роптало на свое зависимое положеніе и проистекающую отсюда приниженность. „Всѣмъ было худо, но не всѣ равно думали, какъ помочь горю“. Шляхта думала добиться своего мирнымъ, конституціоннымъ путемъ, но изъ сеймовыхъ приви-

¹⁾ Кн. III, стр. 46—70, 186—203.

²⁾ Сомнѣніе въ вѣрности его показаній—см. стр. 50*.

легій объ уравненіи правъ ничего не выходило. Духовенство и крестьянство сами по себѣ были безсильны, а казаки такъ говорили во всеуслышаніе: „пришла пора посчитаться съ ляхами; коли наши права руйнують, коли православную вѣру вражуютъ, такъ дадимъ жемы имъ!... Первое непріятельское движеніе противъ поляковъ, предпринятое съ цѣлью освобожденія отъ польскаго ига, было движеніе Косианскаго 1594 г. Косианскій задумалъ освободить Украину отъ Польши, хотѣлъ быть въ самомъ дѣлѣ независимымъ гетманомъ и сражался не изъ добычи, а для освобожденія Украины; славяне всѣхъ его сподвижниковъ былъ Иванъ Лобода, полковникъ Переяславскій“. Таковъ для Костомарова смыслъ этого давняго времени и побужденій козачества въ эту раннюю пору его существованія. Козачество еще не принимаетъ значенія рѣшающаго элемента въ русско-польскихъ распряхъ, но уже намѣчается его будущая роль, намѣчается самымъ ходомъ дѣлъ и жизни.

Если говорить о первыхъ шагахъ Костомарова въ изученіи исторіи козачества, то не лишнее будетъ привести его замѣчанія о казакахъ изъ диссертациі о народной поэзіи ¹⁾. „Политическая жизнь Малороссіи—замѣчаетъ онъ здѣсь—была военною. Козакъ, руководимый идеями вѣры и любви къ родицѣ, жилъ въ непрекращающей брани... Враги Христа—турки и татары были непримиримыми врагами козаковъ“... Среди главныхъ, основныхъ признаковъ типа козака по пѣснямъ Костомаровъ на первомъ мѣстѣ ставитъ вѣру, любовь къ родицѣ. Далѣе въ изложеніи присоединяется къ этому чувство товарищества, воинственность и стремленіе къ славі; по поводу Нечая замѣчено, что „козакъ былъ природный поэтъ: творческая сила при случаѣ готова зашевелиться въ груди его“; комбинируя всѣ эти указанія и черты пѣсенъ, легко замѣтить, что для пѣсеннаго творчества козакъ—идеаль, „все прекрасное является (въ пѣняхъ) подл. образомъ козака“; другое, конечно, дѣло, насколько такая идеализація совпадаетъ съ дѣйствительностью; разработка исторіи козачества и должна была внести сюда поправки.

Турки и татары были природными врагами козачества, но съ поляками сначала были дружескія отношенія: „въ началѣ малоруссы не были враги ляхамъ; чувствуя кровное славянское родство, признательность вельтому покровителю (Баторію), они клялись „зъ ляхами

¹⁾ „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“ стр. 92, 143, 158, 99, 102, 108, 110.

якъ зъ ридными братами жити и королю служити"...¹⁾). Современники видѣли въ дѣлѣ Баторія залогъ новаго продолжительнаго очастія²⁾). Не такъ оно вышло. Съ восшествіемъ на престолъ иноплеменной династіи Вазы начался смертельный раздоръ. Сѣмъ стѣсняетъ права рыцарей православія; скопища крамольниковъ, покровительствуемыя правительствомъ, замышляютъ испровергнуть вѣру праотцевъ. Козаки ли, свободные, храбрые, преданные вѣрѣ и родинѣ, стерпятъ такія несправедливости?... Въ періодъ отъ Наливайка до возстанія при Хмельницкомъ козацкая сила окрѣпла, хотя съ виду кажется, будто угнетеніе и рабство угнетали всякое стремленіе къ свободѣ. Сагайдашній, пользуясь обстоятельствами и слабостію польскаго правительства, удержалъ козацтво между двумя крайностями и подготовилъ его быть спасеніемъ цѣлой русской націи. Сагайдашній показалъ, что Малороссія нужна для Польши и, вѣдѣвъ, при случаѣ можетъ сладить съ Польшею: съ виду онъ былъ преданъ польскому правительству, но поступалъ вопреки ему, дѣйствуя вслѣдствіе для блага своей родины... Сагайдашній былъ политикъ, дѣйствовалъ скрытно и медленно; если и враждовалъ съ поляками, то при удобномъ случаѣ мирился; у него въ виду была цѣль дальнѣйшая. Такой образъ дѣйствія совершенно не народенъ. Народъ принимаетъ къ чувству и сознанію только тѣ событія, въ которыхъ онъ самъ дѣйствующимъ лицомъ... Со смертью Сагайдашнаго настали времена страшныя. Католики и отступники поработили совершенно Малороссію. Вѣра въ униженіи; народъ въ рабствѣ; козацтво лишается даже имени. Бѣдственно кончились попытки Тараса, Павлюка, Гостриницы. Но пламень мести, надежда свободы борется со всеобщимъ отчаяніемъ"... И характеризуи это время по фальсификатамъ-лѣсиямъ, Костомаровъ замѣчаетъ по поводу Повтора-Кожуха въ такъ называемой думѣ о трехъ полководцахъ: „ужасная лѣсяя, народнаго отчаянія. Горькаго времени памятникъ“...

„Но вотъ прошло нѣсколько лѣтъ; козачество воскресаетъ, растетъ, мужаетъ. Настала цѣль грозная, эпоха освобожденія—это время Хмельницкаго. Въ сѣтѣ лѣсяя отразилось это памятное время и каждый выражаетъ дѣятельность цѣлаго народа“. Но вотъ гибнетъ

¹⁾ Смысла на думу о Богданкѣ. „Запорожская старина“, I, стр. 77—82.

²⁾ Идѣли польско-козацкія отношенія при Баторіи, см. у такъ называемаго Конисскаго „Исторія Руссовъ“. Срнн. также и взгляды Саввы Чаплго въ нѣсѣ того же названія.

Хмельницькій, снова неуспѣвшій сложиться и принять прочныя, устойчивыя формы, порядокъ жизни и отношеній подвергается колебаніямъ и измѣненіямъ. „Малороссія, подчиненная Россіи, еще содержала въ себѣ такіе элементы, которые порождали несогласія, раздоры и партіи. Постоянно, можно сказать, дѣйствовали въ этой странѣ двѣ противныя партіи. Къ первой принадлежали люди благомыслящіе и большая часть простого народа. Эта партія считала русскаго Царя своимъ, Украину частію всеобщаго русскаго отечества. Была противная партія; ея держались честолюбцы, шляхтичи, напуганные польскимъ духомъ, и тѣ удалые гайдамаки, которыхъ долговременная война приучила къ дикой волюницѣ. Эта партія не любила примиренія. Шляхтичи думали примириться съ Польнею; въ головѣ удалыцевъ вертѣлась мысль о помощи невѣрныхъ противъ Россіи; а честолюбцы выискивали случая ловить въ мутной водѣ рыбу, чтобы потомъ захватить въ свои руки правленіе. Волею-неволею народъ участвовалъ въ такихъ смутахъ, которыя продолжались подолжѣтія и были пресѣчены рѣшительною волею Преобразователя Россіи“...

„Въ пѣсняхъ о разрушеніи Сѣчи слышимъ погребальныя напѣвы надъ тѣмъ староукраинскимъ козачествомъ, которое, послуживъ органомъ возрожденія Руси, теперь должно было угаснуть, какъ ненужный остатокъ прежняго періода народной жизни. Горечь, но безъ отчаянія, проникаетъ эти пѣсни“...

Такова эта общая схема исторіи козачества у Костомарова; далеко неполна она, конечно, и приравлена, кромѣ того, къ циклу народныхъ пѣсенъ. Знакомыя въ народныхъ пѣсняхъ съ тѣми „впечатлѣніями, какія на духъ народа наложили историческія обстоятельства“¹⁾, историкъ не могъ не отмѣтить важной роли, придаваемой здѣсь козачеству: козачество является здѣсь центромъ, притягивающимъ всѣ симпатіи и все вниманіе. Понятно будетъ поэтому и освѣщеніе этого минушаго явленія въ извѣстномъ опредѣленномъ стилѣ, строго выдержанномъ и цѣльномъ. Но самому характеру своей диссертациі о народной поэзіи, Костомаровъ, характеризуя народныя воззрѣнія на козачество, могъ и не останавливаться на выясненіи вопроса, насколько эти воззрѣнія и идеализація соотвѣтствуютъ дѣйствительности: отводя такое центральное мѣсто народной массѣ, какъ дѣятелю исторіи, выясняя ея представленія о пережитомъ, историкъ

¹⁾ Выраженіе самого Костомарова въ Запискѣ 1870 г. Русская Мысль, 1885, VI, стр. 44.

пока могъ ограничиться лишь передачею этихъ представлений, но въ дальнѣйшемъ, сосредоточиваясь на былыхъ судьбахъ козачества, Костомаровъ долженъ былъ критически взвѣсить и разобрать эти указанія и воззрѣнія.

Слѣды такого критическаго разбора и изученія данныхъ и мигвніи о ранней порѣ козачества мы находимъ въ статьѣ Костомарова „Мысли объ исторіи Малороссіи“, составляющей какъ бы *resumé* тогдашней его разработки и изученія исторіи козачества ¹⁾. Главная мысль автора это непосредственная связь особенностей козацкаго быта съ укладомъ древней Руси. Для болѣе понятнаго выясненія этой связи Костомаровъ слѣдитъ нѣкоторое время параллельно судьбу южной и сѣверной Руси. Тамъ на сѣверѣ ясно сознава была потребность въ объединеніи и дѣйствительно—въ противоположность удѣльной раздробленности и неустойчивости отношеній—создается единый центръ, вокругъ котораго сплачиваются отдѣльныя земли и княжества и жизнь укладывается въ новыя рамки. На югѣ—продолжаетъ изслѣдователь—сложилось иначе и особенности удѣльнаго времени дольше сохраняли свою живучесть. „Вся эта старая Русь исчезла передъ свѣтомъ новой жизни на сѣверѣ, между тѣмъ на югѣ все оставалось съ прежними началами, хотя бы и въ отличныхъ формахъ. И вотъ, какъ бы чувствуя единымъ сердцемъ и думая единою мыслию, по выраженію лѣтописца, страна южно-русская, въ самое время паденія, воскрешаетъ въ себѣ прежнія угасающія начала: является козачество“. Связываютъ съ былыми особенностями древнерусскаго быта и институты козацкаго уклада: рада это—прежнее вѣче, а гетманъ то же, что нѣкогда князь; сначала и у козаковъ припималось во вниманіе происхожденіе и лишь позднѣе—по мнѣнію Костомарова—съ переходомъ прежнихъ выдающихся русскихъ фамилій въ католичество и польскую культуру, козаки стали выбирать гетмановъ исключительно по ихъ личнымъ достоинствамъ.

Такова общая схема происхожденія козачества. Не ограничиваясь этимъ, авторъ дѣлаетъ нѣсколько критическихъ указаній относительно

¹⁾ „Библиотека для чтенія“ 1846 г. т. 78, стр. 21—42. Статья эта въ перечнѣ сочиненій Костомарова въ книгѣ „Литературное наслѣдіе“ не указана, о принадлежности ея Костомарову—въ его рецензій на „Записки о Южной Руси“ II.—Отечественныя Записки 1857, IX, стр. 13 и въ автобіографической запискѣ 1860 г.—Русская Старина 1891, II. Хотя „Мысли“ и написаны въ Кіевѣ, но основныя взгляды ея, конечно, относятся еще къ харьковскому времени. Срви. мою замѣтку, Записки Наук. Тов. ім. Шевченка, т. LXXIX, сс. 161—164.

ошибочности нѣкоторыхъ взглядовъ, встрѣчавшихъ однако признаніе и сочувствіе. Прежде всего разбираетъ исследователь вопросъ о племенномъ составѣ козачества. Высказывалось польскими учеными мнѣніе, что послѣ монгольскаго нашествія южная Русь совершенно запустѣла и обезлюдѣла, а затѣмъ она сызнова была заселена жителями изъ Литвы, Бѣлоруссіи и Польши, принесшими сюда и современный украинскій языкъ: жители эти были вызваны оттуда и переведены въ южную Русь литовскими и польскими дворянами. Противъ такого мнѣнія Костомаровъ приводитъ цѣлый рядъ данныхъ: и историческія указанія противъ мнѣнія о запустѣніи южной Руси, и прямые свидѣтельства у прежнихъ польскихъ писателей на счетъ южно-русскаго состава козачества, наконецъ отмѣчаетъ и самобытность украинскаго языка. Такимъ образомъ опровергаетъ Костомаровъ и ошибочное представленіе о не мѣстномъ, не украинскомъ характерѣ козачества, и невѣрное представленіе о громадной культурной заслугѣ польскаго панства въ колонизаціи и заселеніи опустѣвшей и обезлюдѣвшей Украины. Разбираетъ мимоходомъ онъ и невѣрное мнѣніе, приравнивающее козаковъ къ липчарямъ или мамелюкамъ, военной олигархіи мусульманскаго міра: авторъ слишкомъ хорошо знаетъ отзывы народнаго гѣсеннаго цикла о козакахъ и козачествѣ, чтобы хоть на минуту задуматься надъ мнѣніемъ, считающимъ козачество за что-то вышнее, чуждое, извнѣ налегшее на украинское населеніе; противъ такого мнѣнія—ясное выраженіе симпатій населенія къ козачеству, яркое и сильное стремленіе народа всѣмъ стать козаками, уйти въ козачество.

Другія критическія указанія касаются характеристики козацкихъ движеній. Не останавливаясь детальнѣе на вздорномъ мнѣніи, что козаки или „цѣлый народъ украинскій при Хмельницкомъ были бунтовавшіе холопы, хотѣвшіе освободиться отъ законной гражданской власти“, Костомаровъ подробнѣе разбираетъ другое, тоже въ основѣ совершенно ошибочное заключеніе. Не разъ говорилось, что борьба правительства польскаго съ козачествомъ, это—борьба государственнаго, правового начала съ стихійными, своевольными элементами, что, съ другой стороны, всѣ нареканія на польскія жестокости и на угнетеніе простаго народа все это выдумки, неосновательныя, злостныя. Указавъ вообще на близорукость польской политики, угнетавшей и стѣснявшей козачество вопреки собственнымъ своимъ выгодамъ, Костомаровъ приводитъ затѣмъ цѣлый рядъ указаній польскихъ же писателей относительно жестокостей и угнетеній. Въ подтвержденіе

въ стоявшихъ доселѣ одиноко покаяніяхъ такъ называемаго Кюиискаго на счетъ угнетеній Костомаровъ приводитъ соответствующія указанія недавно опубликованныхъ актовъ. Все это по мнѣнію его не оставляетъ никакихъ сомнѣній на счетъ того, „что такое было панство польское“.

Изъ перечня статей Костомарова за это время легко намѣтитъ кругъ его научныхъ интересовъ: общественное значеніе униі, денационализація православной шляхты, происхожденіе козачества и сущность козацкихъ движеній—вотъ главные темы; интересы на сторонѣ народа, народныхъ движеній и народныхъ настроеній. Молодой историкъ берется восполнить пробѣлы относительно жизни и стремленій украинскаго народа; въ этомъ отношеніи онъ вполне правъ: темы эти захватываютъ важные, рѣшительные моменты жизни Украины. Отъ времени подвѣйшихъ, отъ темъ случайнаго характера, подвергнувшихся подъ руку при первыхъ занятіяхъ въ архивномъ матеріалѣ, Костомаровъ переходитъ къ выясненію основныхъ вопросовъ былой исторіи Украинскаго народа. Такъ выясняется у него давняя двойственность сѣверной и южной Руси, своеобразность въ ходѣ исторической жизни тамъ и здѣсь, дагѣе непосредственныя связи, соединяющія козачество съ укладомъ древней Руси, наконецъ—основные моменты въ ранней исторіи козачества. Это коренные вопросы украинской исторіи, и на нихъ-то теперь сосредоточивается Костомаровъ.

Другая сторона—помимо темъ, либо ихъ подбора—это освѣщеніе, основная точка зрѣнія. Признавая народную жизнь содержаніемъ и цѣлью историческихъ изысканій, Костомаровъ считалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и народъ, народныя массы главнымъ дѣятелемъ минувшаго. И это воззрѣніе проводилъ онъ и на дѣлѣ. На примѣрѣ Хмельницкаго въ диссертаціи „О причинахъ и характерѣ униі“ мы видимъ, какъ перемѣщается центръ тяжести по направленію отъ бывшихъ героев—вершителей къ безымяннымъ и неопредѣленнымъ, казалось бы, народнымъ массамъ. Этотъ народъ, стоявшій въ почтительномъ по прежнимъ воззрѣніямъ отдаленіи отъ великаго гетмана, „новаго Моисея“, этотъ-то народъ и становится теперь главнымъ дѣятелемъ минувшаго времени, ему-то приписывается главная роль. „Хмельницкій—напомнимъ здѣсь цитированныя выше слова Костомарова—былъ только избранникомъ народа своего, орудіемъ потребностей своего времени, своей страны... Не Хмельницкій былъ дѣйствующимъ лицомъ, а народъ; не Хмельницкій воззвалъ народъ къ возстанію, а народная потребность вывела Хмельницкаго изъ бездѣйствія“... Подобнымъ же

образомъ участіе народа, интересы народа принимаетъ Костомаровъ повсюду въ своихъ статьяхъ изъ былого времени. Если сопоставить оцѣнку козачества, какъ „сословія, имѣвшаго задачей своихъ дѣйствій освобожденіе несчастнаго, угнетеннаго класса отъ убійственной олигархіи“, если сопоставить эту оцѣнку съ пониманіемъ причинъ козачьихъ движеній, легко увидѣть, что Костомаровъ повсюду придерживался здѣсь своего взгляда на роль народа въ минувшемъ.

Къ сожалѣнію, кромѣ этихъ отдѣльныхъ статей Костомаровъ не успѣлъ дать наряду съ диссертациею объ униі другой крупной работы, гдѣ провелъ бы рельефно и выпукло эти свои взгляды. Хотя для него ясно намѣчался уже неровнѣсь интересовъ историческихъ надъ этнографическими, однако на время пришлось Костомарову неожиданно оторваться отъ своихъ намѣченныхъ темъ. И разумію здѣсь неожиданное происшествіе съ диссертациею объ униі.

Дѣло было такъ. На степенъ магистра русской исторіи Костомаровъ представилъ сочиненіе „О причинахъ и характерѣ униі въ Западной Россіи“. Сочиненіе это было признано соотвѣтствующимъ назначенію своему, и предполагалась обычная публичная защита. Но вдругъ неожиданно пришло изъ Петербурга распоряженіе защиту отмѣнить, диссертацию уничтожить, а автору предоставить право написать новое сочиненіе для соисканія ученой степени. Пришлось, такимъ образомъ, снова приниматься за работу, обрабатывать на этотъ разъ уже новую тему ¹⁾.

¹⁾ Исторія съ диссертациею разсказана и самимъ Костомаровымъ—Автобіографія (Русская Мысль 1885. V. 205) и Автобіографія (Литер. Насл. стр. 39—40) и у Сухомлинова въ статьѣ „Уничтоженіе диссертациі П. Н. Костомарова“ Древняя и Новая Россія 1877. I, и въ воспоминаніяхъ А. Корсуна, Русскій Архивъ 1890. X. Эта исторія представляетъ нѣкоторыя неясности относительно инициативы гоненія на диссертацию. Кто именно поднялъ такое гоненіе? Тогда въ 1842 г. харьковская публичка думала, что это дѣло ея. Иннокентій, отмѣтливнаго изъ книгъ рѣзкія мѣста относительно духовенства, увѣренъ въ этомъ былъ и Костомаровъ. „Гоненіе на диссертацию—замѣчаетъ Костомаровъ въ первой своей автобіографіи—подито было вслѣдствіе высказанныхъ въ ней убѣжденій, что распространенію униі способствовало невѣжество, безправственность и глупость православнаго духовенства, и сверхъ того подѣтчены были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ взгляды скорѣе протестантскіе, чѣмъ православыне“. Однако, позднѣе явились у Костомарова на этотъ счетъ колебанія, говорилось, что доносъ былъ написанъ кѣмъ-то изъ среды профессоровъ. Облѣгаетъ ен. Иннокентій и Сухомлиновъ въ названной выше статьѣ, приписывая всю инициативу помощнику попечителя Харьковскаго учебнаго округа—Н. А. Цертелеву, обратившемуся прямо въ министерство съ залодозрѣнною книгою. Все-таки Костома-

Для второй диссертации Костомаровъ обратился къ своимъ этнографическимъ запискамъ и матеріаламъ. Конечно, отходить далеко отъ недавнихъ чисто-историческихъ темъ не хотѣлось и, такимъ образомъ, явилась въ результатъ тема смѣшаннаго характера. Пѣскольку лѣтъ тому назадъ, записывая на своихъ этнографическихъ прогулкахъ среди народа пѣсни и историческія сказанія, Костомаровъ, тогда еще наблюдатель-этнографъ, не думалъ, вѣроятно, что ему такъ скоро придется самому этимъ матеріаломъ заняться. Еще не такъ давно другъ Костомарова, Срезневскій привлекъ въ своей „Запорожской Старинѣ“ такъ много указаній изъ матеріала этнографическаго въ пѣсляхъ историческихъ изслѣдованій: уже на этомъ примѣрѣ ясна была важность народныхъ пѣсней, гдѣ такъ живо и рельефно выразился „взглядъ народа на прошедшую свою политическую жизнь, взглядъ народа какъ на прошедшую, такъ и настоящую свою жизнь, разсматриваемую *in statu quo*, взятую какъ бы въ моментъ ея существованія: это картина жизни, внутренняя исторія, передаваемая изустно самимъ народомъ“ ¹⁾. Послѣ отдѣльныхъ случаевъ привлеченія въ историческихъ изслѣдованіяхъ этнографическихъ данныхъ нужно было теоретически выяснитъ этотъ вопросъ, вотъ это и имѣлъ до известной степени въ виду Костомаровъ въ этой своей книгѣ „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“.

Вспоминая много лѣтъ спустя про эту свою книгу, Костомаровъ замѣтилъ объ ея содержаніи: „въ ней я представилъ народную символику природы, составленную на основаніи пѣсней, картину исторіи, какъ она отразилась въ пѣсляхъ, и образъ домашней жизни и нравовъ въ томъ видѣ, въ какомъ самъ народъ рисуетъ себя въ своихъ

ровъ еще позднѣ вернулся снова къ прежнему взгляду на счетъ иниціативы св. Иннокентія и на этотъ разъ уже, кажется, окончательно. Дѣло въ томъ, что въ біографіи Иннокентія (Русская Старина 1878. XI, 387) приведено письмо епископа, гдѣ говорится, между прочимъ, такъ: одинъ кандидатъ задумалъ „держать экзаменъ на степень магистра по разсужденію объ униі. Такой предметъ, который теперь имѣетъ значеніе не одно историческое, а и государственное, обратилъ, вслѣдствіе сего, особенное вниманіе на это разсужденіе. Я, къ удивленію, нашелъ, что оно писано очень въ нехорошемъ, почти не въ русскомъ духѣ, такъ что скорѣе можетъ быть выставлено въ любомъ журналѣ иностранномъ какъ доказательство, что и изъ русскихъ есть люди, кои смотрятъ на унию не по русски“... Это письмо вернуло Костомарова къ прежнимъ его харьковскимъ мыслямъ на счетъ руководящей роли св. Иннокентія.

¹⁾ Слова Костомарова: о содержаніи этой диссертации см. мою статью—„Изъ исторіи украинской этнографіи“, стр. 11—14.

пѣсняхъ“. „Я предположилъ провести мою задушевную мысль объ изученіи исторіи на основаніи народныхъ памятниковъ и знакомства съ народомъ, его нравами, обычаями и способомъ выраженія мысли и чувствованій“ и „доказывалъ важность народныхъ пѣсенъ для исторіи, не въ томъ смыслѣ, чтобы онѣ могли сообщить важный и достовѣрный матеріалъ для изложенія фактической исторіи, а въ томъ, что открываютъ намъ народное міросозерцаніе и знакомятъ насъ съ тѣми впечатлѣніями, какія на духъ народа наложили природа, историческія обстоятельства и общественныя условія“¹⁾...

Прослѣдить преобладающій характеръ этихъ историческихъ намековъ въ народныхъ пѣсняхъ, оцѣнить ихъ значеніе, выдѣливъ отдѣльныя группы и разбирая каждую группу отдѣльно, наконецъ выяснитъ степень довѣрія, внушаемаго этими извѣстіями—вотъ ближайшая задача историка; въслѣдствіи выдвинулась бы другая болѣе сложная и кропотливая задача—перебрать всѣ до одного эти указанія критически и внимательно. Костомаровъ понимаетъ эти взаимно связанные, параллельныя задачи теоретическаго изслѣдованія о цѣнности историческихъ намековъ въ народныхъ пѣсняхъ, но не провелъ ихъ до конца. Въдѣ наша жизнь, какъ и жизнь спеціально обособляемаго и научныхъ изслѣдованійхъ простаго народа, столь тѣсно связана съ историческими воздѣйствіями минувшаго времени, столь много хранитъ въ себѣ историческихъ переживаній, что внѣ рамокъ ясно выраженныхъ воспоминаній объ историческихъ судьбахъ можно говорить объ историческомъ значеніи тѣхъ явленій или вѣрованій, какія и не носятъ на себѣ прямо бросающагося въ глаза отпечатка своего историческаго происхожденія. Въ узкомъ пониманіи можно говорить объ историческихъ отголоскахъ и намекахъ въ пѣсняхъ характера историческаго, въ болѣе широкомъ пониманіи задачи можно сюда присоединить, кромѣ того, и полустершіеся отзвуки языческихъ вѣрованій, тамъ, гдѣ они стали въ обрядной пѣсни или въ пѣсни при играхъ уже непонятнымъ намекомъ, привычнымъ стереотипнымъ выраженіемъ. Наконецъ, для этнографа, присматривавшагося къ народному быту и изучавшаго на мѣстѣ среди обычныхъ условій народной жизни народныя пѣсни и преданія, заманчиво было на основаніи личнаго опыта намѣтить міросозерцаніе народа по свидѣтельствамъ и намекамъ пѣсеннаго творчества. Между этими двумя задачами и колеблется

¹⁾ Автобіографія (Русская Мысль. 1885. V, 206). Автобіографія (Литературное Наслѣдіе, стр. 41). Записка 1870 г.—Русская Мысль 1885. VI, стр. 41.

Костомаровъ. Вотъ въ главѣ первой—„Жизнь духовная. I. Религія“ Костомаровъ хочетъ охарактеризовать вообще видъ историческихъ рамокъ народныхъ представленій украинскаго населенія о божествѣ и намѣчаетъ здѣсь, какъ „главную идею, проникающую духовное существо малорусса“ — „безусловную преданность волѣ Божьей“ или „самопреданіе въ волю Божью“. Сдѣланы эти наблюденія видъ послѣдовательности историческаго процесса, создающаго взгляды и воззрѣнія, и ссылка на историческую (признанную вотомъ подложною) думу изъ „Запорожской Старины“ является здѣсь случайною. Тотъ же характеръ—выясненіе взглядовъ и воззрѣній народа на природу опять-таки безъ указанія на историческую преемственность носить и вторая глава „Жизнь духовная. II. Природа“. Авторъ хорошо знаетъ, что символика міра растительнаго и животнаго не созданіе вчерашняго дня, а существуютъ съ очень давнихъ временъ; болѣе того, и здѣсь, въ своей книгѣ, разбирая одинъ за другимъ отдѣльные символы, распределенные по нѣсколькимъ группамъ, Костомаровъ указываетъ порою на мифологическое значеніе того или иного образа либо представленія. Такимъ образомъ, глава получаетъ смѣшанный характеръ. Еще бы одно слово въ заголовкѣ, и читатель выносилъ бы ясное представленіе, что вся эта символика созданіе давнихъ временъ, и для настоящаго времени она является историческимъ переживаніемъ, отголоскомъ мифологическаго пониманія природы и ея силъ. Такое именно поясненіе сдѣлалъ авторъ повдѣе, вернувшись къ этой темѣ въ семидесятихъ уже годахъ, предпославъ наложенію народной символики заголовку „періодъ язычества или отдаленной древности“, подчеркивая въ данномъ случаѣ характеръ переживаній¹⁾.

Собственно къ историческимъ воспоминаніямъ переходитъ авторъ въ слѣдующихъ отдѣлахъ. Выше указать былъ общій взглядъ Костомарова на ходъ исторической жизни украинскаго народа. Не возвращаясь къ сказанному выше, отмѣтимъ, что историческія воспоминанія народныхъ пѣсенъ сгруппированы Костомаровымъ въ трехъ циклахъ—турецко-татарскій, польскій и русскій; при этомъ циклъ турецко-татарскій распадаются еще на рубрики—о подвигахъ козаковъ на берегахъ Дуная, о морскихъ походахъ козаковъ, наконецъ, о татарскихъ набѣгахъ и степной войнѣ съ татарами. Начинается систематическій обзоръ пѣсенъ съ Дунайскихъ походовъ и Байды, далѣе выступаютъ Свирговскій и Серпяга, послѣ пѣсни о морскихъ походахъ козаковъ и пѣсни

¹⁾ Сfr. въ упомянутой выше моей статьѣ стр. 12.

такъ называемаго невольничкаго цикла. Слѣдуя хронологической нити передаетъ Костомаровъ одинъ за другимъ рассказы пѣсенъ о давно минувшихъ событіяхъ; при этомъ, не искушенный еще критическимъ скептицизмомъ молодой историкъ вѣрить мутнымъ свидѣтельствамъ „Запорожской Старины“ и ея фальсификатамъ, какъ и „Исторіи Руссовъ“. Инолѣ полагался на эти показанія, Костомаровъ ими провѣряетъ и другія (подлинныя) историческія пѣсни, отмѣчая, напримѣръ, что въ подложной думѣ происшествія переданы „согласно съ повѣствованіемъ Конисекаго, противно лѣтописямъ польскимъ“, ссылаясь на подложную думу для подтвержденія своей мысли на счетъ „безусловной преданности волѣ Іоанной“, какъ „главной идеи, принимающей духовное существо малорусса“, или опять-таки на основаніи подложной думы такъ называемой о трехъ полководцахъ характеризуетъ народное настроеніе въ „горькое время народнаго отчаянья“. Все это черты неизбежныя при слабомъ развитіи критическаго скептицизма, въ чемъ грѣшили и не одинъ Костомаровъ въ тѣ годы.

Характеризуя общественные взгляды украинскаго пѣсеннаго творчества, Костомаровъ намѣчаетъ рядъ общественныхъ типовъ, какъ они отразились въ народной пѣсенѣ. Разборъ этихъ типовъ сдѣланъ въ двухъ направленіяхъ: какъ типы, существующіе одновременно въ обществѣ, и, затѣмъ, какъ типы, смѣняющіе другъ друга въ исторической жизни общества. Такъ намѣчены козаки, любимый персонажъ пѣсенъ, а потому и у Костомарова описанный съ наибольшою полнотою, далѣе чумаки, бурлаки и поселанниги. „Жгучее, шумное лѣто замѣняется меланхолическою, плаксивою осенью. Тысячъ пламенно-бурное козачество уступило мѣсто томительно-тихому міру чумацтва и бурлацтва. Но осень непродолжительна: студюная зима скоро смѣняетъ ее... Поселанниги послѣдній образъ, къ которому настъ приводитъ изслѣдованіе народныхъ малороссійскихъ типовъ“. Этими немногими словами намѣчаетъ изслѣдователь постепенную смѣну типовъ общественной жизни. Конечно, поселанне были, мирно жили и пахали и въ пору разцвѣта козачества, но когда измѣнившіеся условія жизни, условія мирнаго и спокойнаго существованія снесли прежнія спеціальныя особенности украинской исторіи, особенности, вызвавшія козачество, эта общественная группа исчезла, ставши лишь историческимъ воспоминаніемъ, какъ и въ болѣе близкое къ намъ время желѣзныя дороги уничтожили чумацество.

Остываясь на типѣ поселаннина, авторъ описываетъ нѣкоторыя стороны современнаго сельскаго быта: характеризуетъ разные моменты

семейной жизни, упоминать о своеобразныхъ особенностяхъ цикла рекрутскихъ пѣсенъ, наконецъ переходить къ характеристикѣ облика украинской женщины. Заканчиваетъ онъ указаніемъ на обрисовку въ пѣсняхъ материнской любви, на уваженіе къ сестрѣ и, наконецъ, заключаетъ бѣглымъ упоминаніемъ о знахаркѣ. Такимъ образомъ, здѣсь снова авторъ выходитъ изъ собственно историческихъ задачъ наслѣдованія и останавливается на простой характеристикѣ современнаго сельскаго быта, знакомаго ему и по самостоятельнымъ наблюденіямъ надъ народною жизнью¹⁾.

Работая надъ своею диссертациею, Костомаровъ написалъ кроме того и небольшую статью, тоже на этнографическую тему. Заглавіе ея— „О циклѣ весеннихъ пѣсенъ въ народной южно-русской поэзіи“²⁾. Рѣчь идетъ здѣсь о веснянкахъ: разбирая ихъ содержаніе, авторъ прослѣживаетъ тутъ постепенное развитіе чувствъ, начиная отъ „неяснаго блаженнаго состоянія новѣднія или лучше сказать полунѣднія“, далѣе идетъ „непривычное чувство, томительное влеченіе“, постепенное развитіе чувства любви и смутное опасеніе за будущее: хорошо съ любимымъ, а если съ нелюбомъ придется коротать жизнь! Въ числѣ этихъ весеннихъ пѣсенъ веснянокъ, петривокъ, купалокъ, говоритъ далѣе авторъ, есть такія, которыя „можно было бы назвать эпическими или мифологическими: тутъ являются лица совершенно не настоящаго времени и рассказываются происшествія, переданныя сѣдою стариною позднѣйшимъ потомкамъ, для которыхъ однако онѣ потеряли смыслъ свой“. Авторъ разбираетъ эти отголоски незапамятнаго былого подъ отдѣльными рубриками: Пѣсни объ олицетвореніи весны

¹⁾ На счетъ критики молодому ученому не вполнѣ повезло. Вѣднскій (Отечественныя Записки) и Сенковскій (Библіотека для чтенія) сошлись въ отрицательномъ отношеніи къ книгѣ Костомарова; сочувственно отнесся Срезневскій, указавъ, впрочемъ, на пробѣлъ въ работѣ Костомарова: авторъ — замѣчаетъ критикъ — разсмотрѣлъ свой матеріалъ „только съ одной стороны—со стороны взгляда народа на самого себя. Вопросъ же, какъ и чѣмъ можетъ историкъ тутъ пользоваться, остался совершенно въ сторонѣ“... („Москвитинъ“).

²⁾ Статья эта напечатана въ Малѣ 1843 г. т. XI—въ качествѣ дополненій къ этнографической статьѣ К. Семеновскаго „Замѣчанія о праздникахъ у Малоросіянъ“ (кроме статьи Костомарова такія же дополненія Срезневскаго и Метлинскаго). Для выясненія общихъ взглядовъ Костомарова на языческія воззрѣнія у славянъ и дальнѣйшаго развитія его мнѣній на этотъ счетъ нужно обратиться къ его книгѣ „Славянская Мифологія“ (Кіевъ, 1847), гдѣ высказанъ общій взглядъ на схему славянской мифологіи и снова разобраны купальскія игры и вѣрованія, уже съ инымъ толкованіемъ самого имени Купала.

и другихъ времяя года; Рожа и Дунай; подвезенный младенецъ (хородовая пѣсня съ упоминаніемъ про мизильное дитя); утопленница (утопнувшая и переродившаяся дѣвушка); наконецъ—Иванъ Купальный. Не чужды авторъ здѣсь и обобщеній: обожаніе природы, замѣчаетъ онъ по поводу пѣсенъ объ утопнувшей дѣвушкѣ, „источники многобожія; отъ нечю произошли пѣры въ превращеніи. Панимъ продакъ она не была чужда и обломки старины доселѣ сохранились въ памятникахъ народной поэзіи“. Въ концѣ соображенія о происхожденіи слова Купала и о значеніи праздника, о соединеніи имевъ Ивана и Купала. Можно здѣсь все объяснить, все детали связанныхъ съ Купаломъ представленій разсказомъ Евангелія о личности Іоанна Крестителя, и нашими усвоенными представленіями о Проточѣ можно объяснить соединеніе намековъ о водѣ и огнѣ, но если звѣсать все упоминанія и намеки о водѣ, придающія этому дню видъ языческаго празднованія въ честь воды, то скорѣе можно догадываться, что около того времени, когда приходится день Рождества Протечи, было какое-нибудь языческое празднество, котораго остатки сплелись съ новыми идеями. Такovy общіе выводы Костомарова относительно языческаго празднества.

Вотъ и все невольныя этнографическія отступленія Костомарова отъ намѣченнаго пути. Сильнѣе и сильнѣе захватываютъ его теперѣ собственно историческія темы. Отъ задуманной было работы относительно внутренняго устройства слободскихъ полковъ Костомаровъ, какъ мы видѣли, перешелъ къ эпохѣ униі, а теперѣ увлекся временемъ Хмельницкаго. Изъ письма Костомарова Бенцкому (1844) мы узнаемъ, что и тогда уже эта работа принимала солидные размѣры, а вѣдь приходилось работать самому, безъ указаній, случайнымъ путемъ подыскивая себѣ источники, разбираясь въ существующихъ и натываясь неожиданно на новые. Однако, въ Харьковѣ ими не очень-то можно было разжиться. Чувствовалось инстинктивно, что въ Кіевѣ, столь богатомъ монументальною и архивною стариною, легче будетъ восполнить пробѣлы неизданными еще источниками и документами, особенно съ оживленіемъ тамъ научныхъ интересовъ благодаря открытію университета и учрежденію „Временной комиссіи по разбору древнихъ актовъ“ (1843). И вотъ Костомаровъ начинаетъ подумывать о переходѣ въ Кіевъ, тѣмъ болѣе, что дѣла его въ Харьковскомъ университетѣ не измѣнились къ лучшему.

„Послѣ защищенія диссертациі я, вспоминаетъ Костомаровъ, нѣсколько мѣсяцевъ продолжалъ оставаться въ Харьковѣ и занимался

обработкою исторіи Богдана Хмельницкаго. Это занятіе, увлекая меня, внушало сильное желаніе побывать въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ происходили описываемыя мною событія, и съ этою цѣлью я обратился къ князю Цертолеву съ просьбою написать кievскому почитателю о моемъ желаніи получить мѣсто въ кievскомъ учебномъ округѣ. Желаніе Костомарова исполнилось, онъ получилъ на первое время мѣсто учителя исторіи въ Ровенской гимназіи и въ октябрѣ 1844 г. выѣхалъ изъ Харькова, „провожаемый толпою харьковскихъ знакомыхъ, изъ-являвшихъ мнѣ желаніе найти счастье въ иномъ краѣ“¹⁾.

Такъ закончился харьковскій періодъ жизни Костомарова. Мы старались прослѣдить основные моменты этихъ харьковскихъ лѣтъ жизни и дѣятельности историка, ходъ его занятій и смѣну интересовъ, наконецъ главныя вліянія, формировавшія его взгляды и симпатіи. Передъ нами прошли университетскіе годы и затѣмъ семь лѣтъ (1837—1844) послѣ университетскихъ. Для первой поры мы имѣемъ лишь автобиографическій матеріалъ, для второй и нынѣ данныя, хотя и не столько, сколько хотѣлось бы ихъ имѣть для выясненія зарожденія и постепеннаго развитія взглядовъ историка. Комбинируя указанія автобиографіи и данныя печатныхъ работъ Костомарова, до известной степени, съ неизбежными пробѣлами, все-таки можно намѣтить главныя черты историческаго міросозерданія Костомарова за это время.

Костомаровъ уѣхалъ изъ Харькова 27 лѣтъ: годы ученія уже кончились. Предъ нами молодой ученый съ сложившимся уже историческимъ міросозерданіемъ. Демократическое пониманіе исторіи проведено имъ уже въ своихъ харьковскихъ работахъ, и навсегда останется онъ вѣронъ этимъ своимъ историческимъ взглядамъ, оформившимся подъ вліяніемъ историческихъ указаній профессора Лунина съ одной и подъ вліяніемъ непосредственной связи съ народомъ и этнографическихъ интересовъ съ другой стороны.

Если такимъ образомъ можно уже теперь считать общее историческое міросозерданіе Костомарова сложившимся и опредѣленнымъ, то нельзя этого пока сказать про другую особенность Костомарова,

¹⁾ Автобиографія (Латер. Насл.), с. 46. „Ваше письмо—вспоминаетъ Костомаровъ много лѣтъ спустя въ письмѣ А. А. Корсуну—перепелю меня живо въ прошлыя времена молодости; приютился мнѣ и маленькій домикъ противъ озера, гдѣ вы проживали, и „Синьга“, который тогда выдавали. Сколько было тогда надеждъ, сколько юношескихъ увлеченій! Многое оказалось пустоцвѣтомъ, но не по нашей винѣ; мы же вели себя искренно и прямо, и въ томъ совѣсти нашей награда на старость“. Русскій Архивъ. 1890. X, с. 217.

какъ историка, особенность, такъ ярко проявившюся впоследствии и не разъ навлекавшую на него горячія нападки, хотя все-таки здѣсь Костомаровъ никогда не достигнулъ предѣла, намѣченнаго его младшими собратьями и сверстниками по наукѣ: я разумѣю здѣсь критическій скептицизмъ. Хотя и въ харьковскихъ трудахъ Костомаровъ мы можемъ найти отдѣльные случаи сомнѣній въ вѣрности указаній источника, или поправки къ сомнительнымъ даннымъ, но все-таки Костомаровъ не дошелъ здѣсь до безпощадной остроты критическаго чутья и увозилъ съ собою въ Кіевъ и довѣріе къ „Исторіи Руссовъ“ и уваженіе къ фальсификатамъ „Запорожской Старины“. Въ этомъ отношеніи много еще оставалось сдѣлать, и лишь постепенно послѣ многочисленныхъ ошибокъ и провѣрокъ послѣдующія работы въ Кіевѣ, Саратовѣ и Петербургѣ развили въ Костомаровѣ аналитическіе приемы и скептицизмъ по отношенію къ показаніямъ малодостовѣрныхъ источниковъ.

А. Грушевскій.

КЪ БЫЛИНЪ О ДОБРЫНЪ И ВАСИЛИИ КАЗИМИРОВИЧЪ.

Издавал въ 1861 г. второй выпускъ пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, П. А. Безсоновъ разверсталъ трехъ богатырей, былины о которыхъ входятъ въ этотъ выпускъ, по словесіямъ: а) „Добрыня Никитичъ, богатырь-бояринъ; б) богатырь Алѣша *поповичъ*, в) Василий Казимировичъ, богатырь-дьякъ, долгополый, пьяница“. Съ легкой руки Безсонова, отождествившаго трехъ разныхъ былинныхъ Василиевъ, исследователи былины недостаточно различали эти три персонажа, тѣмъ болѣе, что всѣ они не играютъ выдающейся роли въ эпическомъ эпосѣ. Безсоновъ высказалъ слѣдующія мнѣнія о Василии въ замѣткѣ, приложенной ко 2-му выпуску пѣсенъ Кирѣевскаго ¹⁾: „богатыря Василия пародъ, такъ же какъ и Алесю не удоставяваетъ опредѣленнаго отчества: онъ то Казимировичъ, то Игнатьевичъ ²⁾. Покойный предсѣдатель Общества любителей русской словесности А. С. Хомяковъ, съ свойственною ему одному необыкновенной проницательностью, умѣлъ замѣтить въ немъ образъ дѣлка или грамотея. Дѣйствительно это дьякъ въ древнѣйшемъ смыслѣ: т. е., во-первыхъ, это ученикъ и ученый, человекъ поученый грамотѣ; во-вторыхъ, какъ грамотею, ему и книги въ руки, ему *грамоты*, онъ *писарь*; въ-третьихъ, какъ такой же, онъ *посолъ*. И это послѣднее значеніе преимущественно закрѣплено въ древности за Василиемъ. Въ пѣсняхъ о немъ... Василий, за посольскимъ бодзѣлемъ, при наступленіи рати, отдастся

¹⁾ Стр. XXV.

²⁾ Фактъ не точный: Василий Казимировичъ, дѣйствующее лицо въ былинѣ о Добрынѣ, нигдѣ не называется Игнатьевичемъ. Отчество Игнатьевича носить въ концѣ былины о Галицѣ въ сборникѣ Кирши Данилова Василий пилица, появившій стрѣломъ въ зѣнцѣ Калыкова Сартака (Кирѣев., I, стр. 76).

весь гульбѣ и бражничеству; только въ крайности, и то силою и приманками, вызываютъ его замѣнить отсутствующихъ богатырей: по и тутъ онъ сумѣлъ только заварить кашу и самъ поспѣшилъ опять въ кружало. Его собственное, своеобразное дѣло — посольство: здѣсь Василій не беретъ на себя богатырства: для того онъ выпрашиваетъ себѣ у Владиміра и употребляетъ въ дѣло Добрыню: его же дѣло — принимать порученія, везти и передавать дани и выходы, говорить рѣчи передъ инородными царями... Помимо же этого общественного значенія, личные черты и частные приемы Василія выражены прозвищами *Домопольскій* и *пьяница*: древнѣйшее представленіе народа о неуклюжести и пьяничности грамотника“. Вслѣдъ за Безсоновымъ О. Миллеръ также склоненъ отождествлять Василія Казимировича съ Василіемъ пьяницей только на томъ основаніи, что въ одной былинѣ (изъ с. Павлова) послѣдній носитъ отчество Казимировича ¹⁾. Упомянутая мнѣніе Хомякова, усмотрѣвшаго въ Василіи Казимировичѣ типъ дьяка, г. Лось въ статьѣ „Василій въ русскомъ эпосѣ“ ²⁾ подтверждаетъ его тѣмъ, что Василій *одѣтъ всегда* въ одежду съ длинными полами, отчего и называется иногда „Васька долгополюй“, хотя тутъ же оговаривается, что „Васька долгополюй, вѣроятно тождественный съ Василіемъ Казимировичемъ, является въ былинахъ очень рѣдко: разъ онъ упоминается въ числѣ богатырей, стоявшихъ съ Ильей на заставѣ, и во второй разъ — когда богатыри хотѣли его послать сражаться съ Жидованомъ“.

Мы привели эти мнѣнія, прежде чѣмъ приступить къ разбору былинъ о Василіи Казимировичѣ, съ тѣмъ, чтобы расчислить почву для дальнѣйшаго. Былинныя данныя, какъ мы увидимъ, даютъ такъ же мало права отождествлять трехъ помянутыхъ Василіевъ, какъ и другихъ персонажей нашего эпоса, послѣднихъ то же популярное имя — Василія Буслава, Василія Окуловича, Василія Ивановича. Василій Казимировичъ личнымъ не напоминаетъ типа дьяка, былинныя ничего не говорятъ о его длинной одеждѣ и грамотности. Онъ не имѣетъ ничего общаго съ Василіемъ пьяницей, ни съ Васькой долгополюмъ. Василій пьяница является героемъ въ былинѣ о преступѣ Батыги къ Кіеву, имѣетъ весьма опредѣленный типъ и только въ одной плохой былинѣ, записанной въ центральной Россіи (с. Павловъ Нижегород. губ.), названъ Василіемъ Казимировичемъ тѣмъ же сказателемъ, кото-

¹⁾ Илья Муромецъ и богатырство кіевское, стр. 692.

²⁾ Энциклопедическій словарь Брокгауза-Ефрона, т. V, стр. 603.

рый сообщил о Фаворскому плохую же былинку о Василии Казимировичѣ и Добрынь. Очевидно, намъ нельзя строить какіе-нибудь выводы на смѣніионіи именъ, допущенномъ однимъ плохимъ сказателемъ. Что касается Васьки долгополаго, то онъ еще мѣтѣе Василия пьяницы напоминаетъ Казимировича: его комическая фигура только для счета упоминается на заставѣ богатырской въ былинѣ о жидовинѣ ¹⁾ и никакихъ дѣйствій не совершаетъ, такъ какъ, по мнѣнію Ильи Муромца, его нельзя послать на бой съ жидовиномъ:

„У Васьки полы долги:
По землѣ ходить Васька — залетается:
На бою — на дракѣ залетется,
Погинеть Васька по напрасному“.

Замѣтимъ, что въ этой фигурѣ имѣетъ значеніе не личное имя, а отличительный признакъ „долгополіе“, такъ какъ такой же персонажъ, украшенный долгими полами, называется въ другой былинѣ того же сюжета *Ванькой* долгополюстымъ ²⁾, а въ третьей *Омой* долгополюмъ ³⁾.

Послѣ этихъ оговорокъ мы можемъ перейти къ разбору былинки о Добрынь и Василии Казимировичѣ. Былина эта, хотя извѣстна въ Олонцкой, Архангельской губерніяхъ, въ западной Сибири и оказавшаяся въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ губерніи Нижегородской, была записана до сихъ поръ лишь въ незначительномъ числѣ вариантовъ ⁴⁾ (именно 7), которые не представляютъ существенныхъ различій и восходятъ къ одному основному типу. Исключеніе между ними составляетъ огромная (1023 стиха) былина Рябинина (Гильфорд. № 80; Рыбниковъ I, № 27), въ которой сюжетъ — поѣздка Добрыни съ Василиемъ Казимировымъ для отвоза дани — сплетенъ съ сюжетомъ объ отъѣздѣ Добрыни и о выходѣ замужь его жены за Алешу, при чемъ послѣдній сюжетъ прерываетъ первый (отъ 152—345 стиха) и затѣмъ по окончаніи перваго возвращается снова и служитъ окончаніемъ былинки (отъ стиха 682—1023).

Сличеніе вариантовъ между собою не даетъ возможности, какъ

¹⁾ Арх. губ. Шенкурскаго у. Кирѣвскій, I, стр. 47.

²⁾ Былина изъ Онеги Кирѣв., I, стр. 52.

³⁾ Рыбниковъ, I, стр. 76.

⁴⁾ Кирѣвскій, II, стр. 83 (Арх. г. Шенкурск. у.), 90 (с. Павлово Нижегород. г.); Рыбниковъ, I, № 27; Гильбердингъ, № 80; Тихонъ. Миллеръ, II, № 37 (Барнаульск.); Онучковъ, № 65; Григорьевъ, №№ 352, 358 (печатаются).

впрочемъ и въ другихъ былинахъ, возстановить основной изводъ во всѣхъ деталяхъ, такъ какъ между вариантами въ мелочахъ большая разногласица. Можно вывести только основной планъ и его главныя части.

Былина во всѣхъ вариантахъ открывается обычнымъ широмъ у князя Владимира въ Киевѣ. Князь зывлаетъ богатырями, что они должны отправить дань за 12 лѣтъ иновѣрному царю или королю— Батыю въ большую орду Заодаяскую ¹⁾, Батырю Каймановичу въ орду невѣрную ²⁾, Батуру Батѣсову въ Поленецкую землю ³⁾, Ботіану Ботіановичу, королю земля Сорочинской ⁴⁾, Батею Батеевичу въ Большую землю, прокляту Литву ⁵⁾, Абатюку царю въ невѣрную землю ⁶⁾. Можно думать, что въ основной былинѣ было имя Батми царя, исказившееся въ двухъ вариантахъ въ Батура и Батыря, подъ воздействием историческаго имени XVI вѣка короля Баторіи. Можно также быть увѣреннымъ, что дань князя Владимира предназначалась татарскому царю, а не западному королю. На вопросъ Владимира, кого ему послать съ данью и повинной грамотой ⁷⁾, богатыри по обыкновенію хоронятся другъ за друга. По варианту Гильфердинга (№ 80), нѣкто Поринль, который и въ другихъ былинахъ указываетъ Владимиру богатырей для трудныхъ порученій, совѣтуетъ князю послать молода Василя Казимирова. Сходясь въ фактъ отсылки Василя Казимирова, варианты сильно расходятся въ деталяхъ. Въ записи Григорьева (№ 352) какой-то не названный добрый молодецъ обращается къ князю со словами:

„Ужъ ты ой еси, князь Владимиръ да столюпокиевской!
Ты позволъ-ко-се мнѣ да слово молвити,
Ты позволъ-ко-се мнѣ да рѣчь говорити:
Не позволъ мни за слово скоро-то казнити,
Ише скоро дѣ казнити, скорѣ повѣсити“.

И получивъ обѣщанье отъ князя, что онъ за слово не будетъ казненъ, молодецъ говоритъ, что у князя посажонъ въ погребѣ Василя Казимировича.

¹⁾ Куршевскій, II, стр. 83.

²⁾ Куршевскій, II, стр. 90.

³⁾ Тихонр. Миллеръ, II, № 37.

⁴⁾ Рыбниковъ, I, № 27; Гильфердингъ, № 80.

⁵⁾ Григорьевъ, №№ 352, 358.

⁶⁾ Олчужковъ, № 65.

⁷⁾ Гильфердингъ, № 80.

„Да онъ съѣздитъ отъ васъ да во Большу землю,
 Во Большу землю да въ прокляту-ту Литву
 Ко Батю-то сыну да ко Батеевичю;
 Какъ свезетъ вътъ онъ дани-пошлины,
 За двѣнадцать-то лѣтъ да дани-выходы“.

Князь велитъ слугамъ отмыкать крѣпки замки, выпустить Василя Касимировича и позвать на почестея пирь. Но Василий заупрямился и не пошелъ. Владимиръ разгнѣвавшись послалъ звать его во второй разъ, и только тогда Василий послушался князя. Въ записи г. Оичкова (№ 65) на Василя Касимировича указываютъ „воры бояра подмолвщики, злы толстобрюхи подговорщики“.

„А подмолвили князя они Владимира:
 „У насъ всѣмъ ноще боярамъ служба явлена,
 У насъ всѣмъ богатѣшимъ служба надѣчена,
 А да Васишки да службы право долго нѣтъ;
 Касимирову ноще служобка надѣчена:
 Кабы съѣздитъ ему да въ землю дальнюю,
 А во дальнюю землю, да во невѣрную,
 Къ Абатюю царю да къ Аботуеву,
 А свести ему пошлина великая:
 Кабы сорокъ свести да лсныхъ соколовъ,
 Кабы сорокъ свести да бѣлыхъ кречетовъ,
 Кабы сорокъ свести да ему жеребцовъ,
 Кабы тѣхъ-же жеребцовъ синегривныхъ,
 Кабы сорокъ свести ему черныхъ соболевъ,
 Кабы сорокъ свести да добрыхъ молодцовъ,
 Кабы сорокъ дѣвицъ да блады-красныхъ.
 Кабы иткуу свести да чиста серебра,
 Кабы кину свести да крсна золота,
 Кабы мису свести да скатна жамбюга“¹⁾.

Въ архангельскомъ вариантѣ Кирѣвскаго²⁾ Владимиръ безъ постороннихъ указаній самъ даетъ Василю Казимировичу приказъ отвезти дань въ большую Орду царю Батю; въ записи изъ с. Павлова³⁾ и барнаульской⁴⁾ Василий Казимировичъ или Казимировичъ самъ вызывается сослужить эту службу. Въ большинствѣ вариантовъ онъ затѣмъ, отказываясь отъ великихъ провозатыхъ, проситъ князя отпустить съ нимъ одного лишь брата названнаго Добрыню Нивятича.

¹⁾ Печорскія быяны, стр. 264.

²⁾ Выпускъ II, стр. 83 и 90.

³⁾ Кирѣвскій, II, стр. 90.

⁴⁾ Тих. Миллеръ, II, № 37.

Въ вариантѣ Рябинина Добрыня въ свою очередь приглашаетъ ѣхать съ ними еще Ивана Дубровича, чтобы „женей сѣдлатъ и разсѣдлывать, плети подавать да плети принимать“. Въ записи Ончукова (№ 65) Василій Казимировичъ, вмѣсто Добрыни, беретъ собѣ въ товарищи какого-то Никиту Притирокого и молодого Потанюшку Выхромого (известнаго изъ новгородскихъ былинъ). Въ вариантѣ Архангельской губерніи, у Кирѣвскаго, Василій Казимировичъ беретъ, кромѣ Добрыни, еще съ собой какого-то Марка-паробка ¹⁾. Въ виду того, что во всемъ дальнѣйшемъ Добрыня играетъ главную роль, можно думать, что другіе спутники Василя Казимировича—продуктъ забвѣнія и искаженія первоначальнаго типа былинны. Да въ нѣкоторыхъ вариантѣхъ уже при самомъ приглашеніи Добрыни устанавливаются его отношенія къ Василю. Такъ въ барнаульскомъ вариантѣ Василій Казимировичъ, давъ обѣщаніе князю Владимиру свести дань Батуру, закручинился „повѣсилъ буйну голову“ и вышелъ вонъ. Идущій ему на встрѣчу Добрыня, узнавъ о причинѣ его грусти, борется ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, обѣщая не „выдать его у дѣла ратнаго, у того часу смертнаго“, и обрадованный Василій называетъ его своимъ бѣднѣшимъ братомъ, а себя его меньшимъ братомъ ²⁾.

Въ вариантѣ изъ села Павлова, у Кирѣвскаго, Василій такъ мотивируетъ свое приглашеніе Добрыни:

„Добрыня, бать, отца-матери хороново,
Добрыня роду-племени учѣново:
Ужѣтъ Добрыни слово молвити,
Передъ тѣмъ дарѣшь Батыремъ поклонитисл,
Поклонитисл умѣтъ и похвалитисл“ ³⁾.

Прїѣздъ богатырей къ иновѣрному царю и прїемъ ихъ разпоисываются въ вариантѣхъ: иногда царь, принявъ привезенную дань и повинную грамоту, угощаетъ прїѣзжихъ и затѣмъ предлагаетъ разныя состязанія — въ игрѣ въ шахматы, въ стрѣляннѣ въ цѣль, въ борьбѣ ⁴⁾. Иногда царь, видя подлѣзжающихъ мблодцовъ, насмѣхается надъ ними:

„Што эта прилетѣли за двѣ иташки, за двѣ русскихъ!
Не бывать вамъ мблодцамъ на Святой Руси,

¹⁾ Кирѣвскій, II, стр. 84.

²⁾ Тихонр. Миллеръ, II, стр. 136.

³⁾ Кирѣвскій, II, стр. 91.

⁴⁾ Рыбниковъ, № 27.

Не видать вамъ по́лоддамъ князя Владимира
И не гу́дивать по конпыдъ по плошадямъ!¹⁾

Иногда даръ, получивъ дань, безъ угощенья гостей, немедленно спрашиваетъ, есть ли у нихъ умѣлые игроки въ тавлен вальшпцты²⁾. Иногда богатыри сами въ грубой формѣ подносятъ дань:

„Получай, собака, дань пошлнны,
Отъ ласкова князь Владимира“.

И Батуръ грозить Василію:

„Гой еси Василій сынъ Казимерской,
Отсель тебѣ не у́хлати!“³⁾

Послѣ чего предлагаетъ сыграть въ кости. Иногда богатыри на вопросъ царя, привезли ли они дань, прямо заявляютъ:

„Ще желамъ ми платити да данн пошлнны;
Ишо сами желамъ получать съ васъ нониче“⁴⁾.

Порядокъ и число состязаній варьируются: въ болѣе полныхъ варьянтахъ сначала идетъ игра въ тавлен (шахматы, кости), затѣмъ стрѣльба въ цѣль и наконецъ борьба. Когда царь предлагаетъ состязаніи, Василій Казимировъ обыкновенно говоритъ, что не привезъ съ собой игроковъ, стрѣльцовъ, борцовъ, и что вся его надежда на Спаса и Пречистую Богородицу, да на Добрыню Никетича. Дѣйствительно Добрыня оказывается молодцомъ на всѣ руки: игра въ шахматы кончается проигрышемъ царя. Болѣе подробно описываются въ вариантахъ состязаніе въ стрѣльбѣ изъ лука. Въ Олонецкой записи (Рыбникова и Гильфердинга) Бутеянь посылаетъ своихъ десять богатырей принести на послѣдкахъ наилучшій лукъ. Добрыня натягиваетъ его, ломаетъ и уже изъ своего „дорожного“ лука пускаетъ стрѣлу и троскратно попадетъ въ остріе пожевое, въ колечко соробрянос. Царь Бутеянь:

Первый разъ стрѣляль, черезъ перестрѣляль,
Другой разъ стрѣляль, не дострѣляль,
А третій разъ стрѣляль, и повасть не могъ⁵⁾.

Ломанье лука и состязаніе въ стрѣльбѣ съ самимъ Батуромъ на-

¹⁾ Куртаскій, II, стр. 91.

²⁾ Тамъ же, II, стр. 85.

³⁾ Тис. Миллеръ, II, стр. 139.

⁴⁾ Григорьевъ, № 352.

⁵⁾ Рыбниковъ, I, стр. 159.

ходимъ также въ барнаульскомъ вариантѣ Гуляева ¹⁾. Но въ архангельскихъ записяхъ г. Григорьева Добрыня состязается въ стрѣльбѣ съ тремя стрѣльцами Батей Батеовича ²⁾, а въ записи г. Ончукова дѣло не доходитъ до стрѣльбы: Мивѣта Приширокой (замѣняющій Добрыню Никитича) ломаетъ принесенный татарами лукъ, при чемъ разлетѣвшіеся куски его убиваютъ сто татаръ ³⁾.

Последнимъ состязаніемъ являются борьба Добрыни съ царскими борцами, переходящая въ избіеніе татаръ русскимъ богатыремъ. Въ подробностяхъ варианты сильно расходятся. Такъ, по барнаульской записи Гуляева, „схватились за Добрыню три татарина“.

Овъ перваго татарина взявъ рюорницъ,
Другого татарина взявъ растопталъ,
А третьяго татарина взявъ за ноги;
Стагъ овъ по силѣ покаживать,
Зачагъ бѣлыми руками помаживать,
Зачагъ татаръ покалывивать;
Въ одну сторону идеть—дѣлать улицу,
Въ богъ вернуть—переудочекъ.

Въ то же время Василій Казимировскій расправляется также съ татарами осью бѣлодубовой. Испуганный Батуръ Батѣвсовичъ умоляетъ богатырей оставить татаръ „хоть на приплодъ“ и обѣщаетъ отдать князю Владимиру дань за 12 лѣтъ ⁴⁾. Въ былинѣ Григорьева (№ 352) Батей Батеовичъ отбираетъ семь лучшихъ борцовъ и выпускаетъ ихъ противъ Добрыни. Богатырь схватываетъ ихъ въ охапку, сжимаетъ до смерти и, махая однимъ татаринкомъ, избиваетъ прочихъ, что побуждаетъ Батея молить о пощадѣ и обѣцается платить дань ⁵⁾. Въ другомъ вариантѣ того же собирателя (№ 358) различіе только въ числѣ татарскихъ борцовъ (3 вмѣсто 7) и въ томъ, что посрамленный Батей угощаетъ русскихъ богатырей десять дней ⁶⁾. Всего подробнѣе эпизодъ борьбы рассказанъ у Рябинина: татары цѣлой толпой нападаютъ на Добрыню; онъ избиваетъ ихъ трупомъ татарина, по виду, что непріятелей не уменьшается, призываетъ на выручку товарища. Иванъ Дубровичъ помогаетъ ему осью желѣзной, и они вдвоемъ цѣлыя

¹⁾ *Тысонъ. Миллеръ*, II, № 37.

²⁾ № № 352 и 359.

³⁾ *Ончуковъ*, стр. 268.

⁴⁾ *Тысонъ. Миллеръ*, II, стр. 141.

⁵⁾ *Арханг. был.*, III, стр. 270 и 271.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 300—301.

сутки истребляютъ татаръ, пока, наконецъ, Бутеягъ Бутеяновичъ не умолилъ Василия Казимировича унять богатырей святорусскихъ. Послѣдній съ трудомъ удерживаетъ ихъ, налагая „храны ерѣшніе на ихъ плечи могучія“¹⁾.

Въ Архангельской былини у Кирѣевского борьба предшествуетъ стрѣльбѣ въ цѣль и не кончается избіеніемъ татаръ. Добрыня поборасть и зашибаетъ до смерти трехъ борцовъ, выставленныхъ Батмемъ²⁾. Въ плохой былини изъ села Павлова правильной борьбы вовсе нѣтъ: куда у Добрыни, готовившагося стрѣлять, лопнулъ лукъ, молодцы сѣли на коней, —

Учали по слухушѣ погуливать:
Гдѣ повернутся, дѣлали улицы,
Поворотится—часты площади...

Царь Батырь, видя изъ окна избіеніе своихъ, отказывается отъ дани-пошлины и „всѣхъ выходовъ княженецкихъ“³⁾. Наконецъ въ записи г. Ончукова борьба является первымъ состязаніемъ, и борцомъ со стороны русскихъ богатырей выступаетъ Потанюшка Вохроменькой (какъ иногда въ нѣсгѣ о Кастрюкѣ), затѣмъ слѣдуетъ состязаніе въ стрѣльбѣ, но до стрѣлянья дѣло не доходитъ, такъ какъ Микита Приширокой (замѣняющій въ былини Добрыню Никитича) ломаетъ лукъ, наконецъ. — игра въ шахматы Василия Казимировича съ царемъ Абагуевымъ, при чемъ Василий послѣ проигрыша царя схватываетъ его за „черны кудри“ и убиваетъ о кирпичать полъ.

Послѣ расправы съ царемъ всѣ три богатыря избиваютъ татаръ: Василий палицей „буевой“, Микита обломками лука, Потанюшка труномъ татарина. Перебигъ татаръ, богатыри садятся на „черленъ корабль“, на которомъ пріѣхали въ Абагую съ данью, и пріѣзжаютъ въ Кіевъ къ Владимиру⁴⁾. Возвращеніемъ въ Кіевъ и миромъ у обрадованнаго князя кончаются и нѣкоторые другіе варианты, въ которыхъ разсказъ доведенъ до конца⁵⁾.

Особнякомъ среди разсмотрѣнныхъ вариантовъ стоитъ записанная А. В. Марковымъ въ 1901 г. въ Золотидѣ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря былина, изданная имъ подъ заглавіемъ „Дунай (Василій Казимировичъ)“.

¹⁾ Рыбниковъ, I, стр. 160—162.

²⁾ Кирѣевскій, II, стр. 87.

³⁾ Тамъ же, стр. 92.

⁴⁾ Печорскія былины, стр. 266—269.

⁵⁾ Тил. Миллеръ, II, № 37; Григорьевъ, № 358.

мировичъ)¹⁾. Содержаніе ея—отправка кн. Владимиромъ дани царю Батю (или Батырину), но роль Василя Казимировича передана Дунаю Ивановичу, который приглашаетъ себя помощниками двухъ „брательцовъ названныхъ“ Добрыню Никитича и Михайла Игнатѣева. Былина значительно упрощаетъ дѣйствіе: нѣтъ состязанія въ игрѣ въ шахматы, въ стрѣльбѣ, въ борьбѣ. Русскіе богатыри не борутся съ собою дани отъ Владимира, а общаются при отъѣздѣ втроемъ „погубить“ царя и разорить все его царство. Двое богатырей (Добрыня и Михайлушка) сначала въ полѣ избиваютъ 12 богатырей царя Батю, а затѣмъ на царскомъ дворѣ прирубаютъ много тысячъ татаровей, что заставляють царя отослать съ ними дань кн. Владимиру. Былина такимъ образомъ значительно отстываетъ отъ обычнаго типа, усвоеннаго этому сюжету.

Изъ обзора содержанія разсматриваемой былины видно, что съ этой стороны она не представляетъ значительнаго интереса. Состязанія въ игрѣ въ шахматы (или кости), въ борьбѣ, въ стрѣльбѣ въ цѣль довольно шаблонные мотивы въ героическихъ сказаніяхъ какъ нашихъ, такъ и иноземныхъ. Припомнимъ, наиримѣръ, былинну о Ставрѣ, гдѣ переодѣтая гровнымъ посломъ Ставрова жена побѣждаетъ въ борьбѣ и стрѣльбѣ киевскихъ богатырей, или былинну о Михайлѣ Потыкѣ, въ вариантахъ которой встрѣчается игра въ шахматы о дань между Михайломъ и царемъ Вахрамѣемъ Вахрамѣевичемъ²⁾ или Бухаремъ³⁾. Вѣроятно, поэтому былина о Добрынѣ и Василя Казимировичѣ мало привлекала вниманіе изслѣдователей, и только покойный В. В. Стасовъ воспользовался ею для подтвержденія своей восточной теоріи, сравнивъ былинну съ однимъ эпизодомъ Гамальни, а Василя Казимировича, каковымъ онъ представляетъ въ вариантѣ Рыбникова, съ отшельникомъ Вишвамитрой, паставникомъ богатырей Рамы (Добрыня) и Лакипмана (Иванъ Дубровичъ). Мы не будемъ пускаться въ дебри европейскаго и азіатскаго фольклора для отысканія „параллелей“ и остановимся только на нѣкоторыхъ данныхъ былины, которыя намъ представляются интересными и заслуживающими вниманія.

Обратимъ вниманіе прежде всего на дань-выходы съ грамотой повинной за опозданіе, которыя въ этой былинѣ отправляются кн. Вла-

¹⁾ Напечатана въ „Матеріалахъ, собранныхъ въ Архангельской губерніи глгономъ 1901 г. А. В. Марковымъ, А. Л. Масловымъ и В. А. Богословскимъ. Ч. I. Труды муз. комиссіи Э. О. И. О. Л. Е. А. и Д. 1906 г.“, стр. 83--86.

²⁾ См. *Гильфердингъ*, № 52.

³⁾ Тамъ же, № 6, 150, 158.

дмиръ татарскому царю. Обычно наши былины изображаютъ кievскаго князя не платящимъ дань иняземъ царямъ, а напротивъ требующимъ съ нихъ дань и посылающимъ къ нимъ за нею своихъ богатырей—Добрыню, Илью, Потыка и другихъ.

Такъ Добрыня по порученію князя привозитъ дань изъ Золотой орды ¹⁾, изъ Большой орды ²⁾, собираетъ дань изъ разныхъ земель ³⁾, изъ Царьграда ⁴⁾, изъ Туреціи ⁵⁾, изъ Швеціи ⁶⁾, даже ѣдетъ за данью къ австрійскому королю ⁷⁾. Илья Муромецъ получаетъ для Владимира дань съ Прусской земли, проклятой Лявы ⁸⁾, Михайло Потыкъ ѣдетъ съ такимъ же порученіемъ собирать дань для кievскаго князя въ Подольскую землю ⁹⁾, въ землю Задонскую ¹⁰⁾, въ Турцію ¹¹⁾, Піводію ¹²⁾ или къ королю ляховиньскому ¹³⁾. Если въ былинахъ разные подступающіе къ Киеву иноземные цари требуютъ отъ Владимира дани поди угрозами, то обычный результатъ такихъ требованій тотъ, что князя выручаетъ какой-нибудь богатырь, и иноземный царь, если остается цѣль, возвращается съ поворомъ во свояси, заклинаясь не бывать никогда на святой Руси. Вообще нашъ эпосъ изображаетъ кievскаго князя берущимъ дань во всѣхъ ордахъ, и если Киевъ иногда подвергается неожиданному нашествію иноземщины, то всегда счастливо отъ него отдѣливается. Такимъ образомъ, примѣняя историческую точку зрѣнія къ былиннымъ картинамъ, мы получаемъ отъ нихъ впечатлѣніе какъ бы отъ того періода отношеній Московскаго государства къ татарамъ, когда окончился процессъ „собиранія“, когда государство приобрѣло значительную политическую силу, когда оно рядомъ укрѣпленныхъ ливій оберегало свои границы отъ татарскихъ вторженій и когда такіе набѣги, иногда доходившіе и до стѣнъ Москвы, производились татарами неожиданно, по недосмотру, вслѣдствіе про-

¹⁾ Гильбердинъ, №№ 6 и 198; Рыбниковъ, IV, № 12.

²⁾ Гильбердинъ, № 40.

³⁾ Гильбердинъ, № 217.

⁴⁾ Рыбниковъ, II, стр. 69.

⁵⁾ Гильбердинъ, № 150.

⁶⁾ Гильбердинъ, № 158.

⁷⁾ Марковъ, Вѣломор. былины, № 74.

⁸⁾ Марковъ, № 74.

⁹⁾ Гильбердинъ, №№ 6, 40.

¹⁰⁾ Тих. Миллеръ, I, 25, 32, 40.

¹¹⁾ Гильбердинъ, № 158.

¹²⁾ Гильбердинъ, № 150; Рыбниковъ, I, 16.

¹³⁾ Марковъ, № 74.

исколѣ польско-литовскаго сосѣда, или вообще при какихъ-нибудь особенно неблагоприятныхъ условіяхъ для московскаго правительства. Словомъ, былины, изображая политическое положеніе эпическаго кievскаго князя, въ сущности переносятъ на него черты московскихъ государей XVI вѣка и особенно его второй половины, ознаменованной покореніемъ татарскихъ царствъ и обложеніемъ податью прежнихъ насильниковъ. Единственная былина, припоминающая, что эпическій властитель свято-русской земли Владимиръ долженъ платить дань татарскому царю—былина о Василіи Казимировичѣ и Добрынѣ. Но и въ ней исходомъ поѣздки кievскихъ богатырей съ русской данью является то, что татарскій царь посрамленъ, обыгранъ въ тавлеяхъ, что стрѣльцы его превзойдены Добрыней, что его борцы раздавлены имъ, что сила татарская избита и что царь не только отказывается отъ привезенной дани, но и самъ иногда обязуется платить дань Владимиру.

Невольно является вопросъ, не соответствуетъ ли эта фантастически размалеванная былинная картина до нѣкоторой степени исторической дѣйствительности, не звучитъ ли въ народной пѣснѣ отголосокъ того времени, когда Московское государство, платившее раньше дань татарамъ, прекратило позорную посылку даней-выходовъ въ орду и отдѣлалось отъ своего тягостнаго прошлаго, сознавъ свои государственныя силы, накопившіяся долгимъ процессомъ собиранія русской земли московскими князьями.

Былина рисуетъ намъ поѣздку въ орду съ русской данью, но слагатель ея уже не помнилъ историческихъ поѣздовъ московскихъ князей, сопровождавшихся униженіемъ и постыдными хлопотами объ ярлыкахъ на княженія; поѣздку предпринимаетъ не эпическій князь Владимиръ: онъ можетъ поручить отвозъ дани своимъ посламъ (какъ это уже дѣлали въ XV вѣкѣ московскіе князья), и такая поѣздка покривается новой славой русскихъ богатырей и позоромъ обезсиленнаго татарскаго царя, хотя и носящаго страшное имя Батыя.

Если допустимъ такой взглядъ на разсматриваемую былинку, то это опредѣляло бы періодъ ея сложенія. Терminus a quo было бы такъ называемое сверженіе татарскаго ига при Иванѣ III. Но по нѣкоторымъ даннымъ мы склоняемся къ болѣе позднему сложенію дошедшей до насъ редакціи былины и отнесли бы ее къ XVI вѣку.

Отъ основной идеи былины перейдемъ теперь къ дѣйствующимъ въ ней лицамъ и спросимъ себя, не отразились ли на нихъ какія-нибудь черты времени и, быть можетъ, района ея сложенія?

Замѣтимъ прежде всего, что нѣкоторую неясность въ процессъ сложнѣи былины вносятъ отношеніе между двумя дѣйствующими въ ней лицами Василиемъ Казимировымъ и Добрыней Никитичомъ. Изъ содержанія видно, что главнымъ героемъ ея является Добрыня Никитичъ: онъ обыгрываетъ татарскаго царя, побѣждаетъ въ состязаніи его стрѣльцовъ и борцовъ, избиваетъ татаръ и вынуждаетъ царя возвратить русскую дань. По началу былины можно было бы ожидать, что Василій Казимировичъ будетъ играть въ ней главную роль, но въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ въ дошедшей до насъ редакціи былины, его роль сводится лишь къ тому, что онъ приглашаетъ ѣхать съ собой Добрыню, называя его иногда своимъ старшимъ братомъ, и присутствуетъ при совершеніи имъ подвиговъ. Поэтому былина въ сущности представляется разсказомъ объ одномъ изъ подвиговъ популярнаго богатыря Добрыни и должна, при разворстаніи былины по героямъ, быть относима къ этому богатырю, а не издаваться подъ несоотвѣтствующимъ заглавіемъ „Василій Казимировичъ“, которое ей далъ Безсоновъ ¹⁾, издавая ее въ сборникѣ Кирѣевскаго. До нѣкоторой степени разсматриваемая былина съ двумя дѣйствующими лицами напоминаетъ былину о Дунаѣ и Добрыни, отправляемыхъ къ Владиміромъ къ ляховинскому или политовскому королю съ порученіемъ сосватать для него (Владимира) Анраксію королевичну. Въ разборѣ этого сюжета въ „Очеркахъ“ ²⁾ я старался уяснить, что былина сложилась механически изъ двухъ однородныхъ былинь „о свадебныхъ поѣздкахъ“ и что главнымъ героемъ ея, лицомъ, исполняющимъ до конца порученіе къ Владиміру и привозящимъ ему невесту, является не Дунай, отвлечшійся въ сторону, вслѣдствіе встрѣчи съ поляницей Настасьей, ставшей послѣ боя его женой, а Добрыня Никитичъ, хотя въ началѣ былины порученіе привезти невесту князю принимаетъ на себя Дунай и беретъ съ собой, какъ въ разсматриваемой нами былини, Добрыню только помощникомъ-товарищемъ. Вѣроятно чувствуя сходство въ ситуациі обѣихъ былинь, сказитель Рыбинскій, сказывая объ былины Рыбинкову, а впоследствии Гильфердингу, вывелъ на ипру къ Владиміру въ одинаковой роли Шермилла, приписавъ ему въ первой былини указаніе на Василія Казимировича, какъ на лицо, пригодное для отвоза дани Владиміру татарскому царю,

¹⁾ Эту же ошибку допустилъ и я при изданіи Гуклевской былины, въ „Былинахъ старой и новой записи“.

²⁾ Стр. 143—151.

при чемъ Василій Казимировичъ исправиваетъ себѣ въ товарищи Добрыню, во второй — указаніе на Дуная, какъ на богатыря, который сумѣетъ сосватать князю Апраксию королевичну, при чемъ Дунай проситъ Владимира дать ему въ товарищи „молода Васильюшку Казимирова“, который, замѣнивъ у Рябины Добрыню, не совершаетъ, впрочемъ, ничего героическаго и ограничивается тѣмъ, что своситъ участіи въ брачной повѣздкѣ только тѣмъ, что привозитъ Апраксию въ Кіевъ, когда Дунай, увлекшись въ новое похождение (бой съ палеппцею), оставляетъ его на дорогѣ въ Кіевъ и приказываетъ довести до конца порученіе князя ¹⁾.

Взаимное отношенію Дунай и Добрыня въ былинѣ о сватовствѣ, какъ я уже упомянулъ, выясняется процессомъ ея сложопія, т. е. сведенію двухъ сюжетовъ въ одно произведенію, и это побуждаетъ насъ поставить вопросъ, чѣмъ объясняется взаимное отношеніе — Василія Казимировича, соответствующаго въ планѣ былины Дунаю, и Добрыни Никитича, главнаго дѣйствующаго лица въ рассматриваемомъ нами сюжетѣ? Можетъ быть, нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ прольетъ справка объ одномъ историческомъ лицѣ, носившемъ имя Василія Казимира и принимавшемъ дѣятельное участіе въ событіяхъ послѣднихъ годовъ независимости Новгорода.

Припомнимъ нѣкоторыя событія, предшествовавшія покоренію Новгорода Великаго Иваномъ III, и первые годы, пережитые новгородцами при новомъ московскомъ режимѣ.

Послѣдніе годы новгородскаго народоправства ознаменовались упорной борьбой двухъ враждебныхъ другъ другу партій: черныхъ людей, тяготѣвшихъ къ Москвѣ и не дорожившихъ новгородской автономіей, и боярскаго партіи, отстаивавшей автономію въ своихъ интересахъ и искавшей для борьбы съ Москвою себѣ опоры въ Польшѣ. Такое тяготѣніе сильнаго боярства новгородскаго къ иновѣрной державѣ позволило Ивану III-му придать борьбѣ съ Новгородомъ національно-религіозное значенію, и дѣйствительно походъ московской рати противъ новгородцовъ въ 1471 году сопровождался проявленіемъ самаго сильнаго ожесточенія со стороны москвитянъ ²⁾. Послѣ взятія и сожженія Русы московскимъ отрядомъ Давида Холмскаго послѣдовала несчастная для новгородцевъ Коростынская битва (7-го іюля 1471 г.), въ которой новгородское ополченіе сражалось подъ предводительствомъ

¹⁾ См. Рыбниковъ, I, 31; Гильбердингъ, № 81.

²⁾ См. Яловыйскій, Исторія Россіи, т. II, стр. 442.

лучшихъ воеводъ посадниковъ Василя Казимира, Дмитрія Борецкаго и другихъ. Новое ополченіе, собранное послѣ этого пораженія, попыталось преградить москвичамъ, стоявшимъ на правомъ берегу Шелони, дорогу къ соединенію съ псковичами. Во главѣ новгородскаго войска стояли прежніе воеводы. Но блестящая Шелонская побѣда москвичей рѣшила судьбу всей кампаніи 1471 года. Большое число новгородцевъ пало или было взято въ плѣнъ. Главные воеводы Василий Казимиръ, Дмитрій Борецкій, Козьма Григорьевъ и др. попали въ руки москвичамъ. Великій князь обошелся съ ними жестоко: нѣкоторымъ вожакамъ литовской партіи, сносившейся съ королемъ Казимиромъ, онъ велѣлъ отрубать головы, именно Дмитрію Борецкому, Василю Селезеву, Еремею Сухощеку и Кипріяну Арбузеву; затѣмъ нѣсколько знатныхъ людей, въ томъ числѣ посадника Василя Казимира и Матвѣя Селезнева, велѣлъ отправить въ Коломну и Москву и заключить въ оковы ¹⁾. Опасаясь за судьбу города, въ которому подступали московскія войска, новгородцы просили пощады и на тяжкихъ для себя условіяхъ заключили мирный договоръ съ Иваномъ III, слѣдствіемъ котораго было въ 1472 г. возвращеніе свободы, по ходатайству архіепископа Ософана, новгородскимъ боярамъ, томившимся въ московскихъ тюрьмахъ. Въ числѣ ихъ былъ освобожденъ и Василий Казимиръ, одинъ изъ главнѣйшихъ сторонниковъ литовской партіи ²⁾. Снова съ этимъ именемъ мы встрѣчаемся черезъ 4 года въ лѣтописи въ описаніи мирной поѣздки Ивана III въ Новгородъ въ 1476 году. Московскому великому князю сдѣлали почетную встрѣчу высшія власти новгородскія, имѣя во главѣ того же Василя Казимира съ его братомъ и родственниками ³⁾.

¹⁾ См. *Соборный Временникъ*, II, стр. 104: «И ту новодѣ казнити главною князю крамольниковъ новгородцевъ, ихъ же живыхъ яма (въ битвѣ Шелонской); начало крамолы той замыслиша и за короля (Казимира) отъ всего сердца хотѣша, тѣмъ же повелѣ главы отъци Дмитрею Борецкому Исаковичу Маряну, и Василю Губы Селезеву, и Еремею Сухощеку, Кузряну Арбузеву и ихъ товарищомъ; прочихъ же посадниковъ *Василя Казимира* и его товарищовъ 50 лучшихъ отобравъ, повелѣ vesti въ Москву и оттолѣ къ Коломнѣ и въ тюрьму всадити». Справ. Никонов. лѣт. Ч. VI, изд. 1790 г., стр. 30: «а Василю Казимира да Кузю Григорьева, да Якова Федорова, да Матвѣя Селезнева, да Кузю Грузова, да Федора Табакина велѣхъ отвести на Коломну да оковати ихъ».

²⁾ *Бѣллетъ*, Исторія Новгорода Великаго, стр. 569. *Половйскій*, и. с., стр. 447.

³⁾ См. *Соборный Временникъ*, подъ 1476 г. главу «о поѣздѣ великаго князя въ Великій Новгородъ» (II, стр. 164): «Въ з 1 (сентября) въ четвергъ, въ Васильевѣ селѣ въ Олжаниовского стрѣлани великаго князя посадники новгородотин *Василей*

Во время пребывания великаго князя въ Новгородѣ онъ принималъ у себя съ челобятями архіепископа Теофила, Василія Казимира и другихъ новгородскихъ сановниковъ, которые ходатайствовали объ отъѣзѣ казни нѣкоторыхъ виновныхъ бояръ, очевидно сторонниковъ ихъ партіи, при чемъ говорили объ имени всего Новгорода, и архіепископъ бралъ ихъ собѣ на поруки. Казнь была замѣнена доношениемъ възысканіемъ въ пользу истцевъ ¹⁾. Затѣмъ въ декабрѣ князь пировалъ по очереди у новгородскихъ сановниковъ и получалъ отъ нихъ богатые дары. Послѣ пѣра у владыки былъ пѣръ у Василея Казимира (15-го декабря), при чемъ богатый посадникъ поднесъ князю въ даръ золотой ковчигъ, двѣ гривеники, сто кораблениковъ и два кречета, что по цѣнамъ того времени представляетъ большую стоимость ²⁾. Послѣ подчиненія Новгорода московскимъ великимъ княземъ и паденія народовластія Василій Казимиръ, повидимому, оставался въ городѣ при новыхъ московскихъ порядкахъ, съ которыми, впрочемъ, не примирился, какъ видно изъ дальнѣйшей его судьбы. Уже въ слѣдующемъ послѣ покоренія Новгорода году (1479) доброхоты доносили великому князю, что Новгородъ тайно сноется съ Казимиромъ литовскимъ. Городъ былъ снова осажденъ московскою ратью и отворилъ ворота князю, который расправился жестоко съ мятежниками. Архіепископъ Теофилъ былъ взятъ подъ стражу и отосланъ въ Москву, болѣе сотни главарей возстанія были казнены и для предупрежденія возстаній до тысячи семействъ купеческихъ и дѣтой боярскихъ были разсланы изъ Новгорода по нивовымъ городамъ, до 7000 семействъ черныхъ людей также размѣщены по московскимъ городамъ и посадамъ. Немного лѣтъ спустя не избѣгъ своей участи и Василій Казимиръ. По лѣтописнымъ извѣстіямъ, Иванъ III въ 1481 году послалъ изъ Москвы въ Новгородъ приказъ взять знаменитыхъ новгородскихъ бояръ Василія Казимира, брата его Ивана Короба, Михаила Берденева и Луку

Казимиръ, да братъ его Иковъ, Луку Осдоровъ, да сестричичи Казимирови Григорей да Иванъ Михайловъ, Григорій Тучинъ, Богданъ Ксавовъ, Олферей Офонасовъ, да тысяцкіе старые Матвей Салезевъ, Андрей Исаковъ, да бояре Иванъ Кузмичъ сынъ Савельевъ, Иванъ Сѣкиринъ, а житїи люди Алексѣй Квазиницъ, Василей Болакша да и жалобники многы, Олферъ Гагинъ съ товарища“.

¹⁾ *Соборный Временикъ*, II, стр. 169 и 170.

²⁾ *Соборный Временикъ*, II, стр. 171. *Корабленниками* назывались дорогія европейскія золотыя монеты, англійскія и французскія, на которыхъ въ XIV и XV в. изображались роза и корабль. При Иванѣ Вас. Грозномъ изъ гривеники серебра чеканили триста денегъ новгородскихъ.

Федорова, давнишнихъ приверженцевъ литовской партіи ¹⁾). Лѣтописи даже не указываютъ на ихъ преступленія, и причина ихъ взятія, по мнѣнію Бѣляева, очевидно состояла въ ихъ прежней приверженности къ королю Казимиру и въ продолжавшихся тайныхъ сношеніяхъ съ нимъ, которыя были дознаны во время изслѣдованія дѣла о владыкѣ Теофілѣ и, можетъ быть, подтверждены новыми доносами изъ Новгорода ²⁾. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ Василія Казимира лѣтописи не сохранили.

Изъ вышеприведенныхъ извѣстій о новгородскомъ посадникѣ Василіи Казимирѣ можно сдѣлать заключеніе, что мы имѣемъ передъ собою крупную историческую личность, игравшую выдающуюся роль въ послѣдніе годы новгородской самостоятельности и первые годы московскаго режима. Онъ является во главѣ двухъ новгородскихъ ополченій, выставленныхъ Новгородомъ въ 1471 году противъ московскихъ войскъ. Какъ одного изъ опасныхъ и вліятельныхъ сторонниковъ литовской партіи его, по распоряженію Ивана III, увозятъ и сажаютъ въ тюрьму послѣ Шелонской битвы, но въ слѣдующемъ году онъ вырученъ изъ заточенія усиленными хлопотами новгородской боярской партіи. Какъ сановный представитель Новгорода, онъ стоитъ во главѣ новгородской депутаціи, посланной для почетной встрѣчи Ивана III при его приближеніи къ городу. вмѣстѣ со владыкой онъ въ другой депутаціи является къ великому князю съ челобитной о смягченіи участи обвиненныхъ по суду бояръ, сторонниковъ своей партіи, и достигаетъ отъѣздомъ ихъ казни. Онъ, какъ богатый сановникъ, задаетъ пиръ Ивану III-му и подноситъ ему цѣнные дары. Послѣ паденія Новгорода онъ не примиряется съ совершившимся фактомъ и продолжаетъ вести сношенія съ королемъ Казимиромъ, въ которыхъ заподозривался и рывше, и, какъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ новгородской крамолы, вторично и уже безвозвратно попадаетъ въ руки великаго князя. Понятно, что имя этого упорнаго врага Москвы, стоятеля за новгородскія традиции, дѣйствовавшего, судя по скуднымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, въ теченіе бурнаго десятилѣтія, наполннаго войной Ивана III съ Новгородомъ, борьбою городскихъ партій и окончившагося паденіемъ Новгорода, разгромомъ

¹⁾ Никонов. лѣт., VI, 7, изд. 1790 г., стр. 116 подъ 1481 годомъ: „Того же лѣта пошлалъ князь великій Новгородскихъ бояръ Василія Казимира да брата его Якова Короба да Михаила Берденева да Луку Федорова“.

²⁾ См. *И. Бѣляевъ*, Исторія Новгорода Великаго, стр. 623. *Иловайскій*, Ист. Россіи, II, стр. 465.

его благосостоянія и выселеніемъ нѣсколькихъ тысячъ новгородцевъ въ московскія области,—должно было въ свое время быть хорошо извѣстно современникамъ, пользоваться симпатіями боярской литовской партіи, связывавшей свои интересы съ новгородской автономіей и культомъ новгородскихъ традицій, и могло еще долго поминаться позднѣйшими поколѣніями, хотя историческія обоготательства, связанные съ этимъ именемъ, были уже забыты. Имена, какъ всегда бываетъ, оказываются болѣе прочными, чѣмъ обстоятельства, связанные съ личностью ихъ носителей. Забвеніе прошлаго ускорилось въ новгородскихъ областяхъ еще тѣмъ, что перемѣщенія населенія—выходъ мятежныхъ новгородцевъ въ низовыя земли и переселенія московскихъ людей въ Новгородъ—измѣнили этнографическій составъ края и затерли слѣды прежняго народовластія. Новые поколѣнія жили уже общою жизнью съ московскими людьми и прониклись общими съ ними государственными понятіями и интересами. Новгородскіе скomorохи въ XVI в., воспроизводя старину изъ новгородскаго прошлаго (о Садкѣ, Василіи Буслаевѣ, Ставрѣ), перерабатывали вмѣстѣ съ тѣмъ и богатырскія былины Владимірова цикла, пѣли и московскія пѣсни о недавнемъ ваятіи Казани, и можно думать, что ихъ направленіе отличалось обще-русскимъ патріотизмомъ. Не даромъ дѣлкъ Субота по порученію Грознаго царя собиралъ новгородскихъ „веселыхъ людей“ и возилъ ихъ въ Москву для увеселенія Ивана IV и его двора ¹⁾. Можно думать, что именно участіемъ новгородскихъ слагателей пѣтарей объясняется довольно частое присутствіе историческихъ новгородскихъ именъ въ редакціяхъ „богатырскихъ“ и вообще былинь Кіевскаго цикла; такія имена могли быть отголосками недошедшихъ до насъ старыхъ новгородскихъ преданій или даже пѣсень. Вспомнимъ, напримѣръ, что былинный Ставръ бояринъ, глупый мужъ умной жены, носить имя историческаго лица, дѣйствительно одно время засаженаго Владиміромъ Мономахомъ, если не „въ погребѣ глубоки“, то въ тюрьму; что предводитель въ походѣ новгородцевъ на Югру Самсонъ Колубановъ является однимъ изъ богатырей въ переработкѣ старины о Калкинскомъ побойщѣ (Камское побойще) ²⁾, что нѣкоторыя имена несомнѣнно новгородскія перехо-

¹⁾ См. наши Очерки, стр. 56.

²⁾ Отмѣтимъ кстати, что въ рукописномъ дневникѣ (1848 — 1858) странника бывшаго іеромонаха Корсунскаго едновѣрческаго монастыря, Герасіима, а по лѣтиспису савана—Григорія Папкічева авторъ на стр. 56 говоритъ, что онъ служилъ мо-

дять изъ новгородскихъ былинь въ такъ называемыя былины Киевскаго цикла. Къ числу такихъ историческихъ новгородскихъ именъ рѣшаюсь я отнести и имя Василя Казимира въ разсматриваемой былинѣ.

Къ сожалѣнію, какъ и въ другихъ случаяхъ, мы не въ состояніи уяснить себѣ мотивы, вызвавшіе внесеніе имени Василя Казимира въ былину такъ называемаго киевскаго цикла, кромѣ развѣ того, что это имя въ свое время пользовалось широкой извѣстностью. Мы не можемъ также указать, какія историческія черты были прихвачены вмѣстѣ съ этимъ именемъ, такъ какъ дошедшая до насъ редація былины не даетъ намъ возможности судить о процессѣ ея сложенія, т. е. не разъясняетъ вопроса, была ли въ основѣ ея отдѣльная пѣсня о Василя Казимирѣ, переработанная въ былину киевскаго цикла, или въ ея основѣ лежитъ былина о подвигѣ Добрыни—избавленіи ея. Владимира отъ татарской дани, со внесеніемъ въ начало былины личности Василя Казимира, въ качествѣ лица, стоящаго во главѣ посольства къ татарскому царю. Последнее намъ кажется вѣроятнѣе. Оставляя однако эти вопросы, какъ для насъ неясныя, отмѣтимъ только нѣкоторыя былинные черты, которыя, повидимому, связываютъ былого Василя Казимира съ историческимъ.

Хотя историческій Василій Казимиръ и предводительствовалъ новгородскимъ ополченіемъ въ битвахъ при Коростынѣ и Шелони, но военныхъ лавровъ не пожалъ ¹⁾, его дѣятельность вращалась въ сферѣ политической партійной борьбы, дипломатическихъ сношеній съ Казимиромъ польскимъ, депутаціѣ въ Ивану III-му, посредничествѣ при переговорахъ, по крайней мѣрѣ, насколько можно судить о его дѣятельности по скуднымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ. Въ былинахъ Василій Казимировъ фигурируетъ не въ качествѣ богатыря, а въ роли посланника для дипломатическихъ и иныхъ переговоровъ. Въ былинѣ

лебенъ въ мужскомъ монастырѣ Петрозаводскомъ „близко гдѣ Самсонъ богатырь“. См. рукопись № 1023 въ библиотекѣ И. Историческаго музея.

¹⁾ Лѣтописецъ Аврамкинъ запелъ другой случай выступленія, повидимому, того же лица, называемаго Василямъ Александровичемъ Казимиромъ, въ бою подъ 1456 г. Когда во время войны московскаго великаго князя Василя Васильевича съ новгородцами москвичи рѣшили новгородцевъ подъ Русомъ, то въ этой битвѣ „и Василей Александровичъ Казимиръ билъ много, и събилъ его с коня и подожгла ему плечо и на томъ убожа уловенъ“. См. Полн. собр. русск. лѣт. т. XVI, столб. 195. Въ 1450 г. та же лѣтописецъ сообщаетъ о побѣдѣ Ионы на поставленіе въ Москву съ новгородскимъ посольствомъ, при чемъ со владыкою былъ „боляринъ тысяцкий Василей Александровичъ Казимиръ“. Тамъ же столб. 198.

о Добрынѣ онъ стоитъ во главѣ посольства для отвоза татарской дани, въ былинѣ о сватовствѣ, въ одномъ вариантѣ, онъ участвуетъ въ качествѣ свата и привозитъ Владимиру Апраксию ¹⁾, въ одномъ пересказѣ былины о Дюкѣ онъ вмѣстѣ съ Дунаемъ Ивановичемъ и Алешей Поповичемъ отправленъ кн. Владимиромъ оцѣивать Дюково имущество ²⁾. Въ былинѣ о сватовствѣ Дунай съ Василиемъ Казимировымъ ѣдутъ къ литовскому королю, и если Василій Казимировичъ попалъ въ спутники Дунаю не случайно, то можно было бы припомнить сношенія историческаго Василія Казимира съ польско-литовскимъ королемъ, за котораго онъ и пострадалъ. Какъ бы то ни было, былинный Василій Казимировичъ, какъ исполнитель дипломатическихъ порученій, до нѣкоторой степени напоминаетъ историческаго. Новгородскій Василій Казимиръ пострадалъ отъ великаго князя: былъ имъ посаженъ въ тюрьму и затѣмъ освобожденъ вслѣдствіе ходатайства боярскаго новгородской партіи. Это сидѣніе въ тюрьмѣ должно было привлечь къ нему, какъ къ пострадавшему, симпатіи людей его партіи, увеличить его популярность. Василій Казимировичъ, какъ мы узнаемъ изъ одного изъ лучшихъ вариантовъ, сидитъ у кн. Владимира въ „погребѣ глубокомъ“ и выпущенъ изъ него по приказанію князя, когда нѣкій „добрый молодецъ“ на пиру указываетъ Василья, какъ лицо способное исполнить порученіе князя. Припомнимъ въ этомъ вариантѣ нѣкоторыя черты, отъ которыхъ вѣетъ московскимъ духомъ. Добрый молодецъ обращается къ Владимиру такъ, какъ будто говоритъ грозному московскому царю:

„Ушѣ ты гоѣ еси; кпизъ Владимиръ да стольнекѣвскій!
 Ты позволъ-ко-се мнѣ да слово молвити,
 Ты позволъ-ко-се мнѣ да рѣчь говѣрети;
 Не позволъ мнѣ за слово скоро-то казнити,
 Ише скоро де казнитъ, скоръ погнѣтити.
 А да спроговорилъ князь Владимиръ да стольнекѣвскій:
 Ой говори-тко-се, удалой доброй молодецъ;
 Ты не будѣши казнѣнъ да скоро погнѣшонъ жес;
 Говори-тко-се ты да що тебѣ надобно“ ³⁾.

Врагами историческаго Василія Казимира были люди московской партіи Новгорода, доносившіе о немъ въ Москву и, конечно, московскіе бояре, окружавшіе великаго князя. Въ былинѣ, записанной г. Он-

¹⁾ Рыбниковъ, т. I, 31; Гильбердингъ, № 81.

²⁾ Рыбниковъ, I, № 48, стр. 293.

³⁾ Гриморъевъ, № 352, стр. 265.

чувовымъ, мы находимъ такое же враждебное отношеніе княжескихъ бояръ къ Василю Казимирову:

Кабы воры-ти бояра какъ подмоавщии,
 Сня алы-ле толстобрюха подговорщии,
 А подмоавли князя они Владнѣра:
 У насъ всѣмъ воньце боярамъ служба явлена,
 У насъ всѣмъ богатырямъ служба надѣчена,
 А да Васильи да службы право долго нѣтъ и т. д. ¹⁾

Этимъ, кажется, и ограничиваются черты сходства между былиннымъ и историческимъ Василиемъ Казимировымъ. Но если вообще догадка о связи между ними можетъ быть допущена, то она въ свою очередь подтвердила бы наше истолкованіе былины о Добрынь и Василю Казимировѣ, какъ эпического отраженія національнаго историческаго событія—прекращенія татарской дани Иваномъ III-мъ. Василий Казимировъ въ той же былинѣ былъ бы отголоскомъ другого знаменательнаго событія того же времени,—подчиненія Новгорода тѣмъ же великимъ княземъ, который положилъ конецъ позорной отсылки дани въ Орду.

Скажемъ нѣсколько словъ и о другихъ лицахъ разсматриваемой былины.

Мы видѣли, что главную роль въ ней играетъ Добрыня Никитичъ и что по содержанію она можетъ скорѣе быть названа былинной о подвигахъ этого стариннаго богатыря. Этой ролью Добрыни можно до известной степени воспользоваться для хронологіи, конечно, относительной, той редакціи, въ которой былина дошла до насъ. Если былина приписала Добрынь Никитичу такой громкій и славный подвигъ, какъ избавленіе ки. Владимира отъ уплаты дани татарскому царю, сопровождавшемуся уничтоженіемъ послѣдняго и избиеніемъ татаръ въ ихъ же царствѣ, то слѣдуетъ думать, что въ періодъ сложенія Добрыня между всѣми богатырями Владимира стоялъ еще на первомъ мѣстѣ и не уступилъ его Ильѣ Муромцу, сдѣлавшись самъ его младшимъ братомъ или податаманомъ при немъ. Въ другомъ изслѣдованіи (Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ) ²⁾ я старался уяснить, что Илья Муромецъ сталъ главою богатырей во 2-ой половинѣ XVI-го вѣка. Если это такъ, то разсматриваемая былина могла бы относиться къ началу или первой половинѣ XVI-го вѣка. По рѣшавшюся отнести ея сложеніе

¹⁾ Очужковъ, Изчорскія былины № 65, стр. 264.

²⁾ См. Извѣстія, II отд., Н. А. Н., т. XIII (1908) кн. I.

къ предшествующему столѣтію, свидѣтелю сверженія татарскаго ига и паденія Новгорода, на томъ основаніи, что послѣднее событіе должно было сильно порости быльемъ, прежде чѣмъ упорный стоятель за новгородскую вольность и врагъ великаго князя Василій Казимировъ могъ попасть въ былинну въ качествѣ служилаго лица при князѣ Владимірѣ и стоятели за общерусскіе государственныя интересы ¹⁾).

Нѣкотораго вниманія для подтвержденія времени сложенія былинны заслуживаетъ и кн. Владимірѣ. Онъ изображается въ вариантѣ Григорьева ²⁾, какъ мы видѣли, грознымъ властителемъ, въ родѣ московскаго царя Грознаго, который за неумѣстное, неудачное слово готовъ „казнить - вѣшати“. Онъ окруженъ боярами „подмолвничиками“, въ чемъ нѣрѣдко упрекали московскихъ великихъ князей и царей; ему богатыри Добрыня и Василій Казимировичъ наляютъ въ ноги по московскому придворному обычаю ³⁾; онъ держитъ Василія Казимировича въ погребѣ глубококомъ, хотя былина не объясняетъ вины заключеннаго. Все это, повидимому, черты времени.

Резюмируемъ въ заключеніе выводы, къ которымъ приводитъ нашъ разборъ былинны.

1) Былина о Василіи Казимировѣ, содержа рассказъ объ одномъ изъ подвиговъ Добрыни, должна быть относима къ былинамъ объ этомъ богатырѣ.

2) Былина представляетъ эпически обработанное отраженіе историческаго факта, прекращенія уплаты дани татарамъ при великомъ князѣ Иванѣ III.

3) Былинный Василій Казимировъ вопелъ въ нее какъ поздній

¹⁾ Въ опредѣленіи времени сложенія былинны, а также въ предположеніи ея первоначальнаго значенія расхожусь съ слѣдующими строками, которыя нахожу о разсмотрѣнной былинѣ у А. В. Маркова въ его изслѣдованіи „Бытовые черты русскихъ былинъ“ (отд. оттискъ изъ 58 и 59 книгъ „Этнографическаго Обзорія“ стр. 5): „Къ XV столѣтію относится былина о Василіи Казимировичѣ..... Имя новгородскаго посадника Василія Казимира встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1471—1481 гг. Онъ подносилъ дары московскому великому князю; былинны сдѣлали изъ ненавистнаго новгородцамъ московскаго властителя—иноземнаго царя и отправили къ нему съ Василіемъ Казимировичемъ дань, но ея предметами выставили соколовъ и иречетовъ, издавна поставлявшихся къ московскому двору изъ новгородской земли“. Упомянутые соколовъ и иречетовъ въ инвентарѣ даней легко объясняется новгородскимъ райономъ сложившій былинны, а переименованіа московскаго великаго князя въ татарскаго дара Батыя ипѣ представляется маловероятной.

²⁾ № 352.

³⁾ Григорьевъ, № 358, стр. 297.

отголосокъ новгородскихъ преданій объ историческомъ Васи́лѣ Казимирѣ, новгородскомъ посадникѣ, современникѣ Ивана III-го и участникѣ въ судьбѣ родного города.

4) По нѣкоторымъ былиннымъ даннымъ, сложеніе дошедшей до насъ редакціи быliny можетъ быть отнесено къ началу или къ первой половинѣ XVI-го вѣка.

5) Наличие новгородскаго имени—Василія Казимирова—указываетъ на новгородскій районъ сложенія быliny. Слагателями ея могли быть новгородскіе скоморохи.

Васв. Шилгерь.

РЕМЕСЛО.

Ремесло находится на краю гибели. Мелкое самостоятельное предприятие болѣе не жизнеспособно и въ борьбѣ за существованіе уступаетъ мѣсто капиталистическому предприятию. Въ констатированіи этого факта сходятся всѣ изслѣдователи. Здѣсь царитъ полное единодушіе, и только вопросъ объ интенсивности этого явленія вызываетъ споры: одни утверждаютъ, что въ передовыхъ въ капиталистическомъ отношеніи странахъ ремесло не играетъ уже никакой роли, процессъ гибели ремесла, говорятъ они, уже завершился. Другіе же утверждаютъ, что ремесло не только не исчезло, но даже играетъ довольно значительную роль въ современномъ хозяйствѣ. Фактическія изслѣдованія положенія ремесла, которыми такъ богатъ конецъ прошлаго столѣтія, безспорно подтверждаютъ правильность этого послѣдняго взгляда. Объ окончательной гибели ремесла говорить еще рано. Мало того, нѣкоторые все еще продолжаютъ надѣяться на возрожденіе ремесла. Полное исчезновеніе ремесла, думаютъ они, вовсе не является неизбѣжнымъ закономъ хозяйственнаго развитія. Изобрѣтеніе мелкихъ двигателей, машинъ, по своей цѣнѣ и размѣрамъ доступныхъ ремесленникамъ, можетъ совершенно остановить гибель ремесла, но какъ бы то ни было, а фактъ постепеннаго вытѣсненія ремесла капитализмомъ не поддается никакому сомнѣнію. А вѣдь была эпоха (XIV и первая половина XV столѣтія для Западной Европы), когда ремеслу нечего было бояться за свое существованіе. Почему же ремесло тогда процвѣтало, какія причины этого? Вотъ на этотъ вопросъ я и постараюсь обратить вниманіе.

Ремесло въ средніе вѣка процвѣтало, значить средневѣковый хозяйственный строй вполне соответствовалъ этому виду предприятий.

Что же представляет изъ себя средневѣковое хозяйство? Чѣмъ оно отличается отъ предшествующей и послѣдующей стадіи хозяйственнаго развитія? Каковы особенности средневѣкового хозяйства?

Здѣсь прежде всего надо указать на то, что хозяйство средневѣковое является уже мѣновымъ или денежнымъ хозяйствомъ, т. е. оно не можетъ существовать безъ обмѣна. Здѣсь уже возникаетъ дифференціація отдѣльныхъ хозяйствъ, появляются хозяйства, занятая исключительно обрабатывающей промышленностью, и хозяйства, занятая исключительно земледѣліемъ. Городъ отдѣляется отъ деревни, въ городѣ сосредоточивается обрабатывающая промышленность, деревня же всецѣло посвящаетъ свои силы добыванію хлѣба и сырья.

Результатомъ этой дифференціаціи является уничтоженіе самостоятельности отдѣльныхъ хозяйствъ, между ними возникаетъ тѣсная связь, городъ нуженъ для деревни, деревня нужна для города. Не трудно найти признаки, отличающій средневѣковый хозяйственный строй отъ предшествующаго строя. Этотъ признакъ — паличность обмѣна. Мы этимъ не хотимъ сказать, что на предшествующей стадіи, на стадіи натурального хозяйства совсѣмъ не существовало обмѣна. Всюду, у всѣхъ племенъ и народовъ, объ экономическомъ бытѣ которыхъ дошли до насъ какія-нибудь свѣдѣнія, мы сталкиваемся съ существованіемъ обмѣна. Только обмѣнъ на ранней ступени развитія имѣетъ случайный характеръ, а не является необходимымъ условіемъ существованія этого типа хозяйства. Натуральное хозяйство мы можемъ представить себѣ безъ обмѣна, средневѣковое же хозяйство безъ обмѣна существовать не можетъ.

Не такъ легко провести черту, отдѣляющую средневѣковое хозяйство отъ современнаго строя. Я не буду останавливаться на анализѣ взглядовъ отдѣльныхъ ученыхъ, а ограничусь лишь изложеніемъ господствующаго въ современной наукѣ взгляда на средневѣковое хозяйство.

Въ чемъ же заключается характерный, обуславливающій всѣ остальные особенности, признаки средневѣкового хозяйства? Извѣстный знатокъ средневѣкового хозяйства К. Бюхеръ видитъ это отличие въ характерѣ обмѣна, въ степени социальной дифференціаціи. Обмѣнъ и раздѣленіе труда, говоритъ онъ, существуютъ, но почти исключительно въ предѣлахъ города и окружающей его территоріи, тогда какъ въ настоящее время раздѣленіе труда, а слѣдовательно и обмѣнъ вышли уже далеко за предѣлы городского округа, переросли даже рамки отдѣльныхъ

государствъ ¹⁾). Если мы сравнимъ, какъ удовлетворяетъ свои потребности житель современнаго города, съ тѣмъ, какъ удовлетворялъ эти потребности житель средневѣковаго города, то намъ сейчасъ станетъ ясно, въ чемъ заключается отлѣчѣ средневѣковаго хозяйства. Мы, жители Москвы, получаемъ продукты со всѣхъ концовъ Россіи: хлѣбъ изъ приволжскихъ губерній, мясо изъ кожныхъ стоней, сукно изъ лодзинскаго района и изъ-за границы, фрукты изъ Крыма и т. д. Въ противоположность этому житель средневѣковаго города почти всѣ продукты получалъ или изъ окрестныхъ деревень или же покупалъ у ремесленника своего же города. Всю средневѣковую Германію, говоритъ Бюхеръ, можно разбить на рядъ округовъ, состоящихъ изъ города и прилегающихъ къ нему деревень. Въ хозяйственномъ отношеніи каждый такой округъ является вполне самостоятельнымъ. Обмѣнъ между отдѣльными округами не существуетъ. Вотъ основныя черты теоріи средневѣковаго хозяйства Бюхера. Теорія эта въ настоящее время является господствующей въ нѣмецкой экономической наукѣ, къ ней очень близко примыкаютъ и такіе выдающіеся знатоки средневѣковыхъ хозяйственныхъ условій, какъ Шюенбергъ, Шмоллеръ, Чельдебрандтъ ²⁾). Даже Зомбартъ, не смотря на свою рѣзкую критику теоріи Бюхера, въ сущности очень близокъ къ такой точкѣ зрѣнія. Критика эта, какъ правильно указалъ Поле въ своей рецензій на книгу Зомбарта „Современный Капитализмъ“, направлена скорѣе на формулировку теоріи Бюхера, а не на ея основныя принципы ³⁾.

Итакъ, стало быть, отсутствіе широкаго народнаго и международнаго раздѣленія труда и вытекающаго отсюда обмѣна вотъ что является отличительнымъ признакомъ средневѣковья. Въ средніе вѣка раздѣленіе труда и обмѣнъ имѣли мѣстный характеръ, совершались главнымъ образомъ между городомъ и окружающими его деревнями. Указывая на этотъ признакъ, я вовсе не думаю совершенно отрицать существованіе въ средніе вѣка междугородской и международной торговли. Но подобно тому, какъ, рассматривая первобытную стадію

¹⁾ Отдѣльные города и мѣстности въ настоящее время специализируются даже на производствѣ только одного сорта какого-нибудь товара. Такъ въ Олдингѣмъ плетутъ только номера ниже 60-го, въ Болтонѣ отъ 60—80 номеровъ, въ Стокпортѣ же только самыя тонкія номера (100 и выше). Jaffé, Das englische Bankwesen, 87.

²⁾ Много правильнаго во взглядѣ Бюхера находитъ и Белонъ, Ueber Theorien der wirtschaftlichen Entwicklung, Historische Zeitschrift B. 86.

³⁾ Русскій переводъ этой рецензій: Народное хозяйство 1903, С. Такого же взгляда на теорію Зомбарта держится и Шмоллеръ, Grundriss, II. 669.

хозяйственнаго развитія, мы можемъ игнорировать существованіе всякаго обмѣна, такъ при построеніи теоріи средневѣковаго хозяйства мы можемъ игнорировать существованіе въ средніе вѣка междугородскаго и международнаго обмѣна, такъ какъ онъ былъ крайне незначителенъ, и не могъ играть никакой существенной роли въ хозяйствѣ средневѣковья. Въ этомъ легко убѣдиться, если представить себѣ тѣ условія, въ которыхъ находилась средневѣковая междугородская и международная торговля. Условія эти были крайне для нея неблагоприятны. Слишкомъ много было препятствій, тормозившихъ развитіе этой торговли. Такимъ препятствіемъ, прежде всего, было дурное состояніе путей сообщенія. Шоссейныхъ дорогъ вовсе не было, грунтовья находились въ отвратительномъ состояніи. Большинство населенныхъ мѣстъ соединялись тропами, доступными только пѣшимъ и коннымъ. „Ни на одномъ языкѣ, говоритъ Артуръ Юнгъ, я не нахожу словъ достаточно сильныхъ, чтобы описать эту адскую дорогу, и со вѣтвю набѣгать ее, какъ чорта. Тысяча противъ одного за возможность опрокинуться и сломать себѣ шею или руки и ноги... Я пробѣжалъ 18 миль и сломалъ три повозки“. Эта живая характеристика относится къ XVIII столѣтію, когда пути сообщенія улучшились уже, и притомъ касается дороги, соединяющей два крупнѣйшихъ городскихъ центра, Лондонъ съ Эдинбургомъ.

Невыносимые поборы и вымогательства, которымъ подвергались всѣ путешествующіе съ товаромъ купцы, являлись другимъ гораздо болѣе сильнымъ тормазомъ развитія торговли. Приходилось платить по всякому поводу и даже безъ всякаго повода. Въ XIV вѣкѣ на Рейнѣ существовало 64 заставы, на Дунаѣ — 77 ¹⁾. Въ особенности обременительна была пошлина, такъ называемое право Grundruhr'a. Въ средніе вѣка существовалъ слѣдующій обычай. Если у проѣзжающаго купца сломается колесо у повозки и ось коснется земли, или если судно сядетъ на мель, то весь грузъ, вся поклажа дѣлалась собственностью владѣльца земли. Землевладѣлецъ охотно отказывался отъ нея за известное вознагражденіе и оставлялъ товаръ у его прежняго владѣльца. Вотъ это вознагражденіе и носило названіе Grundruhr. „Приходится тебѣ ѣхать черезъ господскія поля или лѣсъ, бери маленькія колеса на своей повозкѣ и берегись, чтобы тебѣ не пришлось платить Grundruhr, а то пропадетъ весь твой барышъ“, предостерегаетъ одинъ средневѣковый сборникъ правилъ для торговцевъ. Путе-

¹⁾ Кулинеръ. Русск. Эконом. Об. 1902, 10, стр. 48.

пешство для купца было кроме того крайне опасно. Онъ всегда подвергался риску быть совершенно ограбленнымъ. Страшное распространение разбоевъ въ средніе вѣка—фактъ общеизвѣстный¹⁾. Отъ разбойниковъ, которыми сплошь и рядомъ являлись мѣстные дворяне, приходилось откупаться или нанимать дорого стоющій конвой.

Понятно, что всѣ эти обстоятельства должны были страшно тормозить и задерживать торговлю, обмѣнъ между отдѣльными городами и отдѣльными странами. Только такіе товары, цѣна которыхъ могла окупить всѣ эти накладныя издержки, являлись объектомъ средневѣковой торговли. Такими товарами являлись доступные только немногимъ избраннымъ предметы роскоши: приносы, драгоценныя матеріи, дорогое оружіе и т. п. Международная и междугородская торговля служила, главнымъ образомъ, лишь интересамъ высшихъ сословій, низшимъ же классамъ было не подъ силу оплачивать эти громадныя накладныя издержки. „Для средневѣкового рыцаря, правильно замѣчаетъ Зомбартъ²⁾, было рѣшительно безразлично, уплачивалъ ли онъ за вооруженіе, приготовленное въ Миланѣ, вмѣсто годового оброка двухъ или двадцати крестьянъ оброкъ, доставляемый четырьмя или сорока крестьянами; точно также и физическое или духовное благополучіе аббата монастыря нисколько не страдало отъ того, что онъ за драгоценное одѣяніе или за нѣсколько фунтовъ перца платилъ оброкъ съ двухъ, трехъ лишнихъ гудъ земли“.

Вотъ этотъ хозяйственный строй, съ отличительными чертами котораго мы только что познакомились, являлся временемъ благоденствія ремесленной формы предпріятія. Ремесленникъ въ средніе вѣка чувствовалъ себя очень хорошо, имѣлъ хорошій постоянный заработокъ, существованіе его какъ ремесленника было также обезпечено. Не было опасности быть уничтоженнымъ капитализмомъ. Какія же причины этого, какія особенности средневѣкова дѣлали возможнымъ благоденствіе ремесла? Нѣкоторые указывали, что причину этого надо искать въ особенностяхъ правового положенія ремесленника, въ существованіи особаго охранительнаго законодательства, въ существованіи цеховъ. Режимъ свободной конкуренціи—вотъ причина гибели ремесла. Не говоря уже объ возраженіи общаго характера (переоцѣнкѣ права, какъ фактора хозяйственной эволюціи), противъ этого взгляда можно

¹⁾ Одинъ англійскій король, перетѣкая Темзу, едва не попалъ въ руки пиратовъ, самъ ускользнулъ, а вся его поклажа стѣлалась ихъ добычей. *Леннигъ, Ростъ англійской промышленности*, 352.

²⁾ *Der moderne Kapitalismus*, B. I, 224.

привести рядъ возраженій чисто фактическихъ. Прежде всего то, что наибольшее благоденствіе ремесла относится къ XIV столѣтію, когда цеховое право отличалось большою свободою, а во многихъ ремеслахъ совсѣмъ еще не существовало покровительственной ремеслу политики. Съ другой стороны усиленіе въ послѣдующія столѣтія законодательной охраны ремесла не смогло задержать его гибели. Эти соображенія невольно заставляютъ насъ искать причину интересующаго насъ явленія не въ существованіи законодательной охраны, а въ чемъ-нибудь другомъ.

Другой взглядъ, который часто можно встрѣтить, имѣетъ уже больше основаній. Взглядъ этотъ заключается въ томъ, что процвѣтаніе ремесла въ средніе вѣка объясняется низкимъ уровнемъ техники. отсутствіемъ машинъ. Ремесло можетъ основываться только на ручномъ трудѣ. Ремесленникъ не можетъ вводить усовершенствованныя способы производства, пользоваться машинами, а потому и долженъ уступить мѣсто капиталисту. Машинная техника и ремесло другъ друга исключаютъ. Нельзя отрицать, что въ этомъ взглядѣ заключается доля истины. Дѣйствительно, большинство современныхъ машинъ такъ сложны, такъ дороги (напр. система машинъ на сапожныхъ фабрикахъ), что заведеніе ихъ не подъ силу отдѣльному ремесленнику, для этого надо обладать большими средствами. Но все-таки, однимъ указаніемъ на примѣненіе машинъ мы не можемъ объяснить интересующій насъ вопросъ. Вѣдь существуетъ цѣлый рядъ производствъ, гдѣ техника осталась прежней, гдѣ производство все продолжаетъ основываться на ручномъ трудѣ, и гдѣ, не смотря на это, все-таки происходитъ вытѣсненіе ремесла капиталистическимъ предпріятіемъ. Стало быть, невозможность для ремесленника примѣнять машины и вытекающее отсюда превосходство въ техническомъ отношеніи крупнаго капиталистическаго предпріятія надъ мелкимъ является только частной причиною, одной изъ причинъ гибели ремесла.

Какая же основная причина этого? Для отвѣта на этотъ вопросъ надо взять такія производства, гдѣ техника все продолжаетъ носить ручной характеръ, гдѣ для объясненія гибели ремесла нельзя сослаться на машинную технику. Почему здѣсь происходитъ вытѣсненіе ремесла капиталистическимъ предпріятіемъ, вотъ вопросъ, которымъ мы сейчасъ займемся. Прежде всего надо указать на то, что ремесло замѣняется здѣсь не фабрикою, а особой формой капиталистическаго предпріятія, домашней формой крупнаго производства, т. е. въ рукахъ предпринимателя-капиталиста сосредоточивается не техническая сторона пред-

пріятія, а лишь сбытъ продукта. Ремесленникъ, какъ и прежде, работаетъ у себя на дому, своими собственными орудіями труда, только работаетъ онъ не за свой счетъ и не изъ своего матеріала, а за счетъ капиталиста-предпринимателя, который выдаетъ сырой матеріалъ, и которому ремесленникъ обязанъ поставлять весь продуктъ своего производства по опредѣленной цѣнѣ. Купецъ-посредникъ подчиняетъ себя ремесленника. Итакъ въ этой новой формѣ промышленности, формѣ, являющейся злѣйшимъ врагомъ ремесленного предпріятія, капиталистическій характеръ принимаетъ лишь сфера сбыта продукта. Ремесленная форма сбыта, стало быть, уже не удовлетворяетъ потребностямъ хозяйственнаго строя и замѣняется капиталистической. Значитъ въ средніе вѣка, когда не замѣчалось стремленія къ капитализаціи сбыта, когда не было и помину о домашней промышленности, условія сбыта должны были имѣть совершенно другой характеръ и притомъ должны были быть благопріятны для ремесла.

Посмотримъ, подтвердится ли наше апріорное предположеніе фактическими данными, отличался ли средневѣковый сбытъ благопріятнымъ для ремесла характеромъ. Итакъ приступимъ къ этому вопросу. Первое, что здѣсь бросится въ глаза, это то, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ продуктъ прямо изъ рукъ производителя переходилъ въ руки потребителя, не существовало вовсе купцовъ-посредниковъ; во многихъ случаяхъ работа производилась даже прямо на заказъ. Можетъ ли работа на заказъ являться причиной интересующаго насъ явленія? Конечно, нельзя отрицать, что отсутствіе промежуточныхъ звеньевъ между производителемъ и потребителемъ крайне благопріятны для ремесла, однако мы все-таки не можемъ въ этомъ видѣть основную причину его благоденствія. Дѣло въ томъ, что и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ производствахъ, напр. производствѣ одежды, характеръ сбыта мало чѣмъ измѣнился отъ средневѣкового, также работа производится на заказъ, также потребитель вступаетъ въ непосредственныя сношенія съ производителемъ, и, не смотря на то, все-таки здѣсь возникаетъ капиталистическое предпріятіе. Съ другой стороны, сбытъ средневѣкового ремесленника не исчерпывался сбытомъ на мѣстный тѣсно ограниченный рынокъ, существовалъ сбытъ и на отдаленные рынки, гдѣ неизбѣжно между производителемъ и потребителемъ становился купецъ-посредникъ ¹⁾.

¹⁾ Взглядъ Бюхера, что въ средніе вѣка работа на заказъ безусловно преобла-

Итакъ, стало быть не непосредственный обмѣнъ между производителемъ и потребителемъ, не то, что нѣмцы называютъ *Kundenproduktion*, являлось причиной интересующаго насъ явленія. Гдѣ же наконецъ эта причина? Какъ я уже упомянулъ, мы имѣемъ очень большое основаніе предполагать, что эта причина коренится въ особенностяхъ средневѣкового сбыта. Но какъ найти эту особенность? Начать ли съ перечисленія всѣхъ отличительныхъ чертъ средневѣкового сбыта и поочередно разсматривать каждую изъ нихъ, не является ли она причиной интересующаго насъ явленія? Постепенно анализировать, нельзя ли поставить въ связь благосостояніе ремесла съ преобладаніемъ ярмарочной торговли, отсутствіемъ сдѣлокъ въ кредитъ, отсутствіемъ большихъ магазиновъ? и т. д. и т. д.

Нѣтъ, такой путь былъ бы очень длиненъ, особенностей у средневѣкового сбыта очень много. Лучше къ этому вопросу подойти съ другой стороны, сначала выяснить, какой характеръ сбыта благоприятенъ для ремесла, а потомъ посмотрѣть, отличался ли этимъ характеромъ средневѣковой сбытъ.

Какой же сбытъ благоприятенъ для ремесла?

Никто, я думаю, не затруднится дать на это отвѣтъ. Сбытъ тогда благоприятенъ, когда онъ вѣренъ, когда ремесленникъ можетъ быть вполне увѣренъ, что весь приведенный имъ продуктъ непременно будетъ проданъ и притомъ по хорошей цѣнѣ. А это бываетъ тогда, когда спросъ и предложеніе находятся въ равновѣсіи или еще лучше, когда предложеніе даже отстаетъ отъ спроса.

И вотъ въ средніе вѣка эти условія дѣйствительно находились налицо. Предложеніе и спросъ почти всегда находились въ равновѣсіи, перепроизводство совершенно неизвѣстно средневѣковому хозяйству, скорѣе замѣчалось даже недостаточное производство; предложеніе часто отставало отъ спроса. Въ этомъ легко убѣдиться, если мы познакомимся съ характеромъ средневѣковыхъ цѣнъ. Цѣны въ средніе вѣка отличаются поразительной устойчивостью. Ни о какихъ колебаніяхъ цѣнъ изъ году въ годъ нѣтъ и помнну; если и замѣчается иногда намѣненіе цѣнъ, то это измѣненіе большею частью въ сторону ихъ повышенія. Мало того, установленіе цѣны подъ дѣйствиемъ спроса и предложенія бывало порою такъ невыгодно для потребителей, что

дала (Историческое развитіе формъ промышленности, сборникъ „Исторія труда“ стр. 65), раздѣляется далеко не всѣми. Противъ него высказались, напр. Беловъ, Зомбартъ, Ковалевскій.

городскія власти бывали вынуждены вмѣшиваться и устанавливать таксы. Такой характер средневѣковыхъ цѣвъ свидѣтельствуеъ о томъ, что предложеніе, въ противоположность современной намъ эпохѣ, отнюдь не имѣло тенденціи переростать спросъ, оно скорѣе даже немного отставало отъ спроса и тѣмъ дѣлало сбытъ товара для ремесленника вполне обозначеннымъ.

Не избытокъ, а недостатокъ ремесленного труда характеризуетъ XIV столѣтіе, эпоху наибольшаго развитія ремесла. Въ этомъ не трудно убѣдиться. Продуктовъ ремесленного труда было мало, 1) потому что техника стояла на очень низкомъ уровнѣ, преобладалъ ручной трудъ, 2) потому что ремесленниковъ было мало. Первое обстоятельство фактъ настолько общезвѣстный, что на немъ долѣе не стоитъ останавливаться. И остановилось только на второмъ положеніи, на объясненіи того, почему ремесленниковъ было мало. Зомбартъ объясняетъ это двумя причинами: 1) особенностями состоянія и движенія народонаселенія, 2) уровнемъ техники. Населенія, по сравненію съ современной Европой, было совсѣмъ мало, возрастало оно крайне медленно, въ нѣкоторыя эпохи, главнымъ образомъ въ XIV столѣтіи, не замѣчалось даже никакого увеличенія народонаселенія. Въ Германіи между 1250—1450 годами, по Шмоллеру, населеніе совсѣмъ не увеличивалось, то же утверждаютъ и относительно Англій и вообще почти всѣхъ другихъ странъ Западной Европы. Причиной этого является крайне высокая смертность. Не смотря на очень высокую рождаемость, смертность временами достигала такой силы, что замѣчалось даже абсолютное уменьшеніе населенія. Много народу гибло отъ войнъ, которыя были часты и очень кровопролитны, но еще больше отъ голода и всевозможныхъ повальныхъ болѣзней. По Левассеру ¹⁾ въ XIV столѣтіи во Франціи было 19 голодныхъ годовъ, въ слѣдующемъ столѣтіи 15. Эпидемія достигала тогда такой силы и производила тогда такія опустошенія, что долго послѣ этого населеніе не достигало своего прежняго уровня. Знаменитая моровая язва, черная смерть, постигшая въ серединѣ XIV столѣтія Европу, по общему признанію, унесла $\frac{1}{3}$, нѣкоторые думаютъ даже $\frac{1}{2}$ всего населенія.

Разъ населеніе не велико и почти не возрастаетъ, то не можетъ быть много и ремесленниковъ.

Впрочемъ въ средніе вѣка существовало и еще одно обстоятель-

¹⁾ Population Française, I, 523.

ство, препятствовавшее быстрому приросту промышленнаго населенія. Въ средніе вѣка не было избыточнаго сельскаго населенія, деревня не была еще переполнена, было еще много свободной земли. Весь приростъ сельскаго населенія не былъ вынужденъ, какъ теперь, искать работу на фабрикѣ, а могъ спокойно продолжать заниматься земледѣіемъ.

Характеръ средневѣковой техники являлся другой причиною небольшого количества ремесленниковъ. Производство основывалось на ручномъ трудѣ, на личномъ умѣнн ремесленника. Для того, чтобы заниматься ремесломъ, рабочій долженъ былъ обладать большой технической сноровкой, ловкостью и притомъ не въ одной какой-нибудь несложной операци, а въ цѣломъ рядѣ ихъ. Раздѣленіе труда въ средніе вѣка было далеко не такъ развито, какъ теперь. Весь процессъ труда, начиная съ первичной обработки сырого матеріала и кончая послѣдней отдѣлкой готоваго продукта, сплошь и рядомъ сосредоточивался въ рукахъ одного и того же мастера. Такъ, напримѣръ, сапожники во многихъ мѣстахъ сами дубили кожу, каретники были въ то же время и кузнецами и т. д.

Ремесленникомъ нельзя было сдѣлаться въ нѣсколько дней, годами надо было учиться ремеслу. Длинные сроки средневѣкового ученничества вызывались и дѣйствительной необходимостью. Итакъ, стало быть, особенности средневѣковой техники дѣйствовали въ томъ же направленіи, какъ и особенности средневѣкового народонаселенія. Онѣ уменьшали число ремесленниковъ и дѣлали невозможнымъ быстрое ихъ увеличеніе.

Основной причиною благосостоянія ремесла является устойчивость средневѣкового сбыта, предложеніе ремесленнаго труда отставало отъ спроса; ремесло процвѣтало потому, что ремесленниковъ было мало, они пользовались монопольнымъ положеніемъ.

Правильность нашей точки зрѣнія сейчасъ же подтвердится, какъ только мы сравнимъ современныя хозяйственныя условія. Здѣсь ремесло гибнетъ, значитъ здѣсь должны отсутствовать тѣ обстоятельства, которыя по нашему мнѣнію благоприятны ремеслу.

И дѣйствительно, относительно современнаго сбыта уже ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать, что онъ устойчивъ и вѣренъ. Постоянные, чуть не ежедневные скачки цѣнъ то вверхъ, то внизъ, частые кризисы, когда товаръ даже за самую низкую цѣну едва находитъ себѣ сбытъ, вотъ извѣстныя каждому черты современнаго строя.

Нѣтъ болѣе и недостатка въ промышленныхъ рабочихъ. Насе-

леніе въ XIX столѣтіи возрастало, какъ никогда ранѣе. Деревня переполнена, земли не хватаетъ, и масса деревенскаго населенія вынуждена искать заработка въ промышленности. Промышленное населеніе возрастаетъ въ колоссальной прогрессіи. Подобная повѣрка безусловно подтверждаетъ правильность нашего вывода, что причиной благосостоянія ремесла является устойчивость сбыта.

Но на этомъ мы еще не можемъ остановиться; то, что у насъ фигурируетъ въ качествѣ причины, само представляетъ изъ себя продуктъ дѣлаго ряда факторовъ. Мы въ правѣ считать нашъ анализъ законченнымъ только тогда, когда укажемъ первоначальную конечную для экономиста причину. Такой причиной здѣсь, какъ и въ большинствѣ другихъ экономическихъ проблемъ, является основной факторъ хозяйственной эволюціи, уровень техники. Благосостояніе ремесла совмѣстимо только съ низкимъ уровнемъ техники. Правильно, что машина является причиной гибели ремесла, но только это утвержденіе надо понимать не такъ, какъ то обыкновенно дѣлаютъ. Машина не потому является основной причиной гибели ремесла, что она недоступна ремесленнику, а главнымъ образомъ потому, что она производитъ переворотъ во всей хозяйственной жизни, кореннымъ образомъ измѣняетъ характеръ сбыта. Изобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ можетъ быть больше вреда причинило ткачамъ-ремесленникамъ, чѣмъ даже изобрѣтеніе механическаго ткацкаго станка. Малкіе двигатели, изобрѣтенію доступныхъ ремесленнику машинъ — всѣ эти мечтания лицъ, со страхомъ взирающихъ на ростъ политически неблагонадежнаго пролетаріата, не въ силахъ возродить ремесла. Для этого надо было бы прежде всего измѣнить характеръ сбыта.

III. Шапошниковъ.

СТОЛБЦЫ ПОМѢСТНАГО ПРИКАЗА.

I. Научное значеніе столбцовъ и техника ихъ изданія.

Столбцы помѣстнаго приказа, хранящіеся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, „съ одной стороны обрисовываютъ до мельчайшихъ деталей бытовую обстановку, при которой происходила въ московскомъ государствѣ мобилизація земельныхъ владѣній, съ другою—даютъ массу абсолютно надежныхъ цифръ для провѣрки показаній писцовыхъ книгъ и наконецъ выясняютъ, какъ норма помѣстнаго и вотчиннаго права толковалась и примѣнялась въ центральныхъ учрежденіяхъ.“¹⁾ (и даже какъ сложилась она, добавимъ мы). Такимъ образомъ эти столбцы вмѣстѣ съ десятиями, содержащими въ себѣ статистическое описаніе служилыхъ людей, приписанныхъ по службѣ къ уѣздному городу²⁾, и частными актами³⁾ важны прежде всего для окончательнаго рѣшенія вопроса о степени достовѣрности писцовыхъ книгъ, дающихъ окончательную реализацію всѣхъ казусовъ помѣстно-вотчиннаго дѣлопроизводства и земельной мобилизаціи, совершавшихся между двумя переписями, вопроса, разработка котораго только начата гг. Рожковымъ („Сольское хозяйство Московской Руси въ XVI в.“, Москва, 1899) и Готье („Замосковский край въ XVII в.“, Москва, 1906) и далеко еще не закончена.

Еще важнѣе юридическая сторона этихъ столбцовъ, такъ какъ они даютъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи центральнаго и мѣст-

¹⁾ *Сторожневъ*. Писцовыя книги рязанскаго края. I. Рязань, 1898. Стр. IX.

²⁾ *Сторожневъ*. Ibid. Стр. VIII.

³⁾ *Шумаковъ*. Тверскіе акты. I. Тверь, 1896. Стр. 52.

наго управленія, служилаго и тяглаго сословія, вѣшнаго, обязательственнаго, семейнаго и наслѣдственнаго правъ, судоустройства и судопроизводства, а отчасти и по вопросамъ исторіи уголовного права, финансовъ, полиціи и общей теоріи права ¹⁾. Въ частности же изученіе въ большомъ числѣ столбцовъ помѣстныхъ дачъ даетъ возможность выяснитъ всѣ разнообразныя казусы помѣстной практики, степень преобладанія тѣхъ или другихъ и сравнительную рѣдкость какихъ-нибудь казусовъ, постепенную выработку и преемственность нормъ помѣстнаго права, бытовые условия, въ которыхъ онѣ развивались, порядоки рѣшенія разнаго рода вопросовъ, не предусмотрѣнныхъ законодательствомъ—словомъ всю жизненную природу института, технику приказнаго дѣлопроизводства и отношеніе между фактомъ и правомъ въ исторіи землевладѣнія московскаго царства²⁾. А дѣла спорныя (по Сторожеву, по нашему же мнѣнію и безспорныя) ³⁾ даютъ кромѣ того „матеріалъ для характеристики древнерусскаго процесса: допросы и очныя ставки, порядоки представленія доказательствъ и оправдательныхъ документовъ, отсрочку въ судѣ, отводъ членовъ присутствія помѣстнаго приказа, переносъ дѣла въ другой приказъ или выписки въ другой столъ, переносъ всего дѣла на докладъ государю съ думою“ ⁴⁾.

Важны наконецъ столбцы помѣстнаго приказа, какъ источникъ нашего законодательства, особенно же указной книги помѣстнаго приказа, уложенія 157 г. и новоуказныхъ статей, хотя и нельзя согласиться съ г. Сторожевымъ, называющимъ вслѣдъ за Щаповымъ уложеніе 157 г. „первымъ опытомъ народнаго законодательства — союзнаго, соединенио-областнаго, земскаго“ ⁴⁾. Во-первыхъ, это не первый опытъ. Первыми опытами народнаго законодательства, основаннаго на обычномъ правѣ (и болѣе удачными, чѣмъ уложеніе 157 г.), были

¹⁾ Шумаковъ. Сотницы, грамоты и записи. III. Москва, 1901. Стр. V.

²⁾ Ср. хоть главу о мѣстномъ процессѣ въ изслѣдованіи нашемъ о мѣстѣ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1906, ноябрь). Кстати формой замаскированной купли-продажи кромѣ мѣны являлись и просьбы разныхъ лицъ о снятіи съ нихъ помѣстій яко бы за пустотой и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ челобитныя другихъ лицъ о дачѣ имъ этихъ пустотей въ помѣстье, или о продажѣ имъ ихъ въ вотчину (31115 — 3; 7174 г.).

³⁾ *Сторожевъ*. Матеріалы. С.-Пб., 1906. Стр. IX.—Шумаковъ. Замѣтки по исторіи рязанскаго стола. Рязань, 1903. Стр. 3 и 10.

⁴⁾ *Сторожевъ*. *Op. cit.* Стр. IV.—Щаповъ. Земскій соборъ 1648—1649 гг. и собр. депут. 1767 г. (Отеч. Зап., 1862 г., XI).

судныя грамоты псковская и повгородская ¹⁾). Во-вторыхъ, источникомъ уложенийъ 157 г. и даже указныхъ книгъ приказовъ было не только туземное право, но и иноземное—греко-римское, особенно же литовскій статутъ 1588 г. ²⁾). Не знаемъ также, какой это такой федеративный принципъ выискали гг. Сторожевъ и Щаповъ въ московской Руси половины XVII в. ³⁾). Но за этими ограниченіями мысль г. Сторожева о важности столбцовъ помѣстного приказа, какъ источника нашего законодательства, можетъ быть принята.

Между тѣмъ раньше у насъ писали историческія диссертации на основаніи одного законодательнаго матеріала. Такъ поступилъ даже Неволгинъ, давшій намъ въ „исторіи російскихъ гражданскихъ законовъ“ лишь анатомію помѣстного и вотчиннаго права, а не физиологію его ⁴⁾). Последнее десятилѣтіе пошелъ у насъ въ ходъ у изслѣдователей и актовъ и писцовый матеріалъ (разрабатываемый, напр., г. Дьяконовымъ) въ тѣсной связи какъ съ новѣйшими изданіями его въ сыромъ видѣ, такъ и съ архивными поисками самихъ изслѣдователей. Но вполне выяснитъ, на какія реальныя основанія опиралось наше законодательство, какими спеціальными явленіями дѣйствительности оно вызывалось, насколько оно опережало ихъ или соответствовало имъ, наконецъ, насколько полно отражало оно дѣйствовавшую юридическую практику, можно лишь изъ судопроизводственнаго матеріала, а его-то у насъ до сихъ поръ не касались еще не только изслѣдователи, но даже и издатели, если не считать первыхъ робкихъ попытокъ въ этой области гг. Побѣдоносцева (по московскому судному приказу) и Сенигова (по устюжской чети) ⁵⁾, хотя, напримеръ, г. Богословскій, только констатировавъ судопроизводственный матеріалъ (по устюжской же чети), смогъ уже доказать, что загадоч-

¹⁾ *Владимірскій-Будановъ*. Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ, 1900 г. Стр. 103—106.—*И. И. Ыльинъ*. Источники древне-русскихъ законодат. памятниковъ (Журн. Мин. Юст., 1899, ноябрь и декабрь).

²⁾ *Владимірскій-Будановъ*. *Op. cit.* Стр. 240—242.

³⁾ *Владимірскій-Будановъ*. *Op. cit.* Стр. 110.

⁴⁾ *Сторожевъ*. *Op. cit.* Стр. IV.—Опытъ такой физиологіи сдѣлалъ мнѣ въ добавленіе къ поволжской ея анатоміи мы и даемъ въ вышеупомянутомъ номерѣ изслѣдованіи о мѣстѣ, основанномъ какъ на актовомъ матеріалѣ, такъ и на судопроизводственномъ.

⁵⁾ Г. Сторожеву впрочемъ эти попытки неизвѣстны. (*Побѣдоносцевъ*. Матеріалы для исторіи приказнаго судопроизводства въ Россіи. Москва, 1891.—*Семьмогъ*. Памятники земской старины. С. Пб., 1903).

ный судебникъ 1589 г. „на сѣверѣ въ XVII в. въ волостномъ судѣ употреблялся при судебномъ разбирательствѣ“¹⁾. Настолько этотъ матеріалъ важенъ и къ такимъ неожиданнымъ выводамъ онъ можеть привести.

Все это и заставляетъ относиться съ особымъ вниманіемъ къ недавно вышедшей книгѣ г. Сторожева „Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства помѣстнаго приказа по Вологодскому уѣзду XVII в.“ (Вып. I, С.-Пб. 1906), дающей рядъ казусовъ изъ практики помѣстнаго приказа за 1623—1633 гг., т. е. за время, предшествующее составленію писцовыхъ книгъ начала второй четверти XVII вѣка, и являющейся такимъ образомъ первымъ опытомъ²⁾ систематическаго научнаго изданія цѣльныхъ матеріаловъ, заключающихся въ столбцахъ помѣстнаго приказа. Заставляетъ обратить особое вниманіе на эту книгу и то обстоятельство, что предисловіе къ ней наглядно демонстрируетъ, какъ слѣдуетъ издавать эти тексты, а сама книга также наглядно демонстрируетъ, какъ не слѣдуетъ издавать эти тексты.

Въ 80-хъ годахъ со всѣмъ пыломъ молодости г. Сторожевъ отдался изученію нашего помѣстно-вотчиннаго права. Начавъ съ XVI и XVII гл. Уложения 157 г., онъ перешелъ затѣмъ постепенно въ свои работы къ указной книгѣ помѣстнаго приказа, къ десятилимъ, къ столбцамъ помѣстнаго приказа и наконецъ къ писцовымъ книгамъ (оставивъ однако въ сторонѣ детальное ознакомленіе съ частными актами, несмотря на всю ихъ важность для выясненія нормъ обычнаго помѣстно-вотчиннаго права)³⁾. Но крайне неблагоприятныя внѣшнія условія для научной работы въ Россіи помѣшали, къ сожалѣнію, г. Сторожеву дать что-либо цѣльное и законченное и наконецъ даже

¹⁾ *Богословскій*. Къ вопросу о судебникѣ 1589 г. (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1905, XII, 269). Ср. также наши статьи объ этомъ судебникѣ въ „Вѣстникъ Права“ за 1900 и 1903 гг. См. также въ IV в. нашихъ „Сотницъ, грамотъ и записей“ дѣло № 31118/8.

²⁾ Наши работы по столбцамъ помѣстнаго приказа, о которыхъ говоритъ г. Сторожевъ на стр. VI указанной книги, въ счетъ не идутъ, такъ какъ ихъ цѣль — не систематическое и исчерпывающее изданіе матеріаловъ, заключающихся въ столбцахъ помѣстнаго приказа, а лишь обзоръ ихъ съ приведеніемъ изъ нихъ въ извлеченіи наиболее интересныхъ текстовъ.

³⁾ Этими актами между прочимъ посвящены нами работы какъ по грамотамъ коллегіи экономіи, такъ и по столбцамъ помѣстнаго приказа. Также и во второй главѣ настоящей работы мы даемъ восемь частныхъ актовъ (Ж. № I, III—VI, VIII) въ добавокъ къ изданнымъ г. Сторожевымъ въ его книгѣ пяти актамъ, о которыхъ см. ниже.

совѣтъ прервали его научную дѣятельность. Предъ нами лишь обломки послѣдней въ видѣ его работы объ указной книгѣ помѣстнаго приказа, описи десятень XVI и XVII вѣковъ и изданныхъ г. Сторожевымъ текстовъ десятень XVI вѣка вполнѣ и XVII вѣка по Твери, Рязани, Нижнему-Новгороду и Воронежу и писцовыхъ книгъ Рязанскаго края и наконецъ въ видѣ послѣдней его книги.

Такъ, напримѣръ, въ своей работѣ „Писцовыя книги Рязанскаго края“, задавшись цѣлями издать ихъ „въ извѣстномъ хронологическомъ и топографическомъ подборѣ, сопоставляя ихъ текстъ съ данными документовъ помѣстнаго (столбцы) и частью разряднаго привазовъ (десятни), сопровождая его картами, резюмирующими таблицами и сводкой матеріала тѣхъ писцовыхъ книгъ, которыя по плану должны оставаться неизданными“ (Вып. I, стр. IX—X), г. Сторожевъ кончилъ тѣмъ, что далъ лишь голый текстъ (правда, весьма цѣнный въ научномъ отношеніи) писцовыхъ книгъ рязанскаго края за 1535—1629 гг. не только безъ таблицъ, картъ и сопоставленій съ столбцами и десятинами, но даже и безъ указателей.

Лежащая предъ нами работа о вологодскихъ столбцахъ задумана г. Сторожевымъ въ началѣ 90-хъ гг. по порученію покойнаго управляющаго Московскимъ архивомъ министерства юстиціи Попова въ качествѣ IV т. „Актовъ Московскаго государства“. И, какъ задуманная еще въ началѣ 90-хъ гг., эта работа, хотя стоитъ ниже болѣе раннихъ работъ автора надъ десятинами и указной книгой помѣстнаго приказа, но все же выгодно отличается отъ „Писцовыхъ книгъ Рязанскаго края“, будучи снабжена резюмирующими (при дѣлахъ №№ IV, VI, XX, XXIII, XXVI и особенно XVIII) таблицами, прекрасно составленными, и комментаріями. Тѣмъ не менѣе и въ „Материалахъ“ г. Сторожева далеко не все обстоитъ благополучно. Въ самомъ дѣлѣ, въ началѣ г. Сторожевъ поставилъ себѣ „цѣлью выбрать всѣ возможные казусы помѣстно-вотчиннаго дѣлопроизводства и наиболѣе сложные процессы судебно-административнаго производства Помѣстнаго приказа¹⁾, также приговоры и помѣты, имѣя выѣстѣ съ тѣмъ въ виду исчерпать всѣ возможныя виды и роды документовъ, созданныхъ въ помѣстно-вотчинномъ дѣлопроизводствѣ, наравнѣ съ частными актами“ (стр. IX), при чемъ однако послѣднихъ очень мало въ его книгѣ, именно всего пять, если не ошибася: 1) запись договор-

¹⁾ Но дѣла №№ VI и XI велась въ привазахъ смыслимъ дѣлъ, № XXI въ пущарскомъ приказѣ.

ная 1612 г., указывающая на любопытную форму временнаго держанія помѣстья, пока подростетъ настоящій помѣщикъ, въ которому оно должно перейти по родству (60)¹⁾; 2) интимная грамотка отвѣтника къ мѣстнымъ знакомцамъ по поводу обыска 1624 г. (144); 3 — 4) двѣ отпускныя на крестьянъ 1618 — 1619 гг. (383); 5) сдаточная дяди племяннику на помѣстье 1630 г., очень богатымъ содержаніемъ (393). Имѣлось г. Сторожевымъ въ виду и сопоставить эти процессы и казусы съ писцовыми книгами начала второй четверти XVII вѣка.

Загѣвъ на IX же страницѣ г. Сторожевъ говоритъ: „Первые образцы дѣлъ, извлоченныхъ изъ столбцовъ, выписывались для почести цѣлкомъ; послѣдующіе съ пропусками, всегда либо оговоренными, либо подробно изложенными, такъ что цѣльность впечатлѣній техники приказнаго дѣлопроизводства сохраняется для читателя настоящаго собранія актовъ вполне. Последнее представляетъ такимъ образомъ въ нашей археографіи опытъ строго систематической выборки матеріала и такого его изданія, что все пропущенное по безцѣльности напечатанія все-таки вполне извѣстно читателю акта. Не касаясь здѣсь содержанія печатаемаго собранія по существу, такъ какъ это можетъ составить предметъ специальной работы, слѣдуетъ оговорить лишь самую технику изданія. Отдѣльными частями каждаго дѣла даны специальные заголовки, въ примѣчаніяхъ указаны нѣкоторыя подробности; что касается самого написанія, то оно почти совершенно соответствуетъ написанію рукописнаго матеріала; отступленія допущены только въ тѣхъ случаяхъ, когда оригиналъ не держится опредѣленнаго написанія и въ одномъ случаѣ пишетъ такъ, въ другомъ иначе; однако эти отступленія не отклоняются отъ говора актовъ, который путемъ соотвѣтствующаго написанія сохраненъ неизмѣннымъ“.

Слѣдоваль ли этимъ прекраснымъ методамъ изданія текстовъ г. Сторожевъ? Приступая къ детальному ознакомленію съ его книгой, необходимо замѣтить, что г. Сторожевъ ничего не сдѣлалъ, чтобы облегчить читателю ознакомленіе съ его книгой. Во-первыхъ, нѣтъ указателей. На страницѣ X, правда, г. Сторожевъ обѣщаетъ дать ихъ во второмъ выпускѣ. Но по условіямъ русскаго издательскаго дѣла никогда нельзя быть увѣреннымъ, что слѣдующій вы-

¹⁾ См. также дальше примѣчаніе объ отдатѣ себя подъ защиту сильныхъ лицъ въ второй главѣ ММ IV и VIII.

нукъ выйдеть, и потому каждый выпускъ надо издавать въ исполнѣ законченномъ видѣ.

Во-вторыхъ, общіе заголовки дѣлъ г. Сторожева не даютъ полнаго понятія объ ихъ сущности. Возьмемъ, напримѣръ, дѣло № XXVI. Г. Сторожевъ озаглавливаетъ его такъ: „Дѣло по челобитью родственниковъ М. С. Трусова о раздѣлѣ между ними его помѣстья“. Въ самомъ же дѣлѣ это дѣло начинается челобитной А. С. Нарбекова о дать ему ввозной грамоты на его помѣстье. Затѣмъ въ дѣло по этой челобитной входитъ постепенно еще слѣдующія дѣла: 1) дѣло о поступкѣ Б. Ф. Нарбековымъ А. С. Нарбекову жеробья д. Антроповы; 2) дѣло о промѣнѣ М. С. Трусовымъ А. С. Нарбекову двухъ долей села Покровскаго да чети п. Тимофеевн; 3) дѣло по челобитью К. А. и Л. И. Трусовыхъ на М. С. Трусова о сельцѣ Покровскомъ въ виду того, что онъ, Михайло Трусовъ, службы не служить и помѣстьемъ владѣть безъ дачъ, и Н. В. Теленева на обводную п. Борисково Ж. Ф. Трусова; 4) дѣло о промѣнѣ М. С. Трусовымъ Ф. Голенищеву-Кутузову тѣхъ же двухъ долей села Покровскаго; 5) дѣло о промѣнѣ М. С. Трусовымъ Л. И. Трусову п. Писцова; 6) дѣло о раздѣлѣ помѣстья М. С. Трусова, пропавшаго безъ вѣсти, между его вдовою, дочерьми и родственниками. Такимъ образомъ изъ всѣхъ этихъ семи дѣлъ, объединенныхъ подъ № XXVI, общій заголовокъ для нихъ г. Сторожева говоритъ только о послѣднемъ, да и то не исполнѣ точно. А въ дѣлѣ № XVI въ заголовкѣ г. Сторожева не внесено, что отвѣтчики утани не только крестьянъ истица, но и его самого. № же XX говоритъ о поворотѣ отцовскаго помѣстья, а заголовки очень глухо говорятъ, что это дѣло „о родственномъ помѣстьѣ“.

Въ-третьихъ, пѣтъ въ началѣ каждого дѣла общихъ вступительныхъ обзоровъ его содержанія, особенностей и замѣчательностей, и характеристикъ. Примѣчанія же г. Сторожева, конечно, не въ силахъ замѣнить этихъ обзоровъ, тѣмъ болѣе, что эти примѣчанія часто сами случайны, отрывочны, несогласованы и противорѣчны.

Такъ, напримѣръ, на страницахъ 22—25 г. Сторожевъ надасть выписъ изъ вологодскихъ писцовыхъ книгъ Григорья Оксентьева и подъячаго Жука Мартьянова (писцовъ до сихъ поръ неизвѣстныхъ) безъ даты и лишь на страницѣ 37 говоритъ, что это книги 7076 г. съ ссылкой на тексты 36 страницы, устанавливающіе эту дату, при чемъ г. Сторожевъ на 36 страницѣ называетъ это указаніе на дату „единственнымъ во всемъ дѣлѣ“, тогда какъ оно повторяется на страницѣ

45. То же, что объ этихъ книгахъ говорится еще на страницѣ 93, ускользнуло отъ вниманія г. Сторожева. Затѣмъ на страницахъ 328—331 изданъ г. Сторожевымъ прелибопытная сотная Вериги Оехдоровича Сабурова и подъячаго Филиппа Митрофанова 7097 г., на которую уже обратилъ вниманіе г. Сергѣевичъ ¹⁾ по первому изданію ея г. Сторожевымъ въ № 23 Вологодскихъ губернск. вѣд. за 1898 г., раньше котораго въ наукѣ эти писцы не были извѣстны. Но указаніе на первое изданіе этой сотницы даетъ г. Сторожевъ не на страницѣ 328—331, а на страницѣ 45, при чемъ на этой страницѣ ни словомъ не обмолвливается, что дальше въ книгѣ есть второе изданіе этой сотницы. Не обратилъ г. Сторожевъ вниманія и на то, что на страницѣ 341 пушкарскій приказъ аннулируетъ эту сотницу.

Также и относительно столовъ Помѣстнаго приказа, постоянно имѣя дѣло съ псковскимъ столомъ, г. Сторожевъ нигдѣ не говоритъ о городахъ, вѣдаемыхъ этимъ столомъ (въ томъ числѣ и о Вологдѣ) ²⁾. Затѣмъ на страницѣ 399 г. Сторожевъ говоритъ, что страница 205 говоритъ о столахъ помѣстнаго приказа псковскомъ, владимірскомъ и костромскомъ. По страница 205 въ текстѣ говоритъ лишь о псковскомъ столѣ. Въ примѣчаніи же къ ней г. Сторожевъ дѣйствительно говоритъ о костромскомъ столѣ, но безъ всякой связи съ текстомъ. А о владимірскомъ столѣ на страницѣ 205 ничего не говорится, и только изъ вышеупомянутой нашей статьи можно догадаться, что „костромской столъ“ есть менѣе употребительное названіе владимірскаго стола, такъ какъ въ послѣднемъ была и костромская статья (стр. 424). На страницѣ же 169, если не ошибаемся, идетъ рѣчь о столѣ вотчинной продажи порозжихъ земель ³⁾, на что г. Сторожевъ не обратилъ вниманія. Да и вообще у него мы больше ничего не нашли о столахъ помѣстнаго приказа.

Сбивчивы, отрывочны, неясны и не приведены въ систему и указанія въ текстахъ и примѣчаніяхъ г. Сторожева на пожаръ 3-го мая 1626 года, уничтожившій и безъ того уже сильно пострадавшее въ смутное время все старое дѣлопроизводство приказа, очень цѣнное и

¹⁾ *Сергѣевичъ*. Древности русскаго права. III, С.-Пб., 1903, стр. 133.—См. также 29 стр. въ III в. „Сотницъ, грамотъ и записокъ“ *Шумакова* и дальше во второй главѣ № X.

²⁾ Подробности см. на стр. 424 нашей статьи „Къ исторіи Помѣстнаго приказа“ (*Жур. Мин. Нар. Пр.*, 1905, VIII).

³⁾ *Шумаковъ*. *Op. cit.* Стр. 426.

само по себѣ и чрезвычайно важное для тогдашней практики, при чемъ явилось не малое число охотниковъ воспользоваться затрудненіями приказа, возникшими изъ уничтоженія его архива (VIII, 99, 104, 112, 189, 238, 246, 301, 309, 328, 295, 323, 340). Подобныхъ же злоупотребленій сторонѣ мѣстными пожарами (307) г. Сторожевъ совсѣмъ не затрогиваетъ.

Такимъ образомъ въ примѣчаніяхъ г. Сторожева читателю, пожалуй, еще труднѣе разобратъ, чѣмъ въ его текстахъ, не говоря уже о томъ, что часто эти примѣчанія даютъ и невѣрное освѣщеніе вопросамъ. Такъ, напримѣръ, на страницѣ 217 фразу „дѣтей не осталось“, когда осталось двѣ дочери, г. Сторожевъ объясняетъ такъ, что сыновей не осталось. Но это натяжка. Сплошь и рядомъ челобитчики утаиваютъ въ своихъ челобитныхъ не только дочерей, но и сыновей и другихъ родственниковъ обоего пола, о чемъ смотри хоть у г. Сторожева же дѣло № XVI и страницу 160 въ III в. „Сотницъ, грамотъ и записей“.

Но, какъ ни какъ, наконецъ читатель преодолѣлъ всѣ эти препятствія и съ затратой массы лишняго времени детально ознакомился съ книгою г. Сторожева. Тогда первое, что для него станетъ ясно, это то, что книга не имѣетъ исчерпывающаго характера, какъ это можно бы думать на основаніи страницы IX ея, такъ какъ матеріалъ въ книгѣ касается главнымъ образомъ помѣстнаго права (дача помѣстій умершихъ дѣтямъ и родственникамъ, вдовамъ на прожитокъ и на бремя и женихамъ вдовъ и дочерей, раздѣлъ¹⁾), передѣлъ и поворотъ помѣстій, раздача въ помѣстье земель лишнихъ, отписанныхъ на государя, выморочныхъ, порозжихъ, обводныхъ и выгнанныхъ) и служилаго сословія, а также процесса (особенно въ № XI) въ центрѣ и на мѣстахъ со всѣмъ его неустройствомъ (87, 235, 316, 388, 397)²⁾ и злоупотребленіями (особенно при обыскахъ, 140—146) дьяковъ (125), подъячихъ (90, 325, 378, 223, 124, 125, 130, 148, 165), воеводъ (188, 346, 139), писцовъ (142), сыщиковъ (117), приставовъ (241, 303), поповъ, прикладывавшихъ руки (378—379 и 390)³⁾, и сторонъ (затя-

¹⁾ См. также о раздѣлѣ во второй главѣ настоящей работы №№ I и VI, а объ обводныхъ земляхъ, № VII.

²⁾ Много примѣровъ этого неустройства и плутней судей и сторонъ читатель найдетъ и въ III и IV вв. нашихъ „Сотницъ, грамотъ и записей“, а также на II стр. II вып. нашего изданія „Обзоръ грамотъ коллегіи экономіи“, Москва, 1900 г.

³⁾ См. также во второй главѣ дальше №№ III и IX.

гиваніе дѣла, 133 и 142, выкрадываніе грамотъ и книгъ, 245, злоупотребленіе сдачей, 300, воровскія печати, 325). Массу цѣннаго матеріала книга даетъ и для исторіи мѣны (дѣла №№ XII, XIV, XXIII, XXIV, XXVI ¹⁾).

Кое-что найдется въ книгѣ и для исторіи вотчиннаго права свѣтскаго (дѣла №№ XI, XIII, XXI) и церковнаго (дѣло № XXVIII), тяглаго сословія (крестьянъ на стр. 197—199, 383), правъ уголовного (разбой въ дѣлахъ №№ IX, X, XVIII, татное дѣло на стр. 413, воровскія печати въ дѣлѣ № XXI), семейнаго (дѣла №№ IV и VIII и стр. 245, 298, 311) и наследственнаго (дѣло № XXV и стр. 73) и общей теоріи права (о немѣнѣи, напримѣръ, указами обратной силы на стр. 365 и 367). Очень много въ книгѣ и характерныхъ бытовыхъ чертъ (напримѣръ, въ №№ III, VIII—X). Массу даетъ книга цѣннаго и экономическаго матеріала (напримѣръ, въ №№ II, XVIII и XI).

Въ общемъ же, повторяемъ, даетъ она матеріалы главнымъ образомъ для исторіи помѣстнаго права, служиваго сословія и процесса, особенно же по вопросу объ отношеніи столбцовъ помѣстнаго приказа къ указной книгѣ его (6, 27, 154, 182, 365), при чемъ особый интересъ и значеніе имѣетъ дѣло № XI, какъ одинъ изъ источниковъ указной книги (по вопросу объ утаенныхъ земляхъ, 129), и стр. 211—213, какъ тоже вошедшія цѣликомъ въ указную книгу (по вопросу о родственныхъ земляхъ ²⁾).

Но и въ этихъ продѣлахъ матеріалъ книги довольно случайно и безпорядочно выбранъ и изданъ г. Сторожевымъ. Такъ, напримѣръ, скомканъ очою № III (о дачѣ И. Ф. Измайлову описаннаго на государя помѣстья дьяка Ивана Булыгина, приговоръ по которой безъ мотивовъ; характерно это дѣло и внесеніемъ на докладъ государю и предпочтеніемъ болѣе сильнаго патріаршаго стольника другимъ челобитчикамъ). Изъ № же V крайне интереснаго (о дачѣ помѣстья Путьла Резапова его вдовѣ, дочери и брату съ отказомъ отъ него племяннику) г. Сторожевъ издалъ только одинъ приговоръ. Такимъ образомъ въ обоихъ этихъ дѣлахъ масса цѣннаго матеріала, который стоило бы издать, выпущена г. Сторожевымъ.

Затѣмъ изъ второстепенныхъ дѣлъ, однородныхъ съ издаваемымъ главнымъ, которыхъ г. Сторожевъ даетъ лишь опись и приговоры, не

¹⁾ См. также вышеупомянутое наше изслѣдованіе о мѣнѣ, гдѣ мы уже использовали эти дѣла.

²⁾ Ср. также ниже №№ 38142/18 и 38143/4.

изданная ихъ цѣлкомъ „по безцѣльности“ (sic, IX) такого изданія, слѣдовало бы издать №№ 38150/13 ¹⁾ (посмянникъ дядю зарѣзалъ, 50), 38142/20—21 (Иванъ Межаковъ зарѣзалъ Степана Межакова, 49), 38147/14 (судьба даннаго на берема при рожденіи дочери, 74), 38150/15 (непочтеніе сына къ матери ²⁾, 115), 38142/18 (прецедентъ закона о мѣнѣ 11-го августа 1644 г., 192), 38143/18 (о дачѣ С. А. Озерову помѣстья брата его Бориса и прожитка вдовы послѣдняго Акулины, 221), 38142/11 (о справкѣ за С. П. Воейковымъ прожитка его невѣсты вдовы Марьи Жихаровой, 222), 38143/4 (прецедентъ нормъ дачи на прожитокъ, 431) и 38146/36 (о написаніи въ писцовыя книги деревни, 433). Дѣль же за №№ XVII (о дачѣ помѣстья по родству) и XIX (объ утерянной грамотѣ) издавать не стоило: очень бѣдны они содержаніемъ.

Замѣтимъ также, что и относительно свѣдѣній объ однородныхъ дѣлахъ г. Сторожевъ остался вѣренъ своему приему затруднять по возможности читателю ознакомленіе съ книгой. Такъ обыкновенно эти свѣдѣнія онъ даетъ въ концѣ каждаго дѣла, но на стр. 208, 221, 251, 252, 258, 316, 346, 362 и 401 такія свѣдѣнія мы нашли и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ текстамъ. Вызываетъ недоразумѣнія и молчаніе г. Сторожева о томъ, какими признаками онъ опредѣляетъ однородность дѣлъ. Въ общемъ это, кажется, объекты дѣла и его содержаніе, но въ дѣлахъ за №№ II, V, VIII, XXV и XXVI встрѣчаемъ описи и приговоры и такихъ дѣлъ, общее у которыхъ съ главными только субъекты дѣла. Во многихъ же случаяхъ второстепенныя дѣла ни въ какомъ родствѣ съ главнымъ у г. Сторожева не состоятъ, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

<i>Номеръ дѣла.</i>	<i>Содержаніе главнаго дѣла.</i>	<i>Содержаніе второстепеннаго дѣла.</i>
II.	Лишняя земля.	Порожня земля.
IV.	Раздѣлъ.	Мѣна.
VII.	Передѣлъ.	Мѣна.
VIII.	Выгнанное на берема помѣстье.	Отписанное на государя помѣстье.
IX.	Попоротъ помѣстій.	Справа помѣстій за родственниками и дача порожнихъ земель.
XVI.	Передѣлъ.	Лишняя земля.

¹⁾ Цитируемъ, какъ принято въ нашихъ работахъ, надъ чертой общій номеръ столбца, подъ чертой номеръ дѣла изъ него; Сторожевъ цитируетъ подъ чертой частный номеръ столбца, а номеръ дѣла рядомъ отдѣльно.

²⁾ Ср. также стр. 131 въ III в. „Сотницъ грамотъ и записей“ Шумакова.

XIX. Утерянныя грамоты.
XX. Поворотъ помѣстья.
XXIV. Мѣна.
XXVI. Раздѣль.

Ввозныя грамоты.
Дача помѣстья родственникамъ.
Поступка помѣстій.
Дача по родству, утрата грамоты,
запись въ писцовыя книги по утер-
янной выписи, выдача ввозныхъ
грамотъ.

А при дѣлахъ №№ III, VI, X, XI, XXI, XXVII—XXIX совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній о второстепенныхъ дѣлахъ; № же XXII содержитъ въ себѣ лишь описи и приговоры по дѣламъ о порозжихъ земляхъ, не давая текстовъ. Наконецъ при № XXIII издано дополнительно цѣлкомъ дѣло № 38150 (скоропостижная вопреки обычной московской волокитѣ мѣна помѣстьями дѣлка П. Кокошкина съ атаманомъ Б. И. Подгорскимъ), очень интересное, но могущее легко ускользнуть отъ вниманія читателя, какъ не значащееся въ оглавленіи и помѣщенное въ серединѣ книги на стр. 374 — 375.

То же можно сказать и о приложенномъ къ № XXV на стр. 395 — 397 дѣлѣ за № 38154 о справѣ за В. Л. Бесѣднымъ жеребья М. К. Бесѣднаго.

Загнѣмъ тексты, соотвѣтствующіе данному дѣлу въ писцовыхъ вологодскихъ книгъ 1627—1630 гг., находимъ при дѣлахъ №№ XI, XII, XIV, XXIV и XXIX. Но не лучше ли было бы эти писцовые тексты не дробить по отдѣльнымъ дѣламъ, а дать ихъ цѣлкомъ въ концѣ книги, какъ попытку такого объединеннаго изданія этихъ текстовъ сдѣлалъ самъ г. Сторожевъ при дѣлѣ № XVIII? Кромѣ того неясно, какія это „извлеченія“ изъ писцовыхъ книгъ г. Сторожева собираются еще издавать во II вып. (стр. X) и въ какомъ отношеніи эти „извлеченія“ будутъ стоять къ писцовымъ и основнымъ текстамъ I выпуска.

Поражаетъ и незнакомство г. Сторожева съ литературой предмета (въ смыслѣ, конечно, отсутствія ссылокъ на нее въ книгѣ) и слабость его юридическихъ познаній, въ чемъ онъ самъ признается на стр. III, отстраняя отъ себя вопросы о формализмѣ въ древнерусскомъ правѣ и объ эволюціи отвлеченной юридической мысли на русской почвѣ. Возьмемъ, на примѣръ, вопросъ объ условности (107, 229)¹⁾ приговоровъ въ связи съ подыскиваніемъ самими сторонами судебного матеріала и обязанностью ихъ ходить самимъ за дѣломъ,

¹⁾ Кстати на стр. 229 вопреки г. Сторожеву никакой „рѣзкости“ условности мы не видимъ.

по которому на стр. 135 г. Сторожевъ говоритъ: „челобитчики сами подыскиваютъ весь необходимый для нихъ запасъ судебныхъ доказательствъ въ свою пользу. Самостоятельный розыскъ истины, фактической правды стоитъ внѣ сферы дѣятельности приказа, какъ учрежденія судебно-административнаго“. По тутъ г. Сторожевъ упускаетъ изъ вида, что въ Московскомъ государствѣ всѣ дѣла крѣпостныя рѣшаются розыскомъ, а не судомъ, что въ розыскѣ истцомъ является само государство, а потому и доказательства разыскиваетъ самъ судъ, судоговореніе же превращается въ допросъ и очную ставку и что послѣ Уложения 157 г. слѣдственные начала проникаютъ и въ судъ, вѣдавшій остальные гражданскія дѣла, пока наконецъ при Петрѣ всякій процессъ дѣлается розыскомъ ¹⁾. И, дѣйствительно, мы видимъ, что съ половины XVII в. всегда самъ приказъ самостоятельно наводитъ справки у подьячыхъ даннаго стола, а позднѣе и въ записныхъ челобитенныхъ книгахъ, нѣтъ ли спору и челобитья на объектъ дѣла ²⁾. Да и самъ г. Сторожевъ на стр. 304 принужденъ былъ признать возможность самостоятельной инициативы приказа въ дѣлѣ собиранія доказательствъ. Напрасно только это общее правило онъ пытается сузить „лишь на тотъ случай, когда это касается матеріальныхъ интересовъ государства“. Также на стр. 38 г. Сторожевъ говоритъ, что повторенію челобитій имѣеть цѣлью двинуть залежавшееся въ приказѣ дѣло. На дѣлѣ же это было обязанностью челобитчиковъ, такъ какъ они проигрывали дѣло, если не ходили за нимъ три мѣсяца ³⁾, что ускользнуло отъ вниманія г. Сторожева.

Эти же два основныхъ недостатка г. Сторожева сказываются и въ такихъ поразительныхъ фактахъ, что имъ въ книгѣ совсѣмъ не затронуты такіе кардинальные вопросы, возникающіе изъ публикуемыхъ имъ же самимъ текстовъ, какъ вопросъ о томъ, по общему, или спеціальному порученію верховной власти начинались дѣла въ помѣстномъ приказѣ, особенно обострившіея послѣ появленія статьи г. Рожкова „Книги записныя вотчинныя помѣстнаго приказа“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1903, VII), вопросъ о происхожденіи помѣстнаго права, ставшій на очередь послѣ появленія книги г. Рождественскаго „Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ“ (С.-Пб., 1897), и рецензій на нее г. Сергѣевича (*Сѣв. Вѣстн.*, 1897, ноябрь) и Се-

¹⁾ *Владимірскій-Будановъ*. Обзоръ. Стр. 657—662.

²⁾ *Шумаковъ*. Стяжцы, грамоты и записи. III, 164—165.

³⁾ *Неволинъ*. *Op. cit.* IV, 240.—*Шумаковъ*. *Op. cit.* 91.

редонина (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1897, май) и вопросъ о параллеляхъ нашего помѣстнаго права съ западноевропейскимъ леннымъ (помѣстье-бенефицій боярина и отдача себя подъ покровительство сильными лицами, о чемъ см. у г. Сторожева же на стр. 60, 103 и 118)¹⁾, выдвинутый впередъ г. Павловымъ-Сильванскимъ въ его работахъ „Закладничество—патронатъ“ (С.-Пб., 1897; особенно стр. 21—22), „Иммунитетъ въ удѣльной Руси“ (С.-Пб., 1900), „Феодалныя отношенія въ удѣльной Руси“ (С.-Пб., 1901; особенно стр. 28—30) и „Феодализмъ въ древней Руси“ (С.-Пб., 1907; особенно объ общинѣ и боярщинѣ). Если даже и вѣрно мнѣнiе г. Тарановскаго („Феодализмъ въ Россiи“, Варшава, 1902 г., стр. 52), что феодализмъ свойственъ только удѣльной Руси, а не московской, а это еще вопросъ (Рожкова „Учебникъ Русской исторiи“ 1901 г., стр. 50), то и въ этомъ даже случаѣ несомнѣнна въ Московскомъ государствѣ наличность пережитковъ болѣе ранняго феодализма на Руси. Вѣдь даже въ 1695 г. Гр. Дм. Строгановъ беретъ земли отъ Пыскарскаго монастыря съ обязательствомъ защищать ихъ отъ гостя Василья Шустова (гр. кол. эк., № 11442).

Затѣмъ г. Гурляндъ въ его работѣ „Приказы сыскныхъ дѣлъ“ (въ „Сборникѣ статей, посвященныхъ М. Ф. Владимiрскому-Буданову“, Кiевъ, 1904) выяснилъ такой любопытный фактъ, что подъ именемъ „приказа сыскныхъ дѣлъ“ документы смѣшиваютъ цѣлыхъ три приказа: 1) собственно приказъ сыскныхъ дѣлъ, 2) приказъ приказныхъ дѣлъ, 3) приказъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ (108). Г. Сторожевъ же, говоря на стр. 75, 132, 150, 162 и 343 о приказѣ сыскныхъ дѣлъ, ни словомъ не обмолвился, съ какимъ же изъ этихъ трехъ

¹⁾ Въ первыхъ двухъ случаяхъ, чтобъ удержать за собой помѣстье, въ третьемъ, чтобъ избѣгать уголовного наказанiя. Ср. также № 31095/2: „Во 148 г. судомъ божiимъ боронити Семена Пасмлинника не стало, а послѣ его остался сынъ его Зоть по верстанъ и у разбору не былъ. И во 151 г. билъ челомъ онъ Зоть во дворъ князю Олексiю Никитичю Одоевскому“ (2—3). Поэтому въ 152 г. было приговорено помѣстье Семена „дать беспомѣстному Лукьяну Роткину, потому: въ сыску сказали: остался сынъ, и онъ въ холопахъ. А въ памяти нѣтъ холопья приказу онъ чинился въ холопахъ же“. Это чтобъ избѣжать службы. Ср. также многочисленныя случаи по помощи отдачи своей земли подъ защиту церкви (напр., гр. кол. эк., 1615 г., № 14182). Ср. также стр. 109 въ III в. нашихъ „Сотницъ, грамотъ и записей“ и статью нашу о феодализмѣ на Руси въ „Вѣстникѣ Права“ за 1903 г., гдѣ обозначена и дальнѣйшая литература предмета, и стр. 80 книги Дженкса: „Происхожденiе верховной власти“.

приказовъ мы имѣемъ у него дѣло, хотя на этотъ вопросъ наводили его приводимыя имъ же самимъ имена судей и дьяковъ этого приказа. Именно, въ приказѣ сыскныхъ дѣлъ по Сторожеву сидѣли въ сентябрѣ 133 г. окольничій князь Данило Ивановичъ Долгоругой и дьякъ Александръ Иваловъ (123), въ ноябрѣ 134 г. бояринъ князь Иванъ Ивановичъ (sic) Одоевской и дьякъ Иванъ Остаповъ (150), въ февралѣ 134 г. (162) и въ октябрѣ 138 г. (342) бояринъ князь Юрій Япшесвиць Сулешевъ и дьякъ Иванъ Переносовъ и въ юлѣ 135 г. окольничій Артемій Васильевичъ Измайловъ и дьякъ Семенъ Бредихинъ (75). По Гурлянду же въ собственно приказѣ сыскныхъ дѣлъ сидѣли въ октябрѣ 1625 г. бояринъ Борисъ Михайловичъ Лыковъ и дьякъ Семенъ Бредихинъ, въ 1626—1630 гг. б. кн. Ю. Я. Сулешевъ и дьякъ Иванъ Переносовъ и въ 1630—1632 гг. ок. Арт. Измайловъ и дьяки Федоръ Пановъ и Иванъ Михайловъ, а б. кн. Ив. Никитичъ Одоевской и дьякъ Ал. Ивановъ въ 1622 г. были въ новой четѣ (97), въ приказѣ же приказныхъ дѣлъ были въ 1625 и 1629 гг. дьякъ Семенъ Бредихинъ и въ 1628 г. б. кн. Ю. Я. Сулешевъ и дьякъ Иванъ Переносовъ (98).

Далѣе. Сдѣлавъ на стр. IV предисловія общую ссылку на „Исторію російскихъ гражданскихъ законовъ“ Неволкина (С.-Пб., 1857), какъ на основной трудъ по помѣстно-вотчинному официальному законодательству, далѣе въ книгѣ г. Сторожевъ уже не дѣлаетъ на него ссылки ¹⁾. А жаль! Масса такимъ образомъ очень любопытныхъ вещей ускользаетъ отъ вниманія г. Сторожева. Такъ, напримѣръ, у него на стр. 73 читаемъ: „А племяннику указали онѣ государи въ томъ помѣстьѣ отказать потому: мимо жены и дѣтей и родного брата того помѣстья дати имъ не доведетца“; Неволкинъ же (V, 378) отрицаетъ преимущество ближнихъ родственниковъ предъ дальними въ нашемъ старомъ наследственномъ правѣ. На стр. 182 г. Сторожевъ указываетъ на недошедшіе до насъ указы объ ограниченіи въ обращеніи помѣстій между лицами служившими по московскому списку и новгородцами и о мѣнѣ четь на четь, но эти указы подъ 1556 г. уже извѣстны Неволкину (IV, 202, 214). На стр. 192, говоря о необходимости росписки въ приказѣ для приданія силы сдѣлкѣ мѣны ²⁾,

¹⁾ Кромѣ того и на Щалова, Кавелина, Савелова, Щепкину, Рожкова и на наши работы по столбамъ помѣстного приказа у г. Сторожева ссылки далѣе предисловія не помил.

²⁾ См. также далѣе во второй главѣ № IV.

г. Сторожевъ тоже не дѣлаетъ ссылокъ на Неволлина еще раньше его трактовавшаго этотъ вопросъ (IV, 181, 244).

На стр. 210 затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе дача въ 137 г. Дмитрію Бибикову прожитка жены его Орины, пошедшей за него замужъ въ четвертый разъ (205), потому что онъ „для того помѣстья и женился“. Однороденъ съ этимъ и приговоръ изъ дѣла № 31092/8: „156 г. іюля въ 6 день бояре, слушавъ сей выписки, приговорили справить то помѣстья за вдовою и за дѣтми ея, а челобитчикомъ отказать, потому что давано и четвертымъ женамъ на прожитокъ, имъ и дѣтемъ ихъ“. Также и Неволлинъ говоритъ, что особенно долго пришлось церкви бороться съ обычаемъ вступать въ четвертый бракъ и что только Уложеніе 157 г. (XVI, 15) запретило его для мужчинъ, а указъ 27-го іюля 1651 г. (64) для женщинъ (III, 172—174), по нашимъ же наблюденіямъ тенденція къ такому запрещенію была уже въ 146—147 гг. ¹⁾ На стр. 425 при текстѣ „Мимо своего роду въ чужой родъ не отдавать“ опять г. Сторожевъ не сдѣлалъ ссылки на Неволлина (IV, 239). По поводу ограниченій въ обращеніи помѣстій между иноземцами и другими лицами (365 и 442) опять-таки у г. Сторожева нѣтъ ссылокъ на Неволлина (IV, 206). Объ отношеніи старыхъ дачъ къ новымъ (141) тоже у г. Сторожева нѣтъ ссылокъ на Неволлина (IV, 247—249).

Приведемъ нѣсколько образцовъ незнакомства г. Сторожева съ „Обзоромъ исторіи русскаго права“ г. Владимірскаго-Буданова (Кіевъ, 1900 г.). Такъ, напримѣръ, говоря о родовой уголовной отвѣтственности на стр. 342, г. Сторожевъ не отмѣчаетъ рѣзкаго противорѣчія такого его мнѣнія тому, что г. Владимірскій-Будановъ говоритъ о примитивности индивидуальности наказаній ²⁾. На стр. же 165 г. Сторожевъ проходитъ мимо публикуемаго имъ текста 1627 г.: „А подьячимъ вновь помѣстей давать не указано и о старыхъ ихъ дачахъ, что онѣ поимали собѣ, сидячи въ помѣстномъ приказѣ, безъ государева указу дачи большіе и въ нолные свои оклады, выписываютъ въ докладъ“, не отмѣчая, что и это мѣсто стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ утвержденіемъ г. Владимірскаго-Буданова, что

¹⁾ *Шумаковъ*. Замѣтки по исторіи рязанскаго стола. Рязань, 1903 г. стр. 7. Ср. также „Разборъ устава в. кн. Всеволода о церковныхъ судахъ“ Барца („Вѣстникъ Права“, 1906, X, 154—157).

²⁾ *Владимірскій-Будановъ*. *Op. cit.*, 326.

подьячіе могутъ получать помѣстья наравнѣ съ другими служилыми людьми ¹⁾).

Но затрагиваетъ г. Сторожевъ въ книгѣ и любопытнѣйшаго вопроса объ аннулированіи приказомъ актовъ, предъявляемыхъ сторонами (341), хотя на этотъ вопросъ и могла бы его навести хотя бы 23 стр. нашихъ „Замѣтокъ по исторіи рязанскаго стола“ (Рязань, 1903 г.), гдѣ какъ разъ говорится о такомъ аннулированіи духовной 1639 г. ²⁾.

Проходить г. Сторожевъ и мимо вопроса о прецедентахъ судебной практики, какъ силѣ, творницей прала въ Московскомъ государствѣ (147, 150 — 162, 166, 168, 200, 211, 302, 309), интересуясь только такими случаями, какъ приговоръ вопреки прецедентамъ (170) и приговоръ не въ образецъ (182) ³⁾.

Наконецъ статья г. Лихачева „Двойныя имена“ (въ I в. „Извѣстій русскаго генеалогическаго общества“, С.-Пб., 1900 г.) выдвинула и вопросъ о двойныхъ именахъ людей старой Россіи. Но г. Сторожевъ совсѣмъ и этого вопроса не касается, хотя на стр. 73 и находимъ мы у него Андрея-Андреяна Резанова, на стр. 385 Лавронтыя-Богдана Бесѣднаго, на стр. 437 Романа-Обрама Закревскаго ⁴⁾.

Если же намъ скажутъ, что книга писана въ началѣ 90-хъ гг. и потому она не могла воспользоваться новѣйшей литературой предмета, то вѣдь корректуру-то книги г. Сторожевъ держалъ въ началѣ XX вѣка и потому свободно могъ при ней пополнить недочеты ссылки, какъ это онъ и сдѣлалъ относительно книгъ гг. Оглоблина (55, 206), Богословскаго (304), Сергѣевича (330) и нашихъ работъ по гр. кол. эк. (45) ⁵⁾.

Затѣмъ изъ мелочей книги, на которыя самъ г. Сторожевъ обра-

¹⁾ Владимирскій-Будановъ. Ibid. 583.

²⁾ См. также дальше во II главѣ ММ III, IV, и IX и Владимирскаго-Буданова *op. cit.*, стр. 612—614.

³⁾ См. выше дѣло № 38143/4, во второй главѣ этой работы ММ II, IV, VII и IX, стр. 7 въ „Замѣткахъ по исторіи рязанскаго стола“ и стр. 155 третьяго выпуска „Сотницъ, грамотъ и записей“ Шумакова. Ср. также стр. 7 въ книгѣ г. Рожкова „Происхожденіе самодержавія въ Россіи“ (Москва, 1906 г.). Стр. 110 — 125 и 210—212 этой книги важны для выясненія техники приказнаго дѣлопроизводства.

⁴⁾ См. также стр. 50 и 118 въ III в. „Сотницъ, грамотъ и записей“ Шумакова и Феоктиса-Феодора Васильева Кузнецова въ гр. кол. эк. № 11208.

⁵⁾ Кстатѣ. Прибавляя къ этимъ пяти ссылкамъ ссылку еще на Экземлярскаго на стр. 445 книги, получаемъ исчерпывающій списокъ научнаго багажа г. Сторожева въ его книгѣ (не считая предисловія, о которомъ см. выше, и ссылки г. Сторожева на себя самого).

щаетъ вниманіе, отмѣтимъ еще пусканіе въ пріискъ (56), отбываніе датошныхъ людей (60), условія передѣла земель (93), припускъ къ дѣлу подъячихъ (126, 148, 166) въ цѣляхъ скорѣйшаго и успѣшнѣйшаго проведенія дѣла черезъ приказъ, неточность официальныхъ справокъ приказа (149, 309, 346), указаніе на недошедшую до насъ вологодскую разборную десятню стольника Ивана Салтыкова и дьяка Тимофея Агеева 130 г. (63), приговоры безъ оправдательныхъ документовъ (251), отношеніе ввозной грамоты къ писцовой выписи (347)¹⁾, недостаточность одной сказки для дачи помѣстья (351), отводъ отъ выписки подъячихъ (378), переносъ дѣла изъ приказа въ приказъ (123, 319) и изъ стола въ столъ (205), также отъ судьи къ дьякамъ (457) и отъ дьяковъ къ судьямъ (315) ит. одною и тою же приказѣ, злоупотребленія мѣной (386, 415), различіе между вологжанами и вологодскими помѣщиками (420), охоту за помѣстьями претендентовъ на нихъ (94, 384), веденіе въ приказѣ записныхъ приговорамъ книгъ уже въ 129 г. (83) и отказъ истцу въ его домогательствахъ за его привередливость (349)²⁾.

Изъ мелочей же книги, на которыя г. Сторожевъ не обращаетъ вниманія³⁾, отмѣтимъ антагонизмъ дьяковъ съ подъячими („дьячья помѣстья подъячему не отдадутъ“, 52), вліяніе монаховъ на государя (53), откятіе у дѣвки прожитка и взаимнѣ того испомѣщеніе ея „инде“ (120), эпизодъ о житьѣ вдовы Катеринки у Назарья Олексѣева и о бѣгствѣ ея отъ него (137—139), указанія на ржовскія приправочныя книги Андрея Салтыкова съ товарищи 7096 г., неизвѣстныхъ или г. Милюкову⁴⁾, или г. Дьяконову⁵⁾, (163) и на поряславскіи писцовыя книги князя Ивана Ромодановскаго да Ивана Пушкина съ товарищи 7071 г. и Никиты Оксентьева (писца опытъ-таки неизвѣстнаго гг. Милюкову и Дьяконову) 7081 г. (193), самое позднее извѣстное намъ (именно 1627 г.) употребленіе термина „помѣстная

¹⁾ Ср. также главу III въ вышеупомянутомъ нашемъ изслѣдованіи о мѣнѣ, а о злоупотребленіяхъ мѣной тамъ же главу II.

²⁾ Для г. Сторожева впрочемъ этотъ отказъ „но совсѣмъ понятенъ“.

³⁾ Впрочемъ навѣрное этого утверждать не беремъ, такъ какъ возможно, что отъ нашего вниманія и ускользнуло какое либо прищичаніе г. Сторожева, находящееся совсѣмъ не тамъ, гдѣ ему слѣдовало бы быть.

⁴⁾ *Милюковъ*. Спорные вопросы финансовой исторіи московскаго государства. С.-Пб., 1892 г.

⁵⁾ *Дьяконовъ*. Рецензія на оп. cit. г. Милюкова (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1893 г. июль).

мѣба" (165), воровскія дачи Якова Пунтосова (188) ¹⁾, 15-лѣтнюю давность для пріобрѣтенія помѣстій (252) ²⁾, смоленскіе (299) и кропивницкіе (408 — 417) нѣты, указаніе на четверть въ живущемъ въ 129 г. (309) и добровольный роспускъ (95—98) ³⁾.

Переходимъ къ вѣншней сторонѣ изданія. На стр. IX о ней г. Сторожевъ говоритъ: „Изданіе предназначено для историковъ, а не для филологовъ. Филологическія цѣли не преслѣдовались“. И на это не намъ возражать, такъ какъ мы сами въ нашихъ изданіяхъ никогда не задася филологическими цѣлями въ виду того, что филологовъ вполне могутъ удовлетворить только или архивные оригиналы актовъ или фототипическіе снимки съ нихъ, въ снимкахъ же не фототипическихъ самыхъ тщательныхъ всегда найдутся неточности, о чемъ см. хотя бы 20 стр. „Исслѣдованія о двинскихъ грамотахъ“ Шахматова (С.-Пб., 1903), и такимъ образомъ, не удовлетворяя даже филологовъ, погоня за филологической стороною дѣла создаетъ только напрасныя и бесполезныя затрудненія для типографій и читателей нефилологовъ ⁴⁾. Но дѣло въ томъ, что даже и для историковъ (и юристовъ, добавимъ мы) тексты г. Сторожева не вполне удовлетворительны. Правда, по обычаю и свѣрку ихъ съ архивными оригиналами онъ затрудняетъ страшно, не перенумеровавъ ихъ склеить, но все же изъ дѣла № II мы нѣмѣли терпѣніе свѣрнуть съ архивными оригиналами документы №№ 6, 7, 10, 14, и 15 и вотъ что у насъ получилось:

Тексты.

№. Строчки.	Г. Сторожева.	Архивные.
6. 1—2 сн.	А хто владѣтъ, и свою владѣніе дати на поруку.	А хто владѣтъ безъ дачи, и ово во владѣнѣ дати на поруку.
7. 19.	Тѣ жеребѣи.	Тѣхъ жеребѣевъ.
34.	Да жеребѣи.	Да про тѣ жеребѣи.
63.	И въ тѣхъ людей.	И ты бѣ въ тѣхъ людей.
15. 10.	Пустошми.	Съ пустошми.
18.	По мѣрѣ.	По ихъ мѣрѣ.
18 сн.	Онѣ Якушко.	Тотъ Якушко.
13 сн.	Вѣгаль отъ разбору.	Вѣгаль отъ разбоу.

¹⁾ Ср. также „Отголоски смутнаго времени“ Шумакова въ VI в. „Дѣйствій Нижегород. Арх. Ком.“ 1905 г.

²⁾ Ср. Невольна, IV, 185 и Владиміроаго-Вудамова, Обзоръ, 531.

³⁾ См. также дальше во II главѣ №№ V и VI и у Невольна, III, 246—252.

⁴⁾ Шумаковъ. Обзоръ грамотъ коллегій экономіи. II. Москва, 1900 г. стр. IV.— Онъ же. Сотницм, грамоты и занисн. III, 182.

И такая несправность первыхъ же наудачу случайно взятыхъ изъ книги г. Сторожева нѣсколькихъ текстовъ, конечно, заставляетъ относиться съ сомнѣнiемъ къ исправности и остальныхъ текстовъ его книги, тѣмъ болѣе, что къ ней не приложено и списка опечатокъ ¹⁾.

Нельзя не отмѣтить и того, что г. Сторожевъ, вообще критически относясь къ цифрамъ издаваемыхъ имъ текстовъ (особенно къ четямъ панихи) ²⁾, все же иногда проявляетъ слѣбое довѣрiе къ явнымъ даже очевиднымъ подъячiямъ XVII в. Такъ, напримѣръ, на стр. 446 грамота одна подтверждена великимъ княземъ (не царемъ!) Иваномъ Васильевичемъ въ 98 г., т. е. въ 6998. А на стр. 445, по разобранъ, въ чомъ дѣло, подъячiй, а вслѣдъ за нимъ и г. Сторожевъ помѣчаютъ это подтвержденiе 7098 г. О томъ же, что очень странно датировать не годомъ его выдачи (1452—1481 гг.), а годомъ его подтвержденiя, какъ это дѣлаютъ подъячiй и г. Сторожевъ, уже не говорить. Не говорить и о широтѣ термина „жалованная грамота“, тогда какъ эта грамота относится къ разряду собственно „жалованныхъ вотчинныхъ грамотъ“ ³⁾.

Затѣмъ на стр. 7 въ помѣстномъ приказѣ значатся подъ 3 апрѣля 133 г. дьяки Неупокой Кожошенинъ, Венедиктъ Маховъ и Бажень Степановъ, на стр. 8 въ июлѣ 133 г. Третьякъ Корсаковъ и Венедиктъ Маховъ, на стр. 27-ой 5 ноября 134 г. Венедиктъ Маховъ и Бажень Степановъ, на стр. 31-ой 15 декабря 134 г. Неупокой Кожошенинъ, Венедиктъ Маховъ и Бажень Степановъ. Такимъ образомъ ясно, что и въ апрѣлѣ 133 г. могли быть въ приказѣ только дьяки Третьякъ Корсаковъ и Венедиктъ Маховъ ⁴⁾.

Но г. Сторожевъ не отмѣчаетъ какъ этого, такъ и того, что подобной ошибкѣ текста удивляться нечего, такъ какъ этотъ документъ черновикъ грамоты, въ которомъ поэтому самому были возможны ошибки ⁵⁾, не говоря уже о томъ, что эти черновики датировались

¹⁾ А такими въ книгѣ есть. Напримѣръ, на стр. 103 напечатано „Мозавскому“ вмѣсто „Мозалевскому“.

²⁾ Кстати подсчеты г. Сторожева четей панихи наглядно опровергають утвержденiе г. Стешевскаго (на стр. 11 его книги: „Московский уѣздъ по писцовымъ книгамъ XVI в.“. Киевъ, 1907), что писцы мало ошибались въ подсчетахъ.

³⁾ Шумаковъ, Губины и земскiя грамоты. Москва, 1895. Стр. 5.—Опъ же. Грамоты жалованныя („Большая энциклопедiя“ Южакова. Т. VII, 1901, стр. 433).

⁴⁾ Шумаковъ, Сотницы, грамоты и записи. III, 164—166.

⁵⁾ Ср. хоть № 31095—1, гдѣ за июль 144 г. показанъ въ такомъ же черновикѣ

временемъ написанія бѣловой, а не черновика, а иногда и задними числами. Не можемъ здѣсь встать на отмѣтять и того, что вообще грамоты и памятей, отпускаемыхъ изъ приказа, въ немъ по общему правилу сохраняются только черновики. Но г. Сторожевъ нигдѣ не отмѣчаетъ этого общаго правила, говори только вскользь на стр. VI объ этихъ черновикахъ. Частичныя же его проявленія изрѣдка отмѣчаетъ (напр. на стр. 320), большею же частью тоже не отмѣчаетъ.

Возбуждаетъ вниманіе и вопросъ о пропускахъ въ текстахъ, о чемъ г. Сторожевъ по обычаю случайно, несогласованно и неполно говоритъ на стр. 147 слѣдующее: „При печатаніи во избѣжаніе повтореній одного и того же въ текстахъ челобитныхъ вообще опущены всѣ мѣста, которыя уже ранѣе попадались въ другихъ челобитныхъ, и приводятся лишь мѣста, встрѣчающіяся впервые“. На стр. же 448 читаемъ слѣдующее: „Здѣсь и далѣе при печатаніи опущены всѣ части приказной выписки, повторяющія содержаніе напечатанныхъ документовъ“. А общаго правила г. Сторожевъ не даетъ. На дѣлѣ оно должно быть таковымъ: Если не допустима алгебраизація частныхъ актовъ по ея неаучности и непрактичности, то съ другой стороны исполнѣ научно и практично въ оффиціальныхъ актахъ выпускать какъ титулы и канцелярскія формулы въ виду ихъ консервативности и неизмѣнимости, такъ и тексты, повторяющіе дословно ранѣе приведенные тексты, а равно выписки изъ изданныхъ уже законовъ (особенно Уложенія 157 г.) и другіе раньше уже исправно изданные тексты. Этому правилу въ сущности по большей части слѣдуетъ и г. Сторожевъ (напр. на стр. 31), хотя и не всегда. Такъ, напримѣръ, въ актѣ № 32 дѣла № XI на стр. 138 весь второй столбецъ и на стр. 139 первыя девять строкъ перваго столбца дословно повторяютъ содержаніе первой половины того же № 32-го, а г. Сторожевъ вышукать не дѣлаетъ и дважды печатаетъ одно и то же. И такъ онъ поступаетъ не разъ.

На этомъ мы и могли бы покончить съ его книгой, но, чтобъ насъ самихъ не обвинили въ излишней придирчивости и мелочности, считаемъ нужнымъ еще разъ подчеркнуть, что мы разбирали книгу г. Сторожова съ точки зрѣнія имъ самимъ поставленныхъ собѣ задачъ и цѣлей („научно-реалистическихъ“ по его словамъ, IV) и только

дѣль Андрей Строевъ (sic).—Ср. также №№ 31100—3 и 5, гдѣ напутано подобнымъ же образомъ относительно кн. Ив. М. Корюдинова, и особенно № 31119—12 (грамота отъ имени кн. Шв. В. Рѣпина отъ геввара 191 г.).

сравнительно съ ними намъ удалось найти въ ней недочеты. Сравнительно же съ другими изданіями, дающими лишь голые тексты безъ всякой критической ихъ обработки и притомъ въ томъ порядкѣ, или върнѣе безпорядкѣ, въ какомъ они лежатъ въ архивахъ, изданіе г. Сторожева имѣетъ крупную научную цѣнность.

Приведемъ теперь для иллюстраціи нѣкоторыхъ сторонъ научнаго значенія столбцовъ помѣстнаго приказа, оставленныхъ въ тѣни г. Сторожевымъ, нѣсколько наиболѣе важныхъ текстовъ изъ алексинскихъ столбцовъ этого же приказа ¹⁾.

II. Тексты.

I (31072/8).

Списокъ съ записи:

„Се азъ Епиеантѣй да язъ Тарасъ Клементьевы дѣти Хитрово. Жили мы при отцѣ своемъ и после отца своего съ матерью вмѣстѣ. И въ прошломъ во 126-мъ году животы и стати азъ Епиеантѣй да язъ Тарасъ по любовному родѣлу розделили межъ себя полюбовно. А въ нынешнемъ во 128-мъ году приговорили мы межъ себя полюбовно по прежней своей записи, какова у насъ межъ насъ записъ написана, а положена та записъ за Максимомъ Стрешневымъ, что намъ поделити государево жалованье, вотчины и помѣстья во всѣхъ городѣхъ, пополамъ надвое живущее. И мнѣ Тарасу досталось зъ жеребья селцо Хитровское, а усадище тожъ. А мнѣ Епиеантѣю досталось зъ жеребья на усадище п. что было селцо Чертовское. И мнѣ Епиеантѣю владѣти въ старомъ усадищѣ навозною землею во всѣхъ въ трехъ поляхъ три годы; а мнѣ Тарасу дати ему владѣти по сей записи. И что въ селцѣ въ Хитровскомъ въ усадищѣ на дворѣ хоромъ, и которые хоромы достались мнѣ Епиеантѣю по жеребью и по уговору, и тѣ хоромы перевести изъ селца Хитровскаго всѣми жъ написими крестьяны Тарасовыми и Еписопитѣевыми поровну и поставити тѣ хоромы на п. въ Чертовской и плетени оплести и околицу устроить тако жъ пополамъ, какъ устроена въ селцѣ Хитровскомъ дворъ и плетени и околица. А которые пустоши у насъ написаны, и намъ, вземъ государовы грамоты, или будетъ въ Колугѣ писецъ или дозорщикъ, и росписатца намъ полюбовно межъ себя, кому что достанетца въ деревняхъ и въ пустошахъ. А возити тѣ хоромы и плетени оплестъ и околицу устроить въ нынешнемъ во 128-мъ году весною. А Ивану Гон-

¹⁾ Ср. также выше №№ 31092—8 и 31095—2.

чару волю жить, гдѣ онъ похочетъ, въ усадищѣ или въ селѣ въ Чертовскомъ. А не веля язь Тарасъ крестьяномъ своимъ селить въ селѣ въ Чертовскомъ брату своему Епивоантыю двора, и на мнѣ на Тарасѣ ваяти по сей записи брату Епивоантыю сто рублевъ денегъ. А какъ мои Тарасовы и Епивоантьевы крестьяня поставятъ сопча на пустоши Чертовской мнѣ Епивоантыю дворъ и перевезутъ хоромы и поставятъ на пустоши и плетени оштутъ и околицу устроить тако жъ, какъ усадище устроена, дворъ и хоромы и плетени, и мнѣ Епивоантыю понти изъ усадища вонъ. А не помду язь Епивоантей, какъ поставятъ мнѣ дворъ и хоромы и околицу устроить, и на мнѣ на Епивоантѣ ваяти брату Тарасу по сей записи сто рублевъ денегъ. А сю еси записъ положилъ мы, излюбя межъ себя, за Максима Федоровича Стрешнева. А какъ мы роспишемся государевымъ жалованьемъ въ вотчинахъ и въ помѣстьяхъ и поселимъ на пустоши и поставимъ сопча дворъ и хоромы и устроимъ околицу, и третьему нашему пожаловать, подписавъ сю записъ, у себя держать для нашего спору. А на то послуш: Третьякъ Ждановъ сынъ да Ортемъ Поспѣловъ сынъ Лятивновъ колужскіе дьячки. А записъ писалъ межъ ихъ полюбовно дьячокъ Молчанко Григорьевъ сынъ Провушнякъ. Лѣта 7128 г. декабря въ 29 донъ. А назадъ записъ написано: Къ сей записи Кузма Богичевъ въ Епивоантѣево мѣсто Хитрово р. п. Къ сей записи Петръ Гурьевъ въ Тарасово мѣсто Хитрово р. п. Послухъ Третьякъ р. и. Послухъ Ортошка р. п.“ (15—17).

Любопытно и то, что Епивоантыю, какъ порожій, дается прожитокъ дѣтки Марьи Ильины дочери Булакова на томъ основаніи, что она „ни Москвѣ ниша замужъ за рениточного приказчика“ (22) ¹⁾.

II (31096/1).

Въ 148 г. послѣ бѣловерда казака Онисима Могѣева осталась вотчина въ селѣ Безобразовѣ и пустоши Логовчинѣ Городскаго стану Тарусскаго уѣзда и помѣстье въ пустоши Логовчинѣ. Тамъ о помѣстьѣ была челомъ себѣ на прожитокъ его вдова Алена, а вотчину просила она дать дочерямъ ея Иринѣ и Авдотѣ. И ея просьба была удовлетворена на основаніи „государевыхъ жалованныхъ вотчинныхъ грамотъ, каковы даваны казакомъ на выслуженные вотчины“ (4) и указа отъ 3 декабря 136 года съ общимъ значеніемъ ²⁾ (склейки

¹⁾ См. *Неволина*, IV, 198 и уложеніе 157 г., XVI, 67.

²⁾ См. *Неволина*, IV, 168.

1—5). Специальнаго же указа о казачьихъ вотчинахъ въ указной книгѣ Помѣстнаго приказа не нашлось (3). Но затѣмъ Ирина вышла замужъ за боровитина Буяна Дурова, а Авдотья за бѣлозерца же Василья Елизарьева, и тогда снова поднялся вопросъ о вотчинѣ Описима.

Тогда выписали „изъ дачъ на примѣръ“:

„Сыскано дѣло послѣ Московскаго пожара въ Федоровѣ ящикѣ Стогова, что былъ челомъ государю во 131 г. съ Волоколамскаго Осипова м—ря иг. Мисаило зъ братьею, казака на Иванову вотчину Борисова за приписью д. Бажвня Степанова ¹⁾).

И въ томъ дѣлѣ въ государевѣ уложенѣ въ 131 г. написано:

Г. ц. и в. кн. Михайло Ѡ. в. Р. и отецъ ево г-вѣ в. г. св. п. Филаретъ Н. М. и в. Р. прежнего своево г-ва указу слушали и указали атаманомъ и казакомъ, которымъ дано въ вотчину за московское осадное сидѣнью въ королевичевъ приходѣ, владѣти въ вотчинѣ имъ и ихъ женамъ и дѣтемъ и въ родѣ ихъ неподвижно. А котораго атамана или казака не станеть, а послѣ ихъ останутца жены и дѣти, и тѣ вотчины женамъ ихъ и дѣтомъ и ихъ роду въ вотчину жѣ. А продавать и закладывать и въ монастырь по душѣ довать тѣхъ вотчинъ атаманомъ и казакомъ потому жѣ не велѣли ²⁾).

И 139 г. іюля въ 21 д. Ф. В. Волинской да дьяки Н. Кокошкинъ да В. Маховъ да В. Ключаревъ по тому дѣлу, что не стало казака Минки Просѣвова, а о вотчинѣ ево была челомъ дочь ево дѣвка Овдотьяна и иные челобитчики, докладывали государя....

И государь... сего дѣла слушалъ и тою казака Минкиною вотчиною Просѣва въ Торускомъ у. жеребьемъ с. Безобразова да с. Лаговчина 55 четвертьми пожаловалъ дѣвку Овдотьяну М-ну дочь П-ва въ вотчину по тому: въ ево г-вѣ указѣ 131 г. написано: котораго атамана или казака не станеть, а послѣ ево останутца жены и дѣти, и тѣ вотчины женамъ ихъ и дѣтемъ въ вотчину жѣ. А Ивану Ушакову въ той вотчинѣ велѣлъ государь отказать, потому что Иванъ Ушаковъ о той вотчинѣ билъ челомъ ложно, а сказалъ, будто казакъ Миня Просѣвовъ въ королевичевъ приходѣ на Москвѣ въ осадѣ не сидѣлъ. А въ памяти изъ Розряду за приписью дьяка Михаила Данилова 139 г. іюля въ 9 д. написано: Въ Розрядѣ во 135 году по памяти и по росписи исъ Казачья приказу ³⁾ за приписью дьяка Олександра Иванова написано: Ивановы станицы Адамова казаку Минѣ

¹⁾ Въ приказѣ съ ноября 134 г. (Сторожень, 27).

²⁾ См. *Неволина*, IV, 146 и уложеніе 157 г., XVI, 50.

³⁾ См. *Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ, 205.

Просѣкову помѣстной окладъ 250 ч., денегъ 8 рублевъ; да ему жъ придано за московскую службу 100 ч., денегъ 5 рублевъ; да за московское осадное сидѣнье придачи три рубля. Да въ памяти въ Казацкя приказу за приписью дьяка Филипа Ларионова 139 г. іюля въ 11 д. написано: во 138 г. февраля въ 14 д. послана въ Казацкя приказу въ Помѣстной приказъ память, а въ памяти написано: въ жалованной въ кормовой книгѣ 137 г. написанъ казакъ Ивановъ станицы Адамова Минка Гавриловъ сынъ Просѣковъ, дано ему государева жалованья по четвертному окладу 8 рублевъ, да ему жъ за московское осадное сидѣнье придано три рубля, и мѣсячной кормъ ему данъ. И то знатно, что казакъ Миня Просѣковъ въ королевичевъ приходъ на Москвѣ въ осадѣ сидѣлъ, а Иваново челобитье Ушакова стало ложно. И потому государь тою вотчиною пожаловалъ дѣвку Овдотьяну Минину дочь Просѣкова въ вотчину жъ⁴ (13—16).

Также даны отцовскія вотчины 8 іюля 147 г. Луверѣ и Овдотѣ ливскаго помѣстнаго казака Исаѣ Ушакова дочерямъ (16) и 13 сентября 148 г. Матрѣи дочери воронежскаго помѣстнаго казака Ивана Ильина (17).

Помѣта: „148 г. генваря въ 8 день написать приговоръ и велѣтъ та половина вотчины за дѣвкою, которая идѣтъ за казацкя сына, справить. А, что пошла за сына боярскаго, то подождать“ (18).

Таковъ подробный приговоръ въ тотъ же день и былъ составленъ (19).

III (31096/4).

„И 153 г. марта въ 26 день по сей докладной выпискѣ государя царя.... докладывалъ бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевской⁴).

И государь царь.... сего дѣла слушалъ и указалъ: Торусенина Дмитрееву вотчину Ширяева въ Торускомъ уездѣ въ Селецкомъ стану половину деревни Гавриловской, а Ширяева тожъ, со крестьяны, пашни сто чети, дати по уложению⁵) Дмитреевѣ Ширяевѣ сестрѣ родной Натальѣ торусенина жъ Дмитреевѣ женѣ Суморокова потому: въ прошломъ во 151 г. іюля въ 24 день била челомъ... Наталья Дорофѣева дочь Ширяева: Во 151 г. за недѣлю до Ильина дни брата еѣ родного Дмитрея Дорофѣева сына Ширяева не стало безъ языка и

⁴) Дѣло велось въ приказѣ Каванскаго Дворца. Дьяками въ немъ въ это время были Минифоръ Шингулягъ и Пятый Смирдионовъ (всѣ трое съ февраля 152 г.).

⁵) См. *Неволина*, V, 355 и IV, 168.

безъ духовной, убила лошедь на Тулѣ, а осталось у него жена бездѣтна, а за братомъ ея за Дм. было государева жалованья вотчина вопчая отца ихъ Дорофѣя III. выслуженая..... жеребой д. Гавриловской, а Ширяево тожъ, сто чети. И нынѣ де ево Дмитроева жена, а ея невѣстка Соломонида, умысла зъ братомъ своимъ роднымъ съ Иваномъ Исканскимъ, а зъ Дмитреевымъ шуриномъ, да съ торускимъ веденскимъ попомъ, написали на ту вотчину закладную во 600 рублехъ. А тотъ де попъ Богданъ руку приложилъ безъ Дмитреева велѣнья и безъ духовной и безъ сидѣльцовъ. А тотъ де попъ уличеной воръ, многое время ходилъ безъ скуобя. А прожде сего она Наталья на брата своего на Дмитрея въ той вотчинѣ государю была челомъ. И въ той вотчинѣ она Наталья зъ братомъ своимъ зъ Дмитреемъ покрѣпились записми. И государь бы ея пожаловалъ, велѣлъ тоѣ выслуженную вотчиною отца ея и брата дать ей Натальѣ. Да о той же вотчинѣ бьютъ челомъ государю торушские жъ Дмитроевъ братъ Степанъ Левонтьевъ сынъ да племянникъ Василей Овонасевъ сынъ Ширяевы: Брата де Степанова, а Васильева дяди Дмитрея Дорофѣева сына Ширяева не стало на Тулѣ, а послѣ ево осталось жена ево бездѣтна да сестра ево родная Наталья. И та де сестра замужемъ гѣтъ сорокъ. А послѣ ево осталось вотчина въ Торускомъ уѣздѣ въ дачехъ сто чети да въ помѣстьѣ въ пустошахъ 80 чети. И государь бы пожаловалъ тѣмъ помѣстьемъ и вотчину велѣлъ дать имъ. Да о той же вотчинѣ бьютъ челомъ государю Соломонида Дмитреева жена Ширяева: Во 151 г. мужа съ Дм. не стало на Тулѣ, а послѣ мужа ея осталось она вдова Соломонида бездѣтна. А помѣстья за мужемъ ея было въ Торускомъ уѣздѣ 130 чети да вотчины сто чети. И государь бы ея пожаловалъ, тое мужа ея вотчину отнять по ея животъ не велѣлъ, а помѣстья бѣ велѣлъ бы государь ей дати на 30 чети. О той же вотчинѣ бьютъ челомъ государю торушеникъ Иваншко Исканской: въ прошломъ де во 145 году марта въ 28 день занялъ у него Ивана 600 рублевъ въ кабалу торушеникъ Дмитрей Ширяевъ до сроку 150-го году марта до 28-го числа, а въ тѣхъ денгахъ заложилъ вотчину свою въ Торускомъ уѣздѣ половина деревни Гавриловской и со крестьяны. И во 151 г. Дм. III. не стало. А та вотчина у него не выкуплена. А нынѣ бьютъ челомъ государю о той вотчинѣ сестра ево родная Наталья Дмитреева жена Суморокова, бутто послѣ ево Дмитрея..... (102—105)..... ¹⁾ за царя Василья Ивановича

¹⁾ Пропускъ въ текстѣ.

московское осадное сидѣнье, что было дано отцу ево въ вотчину. А въ закладной записи, какову закладную къ дѣлу клалъ Иванъ Исканской, написано: 145-го году торушения Дм. Дор. сынъ Ш. залялъ у торушения жъ у Ивана Иванова сына Исканского 600 р. денегъ марта съ 28 числа 145 г. до срока марта до 28 числа 150 г., а въ тѣхъ денгахъ онъ Дм. заложилъ у него Ивана отца своего выслуженую вотчину со крестьяны... сто чети; а не выкупить онъ Дм. тою свою вотчину у него Ивана на тотъ срокъ, и на ту вотчину ему Ив. Иск—му ся кабала и кушчая. А въ допросныхъ рѣчахъ торуского веденского попа Богдана Родивонова написано: попъ Богданъ по священству сказалъ: торушения Дм. Ширяевъ вотчину свою Ив. Иск—му во 145 г. заложилъ. А закладную писалъ въ Серпуховѣ площадной дьячокъ Ермола Ждановъ сынъ Зяблой. А послухъ былъ серпуховской же площадной дьячокъ Тимофей Сереберцовъ. А онъ попъ Богданъ къ той закладной руку приложилъ вмѣсто сына своего духовного Дм. Ш—ва по ево веленью у него Дм. въ дому. А привозилъ жъ нему онъ Дм. тою закладную за послуховою рукою Тим. Сер—ва не довершену. А денги Дм. у Ив. Иск—го взялъ ли, для нѣтъ, и онъ Богданъ того не видалъ. А Дмитрея убилъ лошець на Туль, умеръ безъ языка и безъ духовной. А дьячокъ Ермошка Зяблой въ допросѣ сказалъ: Торушения Дм. Ш. на вотчину свою въ Торускомъ у. Ивану Иск—му кабалу писать велѣлъ самъ во 145 г. марта въ 28 день. А писалъ онъ Ермошка закладную по ево Дмитреву велѣнью. А ималъ у него у Ермошки Дм. Ш. закладную кабалу за послуховою за Тим—вою рукою Сер—ва невршену и привезъ къ нему за поповою за Богдановою рукою. А денги Дм. у Ив. Иск—го изьялъ ли, и того онъ не вѣдаетъ. И государь царь... указалъ ту Дмитреву вотчину Ширяева дать по уложенью Дмитреви сестрѣ родной Натальѣ потому: въ его государевѣ указѣ и въ уложеньѣ написано: у которыхъ вотчинниковъ остаются сестры родные и о вотчинахъ учнутъ бити челомъ по родству, и они тѣмъ вотчинамъ вотчичи. Да и потому: въ челобитѣ того Дм. Ш. жены ево вдовы Соломаниды написано, чтобъ государь сѣ пожаловалъ, велѣлъ дать мужа еѣ вотчину по сѣ животъ, а неъ помѣстья бѣ велѣлъ государь дать на 30 ч., и толко бѣ тою вотчину мужъ еѣ заложилъ шурину своему Ив. Иск—му самъ, и она бѣ вдова Соломанида на брата своего родного на Ив. Иск—го о той вотчинѣ не била челомъ и написала бѣ въ челобитѣ своесѣ имянно, что та вотчина заложена у брата еѣ у Ив. Иск—го. И потому та закладная стала жи-

вая ¹⁾. А веденской погь Богданъ Родивоновъ да дьячокъ Ермошка Зяблой сказали, что онъ погь Богданъ къ той закладной руку прикладывалъ безъ послуха и безъ дьячка. А денги Дм. у Ив. Иск—го взялъ ли, или нѣтъ, и того погь Богданъ и дьячокъ Ермошка не вѣдаютъ. И то знатно, что закладная писана послѣ Дм. III—ва. А Дмитрова жена (sic) Ширяева Наталья о той вотчинѣ государю била челомъ прежь Соломанидина и братья еѣ Иванова челобитья Исканского. А Ив. Иск—ой билъ челомъ государю о той вотчинѣ по закладной послѣ Натальина челобитья. А закладная у Ив. И—го писана во 145 г. и тому нынѣ осмой годъ. А Дм. III. не стало во 151 г. Да и самъ Ив. Иск—ой въ допрощѣ скажаль, что на срокъ и послѣ сроку при Дмитреѣ было годъ и полчетверта мѣсяца о той вотчинѣ о запискѣ государю не билъ челомъ и челобитья не записаль. И потому указалъ государь по уложенью тое вотчину отдать Д—вѣ сестрѣ III—ва Натальѣ. А Степану и Василью Ширяевымъ отказать. А по закладной кабалѣ Ивану Исканскому денги на Дм—вѣ женѣ III—ва на вдовѣ Соломанидѣ исхать судомъ. Думной дѣакъ Иванъ Гавреневъ" (131—135).

Наталья же передала вотчину своимъ дѣтямъ: „Лѣта 7156 г. іюля въ 2 день по государеву цареву... указу память дьякомъ думному Ѳедору Елизарову да Ивану Владычкину да Мартемьяну Бредихину. Въ памяти въ Розрядѣ за твоею Ивановою приписью написано: велено Богдана да Якимъ Дмитреевыхъ дѣтей Суморовыхъ съ матери ихъ вотчины со ста чети написать въ торуской списокъ Богдана въ службу, а Екимка нынѣ 12 лѣтъ. А какъ ихъ въ списокъ напишутъ, и о томъ велѣно отписать къ Вамъ въ Помѣстной приказъ. И въ Розрядѣ Богдашко да Екимко Дмитреевы дѣти Сомороковы съ матери ихъ вотчины со ста чети въ торуской списокъ нынешняго 156-г году Богдашко въ службу, а Екимко въ недорослѣхъ написанъ. Дѣакъ Григорей Маріоновъ. Справилъ Петрушка Абрамовъ“ (130). Писизвѣстно впрочемъ, какъ согласить съ этимъ помѣту въ пользу Степана Ширяева на ту же вотчину: „156-г іюня въ 28 день по государеву указу и по подписной челобитной дать ему на ту вотчину государеву послушную грамоту, велѣтъ тою вотчиною владѣтъ, а не продать и не заложить и ни въ какихъ крѣпостяхъ не укрѣпить, потому что та вотчина оспорена и выписана въ докладъ къ государю“ (129).

Приведемъ и опороченную закладную: „Се азъ Дм. Дор. сынъ

¹⁾ См. „Замѣтки по исторіи язанскаго стола“, 23.

Ширяевъ торушенинъ занялъ есмь у торушенина жъ у Ив. Ив. сына Искансково 600 рублей московскихъ денегъ ходячихъ прямыхъ безъ приписи марта съ 28 числа нынешнег 145-г году до сроку марта жъ до 28 числа 150 году, а въ тѣхъ денгахъ я Дм. заложилъ у нево Ивана г—ва жалованья отца моего выслуги, а свою вотчину со крестьяны въ Тор. у. Сел. ст. половина д. Гавриловской, а Ширяева тожъ, на рѣчкѣ на Гавриловкѣ, сто чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, со всѣми угодья, а въ той моей Дмитріевой вотчинѣ дворъ мой вотчинниковъ да крестьянскихъ дворовъ: во дв. Якушко Фидиновъ съ сыномъ съ Силкомъ да съ сыномъ съ Лкимкомъ, во дв. Овдокимю Курулова зъ детьми съ сыномъ съ Моисѣйкомъ да зъ Демкою, во дв. Фелипю Куруловъ зъ дѣтми зъ Овонкою да зъ Сидоркомъ да съ Сенькою да съ племянникомъ съ Пронькою Куруловымъ, во дв. Якушко Степановъ зъ братомъ зъ двоюроднымъ съ Родкою Ефрѣмовымъ сыномъ, съ Миткою, во дв. Селяверстко Куруловъ съ сыномъ съ Гришкою да со внучаты Степанкомъ да съ Мишкою, во дв. Викторъ (?) Куруловъ съ сыномъ Спиридонкомъ да со внучаты съ Фетвою да съ Еустраткомъ да съ Паневкомъ, до того сроку безъ росту. А полагутъ денги по сроцѣ и не выкупаю язъ Дм. тое своей вотчины у нево Ивана на тотъ срокъ, и на ту мою вотчину ему Ив. Исѣ—му ся моя кабала и купчей записъ. А прожъ сево та моя Дм—ва вотчина опрочѣ сей Ив—вы кабалы Ис—ва не продана никому и въ закладъ не заложена и по душѣ въ монастырь не отдава и нѣтъ ни въ какихъ крепостяхъ. А хто у нево Ив. Ис—ва въ тое мою Д—ву вотчину учнетъ вступатца, или на ту мою вотчину вылажеть какаля крѣвность, и миѣ Дм. въ той своей вотчинѣ и во крестьянскихъ во всемъ сво Ив. Ис—ва очищать и убытка ему въ томъ никакова не доставитъ некоторымъ дѣлы. А что ему Ив. Ис—му въ той моей вотчинѣ отъ ково учинитца монмъ Дм—мъ неочищенемъ убытка, и ему Ив. Исѣ—му взяти на миѣ Дм. Ш. по сей кабалѣ и купчей и записъ тѣ свои убытки всѣ сполна. А на то послуши: Тимоѣй Ивановъ сынъ Сереберцовъ. А кабалу писалъ Ермошка Ждановъ сынъ Зяблог. Лѣта 7145-г году марта въ 28 день. А у той жъ кабалы назади написано: Къ сей заемной кабалѣ и закладной воздвиженской попъ Богданъ вмѣсто сына своего духовново Дм. Ф. сына Ширяева по ево велѣнью и р. п. Послухъ Тимошка и р. п." (11—12).

Характерна и слѣдующая память изъ патриаршаго казеннаго приказа отъ казначея старца Іоакима Молотенна и дьяка Григорья Одинцова отъ 13 генваря 153 года:

„.... и въ патріаршіѣ въ казенномъ приказѣ въ росписи снятымъ скуеямъ прошлаго 139 году написано: іюня въ 9 день.... снята скуея зъ здвиженскаго попа Богдана вотчины боярыни Ирины Никитичны села Гремвицъ за ево многое безчинство и непослушанье, что онъ не послушалъ сурдалскаго архіепископа Іосеа, дани ему не платилъ. И въ пропломъ во 142 г. генваря въ 4 день по государеву цареву... указу ему попу Богдану скуея отдана, благословилъ ево Кипреянъ митрополеть новгородской межъ патріаршества; и служить ему попу велено по прежнему“ (54—55).

Приведемъ наконецъ и интересныя записи и отписи, присланныя изъ Серпухова въ цѣльхъ экспертизы руки умершаго Тимооа Сереберцова ¹⁾:

„Со азъ Юрья прозвища Салдаты Гри... Коширскаго уѣзда Лисцовскія волости помѣстной казакъ отдалъ есми въ царскомъ жалованьи, а въ своей вотчинной земли въ деревни въ Левонавай Владычня монастыря крестьянину Зиновью Прокофьеву дворовой усады поддесятины земли на пчелинай осекъ въ наемъ на выпешней на 138 годъ. Взять мнѣ Юрью найму полтина денегъ. А впредь мнѣ Юрью на Зеновьѣ имать съ тою земли найму зъ году на годъ по той же полтинѣ денегъ. И Зеновьевыхъ пчелъ мнѣ Юрью своими пчелами не своятъ и хитрости некоторые не чинить, покамѣста тѣ ево пчелы на той моей вотчинной земли постоятъ, сколько лѣтъ. А не похочеть Зеновей впредь на той моей Юрьевой вотчинной земли пчелъ ставитъ, и мнѣ Юрью въ тѣ Зиновьевы пчелы ни во што не вступатца. А учну азъ Юрья въ Зеновьевы пчелы вступатца, или ихъ своими своятъ, или нать ево Зеновьевымъ пчелинымъ животомъ учну которую хитрость чинить, и Зеновью взять на мнѣ на Юрьѣ по сей записи тѣ свои убытки всѣ сполна, что ему отъ меня ни учинитца. А на нынешней на 138 годъ поставитъ Зеновью на той моей земли въ осеку старыхъ на выставки 50 ульевъ пчелъ. И не въ пору мнѣ Юрью Зеновья со пчелами не сослатъ. И въ томъ я Юрья Зеновью сю записи далъ впредь для спору. А у сей записи сидѣлъ коширеникъ помѣстной атоманъ Томила Петровъ сынъ Осодорова. А на то послуси: Тимоеѣй Ивановъ сынъ Сереберцовъ да Жданъ Васильевъ сынъ Зяблой. А записи писалъ Богданка Семеновъ. Лѣта 7138-го году“ (79—80). На оборотѣ: „Къ сей записи Томила Федоровъ въ

¹⁾ Ср. „Изъ практики помѣстнаго приказа“ Шумакова. (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1905, VIII).

Юрьеву мѣсто по ево велѣнью у сей записи сидѣтъ и р. п.—Послужъ Тимошка и руку пр.—Послужъ Ждашко и р. п.^а.

„Се азъ Иванъ Ликовлевъ сынъ Ушаковъ серпуховитинъ отдагъ есмь государева жалованья, а своег помѣстнаго лугу въ насмъ Владычня монастыря крестьянину Зеновию Прокопьеву сыну съ товарищи въ Серпуховскомъ уѣздѣ по сей стороны рѣки Поротвы пониже церкви Спаса что на Горотцѣ своег жеребья лугъ вытной да лугъ ребничникъ сѣяныхъ покосовъ на нынешней на 139-ой годъ. А взягъ есмь язъ Иванъ у Зеновья съ товарищи за тѣ свои луги найму рубль денегъ. А хто у нихъ въ тѣ мои луги учнетъ вступатца, и мнѣ Ивану тѣ свои луги нмѣ очищать и убыткѣвъ нмѣ въ томъ не учинитъ и сѣна ихъ съ тѣхъ луговъ здати безъ всякія зощьки. А не учну нмѣ очищать тѣхъ луговъ, и что нмѣ отъ ково убытка учинитца монмѣ Ивановымъ неочищеньемъ, и Зеновию съ товарищи взяти на мнѣ на Иванѣ тѣ свои убытки всѣ сполна. Въ томъ есмь азъ Иванъ за своею рукою нмѣ и сю отписъ далъ впередъ для спору. А на то послуси: Богданъ Семеновъ сынъ Елешенинъ да Тимоѣй Ивановъ сынъ Сорберцовъ. А отписъ писалъ дячочъ Ермола Ждановъ. Лѣта 7139-г майа въ 21 день^а (81). На оборотѣ: „Иванъ Ушаковъ р. п.—Послужъ Богданъ и р. п.—Послужъ Тимошка и р. п.“.

Замѣчательна и отписка серпуховскаго губнаго старосты Климки Родионова, поданная въ приказѣ Казанскаго Дворца 23-го августа 153 года:

„.... И по... грамотѣ я... іюля въ 26 д. посылагъ губнова дячва Ермола Зяблова да губнаго целовалника Никола Ондрѣва да розсилщика Левку Борисова въ Торуской у. въ $\frac{1}{2}$ д. Гавриловской въ Натальну вотчину Дмитріевы жены Суморукова тое ржи жати. А я... не поѣхалъ для тог: ожидагъ твоего государева крестнаго цѣлованья. И губный дячочъ, взявъ съ собою понятыхъ сала Поросукова князь Давыдова крестьянина Щербатого Первушу Микитина да Степанова крестьянина Годунова Семена Иванова, и при тѣхъ понятыхъ и при Иванѣ Ондрѣвѣ сынѣ Олексиѣ рожъ осмотригъ. И ржи павозной лутчей пожато и потравлено съ поддесятини. И жалъ въ той д. Гавриловской 4 дни и поѣхалъ въ Серпуховъ, потому что учинилось несчастья. И тое... рожъ указалъ жать губному целовалнику Никонку Ондрѣву. И тотъ целовалникъ тое рожъ пожалъ, а ужалъ на полуосмы десятинѣ 35 $\frac{1}{2}$ копенъ 4 снопы. А какова рожъ жати да приѣзду, и такіе ржи жато на десятину по 6 копенъ и болши. А жалъ... до приѣзду тое рожъ Натальнини крестьяне Дми-

трѣвны жены Суморокова по еѣ Натальину велѣнью. И губной целоваликъ миѣ... прѣховъ сказалъ, что онъ рожь пожалъ. И я... прѣхолю въ д. Гавриловскую... тое рожь молотить. И тое рожь сынъ еѣ [Натальянъ] Богданъ Сумороковъ, выбравъ лутчею павозною рожь, обмолотилъ 12 копенъ, а сказалъ, вымолотилъ 16 чети. И я... тое добрые ржи, которой онъ Богданъ молотилъ... сыгъ (?) насадилъ овнягъ. И тое ржи умолоту объявилась ись конны по 3 осмины ея Саломанидиной мѣры. А плахой... запольничной ржи насадилъ 4 овниа 6 копенъ. А вымолотилъ 7 чети. А окромѣя... тѣхъ 6 копенъ плохой запольничной ржи не было. И всеѣ... тое ржи я... обмолотилъ съ 5 овниовъ и съ полуосмы конны 9 чети съ полусосминою. И тое рожь всыналъ у еѣ Натальяна крестьянина у Мосѣйка Курулова въ пунку и запечатолъ. И по ту молоченую рожь велѣлъ вдовѣ Соломонидѣ съ подводы прислать. Да доброю жъ... рожь, какову сынъ еѣ Богданъ молотилъ, насадилъ попольнѣ... смъ копенъ. А въ оставки осталось у овниовъ тое ржи 8 копенъ 4 снопа. И вдова Соломонида прислала по ту молоченую и которою рожь миѣ... молотить была, 16 подводъ, Одрѣя Олекина 7 подводъ, Ивана Годунова 2 подводѣ, Степана Годунова подводу, Василья Исканского 6 подводѣ. И мужъ еѣ Натальянъ Дмитрей Сумороковъ зъ дѣтми своими той ржи молоченой насыпать на подводы не далъ и миѣ... отъ молотбы отказалъ, учель у меня просить отписи. А миѣ... въ той ржи ему отписи дать не указаю, волѣно о томъ къ тебѣ государю отписать. А на сѣмена.... учель у меня просить на десятину онъ Дм. С. по 2 чети. А въ твоей государевѣ грамотѣ написано: на сѣмена дать рожь тожъ число, сколю было сѣено на старую вотчицу [Соломонида]. А старая вотчица вдова Соломонида миѣ... сказала, что у ней выходила на десятину полчетверти съ полусосминою еѣ мѣры. А еѣ мѣра съ серпуховскою таможенною мѣрою равна. И стороннихъ... людей допрашивалъ, почему выходитъ на десятину ржи. И онѣ сказали тожъ, что вдова Соломонида. И я..., не повѣря ихъ скаски, велѣлъ сѣть целовалику рожь. Почему на десятину выйдетъ, потому хотѣлъ и сѣмена выдать. И онъ мужъ еѣ Дмитрей сѣяти не похотѣлъ и тое ржи, что сынъ ево Богданъ молотилъ и что я... молотилъ, не далъ и отъ молотбы миѣ... отказалъ и твоей государевей грамоты не послушалъ, учинился сядель. И потому, государь, миѣ... какъ укажешь" (159—160).

И по этой отпискѣ и по челобитьямъ другъ на другъ Натальи и Соломонида велѣно было воеводѣ поступить противъ прежняго государева указу (162).

IV (31083/2).

Приговоръ:

„179 г. мая въ 10 день по указу в. г.—ря спрашить то помѣстье за родственникомъ за Васильемъ Янсубинымъ, буде послѣ тѣхъ умершихъ ¹⁾ жонъ и дѣтей и нынѣ близкихъ родственниковъ опрять ево Василья никою не осталось и то помѣстье никому не здано, а ему сестру [Липу] кормить. А Пирову отказать, потому что мѣны и росписки въ Помѣсномъ приказѣ на помѣстье не смысано ²⁾. И послать отказная грамота, велѣть отказать и книги прислать въ Помѣсной приказъ“ (25).

Интересна и очная ставка, предшествовавшая приговору:

„179 г. апрѣля въ 12 депъ въ Помѣсномъ приказѣ передъ дьяки передъ думнымъ передъ Герасимомъ Дохтуровымъ да передъ Ондреяномъ Яковлевымъ да передъ Степаномъ Венедиктовымъ да передъ Семеномъ Румянцевымъ да передъ Григорьемъ Протопоповымъ Кузма Максимовъ сынъ Пировъ, выслушавъ Васильева челобитья Елсунова, на очной ставкѣ сказалъ: владѣть де въ Боровскомъ уѣздѣ, въ д. Левоновъ Нестеровскимъ помѣстьемъ Елсубина по записямъ, взяты у него на оброкъ на 10 лѣтъ, а отдалъ ему на оброкъ онъ Василей Елсубинъ и мать ево Федора, а отдалъ ему во 176 году, а отдалъ де ему тотъ жеребей деревни и съ пустошми, а въ деревнѣ Хоростинѣ за Меркуломъ и за Нестеромъ Елсубиными дачъ никакихъ прежь сего не бывало и нынѣ лѣтъ. Да Максимъ (sic) билъ челомъ, чтобъ ево Василья Елсубина допросить, бывали ль дачи за отцомъ и за дѣдомъ ево въ деревнѣ Хоростинѣ. И вмѣсто Василья Елсубина тетка ево Посолского приказу толмача Васильева жены Беспалова Оксинья Меркулова дочь Елсубина сказала: за отцомъ де ево Васильевымъ и за дѣдомъ въ деревнѣ Хоростинѣ дачъ не было, а были за ними дачи въ деревнѣ Рудневой съ пустошми, и тѣми дачами владѣть онъ Кузма Пировъ наследствомъ. А Кузма Пировъ сказалъ: Меркуловымъ и Нестеровымъ жеребьемъ Елсубиныхъ въ д. Рудневой съ пустошми владѣть братъ ево родной Андрей Пировъ по мѣнѣ, а вымѣнилъ онъ то помѣсье у отца ево Васильева у Меркула [Микиты?—sic] Елсубина во 168 г. А братъ ево промѣнилъ Микитѣ Елсу-

¹⁾ Меркула и Нестера Иваловыхъ Янсубиныхъ. Сынъ Меркула Никита. Сынъ Никиты Василей. Пировъ Кузма и Андрей Нестеру племянники.

²⁾ См. *Неволина*, IV, 181 и 241.

бину свое помѣсье въ Боровскомъ уѣздѣ, въ Голичевской волости, п. Глянище да въ Суходолскомъ стану п. Першино 30 ч. А у Микиты Елсубина братъ ево вымѣнили въ Голической волости, въ д. Рудневой съ пустошми 30 же ч. А мѣняли они пусто на пусто. И та де ихъ мѣна въ Помѣстномъ приказѣ росписана во 168 же году. А то де дѣло было у подъячево у Григорья Богданова, что послѣ былъ дьякъ. Да Кузма Пировъ положилъ на очной ставкѣ на Васку Елсубина запись. И запись Оксиниѣ чтена. И, выслушавъ запись, Оксинья сказала: такіе де записи племянникъ Васка на себя не даывалъ, потому что отпись не въ малыхъ лѣтъ(?—sic). А Кузма билъ челомъ, чтобъ исца ево допросити, мать де ево Васильеви у той записи въ то время была ль и руку приложить велѣла ль отцу своему духовному. А Оксинья сказала де: Матери де ево Васильеви до того дѣла нѣтъ. Кузма билъ челомъ, чтобъ Васку Елсубина допросити: въ то время, какъ запись давалъ, гдѣ онъ въ то время жилъ. А Васка Елсубинъ сказалъ; былъ де онъ въ то время у тетки своей Оксиньи. А Кузма билъ челомъ, чтобъ исца допросити: шлетца ль де она на отца духовново матери сего, которой къ записи руку прикладывалъ, на пона Ѳедора и на дьячка, у котораго онъ Васка грамотѣ учился, въ томъ, что въ то время у матери ль, или у тетки жилъ. А Оксинья сказала: на тѣхъ людей она ни въ чемъ не шлетца. Кузьма жъ слался Кузьмина приказа Хомутова на стрѣльцахъ, въ которой улнцѣ мать ево Васильева живетъ, въ томъ, какъ онъ Кузма ево Василья отдавалъ грамотѣ учить и помѣлъ ево и кормилъ, а онъ Васлей въ то время у матери своей жилъ. А Оксинья на стрѣльцахъ ни въ чемъ не слалась. Кузма Пировъ руку приложилъ. А сказалъ: я Кузма на очной ставкѣ за себя и за брата своево Андря. Толмачъ Ѳедотко Ѳедоровъ вмѣсто Авсиньи Васильевы жены Беспалова и Василья Елсубина по ихъ велѣнью руку приложилъ“ (17—22).

Приведемъ здѣсь текстъ и опороченной записи:

„Се азъ боровитина Микиты Меркулова сына Ясубина сынъ ево Василей Микитинъ сынъ Ясубинъ, въ нынѣшнемъ во 176 г. февраля въ 20 д. отдалъ я В. г.—во жалованья дѣда своево выслугу помѣстную свою землю въ Бор. у., въ Гал. в., жеребей въ с. Левоновѣ, жеребей п. Нетотовой, да п. Слободка съ ными п—ми, съ пашнею и съ лѣсы и съ сѣянными покосы и со всѣми угодыи Кузмѣ да Ондрѣю Максимовымъ дѣтемъ Пирова на 10 лѣтъ, потому что я остался послѣ отца своево малъ, прокормитца мнѣ не о комъ, а мать моя Ѳедора вышла послѣ отца моево замужь за стрѣльца Кузьмина приказу Хому-

това за Якова Оседорова. А въ тѣ 10 лѣтъ имъ Кузмѣ да Андрѣю давати мнѣ Василью на прокормѣ по 40 алтынь и граматѣ мени имъ вывучити. А то помѣстья справити имъ Кузмѣ и Андрѣю за мною Васильемъ. А какъ то помѣстье справити али Кузма и Андрей за мною Васильемъ, и мнѣ Василью то свое помѣстья промѣнити имъ Кузмѣ да Андрѣю четверть на четверть пустое на пустое и въ Помѣсной приказъ принести за рукою челобитная о справкѣ за нихъ того помѣстья. А какъ за мною али Кузма да Андрѣи то помѣстья справити, и будетъ я Васильей того своею помѣстья имъ Кузмѣ и Андрѣю не промѣню и челобитной въ Помѣсной приказъ за рукою не принесу, и на мнѣ Васильѣ взять имъ Кузмѣ и Андрѣю по сей записи сто рублевъ денегъ и ся записъ и впредь въ записъ. А на то послуши: Никита Романовъ, Ивалъ Бажѣновъ, Ивалъ Кириловъ. А записъ писалъ Иваловскіе площади подъячей Ивашю Александровъ. Лѣта 7176-г году февраля въ 20 день" (23).

На оборотѣ подписи трехъ послуховъ и попи Ѳ. Анисимова: „Къ сей записи церквя Воскресенія что за Московю рѣкою въ Кузминѣ приказѣ Хомутова попи Ѳедоръ Анисимовъ по просьбѣ дочери своей духовной Осодоры и сына ся В. М. сына Я. по ихъ велѣнію р. п.“—
На оборотѣ помѣтна: „Взять въ дѣлу“.

А февраля 23-ю 180 года Василіи уже промѣнилъ помѣстье Мерхула и Нестера на помѣстную Давиды Ондриева Дастурова п. Печеникову Городского стану Торусскаго уѣзда (49), каковая мѣна и росписана приказомъ между ними 28 февраля.

Интересно здѣсь и дѣло о крестьянѣхъ.

Челобитная Василья: I. Отъ 24-го іюня 179 года съ надписью на оборотѣ: „выписать и къ дѣлу взять“: „... Велѣно мнѣ отдать дѣда моего помѣстную землю, что владѣлъ насилствомъ К. М. сынъ Пировъ. А которые крестьяня дѣда моего на той землѣ жили въ усадницѣ той, и тѣхъ крестьянъ розарилъ, свелъ на Вологду Игнатку да Юрку съ 4-мя сынами, а въ помѣтѣ и въ... грамотѣ отказной мнѣ... не написано, что которыхъ крестьянъ онъ Кузма поселилъ вмѣсто тѣхъ крестьянъ на той моеи землѣ, отдать мнѣ... со всѣми крестьяны и съ хлѣбомъ не указано. И въ прошлыхъ... годѣхъ передъ моровымъ повѣтреемъ билъ челомъ... дьякъ Сава Звѣровъ на б. кн. Семена Васильевича Прозоровскаго, что онъ б. кн. С. В. владѣлъ насилствомъ дьяка Савы помѣсною землею въ Даньвовскомъ уѣздѣ. И которыхъ крестьянъ на той Савиной помѣсной землѣ поселилъ, и ту помѣстную землю со крестьяны и со всякимъ строенемъ

и съ хлѣбомъ отдано ему Савѣ Звѣреву и зажалые денги доправлены. А то... дѣло было въ то время у подьячего у Ивана Венедиктова... Вели, государь, по нынѣшнему моему челобитію и по Соборному Уложению и по очной ставки, что онъ Кузма насилствомъ своимъ владѣлъ, и на очной ставки сказалъ, будто промѣнилъ дѣдомой, а дѣдъ мой тово помѣстья не мѣнивалъ, и то все явилось на очной ставки. И вели, государь, во владѣніи... указъ учинить и отдать мнѣ, чтобъ въ ево Кузмиѣ насилственномъ владѣніи розарену не быть, а отдѣлщика вели, государь, послать съ Москвы подьячево, потому что боровской уѣздъ съ московскимъ смежанъ, а въ Боровскѣ, государь, ому Кузми поввода и подьячіе дружныи, во всемъ ему Кузми норовить...» (26).

II. Отъ 10-го февраля 180 года съ помѣтою: „выписать“: „... Дано мнѣ... дѣда и отца моего помѣстейцо въ Боровскомъ уѣздѣ жеребей деревни Рудневой съ пустошии, а въ томъ помѣстейцѣ крестьянишка мой Ѳодотка Игнатовъ да Данилко Полякъ зъ дѣтми мена... не слушаютъ и оброку ничево не платятъ и издѣлья на меня никакова не дѣлаютъ... Вели, государь, по тѣхъ моихъ крестьянишекъ послать съ Москвы пристава и ихъ взять къ Москвѣ и въ томъ ихъ непослушаніи... указъ учинить...» (46).

Приговоръ: „180-г февраля въ 10 день по указу в. г—ря послать нсъ Помѣстнаго приказу сына боярскаго, велѣтъ тѣхъ крестьянъ привести къ Москвѣ въ Помѣстной приказъ, не замочавъ“ (48).—

Кончилось же все это следующимъ: „180-г марта въ 12 день Андрѣвъ человекъ Дохтурова Потапко Оедоровъ привелъ въ Помѣстной приказъ крестьянина Данилку Поляка, а сказалъ: того де крестьянина Василей Елсубинъ поступилси Данилу Дохтурову за бѣглыхъ крестьянъ, а поималъ де онъ того крестьянина на Москвѣ за Московю рѣкою, на Волотѣ. И приводной крестьянинъ противъ челобитья Данила Дохтурова роспрашивагъ... А въ роспросѣ тотъ приводной крестьянинъ сказалъ: Боровскаго уѣзду д. Рудневъ; Данилкоиъ зовуть; Полякъ. А Данила Дохтурова и прежнего помѣщика Василія Елсубина не слушали и издѣлья на нихъ не дѣлали, бояся боровичъ К. да О. М—выхъ дѣтой Пировыхъ, потому что онъ Кузма и Ондрѣи имъ крестьяномъ Василія Елсубина и Ондрѣя Дохтурова слушать и издѣлья дѣлать на нихъ не велѣли и имъ въ томъ угрожали и битъ ихъ хотѣли. А какъ сынъ боярскаго Иванъ Галаховъ прѣвзжалъ по нихъ въ д. Рудневу, и въ то время въ тоѣ жъ д. Рудневу прѣвзжалъ сотникъ

сѣрѣлецкой Федоръ Семеновъ сынъ Корачюринъ съ Кузьминными и съ Андрѣевыми людьми Нирова . . . и ихъ у сына боярскаго у Ивана отбилъ. И онъ Данилко, убояся Данила Дохтурова, пришлоъ къ Москвѣ и на Москвѣ ево поймалъ Андрѣевъ человекъ Дохтурова Данилко и привелъ въ Помѣсной приказъ (66—67) И марта въ 12 день противъ челобитья Данила Дохтурова крестьянину ево Данилку Поляку наказанье было, битъ ботаги и отданъ ему жъ Данилу" (70). А о подвигахъ О. С. Корачюрина 15-го марта была послана память въ Сѣрѣлецкій приказъ (68—69), чтобъ тамъ его наказали за „прѣвѣдъ и отбой“.

V (31100/10).

„Списокъ зъ записи слово въ слово. Се азъ столникъ князь Григорей Даниловичъ Песвицкой далъ есми сію запись женѣ своей княгинѣ Огробѣцѣ Ивановѣ дочери ¹⁾ въ томъ, что я князь Григорей договорился съ нѣю полюбовно для того, что у меня черева вышли вонъ и отъ той пораличной полѣзни (sic) рукою да ногою не владѣю и сожитія моего съ нею у меня нѣтъ и впредь не будетъ, а она жена моя въ молодыхъ лѣтахъ, и я съ нѣю распустился, и впредь мнѣ на нея, чтобъ ей жить со мною, святѣйшему патриарху не битъ челомъ. А что я князь Григорей взялъ было за нею женою своею приданого, и то приданое я князь Григорей женѣ своей все сполна, что ни взялъ, отдалъ и надѣлку за четвертную долю я князь Григорей ей по договору изъ своихъ животовъ далъ же; что я князь Григорей дворъ еѣ съ нею сопча продалъ, и я тѣ денги 300 рублей отдалъ же; и помѣстье еѣ прожиточное ²⁾, что и за нею взялъ, и то ей женѣ моей; а что я князь Григорей на то еѣ прожиточное помѣстье поревелъ и посадилъ и устроилъ 6 дворовъ своихъ крестьянъ, и тѣхъ крестьянъ я со всѣмъ послушался ей же женѣ своей. А кто будетъ въ тѣхъ моихъ крестьянъ учеть у ней вступатца, и мнѣ князь Григорью и дѣтямъ моимъ тѣхъ крестьянъ очищать и убытка не довести. А буде кто по какимъ крѣпостямъ у ней тѣхъ крестьянъ возметъ, и мнѣ дати вмѣсто тѣхъ крестьянъ иныхъ своихъ крестьянъ такихъ же. И волно женѣ моей то свое прожиточное помѣстье за собою справить и

¹⁾ Сестра разряднаго подъячаго Михаила Шестакова (5) и вдова дьяка Петра Долгого (1). Ср. также „Родственныя связи княжескихъ фамилій съ семьями дьяковъ“ Н. П. Лихачева (въ I в. „Изв. рус. ген. общ.“, С.-Пб., 1900).

²⁾ Серпуховскаго у., Темискаго ст., въ д. Лисей Врагъ и н. Труновой и Окологороднаго ст., въ н. Волбушевой (3).

замужъ итнть и нойтнть ¹⁾); какъ похочеть, такъ себѣ и живетъ. А будетъ я впредь буду бить челомъ, чтобъ ей со мною жить, или въ чемъ противъ сея записи не устою, и ей женѣ моей княгинѣ Огрооенѣ по сей записи взять на мнѣ князь Григорѣвъ 2.000 рублевъ денегъ, а ся записи и впредь въ записи. А на то послуши: Яковъ Алексѣевъ, Андронъ Ивановъ, Пнгатей Скрыбинъ, Ивалъ Горьбуновъ, Аврамъ Тороновъ, Прокооей Токаревъ, Кондратей Игнатъевъ, Екимъ Таталовъ, Иванъ Москвинъ, Иванъ Позняковъ. А записи писалъ Ивановскіе площади подъячей Сенжа Сидоровъ. Лѣта 7189—г декабрь въ 16 день. А у подлинной записи назади пишеть: къ сей записи князь Григорей Носвицкой р. п.“ (10—11).

Приговоръ по этой записи: „189-г іюня въ 1 день по указу в. г.—ря бояре князь Микита Ивановичъ Одоевской съ товарищи, слушавъ сего дѣла въ Золотой полатѣ, приговорили, будетъ великого господина святѣйшаго Іокима патріарха московскаго и всеа Руси о разводѣ указъ будетъ, и то помѣстье по Уложению и по поступной записи и по допросу за исю справить“ (16).

По кн. Григоріи умеръ 27 іюля 189 года (17).

Тогда состоялся новый приговоръ: „189-г іюля въ 29 день по указу в. г.—ря ок. кн. Ив. М. Коркодиновъ съ товарищи приговорили вдовѣ княгинѣ Огрофвиѣ князь Григорьевой женѣ Невситцково дать всѣ помѣстья мужа еѣ прежнее еѣ прожиточное помѣстье и послать государева грамота, велѣть ей то помѣстье отказать и книги за руками прислать къ Москвѣ въ Помѣстной приказъ“ (20—21). А на другой же день 30 іюля кн. Огрофѣпа поступилась этимъ своимъ прожиткомъ приказу Большой казны подъячему Ивану Харламову за 50 рублей (23), каковая сдѣлка въ тотъ же день и была утверждена приказомъ (31).

VI (31095/35).

„Синсокъ зъ записи слово въ слово. Се азъ вдова Прасковья Никитина дочь Никиооровская жена Семеновича Скорнякова-Писарева въ нынешнемъ въ ... году сентября въ 13 день дала я сію записи Ивану да Ѳедоту Пареевнымъ дѣтямъ да Оедору Акиноѣву сыну да Василью да Олексѣю да Ивану (bis) Скорняковымъ-Писаревымъ въ томъ, что въ прошломъ во 199 г. мужъ мой Пнкиооръ Семеновичъ пострится, а я била челомъ нсъ номѣсья ево себѣ на прожи-

¹⁾ Ср. *Неволина*, III, 246—252.

томъ, да о тѣхъ же помѣсяяхъ были челомъ родственники мужа моего Пикаора Семеновича и въ разныхъ городехъ, и въ нынешнемъ въ 200-мъ году, поговоря я вдова Прасковья съ ними полюбовно, съ нимъ Иваномъ и съ Федотомъ и съ Васильемъ и съ Алексѣемъ и съ Иваномъ и съ Федоромъ и съ Иваномъ Скорляковыми-Писаревыми, что взяла я вдова Прасковья въ Боровскомъ уѣздѣ въ Растуновскомъ стану въ селцѣ Купчининѣ на прожитокъ себѣ и съ помѣся мужа моего Пикаора Семеновича помѣсные земли въ одномъ мѣстѣ пашни 60 ч. да усадбу мужа моего Н. С. со всѣмъ дворовымъ строеніемъ, что на томъ дворѣ хоромного строенія, съ садомъ, и въ саду прудъ, да 3 двора крестьянъ: во дв. крестьянинъ Мишка Исаевъ съ женою и съ дѣтми, во дв. крестьянинъ Нестерко Степановъ съ женою и съ дѣтми, во дв. крестьянинъ Тимошка Назаровъ съ женою и съ дѣтми, и съ крестьянскими ихъ животы и на ихъ крестьянскихъ усадбахъ, да въ Боровскомъ уѣздѣ въ пустоши (bis) Подрельѣ, что за мужемъ новыя было по дачамъ и по отказнымъ книгамъ, что въ той пустоши помѣсной земли, и мнѣ вдовѣ Прасковѣ тое помѣсную землю роздѣлять пополамъ въ той пустоши Подрельѣ съ нимъ Иваномъ и съ братьями его, которые писаны въ сей записи выше сего. А что взяла я вдова Прасковья усадбу мужа моего Н. С. въ селцѣ Купчининѣ, и ему Ивану съ братьями его вымереть противъ той усадбы мѣрою изъ опчей земли, гдѣ они похотятъ, въ селцѣ Купчининѣ столько жъ мѣрою противъ той мужа моего усадбы и сада и огорода. Да ему жъ Ивану съ братьями его верхней прудъ да что ниже тог пруда прудъ передъ вороты на той жъ вершинѣ вопче. А которые крестьяни въ селцѣ Купчининѣ по договору достались на ихъ жеребья: во дв. Якушка Остаѣевъ да зять его съ женою и съ дѣтми, во дв. Симанко Семеновъ съ женою и съ дѣтми, во дв. Попова съ братомъ Мирошкою съ женами и съ дѣтми, во дв. Авонка Авонасевъ съ женою и съ дѣтми, во дв. Данилко съ братьями съ женами и съ дѣтми, на ихъ крестьянскихъ усадбахъ и съ ихъ крестьянскими животы. И впродъ мнѣ вдовѣ Прасковѣ а тѣхъ крестьянехъ и о достоянномъ помѣсѣ, кое осталось въ Боровскомъ уѣздѣ въ селцѣ Купчининѣ и въ пустоши Подрельѣ, что останца имъ на ихъ жеребей по роздѣлу, и въ иныхъ городехъ великимъ государемъ о тѣхъ помѣсяяхъ не быть челомъ. И принести мнѣ въ Помѣсной приказъ за рукою челобитную въ нынешнемъ въ 200 году сентября въ 30 числѣ, что о тѣхъ крестьянехъ, кои достались на ихъ жеребья, и о достоянныхъ помѣсяяхъ не челобитица, и никакими дѣлы не вчинять. А

буде я вдова Прасковья впрядь о тѣхъ помѣсьяхъ и о крестьянехъ учну бить челомъ, или вымереть противъ тое усадбы своей изъ опчей земли не дамъ, или челобитной въ Помѣсной приказъ за рукою не принесу, или въ чемъ и вдова Прасковья противъ сеи записи, что писано въ сеи записи выше сего, хотя въ маломъ не устою, и на мѣ вдовѣ Прасковѣ взять имъ Ивану и Ѳедоту и Ѳедору и Василью и Алексѣю и Ивану (bis) Скорняковымъ-Писаревымъ и женамъ ихъ и дѣтямъ по сеи записи за неустойку тысячу рублей денегъ, а ся запись и впрядь въ запись. А у сеи записи послуши: Аверкій Ивановъ, Григорей Мухортовъ, Алексѣй Троицковъ, Давыдъ Ларешниковъ, Алексѣй Гладковъ, Ѳедоръ Степановъ. А запись писалъ Ивановскіе площади подъячей столника и полковника стремлиного Иванова поляку Елисеевича Цыклора сотенной Трошка Замощниковъ. Лѣта 7200-гъ году сентября въ 13 день.

На подлинной записи назади пишеть: Къ сеи записи Григорей Никитичъ сынъ Чалычъ вмѣсто сестры своей вдовы Параскови Никиоровской жены Скорнякова-Писарова по еѣ велѣнью р. п. Послухъ Аверка р. п. Послухъ Гринка р. п. Послухъ Алешка р. п. Послухъ Давыдко р. п. Послухъ Алешка р. п. Послухъ Ѳедка р. п.“ (1—2).

VII (31091/14).

Примѣры дачи обводныхъ земель въ помѣстьѣ по подписнымъ челобитнымъ послѣ указа 192 г. ¹⁾:

1. Дяку Кузмѣ Барину дана п. Борисово съ пустошами Текутьевского ст. Зубцовскаго у. 12 апрѣля 192 года.

2. Болрину князю Алексѣю Андреевичу Голицыну земля и лѣсъ въ Арзамасѣ отказана 14 сентября 197 года.

3. Болрину князю Ивану Борисовичу Репину дана пустошь Лычнина съ пустошами Щитовскаго ст. Боронскаго у. 18 марта 198 года.

4. Болрину князю Якову Никитичу Одоевскому дана пустошь Смолино Большаго Микулина стана Коломенскаго уѣзда 26 ноября 199 года.

5. Гарасиму Дмитріеву Хомутову отказана пустошь Теринино съ пустошами Бохова ст. Московскаго у. 17 марта 199 года.

6. Приказу Большаго Дворца подъячему Василью Пестереву дана до валовыхъ писцовъ пустошь Максимкина въ 199 году.

¹⁾ Ср. *Неволина*, IV, 234—235.

7. Думному дьяку Автамону Ивановичу Иванову дана п. Марцова съ пустошами Гуской в. Владимірскаго у. въ 200 г.

8. Окольничему Андрею Артемоновичу Матѣеву дана пустошь Куземьяна съ пустошами Дубровскаго ст. Муромскаго у. въ 200 г.

9. Окольничему Федору Тихоновичу Зыкову дана до валовыхъ писцовъ пустошь Татарникова съ пустошами Игоцскаго ст. Звенигородскаго у. въ 200 г.

10. Князю Ивану Борисовичу Репнину даны до валовыхъ писцовъ луга въ Переяславль-Залѣсскомъ уѣздѣ въ 200 г.

11. Стольнику князю Михаилу Володимирову Долгоруково отказаны пустошь Меново съ пустошами Боровскаго у. 19 мая 200 года.

12. Остафью Павлову Дурново дана пустошь Бохтеярово Гуской в. Володимирскаго у. 6 июля 200 года.

13. Стольнику Ивану Большому Васильеву Дашкову отказаны сѣнные покосы въ Московскомъ у. въ 201 г.

14. Окольничему Михаилу Тимофеевичу Лихачову даны росчистныя земли и сѣнные покосы въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ.

15. Окольничему князю Михаилу Андреевичу Волконскому дана пустошь Тетеряникова съ пустошами Крутинской в. Коломенскаго у. 2 октября 204 года (4—11).

16. Стольнику князю Андрею Иванову Роннину дана пустошь Ендовище Товаровскаго стану Мало-Ярославецкаго у. 31 октября 204 года (13—14).

Послѣдней датѣ и посвящено настоящее дѣло.

Любопытенъ и не вопедшій въ П. С. З. указъ отъ 22 сентября 202 года:

„По указу в. г.—рей московскихъ всякихъ чиновъ людей, которые учнутъ приносить въ Помѣсной приказъ челобитные подписные и безъ подписи думныхъ дьяковъ объ обводныхъ земляхъ въ Московскомъ уѣздѣ и въ городѣхъ, Помѣсного приказу дьякомъ и подъячимъ съ сего ихъ в. г.—рей указу не принимать и на нихъ не подписывать и обводныхъ земель опричь бояръ и ближнихъ людей безъ именного ихъ в. г.—рей указу не давать. А которые люди учнутъ приносить въ Помѣсной приказъ о такихъ обводныхъ земляхъ подписные челобитные за помѣтами думныхъ дьяковъ, и по такимъ челобитнымъ дьякомъ и подъячимъ докладывать б. П. В. Шереметева съ товарищи. А безъ вѣдома сво б. П. В. такихъ челобитенъ дьякомъ и подъячимъ не принимать и выписокъ о такихъ земляхъ не помѣчать. А которые обводныя земли въ Московскомъ уѣздѣ и въ городехъ кому даны до

сего ихъ в. г—рей указу опречь бояръ и ближнихъ людей со 192-г году, и тѣ выписки собравъ снести въ вотчинной столъ сего жъ числа. А которымъ людямъ велено по именному ихъ в. г—рей указу дать такіе обводные земли и у кого выписаны противъ чლობитья всякихъ чиновъ людей выписки о такихъ обводныхъ земляхъ до сего ихъ в. г—рей указу, и иъ тѣ выписки подписывать ихъ в. г—рей указу. 192-г году, каковъ состоялся о такихъ обводныхъ земляхъ. И написать въ наказѣ валовымъ писдомъ, что такихъ обводныхъ земель никому не давать. А не списавъ того ихъ в. г—рей указу выписокъ о такихъ земляхъ не выписывать. А тотъ в. г—рей указъ приказалъ записать б. П. В. Шерметевъ. Закрѣпиль дьякъ Дмитрей Федоровъ“ (12—13).

VIII (31091/10).

„Списокъ зъ закладной слово въ слово. Се язъ Якимъ Ивановъ сынъ Родащевъ зговорилъ я Якимъ внуку свою девицу Овдотью Дементьеву дочь Унковскаго за Ивана Петрова сына Гурьева. А за приданое я Екимъ за внукою своєю Овдотью заложилъ ¹⁾ выслуженую свою вотчину въ Оболенскомъ у. половина селца Горнова съ пустоши во 600 рубляхъ у зятя своего у И. П. сына Гурьева до сроку 147-аго году генваря по 16-ое число. А въ томъ селцѣ крестьянъ: во дв. Кондрашко Миклтинъ съ пасынкомъ съ Поромошкомъ, во дв. Фомка Никифоровъ съ сыномъ своимъ съ Иванкомъ, во дв. Ивашко Филеповъ, во дв.ко Ондроновъ сыномъ, во дв. Аресейко Кузминъ племянникъ. Да къ тому жъ полусолцу Горнову съ пустоши, чѣмъ я Екимъ пожалованъ. А въ дачехъ того полуселца съ пустоши 90 четвертей и со всѣми угодьями, и по писцовымъ книгамъ и по старымъ можемъ, чѣмъ я Екимъ владѣлъ. А та моя вотчина родителямъ моимъ не отдана и не продана никому и въ монастырь по душѣ никому не отдана. А кто въ ту вотчину выслуженую учнетъ вступатца съ стороны, или положить на неѣ купчую крепость, и мнѣ Екиму та своя вотчина очищать и убытка Ивана никакова не довести. А не выкуплю я Екимъ тое своей вотчины выслуженой у Ив. Гурьева на тотъ срокъ 147-аго году генваря по 16-ое число, и ся закладная на ту мою выслуженую вотчину и купчей. А будетъ племянники мои Патай да Пвалъ Родницовы похо-

¹⁾ Обходъ стѣпенительныхъ условій распоряженія вотчинами по пожалованнымъ грамотамъ? Ср. Невольны, IV, 170.

тять тоє мою вотчину выкупати, имъ дать Ив. Гурьеву за приданое за внукою моею 600 рублевъ денегъ, а вотчина имъ взять. А будетъ волею Божію внуки моеи Овдотьи случивша смерть, а детей у еѣ не оставеца, и та мол приданая вотчина полселца Горнова со крестьяны и съ пустошии и со всѣми угодыи по старымъ межамъ и по писцовымъ книгамъ по прежнимъ взять мнѣ Екиму. А будетъ волею Божію случивша смерть И. П. сыну Гурьеву, а детей у него не останеца, и отцу ево Петру и братьемъ не вступаца въ ту вотчину. А будетъ послѣ смерти сына своего я Петръ учну въ ту вотчину вступаца, или за внукою своею въ приданое не отдамъ, толко у Ивана со внукою моею съ Овдотьею детей не будетъ, и мнѣ Екиму взять на немъ Петръ и внукъ моеи Овдотѣ 600 рублевъ денегъ. А на то послуши: Меркулой Ильинъ да Иванъ Ивановъ сынъ Карцовъ да Богданъ Онисимовъ сынъ Новогороцовъ. А запись писалъ Ивановскіе шлощади Сенка Елисеевъ. Лѣта 7147-г году генваря въ 14 день. А подлинной на[за]ди нишетъ: Къ сей закладной записи Сава Микулинъ въ Екимова мѣста Родищева по ево вѣдѣнью р. п. Послухъ Меркулка и р. п. Послухъ Ивашко р. п. Послухъ Богданко р. п.* (2—4).

Приговоръ: „202-г марта въ 14 день по указу в. г-рей б. П. В. Шереметевъ съ товарищи, слушавъ сего дѣла, приговорили Ивановъ вотчиннѣ Гурьева по закладной и по дачемъ 151-г и 181-г и 196-г году быть за столники за кн. Микитю да за кн. Андреемъ Ивановичи Репниними. А Данилу Гурьеву зъ братьями отъ той вотчины отказать для того: та вотчина явилася за б. за кн. Борисомъ Александровичемъ Репнинимъ по закладной ¹⁾ отца ихъ Ивана Гурьева“ (15—16) ²⁾.

Челобитная: „Бьютъ чоломъ... Данилко, Ивашко, Мешка Ивановы дѣти Гурьевы. Въ прошломъ во 147 году заложилъ и просрочилъ отцу нашему Е. П. сынъ Родищевъ выслуженую свою вотчину въ Оболенскомъ у. половина солца Горнова съ пустошии съ четвертною пашною и со всѣми угодыи по писцовымъ книгамъ и по старымъ межамъ и по своему владѣнью со крестьяны. А та... закладная для береженья послѣ отца нашего лежала многіе годы у родственника нашего въ Суздальскомъ уѣздѣ у Данила Иванова сына

¹⁾ Отъ 1 июня 151 году за 600 же рублей (13). Въ 181 г. вотчиннѣ и поштыи Бориса дали сыну сго Ивану борприну же, а въ 196 г. дѣтели его Никитѣ и Андрею (15).

²⁾ Изъ боязни, чтобъ у него не отняли вотчиннѣ?

Гурьева, потому что мы... послѣ отца своего остались въ малыхъ лѣтахъ. И нынѣ тою закладною онъ родственникѣ нашѣ намъ выдалъ. И та вотчина за отцомъ нашимъ и за нами... по той закладной не записана¹⁾..... Велите, государи, тою вотчину отца нашего по закладной записать за нами" (1). На оборотѣ подпись Михаила Гурьева за себя и за братьевъ и помѣта: „202-г марта въ 2 д. Выписать“.

IX (31074/10).

„И въ прошломъ въ 206 г. генваря въ 12 день по указу в. г-ря по помѣтѣ на выписи д. д. А. П. Иванова Липинѣ вотчинѣ Кирсановы дочери Пулягина Григорьевы жены Ползикова по дагѣ и по отказнымъ книгамъ 199 г. велѣно быть за сестрою ея родною Матреною Захарьевою женою Шадѣва. А купчею съ Аннину, что она тою вотчину продала подъячему [Мастерской палаты] Микиоору Протопопову, отставить потому: тою купчею спорила она Матрена и называла составною. Писана де безъ вѣдома сестры ея. А сестра де ея той вотчины никому не продаывала. И писана де та купчая до смерти сестры ея за три недѣли. А сестра де ея была безъ языка до смерти за 10 недѣли. И руку къ той купчей запрещенной погъ, а къ челобитной и къ допросу свойственники мужа ея Григорья Ползикова руку прикладывали безъ вѣдома сестры ея. И въ томъ по приговору б. П. В. Шереметева съ товарищи была у нихъ очная ставка и о запрещеніи того поа съ Патріаршимъ приказомъ ссылались памяти. А на очной ставкѣ онъ подъячей М. Протопоповъ противъ ея Матренины допросу, какъ та купчая писана и допросъ былъ, сестра ея была безъ языка, оправданія себѣ не сказалъ. А про поа, что былъ запрещенъ, сказалъ внятно, такъ и про ручники Евсѣвья Бехтѣва и Ивана Терехова, что они продавицину мужу свойственники, оправданія себѣ не сказали жо. А по справкѣ съ патріаршимъ приказомъ тотъ погъ явился въ воровствѣ и въ бесчинствѣ и былъ подъ началомъ и отлученъ отъ церкви. А какъ онъ исъ подъ начала свободенъ, того въ Патріаршѣ приказѣ не сыскано. И сказывалъ онъ погъ самъ о себѣ, что ему у той церкви велѣно быть по прежнему. А для чего де о томъ указу въ Патріаршѣ приказѣ нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ. Да и того въ Патріаршѣ приказѣ, какъ справлялись исъ Помѣстнаго жъ приказу, такимъ запрещеннымъ понамъ къ купчимъ

¹⁾ Не смотря на помѣту о запискѣ отъ 18 генваря 147 года, такъ какъ Иванъ пошлѣлъ по платилъ (11).

руки прикладывать и тѣмъ купчинѣ вѣрить велено ль, такихъ дѣлъ и указовъ не сыскано. Да и въ Помѣсномъ приказѣ по указу в. г-ря по боярскому приговору по дѣлу Якова Тишкова съ Федоромъ Масловымъ вдовино помѣсье у Федора Маслова взято и отдано Якову Тишкову, а ему Федору отказано, и дача ево и допросъ отставлена для того, что вмѣсто вдовы шуринѣ ево Алексѣй Олсуфьевъ р. п. Да и потому тое купчую отставить: писана во 197 г. августа 15 числомъ въ день Успенія Пр. Бог., а въ Помѣсномъ приказѣ явлена въ 16 числѣ въ день Всемил. Спаса Нер. Образа. И то знатно, что дѣлано задними числами для того: въ тѣхъ числахъ въ такіе великіе праздники судьи въ приказѣ не сидятъ. Да и сидѣть судьямъ было невозможно потому: того году августа противъ 8 числа ему в. г-рю и матерѣ ево г-вой в. г-нѣ ц. и в. кн. Наталія Кириловнѣ и сестрѣ ево г-вѣ в. г. ц-нѣ Наталія Алексѣевнѣ учинился такой скорой необычной походъ отъ измѣнниковъ Федки Шахловитова со единомышленники, которые умышляли на нхъ государское здоровье смертное убійство. И были въ томъ походѣ съ того 8-го числа октября по 1 число 198-г году. И былъ въ томъ походѣ розыскъ, многіе казнены. А б. кн. Н. Б. Троеуровъ съ товарищи, которой вѣдалъ Помѣсной приказъ, въ тѣхъ числахъ былъ въ томъ же походѣ. А безъ него дьякомъ не только что въ такіе господскіе праздники купчие принимать, и въ прочіе дни, чтобъ имъ во время того походу въ приказѣ сидѣть, указу не было. И той купчей, хотя бы она была и пряма, принимать и записывать не довелось. И дать ей Матрѣнѣ на тое вотчину отказная грамота. А въ денгахъ подъячому Микнеору Протопонову зъ Григорьемъ Ползиковымъ ибдатца въ Судномъ приказѣ" (20—26).

X (31109/1).

„Выпись ¹⁾ съ книгъ Алексинскаго уѣзду Бобашинскаго стану писма и мѣры Елизаря Ржевскаго съ товарищи ²⁾ лѣта 7093-г году.

Написано въ Бобашинскомъ стану:

Села Боршиска на рѣчкѣ на Носочнѣ, а въ немъ церковь Покровъ Пресвятыи Богородицы. Да теплый церковь страстотерпецъ Христонъ Георгійей. Да церковь свитыи мученицы Параскеи. Деревяныи кѣтки.

¹⁾ 7190 г.

²⁾ Писца до снхъ имя не извѣстны.

Да въ селѣ Боршовки нашии церковныя 12 четвертей. Да въ Хотелининской пустоши, Солаповская тожъ, 10 ч. И всего нашии церковныя 22 ч. въ поли, а въ дву потомужъ. Сѣна 50 к. на рѣкѣ на Упѣ. Лѣсу паненного 3 дес., а непаненного тожъ.

Въ томъ же селѣ Баршовки за помѣшники за Оендрикомъ да за Оедоромъ Оедоронами дѣтми Дьякова двороу крестьянскихъ: по дв. Левка Паомомъ, во дв. Насонка Паомомъ, во дв. Климъ Осиповъ, во дв. Осипъ да Сергѣй Минины, во дв. Маликъ Бурцовъ, во дв. Агъферъ да Шестакъ Климовы. Нашии паханья добрыя земля 105 ч. въ поли, а въ дву патамужъ; сѣна по обѣ стороны рѣчки Песочни и до устья Нивсы по Упѣ рѣкѣ до Попона дугу 4 дес., сѣна косить 50 к., лѣсу къ усадишу 12 дес., да вверхъ по рѣчки по Песочни да д. Камаревки по первой верхъ, которой впалъ въ рѣчку Песочино выше Казюлиной поляны изъ лѣсу, направъ покосы и лѣсъ Оендрика да Оедора Дьяковыхъ, а налѣвъ д. Комаревка, да сверхъ верха тако пряма къ Бабошинскому къ полю возлѣ лѣсъ да верхъ Столповскова, по праву усадиша и лѣсъ Оендрика да Оедора Дьяковыхъ, а по лѣву земля и покосы села Бабошина, да отъ верхъ верха пряма подлѣ лѣсъ до верха, которой вышелъ изъ Баршовской задворнице и впалъ въ Столповской верхъ выше д. Столповки, по праву усадиша и лѣсъ Оендрика да Оедора Дьяковыхъ, а по лѣву земля и покосы села Бабошина д. Столповки, да чересъ тотъ верхъ прямо подлѣ лѣсъ до дороги, которая изъ Боршовки мимо Столповку къ Павшину, по праву лѣсъ и усадиша Оендрика да Оедора Дьяковыхъ, а по лѣву земля и покосы д. Столпова, да отъ той дороги прямо подлѣ лѣсъ къ Столповскому колодезю, на которомъ сидитъ д. Столповка, по праву усадиша и лѣсъ Оендрика да Оедора Дьяковыхъ, а по лѣву земля и полосы д. Столповки.

Да Оендрику да Оедору жъ Дьяковымъ лухъ Князьской, кой на Упѣ рѣкѣ противъ Повининской слободы, къ селу Баршовки 5 дес., сѣна становитца по 40 к. Да къ тому жъ лугу лѣсу непашенного болота къ рѣкѣ къ Упѣ 10 дес. Да имъ же лѣсъ сѣчь хороминой и древанной въ Болномъ въ Поверскомъ лѣсу за д. за Лашечю да за д. за Сласниковаю и за д-ми за Верхними и за Нижними Брусамы и за Камаревкаю на Мелцовѣ колодизѣ въ Болномъ лѣсу.

Д. Бздихина поляна, а въ ней двороу крестьянскихъ: во дв. Никонъ да Холя Дарошны, во дв. Алексѣй Васильевъ, во дв. Оедоръ Юшинъ да Иванъ Дорошинъ, во дв. Курбатъ Дарошинъ, во дв. Ивакъ да Тимоха Шманькины, во дв. Истома Душачка, во дв. Мои-

сей Слѣднѣвъ; пашни паханыя добрыя земли 67 ч. съ осминою въ поля, а въ дву потомужъ; лѣсу ненашенного болота къ рѣкѣ къ Угѣ 7 дес. Да имъ же сѣчь лѣсъ за д-ми за Верхними и за Нижними Брусамн и за Камаревкою на Малцовѣ колодезѣ въ Болшомъ лѣсу.

II. Хотелинская, Солаповская тожъ, на Хотелинскомъ колодези, пашни паханые добрыя земли 27 ч. съ осминою да перелогу 25 ч. съ осминою въ поля, а въ дву потому жъ, сѣна 30 к., лѣсу пашенного 7 дес., а непашенного тожъ.

II всего въ селѣ и въ деревни и въ пустоши пашни паханыя добрыя земли 200 ч. да перелогу 25 ч. и всего пашни и перелогу 225 четвертей ¹⁾, за Федоромъ 100 ч. Да за нимъ же П. Казановская, пашни и перелогомъ 150 ч. въ поля, а въ дву потому жъ, сѣна 100 к.

А у подлинной выписи приписъ дѣлякъ Василья Тслептнева. А сирава у выписи подъячего Горделъ Бобанна“ (11—15).

Сергій Шумановъ.

¹⁾ Съ осминою?

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Всеволодъ Чешкииъ. Исторія русской оперы (съ 1674 по 1903 г.). Второе, исправленное и значительно дополненное изданіе. Составность издателя П. Юргенсона. Москва, 1905. 8°. 8 кнум.—688 стр.

Внушительный по своимъ размѣрамъ трудъ г. Чешихина представляеть собой, какъ это видно изъ приложеннаго въ нему заглавнаго листа-проспекта, лишь первый томъ задуманной имъ „Исторіи русской музыки съ древнѣйшихъ временъ по 1903 годъ и позже, въ эволюціи родовъ музыкальнаго творчества“. Второй (оиде не появившійся въ печати) томъ долженъ заключать „Исторію остальныхъ родовъ свѣтской музыки“, а оба вмѣстѣ составлять „Исторію свѣтской музыки“, которая, вмѣстѣ съ третьимъ томомъ, посвященнымъ „Исторіи духовной музыки“, войдетъ въ первый раздѣлъ проектируемаго г. Чешихинимъ монументальнаго (по размѣрамъ) труда, содержащій въ себѣ „Исторію русской вокальной музыки“.

Четвертый томъ имѣеть вмѣстятъ „Раздѣлъ II. Исторію русской инструментальной (также балетной) музыки“; въ пятomъ найдетъ себѣ мѣсто „Раздѣлъ III. Исторія русской музыкальной науки и критики, а также (?) русскаго музыкально-авторскаго права“, и, наконецъ, шестой томъ составитъ дополненіе: „Исторія русской музыки съ 1904 г. по годъ изданія дополнительнаго тома“.

Такимъ образомъ передъ нами первый томъ колоссальнаго труда, задуманнаго г. Чешихинимъ, которому, очевидно, не давали спать лавры знаменитаго нѣмецкаго историка музыки Амброса, автора тоже монументальной, но оставшейся несоконченной многотомной „Исторіи музыки“. По этому тому можно судить и о дальнѣйшихъ частяхъ названнаго труда, буде таковыя появятся. Въ ожиданіи ихъ выхода въ свѣтъ не будемъ, однако, входить въ разборъ намѣченнаго авто-

ромъ плана, противъ деталей котораго, конечно, нашлось бы что возразить (при осуществленіи онъ легко можетъ подвергнуться разнымъ измѣненіямъ), и остановимся лишь на первомъ, увидѣвшемъ уже свѣтъ, томѣ.

Какъ видно изъ проспекта, авторъ лежащаго предъ нами труда имѣеть цѣлью дать въ немъ исторію оперы „въ эволюціи“ этого „рода музыкальнаго творчества“, выступая такимъ образомъ въ отвѣтственной роли историка искусства, а не безхитростнаго лѣтописца или каталогизатора. Поэтому и критикъ этого труда имѣеть право примѣнить въ данномъ случаѣ болѣе строгую мѣрку и болѣе высокія требованія.

Мы въ правѣ требовать отъ каждаго историка искусства прежде всего хорошаго знакомства по крайней мѣрѣ съ главными основаніями техники даннаго искусства. Едва ли можно представить себѣ историка живописи или скульптуры, незнакомаго съ основами анатоміи, рисунка, воздушной перспективы, техники масляныхъ или акварельныхъ красокъ и т. п. Точно также историкъ музыки долженъ быть основательно знакомъ не только съ основами гармоніи, но и съ контрапунктомъ, ученіемъ о формѣ и инструментальной. Иначе, какъ будетъ онъ въ состояніи изобразить „эволюцію“ даннаго рода музыкальнаго творчества, если онъ не можетъ подвергнуть каждое данное музыкальное произведеніе серьезному техническому анализу, безъ котораго, разумѣется, и историко-эстетическая оцѣнка его неминуемо будетъ лишена какихъ бы то ни было конкретныхъ реальныхъ точекъ опоры. Тѣмъ болѣе необходима такая специальная техническая подготовка для историка музыки—искусства, въ которомъ форма и содержаніе, какъ ни въ одномъ другомъ искусствѣ, сливаются особенно тѣсно въ одно неразрывное цѣлое.

Но однихъ специальныхъ познаній въ технику даннаго искусства еще мало для его историка. Мало быть хорошимъ музыкантомъ для того, чтобы стать и музыкальнымъ историкомъ. На западѣ, особенно въ Германіи—странѣ величайшихъ композиторовъ и лучшихъ музыкальныхъ теоретиковъ и историковъ, исторія музыки уже давно приняла опредѣленный характеръ вполне научной дисциплины, занимающей далеко не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ филологическихъ дисциплинъ, расцвѣтшихъ на плодотворной, вѣковой культурной почвѣ этой передовой въ столькихъ отрасляхъ науки страны. Въ роли историковъ музыки мы нрѣдко видимъ здѣсь настоящихъ ученыхъ филологовъ, мастеровъ филологической эрудици и филологическаго ме-

тогда, какими были в свое время известный профессор классической филологии Отто Янг, автор образцовой биографии Моцарта, или Рудольф Вестфаль, известный эллинист, знаток древне-греческой музыки и античной метрики вообще, автор замечательной работы о музыкальной ритмикѣ, или бывший профессор Йенского университета Рохусъ Лиліенкронъ, автор обширныхъ работъ по исторіи нѣмецкой пѣсни и церковной музыки и др., не говоря уже о болѣе узкихъ специалистахъ—профессиональныхъ историкахъ музыки, въ родѣ Кризандера (биографа Генделя), Спитта (биографа Баха), Флейшера, Римапа, Кречмара, Зандбергера, Истеля и мн. др., которые получили болѣе или менѣе систематическое университетское историко-филологическое образование и въ своихъ музыкально-историческихъ изслѣдованіяхъ послѣдовательно и сознательно примѣнили историко-филологическій научный методъ. Многие изъ нихъ, наряду съ представителями другихъ историко-филологическихъ наукъ, занимали и теперь занимаютъ профессорскія кафедры исторіи музыки на философскихъ факультетахъ нѣмецкихъ университетовъ. Одинъ изъ выше названныхъ историковъ музыки, Р. Лиліонкронъ, является также сотрудникомъ известнаго коллективнаго научнаго труда „Grundriss der germanischen Philologie“, редактируемаго знаменитымъ филологомъ, проф. Г. Паулемъ, въ которомъ особый отдѣлъ отведенъ исторіи нѣмецкой музыки. Кромѣ специальныхъ музыкальныхъ познаній и историко-филологическаго метода, отъ историка музыки мы въ правѣ требовать и общаго эстетическаго образованія и развитія, безъ котораго немыслима правильная критическая оцѣнка разсматриваемыхъ имъ явленій искусства.

Къ сожалѣнію, трудъ г. Чешихина краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что автору его перечисленные выше свойства и данныя исторіи музыки присущи лишь въ очень слабой мѣрѣ, другими словами, что выше поверхностнаго дилеттантизма, свойственнаго какому-нибудь провинціальному музыкальному фельетонисту, онъ подняться не въ состояніи.

О степени музыкально-теоретическаго образованія автора свидѣтельствуетъ рядъ курьезныхъ утвержденій и промаховъ, невозможныхъ со стороны сколько-нибудь образованнаго музыканта. Такъ, на стр. 11 г. Чешихинъ рекомендуетъ „всякому образованному музыканту“ статью на ту „старую точку зрѣнія“, которую въ концѣ XVIII в. нашему совсѣмъ не музыкальному Карамзину изложила въ парижской оперѣ одна француженка, утверждавшая, что у Глюка надо цѣнить „дра-

матически-выразительную гармонию" (между тѣмъ какъ Глюкъ вовсе не былъ выдающимся гармонистомъ, и выразительность его драматической музыки достигалась менѣе всего средствами гармоніи), а у Пиччини — „обворожительную мелодію“. Удивительнымъ также разсужденіемъ автора (стр. 16—17) о теоретической основѣ русской народной мелодіи, которыми авторъ съ легкимъ сердцемъ отклоняетъ результаты ученыхъ изслѣдованій П. П. Сокальского, находившаго въ древнѣйшей русской гѣсивѣ пятитонную китайскую гамму, и др. При этомъ главнымъ аргументомъ противъ паличности такъ называемой китайской гаммы въ русской народной музыкѣ г. Чешихину служитъ то обстоятельство, что Веберъ воспользовался „китайской гаммой“ (слѣдовало бы сказать: „китайской мелодіей“) въ увертюрѣ „Турандотъ“ лишь „съ цѣлью комическаго эффекта“ (логика!). „Доказавъ“ такимъ способомъ несостоятельность теоріи Сокальского, нашъ авторъ принимаетъ давно уже устарѣвшую и сдвинную въ архивъ „теорію“ Сѣрова, имѣющую де не только „серьезныя практическія удобства“ (?!), но и „огромное музыкальное прошедшее“ (?!), въ дѣйствительности же просто болѣе легкую и доступную пониманію музыкальнаго дилеттанта....

Не менѣе удивительно утвержденіе, что „куплетная музыка“ нашихъ оперъ XVIII в. „принадлежитъ скорѣе къ типу декламационной (!), чѣмъ мелодической оперы“, такъ какъ „куплетъ болѣе говорится, чѣмъ поется“ (! стр. 75). На стр. 102 мы узнаемъ, что ребячскій по своей техникѣ Верстовскій, кое какъ усвоившій себѣ рутинную дилеттантскую гармоническую фактуру итальяно-европейскаго склада, въ дѣйствительности писалъ не въ обычномъ европеекомъ мажорѣ, а въ средневѣковомъ іонійскомъ „звукорядѣ“ (слѣдовало бы „ладѣ“, но г. Чешихинъ даже прямо къ одному мѣстѣ утверждаетъ, что „звукорядъ“ и „ладъ“ синонимы!), обрабатывая его (легко сказать!) по основнымъ и простѣйшимъ правиламъ „строгаго стиля“ (!). На стр. 134—135 авторъ приписываетъ уже Глюкѣ употребленіе Вагнероваго „лейтмотива“, смѣшивая такимъ образомъ строго различаемыя самими вагнеріанцами понятія „реминисценціи“ и „лейтмотива“. На стр. 137 утверждается, что дорійскій ладъ A dur лишь въ нѣкоторыхъ нотахъ „тождественъ“ съ тональностями h-moll или H-dur баховской системы. Слѣдуя этому принципу, легко „отождествить“ тональности G-dur или G-moll съ C-dur, или F-dur и F-moll съ C-dur, такъ какъ „тождественныхъ“ нотъ тутъ будетъ еще больше, чѣмъ у A-dur съ H-dur! На этой же страницѣ г. Чешихинъ поучаетъ чи-

тателя, что въ народномъ русскомъ контрапунктѣ (?) *cantus firmus* называется „запѣвкой“ (1), а имитациа—подголосками (?). Тутъ же мы узнаемъ, что Глинка обработывалъ свои „народныя мелодіи со всѣми тонкостями контрапункта и имитациа“, чѣмъ неподготовленному читателю дается поводъ думать, что имитациа есть нѣчто отдѣльное и самостоятельное, а не одна изъ формъ контрапункта. Но говоримъ уже о томъ, что у Глинки, не шедшаго дальше прогрѣвншихъ формъ двойного контрапункта, напрасно было бы искать „всѣхъ тонкостей“ контрапункта, т. е. тѣхъ многочисленныхъ схоластическихъ ухищреній, которыми такъ богата контрапунктическая техника. На стр. 229 инструментовка „Ратклифа“ Кюи характеризуется, какъ „разработанная по шумановски, полифонически (?), съ преобладаніемъ среднихъ голосовъ“ (т. е.?). Авторъ, повидимому, смѣшалъ здѣсь инструментовку съ гармонизаціей, приписывая приемы шумановской гармонизаціи (дѣйствительно нерѣдко съ преобладаніемъ хроматическаго движенія въ среднихъ голосахъ) его инструментовкѣ, которая совсѣмъ не имѣетъ особо „полифоническаго“ характера и скорѣе страдаетъ обратнымъ недостаткомъ, а именно слишкомъ частой дублировкой инструментальныхъ голосовъ, влекущей за собой тяжеловѣсность и сбрую однотонности оркестроваго колорита, свойственную Шуману. Съ другой стороны нельзя даже представить себѣ „гомофоническую“ оркестровку, и можно противопоставить лишь вообще гомофоническое письмо полифоническому. На стр. 233 дается такая ничего не говорящая характеристика гармонической техники Кюи въ „Ратклифѣ“: „въ каждомъ тактѣ—какой-нибудь гармоническій пиворть, въ видѣ ряда задержаній, предъемовъ, проходныхъ, вспомоательныхъ и перемѣнныхъ нотъ (точно ихъ нѣтъ у другихъ композиторовъ, въ томъ числѣ у такихъ безспорныхъ классиковъ, какъ Бахъ! С. Б.), энгармоническихъ модуляцій, смѣшанныхъ (?) аккордовъ и т. д.“. Тутъ же обнаруживается элементарное гармоническое невѣжество автора, удивляющагося тому, что „въ предпоследнемъ доминантовомъ септ-аккордѣ всей оперы („Ратклифа“ Кюи), кончающейся въ тональности *Des-dur*, Кюи, вмѣсто доминанты „as“, даетъ задержаніе „b“ (Г. Чешихину всадѣ мерещатся „задержанія“!), которос разрываетъ иъ „as“, измѣняя самую гармонию (?)—а именно въ „as“ тонического трезвучія (*des-f-as*)“. На дѣлѣ никакого доминантсептаккорда въ этомъ мѣстѣ у Кюи нѣтъ, также какъ нѣтъ ни задержаній, ни „измѣненія самой гармониі“ (какой?), а имѣется самый обыкновенный, знакомый каждому мало малъски занимавшемуся гармоніей музыканту, побочный септак-

кордъ седьмой ступени (с-es-ges-b), съ тонной des въ басу, въ качествѣ органнаго пункта, разрѣшающійся совершенно нормально, безъ всякихъ „задержаній“ и „измѣненій“ гармоніи, въ тоническое трезвучіе des-f-as.

Съ гармонической техникой вообще и гармонической техникой Кюн въ частности г. Чешихинъ плохо знакомъ, полагая (стр. 233), что „гармоническія штучки“ ¹⁾ Кюн принадлежать къ образчикамъ „ученой (?) какофоніи“, одобряемой де „теоріей гармоніи“ (это у автодиакта и натуралиста Кюн!), но къ сожалѣнію не провѣренной композиторомъ „на слухъ, на фортепіано“. Это утвержденіе тѣмъ болѣе страшно, что всего лишь на предшествующей страницѣ г. Чешихинъ цитируетъ письмо Чайковского, гдѣ покойный композиторъ, со словъ самого Кюн, сообщаетъ, что послѣдній не можетъ сочинять иначе, какъ „подырывая и подыскивая на фортепіано мелодіи, снабженныя аккордиками“. Приведа это мѣсто, свидѣтельствующее скорѣе о теоретической безпомощности названнаго талантливаго композитора, отнюдь не принадлежащаго къ категоріи „ученыхъ“ музыкантовъ, г. Чешихинъ уже на слѣдующей страницѣ совершенно забываетъ о томъ, что сказанномъ и принимается упрекать г. Кюн въ томъ, что онъ сочиняетъ „по теоріи“ и напрасно не провѣряетъ своихъ „штучекъ“ на фортепіано! Самый упрекъ въ отсутствіи „провѣрки за фортепіано“, дѣлаемый Кюн, въ высшей степени характеренъ, какъ показатель освѣдомленности г. Чешихина въ вопросахъ музыкальной теоріи и практической композиціи. Чтѣ бы сказалъ г. Чешихинъ о композиторахъ въ родѣ Баха, Гайдна, Моцарта, глухого Бетховена, Сенъ-Санса, Шумана и мн. др., которые имѣли дурную привычку сочинять безъ помощи фортепіано! На стр. 235 выше „Ратклифа“ Кюн ставится (въ смыслѣ гармоническаго письма) позднѣйшая опера того же композитора „Анжело“ (какъ разъ гораздо болѣе рискованная въ этомъ отношеніи), въ которой де композиторъ „не зализалъ (?!) своихъ музыкальныхъ картинъ обиліемъ искусственныхъ, гармоническихъ диссонансовъ“ (очевидно, г. Чешихину извѣстны еще „естественные“ и притомъ „не гармоническія“ диссонансы! По говоримъ уже о странности „зализыванія“ музыкальныхъ картинъ при помощи диссонансовъ!). На стр. 243 нашъ историкъ оперы увѣряетъ, что Римскій-Корсаковъ, „выйдя изъ подъ ферулы „кучки“, сталъ культивировать „деймотивъ“ (не со-

¹⁾ Ниже мы приведемъ еще нѣсколько образчиковъ стилистической развязности г. Чешихина, отъымающейся дурнымъ тономъ провинціального фельетониста.

всѣмъ-то такъ!) и слѣдовать приемамъ вагнеровской оркестровки^а (1). Достаточно этой фразы, чтобы видѣть, что г. Чешихинъ не имѣетъ никакого представленія объ оркестровкѣ вообще, если способенъ считать подражателемъ Вагнеровской оркестровки Римскаго-Корсакова, наиболѣе сильную сторону котораго, какъ композитора, составляетъ необыкновенная изобрѣтательность и оригинальность инструментовки, основанной именно на совершенно иномъ художественномъ и техническомъ принципѣ, чѣмъ принципъ Вагнеровской оркестровки. На стр. 379 г. Чешихинъ, очевидно желая сдѣлать большой комплиментъ А. Рубинштейну, находитъ, что названный композиторъ въ своихъ „Маккавейскъ“ воспользовался темою „субботней пѣсни“ съ такимъ же мастерствомъ, какъ Мейерберъ въ „Гугенотахъ“ — мотивомъ лютеранскаго хора. Г. Чешихинъ, очевидно, и не подозреваетъ, что о „мастерствѣ“ Мейербера здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Чтобы не быть голословнымъ, позволю себѣ указать лишь на компетентныя замѣчанія Роберта Шумана, который все-таки кое-что смыслилъ въ контрапунктѣ и музыкѣ вообще („Fragmente aus Leipzig“ въ его *Gesammelte Schriften*, т. I, Lpzg, 1875, стр. 324 — 25). По словамъ Шумана, увертюра къ „Гугенотамъ“ возмущаетъ слушателя „своимъ до смѣшнаго плоскимъ святошествомъ (ihrer lächerlich-gemeinen Heiligkeit)“, а контрапунктическая обработка хора „Eine feste Burg“, носить вполнѣ ученическій характеръ. „Если бы ученикъ принесъ мнѣ такой контрапунктъ, говоритъ Шуманъ, я въ лучшемъ случаѣ попросилъ бы его на будущее время не дѣлать хуже этого“. Эстетическую и драматическую дѣльность „мастерского“ пользованія названнымъ хоромъ Шуманъ характеризуетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Какъ разсчитанно-плоско (überlegt-schaal), какъ обдуманно-поверхностно (besonnen-oberflächlich), чтобы и чернь могла замѣтить, какъ топорно (grobschmiedmässig) это вѣчное крикливое вмѣшательство (Hineinschreien) Марсела: „Eine feste Burg“ и т. д. У всякаго свой вкусъ, конечно, но, думается, и Шуманъ не былъ лишень ни музыкальнаго вкуса, ни теоретическихъ знаній. Мы по крайней мѣрѣ позволяемъ себѣ думать, что ого мнѣніе о „мастерскомъ“ употребленіи Мейерберомъ названнаго выше хора ближе къ истинѣ, чѣмъ мнѣніе г. Чешихина.

На стр. 425 (и въ другихъ мѣстахъ) нашъ авторъ говоритъ о какомъ-то „сложномъ контрапунктѣ“, совершенство въ которомъ „придаетъ такой захватывающій интересъ оркестровымъ партитурамъ музыкальныхъ драмъ Рихарда Вагнера“. Повидимому, зпитеть „слож-

ный" явился здѣсь у г. Чешихина не проста, а какъ бы въ противоположность „простому“ контрапункту, который, очевидно, представлялся нашему автору „проще“ „сложнаго“. Образованный музыкантъ сказалъ бы просто „совершенство въ контрапунктѣ“, но г. Чешихину этого показалось мало, и онъ счелъ нужнымъ добавить еще эпитетъ: „въ *сложномъ* контрапунктѣ“... На стр. 444 авторъ находитъ, что гармонизація въ оперѣ Римскаго-Корсакова „Кащей“ является „самой слабой частью“ (sic!) оперы, при чемъ въ ней даже „кое гдѣ чувствуется „кустарный“ (?) пріемъ, вмѣсто виртуознаго музыкальнаго мастерства“. Что г. Чешихинъ разумѣетъ здѣсь подъ „кустарнымъ пріемомъ“ гармонизаціи, онъ, вѣроятно, и самъ себѣ ясно не представляетъ, но говорить о слабости гармонизаціи Римскаго-Корсакова въ „Кащей“, гдѣ композиторъ (вообще превосходный гармонизаторъ) блещетъ рядомъ совершенно новыхъ и оригинальныхъ гармоническихъ оборотовъ, имъ и другими раньше никогда не примѣнявшихся, можетъ только полный невѣжда по части гармоніи. Тутъ же находимъ такое курьезное сравненіе „гармонической жесткости“ у Вагнера съ одной стороны и у Римскаго-Корсакова съ другой: „жесткость у Вагнера, съ одной стороны, національна (германецъ мужественнѣе и, вообще, грубѣе славянина), а съ другой она есть результатъ сложной контрапунктической работы надъ лейтмотивами (только?), особенно появляющимися одновременно или почти одновременно; гармоническія же жесткости Корсакова не оправдываются ни его націонализмомъ (!), ни его лейтмотивнымъ контрапунктомъ (?), который все еще несравненно проще валтеровскаго“. Очевидно, г. Чешихинъ полагаетъ, что гармоническія жесткости могутъ возникать только въ контрапунктическомъ письмѣ и притомъ лишь въ „сложныхъ“ контрапунктическихъ сочетаніяхъ!

На стр. 461 находимъ удивительное для образованнаго музыканта противоположеніе полифонической разработки контрапунктической. Здѣсь узнаемъ, что „полифоническая разработка произведеній г. Направника нѣсколько весьма хороша, что же касается отдѣлки контрапунктической, то къ ней композиторъ не чувствуетъ большой склонности, несмотря на свои прекрасныя теоретическія знанія“. Какъ это г. Направникъ могъ обходиться безъ контрапункта при „полифонической разработкѣ“ своихъ произведеній, это секретъ г. Чешихина, и едва ли такіе его комплименты по поводу „прекрасныхъ теоретическихъ знаній“ и „весьма хорошей полифонической разработки“ могли доставить названному композитору особое удовольствіе. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 491) г. Чешихинъ почему-то противопоставляетъ „полифонию“ та-

ланту, указывая, что пресловутая „Забава Путятишна“ Иванова „написана въ широкихъ старыхъ музыкальныхъ формахъ, не безъ таланта, однако и не безъ полифоніи, указывающей на серьезныя стремленія композитора“ (!!). Что хочеть сказать этимъ г. Чешихинъ? То ли, что обыкновенно пишутъ безъ таланта, но съ „полифоніей“, или съ талантомъ, но безъ „полифоніи“, и только г. Иванову удалось совмѣстить и „талантъ“, и „полифонию“? Во всякомъ случаѣ это не рѣчь серьезнаго историка искусства и образованнаго музыканта!

На стр. 510 — новый курьезъ: разбирая „Алеко“ Рахманинова, г. Чешихинъ находитъ, что „въ оркестровомъ аккомпаниментѣ этой оперы есть тематическая разработка“. Очевидно, нашъ историкъ оперы полагаетъ, что въ вокальныхъ партіяхъ такой разработки не можетъ быть, и такимъ образомъ обнаруживаетъ отсутствіе сколько-нибудь яснаго представленія о томъ, что называется тематической разработкой.

Число подобныхъ примѣровъ музыкальной учености г. Чешихина можно было бы увеличить и еще, но и приведеннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы иллюстрировать крайнюю скудость музыкально-теоретическаго образованія нашего доморощеннаго Амброса. Какъ видно, дальше усвоенія нѣсколькихъ музыкально-теоретическихъ терминовъ и ихъ случайнаго примѣненія вкривь и вкосъ г. Чешихинъ не пошелъ. Дать сколько-нибудь удовлетворительный техничeskій анализъ формальной стороны русской оперы онъ поэтому совершенно не въ состояніи, а потому и поставленная имъ собѣ задача представить „эволюцію“ этого „рода творчества“, очевидно, не могла быть имъ удовлетворительно выполнена.

Но, быть можетъ, ему удалось дать историко-культурное изслѣдованіе и удовлетворительно изобразить хотя бы вѣдшнюю исторію русской оперы, показавъ вмѣстѣ съ тѣмъ ея отношеніе къ исторіи европейской оперы, что такъ естественно, въ виду безусловно иноземнаго происхожденія этого рода музыкальныхъ произведеній у насъ на Руси? Къ сожалѣнію, какъ мы сейчасъ увидимъ, п съ этой стороны книга г. Чешихина не удовлетворяетъ сколько-нибудь серьезнымъ требованіямъ. Прежде всего она обща музыкально-историческая подготовка носить столь же поверхностный, дилеттантскій характеръ, какъ и его музыкально-теоретическое образованіе. Введенію къ книгѣ г. Чешихина обнаруживаетъ это самымъ очевиднымъ образомъ. Оно открывается такимъ претенціознымъ, но едва ли доказуемымъ

афоризмомъ: „искусство слова — искусство античной древности; искусство звука — искусство христіанскаго средневѣковья“ (стр. 7). Авторъ, однако, пытается его доказать. По его словамъ, „люди положительныя, привыкшіе довольствоваться заботами и мыслями о реальныхъ благахъ жизни, не любятъ музыка“ и удовлетворяютъ свои эстетическія потребности однимъ искусствомъ слова, „т. е. литературой и поэзіей“, которыя почему-то здѣсь раздѣляются другъ отъ друга. Въ доказательство приводятся „не музыкальныя, уравновѣшенные рьялисты (?) эллипы“, которые, благодаря сплону реализму и позитивизму, оказались способными лишь въ драмѣ и трагедіи и, „допуская участіе музыкальныхъ инструментовъ въ скандированіи стиховъ со сцены“¹⁾, создали лишь что-то въ родѣ мелодрамы и мелотрагедіи, по не оперу. Такимъ образомъ г. Чешихинъ игнорируетъ всѣ многочисленныя свидѣтельства о той большой роли, какую играла музыка у древнихъ „реалистовъ“ эллиновъ, въ лучшемъ случаѣ употреблявшихъ музыкальные инструменты будто бы лишь для скандирования стиховъ со сцены!..

Въ утѣшеніе эллипамъ, нашъ авторъ, однако, приписываетъ имъ честь созданія „опернаго текста, либретто“, что довольно неожиданно въ виду только что сдѣланнаго имъ вывода, что у грековъ оперы не было. Другая неожиданность заключается въ томъ, что, благодаря послѣднему утвержденію, знаменитые греческіе драматурги, въ родѣ Эсхила, Эврипида и Софокла, ставятся на одну доску съ Метастазіо, да Понте, Скрибомъ, вплоть до другихъ присяжныхъ либреттистовъ, въ родѣ нашихъ барона Розова, Аверкіева, Куликова и т. д.! Хорошо утѣшеніе, нечего сказать!

Только христіанство, по г. Чошихину, „отыслокло людей отъ земли“ и однимъ изъ средствъ этого отвлоченія избрало музыку, которой реалисты и язычники эллипы не знали. Нашъ „историкъ музыки“, какъ видно, и не подозреваетъ что между языческой античной музыкой и мало отъ нея отличающейся древне-христіанской музыкой имѣется тѣсная преемственная связь, какъ это дѣлаетъ вѣроятнымъ Гевартъ въ его извѣстныхъ трудахъ: „La mélodie antique dans le chant de l'église latine“ и „Histoire et théorie de la musique de l'antiquité“. Такимъ образомъ ни о какомъ разрывѣ между античной музыкой и древ-

¹⁾ Какъ это музыкальные инструменты ухитрились скандировать стихи — это секретъ г. Чешихина, извѣщаго, очевидно, очень смутное представленіе о древнегреческой музыкѣ.

ней христіанской не можетъ быть и рѣчи: исторія искусства, какъ и исторія вообще, не знаетъ рѣзкихъ переходовъ и совсѣмъ неподготовленныхъ переворотовъ.

Религіозная меланхолія христіанства, развиваясь далѣе свою мысль нашъ авторъ, нуждалась въ музыкѣ, которая и была разработана „въ типичнѣ средневѣковыхъ монастырей и цркви“. „Но то же христіанство вскорѣ обнаружило аскетическое пренебреженіе къ слову и логическому смыслу пѣснопѣній“ и утопило ихъ въ чисто музыкальныхъ излишествахъ и хитросплетеніяхъ „строгаго стиля“ средневѣковаго контрапункта (стр. 8). По этой причинѣ средневѣковый человѣкъ тоже не могъ создать оперы, въ которой слово и звукъ сливаются въ гармоническомъ синтезѣ (въ родѣ того какъ, напримѣръ, въ типичной итальянской виртуозной оперѣ, съ ея безконечными руладами на одной гласной и полнымъ забвеніемъ „логическаго смысла“ поющагося текста!..).

Прочія музыкально-историческія сужденія г. Чехихина, высказываемыя имъ въ его книгѣ, столь же „субъективны“ и мало основательны. Вѣшно эффектный Мейерберъ является у него такимъ же „вѣчнымъ образцомъ для подражанія“ въ дѣлѣ опоры, какъ Моцартъ и Вагнеръ (стр. 10), а Веберъ оказывается (стр. 11) представителемъ „вышше-драматической выразительности“ (?), особенно же во „Фрейшюцѣ“ въ сценѣ въ Волчьей долинѣ, служащей въ дѣйствительности гениальнымъ образчикомъ не столько драматической, сколько вообще изобразительной музыки. О выходящей изъ рѣду вонъ способности Вебера къ превосходной музыкально-драматической характеристикѣ, образцами которой служатъ музыкальные характеры Каспара, Агаты, Анхенъ, Макса, Саміеля (во Фрейшюцѣ), Эглантины и Эврианта (въ „Эвриантѣ“), нашъ историкъ оперы повидимому и не догадывается... Недурно также утвержденіе (стр. 71), что Сартр „по своей ораторной манерѣ“ ближе всего... къ Гонделю (! стр. 71) и т. д.

Не лучше дѣло обстоитъ и въ тѣхъ главахъ, которыя посвящены собственно исторіи русской оперы. Прежде всего авторъ обнаруживаетъ полную безпомощность въ обработкѣ того матеріала (довольно обширнаго, но далеко не полнаго), которымъ онъ располагалъ. Вмѣсто того, чтобы овладѣть своимъ предметомъ и матеріаломъ, нашъ „историкъ“ оперы самъ очутился въ полной власти послѣдняго. Трудно представить себѣ болѣе механическое, болѣе нескладное расположеніе матеріала, лишенное какой бы то ни было внутренней стройности и системы. Самый выборъ фактическаго матеріала у г. Чехихина осно-

ванъ верѣдко на чисто формальныхъ, механическихъ принципахъ. Такъ, напримѣръ, авторъ вводитъ въ свою исторію *русской оперы* рядъ композиторовъ, писавшихъ оперы на *иностранныхъ* либретто и ставившихъ ихъ *въ Россіи*, и дѣлаетъ это на томъ только основаніи, что они русскіе подданные. Въслѣдствіе этого у него идутъ рѣчь о польскихъ оперныхъ композиторахъ: Каминскомъ (стр. 74), Курпийскомъ (стр. 113—114), Монюшкѣ (стр. 200—202), Гроссманнъ (стр. 370), Минхгеймеръ (стр. 373—74), Бородничъ (стр. 512), опера котораго „Король Лиръ“, на *нѣмецкомъ* либретто никогда не исполнялась не только въ Россіи, но и въ Польшѣ, Желенскомъ (стр. 512), Надеревскомъ (стр. 518—19) и т. д., главная художественная дѣятельность которыхъ протекала большею частью даже внѣ официальныхъ границъ русскаго государства и не имѣла никакого значенія для исторіи русскаго искусства и русской оперы. Столько же правъ имѣють на упоминаніе въ исторіи *русской оперы* и нѣмцы-композиторы: Бредрихъ (стр. 512), опера котораго исполнялась только въ Германіи, и Э. Мертке (стр. 517), авторъ трехъ нѣмецкихъ оперъ, состоявшій еще съ 1869 г. преподавателемъ *жельмской консерваторіи*. Съ другой стороны въ ряду этихъ „композиторовъ-инородцевъ“ (подлинный терминъ автора!), писавшихъ на „иностранныя“ либретто, значатся и такіе „инородцы“, какъ *Николай Андреевичъ Волковъ-Арсъ*, авторъ мадороссійской оперы „Катерина“, и извѣстный малорусскій композиторъ и музыкальный этнографъ, *Николай Виталиевичъ Лысенко*, наряду съ „русскими евреями“ Гольдфаденомъ, Льву и Лютгартеномъ, авторами нѣсколькихъ *soi-disant* оперъ на „нѣмецко-еврейскомъ жаргонѣ“, которые попали тоже въ число русскихъ оперныхъ композиторовъ, очевидно въ силу своего русскаго подданства. Зато А. Г. Рубинштейнъ то фигурируетъ въ спискѣ русскихъ композиторовъ, рядомъ со Ляновымъ и Струйскимъ (стр. 197), Бородинимъ и Чайковскимъ (стр. 260 и слѣд.), то зачисляется въ списоки „композиторовъ-инородцевъ“ (точное выраженіе автора и въ данномъ случаѣ) на томъ основаніи, что свои оперы „Дѣти степей“ и „Фераморстъ“ написалъ на нѣмецкія либретто (стр. 203, 374 и сл.) и т. д. Уже одна эта необходимость считать Рубинштейна то національнымъ русскимъ композиторомъ, то инородцемъ, должна была бы показать г. Чошихину ошибочность его принципа, но такіа логическія неловкости, очевидно, мало его смущаютъ...

Нельзя не подивиться также странной мысли автора разсматривать въ исторіи русской оперы и такіа произведенія, какъ музыка Глинки

къ драмѣ Кукольника „Князь Холмскій“, Чайковского къ „Сибгурочкѣ“ Островскаго и „Гамлету“ Шекспира, его же увертюра къ „Грозѣ“ Островскаго (единственный № изъ никогда не написанной „оперы“!) или музыка Калинникова къ „Царю Борису“ А. Толстого и Кленовскаго къ драмамъ „Мессалина“, „Звѣзда Сенильи“, „Антоній и Клеопатра“ и т. д. На стр. 467 авторъ прямо такъ и говоритъ: „видное мѣсто въ *оперномъ* творчествѣ Направника занимаетъ его музыка къ драматической поэмѣ „Донъ-Жуанъ“ графа А. К. Толстого“, а на слѣдующей страницѣ читаемъ, что „эта музыка, какъ и „Франческа да Римини“, — удачнѣйшія *оперныя* композиціи Направника“. Г. Чошихинъ разсматриваетъ эти музыкальныя иллюстраціи къ различнымъ драмамъ въ исторіи оперы, повидимому, на томъ чисто внѣшнемъ и потому крайне шаткомъ основаніи, что среди музыкальныхъ номеровъ, написанныхъ къ той или другой драматической пьесѣ, встрѣчаются и вокальныя. Но вѣдь „опера“ есть совершенно опредѣленная форма композиціи, эволюцію которой въ Россіи задумалъ изобразить нашъ авторъ? Между тѣмъ что же специфическія опернаго въ смыслѣ формы можно найти въ музыкѣ Глинки къ „Холмскому“ (не говоримъ уже о музыкѣ Калинникова къ „Борису“, состоящей *исключительно* изъ однихъ симфоническихъ номеровъ: увертюры, антрактовъ и двухъ шестивей)? Если въ исторію *оперы* включить такіа сплошь инструментальныя сочиненія, какъ музыка Калинникова къ „Борису“, или увертюра Чайковского къ „Грозѣ“, то зачѣмъ тогда дѣлать исключенія для „Раймонды“ Глазунова, „Лебединого озера“ Чайковского и т. п. балетовъ, которые все же стоятъ ближе къ оперѣ, чѣмъ Калинниковскій „Борисъ“, представляя связную музыкальную иллюстрацію сценическаго дѣйствія, тогда какъ увертюра и антракты къ какой-нибудь драмѣ столь же мало иллюстрируютъ это дѣйствіе, какъ и любое симфоническое произведеніе на драматическій сюжетъ, въ родѣ „Гамлета“ Листа, „Манфреда“ Чайковского и т. п. Если чисто симфоническіе номера къ какой-нибудь драмѣ считать музыкой оперной, то отчего не зачислить въ „оперы“ и другія симфоническія произведенія на драматическіе сюжеты, въ родѣ увертюры Чайковского къ „Ромео и Джульеттѣ“ Шекспира или его же „Бури“, у Чошихина опущенныхъ? Полагаемъ, что гораздо правильнѣе было бы чисто инструментальныя иллюстраціи къ сценическимъ произведеніямъ, въ родѣ увертюры и антрактовъ Глинки къ „Холмскому“, разсматривать вмѣстѣ съ балетами въ исторіи симфонической музыки, а случайныя вокальныя номера—въ соответствующихъ отдѣлахъ

исторіи вокальной музыки. Увертюра Бетховена къ „Эгмонту“, конечно, есть чисто симфоническая музыка, и ни одинъ европейскій историкъ музыки не станетъ говорить о ней въ исторіи оперы, а его же пѣсня Клерхенъ изъ той же драмы ничѣмъ не отлѣчается отъ другихъ пѣсней великаго композитора и должна найти себѣ мѣсто въ исторіи нѣмецкой пѣсни, но никакъ не въ исторіи нѣмецкой оперы.

Совсѣмъ лишнимъ балластомъ въ исторіи оперы являются біографическія данныя, которыя у г. Чешихина постоянно перебиваютъ изложеніе. Какое отношеніе собственно къ исторіи русской оперы имѣютъ сообщаемыя нашимъ авторомъ описанія наружности того или другого русскаго опернаго композитора, въ родѣ того, что основатель русскаго театра Волковъ „физіономію имѣлъ важную, глаза быстрые, каріе“ и т. д. (стр. 61), а у Сѣрова „черты лица были довольно пріятельны, но на нихъ лежала какал-то печать сухой суровости и раздражительности, что въ особенноти выражалось въ холодномъ, проницательномъ взглядѣ сѣрыхъ его глазъ, въ блѣдно-желтомъ цвѣтѣ его лица, въ какъ бы судорожно сжатыхъ зубахъ“ и т. д.? (стр. 165). Такія подробности сообщаются и о композиторахъ, которые писали не одни оперы (напр., о Львовѣ, стр. 196—97, Даргомыжскомъ, стр. 155, Мусоргскомъ, стр. 244; Римскій-Корсаковъ, Кюв, Рубинштейнъ и др. этой чести, однако, почему-то не удостоились), и потому должны упоминаться и въ другихъ отдѣлахъ проектируемой г. Чешихинымъ монументальной исторіи русской музыки. Совершенно лишними являются біографическія свѣдѣнія и о такихъ оперныхъ „либреттистахъ“, какъ Я. П. Полонскій, П. А. Висковатовъ, В. П. Буренинъ (стр. 396—97) или А. П. Островскій, о которомъ между прочимъ зачѣмъ-то сообщается, что московская дума устроила въ Москвѣ читальню его имени (стр. 204). Всѣ нужныя біографическія свѣдѣнія могли бы найти себѣ мѣсто въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ или въ особыхъ біографическихъ дополненіяхъ къ связанному историческому изложенію предмета. Въ томъ же видѣ, какъ мы находимъ ихъ у г. Чешихина, они только способствуютъ усугубленію того хаотическаго впечатлѣнія, которое отъ книги производитъ на читателя, вопреки всѣмъ пожеланіямъ автора къ чисто внѣшнему и формальному систематизму.

Вообще лишняго балласту въ книгѣ г. Чешихина не мало. Такъ въ первой главѣ много лишняго, относящагося къ исторіи русскаго театра вообще, а не специально къ оперѣ. Между прочимъ на стр. 41 сообщается довольно подробно о нѣмецкой группѣ нѣкоего Майна,

игравшей въ Петербургѣ въ 1723 г., хотя, по словамъ самого нашего историка, „въ точности неизвѣстно, входили ли въ репертуаръ Маина оперы“ (!); на стр. 84—85 сообщаются біографическія свѣдѣнія о декораторѣ конца XVIII в. Гонзаго, и приводится большая цитата изъ „Писемъ къ другу“ Глинки, описывающая одну изъ декорацій названнаго художника, который, „надо думать, сталились и на представленіяхъ оперъ“ (!). На стр. 129—30 зачѣмъ-то перечисляются и подробно описываются каррикатуры Н. А. Степанова на М. И. Глинку. На стр. 207 приводится подробное описаніе одного изъ очевидцевъ пожара Большаго Петровскаго театра въ Москвѣ въ 1853 г., гдѣ упоминается даже о судьбѣ чугунныхъ колоннъ, поддерживавшихъ ложи бельэтажа, концы которыхъ расплавились де отъ жара и превратились въ безобразныя комы и т. д. Совсѣмъ постороннимъ придаткомъ является перепечатанная зачѣмъ-то цѣликомъ въ концѣ книги журнальная статья г. Чешихина „Вагнеръ, какъ драматургъ“, которую авторъ снабжаетъ такимъ довольно неуклюжимъ оправданіемъ: „Я полагаю, что русскій меломанъ не посѣтуетъ на меня за это необходимое (?) интермеццо“ (!). За нею неожиданно слѣдуютъ пространныя жалобы на отсутствіе у насъ „министерства изящныхъ искусствъ“ и „Императорской академіи литературы и музыки“, музыкальныхъ сѣздовъ и оперныхъ конкурсовъ, недостаточное количество Императорскихъ театровъ, на эксплуататоровъ и недобросовѣстныхъ оперныхъ антрепренеровъ, на отсутствіе хорошихъ оперныхъ школъ и учителей пѣнія, а также и столкновѣ „съ графинюмъ чистой прокляпченной водки“ въ театрахъ, на взиманіе въ нихъ платы за храненіе платья и афиши, на запрещеніе оперныхъ спектаклей въ посту, на плохой репертуаръ антрактной музыки въ драматическихъ театрахъ и т. д. и т. д., все очень пространно, вездѣшнво, съ цитатами изъ Бѣлинскаго и Островскаго и совсѣмъ не къ дѣлу. Все это, выстѣ съ многорѣчивостью, даже болтливостью автора, только увеличиваетъ ненужнымъ образомъ размѣры книги, въ которой тѣмъ не менѣе мы не находимъ настоящей исторіи русской оперы ни съ историко-культурной, ни съ музыкально-формальной точки зрѣнія.

Какъ мы уже указали выше, распредѣленіе матеріала въ книгѣ г. Чешихина имѣетъ чисто внѣшній, механический характеръ. Хотя авторъ и пытается на стр. 19 установить извѣстные періоды въ исторіи русской оперы, но все же это дѣленіе на періоды приурочено нерѣдко къ совершенно внѣшнимъ датамъ и не всегда имѣетъ внутреннее, дѣйствительно историческое оправданіе. Авторъ, указывая на

кардинальное значеніе М. И. Глинка для исторіи русской оперы, правильно выдѣляетъ періодъ подражательный, тянущійся отъ первыхъ представленій полуопернаго характера при дворѣ царя Алексѣя Михайловича до „Аскольдовой могилы“ Верстовскаго включительно. Этотъ до-глиннинскій періодъ подраздѣляется затѣмъ на два періода: съ 1674 по 1800 и съ 1800 по 1835 (годъ постановки „Аскольдовой могилы“). Почему гранью между однимъ періодомъ и другимъ здѣсь выбранъ 1800 г., совсѣмъ не ясно. Самъ авторъ этого выбора нигдѣ не мотивируетъ и, повидямому, ириурочилъ свое дѣленіе просто къ концу XVIII в. и началу XIX (и то не совсѣмъ точно, такъ какъ гранью между этими двумя вѣками служить не 1800, а 1801 годъ). Кромѣ того никакого особаго перелома въ исторіи нашей оперы въ 1800 или 1801 г. еще не замѣчается, и даже оперы Кавоса (начинають ставиться позже, съ 1804 г.) не представляютъ никакого замѣтнаго принципиальнаго шага впередъ, сравнительно съ лучшими операми XVIII в. разныхъ другихъ европейскихъ композиторовъ, писавшихъ для Петербурга (Сарти, Мартини, Паэзіелло). Произведенія же русскихъ оперныхъ композиторовъ XVIII в. (Фомина, Пашкевича и бр. Титовыхъ) переходятъ изъ XVIII в. и въ XIX, причемъ никакой особой разницы между ихъ произведеніями, относящимися къ XVIII в. и къ началу XIX в., не замѣчается.

Если уже подраздѣлять этотъ подготовительный, до-глиннинскій періодъ, то, разумѣется, слѣдовало бы отграничить эпоху чисто подготовительную и никакихъ національныхъ теченій не обнаруживающую ¹⁾ отъ того времени, когда начинаютъ появляться первые оперные опыты русскихъ композиторовъ на русскіе тексты, опыты, представлявшіе наибѣрнее и первымъ пополаповиціи къ русскому національному стилю въ музыкѣ. Правда, мы не знаемъ точно этого послѣдняго времени ²⁾, но уже безошибочно можемъ вести начало національной русской оперы съ „Анюты“ Фомина, исполненной впервые въ 1772 г. Такимъ обра-

¹⁾ Разныя „дѣйства“ времени Алексѣя Михайловича, водевиль и зингшпиль забѣжныхъ нѣмецкихъ артистовъ въ царствованіе Петра I, „комедіи на музыкѣ“ и „интермедіи“ итальянской труппы Анны Іоанновны и т. д., вѣдутъ до оперъ Арапи и другихъ европейцевъ, переведенныхъ на русскій языкъ, включительно.

²⁾ Возможно, что проблески русскаго національнаго элемента попадались уже въ такихъ произведеніяхъ, какъ исполнявшася на придворной сценѣ въ 40 г. XVIII в. „комедія на музыкѣ“ Кошачева „Храбрый и сильный богатырь Сила Боборъ“, или въ „Талюшѣ“ Волкова, поставленной будто бы въ 1756 г., но подлежащей вообще известному сомнѣнію.

вомъ получились бы два періода: 1) простая пересадка европейской оперы или родственныхъ ей формъ на русскую почву (1674—1772) и 2) подготовительный національный, предшественниковъ Глинки отъ Фомина до Верстовскаго включительно. Несомнѣнно подобное дѣленіе до-глинкинскаго періода имѣетъ за себя больше историческихъ основаній, чѣмъ предлагаемое г. Чюнихинимъ. Затѣмъ у г. Чюнихина слѣдуетъ періодъ, открывающійся дѣятельностью Глинки и тянущійся съ 1836 г. („Жизнь за Царя“) по 1872 г. (годъ постановленія „Каменнаго Гостя“ Даргомыжскаго) ¹⁾. Къ этому же періоду авторъ относитъ дѣятельность Даргомыжскаго и Сѣрова. Съ 1872 г. начинается четвертый періодъ декламационной оперы „кучкитовъ“ и мелодической оперы Чайковскаго, продолжающійся до смерти послѣдняго, т. е. до 1893 г., съ котораго уже авторъ ведетъ начало пятого, новѣйшаго періода въ исторіи русской оперы.

Съ этимъ дѣленіемъ, однако, также довольно трудно согласиться. Намъ думается, что дѣятельность Глинки, въ виду ея основного значенія въ исторіи русской оперы, слѣдовало бы выдѣлить совсѣмъ особо, а съ „Русалки“ Даргомыжскаго (1856 г.), въ которой подхвачена нить развитія, оставленная Глинкой, и сплота съ новыми элементами (мелодическимъ речитативомъ и выразительной декламацией), развивавшимся дагдѣ самимъ Даргомыжскимъ („Каменный Гость“) и позднѣйшими композиторами-продолжателями Глинки, — начать новый послѣглинкинскій періодъ, продолжающійся и понынѣ. Подраздѣлять этотъ періодъ нѣтъ никакихъ особыхъ основаній, и дѣлать какой либо хронологической гранью смерть Чайковскаго (чистаго электика въ оперѣ, не вносящаго въ развитіе формы и содержанія русской оперы никакихъ принципиально новыхъ элементовъ) совсѣмъ не приходится. Въ сущности и Даргомыжскій, и Сѣровъ, и вся „могучая кучка“ съ Чайковскимъ и ихъ позднѣйшими отпрысками (Аренскій, Гречаниновъ, Казаченко, Корещенко и др.), всѣ такъ или иначе, болѣе или менѣе, съ меньшимъ или большимъ талантомъ и самостоятельностью стояли на базисѣ, заложенномъ Глинкой, и продолжали дальнѣйшее развитіе тѣхъ или другихъ элементовъ, впервые созданныхъ или лишь намѣченныхъ великимъ творцомъ русской національной музыки и оперы. Такимъ образомъ существенныхъ основаній для подраздѣленія этого послѣ-глинкинскаго періода въ исторіи нашей оперы нѣтъ, и на обязанности историка лежало бы лишь точно и

¹⁾ На стр. 126, однако, крайней датой этого періода почему-то считается 1871 г.

опредѣленно разграничить разныя одновременныя теченія, наблюдающіяся въ теченіе этого промежутка времени. Вести начало „декламационной“ оперы съ „Каменнаго Гостя“, какъ дѣлаетъ г. Чешихинъ, нѣтъ особыхъ основаній уже потому, что новая свободная драматическая форма русской оперы съ преобладаніемъ аріозно-речитативнаго элемента сказалась вполнѣ опредѣленно уже въ болѣе раннемъ „Ратлифѣ“ Кюв (1869), писавшемся одновременно съ „Каменнымъ Гостемъ“, но поставленномъ раньше послѣдняго.

Но если бы мы и согласились съ дѣленіемъ исторіи русской оперы на періоды, принятымъ г. Чешихинымъ, все же нельзя не признать, что и въ предѣлахъ этихъ рамокъ расположенію матеріала нѣтъ у него чисто внѣшній, механическій характеръ. Авторъ дѣлаетъ свою задачу очень легкой и обыкновенно ограничивается перечисленіемъ композиторовъ въ алфавитномъ порядкѣ. Такъ, поговоривъ объ Арабѣ, авторъ безъ дальнѣйшихъ околнчностей объщаетъ просто „перечислить“: 1) всѣхъ композиторовъ русскихъ и иностранныхъ, которые писали музыку на оригинальные тексты русскихъ либреттистовъ, 2) русскихъ подданныхъ, писавшихъ оперы на иностранныя тексты, и 3) иностранныхъ композиторовъ, оперы которыхъ ставились у насъ въ русскомъ переводѣ. Объщаніе это неже приводится въ исполненіе, причемъ г. Чешихинъ оставляетъ въ сторонѣ иностранныя оперы, исполнявшіяся у насъ на иностранныхъ языкахъ, относя ихъ къ исторіи европейской оперы, что, конечно, правильно, если предметомъ разбираемой книги считать исторію русской *національной* оперы; но тогда въ ней не должно быть мѣста не только Мертве, Бредриху, Курнинскому, Желенскому и т. п., но и какимъ бы то ни было иностраннымъ операми, исполнявшимся на русскомъ языкѣ.

Нечего доказывать всю механичность практикуемаго г. Чешихинымъ приема алфавитныхъ перечисленій, отдающаго канцеляріей. Исторія искусства вовсе не канцелярскій отчетъ какого-то паспортнаго бюро, а между тѣмъ приемы г. Чешихина напоминаютъ какъ разъ такой отчетъ даже канцелярской терминологіей. То и дѣло употребляется выраженіе „отчетный періодъ“, о композиторахъ наводятся справки, въ какомъ подданствѣ они состоятъ, имъ водуются алфавитные синскы и т. д. Вся книга пестритъ такими выраженіями: „перейдемъ теперь къ опернымъ зданіямъ *отчетнаго періода*“... (стр. 77); „изъ композиторовъ-янородцевъ (!) *отчетнаго періода* долженъ быть упомянуть Курнинскій“ (стр. 113); „уже въ *отчетномъ періодѣ* 1800—1835 г....“ (стр. 115); „теперь объ оперныхъ театрахъ *отчет-*

наго періода...“ (стр. 121); „относительно главнѣйшихъ оперныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ *отчетнаго періода*“ (стр. 123); „съ этою оговоркою, приступаю къ самому списку“ (стр. 108); „послѣ этой необходимой оговорки я приступаю къ самому *списку* (1) композиторовъ *отчетнаго періода*, писавшихъ свои оперы на русскія національныя либретто“ (стр. 184) ¹⁾; „А. Г. Рубинштейнъ принадлежитъ къ композиторамъ-инородцамъ *отчетнаго періода*, какъ авторъ оперъ на нѣмецкія либретто“ (стр. 203); „вотъ алфавитный списокъ композиторовъ *отчетнаго періода*, писавшихъ оперы на оригинальныя русскія либретто“ (стр. 357); „остальныхъ оперныхъ композиторовъ, писавшихъ оперы на русскія либретто, я группирую въ нижеслѣдующемъ алфавитномъ порядкѣ“ (стр. 478) и т. д. Авторъ облегчаетъ собѣ задачу изложенія при помощи и другихъ, не менѣе павныхъ и стереотипныхъ выѣпныхъ пріемовъ, превращающихся въ настоящей шаблонъ, въ родѣ слѣдующихъ: „перейдемъ теперь въ театральнымъ опернымъ зданіямъ“ (стр. 77); „теперь о пѣвцахъ XVIII вѣка“ (стр. 89); „теперь—нѣсколько словъ объ оперныхъ школахъ второй половины XVIII в.“ (стр. 85); „теперь упомяну о современникахъ Кавоса и Варстовскаго“ (стр. 108); „теперь о С. И. Таявѣвѣ, какъ оперномъ композиторѣ“ (стр. 455) и т. д. и т. д.

Уже однихъ этихъ формальныхъ особенностей достаточно для того, чтобы убѣдиться, что книга г. Чехихина не есть стройное, органически развивающееся по извѣстному опредѣленному плану изслѣдованіе, а весьма неумѣлое и вполне механическое наизываніе разныхъ біографическихъ, хронологическихъ, анекдотическихъ и прочихъ данныхъ въ самомъ поумудромъ порядкѣ, въ лучшемъ случаѣ по хронологической послѣдовательности (для болѣе крупныхъ явленій), а въ худшемъ—просто по алфавиту.

Самый матеріалъ, которымъ располагалъ г. Чехихинъ для своей исторіи русской оперы, отнюдь не можетъ считаться полнымъ и полнымъ. Авторъ ограничивается простою компиляціей наиболѣе доступнаго и общезвѣстнаго печатнаго матеріала, въ родѣ „Русской Музыкальной Газеты“, „Критическихъ статей“ Сѣрова, „Исторіи русскаго театра“ П. О. Морозова, нѣкоторыхъ (далеко не всѣхъ) ста-

¹⁾ Слѣдуетъ алфавитный перечень съ біографическими данными Арнольда, Артемовскаго, Аванасьева, Вернарда, Винабоа, кн. Виземскаго, Дютша, Кажинскаго, Кашперова, Кюи, Львова и т. д.—все оперныхъ композиторовъ самыхъ разнообразныхъ направленій и примыкавшихъ къ различнымъ опредѣленнымъ теченіямъ.

тей изъ „Ежегодника Императорскихъ театровъ“, „Историческаго словаря“ П. И. Новикова, „Историческаго очерка русской оперы“ Моркова, сборника „Музыкальная Старина“ П. Финдлейсна, „Очерковъ изъ исторіи русскаго театра“ П. О. Горбунова, плохой „Иллюстрированной исторіи русскаго театра“ Божерянова и Карпова, „Воспоминаній“ Ю. Арнольда, „Литературныхъ и театральныхъ воспоминаній“ С. Аксакова, русскаго перевода „Музыкальнаго словаря“ Римана, биографіи Чайковскаго, составленной братомъ композитора М. И. Чайковскимъ (особенно щедры цитаты отсюда), „Музыкально-критическихъ статей“ Лароша (изд. Бесселя), нѣкоторыхъ статей въ журналѣ „Артистъ“, „Воспоминаній о Чайковскомъ“ Н. Кашкина, „Извѣстій С.-Пб. общества музыкальныхъ собраній“ и т. д. Но и цитированныя имъ пособія, не говоря о прочихъ существующихъ, использованы не вполне: мы не видимъ нигдѣ, чтобы авторъ пользовался статьями Корзухина о Даргомыжскомъ въ „Артистъ“ 1894 г., Свѣтлова о „Русской оперѣ въ XVIII в.“ (2-я книга приложеній въ Ежегоднику Императорскихъ театровъ 1897—98 гг.), Блоха о Кавосѣ (тамъ же, 1896—97 гг.), Геннади „Библиографическія указанія объ операхъ въ Россіи въ XVIII в.“ („Русская Сцена“ 1865*, № 4, 5), О. Коки „Начало драмы, оперы и балета въ Россіи“ („Пантеонъ“ 1847 г.), „Исторія музыки въ Россіи со времени Петра Великаго“ („Художественная Газета“ 1840), Штелина, „Краткія извѣстія о театральныхъ представленіяхъ въ Россіи“ („С.-Пб. Вѣстникъ“ 1779 г., авг.). Говоря о Сандуковыхъ, авторъ ссылается только на „Русскую поэзію“ Вонгеровъ и совсѣмъ игнорируетъ статьи Опочинина и Сыротинина въ „Истор. Вѣстникъ“ 1889 г., № 9 и 11 и 1890, № 3, и т. д. Авторъ вообще не пользовался театральными и музыкальными обзорными и рецензіями въ нашихъ старыхъ журналахъ, въ родѣ „Пантеона“, „Пантеона и Репертуара“¹⁾, „Отечественныхъ Записокъ“, „Современника“ и т. п., гдѣ немало можно было найти матеріала. Не говоримъ уже о разныхъ мемуарахъ, въ родѣ записокъ и воспоминаній Сегюра, Вигеля, Грибовскаго, Гарновскаго, Болотова, Храповицкаго, Энгельгардта, гр. Комаровскаго и т. д., гдѣ авторъ могъ найти любопытныя отдѣльныя черточки изъ исторіи оперы въ Россіи.

Къ своимъ источникамъ г. Чешингъ относится безъ должной критики и провѣрки, не дѣлая самостоятельныхъ справокъ и дополненій,

¹⁾ Напр. въ этомъ журналѣ были рецензіи на „Эсмеральду“ Даргомыжскаго, „Параму Сибирячку“ Струйскаго и т. п., о которыхъ г. Чешингъ и не упоминаетъ.

кромѣ случайныхъ. Поэтому, напримѣръ, довольно крупныя пропуски въ известномъ спискѣ оперъ, исполнявшихся въ Россіи, В. В. Стасова („Русская Муз. Газета“ 1898), вошли и въ трудъ г. Чешихина. Такъ, хотя въ спискѣ русскихъ оперныхъ композиторовъ у г. Чешихина значатся такіе авторы, какъ Теэлъ (Т. Л.), авторъ безпримѣрной музыкальной чепухи, подъ названіемъ дѣтской оперы „Зайкина невѣста“ (приложеніе къ дѣтскому журналу „Свѣтлячокъ“ за 1903 г.), или Эдуардъ Мертье, авторъ „Сатурнина Византійскаго“ и т. п., но нѣтъ почему-то известнаго композитора времени Александра I, Д. Н. Кашина, „героическая“ опера котораго (на текстъ Глинки) „Ольга Прекрасная“ была поставлена въ Москвѣ въ 1809 г.; за нею слѣдовала другая: „Однѣ сутки царствованія Пурмангалы“ (тамъ же, 1817 г.). О первой изъ нихъ читаемъ въ „Аглаѣ“ 1809 г. (V, февр. 67—69): „надобно слышать музыку нашего *Глука, Пиччини* или *Гретри*... какія трогательныя аріи, какіе прекрасныя дуэты, какіе торжественныя хоры!—и все не перенатое; все ознаменовано чѣмъ-то отечественнымъ, чѣмъ-то русскимъ: *Кашинъ* сочинитель музыки! Талантъ его давно известенъ любителямъ отечественныхъ талантовъ. Русскіе должны гордиться сыномъ строгаго ихъ климата, отличившимся въ пѣжности того чувства, которое принадлежитъ исключительно жителямъ щастливой Италіи! *Ольга Прекрасная* останется навсегда прекрасною отечественною оперою, къ чести русскихъ—поэта и музыканта“. В. Л. Пушкинъ сочинилъ по поводу оперы „экспромптъ“:

О люта болѣзнь! какъ не сказать: печальной?..

И *Ольги* не видахъ *Прекрасной!* (тамъ же).

Другой экспромптъ по поводу этой оперы напечатанъ былъ въ VI части того же журнала за 1809 г. Очевидно, опера нравилась и имѣла успѣхъ, а стало быть заслуживала упоминанія. Между тѣмъ о Кашинѣ и этихъ двухъ его операхъ (ему приписывается и третья: „Паталія боярская дочь“, которая упоминается и какъ опера одного изъ братьевъ Титовыхъ), г. Чешихинъ могъ справиться хотя бы въ известной книгѣ Моркова „Историческій очеркъ русской оперы“ (стр. 58—59) или въ русскомъ переводѣ словаря Рямана, имъ же цитируемыхъ. На стр. 111 показано, что авторомъ музыки къ оперѣ „Старинныя святки“ является Малиновскій, въ дѣйствительности только авторъ либретто; на стр. же 113 и 110 композиторами ея названы С. Н. Титовъ и какой-то Блюмъ (откуда взято г. Чешихинимъ это послѣднее свѣдѣніе, онъ не указываетъ). Годъ и мѣсто ея перваго представленія—Москва, 1809, а не 1813, С.-Пб. (такъ можно поду-

мать по глухому указанію г. Чешихина на стр. 110 и 113, хотя на стр. 111 читаемъ: „Москва, 1809“, но въ примѣненіи въ мнѣической музыкѣ „Малиновскаго“). На 111 стр. среди оперъ Ленгарда не указана „Удача отъ неудачи“, значащаяся въ спискѣ Стасова и въ книгѣ Морцова (стр. 65). На стр. 112—113 опера А. Титова и Княгиня „Нурзахадъ“ фигурируетъ въ видѣ „Нурзадаха“ (согласно съ печаткой въ спискѣ Стасова, которую г. Чешихинъ такъ и не исправилъ). Пропущены совсѣмъ оперы: „Новое семейство“ Вязмитинова, музыка Фройлиха (Морковь, стр. 34; Стасовъ), „Подъячій, неудачливый въ любви“ Нехачина, музыка Пашкевича (Морковь, стр. 35; Стасовъ); „Три свадьбы вдругъ или какъ аукнется, такъ и откликнется“ (Морковь, стр. 35; Стасовъ), „Походъ съ непрѣмныхъ квартиръ“ Аблсимова-Эккеля (Морковь, стр. 36, Стасовъ), „Одинъ или первоначальная любовь“ князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго (Морковь, 44; Стасовъ), „Радость Молдаванъ или побѣда“ Кавоса (Морковь, 48; Стасовъ), „Тамерланъ“ Салиенцы (Морковь, 61; Стасовъ), „Чудаки“ Мейера (Морковь, 61; Стасовъ); опера С. Титова „Посадѣлки“ пропущена въ алфавитномъ указателѣ, хотя приведена въ текстѣ, гдѣ идетъ рѣчь вообще о данномъ композиторѣ (стр. 113); опера А. Титова „Амуръ-судья или споръ трехъ грацій“ (Морковь, 62; Стасовъ) совсѣмъ не упоминается, равно какъ „Домовые“ Краснополскаго, музыка Миллера (Морковь, 63; Стасовъ), „Иванъ-Царевичъ“ Ванжура (Морковь, 65; Стасовъ), „Татьяна прекрасная на Воробьевыхъ горахъ“ А. Титова (Морковь, 90), „Женевьева-Бравайтская“ Шеллера, музыка Шелихова (Морковь, 90; Стасовъ) и т. д.

Изъ русскихъ оперныхъ композиторовъ, среди которыхъ значатся совсѣмъ чуждые Россіи Бородинъ, Мертке, Бредрихи и т. д., пропущены: В. П. Ларионовъ († 1888 въ Саратовѣ), авторъ оперы „Барышня-Крестьянка“ (1872), поставленной въ Петербургѣ, въ 1875 г., на сценѣ клуба художниковъ (см. Новое Время, № 8382), Волина, отрывки изъ оперы которой „Ундина“ исполнялись въ Петербургѣ, въ 1882 г. (см. рецензію К. Галлера, „Новости и Биржевая Газета“ 1882 г., № 33), Е. П. Букке, авторъ оперы „Судьба“ (Москва, театр Солодовникова, 1903 г.), кн. Трубецкой, авторъ оперы „Мелюзина“, шедшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ; Огаревъ, русскій консулъ въ одномъ изъ городовъ Сѣв. Германіи, авторъ двухъ нѣмецкихъ оперъ, шедшихъ на нѣмецкихъ сценахъ и др. Безъ всякаго основанія дилеттантъ-композиторъ 50-хъ гг. XIX в., князь Григорій Вяземскій, авторъ оперы „Чародѣй“ (1855) и „Княгиня Островская“

(ср. „Русск. Вѣдом.“ 1882 г., № 20), отождествленъ съ извѣстнымъ поэтомъ княземъ П. А. Вяземскимъ (стр. 191), чего легко было бы избѣжать, если бы г. Чешихинъ заглянулъ хотя бы въ тому же Моркову, гдѣ значится, что авторомъ музыки къ „Цародѣю“ былъ князь Г. Вяземскій (стр. 120). Композиторъ оперы „Графъ Глейхенъ“ Вальноръ, правильно называемый въ каталогахъ Юргенсона, издателя этой оперы, у г. Чешихина вездѣ (въ текстѣ, стр. 340, и въ указателѣ именъ) превращенъ въ *Вальтера*. Опера его шла въ Казани, въ концѣ 70-хъ г. или началѣ 80-хъ. Говоря о комедіи „Какъ Алаферна царица голову отсѣкла“ (стр. 25—28), авторъ и не подозреваетъ о существованіи изслѣдованія проф. Н. А. Шляпкина, „Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени“ (С.-Пб. 1898), гдѣ напечатанъ единственный дошедшій до насъ, а потому въ высшей степени цѣнный отрывокъ изъ музыки этой первой „русской оперы“. Эта же работа проф. Шляпкина могла бы доставить г. Чешихину кое какія данныя и для того мѣста его книги, гдѣ идетъ рѣчь о „частномъ театрѣ царицы Наталіи“ (стр. 39), а также и нѣкоторые другія данныя къ исторіи русской оперы. На стр. 368 утверждается, что къ сожалѣнію опера „Урсіэль Акоста“ Фамипцины не издана. Можно ли вѣрить г. Чешихину, что въ нашей библиотекѣ нѣтъ клавирнаудругъ этой оперы, изданной въ Петербургѣ у Витнора (Гамбургъ, Ратеръ, 8°, 289 стр.). На стр. 449 А. С. Аренскій значится профессоромъ Петербургской консерваторіи, каковымъ онъ нѣкогда не былъ и т. д. и т. д. Вообще при желаніи можно было бы указать очень много различныхъ библиографическихъ и всякихъ прочихъ пробѣловъ въ книгѣ г. Чешихина, но и приведенныхъ, полагаемъ, достаточно для того, чтобы иллюстрировать то отсутствіе исторической точности и филологической акривіи, которое не позволяетъ считать его книгу удовлетворяющей строгимъ требованіямъ научнаго историко-филологическаго метода, предъявляемымъ ко всякому „изслѣдованію“ въ области исторіи искусства.

Эстетико-критическая оцѣнка разсматриваемыхъ явленій искусства у г. Чешихина стоитъ также, и это вполне понятно послѣ всего вышесказаннаго, на очень невысокомъ уровнѣ. Такъ онъ подхватываетъ нижеслѣдующее неудачное и пристрастное утвержденіе Строва, относящееся къ тому прискорбному періоду упадка названнаго музыкальнаго критика, когда онъ скромно ставилъ себя какъ композитора выше Глинки, симфоніи Шумана и другія его произведенія называть невыносимо бездарными и ничтожными, не признавалъ за Балакиревымъ ком-

позиторскаго дарованія и авторитетно высказывалъ разные другіе подобныя приведеннымъ эстетико-критическіе парадоксы. Именно г. Чешихинъ находитъ „тонкими и дѣльными“ (!) мѣтвія Сѣрова, будто Верстовскій богаче Глинки (!) собственно мелодическимъ изобрѣтеніемъ и „затрагиваетъ такія струны русской души, до которыхъ Глинка не прикасался“. Въ „Камаринской“ Глинки будто бы нѣтъ и тѣни того русскаго юмора, которымъ дышатъ разныя мелодіи „Аскольдовой могилы“, въ родѣ „Заходили чарочки по столику“ и т. д. (стр. 103—105). Попытки Сѣрова коснуться этихъ же „струнъ“ въ нѣснѣ дурака изъ „Рогнѣды“ и нѣкоторыхъ мѣстахъ „Вражьей Силы“, которую мягкій и деликатный Чайковскій называлъ „силошнымъ музыкальнымъ безобразіемъ“, извѣстныя конечно г. Чешихину, должны были бы заставить его осторожнѣе относиться къ весьма рискованнымъ эстетико-критическимъ утвержденіямъ названнаго критика-композитора. Но онъ и самъ высказываетъ едва-ли кѣмъ въ настоящее время раздѣляемое мнѣніе, будто „Аскольдова могила“ Верстовскаго „вполнѣ въ состояніи выдержать строгую критику потомства“ (стр. 105). На стр. 109 г. Чешихинъ находитъ, что убогій „Кавказскій пѣвнннъ“ Алябьева не лишень „свѣжести и настроенія“ (!) и былъ бы даже мыслимъ „и на современной сценѣ“ (!). Сюжетъ Державинской оперы „Грозный или Цокореніе Казани“, заимствованный изъ „Россіады“ Хераскова, по мнѣнію нашего историка искусства, настолько эффектенъ, что надо удивляться, „какъ это русскіе оперные композиторы имъ пренебрегаютъ“ (стр. 120). На стр. 359 находимъ сочувственный отзывъ объ оперѣ Липина „Донъ Сезарь де Базанъ“, которая, по мнѣнію г. Чешихина, совсѣмъ не бездарна (какъ полагалъ Чайковскій), а, напротивъ, очень „мелодична“, красива и въ достаточной мѣрѣ талантлива. Вся бѣда въ томъ, утверждаетъ г. Чешихинъ, что Липинъ назвалъ ее „лирической“ и этимъ неволью вызвалъ на невыгодное сравненіе ея съ „Карменъ“ Бизе (почему? развѣ только и есть „лирическихъ“ оперъ, что „Карменъ“?). Вотъ если бы Липинъ догадался назвать ее „комическою“, тогда, конечно, и критики, и самъ Чайковскій остались бы довольны этимъ произведеніемъ и не стали бы предъявлять къ нему ненормально высокихъ требованій! (стр. 359—60). На стр. 447—48 дается довольно таки удивительная характеристика музыкальной индивидуальности Римскаго-Корсакова, слагающейся будто бы „изъ свособразнаго строенія вполнѣ народныхъ мелодій (по глинкавскому приему средновеково-церковныхъ ладовъ), изъ пользованія лейтмотивнымъ контрапунктомъ à la Вагнеръ (не совсѣмъ-то такъ!)... изъ

особенностей инструментовки (каких?) и изъ характерной любви въ древнеязыческому культу свѣтлыхъ божествъ (что же тутъ музыкальнато?)... и вообще въ свѣтлой, мажорной сторонѣ народныхъ русскихъ сказочныхъ преданій (опять тутъ нѣтъ ничего „музыкальнаго“). На стр. 491 авторъ находитъ, что бездарная въ смыслѣ изобрѣтенія и мало грамотная въ смыслѣ техники оперы „Забава Пугачихина“ Иванова есть „одна изъ недурныхъ „моцодраматическихъ“ (?) оперъ отчетнаго періода“ и, „чѣмъ больше такихъ оперъ, тѣмъ лучше для русскаго искусства“ (!!!). Правда, дальше приводится цитата изъ Гёте относительно „красоты звѣзднаго неба“, состоящей не только въ звѣздахъ первой величины, но и въ изобиліи звѣздъ всѣхъ величинъ, „до космической пыли включительно“. Отсюда можно заключить, что и названная опера г. Иванова среди другихъ оперъ представляется г. Чехихину чѣмъ-то въ родѣ „оперной пыли“ (яначе хлама!), но вѣдь *comparaison n'est pas raison*, и „космическая пыль“ въ млечномъ пути, конечно, не то, что разная другая „пыль“, могущая при ближайшемъ съ нею знакомствѣ оказаться очень неприятной...

Къ числу отрицательныхъ сторонъ книги принадлежатъ и самая манера изложенія, непринужденно-развязная во вкусѣ плохого провинціального фельетона, съ разными шутовскими „словочками“ и вывертами дурного тона, совершенно неумѣстными въ серьезной книгѣ. Слово и музыка въ оперѣ оказываются „оперными Ормуздомъ и Ариманомъ, которые ведутъ между собою исконную борьбу“ (стр. 12); если бы Чайковскій, по совѣту Ганслика, измѣнилъ $\frac{5}{4}$ тактъ второй части своей патетической симфоніи въ $\frac{6}{4}$, то „вышелъ бы гладонскій (и *идеальнѣй*) нѣмецкій вальсъ“ (стр. 16); съ опоромъ Пашкевича „Федулъ съ дѣтьми“ „связала придворная „сконатель“ (? очевидно, вмѣсто сконапелъ) истуаръ“, о которой см. ниже въ біографіи пѣвицы Е. С. Слидуновой“ (стр. 66). По поводу охоты въ 3 актѣ „Рогатки“ говорится, что воображенію Сѣрова здѣсь представлялись „по благоправны (?) олени и лани, воспѣваемые въ музыкальныхъ картинахъ заурядныхъ оперныхъ охотъ“, но „восьма неблаговоспитанная, хотя и прелюбопытная (?) турица рогатая и медвѣдица косматая“ (стр. 175); къ имени художника, писавшаго занавѣсь Московскаго Большаго театра, Козрое Дузи, почему-то въ скобкахъ прибавляется замѣчаніе: „истинно-славянская фамилія!“ (стр. 208); пѣвецъ Шемаевъ „актеромъ былъ лишь сноснымъ порядочнымъ, а въ началѣ даже „швахъ“ (стр. 210); Кюи новольно „продранился“, т. е. написалъ драматиче-

скую оперу, вмѣсто комической, въ которой онъ въ качествѣ француза долженъ былъ бы имѣть болѣе склонности (стр. 234, прим.); фанатикъ-мулла Фехердинъ въ „Кавказскомъ Пѣвнникѣ“ Кюи „совсѣмъ что-то не тово“ (стр. 238); Рубинштейнъ „перехватилъ сюжетъ оперы „Демонъ“ у композитора Шеля „ни мало не задумываясь, такъ же быстро и молодецки, какъ альбатросъ перехватываетъ рыбу у птицы-глушья“ (слѣдуетъ еще стихотворная цитата изъ „Горящихъ зданій“ Бальмонта объ альбатросѣ, „перешипающемъ“ клювомъ рыбу у „глушыхъ птицъ“, стр. 270); въ музыкѣ оперы Рубинштейна „Среди разбойниковъ“ „испанстаго“ мало, хотя „въ комической оперѣ это ничего, „сойдетъ!“ (стр. 381); Рубинштейнъ „восточенъ“ не только въ деталяхъ мелодій, но и въ самыхъ музыкальных формахъ — „предлагаютъ публикѣ ориентализмъ, такъ сказать, не только въ розницу, но и оптомъ!“ (стр. 382); тотъ же композиторъ, по количеству написанныхъ имъ русскихъ и нѣмецкихъ оперъ (19), представляется г. Чешихину „колоссомъ родосскимъ“, опирающимся одной ногой на почву Россіи, другою на почву „нѣмцевъ“ (?)... „какъ есть одно изъ чудесъ свѣта“ (стр. 393—94); въ известнѣхъ частяхъ оперы „Кашей Римскаго-Корсакова много „русскости“ (стр. 443); въ оперѣ „Дѣвица-Русалка“ Бларамберга складъ музыки „минористый, чисто славянскій“ (стр. 471); въ оперѣ Блохмана „Принцесса Греза“ не хватаетъ „испанстаго“ чувства чести (стр. 481) и т. д. и т. д.

Попадаютъ и прямо курьезы, свидѣтельствующіе о томъ, что авторъ мало продумывалъ то, что писалъ. По поводу „Демона“ Рубинштейна излагается цѣлая пространная теорія (стр. 372) о вліяніи климата и топографіи на музыку, при чемъ утверждается, что восточный человѣкъ — человѣкъ безбрежной степи, а западный — человѣкъ стѣсненныхъ горъ (въ томъ числѣ причисляются къ западнымъ горцамъ и русскіе!). Отсюда выводится разница между расплывчатой восточной пѣсней и определенной европейской. При этомъ неожиданно получается необходимость признать и кавказскихъ грузинъ, о восточной музыкѣ которыхъ тутъ же говорится, „жителями степей“ (!). Въ числѣ прочихъ курьезовъ отмѣтимъ, что г. Чешихинъ готовъ „допустить въ душѣ историческаго Сусанина борьбу между истинными патриотизма и казацкаго своеволія“ (стр. 134). Читатель недоумѣваетъ, какими судьбами „казацкое своеволіе“ могло забраться въ душу востромскаго мужика Сусанина, и недоумѣніе это возрастаетъ еще болѣе, благодаря ссылкѣ автора на историка С. М. Соловьева, предполагающаго, что Сусанинъ спасалъ царя не отъ поляковъ, а отъ

русских казаковъ, деморализованныхъ междоусобицею. Такимъ образомъ вопросъ о проникновеніи казацкихъ вѣстниковъ въ душу Сусанина такъ и остается совсѣмъ невыясненнымъ... На стр. 266 въ томъ обстоятельствѣ, что молодой гѣвнецъ-добытчикъ имѣлъ хорошій успѣхъ въ партіи Дорвина въ оперѣ Рубинштейна „Дмитрій Донской или Куликовская битва“, г. Чешихинъ видитъ „указаніе на то, что 23 лѣтній Рубинштейнъ умѣлъ придать этой партіи характерный... восточный складъ музыки“ и т. д.

По поводу этихъ и подобныхъ имъ мѣстъ книги г. Чешихина нельзя не замѣтить, что всякій историкъ, въ томъ числѣ и историкъ русской оперы, не можетъ обходиться безъ логики... Къ несчастію, г. Чешихинъ, повидимому, полагаетъ ее довольно лишней роскошью.

Подводя итоги сказанному выше, приходится съ сожалѣніемъ признать, что книга г. Чешихина, по недостаткамъ плана и исполненія, отнюдь не можетъ считаться удачнымъ разрѣшеніемъ поставленной имъ себѣ задачи—изобразить эволюцію русской оперы, какъ извѣстнаго „рода музыкальнаго творчества“. У автора не хватаетъ ни достаточнаго общаго историческаго образованія и трудолюбія, чтобы сумѣть найти и собрать необходимый матеріалъ, ни специальныхъ музыкальныхъ познаній и историко-филологической школы, чтобы надлежащимъ образомъ его обработать. Въ результатѣ затраченнаго авторомъ труда и времени получился лишь нухамъ, безконечный, нелѣпный фельетонъ провинціальнаго музыкальнаго хроникера-дилетанта, растянутый на 600 слишкомъ страницъ и могущій при осторожномъ пользованіи служить только для простѣйшихъ справокъ, наведеніе которыхъ облегчается приложенными къ книгѣ указателями: 1) всѣхъ упоминаемыхъ въ ней именъ и фамилій, 2) писателей, произведенія которыхъ послужили матеріаломъ для оперныхъ либретто и 3) заглавій упоминаемыхъ оперъ и нѣсть съ музыкою(не безъ пропусковъ). Положительная сторона книги г. Чешихина заключается лишь въ компиляціи наиболѣе извѣстнаго печатнаго матеріала, разбросаннаго въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и книгахъ, но и послѣ выхода ея въ свѣтъ русская опера все еще ждетъ своего историка.

С. Буличъ.

По поводу новой книги проф. Рейна.

DEUTSCHE SCHULELEHRE (München I. Lehmann, I—II Band 1907).

Новый трудъ проф. Йенскаго университета В. Рейна можетъ быть названъ вдвойнѣ юбилейнымъ. Онъ не только по времени совпалъ съ исполнившеюся 10-го августа 1907 года 60 лѣтней годовщиной со дня рожденія этого выдающагося современнаго германскаго педагога, но и воплотилъ въ себѣ въ сконцентрированномъ видѣ сжатыми, но сильными мазками набросанную ту идею, которая мало-по-малу стала задачей жизни Рейна, исходнымъ пунктомъ его ученой и практической дѣятельности. Этотъ трудъ, близко подходя по содержанию въ его же „Pädagogik in system. Darstellung“ (1902 г. I т., глава „Das öffentl. Schulwesen“), и повторяя оттуда нѣкоторые отрывки дословно (ср. 388 стр. и сл.), по характеру отличается отъ предыдущихъ: тамъ исканія, анализъ, здѣсь выводы, тамъ камень за камнемъ воздвигаются стѣны, здѣсь выводится куполъ зданія. Это первый опытъ подведенія итоговъ собственныхъ работъ, онъ короче другихъ, но за то въ немъ ярче выступаетъ основная идея. Какова эта идея специалиста, у котораго учится въ полномъ смыслѣ этого слова весь цивилизованный міръ, что скажетъ онъ своему народу, образованію котораго отдастъ всѣ свои силы?

Прежде чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, необходимо однако коротко коснуться главныхъ трудовъ проф. Рейна въ связи съ его практической дѣятельностью. Интересно, въ самомъ дѣлѣ, разобраться въ томъ непривычномъ для многихъ явленіи, что на лекціяхъ по получившей еще правъ гражданства педагогикѣ, которая безъ диплома чувствуетъ себя какъ-то неловко въ храмѣ наукъ среди другихъ столь почтенныхъ и общепризнанныхъ фигуръ, на лекціяхъ у этой падчерицы Олимпа сидятъ старыя и молодыя, женщины и мужчины—представители всѣхъ странъ Европы, Азии, Америки и Австраліи. О Йенской кафедрѣ педагогики, практической школѣ при ней и самомъ профессорѣ Рейнгѣ за послѣдніе годы появились статьи и книги на англійскомъ (см. прекрасный трудъ проф. Ch. De-Garmo „Herbart and the Herbartians“ New York 1896, особ. V и VI гл. 2-й части), французскомъ, греческомъ, шведскомъ (при переводѣ „Grunddragen af Pedagogiken af Dir. W. Rein“ Lund 1901), армянскомъ, сербскомъ („Учитель“ октобар 1907, свеска 2, 176), болгарскомъ и японскомъ языкахъ. Оживившаяся по поводу юбилея инте-

ратура о немъ дала болѣе или менѣе полные очерки его дѣятельности и значенія и въ нѣмецкой педагогической прессѣ (см. напр., *Die Deutsche Schule*, особенно „*Der Deutsche Schulmann*“ и др.). У насъ, русскихъ, о Рейнѣ даже въ сравнительно небѣдной специальной литературѣ писали очень мало ¹⁾ (см. „Педагог. Сборникъ“, 1899, май, и отчасти „Вѣстникъ восп.“ 1905, въ концѣ статья Л. Синицкаго), а среди педагоговъ господствуетъ на этотъ счетъ, если не абсолютное, то весьма почтенное незнакомство, какъ и вообще, къ сожалѣнью, съ гербартианствомъ. Поэтому прошу читателя не посылать на меня за такое уклоненіе въ сторону, которое вызывается сущностью дѣла.

Въ настоящее время въ Германіи, особенно въ области народнаго образованія, вокругъ Рейна и его педагогическихъ предпріятій, созданныхъ его сильнымъ организаторскимъ талантомъ, концентрируется самая интенсивная и интересная школьная работа. Его лекціи, какъ профессора Йенскаго университета, замѣстителя кафедры педагогики (единственной, за незанятостью лейпцигской, во всей Германіи) послѣ знаменитаго *Stoy'a* и непосредственнаго любимаго ученика Циллера, а также лучшаго, хотя и не правовѣрнаго послѣдователя Гербарта, его практическая школа при университетѣ и семинаріи при ней, блестяще организованные *Ferienkurse*, издаваемые имъ журналы („*Pädagogische Studien*“, нынѣ „*Zeitschrift für Philosophie und Pädagogik*“ и непериодически выходящія книжки „*Aus dem Pädagog. Universitätsseminar zu Jena*“, гдѣ помѣщаются рефераты членовъ семинарія и печатаются отчеты о практической школѣ), его школьныя книги, ученые труды и „Энциклопедія“—взнесли на вершину волны корабль Гербартъ-Циллеровской педагогической системы и оказались самымъ дѣятельнымъ ферментомъ не только въ нѣмецкой школѣ, но и далеко за ея предѣлами. Лучшіе представители американской педагогической науки (проф. Монро, *De-Garmo*—*Cornell-Univ.* и др.), выдающійся нынѣшній теоретикъ

¹⁾ Когда настоящая статья находилась уже въ редакціи, я ознакомился съ новымъ описаніемъ школы Рейна (*Вѣстникъ восп.*, 1907, октябрь). Въ главныхъ положеніяхъ вѣрно, оно однако совершенно неправильно утверждаетъ, будто Рейнъ оставляетъ открытымъ вопросъ о преподаваніи религій въ школѣ. Наоборотъ, онъ является самымъ горячимъ и рѣшительнымъ сторонникомъ безусловной необходимости такого преподаванія, но только въ интересахъ послѣдняго настаиваетъ болѣе рациональнымъ начинать его не въ первые годы обученія и предостерегаетъ отъ увлеченія католицизмомъ.

въ Англии — проф. Sadler (Vict.-Univ.), а также Findlay (Vict.-Univ.) и практикъ Reddie, основатель знаменитой Абботсгольмской школы, профессор педагогики Лозаннскаго университета Geux, известный Lietz — всё они учились, слушали и работали въ скромной Іенской школѣ. Теперь, руководя университетами и семинаріями, они въ свою очередь посылаютъ сюда на казенный счетъ молодыхъ учителей для усовершенствованія. Всѣ эти когорты молодыхъ энергичныхъ педагоговъ далеко разносятъ славу своего учителя. Извѣстностью въ цивилизованномъ мірѣ Рейнъ обязанъ и своимъ лекціямъ, которыя читалъ въ Оксфордѣ (1894), Кембриджѣ и Эдинбургѣ (1896), Манчестерѣ (1904), С.-Луи, Нью-Йоркѣ (1904), въ Швеции и Дании (1895), Франціи (1900) и Австріи (1905). Въ результатъ ему была предложена кафедра философіи и педагогики въ Филадельфіи, а Пражскій университетъ намітилъ его замѣстителемъ послѣ удаленія на покой въ Зальцбургъ извѣстнаго гербартіанца О. Вильманна.

Труды Рейна не были безплодны: гербартіанство было переброшено черезъ море и океанъ и стало разрабатываться въ Англии, особенно въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ сильно повліяло, если не на весь строй школы, то на методы преподаванія и въ своеобразной американской обработкѣ дало, по отзыву учителей и профессоровъ, прекрасные результаты. Въ утвержденіи повсюду мысли, что Германія и до сихъ поръ является „колыбелью педагогики“, Рейнъ видѣлъ служеніе своему народу, его будущему, возвышеніе авторитета страны. Печать такого служенія, особенно яркая въ разбирасмомъ здѣсь трудѣ, отмѣчаетъ всю литературно-ученую дѣятельность автора.

Глядъ его педагогическихъ работъ открывается книгой Theorie und Praxis des Volksschulunterrichts nach Herbartischen Grundsätzen, въ которой онъ, совсѣмъ юный еще директоръ учительской семинаріи, въ сотрудничествѣ съ учителями Pickel'омъ и Scheller'омъ, задумалъ дать общія теоретико-дидактическія основанія и практическо-методическую обработку, по изымной силѣ, всѣхъ предметовъ обученія 1-го года народной школы, т. е. провести въ жизнь идеи Гербарта и Циллера. Мысль блестяще удалась, вскорѣ явились книги для 2-го, 3-го 8-го годовъ обученія. 1-я книга, какъ содержащая теоретическія обоснованія, вышла уже 7-мъ изданіемъ и необходима каждому серьезному педагогу. Этимъ данъ былъ сильный толчекъ, части книгъ переведены на иностранные языки, во многихъ молодыхъ стра-

нах дѣлаются попытки обработать съ Гербартъ-Циллеръ-Рейншовой точки зрѣнія родной матеріалъ и приспособить его для народной школы. Мнѣ известна подобная попытка въ Болгаріи для 4-хъ годичной школы (Д. Грънчаровъ. „Методика за естетическо-этически четива“ Пловдивъ 1899). Въ 1902 г. въ Кроаціи вышла „Metodika obrazovno obuke u ruškim osnovnim školama“ (Prof. Dr. J. Turič, Petrinja), содержащая принципы Гербартъ-Циллеровой методики. Частнымъ образомъ мнѣ известно, что авторъ составилъ кружокъ съ цѣлью выработки на основѣ изложенныхъ въ его книгѣ принциповъ руководство на каждый годъ обученія. Несомнѣнно, что русскому учителю, который любитъ дѣтей, одушевленъ лучшими желаніями, приобрѣлъ съ грѣхомъ пополамъ — чтеніемъ и самообразованіемъ — знанія въ спосѣ предметовъ, очень часто приходится безпомощно стоять передъ вопросомъ, какъ передать свои знанія. Для такого учителя ничего не можетъ быть полезнѣе, какъ проштудировать стройно и детально разработанную гербартіанскую систему въ изложеніи Рейна. Въ правильности этого мнѣнія меня убѣждаетъ и тотъ особенно жизненный интересъ, какой проявили народныя учителя къ этой импонирующей системѣ, когда я на педагогическихъ курсахъ въ г. Тирасполѣ (іюль, 1907) читалъ имъ „Педагогическую психологію“.

Въ 1890 г. въ депевоомъ изданіи „Götschen“ появилась „Pädagogik im Grundriss“ Рейна, небольшая книжечка, конспективно изложенная, но дающая богатую литературу, ставящая интересныя и важныя этико и социально-педагогическія проблемы. Въ ней трактуются вопросы практической (формы воспитанія) и теоретической (цѣль и средства воспитанія) педагогики, т. е. заключается курсъ, читаемый обыкновенно авторомъ въ теченіе 2-хъ университетскихъ семестровъ. Несмотря на конспективность изложенія, книга эта переведена въ Америкѣ, Англии, Швеціи, Японіи, Сербіи и Болгаріи. Для болѣе полного и детального обоснованія цѣли воспитанія, о которой трактуются въ „Grundr. d. P.“, Рейнъ написалъ книгу „Grundriss der Ethik“, но она мало успѣваетъ дѣло по своей чрезвычайной популярности, расплывчатости, недоговоренности (по вопросу, напр., о наказаніяхъ) и незнакомству съ новыми теченіями въ области естественныхъ наукъ. Сразу видно, что сила Рейна въ живомъ педагогическомъ дѣлѣ, что философія—не его сфера.

За „Этикой“ слѣдуетъ „Педагогическая Энциклопедія“—грандіозное по замыслу предпріятіе, выходящее нынѣ, несмотря на высокую цѣну, 2-мъ изданіемъ въ 8-ми томахъ по 900—1000 стр. большого.

формата каждый. Самъ, съ болѣе чѣмъ 200 сотрудниками, выполняетъ Рейнъ трудъ, безъ котораго теорія въ Германіи рѣдко обходится читальня, городская бібліотека, педагогическая коллегія. Энциклопедія знакомитъ съ исторіей воспитанія, современнымъ преподаваніемъ и образованіемъ разныхъ странъ, съ организаціей школьнаго дѣла въ Германіи, съ общей и спеціальной дидактикой, методикой отдѣльных предметовъ, новыми начинаніями въ области школы, съ юридическо и социальнo-педагогическими вопросами. Съ появленіемъ этой энциклопедіи прежняя Schmid'овская потеряла свою цѣнность за исключеніемъ однако историческихъ статей, которыя у Рейна и бѣднѣе по количеству и слабѣе по обработкѣ. Недавно вышедшая Dr. J. Loos'a (I т., Wien, 1906) австрійская энциклопедія по выполнению и объему кажется варіантомъ сравнительно съ Рейнoвскою. Только послѣ этого капитальнаго предпріятія издалъ профессоръ Рейнъ двухтомную объемистую „Pädagogik in system. Darstellung“ (Langensalza, I Band 1902 — Die Lehre vom Bildungswesen; II. Band 1906 — Die Lehre von der Bildungsarbeit), гдѣ вложилъ свои принципы. Уже изъ выписаннаго подзаголовка можно усмотрѣть, что трудъ этотъ отмѣченъ двойственностью, смѣсью описанія и теоретическаго элемента, голой статистики и принципиальнаго обоснованія. Хотя Рейна и упрекали въ этомъ (см. Die Deutsche Schule 1904, янв.), но здѣсь сказалось только его умѣнье угадать потребность времени и интересы педагоговъ, которые нуждались въ общей наглядной картинѣ состоянія школьнаго дѣла: не ориентировавшись въ необозримо усложнившейся жизни школы, нельзя было двигаться дальше, а книга Рейна именно и давала добросовѣстную, знатокoмъ и систематикoмъ написанную сводку добытыхъ результатовъ. Можно сказать даже, что сила этихъ двухъ томовъ въ описательной сторонѣ, въ ибрной и обстоятельной характеристикѣ современнаго положенія школы. Въ теоретической части изслѣдователь нѣсколько скользитъ по поверхности затрагиваемыхъ вопросовъ, не вскрываетъ глубоко проблемъ, предоставляя здѣсь свободу читателю. Зато книга ставитъ интереснѣйшія проблемы, возбуждаетъ и властно захватываетъ нгтливость недмоча, настоятельно влечетъ его впередъ, раскрываетъ глаза на богатство и широту педагогической области, на ея отношеніе къ социологін, государственному и полицейскому праву, на необходимость трактованія педагогическихъ вопросовъ въ связи съ семейными, церковными и государственными. Учитель читаетъ и замѣтно становится сильнѣе духомъ. Онъ, принуженный условіями времени и недостаточностью образованія, впервые прозрѣваетъ, видитъ то рѣ-

шающее по важности мѣсто, которое занимаетъ онъ въ народномъ организмѣ; чувствуетъ кровную связь съ цѣлымъ, и его дѣло неожиданно озаряется предъ нимъ новымъ свѣтомъ. Отсюда является драгоцѣнное чувство ответственности, котораго не вызовешь никакими приманками и циркулярами, и которое заставляетъ работать не за страхъ, а за совѣсть.

Уже въ перечисленныхъ трудахъ профессора Рейна можно замѣтить настойчивое повтореніе того положенія, что а) воспитаніе должно быть *національнымъ*, въ широкомъ смыслѣ этого слова, и строиться на историческомъ фундаментѣ народа; б) что школа должна быть *единой*; в) что въ интересахъ воспитанія и здороваго народнаго духа обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ должно быть совмѣстнымъ; д) что вопросъ объ отношеніи школы и церкви нуждается въ пересмотрѣ въ интересахъ самой же церкви, а преподаваніе религіи требуетъ измѣненія.

Разработка первыхъ двухъ положеній стала дѣломъ жизни Рейна, этой мыслью проникнуты всѣ его послѣднія рѣчи въ собраніяхъ и съѣздахъ, лекціи, трактованіе вопросовъ теоріи школьныхъ программъ и методовъ преподаванія. Но особо выпуклую форму и окончательную отдѣлку получили эти положенія въ послѣднемъ двухтомномъ трудѣ его, предпринятомъ въ сотрудничествѣ съ выдающимися педагогами: Садлеромъ (Манчестеръ), Ферстеромъ (Цюрихъ), Литцомъ и др.

Недаромъ эпиграфомъ къ этой книгѣ (*Deutsche Schulerziehung*, München, 1907) взяты слова Мольтке: „сила Германіи покоится на однородности ея населенія; истинная же однородность не можетъ быть достигнута ви́шними средствами, но единственно чрезъ общность духовныхъ и нравственныхъ основъ, чрезъ народное образованіе“. „Кому дорогъ родной народъ, говорится въ предисловіи, тотъ вглядывается не только въ прошлое, чтобы слѣдовать по стопамъ предковъ, присматривается не только къ настоящему съ его борьбой и искупленіями, но прежде всего направляетъ свой взоръ вдаль, въ будущее, что лежитъ предъ нами, покрытое непроницаемымъ мракомъ. Изъ этого мрака подымается глубоко проникающій вопросъ: какъ обезпечить своей отчизнѣ счастливое и великое будущее?“. Отвѣчая на этотъ вопросъ, Рейнъ видитъ истинный и вѣрный національный капиталъ не въ матеріальныхъ богатствахъ, не въ успѣхахъ индустріи, техники и торговли, но въ незыскаемости творческой силы народа, растущей изъ поколѣнія въ поколѣніе. Источникъ этой силы кроется въ глубочайхъ и недоступныхъ тайникахъ народной души. Если онъ на лицо, если въ народѣ много

жизнь плодоносныхъ, гдѣ дремлетъ мощь, которая ждетъ лишь пробужденія и заботы о себѣ, то не страшны тогда никакія внѣшнія пораженія—такъ учить исторія нѣмецкаго народа. И здѣсь предъ нами встаетъ серьезная и великая задача—направить эту силу въ истинное русло, которое измѣняется съ измѣненіемъ исторической роли народа. Прошло то время, когда говорили: англичанамъ—море, французамъ—суша, а нѣмцамъ—царство мечтаній:—нынѣ предъ Германіей раскрываются новые горизонты, и надежнымъ маякомъ можетъ быть только правильно организованное народное образованіе: оно поможетъ поставить на мѣсто грезъ и философскихъ мечтаній юношество съ развитымъ національнымъ самосознаніемъ. „Deutsche Schulerz.“ и имѣетъ цѣлью показать, что можетъ и что должна дѣлать школа, чтобы пробудить и закалить народное сознаніе въ дѣлѣ служенія національной культурѣ, какъ составной части развитія всего человѣчества. Все содержаніе книги распадется на 5 главныхъ отдѣловъ: А. Организанія нѣмецкихъ школъ (для мальчиковъ статья Рейна, для дѣвочекъ—Гертруды Боймеръ). В. Внутренніе запросы школы; въ частности I—преподаваніе, II—школьная жизнь. Въ помѣщенныхъ здѣсь статьяхъ о методахъ преподаванія отдѣльныхъ предметовъ авторы не ограничиваются ролью критиковъ существующаго, но дають матеріалъ и тезисы къ построенію новаго стройнаго цѣлаго народнаго образованія. Особенно интересны здѣсь очерки „Этическое воспитаніе юношества“ привать-доцента Цюрихскаго университета Förster'a (этико-педагогическая методика); „Нѣмецкое образовательное искусство въ школахъ“—Schubert'a, „О преподаваніи исторіи“ и началъ государственной и гражданской жизни—Neubauer'a.—С. Национальное воспитаніе нѣмецкаго юношества по выходѣ изъ школы.—D. Национальное воспитаніе нѣмецкаго юношества въ другихъ странахъ.—E. Национальное воспитаніе юношества у другихъ народовъ (здѣсь статья объ американскомъ, англійскомъ воспитаніи—проф. Садлера и др.).

Рейнгъ въ новой книгѣ даетъ прежде всего болѣе ярко, чѣмъ въ „*Zeit. in syst. Darst.*“, изложенный очеркъ историческаго хода нѣмецкой школы, затѣмъ предлагаетъ критическій обзоръ данныхъ историческаго развитія и, наконецъ, въ третьей части, приступаетъ къ творческо-созидательной сторонѣ дѣла и вырабатываетъ свою систему единой народной школы. Для насъ особо интересна вторая часть очерка Рейна, гдѣ онъ, разбираясь въ результатахъ историческаго наследія, отмѣчаетъ въ немъ свѣтлыя и тѣневныя стороны. Къ первымъ, по его мнѣнію, принадлежитъ: а) то обстоятельство, что *весь* народъ получаетъ

сперва *общее*, по своему характеру, а затѣмъ уже на фундаментѣ этого общаго, специальное образованіе, при чемъ каждая школа (низшая, средняя, высшая) имѣетъ *приспособленнукѣ именно къ ней специальной*. Въ этомъ общемъ характерѣ получаемаго каждымъ нѣмецемъ образованія лежитъ залогъ культурнаго преуспѣванія народа. Здѣсь, добавляетъ Рейнъ, историческое развитіе, безъ сомнѣнія, стоитъ на здоровомъ пути, и противъ смѣшенія двухъ видовъ образованія говорятъ какъ національныя, такъ и соціальныя основанія. Какъ выводъ ученаго, такъ и добавленіе весьма поучительны для русскихъ. Неудовлетворенная совершенно справедливо нашей школой и воспитаніемъ юношества часть общества и педагоговъ склонны отнести всѣ недочеты на счетъ преобладанія въ Россіи *общаго* образованія. При этомъ часто слышится мнѣніе, какъ читатели видятъ, совершенно ложное, будто въ Германіи не увлекаются общими „химическими“ цѣлями, а воспитываютъ къ практической дѣятельности. Да, воспитываютъ, но *на второй* ступени образованія! Осторожный голосъ Рейна предостерегаетъ и отъ другого грѣха, отъ котораго не совсѣмъ свободны наши реальныя и среднія техническія училища, и которымъ въ сильной степени заражены коммерческія—отъ смѣшенія двухъ цѣлей воспитанія: общіе и спеціальныя предметы въ программахъ большинства коммерческихъ училищъ проходятъ предъ глазами такой каледоскопической вереницей, что, по справедливому замѣчанію докладчика о Тенишевской школѣ на 1-й всероссійской выставкѣ по народному образованію въ Курскѣ, могутъ поселить въ головѣ учениковъ только одинъ сумбуръ. Надо замѣтить при этомъ, что Рейнъ считается далеко не радикальнымъ педагогомъ, и наоборотъ иногда даже заставляетъ недоумѣвать слушателя различными отклоненіями въ сторону колониальной политики и т. п. вопросовъ.

б) Вторая свѣтлая сторона историческаго развитія—это соотвѣтствіе школы соціальной структурѣ общества, сложившейся не случайно, а съ внутренней необходимостью. Въ этой структурѣ съ точки зрѣнія труда намѣчаются 3 слоя: 1) *работники*—механическіе исполнители; здѣсь играетъ роль физическая сила; 2) *руководители*, въ значительной степени самостоятельные, которымъ нуженъ развитой умъ—здѣсь играетъ роль талантъ; 3) *вдохновители*, способные къ созиданію высшихъ руководящихъ идей, люди съ творческой фантазійей, ведущіе государство впередъ; здѣсь играетъ роль геній, дающій объединяющую идеальную цѣль работѣ всѣхъ трехъ группъ. Въ схемѣ все это представится въ слѣдующемъ видѣ:

Культурная работа и образовательное дѣло.

A. Низшій трудящійся слой:	B. Средній трудящійся слой:	C. Верхній трудящійся слой:
(Поденщики, фабричные рабочіе, мелкіе ремесленники, мелкое крестьянство, низшее чиновничество.)	(Средній ремесленникъ, мелкій торговецъ, зажиточное крестьянство, среднее чиновничество.)	(Крупный торговецъ, крупный промышленникъ, военное сословіе, ученые, высшее чиновничество.)
1. Общая дополнительная школа.	Средняя специальная школа.	Высшая специальная школа.
2. Низшія спеціальныя школы.	Реальная школа.	Гимназіи, реальныя гимназіи, высшія реальныя училища.
Народная школа.	Народная школа.	Народная школа.
Народный дѣтскій садъ.		

Оговоримся, что Рейнъ не касается вопроса, справедливо ли имѣть такое дѣленіе общества и насколько оно дѣйствительно сложилось „съ внутренней необходимостью“. Онъ хорошо понимаетъ, что школа все равно бессильна здѣсь помочь, такъ какъ всегда является лишь простымъ отраженіемъ состоянія общества. И потому Рейнъ принимаетъ—и мы будемъ имѣть это при дальнѣйшемъ въ виду—форму общественной структуры, какъ фактъ, въ состояніи статички, какъ кристаллизовавшееся данное, но въ углу зрѣнія котораго и подлежитъ разсмотрѣнію вопросъ о соответствіи между этой формой и школой. Оказывается полное соответствіе. Все звучитъ такъ красиво и увлекаетъ своею стройностью! Остается сказать: благо тому народу, внутренняя машина котораго работаетъ такъ мудро; у него, конечно, есть дѣльное и точное чиновничество, каждый мастеръ своего дѣла. А главное, каждая школа ведетъ къ носильной практической цѣли, и имѣть юношей, тянущихся противъ силы къ высшему образованію, потому что другое не дастъ ничего опредѣленнаго и законченнаго. Въ этой странѣ имѣть юношей, не знающихъ, гдѣ примѣнить свои знанія, имѣть потерявшихъ почву подъ ногами и преждевременно разочарованныхъ.

И тѣмъ не менѣе вся схема Рейна шатка и искусственно подо-

гнана подь напередь созданную рамку для оправданія той формы, въ какую вылилась нѣмецкая школьная организація.

Начать хотя бы съ того, что, коснувшись вопроса общественной структуры, Рейнгъ не воспользовался принятыми въ социологін терминами и научнымъ дѣленіемъ. Но, быть можетъ, ему не было въ этомъ пужды, такъ какъ онъ имѣеть въ виду не группировку въ обществѣ вообще, а ту фактическую дифференцировку, которая произошла въ данномъ государствѣ и полезна для него. Но и въ этомъ случаѣ онъ не правъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ говоритъ, что основаніемъ его дѣленія служить *характеръ* (механичность, самостоятельность, творчество) практической работы для блага націи.

Если Рейнгъ имѣеть въ виду 1) работу въ *хозяйственной сферѣ*, то здѣсь никакъ не умѣститъ въ одну рамку *фирмичино* рабочаго и мелкаго *ремесленника*. Нельзя вѣдь забывать, что идеологи, возстающіе противъ развитія капитализма, имонно и выставляли тотъ мотивъ, что уничтоженіе ремесла дѣлаеть человѣка простымъ орудіемъ труда. Какъ же можно говорить о *механичности* труда ремесленника, что даетъ основаніе Рейну помѣщать его въ одну группу съ фабричнымъ рабочимъ? А какъ сюда же попалъ и крестьянинъ? Онъ долженъ всегда сообразоваться съ климатомъ, почвой и т. д. Какой же онъ механическій исполнитель въ работѣ?

Если Рейнгъ имѣеть въ виду 2) работу въ *общественно-политической сферѣ*, въ смыслѣ общественнаго творчества, то и здѣсь крестьянинъ врядъ ли уживется въ одной группѣ съ рабочимъ. Одинъ консервативонъ и ограничивается пассивной ролью, другой не мирится въ этой сферѣ съ механической работой и несетъ въ себѣ творческое прогрессивное начало, по признанію даже такихъ осторожныхъ ученыхъ, какъ проф. философіи Фр. Паульсенъ (см. „Das deutsche Bildungswesen in seiner geschichtlichen Entwicklung“, 1906, стр. 189). И здѣсь, значить, схема Рейна вызываетъ полноты. Но, можетъ быть, принципомъ его дѣленія служить доходность? (одною обыкновенно дѣлятъ населеніе на группы по источникамъ пропитанія. Да и не попали бы тогда въ одинъ разрядъ крупные промышленники и купцы, съ одной,—военные и ученые, съ другой стороны.

Итакъ, ясное дѣло, что приведенное дѣленіе слишкомъ субъективно, методъ его ненаученъ. Выяснивъ нѣкоторую произвольность дѣленія, станемъ опить на точку зрѣнія Рейна и спросимъ, выгодно ли для блага народа такое тройное дѣленіе школы съ устойчивыми, застывшими перегородками. На этотъ вопросъ находимъ у Рейна отри-

пательный отвѣтъ. Указывая на примѣръ Америки, обладающей простой системою единой школы (ср. интер. книгу: Dr. F. Kuypers „Volksschule und Lehrerbildung der Vereinigten Staaten“. Leipzig. 1907), для всѣхъ доступной, Рейнь особенно подчеркиваетъ, что, оставляя указанное тройное дѣленіе школъ, надо однако сдѣлать школу доступной для всякаго таланта, надо придумать такую систему, при которой было бы легко и удобно пробѣгать пространство отъ низшей ступени до вершины образовательной лѣстницы. Здѣсь Рейнь переходитъ къ изложенію тѣневыхъ сторонъ историческаго развитія нѣмецкой школы и прежде всего вооружается противъ градацій, особенностей отдѣльных родовъ школъ, неадаптированности всей школьной организаціи и привилегій происхожденія и состоянія. У нѣмцевъ школы стоятъ одна *рядомъ* съ другой, въ Америкѣ онѣ органически вытекаютъ одна *изъ* другой. Отмѣтимъ, что это недостатокъ не школы, какъ таковой, а хозяйственныхъ и правовыхъ отношеній. По мысли Рейня, каждый ребенокъ *долженъ* пройти одну и ту же низшую народную школу, послѣ которой для него не должно быть преградъ, и дальнѣйшее движеніе поэтому зависить всецѣло отъ собственной даровитости, собственнаго прилежанія, собственной энергіи.

Затѣмъ Рейнь отмѣчаетъ неправильно сложившіяся отношенія между церковью, школою и государствомъ и пытается внести сюда свѣтъ, разграничить сферу вѣдѣнія этихъ трехъ единицъ. Кому должно отдать школу: государству? церкви? Рейнь рѣшаетъ споръ въ пользу государства и переходитъ къ вопросу о бюрократизмѣ въ школахъ, гдѣ трагуютъ о границахъ вмѣшательства государственной власти въ школьную жизнь, о стонени самостоятельности учительскаго персонала и т. д.

Все наложенное является подготовительною работою для созданія схемы народнаго образованія, отвѣчающаго запросамъ страны. Здѣсь Рейнь набрасываетъ планъ *единой* національной школы съ совмѣстнымъ обученіемъ обонхъ половъ. Любопытно отмѣтить, что въ вопросѣ о единой школѣ Рейнь оказывается лишь яркимъ и талантливымъ выразителемъ того движенія, которое растетъ не только среди нѣмецкаго народа (см. указанную выше интересную книгу проф. Фр. Паульсена; Th. Ziegler, „Allg. Pädagogik“, 1905, стр. 15; O. Spielberg, „Von zweierlei Schulen“ — Das Blaubuch, 1907 г., окт. № 41; Osterreichischer Schulbote. Wien, Mai, 1907; Dr. Gruhn, „Notwendigkeit der Einheitsschule“ — Der deutsche Schulmann 1907, июль,

360 — 361), но нашло собѣ выраженіе и въ жизни (Америка) и въ парламентскихъ постановленіяхъ другихъ странъ (см. матеріалы парламентской комисіи по реформѣ средней школы во Франціи 1899 г. — „Enquête sur l'Enseignement secondaire“).

Схема Рейна, отличаясь отъ извѣстныхъ попытокъ альтонской и франкфуртской реформированной системы (франкфуртскую систему нѣкимъ образомъ нельзя разсматривать, какъ реформу одного лишь среднего образованія) и слѣдую мысли А. Коменскаго (сравни въ „В. Дидактикѣ“ рус. пер. А. Адольфа, гл. XXVII), представляется въ слѣдующемъ видѣ (см. табл. на стр. 416).

Къ этому добавлены объясненія:

1) Однородный фундаментъ, общая народная школа, распространяется по этой схемѣ на всѣ роды школы. Она обнимаетъ собою шестилѣтній курсъ и раздѣляется на двѣ группы: часть дѣтей, которая намѣрена продолжать образованіе въ средней школѣ, начиная съ 4-го года обученія, изучаетъ французскій языкъ.

2) На седьмомъ школьномъ году наступаетъ дѣленіе:

а) часть, удовлетворяясь 8 лѣтней (кое-гдѣ уже 9 лѣтней) обязательной школой, посѣщаетъ два старшіе класса (VII и VIII) народной школы, а затѣмъ поступаетъ или въ общую дополнительную школу (allgemeine Fortbildungsschule), или въ низшее специальное училище;

б) другая часть идетъ въ 4-хъ годичную реальную школу, чтобы затѣмъ перейти, въ свою очередь, въ среднее специальное училище;

в) третья группа идетъ въ болѣе высокую 6-ти годичную воспитательную школу—

а) въ высшее реальное училище, или

б) въ гимназію, откуда (изъ а и б) открыть доступъ къ высшему специальному образованію.

Итакъ, предлагаемая организація удобна тѣмъ, что даетъ развитіе общему фундаменту въ стройное и законченное зданіе, подъ стѣною котораго не должно быть мѣста различнаго рода ограниченія, кромѣ степени природнаго таланта и жажды знанія. Какъ видно изъ схемы, *общей обязательной школой* у подножія лѣстницы отвѣчаетъ на сія вершинѣ *общая обязательная воинская повинность*, и, раздѣлившись на время, нѣмецкое юношество на пороги самостоятельной жизни опять приходитъ въ соприкосновеніе, для всѣхъ безъ исключенія обязательное. Рейнъ усматриваетъ въ этомъ фактѣ тор-

22-й годъ жизни. 16-й школь- ный годъ.	Военная служба.		Высшее специальное образование: (Университеты, Высшія техни- ческія школы, Академіи, учи- тельскія семинаріи женскія и мужскія).	
15.				
14.				
13.				
12.				
11.	Нижнее спеціальное образование.	Среднее спеціальное образование.		
10.			Высшее реальное училище.	Классическая гимназія.
9.		Реальная школа.		
8.	Высшая народ- ная школа.			
7.				
6.	<p><i>Общая народная школа съ французскимъ языкомъ</i> (на 4-мъ году обученія) для тѣхъ учениковъ и уче- ницъ, которые намѣрены перейти въ Реальную школу, В. Р. училище или гимназію. (Совмѣстное обученіе обонѣхъ половъ).</p>			
5.				
4.				
3.				
2.				
6-й годъ жизни. 1-й годъ обученія.				

жество идеи національнаго единства и принадлежности всѣхъ членовъ народа къ одному цѣлому.

Вотъ выводы наблюдательнаго нѣмецкаго педагога, вотъ какимъ результатомъ многолѣтняго опыта хотѣлъ подѣлиться проф. Рейнъ со своимъ народомъ.

Если и не со всѣми положеніями книги можно согласиться, то все же надо признать, что талантливый авторъ живо и увлекательно намѣчаетъ серьезнѣйшіе вопросы, зоветъ учителя къ углубленію въ великую область народнаго образованія, горячо доказываетъ всему обществу, что пора проснуться отъ школьнаго индифферентизма, такъ какъ „въ кѣмъ юность, за тѣмъ и будущее“.

А. Музыкальное.

Paul Mantoux. La révolution industrielle au XVIIIe siècle. Essai sur les commencements de la grande industrie moderne en Angleterre. Paris. 1906. Pp. 648.

Заглавіе книги Манту заимствовано имъ отъ извѣстнаго сочиненія Арнольда Тойнби (*Lectures on the industrial revolution in England. 1884*). Тойнби (о немъ см. предисловіе къ русскому изданію А. И. Чупрова и книгу И. И. Янжула: Въ поискахъ лучшаго будущаго), одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей современнаго ново-историческаго направленія въ политической экономіи, построилъ планъ своего изслѣдованія весьма широко, имѣя въ виду прослѣдить перемѣну, происшедшую въ хозяйственной жизни Англій, начиная съ 60-хъ годовъ XVIII вѣка, во всѣхъ ея областяхъ, въ сферѣ землевладѣнія и сельскаго хозяйства, промышленности, торговли, кредита, населенія, и выяснить не только причины и послѣдствія этой перемѣны въ связи съ характеристивой экономическаго развитія XVIII и XIX ст., но и установить связь между отдѣльными фазами хозяйственной эволюціи и экономической доктриной въ различныя эпохи, опредѣляя, какими современными имъ событіями вызывались различныя теоріи главнѣйшихъ представителей англійской классической школы и какія явленія хозяйственной жизни XVIII и начала XIX вѣка они старались разъяснить. Къ сожалѣнію, тяжкая болѣзнь рано унесла въ могилу крупнаго ученаго, и лишь въ немногихъ сохранившихся послѣ него и изданныхъ его учениками лекціяхъ ему удалось начертить общую схему развитія эпохи, отгнать наиболѣе характерныя черты, отличающія періодъ до 60-хъ годовъ XVIII вѣка отъ послѣдующихъ десятилѣтій. Изъ этихъ немно-

гихъ очерковъ, въ которыхъ мы имѣемъ передъ собою только сдѣланные нѣсколькими штрихами яркіе наброски, видно, однако, какъ глубоко Тойнби понималъ совершившійся хозяйственный переворотъ, какъ правильно онъ поставилъ себѣ задачу. И другой работавшій почти одновременно съ нимъ въ той же области ученый, нѣмецкій экономистъ Адольфъ Гельдъ, предпринявъ также писать исторію экономической и социальной жизни Англіи за два послѣднія столѣтія и придавая особое значеніе промышленному развитію съ половины XVIII вѣка, но закончилъ своего труда,—и его постигла продолжительная смерть въ расцвѣтъ силъ. И Гельдъ оставилъ намъ лишь нѣсколько главъ своего труда, да сырой матеріалъ, добытый имъ на мѣстѣ,—Кнапшъ соединилъ все это и издалъ подъ заглавіемъ: „Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands“ (Leipzig. 1881).

Въ результатѣ характеръ промышленнаго переворота, совершившагося въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, остался невыясненнымъ, приходилось довольствоваться немногими общими положеніями, безъ точнаго установленія хода развитія, безъ возможности прослѣдить послѣднее шагъ за шагомъ и сдѣлать изъ этого уже соотвѣтствующіе общіе выводы относительно того, въ чемъ произошли измѣненія и чѣмъ они вызывались. Установлены были немногія положенія, весьма категорическія и скоро получившія широкое распространеніе въ экономической литературѣ, какъ неизбѣжная истины, между тѣмъ какъ при малѣйшей, хотя бы только частичной повѣркѣ ихъ на основаніи фактическихъ данныхъ возникали сильнѣйшія сомнѣнія въ правильности этихъ общепринятыхъ взглядовъ. Послѣдніе были выведены на основаніи свѣдѣній крайне односторонняго характера. Изъ двухъ сравнимыхъ эпохъ была известна только вторая,—та эпоха, когда уже господствовала машина и установился фабрично-заводскій способъ производства, когда возникъ міровой рынокъ и международная торговля и образовался обширный классъ наемныхъ рабочихъ. Бѣдственное положеніе послѣднихъ рѣзко бросалось въ глаза. Являясь формально равноправными съ предпринимателемъ контрагентами при заключеніи рабочаго договора, они въ дѣйствительности находились въ полной зависимости отъ него, будучи вынуждены принимать предлагаемыя имъ условія, сколь бы неблагоприятны послѣднія ни были, чтобы только не умереть съ голоду; въ результатѣ получалась весьма низкая заработная плата, очень продолжительный рабочий день, широкое примѣненіе труда женщинъ и дѣтей, антисанитарныя условія труда на фабрикахъ, многочисленность несчастныхъ случаевъ во время работы.

Возникалъ прежде всего вопросъ, существовали ли всѣ эти явленія и въ предшествующія эпохи, въ частности въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка, находимъ ли мы въ особенности и въ эти столѣтія тѣ же социальныя бѣдствія. Между тѣмъ для рѣшенія этой проблемы не имѣлось достаточныхъ данныхъ, и за отсутствіемъ ихъ дѣйствовали на глазомѣръ: разъ свѣдѣній о примѣненіи дѣтскаго труда нѣтъ, значить оно отсутствовало, на чрезмѣрно длинный рабочий день жалобъ не найдено, очевидно продолжительность рабочаго времени была невелика. Къ этому присоединялась довольно крѣпко укоренившаяся мысль о рѣзкомъ переворотѣ, совершившемся въ послѣдней трети XVIII и въ началѣ XIX вѣка, изъ которой дѣлался выводъ, что предшествующій періодъ по своему экономическому и социальному характеру составлялъ, очевидно, полную противоположность тому, что существовало въ XIX вѣкѣ. Наконецъ, значительное вліяніе оказывала въ томъ же направленіи склонность къ идеализаціи предыдущихъ эпохъ, желаніе найти въ прошломъ то золотое время, когда отсутствовали невгоды настоящаго; не хотѣлось вѣрить, что то же социальное зло существовало и тогда, а противникамъ господствовавшаго строя необходимо было всѣми силами подчеркивать отсутствіе его въ прошломъ, выставлять всѣ бѣдствія какъ созданія крупнаго капитала, „капитализма“, съ уничтоженіемъ котораго и они исчезнутъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ моментовъ и создалось идиллическое представленіе о хозяйственной жизни, предшествующей эпохѣ появленія машинъ: малые самостоятельные ремесленники, владѣющіе вмѣстѣ съ тѣмъ и клочкомъ земли, производятъ промышленныя издѣлія и сбываютъ ихъ на ближайшемъ городскомъ рынкѣ; подмастерье работаетъ вмѣстѣ съ хозяиномъ, а по истеченіи извѣстнаго времени и самъ приобретаетъ самостоятельность, отношенія между ними дружественныя, рабочий день невеликъ (чуть ли не 8 часовъ), одинъ день въ недѣлю (кромя воскресенья) рабочіе свободны. Словомъ эксплуатаціи нѣтъ никакой, благоденствіе полное. Подтверженіе этого нашли въ описаніяхъ Даниэля Дефоэ, писавшаго въ началѣ XVIII вѣка о ткачахъ Галифакса: „женщины и дѣти расчесываютъ шерсть или прядуть, всѣ работаютъ отъ мала до велика, не видно ни нищихъ, ни праздношатающихся, не было ни одного старше пяти лѣтъ, кто не въ состояніи былъ бы собственнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе“. Казалось бы, что именно эти слова совершенно противорѣчили установившемуся взгляду и могъе всего способны были вызвать идиллическое представленіе о прошломъ съ трудомъ пятилѣтнихъ дѣтей,

кажлось бы похвала со стороны Дефоэ такимъ институтамъ, которые считались крайне вредными въ XIX вѣкѣ, должна была бы обратить вниманіе на такую переѣну во взглядахъ.

Однако всего этого не было, прежняя доктрина продолжала господствовать, наоборотъ получила даже подкрѣпленіе: машина по необходимости вызываетъ экономическія и социальныя бѣдствія. Применение машинъ необходимо влечетъ за собой замѣну самостоятельнаго ремесла фабрикой съ наемнымъ трудомъ; вытѣсняя рабочаго, машина должна вызвать паденіе заработной платы; она требуетъ пользования дѣтскимъ трудомъ, какъ болѣе дешевымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ возможнымъ при замѣнѣ ручного труда механическимъ; она приводитъ къ крайнему удлинению рабочаго дня, ибо для предпринимателя тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ меньше часовъ въ сутки машина стоитъ безъ движенія и т. д. и т. д. Такимъ образомъ, не только характеръ предыдущей эпохи былъ установленъ, но и найденъ былъ виновникъ совершившагося переворота, виновникъ ухудшенія условій жизни рабочаго населенія. Недоставало только фактовъ, которыми можно было бы подтвердить эти апріорныя положенія.

Огромное значеніе книги Манту и заключается прежде всего въ томъ обильномъ фактическомъ матеріалѣ, который она доставляетъ, давая подробное описаніе, на основаніи первоисточниковъ, какъ предшествовавшей появленію машинъ эпохи, такъ и всего періода развитія новой промышленности, охватывающаго послѣднюю треть XVIII и первую треть XIX вѣка.

Еще Эшлэ (Ashley. An Introduction to English economic history and theory. Vol. II) указалъ на неправильность господствующаго взгляда, согласно которому въ Англіи вплоть до эпохи введенія машинъ и появленія фабрикъ господствовало самостоятельное ремесло: въ дѣйствительности, начиная со второй половины XIV и въ особенности съ XV и XVI столѣтія, развивается домашняя или кустарная промышленность, гдѣ главную роль играетъ скупщикъ—предприниматель; на него работаютъ многочисленные рабочіе—кустари. Еще болѣе рѣзко высказалъ эту мнѣнію Ломанъ въ своемъ изслѣдованіи объ англійской шерстяной промышленности XV—XVIII столѣтія (Lohmann. Die staatliche Regelung des englischen Wollengewerbes vom XV—XVIII Jahrh. 1900), который твердо установилъ тотъ фактъ, что важнѣйшая отрасль англійской промышленности XVI—XVIII столѣтія—суконный промыселъ, имѣла въ предшествующій эпохѣ машинъ періодъ кустарную форму производства, при чемъ рабочіе на дому, работавшіе

на скупщика, находились въ полной экономической и социальной зависимости отъ него и условия труда и заработной платы были вслѣдствіе этого весьма неблагоприятны для нихъ. Манту дальше развиваетъ эту теорію. Выяснивъ географическое распространеніе англійской шерстяной промышленности въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка, которую онъ распредѣляетъ на три группы—Йоркширъ съ Лидсомъ и Галифаксомъ, Норфолькъ съ Норвичемъ и юго-восточныя графства между Ламаншемъ и Бристольскимъ каналомъ—онъ указываетъ далѣе, что характерной для англійской промышленности того времени (какъ впрочемъ и для промышленности XVI—XVIII вѣка вообще, не только въ Англии, но и на континентѣ Европы) является та экономическая сила, которую приобретаетъ *marchand—manufacturer*, скупщикъ—предприниматель. Мы имѣемъ—продолжаетъ Манту—передъ собой ту форму производства, которую гѣмецкіе экономисты называютъ „*Hausindustrie*“—мастеръ по прежнему работаетъ у себя на дому, но уже не вступаетъ въ непосредственныя отношенія съ потребителемъ, сбытъ находится въ рукахъ скупщика. Съ конца XVII вѣка мастеръ лишается и первоначально принадлежавшихъ ему орудій и матеріаловъ: шерсть, пряжа, станокъ, ткаль, мельница для валенья суена—все принадлежитъ скупщику—предпринимателю (р. 41). Централизованныя же предпріятія (мануфактуры) возникаютъ въ Англии крайне медленно, до появленія машинъ количество ихъ было здѣсь меньше, чѣмъ гдѣ либо въ другихъ странахъ, и даже въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда мы встрѣчаемъ рабочихъ, производящихъ промышленныя издѣлія въ принадлежащемъ предпринимателю помѣщеніи, число такихъ рабочихъ составляетъ всегда лишь небольшую часть среди лицъ, работающихъ на даннаго хозяина—рядомъ съ ними у него имѣется обыкновенно гораздо больше кустарей, которые изготовляютъ продукты того же рода у себя на дому. Конечно, соединеніе обѣихъ формъ производства составляло переходный періодъ къ чисто централизованному способу производства, но—въ противоположность другимъ странамъ—этотъ періодъ въ Англии никакой роли не игралъ: въ то время какъ во Франціи, Бельгіи, Германіи уже въ XVII вѣкѣ появились централизованныя мануфактуры, фабрика же, основанная на примѣненіи машинъ (въ этомъ ихъ отличіе отъ мануфактуръ) стали распространяться лишь съ начала XIX вѣка, въ Англии, вслѣдствіе болѣе поздняго возникновенія мануфактуръ и болѣе ранняго наступленія фабричной эпохи, этотъ періодъ почти совершенно стусhevывается, и можно сказать, что фабрика непосредственно смѣнила кустарную мастерскую.

Каковы же были условия жизни рабочих—кустарей въ эту предшествующую введснью машинъ эпоху? „Они весьма мало соотвѣтствовали—говоритъ Манту—тѣмъ соблазнительнымъ описаніямъ, которыя мы находимъ у доврѣчныхъ почитателей прошлаго. Хижины, въ которыхъ они жили, были крѣдко весьма нездоровы, оконъ было мало и они были очень малы, мебели также имѣлось мало и еще меньше украшеній. Главная и подчасъ единственная комната являлась одновременно и кухней и мастерской. Здѣсь находились станокъ ткача, хозяина жилища“ (стр. 35). „Большая часть тѣхъ вогъ—указываетъ онъ далѣе—на которыхъ жалуются рабочіе въ настоящее время, существовала уже въ началѣ XVIII вѣка, т. е. задолго до появленія машинъ. Уже тогда раздавались жалобы на низкую заработную плату, на безработицу: козачева доставляютъ намъ работу въ теченіе половины, самое большее двухъ-третей года..., жалуются на конкуренцію труда учениковъ, которыми стараются замѣнить взрослых рабочихъ..., жалуются на крайнюю продолжительность рабочаго дня..., на ночной трудъ—приходится работать часть дня при свѣчахъ“ (стр. 51). Излагая далѣе ужасные факты относительно примѣненія дѣтскаго труда на первыхъ фабрикахъ, Манту справедливо подчеркиваетъ то обстоятельство, что это не являлось чѣмъ либо новымъ, а практиковалось въ широкихъ размѣрахъ въ предыдущія столѣтія при кустарной формѣ производства. И современники не только не видѣли въ этомъ чего либо дурного, а наоборотъ радовались тому, что дѣти облегчаютъ родителямъ борьбу за существованіе. Другіе же находили пользованіе дѣтскимъ трудомъ еще недостаточнымъ, осмыслилась на то, что въ другихъ странахъ оно распространено гораздо болѣе: „въ Германіи кто имѣетъ больше дѣтей, тотъ и живетъ лучше, тогда какъ у насъ чѣмъ ихъ больше, тѣмъ бѣднѣе человекъ; тамъ дѣти обогащаютъ отца, здѣсь они доводятъ его до нищеты“ (слова Уаттантонъ'a. England's improvement on sea and land. T. I, 1677, p. 45—47). Когда Питтъ отвѣтилъ въ 1796 г. фабрикантамъ, жаловавшимся ему на дороговизну рабочихъ рукъ: „берите дѣтей“, фраза, которая ему вносльдствіемъ ставилась въ вину, онъ, очевидно, ничего новаго не выдумалъ, а выразилъ лишь общераспространенный въ эту эпоху взглядъ, и дѣтскій трудъ былъ лишь перенесенъ изъ кустарной избы на фабрику. „Но скажутъ быть можетъ—прибавляетъ Манту—что при кустарной формѣ производства дѣти находились въ болѣе благопріятныхъ для ихъ физическаго развитія условіяхъ, чѣмъ на фабрикѣ. Однако мы знаемъ, что представляла собою въ отно-

шенія гнѣоны кустарная мастерская. Быть можетъ съ ними обращались лучше и не заставляли работать сверхъ силъ? Но сами родители подѣ влияніемъ нужды являлись наиболѣе требовательными, даже наиболѣе жестокими хозяевами" (стр. 429—430). „Такимъ образомъ—заключаетъ Манту—крупная промышленность вовсе не создала промышленный пролетаріатъ... Мало того, въ преобладающую эпоху сохранились рядомъ съ домашней формой производства еще остатки отъ прежняго времени. Когда крѣпостное состояніе было отмѣнено во Франціи Учредительнымъ собраніемъ, оно только что успѣло исчезнуть и въ Англии: рабочіе шотландскихъ каменноугольныхъ и соляныхъ копей были до 1775 года крѣпостными въ полномъ смыслѣ этого слова. Они были прикрѣплены къ рудникамъ и салнамъ и продавались вмѣстѣ съ ними. Они носили даже высшій признакъ рабства: цѣпь, на которой была выгравирована фамилія хозяина" (стр. 53—54).

Переходъ отъ домашней формы производства въ фабрично-заводской совершался медленно и постепенно. Манту останавливается на тѣхъ перемѣнахъ, которыя предварительно должны были совершиться въ области торговли внутренней и внешней, въ сферѣ аграрнаго строя и которыя являлись необходимыми условіями для распространенія крупной промышленности (гл. 2 и 3 первой части). Онъ выясняетъ ту существенную роль, которую сыграла въ этомъ отношеніи постройка каналовъ въ Англии, начавшаяся уже съ начала XVIII вѣка (еще задолго до сооруженія извѣстнаго Бриджуатерскаго канала въ 1755 г.)—они создали впервыя изъ Англии одно цѣлое въ промышленномъ отношеніи, устранили прежнее раздѣленіе страны на рядъ отдѣльныхъ, но связанныхъ другъ съ другомъ, вслѣдствіе отсутствія путей сообщенія, хозяйственныхъ центровъ. Съ другой стороны, перемѣны въ области аграрнаго строя, заключавшіяся въ устраненіи общинныхъ пастбищъ и чрезполосности земельныхъ владѣній, въ образованіи крупныхъ имѣній, повлекли за собой возникновеніе значительнаго количества безземельнаго населенія, подготовили, слѣдовательно, необходимые для крупной промышленности кадры рабочихъ.

Манту не ограничивается, однако, указаніемъ на это (довольно извѣстное) обстоятельство, а старается прослѣдить самый ходъ перелома въ области землевладѣнія и выяснять тѣ условія, которыми онъ вызывался и при которыхъ происходилъ. При этомъ онъ справедливо отказывается отъ прежней, господствовавшей со времени Маркса, точки зрѣнія, усматривавшей въ такъ называемыхъ огораживаніяхъ

чуть ли не результатъ одинъ лишь насильственныхъ дѣйствій помѣстной аристократіи. Если устраненіе чрезполосности земель и выпаса скота послѣ снятія жатвы, а равно превращеніе общинныхъ пастбищъ въ частныя владѣнія, поступающія подъ посѣвы, было повсюду (не только въ Англіи, но и на континентѣ) условіемъ перехода къ болѣе интенсивной культурѣ въ области сельскаго хозяйства (ср. Rogers. Six Centuries of Work and Wages. Hasbach. Die englischen Landarbeiter und die Einhegungen. Wolters. Agrarzustände u. Agrarprobleme in Frankreich von 1700 bis 1789), то въ правовомъ отношеніи эта перемѣна въ связи съ образованіемъ крупныхъ помѣстій совершалась въ Англіи болѣе правильно, чѣмъ гдѣ либо (ср., напр., Sée. Les classes rurales en Bretagne du XVI siècle à la Révolution. 1906): парламентъ издавалъ на каждый случай особый билль, требовалъ согласія владѣльцевъ четырехъ пятыхъ всей огораживаемой земли, производилъ анкеты, посылалъ комиссаровъ для распредѣленія земель между участниками. (Mantoux, p. 155 и сл.). Конечно, самое огораживаніе, какъ таковое, оказывалось невыгоднымъ для мелкихъ землевладѣльцевъ, которые лишались возможности выпаса скота на общинномъ пастбищѣ, да и получали при распредѣленіи земель нерѣдко худшіе участки, тѣ же, которые вовсе не имѣли земли, а только коттеджъ, съ уничтоженіемъ общинныхъ земель не имѣли ни возможности, ни права пасты свой скотъ. Парламентъ, въ которомъ были сильны крупныя лендлорды, имѣлъ въ виду интересы только послѣднихъ, и мелкіе землевладѣльцы (іомены) вынуждены были прекращать свое хозяйство, отчуждать свои земли лордамъ, которые образовывали изъ нихъ крупныя фермерскія хозяйства. Но для успѣховъ сельскохозяйственной культуры это несомнѣнно было выгодно, ибо только на этихъ вновь образованныхъ крупныхъ помѣстьяхъ можно было вести новое рациональное плодосмѣнное хозяйство, и только тогда, когда прежняя чрезполосность и другіе остатки аграрнаго коммунизма были уничтожены.

Огораживаніе земель—какъ справедливо указываетъ Манту—вызвало переселеніе въ города прежнихъ мелкихъ землевладѣльцевъ и создало изъ этихъ іоменовъ какъ предпринимателей, такъ и рабочихъ для вновь возникшей крупной промышленности. Наиболѣе счастливыя, удачно устроенныя свои дѣла и обнаружившіе коммерческую жилку, стали владѣльцами сначала болѣе мелкихъ, а затѣмъ и крупныхъ фабричныхъ предпріятій—Манту приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, подтверждающихъ это до сихъ поръ мало извѣстное обстоятельство. Здѣсь несомнѣнно ясно замѣтна связь между аграр-

нымъ и промышленнымъ развитіемъ Англій, связь въ томъ смыслѣ, что промышленность явилась тѣмъ кланомъ, чрезъ который вышло излишнее количество сельскаго населенія, — въ другихъ странахъ, въ особенности во Франціи, этого не было, и безземельные батраки, а равно малоземельные крестьяне (ср. ук. соч. Séo), поскольку они не находили себѣ заработка въ сельскихъ кустарныхъ промыслахъ, легко превращались въ разбойниковъ на большихъ дорогахъ, составляли недовольный элементъ населенія накануне революціи. Но едва ли можно идти въ этомъ направленіи дальше и утверждать, какъ это дѣлаетъ Манту (р. 177), что развитіе крупной промышленности и сельскаго хозяйства шло въ Англій рука объ руку, тѣмъ болѣе, что „образованіе крупныхъ индустриальныхъ центровъ невысказимо при отсутствіи надлежащихъ размѣровъ производства сырьевыхъ припасовъ, сельское же хозяйство не можетъ развиваться, не имѣя обширныхъ рынковъ въ лицѣ промышленныхъ городовъ“. Въ дѣйствительности, именно въ Англій этой-то гармоніи и не было. Первые успѣхи въ области сельскаго хозяйства сдѣланы были еще задолго до появленія крупной промышленности, и Лондонъ являлся единственнымъ большимъ городомъ, куда сбывались сельско-хозяйственные продукты, именно произведенія скотоводства (ср. Hasbach, ук. соч. и его ст. въ Archiv für Sozialwiss. 1906); когда же возникала крупная индустрія, то она, въ связи съ ростомъ населенія, не могла удовлетворяться однимъ англійскимъ хлѣбомъ, а вынуждена была доставлять хлѣбъ съ континента Европы.

Основу промышленнаго переворота въ Англій составили машины въ нихъ Манту усматриваетъ главный, первенствующій элементъ. Не то, чтобы въ предыдущія столѣтія не было вовсе машинъ, — нѣтъ, онѣ были извѣстны еще древнимъ, и не только маханическія приспособленія для военныхъ цѣлей, но и водяныя мельницы, а въ XVI вѣкѣ находимъ въ области металлургической промышленности и гидравлическія мѣха, и прокатные станы и многое другое. Но все это были отдѣльныя машинны, относившіяся лишь къ нѣкоторымъ процессамъ производства, и до тѣхъ поръ, пока предыдущіе и слѣдующіе за ними процессы производства имѣли попрежнему характеръ ручнаго производства, роль этихъ отдѣльныхъ механизмовъ была невелика. Лишь съ конца XVIII ст. начинается вѣкъ машинъ, господство ихъ, когда онѣ выступаютъ не въ видѣ отдѣльныхъ случайныхъ явленій, а въ качествѣ цѣлой серіи, когда онѣ охватываютъ всю промышленность или по крайней мѣрѣ наиболѣе существенныя отрасли ея, когда ями опре-

дѣляется весь характеръ и направленіе производства отъ начала до конца (стр. 179 и слѣд.).

Центръ тяжести сочиненія Манту и заключается въ подробномъ анализѣ, шагъ за шагомъ тѣхъ изобрѣтеній, которыя создали современную прядильно-ткацкую и металлургическую промышленность и которыя обусловили примѣненіе пара въ индустрію. Этому посвящена вся вторая и наиболѣе цѣнная часть его книги. При этомъ онъ выясняетъ вліяніе каждаго отдѣльнаго изобрѣтенія и улучшенія на производство и устанавливаетъ его экономическое значеніе, даетъ также обстоятельную, основанную въ значительной мѣрѣ на новыхъ матеріалахъ, характеристику дѣятельности каждаго изобрѣтателя, указываетъ и на тѣ условія, при которыхъ и подъ вліяніемъ которыхъ сдѣлано то или другое изобрѣтеніе. Передъ нами проходитъ такимъ образомъ цѣлая галлерей изобрѣтателей, людей весьма крупныхъ, за рѣдкими лишь исключеніями — въ этомъ заключается характерная особенность разсматриваемой эпохи — и въ то же время, опять-таки за очень рѣдкими исключеніями, людей глубоко несчастныхъ, пожертвовавшихъ всѣмъ ради осуществленія своей идеи, не извлекающихъ изъ нея никакой матеріальной выгоды, а не рѣдко и не стремящихся вовсе къ этому, гонимыхъ и умирающихъ въ нищетѣ. Фабриканты, съ одной стороны, рабочіе съ другой стороны — ихъ заклятые враги; первые стараются обманомъ выпытать у нихъ тайну изобрѣтенія, чтобы присвоить его себѣ, не уплачивая ничего изобрѣтателю, вторые — боятся новыхъ машинъ, которыя должны лишить ихъ заработка, уничтожаютъ модели изобрѣтеній, грозятъ убить самого изобрѣтателя.

Манту заполнилъ здѣсь существенный пробѣлъ въ экономической литературѣ. До сихъ поръ мы располагали почти исключительно техническими изслѣдованіями по исторіи изобрѣтеній. Пачлучшими изъ нихъ являются многотомный трудъ Бека (*Geschichte des Eisens*) и сочиненіе Матшоса о паровой машинѣ (послѣднее почему-то осталось неизвѣстнымъ Манту), но для пониманія экономической стороны явленій и они даютъ сравнительно немного: техника у нихъ повсюду стоитъ на первомъ планѣ, объясненія не всегда доступны не-спеціалисту. Что же касается личности отдѣльныхъ изобрѣтателей и ихъ дѣятельности, то прежде приходилось частью довольствоваться немногими свѣдѣніями, разбросанными въ специальныхъ монографіяхъ часто технического характера, частью же пользоваться совсѣмъ не научно составленными жизнеописаніями отдѣльныхъ изобрѣтателей, гдѣ наряду съ фактическими данными сообщается и много вещей довольно анекдо-

технического свойства. Даже книжка Grothe (*Geschichte vom Spinnen, Weben, Nühen*), которой пользовались за неимением лучшего, хотя и старается дать точные фактические сведения, но все же сообщает много непроверенного. Лучше в этом отношении работы Смэйлса, изъ конхъ и въкоторыя основаны на внимательномъ изученіи матеріала (особ. *The lives of the engineers*), но и онъ не могутъ многіхъ удовлетворить экономиста и, давая много ненужнаго, въ то же время оставляютъ безъ вниманія обстоятельства, весьма важныя для пониманія развитія хозяйственной жизни и роли техники въ этомъ отношеніи. (См. также *Smiles. Lives of Boulton and Watt*, и его же *Ironworkers and tool-makers*).

Подробно выясняя какъ личность, такъ и роль въ области промышленности отдѣльныхъ изобрѣтателей и устанавливая вліяніе каждаго крупнаго изобрѣтенія на процессъ производства (можно согласиться лишь съ характеристикой Аркрайта, котораго Манту считаетъ присвоившимъ себѣ изобрѣтенія другихъ лицъ, хотя—какъ онъ самъ же признаетъ—онъ пользуется при этомъ лишь обвиненіями противниковъ Аркрайта, желавшихъ лишить его полученныхъ патентовъ), Манту тѣмъ самымъ даетъ и исторію развитія прядильно-ткацкой, металлургической и т. д. индустрій въ теченіе XVIII и начала XIX вѣка и притомъ именно устанавливаетъ взаимодѣйствіе экономического и технического моментовъ въ этой области. Если онъ при этомъ отказывается признавать техническій прогрессъ второй половины XVIII вѣка послѣдствіемъ научныхъ открытій (предшествующаго періода, р. 127), то это противорѣчатъ имъ же сообщаемымъ фактамъ. Конечно, учение не создали машины,—этого никто не утверждаетъ, и не о такомъ вліяніи идетъ рѣчь. Но тѣ самые механики и фабричные мастера, которые явились изобрѣтателями, были знакомы съ новѣйшими успѣхами въ области физики, имѣли опытъ въ сферѣ производства часовъ, гдѣ требуется знакомство съ механикой, починки инструментовъ и т. д. Въ эту эпоху—говоритъ Манту—не было профессиональныхъ инженеровъ-специалистовъ, они замѣнялись, такъ или иначе, различными мастерами-плотниками, слесарями, часовщиками, имѣвшими навыкъ въ обработкѣ дерева и металла, въ употребленіи колесъ и составленіи механизмовъ. Среди этихъ импровизированныхъ инженеровъ на первомъ планѣ стояли конструкторы мельницъ (*millwrights*), помощь которыхъ необходима была при устройствѣ первыхъ фабрикъ. Эти лица знали обыкновенно ариметику, отчасти и механику, умѣли чертить проекты, вычислять скорости и силу механизмовъ. Они устанавливали водяныя

мельницы, насосы и фонтаны, производили необходимыя починки въ механизмахъ" (р. 200). Изъ этихъ-то инженеровъ-самоучекъ, имѣвшихъ необходимыя свѣдѣнія въ области техники и привычныхъ къ работѣ съ механизмами, а вовсе не изъ простыхъ рабочихъ, производившихъ до изобрѣтенія машинъ при помощи однихъ ручныхъ инструментовъ—почему это было бы и совершенно немыслимо—и вышла изобрѣтатели XVIII вѣка. Это выставленное мною еще раньше положеніе (см. мою ст. въ *Schmollers Jahrbuch*. 1906, а также теперь мою „Эволюцію прибыли“. С.-Пб. 1908, т. II) вновь подтверждается приводимыми Малту данными.

Сочиненіе послѣдняго, какъ видно изъ всего изложеннаго, заслуживаетъ безусловнаго вниманія; будучи основано на добросовѣстномъ изученіи матеріала, оно освѣщаетъ различные моменты съ новыхъ точекъ зрѣнія, возбуждаетъ новыя проблемы въ области исторіи промышленности и выясняетъ многіе до сихъ поръ мало разработанные вопросы.

И. Кулишеръ.

Образцы глаголицы (25 автографическихкихъ снимковъ съ рукописныхъ и печатныхъ памятниконъ и транскрипціи текстовъ кирилловскими буквами). Изданіе Императорскаго археологическаго института, подъ редакціей *И. Каринскаго*. С.-Пб. 1908.

Извѣстные до сихъ поръ сборники снимковъ съ глаголическихъ текстовъ, Срезневскаго и Гейтлера, стали уже такою библиографическою рѣдкостью, что ихъ можно приобретать только антикварнымъ путемъ, и то не безъ труда. Въ виду этого новый сборникъ, составленный *И. М. Каринскимъ*, является вполне во время.

У Срезневскаго и Гейтлера были одни научные интересы; они давали матеріалъ для ученыхъ работъ. *И. М. Каринскій*, не упуская изъ виду интересовъ науки, преслѣдуетъ интересы преподаванія, и свой трудъ посвящаетъ прежде всего для потребностей своихъ слушателей по археологическому институту.

Первое мѣсто въ „Образцахъ“ занимаютъ, конечно, древніе церковно-славянскіе памятники. Къ нимъ относятся три снимка съ разныхъ мѣстъ Зографскаго кодекса, одинъ—съ Ассеманова Евангелія, одинъ (по снимку *И. П. Кондакова*)—съ Синайской Псалтыри, одинъ—съ Клоцова сборника, одинъ—съ Маринскаго Евангелія, одинъ—съ

Кіевскихъ отрывковъ, одинъ—съ Македонскаго листка. Рядомъ находятся снимки съ „Листка Кондакова“ (вывезеннаго Н. П. Кондаковымъ съ Синая и принадлежавшаго, повидимому, извѣстному Синайскому Требнику) и съ листковъ Михайловскаго и Порфиріевскихъ, похожихъ во многомъ на Синайскій Требникъ, по принадлежавшихъ, несомнѣнно, другой глаголической рукописи.

Второе мѣсто занято, естественно, хорватскими памятниками. Н. М. Каринскій воспользовался богатымъ собраніемъ глаголическихъ отрывковъ Берчича (въ Императорской Публичной библиотекѣ) и сверхъ того, сборникомъ Берчича 1556 года и Массаломъ Московскаго Румянцевскаго музея 1443 года. Въ дополненіе къ хорватскимъ рукописямъ Н. М. Каринскій далъ два снимка съ глаголическихъ печатныхъ книгъ—съ венеціанскаго Миссала 1483 года и съ напечатаннаго въ Рѣвъ Миссала 1531 года. Не лишнее упомянуть о перензданіи имъ древнѣйшей глаголической надписи острова Крка и одной страницы глаголической части Рѣймскаго Евангелія (съ изданія Леже).

Далѣе находятся памятники средне-болгарскаго и русскаго письма, кирилловскіе, въ которыхъ лишь немного писано глаголицей. Это—Трїодъ XIII вѣка Публичной библиотеки, московскіе листки Погодинскаго собранія, когда-то изданные въ московскихъ „Чтеніяхъ“ Бодянскимъ, и сборникъ Московской Синодальной библиотеки XV вѣка № 316, въ свое время описанный Горскимъ и Певоструевымъ.

Значительное большинство снимковъ сдѣлано съ подлинниковъ въ величину подлинниковъ. Меньшинство сдѣлано съ болѣе или менѣе авторитетныхъ изданныхъ снимковъ. Исполненіе съ технической стороны не оставляетъ желать лучшаго.

„Образцы“ Н. Каринскаго даютъ прекрасный матеріалъ для знакомства съ глаголическимъ письмомъ въ его историческомъ развитіи. Кромѣ вообще удобочитаемыхъ почерковъ круглой глаголицы, въ нихъ находятся самыя разнообразныя почерки хорватской глаголицы, и болѣе легкіе, въ которыхъ приходится ломать голову главнымъ образомъ надъ вязанми и сокращеніями, и болѣе трудные, надъ которыми приходится посидѣть и знатоку. Въ виду этого Н. М. Каринскій снабдилъ всѣ свои снимки кирилловской транскрипціей съ краткими, необходимыми объясненіями.

А. Соболевскій.

Атласъ исторіи древняго искусства, составленный проф. А. А. Павловскимъ. Одесса. 1907. 12 стр., 50 таблицъ фототипическихкихъ снимковъ.

А. А. Павловскій. Курсъ исторіи древняго искусства. Одесса. 1905. IV+256.

Всякій, соприкасавшійся съ дѣломъ преподаванія въ Россіи науки исторіи искусства, встрѣтитъ, конечно, добрымъ привѣтомъ прекрасный починъ профессора Новороссійскаго университета А. А. Павловскаго. Кому не извѣстно полное отсутствіе у насъ, въ Россіи, какого-либо учебнаго атласа по общей исторіи искусства? Кто изъ компетентныхъ людей не знаетъ, какія трудности встрѣчаются доселѣ на пути преподавателя, серьезно озаботившагося познакомить своихъ слушателей, хотя бы съ важнѣйшими памятниками искусства въ историческомъ подборѣ? И если подобная задача съ трудомъ выполнима, даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ столицъ, то легко себѣ представить, какія приходится преодолевать препятствія при исполненіи подобной задачи въ провинціи и еще болѣе того, не въ университетѣ, гдѣ число слушателей сравнительно не велико, но на разныхъ курсахъ, гдѣ число слушателей насчитывается уже сотнями. Изложить даже вкратку всѣ опыты и способы, къ которымъ прибѣгали въ теченіе послѣдняго двадцатипятилѣтія преподаватели этого предмета въ русскихъ университетахъ,—значило бы составить нѣкотораго рода Одиссею, ими пережитую. Если даже для преподаванія физики и необходимаго демонстрированія ея на экранахъ приходится дѣлать особенныя приспособленія для моментальнаго затемненія аудиторіи, то, конечно, нельзя было и помышлять о томъ же самомъ для устройства особой аудиторіи по исторіи искусства. Каждый преподаватель долженъ былъ разрѣшать эту, по временамъ прямо непосильную задачу, соображаясь прежде всего съ тѣми средствами, которыя въ распоряженіи его аудиторіи находились. Одни закупали иностранные атласы, раздавая ихъ группамъ слушателей и при чтеніи строго держа въ порядкѣ таблицъ въ атласахъ. Другіе прибѣгали къ пособію стѣнныхъ таблицъ, большихъ фотографій, или, наконецъ, пускали въ обращеніе только что объясненный рисунокъ по партамъ. Чтѣ изъ этого выходило, можетъ представить себѣ всякій. А говорить о томъ, какъ страдало отъ этого само преподаваніе — врядъ ли есть нужда. Правда, у насъ же были и блестящія исключенія: трехтомный атласъ фотографій по древнему искусству, составленный для Московскаго университета проф. И. В. Цвѣтаевымъ. Но это случаи единичные, исключительные и въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Такимъ образомъ, аудиторія, сколько-нибудь

многочисленная, требовала прибѣгать къ проекціонному аппарату, приспособленію волшебнаго фонаря съ электрическимъ, или даже инымъ освѣщеніемъ, къ которому заранее изготовленный подборъ стеколъ (діапозитивовъ) давалъ достаточный матеріалъ для иллюстрированія курса. Кто не знаетъ, однако, какъ незначителенъ научный историческій выборъ матеріаловъ по исторіи искусства, даже въ выпускахъ заграничныхъ стеколъ? И вотъ, какъ мнѣ сообщилъ тотъ же проф. А. А. Павловскій, въ виду дороговизны діапозитивовъ, при ихъ покупкѣ за границей, и отсутствія нужныхъ снимковъ даже у лучшихъ фирмъ,— въ концѣ концовъ, ему пришлось самому найти возможность приготовленія діапозитивовъ. Пришлось устроить въ университетѣ фотографическую комнату и приступить къ изготовленію діапозитивовъ прямо въ университетскомъ музеѣ. Въ то же время приняло на мысль составить для слушателей не однѣ только литографированныя записки, но исполнить и самый атласъ, воспользовавшись для послѣдняго копіями съ тѣхъ негативовъ, которые были приготовлены для исполненія діапозитивовъ. Профессоръ, пробуя различные сорта копировальной фотографической бумаги, остановился въ концѣ концовъ на велесѣ, какъ дающемъ болѣе ровные отпечатки, и во всему этому дѣлу приспособилъ служителя при музеѣ.

Извѣстный выборъ подобнаго рода копій и переведенъ былъ затѣмъ на таблицы озаглавленнаго атласа, что и составило, затѣмъ, при своеобразной выгодѣ и удобствѣ, въ то же время нѣкоторый недостатокъ атласа, а именно: всѣ сообщенныя на таблицахъ рисунки, не взирая на большую или меньшую важность памятника, явились здѣсь приблизительно въ одномъ и томъ же размѣрѣ 6—7 сантиметровъ, такъ какъ діапозитивная пластинка имѣетъ $8\frac{1}{2}$ сантиметровъ въ квадратѣ. Стремясь затѣмъ къ тому, чтобы заполнить таблицу съ наибольшей экономіей и, по возможности, не оставляя пустыхъ мѣстъ, всѣ эти копіи наклеили на картонахъ 18 X 23 сантим. Затѣмъ уже каждая таблица была воспроизведена въ натуральную величину фототипією, при чемъ каждый рисунокъ былъ снабженъ наклееннымъ номеромъ, который, въ свою очередь, также воспроизведенъ фототипически. Такова фактическая исторія возникновенія атласа. Въ немъ каждая таблица представляетъ отъ 12 до 20 отдѣльныхъ снимковъ, фототипически воспроизведенныхъ съ отдѣльныхъ негативовъ, тщательно обрѣзанныхъ и наклеенныхъ на картоны. Достоинство каждого снимка зависить уже затѣмъ отъ оригинала, имѣвшагося въ распоряженіи профессора. Всего лучше, конечно, вышли всѣ чертежные рисунки, а

всего слабѣе—снимки, съ изданныхъ ранѣе фототипій (въ особенности съ извѣстнаго изданія Брунна и Брукмана „Памятники греческой и римской скульптуры“). Затѣмъ нельзя не пожалѣть, что нѣкоторыя, весьма важныя, статуи являются въ крайне маломъ размѣрѣ. Рисунки фронтоновъ Пароенона страдаютъ неясностью и смутностью, равно какъ и нѣкоторыя архитектурныя снимки вышли сравнительно неудачно. Нельзя не пожалѣть также о томъ, что пришлось воспроизводить многія статуи вмѣстѣ съ неуклюжими черными фонами, введенными въ обычай въ Берлинскихъ изданіяхъ: вообще желательно, при воспроизведеніи памятниковъ греческой скульптуры, дорожа ихъ эстетической стороною, избѣгать, по возможности, копирования изданій.

Въ общемъ же должно отдать полную справедливость вкусу и заботливому умѣнью одесскаго профессора. Изданіе его вышло изящнымъ, замѣчательно полнымъ, можно сказать, всестороннимъ и въ то же время поразительно дешевымъ и совершенно доступнымъ по цѣнѣ для кармана каждого слушателя нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ самого издателя, мы считаемъ возможнымъ сообщить здѣсь вкратцѣ даже практическій расчетъ стоимости изданія въ тѣхъ видахъ, чтобы и другіе преподаватели могли пользоваться благому примѣру одесскаго профессора. Каждая таблица его изданія обошлась, при фототипическомъ воспроизведеніи, 16 рублей 50 коп. за 500 экземпляровъ оттисковъ. Но, конечно, при этомъ надо было стѣснить весь текстъ указателя и даже ограничиться только номерами на таблицахъ, такъ какъ подписи къ рисункамъ на самихъ таблицахъ составляли уже крупный расходъ, которымъ не желательно было увеличивать затѣмъ стоимость атласа. Но именно благодаря пѣмъ указаннымъ, а также и многимъ, здѣсь недоговореннымъ, усиліямъ автора, ему удалось издать прекрасный художественно-историческій атласъ, исключительно на свои частныя средства и предоставить его нашему учащемуся люду по такой скромной цѣнѣ, какъ 3 р. 50 коп. за экземпляръ. Не смотря на все развитіе типографскаго дѣла и художественной репродукціи за границею, а, равнымъ образомъ, на несравненно болѣе обширный сбытъ подобнаго рода изданій, мы рѣшительно не знаемъ ни одного атласа по исторіи искусства въ такихъ пѣнахъ, что, конечно, увеличиваетъ заслугу русскаго профессора-издателя. Лучшая книжка въ подобномъ родѣ и въ ту же самую цѣну издава известнымъ Саломономъ Рейнакомъ, членомъ Французскаго института и профессоромъ Луврской школы, издавшимъ недавно свои 25 луврскихъ лекцій по исторіи искусства. Но это изда-

ние г. Рейнака, входящее в серию его других популярных изданий (так называемые „репертоиумы“ вазъ, живописи, статуи), является уже в видѣ книжки съ подборомъ исключительно замѣчательныхъ памятниковъ, правда, на протяжении всей исторіи искусства, и число иллюстрацій восходитъ до 600 въ размѣрѣ 20 кв. сантим. Книжка эта называется „Артшо“, вышла уже четвертымъ изданіемъ въ 1907 г. и представляетъ прекрасный рассказъ о различныхъ эпохахъ исторіи искусства, сопровождаемый иллюстраціей памятниковъ, о которыхъ также дается нѣкоторое понятіе и отличными библиографическими обзорами. Что касается текста къ атласу проф. А. А. Павловскаго, то теперь пока имѣются лишь немногіе экземпляры его разошедшагося изданія „Курса исторіи древняго искусства“, вышедшаго въ 1905 году. Остается пожелать прекрасному предпріятію усѣха и продолженія.

II. Кошдановъ.

С. Шамбинаго. Повѣсти о Мамайевомъ повоянцѣ. С.-Пб. 1906 г. (Оттискъ изъ Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. I.XXXI).

„Исторія русской литературы, для древняго періода, сводится къ исторіи постепенной смѣны редакцій“ — говоритъ г. Шамбинаго на стр. VI своей диссертации, представленной въ Московскій университетъ. На стр. 46 повторится та же самая мысль: „Исторія древней (русской) литературы есть, въ сущности, исторія редакцій“. Съ такимъ узкимъ опредѣленіемъ задачи изученія исторіи хотя бы только древняго періода русской литературы согласиться, конечно, нельзя. Такъ можно было бы изучать лишь фиктивную литературу, совершенно обособленную отъ жизни, вращающуюся исключительно въ области книжнаго переписыванія и передѣлыванія. Наша литература, хотя и не была воистинѣ національной, тѣмъ не менѣе была связана съ жизнью, что признаетъ и самъ авторъ, говоря, что изучаемые имъ памятники „отражали на себѣ всю перемену въ общественномъ и политическомъ міровоззрѣніи“. Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ диссертации изученія этого любопытнаго отраженія, котораго, конечно, и не можетъ обнаружить одна „исторія постепенной смѣны редакцій“. Для этого пришлось бы поставить изученіе на другую болѣе обширную почву. Но мы постараемся стать на ту же точку зрѣнія, съ какою г. Шамбинаго смотритъ на задачи какъ исторіи древней литературы вообще, такъ, въ частности, и своего труда.

Авторъ выдѣляетъ три основныхъ произведенія, посвященныхъ Куликовской битвѣ: Лѣтописную Повѣсть, Повѣданіе (произведеніе, которое до сихъ поръ принято было очень удобно называть Задопщиной) и Сказаніе, и затѣмъ въ послѣднемъ различаетъ четыре редакціи и нѣкоторыя передѣлки и сокращенія. Первая глава труда посвящена обзору литературы предмета. Вторая—содержитъ характеристику двухъ типовъ Лѣтописной Повѣсти, сравненіе ея съ повѣстью объ Александрѣ Невскомѣ, указаніе вліянія на Лѣтописную Повѣсть синодальное и замыслие о мѣстѣ и времени ея составленія.

Въ этой главѣ находимъ цѣлый рядъ недочетовъ. Прежде всего, противорѣчитъ фактамъ характеристика Лѣтописной Повѣсти, какъ произведенія „вполнѣ эпическаго“ (стр. 77). На самомъ дѣлѣ эта повѣсть отличается удивительно страстнымъ, негодующимъ тономъ. На 77 стр. изслѣдователь говоритъ, что отрицательная характеристика князя Олега представляетъ позднѣйшую вставку, и ссылается на сдѣланное имъ сравненіе редакцій (стр. 54 и сл.). А между тѣмъ даже въ древнѣйшей редакціи мы находимъ крайне рѣзкія выраженія объ Олгѣ: „Отъ велерѣчиваго и худаго Олга, князя Рязанскаго, не снабдившаго своего хрѣстьянства; и придетъ ему день Господень въ судъ... Ко Олгу Рязанскому, поборнику бессѣрменскому и лукавому сыну... Съ душегубивымъ Олгомъ... Лестивый же Олегъ нача зло ко злу прилагати... Олгу же отпадшу своего сана отъ Бога, иже злыи съвѣтъ сътвори с погаными... Лестъ лукаваго Олга, новаго Юду предателя,—на своего владыку бѣсится... Святополкъ новыи“. Подобнымъ же образомъ характеризуются и другіе противники: Мамай называется поганымъ, окаяннымъ, старымъ злодѣемъ, несчастивымъ, безбожнымъ, темнымъ сыродцомъ, злобѣрнымъ; Ягайло—несчастивымъ, поганымъ; татары—звѣрями, сыродцами, беззаконными; Литва—поганою.

Изслѣдователь указываетъ на „эпическій“ тонъ Повѣсти для доказательства того, что въ первоначальномъ текстѣ ея не было словъ: „а не яко при нынѣшнихъ временахъ Литва надъ нами игры творитъ и поругаются“. Другой аргументъ для своего положенія авторъ видитъ въ неослѣдовательности употребленія временъ, прошедшаго и истолцаго. Но никакой неослѣдовательности здѣсь нѣтъ: тогда (т. е. въ 1380 г.) литва *имѣла* одного имени великаго князя, не такъ, какъ теперь, когда она надъ нами *идѣваетъ*. На стр. 75 самъ изслѣдователь говоритъ, что эта „приписка“ находится во всѣхъ старыхъ редакціяхъ и „отсутствуетъ въ Софійской 1 и Воскресен-

ской, естественно, какъ въ сводахъ болѣе позднихъ". Все это свидѣтельствуеетъ о томъ, что приведенныя слова не составляютъ приписки. Мы согласны съ изслѣдователемъ, что замѣтка относится ко времени Витовта, но видѣть въ „надругательствѣ“ Литвы намекъ на случайный набѣгъ Витовта въ 1405 г. на два псковскихъ городка (Коложе и Воронать), конечно, нельзя. Выраженіе „итры творять и поругаются“ относится къ длительнымъ насиліямъ, а не къ разбойничьему набѣгу. Съ другой стороны, нужно принять во вниманіе въ высшей степени рѣзкую характеристику Олега; выраженіе „придетъ ему день Господень въ судъ“ показываетъ, что Повѣсть написана еще при жизни Олега, т. е. раньше 1402 г. Витовтъ взял Смоленскъ въ 1395 г. и владѣлъ имъ послѣ этого до 1401 г., когда смольяны убили его наместника и бояръ, державшихъ его сторону. Къ этому времени и должны относиться слова о поругательствѣ и издѣвательствѣ Литвы. Кромѣ Смоленска, ни одинъ русскій городъ въ это время не подвергался продолжительному насилію со стороны Литвы.

Теперь остановимся на вопросѣ о мѣстѣ составленія Повѣсти. По мнѣнію г. Шамбйнаго, она написана въ Москвѣ. Изслѣдователь ссылается на существованіе московскаго лѣтописнаго свода, окончившагося (по мнѣнію академика Шахматова) сказаніемъ о Донскомъ побойцѣ. Но это ровно ничего не доказываетъ. Затѣмъ онъ указываетъ на то, что Дмитрій называется „нашимъ княземъ“, но такое названіе отсутствуетъ во многихъ спискахъ, между прочимъ въ древнѣйшемъ текстѣ („3 редація“, по терминологіи изслѣдователя, стр. 54) ¹⁾ лѣтописи Авраамки (1495 г.). Съ другой стороны, изслѣдователь самъ говоритъ (стр. 59), что вскорѣ послѣ Куликовской битвы установились дружескія отношенія между Москвою и Рязанью. Къ сказанному здѣсь авторомъ прибавимъ, что такія отношенія продолжались до самой смерти Олега. Еще въ 1395 г. Дмитрій выдалъ свою дочь за сына Олега. Это обстоятельство прямо указываетъ на то, что Повѣсть написана *не въ Москвѣ*. Если, по словамъ автора (стр. 59), въ Москвѣ „антипатія къ Олегу не могло быть въ первое время послѣ битвы“, то ея не могло быть и позднѣе. Крайне страстный, негодующій тонъ Повѣсти, рѣдкій въ русскихъ лѣтописяхъ, указываетъ на то, что она составлена въ сильно возбужденной средѣ.

¹⁾ Недоумѣваемъ, почему авторъ позднія редакціи называетъ „основной“, „первой“ и „второй“, а древнѣйшую—„третьей“ (?).

Такое именно побужденіе господствовало въ Смоленскѣ съ 1395 г., когда Витовтъ въ первый разъ разорилъ городъ, и особенно ярко проявилось въ раздорѣ между смолянами, — сторонниками Витовта и „доброхотами“ князя Юрія въ 1400—1401 гг., когда были избиты не только воеводы Витовта, но также смоленскіе и брянскіе бояре, державшіе его сторону. Во всей этой смутѣ принималъ непосредственное участіе и Олегъ Рязанскій, тестъ Юрія.

Третья глава посвящена Задошчинѣ, которую авторъ называетъ „Повѣданіемъ“. Здѣсь разбираются немногочисленные списки произведенія, и предлагается текстъ въ исправленномъ видѣ. Въ сравненіи со своднымъ текстомъ, составленнымъ Буслаевымъ для „Русской Хрестоматіи“, г. Шамбинаго допускаетъ нѣкоторые выпуски, болѣе или менѣе вѣроятные, но въ началѣ въ текстъ включаетъ двѣ фразы, не имѣющія смысла и выключенныя Буслаевымъ: „Кн. в. Дмитрій Ивановичъ съ братомъ своимъ съ кн. Владимиромъ Андреевичемъ и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. Говорить кн. в. Д. П.: Вѣдомо намъ, братіе милые, у быстрого Дону царь Мамай пришелъ на Русскую землю“. Первую изъ этихъ фразъ какой-нибудь переносчикъ взялъ, очевидно, изъ „первой редакціи Сказанія“, гдѣ она вполне уместна (см. Полн. собр. русск. лѣт. XI, 51); вторая же представляетъ неудачный переходъ къ начальнымъ словамъ „Повѣданія“. Характернаго отношенія Повѣданія къ Слову о полку Игоревѣ, г. Шамбинаго почему-то его автора называетъ подражателемъ Бояна, даже самое произведеніе называетъ „подражательнымъ“ (стр. 131) и придумываетъ какую-то „школу, во главѣ которой слѣдуетъ поставить ижеотворца давняго времени“. Къ этой школѣ онъ причисляетъ и автора Повѣданія, отличая отъ нея слугателей былинъ. Здѣсь мы видимъ полное смѣшеніе понятій устного и письменнаго творчества.

Трудно согласиться также съ г. Шамбинаго по вопросу о личности автора Повѣданія. Значительное количество списковъ называютъ его рязанцемъ, іереемъ Софоніемъ, и лишь одна лѣтопись XVI вѣка къ этому наименованію прибавляетъ „брянскій бояринъ“. Объясненіе, что „іереемъ онъ могъ быть послѣ того, какъ былъ бояриномъ брянскимъ“, намъ представляется мало вѣроятнымъ. Въ указанной лѣтописи приводится изъ Повѣданія одно заглавіе, отрывки же, слѣдующіе за нимъ, взяты не изъ этого произведенія, а изъ Сказанія (стр. 103). Поэтому не слѣдуетъ придавать значенія этому единственному указанію. Можно думать, что слова „брянскаго боярина“

взяты изъ текста Повѣданія: „Пересвѣта черница, *брянскаго боярина*, на суженое мѣсто привела“ (у г. Шамбинаго — стр. 125); такая ошибка тѣмъ болѣе вѣроятна, что въ текстѣ Ундольскаго упоминаемый въ Повѣданіи Бояринъ названъ по ошибкѣ „вѣщаннымъ бояриномъ“ и противопоставляется „резанцу Сооноію“ (стр. 90—91).

Переходимъ къ Сказанію. Относительно IV главы, посвященной первой редакціи Сказанія, мы должны прежде всего замѣтить отсутствіе послѣдовательности въ изложеніи: мы находимъ здѣсь (стр. 151—161) характеристику двухъ списковъ лѣтописной повѣсти, которую мы ожидали бы встрѣтить не здѣсь, а въ главѣ, посвященной этой повѣсти. Благодаря такой непослѣдовательности оказывается, что нѣкоторыя изъ тѣхъ отмѣнъ, которыя сближаютъ указанные два списка съ первой редакціей Сказанія, находимся уже въ спискахъ, разобранныхъ во II главѣ. Напримѣръ, словамъ лѣтописи Дубровскаго: „стати ему у Окѣ на бреге с треголавными зверми сыродцы и кровопроливцы хрестіянскими“ (стр. 154)—соотвѣтствуютъ слѣдующія слова въ лѣтописи Авраамки (указанной во II главѣ): „стати у Окѣ с троголавными звѣрьми и сыродци“ (Полное собр. р. лѣт. XVI, 108). Между тѣмъ изъ словъ изслѣдователя пришлось бы сдѣлать такой выводъ, что указанная отмѣна представляетъ характерное отличіе лѣтописи Дубровскаго.

Далѣе, самое главное наше возраженіе касается вопроса о первой редакціи Сказанія. По мнѣнію г. Шамбинаго, къ первой редакціи слѣдуетъ отнести сказаніе, содержащееся въ Никоновской лѣтописи, и отдѣльный текстъ въ сборникѣ XVII в. Синодальной бібліотеки. Доказательства сводятся къ тому, что эта редакція составлена подъ влияніемъ лѣтописной повѣсти и не содержитъ заимствованій изъ Повѣданія (въ словахъ: „по времени составленія разбираемый текстъ болѣе древній“ [стр. 142], мы не находимъ осмысленнаго аргумента). Другіе аргументы въ пользу того, чтобы считать текстъ Никоновской лѣтописи наиболѣе архаичнымъ, приведенные на стр. 187—190, представляются намъ слишкомъ недостаточными, такъ какъ основываются на мелкихъ стилистическихъ отмѣнахъ. Отмѣчу лишь, что рѣчь преподобнаго Сергія, не понятая, по словамъ изслѣдователя, переносчикомъ „второй редакціи“, по нашему мнѣнію, совсѣмъ не понятна какъ-разъ редакторомъ Никоновской лѣтописи. Князь слышитъ на бой; Сергіій оставляетъ его обѣдать и говоритъ: „*Се ти замедленіе сунубо ти послѣщеніе будеть. Не у же бо ти, господине, еще вѣнечи сѣа побѣды носити, нъ по минушихъ мѣстехъ; а нымъ убо многимъ*

нынѣ вѣнци плетутся“ (привожу слова Сергія по наиболѣе исправной „третьей редакціи“, — тексты, стр. 47). Сергіій останавливаетъ князя, говоря, что другіе за него сражаются и на небѣ имъ плетутся вѣнки, а князю придется носить вѣнецъ побѣды еще не скоро. Приведенныя курсивомъ фразы вовсе выпущены въ Никоновской лѣтописи, а съ ними вмѣстѣ уничтожены весь смыслъ и вся поэзія рѣчи. Во „второй редакціи“ тоже есть искаженіе, но меньшее, нежели въ Никоновской. Мы не придаемъ большого значенія этимъ мелкимъ аргументамъ; поэтому ограничимся лишь однимъ указаніемъ, свидѣтельствующимъ объ очень грубой работѣ редактора Никоновской лѣтописи. По лѣтописной повѣсти Мамай передъ походомъ совѣтуется со своими тѣмными князьями; по различнымъ редакціямъ сказанія, онъ спрашиваетъ о старинныхъ походахъ Батыя старыхъ „муръ“, „татаръ“, „еллингъ“ (т. е. язычниковъ), „солникъ“ (искаж. олмигъ), „совѣтниковъ“. Никоновская же лѣтопись представляетъ Мамай чуть не учонимъ: „И нача испытовати отъ старыхъ исторій... и взвопращавъ, и увѣдѣвъ отъ всѣхъ своихъ подлинно“.

Важнѣе то, какъ смотритъ изслѣдователь на редакторскую работу составителя „второй редакціи“ (стр. 190 и слѣд.). Отсюда мы узнаемъ, что она выразилась, прежде всего, въ *улучшеніи текста*. Затѣмъ, заимствованія изъ лѣтописной повѣсти *„все выпущены второй редакціей“*, чѣмъ окончательно нарушена связь между этими двумя памятниками“. Итакъ, изслѣдователь представляетъ себѣ ходъ работы такимъ: авторъ Сказанія пользовался лѣтописною повѣстью; составитель второй редакціи тщательно уничтожалъ все то, что было заимствовано изъ первоначальнаго источника, сохранивъ почти все остальное. Что же представлялъ изъ себя этотъ составитель? Очевидно, онъ долженъ былъ читать невыразимое отвращеніе къ Лѣтописной повѣсти, чтобы послѣдовательно вычеркнуть изъ своего оригинала все сходное съ нею. Дѣло просто объясняется тѣмъ, что не было никакого нарушенія связи между двумя памятниками, и они съ самаго начала были двумя различными произведеніями, изъ которыхъ редакторъ Никоновской лѣтописи состряпалъ свою носкладную компіляцію. Если бы изслѣдователь поглядѣлъ на дѣло съ этой точки зрѣнія, онъ не написалъ бы слѣдующихъ выразительныхъ словъ: „Буквально взяты въ 1 редакцію эпизоды Лѣтописной Повѣсти... цѣлкомъ выпущены во 2 редакціи“ (стр. 192). Точка зрѣнія г. Шамбинаго является тѣмъ болѣе странной, что еще въ 1885 г. Тимофеевъ указалъ на зависимость текста Никоновской лѣтописи *отъ одного изъ*

вариантовъ Сказанія; въ работѣ Тимофеева проводится та мысль, что даже редація Синописа (по счету г. Шамбинаго — передѣлка IV-ой) ближе стоитъ къ основному тексту, нежели Никоновская лѣтопись. Усвоивши ложную точку зрѣнія на отношенія между Лѣтописной повѣстью и Сказаніемъ, г. Шамбинаго попалъ въ ложное положеніе въ томъ отдѣлѣ своей работы, въ которомъ онъ указываетъ отличія „второй“ редакціи отъ „первой“. „Рассказъ о бѣгствѣ Мамаѣ“, говоритъ онъ (стр. 192), „представляется весьма сокращеннымъ... прибавлены имена боговъ, которыхъ призывалъ Мамаѣ“. Значитъ, сокращеніе выразилось въ *прибавленіи* именъ боговъ — одного изъ самыхъ характерныхъ и любопытныхъ мѣстъ всего Сказанія! Далѣе, во второй редакціи „замѣчается стремленіе освободиться отъ риторическихъ украшеній первой редакціи“. Риторика — обычный приѣмъ передѣльвателей и подражателей, но чтобы послѣдніе упростили риторическій оригиналъ, этому примѣровъ не знаетъ исторія литературы. „Преслѣдуя ясность и точность слога, вторая редакція... избѣгаетъ повтореній“, свойственныхъ „первой“ (стр. 195), „отчего все повѣствованіе принимаетъ стройный характеръ“ (196). „Первая“ редакція называетъ Сергія „преподобнымъ“ и „чудотворцемъ“, вторая — просто „старцемъ“ или „игуменомъ“ (198). „Опущено все, касающееся тенденціознаго прославленія Кипріяна“ (198). „Изложеніе эпизода (о Кипріянѣ) стройнѣе во второй редакціи“ (200). Все это указываетъ, что редакція, названная исследователемъ „второй“, безусловно древнѣе „первой“. Наиболѣе характерныя мѣста, отнесенныя къ разряду дополненій, въ дѣйствительности принадлежатъ автору Сказанія; сюда относятся: рѣчь Мамаѣ о русскихъ хлѣбахъ, характеристики Олега, Ягайла, Дмитрія, Захарія Тютчева, рассказъ объ Ольгердовичахъ и др. Что касается разсказа о примѣтахъ, дѣйствительно, искаженнаго во „второй“ редакціи (стр. 210), то надо замѣтить, что III, IV и другія редакціи содержатъ этотъ эпизодъ въ неизменномъ видѣ, при чемъ Никоновская лѣтопись здѣсь ближе всего стоитъ къ „Передѣлкѣ IV редакціи“ (тексты, стр. 155). Рассказъ этой лѣтописи о засадѣ Волянца наиболѣе согласуется также съ поздней IV редакціей (стр. 117—8). Легенда о вѣнцахъ, спустившихся съ небесъ, въ одномъ спискѣ Никоновской лѣтописи выпущена, также какъ и въ „Передѣлкѣ IV-й редакціи“ (стр. 159), тогда какъ во всѣхъ другихъ она имѣется на лицо. Наконецъ, отмѣчу еще мѣстѣ г. Шамбинаго относительно заимствованія изъ житія Арсемы. Какъ признастъ исследователь, эта вставка органически входитъ во „вторую“ редакцію;

изъ списковъ Никоновской лѣтописи она находится лишь въ одномъ (стр. 215—6), гдѣ „помѣщено сокращеніе не непосредственно изъ житія, а изъ заимствованія, подобнаго изложенію“ (т. е. 2 редакція). Изъ какого же памятника взято это сокращеніе? Отвѣтъ простъ: изъ тѣхъ редакцій, которыхъ изслѣдователь не признаетъ первичными.

Изъ аргументовъ въ пользу первичности „первой редакціи“ остается одинъ: заимствованія изъ Повѣданія во „второй“ редакціи. Встанемъ на точку зрѣнія изслѣдователя и предположимъ, что они дѣйствительно содержатся во „второй“ редакціи. Но что же оказывается? Если принять, что рассказъ о приходѣ звѣрей и птицъ „вторая“ редакція заимствовала изъ Повѣданія (стр. 214), то придется признать, что и „первая“ редакція была знакома съ Повѣданіемъ, такъ какъ и она содержитъ тотъ же рассказъ. По словамъ изслѣдователя, „этотъ рассказъ ничего не имѣетъ общаго съ упоминаемъ о приходѣ звѣрей и птицъ на мѣсто побойща, находящимся въ Лѣтописной Повѣсти и въ 1 редакціи“ (214, прим.). На самомъ дѣлѣ — въ послѣдней рассказъ о звѣряхъ и птицахъ почти не отличается отъ „второй“ редакціи (лишнихъ лишь три слова: „страшно... ночи... грающе“, да заключительная ссылка на Священное Писаніе, взятая изъ Лѣтописной Повѣсти); въ Повѣсти же *вовсе нѣтъ* этого рассказа: „Половци... извлекоша оружія своя и якоже орли събирахуся, и якоже есть писано: гдѣ бысть трупъ, туто же и орли“. Такого рода ошибки не допустимы въ диссертациі.

Обратимся къ вопросу о времени составленія „второй“ редакціи. Изслѣдователь говоритъ: „Извѣстные мнѣ 2 списка второй редакціи, принадлежащіе къ XVI вѣку, уже носятъ слѣды неточностей и искаженій, являющихся результатомъ ряда переносовъ“ (стр. 218). Какой же можетъ быть выводъ изъ этихъ послылокъ? Конечно, — тотъ, что основная редакція принадлежитъ болѣе раннему времени. Но авторъ вопреки логикѣ заключаетъ: „Слѣдовательно, время возникновенія этой редакціи слѣдуетъ относить къ тому же XVI вѣку“. Но этого мало, изслѣдователь еще точнѣе опредѣляетъ время — конецъ XVI вѣка! Мы не знаемъ, когда именно писаны двѣ рукописи, отнесенныя изслѣдователемъ къ XVI вѣку (тексты, стр. 3), но какъ бы то ни было, хронологическое опредѣленіе „второй“ редакціи Сказанія не имѣетъ даже малой вѣроятности. Изслѣдователь ссылается на то, что житіе Григорія Омиритскаго, извѣстное составителю „второй“ редакціи, было переведено для Четьихъ-Миней Макарія; но эта ссылка не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, такъ какъ житіе извѣстно во

многихъ старыхъ спискахъ, между прочимъ — въ Прологъ XIII вѣка (см. Полный мѣсяцесловъ Востока, Сергія, II, 332; замѣтки, стр. 393). Авторъ видитъ подтвержденіе для своей хронологіи въ основной идѣ Сказанія: „Русь сильна своимъ пралославнымъ духомъ, и всякая (никакая?) поганая сила не можетъ устоять противъ народа, на которомъ почиетъ Божія благодать“ (стр. 219). Мы не видимъ основаній для сопоставленія этой идеи съ эпохой Грознаго. Это — обычная идея историческихъ сказаній, относящихся къ XIV — XVI ст. Если принять выводъ изслѣдователя, что редакція Никоновскаго текста („первая“) появилась въ началѣ второй четверти XV вѣка (см. стр. 181), то разбираемую нами редакцію („вторую“) слѣдуетъ отнести къ болѣе раннему времени, т. е. къ началу XV или даже къ концу XIV вѣка (она могла появиться не ранѣе 1395 г.).

Переходимъ къ вопросу объ отношеніи между Сказаніемъ и Повѣданіемъ. Мы уже указали на ложность мнѣнія, будто бы есть различія между отношеніями къ Повѣданію „первой“ редакціи Сказанія и „второй“. Если одна пользовалась Повѣданіемъ, то пользовалась и другая. По мнѣнію изслѣдователя (стр. 211 — 5), составитель „второй“ редакціи пользовался заимствованиями изъ Повѣданія. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Наиболѣе обширное заимствованіе — перечисленіе убитыхъ бояръ; но съ одной стороны нужно указать на то, что самъ изслѣдователь въ другомъ мѣстѣ (стр. 129) не признаетъ это перечисленіе принадлежностью основного текста Повѣданія; съ другой стороны — оно находится лишь въ единственномъ спискѣ (Ундольскаго) Повѣданія, да и то въ неполномъ видѣ. Слѣдовательно, оно пошло въ этотъ списокъ изъ Сказанія, а не наоборотъ. То же можно предполагать и относительно другихъ двухъ выраженій, сходныхъ въ Повѣданіи и Сказаніи. Вотъ они:

Сказаніе:

Убо, братія, стукъ стучить а громъ гремѣть въ славномъ градѣ Москвѣ: стучить великимъ ратѣ великаго князя Дмитрея Ивановича, а гремятъ русскія удалцы злочеными шеломы и доспѣхи.

Повѣданіе:

Уже бо, брате, стукъ стучить и громъ гремѣть въ славнѣ городѣ Москвѣ. То ты, брыте, не стукъ стучить, не громъ гремѣть: стучить сильная рать великаго князя Дмитрія Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича; гремятъ удалцы русскіе золочеными шеломы (доспѣхи а шеломы).

Сказаніе, согласно со Словомъ о полку Игоревѣ, передаетъ эти слова отъ лица автора; Повѣданіе же неудачно влагаетъ ихъ въ уста Ольгердова сына.

Сказаніе:

Ужъ бо тогда аки соколи рвахуся отъ златыхъ колодиць, ато рвахутся клязи Бѣлозерскія изъ камня града Москвы.

Повѣданіе:

Тогда же соколи и вречети, бѣлозерскіе ястреби отъ златыхъ колодиць изъ каменна града Москвы возлетѣша подъ синія небеса.

Въ Сказаніи—осмысленный образъ, въ Повѣданіи же—какое-то бессмысленное летаніе птицъ. Что касается нѣкоторыхъ другихъ выраженій, сходныхъ въ Сказаніи и Повѣданіи, то они ваяты авторами и того, и другого произведенія независимо изъ Слова о полку Игоревѣ, при чемъ нѣкоторыя выраженія перваго ближе къ Слову, нежели втораго. Такъ, выраженіе Сказанія: „мы всѣ готовы есмь головы своя положить“ употреблено въ первомъ лицѣ, какъ и въ Словѣ; въ Повѣданіи ему соотвѣтствуетъ выраженіе въ третьемъ лицѣ: „хотятъ главы своя положить“.

Въ Словѣ: „земля тутъноть... стязи глаголють“; въ Сказаніи: „варганы тепуть, и стязи ревуть“; въ Повѣданіи: „стязи стоять“. Здѣсь авторъ Сказанія усвоилъ образъ шумящаго войска изъ Слова, авторъ же Повѣданія его просто не понялъ. Въ описаніи примѣтъ, не имѣющемуся въ Повѣданіи, встрѣчается выраженіе „грозу подають“, соотвѣтствующее выраженію Слова: „грозу въсрожать“; въ Повѣданіи выраженіе о волеяхъ уже повое: „грозою воють“. Въ III и IV редакціяхъ Сказанія есть цѣлый рядъ мѣстъ, заимствованныхъ изъ „Слова“ и не имѣющихся въ Повѣданіи, напримѣръ: „уже возліасъ хвала на хулу, и вержеся Диво на землю“. Во „второй“—тоже есть такія мѣста, напримѣръ „Слышевъ отъ князей, яко побарають по христьянской вѣрѣ“ (т., стр. 11); въ Словѣ: „здрави князи... побараля за христьяны“. Въ Сказаніи (стр. 4): „обогатѣемъ русскимъ златомъ“; въ Словѣ: „чотыскли дѣны вѣснѣша..., зполн русскимъ златомъ“.

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что мнѣніе г. Шамбинаго о подражаніи автора Сказанія, какъ мы его знаемъ во „второй“ редакціи, Повѣданію не имѣетъ никакихъ основаній. Если принять выводъ изслѣдователя, что Повѣданіе составлено въ первой четверти XV вѣка (стр. 133), то составленіе Сказанія слѣдуетъ отнести къ болѣе раннему времени, т. е. къ концу XIV вѣка. Въ опредѣленіи хро-

нологія „второй“ редакціи Сказанія мы расходимся съ г. Шамбинаго на цѣлыхъ два столѣтія. Нашу хронологію подтверждаютъ слѣдующія соображенія. Въ старыхъ редакціяхъ Сказанія нѣтъ рѣчи послѣ Ольгерда о Бортешѣ; рассказъ о немъ находится въ IV редакціи, составленной, повидимому, новгородцемъ (стр. 316—320); слѣдовательно, подробность о Братонѣ внесена въ Сказаніе послѣ его составленія. Но когда она могла быть внесена? Бортешь (Братоша) былъ посломъ князя Лугвеля (Симеона) Ольгердовича, присланнымъ въ Новгородъ въ 1388 г. для рѣшенія дѣла о водвореніи князя въ Новгородѣ. Бортешь рисуется рыцаремъ безъ страха и упрека. Это обстоятельство, повидимому, объясняется тѣмъ, что патронъ Бортеша Лугвель принесъ много пользы новгородцамъ въ теченіе 1390—2 г. и 1408—11 г. Въ 1412 г. онъ ссорится съ новгородцами и уѣзжаетъ въ Литву. Слѣдовательно, представленіе Бортеша въ идеальномъ свѣтѣ могло возникнуть у новгородцевъ лишь между 1388 и 1411 г. Къ этому времени слѣдуетъ отнести вставку о немъ въ Сказаніе. Сказаніе, известное намъ безъ этой чисто-новгородской вставки, должно было возникнуть раньше 1411 года. Впослѣдствіи самое имя Бортеша должно было забыться.

Второе соображеніе. Имя Мамаева союзника Ягайла сохранилось только во „второй“ редакціи Сказанія, въ „первой“ (эта, можетъ быть, исправлена позднѣе) и въ началѣ одной рукописи „третьей“ редакціи (стр. 278). Въ другихъ редакціяхъ Ягайла замѣняетъ его отецъ Ольгердъ († 1377). Въ этомъ анахронизмѣ изслѣдователь видитъ искусный пріемъ редактора, который заставилъ сыновей возстать на родного отца, чтобы отгнать ихъ христіанскій подвигъ. При этомъ изслѣдователь ссылается на переписку между братьями въ III редакціи (стр. 223). Но въ сущности та же переписка передается и „вторую“ редакцію, лишь съ замѣной „родителямъ“ вмѣсто „отцу“ и „братія брата“ вмѣсто „дѣти отца“. Мысль г. Шамбинаго объ измѣненіи текста ради занимательности разсказа представляется намъ мало вѣроятной. Естественноѣе объяснять это измѣненіе историческими обстоятельствами. До конца XIV ст. дѣятельность Ягайла не имѣла ближайшаго отношенія къ русскимъ областямъ, но затѣмъ она простирается и на эти области. Въ 1430 г. Ягайло даетъ права и вольности русскому населенію Польско-Литовскаго королевства; въ 1432—утверждаетъ неприкосновенность православія на Волыни; предъ смертью завѣщаетъ сыну дать привилегіи русской шляхтѣ. Въ 1405 г. онъ приглашаетъ на съѣздъ митрополита Кипріяна, чествуетъ его и одаряетъ;

въ 1430 — также чествуетъ митрополита Фотія. Эти факты всего проще объясняютъ намъ замѣну Ягайла Ольгердомъ въ III и послѣдующихъ редакціяхъ Сказанія. Между 1405 г. и 1434 неудобно было порицать Ягайла, называть его врагомъ и обманщикомъ, и потому такимъ сдѣланъ въ III ред. Сказанія его покойный отецъ. Нѣкоторыя выраженія „второй“ редакціи относительно литовскаго князя совсѣмъ вышучены: „Сижъ глаголють лестью (а не истинною) на великаго князя“ (Ягайло и Олегъ—стр. 6); „аще бы врази были собѣ, то о собѣ бѣ брань сотворили“ (стр. 7). Пессимизму, редакторы Сказанія стремились смягчить выраженія о литовскомъ князѣ. Уже въ позднѣйшей принятой ко II ред. князь называется „велеумнымъ и велерѣчивымъ“; въ IV ред. въ письмѣ кн. Олега прибавлены слѣдующія слова: „Къ великому и многоразумному и къ велерѣчивому и премудрому во чловѣцехъ Волгерду литовскому, самодержавному великому князю и королю милостивому честна и многимъ землямъ государю“ (стр. 46). Все это показываетъ, что замѣна имени Ягайла произведена между 1405 и 1434 г., такъ какъ послѣ смерти Ягайла въ ней уже не было надобности. Слѣдовательно, первоначальная редакція Сказанія относится къ болѣе древнему времени.

Это измѣненіе произошло, вѣроятно, въ Новгородѣ, городѣ, который въ концѣ XIV и въ XV вѣкѣ находился въ ближайшихъ отношеніяхъ къ Литвѣ; но II редакція, гдѣ имя Ягайла не измѣнено, новгородцы не принимаютъ участія въ битвѣ, что соответствуетъ дѣйствительности. По другимъ редакціямъ они уже участвуютъ въ битвѣ; это свидѣтельство о новгородской передѣлкѣ, въ которой восходятъ всѣ извѣстные списки Сказанія кромѣ двухъ списковъ II редакціи и указаннаго выше отрывка съ именемъ Ягайла. Такой же новгородской передѣлкѣ подверглись и новыя списки Повѣданія (см. у г. Шамбинаго, стр. 92).

Третье соображеніе. Во всѣхъ редакціяхъ, кромѣ „передѣлки IV редакціи“ и одного списка Никоновской лѣтописи („первой“), передается рассказъ о вѣщахъ, спустившихся съ неба на русскіе поля; этотъ рассказъ вездѣ, кромѣ искаженнаго текста Никоновской лѣтописи, сопровождается словами: „Се же слышхомъ отъ гѣрнаго самовидца, иже бѣ отъ шолку князя Володимира Андреевича“. Такое точное указаніе на одинъ изъ источниковъ Сказанія прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что авторомъ его былъ современникъ битвы.

Итакъ, въ противоположность изслѣдователю, приходится признать наиболѣе древнею редакціею ту, которую онъ называетъ „второю“, и относить ее ко времени до 1405 — 1411 г. Мы удивляемся, какъ

г. Шамбинаго, знакомый съ ея языкомъ, могъ отнести ее къ концу XVI вѣка. Неужели въ эту эпоху были возможны такія слова, какъ отоки, распуженъ, побарати по вѣрѣ, одежемся, съяет, съпшбе рудѣ къ персем, возится рѣку, тепут, гонзуси, клегчют, имут, стертиси, сиузница, приволока, тробити („сирѣчь разаряти“), хоробруя, духъ южны потягну, етери; употребленіе по временамъ двойственного числа и т. п.?

Мы не будемъ останавливаться на характеристикахъ позднихъ редакцій Сказанія. Укажемъ лишь на нѣкоторыя черты работы. Уже раньше мы видѣли отсутствіе точности въ сравненіи списковъ. Еще болѣе поражаетъ почти полное отсутствіе смылокъ, вслѣдствіе чего провѣрять указанія изслѣдователя очень трудно. Такъ, на стр. 312 говорится, что ертоульные полки учреждены около 1552 г. Откуда взялъ авторъ это свѣдѣніе, неизвѣстно, а между тѣмъ указаніе сомнительно: по крайней мѣрѣ, по энциклопедическому словарю Граната, ертаулъ (передовой полкъ) введенъ Иваномъ III (1462 — 1505). Въ какомъ спискѣ упоминаются эти полки, также не указано. На стр. 182 не вѣрно сказано, что Никоновскій сводъ составленъ въ 1550 г. Такая точность не имѣетъ никакихъ основаній. Авторъ противорѣчитъ самъ себѣ: на стр. 135 онъ говоритъ, что лѣтопись составлена во второй половинѣ XVI вѣка, чтд соответствуетъ дѣйствительности. Въ прим. къ этой стр. авторъ указываетъ рецензію акад. Шахматова, но не упоминаетъ большой статьи его, посвященной между прочимъ Никоновской лѣтописи, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1897 г., № 10, стр. 236 и слѣд. На стр. 373 диссертациі мы читаемъ: „Сказка про Мамал бозбожнаго (Аоанасъевъ, № 182) представляетъ народную обработку повѣсти Сионсиса. Въ народѣ она попала черезъ лубочныя картинки“. Можетъ быть, все это и такъ; но это указаніе рѣшительно ничѣмъ не мотивировано; читатель не знаетъ даже, случалъ ли эти произведенія самъ изслѣдователь? Такія глухія указанія, конечно, не имѣютъ цѣны.

Главный интересъ диссертациі г. Шамбинаго заключается въ тѣхъ матеріалахъ, которые въ ней напечатаны. Эти матеріалы имѣютъ большую цѣнность. Укажу на „вторую“ редакцію, доселѣ извѣстную лишь по выпискамъ въ примѣчаніяхъ исторіи Карамзина. Большой интересъ представляютъ также вставки изъ пѣсенъ или былинъ въ Уваровскомъ спискѣ (стр. 295 — 7, 301 — 2). Эти вставки имѣютъ громадное значеніе для изслѣдованія русскихъ былинъ. Съ сожалѣніемъ, авторъ не выяснилъ ихъ отношенія къ другимъ текстамъ Сказанія.

Вопросъ объ отношеніи повѣстей къ народной поэзіи вовсе не затронуть въ диссертации. Вообще авторъ исполнилъ свой трудъ сообразно съ своими воззрѣніями на исторію литературы какъ на исторію редакцій. Насколько удачно очерчена эта послѣдняя исторія, читатель видитъ изъ всего вышесказаннаго.

А. Маршаль.

Книжныя новости.

Н. Малицкий. Изъ прошлаго Владимірской епархіи. Выпускъ второй. Владиміръ. 1907.

Вышеназванная книга г. Н. Малицкаго обьявлена своимъ происхожденіемъ приведенію въ порядокъ богатаго Владимірскаго консисторскаго архива, въ который вошелъ извѣстный Суздальскій архивъ. Многіе матеріалы изъ послѣдняго, какъ оказывается, не были знакомы мѣстнымъ историкамъ и только теперь, благодаря трудамъ, между прочимъ, и самого г. Н. Малицкаго, становятся достояніемъ исторіи. Разсматриваемый второй выпускъ „Изъ прошлаго Владимірской епархіи“ представляетъ собою сборникъ статей и замѣтокъ, числомъ 28, основанныхъ исключительно на архивныхъ данныхъ. Во главѣ ихъ находимъ „Дѣло о церковномъ чествованіи князя Феодора Стародубскаго въ селѣ Алексѣи“, по поводу котораго уже былъ сдѣланъ докладъ въ 1906 г. на Владимірскомъ историко-археологическомъ съѣздѣ Г. А. Ражкинъ; но вновь разсматривавшій его г. Н. Малицкій пришелъ къ нѣсколькимъ инымъ выводамъ о результатахъ слѣдствія Суздальской духовной консисторіи по поводу „чествованія“ благовѣрнаго князя Феодора Стародубскаго, и вообще онъ склоненъ отрицать долго признаваемую народомъ святость послѣдняго.

• Далѣе довольно любопытны въ бытовомъ отношеніи статьи, посвященные времени правленія Владимірской епархіей епископа Геронима (1771—1783 г.), котораго обыкновенно упрекаютъ современные археологи за реставрацію Владимірскаго кафедральнаго Успенскаго собора, — „Распоряженія епископа Геронима, касающіяся отправления богослуженій во Владимірской епархіи“ и „Заботы епископа Геронима о возвышеніи нравственности и благопріятіи Владимірскаго духовенства“. Совершенно новыми данными сообщаются въ статьѣ: „Къ исторіи Владимірскаго духовнаго училища въ первые годы его существованія (1790—1800)“. Въ статьѣ „Погребеніе инспектора Владимірской духовной семинаріи архимандрита Юсифа въ 1817 году“ г. Н. Малицкій приводитъ открытый имъ въ Суздальскомъ архивѣ „Актъ“ этого погребенія, отличавшагося торжественностью и свидѣтельствовавшего объ особой любви и признательности семинаристовъ и преподавателей къ своему инспектору. Въ замѣткѣ: „Къ биографіи графа М. М. Сперанскаго“ составитель сборника приводитъ вновь открытыя имъ собственноручныя два его письма отъ 1789 г. къ Владимірскому епископу Виктору. Въ одномъ изъ нихъ онъ проситъ епископа прислать ему 24 руб. 80 коп. для покупки необходимыхъ ему и его товарищу по семинаріи Ивану Вышеславскому книгъ, а въ другомъ бла-

годарить епископа за присылку 25 руб. Книги, понадобившіяся тогда студенту Александро-Невской семинаріи Михаилу Сперанскому, были слѣдующія: 1) „Французской новой лексиконъ, въ двухъ томахъ—11 руб.“; 2) „Алгебра Г. Эйлера, въ 2 частяхъ—2 руб. 50 коп.“; 3) „Геометрія Кравтова—70 коп.“; 4) „Тригонометрія Г. Румовскаго—80 коп.“; 5) „Физическія письма Г. Эйлера—3 руб.“; 6) „Vincleri institutiones Philosophicae, editio tertia—5 руб.“ и 7) „Schuberti Metaphysica—1 руб. 80 коп.“.

Наконецъ не мало интересныхъ и новыхъ данныхъ находимъ въ статьяхъ: „Перевозка Переславскихъ колоколовъ въ Петербургскій Петропавловскій соборъ“ (совершена въ 1790 г., черезъ два года послѣ закрытія Переславской епархіи) и „Соборная церковь Рождества Богородицы въ Боголюбскомъ монастырѣ“. Церковь эта была воздвигнута еще Андреемъ Боголюбскимъ; въ концѣ XVII вѣка обратилась въ полуразвалины и въ полоннѣ XVIII вѣка была перестроена по типу, совершенно не напоминающему древняго Боголюбскаго храма.

А. И. Миловидовъ. Русскій календарь въ Сѣверо-западномъ краѣ, его исторія и значеніе. Историко-библіографическая справка по поводу 25-лѣтія „Виленскаго Календаря“, съ указателемъ помѣщенныхъ въ немъ статей и съ четырьмя портретами въ текстѣ. Вильна. 1908. Стр. 33.

А. И. Миловидовъ говоритъ не только о „Виленскомъ календарѣ“, но вообще о календаряхъ польскихъ въ Сѣверо-западномъ краѣ, съ конца XVI вѣка, и русскихъ съ 1840 года („Хозяйственный мѣсяцесловъ“ первый). По историческимъ обстоятельствамъ края календарь имѣлъ и имѣетъ значеніе орудія борьбы культурной за народность и вѣру,—послѣднее особенно въ минувшіе вѣка.

Что касается собственно „Виленскаго календаря“, первая книжка котораго, на 1884 годъ, вышла въ концѣ 1883 года, то бросая общій взглядъ на содержаніе календаря за первое его 25-лѣтіе (1884—1908), надо отмѣтить прежде всего разнообразіе и обиліе нансчатаннаго въ немъ матеріала, какъ для справокъ, такъ и для чтенія. Можно сказать, что въ истекшій юбилейный періодъ ни одно выдающееся событіе, имѣвшее мѣсто въ Россіи, особенно въ Сѣверо-западномъ краѣ, не было обойдено „Виленскимъ календаремъ“, не оставлено имъ безъ надлежащаго освѣщенія и историческихъ справокъ. Въ концѣ книжки А. И. Миловидова находимъ указатель статей „Виленскаго календаря“ за 1884—1908 гг.: статьи духовнаго содержанія, церковная исторія, гражданская исторія, археологія и этнографія, исторія городовъ, учрежденій учебныхъ заведеній, біографіи, медицина и сельское хозяйство, некрологи, портреты и рисунки.

Насколько изданіе „Виленскаго календаря“ достигаетъ своей цѣли, каковы его результаты въ истекшій періодъ, этого съ точностью опредѣлить невозможно: культурное водѣйствіе на массы совершается незамѣтнымъ и медленнымъ путемъ; но что „Виленскій календарь“ оказываетъ свое вліяніе, имѣетъ постоянный кругъ своихъ читателей, за это говорить то уже, что издавіе его въ большинствѣ годовъ расходится безъ остатка и легко выдерживаетъ конкуренцію. Попытки къ послѣдней въ истекшее 25-лѣтіе были

неоднократно, по изданным по сходной программѣ, съ значительными приложениями, даже болѣе дешавые по цѣнѣ календари черезъ 2—3 года прекращали свой выходъ.

Лѣтопись Екатеринославской ученой архивной комиссіи. Годъ третій. (Выпускъ IV). Издается подъ редакціей товарища пресѣдателя комиссіи А. Сивилскаго. Екатеринославъ. 1908.

Содержаніе IV выпуска вышеназванной „Лѣтописи“ составляютъ: 1) „Екатеринославская земская милиція 1806—1807 г. (къ столѣтію ея учрежденія)“, И. Вертоградова; 2) „Матеріалы для исторіи церковнаго устройства на Запорожьѣ (изъ архива Екатеринославской духовной консисторіи)“, В. А. Вѣднова; 3) Малорусскія историческія пѣсни, собранныя въ Екатеринославщинѣ (1874—1903 г.)“, Я. П. Новицкаго; 4) „Орнаментъ и его первичные элементы“, А. А. Скрыленко; 5) „Перенесеніе архіерейской кathedры изъ Новомиргорода въ Екатеринославъ (страница изъ прошлаго Екатеринославской епархіи)“, В. А. Вѣднова; 6) „Свѣдѣнія объ архивѣ Екатеринославской духовной консисторіи (документъ XVIII вѣка)“, его же; 7) „Братскія свѣдѣнія объ архивѣ Самарскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря“, его же и 8) „Лѣтская комедія въ Екатеринославѣ (сто лѣтъ назадъ)“, В. В. Данилова.

Наибольшій интересъ и значеніе изъ всего перечисленнаго должна, конечно, имѣть обширная работа Я. П. Новицкаго, собирающаго малорусскія историческія пѣсни въ теченіе тридцати лѣтъ и раздѣливаемаго ихъ въ своемъ сборникѣ на четыре отдѣла: 1) „Времена борьбы съ татарами, поляками и турками“ (наиболѣе обширный отдѣлъ), 2) „Пѣсни, связанныя съ временемъ наденія Сѣчи и дальнѣйшей судьбой Запорожья“, 3) „Запорожскія вирши.—Сатира.—Аллегорія“ и 4) „Крепачкія. (Временъ крѣпостной зависимости)“. Ограничиваясь здѣсь сказаннымъ объ этомъ интересномъ сборникѣ, который, вѣроятно, имѣется уже и въ отдѣльномъ изданіи, мы надѣемся, что онъ вызоветъ особую и специальную рецензію.

Въ своей работѣ „Матеріалы для исторіи церковнаго устройства на Запорожьѣ“ В. А. Вѣдновъ рѣшился воспользоваться тѣ архивныя документы, которыми не воспользовался Екатеринославскій епископъ Оеодосій Макаревскій, извѣстный историкъ Екатеринославской епархіи, и которые онъ привелъ въ краткихъ извлеченіяхъ. „На первый разъ“ онъ напечаталъ тринадцать дѣлъ, но ни при одномъ изъ нихъ не имѣется примѣчанія, пользовался ли ими епископъ Оеодосій или нѣтъ. Чтобы судить о содержаніи и значеніи этихъ дѣлъ, приведемъ лишь слѣдующіе два ихъ заголовка:—„Дѣло 1761 г. о zaloженіи намѣстна Старокодацкой въ селѣ Брегадировѣ вновь вмѣсто обетпалой во имя Покрова Пресвятыя Богородицы на новолѣхъ мѣстѣ церкви“, и „Дѣло о рукоположеніи Оседора Фомича Старокодацкой намѣстна мѣстечка Новаго Кодаку къ церкви Николаевской во священника 1766 года“. Тѣхъ же обстоятельствъ, т. е. построения или освященія новыхъ церквей и рукоположенія священнослужителей касаются и другія одиннадцать дѣлъ, и только два остальныхъ иного содержанія: одно изъ нихъ свидѣтельствуетъ „о причиненіи“ священнику войсковымъ писаремъ „ругательствъ, боя и прочего“, а другое „о бѣжавшемъ изъ Кіева“ священникѣ Гатриловѣ, который былъ рукоположенъ во священника въ Николаевской Старокодацкой церкви.

Дѣла расположены въ строго хронологическомъ порядкѣ, что заставляетъ издателя разбивать дѣла разныхъ лѣтъ объ одномъ и томъ же предметѣ.

Обращаютъ на себя вниманіе и другія работы В. А. Бѣднова, основанныя на изученіи мѣстнаго кописторскаго архива, въ особенности статья: „Перенесеніе архіерейской клавды изъ Новомиргорода въ Екатеринославъ“.

Наконецъ нельзя обойти молчаніемъ и замѣтки В. В. Данилова, даващаго разборъ нацисшной для дѣтей показѣтельнымъ авторомъ и напечатанной въ Екатеринославѣ 1806 г. комедіи „Осмѣянное чародѣйство“. Послѣдняя составлена въ духѣ Карамзина и кой-что заключаетъ для характеристики тогдашнихъ нравовъ и понятій мѣстнаго дворянства.

Отчетъ Виленской публичной бібліотеки и музея за 1907 годъ. Вильна. 1908. Стр. 32+160.

Въ теченіе 1907 года было выдано годичныхъ билетовъ 1.738, въ 1906 году—1.312, въ 1905 году—890. Главшій контингентъ читателей бібліотеки составляютъ вообще лица, учащіяся или въ учебныхъ заведеніяхъ, или въ ихъ (70,65%). Крушно, сравнительно, повысились группы ремесленниковъ, наборщиковъ, почтово-телеграфныхъ служащихъ и сельскихъ хозяевъ. Ежедневное число читателей значительно возросло и въ нѣкоторые дни доходило до 170 человекъ. Читальный же залъ бібліотеки можетъ вмѣстѣ лишь 40 человекъ: не смотря на приставные столы и стулья, многимъ приходилось занимать столы. Посѣтителей бібліотеки всего было 20.113; изъ нихъ мужчинъ 18.544, женщинъ 1.569. Наибольшее число посѣтителей было въ октябрь—8.028 и наименьшее въ май—863. По сравненію съ предыдущимъ годомъ посѣтителей было болѣе на 4.926 (4.765 м.+161 ж.).

Посѣтителей музея было всего 12.189; изъ нихъ мужчинъ 7.857 и женщинъ 4.323. Наибольшее число въ сентябрь—1589 и наименьшее въ май—747. По сравненію съ предыдущимъ годомъ число посѣтителей увеличилось на 1.206 ч. (770 м.+432 ж.).

Съ 1902 года музей начали посѣщать группами воспитанники мѣстныхъ и иногороднихъ учебныхъ заведеній, подъ руководствомъ своихъ наставниковъ. Кроме того, музей былъ осмотрѣнъ группами православныхъ наемниковъ, въ числѣ 1.504 ч., казаковъ—38 ч. и нижнихъ воинскихъ чиновъ всѣхъ родовъ оружія, въ числѣ 276 ч.

Книгъ и журналовъ было потребовано всего 21.888 названій въ 25.972 тт.; изъ нихъ русскихъ книгъ—20.227 названій въ 21.157 тт., журналовъ русскихъ—1.226 названій въ 3.902 тт.; польскихъ—185 названій въ 281 тт.; моравскихъ—87 названій и томовъ; латинскихъ—17 названій въ 31 тт.; французскихъ—124 названія въ 364 тт.; нѣмецкихъ—22 названія въ 67 тт. По сравненію съ предыдущимъ годомъ заявлено требованій болѣе на 1.614 названій и на 496 томовъ. Въ частности, русскихъ сочиненій въ 1907 году затребовано болѣе предыдущаго года на 2.304 названія и 2.284 т. Отказовъ въ выдачѣ затребованныхъ книгъ было 363. Изъ рукописнаго отдѣленія затребовано было 83 рукописи на церковно-славянскомъ, русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ.

Всего въ 1907 году въ бібліотеку поступило книгъ, брошюръ и періоди-

чeskнхъ изданій 1.797 названій въ 2.239 тт. (въ 1906 году 938 названій въ 1.350 тт.). Изъ нихъ на собственныя средства приобретено библиотекой 220 названій въ 270 тт. Рукописей въ библиотеку поступило 12, именно: 11 документовъ XVIII вѣка пожертвовано г. С. Адельскимъ и одна рукопись съ автографомъ Великаго Князя Николая Константиновича приобретена отъ г-жи Вавельяной — „Поворотъ Аму-Дары въ Узбой“. Въ музей поступило 59 историко-археологическихъ предметовъ (въ 1906 году 2.014 предметовъ + 19 таблицъ).

Въ 1907 году „Временной комиссіей по устройству и управленію публичной библиотеки и музея“ напечатаны: 1) Отчетъ Виленской публичной библиотеки и музея за 1906 годъ. 8°. Стр. 90. Въ приложеніяхъ къ этому отчету даны описанія коллекцій Е. Р. Романова, а именно: археологической коллекціи, собранія рукописей, старопечатныхъ книгъ, литографій и гравюръ, карты и планы. 2) Четвертое прибавленіе къ систематическому каталогу русскаго отдѣленія Виленской публичной библиотеки. (Стр. VII+386+LVI, 8°). 3) Виленскій календарь на 1908 годъ. (Стр. VIII+148—192, 8°. Съ 82 рис. въ текстѣ и 2 портретами на отдѣльныхъ листахъ). 4) Описаніе славяно-русскихъ старопечатныхъ книгъ Виленской публичной библиотеки (1491—1800 гг.), составлено А. И. Миловиловымъ. Приложение къ отчету за 1907 годъ. Стр. 160, изъ нихъ стр. 153—160 заняты образцами шрифтовъ и орнаментовъ виленской (тронцкой) и супрасльской типографій (XVII и XVIII вѣковъ). Всего описано 234 №№. (Столько въ отдѣлѣ славяно-русскихъ старопечатныхъ книгъ). Изъ нихъ книгъ, неопредѣленныхъ по мѣсту и времени наданія, а также дефектовъ 30. Къ описанію приложенъ хронологическій перечень славяно-русскихъ старопечатныхъ книгъ библиотеки. Описаніе составлено тщательно и интересующіея стариной будутъ благодарны.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе февраля и марта мѣсяца 1908 года.

— Сборникъ учено-литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Томъ XII. Юрьевъ 1907. 238 стр. Цѣна 2 руб.

— Ответственная война 1812 года. Отдѣлъ I. Черениска русскихъ нравственно-нравственныхъ лицъ и учреждений. Изданіе Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба. Томъ VIII. Подготовка къ войнѣ въ 1812 г. (январь мѣсяцъ). С.-Пб. 1907. IX+176+XXXII стр. Цѣна 2 руб.—Томъ IX. Подготовка къ войнѣ въ 1812 г. (февраль мѣсяцъ). С.-Пб. 1908. X+192+XVI стр. (Матеріалы Военно-Ученаго Архива Генеральнаго Штаба).

— *Жизнь, Н. Н.* Сочиненія. Томъ второй. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

— *Бубновъ, И. М.* Архитектурная самостоятельность европейской культуры. Культурно-историческій очеркъ. Киевъ 1908. X+408 стр. Цѣна 2 руб.

— AVADĪNAŚATAKA. A century of edifying tales belonging to the Hinayāna. Edited by Dr. J. S. Speyer. Vol. II. St.-Petersbourg 1907. Стр. 97—192. Цѣна 1 руб. (Bibliotheca Buddhica. III).

— MŪLAMADHYAMAŚĀKĀRĪKĪS (Madhyamkaśūtras) de Nāgārjuna avec la

Prasannapadī Commentaire de Candrakīrti. Publié par Louis de la Vallée Poussin. V. St.-Petersbourg 1907. Стр. 417—512. Цѣна 1 руб. (Bibliotheca Buddhica IV).

— *Радловъ, Н.* ОБРАЗЦЫ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ТЮРКСКИХЪ ШТЕМВЪ. С.-Пб. 1907. Часть IX. Нарѣчія урянхайцевъ (сойотовъ), абаканскихъ татаръ и карагасовъ. Тексты, собранные и перепечатанные П. О. Катанонглимъ. Тексты. XXXII+668+XLVIII стр. Цѣна 5 руб.—Переводъ. XXV+658 стр. Цѣна 4 руб. 50 коп.

— *Мадхуамакхвѣта* par Candrakīrti. Traduction Tibétaine publiée par Louis de la Vallée Poussin. I. St.-Petersbourg 1907. Стр. 1—96. Цѣна 1 руб. (Bibliotheca Buddhica IX).

— Труды Варшавскаго Статистическаго комитета для десяти губерній Царства Польскаго. Выпускъ XXXV. Десять губерній Царства Польскаго въ цифрахъ. Населеніе. Землевлѣдѣніе. Промышленность. Просвѣщеніе. Правленность и проч. Отчетъ за 1907 годъ. Краткій Ежегодникъ Привислинскаго края за 1907 годъ. Варшава 1908. 112 стр. Цѣна 1 руб.

— Отчетъ Императорской Археологической комиссіи за 1904 годъ. Съ 1 таблицей и 276 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1907. 185 стр.

— *Миловидовъ, А. И.* ОПИСАНІЕ СЛАВЯНО-РУССКИХЪ СТАРОПЕЧАТНЫХЪ КНИГЪ Виленской публичной бібліотеки (1491—1800 гг.). Вильна 1908. 160 стр.

— Отчетъ о дѣятельности Историко-филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ за 1905—1906 и 1906—1907 академическій годъ. Одесса 1908. 9 стр.

— *Богородицкій, В. А.* Замѣтки по экспериментальной фонетикѣ. Выпускъ V: Наблюденія надъ произношеніемъ съ помощью губнаго прибора Розанова. Казань 1907. 32 стр. Цѣна 20 коп.

— Отчетъ Виленской комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ за 1907 годъ. Вильна 1908. 16 стр.

— Движенія населенія въ Европейской Россіи и въ двухъ губерніяхъ Сибири: Енисейской и Тобольской за 1902 годъ. Центральный Статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ. С.-Пб. 1907. XXII+277 стр. (Статистика Россійской Имперіи. LXVI).

— *Lorentz, Friedrich, Dr.* SLOVINZISCHES WÖRTERBUCH. Erster Theil. A—Ö. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. St.-Petersburg 1908. IV+788 стр. Цѣна 4 руб.

— Россия и Италия. Сборникъ историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій, касающихся сношеній Россіи съ Италіей. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ первый. Выпускъ 1-й. С.-Пб. 1907. IV+114+II стр. Цѣна 75 коп.

— *Бяльцкій, Ю.* Неврастенія, въ сущности, причины, симптомы, виды и леченіе. Изъ клиники академика В. М. Бехтерева. Предисловіе академика В. М. Бехтерева. С.-Пб. 1908. 648 стр. (Безлатное приложеніе къ „Вѣстнику Психологін" за 1907 г.).

— Споминна книга за хилядогодишницата на Царь Бориса. 2-й май 1907 година. София 1907. 96 стр.

— Грушевський, Михайло. Історія України-Руси. Київ—Львів 1907. Накладом Наукового Товариства ім. Шевченка. Том VI. Житє економічне, культурне, національне XIV—XVII віків. 667 стр. (Збірникъ історично-філософичної секції Наукового Товариства імені Шевченка. Том X и XI).

— Урожай 1907 года. I. Озимые хлеба и сѣно. Изданіе Центрального Статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. Годъ двадцать пятый. С.-Пб. 1907. XXXVI+114+6 картогр. (Статистика Россійской Имперіи LXVII).

— Коневодство въ 60 губерніяхъ Европейской Россіи и Кавказа. (По даннымъ военно-конскыхъ переписей 1900—1906 гг.). С.-Пб. 1906. 204+4 картогр.+XI стр.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

ШКОЛЬНЫЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ¹⁾.

6. Ивановъ, 3, класса, 13 лѣтъ.

Маленькаго роста, ниже своихъ сверстниковъ. Сравнительно большой корпусъ сидитъ на короткихъ, слегка изогнутыхъ ногахъ, кривизна которыхъ очень замѣтна, когда бѣгаетъ. Несмотря на это, отличается большою ловкостью въ играхъ и бѣгѣ. Совершенно черные волосы и такіе же глаза, всегда бѣгающіе. Здоровый, сильно румяный цвѣтъ лица.

Уроженецъ Петербурга, изъ мало-состоятельной, интеллигентной семьи. Семья большая, на воспитаніе особеннаго вниманія не обращается, за поведеніемъ его не слѣдятъ.

Первое, что бросается въ глаза при наблюденіи надъ этимъ мальчикомъ,—это необычайная подвижность. *Движенія* его чрезвычайно *обильны* и разнообразны. Онъ ни одной минуты не можетъ спокойно усидѣть на мѣстѣ: то подождетъ ноги подъ себя, то согнетъ ихъ въ колѣняхъ и упретъ въ столъ, а то и на столъ влѣзетъ. Во время приготовленія уроковъ пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы вскочить съ мѣста и подойти то къ одному, то къ другому изъ товарищей. Только будучи занятъ интереснымъ для него предметомъ (рисованіе, чтеніе), можетъ нѣкоторое время просидѣть на мѣстѣ сравнительно спокойно. Передъ собою долго не можетъ уложиться: шалить, бѣгаетъ по столамъ и кроватямъ. Чрезвычайно любитъ различныя физическія упражненія. Тогчасъ послѣ урока принимается бѣгать за

¹⁾ *Продолженіе.* См. мартовскую выкву *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1908 годъ.

къмъ-нибудь или составляютъ подвижную игру (охотники, цѣпь, лисичку и т. д.). Отличается большою способностью къ гимнастикѣ, танцамъ, подвижнымъ играмъ (*координація движеній*). Въ игрѣ, несмотря на малый ростъ, выбранъ отъ партіи первымъ, какъ наиболее сильный въ бѣгѣ (*быстрота движеній*). Отлично танцуетъ въ присядку, выдѣлывая такія па, которыя не всякій сверстникъ сдѣлаетъ. Необыкновенно быстро выучиваетъ всякіе новые танцы (*домателіная упражняемость*). Во время гимнастики чувствуетъ себя въ своей сферѣ; несмотря на малый ростъ, перепрыгиваетъ черезъ кобылу, что требуетъ большой ловкости и смѣлости.

Въ тѣсной связи съ обиліемъ и быстротой движеній находятся нѣкоторыя особенности вниманія и эмоциональной сферы, развитыя у Иванова также весьма значительно. *Чувства* его отличаются крайнею *возбудимостью* и *обиліемъ внешнихъ физиологическихъ проявленій*. Всякіе, даже незначительные поводы возбуждаютъ въ немъ чувство радости: разрѣшеніе идти на плацъ, объявленіе, что воспитатель будетъ читать классу, что вмѣсто ручного труда будетъ гимнастика и т. д. При разговорѣ съ роднымъ командиромъ, хотя и держитъ себя относительно сдержанно, но отвѣчаетъ съ присущей ему горячностью. Во время игръ и гимнастики всякая удача (прыжокъ черезъ кобылу, пойма мяча) вызываетъ громкіе крики, особое оживленіе, сильное покраснѣніе, обильное выдѣленіе пота. Вообще, радость выражается крикомъ, быстрыми, порывистыми движеніями и смѣхомъ. Лишеніе свободы вызываетъ слезы. Вслѣдъ за наложеннымъ взысканіемъ усиленно проситъ прощенія, кожа надъ бровями наливается кровью, на глазахъ появляются слезы. Но все это не надолго: скоро забываетъ и опять веселъ (*неустойчивость чувствованій*). Благодаря повышенной возбудимости чувствъ, *вліяніе ихъ на умственные и волевые процессы* у Иванова очень велико. Игроку онъ способенъ увлечься до самозабвенія. Во время воспитательскаго чтенія, увлекшись слушаніемъ, влѣзаетъ на кафедру; слушаетъ очень внимательно, весь отдается разсказу, отъ удовольствія громко выкрикиваетъ: „молодецъ!“ „такъ ему и надо!“ Вліянію чувствъ отражаются также и на сужденіяхъ, которыя отличаются у него крайнею *субъективностью*: то, что сегодня похвально и справедливо, завтра дурно,—смотря по тому, что ему выгодно.

Подобно чувствованіямъ, *вниманіе* у Иванова также отличается крайнею *возбудимостью*. Онъ чрезвычайно любопытенъ, всюду суется, безъ него ничто не обходится. Все новое, приписанное товарищамъ.

или преподавателями (игры, книги, письма, картинки) тотчас же привлекает его вниманіе. Къ воспитательскому чтенію всегда относится очень внимательно. Игрою въ перышки увлекся до того, что на зовъ не сразу отвѣчалъ. Погруженный въ шахматную игру, ничего не слышать, что вокругъ него дѣлается (*сосредоточенность пассивнаго вниманія*). Если предметъ его интересуется, то можетъ внимательно слѣдить за нимъ въ теченіе довольно долгаго времени; такъ, интересную книгу въ 500 страницъ, слушалъ до самаго конца, въ теченіе нѣсколькихъ дней подрядъ съ выдающимся вниманіемъ (*устойчивость пассивнаго вниманія*). Но это бываетъ лишь тогда, когда занятіе для него интересно; заставить же себя сосредоточиться на скучныхъ предметахъ онъ совершенно не въ состояніи. Во время классныхъ занятій онъ каждую минуту чѣмъ-нибудь отвлекается: ломовой проѣхалъ, солдаты прошли,—онъ тотчасъ бросаетъ занятія и бѣжитъ къ окну. Вообще, во время уроковъ бываетъ часто крайне разсѣянъ.

Что касается особенностей волевой сферы, то въ этомъ отношеніи Ивановъ не представляетъ собой чего-нибудь дѣльнаго и законченнаго. Основныя черты его характера, только что нами описанныя, отражаются и на этой сторонѣ его душевной жизни, сообщая ей отпечатокъ нѣкоторой неопредѣленности, противорѣчивости. *Желанія* его обильны и разнообразны; не можетъ быть и пяти минутъ совершенно покоя, постоянно ему чего-нибудь надо. Все, что ему придетъ въ голову, тотчасъ же выполняетъ, не думая о послѣдствіяхъ (*импульсивность поступковъ*). Чѣмъ больше рискъ, тѣмъ скорѣе принимается рѣшеніе. Это сказывается во всѣхъ его многочисленныхъ шалостяхъ, а также въ играхъ, гдѣ онъ, нисколько не задумываясь, иногда серьезно рискуетъ. Сознательнаго постоянства, какихъ-либо устойчивыхъ, *руководящихъ идей и стремленій* въ его поведеніи нельзя замѣтить. Однако тамъ, гдѣ его поведеніе опредѣляется непосредственными интересами или влеченіями, Ивановъ бываетъ иногда довольно постояненъ. Къ товарищамъ онъ всегда относится съ одинаковымъ доброжелательствомъ. Принявши участіе въ интересномъ для него занятіи (плетеніе сѣти), онъ продолжаетъ это дѣло въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, т. е., гораздо дольше, чѣмъ другіе товарищи, и доводитъ такъ его до конца.

Онъ не легковѣренъ и вообще *самостоятеленъ* въ своихъ поступкахъ и сужденіяхъ. Иногда бываетъ чрезвычайно трудно уговорить или убѣдить его въ чемъ-нибудь. Такъ, пыривъ, чѣмъ-то доказывали ему, что его поступокъ съ дядькой (бросалъ въ него грязь

нымъ бѣломъ) неприличнѣе,—и все же Ивановъ не согласился и остался при своемъ, что дядька фискаль и такъ ему и надо. То же самое повторялось при обсужденіи случая съ однимъ воспитанникомъ, которому преподаватель поставилъ дурной баллъ.

Ивановъ выносилъ по отношенію къ физической боли; даже будучи сильно ушибленъ, онъ никогда не станетъ жаловаться и, вообще, не проявить своихъ страданій открыто (способность къ *физической задержкѣ*). Ударъ латымъ мячемъ въ ухо вызвалъ посинѣніе уха,—и все же не переиначилъ его настроенія. За то способность *психической задержки* у него развита гораздо меньше. Разсматривая съ увлеченіемъ книжку „Задушевнаго Слова“, онъ, несмотря на замѣчанія воспитателя, не стѣснялся въ выраженіи своихъ восторговъ и употреблялъ не совсѣмъ приличныя выраженія (другой примѣръ смотри выше). Скрытности у него не наблюдалось; напротивъ, скорѣе замѣчается потребность высказаться. Такъ, получивъ письмо отъ брата изъ Манчжуріи, тотчасъ пришелъ показать воспитателю. Уличенный въ какой-нибудь шалости, въ первый моментъ всегда придумываетъ удачную отговорку, но потомъ легко сознается, повидимому, въ силу откровенности.

Чувства Иванова по своему содержанію довольно богаты и разнообразны. Общій фонъ его эмоциональной сферы составляетъ бодрое, *веселое настроеніе*. Онъ всегда веселъ и жизнерадостенъ. Только лишеніе свободы дѣлаетъ его на время слезливымъ (горько плачетъ); когда же отпустить, моментально все забываетъ и сразу же дѣлается необычайно веселъ. Но и наказанный безъ отпуска не долго тужить: скоро успокаивается и весело проводитъ время съ товарищами. Стоя на штрафу, веселъ,—увѣряетъ что у стѣны его постоянное мѣсто.

Въ тѣсной связи съ этимъ жизнерадостнымъ настроеніемъ находится его незаурядная смѣлость, почти полное отсутствіе у него *чувства страха*. Проявленій страха у него никогда не удавалось замѣтить. Ради шалости не побоялся больно ударить линейкой товарища, который былъ сильнѣе его. Во время гимнастики очень смѣло прыгаетъ черезъ кобылу, что представляетъ извѣстный рискъ, особенно при его небольшомъ ростѣ. При игрѣ въ футъ-болъ не шадитъ себя, подставляя подъ частыя толчки и удары. Часто съ размаха падаетъ на землю, перевертывается, летитъ кувыркомъ—и все же продолжаетъ игру дальше. Чувства самосохраненія—никакого. Вообще, *эмоціонскія* чувства у него развиты очень мало. Безпеченъ, никогда не заботится о своихъ интересахъ. Хотя и выдѣляется иногда среди то-

варищей въ играхъ и гимнастикѣ, но не замѣтно, чтобы гордился этимъ (*не самолюбивъ*). Только по отношенію къ одному, болѣе слабому, товарищу проявляетъ авторитетный тонъ, повторяя ему отъ себя приказанія воспитателя, а иногда и силой заставляя его слушаться.

Низшія *органическія чувства* развиты довольно значительно. Къ ѣдѣ относится съ жадностью. Во время завтрака и обѣда иной разъ положительно набрасывается на подаваемые блюда; ѣсть много и поспѣшно. Вернувшись изъ отпуска, съ видимымъ удовольствіемъ рассказываетъ о томъ, что дома получили на обѣдъ и завтракъ. Въ лицѣ очень разборчивъ, ѣсть лишь то, что нравится; мяса не любить, поэтому часто довольствуется сладкимъ, хлѣбомъ и квасомъ. Подмѣчаетъ интересъ къ непрстойнымъ рисункамъ.

Отношенія къ другимъ людямъ (товарищамъ, воспитателямъ) у него въ большинствѣ случаевъ доброжелательныя. Со всѣми товарищами онъ дружитъ, всѣми любитъ (*чувство симпатіи, общественныя чувства*). На ласковое къ нему слово со стороны воспитателя очень отзывчивъ. Когда другой, болѣе сильный товарищъ обидѣлъ до слезъ слабого, Ивановъ заступился и сообщилъ объ этомъ дежурному офицеру. Въ другой разъ очень усердно защищалъ передъ воспитателемъ товарища, котораго онъ считалъ правымъ. Никогда не раздражается, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда къ нему несправедливы; только въ пылу игры, находясь въ сильномъ возбужденіи, горячится, сердится и кричитъ, если замѣтитъ какія либо неправильности.

Надо, впрочемъ, сказать, что въ своихъ многочисленныхъ шалостяхъ далеко не всегда считается съ интересами и состояніемъ тѣхъ лицъ, противъ которыхъ эти шалости направлены. Такъ, напримѣръ, во время занятій, приготовивши уроки раньше другихъ (онъ второгодникъ), все время мѣшаетъ то одному, то другому товарищу. Въ строю постоянно задѣваетъ болѣе слабого сосѣда и довелъ его до слезъ, наступая ему на ноги. Въ другой разъ насыпалъ болѣе слабому товарищу въ брюки опилокъ, когда тотъ одѣвался. Въ банѣ смѣялся надъ товарищами, задѣвая ихъ и брызгая на нихъ холодной водой. Одному преподавателю, который его почти всякій день наказывалъ, устроилъ слѣдующее: стрѣлки съ хлѣбомъ бросалъ на потолокъ, чтобы онѣ отлѣпились и упали преподавателю на голову. Дневальному, несшему посуду въ кухню, подставилъ ногу и очень былъ радъ, что тотъ споткнулся,—и т. д. Однако, во всѣхъ этихъ шалостяхъ не видно злости, желанія причинить другому вредъ и огорченіе. Повидимому, онъ лишь недостаточно входитъ въ положеніе другихъ.

Это происходитъ отчасти вслѣдствіе молодости и неопытности, а отчасти (и это главное) потому, что въ силу своего легкомыслія и отсутствія твердыхъ принциповъ, руководящихъ его поведеніемъ (смотри ниже), Ивановъ слишкомъ увлекается каждой новой шалостью и не думаетъ о ея послѣдствіяхъ. Если же ему удастся выяснитъ вредъ задуманной имъ шалости (что, впрочемъ, вслѣдствіе его упрямства, представляется дѣломъ далеко не легкимъ), то онъ ея не дѣлаетъ. Такъ, однажды вечеромъ ставилъ гусарики спящимъ товарищамъ. На доводы воспитателя, что это не порядочно, возражалъ, и согласился лишь съ тѣмъ, что это вредно для здоровья.

Что касается *нравственной чувствя*, то здѣсь у Иванова замѣчается опять нѣкоторое противорѣчіе. Съ одной стороны, онъ относится крайне небрежно къ обязанностямъ, налагаемымъ на него его положеніемъ воспитанника учебнаго заведенія. Штрафной журналъ весь испещренъ его проступками; не проходитъ дня, чтобы онъ не былъ наказанъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Одобря шалости товарищей, онъ не стѣснялся въ выраженіяхъ. Беззабѣчиво ругается дурными словами. Не стѣняется присутствіемъ преподавателей и воспитателей, позволяя себѣ по отношенію къ нимъ разныя фамильярности. Въ строю шалитъ больше всѣхъ: чуть отвернешься — задѣнеть товарища или какъ-нибудь напроказитъ. Во время урока вставляетъ неумѣстныя замѣчанія съ цѣлью потѣшить товарищей. На урокъ французскаго языка передразниваетъ отвѣчающихъ; на замѣчаніе же о неумѣстности этого — смѣется. Послѣ утренняго чая самовольно сталъ читать молитву; читалъ невозможно дурно, — очевидно, чтобы потѣшить товарищей. При выговорѣ смѣется. Сбавка балла за поведеніе не произвела почти никакого впечатлѣнія. Уличенный въ томъ, что мѣломъ бросилъ въ товарища, нисколько не смутился этимъ. Во время письменной работы списываетъ диктовку, пытается обмануть преподавателя. На свою выѣшность не обращает ни малѣйшаго вниманія: всегда грязенъ. Къ казеннымъ вещамъ относится крайне небрежно: вырѣзалъ фамилію на столѣ, бросалъ грязной губкой и замаралъ стѣну; платье чиститъ рѣдко, а сапоги лишь по приказанію — и т. д.

Тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, что у него совершенно отсутствуютъ чувство долга и нравственныя побужденія. Такъ, когда за сдѣланную имъ серьезную шалость хотѣли наказать другого товарища, сознался самъ, безъ всякаго давленія со стороны товарищей, зная, что понесетъ серьезное взысканіе. Несмотря на неряшливость

содержаніе платья, классный столикъ держать всегда въ порядкѣ и даже сосѣду помогаетъ убирать его столъ. Мы уже видѣли выше, что по поводу важнѣйшихъ событій кадетской жизни у него есть свои взгляды, которые онъ упорно отстаиваетъ. Но только, въ силу основныхъ свойствъ его эмоциональной и умственной сферы, взгляды эти отличаются крайней субъективностью, необоснованностью, недостаточной согласованностью и поэтому ни въ какомъ случаѣ не могутъ явиться правильнымъ руководящимъ началомъ его жизни и дѣятельности.

Трудно сказать, насколько развито у Иванова *религиозное чувство*. Въ трудныя минуты (передъ уроками) онъ, правда, усердно молится; но такъ какъ то же самое дѣлаетъ и большинство его товарищей, то, можетъ быть, онъ поступаетъ только по примѣру другихъ, заражаясь общимъ настроеніемъ (чему можетъ способствовать возбудимость его чувствованій). На молитвѣ часто шалить, въ церкви стоитъ дурно, разговариваетъ, оборачивается. *Эстетическое чувство* также, повиданному, не достигаетъ сколько-нибудь значительной степени развитія. Въ началѣ года онъ охотно занимался музыкой; аккуратно, безъ напоминаній ходилъ на уроки. Но затѣмъ, несмотря на свои незаурядныя музыкальныя способности, началъ относиться къ музыкѣ небрежно, придумывая для этого разные предлоги. Въ области музыки, никакихъ проявленій эстетическаго чувства у него не удавалось замѣтить.

Болѣе значительно развито *интеллектуальное чувство* (въ частности—интересъ къ чтенію). Только получивши книгу для чтенія, онъ на время успокаивается и перестаетъ шалить. Особенно усилился интересъ къ чтенію въ теченіе послѣдняго года. Очень любитъ Жюль Верна, Купера, вообще — жизнь индѣйцевъ и всякія приключенія. Урокъ естественной исторіи слушаетъ съ такимъ вниманіемъ и интересомъ, какъ какую-нибудь занимательную книгу. Въ послѣднее время увлекается игрой въ шахматы, которую очень полюбилъ.

Умственная сфера Иванова характеризуется, въ общемъ, *преобладаніемъ внѣшнихъ воспріятій* надъ внутренними. Онъ постоянно ищетъ новыхъ впечатлѣній, мало заботясь объ ихъ сохраненіи и переработкѣ. Его почти нельзя видѣть одного: всегда среди товарищей, въ шумной толпѣ, на плацу, въ залѣ. Благодаря тому, что онъ слишкомъ живетъ внѣшней жизнью, слишкомъ отдается минутнымъ впечатлѣніямъ, у него замѣчается въ умственной сферѣ та же особенность, которая нами уже была отмѣчена въ области волевыхъ

процессовъ: *отсутствіе направляющихъ идей*, слабое развитіе тѣхъ руководящихъ нормъ, безъ которыхъ невозможно правильное теченіе умственной и волевой дѣятельности. Онъ совершенно не способенъ къ систематическому наблюденію; въ играхъ и на урокахъ схватываетъ отрывками то, что для него болѣе важно и интересно. Слушая разсказъ, не всегда разбирается въ сути его, а останавливается на отдѣльныхъ, особенно интересныхъ моментахъ. Въ то же время *теченіе умственныхъ процессовъ* отличается у него такой же *быстрой*, какъ и всѣ вообще его поступки и движенія; такъ, напримѣръ, согласно наблюденіямъ воспитателя, Ивановъ справляется съ письменными работами быстро, чѣмъ его товарищи. Отличіе отъ двигательной сферы заключается здѣсь лишь въ томъ, что движенія у него такъ же быстры, какъ и координированы, между тѣмъ какъ въ области умственныхъ процессовъ продуктивность работы далеко не соответствуетъ быстротѣ ея (см. ниже).

Мы уже указывали на то, что Ивановъ постоянно ищетъ новыхъ впечатлѣній и тотчасъ же реагируетъ на нихъ, мало заботясь объ ихъ сохраненіи и переработкѣ. Соответственно этому, *воспріятія* у него *обильны* и довольно *точные*. Онъ очень наблюдателенъ: часто и удачно копируетъ взрослыхъ и товарищей, подмѣчая и подражая ихъ жестамъ, движеніямъ, говору и внѣшнимъ особенностямъ. Музыкальный слухъ у него сильно развитъ: легко схватываетъ мотивъ и точно передаетъ на рояли (слышанный маршъ подобралъ безъ труда). *Ассоціаціи обильны* и разнообразны. Разговоръ способенъ поддерживать безъ труда, хотя бы въ теченіе цѣлаго часа, не чувствуя недостатка въ подходящихъ темахъ: случанъ изъ кадетской жизни, жизнь брата на войнѣ, воспоминанія о братѣ, о семьѣ, времяпрепровожденіе дома и т. д. Говоритъ свободно, не подыскивая словъ и выраженій; часто употребляетъ пословицы и поговорки. *Вліяніе чувства* сказывается и здѣсь въ значительной степени: если разговоръ его интересуетъ, то онъ говоритъ много и свободно; въ противномъ случаѣ говорить отрывисто и немногосложно.

Комбинирующее воображеніе развито у Иванова довольно значительно, но крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ окружающей его жизни и дѣятельности. Въ затруднительныхъ положеніяхъ онъ очень находчивъ: уличенный въ какой-нибудь шалости, всегда сейчасъ же удачно подыщетъ подходящий мотивъ для того, чтобы оправдать себя и товарищей: пошелъ на чердакъ для того, чтобы достать мячъ, ланту и т. д. Въ шалостяхъ очень изобрѣтателенъ и разнообразенъ. Даннымъ

имъ товарищамъ прозвища часто становятся ходячими. Однако въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣятельность воображенія должна носить болѣе систематическій, плановѣрный характеръ, Ивановъ оказывается позади многихъ изъ своихъ товарищей. Это сказывается, напримѣръ, въ его письменныхъ работахъ, отличающихся, по словамъ воспитателя, недостаточной полнотой изложенія (*бѣдность воображенія*).

Что касается мышленія (*способность умозаключенія, образованіе понятій*), то въ общемъ оно развито у Иванова, повидимому, довольно слабо. Мы уже видѣли, насколько субъективны и необоснованы его сужденія относительно случаевъ окружающей жизни. Правда, въ разговорѣ съ ротнымъ командиромъ онъ даетъ толковые отвѣты; ариметическія задачи рѣшаетъ лучше другихъ товарищей (онъ второгодникъ); во время игры въ шахматы, которой выучился недавно, обнаруживаетъ значительное умѣнье. Но во всѣхъ подобныхъ случаяхъ успѣшность дѣйствій можетъ обуславливаться не только самостоятельной, сознательной переработкой впечатлѣній, но также и простымъ механическимъ примѣненіемъ заученныхъ рѣше правилъ и приѣмовъ. Нужно только во время сумѣть припомнить ихъ и воспользоваться ими, — а Ивановъ, какъ мы уже видѣли, отличается наблюдательностью и находчивостью. Такъ что о мышленіи въ собственномъ смыслѣ слова здѣсь едва ли можетъ идти рѣчь.

Память у Иванова, какъ показываютъ наблюденія, развита, въ общемъ, довольно хорошо. Онъ легко усваиваетъ уроки со словъ преподавателя (*способность запоминанія*). Въ самомъ началѣ занятій онъ уже оканчиваетъ приготовленіе уроковъ, такъ что на занятіяхъ не знаетъ, что дѣлать; приготовленные уроки отвѣчаетъ хорошо. Безъ труда выучиваетъ слова иностранныхъ языковъ. Слова, выученныя въ началѣ года, безъ повтореній отвѣтаетъ почти безошибочно въ апрѣлѣ (*способность удерживанія въ памяти*). Особенно хорошо развита у Иванова музыкальная память. Много вещей знаетъ наизусть. По словамъ учителя музыки, выдѣляется памятью среди всѣхъ сверстниковъ, занимающихся музыкой.

Резюме: *Крайняя подвижность и избытокъ жизненной энергіи. Повышенная возбудимость и неустойчивость эмоциональной и волевой сферы. Средней силы умственные способности, направленные, главнымъ образомъ, на внѣшнія, конкретныя стороны жизни. Отсутствіе эгоистическихъ чертъ характера, но въ то же время и отсутствіе ясныхъ, опредѣленныхъ принциповъ, руководящихъ его поведеніемъ.*

7. Домшоръ, 5 класса, 15 лѣтъ.

Средняго роста, слабого тѣлосложенія, съ очень слабо развитыми мышцами. Во время гимнастики съ трудомъ можетъ притянуться одинъ разъ на рукахъ, между тѣмъ какъ другіе притягиваются по нѣскольку разъ и поднимаются по лѣстницѣ; на гимнастикѣ очень быстро утомляется (*слабость движеній, двигательная утомляемость*). Ходить довольно медленно, вяло и лѣнливо; говорить и писать довольно быстро, но почеркъ очень некрасивый,—крупный и неуклюжій. Въ танцахъ крайне неловокъ и неуклюжъ, въ сложныхъ гимнастическихъ упражненіяхъ (прыжокъ въ высоту и ширину, упражненіе съ палкой)—также (плохая координація движеній). Во время танцевъ никакъ не можетъ попасть въ тактъ музыки: продѣлываетъ на независимо отъ темпа; во время маршировки подѣ барабанъ точно также не можетъ попасть въ тактъ.

Наблюденія надъ этимъ мальчиномъ значительно затрудняются его крайней замкнутостью и необщительностью. Держится особнякомъ отъ товарищей, предпочитая тишину и уединеніе. Изрѣдка, правда, приходилось наблюдать, что онъ, напримѣръ, во время вечернихъ занятій вмѣсто приготовленія уроковъ оживленно разговаривалъ съ сосѣдомъ, такъ что даже пришлось дважды его останавливать,—но такіе случаи все-таки являются исключеніемъ; обычно же молчаливъ и неразговорчивъ (*блѣдность внѣшнихъ проявленій чувства*). Большею частью сидитъ, задумавшись о чемъ-нибудь или углубившись въ книгу, даже въ то время, когда всѣ гуляютъ. Какой-либо стукъ, шумъ въ классѣ или на улицѣ, заставляющій всѣхъ обернуться, на него не производитъ никакого дѣйствія: сидитъ, углубившись въ свои мысли, и кусаетъ кончикъ на пальцахъ. Въ классѣ приходится нѣсколько разъ назвать его по фамиліи, а иногда даже товарищъ долженъ толкнуть его, когда онъ погрузится въ чтеніе (*сосредоточенность пассивнаго вниманія*). Однажды на урокѣ нѣмецкаго языка читалъ учебникъ алгебры и, будучи спрошенъ преподавателемъ, о чемъ идетъ рѣчь, не могъ ничего отвѣтить, такъ какъ не могъ слушать и читать одновременно (*суженіе объема вниманія*).

Большой мечтатель и фантазеръ. Со словъ матери стало извѣстно, что онъ много фантазируетъ на счетъ будущаго: когда вырастетъ, то собирается своей дѣятельностью приносить пользу, энергически работать, заниматься хозяйствомъ въ имѣніи,—а между тѣмъ во всему этому, повидяному, совершенно неспособенъ. Событія же окружающія

школьной жизни большею частью проходить для него незамѣченными: никогда о них не разговаривает и на вопросы, относящіяся къ нимъ, ничего не можетъ рассказать (*преобладаніе внутреннихъ воспріятій надъ вѣншими*). Проявляетъ мало интереса ко всему, что привлекаетъ его товарищѣй: фехтованіе, танцы, гимнастика, фотографія и т. п. Постоянно ищетъ чего-то новаго, необычнаго, практика же повседневной жизни его совершенно не занимаетъ.

Умственные способности такъ же, какъ и умственные интересы, развиты крайне неравномѣрно и нерѣдко отличаются одностороннимъ направленіемъ. Учебные предметы его нисколько не интересуютъ: взвыннсь за приготовленіе уроковъ, сейчасъ же прекращаютъ работу, берется за что-нибудь другое, потомъ опять за уроки: видимо, относятся къ нимъ совершенно равнодушно. По словамъ ректора, соображаетъ очень медленно, особенно въ области математики; во время трудной умственной работы (занятія аналитической геометрией) чрезвычайно быстро *утомляется*: уже черезъ какихъ-нибудь $\frac{1}{2}$ часа просить разрѣшенія пройти по корридору, чтобы освѣжиться. Наряду съ этимъ, впрочемъ, есть также факты, указывающіе на то, что при желаніи можетъ проявить и нѣкоторые успѣхи въ этой области. Такъ, однажды получилъ по физикѣ неудовлетворительный баллъ; къ слѣдующему разу рѣшилъ приготовить урокъ хорошо и, будучи вызванъ, отвѣтилъ вполне удовлетворительно.

Наряду съ этимъ, увлекается чтеніемъ серьезныхъ книгъ, нерѣдко изъ-за нихъ пренебрегая своими учебными занятіями. Читаетъ даже въ кровати, передъ сномъ, несмотря на замрещенія. Особенно охотно читаетъ книги историческаго содержанія—Карѣева, Соловьева; достасть ихъ въ отпускъ и представляетъ начальству для разрѣшенія пользоваться ими въ корпусѣ. По исторіи имѣетъ 10—11 балловъ, тогда какъ по всѣмъ другимъ предметамъ—удовлетворительно, а иногда и слабо. Однажды ходилъ очень долго взадъ и впередъ по корридору, видимо что-то обдумывая; на вопросъ, о чемъ размышляетъ, отвѣтилъ, что только что окончилъ чтеніе историческаго сочиненія и думаетъ теперь о прочитанномъ. Въ разговорѣ по поводу прочитаннаго давалъ разумные и дѣльные отвѣты. Вообще, въ вопросахъ, касающихся исторіи, можетъ рассуждать, сопоставлять факты, сравнивать и дѣлать выводы. Такъ, на возбужденный воспитателемъ вопросъ о причинахъ французской революціи выказалъ большую начитанность, толково разбирая состояніе тогдашняго двора, общества, условій жизни и т. п., при чемъ вставлялъ и собственные комментаріи (способность къ соста-

вленію *умозаключеній*, значительное развитіе *интеллектуальной чувств*). Такое различное отношеніе къ математикѣ и исторіи объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что историческія повѣствованія болѣе соотвѣтствуютъ его мечтательному характеру, чѣмъ сухой, строго-последовательный математическій анализъ.

Такое же различіе проявленій въ зависимости отъ односторонняго направленія интересовъ замѣчается и въ области памяти. Достаточно ему разъ прочесть какое-нибудь сочиненіе историческаго содержанія, чтобы онъ могъ все передать вполнѣ точно, какъ самыя факты, такъ и связь между ними (способность *запоминанія и воспроизведенія*). Хронологію запоминаетъ уже значительно хуже. Все же остальное дается ему съ трудомъ и крайне медленно. Когда ренетиторъ, разучивавшій съ нимъ уравненіе параболы, обратилъ его вниманіе на то, что третьяго дня онъ уже выучилъ подобное же уравненіе, различавшееся только знаками, Леммеръ сталъ въ тупицѣ, но потомъ съ трудомъ вспомнилъ. Когда понадобилось найти безъ оглавленія одно мѣсто статьи, переводившейся имъ всего два дня тому назадъ во французской хрестоматіи (книгѣ, ему хорошо знакомой), то могъ отыскать съ большимъ трудомъ, потративъ на это около 15 минутъ. На основаніи опроса при специальномъ изслѣдованіи типовъ памяти у кадетъ отнесенъ къ *моторному* типу.

Интересно, что за послѣдніе годы память Леммера не только не улучшилась, но даже какъ будто стала ухудшаться. Заученное 3 года тому назадъ (теоремы, правила и т. п.) помнить довольно хорошо; то же, что училъ поаже и учить теперь, усваиваетъ съ трудомъ и быстро забываетъ. Трудно сказать, отчего это можетъ зависѣть. Вѣроятно, въ прежнее время онъ все-таки болѣе, чѣмъ теперь, обращалъ вниманія на свои учебныя занятія, былъ менѣе разсѣянъ во время работы, и потому какъ усвоеніе учебнаго матеріала, такъ и сохраненіе его въ памяти было болѣе совершеннымъ.

Что касается запаса представленій и теченія ассоціацій, то въ вопросахъ, относящихся къ исторіи, Леммеръ обладаетъ обширными свѣдѣніями и можетъ долго поддерживать разговоръ на одну и ту же тему (*обиліе ассоціацій*). За то во всѣхъ остальныхъ вопросахъ запасъ темъ для разговора очень ограниченъ и самый разговоръ отличается крайней непослѣдовательностью: постоянно перескакиваетъ съ одного предмета на другой, теряетъ нить, уклоняется въ сторону и т. п. (*отсутствіе направляющихъ идей въ умственной сферѣ*). Уроки, его не интересующіе, напримѣръ, переводы съ иностранныхъ языковъ и мате-

жатику, заучиваетъ не по смыслу, а чисто механически, зазубривая ихъ (преобладаніе *внѣшнихъ ассоціацій*); исключеніе составляетъ исторія. Во время разговора часто останавливается, затрудняясь подобрать подходящее слово или выраженіе и говоря какъ бы про себя: „какъ это сказать?“ „какъ бы это выразить?“ (трудность *сочетанія словесныхъ образовъ*). Письменное изложеніе отличастся большою плавностью, по въ общемъ его сочиненіе (характеристика Евгенія Онѣгина) было все же написано довольно слабо (бѣдность *комбинирующаго воображенія*).

Настроеніе большею частью спокойное. Иногда, впрочемъ, приходилось замѣчать, что вдругъ (вѣроятно, подъ вліяніемъ какой-либо мысли) настроеніе сразу мѣняется: изъ веселаго, разговорчиваго превращается въ задумчиваго, грустнаго, сидитъ неподвижно, облокотившись на парту. Аффектъ *стыда*, повидимому, не особенно развитъ, по крайней мѣрѣ, не было случаевъ, когда бы онъ сильно сердился на воспитательскій персоналъ или на товарищей. Выговоры, наказанія и т. п. иногда вызываютъ въ немъ нѣкоторое раздраженіе, иногда же, наоборотъ, относится къ нимъ сравнительно спокойно. Такъ, однажды, отвѣтивъ удовлетворительно, остался недоволенъ балломъ и началъ горячо объясняться съ преподавателемъ. Будучи въ праздникъ лишней отгулка за очень значительный проступокъ (напился пьянъ—см. ниже), выражалъ свое неудовольствіе. Въ другой же разъ, на замѣчаніе по поводу чтенія въ кровати, отвѣтилъ: „вѣдь это не въ классѣ!“ при чемъ тонъ не рѣзкій, не грубый, а скорѣе виноватый.

Низшія органическія влеченія развиты довольно значительно. По словамъ матери, тратитъ очень много денегъ на лакомства и очень любитъ сладкое. Проситъ часто во время завтрака, обѣда или чая разрѣшенія взять лишнюю порцію. Общая матери начать хорошо учиться, прибавилъ, что не будетъ больше „заниматься обжорствомъ“. 8-го ноября пошелъ въ отпускъ къ дядѣ, гдѣ напился пьянъ, такъ что пришлось звать доктора для приведенія его въ чувство; какъ выяснилось потомъ, это не былъ кутежъ въ товарищеской компаніи, его не только не угощали, а, наоборотъ, самъ онъ угощалъ дядю.

Что касается *самолюбія* и *оцѣнки собственной личности*, то особенно рѣзкихъ указаній на этотъ счетъ не имѣется. Когда воспитатель замѣтилъ ему, чтобы онъ не ходилъ въ отпускъ, а лучше бы занялся уроками, которые на этотъ день были очень трудны, отвѣтилъ очень увѣреннымъ тономъ, что эти урока пустяки и приготовить ихъ легко. Продолжаетъ получать плохіе баллы по математикѣ, несмотря на то, что занимается съ репетиторомъ; когда воспитатель, желая воздѣйстви-

вать на его самолюбіе, показалъ ему сначала баллы, а затѣмъ, въ присутствіи ректатора, сдѣлалъ строгій выговоръ, Леммеръ былъ видимо очень сконфузень и выѣсть съ тѣмъ замѣтно было нѣкоторое раздраженіе. Съ другой стороны, спросилъ мать, знаетъ ли его знакомые о случаѣ съ его опьяненіемъ, и на ея отрицательный отвѣтъ, началъ усмѣнно просить ее, чтобы она рассказала всѣмъ объ этомъ случаѣ, такъ какъ онъ желаетъ знать, какъ они въ этому отнесутся.

Мать свою очень любитъ (*родственныя привязанности*). Когда она прѣбываетъ навѣстить его въ корпусъ, то встрѣчаетъ ее радостно, обнимаетъ, цѣлуетъ и называетъ уменьшительнымъ именемъ: „мусинька“. О своемъ проступкѣ (см. выше) писалъ теткѣ, но матери ничего не писалъ, видимо, не желая прежде времени огорчить ее. Спрашивалъ, будетъ ли она вызвана по этому поводу въ корпусъ и что ей скажутъ; высказывалъ предположеніе, что это можетъ сильно ее опечалить. *Чувство симпатіи* ничѣмъ особенно не проявляется. Съ товарищами сходится мало и друзей среди нихъ не имѣетъ. Къ старшимъ относится вѣжливо и почтительно, рѣзкостей и грубостей никогда не замѣчалось.

Эстетическое чувство крайне слабо. Не любитъ живописи, музыки, совершенно лишены музыкальнаго слуха и чувства ритма. Своей столнѣ содержитъ грязно: мыло, полотенце, зубная щетка лежатъ въ немъ среди крошекъ отъ хлѣба, табаку и щипа. Для писемъ не выбираетъ хорошей бумаги; пишетъ грязно, съ помарками, иногда даже на листкахъ, вырванныхъ изъ тетради. Въ одеждѣ не аккуратенъ, ходитъ въ рваномъ мундирѣ, не заботится пранить оторванную пуговицу, руки бываютъ часто грязны, сапоги не чищены и т. п.

О *пристойномъ чувствіи* и *правственныхъ воззрѣніяхъ* Леммера судить трудно, благодаря его замкнутости и несообщительности. Фактически же данныя позволяютъ заключить скорѣе о слабомъ развитіи у него чувства долга, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ общепринятымъ правиламъ и обязанностямъ. Взятши у знакомыхъ въ долгъ два рубля, не заботится объ отдачѣ; то же и со взятыми у воспитателя почтовыми марками. Когда объявляли, что за рядъ проступковъ сбавятъ ему баллы за поведеніе, сталъ просить не сбавлять, обѣщалъ вести себя лучше, готовъ дать честное слово; вообще, очень часто даетъ обѣщанія, но рѣдко ихъ выполняетъ. При объясненіи своего проступка (см. выше) изворачивался и лгалъ, такъ что съ трудомъ удалось добиться отъ него правды. Сначала сказалъ, что деньги у него оставались, затѣмъ—что взялъ ихъ у товарища, наконецъ, сознался, что

одождилъ у знакомыхъ; далѣе, сначала сказалъ, будто его угощали товарищи, а потомъ сознался, что, наоборотъ, онъ самъ угощалъ своего дядю. Въ первое время послѣ объясненія не замѣтно было удрученнаго состоянія, напротивъ, былъ болѣе веселъ и разговорчивъ, чѣмъ обыкновенно. Однако, случившееся все же не прошло для него безслѣдно. Въ ближайшіе дни (11 нояб.) держитъ себя спокойнѣе и сосредоточеннѣе, чѣмъ обыкновенно; даже не обращается ни съ какими вопросами, какъ это дѣлаетъ часто. Во время занятій съ репетиторомъ, ничего не знавшимъ о случившемся, былъ такъ разсѣянъ, что репетиторъ замѣтилъ это. За завтракомъ сначала былъ веселъ, потомъ опять сдѣлался задумчивымъ.

Къ школьнымъ обязанностямъ относится совершенно индифферентно. На урокъ французскаго языка готовилъ урокъ по алгебрѣ; на замѣчаніе воспитателя отвѣтилъ, что онъ думалъ, что преподаватель не замѣтитъ этого. Возвратясь изъ лазарета, отправился, съ цѣлью увильнуть отъ урока, въ кюветъ, гдѣ и проспалъ весь урокъ. Въ теченіе дня получилъ десять замѣчаній за нарушеніе установленнаго порядка; когда воспитатель пригрозилъ новой славкой балла за поведеніе, началъ опять говорить, что онъ исправится. Показанія, до ареста включительно, на него не дѣйствуютъ; славка балла за поведеніе вызываетъ у него только сожалѣніе, что въ отпускъ будетъ ходить рѣже. Надо сказать, что жизнь въ корпусѣ сильно тяготитъ Леммера. По словамъ матери, жаловался въ письмѣ къ ней, что въ корпусѣ ему очень трудно: всѣ требованія его тяготятъ, и приходится прилагать чрезмѣрные усилія для того, чтобы вести себя хорошо. Въ письмѣ своемъ не жалуется на отдѣльныхъ лицъ (воспитателей, ротнаго командира), а скорѣе весь режимъ находитъ очень суровымъ. Отпусками очень дорожитъ и, будучи лишентъ отпуска, всегда усиленно просится. Когда 5-го декабря пришелъ къ нему дядя, и дежурный воспитатель разрѣшилъ вмѣстѣ съ дядей идти въ отпускъ, то это до такой степени его обрадовало, что подпрыгнулъ и пустился бѣгать. Такая нелюбовь къ жизни корпуса, конечно, еще болѣе способствуетъ его небрежному отношенію къ школьнымъ обязанностямъ.

Проявленій *религіознаго чувства* не наблюдалось. Въ церкви и во время молитвы, вечерней и утренней, стоитъ разсѣянно, не крестится; передъ началомъ уроковъ не прикладываетъ къ образу, какъ это дѣлаютъ многіе другіе.

Объ особенностяхъ волевой сферы можно судить отчасти уже по вышеприведеннымъ фактамъ: не можетъ заставить себя выполнить

данное обѣщаніе, заняться уроками, улучшить свое поведеніе и т. п. (неспособность къ *полнической задержкѣ, слабость волевого усилія*). Не умѣетъ распределять время для приготовленія уроковъ: напримеръ, заявившись алгеброй, не оставляетъ времени для географіи: увлекается чтеніемъ, исторіей (отсутствіе *систематичности сложныхъ дѣйствій*). Способенъ *подчиняться чужому вліянію*; такъ, по словамъ матери, дядя, у котораго онъ бываеъ въ отпуску, сильно вліяетъ на него, внушая ему разныя пожелательныя возрѣвнія. Воспитательскому же воздѣйствію поддается плохо, хотя съ вѣншией стороны старшимъ подчиняется, не упорствуя.

Резюме. Замкнутость, бѣдность впечатлѣній, провлелій чувства. Слабость, плохо координированныя движенія. Мечтательность, отсутствіе интереса къ окружающей дѣйствительности. Умственные способности, равно какъ и умственные интересы—средней силы, но крайне односторонне направленныя. Родственные привязанности и отчасти низшія органическія влеченія достигаютъ значительной силы; остальные же чувства сравнительно слабо развиты. Воля слабая и неустойчивая.

8. Николаевъ, 2 класса, 13 лѣтъ.

Небольшого роста, нѣсколько сутуловатъ. Въ дѣтствѣ страдалъ англійской болѣзью. Несмотря на значительную общую подвижность (см. ниже), походка вялая, ходитъ переваливаясь и раскачивая плечами. Блондинъ, со свѣтлыми глазами, нѣсколько малокровный. Близорукъ, въ началѣ года сидѣлъ на задней скамьѣ, но потомъ вынужденъ былъ пересѣсть на переднюю, такъ какъ плохо видѣлъ написанное на доскѣ; ходитъ и занимается безъ очковъ.

Центральное мѣсто въ характерѣ этого мальчика занимаютъ, несомнѣнно, особенности его аффективной сферы: рѣзко повышенная *возбудимость чувствованій*, значительная ихъ сила и обиліе *физиологическихъ провлелій*. Однажды въ банѣ хотѣлъ обливаться холодной водой; не получивъ разрѣшенія, началъ плавать, капризничать, не хотѣлъ мыться, ссылаясь на доктора, говорилъ, что будетъ простужаться; плакалъ громко, при разговорѣ тонъ повышенный. Вообще *чувства радости и горя* выражаются у него въ рѣзкой формѣ: радость выражается потираніемъ рукъ, блескомъ глазъ и сильною подвижностью, горе—обильными слезами, доходящими до истеричнаго состоянія (крикъ и спазмы въ горлѣ). Будучи назначенъ для опытовъ, крайне обрадовался и шумно проявляетъ свою радость: пере-

крестился; „спасибо, спасибо, г. полковникъ!“ Наказаніе же вызываетъ съ его стороны протестъ, который и высказываетъ въ рѣзкой формѣ. За 5 балловъ по нѣмецкому языку воспитатель сказалъ, что въ субботу лишить его отпуска; началъ истерично плакать, обвинилъ преподавателя въ нарушеніи обѣщанія не ставить балла; плакалъ долго и громко. Всякая непріятность съ товарищемъ сильно его возбуждаетъ; онъ гѣзетъ драться, и если это не удастся, то старается побить обидчика, хотя бы спустя довольно продолжительное время (иногда дня черезъ два), когда тотъ уже и забылъ о нанесенной обидѣ. Побивъ, успокаивается (*чувство мѣла*, раздражительность, мстительность). За обѣдомъ товарищъ нечаянно налилъ ему супу въ рукавъ; Николаевъ пришелъ жаловаться, и хотя тому сдѣлали замѣчаніе, онъ еще налилъ супу около него на скатерть. Проявленій *страха* наблюдать не приходилось, хотя и не изъ смѣлыхъ, на сильнаго не пойдетъ.

Будучи легко возбудимы, чувства Николаева не отличаются особой *продолжительностью* и быстро остываютъ, за исключеніемъ, пожалуй, аффекта гнѣва, который держится дольше другихъ. Однажды занявъ у товарища денегъ и такъ долго не отдавалъ, что тотъ наконецъ написалъ записку, угрожая сообщить объ этомъ родителямъ. Записка очень смутила Николаева, боявшагося огорчить родителей, и онъ обратился за совѣтомъ къ воспитателю. Обѣщаніе воспитателя пока что уплатить долгъ очень его обрадовало, онъ сразу успокоился и немного спустя уже оживленно игралъ съ товарищами; извѣстіе объ уплатѣ долга принялъ довольно равнодушно. Благодаря тому, что огорченія, даже самыя значительныя, не держатся долго, *настроеніе* у него почти всегда веселое и довольное; правда, оно легко мѣняется отъ самыхъ незначительныхъ причинъ, но переменны эти бываютъ непродолжительны, и общій тонъ настроенія все-таки остается веселымъ и приподнятымъ.

Въ тѣсной связи съ обиліемъ физиологическихъ проявленій чувства находится его *общительность*. Онъ очень болтливъ, во время разговора сгнѣшить рассказать больше всѣхъ и поэтому часто перебиваетъ другихъ. Написанный имъ рассказъ читалъ на свободномъ урокъ товарищамъ. Не любитъ уединенія, старается быть тамъ, гдѣ больше народу (*преобладаніе внешнихъ впечатлѣній надъ внутренними*); приглашеніе брата придти въ отпускъ очень его обрадовало, такъ какъ тамъ собирается много молодежи и будутъ играть.

Особенности эмоциональной сферы Николаева отражаются также и на его дѣятельности. Всякое *желаніе*, овладѣвшее имъ, выгнѣснеть

на нѣкоторое время изъ головы все остальное. Такъ, будучи назначенъ на оныты (что его крайне обрадовало—см. выше), занимался слабѣе, обнаруживая признаки нетерпѣнія, нѣсколько разъ спрашивалъ, скоро ли позовутъ. Однако, какъ самыя желанія, такъ и принятія подъ влияніемъ ихъ *рѣшенія* отличаются крайней *неустойчивостію*. Рѣшилъ учить Законъ Божій лучше, чѣмъ прежде, для чего считалъ необходимымъ каждую статью прочитывать два раза; рѣшенія своего не исполнилъ, по прежнему прочитываетъ по одному разу. Къ какому бы то ни было усилію надъ собой почти совершенно не способенъ: при незначительной боли тотчасъ плачетъ (неспособность къ *физической задержкѣ*). Легкомысленъ: дорожить отпускомъ, но никогда не позаботится о томъ, чтобы заслужить этотъ отпускъ. Въ распредѣленіи дѣлъ и занятій нѣтъ никакой системы, беспорядочно смѣшавъ одно другимъ (неспособность къ *обсужденію мотивовъ*, къ *систематичности сложныхъ дѣйствій*). Легковѣренъ: повѣрилъ разсказу о лейтенантѣ Лебедевѣ, который одинъ будто бы убилъ въ бою сто японцевъ (*подчиняемость вѣщину въліяніемъ*).

Очень *подвиженъ*, при разговорѣ сильно жестикулируетъ, не можетъ долго усидѣть на одномъ мѣстѣ. Говоритъ очень *быстро*. Бѣгаетъ слабѣе другихъ, быть можетъ, вслѣдствіе слабости ногъ (см. въ началѣ характеристики). Гимнастике старается избѣжать, но танцы любить и танцуетъ недурно (*координація сложныхъ движеній*). Довольно *силенъ*, хотя не изъ самыхъ сильныхъ въ классѣ; нерѣдко злоупотребляетъ своей силой, обижая товарищей.

Вниманіе можетъ быть очень *устойчивымъ* и *сосредоточеннымъ*, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда занятіе его интересуетъ. Въ теченіе двухъ и болѣе часовъ способенъ сидѣть около клѣтки съ бѣлками мышами и наблюдать за ними; при этомъ на лицѣ выражается удопольствіе, онъ очень оживленъ и радостно настроенъ. Нѣсколько разъ случалось, что будучи углубленъ въ чтеніе, не замѣчалъ прихода въ классъ воспитателя, не слышалъ команды „встать“ и оставался сидѣть, когда всѣ другіе вставали. Переписывая на вечернихъ занятіяхъ свою новіость, такъ углубился, что не замѣтилъ, какъ воспитатель подошелъ къ нему. Слушалъ чтеніе, особенно его интересующее, старается подсесть ближе къ читающему, очень внимателенъ, старается не проронить ни одного слова и при этомъ не можетъ уже заниматься другимъ дѣломъ (*суженіе объема вниманія*). Любопытенъ: все новое, напримѣръ, появленію новаго кадета или служащаго его привлекаетъ, возбуждаетъ въ немъ интересъ и желаніе познакомиться (*возбудимость*

вниманія, интересъ къ новому). Къ активному же вниманію почти совершенно неспособенъ. Во время уроковъ и вечернихъ занятій крайне легко и быстро развлекается постороннимъ: всякій шумъ, разговоръ и т. п. тотчасъ же отвлекаетъ его отъ дѣла.

Изъ умственныхъ процессовъ лучше всего развито у Николаева *воображеніе*, находящееся, какъ извѣстно, въ наиболѣе тѣсной связи съ дѣятельностью чувствованій. Онъ очень удачно рисуетъ и дѣлать. Недавно подарилъ воспитателю раковину и картинку собственной работы; идея картинки самостоятельная, видно пониманіе рисунка и вкусъ, а также умѣнье справляться съ красками. Выдѣлывалъ голову конки и монса, фигурку человѣка; затѣмъ началъ дѣлать иллыя группы, и иногда очень удачно.

На вечернихъ занятіяхъ рисовалъ въ тетради. Тамъ у него есть рядъ юмористическихъ рисунковъ, изображающихъ похождения двухъ мальчиковъ; хотѣлъ написать къ нимъ стихи, но стихи у него не выходятъ. Рисуетъ удачныя карикатуры на товарищей, а также выдумываетъ комическія сцены, иллюстрируя ихъ. Сочинялъ повѣсть, довольно наивную по содержанию, о любви молодого мичмана къ хорошенькой дѣвушкѣ, въ которую былъ влюбленъ французъ, очень некрасивый. Дѣвушка предпочла мичмана. Французъ рѣшилъ отомстить, и когда мичманъ, вернувшись изъ кругосвѣтнаго плаванія, сдѣлалъ предложеніе и счастливый возвращался домой, французъ напалъ на него изъ-за угла и предложилъ стрѣляться, предлагая и секунданта съ револьверами. Мичманъ отказался, сослался на то, что у него нѣтъ своего секунданта и револьвера, и обѣщалъ въ назначенный часъ быть на этомъ же самомъ мѣстѣ. Французъ испугался и уѣхалъ изъ Кронштадта, а молодой мичманъ отдѣлался только нѣсколькими тяжелыми часами ожиданія исхода дуэли въ такое для него неподходящее время.

Воспріятіе и память развиты у Николаева также довольно значительно. По отношенію къ жизни животныхъ, которыми очень интересуется, проявляетъ большую *наблюдательность*. Легко припоминать и правильно описывать видѣнныя событія (парады, встрѣчу героевъ Чемульпо) и ихъ обстановку. Очень подробно и точно рассказываетъ о построѣннѣ батарей за Ораніенбаумомъ: какъ были расположены войска, эпизодъ съ лавлей бѣлки. Легко и быстро заучиваетъ стихотворенія и помнить ихъ долго; по прошествіи 2½ мѣсяцевъ правильно воспроизвелъ стихотвореніе, выученное на опытахъ. Мелодія и рисунки воспроизводитъ хорошо и отчетливо (*степень со-*

*граніція въ памяти, легкость и точность воспоминанія). За то дѣятельность мышленія почти ничѣмъ не обнаруживается. Въ разговорахъ больше передаетъ факты и мало разсуждаетъ (неспособность къ *отвлеченію*); высказывая мнѣнія о необходимости чего-нибудь, ничѣмъ этого мнѣнія *не обосновываетъ*.*

Очень любитъ разговаривать; на интересующую его тему (например, о жизни животныхъ и уходѣ за ними) можетъ проговорить чуть не цѣлый часъ (*обильіе ассоціацій*). Въ этихъ случаяхъ говоритъ связано и со смысломъ (*наличность внутреннихъ ассоціацій*), между тѣмъ какъ уроки, мало его интересующіе, заучиваетъ большею частью чисто механически. Въ общемъ рѣчь идетъ довольно плавно, но иногда какъ-то вдругъ прерывается на нѣсколько секундъ. Затрудненія въ подборѣ словъ обычно не встрѣчаетъ (*легкость сочетанія словесныхъ образов*).

Чувствованія Николаева по своему содержанію очень разнообразны, но далеко не всѣ развиты съ одинаковой силой. Любитъ хорошо покушать, въ пищу разборчивъ и требователенъ. Замѣчена наклонность къ рисованію картинокъ неприличнаго содержанія (*низшія органическія влеченія*). Назначеніе старшимъ пѣвчимъ видимо льститъ его *самолюбію*: лицо выражаетъ полное довольство, когда передъ или послѣ обѣда выходитъ на средину столовой задавать тонъ. За архіерейской службой былъ исполнителемъ, что ему также, видимо, льстило. Командуя пѣвчими, нѣсколько ломается; старается, чтобы пѣвчіе шли въ порядкѣ. Похвала воспитателя за порядокъ въ строю пѣвчихъ очень его обрадовала. Вообще, не прочь покомандовать; такъ, стоя въ строю, кричалъ, чтобы первый класъ шелъ въ ногу и не разговаривалъ.

Родственныя привязанности, также какъ и *чувство симпатіи* развиты у Николаева очень значительно. Любитъ своихъ родныхъ, особенно братьевъ, съ которыми живетъ очень дружно; часто ихъ вспоминаетъ и охотно о нихъ рассказываетъ. Отъѣздъ одного изъ братьевъ на войну сильно его огорчилъ. Проситъ разрѣшенія позднѣе явиться къ отпуску, чтобы имѣть возможность проводить отъѣзжающаго; получить позволеніе, очень обрадовался. Когда воспитатель сталъ спрашивать о пропадахъ брата, на глазахъ показались слезы. Надо сказать, впрочемъ, что огорченіе длилось недолго: скоро успокоился и по прежнему веселъ. Угрозою товарища написать родителямъ о неплатежѣ денегъ (см. выше) былъ очень смущенъ и на вопросъ воспитателя: „а что тебѣ будетъ, если онъ напишетъ?“ отвѣтилъ: „я очень

горчу папу и маму". Будучи в лазаретъ (по случаю легкаго бронхита), рассказывалъ, какъ мучился другой кадетъ, Павловскій, болью въ ухѣ, и жалѣлъ, что никто не могъ ему помочь; „я въ концѣ концовъ закутался съ головой въ одѣяло, чтобы не слышать плача Павловскаго". Охотно разговаривалъ со старшими и, въ частности, со своимъ воспитателемъ; подарилъ ему картинку собственноручной работы, на обратной сторонѣ которой написано: „Г-ну полковнику отъ горячо любящаго кадета Николаева". Имѣя много животныхъ (см. ниже), говорить о нихъ и относится къ нимъ съ любовью и даже нѣжностью. Однажды былъ записанъ въ журналъ за подсказываніе; при опросѣ заявилъ, что подсказывалъ по просьбѣ товарища, который ему тоже разъ подсказалъ: „какъ же я могъ отказать ему въ просьбѣ, г-нъ полковникъ?"

Необходимо, впрочемъ, оговориться, что благодаря раздражительности и общей возбудимости аффективной сферы, у Николаева наряду съ чувствомъ симпатіи замѣчаются и такія проявленія, которыя прямо противорѣчатъ этому чувству. Такъ, онъ злопамятенъ, обиду помнитъ долго и при случаѣ старается отомстить. Замѣченъ неоднократно въ обидахъ товарищей, съ которыми часто ссорится и дерется; при этомъ злоупотребляетъ своею силой. Несмотря на хорошее отношеніе къ старшимъ, распоряженія, не согласующіяся съ его желаніями, вызываютъ въ немъ раздраженіе и грубые отвѣты. Иногда раздражается изъ-за того, что другіе, по его мнѣнію, поступаютъ жестоко или несправедливо. Такъ, въ классѣ была устроена лоттерей въ пользу раненыхъ, въ которой Николаевъ принималъ живое участіе; когда одинъ изъ пожертвовавшихъ вещи отказался участвовать, Николаевъ швырнулъ ему вещь и побилъ его. Въ другой разъ, несмотря на просьбу товарища З. не говорить воспитателю, пожаловался, что такой-то побилъ З.

Изъ высшихъ идейныхъ чувствованій больше другихъ развиты интеллектуальное и эстетическое. При чтеніи статьи Кайгородова „Ручныя бабочки" и въ бесѣдѣ по поводу прочитаннаго проявилъ большой интересъ и наблюдательность; о прочитанномъ высказывался восторженно. Не менѣе оживленъ былъ во время чтенія другой статьи Кайгородова „Дружба съ природою". Съ увлеченіемъ рассказывалъ о своихъ наблюденіяхъ надъ бѣлыми мышами и испросилъ разрѣшеніе принести ихъ въ корпусъ. Цѣлые часы въ состояніи просиживать возлѣ клѣтки для того, чтобы узнать, какъ, напримѣръ, мышь ѣсть или какъ она лазаетъ по веревкѣ, по лѣстницѣ. Имѣетъ муравьевъ въ

банкъ и постоянно наблюдать ихъ. Съ оживленіемъ рассказывалъ о томъ, какъ отецъ подарилъ ему гусей и онъ съ деньщикомъ выстроилъ для нихъ помѣщеніе. Въ другой разъ, когда воспитатель съѣлъ читать классу, оживился и просилъ опять читать „Дружбу съ природою“. Но воспитатель читалъ „Фрегатъ Паллада“ Гончарова, останавливаясь особенно подробно на разницѣ между прошлой и настоящей жизнью Японіи. Слушалъ внимательно, на вопросъ отвѣтилъ, что очень понравилось. Трудно сказать, конечно, насколько всѣ приведенные факты могутъ служить доказательствомъ чистаго, бескорыстнаго интеллектуальнаго интереса; несомнѣнно, что значительную роль здѣсь играли также любовь къ животнымъ, интересъ къ морской службѣ (самъ Николаевъ намѣревается идти въ морской корпусъ) и тому подобныя чувства. Тѣмъ не менѣе, намъ кажется, что чисто интеллектуальный элементъ также участвовалъ въ этихъ проявленіяхъ въ очень значительной степени.

Эстетическое чувство сказывается въ его любви къ рисованію (см. выше) и чтенію. Ему нравится все красивое, изящное, хотя бы и бесполезное: бездѣлушки, какой-нибудь банничекъ, раковинка и т. п. Обнаруживаетъ большой вкусъ въ подборѣ красокъ для своихъ рисунковъ. Охотно читаетъ повѣсти съ захватывающими сценами, а также книги юмористическаго содержанія. Опрятенъ и чистоплотенъ; пожаловался на товарища за то, что тотъ хваталъ товарищай за половые органы: „помалуйте, г. полковникъ, онъ беретъ въ руки чортъ знаетъ что и послѣ этого не моется!“ Обладаетъ хорошимъ музыкальнымъ слухомъ, очень скоро улавливаетъ новые мотивы; на урокѣ пѣнія говорилъ, что не можетъ пѣть, такъ какъ ему мѣшаютъ пѣть фальшивое пѣніе товарищай. Впрочемъ, пѣніе, повидимому, по особенію его интересуетъ: уклонился отъ пѣнія на клавирѣ, но пришелъ пѣть въ церкви, когда была его очередь.

Нравственное чувство и, въ частности, чувство долга развито у Николаева очень слабо, что, повидимому, находится въ тѣсной связи съ его легкомысліемъ, неустойчивостью и неспособностью управлять своими поступками. Не держитъ даннаго слова, не прочь обмануть въ случаѣ надобности. Такъ, заимавъ у товарища деньги, обѣщалъ вскорѣ уплатить ихъ, но обѣщанія своего не исполнилъ. Провожая брата на войну, ушелъ раньше въ отпускъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто брату надо ѣхать въ Кронштадтъ, такъ какъ эскадра отходить въ 8 час. вечера; между тѣмъ, какъ оказалось, братъ поѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Во время вечернихъ занятій на вопросъ воспитателя отвѣ-

чалъ, что всѣ уроки приготовилъ, а на другой день по нѣмецкому языку получилъ 5 балловъ.

Вообще, въ своимъ школьнымъ обязанностямъ относится крайне небрежно. Былъ дежурнымъ по классу, классъ былъ грязнымъ, за что дано лишнее дежурство въ отпускной день. На урокахъ сидеть невнимательно, читаетъ постороннія книги. На урокъ французскаго языка самовольно перемѣнялъ мѣсто на болѣе укромное. На вечернихъ занятіяхъ смѣшля товарищей, подходилъ къ другимъ воспитанникамъ и смотрѣлъ, что они дѣлаютъ. Занимается недостаточно прилежно: пользуется тѣмъ, что второгодникъ, прочитываетъ все по одному разу. Изъ замѣчаніймъ относится несерьезно; на каждое замѣчаніе отвѣчаетъ сначала: „никакъ нѣтъ!“ при этомъ на лицѣ постоянно улыбка. Иногда, правда, у него являлся желаніе исправиться и вести себя лучше, но такъ и остается неисполненнымъ. Такъ, однажды заявлялъ, что больше капризничать не будетъ, а будетъ слушаться. Когда воспитатель выговаривалъ всему классу за плохіе усѣихи въ четверти, Николаевъ обѣщалъ заниматься лучше и просилъ заставлять его читать по нѣскольку разъ. Въ тотъ же день на вечернихъ занятіяхъ читалъ книгу, стараясь это замаскировать.

Религіозное чувство ничѣмъ не проявляется. На молитвѣ стоитъ крайне невнимательно, старается уклониться отъ церковныхъ службъ; ложась спать, не молится въ постели, какъ это дѣлаетъ большинство воспитанниковъ. О религіозныхъ вопросахъ никогда не разговариваетъ.

Резюме. *Сильно повышенная возбудимость и неустойчивость аффективной сферы. Обиліе внешнихъ проявленій чувства. Слѣбость воли и необдуманность поступковъ. Довольно богатое и развитое воображеніе. Преобладаніе непосредственныхъ чувствованій (органическія влеченія, самолюбіе, родственныя привязанности) надъ высшими, идейными чувствами.*

9. Павловскій, 2 класса, 12 лѣтъ.

Небольшого роста, довольно крѣпкаго тѣлосложенія. Врнметъ, съ темными глазами. Цвѣтъ лица хорошій, но при малѣйшемъ нездоровьи легко переходитъ въ блѣдный.

Очень подвижной мальчикъ, отячающійся легкой возбудимостью чувствованій и сильно развитыми внешними ихъ проявленіями. Любитъ возиться, играть, во время занятій часто вскакиваетъ съ мѣста и ходитъ безъ нужды по классу. При разговорѣ жестикულიруетъ ру-

ками, своеобразно киваетъ головой. *Мышечная сила* средняя: можетъ играть довольно продолжительное время, не утомляясь. Однако, при всей его подвижности, отдѣльные двигательные акты плохо *координированы*. На гимнастикѣ, танцахъ и строевыхъ занятіяхъ движенія его неуклюжи, хотя онъ и очень старается; новья на даются съ трудомъ. Неправильно выговариваетъ букву л (какъ р); въ послѣднее время одинъ воспитатель указалъ ему практическое средство избѣгнуть этого недостатка, послѣ чего произношеніе нѣсколько улучшилось.

Настроеніе обычно веселое, жизнерадостное; въ случаѣ огорченія оно мѣняется довольно рѣзко, но ненадолго. Какъ *радость*, такъ и *горе* проявляются шумно. Получивъ впервые 11 балловъ изъ французскаго языка, пришелъ въ восторгъ, побѣждалъ на встрѣчу воспитателю, прыгалъ, махалъ руками, не давая никому говорить, пока не рассказалъ все, какъ было. Иногда изъ-за пустяковъ начинаетъ плакать, кричить, что его никто не любитъ, зоветъ умершаго отца; успокоившись, опять дѣлается веселъ. Въ лазаретѣ отъ боли въ ухѣ плакалъ; утромъ жаловался на товарища, который будто бы безпокоилъ его, на старшаго врача, который далъ мало лѣкарства и т. п. Иногда, наоборотъ, горе выражается общимъ угнетеніемъ и подавленностью. Уличенный въ игрѣ въ шершкы, поблѣднѣлъ и умоляюще смотрѣлъ на воспитателя, отобравшаго у него коробку и перья; просить обратно не сталъ, а остался грустно сидѣть на томъ же мѣстѣ.

Въ хорошемъ настроеніи духа очень *общителенъ*. Любитъ разговаривать съ воспитателемъ, просить что-нибудь рассказать, самъ рассказываетъ; бывая у воспитателя на дому, охотно возится и играетъ съ его дѣтьми, забавляется ихъ, изображалъ взрослога, придумывалъ имъ сказки. Во время занятій началъ громко рассказывать о томъ, что видѣлъ въ Народномъ домѣ; на замѣчаніе воспитателя отвѣтилъ: „очень ужъ хочется рассказать“! Вернувшись съ психологическаго опыта, тотчасъ же радостно обратился къ воспитателю съ рассказомъ; будучи остановленъ (такъ какъ условія опыта не допускали этого), онъ все же тихонько рассказывалъ, что упражнялся въ заучиваніи стихотвореній. Все время вертѣлся на мѣстѣ и хотѣлъ рассказать громко, но, встрѣчая взглядъ воспитателя, молчалъ. Когда же послѣдній испытанный вернулся, Павловскій быстро обратился съ вопросомъ: „теперь можно?“ при этомъ характерно киваетъ головой; просить разрѣшенія сказать вслухъ выученные во время опыта стихи. При дурномъ же настроеніи (что бываетъ сравнительно рѣдко) уединяется и можетъ просидѣть отдѣльно цѣлыми часами. Однажды ему пока-

залось, что его наказали несправедливо; сѣлъ въ углу, гдѣ было меньше воспитанниковъ, и просидѣлъ тамъ около двухъ часовъ; товарищи звали его играть, но онъ не пошелъ.

Аффекты *тыта* и *страха* развиты, но не особенно сильно. Съ товарищами часто ссорится, большею частью изъ-за пустяковъ, но долго сердиться не можетъ. Будучи уличенъ въ серьезномъ проступкѣ, очень испугался, стоялъ передъ воспитателемъ блѣдный и говорилъ унавшимъ голосомъ. Изъ наказаній больше всего страшится спятія погоны. Съ другой стороны—не боится физической боли: старался выдернуть больной зубъ веровкой; когда воспитатель не позволилъ этого, ушелъ въ другую комнату, привязавъ вубъ къ двери и, толкнувъ дверь, выдернулъ его. Выходить драться одинъ на одинъ, не разбирая силъ противника.

Значительная возбудимость чувствованій и стремление ихъ немедленно же проявиться во-внѣ ведутъ къ тому, что поступки Павловскаго отличаются импульсивностью (отсутствие акта *выбора*) и недостаточной *обдуманностью*. Когда Антоновичъ, говоря стихи, выученные на опытѣ, сталъ ошибаться, Павловскій не выдержалъ и сталъ отвѣчать за него; только приказаніе воспитателя замолчать остановило его. Однажды во время свободнаго урока дежурный воспитатель, будучи очень усталымъ, обратился къ воспитанникамъ съ просьбой сидѣть тише и затѣмъ вышелъ изъ класса; по его уходѣ въ классѣ поднялся шумъ. На слова пришедшаго воспитателя: „вѣдь я просилъ васъ сидѣть тише“ Павловскій быстро отвѣтилъ: „попроси еще разъ“! Послѣ сдѣланнаго замѣчанія Павловскій пошелъ къ воспитателю съ просьбой не сердиться на него, при чемъ очень плакалъ и, несмотря на грозившее строгое наказаніе, самъ просилъ записать его въ журналъ. При разговорѣ съ воспитателемъ Л. (у котораго бываетъ на дому) онъ, не отрицая своего проступка, объяснялъ его тѣмъ, что въ своихъ словахъ обращался не къ воспитателю, а къ воспитанникамъ, что вовсе не хотѣлъ обидѣть воспитателя, а хотѣлъ только посмѣшить товарищей. Послѣ того, какъ Л. сказалъ, что не хочетъ съ нимъ больше разговаривать, Павловскій сѣлъ на мѣсто, очень блѣдный, но не плакалъ, а принялся готовить уроки; къ Л. подходит не рѣшается.

Въ тѣсной связи съ такимъ ослабленіемъ *психической задержки* находится почти полная неспособность Павловскаго къ *активному вниманію* и къ *сосредоточенной умственной работѣ*. Вниманіе его можетъ сосредоточиться (и то не надолго) лишь на такомъ занятіи,

которое его интересуетъ: рисованіе, чтеніе занимательныхъ разсказовъ. При этомъ можетъ дѣлать одновременно два дѣла, напримѣръ, рисовать и слушать чтеніе (широта объема *аттентіа*). Однако, даже въ этихъ случаяхъ самый незначительный шумъ уже развлекаетъ его и заставляетъ оставить занятіе; охотно бросаетъ даже интересную работу для того, чтобы поговорить съ товарищемъ, поиграть, принять участіе въ вознѣ и т. п. (*отвлекаемость* вниманія, его *неустойчивость*). Къ неинтересной же работѣ (напр., приготовленіе уроковъ) приступаетъ съ крайней неохотой, такъ что приходится неоднократно понуждать его. Работу выполняетъ медленно и небрежно, поминутно отрываясь отъ нея, вскакивая съ мѣста, разговаривая съ товарищами; въ результатѣ успѣхи его по учебнымъ предметамъ оказываются очень слабыми.

Въ послѣднее время, впрочемъ, онъ рѣшилъ исправиться и заниматься лучше. Очень интересуется тѣмъ, чтобы получать хорошіе баллы, и проситъ помогать ему въ приготовленіи уроковъ. Началъ заниматься болѣе усидчиво, иногда работаетъ цѣлый часъ безъ перерыва. Находясь въ лазаретѣ, проситъ, чтобы ему каждый день присылали то, что задано. Скопфуженный замѣчаніемъ, полученнымъ на репетиціи парада (см. ниже), во время самого парада усиленно старается. Послѣ сбавки балла за поведеніе сталъ вести себя значительно лучше прежняго: очень сдержанъ и послушенъ. Спрашиваетъ воспитателя, замѣчаетъ ли тотъ, что теперь поведеніе его улучшилось; при этомъ высказалъ увѣренность, что скоро ему прибавятъ за поведеніе, такъ какъ онъ и впредь будетъ вести себя такъ же хорошо. Однако, трудно надѣяться, чтобы улучшенію это было прочнымъ, такъ какъ, благодаря живости своего характера, Павловскій вообще склоненъ быстро забывать свои обѣщанія и отступать отъ принятыя рѣшенія. Уже и теперь онъ начинаетъ по временамъ прорываться: то, поддавшись влиянію товарищей, учинить какую-нибудь шалость, то, не выучивши урока французскаго языка, пачнетъ рисовать рожи и т. п. (*неустойчивость* принятыя *рѣшенія*, неспособность къ *продолжительному волевому усилию*).

Особонной *самостоятельностью* Павловскій не отличается и товарищескому влиянію поддается легко. Больше всего на него дѣйствуетъ тотъ родъ внушеній, который можно было бы назвать „внушеніемъ отъ противнаго“, т. е., поддразниваніе и подзадориваніе: если сказать ему, что ни за что не сдѣлаетъ какой-нибудь шалости (напр., во время урока задать неумѣстный вопросъ учителю), то непремѣнно

постарается ее сдѣлать. Этимъ часто пользуются товарищи, чтобы подвести его.

Что касается содержанія чувствованій, то ни одно изъ нихъ не выдѣляется настолько рѣзко, чтобы такъ или иначе характеризовать его личность и придавать опредѣленное направленіе его дѣятельности. Правда, нѣкоторыя чувства развиты больше, чѣмъ другія, но все же и эти преобладающія чувства не переходятъ въ своемъ развитіи выше обычнаго, средняго уровня.

Любить говорить про кушанья, которыя ему больше нравятся; нерѣдко мѣняетъ одно пирожное на другое. Въ разговорѣ между товарищами любитъ говорить сальности; нѣсколько разъ былъ замѣченъ въ двусмысленныхъ выраженіяхъ, очевидно подразумѣвая что-то непристойное (*низшія органическія чувства*). Очень сконфузился на речетиці парада, когда воспитатель сказалъ, что онъ портитъ строй и что его не возьмутъ на парадъ. Одлажды просилъ воспитателя Л., чтобы тотъ написалъ о немъ теткѣ. На вопросъ воспитателя: „а что въ тебѣ есть хорошаго и дурнаго?“ долго не отвѣчалъ, говоря, что ему совѣстно; затѣмъ назвалъ нѣсколько хорошихъ чертъ (*отсутствіе самоутверренности*).

Павловскій круглый сирота; есть у него мачеха, но о ней рѣдко говорить и вспоминаеть. *Родственныя привязанности* его сосредоточиваются, главнымъ образомъ, на теткѣ, которую любитъ, пишетъ ей довольно часто и радуется возможности поѣхать къ ней въ Выборгъ. Ирѣдка навѣщаетъ свою сестру, которая учится въ институтѣ; собирается подарить ей сводныя картинки. *Чувство симпатіи* проявляется главнымъ образомъ по отношенію къ воспитателю Л., у котораго бываетъ на дому и къ которому очень расположенъ. Недавно Л. потерялъ дочь, умершую отъ скарлатины; всѣ остальные его дѣти также переболѣли этой болѣзью. Чтобы не занести болѣзнь въ корпусъ, Л. вынужденъ былъ не выходить изъ дому. Увидѣвшись съ нимъ послѣ этого перерыва, Павловскій долго и съ участіемъ спрашивалъ о болѣзни дѣтей и смерти дочери, при чемъ много и горько плакалъ. За завтракомъ обрадовался, что Л. сядетъ около него за старшаго; увидѣвши, что тому достался плохой кусокъ пирога, предлагаетъ ему свой. Старается сдѣлать ему пріятное, ведя себя хорошо; такъ, послѣ замѣчанія, что дурно стоять въ церкви, въ другой разъ всю обѣдню простоялъ на повелѣніе: „хотѣлось, чтобы вы были довольны“. Сострадательно относится къ нищимъ: по его мнѣнію, убогимъ, калѣкамъ и женщинамъ съ дѣтьми не слѣдуетъ отказывать

въ милостивѣ. Охотно дѣлятся съ товарищами, чѣмъ можуть: марками, почтовой бумагой, конвертами, конфоктами и т. п. Проситъ за товарища, чтобы его не наказывали.

Однако, нерѣдко приходится наблюдать также и факты противоположнаго характера. Однажды, разсердившись на товарища (за грубую циническую выходку и кощунство), выдалъ его воспитателю, былъ возбужденъ, употреблялъ всѣ средства, чтобы уличить товарища во лжи. Особенно ни съ кѣмъ не дружить. Съ товарищами часто ссорится и ими, по его словамъ, не любитъ; часто поддразниваетъ ихъ, дерется съ ними. Несмотря на симпатію къ воспитателю Л., не во всемъ ему довѣряетъ; однажды Л. рассказалъ всему классу, какъ можно прыгать черезъ бревно и какъ нельзя; Павловскій пошелъ къ другому воспитателю и сталъ спрашивать его о томъ же, проверяя указанія Л. Вступая въ пререканія съ преподавателями, требованіе замолчать не выполняетъ сразу; приходится прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, какъ выводъ изъ класса и т. п.

Въ области высшихъ идейныхъ чувствованій замѣчается такая же двойственность и неопредѣленность, указывающая на то, что чувства эти у Павловскаго не отличаются сколько-нибудь значительною силою и постоянствомъ. Такъ, *интересъ къ новому* (любопытство) проявляется у него довольно рѣзко, *интеллектуальное же чувство* (любовознательность), повидному, совершенно отсутствуетъ. Любитъ смѣху впечатлѣній, избѣгаетъ всего скучнаго, монотоннаго; очень хочетъ посядѣть въ карцерѣ, чтобы испытать все. Къ серьезной же умственной работѣ совершенно не расположенъ, ни одной предмѣты его не интересуютъ, занимается исключительно изъ-за отмѣтокъ.

То же и въ области *эстетическаго чувства*. Охотно читаетъ легкую баллетристику, рассказы слушаетъ со вниманіемъ, останавливаясь на подробностяхъ. Любитъ шутки, юмористическіе рассказы. Высказываетъ удовольствіе по поводу нарисованнаго ландшафта; умѣетъ данный основной рисунокъ украсить небольшими красивыми виньетками. Вообще, рисованіемъ интересуется больше, чѣмъ остальными учебными предметами. Однако, и здѣсь большую роль играютъ отмѣтки: когда учитель поставилъ худшій баллъ, онъ бросилъ рисованіе. Музыкальнымъ слухомъ не обладаетъ: взятыя на роялѣ ноты отличаетъ одну отъ другой, но при воспроизведеніи сильно фальшивитъ. Собирая перья, разложилъ ихъ въ коробочки по сортамъ: хорошія, худыя и пр.; между тѣмъ, въ партѣ и въ ночномъ столѣнѣ

постоянный беспорядокъ. Крайне неопрятенъ и нечистоплотенъ, руки и лицо постоянно залачканы чернилами.

Нравственное чувство, хотя и не отсутствуетъ вполне, но также не отличается особенной силой. Иногда онъ бываетъ правдивъ и, по-видимому, искренно огорчается, когда ему не вѣрятъ. Говорить, что сбавка балла за поведеніе его даже радуется, такъ какъ всѣ товарищи говорили, что долго не сбавляютъ: „теперь мнѣ легче“. Рѣзко обвинялъ одного изъ товарищей передъ воспитателемъ, уличая его въ обманъ, заискиваніи, мелочной расчетливости и скрыжничествѣ. Сдѣлавъ дурной поступокъ, конфузится и старается заглядеть его. Однако, нерѣдко проявляетъ также и прямо противоположныя качества. Будучи уличенъ въ какомъ-нибудь проступкѣ, старается иногда прикрыться познаниемъ: дѣлаетъ крайне изумленное лицо и задаетъ наивные вопросы. Когда за игру въ перышки у него отобрали ихъ, сталъ увѣрять, будто онъ вовсе не игралъ. Осуждалъ товарищей за цинизмъ, а между тѣмъ выяснилось, что онъ и самъ участвовалъ въ шалостяхъ циническаго свойства. *Религіозное чувство* ничѣмъ не проявляется. Не приходилось видѣть, чтобы онъ когда-либо молился. Въ разговорѣ удивляется, зачѣмъ водить въ церковь, такъ какъ всѣмъ хорошо извѣстно, что никто въ церкви не молится.

Изъ умственныхъ способностей больше другихъ развита у Павловскаго память. Стихотворенія и прозу онъ выучиваетъ сравнительно легко и безъ особеннаго труда (способность *запоминанія*). Значительно труднѣе даются ему музыкальныя произведенія (напр., небольшія вещицы для пѣнія), по здѣсь препятствіемъ служить, очевидно, слабое развитіе у него музыкальнаго слуха. Заученное хорошо *сохраняетъ въ памяти* и точно *воспроизводитъ*. Такъ, стихи, выученные во время эксперимента, сказалъ безъ ошибки утромъ на другой день, прибавивъ: „учить-то мнѣ легко, я быстро выучиваю“. Спустя три мѣсяца помнить ихъ также хорошо. Можетъ указать, когда и при какихъ обстоятельствахъ видѣлъ данное лицо, нерѣдко указываетъ, на какой страницѣ читалъ данное слово (*локализация воспроизведенныхъ представленій*). Живо и подробно воспроизводитъ событія ранняго дѣтства, наиримѣръ, смерть отца, погибшаго отъ взрыва (въ то время ему было 7 лѣтъ); описываетъ положеніе дома, сада, хода въ казармы, что онъ дѣлалъ въ саду, цвѣты сада, отсутствіе матери, самый взрывъ, летящіе камни, какъ боялись сказать прибѣжавшей матери о смерти отца, поиски за труномъ, при чемъ найденъ былъ только одинъ палецъ и т. п. Такъ же подробно описываетъ прогулки

съ отцомъ въ лѣсъ за грибами, послѣобѣденные рассказы отца; помнить его сказки и рассказываетъ ихъ дѣтямъ Л. Подробно рассказываетъ о каникулахъ, проведенныхъ у тетки въ Выборгѣ. Описывая ужью рыбу и порчу переметня, рассказывалъ о томъ, что онъ испыталъ, стараясь вытащить ихъ изъ воды (способность къ *самонаблюденію*).

Воображеніе, какъ это отчасти видно уже и изъ только что приведенныхъ фактовъ, отличается у Павловскаго довольно значительной *жизнью и яркостью*. Въ своихъ рассказахъ онъ очень живо изображаетъ обстановку событій; иногда опишетъ какого-нибудь таксика такъ, что, кажется, эта собачка стоитъ передъ глазами. Преобладаетъ *зрительный типъ* воспроизведенныхъ представлений. Любитъ рисовать, рисунки почти всѣ свои, а не срисованные; въ послѣднее время сталъ рисовать красками. Къ музыкѣ же и пѣнію совершенно равнодушенъ. Рассказываетъ дѣтямъ Л. сказки, которые первѣю тутъ же и придумываетъ (*комбинирующее воображеніе*); его юмористические рассказы возбуждали въ дѣтяхъ неудержимый смѣхъ. Повѣстей не пишетъ, но написалъ два стихотворенія: описаніе начала зимы въ деревнѣ и проводы на войпу; первое недурно, второе гораздо слабѣе. Желанія и планы его вполне *реальны*: хочетъ хорошо учиться, получать хорошіе баллы, чтобы не отстать отъ товарищей и послѣ окончанія корпуса шить въ манеры,—но не въ саперы.

За то мышленіе и, въ частности, способность *умозаключенія* у него развиты крайне слабо. На вечернихъ занятіяхъ воспитатель, по его просьбѣ, объяснялъ ему изъ ариметики. Очень долго не понималъ, хоти и напрягалъ всѣ старанія, усиленно морщилъ лобъ; шакопецъ, понималъ. Вообще, соображать туго, а механизмъ дѣйствій запоминаться легко; самъ это сознаетъ и высказываетъ. *Сужденія* его отличаются значительной *субъективностью*. Разбирая какой-нибудь порядокъ въ корпусѣ (напр., порядокъ выдачи книгъ, завтраки, оцѣнку баллами, спросъ преподавателей, личность преподавателей и воспитателей и т. п.), смотритъ на него прежде всего съ точки зрѣнія личнаго удобства и только послѣ совѣстнаго обсужденія можетъ стать на болѣе объективную точку зрѣнія. Въ мнѣніяхъ своихъ *не упорствуетъ* и, если ему представить основательные доводы, то соглашается съ ними. Такъ, однажды говорили о милостынѣ. Его мнѣніе—что не слѣдуетъ подавать хорошо одѣтымъ, такъ какъ разъ онъ подалъ такому, а тотъ погрозилъ ему кулакомъ, значитъ, въ милостынѣ не нуждается; когда же воспитатель рядомъ примѣровъ показалъ, что хорошо одѣтые

также могут нуждаться, не сталъ спорить и согласился (см. также выше, о подчиняемости чужимъ влияніямъ).

Довольно *наблюдателенъ*, но наблюденія его отрывочны и несистематичны. Однажды воспитатель Л. пришелъ въ классъ разстроенный; другіе ученики не замѣтили этого, а Павловскій послѣ урока подошелъ къ Л. и спросилъ, отчего онъ такой грустный и скучный. Къ систематическимъ же наблюденіямъ совершенно неспособенъ. Въ классѣ есть бѣлыя мыши; онъ только смотритъ на нихъ, а не задается, подобно, напримѣръ, Николаеву, цѣлью изучить: какъ мышь пьетъ, лазасть по лѣстницѣ и т. п. Зрѣніе у него хорошее: видать какъ днемъ, такъ и ночью вполнѣ ясно и на далекое разстояніе (*острота острій*).

Теченіе умственныхъ процессовъ отличается значительной *быстрою*. Внезапную команду, совершенно неуставную, живо понимаетъ и рѣдко ошибается. Во время игры въ почту, будучи съ завязанными глазами, быстро сообразилъ, что слѣдуетъ загородить стульями проходъ, чтобы поймать одного изъ играющихъ. Говоритъ очень быстро, боясь, какъ бы его не перебили. Послѣ чтенія всему классу „Дружбы съ природой“ Кайгородова, Павловскій сталъ рассказывать про своихъ двухъ собачекъ; когда одинъ изъ товарищей хотѣлъ его перебить, Павловскій, быстро обернувшись къ нему, проговорилъ: „ну, ты ужъ помолчи!“ и продолжалъ свой рассказъ. Рѣчь идетъ гладко, въ подборѣ словъ затрудненія не встрѣчаетъ (легкость *сочетаній словесныхъ образовъ*). Разговоръ по своему содержанію довольно разнообразенъ: упоминаніе о близости каникулъ вызываетъ цѣлый рядъ воспоминаній о прошедшихъ каникулахъ и плановъ на будущія. Однако, богатымъ запасомъ представленій (*обиліемъ ассоціацій*) все же не отличается: на вечернихъ занятіяхъ затрудняется подыскать слова на *ихъ* и *его*.

Резюме. Обиліе движеній и вниманія пролазеній чувства. Значительная возбудимость аффективной сферы, отсутствіе психической задержки и неспособность къ активному вниманію. Слабость и неустойчивость волевого усилія. Отсутствіе какихъ бы то ни были сильно развитыхъ чувствованій и интересовъ, которые бы направляли его дѣятельность въ одну опредѣленную сторону. Средней силы умственные способности, состояція, главнымъ образомъ, въ развитіи памяти и отчасти воображенія.

10. Робертъ, 3 класса, 12½ лѣтъ.

Хорошо сложенный и ловкій мальчикъ, съ умѣренно развитыми мышцами. Блондинъ, глаза сѣро-голубые. Цвѣтъ лица хорошій; легко краснѣетъ.

Наиболѣе значительною и рѣзко выраженной особенностью въ характерѣ этого мальчика является сильное развитіе аффективной жизни со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями. Чувства у него отличаются крайней *возбудимостью* и обиліемъ *внѣшнихъ проявленій*, но въ то же время и чрезвычайнымъ непостоянствомъ (*неустойчивостью*). Особенно сильна аффектъ *злѣва*. Вспыльчивый до крайности, Робертъ раздражается при малѣйшемъ, даже кажущемся поводѣ, доходя иногда до приступовъ настоящей ярости. При этомъ онъ сильно краснѣетъ, стискиваетъ зубы, на лицѣ появляется злое выраженіе, движенія становятся рѣзкими и порывистыми; если обидчикомъ является товарищъ, то лѣзетъ драться, бросаетъ въ него, чѣмъ понало; бываетъ, что плачетъ, но рѣдко.

Цѣлый рядъ фактовъ указываетъ на его раздражительность. Такъ, встрѣтивъ отказъ идти на плацъ въ свободный отъ урока часъ, онъ ворчалъ, дулся и отъ неудовольствія краснѣлъ. Получивъ замѣчаніе заниматься дѣломъ, краснѣетъ и что-то бурчить. Приставаніе къ нему товарища, старшаго классомъ, довело его до озлобленія; на заступничество воспитателя тоже сердится, хотя самъ отдѣлаться отъ приставаній не могъ. Въ другой разъ на приставанія товарища отвѣчалъ очень неумѣло, чѣмъ вызвалъ смѣхъ другихъ; это привело его къ ярости, онъ бросился на перваго понавшагося и сталъ съ нимъ драться. Однажды у него отобрали книгу, которую онъ читалъ во время урока. Вечеромъ на занятіяхъ озлобленно отвѣчалъ на вопросы по поводу случившагося; придя на мѣсто, швырнулъ книгу въ столъ, вынулъ учебникъ, бросилъ на столъ, но видимо не занимался, а злобыными глазами поглядывалъ на воспитателя, сидѣвшаго на кафедрѣ. На другой день порывъ вчерашняго раздраженія миновалъ; онъ подходилъ съ учебникомъ, просилъ ому перовести гимнцѣй пероводъ. Когда же увидѣлъ, что пероводъ дастся не легко, сталъ канпризначать, посылая бранилы слова по адресу книги и этого предмета. Получивши однажды дурную отмѣтку, онъ выражалъ преподавателю свое неудовольствіе, въ разговорѣ былъ отрывистъ, по тону рѣзокъ: „вы всегда ко мнѣ придираетесь!“. Въ другой разъ, при входѣ преподавателя, поставившаго ему дурную отмѣтку, не поднялся съ мѣста,

хотя команда дежурнаго „встать“ была сказана громко: видимо подчеркиваетъ свое неудовольствіе. Въ разговорѣ съ воспитателемъ по этому поводу сказалъ самымъ рѣзкимъ тономъ: „да обавляйте мнѣ хоть два балла! мнѣ вашихъ балловъ не надо!“.

Однако, раздраженіе ого такъ же быстро проходитъ, какъ и возникаетъ: сорвавши свой гнѣвъ, ударивъ товарища, бросивъ въ него книгой или тѣмъ, что было въ рукахъ, начинаетъ обыкновенно успокаиваться. Наговоривши воспитателю дерзостей по поводу дурной отвѣтки (см. выше), скоро пришелъ въ себя, подошелъ съ виноватымъ видомъ и хотя не просилъ прощенія, но выражалъ сожалѣніе о сказанномъ, интересовался, когда можетъ получить прибавку балла за поведеніе, и выражалъ надежду, что получить ее скоро. Иногда гнѣвъ его проходитъ подъ вліяніемъ убѣжденія: истрѣтнія со стороны старшаго спокойное отношеніе, начинаютъ улыбаться и становятся довѣрчивѣе. Въ другой разъ на него дѣйствуетъ *страхъ* наказанія: когда, въ отвѣтъ на дерзость, воспитатель пригрозилъ отправить его въ карцеръ, сталъ заискивающимъ, даже ласковымъ и пріятнымъ тономъ просить прощенія: „ну, не надо въ карцеръ, я больше не буду“; спрашиваетъ, чѣмъ можетъ загладить свой проступокъ. Надо сказать, впрочемъ, что въ общемъ онъ не изъ трусливыхъ. Во время гимнастики, напримѣръ, проявляетъ большую смѣлость: не задумываясь, предѣлываетъ различныя рискованныя упражненія.

Въ связи съ возбудимостью и непродолжительностью аффектовъ *настроеніе* его также до крайности поустойчиво, мѣнялись не только по днямъ, но буквально по часамъ. При этомъ часто самъ не въ состояніи бываетъ объяснить, какая именно причина привела его въ возбужденное состояніе и довела до рѣзкостей, грубостей и другихъ, ему самому нежелательныхъ проявленій (преобладаніе *безсознательныхъ процессовъ*).

Эти рѣзкія колебанія настроенія вліяютъ также и на его двигательную сферу. Будучи въ хорошемъ настроеніи, Робертъ отличается большою подвижностью. Въ свободное время много возится и въ подвижныхъ играхъ проявляетъ чрезвычайное увлеченіе; такъ, во время игры въ футъ-болъ увлекается до того, что несмотря на холодъ— весь мокрый и красный (*обиліе движеній*). Въ послѣобѣденное время вошелъ въ игру стрѣльбы въ цѣль и игралъ, какъ всегда, съ увлеченіемъ; стрѣлялъ мѣтко и былъ этимъ видимо доволенъ. Вообще, во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ проявляетъ способности не хуже,

а лучше многихъ сверстниковъ: очень энергично играетъ въ залту и футу-болъ, хорошо прыгаетъ и быстро бѣгаетъ (*быстрота и координація движеній*). Во время игры обыкновенно является ея руководителемъ. Наоборотъ, будучи въ угнетенномъ настроеніи, сидитъ подолгу на мѣстѣ, мало принимаетъ участія въ общихъ играхъ; вялъ и въ движеніяхъ видна апатія (*вліяніе чувствъ на движенія*). Къ вечеру обыкновенно движенія отличаются значительно большею вялостью, чѣмъ утромъ и въ теченіе дня. Это замѣчается также и въ тѣхъ случаяхъ, когда день прошелъ спокойно, безъ всякихъ поводовъ къ раздраженіямъ, такъ что здѣсь, очевидно, сказывается не только вліяніе настроенія, но также и быстрая *утомляемость* всей вообще нервно-мышечной системы у этого мальчика.

Особенности эмоциональной сферы отражаются на всей душевной жизни Робертса и, въ частности, также на его поступкахъ и рѣшеніяхъ. Процессъ выбора, поскольку онъ выражается въ *борьбѣ мотивовъ и наклонности обсуждать ихъ*, у него почти совершенно отсутствуетъ. Часто подъ вліяніемъ аффекта совершаетъ опрометчивые поступки, въ которыхъ затѣмъ самъ раскаивается; такъ, сначала поговорить преподавателю дерзостей, а потомъ, разобравшись въ своемъ поступкѣ, приходитъ къ заключенію, что этого не слѣдовало дѣлать. Во время приготовленія уроковъ былъ очень безпечень, брался за рисованіе, не выучивши урока какъ слѣдуетъ; на замѣчаніе, что надо заняться дѣломъ, отвѣтилъ увѣренно, что урокъ знаетъ (между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ приготовилъ его очень плохо). Увлеченіе чтеніемъ первой попавшейся книги доходитъ до того, что играетъ читать во время любого урока; на урокъ пѣмецкаго языка продолжалъ читать даже послѣ повторныхъ замѣчаній преподавателя, такъ что тотъ вынужденъ былъ наконецъ отобрать у него книгу.

Всѣ эти качества, въ связи съ полнымъ отсутствіемъ активнаго вниманія (см. ниже), дѣлаютъ его совершенно неспособнымъ въ серьезной и настойчивой *умственной работѣ*. Во время приготовленія уроковъ небольшое затрудненіе заставляетъ его уже бросить занятія. Въ началѣ года общался (и, повидному, искренно) заниматься лучше, чѣмъ прежде; на самомъ же дѣлѣ увлеченіе играми и отчасти застѣнчивость во время отвѣтовъ, особенно сказывающаяся въ нынѣшнемъ году, повели къ тому, что успѣхи не только не поднялись, а еще упали по сравненію съ прошлымъ годомъ (*неустойчивость приплатыхъ рѣшеній, неспособность къ положительному волевому усилію*).

Особенной *самостоятельностью* не отличается: хотя и имѣеть свои мнѣнія относительно происшествій окружающей жизни, но не упорствуетъ въ нихъ. Такъ, однажды утверждалъ, что преподаватель придирается и ставитъ отмѣтки хуже, чѣмъ слѣдуетъ,—послѣ же выясненія вопроса согласился, что былъ неправъ.

Умственные процессы Роберта не представляютъ ничего особеннаго, за исключеніемъ, пожалуй, того, что вліяніе эмоциональной сферы сказывается и здѣсь съ значительной яркостью. Онъ очень любопытенъ, всякое новое внѣшнее впечатлѣніе всецѣло его захватываетъ; бросаетъ книгу, которую читалъ съ удовольствіемъ, оставляетъ игру и бѣжитъ смотрѣть на новинку: коньки, принесенныя въ классъ, растянувшагося подъ окномъ пьянаго, проѣхавшихъ пожарныхъ и т. п. (*легкость привлеченія вниманія, интересъ къ новому*). *Пассивное вниманіе* безусловно преобладаетъ надъ активнымъ. Читая книгу, съ трудомъ отрывается отъ нея, чтобы взяться за приготовленіе уроковъ. На урокахъ легко схватываетъ то, что ему интересно (исторія, естествознаніе), а на неинтересныхъ (иностранные языки) старается незамѣтно читать книгу. Если занятіе его привлекаетъ, то вниманіе можетъ быть довольно *устойчивымъ*: такъ, напримѣръ, способенъ долго просидѣть за чтеніемъ; рѣшоніе же задачъ бросаетъ скоро, какъ только почувствуетъ свою несостоятельность. Однако, даже и въ случаяхъ, его интересующихъ, *сосредоточенность вниманія* не особенно велика: увидѣвъ, что въ классѣ играютъ въ чехарду, бросаетъ книгу и примыкаетъ къ играющимъ.

Наклонность къ составленію сужденій развиты у Роберта довольно значительно, но опять-таки находится подъ сильнымъ вліяніемъ чувствованій. Онъ любитъ входить въ обсужденіе поступковъ другихъ, какъ старшихъ, такъ и товарищей; однако въ его разговорахъ ясно проглядываетъ желаніе, чтобы все дѣлалось такъ, какъ онъ хочетъ и какъ ему правится; совѣтъ не считается съ необходимостью уступать требованіямъ общезжитія (*субъективность сужденій*). Во время разговора часто противорѣчить самъ себѣ; напримѣръ, стараясь доказать, что онъ имѣлъ право обидѣть товарища, до того ясно доказываетъ свою виновность, что въ концѣ концовъ самъ смущается полученнымъ выводомъ (*недостаточная обоснованность сужденій*).

Память въ общемъ довольно хорошая: *заучиваетъ* съ нѣкоторымъ трудомъ, но зато разъ усвоенное долго *сохраняетъ въ памяти*. Такъ, прошлогодні курсы, пройденные имъ основательно, хорошо помнить

и до сихъ поръ. Прочитанное и услышанное передаетъ подробно; въ разсказѣ у него много подробностей. Заучиваетъ же уроки съ трудомъ, особенно французскій и нѣмецкій, а также тексты изъ священнаго писанія; при небольшомъ стараніи заучиваніе бываетъ поверхностнымъ и скоро забывается. Преобладаетъ, повидимому, *слуховой типъ памяти*: запоминаетъ и черезъ нѣсколько недѣль точно воспроизводитъ слышанныя имъ на урокѣ подробности, которыхъ нѣтъ въ книгѣ (уроки исторіи, естественной исторіи, русскаго языка); впрочемъ, можетъ быть, здѣсь сохранились въ памяти не столько слышанныя на урокѣ слова, сколько вызванные ими въ его сознаніи зрительные образы?

Что касается воображенія, то воспроизведенные образы у Робертса, повидимому, отличаются значительной яркостью и живостью. Такъ, въ воспоминаніяхъ о домѣ, гдѣ бываеъ только на лѣтнихъ каникулахъ, легко и ясно воспроизводитъ картины прошлаго. Склоненъ мечтать и любить, удивившись съ кѣмъ-либо изъ товарищей, строить воздушные замки. Значительно слабѣе дѣятельность *комбинирующая воображенія*, которое ничѣмъ особеннымъ не проявляется: не сочинительствуетъ, не пишетъ стиховъ. Ассоціаціи довольно обильны: охотно вступаятъ въ разговоръ, и, если разговоръ для него интересенъ, то говорить свободно, быстро отвѣчая на вопросы и безъ затрудненія переходя отъ одной темы къ другой. Устная рѣчь связанная, въ выборѣ словъ и выраженій трудности не встрѣчаетъ (*легкость сочетанія словесныхъ образовъ*). Письменная рѣчь также связанная и распространенная; ортографія правильная.

Чувства Робертса по своему содержанію довольно разнообразны, при чемъ нельзя сказать, чтобы одна какая-нибудь группа ихъ выдѣлялась особенно рѣзко, преобладая надъ всѣми остальными.

Низшія, органическія чувства развиты умѣренно: къ ѣдѣ и сну относится довольно спокойно, хотя любитъ полакомиться и нервѣеоживляеъ булку или котлету на пирожное. *Самолюбие*. На урокѣ танцевъ видимо доволенъ тѣмъ, что преподаватель нѣсколько выдѣляетъ его, ставя въ первую пару. Неудовольствіе упражненіе (прыганіе черезъ кобылу) смутило его, какъ и всегда все, что не удается: сконфуженно ушелъ на мѣсто въ строю и старался быть незамѣченнымъ. На ряду съ этимъ—крайне застѣнчивъ (отсутствіе *самоуверенности*). Какъ только приходится остановиться на немъ по какому бы то ни было случаю свое вниманіе, тотчасъ смущается, краснѣетъ, иногда сердится и говоритъ дерзости, а иногда безмолвно прячется; въ та-

вить случаяхъ старается избѣгать встрѣчи съ воспитателемъ и въ то же время ловить его взглядъ, когда воспитатель находится въ классѣ. Началъ рисовать красками; когда воспитатель подошелъ посмотреть, сконфузился и весь покраснѣлъ; на просьбу показать рисунокъ, отвѣтилъ очень скромно: „у меня плохо выходитъ“. Когда въ свободные отъ уроковъ часы просить воспитателя читать, то всегда просить не открыто, а съ мѣста кричить: „почитайте, почитайте!“ и при этомъ краснѣеть.

Крайняя застѣнчивость дѣлаетъ его обращеніе съ другими, особенно старшими, чрезвычайно неровнымъ и порывистымъ. Обыкновенно онъ разговариваетъ свободно. Но если замѣтить, что кто-нибудь обращаетъ на него особенное вниманіе, тогда конфузится, рѣчь его дѣлается отрывистою, вопросы и отвѣты принимають совсѣмъ другой характеръ: онъ начинаетъ кипятиться; смущаясь, вставляетъ дерзкія слова и отходитъ отъ темы. Въ такую минуту, бывало, повернется спиною, уйдетъ и на зовъ не откликнется долго. Къ похваламъ относится не такъ, какъ другіе: одобреніе нерѣдко принимаетъ съ раздраженіемъ, краснѣетъ и сердится. Будучи виноватъ, проявляетъ наклонность къ раскаянію, но подходитъ съ этимъ очень осторожно или же крайне рѣзко: даже и тутъ иначе, чѣмъ другіе.

Вся эта неровность и порывистость въ обращеніи, такъ же, какъ и преувеличенная застѣнчивость, находятся, конечно, въ самой тѣсной связи съ повышенною возбудимостью аффективной сферы Робертса, о чемъ уже подробно говорилось выше. Однако, извѣстное вліяніе имѣетъ здѣсь, быть можетъ, и то обстоятельство, что мальчикъ этотъ какъ разъ вступаетъ въ переходный возрастъ. Нѣкоторые факты указываютъ на пробужденіе въ немъ полового инстинкта; онъ начинаетъ искать легкаго запретнаго чтенія, въ отношеніяхъ къ товарищамъ проявляетъ нѣкоторую не замѣчавшуюся ранѣе пѣжность, охотно прислушивается къ ихъ празднымъ разговорамъ,—хотя при этомъ все-таки смущается. Внонѣ естественно, что у мальчика со столь развитой аффективной жизнью, какъ Робертсъ, пробужденіе полового инстинкта должно сопровождаться большими колебаніями личности, чѣмъ у остальныхъ, болѣе уравновѣшенныхъ его товарищей.

Семью свою Робертсъ любитъ, часто переписывается съ нею, хотя къ сестрѣ въ институтъ почему-то ходитъ довольно рѣдко. Отъ отца получаетъ очень нѣжныя письма, которыя доставляютъ ему замѣтное удовольствіе; получивши однажды такое письмо, просить воспитателя не писать отцу о немъ худо (*родственныхъ привязанности*).

Съ прислугой грубы и требователенъ. Присутствуя при ссорѣ двухъ товарищей, слѣдилъ за нѣй съ живымъ участіемъ и поощрялъ одного изъ ссорящихся словами: „дай ему, дай ему!“ при чемъ, повидному, не шутилъ, а говорилъ серьезно. Во время занятій бродилъ по классу безъ опредѣленной цѣли и подъ разными предлогами мѣшалъ товарищамъ заниматься; однако, особеннаго неудовольствія ни въ комъ этимъ не вызвалъ: видимо, большинство къ нему хорошо относится. Особенной дружбы ни съ кѣмъ изъ товарищей не ведетъ; на вопросы воспитателя, не скучно ли ему по праздникамъ въ корпусѣ и не хочетъ ли онъ ходить въ отпускъ въ семью товарища, отвѣчался, говоря, что свылся съ жизнью корпуса и не скучаетъ (*слабо развитая потребность въ дружбѣ и чувство симпатіи*).

Высшія идейныя чувства развиты у Роберта въ общемъ довольно слабо. Болѣе другихъ замѣтны проявленія *интеллектуальнаго чувства*. Онъ *интересуется* есмь новымъ (разговоры, книжки), любитъ поговорить о прочитанномъ или о чемъ-либо заинтересовавшемъ его на урокъ, задаетъ по этому поводу вопросы. Легкое чтеніе ищетъ съ жадностью, очень скоро читаетъ романы, помѣщаемые въ приложеніяхъ къ журналамъ. Получивъ интересную книгу, почти весь вечеръ сидѣлъ за нею. Воспитательское чтеніе также любитъ и каждый свободный часъ проситъ почитать. Что касается *эстетическаго чувства*, то ему нравятся порядокъ, опрятность въ одеждѣ, красивый туалетъ; въ произведеніяхъ искусства ищетъ интересныхъ похощеній, но серьезной и дѣйствительно художественной вещию его не заинтересуешь.

О *примитивномъ чувствѣ* Роберта можно судить до нѣкоторой степени по его отношенію къ школьнымъ обязанностямъ и вообще во всему тому, что онъ считаетъ своимъ долгомъ. Однажды во время урока онъ читалъ книгу, за что и получилъ замѣчаніе; послѣ этого въ свободное время ходилъ съ воспитателемъ среди другихъ кадетъ и какъ-то боязливо разговаривалъ съ нимъ, видимо чувствуя себя виноватымъ. Во время строевыхъ занятій дурно велъ себя, стараясь показать товарищамъ, что продѣлываетъ требуемыя упражненія по необходимости, а не по желанію; не смотря на замѣчаніе, продолжалъ въ строю разговаривать съ товарищемъ; въ движеніяхъ былъ развязенъ, въ отвѣтахъ рѣзокъ. За это его поставили къ стѣнкѣ. Наказаніе принять, какъ должно, всталъ къ стѣнкѣ безпрерословно; но стоя на штрафу задѣвалъ проходившихъ товарищей, не только не скрывая этого, но даже какъ бы стараясь быть замѣченнымъ. Во

время приготовления уроков капризничалъ и лѣнился; однако, успокоившись, опять общалъ учиться. Урокъ нѣмецкаго языка, не давшійся ему, разучилъ кое-какъ и принялся за чтеніе; когда же получалъ отъ воспитателя замѣчаніе, что надо выучить урокъ какъ слѣдуетъ, то безпрекословно вынулъ учебникъ и снова, хотя и съ неохотой, сталъ заучивать слова. Такимъ образомъ, въ помѣ, видимо, существуетъ сознаніе своихъ обязанностей къ школѣ и къ старшимъ; но благодаря значительному развитію аффективной сферы, онъ никакъ не можетъ сдержаться (*неспособность къ психической задержкѣ*) и то и дѣло нарушаетъ эти обязанности,—въ чемъ потомъ большею частью самъ же и раскаивается.

Что касается *религознаго чувства*, то нѣтъ никакихъ признаковъ, которые указывали бы на сколько-нибудь замѣтное его развитіе. За общей молитвой стоялъ разсѣянно, принималъ свободныя позы и видимо совѣмъ не участвовалъ въ ней. Въ церкви глядѣлъ по сторонамъ и даже смущалъ своего сосѣда, обращая его вниманіе на близъ стоявшихъ дѣвочекъ; во время колѣнопреклоненія становился на одно колѣно. Подобно другимъ товарищамъ молится утромъ и вечеромъ, но, повидимому, дѣлаетъ это скорѣе вслѣдствіе привычки, чѣмъ въ силу дѣйствительной потребности.

Такимъ образомъ, чувства Роберта, будучи по своему содержанию довольно разнообразны, въ то же время не представляютъ изъ себя ничего особенно яркаго, рѣзко выраженнаго. Нѣтъ у него ни одной такой потребности или группы потребностей (все равно, высшихъ или низшихъ), которая бы давала тонъ всей его личности, направляя поступки и все его поведеніе въ ту или иную сторону. Это отсутствіе значительно развитыхъ чувствованій особенно бросается въ глаза по сравненію съ рѣзко выраженными формальными особенностями его эмоциональной сферы: возбудимостью чувствованій, обиліемъ проявленій и влияніемъ ихъ на умственные и волевые процессы (см. выше).

Получается какъ бы противорѣчіе: съ одной стороны, чувства Роберта легко возбуждаются и могутъ достигать значительной интенсивности, а съ другой—они блѣдны по своему содержанию и ни одно изъ нихъ не выдѣляется особенно передъ другими. Рѣшеніе вопроса заключается, какъ намъ кажется, въ слѣдующемъ. О формальныхъ особенностяхъ чувствъ у каждаго человѣка приходится судить, главнымъ образомъ, по той группѣ чувствованій, которая обладаетъ наиболѣе рѣзко выраженными внѣшними проявленіями, т. е., по такъ называемымъ аффектамъ: гнѣвъ, радость, страхъ, горе, замѣшательство

и т. п. Большинство изъ нихъ развито у Робертса очень значительно, точно такъ же, какъ и находящіеся въ тѣсной связи съ аффектами колебанія настроенія. Что же касается всѣхъ остальныхъ чувствованій, то они находятъ свое выраженіе не столько во внѣшнихъ, чисто физиологическихъ проявленіяхъ, сколько во всей дѣятельности человѣка, въ особенностяхъ его волевой и двигательной области. А волевая сфера Робертса, какъ мы уже видѣли выше, характеризуется именно своею импульсивностью и неустойчивостью. Разъ у него есть только аффекты, а нѣтъ постоянныхъ, значительно развитыхъ чувствованій (хотя бы даже по своему уровню ѣ не особенно возвышенныхъ), то воля его лишается всякихъ опредѣленныхъ точекъ опоры и становится шаткой и неустойчивой.

Резюме. Крайне повышенная возбудимость аффектовъ и обиліе ихъ витанихъ проявленій. Слабость и неустойчивость воли. Средней силы умственные способности. Чувствованія, какъ высшія, такъ и низшія, довольно разнообразны, но ни одно изъ нихъ не достигаетъ сколько-нибудь значительной степени развитія.

11. Федотовъ, 2 класса, 12½ лѣтъ.

Здоровый, хорошо убитанный мальчикъ. Тѣлосложеніе нормальное, мышечная сила для его возраста большая. Темные волосы и брови; цвѣтъ лица сильно румяный.

Крайне подвиженъ (*обиліе движеній*) и неусидчивъ. Въ свободное время не можетъ долго сидѣть на мѣстѣ, постоянно находится въ движеніи, переходя отъ одного товарища къ другому и разговаривая. На вечернихъ занятіяхъ также часто бродитъ по классу, а если ему это запрещаютъ, то иногда вскакиваетъ съ мѣста и стоитъ, продолжая въ то же время заниматься. Во время уроковъ сидитъ неспокойно, ерзаетъ на мѣстѣ, поворачиваясь всѣмъ туловищемъ то въ одну сторону, то въ другую, отваливаясь на спинку, ложась на крышку стола, развалившись на локти и т. п. Самыя движенія не быстры. Его очень рѣдко приходится видѣть бѣгающимъ или играющимъ, чаще всего слоняется безъ всякой опредѣленной цѣли. Во время подвижныхъ игръ (обязательныхъ) играть безъ оживленія, устаетъ скорѣе другихъ и бываетъ всегда въ числѣ первыхъ пойманныхъ. Къ гимнастикѣ особеннаго интереса не проявляетъ и при малѣйшемъ поводѣ старается уклониться отъ занятій. Въ упражненіяхъ метаніемъ мяча особенной мѣткости не обнаруживаетъ. Танцами интересуется болѣе, чѣмъ гимнастикой, и проявляетъ въ нихъ больше ловкости (степень

координаціи сложныхъ движеній). Новыя упражненія и танцы усваиваетъ скоро и точно (*двигательная упражняемость*).

Такимъ образомъ, можно сказать, что движенія Федотова, будучи очень обильными, въ то же время отличаются, въ большинствѣ случаевъ, значительной беспорядочностью. Причиной этого является отчасти неспособность координировать отдѣльные двигательные импульсы (неловкость въ бѣгѣ, въ метаніи мяча), а отчасти отсутствіе интереса къ сложнымъ двигательнымъ упражненіямъ. Вторая причина является, быть можетъ, особенно существенной, такъ какъ въ тѣхъ упражненіяхъ, которыя почему-либо способны его заинтересовать (напр., въ танцахъ), Федотовъ проявляетъ сравнительно болѣе ловкости и умѣнія.

Паряду съ необычайной подвижностью Федотова, обрываютъ на себя вниманіе также значительная его общительность и обиліе *внѣшнихъ физиологическихъ проявленій чувства*. Любитъ общество, шумъ, веселье. Очень рѣдко, почти никогда не приходится видѣть его сидящимъ отдѣльно за какимъ-либо занятіемъ (*преобладаніе внѣшнихъ воспріятій надъ внутренними*); въ свободное время разговариваетъ, или спорится, или выйдетъ изъ класса въ корридоръ, чтобы скоро опять вернуться,—вообще очень подвиженъ и малодѣтеленъ. Крайне болтливъ, говоритъ много и быстро, буквально засыпая словами; нерѣдко приходится его удерживать, такъ какъ постоянная болтовня мѣшаетъ заниматься какъ ему самому, такъ и сидящимъ рядомъ товарищамъ. Внѣшнія проявленія чувствъ очень обильны. Все пріятное (какъ, напр., общаніе вести въ манежѣ или чтеніе книги легкаго содержанія съ интересными приключеніями) вызываетъ въ немъ оживленіе: усиленно вскакиваетъ съ мѣста, потираетъ руки, его щеки, и безъ того всегда красныя, краснѣютъ еще больше. Получивши хорошій баллъ, бѣжитъ сообщать о немъ воспитателю. Играя въ свободное время съ Антоновичемъ на полу въ солдатика, горячо и шумно споритъ по поводу разстановки фигуръ. Будучи задѣтъ за живое, багровѣетъ, дѣлаетъ порывистыя движенія; дерется сравнительно рѣдко, но бранится и часто и грубо. Не выдержавъ переизкамоновки (грозило исключеніе изъ ворууса), впалъ въ состояніе, близкое къ отчаянію: заплакалъ, поблѣднѣлъ, хваталъ директора за руки, удерживалъ его, какъ-то странно прижимался къ нему головой, умоляя дать ему еще разъ отвѣтить. Когда же ему поставили 6, то сразу совершенно успокоился, какъ будто бы ничего особеннаго съ нимъ и не случилось.

Вообще, чувства и аффекты Федотова, достигая иногда довольно значительной силы, въ то же время отличаются крайней неустойчи-

востью. Лишеніе отпуску огорчаетъ лишь въ самый первый моментъ, вызывая продолжительныя слезы, а затѣмъ опять веселъ по своему. *Настроеніе*, благодаря хорошему здоровью, всегда жизнерадостно: его почти никогда не приходится видѣть грустнымъ или задумчивымъ; огорченія, хотя бы и довольно сильныя, быстро проходятъ, не оставляя послѣ себя никакого слѣда. Аффектъ *инья* выраженъ довольно рѣзко (см. выше), проявленіи же *страха* во время дракъ наблюдать не приходилось, хотя особенной храбрости тоже не обнаруживаешь.

Въ области воленыхъ проявленій Фодотова наблюдается гнѣчто подобное тому, что мы уже видѣли выше въ сферѣ движеній. Способность къ *волевоу усилю*, хотя и не въ особенно сильной степени, все же у него имѣется, и тамъ, гдѣ это нужно и выгодно, онъ можетъ на нѣкоторое время заставить себя работать. Такъ, желая поѣхать на Рождество въ отпускъ, обѣщавъ хорошо учиться и исполнивъ это: на второй аттестаціи не имѣлъ ни одного неудовлетворительнаго балла, тогда какъ на первой имѣлъ ихъ три; вернувшись же изъ отпуска, охотѣ бросилъ заниматься, и на третьей четверти снова имѣеть три неудовлетворительныхъ балла. Вообще, благодаря неустойчивости чувствованій, а также отсутствію какихъ бы то ни было высшихъ руководящихъ цѣлей и интересовъ (см. ниже), его воля никогда не проявляется съ достаточною послѣдовательностью и постоянствомъ.

Въ гнѣвѣ крайне несдержанъ (отсутствіе *физической и психической задержки*): разсердившись на товарища, кричитъ и дерется или, по крайней мѣрѣ, долго и грубо ругается; недовольство старшими никогда не можетъ и не пытается скрыть. Поступки большею частью логически и побужденны (неспособность къ *обезусужденію мотивовъ*): болталъ въ классѣ, несмотря на близость директора, который въ это время стоялъ у двери класса; пошелъ покупать мелочь и на пустяки истратилъ всѣ бывшія у него деньги (два рубля). На каждый заданный вопросъ отвѣчаетъ тотчасъ же, не задумываясь о томъ, насколько правиленъ будетъ его отвѣтъ. Книги читаетъ такъ: отыскиваетъ въ серединѣ, концѣ, вообще гдѣ попалось интересныя мѣста, всю же книгу отъ начала до конца не прочиталъ ни разу (отсутствіе *систематичности сложныхъ дѣйствій*). Начатое дѣло никогда не можетъ довести до конца. Такъ, однажды съ оживленіемъ заявилъ воспитателю, что будетъ заниматься на урокахъ рисованія лѣнкой. Ожиданіе этихъ занятій его интересовало, и онъ готовился лѣпить лошадь, для чего просилъ у воспитателя принести толстой проволоки. Результатъ слѣдующій. Лѣпить только во время обязательныхъ уро-

ловъ рисованія, когда необходимо что-нибудь дѣлать, и при томъ такъ лѣнливо, что инспекторъ классовъ, наблюдавшій въ дверь за его работой, оставилъ его на два воскресенья безъ отпуска (*неустойчивость принятыхъ рѣшеній, непродолжительность волевого усилія*).

Съ самаго поступленія въ корпусъ обнаружилъ полную нелюбовь ко всякаго рода *умственной работѣ*. Во время приготовленія уроковъ занимается крайне лѣнливо, поминутно вскакиваетъ съ мѣста или болтаетъ съ товарищами; иногда довольно долго сидитъ за открытой книгой, перевернутой вверхъ ногами. Ни выговоры, ни наказанія, ни приведеніе въ примѣръ товарищей на него не дѣйствуютъ; въ разсчетъ (чтобы заслужить прибавку балла за поведеніе, чтобы поѣхать въ отпускъ) можетъ заниматься въ теченіе нѣкотораго времени, безъ этого же къ занятіямъ совершенно равнодушенъ.

Не малую роль въ этомъ отношеніи играютъ также значительная *отвлекаемость вниманія* у Федотова, его неспособность всецѣло сосредоточиться, хотя бы въ теченіе самаго непродолжительнаго времени, надъ какимъ-нибудь дѣломъ. Всякое незначительное явленіе тотчасъ же обращаетъ на себя его вниманіе (*возбудимость вниманія*), но не надолго: скоро отвлекается въ сторону. Такъ, напримѣръ, учя урокъ, онъ замѣчаетъ, что воспитатель дѣлаетъ кому-нибудь замѣчаніе или поправляетъ тетрадь; онъ уже бросаетъ свое дѣло и слушаетъ воспитателя или подходитъ къ столу посмотрѣть, что тотъ пишетъ; услышавъ шумъ сзади, оставляетъ воспитателя и направляется къ мѣсту шума. Эта неспособность сосредоточиться крайне вредитъ его учебнымъ занятіямъ: постоянно отвлекаясь отъ дѣла, онъ долженъ тратить 1½—2 часа на такую работу, которую при сосредоточеніи вниманія могъ бы выполнить въ ½ часа.

Переходя къ обзору чувствованій со стороны ихъ содержанія, приходится прежде всего отмѣтить значительное преобладаніе низшихъ, эгоистическихъ чувствованій надъ высшими, идейными и социальными. Ни о чемъ не говоритъ съ такимъ оживленіемъ, какъ о ѣдѣ (*органическія влеченія*): потираетъ руки, не даетъ другимъ говорить, возвращается къ разговору, уже прекратившемуся. За обѣдомъ настроеніе самое повышенное; ѣсть много и въ кушаньяхъ неразборчивъ. На базарѣ въ корпусѣ проявилъ нѣкоторую расточительность: нѣсколько разъ бралъ у воспитателя деньги, которыя тратилъ преимущественно на лакомства и ѣду. Вообще, въ удовлетвореніи своихъ потребностей бываетъ иногда очень расточителенъ: пять рублей израсходовалъ въ два дня, большую часть проѣздитъ на извозчикахъ; не

хотѣлъ сдать деньги воспитателю, говоря, что тотъ ему даетъ немало и что придется отдавать отчетъ въ каждой копѣйкѣ. По отношенію же къ другимъ скупъ, съ товарищами почти нѣюгда ничѣмъ не дѣлится (лакомствами, мелкими принадлежностями); за свою скупость товарищами не любимъ. Разговоры и интересы его вертятся, главнымъ образомъ, около своихъ собственныхъ удобствъ и удовольствій (ѣда, отпуски). Въ просьбахъ дать ему что-нибудь бываетъ крайне надоблявѣ, отказъ вызываетъ съ его стороны усиленная приставанья (*эгоизмъ, забота о благосостояніи собственной личности*). Такъ, однажды, увидѣвши, какъ воспитатель въ другой комнатѣ пилъ чай съ вареньемъ, сталъ усиленно просить; ему объяснили, что варенья очень мало и на всѣхъ не хватаетъ, а одному давать неудобно; тѣмъ не менѣе продолжалъ просить, нѣсколько не стѣсняясь. Во время отпуска просилъ дать ему денегъ; воспитатель былъ занятъ и велѣлъ подождать, но онъ нѣсколько разъ повторилъ просьбу и стоялъ до тѣхъ поръ, пока ему не дали. Непрїятное распоряженіе (напр., запрещеніе вѣти на плацъ, приказаніе дѣлать вольныя движенія и т. п.) вызываетъ съ его стороны усиленные, даже надоблявыя просьбы не дѣлать или отиѣнить приказаніе.

Собой всегда доволенъ, по крайней мѣрѣ, никогда не приходилось замѣчать, чтобы онъ сконфузился или смутился (*отщипка собственной личности*). Иногда не прочь показать себя, но это выходитъ у него какъ-то нелѣпо; такъ, однажды изъ молодчества вынулъ шесть стакановъ квасу, отчего у него сдѣлалась рвота.

Родственныя привязанности и чувство симпатіи развиты у Федотова довольно слабо. Брать 7-ми лѣтъ приходитъ къ нему не часто; во время свиданій бываетъ холодепъ и особенной радости не обнаруживаетъ. Будучи въ свободное время мало занятъ дѣломъ, часто пристаеъ и надоблядетъ товарищамъ, слѣдствіемъ чего являются ссоры. Пристаеъ главнымъ образомъ къ слабѣйшимъ товарищамъ; дразнить, насмѣхается и задираетъ ихъ, у сильныхъ же заискиваетъ; въ случаѣ ссоры между товарищами вмѣшивается и всегда принимаетъ сторону сильнаго. Злорадствуетъ, когда хорошие ученики бывають сильно огорчены полученнымъ дурнымъ балломъ. По отношенію же къ старшимъ вѣжливъ, общителенъ, особенныхъ дерзостей и грубостей себѣ не позволяеъ.

Нравственное чувство, поскольку о немъ можно судить по его вѣшнимъ проявленіямъ, развито у Федотова очень слабо. Хотѣлъ обмануть воспитателя: возвращая книгу, взятую для чтенія, сказалъ, что

очень понравилась, на вопрос же, какое именно мѣсто понравилось, не могъ отвѣтить; при распросѣ оказалось, что книги не читалъ вовсе. Вообще, нерѣдко прибѣгаетъ къ обману, и только послѣ того какъ его уличатъ, говорить правду. Будучи уличенъ въ какомъ-нибудь проступкѣ (напр., приставаніе и обида слабыхъ товарищей), раскаивается въ пошлѣ, повидимому, искренно, даетъ обѣщаніе болыно этого не дѣлать,—и вскорѣ опять повторяетъ тотъ же проступокъ; только наказанія заставляютъ его сдерживаться. Во время чтенія описанія разстрѣла японцами солдата Рябова, когда весь классъ замеръ отъ волненія, запѣлъ какую-то веселую пѣсню; будучи за это высланъ изъ класса, нисколько не сконфузился. Въ то время, когда воспитатель объяснялъ урокъ одному изъ слабыхъ воспитанниковъ, просилъ объяснить также и ему, при чемъ началъ громко читать и перебивать воспитателя; указаніе на неделикатность поступка его не смутило, онъ только подернулъ плечомъ (обычный жестъ) и сѣлъ на мѣсто.

Къ обязанностямъ, налагаемымъ заведеніемъ (аккуратность явки изъ отпуска, порядокъ въ строю, дисциплина въ классѣ), относится небрежно и часто ихъ нарушаетъ; объ его отношеніи къ школьнымъ занятіямъ уже говорилось выше. Сколькимъ-нибудь опредѣленнымъ взглядамъ на нравственность и на общественныя отношенія у него не имѣется: въ этомъ отношеніи еще не вполне сложился. Воспитательскому вліянію, вслѣдствіе своего легкомыслія, мало податливъ, хотя общенія съ воспитателемъ не чуждается и даже проявляетъ къ нему нѣкоторое расположеніе; что же касается участія въ школьныхъ, то къ этому его склонять не трудно (степень *сопротивляемости* *внѣшнимъ вліяніямъ*). *Религіозное чувство* ничѣмъ не проявляется: въ церкви и на молитвѣ очень невнимателенъ; на утреннюю молитву часто опаздываетъ, а иногда и совсѣмъ не приходитъ.

Нѣсколько большей степени развитія достигаютъ чувства *интеллектуальное* и *эстетическое*. Очень заинтересовался чтеніемъ въ классѣ статьи о ручныхъ бабочкахъ (изъ книги Кайгородова „Дружба съ природой“). Въ бесѣдѣ по поводу прочитаннаго проявилъ нѣкоторую наблюдательность въ этомъ направленіи: знаетъ, чѣмъ отличаются гусеницы отъ червей (ногами; въ книгѣ этого не было). На вопросъ, понравилось ли ему, говорить, что очень, при чемъ указалъ тѣ мѣста, которыя понравились больше всего. Самъ читаетъ очень мало, причѣмъ предпочитаетъ сказки, занимательныя приключенія и т. п.; вещи же дѣйствительно художественныя (Гоголь, Тургеневъ) его не интересуютъ, описанія природы въ разсказахъ проходятъ для него незамѣ-

ченными. Къ картинамъ и архитектурнымъ произведеніямъ совершенно равнодушенъ. Опрятенъ и чистоплотенъ. Въ столѣ любить порядокъ; собираясь въ отпускъ, долго стоялъ передъ зеркаломъ, оправляя шинель. Крайне *любопытенъ*: ожиданіе новаго преподавателя, новый воспитатель, новые сапоги у товарища, стукъ, крикъ, громкій разговоръ и т. п.—все это его тотчасъ привлекаетъ.

Въ области умственныхъ процессовъ можно привести нѣкоторые положительные данныя только относительно памяти и, пожалуй, воспріятія. Все, что не касается ученыхъ (которое его не интересуетъ), *запоминаетъ* хорошо и *сохраняетъ въ памяти* долго. Такъ, однажды спорилъ съ товарищами о томъ, какой завтракъ былъ въ прошломъ году на храмовомъ праздникѣ, и *воспроизводилъ его точно* и въ строгомъ порядкѣ. При чтеніи воспитателемъ интересной для него книги указываетъ, что было прочитано и на чемъ остановились. Однако, благодаря неустойчивости вниманія и нерасположенію къ умственной работѣ, онъ не въ состояніи использовать свою память такъ, какъ это можно было бы сдѣлать: отвлекаясь постоянно отъ дѣла, онъ заучиваетъ недостаточно точно и поэтому заученное плохо сохраняетъ въ памяти. Выученное на экспериментахъ стихотвореніе спустя мѣсяцъ знаетъ гораздо хуже своихъ товарищей. Жаловался на преподавателя исторіи, который спросилъ его предыдущій урокъ, говоря, что не можетъ помнить такъ долго; между тѣмъ, урокъ готовилъ всего день тому назадъ.

Зрѣніе у Федотова хорошее, видитъ на далекомъ разстояніи и можетъ разбирать самую мелкую печать (*острота воспріятія*). Музыкальный слухъ отсутствуетъ, каждый годъ на пробѣ голоса бракуется. Особенной *наблюдательностью* не отличается, но и не рознитъ, замѣчаетъ то, что ему надо; въ случаяхъ, его интересующихъ, въ состояніи подмѣтить нѣкоторыя детали (см. выше—о различіи между червемъ и гусеницей).

Кругъ представленій очень узокъ (*бѣдность ассоціацій*), темы для разговора очень ограничены, разговоръ вертится около дѣды, отпуска и обычныхъ мелкихъ будничныхъ явленій кадетской жизни. Изо дня въ день повторяетъ фразы въ родѣ слѣдующей: „теперь я буду учиться хорошо, такъ какъ папа сказалъ, что не возьметъ меня въ отпускъ“. Уроки учитъ механически (преобладаніе *внѣшнихъ ассоціацій* надъ внутренними). Такъ, по французски хорошо знаетъ наизусть текстъ, но не знаетъ ни отдѣльныхъ словъ, ни формъ глаголовъ; по исторіи выучиваетъ факты, но не понимаетъ ихъ внутренней связи. Какъ уже

сказано выше, Федотовъ очень болтливъ; однако, несмотря на болтливость, запасъ его словъ крайне ограниченъ; слова самыя обыденныя, указывающія на то, что онъ мало читалъ, а если и читалъ, то не занимался (*бѣдность рчи*). О *типлъ словесныхъ образовъ* судить трудно; уроки въ большинствѣ случаевъ готовить молча, про себя, движеной губъ не замѣчается.

Мышленіе и воображеніе развиты крайне слабо. Ни разу не приходилось замѣчать (ни по отношенію къ событіямъ кадетской жизни, ни по отношенію къ изучаемымъ предметамъ), чтобы онъ обсудилъ какое-нибудь явленіе, его причины и слѣдствія, сравнивалъ одно явленіе съ другимъ и т. п. (отсутствіе *наклонности къ составленію сужденій*). Ничего не пишетъ, не сочиняетъ, не изобрѣтаетъ. О *бѣдности* его *воображеній*, какъ комбинирующаго, такъ и воспроизводящаго, можно судить по слѣдующему отрывку, написанному имъ и представляющему изложеніе стихотворенія Лермонгова „Три пальмы“ (приводимъ его съ сохраненіемъ орфографіи подлинника):

Три пальмы.

„Три пальмы стояли въ пустынѣ Аравейской, они гордились между собой а рапталъ на Бога, между пальмами шумный ручей бѣжалъ. въ долекъ отъ пальмъ шелъ караванъ верблюдовъ, они подымали большую пыль. Этотъ караванъ все подѣзжалъ все ближе и ближе, и наконецъ достигъ онъ до пальмъ тамъ они остановились набрали изъ ручья воды и потомъ взяли тоноры и начали пальмы рубить и бѣдныя пальмы павалились на землю, и дѣти съ нихъ шкуры ободрали“.

Резюме. *Крайняя подвижность, съ преобладаніемъ безпорядочныхъ, плохо координированныхъ движеній. Возбудимость и неустойчивость чувствъ, обиліе изъ вышнихъ проявленій. Слабая воля, еще болѣе ослабляющаяся благодаря отсутствію разумныхъ руководящихъ мотивовъ поведенія. Преобладаніе низшихъ влеченій и эгоистическихъ чувствованій надъ высшими,—идейными и социальными. Крайне слабо развитіе умственныхъ способностей, за исключеніемъ памяти и, отчасти, воспріятія.*

А. Лизуреній.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ ПО ВВЕДЕНІЮ ВСЕОБЩАГО ОБУЧЕНІЯ ВЪ РОССІИ ¹⁾.

Кромѣ нижегородскаго земства, о назначеніи пособія въ полномъ размѣрѣ на введеніе всеобщаго обученія съ сентября 1907 г. произошло только одно *Весьегонское уездное земство Тверской губерніи*.

Школьное дѣло въ этомъ уѣздѣ, такъ же, какъ и въ Нижегородскомъ, развито въ широкой степени. Въ немъ имѣется два двухклассныхъ училища, 95 земскихъ (съ 139 учителями) и 35 церковно-приходскихъ школъ; общее число учащихся въ этихъ школахъ—189 и учащихся 8.857, что составляетъ приблизительно 60% всего числа дѣтей школьнаго возраста. Согласно школьной сѣти для всеобщности обученія необходимо, отырывъ около 88 училищъ, увеличить число учителей до 291.

Къ сожалѣнію, въ представленной школьной сѣти не раздѣлены училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и церковно-приходскія школы; поэтому численность дѣтей школьнаго возраста, отнесенныхъ къ училищамъ обонхъ типовъ, могла быть исчислена лишь приблизительно. Общее количество дѣтей школьнаго возраста по разнымъ статистическимъ изслѣдованіямъ земства установлено различно; въ среднемъ оно равняется 14.296 (по таблицамъ министерства народнаго просвѣщенія 16.759). Финансовыхъ средствъ предположеній, которыя бы давали возможность признать планъ земства о введеніи всеобщаго обученія съ 1907 г. осуществимымъ практически, земство въ своемъ ходатайствѣ не приводитъ вовсе.

¹⁾ Окончаніе. См. мартовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1908-г.

Съ другой стороны земство подробно описывает основанія, по которымъ была опредѣлена численность школьнаго населенія въ уѣздѣ. Въ 1899 г. была произведена земствомъ общая перепись всего населенія и въ частности дѣтей школьнаго возраста; эта цифра была еще провѣрена по числу дворовъ въ уѣздѣ. Радиусъ школьнаго района по климатическимъ и бытовымъ условіямъ принятъ земствомъ двухверстный. Въ пользу двухверстнаго радиуса приведены слѣдующія соображенія: при разстояніи въ 3 версты до школы необходимо устройство ночлежныхъ пріютовъ, вызывающихъ лишній расходъ и все-же не могущихъ дать воиолнѣ правильнаго посѣщенія училищъ учащимися; затѣмъ при двухверстномъ радиусѣ земство паходило возможнымъ установить болѣе правильное распредѣленіе учителей по 50 учащихся въ среднемъ на учителя; при этомъ земство высказалось опредѣленно за преимущество одноклассныхъ училищъ, достигаемое уменьшеніемъ школьнаго радиуса, передъ многоклассными, такъ какъ для послѣднихъ затруднительно подысканіе подходящихъ наемныхъ помѣщеній. При школьной сѣти Весеьгонской уѣздной земской управой приложена школьная карта уѣзда, масштабъ которой пять верстъ въ дюймѣ. Вся территория уѣзда, съ подраздѣленіемъ на волости, густо усѣяна школьными районами; число селеній въ районахъ невелико; районы изображены кружками разныхъ цвѣтовъ, и при пересѣченіи кружковъ границы каждаго района указаны.

Принимая во вниманіе съ одной стороны совершенную невыясненность финансоваго плана введенія всеобщаго обученія въ Весеьгонскомъ уѣздѣ, а съ другой—желательность прійти на помощь земству, сдѣланному, по имѣющимся у министерства прежнимъ свѣдѣніямъ, весьма много для школьнаго дѣла въ уѣздѣ (притомъ безъ всякой помощи отъ казны), министерство рѣшило отпустить Весеьгонскому земству, соотвѣтственно имѣвшимся въ его распоряженіи кредитамъ, частіюное пособіе, съ тѣмъ, чтобы земство представило въ министерство всѣ необходимыя ему свѣдѣнія и свои предположенія.

Съ 1907 г. отпущено земству по соглашенію съ земскимъ собраніемъ пособіе на половину всѣхъ существующихъ и половину предполагаемыхъ школьныхъ комплектовъ, т. е. на 70 существующихъ и 51 новый школьный комплектъ по 390 р. въ годъ на каждый (по разсчету въ 1907 г. за $\frac{1}{4}$ года—11.798 р., а въ 1908 г. за цѣлый годъ—47.190 р.). При назначеніи пособія Весеьгонскому земству, послѣднее обязалось, подобно другимъ уже перечисленнымъ ыно земствамъ, открыть всѣ новыя училища, на которыя выдано пособіе, въ

1907 г., установить оклады содержания учащимъ—въ 360 р. учителю и 60 р. законоучителю, не уменьшать своего смѣтнаго назначенія на начальныя училища, употреблять всѣ образующіеся за назначеніемъ пособія остатки на нужды начальныя училищъ и представить въ министерство всѣ необходимыя свѣдѣнія.

Каширскій уѣздъ, въ отношеніи народнаго образованія, стоитъ очень не высоко. При чрезвычайной бѣдности уѣзда, школьный бюджетъ его едва равняется 15.000 р. въ годъ. Хозяйственное содержаніе училищъ лежитъ на сельскихъ обществахъ, которыя весьма неаккуратно удовлетворяютъ нужды училищъ, а въ послѣднее время и вовсе уклоняются отъ исполненія этой повинности. Земство считаетъ своею очередной задачей принятіе на себя хозяйственнаго содержанія училищъ. Вопросъ о школьныхъ помѣщеніяхъ разрѣшается въ настоящее время тоже весьма неудовлетворительно, такъ какъ земство не имѣетъ средствъ на постройку школъ въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ, а подысканіе наемныхъ помѣщеній затруднительно.

Земствомъ разработана весьма подробная и обоснованная школьная свѣтъ (по образцамъ министерства). Изъ нея выясняется, что въ уѣздѣ при 90.841 жителей имѣется 8.022 дѣтей школьнаго возраста, т. е. около 9% (по таблицамъ министерства—7.670 дѣтей). Училищъ имѣется 5 двухклассныхъ съ 12 учителями, 48 земскихъ съ 60 учителями и 33 церковно-приходскія школы съ 35 учителями, а всего 86 училищъ съ 107 учителями. Число учащихся равняется 4,577 или 57% всего числа дѣтей школьнаго возраста.

Для всеобщаго обученія необходимо открыть 45 училищъ и пригласить впоны 92 учителей.

По вѣдомствамъ школъ дѣти школьнаго возраста распределяются при введеніи всеобщаго обученія такъ:

Въ церковно-приходскихъ школахъ 1.948 дѣтей.

Въ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія 6.074 „

Всего 8.022 дѣтей.

Предѣльный размѣръ пособія земству отъ министерства народнаго просвѣщенія при такихъ условіяхъ равняется 47.190 р. Но, конечно, при затруднительномъ финансовомъ положеніи земства нечего и думать было о назначеніи этой суммы и, слѣдовательно, о введеніи всеобщаго въ уѣздѣ обученія съ перваго же года.

Земствомъ еще не представленъ министерству даже финансовый

планъ; въ ходатайствѣ имѣется лишь указаніе на необходимость принять на свой счетъ хозяйственное содержаніе всѣхъ училищъ, считая по 200 р. на каждое. Кромѣ того указывается на неизбежность для открытія новыхъ училищъ затратить на школьное строительство.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ министерство нашло необходимымъ уволить въ 1907 г. отпускъ пособія земству (до 23.970 р. въ годъ), отпустивъ ему въ дополненіе къ получаемымъ имъ уже 15.750 р. еще 8.220 р. только на существующія училища въ 1907 г. по расчету за $\frac{1}{4}$ года 2.055 р. и въ 1908 г. за цѣлый годъ 8.220 р. съ тѣмъ, чтобы земство всѣ освобождающіяся у него отъ этого средства, по уменьшенію своего ассигнованія на нужды народнаго образованія, употребило на расширеніе школьной сѣти, на устройство школьныхъ помѣщеній и оборудованіе училищъ. Земское собраніе, при полученіи этого пособія, обязалось выполненіемъ тѣхъ же условій, какія приняты и всѣми прочими земствами.

Волчанское уѣздное земство, Харьковской губерніи, приступило къ введенію всеобщаго начальнаго образованія еще съ 1895 г., когда предсѣдателемъ волчанской уѣздной земской управы В. Г. Колокольниковымъ были составлены и выпущены въ печать школьная сѣть и школьная карта Волчанскаго уѣзда ¹⁾. Постепенно развивая школьную сѣть и открывая до 1904 года училища въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ крестьянскія общества предоставляли зданія для училищъ, волчанское земство, начиная съ 1904 г. все содержаніе училищъ на земскій счетъ, имѣетъ въ городѣ и уѣздѣ въ настоящее время 131 министерское и земское училище, на содержаніе которыхъ въ 1906 г. министерствомъ народнаго просвѣщенія, земствомъ и городомъ было израсходовано до 115.000 р. Въ указанныхъ училищахъ состояло 10.010 учениковъ или 57% и 180 учителей; кромѣ того, при 14 училищахъ были открыты вторые классы съ особымъ учителемъ въ каждомъ.

Волчанскій уѣздъ представляетъ собою густо населенный, сравнительно не обширный квадратъ, пространствомъ съ сѣвера на югъ до 78 верстъ и съ запада на востокъ до 72 верстъ.

Въ 1907 году предсѣдателемъ волчанской земской управы была составлена новая школьная сѣть и планъ ея осуществленія примвѣнительно къ основнымъ положеніямъ по введенію въ Россіи всеобщаго обученія, внесеннымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ го-

¹⁾ Къ вопросу о введеніи всеобщаго начальнаго образованія въ Волчанскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи. Харьковъ. 1895 г. 1—68 стр. и 1 карта.

сударственную думу и по тѣмъ образцамъ, которые выработаны министерствомъ народнаго просвѣщенія для единства работъ земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій.

По мѣстнымъ исчисленіямъ въ Волчанскомъ уѣздѣ (вмѣстѣ съ гор. Волчанскомъ) на 1 января 1907 г. состояло 18.014 человекъ дѣтей школьнаго возраста четырехъ принятыхъ возрастныхъ группъ. Такое число весьма близко подходитъ къ подсчитанному въ „Таблицахъ“ министерства народнаго просвѣщенія числу дѣтей школьнаго возраста (17.460 человекъ). Для такого числа дѣтей въ уѣздѣ и городѣ сѣтъ проектируетъ 150 школьныхъ районовъ; такъ какъ, съ согласія представителей церковно-школьнаго управленія, присутствовавшихъ въ томъ засѣданіи волчанскаго уѣзднаго училищнаго общества, въ которомъ рассматривалась и утверждалась сѣтъ, въ нее введено, кромѣ существующихъ министерскихъ и земскихъ училищъ, еще 20 церковно-приходскихъ школъ (изъ существующихъ 37 церковно-приходскихъ школъ и 7 школъ грамоты), то остается по сѣти открыть еще 20 новыхъ одноклассныхъ училищъ и, затѣмъ, 140 новыхъ комплектовъ въ существующихъ училищахъ. При такомъ количествѣ училищъ, школьный радіусъ достигнетъ 2-хъ верстъ для всѣхъ селеній, за исключеніемъ небольшого числа дѣсныхъ сторожекъ и владѣльческихъ хуторовъ. Введеніе всеобщаго обученія, по плану земства, рассчитано на 10 лѣтъ, начиная съ 1907 года, при чемъ въ текущемъ году предполагено закончить организацію новыхъ училищъ путемъ открытія 20 школъ, а затѣмъ приступить къ расширенію существующихъ училищъ.

Вопросъ о выполненіи плана тѣсно связывается волчанскимъ земствомъ съ вопросомъ школьнаго строительства. Въ настоящее время школьныя постройки производились волчанскимъ земствомъ главнымъ образомъ на средства харьковскаго губернскаго земства, которое ежегодно ассигнуетъ на постройки Волчанскаго уѣзда по 16.000 руб. Кромѣ того, на этотъ же предметъ въ 1905 году волчанское земство произвело у губернскаго земства заемъ въ размѣръ 100.000 р. Рассчитывая на продолженіе ожегоднаго пособія губернскаго земства и предполагая съ перваго же года получить полностью пособіе отъ казны на содержаніе всего преподавательскаго состава существующихъ и вновь открываемыхъ въ 1908 году училищъ въ размѣръ 67.860 р., съ увеличеніемъ даннаго кредита по мѣрѣ открытія новыхъ комплектовъ, волчанское земство предполагаетъ, съ затратой изъ собственныхъ средствъ до 25.000 р., и съ обращеніемъ на дѣло школьнаго

строительства всѣхъ остатковъ, образующихся отъ назначенія казеннаго пособия, закончить постройку зданій для всѣхъ школъ къ 1915 году и затѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ достраивать учительскія квартиры.

Весь планъ школьнаго строительства сообразовать съ тѣмъ, на какое число школьных комплектовъ придется открывать каждое училище, при чемъ постройка однокомплектнаго зданія оцѣнена въ

	6.000 р.
двухкомплектнаго въ	8.000 "
трехкомплектнаго	10.000 "
четырекомплектнаго „	12.500 "
пятикомплектнаго	16.000 "

Ежегодно на постройку предполагается затрачивать отъ 100 до 105 тысячъ рублей.

Особенностью въ разрѣшеніи волчанскимъ земствомъ школьнаго вопроса является его стремленіе къ повышенному курсу образованія. Въ 1904 году волчанскимъ земствомъ выработана особая школьная сѣть и школьная карта двухклассныхъ училищъ, съ четырехверстнымъ радиусомъ. Въ настоящее время по сѣти открыто, какъ уже было сказано, 14 вторыхъ классовъ; вся сѣть потребуетъ открытія еще 27-ми вторыхъ классовъ.

Вмѣстѣ съ школьною сѣтью волчанскимъ земствомъ представлены въ министерство: 1) подробно составленный финансовый планъ съ распределеніемъ расходовъ на содержаніе школъ по отдѣльнымъ годамъ на 8 и на 10 лѣтъ; 2) списокъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ указаніемъ числа учащихся и учащихъ въ каждомъ; 3) списокъ вторыхъ классовъ существующихъ и проектируемыхъ, 4) списокъ церковно-приходскихъ школъ уѣзда, съ указаніемъ числа учащихся и учащихъ въ каждой изъ нихъ, 5) списокъ проектируемыхъ построекъ школьныхъ зданій и учительскихъ квартиръ: а) по волостямъ, б) по комплектамъ, в) по годамъ стройки, съ указаніемъ расходовъ на каждую стройку и общихъ итоговъ на это по годамъ, при разчетѣ на 8 лѣтъ, г) тоже—при разчетѣ на 10 лѣтъ; 6) нормы расходовъ на постройку училищныхъ зданій; 7) нормы расходовъ на содержаніе школъ съ разнымъ числомъ учащихся.

Разсмотрѣвъ все представленныя соображенія и свѣдѣнія, которыми рисуется ясная и точная картина какъ всего школьнаго дѣла въ Волчанскомъ уѣздѣ, такъ и плана осуществленія всеобщаго обученія, министерство народнаго просвѣщенія сочло необходимымъ придти

съ своей стороны на помощь волчанскому земству ассигновалиемъ, въ дополненіе къ ассигнованнымъ 9.786 р., ежегоднаго и единовременнаго пособія, которое, однако, по состоянію средствъ, отпущенныхъ министерству въ 1907 году на расширеніе дѣла народнаго образованія, не могло оправдать полностью расчетовъ земства и выразилось въ суммѣ 16.950 р. на 1907 годъ и 7.800 р. на 1908 годъ. Размѣръ указанной суммы рассчитанъ на содержаніе учительскаго персонала въ 20 вновь открываемыхъ въ 1907 г. училищахъ, по установленной министерствомъ нормѣ въ 390 р. на одинъ школьный комплектъ; кромѣ того на 1907 г. назначено 15.000 р. въ единовременное пособие въ виду того, что въ этотъ годъ земству придется закончить сложную операцію съ окончательнымъ переводомъ содержанія всѣхъ школъ съ крестьянскихъ обществъ на средства земства.

Указанный кредитъ 1907 года будетъ открытъ волчанскому земству при условіи, если уѣздное земское очередное собраніе текущей сессіи приметъ обычныя, поставленныя министерствомъ условія, облегченныя на этотъ разъ тѣмъ, что школьная сѣтъ и карта съ финансовымъ планомъ составлены волчанскою управою по нормамъ министерства и не требуютъ никакихъ дальнѣйшихъ работъ за небольшими исправленіями вкраившихся въ вычисленія неточностей. Затѣмъ, такъ какъ земство не указываетъ, какія мѣры предполагаетъ оно принять для того, правда, небольшого числа дѣтей владѣльческихъ хуторовъ и лѣсныхъ сторожекъ, которое осталось за предѣлами трехверстнаго радіуса, то министерство поставило условіемъ, чтобы земство организовало для такихъ дѣтей мѣстными средствами возможность посѣщать училище.

Въ октябрѣ и ноябрѣ 1907 года волчанское земство предполагало открыть 20 субсидируемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія новыхъ начальныхъ училищъ и, такимъ образомъ, закончить выполненіе школьной сѣти на двухверстномъ радіусѣ. Въ послѣдующее время земству придется расширять устроенныя училища и осуществлять свои широкіе и весьма точно построенные планы по выполненію сѣти вторыхъ классовъ на четырехверстномъ радіусѣ и по школьному строительству.

Школьная сѣтъ и карта волчанскаго земства въ своемъ построеніи отличается отъ работъ другихъ земствъ одной особенностью, имѣющею большое значеніе для густо населенныхъ уѣздовъ: онѣ рассчитаны не на школы, а на школьные комплекты. Въ картѣ Волчанскаго уѣзда нѣтъ обозначенія отдѣльныхъ школъ; если, напримѣръ, въ большомъ селеніи есть двѣ земскія трехкомплектныя школы, одна церковная

двухкомплектная и еще требуется открыть двѣ двухкомплектныя школы, то на картѣ это обозначается шестью кружками синяго цвѣта, двумя желтаго и четырьмя краснаго. Благодаря такому способу изображенія, въ сѣти и картѣ легче ориентироваться интересующемуся общей постановкой дѣла народнаго образованія въ уѣздѣ. Разбираться въ картѣ помогаетъ еще и то обстоятельство, что она вся разграфлена на квадраты, мѣрою, въ масштабѣ, въ девять квадратныхъ верстѣ.

Уржумское уѣздное земство, Вятской губерніи, рассматривало въ уѣздномъ земскомъ собраніи 1906 г. предварительную работу своей управы по школьной сѣти, составленную на основаніи первоначальныхъ предположеній министерства народнаго просвѣщенія.

Составленіе нормъ школьной сѣти на основаніи установленныхъ министерствомъ принциповъ въ Вятской губерніи облегчается работою вятскаго губернскаго земства, изданною въ двухъ выпускахъ подъ заглавіемъ: „Ислѣдованіе положенія начальнаго народнаго образованія въ Вятской губерніи съ проектомъ школьной сѣти для введенія всеобщаго обученія“ (Вятка 1900—1902 г.г.).

По положенію дѣла народнаго образованія, Уржумскій уѣздъ представляетъ собою слѣдующія условія: всего министерскихъ и земскихъ училищъ въ 1906 г. состояло въ уѣздѣ (кромѣ г. Уржума) 139, на содержаніе коихъ было израсходовано министерствомъ народнаго просвѣщенія 7.650 р. и земствомъ 109.069 р., а всего 116.719 р. Кромѣ этихъ школъ управою введено въ школьную сѣть, съ согласія со стороны церковно-школьнаго управленія, 23 церковныхъ школы.— Изъ всей суммы расхода на содержаніе учительскаго персонала земство тратитъ 65.940 р.

По предварительнымъ подсчетамъ уржумской управы, переведеннымъ съ губернскаго вятскаго изслѣдованія на требованія „основныхъ положеній“, всего дѣтей школьнаго возраста установленныхъ четырехъ возрастныхъ группъ въ Уржумскомъ уѣздѣ (безъ города) къ 1908 г. числится 28.803 человѣка (по „Таблицамъ“ министерства 30.168 чел.). На такое число дѣтей, кромѣ существующихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и 23 церковно-приходскихъ школъ, по соображеніямъ управы, требуется открыть 161 училище, при чемъ это открытіе распределяется на 10 лѣтъ, по 16 училищъ ежегодно. Если бы школы стали открываться равномерно, то въ 1916 г. содержаніе ихъ стоило бы въ общемъ до 531.787 р., при чемъ, если бы министерство народнаго просвѣщенія съ перваго же

года приняло на свой счетъ содержаніе всего педагогическаго состава уѣзда и затѣмъ ежегодно принимало бы составъ вновь отрываемыхъ училищъ, то за 10 лѣтъ земство имѣло бы возможность сэкономить до 128.000 рублей, которые оно и рѣшило употребить на дѣло школьнаго строительства и на оборудованіе школъ. Вышеприведенные общіе итоги основаны на подробныхъ смѣтахъ по содержанію каждаго училища и оборудованію его, при чемъ оборудованіе однокомплектной школы классной обстановкой и хозяйственными принадлежностями, а также ученической или учительской библіотечной и наглядными пособиями подсчитывается въ 300 р. и на каждый изъ послѣдующихъ полуккомплектовъ до 75 р. Ежегодный расходъ, при насномъ помѣщеніи (въ среднемъ до 100 р.), на квартиру, отопленіе и наемъ прислуги, а также на снабженіе каждаго ученика книгами и письменными принадлежностями подсчитывается на одноклассную школу также въ 300 р. (на содержаніе одного ученика 1-го отдѣленія—1 р. 25 к., 2-го отдѣленія—2 р. 25 к. и 3-го отдѣленія—3 р. 25 к.).

Введеніе всеобщаго обученія осложнилось въ Уржумскомъ уѣздѣ вопросомъ о школьномъ образованіи мусульманской части населенія, фанатично держащагося за свои чисто конфессіональныя школы—мектебе и медресе. Уржумская управа, а также и уѣздное земское собраніе сессіи 1906 года рѣшило вопросъ о просвѣщеніи мусульманъ такимъ образомъ. Сообщая о томъ, что попытка уѣзднаго земства завести въ 1896—1897 году школу въ татарскихъ селеніяхъ, куда учитель былъ приглашенъ изъ татаръ, не удалась, управа въ докладѣ говоритъ, что „хотя магометанское населеніе само отклоняетъ устройство земскихъ школъ въ татарскихъ селеніяхъ, однако вслѣдствіе того, что татарское населеніе въ одинаковой мѣрѣ съ другими участвуетъ въ несеніи земскихъ расходовъ, слѣдовало бы, но крайней мѣрѣ, оказывать татарскому населенію со стороны земства помощь на просвѣщеніе народа, напримѣръ, выдавая содержимымъ самими татарами школамъ ежегодное пособіе по принятому управою расчету на годовое содержаніе школы, а именно по 300 р. на первый комплектъ учениковъ въ 50 человѣкъ и по 75 р. на каждый изъ слѣдующихъ полуккомплектовъ, безъ предъявленія со стороны земства какихъ бы то ни было требованій къ татарскимъ школамъ (мектебе и медресе) въ отношеніи обученія русской грамотѣ или вообще расширенія программы обученія. При выдачѣ такого пособія слѣдуетъ лишь объяснить администраціи татарскихъ школъ, что въ случаѣ желанія населенія, земство можетъ устроить и содержать, вмѣсто выдачи этого

пособія, правильно организованную школу: 1) съ преподаваніемъ на татарскомъ языкѣ по программѣ начальныхъ училищъ, кромѣ христіанскаго Закона Божія, взаимнѣ котораго должно преподаваться мусульманское вѣроученіе татарскими муллами и 2) съ обученіемъ русской грамотѣ. Земство, далѣе, выражаетъ надежду, что при такихъ условіяхъ татарское населеніе, видя воочію, что оно не совѣмъ обойдено вниманіемъ земства къ его духовнымъ нуждамъ и въ то же время не пользуется въ полной мѣрѣ помощью земства въ дѣлѣ просвѣщенія лишь по своему желанію, уже потеряетъ лишнее основаніе для враждебнаго отношенія къ земству и для своего фанатизма; татарскіе муллы и учителя, сверхъ того, будучи матеріально заинтересованными возможностью повышеннаго вознагражденія за свой трудъ, будутъ болѣе расположены къ допущенію общеобразовательныхъ, а не исключительно религіозныхъ начальныхъ училищъ“.

Не признавая за магометанскими мектебе общеобразовательнаго значенія, министерство народнаго просвѣщенія нашло необходимымъ сообщать земству, что выдача пособія уржумскому уѣздному земству изъ суммъ министерства не предрѣшаетъ вопроса о назначеніи субсидій на татарскія конфессіональныя школы, впредь до преобразованія такихъ школъ въ общеобразовательныя училища.

Въ виду энергичной предыдущей дѣятельности уржумскаго земства по народному образованію и разработанности вопроса о введеніи въ уѣздѣ всеобщаго обученія, а также въ виду того фискальнаго кризиса, который переживаетъ въ настоящее время уржумское земство, выдвигающаго даже, по словамъ доклада, вопросъ о возможности частичной ликвидаціи земскаго хозяйства, министерство народнаго просвѣщенія признало возможнымъ придти на помощь уржумскому земству своимъ пособіемъ въ довольно значительной суммѣ, при условіи, если земство откроетъ въ 1907 г. 16 новыхъ однокомплектныхъ училищъ и въ 1908 г. еще 16 новыхъ училищъ. При этомъ условіи министерство предположило открыть земству кредитъ на 1907 г. въ суммѣ 21.300 р., а начиная съ 1-го января 1908 года. ежегодно въ размѣрѣ 42.510 р.; изъ этой суммы, кромѣ вознагражденія учительскаго персонала въ установленномъ размѣрѣ въ 32-хъ новыхъ училищахъ, на счетъ казны принимается еще содержаніе учащихся 77 нѣвольныхъ комплектовъ существующихъ училищъ и. кромѣ того, въ 1907 году назначается одновременное пособіе въ распоряженіе земства въ размѣрѣ 12.232 р. 50 к.

Орловское уѣздное земство, Вятской губерніи, при своихъ предвари-

тельныхъ вычисленіяхъ, для проведенія въ жизнь „основныхъ положеній“ введенія всеобщаго обученія, выработанныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, воспользовалось тѣмъ же основнымъ трудомъ вятскаго губернскаго земства, на которомъ базировало свои вычисленія и уржумское земство. Однако, въ виду измѣненія нѣкоторыхъ изъ основныхъ принциповъ школьной сѣти, пришлось внести въ работу губернскаго земства существенныя поправки, которыя, въ виду краткости срока предъ земскимъ собраніемъ 1906 г., пришлось сдѣлать на основаніи не фактической провѣрки, а болѣе или менѣе отвлеченныхъ вычисленій. Измѣненія эти касались числа возрастныхъ группъ, а также, слѣдовательно, и того коэффициента, по которому опредѣляется число дѣтей школьнаго возраста; затѣмъ, трехверстный школьный радіусъ пришлось выполнять значительно строже, тѣмъ въ губернскомъ изслѣдованіи, хотя и при этомъ условіи школьная сѣть охватываетъ далеко не всѣ „починки“, разбросанные на громадномъ разстояніи казенныхъ лѣсовъ, почему орловскимъ земствомъ выдвигается вопросъ о пособныхъ учрежденіяхъ при школахъ, въ видѣ передвижныхъ школъ и школьныхъ обществъ. Необходимо сказать, что по географическому положенію своему Орловскій уѣздъ представляетъ изъ себя громадную площадь, размѣромъ въ 12½ тысячь квадратныхъ верстъ, весьма слабо заселенную, при плотности населенія въ 17, 1 чел. на одну квадратную версту. При этомъ населеніе живетъ здѣсь небольшими деревнями въ 10—20 дворовъ и „починками“ въ 1—3 двора, раскинутыми на громадной лѣсной площади.

Работа по составленію школьной сѣти исполнялась въ Орловскомъ уѣздѣ какъ инспекторомъ народныхъ училищъ, представившимъ въ своей запискѣ земскому собранію выясненіе основныхъ положеній, такъ и уѣздной земской управой, взявшей на себя детальную разработку цифровыхъ свѣдѣній.

Число дѣтей школьнаго возраста для Орловскаго уѣзда исчислено въ запискѣ инспектора равнымъ 21.878 чел., въ докладѣ управы — 22.027 чел., а по „Таблицамъ“ министерства народнаго просвѣщенія — 21.727 чел. Если принять во вниманіе, что всѣ эти цифры получены были особымъ въ каждомъ изслѣдованіи способомъ и по особымъ источникамъ, то можно признать данныя цифры, дающія между собою очень незначительную разницу, совершенно точными.

Школьное дѣло въ настоящее время въ Орловскомъ уѣздѣ находится въ такомъ состояніи: всего министерскихъ и земскихъ училищъ состояло въ 1906 году 95, на содержаніе которыхъ земствомъ

было израсходовано до 88.000 рублей и министерством народного просвѣщенія около 6.000 р., кромѣ того состояло 44 церковно-приходскихъ школы. Всего учащихся въ указанныхъ училищахъ (за исключеніемъ школъ грамоты) состояло 10.661 человекъ, а за стѣнами школы—11.217 человекъ. По расчетамъ управы, произведеннымъ въ приложенной къ докладу школьной сѣти, потребуется еще открытъ до 210 школьных комплектовъ, что земство, при субсидіи министерства, предполагаетъ выполнять въ теченіе 10 лѣтъ, открывая въ годъ по 21 школу, при чемъ для перваго года управой приведены и списки тѣхъ селеній, въ которыхъ должны быть открыты училища. Оборудование каждаго новаго училища подсчитано земствомъ въ суммѣ 300 р., а содержаніе въ послѣдующіе годы по 225 р. ежегодно. По финансовому плану земства, если бы министерство съ перваго года взяло на свой счетъ содержаніе учительскаго персонала, то у земства изъ остатковъ скопился бы значительный капиталъ и къ концу десятилѣтія земство должно бы вносить въ свою смѣту на содержаніе училищъ только на 2.658 р. болѣе смѣты 1906 года.

Въ своемъ докладѣ орловская управа останавливается на вопросѣ относительно обезпеченія вновь открываемыхъ школъ учительскимъ персоналомъ, при чемъ считаетъ данный вопросъ для своего уѣзда разрѣшеннымъ вполне удовлетворительно, такъ какъ въ г. Орловѣ, какъ и въ каждомъ уѣздѣ Вятской губерніи, есть своя восьмиклассная женская гимназія, въ восьмомъ классѣ которой кончается курсъ ежегодно до 30 ученицъ, преимущественно дочерей крестьянъ Орловскаго уѣзда.

Принимая во вниманіе предыдущую дѣятельность орловскаго земства по народному образованію, министерство народного просвѣщенія признало возможнымъ назначить ему пособіе на введеніе всеобщаго обученія въ такихъ размѣрахъ: въ 1907 г. 12.112 р. и съ 1-го января 1908 года ежегодно по 48.360 р. Эти суммы распределены на содержаніе учительскаго персонала 21 новаго училища, открываемаго въ 1907 г. и 21, открываемаго въ 1908 г. Кромѣ того, министерство съ 1-го октября 1907 г. принимаетъ на свой счетъ въ установленныхъ размѣрахъ содержаніе 82 школьных комплектовъ существующихъ училищъ. Изъ кредита 1907 г. выдѣлены 2.069 р. 50 к. остатковъ, которые назначаются въ единовременное пособіе земству на устройство новыхъ училищъ.

Указанные кредиты открыты орловскому земству, которое обязалось въ очередномъ собраніи 1907 года принять общія для всѣхъ

земствъ условія, приведенныя выше, при чемъ въ послѣдніе мѣсяцы 1907 года земствомъ было открыто 21 новое одно-комплектное училище и на 1908 годъ уже намѣчаются тѣ пункты, гдѣ будутъ открыты новыя школы. Задержекъ изъ-за помѣщеній въ Орловскомъ уѣздѣ пока быть не можетъ, такъ какъ земство имѣетъ возможность нанимать крестьянскія зданія; не смотря на это, орловское земство за послѣднее время въ значительной степени развило собственное строительное дѣло, которое и предполагается продолжать при помощи тѣхъ остатковъ, которые предвидятся отъ назначенія казеннаго пособія.

Самарское уѣздное земское собраніе сессіи 1906 года возбуждено ходатайство предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о выдачѣ пособія земству на введеніе всеобщаго обученія съ 1908 года по тѣмъ болѣе или менѣе отвѣтственнымъ соображеніямъ, которыя внесъ по этому предмету на разсмотрѣніе собранія самарскій уѣздный училищный совѣтъ. Окончательные итоги этихъ соображеній таковы: на 1-е сентября 1906 года дѣтей школьнаго возраста въ уѣздѣ числилось 29.489 человекъ (по „Таблицамъ“ министерства 27.697 чел.); изъ этого количества въ школахъ всѣхъ вѣдомствъ, исключая татарскія школы, находилось 16.889 человекъ, а именно: въ земскихъ одноклассныхъ 6.318 человекъ, въ двухклассныхъ 3.323 человекъ, въ церковно-приходскихъ 6.371 человекъ, въ школахъ грамоты 877 человекъ, а остальные 12.600 человекъ находились внѣ школы. Для такого количества дѣтей придется, по исчисленіямъ Самарскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, открыть новыхъ 133 училища и 119 параллельныхъ отдѣленій какъ при существующихъ, такъ и при вновь открываемыхъ училищахъ. Самарское уѣздное земское собраніе ходатайствуетъ предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о принятіи на счетъ казны съ 1908 года содержанія 235 учителей и учительницъ въ 124 училищахъ и предполагаетъ, при пособіи министерства на содержаніе учителей, открывать въ теченіе 5 лѣтъ, начиная съ 1908 года, 30 новыхъ училищъ, закончивъ выполненіе школьной сѣти къ 1913 году. Размѣръ субсидіи самарское земство исчисляетъ въ 1908 году въ суммѣ 92.040 рублей, какая субсидія къ 1913 году должна возрасти до 190.740 р.

Принимая во вниманіе значительные размѣры земскихъ расходовъ на содержаніе начальныхъ училищъ въ Самарскомъ уѣздѣ, достигшихъ въ 1906 году 171.000 руб., министерство народнаго просвѣщенія предположило назначить самарскому земству ежегодное пособіе, начиная съ 1908 года, въ размѣрѣ 46.020 р., предложивъ самарской уѣздной

управѣ представить школьную сѣть, разработанную болѣе подробно по нормамъ, установленнымъ министерствомъ.

Ядринскій уѣздъ является однимъ изъ наименѣе обезноченныхъ школами уѣздовъ *Казанской губерніи*: на число дѣтой школьнаго возраста въ размѣрѣ 17.168 человекъ по „Таблицамъ“ министерства (безъ г. Идрин) въ уѣздѣ существовало въ 1906 году всего 44 министерскихъ и земскихъ училищъ, на содержаніе которыхъ израсходовано было 43.478 рублей. Незначительный размѣръ ассигнованій на начальное образованіе объясняется здѣсь малосостоятельностью инородческаго, по преимуществу чувашскаго, населенія этого уѣзда.

Ядринское земское собраніе сессіи 1906 года, разсмотрѣвъ соображенія по введенію всеобщаго обученія, составленныя мѣстнымъ училищнымъ совѣтомъ, возбудило ходатайство предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія объ осуществленіи всеобщаго обученія въ уѣздѣ. Соображенія училищнаго совѣта показываютъ, на какія скромныя суммы привыкло рассчитывать мѣстное населеніе по содержанію школы. Такъ, изъ общихъ итоговъ видно, что на содержаніе каждаго училища (отопленіе, освѣщеніе, мелочный ремонтъ зданій и мебели, пополненіе учебныхъ пособій, наемъ сторожа и т. п.) ядринскимъ земствомъ расходуетса въ среднемъ по 151 р. 80 к. на школу.

По соображеніямъ училищнаго совѣта, для достиженія всеобщаго обученія въ Ядринскомъ уѣздѣ необходимо, кромѣ существующихъ училищъ, открыть еще 128 школьныхъ комплектовъ и кромѣ того принять на содержаніе казны учительскій персоналъ 70 комплектовъ въ 35 существующихъ земскихъ училищахъ и 25 комплектовъ 9-ти министерскихъ училищъ, что потребуетъ ассигнованія до 86.970 р. Въместо школьной сѣти Ядринскій училищный совѣтъ представилъ при своемъ докладѣ списокъ селеній, въ которыхъ слѣдуетъ открыть новыя школы, при чемъ въ графѣ второй противъ каждаго училища приведены и названія тѣхъ селеній, изъ которыхъ дѣти будутъ посѣщать школу, съ указаніемъ числа дѣтей въ каждомъ изъ нихъ. Такъ какъ по данному списку, безъ карты уѣзда и безъ указанія числа всѣхъ жителей каждой деревни, числа верстъ отъ нея до школы и т. д., нельзя составить яснаго представленія о положеніи дѣла народнаго образованія въ уѣздѣ, то министерство народнаго просвѣщенія прежде всего предложило ядринскому земству составить школьную сѣть и школьную карту по образцамъ, выработаннымъ въ министерствѣ. Однако, въ виду малосостоятельности инородческаго населенія уѣзда, нуждающагося въ усиленіи просвѣщенія, министерство сочло необходи-

мымъ придти, по ходатайству земства, на помощь населенію и до составленія подробной сѣти ассигнованіемъ пособія въ размѣрѣ на 1907 годъ (съ 1-го октября) 4.085 р. и съ 1908 года ежегодно по 16.380 рублей. Этотъ кредитъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ въ 1907 году: а) на жалованье учительскому персоналу пяти новыхъ училищъ—487 р. 50 к., б) на вознагражденіе преподавателей 27 школьных комплектовъ существующихъ училищъ—2.632 р. 50 к. и одновременно въ пособіе земству на устройство и оборудованіе новыхъ училищъ—965 р. и въ 1908 г.: а) 5.850 р.—на вознагражденіе преподавателей 15 новыхъ училищъ (въ томъ числѣ пяти открытыхъ въ 1907 году); б) 10.530 р.—на содержаніе преподавательскаго состава 27 школьных комплектовъ существующихъ училищъ.

Образцомъ земства съ совсѣмъ неразвитымъ дѣломъ народнаго образованія представляется *Холмское уездное земство Псковской губерніи*.

Изъ школьной сѣти этого уѣзда выясняется, что въ немъ имѣется всего 50 училищъ, изъ которыхъ земскихъ только 8 училищъ; число же дѣтей школьнаго возраста въ Холмскомъ уѣздѣ по „Таблицамъ сѣтпаго исчисления расходовъ“ равняется 9.245.

Земство, получивъ въ 1906 г. на содержаніе своихъ 8 училищъ небольшую субсидію отъ министерства (по 300 р. на каждое) и ознакомившись съ предположеніями его о введеніи всеобщаго обученія, рѣшило расширить существующую школьную сѣть. Вслѣдствіе этого очередное земское собраніе постановило открыть въ 1907 г. 15 новыхъ училищъ, ходатайствовать передъ правительствомъ объ ассигнованіи пособія на содержаніе училищъ и увеличить свое собственное ассигнованіе на эту цѣль съ 7.801 р. (въ 1906 г.) до 15.860 р. (1907 г.).

Министерство народнаго просвѣщенія, принимая во вниманіе тяжелое экономическое положеніе населенія Холмскаго уѣзда и готовность земства, не смотря на это, ассигновать новыя средства на народное образованіе, рѣшило удовлетворить ходатайство земства, но за недостаткомъ свободныхъ средствъ, лишь въ части его. Поэтому министерству пришлось необходимымъ довести размѣръ пособія на существующія училища до 390 р. на каждое, т. е. доассигновать на всѣ эти училища еще 720 р. и отпустить на 10 новыхъ училищъ тоже по 390 р. на каждое, всего 3.900 р. Въ 1907 г. отпущено по расчету за $\frac{1}{4}$ года всего 1.155 р., а съ 1908 г. предложено въ отпуску, по расчету за цѣлый годъ, всего 4.620 р.

П Р И Л О Ж Е Н І Я .

Приложеніе I. Сводная таблица по округамъ изъ изданія министерства народнаго просвѣщенія „Таблицы смѣтнаго исчисленія расходовъ министерства нар. пр. на введеніе всеобщаго обученія въ Россійской Имперіи“.

Приложеніе II. Образецъ бланка, выработаннаго министерствомъ, для составленія земствами „школьныхъ сѣтей“.

Приложеніе III. Инструкція, для записанія таблицъ „Школьной сѣти“, выработанная министерствомъ.

Приложеніе IV. Образецъ школьной сѣти по выработанной министерствомъ формѣ, заполненный свѣдѣніями о двухъ волостяхъ Каширскаго уѣзда, Тульской губ.

Приложеніе V. Образецъ бланка, выработаннаго министерствомъ, „Свѣдѣнія и предположенія земства или городского управленія о введеніи всеобщаго обученія“.

Приложеніе VI. Тотъ же бланкъ, заполненный свѣдѣніями по Нижегородскому уѣзду.

Приложеніе VII. Образецъ бланка, выработаннаго министерствомъ, „Финансовый планъ введенія всеобщаго обученія“.

Приложеніе VIII. Тотъ же бланкъ, заполненный свѣдѣніями по Староскольскому уѣзду, Курской губ. (раздѣленный на двѣ части).

Приложение I.

Таблица сѣтнаго исчисления расходовъ на введеніе всеобщаго обученія по округамъ Россійской Имперіи.

Округа безъ городовъ.	Число дѣтей 8, 9, 10 и 11-лѣтняго возраста по всеобщей переписи 1897 года.	Число необолен. для этихъ школъ, считая по 50 дѣтей на школу.	Потребный на это расходъ въ рубляхъ, считая по 390 руб. на школу.	Простота населенія 8, 9, 10 и 11-лѣтняго возраста на 10 дѣтей, т. е. въ 1907 году.	Число дѣтей 8, 9, 10 и 11-лѣтняго возраста съ приростомъ въ 1 января 1907 г.	Число необолен. для этихъ школъ, считая по 50 дѣтей на школу.	Потребный на это расходъ въ рубляхъ, считая по 390 руб. на школу.
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.
1. С.-Петербургскій .	472.425	9.448	3.684.720	75.589	548.014	10.962	4.275.180
2. Московскій .	1.424.475	28.494	11.112.660	227.914	1.652.389	33.050	12.889.500
3. Харьковскій .	1.181.421	23.621	9.212.190	189.029	1.370.450	27.412	10.690.680
4. Одесскій .	644.801	12.895	5.029.050	103.168	747.969	14.959	5.834.010
5. Киевскій .	1.303.633	26.076	10.169.640	208.576	1.512.209	30.246	11.796.940
6. Казанскій .	1.095.066	21.901	8.512.540	175.206	1.270.272	25.404	9.907.560
7. Оренбургскій .	666.352	13.327	5.197.530	106.618	772.970	15.459	6.029.010
8. Вятскій .	816.020	16.325	6.600.750	135.360	981.380	19.628	7.654.920
9. Рязанскій .	111.320	2.225	1.101.750	22.612	163.932	3.280	1.279.200
10. Варшавскій .	699.580	13.993	5.457.270	111.930	811.510	16.228	6.328.920
11. Калужскій .	780.043	15.602	6.084.780	124.808	904.851	18.099	7.068.610
12. Зап.-Сибирскій	392.388	7.848	3.060.720	62.782	455.170	9.104	3.550.560
13. Вост. Сибирь .	102.264	2.044	797.160	16.362	118.626	2.373	925.470
14. Туркестанъ .	396.012	7.921	3.089.190	63.362	59.374	9.186	3.582.150
15. Примурскій край съ Сахалиномъ .	77.930	1.560	608.400	12.469	90.408	1.808	706.120
Всего въ округамъ безъ городовъ	10.223.739	201.111	79.748.370	1.635.785	11.839.624	1.107.925	66.506.530

	Число детей 8, 9, 10 и 11-летнего возраста по всеобщей переписи 1907 года.	Число дошкол. для них школ, считая по 50 детей на школу.	Потребный на это расход в рублях, считая по 380 руб. на школу.	Процент населения 8, 9, 10 и 11-летнего возраста за 10 лет, т. е. в 1907 году.	Число детей 8, 9, 10 и 11-летнего возраста с проростом в 1 января 1907 г.	Число дошкол. для них школ, считая по 50 детей на школу.	Потребный на это расход в рублях, считая по 380 руб. на школу.
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.
Города в округах.							
1. С.-Петербургский	86.819	1.738	677.820	13.890	100.709	2.012	784.680
2. Московский	157.528	3.145	1.226.550	25.206	182.734	3.661	1.127.790
3. Харьковский	109.850	2.199	857.610	17.573	127.423	2.546	992.040
4. Одесский	126.462	2.527	985.530	20.232	146.694	2.936	1.145.040
5. Киевский	113.955	2.278	888.420	18.230	132.185	2.642	1.030.380
6. Казанский	70.985	1.423	554.970	11.358	82.343	1.645	641.550
7. Оренбургский	36.309	765	298.350	6.128	44.437	891	347.490
8. Вяземский	94.706	1.897	739.830	15.150	109.856	2.198	857.220
9. Рязанский	40.840	816	318.240	6.536	47.376	948	369.720
10. Варшавский	171.756	3.436	1.340.040	27.480	199.236	3.989	1.555.710
11. Каппанский	95.239	1.908	744.120	15.236	110.475	2.212	862.680
12. Зап.-Сибирск.	25.164	505	196.950	4.025	29.189	587	228.930
13. Вост.-Сибир.	9.037	181	70.590	1.447	10.484	208	81.120
14. Туркестанъ	51.845	1.038	404.820	8.298	60.143	1.207	470.730
15. Приамурский край съ Сахалиномъ	7.043	142	55.380	1.128	8.171	163	63.570
Всего въ городяхъ	1.109.538	23.998	9.350.220	191.917	1.391.455	27.845	10.859.550
Округа съ городами.							
1. С.-Петербургский	559.244	11.186	4.362.540	89.479	648.723	12.974	5.059.860
2. Московский	1.582.003	31.639	12.339.210	253.120	1.835.123	36.711	14.317.290
3. Харьковский	1.291.271	25.820	10.069.800	206.602	1.497.873	29.958	11.683.620
4. Одесский	771.263	15.422	6.014.580	123.400	894.663	17.895	6.979.050
5. Киевский	1.417.588	28.354	11.058.060	226.806	1.644.394	32.888	12.826.320
6. Казанский	1.166.051	23.327	9.097.530	186.561	1.352.615	27.049	10.549.110
7. Оренбургский	704.661	14.092	5.495.880	112.746	817.407	16.350	6.376.500
8. Вяземский	940.726	18.822	7.340.580	150.510	1.091.236	21.826	8.512.140
9. Рязанский	182.160	3.611	1.419.990	29.148	211.308	4.228	1.648.920
10. Варшавский	871.336	17.429	6.797.310	139.410	1.010.746	20.217	7.884.630
11. Каппанский	875.282	17.510	6.828.900	140.044	1.015.326	20.311	7.921.290
12. Зап.-Сибирский	417.552	8.353	3.257.670	66.807	484.359	9.691	3.779.490
13. Вост.-Сибирь	111.301	2.225	867.750	17.809	129.110	2.581	1.006.590
14. Туркестанъ	447.857	8.959	3.494.010	71.660	519.517	10.392	4.052.880
15. Приамурский край съ Сахалиномъ	84.982	1.702	663.780	13.597	98.579	1.971	768.690
Всего въ Рос. Имп.	11.423.277	228.481	89.107.590	1.827.702	13.250.979	265.042	103.366.380

ШКОЛЬНАЯ СѢТЬ

Сѣднія о всѣхъ селеніяхъ по волостямъ.				Сѣднія о нѣмъ существующихъ школахъ, подраздѣлствъ, учил. совѣтанъ.							Сѣднія о нѣмъ существующихъ школахъ, волост.			
Волост.	Наименованіе селеній.	Число мѣсяцевъ общаго пола.		Наименованіе школы 1 кл. и 2 кл. (по волостямъ).	Число учащихся обоего пола.		Число учащихся (по сѣтямъ заготовочн.).			Селенія, обслуживаемыя школою при введеніи всеобщаго обученія ¹⁾ .	Число селеній отъ селенія волост.	Наименованіе школы 1 кл. и 2 кл. (по волостямъ).	Число учащихся обоего пола.	
		въ мѣсяцѣхъ.	въ мѣсяцѣхъ.		въ мѣсяцѣхъ.	въ мѣсяцѣхъ.	въ мѣсяцѣхъ.	въ мѣсяцѣхъ.	въ мѣсяцѣхъ.				въ мѣсяцѣхъ.	въ мѣсяцѣхъ.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	

¹⁾ Показываются селенія и другія волости, если они обслуживаются данной школою, которой оно принадлежитъ.

Приложение II.

Селения, временно - при- нявшие в школьную сеть.				Селения о проектируемых новых школах.					Селения о селениях, оставшихся вне школьных районов.				
в настоя- щее время.	Число учащихся (не считая вспомогат.)	Селения, обслуживаемые школой при введении вспомогательного обучения.	Расстояние от селения до школы.	Наименование школы (по волостям).	Предполагаемое число уча- щихся общего пола.	Предполагаемое число уча- щихся (не считая вспомога- т.)	Селения, обслуживаемые школой.	Расстояние от селения до школы.	Наименование селения.	Число детей 8—11 лет общего пола.	Какой школой ближе находится.	Расстояние до шк.	Какой будет обеспечено обучение детей в этих селениях.

при названии такого селения обозначается в скобках сокращенно название волости, кь

*Приложеніе III.***Инструкція для заполнения таблицъ «Школьной сѣти».**

§ 1. „Школьная сѣть“ должна дать полное понятіе о положеніи школьнаго дѣла при введеніи всеобщаго обученія, когда все наличное населеніе уѣзда дѣйствительно будетъ обеспечено начальнымъ обученіемъ. Поэтому въ ней должны быть даны свѣдѣнія о всѣхъ существующихъ въ уѣздѣ селеніяхъ, о всемъ количествѣ дѣтей школьнаго возраста въ каждомъ изъ нихъ, о всѣхъ существующихъ и проектируемыхъ начальныхъ училищахъ, съ указаніемъ относимыхъ къ каждому изъ нихъ селеній; кромѣ того должно быть указано необходимое для обученія всѣхъ дѣтей школьнаго возраста число учащихся, а также должны быть перечислены всѣ селенія, оставшіяся внѣ школьныхъ районовъ и выяснены способы обезпеченія ихъ начальнымъ обученіемъ.

Примѣчаніе. Въ школьной сѣти, въ свѣдѣніяхъ о каждомъ изъ существующихъ училищъ помѣщаются также и данныя о существующемъ въ настоящее время числѣ учащихся и учащихся въ нихъ.

§ 2. Всѣ перечисленныя свѣдѣнія школьной сѣти группируются по волостямъ. Въ каждой графѣ подводятся итоги по всему уѣзду. Для облегченія же проверки цифръ желательно, кромѣ того, подводить итоги или по каждой волости, или по каждой страницѣ.

§ 3. Школьная сѣть дѣлится на 5 отдѣловъ: А. Свѣдѣнія о всѣхъ селеніяхъ по волостямъ (графы 1—4). Б. Свѣдѣнія о нынѣ существующихъ училищахъ, подвѣдомственныхъ училищнымъ совѣтамъ (графы 5—11). В. Свѣдѣнія о нынѣ существующихъ церковно-приходскихъ школахъ, вошедшихъ въ школьную сѣть (графы 12—18). Г. Свѣдѣнія о проектируемыхъ новыхъ училищахъ (графы 19—23) и Д. Свѣдѣнія о селеніяхъ, остающихся внѣ школьныхъ районовъ (графы 24—28).

А. Свѣдѣнія о всѣхъ селеніяхъ по волостямъ.

§ 4. Въ графѣ 2-ой названія селеній желательно располагать, для облегченія провѣрки, въ томъ порядкѣ (а въ случаѣ возможности и въ той же строчкѣ), въ которой они далѣе будутъ распределены въ графахъ 10, 17, 22 и 24. Селенія, обслуживаемыя школами, находящимися въ сосѣднихъ волостяхъ, занимаютъ послѣднее мѣсто и при нихъ въ скобкахъ показывается сокращенное названіе этихъ школъ и волостей.

§ 5. Для опредѣленія въ графѣ 3-ей численности всего населенія обоего пола въ каждомъ отдѣльномъ селеніи могутъ служить данныя всероссійской переписи 1897 года, данныя мѣстныхъ переписей населенія и прочіе, какіе окажутся на мѣстахъ, источники. Для опредѣленія численности населенія къ году составленія школьной сѣти¹⁾ къ указаннымъ даннымъ слѣдуетъ прибавить числа, выражающія приростъ населенія, исчисленный или по мѣстнымъ даннымъ, или по среднему % для Имперіи 1,49% (въ годъ).

§ 6. Опредѣленіе въ графѣ 4-й числа дѣтей школьнаго возраста (т. е. 8, 9, 10 и 11 лѣтъ) обоего пола въ каждомъ селеніи возможно: во-первыхъ, путемъ вычисленія опредѣленнаго процента отъ числа взрослого населенія (по установленному для данной мѣстности проценту или по среднему для Имперіи %, а именно для городовъ 7% и для селеній 9%), или же, во-вторыхъ, независимо отъ численности всего населенія. Въ послѣднемъ случаѣ наиболѣе вѣрнымъ способомъ была бы непосредственная перепись дѣтей школьнаго возраста, затѣмъ возможно собраніе свѣдѣній о численности дѣтей въ отдѣльныхъ селеніяхъ чрезъ священниковъ, учителей, волостныя правленія и др., а также опредѣленіе числа дѣтей по числу дворовъ въ каждомъ селеніи; чрезвычайно желательной является взаимная провѣрка одного способа другимъ. Для общей провѣрки могутъ служить цифры, показывающія численность дѣтей 8—12-лѣтняго возраста въ каждомъ уѣздѣ и городѣ, помѣщенныя въ „Таблицахъ смѣтнаго исчисленія расходовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія на введеніе всеобщаго обученія въ Россійской Имперіи“. Страница этихъ „Таблицъ“, заключающая необходимыя свѣдѣнія по данному уѣзду, при семъ прилагается.

¹⁾ Численность всего населенія и дѣтей школьнаго возраста слѣдуетъ для упрощенія дѣла приурочить къ году составленія школьной сѣти.

Б. Свѣдѣнія о нынѣ существующихъ школахъ, подвѣдомственныхъ училищнымъ совѣтамъ.

§ 7. Въ графѣ 5-ой показываются всѣ включенныя въ школьную сѣть существующія начальныя училища, подвѣдомственныя училищнымъ совѣтамъ, независимо отъ источника ихъ содержанія, каково: министерскія, земскія, фабричныя, содержимыя городами и словесными организаціями, частными обществами и лицами и проч., какъ одноклассныя, такъ и двухклассныя. При каждомъ училищѣ сокращенно указывается, кѣмъ оно содержится: „зем.“, „город.“, „мин.“, „частн.“ и т. д., при двухклассныхъ, кромѣ того, должно отмѣтить „двухклас.“.

§ 8. При каждомъ училищѣ ставится по порядку №.

§ 9. Названіе министерскихъ училищъ должно быть подчеркнуто.

§ 10. Училища существующія, но подлежащія перенесенію въ другое мѣсто или закрытію, показываются въ графѣ 5 съ указаніемъ (въ графахъ 6 и 8) числа учащихся и учащихся въ нихъ въ настоящее время; при этомъ дѣлается указаніе, что эти училища подлежатъ закрытію или перенесенію. Училища же, вмѣсто нихъ открываемыя въ другомъ мѣстѣ, показываются какъ новыя въ графѣ 19 со всѣми соответствующими данными въ графахъ 20, 21, 22 и 23. При поузядномъ итогѣ по графѣ 5-й въ особомъ примѣчаніи должны быть перечислены названія всѣхъ закрываемыхъ или переводимыхъ училищъ, записанныхъ въ этой графѣ.

§ 11. Училища существующія, но преобразовываемыя изъ одноклассныхъ въ двухклассныя, показываются въ графѣ 5-ой съ прибавленіемъ „двухклассныя“, въ скобкахъ же слѣдуетъ написать („нынѣ одноклассныя“).

§ 12. Двухкласснымъ училищемъ называется училище съ 5-лѣтнимъ курсомъ. Однако, число учащихся въ немъ въ моментъ введенія всеобщаго обученія (графа 7-ая) для упрощенія расчетовъ слѣдуетъ показывать по числу дѣтей только 8—12-лѣтняго возраста, такъ же, какъ и для прочихъ училищъ.

§ 13. Двух-, трех- и четырехкомплектными называются училища съ двумя, тремя и четырьмя учащими, не считая законоучителя или преподавателя Закона Божія. Въ видахъ возможности установленія 4-лѣтняго курса обученія двухкомплектныя училища болѣе желательны, чѣмъ однокompлектныя.

§ 14. Въ графахъ 7 и 9 слѣдуетъ помѣщать тѣ числа учащихся и учащихся, которыя будутъ въ этихъ училищахъ, когда начальное обученіе станетъ всеобщимъ. Слѣдовательно, въ 7-й графѣ должна быть показана *сумма всѣхъ дѣтей школьнаго возраста въ селеніяхъ, помѣщенныхъ въ графѣ 10 и обслуживаемыхъ данными училищемъ, а въ 9-ой графѣ все то количество учителей, считая въ среднемъ 50 дѣтей на 1 учителя, которое должно быть въ училищѣ при расширеніи его до необходимости помѣстить въ немъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста этого района.*

§ 15. Въ графѣ 10-ой показываются всѣ селенія, которыя будутъ обслуживаться данною школою, хотя бы они отстояли отъ нея и далѣе чѣмъ на 3 версты, при чемъ учащіеся въ этой школѣ изъ такихъ дальнихъ селеній будутъ пользоваться ночлежнымъ пріютомъ. Эти селенія, отстояція далѣе 3-хъ верстъ отъ школы, показываются вторично въ графѣ 24-ой съ соответствующими данными въ графахъ 25, 26 и 27-ой и съ указаніемъ въ графѣ 28-ой на устройство ночлежнаго пріюта; тѣ же селенія, для которыхъ устраиваются подсобныя школы, указываются только въ графахъ 24, 25 и 26.

В. Свѣдѣнія о нынѣ существующихъ церковно-приходскихъ школахъ, вошедшихъ въ школьную сѣть.

§ 16. Въ графѣ 12 показываются одноклассныя и двухклассныя церковно-приходскія школы, которыя предполагается включить въ школьную сѣть. Школы грамоты въ сѣть не включаются.

§ 17. Указанія, заключающіяся въ §§ 8, 10, 11, 12, 13, 14 и 15, распространяются и на церковно-приходскія школы.

Г. Свѣдѣнія о проектируемыхъ новыхъ школахъ.

§ 18. Наименованіе проектируемыхъ училищъ, помѣщенное въ школьной сѣти, не обязываетъ открыть это училище непременно въ данномъ селеніи, а не въ другомъ селеніи того же школьнаго района, сообразно мѣстнымъ условіямъ.

§ 19. Указанія, заключающіяся въ §§ 8, 9, 12, 13, 14 и 15, распространяются и на вновь открываемыя училища.

Д. Свѣдѣнія о селеніяхъ, остающихся внѣ школьныхъ районовъ.

§ 20. Въ графѣ 24-ой помѣщаются селенія, не вошедшія въ школьный районъ, т. е. отстояція отъ него далѣе 3-хъ верстъ.

§ 21. Въ графѣ 28-й способы обезпеченія обученія дѣтей въ селеніяхъ внѣ школьныхъ районовъ указываются кратко („ночлежный пріютъ“, „N-ская подсобная или передвижная шк.“, „N-ская школа грам.“, „N-ское учил. сосѣдн. уѣзда“ и т. п.).

Карта школьной сѣти.

§ 22. При школьной сѣти необходимо приложеніе карты даннаго уѣзда съ масштабомъ не менѣе 10 верстъ въ дюймѣ (какъ, напримѣръ, карты десятиверстнаго масштаба Главнаго Штаба, гдѣ таковыя изданы), съ нанесенными на ней названіями всѣхъ селеній и волостей; границы волостей желательнo обозначить красками. Учлища изображаются маленькими кружками условныхъ цвѣтовъ: земскія — розоваго цвѣта, министерскія — синяго, церковно-приходскія — оранжеваго, частныя — коричневаго, проектируемыя — зеленаго, двухклассныя, второклассныя и церковно-учительскія — соотвѣтственнаго цвѣта съ чернымъ ободкомъ. Учлища обязательно соединяются съ обслуживаемыми ими селеніями соотвѣтствующихъ цвѣтовъ линіями, а школьные районы обводятся окружностью или ломанной линіей пунктиромъ соотвѣтствующаго цвѣта. На картѣ необходимо указаніе рѣкъ и дорогъ. Тамъ, гдѣ очень много мелкихъ селеній, на картѣ, вмѣсто названій ихъ, можно писать лишь номера и приложить въ такомъ случаѣ указатель съ названіями селеній, соотвѣтствующими номерамъ на картѣ. Обозначеніе количества дворовъ въ каждой деревнѣ особыми значками не обязательно.

Для наглядности составленія школьной сѣти по данной инструкціи при семъ прилагается образецъ заполненной бланки по двумъ волостямъ Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи ¹⁾ и образецъ школьной карты тѣхъ же волостей ²⁾.

¹⁾ См. приложение IV.

²⁾ Образецъ карты особо разсылается земствамъ и потому здѣсь не печатается.

Приложение V.

Свѣдѣнія и предположенія земства или городского управленія о введеніи всеобщаго обученія въ _____

I. Свѣдѣнія о числѣ учащихся, содержимыхъ на земскія или городскія средства, а также о числѣ учащихся, законоучителей и учащихся въ нихъ (заимствованныя изъ школьной сѣти).

- 1) Число учащихся (1-клас. и 2-клас.), содержащихся на земскія или городскія средства _____
- 2) Число учащихся въ нихъ обоюго пола _____
- 3) Число учащихся въ нихъ _____
- 4) Число законоучителей въ нихъ (считая и преподавателей Закона Божьяго не изъ священнослужителей) _____

II. Свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ на народное образованіе въ 1907 году (по земской или городской сѣтѣ).

1) П Р И Х О Д Ъ.

Отъ удѣльнаго земства.	Отъ губернскаго земства.	Отъ города.	Отъ крестьянскихъ обществъ.	Отъ частн. обществъ и лицъ.	Отъ Мнн. Народнаго Просвѣщенія.	Отъ прочихъ вкладовъ.	Изъ другихъ источниковъ.	ВСЕГО.
1	2	3	4	5	6	7	8	9

2) Р А С Х О Д Ъ.

Расходы изъ всѣхъ источниковъ на содержаніе учащихся, содержащихся на земскія или городскія средства.					Расходы на строенія, нужды (не считая отпусковъ изъ специальныхъ капиталовъ).							
Жалованья учащимъ.	Жалованья законоучителей.	Классн. учебныя пособия и классн. принадлежности.	Холостыя и др. прочія расходы.	Всего на содержаніе учащихся.	Несобія отъ земства или города нач. учил. на содержаніе на земск. или город. средства.	Прочіе расходы, относящіеся къ началн. образованію.	Всего на дѣла начального образованія.	Обшія дѣла по распростра. образован. средн. классовъ (вѣтшольн. образованію).	Содержан. процесс., средн. и проч. не начел. уч. завед. а также и суб. таковыя.	Расходы на подготовку учительскаго персонала.	Всего на народное образованіе.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13

3) На что именно выдается указанная въ графѣ 6-ой таблицы „Приходъ“ субсидія министерства нар. просв. _____

4) Какіе имѣются школьныя спеціальныя капиталы, строительныя и др., разсѣрь ихъ и сколько изъ каждаго израсходовано въ 1906 году _____

5) Не получаютъ ли училища непосредственно отъ крестьянскихъ обществъ или частныхъ лицъ: 1) годовое помѣщеніе, 2) отопленіе, 3) освѣщеніе, 4) прислугу и т. д. (указать, сколько училищъ и что именно они получили въ 1906 году)

III. Предположенія о новыхъ расходахъ, вызываемыхъ осуществленіемъ всей школьной сѣти.

1) Предположенія о дополнительныхъ расходахъ на содержаніе имѣ существующихъ училищъ.

А. Какая сумма необходима для увеличенія жалованья законоучителямъ и учащимъ существующихъ училищъ до минимальной нормы по 60 р. законоучителю и по 360 р. учащему _____

Б. Какая сумма необходима на жалованье законоучителямъ и учащимъ, вновь приглашаемымъ при расширеніи существующихъ училищъ _____

а) Сколько добавляется законоучителей ¹⁾ _____

б) Сумма расхода на ихъ содержаніе _____

в) Сколько добавляется учащихся ¹⁾ _____

г) Сумма расхода на ихъ содержаніе _____

В. На сколько увеличивается при расширеніи существующихъ училищъ расходъ на учебныя пособия, книги и классныя принадлежности _____

¹⁾ Цифры заимствуются изъ „школьной сѣти“.

Г. На сколько увеличивается при расширеніи существующихъ училищъ расходъ на хозяйственныя и всѣ прочія нужды по поддержанію училищъ, не считая найма помѣщеній _____

Общій размѣръ дополнительнаго расхода на содержаніе существующихъ училищъ _____

2) Предположенія о новыхъ расходахъ на содержаніе вновь открываемыхъ училищъ.

Типъ училища.	Стоимость содержанія одного училища всякаго типа.					В С Е Г О.	Число училищъ въ данномъ типѣ, предложенное къ открытію.	Стоимость содержанія всѣхъ училищъ этого типа.
	Содерж. завоуч. (не менѣе 60 р. на наемцу).	Содерж. учащихся (не менѣе 360 р. на наемцу).	Книг., учебныя пособия и масса. принадлежн. (съ средн. цѣн.).	Хлѣб. и всѣ прочіе расход., не считая найма помѣщеній (съ средн. цѣн.).				
1	2	3	4	5	6	7	8	
Одноклассное ^{*)}								
Двухклассное ^{*)}								
Трехклассное ^{*)}								
Четырехклассн. ^{*)}								

3) Какіе предположены расходы на постройку новыхъ школьныхъ зданій и для сколькихъ училищъ _____

4) Какіе предположены расходы на наемъ новыхъ школьныхъ помѣщеній и для сколькихъ училищъ _____

^{*)} Однокласснымъ училищемъ называется училище съ 1 учащимъ (не считая законоучителя), двухклассное—съ 2 учащими, трехклассное—съ 3 учащими и т. п.

б) Что предполагается сдѣлать для обезпеченія обученія дѣтей, проживающихъ въ селеніяхъ внѣ школьныхъ районовъ и какіе на это предполагаемы расходы _____

IV. Финансовое и экономическое положеніе земства или города.

1) Нормы оцѣнки облагаемыхъ имуществъ _____

2) Напряженность обложенія _____

3) Отношеніе расхода на народное образованіе ко всему бюджету въ 1907 году ¹⁾ _____

¹⁾ Необходимо приложить свѣту 1907 года.

Приложение VI.

Утверждены постановленіи Нижегородскаго уезднаго земскаго собранія 23 іюня 1907 г. и 24 октября 1907 г.

Свѣдѣнія и предположенія о введении всеобщаго обученія въ Нижегородскомъ уѣздѣ.

I. Свѣдѣнія о числѣ училищъ, содержимыхъ на земскія средства, а также о числѣ учащихся, законоучителей и учащихся въ нихъ (заимствованные изъ школьной сѣти).

1) Общее число училищъ (1-кл. и 2-клас.), содержимыхъ на земскія средства	171 ¹⁾
2) Число учащихся въ нихъ обоюго пола	8685
3) Число учащихся въ нихъ	236
4) Число законоучителей въ нихъ (считая и преподавателей Закона Божія не изъ священнослужителей)	178

II. Свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ на народное образованіе въ 1906 г. (по земской сѣтѣ).

1) ПРИХОДЪ.

Отъ уѣзднаго земства.	Отъ губернскаго земства.	Отъ города.	Отъ крестьянск. обществъ.	Отъ частныхъ обществъ и лицъ.	Отъ Императорскаго Нороднаго Просвѣщенія.	Отъ прочихъ источниковъ.	Изъ другихъ источниковъ.	В С Е Г О.
1								2)
114367 р.	3440 р.		7367 р.	729 р.	34665 р.	—	109 р.	160677 р.
87 в.								87 в.

¹⁾ Сверхъ того 7 двухклассныхъ, М. Н. П., сельскихъ училищъ.

2) РАСХОДЪ.

Расходы изъ всѣхъ источниковъ на училища, содержащихся на ассигновки или городскія средства.												
Желаемыя училища.	Жалованья преподавателей.	Книги, учебныя пособия и классныя принадлежности.	Хозяйственные и всѣ прочіе расходы.	Всего на содержаніе училищъ.	На строенія, вѣзды (не считая отпусковъ изъ сибирскихъ министерствъ).	Пособія отъ земства или города начал. учил., не содержащ. на земск. или город. средства.	Прочіе расходы, относящіеся къ началъному образованію.	Всего на дѣле началънаго образованія.	Общая сумма на расп. обра. средн. высш. класса (для школьного образованія).	Содерж. процес., средн. и проч. по начал. уч. заведеніямъ, а также пособія преподават.	На подготовку учительскаго персонала для началъныхъ училищъ.	Всего на народн. образованіе.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
75494 р.	7508 р.	7186 р.	20074 р. 75 в.	110262 р. 75 в.	20769 р.	3980 р.	1020 р.	138031 р. 75 в.	4167 р. 10 в.	20809 р. 02 в.	170 р.	160377 р. 87 в.

3) На что именно выдается указанная въ графѣ 6-й таблицы „Приходъ“ субсидія Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ 1906 г. (по смѣтѣ м. н. н. 1906 г.) субсидія получена:

на содержаніе 5-ти двухкл. м. н. н. училищъ—постоянныхъ	7000 р.
на расширеніе Безводнинскаго 2-клас., М. Н. П., уч.—единовремен.	2550 „
на содержаніе началныхъ, съ пособ. отъ казны, училищъ—постоянныхъ	7800 „
на ремонтъ зданій началн. училищъ, изъ кредита на общія нужды народн. образов. въ губерніи—единовр. .	1140 „
на жалованіе преподавателямъ (156 лицамъ) началныхъ училищъ по 100 р. на лицо,—въ видѣ единовремен. пособ.	15600 „
и на ремесленные классы—постоянныхъ .	575 „

Всего . 34665 р.

Съ 1907 года субсидія (постоянная) выдается:

на 2-классн., м. н. п., училища	9800 р.
на начальныя 1-классн. училища	28700 „
	<hr/>
	38500 р.
и на ремеслен. классы .	575 „

4) Какіе имѣются школьныя спеціальныя капиталы, строительныя и друг., размѣръ ихъ и сколько изъ каждаго израсходовано въ 1906 г.?

Имѣется спеціальный „Александровскій“ капиталъ на снабженіе училищъ бібліотеками для выѣласснаго чтенія учащимся, въ размѣрѣ 6500 руб., изъ коего въ 1906 году израсходовано процентовъ 247 руб.

5) Не получаютъ ли училища непосредственно отъ крестьянскихъ обществъ или частныхъ лицъ: 1) готовое помѣщеніе, 2) отопленіе, 3) освѣщеніе, 4) прислугу и т. д. (указать, сколько училищъ и что именно они получили въ 1906 году)?

Въ 1906 году пользовались готовыми помѣщеніями, принадлежащими сельскимъ обществамъ, 97 училищъ (большинство помѣщеній построено съ пособіемъ отъ земства) и получили отъ сельскихъ обществъ отопленіе, освѣщеніе и прислугу 56 училищъ.

III. Предположенія о новыхъ расходахъ, вызываемыхъ осуществленіемъ всей школьной сѣти въ уѣздѣ.

1) Предположенія о дополнительныхъ расходахъ на содержаніе нынѣ существующихъ училищъ.

А. Какая сумма необходима для увеличенія жалованья законоучителямъ и учащимъ существующихъ училищъ до минимальной нормы (60 р. законоучителю и 360 р. учащему)?

. 48770 р. ¹⁾

Б. Какая сумма необходима на жалованье законоучителямъ и учащимъ, вновь приглашаемымъ при расширеніи существующихъ училищъ.

а) Сколько добавляется законоучителей? 22 ²⁾

б) Сумма расхода на ихъ содержаніе? 1320 р.

¹⁾ Эта сумма показана безусловно неправильно, такъ какъ вопросъ земствомъ видно не понять.

²⁾ Собственно число законоучителей (лицъ) остается то же; но съ переходомъ

в) Сколько добавляется учащихся? .

43¹⁾

г) Сумма расхода на ихъ содержаніе

15840 р.

В. На сколько увеличивается при расширеніи существующихъ училищъ расходъ на учебныя пособія, книги и классныя принадлежности

1540 „

Г. На сколько увеличивается при расширеніи существующихъ училищъ расходъ на хозяйственныя и всѣ прочія нужды по содержанію училищъ, не считая найма помещеній

1760 „

Общій размѣръ дополнительнаго расхода на содержаніе существующихъ училищъ

69350 „

2) Предположенія о новыхъ расходахъ на содержаніе вновь открываемыхъ училищъ.

Типъ училища.	Стоимость содержанія одного училища ежегодно тѣмъ.					Число училищъ по каждаго типа, предложенныхъ въ от-вѣтствіи.	Стоимость содержанія всѣхъ училищъ этого типа.
	Содержаніе учителей.	Содержаніе учащихся.	Книги, учебныя пособия и классныя принадлежности.	Хозяйства и всѣ прочіе расходы, не считая найма помѣщ.	В С Е Г О .		
Одноклассное.	60 р.	360 р.	40 р.	110 р.	570 р.	10	5700 р.
Двухклассное.	60 „	720 „	75 „	150 „	1005 „	—	—
Трехклассное.	90 „	1080 „	100 „	200 „	1470 „	—	—
Четырехклассное.	120 „	1440 „	135 „	240 „	1935 „	—	—
2-классное, М. II. Ш., училище.	150 „	1180 „	170 „	500 „	2000 „	2	4000 „

41-го училища изъ 1-класснаго состава въ 2-классный, или изъ 2-класснаго въ 3-классный потребуются добавленіе законоучительскаго вознагражденія: въ 41 учил. по 30 р.—1230 р. и добавочнаго вознагражденія законоучит. 2-классн. учил.—90 р. Всего—1320 р.

¹⁾ А съ добавленіемъ 1 учителя въ Оранское училище, при преобразованіи его

3) Какіе предполагаемы расходы на постройку новыхъ зданій и для сколькихъ училищъ?

На 10 одноклассныхъ проектируемыхъ училищъ—23100 руб. и на 2 двухклассныхъ, м. и. н., училища 15859 р. 32 к. (по 7929 р. 66 к. на каждое).

На постройку новыхъ зданій для 54-хъ существующихъ училищъ, расположенныхъ нынѣ въ наемныхъ помѣщеніяхъ.—по смѣтамъ 144780 р., на расширеніе и перестройку 56 училищъ—67200 р., и на капитальный ремонтъ 13 зданій до 11800 р. Всего—262739 р. 32 к.

4) Какіе предполагаемы расходы на наемъ новыхъ школьныхъ помѣщеній и для сколькихъ училищъ?

Расходы на наемъ помѣщеній для 44-хъ расширяемыхъ училищъ, переходящихъ изъ 1-комплектныхъ въ 2—3-комплектныя и для 10-ти вновь открываемыхъ училищъ составляютъ около 8500 руб. въ годъ. Расходъ этотъ будетъ носить характеръ расхода *временнаго*, впродъ до постройки специальныхъ школьныхъ зданій, или до расширенія ихъ до потребныхъ размѣровъ, такъ какъ вообще болѣе рачительно строить для училищъ собственныя зданія.

5) Что предполагается сдѣлать для обезпеченія обученія дѣтей, проживающихъ въ селеніяхъ внѣ школьныхъ районовъ, и какіе на это предполагаемы расходы?

Внѣ школьныхъ районовъ остается по сѣти только одна деревня Кременки, для которой предполагается устройство ночлежнаго пріюта при Елховскомъ 1-классномъ училищѣ, на что потребуется: на устройство помѣщенія до 1800 руб. и на содержаніе ежегодно по 120 руб. Кроме того, предполагается устройство интернатовъ при 8 двухклассныхъ училищахъ, что потребуетъ расхода—единовременно до 26800 руб. и ежегодно 2000 руб. (на каждый 3350 руб. единовременно и 250 руб. ежегодно).

IV. Финансовое и экономическое положеніе земства.

1) Нормы оцѣнки облагаемыхъ имуществъ:

Обложеніе равняется 2,8% цѣнности имущества, при чемъ десятина земли обложена 33,1 коп.

въ 2-классное, всего потребуется добавить 44 учащихся. Такимъ образомъ, существующія училища требуютъ добавленія 44-хъ комплектовъ.

2) Напряженность обложения.

Недоимокъ за населеніемъ къ 1 января 1907 г. 285433 руб. 27 коп., или 72% оклада.

3) Отношеніе расхода на народное образованіе ко всему бюджету въ 1906 году—39,76%¹⁾).

г. Нижній-Новгородъ.

20 іюня 1907 г.

¹⁾ Прилагается свѣта 1906 года.

**Финансовый планъ введенія всеобщаго
обученія.**

1. Свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ на школьное дѣлѣ

1	2	3	Расходъ на содержаніе учащихся изъ всѣхъ источниковъ.					9	10	11	12
			4	5	6	7	8				
Число учащихся, содерж. на земск. или городск. средства.	Число учащихся въ извѣ.	Число учащихся (всѣхъ законоучителей).	Жалованье учителямъ.	Жалованье законоучителямъ.	Книги и учебныя пособия и власныя принадлежности.	Хозяйственныя и всѣ прочіе расходы.	Всего на содержаніе школъ.	Расходъ на строителныя работы.	Пособія отъ земства или города начальн. учителямъ, по содержанію на земскіи или городскіи средства.	Прочіе расходы, относимыя къ начальному образованію.	Всего расходъ на школьное дѣлѣ.

2. Предположенія о приходѣ и расходѣ на школьное дѣлѣ

Г О Д Ы.	Увеличеніе расходовъ на содержаніе существующихъ школъ.											Расходы на содержаніе новыхъ.				
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
	Число учителей, содерж. котор. увелич. до нормал.	Размѣръ доплатителъ. расходы на извѣ.	Чис. законоуч., содерж. котор. увелич. до нормал.	Размѣръ доплатителъ. расходы на извѣ.	Число добавочныхъ учителей.	Расходъ на ихъ содержаніе.	Число добавочныхъ законоучителей.	Расходъ на ихъ содержаніе.	Размѣръ доплат. расхода на книги и учебн. пособия и власн. принад.	Размѣръ доплат. расх. на хол. и проч. работы.	Общій итогъ доплатит. расхода на содержаніе существующ. школъ.	Число учащихся.	Число учителей.	Расходъ на ихъ содержаніе.	Число законоучителей.	Расходъ на ихъ содержаніе.
1908																
1909																
1910																
1911																
1912																
1913																
1914																
1915																
1916																
1917																

вх.		Сводный о селениях, остающихся вне школьных районов.				
ми	Расстояние от селения до школы.	НАИМЕНОВАНИЕ СЕЛЕНИЙ.	Число детей 8—11 лет обоего пола.	Къ какой школе ближе находится.	Расстояние до нея.	Какъ будетъ обеспечено обучение детей въ этихъ селенияхъ.
	23	24	25	26	27	28
	---	Бостыно.	27	Крас.	3 ¹ / ₂	Почлежный приютъ.
	2 ³ / ₄					
	1 ¹ / ₂					
	1 ³ / ₄					
	2 ³ / ₄					

	1 ¹ / ₂					
	---	Лушма (Болгов. вол.)	16	Зарезн.	3 ¹ / ₄	Почлежный приютъ.
	2					
	2 ¹ / ₄					

	1 ¹ / ₂					
	1 ¹ / ₂					
	2					

	3 ¹ / ₄					
	1 ¹ / ₂					

	1 ³ / ₄					
20	---		2	43	---	---

въ 1907 году (по земской или городской смѣтѣ).

Приходъ на содержаніе училищъ.										Поступленія изъ уроков (показать число школъ, на которыя поступаютъ изъ уроков отопленіе, освѣщеніе прислуга и проч.).
Отъ уѣзднаго земства.	Отъ губернскаго земства.	Отъ города.	Отъ крестьянскихъ обществъ.	Отъ частныхъ лицъ.	Отъ М-ва Народн. Просвѣщенія.	Отъ прочихъ вѣдомствъ.	Изъ прочихъ источ- никовъ.	Спеціальныя ассигнованія на школьное строительство.	Всѣ приходы на школьное дѣло.	
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23

за время съ 1908 г. до года оконч. введ. всеоб. обученія.

Новые открыт. школы.			Увеличеніе прихода на содержаніе школъ.									Размѣръ спец. ассигнованій на школьное строительство.		Общее увеличеніе прихода въ данномъ году.		Общій приходъ въ данномъ году.
Названія и учебн. по- собія и клас. принад.	Доходныя и всѣ проч. расходы.	Итого расхода на новые откр. школы.	Размѣръ расхода на школь- ное строительство.	Общее увеличеніе расхода въ данномъ году.	Размѣръ расхода въ дан- номъ году.	Отъ уѣзднаго земства.	Отъ губернскаго земства.	Отъ города.	Отъ крестьянскихъ обществъ.	Отъ частныхъ лицъ.	Отъ М-ва Народн. Просвѣщенія.	Отъ прочихъ вѣдомствъ.	Изъ прочихъ источ- никовъ.	Размѣръ спец. ассигнованій на школьное строительство.	Общее увеличеніе прихода въ данномъ году.	Общій приходъ въ данномъ году.
18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34

1. Свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ на школьное дѣл.

1	2	3	Расходъ на содержаніе учащихся въ вѣкъ поточнаго.					9	10	11	12
			4	5	6	7	8				
Число учащихся, содерж. на завѣд. для городов, ордента.	Число учащихся въ извѣ.	Число учащихся (прочеѣ заповоучителей).	Жалованье учащихъ.	Жалованье наполе- учителей.	Книги и учебныя по- собія и классныя пре- доставленныя.	Хозяйственные и другіе прочіе расходы.	Всего на содержаніе школы.	Расходъ на строительныя куранды.	Пособія отъ зачета или го- рода начальн. учащихъ, не содержавшихъ на вѣсели для городскихъ сраженій.	Прочіе расходы, относимые къ началному образованію.	Всего расходъ на школьное дѣл.

2. Предположенія о приходѣ и расходѣ на школьное дѣл.

Г О Д Ы.	Увеличеніе расходовъ на содержаніе существующихъ школъ.											Расходы на содержи- ваніе.				
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	1
	Число учащихъ, содержи- мотор. увелич. до норм.	Размѣръ доплата за расходы на это.	Чис. заповоуч., содержи- мотор. увелич. до норм.	Размѣръ доплата за расходы на это.	Число добавляемыхъ учащихъ.	Расходъ на извѣ со- держаніе.	Число добавляемыхъ заповоучителей.	Расходъ на извѣ со- держаніе.	Размѣръ доплат. рас- хода на книги и учебн. пособія и класс. принадлеж- ности.	Размѣръ доплат. рас- хода на хол. и проч. нужды.	Общій вѣтъ доплата за расходы на содержаніе существующихъ школъ.	Число учащихся.	Число учащихся.	Расходъ на извѣ со- держаніе.	Число заповоучите- лей.	Расходъ на извѣ со-
1908																
1909																
1910																
1911																
1912																
1913																
1914																
1915																
1916																
1917																

ах.		Свѣдѣнія о селеніяхъ, остающихся или школьныхъ районахъ.				
№	Расстояние отъ селенія до школы.	НАИМЕНОВАНИЕ СЕЛЕНІЙ.	Число дѣтей 8—11 лѣтъ обоего пола.	Къ какой школѣ ближе находится.	Расстояние до нея.	Какъ будетъ обозначено обученіе дѣтей въ этихъ селеніяхъ.
	23	24	25	26	27	28
	—	Богатино.	27	Брас.	3 $\frac{1}{2}$	Послежный пріютъ.
	2 $\frac{3}{4}$					
	1 $\frac{1}{2}$					
	1 $\frac{3}{4}$					
	2 $\frac{3}{4}$					
	—	Лукино (Болгов. вол.)	16	Зарезк.	3 $\frac{1}{4}$	Послежный пріютъ.
	1 $\frac{1}{2}$					
	—					
	2					
	2 $\frac{1}{4}$					
	—					
	1 $\frac{1}{2}$					
	1 $\frac{1}{2}$					
	2					
	3 $\frac{1}{4}$					
	—					
	1 $\frac{1}{2}$					
	1 $\frac{3}{4}$					
20	—		2	43	—	—

въ 1907 году (по земской или городской смѣтѣ).

Приходъ на содержаніе училищъ.										Поступленія натурою (показать число школъ, на которыя поступаютъ натурою отопленіе, освѣщеніе прислуга и проч.).
Отъ уѣзднаго земства.	Отъ губернскаго земства.	Отъ города.	Отъ крестьянскихъ обществъ.	Отъ частныхъ лицъ.	Отъ М-ва Народн. Просвѣщенія.	Отъ прочихъ вѣдомствъ.	Изъ прочихъ источ- никовъ.	Спеціальныя ассигнованія на школьное строительство.	Всѣй приходъ на школьное дѣло.	
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23

за время съ 1908 г. до года оконч. введ. всеоб. обученія.

Новыя открыт- ныя школы.			Увеличеніе прихода на содержаніе школъ.									Общее увеличеніе прихода въ данномъ году.				
На впаги в учебн. по- собія и влас. право.	Хозяйственныя в вѣщ проч. расходы.	Итого расхода на новыя откр. школы.	Размѣръ расхода на школь- ное строительство.	Общее увеличеніе расхода въ данномъ году.	Размѣръ расхода въ дан- номъ году.	Отъ уѣзднаго земства.	Отъ губернскаго земства.	Отъ города.	Отъ крестьянскихъ обществъ.	Отъ частныхъ лицъ.	Отъ М-ва Народн. Просвѣщенія.	Отъ прочихъ вѣдомствъ.	Изъ прочихъ источ- никовъ.	Размѣръ спец. ассигнованія на школьное строительство.	Общее увеличеніе прихода въ данномъ году.	Общій приходъ въ данномъ году.
18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ *).

*Книги для современной школы. *Ройтманъ, Дм.*, преподаватель С.-Петербургскаго учительскаго института, женскаго педагогическаго института и гимназій В. Мая.—Курсъ элементарной геометріи со включеніемъ начала тригонометріи, изложенный по измѣненной системѣ и приспособленный для самостоятельнаго изученія.—Курсъ содержитъ исключительно тѣ теоремы и задачи, которыя составляютъ необходимыя звенья неразрывной логической цѣпи заключеній. Число теоремъ значительно уменьшено безъ ущерба для возможной строгости изложенія.

Никогда еще на всемірномъ книжномъ рынкѣ не появлялось геометрическаго учебника съ такимъ длиннымъ и широкоувѣщательнымъ заглавіемъ, свойственнымъ болѣе какому-нибудь соннику. Хотѣлось бы думать, что это заглавіе скомпоновано издателемъ помимо автора, хотя несомнѣнно, что тонъ этого заглавія совершенно соответствуетъ тону предисловія автора. Курсъ составленъ по какой-то *измѣненной системѣ* и „содержитъ *исключительно* тѣ теоремы и задачи, которыя составляютъ *необходимыя звенья неразрывной* логической цѣпи заключеній“. Какія крѣпкія слова: исключительно, необходимыя, неразрывная цѣпь! Можетъ быть, однако, издатель воздержался бы давать книгѣ такое американски-рекламное заглавіе, если бы онъ зналъ, что получившіе наибольшее распространеніе и значеніе учебники геометріи Эвклида и Лександра носили очень краткія заглавія: Начала (*στοιχεῖα*), *Eléments de Géométrie*; тогда, можетъ быть, и разсматриваемую книгу онъ назвалъ бы коротко: Цѣпь г. Ройтмана.

Открывается книга объясненіемъ цѣли изданій подъ общимъ заглавіемъ: „Книги для современной школы“. Истинный авторъ этого

*) Отзывы, отличенные въѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также и по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

объясненія неизвѣстны; но подписано оно Книгоиздательствомъ Товарищества И. Д. Сытина. Здѣсь мы узнаемъ, что цѣль изданій— „пособствовать осуществленію реформы школьнаго образованія въ Россіи, поскольку реформа эта зависитъ объ бібліотеки учителя и бібліотеки учащагося“. Очевидно, однако, что школьная реформа ни отъ какихъ бібліотекъ и книгоиздательства не зависитъ; обыкновенно происходитъ нѣчто совершенно обратное, именно, когда измѣняются программы, то сейчасъ же находятся лица, измѣняющія старые или составляющія новые учебники примѣнительно къ измѣненнымъ программамъ, а затѣмъ, *когда эти учебники признаются составленными удовлетворительно*, быстро находятъ издатели, рассчитывающіе поживиться на реформѣ, что имъ обыкновенно удается.

Затѣмъ въ своемъ объясненіи книгоиздательство удостовѣряетъ, что за послѣднія двадцать лѣтъ въ Западной Европѣ обнаружено не мало различныхъ произведеній, „направленныхъ въ сторону коренного измѣненія не только способовъ проработки (новое слово для академическаго словаря!), но и самаго содержанія математики, какъ учебнаго предмета“. Судя по заглавію рассматриваемой книги, измѣненіе содержанія учебнаго курса геометріи въ ней не предположено, а только сокращеніе его и изложеніе по измѣненной системѣ. „Основные требованія этого (новаго) направленія, продолжаетъ книгоиздательство, сводятся къ сближенію учебнаго математическаго матерьяла съ жизнью, къ согласованію его съ требованіями психологич. возраста учащихся и съ основными идеями и принципами истиннаго знанія“. Отсюда какъ будто вытекаетъ, что въ послѣднее время начали какъ-то особенно „сближать“ учебный математическій матерьялъ съ основными идеями и принципами истиннаго знанія; въ области геометріи этому сближенію содѣйствуетъ Товарищество Сытина изданіемъ книги г. Ройтмана. Невольно, однако, хочется спросить: что ему Гекуба? Покончимъ поэтому съ рекламою книгоиздательства и перейдемъ къ книгѣ.

Открывается она не просто предисловіемъ, а „необходимымъ предисловіемъ“ автора (V—XXVI). Для кого, однако, оно нужно? Кто пожелаетъ самостоятельно изучать геометрію по этой книгѣ, согласно съ ея заглавіемъ, тотъ изъ предисловія пойметъ очень немного. Папримѣръ, начиная разсмотрѣніе предисловія съ конца, пойметъ, что въ мартѣ 1907 г. авторъ выражаетъ благодарность А. И. Авиоку, В. А. Егунову, П. А. Запанкову, Д. М. Левитусу, М. З. Образцову, С. И. Шохорь-Троцкому и А. П. Яновичу „за цѣнныя указанія и просмотръ, сдѣланныя ими при чтеніи корректуръ“ (XXVI). Этыхъ

лицъ семь, по числу древнихъ греческихъ мудрецовъ; но въ Россіи прочно держатся пословицы, что у семи нянекъ дитя безъ глазу, у семи пастуховъ не стадо. — Еще пойметъ, что въ августѣ 1906 г. авторъ признавалъ, что „какъ всякая первая попытка, предлагаемый курсъ, конечно, не свободенъ отъ ошибокъ и недостатковъ“ (XXV), а долѣе скромно признавалъ даже свою попытку „несомнѣнно слабою“ (XXVI). Такая собственная оцѣнка авторомъ своего труда едва ли способна вызвать у кого либо особую охоту самостоятельно изучать этотъ трудъ; да и не можеть ли скомпрометировать всю современную школу Товарищества Сытина появленіе такого „несомнѣнно слабого“ труда: для чего было его издавать? На стр. XXI авторъ, какъ бы въ оправданіе ссылается на „недостатокъ времени“, который помѣшалъ автору выполнить задуманный планъ курса: „онъ долженъ былъ обнять еще основныя формулы сферическаго треугольника, который въ пространствѣ трехъ измѣреній играетъ ту же роль (какое образное выраженіе!), какую играетъ треугольникъ въ планиметріи, а также начала начертательной геометріи“; для послѣдней цѣли авторъ предполагалъ „просто дать переводъ первыхъ отдѣловъ „Géométrie descriptive“ Можна въ виду „неподражаемой ясности, прозрачности (?) и изящества изложеній“. Въ этомъ объясненіи много неяснаго. Не ясно прежде всего, чѣмъ обусловился „недостатокъ времени“ у автора: не срочнымъ ли требованіемъ книгоиздательства, которое можетъ не понимать, что хорошая книга пишется не легко и медленно? Затѣмъ, если читатель развернетъ стр. XIII предисловія, то тамъ онъ узнаетъ, что во введеніи авторъ „старается выписать задачи систематическаго курса геометріи, ... и расчленивъ задачу курса такъ, чтобы выдвинулась впередъ *необходимость* начинать изученіе съ простѣйшаго геометрическаго образа—треугольника“. У читателя естественно возникнетъ недоумѣнный вопросъ: если „роль“ плоскаго треугольника такова, что съ него *необходимо* начинать изученіе геометріи, а сферическій треугольникъ играетъ будто бы ту же роль въ пространствѣ трехъ измѣреній, то какъ же могъ авторъ обойтись совсѣмъ даже безъ упоминанія о сферическомъ треугольникѣ въ стереометріи? Вѣдь не всякій начинающій учиться въ современной школѣ можетъ понять, что авторъ просто заблуждается относительно „роли“ сферическаго треугольника; треугольнику на плоскости соответствуетъ въ пространствѣ трехъ измѣреній тетраэдръ, сферическій же треугольникъ имѣетъ важное значеніе для геометріи сферы, но еще Лагранжъ призналъ независимость сферической тригонометріи отъ постулата о параллель-

ныхъ линіяхъ. Что касается, наконецъ, книги Монжа, то Шаль называетъ наложеніе этого великаго ученаго „проникнутымъ истиннымъ краснорѣчіемъ, свойственнымъ предмету, т. е. ясностью и отчетливостью, богатствомъ и глубиною мысли“; тѣмъ не менѣе однако возникаетъ вопросъ: неужели для „современной школы“ Товарищества Сытина представляются современными лекціи, читанныя Монжемъ въ первой нормальной школѣ въ 1794 г.?—Наконецъ, неподготовленный читатель отчасти пойметъ, что „въ теченіе всего курса должно быть обращено самое серьезное вниманіе на полное пониманіе учениками (значить, курсъ-то написанъ не для самостоятельнаго изученія, а „необходимое предисловіе“, повидимому, адресовано къ учителямъ) и точную формулировку (хотя бы своими словами) главнѣйшихъ опредѣленій и предложеній, на сооднѣненность различныхъ опредѣленій другъ другу и на значеніе ихъ правильнаго формулированія“ (XXIII). Въ этой тирадѣ не всѣ поймутъ тонкое отличіе „точной формулировки“ отъ „правильнаго формулированія“, равно какъ и „сооднѣненность опредѣленій другъ другу“. Монжъ выразался гораздо яснѣе, хотя, можетъ быть, и не такъ прозрачно и изящно. Какъ бы то ни было, но если, по справедливому указанію автора, отъ ученика слѣдуетъ требовать „точной формулировки“, то, конечно, учебникъ долженъ быть безупреченъ въ отношеніи „правильнаго формулированія“, чтобы научить ученика; но этому условію, какъ увидимъ, совсѣмъ не удовлетворяетъ разсматриваемая книга.

Приступая къ чтенію „необходимаго предисловія“, учитель современной школы долженъ принять во вниманіе, что на стр. V—XII изложены „руководящія идеи, подъ влияніемъ которыхъ написанъ лежащій предъ читателемъ курсъ геометріи“ (XII). Этотъ „курсъ геометріи, лежащій предъ читателемъ, отличается многими особенностями отъ общепринятыхъ книгъ почти всюду курсовъ французскаго образца, и появленіе его *требуется* объясненіи; тѣмъ болѣе, что, по взглядамъ составителя, это появленіе вызвало *необходимость* для дѣла преподаванія“ (V). Отсюда, повидимому, вытекаетъ, что всюду курсы французскаго образца *необходимо* неотложно замѣнить „несомнѣнно слабымъ“ курсомъ автора.

Свои объясненія авторъ начинаетъ съ заявленія, будто „уже прошло не менѣе четырехъ столѣтій съ тѣхъ поръ, какъ начала Евклида въ оригиналѣ (увы, не дошедшемъ до насъ), а внослѣдствіи въ видоизмѣненной формѣ Лежандра, введены въ программы европейскихъ школъ“ (какихъ?). Однако, „результаты преподаванія *повсюду* (курс.

авт.) признаны неудовлетворительными. Предметъ... оказался для ученика слишкомъ схоластически — сухимъ и недоступнымъ въ смыслѣ надлежащаго, живого и нагляднаго, усвоенія, — усвоенія не формальнаго, на память, но *естественно-логическаго, въ лучшемъ значеніи этого слова*."

Въ этомъ объясненіи намъ не совсемъ понятно значеніе усвоенія нагляднаго и притомъ естественно-логическаго, да еще въ какомъ-то лучшемъ значеніи этого слова; но слишкомъ ли здѣсь много словъ, не вполне согласныхъ между собою?

Въ дальнѣйшемъ объясненія авторъ заявляетъ, что „пониманія геометріи, какъ системы (журс. авт.), умѣнья *самостоятельно* добывать результаты геометрической дедукціи, пользуясь хорошо усвоеннымъ матерьяломъ *основныхъ понятій*, — ничего этого до сей поры еще не было достигаемо“. Для полнаго уясненія себѣ этого заявленія автора обращаемся къ стр. XIII, гдѣ авторъ сообщаетъ, что „въ довольно обширномъ введеніи я стараюсь, по возможности подробно и доступно, выяснить *задачи систематическаго курса геометріи, основныя понятія, исходныя аксіомы и опредѣленія и расчленивъ задачу курса такъ, чтобы выдвинулась впередъ необходимость начинать изученіе съ простѣйшаго геометрическаго образа — треугольника*“. Введеніе занимаетъ стр. 1—26 книги и озаглавлено: „*Основныя понятія*“. Изъ сопоставленія этихъ мѣстъ книги какъ будто вытекаеть, что, хорошо усвоивъ матерьялъ 26 страницъ введенія, ученикъ долженъ самостоятельно добывать результаты геометрической дедукціи. Но тогда къ чему же ему послужить книга автора? Если же авторъ использовалъ основныя понятія введенія для составленія своей книги, которую ученикъ долженъ учить, то послѣднему не придется дѣлать *самостоятельно* выводы изъ основныхъ понятій. Мы думаемъ, что задача каждаго учебника, находящагося въ рукахъ ученика, состоитъ именно въ ясномъ и точномъ изложеніи выводовъ изъ *основныхъ понятій*: это дѣло мастера, а не ученика.

Установивъ недостижимую для учениковъ цѣль изученія геометріи, авторъ продолжаетъ: „И не даромъ, въ недавнее время, стали даже возникать „общества для улучшенія преподаванія геометріи“, въ родѣ англійской Association for the Improvement of Geometrical Teaching, или подобнаго же нашего общества, возникшаго, кажется, въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, но скоро заглохшаго въ затхлои, удушашей атмосферѣ толстовской „классической школы“. О русскомъ обществѣ намъ ничего неизвѣстно; да и авторъ ни о его дѣятельности, ни о

годъ рожденія и преждевременной кончины отъ удушенія ничого не сообщастъ, такъ что могъ бы и совсѣмъ умолчать объ немъ. Но въ Англїи дѣйствительно въ 1871 г. возникло поименованное общество, нынѣ превращенное въ Mathematical Association. Подъ предсѣдательствомъ Hirst'a и подъ вліяніемъ De Morgan'a, инаугураціонной рѣчи Sylvester'a и предшествовавшихъ нападокъ на Эвклида Wilson'a оно выступило противъ исключительнаго употребленія Эвклида въ школахъ и образовало комиссію, въ составъ которой вошли виднѣйшіе математики того времени: Sylvester, Cayley, Hirst, Price, Smith, Spottiswood, Hayward, Salmon, Townsend, Fuller, Kelland, Wilson, Clifford. Въ запитіи Эвклида отъ нападеній Sylvester'a, Clifford'a и Wilson'a выступили Cayley, Kelland и Todhunter, и хотя общество выработало въ 1878 г. новый Syllabus of the A. J. G. T. (иниціалы общества), за которымъ послѣдовали въ 1884—5 гг. The elements of plane geometry, однако, затѣя не увѣнчалась успѣхомъ вслѣдствіе рѣшительнаго сопротивленія всѣхъ англійскихъ университетовъ. Къ чему нашъ авторъ счелъ нужнымъ упомянуть объ этомъ обществѣ? Гораздо интереснѣе для читателей могла бы быть справка о томъ, что какъ только послѣдовало объединеніе Италїи, правительство предписало ввести въ среднія школы Эвклида, чѣмъ и вызвало появленіе въ 1866 г. перевода „Началь“ двумя крупнѣйшими тогдашними геометрами Betti и Brioschi съ ихъ примѣчаніями и дополненіями.

Нопонятно также, къ чему далѣе авторъ вспоминаятъ о томъ, что „лучшіе (?) наши учителя 60 и 70 годовъ приходили къ необходимости (!) введенія такъ называемаго пропедевтическаго курса, который подготовлялъ бы въ систематическому курсу путемъ выясненія *исходныхъ, основныя геометрическія понятія* на конкретномъ, наглядномъ матерьялѣ“. Такіе курсы существуютъ въ низшихъ и профессиональныхъ школахъ; но они ничого не могутъ доставить для пониманія геометріи какъ *системы*, чего желастъ авторъ, или какъ науки, чего желаемъ мы. Вѣдь самъ авторъ на первой же страницѣ своего курса (Введеніе. Основныя понятія) на вопросъ: „что изучастъ геометрія“ отвѣчаетъ, что „геометрическое тѣло можно только представить себѣ мысленно (вообразить)“. Какія же понятія можно выяснить на конкретномъ матерьялѣ? Да и пусть кто-нибудь вообразить геометрическую линію, имѣющую одно измѣреніе!

Затѣмъ авторъ обращается „къ самому существу предмета“ и въ немъ хочетъ поискать „освѣщающихъ, руководящихъ точекъ зрѣнія“. „На геометрію, какъ и на всякій школьный предметъ, говоритъ авторъ,

можно посмотрѣть двояко: или съ точки зрѣнія конкретныхъ, даваемыхъ имъ, результатовъ, интересныхъ практически и просто въ смыслѣ удовлетворенія естественной любознательности; или же на геометрію можно смотрѣть какъ на предметъ, весьма цѣнный въ смыслѣ укрѣпленія логическихъ и иныхъ (?) способностей ученика, въ смыслѣ сообщенія ему метода мышленія, *метода правильнаго отношенія къ действительности* (??), короче сказать, можно цѣнить геометрію съ общеобразовательной точки зрѣнія". Мы опустимъ страницу, гдѣ говорится о первой точкѣ зрѣнія, потому что, по мнѣнію автора, „систематическій курсъ, — понимая это слово въ эвклидовскомъ смыслѣ (?), такъ какъ „Начала“ Эвклида еще не замѣнены ничѣмъ способнымъ выдержать съ ними серьезное сравненіе, — систематическій курсъ имѣеть такія выдающіяся стороны въ смыслѣ удовлетворенія важнѣйшихъ запросовъ общаго образованія, что не воспользоваться имъ было бы, по меньшей мѣрѣ, *неразумно*". По этимъ словамъ можно было бы думать, что авторъ предполагаетъ въ своемъ курсѣ въ значительной мѣрѣ использовать Эвклида, тѣмъ болѣе что онъ продолжаетъ: „Отчетливый чеканъ (!) исходныхъ, основныхъ понятій, точный и строгій языкъ опредѣленій, полная ясность и неразрывность дедукціи, наконецъ, дисциплинированіе пространственной, а съ ней вмѣстѣ и всякой иной (?) фантазій (??) на строго точныхъ геометрическихъ образахъ, все это такія преимущества, такой превосходный, и притомъ *естественный* (курс. авт.) и наглядный матеріалъ для обогащенія и укрѣпленія логическихъ способностей ученика, что врядъ ли на что-нибудь подобное можетъ указать какой либо другой предметъ *нынешней* (курс. авт.) общеобразовательной школы". Хотя здѣсь слишкомъ много краснорѣчія, болѣе напоминающаго шекспировскаго Полонія, нежели Монжа, но явною цѣлью его служитъ прославленіе системы Эвклида. Отмѣтивъ затѣмъ, что „на систематическомъ курсѣ геометріи ученикъ въ первый разъ знакомится съ тѣмъ, что называется *научной обработкой* (курс. авт.) матеріала“, авторъ останавливается на трудности поставленной задачи. „Трудность эта, несомнѣнно, *отчасти* лежитъ въ существѣ задачи, но въ сущности болѣе значительной степени зависить она и отъ исторической традиціи, среди которой пришлось развиваться европейской школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣлу преподаванія математики, какъ предмета общеобразовательной школы.—Въ основу преподаванія по необходимости были положены Начала Эвклида, а это имѣло съ тѣхъ временъ больше дурныхъ сторонъ, чѣмъ хорошихъ, такъ какъ приспособленіе Началъ къ школѣ было совершенно *не критическое*,

и такимъ оно осталось до самаго послѣдняго времени. Диалектическая форма изложенія вовсе не была рассчитана у Евклида на потребности школы (?); она считалась наоборотъ съ чисто-схоластической критикой александрийской ученой „академіи“, которая знаменовала собою вѣкъ упадка, но никакъ не творческаго подъема греческой мысли. Антиэстетичность приѣмовъ дедукціи, основанной, въ сущности, на неподвижномъ, постоянно повторяющемся, примѣненіи понятія о равенствѣ треугольниковъ, волочащемся (!) черезъ всю систему, — тоже не была, конечно, качествомъ, облегчающимъ усвоенію предмета. Самый идеалъ строгости, въ которому, повидимому, стремился Евклидъ, и который состоялъ въ томъ, чтобы вывести все изъ ясно и точно сформулированныхъ *въ началѣ книги* (курс. авт.) возможно немногочисленныхъ аксіомъ, „требованій“ и опредѣленій, — этотъ идеалъ остался недостижимымъ, какъ показали изслѣдованія послѣдняго времени, а для школы, какъ будетъ показано ниже, онъ пока просто *недостижимъ*“ (курс. авт.).

Трудно повѣрить, что такое отрицательное отношеніе къ „Началамъ“ могъ проявить на стр. IX тотъ же авторъ, который такъ восторженно прославлялъ евклидову систему на стр. VIII. Что понимаетъ авторъ подъ *диалектической* формой изложенія, которая будто бы не была рассчитана на потребности школы? „Начала“ Евклида, какъ и вообще произведенія древнихъ геометровъ, изобилуютъ чертежами, соединяя такимъ образомъ наглядность съ „диалектикою“. Затѣмъ „Начала“ Евклида, какъ извѣстно, были написаны послѣ ряда подобныхъ же попытокъ предшественниковъ Евклида и настолько удовлетворяли древній міръ, что послѣ Евклида никто не рѣшался выступить съ своими „Началами“ (не такъ, какъ въ нынѣшнее время), а послѣдующіе авторы ограничивались комментированіемъ Евклида, за которымъ упрочилось наименованіе автора „Началъ“. Были ли „Начала“ учебникомъ? Иссомнѣнно. Игнорирующія у насъ свѣдѣнія объ Евклидѣ (300 лѣтъ до Р. Хр.) очень скудны. Наиболѣе извѣстный древній комментаторъ Евклида Прокль (410 — 485) сообщаетъ, что онъ былъ платоникомъ по своему отношенію къ наукѣ и философій, что въ своихъ „Началахъ“ онъ придалъ цѣлостность многому, исходящему отъ Эвдокса, привнесъ къ концу многое, начатое Теэтетомъ, и сверхъ того слегка доказанное предшественниками обосновалъ неопровержимыми доказательствами“, что, „какъ говорятъ, однажды Птоломей спросилъ его, нѣтъ ли для изученія геометрическихъ предметовъ болѣе короткаго пути, нежели черезъ „Начала“, на что онъ выска-

заль сужденіе, что къ геометріи нѣтъ прямого пути для царей". Что касается словъ автора объ александрійской „академіи“ (?), то едва ли можно имъ придавать серьезное значеніе, если принять во вниманіе мнѣніе по этому предмету вполне компетентнаго лица, знаменитаго историка математики Морица Кантора. „На египетской почвѣ возникаетъ греческій городъ, Александрія, и тамъ расцвѣтають или, по крайней мѣрѣ, учать великіе геометры столѣтія, къ которому, по его значенію для развитія математики, если отвлечься отъ настоящаго времени, неподлежащаго еще исторической оцѣнкѣ, можетъ быть приравнено еще только одно, именно отъ середины XVI до середины XVII в., столѣтіе зарождающагося исчисления безконечно-малыхъ. Великіе богатыри мысли эвклидова времени имѣли своихъ эпигоновъ, и хотя отчасти искать ихъ нужно и въ другихъ мѣстахъ, но корень ихъ все-таки находится въ Александріи. Тамъ проявляется не разъ въ послѣдующія столѣтія повторное цвѣтеніе нашей науки, которое также принесло благородные плоды. Мужи, какъ Геронъ, какъ Клавдій Птоломей, какъ Паппъ, по личной силѣ ума не уступаютъ никому изъ математиковъ эвклидова времени; уменьшилась только плотность ихъ появленія въ близкіе между собою промежутки времени, что было особымъ отличительнымъ признакомъ великой александрійской эпохи“¹⁾. И далѣе: „Созрѣвшая и съ увеличенными силами возвратилась математика въ страну, гдѣ она возникла, и здѣсь какъ бы оправдалась сага о гигантѣ, который, прикасаясь къ родной землѣ, извлекалъ изъ нея новыя силы. Здѣсь на египетской почвѣ проявились такія силы, какія до того времени не прилагались къ математикѣ“²⁾. А паппъ авторъ утверждаетъ (повидимому, со словъ Дюринга), что Эвклидъ жилъ въ вѣкъ упадка греческой мысли! (Дюрингъ имѣлъ въ виду исключительно философію, но въ то же время очень высоко оцѣнивалъ научныя заслуги александрійской школы)³⁾.

Объ оцѣнкѣ приѣмовъ додукціи съ точки зрѣнія эстетики говорить бесполезно, пока авторъ не указалъ приѣмовъ такой оцѣнки; но приходится думать, что, бросая такой упрекъ Эвклиду, авторъ предлагаетъ новыя приѣмы, которые отягачаются отъ Эвклидовыхъ своею эстетичностью, чего, какъ увидимъ, нѣтъ. Наконецъ, что показала изслѣдованія послѣдняго времени, автору слѣдовало бы или рассказать

¹⁾ Vorlesungen über Geschichte der Mathematik. I Bd. 3 Aufl. 1907. S. 119.

²⁾ Ibid. S. 258.

³⁾ Cp. F. Düring. Kritische Geschichte der Philosophie. 4. Aufl. 1894. S. 175—6.

обстоятельнѣе или совсѣмъ промолчать, а то у неосвѣдомленнаго читателя остается только смутное представленіе, что Эвклидъ не достигъ идеала строгости, потому что кое что помѣстилъ *въ началѣ книгъ* (курс. авт.)!

Раздѣлавъ такъ Эвклида послѣ предварительныхъ похвалъ, авторъ вдругъ заливляеть: „По все-таки до сихъ поръ Эвклидъ остается еще не замѣненнымъ личіемъ“. Но почему же, спроситъ недоумѣвающей читатель, въ теченіе 22 вѣковъ, что существуютъ „Начала“, тысячи жившихъ великихъ и малыхъ математиковъ, изучавшихъ эти Начала и обучавшихъ по нимъ юношей, не озаботились измѣнить „діалогическую форму изложенія“, придать эстетическій отпечатокъ приѣмамъ дедукціи и приблизиться къ идеалу строгости, не достигнутому Эвклидомъ? Вотъ что отвѣчаетъ авторъ: „Попытка Лежандра, *Éléments de géométrie* котораго появились въ концѣ XVIII вѣка, была *анахронизмомъ* (?), несмотря на нѣкоторые несомнѣнные шаги впередъ (напримѣръ, въ ученіи о несоизмѣримыхъ); вся система осталась почти неприкосновенной, измѣнились лишь нѣсколько манера изложенія и расположеніе теоремъ. *Новѣйшіе* же курсы французскаго образца, введенные въ большинство европейскихъ школъ, за исключеніемъ английскихъ, *рабски* подражая Лежандру, внесли только нѣкоторыя *непужныя новшества* и свидѣлствуютъ лишь о невниманіи къ дидактическимъ требованіямъ, упущеннымъ изъ виду въ погонѣ за *мнимой* (курс. авт.) строгостью изложенія“.

Вмѣсто объясненій мы находимъ здѣсь просто огульное порицаніе всѣхъ существующихъ учебниковъ; да не поѣтуетъ на насъ авторъ, если мы скажемъ, что оно живо напоминаетъ намъ отзывы одного персонажа изъ „Мертвыхъ душъ“ о губернскихъ чиновникахъ.

Своему учебнику, первое изданіе котораго вышло въ 1794 г., Лежандръ придалъ окончательную форму только въ 12-мъ изданіи 1823 г. Несмотря на нѣкоторые недостатки, этотъ учебникъ получилъ дѣйствительно большое распространеніе благодаря крупному научному имени автора и тѣмъ оригинальнымъ и дѣльнымъ изысканіямъ, которыя онъ содержалъ¹⁾, но и съ нимъ уже съ самаго начала успѣшно конкурировалъ изданный нѣсколько позже (1799) подъ тѣмъ же заглавіемъ учебникъ Ласгоіа, котораго 25-ое изданіе вышло въ 1897 г. Очень суровой критикѣ подвергъ основныя положенія и выводы Лежандра по сравненію съ Эвклидомъ, Duhamel во II т. *Des méthodes*

¹⁾ Въ Англійи громадное распространеніе имѣлъ Эвклидъ въ изданіи Тоддентера.

dans les sciences de raisonnement, 1866, затѣмъ Mansion въ 1871 г. Но, конечно, и до и послѣ этого только немногіе крошечные рабски подражали Лекандру; прочіе же авторы внесли серьезныя поправки и новшества. Изъ французскихъ авторовъ упоминаемъ, кромѣ Lacroix, еще Blanchet, Rouché et de Comborousse и въ самое послѣднее время Hadamard, котораго *Leçons de géométrie élémentaire* въ двухъ томахъ изданы въ составѣ *Cours complet de Mathématiques élémentaires*, publié sous la direction de M. Darboux (первое изд. 1898—1901, второе изд. I тома 1906). Съ особенною силою за послѣднія 20 лѣтъ проявилось стремленіе къ улучшенію геометрическихъ учебниковъ въ Италіи; выдающимся по своимъ достоинствамъ является Enriques e Amaldi. *Elementi di geometria ad uso delle scuole secondarie superiori*, 2 ed. 1905.

Высказавъ голое порицаніе новѣйшимъ курсамъ, авторъ спрашиваетъ: „какъ же выйти изъ затрудненія“? и отвѣчаетъ: „задача можетъ быть разрѣшена, до нѣкоторой степени (!), путемъ *строгаго концентрированія космологической системы* (курс. авт.), путемъ превращенія ея въ возможно легко обозримую, неразрывную цѣпь взаимно-связанныхъ истинъ, *безъ уклоненій въ сторону и безъ лишнихъ придатковъ* (курс. авт.). При этомъ должна по возможности ясно выступить внутренняя логическая связь частей системы, должна быть по возможности прозрачно (!) мотивирована необходимость (для чего?) изученія того или иного отдѣла курса, должна быть совершенно оставлена обычная манера изложенія по *мертвымъ, схоластическимъ рубрикамъ* (?), ничего не говорящимъ уму ученика, который не можетъ ни понимать цѣли ихъ (рубрикъ?) изученія, ни имѣть къ этому какого либо естественнаго интереса. Цѣлью *должны* быть *немногія основныя ученія* о свойствахъ пространства (конечно, евклидоваго, извѣстнаго хорошо всѣмъ здравомыслящимъ людямъ, пространства трехъ измѣреній). Эти свойства и должны выступить нѣболѣе ярко, на нихъ и должно быть сконцентрировано вниманіе изучающаго; остальное (?), служащее лишь вспомогательнымъ матеріаломъ (?) для дедукціи, должно отойти на второй планъ и не загромождать правильной геометрической перспективы. *Все же, не связанное въ одну неразрывную логическую цѣль, должно быть выброшено*“.

До сихъ поръ только химики занимались концентрированіемъ растворовъ путемъ выпариванія избытка растворителя, а нашъ авторъ считаетъ нужнымъ строго произвести подобную же операцію надъ геометрической системой, выбрасывая все, несвязанное въ одну неразрывную логическую цѣпь. При выпариваніи, однако, нужно быть очень осто-

рожнымъ для того, чтобы вмѣстѣ съ растворителемъ, а можетъ быть и ранѣе, не испарилось растворенное; той же осторожности слѣдовало бы держаться и нашему автору. Для осуществленія мысли автора, казалось бы, достаточно взять любой учебникъ геометріи и вычеркнуть изъ него то, что *покажется* лишнимъ придаткомъ или уклономъ въ сторону. Трудно только строго объективно установить, что именно и почему слѣдуетъ признавать лишнимъ. Въ Англіи до самаго послѣдняго времени упорно придерживались Эвклида; но въ составъ этого школьнаго Эвклида обыкновенно вносилось такое множество примѣчаній и дополненій, что по содержанію онъ почти не уступалъ полнѣйшимъ французскимъ курсамъ. Авторы новѣйшаго учебника Davison and Richards. Plane Geometry for secondary Schools, 1907, прямо говорятъ, что „важныя теоремы, открытыя со времени Эвклида, могутъ теперь занять надлежащее мѣсто въ геометрической системѣ“ и ихъ учебникъ плоской геометріи, оканчивающійся ученіемъ о пропорціональности геометрическихъ величинъ, содержитъ 411 стр. при очень сжатомъ изложеніи. Такимъ образомъ, богатство содержанія учебника и въ наше время, когда высоко поднимаетъ голову декадентство, далеко не всѣми авторами признается лишнимъ съ цѣлью создать какую-то химерическую „неразрывную цѣпь“.—Очевидно далѣе, что мотивировать для начинающаго учиться геометріи *необходимость* изученія того или другого отдѣла значить просто тратить слова; а что касается мертвыхъ рубрикъ, то и у нашего автора онѣ остались по необходимости такими же, какъ въ другихъ учебникахъ.—Очень интересно отношеніе автора къ эвклидовскому пространству, которое, по его мнѣнію, хорошо извѣстно *всѣмъ* здравомыслящимъ людямъ ¹⁾. Эти люди, конечно, очень почтенные, и бесѣда съ ними можетъ быть очень полезна; но едва ли они могутъ рассказать что-нибудь заслуживающее вниманія о пространствѣ. Во всякомъ случаѣ составителю учебника, хотя бы и для современной школы, не мѣшаетъ серьезно познакомиться съ тѣмъ, что думаютъ о пространствѣ люди науки. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ „первый ученый міра“, H. Poincaré, въ предназначенномъ для большой публики сочиненіи La Science et l'Hypothèse (66—67): „Что слѣдуетъ думать о вопросѣ: истинна ли эвклидова геометрія? Онъ не имѣетъ смысла, такъ же, какъ и вопросъ: истинна ли метри-

¹⁾ Ср. E. Dühring. Kritische Geschichte der allgemeinen Principien der Mechanik. 3 Aufl., 1887, S. 520: Auch sei nebenbei bemerkt, dass es sich für den gesund gebliebenen mathematischen Verstand noch nie an sich um die Wahrheit der Parallelenätze gehandelt hat!

ческая система, а старыя мѣры ложны? или вопросъ: истинны ли декартовы координаты, а полярныя ложны? Одна геометрія не можетъ быть болѣе истинной, чѣмъ другая; она можетъ быть только болѣе удобной. И эвклидова геометрія представляется и останется навсегда наиболѣе удобной: 1) потому что она простѣйшая и является таковою не вслѣдствіе привычекъ нашего ума или какой либо прямой интуиціи, которую мы получаемъ объ эвклидовомъ пространствѣ; она простѣйшая сама по себѣ, такъ же, какъ полиномъ первой степени проще полинома второй степени;... 2) потому что она довольно хорошо согласуется съ свойствами естественныхъ твердыхъ тѣлъ^а (раньше было указано, что въ природѣ не существуютъ строго неизмѣнимыхъ твердыхъ тѣлъ). Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія самой отвлеченной научной философіи мѣсто эвклидовой геометріи въ жизни, а потому и въ школѣ, обезпечено; поэтому нашему автору совсѣмъ не было надобности ссылаться на поддержку какихъ-то здравомыслящихъ людей какъ бы для оправданія появленія новаго учебника эвклидовой геометріи.

Въ интересахъ „концентраціи матерьяла“ авторъ находитъ нужнымъ оставить въ курсѣ только: „понятія о пропорціональности и подобія, основанныя на теоріи параллельныхъ (?), теорему Пифагора съ нѣкоторыми слѣдствіями, какъ исходный пунктъ всѣхъ (?) геометрическихъ вычисленій, первая начала тригонометріи (?) и нѣкоторые результаты измѣренія простѣйшихъ геометрическихъ величинъ, но требующіе ничего, кромѣ самыхъ простыхъ арифметическихъ расчетовъ, хотя бы и съ введеніемъ *идеи о предѣлѣ*“ (курс. авт.).

Давно извѣстно, что ученіе о подобіи обуславливается постулатомъ Эвклида; но какое отношеніе этотъ постулатъ имѣетъ къ понятію о пропорціональности,—это тайна автора. Затѣмъ только исключительною склонностью автора къ очень рѣшительнымъ выраженіямъ можно объяснить его заявленіе, будто пифагорова теорема является исходнымъ пунктомъ *всѣхъ* геометрическихъ вычисленій: вѣдь самъ авторъ выводитъ (стр. 166—168) эту теорему (мы увидимъ ниже, съ какииъ усгѣхомъ!) путемъ вычисленій, основанныхъ, конечно, не на этой теоремѣ! Присоединеніе тригонометріи къ курсу геометріи не представляетъ чего либо необычайнаго: курсъ Ложандра сопровождается подробнымъ изложеніемъ плоской и сферической тригонометріи, равно какъ и извѣстный курсъ Baltzer. Die Elemente der Mathematik. Zweiter Band. Интересно только, какъ вводить начала тригонометріи нашъ авторъ; но объ этомъ мы скажемъ ниже.

Упомянувъ, что обычные курсы яко бы „загромождены излишнимъ (?) балластомъ чисто геометрическаго характера“ и содержатъ „полное смѣшеніе чисто-геометрическихъ элементовъ съ задачами вычисленія геометрическихъ величинъ“, авторъ обвиняетъ въ этомъ послѣднемъ недостатокъ, „евклидовскую традицію“, такъ какъ „всѣ вычисленія въ Началахъ Эвклида носятъ примитивный и неестественный характеръ.“... „И въ наше время, конечно, весьма странно прибѣгать въ такимъ неуклюжимъ и сложнообразнымъ (?) приемамъ, какими вычисляются въ учебникахъ геометріи длина окружности и площадь круга, объемъ пирамиды и нѣкоторыхъ тѣлъ вращенія, до шара включительно. Чѣмъ то безпомощнымъ кажутся всѣ эти вписанные и описанные многоугольники... въ сравненіи съ изящными приемами приложенія новаго анализа переменныхъ величинъ въ геометрію“. Въ заключеніи авторъ рекомендуетъ опредѣлять длину окружности интеграломъ $C = 4r \int_0^r \frac{dx}{\sqrt{r^2 - x^2}}$, „при чемъ одновременно получается и заключеніе о постоянствѣ числа π и выраженіе этого числа въ видѣ быстро (?) сходящагося ряда“.

Мы увидимъ, отъ какого „излишняго“ балласта освободилъ свой курсъ авторъ; но упрекать Эвклида въ смѣшеніи геометрическихъ элементовъ съ задачами вычисленія геометрическихъ величинъ крайне странно, такъ какъ вездѣ въ своихъ началахъ Эвклидъ принципиально воздерживается отъ задачъ вычисленія, которыя относились въ то время къ геодезій. Канторъ приводитъ по этому предмету сужденія Аристотеля: „Ничто не можетъ быть доказано, исходя изъ другого рода (понятій), наиримѣръ, ничто геометрическое арифметикой... Гдѣ предметы столь различны, какъ арифметика и геометрія, тамъ нельзя примѣнять арифметическій способъ доказательства того, что относится къ величинамъ вообще, если эти величины не суть числа, что представляется только въ нѣкоторыхъ случаяхъ“ (иррациональные отрѣзки не считались числами).

Упомянутое смѣшеніе съ несомнѣнностью выступаетъ у нашего автора, наиримѣръ, когда онъ доказываетъ пифагорову теорему прежде путемъ вычисленія (о которомъ будетъ еще рѣчь), а вслѣдъ затѣмъ геометрическимъ путемъ.

Что касается примѣненія вписанныхъ и описанныхъ правильныхъ многоугольниковъ, то въ этой концепціи нельзя не видѣть замѣчательнаго—и сообразнаго съ природою вопроса,—примѣра геометрическаго алгоритма, которому въ XVII в. придана была аналитическая

форма; именно обозначая символами S_n и P_n площадь и периметръ правильного вписаннаго n -угольника, S_n , P_n тѣ же величины для описаннаго n угольника, будемъ имѣть:

$$S_{2n} = \sqrt{S_n S_n}, \frac{1}{S_{2n}} = \frac{1}{2} \left(\frac{1}{S_n} + \frac{1}{S_n} \right), \frac{1}{P_{2n}} = \frac{1}{2} \left(\frac{1}{P_n} + \frac{1}{P_n} \right), P_{2n} = \sqrt{P_n P_n}.$$

Эти формулы, выводъ которыхъ не представляеть затрудненій, слѣдовало бы приводить въ учебникахъ. Правда, непосредственное вычисленіе по нимъ утомительно. Однако, пользуясь въ сущности этими формулами, Архимедъ сумѣлъ найти простые предѣлы для π , именно $3 \frac{10}{71}$ и $3 \frac{1}{7}$, откуда слѣдуетъ $\pi = 3 + \frac{1}{7 + \theta}$, гдѣ $\theta \angle 0,1$. При $\theta = \frac{1}{16} = 0,0625$ получается высшій предѣлъ Меція.—Наконецъ, съ полною увѣренностью можно утверждать, что никогда опредѣленіе длины окружности и вычисленіе π не будетъ производиться при посредствѣ приведеннаго авторомъ опредѣленнаго интеграла. Этотъ интегралъ несобственный (функция обращается въ ∞ при верхнемъ предѣлѣ) и приводится къ $\arcsin 1$, который представляется довольно слабо сходящимся рядомъ, въ которомъ отношеніе $(n+1)$ -го члена къ n -ому будетъ $(1 - \frac{1}{2n}) (1 - \frac{2}{2n+1})$ и очевидно возрастаетъ при возрастаніи n , приближаясь къ 1. Пусть авторъ попробуетъ вычислить π по этому ряду съ точностью хотя бы до 0,01! Въ XVIII вѣкѣ въ Японіи вычислили π съ 50 десятичными знаками изъ разложенія $\arcsin \frac{1}{2}$, но въ Европѣ имѣлись уже лучшія формулы. Кромѣ того едва ли когда либо введеніе въ курсъ математики тригонометрическихъ и обратныхъ имъ функций будетъ откладываться до предварительнаго изученія интегральнаго исчисленія; ужъ очень многимъ труднымъ вещамъ пришлось бы въ такомъ случаѣ научиться предварительно.

Мы почти полностью воспроизвели стр. V—XII „необходимаго предисловія“, но вмѣсто „руководящихъ идей“ могли отмѣтить преимущественно только крайне рѣшительный тонъ, соединенный съ большою опрощенностью и удивительнымъ многословіемъ. Со стр. XIII авторъ начинаетъ объяснять допущенныя имъ „отступленія отъ общепринятой (?) манеры изложенія“. „Въ довольно обширномъ введеніи я стараюсь, по возможности подробно и доступно, выяснить задачи систематическаго курса геометріи, основныя понятія, исходныя аксіомы и опредѣленія и расчленивъ задачу курса такъ, чтобы выдвинулась

впередъ необходимость начинать изученіе съ простѣйшаго геометрическаго образа—треугольника“. Обратимся къ введенію (стр. 1—26).

На стр. 19 узнаемъ, что *„геометрія научаетъ разсужденію—самому надежному способу постиженія истины (курс. авт.)*. Разсужденію можетъ научить любая наука, но геометрія (и вообще математика) учить сму *наиболѣе просто“* (курс. авт.). Такой задачи геометрія не имѣетъ и не учить разсужденію наиболѣе просто, а занимается разсужденіями надъ наиболѣе простыми и отвлеченными объектами.

По поводу аксіомъ авторъ говоритъ на стр. 21: *„ихъ необходимо твердо запомнить и умѣть выражать, хотя бы и своими словами, но точно и безъ пропуска“* (курс. авт.). Все, что сказано въ нихъ, совершенно необходимо; пропускъ хотя бы одной мысли нисколько смываетъ смыслъ аксіомы и ведетъ къ недоразумѣнію... То же самое нужно сказать и объ опредѣленіяхъ... *Словесное опредѣленіе должно совершенно точно и ясно говорить о томъ, что мы разумѣемъ подъ какою нибудь словою. Въ то же время въ опредѣленіи не должно быть сказано ничего лишняго“* (курс. авт.). Итакъ въ выраженіи аксіомы не должно быть *пропусковъ*, а въ опредѣленіи не должно быть ничего лишняго. Какъ будто въ формулированіи теоремъ и задачъ допускаются пропуски и излишества! Авторъ, конечно, сдѣлалъ бы лучше, если бы сказалъ, что вообще математическій языкъ отличается точностью, краткостью и правильностью и что эти качества языка учащійся долженъ стараться приобрѣсть путемъ изученія хорошихъ учебниковъ. Сейчасъ мы увидимъ, что въ книгѣ нашего автора поставленныя имъ требованія не удовлетворяются.

На стр. 1—2 объясняется, что понятіе о *геометрическомъ тѣлѣ* получается отъ физическаго (твердаго?) тѣла, когда отынемъ всѣ его физическія свойства. Этого довольно, ибо остается въ составѣ понятія только формы и размѣры; но авторъ продолжаетъ: *„такое понятіе о формѣ, величинѣ и положеніи (?) физическою тѣломъ мы и называемъ геометрическимъ тѣломъ“* (курс. авт.). Положеніе здѣсь, очевидно, лишнее; самъ авторъ о немъ не упоминаетъ, опредѣляя, наприкладъ, кругъ (стр. 12), треугольникъ (стр. 27), призмѣ (стр. 258) и т. д. Затѣмъ авторъ опредѣляетъ поверхность *только* какъ границу тѣла, линію *только* какъ границу поверхности или какъ мѣсто (?) пересѣченія двухъ поверхностей.

Стр. 2. *„Части поверхности называются иногда гранями (наприкладъ, у куба шесть граней)“* [курс. авт.]. Какія части и когда на-

зываются гранями? У куба шесть граней, а у полушара есть грани? Здѣсь очевидный пропускъ.

Стр. 3. „Отдѣльно отъ тѣла геометрическія поверхности, линіи и точки не существуютъ. Отдѣльно отъ тѣла ихъ можно только представить себѣ“. По вѣдъ на стр. 2 было покончено съ французскимъ тѣломъ и сказано, что и геометрическое тѣло можно только представить себѣ мысленно (вообразить). Очевидно, на стр. 3 сказано лишнее.

Въ нѣсколькихъ словахъ можно было бы передать содержаніе § 2, растянутого на три страницы, гдѣ говорится о прямой и плоскости, но совсѣмъ не упоминается о пространствѣ.

Признавъ, на стр. 6, что „необходимо разъ навсегда точно указать, что мы будемъ разумѣть подъ словами *прямая линія* и *плоская поверхность*“ (курс. авт.), авторъ посвящаетъ § 3 опредѣленію прямой линіи и плоской поверхности; и тутъ оказывается, что прямая линія не есть ни граница поверхности, ни пересѣченіе двухъ поверхностей (какъ только авторъ и опредѣлялъ линію на стр. 2), а опредѣляется самостоятельно. Именно, сказавъ на основаніи ежедневнаго опыта, что если „имѣются двѣ различныя точки“, то „существуетъ одинъ только путь, направленіе котораго отъ одной точки до другой остается неизмѣннымъ“ (курс. авт.), авторъ называетъ такую путь *прямымъ* и ставитъ опредѣленіе:

I. *Прямую называется линія, которая по формѣ и положенію¹⁾ (?) опредѣляется только двумя точками.*

Или короче, такъ:

II. *Черезъ двѣ точки можно провести только одну прямую.*

По объясненію автора на стр. 22, опредѣленіе I удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, поставленнымъ имъ на стр. 21 относительно опредѣленій: „Сначала сказано, что прямая есть линія. Значитъ указавъ родъ предметовъ, къ которому относится прямая (линій много и не прямыхъ). Затѣмъ сказано, что эта линія по формѣ и положенію опредѣляется только двумя точками... Но вовсе не пушно прибавлять, что... прямую можно продолжать въ *обоихъ направленихъ*“.

На стр. 287—288 находимъ, впрочемъ, дополнительныя разъясненія. Здѣсь говорится, что „прямая есть линія единственнаго (? вѣроятно, неизмѣннаго) направленія, соединяющая двѣ точки“... „Понятію

¹⁾ Положеніе прямой опредѣляется положеніемъ двухъ ея точекъ.

же о направленіи, *посредствомъ котораго опредѣлялась прямая линія*, само по себѣ такъ для насъ ясно, что ни въ какомъ опредѣленіи не нуждается. Мы знаемъ прекрасно изъ ежедневнаго опыта, что такое нужно разумѣть подъ словами *различіе* или *одинаковость* направленіи (для этого служатъ совершенно понятныя для насъ слова: впередъ, назадъ, вправо, влево)“.

Пусть-ка попробуетъ желающій „научиться разсужденію“ здѣсь разобратъся. Отъ „направленія отъ одной точки до другой“ въ объясненіяхъ авторъ упоминаетъ о какихъ-то „обоихъ направленіяхъ“, затѣмъ о единственномъ направленіи, а наконецъ о направленіяхъ во всѣ четыре стороны (вверхъ и внизъ почему-то пропущены). Вотъ какія разнообразныя представленія о направленіяхъ даетъ „ежедневный опытъ“. И ноужели, по мнѣнію автора, этотъ опытъ не дастъ непосредственнаго представленія о прямой линіи?—О кривой линіи (стр. 7) авторъ говоритъ, что она мѣняетъ свое направленіе „*непрерывно*“ (курс. авт.). Но вѣдь опытъ далъ только представленіе о „направленіи отъ одной точки до другой“; ни о направленіи кривой, ни о непрерывности авторъ ранѣе ничего не сказалъ!

Чтобы уничтожить гнетущее впечатлѣніе, которое могло произвестн на читателя цитированное словоизверженіе, приведемъ что сказано о прямой въ книгѣ Hadamard'a.

„Простѣйшая изъ линій есть прямая, образъ которой представляется натянутой нить. Попыткіе о прямой линіи лепо само по себѣ; *чтобы ввести ея въ наши разсужденія*, мы будемъ разсматривать прямую линію, какъ опредѣляемую своими очевидными свойствами, въ частности же двумя слѣдующими:

- 1) Всякая фигура, равная прямой линіи, есть прямая линія; и обратно всякая неограниченная (indéfinie) прямая линія можетъ быть приведена къ совпаденію со всею другой и притомъ такъ, что какая угодно точка первой совпадаетъ съ какою угодно точкою второй;
- 2) черезъ двѣ точки можно провести только одну прямую“.

Кромѣ прямой элементарная геометрія разсматриваетъ еще только одну линію: окружность. На стр. 12 авторъ даетъ опредѣленіе ея: „*окружность образуется движеніемъ одного конца (A) отрезка OA по плоскости вокругъ другого, который остается неподвижнымъ въ той же плоскости (O)*“.

Читатель спроситъ: гдѣ же эта пресловутая „норазрывная цѣнь“, если авторъ, опредѣливъ вообще линіи, какъ границы или пересѣченія поверхностей, опредѣляетъ тѣ двѣ линіи, которыя только и бу-

деть разсматривать, независимо отъ границъ и пересѣченій? *Надатель* на первой же страницѣ своей книги говоритъ о *геометрическихъ мѣстахъ*, представляющихъ истинное опредѣленіе линій и поверхностей, слѣдующее:

„Всякая линія содержитъ безконечное множество точекъ. Она можетъ быть разсматриваема какъ образованная *перемѣщающейся* по ней точкою. Это дѣйствительно происходитъ, когда мы чертимъ линію на бумагѣ остриемъ карандаша или пера.

Поверхность можетъ быть образована *перемѣщающейся* кривою.

Опредѣленіе. Геометрическимъ мѣстомъ точки, которая можетъ занимать безчисленное множество положеній, называютъ фигуру (вообще, линію или поверхность), образованную совокупностью этихъ положеній...

Геометрія состоитъ въ изученіи свойствъ фигуръ и существующихъ между ними соотношеній“.

Да не подумаетъ читатель, что нашъ авторъ, сковавъ „неразрывную логическую цѣнь“, вовсе выбросилъ геометрическія мѣста въ своей книги; онъ нашелъ для нихъ мѣсто въ упражненіи 33, послѣ отдѣла II подъ рубрикой: взаимное положеніе прямыхъ на плоскости, и вотъ какое опредѣленіе онъ даетъ: „геометрическимъ мѣстомъ точекъ называється линія или поверхность, когда всѣ точки ея, и только эти точки, обладаютъ одинаковыми свойствами по отношенію къ даннымъ точкамъ, линіямъ или поверхностямъ“.

Какъ примѣръ, приведена окружность, всѣ точки которой обладаютъ „тѣмъ одинаковымъ свойствомъ, что всѣ эти точки равно удалены отъ центра окружности“. Линіи и поверхности по такому опредѣленію похожи на *нѣмецкихъ тайныхъ совѣтниковъ*, изъ числа которыхъ нѣкоторые имѣютъ титулъ *Excellenz*, а другіе нѣтъ. Неизвѣстно, удостоится ли та же окружность титула геометрическаго мѣста, если опредѣлять ее, напримѣръ, какъ образованную движениемъ середины отрѣзка, концы котораго скользятъ по сторонамъ прямого угла, такъ какъ одинаковаго свойства всѣхъ положеній движущейся точки въ этомъ опредѣленіи не усматривается.

На стр. 8—9, подъ рубрикою: свойства плоскости и прямой, авторъ приводитъ аксіому: „IV. *Всякую часть плоскости можно перемѣстить по плоскости куда угодно, въ любомъ направленіи, не нарушая ни формы (1), ни величины этой части. При этомъ взятую часть плоскости можно перевернуть другой ея стороной.*

(Въ этой очевидной истинѣ можно убѣдиться, напримѣръ, пере-

двигая по плоской поверхности стола листъ бумаги, плотно къ ней прилегающей).

Ту же самую (?) очевидную истину можно высказывать еще въ болѣе широкомъ, болѣе общемъ смыслѣ:

Любое геометрическое тѣло, поверхность, линію, вообще всякое протяженіе, можно передвинуть куда угодно, въ любомъ направленіи, не нарушая ни формы, ни величины протяженія“.

Въ дѣйствительности тутъ уже не одна, а нѣсколько аксіомъ. Первая часть ея (до точки), плохо изложенная и плохо иллюстрированная примѣромъ стола и бумаги (какъ по столу передвинуть бумагу куда угодно?), примѣнима къ шару такъ же, какъ къ плоскости. Выраженіе „въ любомъ направленіи“ совершенно лишнее и неизбежно вводитъ въ полное недоумѣніе ученика, который только въ предшествующемъ параграфѣ, при опредѣленіи прямой, усвоилъ себѣ тожество понятій прямой и направленія, а въ аксіомѣ вынужденъ будетъ перемѣщать „въ любомъ направленіи“ не точку, а часть плоскости и „при этомъ“ даже переворачивать ее. Ученикъ нисколько не затруднится „при этомъ“ даже вывернуть часть шаровой поверхности, сохраняя ея сферическую форму.

„Та же самая“ аксіома въ болѣе общемъ смыслѣ, помѣщенная подъ „мертвой“ рубрикой: свойства плоскости, говоря уже о перемѣщеніи тѣла, опять въ любомъ направленіи (умолчано, *идь* оно будетъ перемѣщаться и будетъ ли, какъ часть плоскости, переворачиваться).

Не мудрено, что, начитавшись такихъ основныхъ понятій, учащіеся въ „современной школѣ Товарищества Сытина“ вынуждены будутъ „самостоятельно добывать результаты геометрической дедукціи“.

Чтобы покончить пока съ введеніемъ, укажемъ еще на *опредѣленіе* (стр. 23): „плоскою прямолинейною *фигурою* или, просто, *фигурою* называютъ часть плоскости, ограниченную со *всѣхъ* сторонъ *прямыми* линіями (см. дальше черт. 12, стр. 27)“. Авторъ забылъ, что уже на стр. 5 онъ говорилъ о прямолинейныхъ плоскихъ фигурахъ, такъ что или приведенное опредѣленіе представляется *лишнимъ*, или стр. 5 не могла быть понятъ. Интересно бы также узнать, представляетъ звѣздчатый многоугольникъ фигуру, или нѣтъ?

Необходимость начинать изученіе съ треугольника во введеніи не выдвинулась, въ противность обѣщанію предисловія.

Въ первомъ отдѣлѣ, подъ рубрикой: равенство треугольниковъ, авторъ, какъ объясняется на стр. XIII предисловія, „счелъ болѣе со-

гласнымъ съ требованіями преподаванія (а не логической цѣли?) начать съ конкретнаго образа (?), какъ въ *Началахъ Евклида*,—съ построенія равносторонняго треугольника, равенства равнобедренныхъ треугольниковъ и первыхъ простѣйшихъ задачъ на построеніе. Такимъ образомъ получается первый, естественно-мотивированный (требованіями преподаванія ?) отдѣлъ объ условіяхъ равенства простѣйшихъ фигуръ съ приложеніями этого понятія (?) къ рѣшенію простѣйшихъ задачъ. Такимъ построеніемъ начала курса достигается нѣсколько преимуществъ: 1) воплѣтъ осуществляется *на сторонахъ евклидовой строгости*, по которой въ доказательствахъ не допускаются построенія, невыполнимыя на дѣлѣ при помощи прямой и окружности—сторона, упущенная изъ виду французскими авторами и ихъ русскими компиляторами; 2) получается *естественный исчезъ* понятій объ элементахъ фигуръ второго порядка: о биссектрисахъ, высотахъ, медианахъ и о перпендикулярности прямыхъ; 3) переходъ къ слѣдующему отдѣлу—о взаимномъ положеніи прямыхъ,—отдѣлу болѣе отвлеченному—оказывается естественно-мотивированнымъ (?); 4) три главные метода доказательствъ—аналитическій (при наложеніи), синтетическій (при построеніяхъ) и отъ противнаго располагаются естественно, по степени ихъ наглядности и сравнительной трудности, при чемъ каждый въ своемъ мѣстѣ получаетъ необходимое объясненіе (см. § 12, § 14 и § 24)“.

Объяснивъ, что будто бы, „изученіе свойствъ треугольника ведется путемъ сравненія (?) различныхъ треугольниковъ и потому въ самомъ началѣ естественно ставится вопросъ о равенствѣ или неравенствѣ (?) двухъ треугольниковъ“ (стр. 28), авторъ обѣщаетъ начать изложеніе теоремъ о равенствѣ „съ простѣйшихъ треугольниковъ—*равносторонняго и равнобедреннаго*“, по въ дѣйствительности начинается, какъ Евклидъ (I, 1), съ задачи: *построить* равносторонній треугольникъ по данной его сторонѣ. Построеніе выполнено со ссылками на аксіомы VII и VIII (о пересѣченіи окружности съ прямою и другою окружностью); но совершенно непонятно, почему честь дѣйствительнаго *построенія* оказана только равностороннему треугольнику. Въ упражненіи 4 предложено самому учащемуся *построить* равнобедренный треугольникъ „по основанію и боковой сторонѣ; указать здѣсь *условіе возможности* (курс. авт.) построенія“, чего учащійся завѣдомо не будетъ въ состояніи выполнить, такъ какъ относительное положеніе двухъ окружностей учащемуся будетъ предложено вслѣдовать только въ упражненіяхъ 121 и 122 (къ отдѣлу IV),

а кромѣ того въ текстѣ отдѣла III авторъ счолъ нужнымъ доказать теорему: *во всякомъ треугольникѣ какая-нибудь сторона меньше суммы двухъ другихъ сторонъ, но больше ихъ разности* и сопроводить ее замѣчаніемъ, что она „служить указателемъ возможности (?) или невозможности построить треугольникъ по тремъ даннымъ его сторонамъ.“ (стр. 71—72). Какъ же учащійся будетъ указывать возможность построения равнобедреннаго треугольника, дойдя въ изученіи „неразрывной цѣпи“ только до стр. 44? На слѣдующей страницѣ, впрочемъ, предложено кратко (упр. 14): „построить \triangle по 3 даннымъ сторонамъ“, какъ будто это всегда выполняемо.

Не отмѣтивъ, что получаются два равнобедренныхъ треугольника, авторъ переходитъ (§ 12) къ теоремѣ о равенствѣ равнобедренныхъ треугольниковъ при равенствѣ боковыхъ сторонъ и угловъ при вершинѣ, доказываетъ ее *наложениемъ* и сопровождаетъ замѣчаніемъ, что ее „*весьма легко* (курс. мой) *обобщить* (курс. авт.), т. е. доказать, что *какіе угодно* (курс. авт.) *треугольники будутъ равны, если имѣютъ по двѣ стороны, соответственно равныхъ, и по равному углу, заключенному между этими сторонами*“. Этотъ общій случай,—первый случай равенства у Эвклида (I, 4),—вповѣ упоминается въ общей теоремѣ о равенствѣ треугольниковъ, которою заканчивается первый отдѣлъ,—почему-то на второмъ мѣстѣ и безъ упоминанія, что равенство можетъ быть прямымъ и обращеннымъ.

Затѣмъ слѣдуетъ теорема о равенствѣ прилежащихъ къ основанію угловъ равнобедреннаго треугольника, а за ней (§ 14) принадлежавшая нашему автору теорема: *„равнобедренные треугольники равны, если основаніе и боковая сторона одного равны соответственно основанію и боковой сторонѣ другого“*. Доказательство ея начинается съ заявленія, что *„наложить* (курс. авт.) *одинъ треугольникъ на другой теперь не имѣло бы смысла“*, а потому треугольники ставятся въ симметричное относительно основанія положеніе, послѣ чего авторъ сообщаетъ: *„Мы вынуждены были выполнить некоторое построеніе* (курс. авт.) *[приложить другъ къ другу треугольники и соединить прямою вершины]“*. По указанію предисловія *наложеніе* въ § 12 представляетъ *аналитическій* методъ доказательства, а *приложеніе* въ § 14—*синтетическій*. Вотъ какое представленіе о геометрическомъ анализѣ и синтезѣ даетъ нашъ авторъ своимъ ученикамъ. Въ приведенномъ нами мѣстѣ предисловія указывается на „ту сторону евклидовой строгости,—но которой въ доказательствахъ не допускаются построенія, не выполняемыя на дѣлѣ при по-

монди прямой и окружности", и заявлено, что въ книгѣ автора она вполне осуществляется. Но авторъ въ § 14 совершенно умалчиваетъ, какимъ порядкомъ можно произвести приложеніе другъ къ другу треугольниковъ, хотя и называетъ это *построеніемъ*. Учащійся обратится, пожалуй, въ содѣйствію ножницъ, помощью которыхъ можно вырѣзать треугольникъ изъ бумаги и приложить въ другому; только ножницы не считаются геометрическимъ приборомъ.

Теорема § 14 сопровождается замѣчаніемъ: „Теорему легко (но уже не весьма легко, какъ § 12) обобщить на какіе угодно треугольники, имѣющіе по три соотвѣтственно равныхъ стороны“; затѣмъ отмѣчаются два могущіе представиться случая и дѣлается ссылка на § 20, въ которомъ дѣлается ссылка наоборотъ на § 14 и въ концѣ концовъ заявляется: „предоставляемъ это доказательство читателю“. Подобнымъ образомъ доказывалъ равенство треугольниковъ при равенствѣ сторонъ еще въ древности Филонъ византійскій и различалъ три возможныхъ случая (косой, тупой и прямой уголъ); но онъ не заявлялъ, какъ нашъ авторъ, что *наложеніе не имѣетъ смысла*, ибо зналъ, что именно наложеніемъ доказывалъ теорему Эвклида (I, 8) (Ср. Hadamard I, 25).

Въ § 15 авторъ рѣшаетъ задачу: „раздѣлить пополамъ данный отрѣзокъ“ и строить на немъ тѣ же два равностороннихъ треугольника, которые въ сущности получаются и въ первой задачѣ. Обозначивается задача замѣчаніемъ: „Можно было бы, конечно, при построеніи взять за радиусъ равныхъ окружностей не весь отрѣзокъ АВ, но отрѣзокъ, *большій чѣмъ половина АВ* (на глазъ!) [курс. авт.]“. Тутъ все прелестно: и *конечно*, и на *глазъ*! Только какъ пойметъ это ученикъ?

Въ § 16 строится на прямой при данной точкѣ уголъ, равный данному, а въ § 17 дѣлится данный уголъ пополамъ по Эвклиду (I, 9). Нашъ авторъ не замѣчаетъ, что при такомъ построеніи нужно будетъ доказать, что три точки лежатъ на одной прямой, и что гораздо целесообразнѣе рѣшать задачу однимъ раскрытіемъ циркуля помощью ромба, въ которомъ придется провести одну діагональ.

Въ § 18 дана теорема о биссектрисѣ равнобедреннаго треугольника, и, приравнившись къ этому, авторъ въ § 19 даетъ опредѣленія угловъ смежныхъ и прямого, перпендикуляра и, совсѣмъ уже exactissima, медианы. О § 20 (и послѣднемъ) I отдѣла было упомянуто.

Изъ упражненій къ I отдѣлу обращаетъ на себя особенное вниманіе стоящее съ цифрою 9: „построить сумму трехъ угловъ тре-

улыбника". Понимаетъ ли авторъ, что это упражненіе совершенно равносильно такому: доказать V постулатъ Эвклида? Чего добраго, мы дождемся въ „современной школь“ и такого упражненія: найти квадратуру круга!

О II и III отдѣлахъ авторъ не говоритъ подробно въ предисловіи и указываетъ въ особенностяхъ на §§ 27 и 38 въ слѣдующихъ словахъ (стр. XIV): „замѣчаніе объ обратныхъ теоремахъ, объ ихъ сущности и объ ихъ связи съ прямыми теоремами сдѣлано не во введеніи, какъ это иногда практикуется, а на своемъ мѣстѣ, въ связи съ конкретною теоремой (§ 27 и 38)". Въ замѣчаніи къ § 27 высказано слѣдующее:

„Теорема будетъ обратной данной теоремѣ, если въ ней заключеніе прямой теоремы сдѣлано условіемъ, и условіе прямой теоремы сдѣлано заключеніемъ, или, иначе, то, что прежде было даннымъ предположеніемъ, дѣлается тѣмъ предположеніемъ, которое доказывается, и обратно.

При превращеніи данной теоремы въ обратную нужно соблюдать нѣкоторую (!) осторожность. Напримѣръ, въ предложеніи: *если двѣ прямыя параллельны, каждая, третьей прямой, то онѣ параллельны между собою*, еще не слѣдуетъ *ополнѣ и безусловно* такого обратнаго предложенія: *если двѣ прямыя параллельны между собою, то онѣ параллельны (всякой) третьей прямой*. Это вѣрно, что онѣ будутъ параллельны нѣкому ряду другихъ прямыхъ, которыя всѣ также будутъ параллельны между собою, но можно провести сколько угодно прямыхъ, которымъ данныя не будутъ параллельны. Поэтому, переделывая теорему въ обратную, нужно быть осторожнымъ, чтобы не высказать обратную теорему въ такой общей формѣ, къ которой она не способна (?). Обратная теорема можетъ оказаться вѣрною не вообще, но отчасти, для нѣлаго ряда случаевъ, и не вѣрною для другихъ случаевъ (?). Она бываетъ вѣрна и вообще, какъ только что доказанная, но это и требуетъ доказательства“.

Когда люди не умѣютъ ясно и грамотно выражаться, то не только нельзя дѣлать выводы изъ ихъ словъ, но иногда просто трудно даже уловить смыслъ ихъ словъ. Пусть кто либо изъ знатоковъ синтаксиса опредѣлитъ, какую часть предложенія составляетъ слово „каждая“ въ предложеніи: *если двѣ прямыя параллельны, каждая, третьей прямой!* Или пусть знатоки логики, а то и просто „здравомыслящіе люди“ опредѣлятъ, откуда въ обратной теоремѣ взялось напечатанное жирнымъ шрифтомъ и въ скобкахъ слово: *всякой!* Выскажемъ

прямую теорему точно и грамотно: если каждая изъ двухъ данныхъ прямыхъ параллельна нѣкоторой третьей, то данныя прямыя параллельны между собою. Отсюда обратная теорема: если данныя прямыя параллельны между собою, то каждая изъ нихъ параллельна нѣкоторой третьей. Можно съ полнымъ основаніемъ признать обратную теорему ненужной, но никакого сомнѣнія она не вызываетъ. И приходится признать, что не всякая „геометрія“ научаетъ разсужденію.

Изложеніе въ § 38, по обыкновенію, многословно, не отличается полною ясностью, узко по содержанію, но не содержитъ ошибокъ. Конечно, нашему автору и въ голову не приходитъ представить V постулатъ Эвклида, какъ обращеніе теоремы о параллеляхъ § 24. Зато въ полномъ смыслѣ изумительныя вещи мы читаемъ въ упражненіяхъ къ III отдѣлу:

„77. Доказать, что въ прямоугольнике диагонали равны. Доказать обратную теорему“ (т. е. что какъ бы ни пересѣкались два равные отрѣзка, всегда, соединяя ихъ концы, получимъ прямоугольник!).

78. Доказать, что диагонали ромба взаимно перпендикулярны и дѣлятъ углы ромба пополамъ. Обратныя теоремы (т. е. что, соединяя концы двухъ какихъ-нибудь взаимно перпендикулярныхъ отрѣзковъ, получимъ ромбъ ¹⁾! По поводу II отдѣла слѣдуетъ замѣтить, что „логическая цѣпь заключеній“ въ немъ явно разорвана, ибо послѣ §§ 24—28, относящихся къ параллельнымъ линіямъ, въ § 29 неожиданно ставится задача: изъ точки на прямой возставить къ прямой перпендикуляръ, затѣмъ налагаются въ § 30 слѣдствія, въ § 31 задачи оупценія перпендикуляръ на прямую, въ § 32—оумма смежныхъ угловъ, а затѣмъ рѣчь идетъ снова о параллельныхъ. Параграфы 29—32 не имѣютъ никакого отношенія къ параллельнымъ линіямъ и основаны на равенствѣ треугольниковъ (I отдѣлъ). Если бы авторъ наложилъ эти параграфы въ началѣ II отдѣла, то, доказавъ теорему § 24, онъ могъ бы представить V постулатъ Эвклида, какъ обращеніе этой теоремы (или въ точной эвклидовской формѣ) и такимъ образомъ поставить этотъ постулатъ на надлежащее мѣсто въ системѣ геометрій. Тогда принятая имъ аксіома, что изъ точки внѣ прямой можно провести только одну параллельную этой прямой, именуемая англичанами аксіомой Playfair'a (1795), явилась бы

¹⁾ Другая обратная теорема вѣрна, т. е. только въ ромбѣ диагонали дѣлятъ углы пополамъ.

непосредственнымъ слѣдствіемъ, способнымъ стать на мѣсто V постулата.

Указавъ въ предисловіи, что онъ останавливается „на разъясненіи важности отдѣльныхъ теоремъ“, авторъ называетъ въ частности изъ III отдѣла теорему о суммѣ угловъ треугольника. Вотъ что говорится о ней (стр. 69): „Это—одна изъ важнѣйшихъ теоремъ геометріи. На свойствѣ угловъ треугольника основаны свойства угловъ и прочихъ фигуръ. *Всѣ* измѣненія и вычисленія, которыя производятся надъ элементами плоскихъ фигуръ, *были бы невозможны*, если бы не была установлена эта важная теорема“. Последняя фраза, очевидно, не соответствуетъ дѣйствительности, ибо измѣренія и вычисленія производятся и въ геометріи Лобачевскаго и въ сферической геометріи; такимъ образомъ здѣсь важность теоремы не выяснена, а ее можно было бы выяснить въ ученіи о подобіи. Переходя къ доказательству, авторъ прикладываетъ одинъ уголь при основаніи къ углу при вершинѣ и отмѣчаетъ, что полученная такимъ образомъ часть прямой будетъ параллельна основанію. Дальше *слѣдовало бы* поступить также со вторымъ угломъ при основаніи и, примѣняя принятую авторомъ аксіому, найти сумму угловъ; но, вмѣсто того, авторъ неожиданно заявляетъ: *значитъ, для доказательства теоремы можетъ помочь такое построеніе* (курс. авт.) и проводить черезъ вершину параллель къ основанію, какъ дѣлали еще пифагорейцы. Очевидно, что логика требуетъ или продолженія первой части доказательства, какъ указано выше, или совершеннаго опущенія ея.

„Изъ болѣе необычныхъ нововведеній пужно отмѣтить включеніе въ элементы геометріи началъ тригонометріи... Изложеніе этого отдѣла (девятого) выполнено мною не обычнымъ (?) путемъ, начиная съ *отвлеченнаго (?) тригонометрическаго (?) круга*, а прямо (?), исходя изъ соотношеній прямоугольнаго треугольника (?), откуда шагъ за шагомъ конструируются новыя понятія“ (?). Вотъ ужъ по истинѣ „не-нужное новшество“,—крайне неумѣлое и „безпомощное“. Девятый отдѣлъ занимаетъ 42 страницы (184—225). Сказавъ, что „пужно научиться *вычислять* треугольники, т. е. находить искомыя элементы путемъ вычисленія *съ произвольною степенью точности*“, и что этимъ занимается тригонометрія (§ 90), авторъ спрашиваетъ въ § 91: „какъ устанавливается связь между сторонами и углами треугольника?“ и отвѣчаетъ: „зависимость между сторонами и углами не устанавливается прямо, но она можетъ быть установлена косвенно, при помощи линій, *характеризующихъ* величину угла“. Для примѣра авторъ

береть выраженіе квадрата стороны a черезъ стороны b и c и отръзокъ p и утверждаетъ, что при неизмѣнныхъ b и c этотъ отръзокъ p „по величинѣ своей и по направленію“ вполнѣ характеризуетъ уголъ A и что будто сторона a и уголъ A связаны между собою „при помощи отръзка p “. Ученикъ (какъ и мы) совершенно не въ состояніи будетъ понять изъ изложенія автора, почему для „характеристики величины угла“ нужно взять какой-нибудь треугольникъ, содержащій этотъ уголъ, и построить отръзокъ p , почему именно этотъ отръзокъ, а не прямо сторона a будетъ характеризовать величину угла, тѣмъ болѣе, что формула представляетъ связь между a и p , изъ которой p легче вычисляется по a , нежели наоборотъ, а по p . Затѣмъ на четырехъ страницахъ въ § 92 разсматривается „связь между направленіемъ отръзковъ и знаками, съ которыми они входятъ въ вычисленіе“. Изложеніе очень многословное и запутанное; напримѣръ, невозможность вычитанія „отмѣчаютъ изолированными (?) знакомъ минусъ передъ абсолютной величиной (?), обозначая такимъ образомъ невозможность вычитанія изъ мичею (напр... $3 - 7 = -(7 - 3) = -4$. Изъ 3 вычтено 3 и осталось невычтеннымъ 4)“! Въ § 93 разсматриваются „линіи, характеризующія величину угла“, которыхъ оказывается ровно шесть (!), а въ § 94 обсуждается „условіе, при которомъ величина тригонометрической линіи дѣйствительно (?) характеризуетъ величину угла“ и, наконецъ, въ § 95 вводятся „тригонометрическія функціи угла“; въ § 99 оказывается, будто такихъ функцій также только шесть, при чемъ, однако, (§ 100) всѣ онѣ выражаются черезъ одну. Въ § 98 (стр. 202) приведена „таблица тригонометрическихъ функцій угловъ отъ 0° до 90° черезъ каждый градусъ.“ съ точностью до 0,001, изъ разсмотрѣнія которой авторъ находитъ, что „функціи, за немногими исключеніями (!), *измѣняются весьма равномерно, т. е. почти пропорціонально измѣненію угла* (!); на стр. 317 на основаніи этой таблицы вычислены периметры правильныхъ вписаннаго и описаннаго 48-угольника, при чемъ они оказались равными 6,288R, однако „за второй и третій десятичный знакъ ручаться уже нельзя, такъ какъ \sin и \lg вычислены (?) въ § 98 только съ точностью до 0,001, въ послѣднихъ же пронаведеніяхъ эти \sin и \lg умножены на 96“. Повидимому, тѣмъ мельче будутъ стороны многоугольниковъ, тѣмъ менѣе точныя значенія будутъ получаться для π изъ вычисленій автора! Заканчивается отдѣлъ рѣшеніемъ треугольниковъ безъ логарифмовъ. Къ чему все это? Очевидно, научившемуся такимъ „началамъ тригонометрѣ“ придется вполнѣ переучиваться.

Тогда ученикъ узнаеть, что геометрія приводитъ къ простѣйшему способу измѣренія центральныхъ угловъ отвлеченными числами, представляющими отношенія дугъ окружности къ радиусу. Но уже въ древности, главнымъ образомъ для астрономическихъ вычислошй, стали измѣрять центральные углы отношеніями хорды къ радиусу, что и привело къ составленію таблицъ хордъ. Этотъ способъ измѣренія, который, примѣняя терминологию нашего автора, слѣдуетъ признать „естественно-мотивированнымъ“, оказался однако неудобнымъ; и уже у Птоломея, знаменитаго автора Альмагеста и системы міра, встрѣчается указаніе на измѣреніе угла полухордою двойного угла (т. е. синусомъ), которое получило нѣкоторое развитіе, а синусъ и особое названіе, у индусовъ, отъ нихъ перешло къ арабамъ и послѣдними принесено въ Европу. Учебная тригонометрія нуждается нынѣ только въ освобожденіи отъ архаическихъ линій синуса и т. д. Прибавимъ къ этому, что свѣдѣнія о тригонометрическихъ функціяхъ включены въ третью часть (о подобіи) элементарнаго современнаго курса E. Borel. Géométrie. Premier et second cycles. 1905. 383 p. in 18, но занимаютъ тамъ всего 14 страницъ (243—256).

Стр. XV. „Въ сферѣ (?) измѣренія геометрическихъ величинъ курсъ доводится только до вычисленія площади треугольника въ простѣйшемъ случаѣ (?) и до вычисленія объема всякой призмы“. Ну, а объемъ пирамиды и такъ называемыхъ круглыхъ тѣлъ будетъ опредѣляться въ „современной школѣ“ путемъ вычисленія кратныхъ интеграловъ. Очень просто!

Стр. XVI. „Такимъ образомъ цѣлый рядъ теоремъ оказывается выпущеннымъ (... совершенно выпущены отдѣлы о взаимномъ положеніи окружностей, о многоугольникахъ, въ томъ числѣ и правильныхъ...). Курсъ, по числу теоремъ, сокращается *не меньше, чѣмъ на треть* (журс. авт.), не дѣлаясь отъ этого менѣе строгимъ, а наоборотъ, приближаясь въ смыслѣ строгости къ Евклиду“. Быть можетъ, не было бы большой потери, если бы авторъ еще сократилъ *своей* курсъ геометріи на три четверти; но только на счетъ строгости онъ заблуждается. Мы не видѣли еще ни одного курса, изъ котораго было бы выброшено разсмотрѣніе вопроса о положеніи двухъ окружностей, важность котораго обуславливается постояннымъ примѣненіемъ циркуля при геометрическихъ построеніяхъ. Какъ безъ разсмотрѣнія этого вопроса рѣшить, напримѣръ, хотя бы третью задачу упражненія 14: построить треугольникъ по тремъ даннымъ сторонамъ? Остается дѣйствовать на глазъ; но это будетъ уже новоэвкли-

довская строгость. О неразборчивости автора при „сокращеніи“ курса можно судить по тому, что, выбросивъ вопросъ о двухъ окружностяхъ, онъ оставляетъ *теорему* о томъ, что „всякій діаметръ дѣлитъ кругъ и окружность пополамъ“, о чемъ Эвклидъ только упоминаетъ въ XVII *опредѣленіи*. Къ этой теоремѣ помѣщенъ чертежъ, представляющій всего только кругъ съ діаметромъ, а послѣ доказательства ея (нуждающагося въ поясненіи, хотя бы по Фалесу) читаемъ: „основываясь на этомъ свойствѣ, говорятъ, что кругъ симметриченъ относительно всякаго своего діаметра, или, что всякій діаметръ служитъ для круга осью симметріи. Говорятъ такъ потому, что, при перегибаніи круга по діаметру, одна часть его совмѣщается съ другою частью (слово „симметрія“ значитъ „соразмѣрность“ частей предмета)“. Еще о симметріи упоминается вскользь въ упражненіи 121, гдѣ о точкахъ пересѣченія двухъ окружностей отмѣчено въ скобкахъ: *симметричны относит. лин. и.*; какое же представленіе объ этомъ важномъ понятіи получится у ученика?

Въ упражненіяхъ ко II отдѣлу (взаимное положеніе прямыхъ на плоскости) подъ № 37 помѣщена задача: „Найти точку равно удаленную отъ всѣхъ вершинъ треугольника (это будетъ *центръ окружности, описанной около Δ*)“. А въ текстѣ IV отдѣла мы находимъ подробное, на цѣлой страницѣ, рѣшеніе задачи: „черезъ три точки, не лежащія на одной прямой, провести окружность“. Проводятся перпендикуляры къ серединамъ хордъ АВ и ВС и получается центръ О. „Этимъ доказано, вмѣстѣ съ тѣмъ, что *около всякаго треугольника можно описать окружность, которая пройдетъ чрезъ всѣ три вершины. — Черезъ три точки, не лежащія на одной прямой, можно провести только одну окружность. Дѣйствительно, перпендикуляры въ срединахъ АВ и ВС единственны, и точка пересѣченія у нихъ только одна*“.

Хорошее доказательство! Ученикъ можетъ подумать, однако, что хорды АВ и ВС доставятъ одинъ центръ, АВ и АС—другой, АС и ВС—третій, и нужно доказать, что эти три центра совпадаютъ, чтобы утверждать, что черезъ три точки можно провести *одну* окружность. Только черезъ пять страницъ въ упражненіи 112 ученику предлагается доказать, что 1) биссектрисы угловъ Δ , 2) перпендикуляры въ срединахъ сторонъ и 3) высоты пересѣкаются въ одной точкѣ (въ упражненіи 153 приведена теорема о медианахъ).

Стр. XVI: „даже болѣе естественный, на мой взглядъ, аналитическій выводъ теоремы Пиаггора, при чемъ я старался простымъ раз-

смотрѣніемъ самой фигуры разъяснить генезисъ этой важнѣйшей теоремы геометріи“. Вотъ какъ объясняется генезисъ (стр. 165—166): „Нетрудно убедиться, что стороны всякаго прямоугольнаго треугольника должны быть въ некоторомъ точномъ соотношеніи между собою, т. е., что числа, ихъ выражающія, должны быть связаны некоторымъ равенствомъ (курс. авт.).

Дѣйствительно пусть стороны прямоугольнаго $\triangle ABC$ измѣрены одною и тою же единицею длины (для чего?) и выразились числами a, b, c , при чемъ уголъ A прямой. Опустимъ изъ вершины прямого угла перпендикуляръ $АН$ на гипотенузу BC . Тогда площадь $\triangle ABC$ будетъ равна суммѣ площадей треугольниковъ $АНВ$ и $АНС$. За основанія нашихъ трехъ треугольниковъ мы можемъ принять BC, BA и AC . А такъ какъ площади треугольниковъ выражаются черезъ числа, измѣряющія основанія ихъ (а высоты?), то отсюда легко заключить, что непремѣнно должно существовать равенство, связывающее числа a, b и c . Это равенство и устанавливается теоремою Пифагора“.

Возьмите любой треугольникъ, измѣрьте его стороны различными единицами, произвольной линіей, проведенной черезъ одну изъ вершинъ, разбейте его на два, все остальное возьмите изъ объясненія „генезиса“ и... вы ничего не получите. Сама теорема Пифагора изложена въ совсѣмъ „необычайной“ формѣ, именно: „если стороны прямоугольнаго треугольника измѣрены одною и тою же мѣрой, то квадратъ числа, измѣряющаго гипотенузу, равенъ суммѣ квадратовъ чиселъ, измѣряющихъ катеты“. При доказательствѣ авторъ опускаетъ изъ точки H перпендикуляры на катеты и чрезвычайно усложняетъ общезвѣстное аналитическое доказательство, данное еще индусами и ограничивающееся проведеніемъ одного перпендикуляра на гипотенузу. Исправимъ объясненіе „генезиса“. Перпендикуляръ, опущенный на гипотенузу, разбиваетъ данный треугольникъ на два, подобныя ему, съ гипотенузами b и c . Называя площади этихъ трехъ треугольниковъ α, β, γ , будемъ имѣть:

$$\frac{\beta}{\alpha} = \frac{b^2}{a^2}, \quad \frac{\gamma}{\alpha} = \frac{c^2}{a^2}$$

а такъ какъ $\beta + \gamma = \alpha$, то складывая получимъ

$$1 = \frac{b^2 + c^2}{a^2}.$$

Но, конечно, это доказательство сложнѣе и потому уступаетъ индусскому. Когда теорема доказана въ геометрической формѣ, то при

придачѣ ей аналитической формы, нѣкто не мѣшаетъ, выразить квадраты въ различныхъ единицахъ мѣры; а когда эта единица одинакова, то получается связь между квадратами трехъ чиселъ.

Стр. XVII. „Многія предложенія *формулированы* мною не какъ теоремы, а какъ задачи. На мой взглядъ, это имѣетъ несомнѣнную выгоду, такъ какъ предложенію я его формулировеѣ сразу придается болѣе наглядная, конкретная форма, не требующая дальнѣйшей мотивировки“. Превращеніе теоремъ въ задачи нашъ авторъ производитъ замѣчательно просто: въ упражненіяхъ, сопровождающихъ каждый отдѣлъ, мы находимъ рядъ теоремъ, но только вмѣсто слова „теорема“ поставлены слова: „доказать, что“. Напримѣръ: „169. Доказать, что *сумма противоположныхъ угловъ описаннаго въ кругъ четырехугольника равна двумъ прямымъ угламъ*“; „181. Доказать, что хорды, пересѣкающіяся внутри круга, взаимно дѣлятся на части обратно пропорціональныя“; 182 тоже относительно сѣкущихъ; но *объ очень важныхъ обратныхъ теоремахъ нѣтъ упоминанія*. Неизвѣстно, происходитъ ли это умолчаніе отъ невозможности подвести въ данномъ случаѣ обратныя теоремы непосредственно подъ тотъ шаблонъ, который установленъ въ § 27, или отъ того, что авторъ не придаетъ никакого значенія теоремамъ о положеніи, очень важнымъ для уясненія истиннаго значенія прямыхъ теоремъ. Какъ бы то ни было, но, очевидно, отъ такого превращенія теоремъ въ задачи ничего не выигрывается. Попробуемъ теперь теорему Пифагора превратить дѣйствительно въ задачу: по даннымъ катетамъ найти гипотенузу. Если нашъ авторъ не задумался *V постулатъ Эвклида превратить въ задачу*: построить сумму угловъ треугольника, то нечего задумываться и надъ теоремой Пифагора. Но что же далѣе? Геометрически, т. е. построениемъ, задача рѣшается легко, такъ же какъ и болѣе общая задача о построеніи третьей стороны треугольника по двумъ другимъ и углу между ними. Но какъ „мотивировать“ переходъ отъ геометрическаго рѣшенія къ формулѣ Пифагора или тригонометрической, мы рѣшительно не видимъ. Къ тому же при рѣшеніи каждой задачи необходимо установить достаточность и согласованность данныхъ и обсудить возможность рѣшенія. Къ послѣдному пункту, подъ именемъ „новѣйшей моды“ (стр. XVII), авторъ относится рѣшительно отрицательно и ссылается на Эвклида, который, будто бы, „просто дѣлалъ построеніе, считалъ, вѣроятно, совершенно справедливо, что тѣмъ самымъ доказана и его возможность“. Но это совершенно невѣрный и необдуманый взглядъ на Эвклида;

отличіе Эвклида отъ нашего автора лучше всего видно на формулированіи очень простой задачи: въ упражненіи 14 нашъ авторъ сразу требуетъ построить Δ по 3 даннымъ сторонамъ, а Эвклидъ ставитъ эту задачу только въ 22 предложеніи I книги съ присоединеніемъ условія, что сумма любыхъ двухъ сторонъ болѣе третьей (уже въ 8 предложеніи доказано равенство треугольниковъ съ равными сторонами, т. е. въ сущности возможность только одного рѣшенія, если оно существуетъ). Затѣмъ по поводу якобы „новѣйшей моды“ обсуждать *возможность* рѣшенія не мѣшаетъ напомнить, что еще Архимедъ упрекали за теорему: кругъ равенъ прямоугольному треугольнику, у котораго одинъ катетъ равенъ окружности, а другой радиусу, потому что возможность спрямленія окружности не доказана. Въ началѣ XVIII вѣка нѣкоторые думали доказать, что $\log(-a) = \log a$ тѣмъ, что $2 \log(-a) = \log(-a)^2 = \log a^2 = 2 \log a$; коренная ошибка этого вычисленія состояла въ томъ, что предварительно не было установлено значеніе, т. е. въ сущности возможность $\log(-a)$. Наконецъ и самъ авторъ на стр. 72, какъ было уже ранѣе упомянуто, нашелъ нужнымъ отмѣтить, что неравенства между стороною Δ и суммою или разностью двухъ другихъ сторонъ служатъ „указателемъ возможности (?) или невозможности построить треугольникъ по тремъ даннымъ его сторонамъ“. Конечно, и послѣ этого (стр. 86) авторъ не стѣсняется ставить категорическія требованія въ родѣ упражненія 89: построить трапецію по четыремъ сторонамъ, или упражненія 90: построить четырехугольникъ по тремъ сторонамъ и двумъ діагоналямъ; но это можно объяснить просто забывчивостью автора, который, помѣтивъ на стр. 76 опредѣленіе „проекціи наклонной“, пользуется этимъ терминомъ только на той же страницѣ, а при изложеніи тригонометріи говоритъ просто объ отрѣзкѣ p.

„Кстати“ нашъ авторъ указываетъ (стр. XVII), что „французскій послѣдователь Канта Ch. Renouvier“ замѣтилъ, будто, принявши способъ разсужденія Лежандра, „можно было бы доказать и постулатъ Эвклида (курс. авт.). Именно, стоитъ только изъ какой-либо точки одной изъ двухъ пересѣкающихся прямыхъ провести третью, пересѣкающую обѣ прямыя (это возможно); тогда одинъ изъ угловъ около взятой точки, какъ внѣшній для треугольника, по предложенію 16 книги I Эвклида, будетъ больше угла между двумя данными прямыми. Будемъ вращать третью прямую вокругъ взятой точки, пока она не пересѣчетъ другую данную прямую уже по другую сторону прямой, на которой взята точка (тоже возможно). Тогда тотъ же

уголъ около взятой точки, станетъ уже меньше угла между данными прямыми, какъ внутренній по отношенію къ вѣншему. Заключаемъ, что *былъ моментъ, когда два угла были равны и когда* (Эвкл., I, 27) *прямая была параллельна. Этотъ моментъ былъ только одинъ, следовательно, и прямая параллельная можетъ быть только одна.* Постулатъ Эвклида доказанъ именно тѣмъ способомъ, какой допускается при доказательствѣ единственности возстановленнаго перпендикуляра! И трудно понять, почему въ одномъ случаѣ такое „доказательство“ допускается, а въ другомъ считалось бы ученою средью?”

Трудно сказать, чему больше слѣдуетъ удивляться въ этой тирадѣ: недостаточной ли освѣдомленности „французскаго послѣдователя Канта“ и русскаго составителя учебника геометріи, или слабости ихъ мысли. Какъ извѣстно, изслѣдованія Лежандра о параллельныхъ линіяхъ имѣли цѣлью доказать V постулатъ; они несомнѣнно изучались Лобачевскимъ и привели его къ открытію, за которое онъ былъ названъ Коперникомъ XIX вѣка. Кто же шепнулъ г. Ренувье, что параллельность наступитъ *только* въ одинъ опредѣленный моментъ? (въ этомъ именно и состоитъ знаменитый *постулатъ*). Въ этотъ моментъ параллельность будетъ существовать, какъ доказано Эвклидомъ, но Лобачевскій, отвергнувъ обратное предложеніе, *принятое какъ постулатъ*, напротивъ *принявъ*, что параллельность наступаетъ *раньше*, когда еще уголъ при точкѣ *больше* даннаго угла, и на этой гипотезѣ построилъ свою систему геометріи, въ которой, очевидно, сумма угловъ треугольника менѣе двухъ прямыхъ и черезъ точку можно провести къ данной прямой безчисленное множество параллельныхъ, заключенныхъ между двумя предѣльными. Странно, что приходится это объяснять составителю учебника геометріи въ XX вѣкѣ отъ Р. Хр.

На стр. XVIII—XIX авторъ возвращается къ формулированію основныхъ понятій и аксіомъ и дѣлаетъ выводу противъ D. Hilbert'a (котораго Grundlagen der Geometrie вовсе не предназначается для школы), по поводу аксіомы: „если точка С лежитъ на прямой между А и В, она неизмѣнно лежитъ также между В и А“. Ну, а рѣшится ли нашъ авторъ высказать такое утвержденіе относительно сомкнутой кривой? По поводу аксіомъ VII и VIII нашего автора (VII. Если кака-нибудь прямая АВ имѣетъ точку М внутри круга, то, при достаточномъ продолженіи, прямая пересѣчетъ окружность въ двухъ точкахъ. VIII. Если окружность О' имѣетъ одну точку М внутри, а другую точку N внѣ другой окружности О, то окружности

пересекаются въ двухъ точкахъ) приведемъ два мѣста изъ вышеупомянутого итальянскаго учебника (стр. 80 и 88):

„181. Постулатъ. Отрѣзокъ, который соединяетъ внутреннюю и вѣшнюю точку, имѣетъ съ окружностью единственную общую точку.

182. Теорема. Прямая, которая имѣетъ одну точку внутри круга, пересѣкаетъ окружность въ двухъ точкахъ.

202. Постулатъ. Дуга окружности, которой одинъ конецъ лежитъ внутри, а другой вѣдъ даннаго круга, имѣетъ единственную общую точку съ окружностью.

203. Слѣдствіе. Если изъ двухъ данныхъ окружностей одна проходитъ черезъ точку внутреннюю и черезъ точку вѣшнюю относительно другой окружности, то окружности имѣютъ двѣ общія точки“.

Сравненію предоставляется читателю.

Отмѣтимъ еще въ V отдѣлѣ вопросъ о нахожденіи общей мѣры двухъ отрѣзковъ. Въ этомъ вопросѣ по существу дѣла нельзя обойтись безъ непрерывныхъ дробей, которыя въ аналитической формѣ точно воспроизводятъ то, что указывается геометрией. Нашъ авторъ, какъ, впрочемъ, и большинство другихъ, о непрерывныхъ дробяхъ не упоминаетъ. Доказавъ, что діагональ квадрата несоизмѣрима съ стороною, авторъ на пяти страницахъ (105—110) производитъ какія-то странныя вычисленія, чтобы доказать, что отношеніе діагонали къ сторонѣ можетъ быть найдено съ произвольною степенью точности. Если упомянутое отношеніе назовемъ x , а то же отношеніе въ ближайшемъ меньшемъ квадратѣ назовемъ x_1 , то геометрическое построеніе непосредственно доставляетъ

$$x = 1 + \frac{1}{1 + x_1};$$

а такъ какъ $x_1 > 1$, то отсюда $x < 1 + \frac{1}{2}$. По послѣднему неравенству будетъ удовлетворять x_1 ; а потому получимъ $x > 1 + \frac{2}{5}$. Этому же неравенству будетъ удовлетворять x_1 ; а потому будемъ имѣть $x < 1 + \frac{5}{12}$, а такъ какъ этому неравенству будетъ удовлетворять x_1 , то найдемъ $x > 1 + \frac{12}{29}$ и т. д. Нетрудно замѣтить, что послѣдовательно получаемые предѣлы для x имѣютъ видъ $1 + \frac{u_n - 1}{u_n}$, гдѣ

$$u_n + 1 = 2u_n + u_{n-1}, u_1 = 1, u_2 = 2.$$

Разность двухъ послѣдовательныхъ предѣловъ будетъ $\frac{u_n - 1}{u_n} - \frac{u_n}{u_n + 1} =$
 $= \frac{u_n - 1}{u_n} \frac{u_n + 1 - u_n^2}{u_n + 1}$, гдѣ числитель, послѣ подстановки $2u_n + u_{n-1}$
 вмѣсто $u_n + 1$, будетъ $u_n^2 - u_n(u_n - 2u_{n-1})$, а на основаніи ра-
 венства $u_n = 2u_{n-1} + u_{n-2}$, приметъ видъ $-(u_n u_{n-2} - u_{n-1}^2)$.
 Этотъ послѣдній видъ числителя отличается отъ прежняго тѣмъ, что
 вмѣсто n вставлено $n-1$ и измѣнило знаки; слѣдовательно, онъ въ
 свою очередь приведется къ $+u_{n-1} u_{n-3} - u_{n-2}^2$ и т. д. и нако-
 нецъ къ $\pm(u_1 u_3 - u_2^2) = \pm 1$. Поэтому разность двухъ послѣдователь-
 ныхъ предѣловъ будетъ $\frac{\pm 1}{u_n u_{n-1}}$. Но очевидно $u_n > 2u_{n-1}$, $u_n + 1 =$
 $= 2u_n + u_{n-1} > 5u_{n-1}$; поэтому

$$u_n + 1 u_n > 5u_n u_{n-1} > 5^2 u_{n-1} u_{n-2} > \dots > 5^{n-1} u_1 u_1 = 2.5^{n-1},$$

чѣмъ обнаруживается неограниченное убываніе рассматриваемой раз-
 ности предѣловъ при возрастаніи n . Послѣ этого можно говорить объ
 опредѣленномъ предѣлѣ отношенія x , который вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ
 предѣломъ для x_1 , такъ, что будетъ $x = 1 + \frac{1}{1+x}$, откуда $x^2 = 2$.
 Автору слѣдовало или представить подобное изложеніе, или, какъ дѣ-
 лаетъ большинство, ограничиться дѣленіемъ стороны на неограниченно
 большое число n равныхъ частей и просто утверждать, что отношеніе
 діагонали къ сторонамъ будетъ содержаться между $\frac{n}{n}$ и $\frac{n+1}{n}$; приве-
 денныя же авторомъ приближенныя значенія представляются просто
 взятыми изъ воздуха.

Въ ожиданіи того „подалекаго будущаго“, когда интегральное
 исчисленіе составитъ „необходимую часть школьныхъ элементовъ ма-
 тематики“ и „замѣнитъ собою все то, что неестественно выросло на
 школьной математикѣ послѣднихъ столѣтій подъ вліяніемъ состави-
 телей официальныхъ программ.“, авторы, вмѣсто того, чтобы напи-
 сать такую геометрію будущаго, присоединилъ къ своей „неразрывной
 цѣпи“ три приложения: I. Первоначальныя понятія объ измѣреніи
 длины окружности и площади круга... (стр. 303—325); II. О спо-
 собѣ предѣловъ. (стр. 326—336); III. Вычисленіе по способу предѣ-
 ловъ длины окружности, площади круга и т. д. (стр. 337—369). Въ
 первомъ приложеніи мы узнаемъ (стр. 305), что „на основаніи аксіомы V,

всякая окружность будетъ непремѣнно больше двойною своего діаметра. Значитъ, *діаметръ характеризуетъ длину окружности*“ (курс. авт.). Недурно для первоначальныхъ понятій! Ну, а если бы черезъ концы діаметра провели какую угодно замкнутую кривую, то она не была бы больше двойного діаметра? Угадайте, какой отсюда можно сдѣлать выводъ.

На стр. 316 длина окружности внезапно является какъ нѣкоторая постоянная величина, къ которой стремятся периметры вписанныхъ и описанныхъ многоугольниковъ, а на стр. 320 узнаемъ, что „предложъ избранной переменннй величины и будетъ служить искома постоянная величина“ (курс. авт.). Это или считается очевиднымъ, или доказывается на основаніи свойствъ вычисляемой величины*. Самому учащемуся предоставляется разобраться въ этомъ или... или, т. е. или признать очевиднымъ или доказать, какъ ему будетъ угодно!

Только на стр. 340 узнаемъ: „Опредѣленіе. За длину окружности принимается общій предѣлъ, къ которому стремятся периметры“ и т. д.

На стр. XIX авторъ цитируетъ слова Jules Talpегу относительно различныхъ геометрій: положимъ ихъ подъ стекло! Не позволительно ли сказать о разсматриваемой книгѣ: отдадимъ ее на макулатуру!

И. С.

*Сводное знаніе. Собраніе общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русскихъ ученыхъ подъ редакціей проф. Э. Д. Грима, проф. Л. І. Истражскаго, прив.-доц. В. В. Синовскаго и проф. В. М. Шмкевича.—Мірозданіе. Естественно-историческій очеркъ проф. Ковалевскаго. Изд. т-ва Вольфа. Цѣна 80 коп.

Означенная брошюра представляетъ нѣчто своеобразное по условіямъ своего появленія въ свѣтъ. На обложкѣ стоитъ мое имя, какъ редактора сборника, а, такъ какъ другіе редакторы, тамъ же обозначенные, естественными науками не занимаются, то читатель въ правѣ заключить, что эта брошюрка прошла черезъ мои руки, какъ редактора, или хоть помѣщена въ сборникѣ съ моего вѣдома.

Но такой выводъ, въ виду особенностей россійскаго книжнаго рынка, оказывается, будетъ совершенно преждевременнымъ.

Ни въ рукописи, ни въ корректурѣ я статьи проф. П. И. Ковалевскаго не видалъ, о чемъ и поспѣшилъ, во избѣжаніе недоразумѣній, заявить въ газетахъ. Если я узналъ о существованіи означеннаго „Мірозданія“ и о выходѣ его въ редактируемомъ мною сборникѣ, то не по вниѣ товарищества Вольфа. Это тѣмъ болѣе непонятно, что

ни товариществу Вольфа, ни кому либо другому изъ издателей я никогда не думалъ повода думать, что принадлежу въ числу редакторовъ, дающихъ на прокатъ свое имя.

Справедливость заставляетъ меня добавить, что одинъ изъ директоровъ правленія товарищества на выраженное мною весьма естественное недоумѣніе по сему поводу сообщая, что все сіе произошло „помимо нашей (т. е. директоровъ товарищества) воли“, и изъявляя готовность, согласно моему требованію, временно изъять книжку изъ продажи для того, чтобы переимѣнить на ней обложку ¹⁾.

Можетъ быть, было бы правильнѣе переимѣнить содержаніе книжки, а не обложку, но это уже дѣло г.г. издателей.

Какъ бы то ни было, книжка отпечатана, о ней публикуютъ не только магазины Вольфа, но и другіе, а слѣдовательно она подлежитъ критикѣ.

Книжечка имѣетъ цѣлью изложить въ популярной формѣ научныя данныя касательно міровой эволюціи, т. е. въ сущности преслѣдуетъ ту же задачу, какъ и „Die Welträthsel“ Геккеля, но на этомъ сходство между этими двумя произведеніями и ограничивается.

Книжечка проф. Ковалевскаго начинается съ противопоставленія научнаго воззрѣнія сказаніямъ библіи, но заканчивается логическимъ доказательствомъ существованія божества „выше вселенной и выше всего матеріальнаго“, создателя безконечной матеріи. Въ промежуткѣ между этимъ введеніемъ и этимъ заключеніемъ развиты научныя данныя, относящіяся до эволюціонной идеи, изъ области философіи, астрономіи, геологіи, зоологіи, антропологіи, психологіи, какъ-то: космическая гипотеза, законъ вѣчности матеріи, возникновеніе и развитіе жизни на землѣ и др.

Авторъ во всѣхъ областяхъ оствествознанія считаетъ себя, повидимому, компетентнымъ и трактуетъ всѣ вопросы съ большою смѣлостью и развязностью. Что касается до зоологической части, въ которой я тоже не считаю себя профаномъ, то ея научное значеніе для меня болѣе, чѣмъ сомнительно.

Подозрительнымъ прежде всего кажется читателю то, что авторъ упорно (стр. 41, стр. 84 и др.) неправильно пишетъ имя столь общезвѣстнаго зоолога какъ Гексли. Желая быть точнымъ, авторъ имена иностранныхъ изслѣдователей пишетъ по иностранному, снабжая нерѣдко русскими надежными окончаніями съ анострофомъ, но это ме

¹⁾ Имя представлено авторомъ настоящей рецензіи.

мѣшаетъ ему писать имя Гексли повѣрно (Huxley вмѣсто Huxley). Дѣйствительно, авторъ совершенно повиненъ въ зоологической наукѣ, что сказывается въ каждой строкѣ, касающейся этой области. Тутъ и батибіи, открытый будто бы „Huxley“ и являющійся родоначальникомъ всѣхъ живыхъ существъ (стр. 41), и чорогъ, представляющій собой расширеніе позвоночника (стр. 81), и цѣлый рядъ неточностей, начиная съ искаженныхъ названій (стр. 96—99 и слѣд.). Очевидно, авторъ слышалъ кое-что и о батибіи, и о позвоночной теоріи червя, и усердно заимствовалъ цѣлыя страницы у Геккеля со всѣми его ошибками и устарѣлыми утвержденіями, но это все еще не составляетъ знанія, необходимаго для популяризатора.

Думается невольно, что авторъ столь же легкомысленно поступаетъ и въ другихъ областяхъ, какъ въ зоологической.

Его научный балластъ въ области геологіи исчерпывается переводами Лаппарана и Циттеля, изъ которыхъ послѣдній датируется 1873 годомъ, а популярной книгой Агафонова. Поэтому и здѣсь даже не спеціалистъ можетъ замѣтить рядъ неточностей.

Вотъ почему, когда читаешь смѣлыя предсказанія автора на счетъ того, что „японцы съѣдятъ русскихъ и европейскихъ,—китайцы проглотятъ японцевъ,—индусы уничтожатъ китайцевъ,—а негры—всѣхъ остальныхъ...“ (стр. 116), то не испытываешь никакого ужаса.

А когда начинаешь вчитываться въ философскія размышленія автора, то выносишь впечатлѣніе чего-то въ высшей степени сумбурнаго и порѣдко противнаго законамъ логики.

Одно предсказаніе автора отчасти оправдалось. Онъ заранѣе соглашается (стр. 117), что его очеркъ „многихъ не удовлетворитъ“. Многихъ или немногихъ—это еще неизвѣстно, но что онъ не удовлетворитъ каждаго знакомаго съ тѣми областями естествознанія, съ которыми проф. Ковалевскій такъ за панибрата обращается, это несомнѣнно.

В. Шиммелтъ.

* Вопросы физики. Изданіе физическаго отдѣленія Русскаго физико-химическаго общества. Подъ редакціей В. К. Лебединскаго. С.-Пб. 1907 г. Выпуски 1—10; 406 стран. Цѣна по подпискѣ 2 р.

Въ настоящее время несомнѣнно существуетъ у насъ широкій спросъ на *строго-научную*, и въ то же время общедоступную литературу. Къ сожалѣнію, далеко не все то, что у насъ печатается въ общедоступной внѣшней формѣ, можетъ быть признано и строго-науч-

нимъ по внутреннему содержанию. Поэтому нельзя не приветствовать появленія новаго журнала „Вопросы физики“, издаваемого Отдѣломъ физики русскаго физико-химическаго общества подъ редакціей столь компетентнаго лица, какъ В. К. Лебединскій.

Передъ нами первый томъ „Вопросовъ физики“, за 1907 годъ; онъ состоитъ изъ десяти выпусковъ и, по объему, обнимаетъ 25 печатныхъ листовъ. Мы находимъ въ немъ большое число оригинальныхъ и нѣсколько переводныхъ статей по различнымъ вопросамъ современной физики; далѣе, довольно большой библиографическій отдѣлъ и, наконецъ, небольшой отдѣлъ „Къ лабораторной практикѣ“, который предполагается значительно расширить съ 1908 года.

Изъ оригинальныхъ статей отмѣтимъ слѣдующія: Лученоспускание нагрѣтыхъ газовъ, Гамма-лучи, Оптическая пирометрія, Электрическая печь для проекционныхъ опытовъ, Вещество физическаго міра илѣ матерія, Размеры частицы, О новѣйшихъ опредѣленіяхъ температуры поверхностныхъ областей солнца, Тормоза для лабораторнаго изслѣдованія малыхъ двигателей, Электродлизъ расплавленныхъ солей, Аномальная дисперсія, Измѣненіе электрическаго состоянія тѣлъ подъ вліяніемъ ультрафіолетовыхъ лучей, Исторія атмосферной углекислоты, Теорія міроваго эфира и періодическая система элементовъ Д. И. Менделѣева, Къ вопросу объ употребленіи цвѣтныхъ стоколь въ зрительныхъ трубахъ, Незатухающія колебанія и примѣненіе ихъ къ телеграфированію безъ проводовъ, Начальные опыты по переменнымъ токамъ, Современная оплотехника, Объ электромагнитной массѣ, Ртутные термометры за время съ 1892 по 1907 годъ, Люменосценція, Новыя работы по рентгеновымъ лучамъ, Электронная теорія элементарныхъ магнитовъ, О фотографированіи въ натуральныхъ цвѣтахъ на пластинкахъ „Автохромъ“ Люмьера.

Авторы этихъ и другихъ статей: проф. Н. А. Гезехусть, проф. А. Л. Корольковъ, В. К. Лебединскій, В. В. Лермантовъ, А. А. Гершунъ, Б. П. Вейнбергъ, Н. Щегляевъ, Н. А. Морозовъ, Д. Рожанскій, К. К. Баумгартъ, В. Курбатовъ, Д. С. Рождественскій, Д. Бизюкинъ, С. Майзель, Т. Е. Фризендорфъ, Л. Исаковъ, Д. М. Сокольскій, Е. В. Лонухинъ, А. А. Добіашъ и др. Почти всѣ эти лица принадлежатъ къ „молодой“ петербургской физикѣ и физико-химіи, уже успѣвшей доказать свою компетентность въ вопросахъ физики.

Необычайно низкая подписная цѣна—2 рубля за годъ—дѣлаетъ этотъ журналъ еще и въ другомъ смыслѣ слова „общедоступнымъ“. Нельзя не пожелать ему самаго широкаго распространенія между

нашими преподавателями физики, и вообще въ кругу всѣхъ, интересующихся этою наукой.

Ф. Хвольсонъ.

* А. Н. Глазюлевъ. Элементарная алгебра. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть 1-я. Москва. 1907 г.

Одинъ изъ главныхъ недостатковъ книги, по моему мнѣнiю, заключается въ томъ, что авторъ едва ли въ достаточной мѣрѣ принялъ во вниманiе степень умственного развитiя тѣхъ учениковъ, для которыхъ онъ написалъ свой курсъ алгебры.

Такъ, напримѣръ, курсу алгебры авторъ предпосылаетъ геометрическiя соображенiя, между тѣмъ, какъ въ нашихъ учебныхъ заведенiяхъ алгебра начинается раньше геометрiи.

Статья о функцияхъ (стр. 89) вставлена авторомъ въ курсъ 4-го класса. Полагаю, что эта статья едва ли будетъ полезна въ этомъ классѣ, тѣмъ болѣе, что она иллюстрируется примѣрами изъ физики, какъ, напримѣръ, формулою для пространства въ равномерномъ движенiи, формулою, выражающею зависимость между длиною желѣзной полосы и ея температурой и закономъ Мариотта (стр. 91).

Въ курсъ того же 4-го класса включены теоремы о дѣломъ многочленѣ одной переменнoй, тождественно равномъ нулю и теоремы о дѣлимости дѣлага многочлена на двучленъ первой степени (§ 67 и § 68). Авторъ не обращаетъ вниманiя и на установленный учебными планами математики порядокъ въ распредѣленiи алгебраическаго учебнаго матеріала.

Онъ проходитъ сначала всѣ дѣйствiя съ алгебраическими выраженiями со включенiемъ извлоченiя квадратныхъ и кубическихъ корней, рассматриваетъ неопредѣленные выраженiя и выраженiя $\frac{m}{\infty}$, $\frac{\infty}{m}$, отрицательные показатели, дѣйствiя съ радикалами, дробные показатели, ирраціональные числа и дѣйствiя съ ними (по Дедкинду).

Только послѣ прохожденiя всѣхъ вышеуказанныхъ статей авторъ приступаетъ къ уравненiямъ. При такомъ распредѣленiи матеріала автору удалось бы начать теорiю уравненiй не ранѣе 5-го класса. Но и для этого класса его статья объ уравненiяхъ съ общими теоремами объ эквивалентности едва ли окажется соотвѣтствующею умственному развитiю учениковъ. Закончивъ эту статью теоремою, что уравненiю $A^m = B^m$ вообще не эквивалентно уравненiю $A = B$, авторъ наконецъ вознаграждаетъ ученика за всѣ тѣ почти непреодолимые

препятствія, которыя ему были воздвигнуты, и позволяеть ему рѣшить уравненіе $ax + b = 0$.

Н. Фехтъ.

* А. Н. Глаголевъ. ЭЛЕМЕНТАРНАЯ АЛГЕБРА. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть 2-я Москва. 1907. Стр. 520. Цѣна 1 р. 65 к.

Вторая часть книги г. Глаголева мнѣ кажется также неурядной для среднихъ учебныхъ заведеній, какъ и первая. Книга содержитъ много лишняго, не входящаго въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній; самое же необходимое, существенно, изложено далеко не безукоризненно.

Съ своей стороны я считаю долгомъ указать на слѣдующіе два промаха:

Говоря о мнимыхъ числахъ, авторъ называетъ ихъ то мнимыми выраженіями, то мнимыми количествами, то мнимыми величинами (стр. 2, 385 и 386), то, наконецъ, на стр. 256-й мнимыми или комплексными числами.

Такое легкое отношеніе къ математическимъ терминамъ въ руководствѣ прямо недопустимо.

На стр. 189 авторъ даетъ недостаточно общее опредѣленіе геометрической прогрессіи, говоря, что знаменатель ея есть *положительное* число. Интересно, что въ задачахъ, помѣщенныхъ въ книгѣ, попадаются и прогрессіи съ отрицательнымъ знаменателемъ.

Н. Фехтъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію въ теченіе февраля и марта мѣсяцевъ 1908 года.

— Денисюкъ, Н. Николай Гавриловичъ Чернышевскій. Его время, жизнь и сочиненія. Съ портретомъ и двумя снимками: 1) Виллюйская тюрьма и 2) Чернышевскій на смертномъ одрѣ. Изданіе А. С. Панафидиной. М. 1908. VI+196 стр. Цѣна 50 коп.

— Вулфсонъ, Э. С. Эсты, ихъ жизнь и нравы. Изданіе А. С. Панафидиной. М. 1908. 74 стр. Цѣна 15 коп.

— Вулфсонъ, Э. С. Какъ живутъ сарты. Изданіе А. С. Панафидиной. М. 1908, 117 стр. Цѣна 30 коп.

— Ст—ль, В. Н. И. Новиковъ. Популярный очеркъ. Изданіе А. С. Панафидиной. М. 1907. 47 стр. Цѣна 10 коп.

— *Хотимевъ, М.* Половая жизнь и воспитаніе. Одесса 1908. 47 стр. Цѣна 30 коп. (Педагогика полового вопроса. Изданіе переводныхъ оригинальныхъ статей подъ редакціей д-ра мед. А. И. Гринфельда).

— *Морозова, А.* Русское правоисаніе. Части рѣчи. Практическое пособие для учениковъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, торговыхъ школъ и для домашняго обученія, съ приложеніемъ краткаго орфографическаго словаря употребительныхъ словъ. Изданіе А. С. Панафидиной. М. 1907. 166+II стр. Цѣна 40 коп.

— *Берле, Ф.* Естественная исторія. Изученіе растений. Переводъ съ нѣмецкаго Г. М. Изданіе А. С. Панафидиной. М. 1907. 146 стр. Цѣна 50 коп.

— Книга для современной школы. Основные вопросы физики въ элементарномъ изложеніи. Сборникъ статей, составленныхъ кружкомъ преподавателей средней и высшей школы. Книга первая. Съ 178 рисунками и 13 портретами. Изданіе Т—ва Н. Д. Сытина. М. 1908. IV+573+II стр. Цѣна 2 руб.

— Пушкинъ и его современники. Материалы и изслѣдованія. Выпускъ V. Повременное изданіе комиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1907. Стр. 164.

— *Миловидовъ, А. И.* Русскій календарь въ Сѣверо-Западномъ краѣ, его исторія и значеніе. Историко-библиографическая справка по поводу 25-лѣтія „Вилненскаго Календаря“, съ указателемъ помѣщенныхъ въ немъ статей и съ четырьмя портретами въ текстѣ. Вильна 1908. 33 стр.

— Памятная книжка Константиновскаго межеваго института за 1906—1907 годъ. (10-й годъ издавія). М. 1907. II+184 стр.

— Отчетъ Вилненской публичной библіотеки и музея за 1907 годъ. Вильна 1908. 160 стр.

— *Шалиминъ, А.* Теорія словесности и хрѣтоматія для среднихъ классовъ. Удостоено большой преміи Петра Великаго. С.-Пб. 1908. XVI+203+267 стр. Цѣна 1 руб. 60 коп.

— Записки С.-Петербургскаго религіозно-философскаго общества. Выпускъ I. С.-Пб. 1908. 56 стр. Цѣна 60 коп.

— *Данилинъ, И.* Рассказы. Книга вторая. Изданіе т—ва Н. Д. Сытина. М. 1908. 311 стр. Цѣна 1 руб.

— *Рюминъ, В. В., инженеръ-технологъ.* Ученіе о магнетизмѣ и электричествѣ въ общедоступномъ изложеніи. Для самообразованія и средней школы. Изданіе автора. Николаевъ 1908. VII+199 стр. Цѣна 2 руб. 25 коп. съ пересылкой.

— *Пархоменко, Владиміръ.* Очеркъ исторіи Переяславско-Бориспольской епархіи (1733—1785 гг.) въ связи съ общими ходомъ малороссійской жизни того времени. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія. Изданіе Полтавскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Полтава 1908. III+98+XXXII стр. Цѣна 70 коп.

— *Хеппростанскій, К. П.* Курсъ химіи для реальныхъ училищъ, средней школы и самообразования. С.-Пб. 1907. VI+120 стр. Цѣна 75 коп.

Лестеръ, Г. Ф. Къ своюда и порядку! Разказъ о томъ, какъ одичавшій англичанинъ вернулся на родину и усвоивать законы и обычай конституціонной страны. Переводъ съ англійскаго Н. М. Дружинкина. Изданіе „Юной Россіи“. М. 1908. 120 стр. Цѣна 45 коп.

— *Сыромятниковъ, А.* Дилонпроизводство средняго учебнаго заведенія. Практическое руководство для веденія дѣлъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Томъ I. Одесса 1907. 534+47 стр.

— *Сыромятниковъ, А.* Дилонпроизводство о торгахъ на подряды и поставки. Практическое руководство для веденія торговъ. Одесса 1907. 123 стр. Цѣна 2 руб.

— *Сыромятниковъ, А. П.* Годичный отчетъ мужской и женской гимназій и реальнаго училища. Практическое руководство для составленія отчета о состояніи гимназій (мужской и женской) и реальнаго училища за годъ. Одесса 1908. 106+92+96 стр. Цѣна 8 руб.

— *Езерскій, Ф. В.* Международная азбука. Однѣ и тѣ же буквы (какъ и цифры) для языковъ всѣхъ народовъ и племенъ. С.-Пб. и М. 1908. XII+31 стр. Цѣна 60 коп.

— *Иушкинъ.* Сочиненія. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Переписка подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Самтова. Томъ второй (1827—1832). С.-Пб. 1908. XII+399+XII стр.

— *Циммерманъ, П. Л.* Тягчайшая изъ забастовокъ. Литературно-политическое дѣло газеты „Прибалтійскій край“ о забастовкѣ 1905 г. Стенографическій отчетъ съ портретомъ В. Е. Чешихина и стенографическія бюро иностранныхъ и русскаго парламентовъ. С.-Пб. 1908. 37+10 стр.

— Русская исторія въ картинкахъ. Учебный отдѣлъ общества распространенія техническихъ знаній. Историческая коммисія. Изданіе т—ва И. Д. Ситина. М. XVIII большихъ листовъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПАРИЖСКАЯ НОРМАЛЬНАЯ ШКОЛА ¹⁾.

Нормальная школа въ Парижѣ была созданіемъ конвента. Для новаго времени требовались и новые учителя. Задачей нормальной школы было приготовить такихъ учителей, которые воспитали бы юношество въ духѣ новаго времени и распространили бы знанія, требуемыя новымъ временемъ. Другими словами, она должна была служить распространенію взглядовъ и принциповъ, провозглашенныхъ французской революціей. При томъ она должна была какъ можно скорѣе распространить эти взгляды и принципы по всей Франціи. Для быстрого приготовленія учителей было принято приблизительно такой планъ, какой былъ составленъ для быстрого приготовленія военныхъ инструкторовъ. Для быстрого приготовленія инструкторовъ были открыты двѣ школы: школа для приготовленія пороха и пушекъ и школа Марса или военная. Всякій округъ долженъ былъ послать въ Парижъ учениковъ въ эти школы, избранныхъ администраціей. Въ этихъ школахъ оставались они недолго: въ первой школѣ 30 дней, во второй 4 мѣсяца. Тамъ они пѣскоро получали наставленія, какъ приготовить порохъ и отливать пушки и какъ владѣть оружіемъ. Послѣ этого они возвращались домой, каждый въ свой округъ, и должны были учить

¹⁾ Главное пособіе: *Le centenaire de l'École normale. 1795—1895. Paris 1895.* Книга эта вышла въ память столѣтій нормальной школы и содержитъ въ себѣ исторію этой школы, составленную на основаніи официальныхъ актовъ Поломъ Дюпон (Paul Dupon). Въ книгѣ приложены воспоминанія бывшихъ учениковъ нормальной школы, а также списки: директоровъ, профессоровъ, учениковъ каждаго выпуска; наконецъ списки бывшихъ учениковъ, сдѣлавшихся членами разныхъ отдѣленій академіи.

другихъ тому, чому ихъ самихъ учили. Этотъ способъ скорого приготовления инструкторовъ оказался столь успѣшнымъ, что его считали годнымъ и для приготовления учителей ¹⁾).

Въ 1794 году 30-го октября былъ изданъ декретъ объ учрежденіи въ Парижѣ нормальной школы, „гдѣ бы граждане, призванные изъ всѣхъ частей республики и уже наставленные въ полезныя науки, могли подъ руководствомъ самыхъ способныхъ профессоровъ изучить искусство преподаванія“. Этимъ декретомъ приказывалось администраціи каждаго округа выбрать для школы 3 гражданъ, а въ Парижѣ 48, „которые съ чистотою нравственною соединяли бы испытанный патриотизмъ и качества необходимыя для усвоенія и распространенія преподаваннаго въ школахъ“. Они не должны были быть моложе 21 года. Курсъ ученія былъ назначенъ четырехмѣсячный. По окончаніи курса они должны были возвратиться въ свои округа и тамъ въ трехъ главныхъ мѣстахъ, указанныхъ администраціей, открыть нормальныя школы, въ которыхъ они передали бы гражданамъ и гражданкамъ, желающимъ посвятить себя педагогической дѣятельности тотъ методъ обученія, который они усвоить въ Парижской нормальной школѣ. И въ этихъ провинціальныхъ нормальныхъ школахъ курсъ былъ назначенъ тоже четырехмѣсячный.

Учителями Парижской нормальной школы предполагалось назначить лицъ наиболѣе способныхъ выполнить обязанности наставниковъ. Обязанности эти были въ декретѣ опредѣлены въ самыхъ общихъ чертахъ, отличающихся нѣкоторою риторическою напыщенностью. „Наставники, сказано въ декретѣ, будутъ учить воспитанниковъ искусству наставлять въ морали и приучать сердца юныхъ республиканцевъ къ практикѣ добродѣтелей общественныхъ и частныхъ. Они научать ихъ сначала примѣнять методы, указанныя въ элементарныхъ книгахъ (какія будутъ заданы конвентомъ), при обученіи чтенію, письму, арифметикѣ, практической геометріи, исторіи и французской грамматикѣ“.

¹⁾ Въ тогдашнемъ *Moniteur's* (11 Ventose 1794 г.) высказываются надежда, что правительство воспользуется этимъ способомъ для быстрого распространенія знаний, необходимыхъ для блага республики. „Cet essai d'instructions données à des envoyés de tous les districts et répandues tout-à-coup sur une grande surface promet des succès qui seraient restés inconnus sans cette belle expérience. C'est une méthode révolutionnaire qui sera sans doute employée par le gouvernement pour multiplier en peu de temps tous les genres d'instruction que la prospérité publique exige“.

Въ связи съ проектомъ нормальной школы издавъ былъ декретъ объ учрежденіи начальныхъ школъ (*écoles primaires*), и поручено было составленіе элементарныхъ руководствъ выдающимся ученымъ, изъ которыхъ нѣкоторые пользовались извѣстностью далеко за предѣлами Франціи. Такъ поручено было составить элементарныя руководства: по *республиканской морали*—Бернардену-до-Сентъ-Пьерру, по арифметикѣ и геометріи—Лагранжу и Лежандру, по исторіи *свободныхъ народовъ*—Гара (*Garat*), по чтенію и письму—Сикару, по грамматикѣ—Пужану (*Pougens*), по естественной исторіи—Добантону (*Daubenton*), разъясненіе принциповъ деклараціи правъ человека и гражданина и конституціи французской республики—Вольнею (*Volney*), необходимыя наставленія для того, чтобы сдѣлать полезными для воспитанниковъ посѣщеніе масторскихъ, и руководство по ручному труду—Монжу (*Monge*), о главнѣйшихъ явленіяхъ природы—Гаю (*Haüy*), по агрикультурѣ—Дюбоа.

Большая часть этихъ лицъ впоследствии была назначена преподавателями въ нормальной школѣ.

Изъ этого перечня элементарныхъ руководствъ видно, что въ начальныхъ школахъ предполагалось учить не только чтенію, письму и арифметикѣ, но и давать основныя свѣдѣнія по исторіи, естествовѣдѣнію и геометріи, и отводилась часть времени для ручного труда и ознакомленія съ ремеслами и сельскимъ хозяйствомъ.

Программа начальныхъ школъ была задумана широко. Въ такихъ широкихъ размѣрахъ совѣтовалъ устроить первоначальное ученіе еще раньше извѣстный педагогъ Коменскій.

Вліяніе революціи выразилось въ томъ, что законъ Божій и христіанская мораль были замѣнены моралью республиканскою и объясненіемъ правъ человека и гражданина. Забота о составленіи хорошихъ элементарныхъ руководствъ объясняется тѣмъ, что они должны были служить не только пособіемъ для учащихся, но и руководствомъ для учащихся.

Въ самой же нормальной школѣ, когда она была открыта въ 1795 г., учебное дѣло получило слѣдующее устройство.

Въ началѣ, какъ это видно изъ вышеприведеннаго проекта, нормальная школа предназначалась для приготовленія учителей начальныхъ школъ. Впоследствии однако цѣль школы была значительно расширена, особенно подъ вліяніемъ Гара и Лаканала, которые старались обратить ее въ самую высшую школу, въ которой преподавались бы всѣ науки и искусства или, какъ это значится въ одномъ

докладѣ Гара, „плоды всѣхъ человѣческихъ размышленій“, и показывались образцовые способы преподаванія всѣхъ наукъ. Нормальная школа, по новому проекту, должна была готовить не только учителей низшихъ школъ, но и учителей высшихъ школъ и вообще служить рассадникомъ высшаго образованія. Согласно съ этимъ новымъ взглядомъ на задачу нормальной школы были расширены и программы ея, и самое преподаваніе разнообразныхъ предметовъ было поручено выдающимся ученымъ и профессорамъ.

Слѣдующіе предметы преподавались въ нормальной школѣ, открытой конвентомъ: математика, физика, химія, естественная исторія, языкъ французскій, литература французская, исторія, географія, мораль, анализъ мышленія или логика, сельское хозяйство, политическая экономія.

Отдѣленій или факультетовъ въ школѣ не было. Лекціи читались для всѣхъ. Они имѣли у однихъ профессоровъ характеръ факультетскихъ курсовъ, у другихъ характеръ научно-популярный. Вообще видно, что лекторы или вовсе не имѣли или же мало имѣли въ виду потребности учителей, готовившихъ для преподаванія въ начальныхъ училищахъ.

Для того, чтобы дать понятіе объ этихъ лекціяхъ, представимъ нѣкоторыя программы.

По математическимъ наукамъ Лавгранжъ и Лапласъ предполагали пройти слѣдующее: представить важнѣйшія открытія, сдѣланныя въ этихъ наукахъ, развить принципы или основы ихъ, отмѣтить идеи тонкія и счастливыя, давшія начало этимъ основамъ; указать путь самымъ прямой, который можетъ привести къ этимъ основамъ, а также: указать лучшіе источники, гдѣ бы можно было почерпнуть подробности, что остается еще сдѣлать, и путь, по которому должно слѣдовать. Таково, по словамъ этихъ великихъ математиковъ, задача нормальной школы, и съ этой точки зрѣнія предполагалось имъ изложить математическія науки. Кроме того, указывается, что весьма полезно было бы дать учащимся понятіе о теоріи вѣроятностей и научать ихъ примѣнять ее къ статистикѣ: рожденій, смертности, выборовъ, страхованія и т. п.

Болѣе умѣрена была программа по химіи Бертоле (Berthollet). По его словамъ, элементарный курсъ химіи долженъ изложить послѣдовательно и вывести изъ опыта химическія свойства тѣлъ, находящихся въ природѣ, начиная съ простѣйшихъ, и дать точное понятіе о теоріяхъ, служащихъ основой для развитія знаній и ведущихъ ме-

тодически къ общимъ идеямъ. Вместе съ этимъ курсъ химіи долженъ сообщать о важнѣйшихъ примѣненіяхъ этой науки къ промышленности.

Лагарпъ читалъ свои лекціи по литературѣ по той же программѣ, какъ онъ читалъ ихъ въ лицей. Цѣль его была приготовить ораторовъ, необходимыхъ для республики, и вообще дать гражданамъ руководство къ тому, чтобы приобрести способность излагать свое мнѣніе или говорить рѣчь экспромптомъ согласно съ правилами логики и ораторскаго искусства.

Дѣятельность профессоровъ нормальной школы не ограничивалась одними лекціями. Кромѣ лекцій назначены были еще такъ называемыя конференціи или дебаты (т. е. бесѣды), на которыхъ воспитанники подъ руководствомъ профессора разбирали какія-нибудь частности пройденной науки, вступали въ пренія между собою и въ бесѣдѣ съ профессоромъ старались уяснить себѣ существенныя стороны изучаемаго предмета и усвоить себѣ научный методъ. Особенно были важны конференціи, устроенныя по математическимъ наукамъ. Для руководства этими бесѣдами профессоръ назначалъ кого либо изъ наиболѣе знающихъ и способныхъ учениковъ, а самому себѣ предоставлялъ общій надзоръ за ними. Мало усѣвшіе или недостаточно подготовленные по математикѣ получали возможность на этихъ конференціяхъ дополнить свои знанія, чтобы быть въ состояніи понимать лекціи профессоровъ. Кромѣ того на этихъ конференціяхъ упражнялись въ рѣшеніи математическихъ задачъ. По свидѣтельству Лагарпа, конференціи или бесѣды имѣли наиболѣе назидательное значеніе для воспитанниковъ нормальной школы: онѣ служили лучшимъ средствомъ для пробужденія въ нихъ научнаго интереса и для развитія ихъ самостоятельности.

Отъ этихъ конференцій или бесѣдъ, назначенныхъ для разъясненія и дополненія по научнымъ предметамъ, слѣдуетъ отличать конференціи, которыя были посвящены вопросамъ педагогическимъ. На этихъ конференціяхъ профессора, въ присутствіи воспитанниковъ нормальной школы, занимались главнымъ образомъ чтеніемъ и разборомъ элементарныхъ руководствъ, назначенныхъ для начальныхъ школъ. На эти конференціи приглашались иногда и постороннія лица: выдающіеся ученые, литераторы и художники.

Чтобы использовать лекціи профессоровъ, а также конференціи и сдѣлать ихъ достоинствомъ всѣхъ, занимавшихся преподаваніемъ, они записывались стенографистами и, отпечатанныя во множествѣ экземпляровъ, разсылались по всѣмъ школамъ Франціи.

Для того, чтобы дать возможность ученикамъ нормальной школы получить всестороннее образованіе, имъ было открытъ доступъ въ библіотеки, обсерваторію, музеи естественныхъ наукъ и искусствъ и вообще во всё учрежденія, назначенныя для просвѣщенія народа.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что нормальная школа, задуманная въ началѣ въ скромныхъ размѣрахъ, впоследствии мало по малу превратилась въ школу высшаго порядка, которая вообще давала высшее научное образованіе и потому могла служить разсадникомъ не только учителей, но и профессоровъ. Въ ней не столько учили тому, какъ преподавать науки въ начальныхъ школахъ, а учили самимъ основамъ наукъ и тому, какимъ методомъ вѣрнѣе всего можно изучать ихъ. О первоначальной задачѣ нормальной школы напоминали только конференціи, назначенныя для чтенія и разбора элементарныхъ руководствъ.

Организаторы нормальной школы, когда уставъ ея былъ уже готовъ, имѣли въ виду учрежденіе такъ называемыхъ центральныхъ школъ, которыя должны были замѣнить прежніе коллежи. Въ эти центральныя школы назначались преподавателями воспитанники нормальной школы. Но идея организаторовъ нормальная школа вмѣстѣ съ центральными и начальными школами должна была составлять одну стройную систему національнаго образованія ¹⁾.

Какъ высоко цѣнили учредители новую организацію школы и какія большія надежды возлагали они на нее, это видно изъ тѣхъ восторженныхъ словъ, которыя находимъ въ докладѣ одного изъ нихъ, а именно вышеупомянутаго Лаканала. Весь міръ, говорится въ немъ, узнастъ, что среди опасностей войны и внутреннихъ смуть Франція создала храмъ обширный и вѣчный, не имѣющій до сихъ поръ ничего подобнаго себѣ, храмъ для всѣхъ искусствъ, для всѣхъ наукъ и для всѣхъ отраслей человѣческой промышленности, который обезпечитъ за французской націей превосходство надъ другими народами міра,

¹⁾ Въ одномъ изъ докладовъ Лаканала, одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ организаторовъ школы во время конвента, говорится слѣдующее: *Citoyens, vous avez fondé l'École Normale, et cet établissement, en opérant un grand débordement de lumières dans les départements, consolera les sciences, les lettres et les arts, des ravages de l'ignorance et de la tyrannie. Les écoles primaires s'organisent de toutes parts, les livres élémentaires sont composés; il nous reste un pas à faire (т. е. organiser les écoles centrales) pour monter tout le système de l'instruction nationale, et ce pas sera un grand bienfait pour génération qui s'avance.* (Centenaire, p. 79).

гораздо болѣе славное, чѣмъ то, которое приобрѣтено было успѣхами французской арміи.

„L'univers, la postérité sauront qu'au milieu des orages d'une révolution inouïe, dans les crises d'une guerre dont vous souffriez l'embrasement sur vingt nations punies de leurs forfaits, tandis que dans l'intérieur vous terrassiez d'une main le crime et l'immoralité et que, de l'autre, vous cicatrisiez les plaies que la patrie avait reçues de ses paricides enfants,—votre génie infatigable, combattant sans relâche l'ignorance et le vandalisme qui menaçaient d'envelopper la République, élevait un temple immense, un temple éternel et jusqu'à vous sans modèle, à tous les arts, à toutes les sciences, à toutes les branches de l'industrie humaine, et que vous assuriez par ce chef-d'oeuvre à la nation française sur les peuples d'univers une supériorité plus glorieuse que celle que nous avait donnée le succès des nos armes triomphantes (Centenaire, p. 79—80).

Всѣ эти блестящія надежды, которыя возлагались на новую организацию школы, особенно на школу нормальную, которая должна была стоять во главѣ всей организации, оказались воздушными замками и не могли осуществиться уже по той простой причинѣ, что народная школа едва просуществовала четыре мѣсяца, и то исполнивъ, и была закрыта по недостатку въ матеріальныхъ средствахъ. Но и помимо этого, въ организациі самой школы были крупныя недостатки, которые мѣшали ей осуществить предположенную цѣль.

Во-первыхъ, для прохожденія всей энциклопедіи наукъ назначено было слишкомъ мало времени. Само собою понятно, что въ четыре мѣсяца нельзя было усвоить хотя бы верхи по математическимъ и естественнымъ наукамъ, по философіи и исторіи, по языку и литературѣ, по политической экономіи и по агрикультурѣ. Это, конечно, понимали и болѣе разсудительные современники. Одинъ изъ ораторовъ, выступившій въ конвенціи при обсужденіи проекта нормальной школы, гвѣто Серженъ (Sergent), въ слѣдующихъ рѣзкихъ выраженіяхъ отзывался о четырехмѣсячномъ курсѣ. „Если лица, назначенныя комитетомъ для преподаванія въ нормальной школѣ, не сумасшедшіе и не шарлатаны, то они никакъ образомъ не въ состояніи будутъ достигнуть въ четыре мѣсяца предположенной цѣли. Вѣдь дѣло идетъ не о томъ, чтобы вывести плоды въ теплицахъ или оранжереяхъ, а о томъ, чтобы образовать людей ученыхъ и заслуживающихъ того, чтобы просвѣщать своихъ гражданъ.... И не о томъ идетъ рѣчь, чтобы научить механическому труду, напримѣръ, приготовленію по-

роха, а о томъ, чтобы образовать умъ и сердце людей. Въ четыре мѣсяца нельзя приготовить моралистовъ, математиковъ, физиковъ и т. д. (Senten., 69)*. Какъ изъ исторіи нормальной школы видно, въ 4 мѣсяца не было пройдено даже и половины курсовъ, а нѣкоторые изъ нихъ остановились на вступленіяхъ (Sent., 172 и слѣд.).

Во-вторыхъ, нормальная школа не могла достигнуть своей цѣли еще и потому, что ученики, которыхъ поручено было конвентомъ выбрать мѣстной администраціи, представляли весьма пеструю массу съ самой разнообразной подготовкой. Одни имѣли предварительныя свѣдѣнія и то по нѣкоторымъ предметамъ, другіе не имѣли никакихъ свѣдѣній. Наборъ мало или совсѣмъ не подготовленныхъ слушателей объясняется тѣмъ, что первоначально нормальная школа предназначалась для приготовленія учителей начальныхъ школъ, въ которыхъ все ученіе ограничивалось чтеніемъ, письмомъ и арифметикой. Поэтому мѣстная администрація, которымъ конвентъ поручилъ выбрать указанное число учениковъ, обращала не столько вниманія на степень ихъ научной подготовки, сколько на ихъ политическую благонадежность, „на ихъ испытанный патріотизмъ“ и приверженность къ новой республикѣ. Вслѣдствіе своей неподготовленности большая часть учениковъ не могли слѣдить за курсами нормальной школы, особенно по математическимъ наукамъ. Дебаты и конференции тоже мало могли принести пользы тѣмъ, которые совсѣмъ не были подготовлены къ слушанію высшихъ курсовъ.

Ошибка, сдѣланная учредителями нормальной школы, объясняется тѣмъ, что они желали какъ можно скорѣе распространять по всей Франціи единое общее образованіе и такимъ образомъ объединить всю народную массу на новыхъ началахъ, возвышенныхъ революціей. Этотъ „революціонный“ методъ, который съ успѣхомъ былъ примененъ для быстрой подготовки военныхъ инструкторовъ, оказался совершенно негоднымъ въ примѣненіи къ школамъ, назначеннымъ для распространенія и утвержденія наукъ и искусствъ въ народѣ ¹⁾.

¹⁾ Какое впечатлѣніе произвели на самихъ учениковъ эти курсы, такъ много обѣщавшіе и такъ печально для нихъ окончившіеся (многіе не выѣхавъ, а что вернуться домой), о томъ дастъ намъ понятіе пѣсенка, сочиненная однимъ изъ посетителей курсовъ, нѣкимъ Варе, подъ заглавіемъ: *La fugue postmale, potpourri national, en vaudevilles*. Выпишемъ изъ нея главнѣйшіе куплеты.

Un jour le Sénat Gallican,
Par une sage prévoyance,

Впрочемъ, не смотря на эти недостатки и на краткое существованіе свое, нормальная школа не прошла бесслѣдно для образованія Франціи. Она была какъ бы предвѣстницей новой организаціи образованія, которая и до сихъ поръ не потеряла своего значенія. Тогда

Songeant au bonheur de la France,
Voulut que chacun fût savant....

Que chacun soit physicien,
Et qu'il joigne à cet avantage
D'être astronome, historien;
Qu'il possède le beau langage;
Qu'il soit orateur
Et littérateur,
Nous n'en voulons pas davantage.
Qu'il soit émule de Buffon,
Qu'il soit et politique et sage,
Qu'il soit géomètre profond
Et connaisse le labourage;
Avec de l'esprit
Cela nous suffit,
Nous n'en voulons pas davantage.
Entrez donc
Sans façon
Dans la classe;
Vous serez un peu serrés,
Mais vous vous gênez
Pour avoir de la place:
Le talent
Aisément
S'accomode....
Dans quatre mois de séance
Les plus grands maîtres de France
Vous diront et sauront vous apprendre
Comme on doit en général,
Pour faire un cours normal,
S'y prendre....

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе самихъ курсовъ, усмысляющаго ихъ значенія и мѣсенка оканчивается слѣдующими куплетами:

O toi, qui n'es jamais dû naître,
Admirable établissement,
Quel décret déjà vient paraître
Et le fait rentrer au néant?
Quoi! la patrie
Vous congédie,

впервые сдѣлана была попытка распространить образованіе на всѣ классы народа, между тѣмъ какъ до того времени оно ограничивалось только привилегированными классами общества; притомъ образованіе это должно было, по существу, быть одинаково, какъ для низшихъ, такъ и для высшихъ школъ ¹⁾. Затѣмъ само содержаніе образованія было обновлено въ духѣ времени. Въ немъ заняли подобающее мѣсто науки естественныя и математическія, а отчасти также и прикладныя. Въ самомъ способѣ преподаванія пронизала поремѣна къ лучшему. По словамъ Араго, съ учрежденія нормальной школы водить начало настоящая революція въ изученія чистыхъ математическихъ наукъ. Тогда впервые предстали предъ учениками демонстраціи, методы, замѣчательныя теоріи, которыя раньше хранились подъ спудомъ въ академическихъ сборникахъ, и побудили ихъ перестроить на новыхъ основахъ руководство, назначенныя для школы ²⁾. Наконецъ, тогда впервые было обращено особенное вниманіе на первоначальное образованіе, которое по справедливости считается фундаментомъ всего образованія. Какое высокое значеніе было придано первоначальному образованію, видно изъ того, что составленіе руководствъ для начальныхъ школъ было поручено выдающимся ученымъ и профессорамъ.

Послѣ тринадцатилѣтняго перерыва нормальная школа была возобновлена въ 1808 году ³⁾, но уже въ другомъ видѣ. Два года раньше было учреждено Наполеономъ I особое управленіе по школь-

Enfants faits pour les cours normaux:
Et sans décence
Cette sentence
Vous est prononcée en ces mots:
Allez vous en, gens de l'École,
On ne peut rien faire de vous:
L'entreprise était trop folle!
On ne peut rien faire de vous.
Allez vous en
Très promptement
Reprendre votre premier rôle;
Allez vous en planter vos choux.

¹⁾ Идею подобнаго образованія находимъ мы раньше у Коменскаго.

²⁾ Centenaire, p. 207. „De l'École normale date aussi une véritable révolution dans l'étude des mathématiques pures. Alors des démonstrations, des méthodes, des théories importantes enfouies dans les collections académiques, parurent pour la première fois devant les élèves, et les excitèrent à refondre sur des nouvelles bases les ouvrages destinés à l'enseignement“.

³⁾ Открыта же она была въ 1810 г.

ному дѣлу, такъ называемое l'Université, завѣдывавшее всѣми школами начиная отъ низшихъ и оканчивая высшими. Въ этой системѣ школы получала свое опредѣленное мѣсто и нормальная школа. Она обращена была въ интернатъ (internal normal), для 300 молодыхъ людей, предназначавшихъ себя педагогической дѣятельности (à l'art d'enseigner les lettres et les sciences). Выражаясь яснѣе, нормальная школа предназначалась для приготовленія учителей для лицеевъ и высшихъ школъ. Принимались въ интернатъ самые лучшие ученики лицеевъ, набранные генеральными инспекторами по конкурсу, имѣвшие не менѣе 17 лѣтъ отъ роду. Поступавшіе въ нормальную школу обязывались прослужить десять лѣтъ ¹⁾, но зато были освобождены отъ воинской повинности. Курсъ въ нормальной школѣ былъ назначенъ двухлѣтній. Устроены были въ школѣ два отдѣленія: историко-филологическое (des lettres) и естественно-математическое (des sciences). Научные курсы питомцы школы должны были слушать на факультетахъ, учрежденныхъ въ 1811 г. въ Парижѣ: одни на факультетѣ историко-филологическомъ (faculté des lettres), другіе на факультетѣ естественно-математическомъ (f. d. sciences), смотря по тому, какимъ наукамъ они себя посвящали. Первоначально для слушанія лекцій назначены были три учебныя заведенія: Collège de France, l'École polytechnique и Muséum d'histoire naturelle, впоследствии они были замѣнены факультетами. — Кромѣ лекцій для каждаго отдѣленія были назначены особыя conférences для бесѣдъ и практическихъ занятій. На этихъ конференціяхъ, подъ руководствомъ профессоровъ, студенты историко-филологическаго отдѣленія объясняли и разбирали классическихъ авторовъ, читали свои труды, какъ-то: переводы, разсужденія, описанія, историческіе разсказы, латинскія стихотворенія, комментаріи, сочиненія по вопросамъ философіи, грамматики, исторіи и т. п. Студенты же естественно-математическаго отдѣленія разбирали труднѣйшія части предшествующей лекціи, сравнивали различные методы рѣшенія задачъ, читали свои сочиненія по разнымъ вопросамъ естествознанія и математики, повторяли опыты по физикѣ и химіи и т. п. Наконецъ въ интернатѣ были свои репетиторы, избранные изъ бывшихъ и наиболѣе способныхъ студентовъ нормальной школы, частью для повторенія курсовъ, прослушанныхъ на факультетахъ, частью для упражненія въ опытахъ физическихъ и химическихъ, а также въ искусствѣ преподаванія. Между прочимъ они должны были

¹⁾ Въ число этихъ 10 лѣтъ засчитывались два года, проведенные въ школѣ.

упражнять ихъ въ искусствѣ критики. Для этой цѣли они задавали студентамъ поочередно разбирать сочиненія, представленныя на конференціи. Тѣ, которымъ это было задано, представляли докладъ мотивированный, письменный. Этотъ докладъ разбирался всѣмъ отдѣленіемъ, которое и рѣшало, достойно ли сочиненіе быть доложеннымъ начальнику школы.

Въ послѣдніе мѣсяцы нормальнаго курса, т. е. въ концѣ второго года, на конференціяхъ занимались вопросами педагогическими, разборомъ основъ и методовъ преподаванія, а также руководствомъ, или же давали уроки, начиная съ низшихъ классовъ. Самые лучшіе изъ учениковъ, обыкновенно числомъ 10, кончившихъ двухгодичный курсъ и заслужившихъ особенную рекомендацію по успѣхамъ и поведенію, оставались на третій годъ въ школѣ для большаго усовершенствованія въ избранномъ предметѣ. Они получали титулъ и содержаніе *agrégé (le titre et le traitement d'agrégé)*, исполняли въ школѣ обязанности репетиторовъ и могли быть назначены профессорами (по напому учителями) въ низшихъ классахъ лицей. Остальные питомцы школы, кончившіе курсъ, выпускались съ титуломъ *licenciés* и должны были выдержать сначала экзаменъ на *agrégé*, чтобы получить право на занятіе профессуры въ лицейхъ¹⁾.

Изъ вышесказаннаго видно, что нормальная школа, возникшая въ разгаръ революціоннаго броженія и представлявшая въ своей организаціи много хаотическаго и неосуществимаго, приняла въ правленіе Наполеона I болѣе опредѣленное и практическое устройство. Она получила опредѣленную задачу — готовить учителей для среднихъ и высшихъ школъ. Этимъ было опредѣлено содержаніе оя курсовъ. Такъ какъ она готовила учителей для лицеевъ и высшихъ заведеній, то въ курсы ея вошли и тѣ предметы, которые преподавались въ лицейхъ и на факультетахъ, а именно древніе языки и литература. Затѣмъ все устройство этой школы было болѣе практично. Такъ принимались въ школу не всякаго рода ученики, а только тѣ, которые лучше всего были подготовлены къ слушанію высшихъ курсовъ. За-

¹⁾ Мы удерживаемъ французскія названія — *licence*, *agrégation*, *licencié*, *agrégé*, потому, что вводитъ соответствующихъ имъ названій нѣтъ въ русскомъ языкѣ. *Licence* есть первая или низшая степень, *agrégation* — вторая или высшая степень, даваемая университетомъ. *Licence* даетъ право преподаванія (*licentia docendi*) только въ низшихъ классахъ лицей, *agrégation* даетъ право на профессуру въ лицей и въ высшихъ заведеніяхъ. *Licencié* — имѣющій степень *licence*, *agrégé* имѣющій степень *agrégé*.

тѣмъ курсъ школы былъ продолженъ на два года, а для лучшихъ учениковъ и на три. Законодѣ были устроены два отдѣленія, — что давало возможность учащимся усвоить лучше избранную науку. Нельзя не указать, какъ на преимущество нормальной школы, организованной Наполеономъ I, и на то, что она была обращена въ интернатъ. Этимъ было обеспечено существованіе лицъ, посвящавшихъ себя педагогической дѣятельности, и даже была возможность имъ иногда спокойно предаться изученію избранныхъ наукъ, не заботясь о завтрашнемъ днѣ.

Эту организацію, какую нормальная школа получила при Наполеонѣ, она въ основныхъ чертахъ сохранила и до послѣдняго времени, такъ что собственно исторію нормальной школы правильнѣе начать со времени Наполеона, чѣмъ со времени конвента (правилнѣе съ 1810 г., чѣмъ съ 1795 г.). Измѣненія, которымъ подверглась нормальная школа послѣ Наполеона, касались болѣе частныхъ и зависѣли частью отъ политическихъ обстоятельствъ, частью же отъ хода образованія и отъ развитія наукъ.

Во время реставраціи чуть не погибла нормальная школа. Въ 1822 году во главѣ управленія всѣми свѣтскими школами было поставлено духовное лицо, аббатъ Фресинусъ (Fraysinous), вскоре возведенный въ санъ епископа. Не довѣряя нормальной школѣ, отличавшейся либеральнымъ духомъ, онъ въ томъ же году закрылъ ее и вмѣсто нея предполагалъ открыть такъ называемыя приготовительныя школы при королевскихъ коллегіяхъ, имѣвшихъ пансіоны. Фресинусъ успѣлъ открыть только главную школу въ Парижѣ при коллегіи Людовика (Louis le Grand). Въ этой школѣ особенное вниманіе обращено было на законъ Божій и на исполненіе церковныхъ обрядовъ. Вообще во время реставраціи отъ школы требовали, чтобы она воспитывала юношество въ преданности старой монархіи и католической вѣрѣ, надѣясь этимъ вернуть оныя все къ старому и искоренить все новое, возникшее во времена революціи и въ правленіе Наполеона. Послѣ июльской революціи въ 1830 г. въ правленіе Людовика Филиппа нормальная школа была опять возстановлена съ прежнимъ названіемъ и изданъ былъ новый регламентъ, дополненный потомъ нѣсколько разъ. Конечно, основы школы остались тѣ же самыя, какія были установлены при Наполеонѣ; новостью была весьма подробная регламентація всего учебнаго дѣла. Были изданы болѣе строгія правила для поступленія въ школу, были подробно изложены занятія на томъ и другомъ отдѣленіи въ каждомъ году, установлены экзамены,

къмъ переходныя, такъ и окончательныя, изданы правила о дисциплинѣ (весьма строгія, съ точки зрѣнія нашего времени) ¹⁾. Укажемъ только на главнѣйшія нововведенія. Во-первыхъ, окончательно была установлена трехлѣтняя продолжительность курса. Для поступления въ школу требовалось выдержать особый экзаменъ по конкурсу письменный и устный. По окончаніи 1-го года студенты отдѣленія словеснаго (lettres) должны были держать экзаменъ на степень licencié; не выдержавшій экзамена увольнялся изъ школы. Студенты же отдѣленія научнаго (sciences) должны были держать два экзамена на licencié: по окончаніи перваго года на licencié по математическимъ наукамъ, по окончаніи втораго года на licencié по физическимъ наукамъ (физикъ, химіи). Третій годъ былъ назначенъ для приготовления къ экзамену на степень agrégé. Этотъ экзаменъ держался на факультетѣ. Такъ какъ по историко-филологическимъ наукамъ было установлено 4 вида agrégé, а именно: по грамматикѣ, риторикѣ, философіи и исторіи, то и отдѣленіе словесное въ школѣ было подраздѣлено въ 3-мъ году на 4 секціи. На отдѣленіи наукъ былъ экзаменъ только на одну степень agrégé, и только съ 1840 г. были учреждены двѣ степени agrégé: одна по математическимъ наукамъ, другая по естественнымъ (по химіи и естественной исторіи, или по химіи и физикѣ) ²⁾. Не выдержавшій экзаменъ увольнялся изъ школы.

По прежнему лекціи читались на факультетахъ и кромѣ того въ самой школѣ были назначены такъ называемыя конференціи. Эти конференціи имѣли характеръ бесѣдъ, часто весьма плодотворныхъ для питомцевъ школы. Вообще въ третьемъ году было имъ предоставлено больше времени для спеціальнахъ занятій, для слушанія лекцій на факультетахъ, въ Collège de France, въ Musée de l'histoire naturelle, а также для посѣщенія библіотекъ и коллекцій и для работъ въ лабораторіи и въ физическомъ кабинетѣ. Кромѣ того, за это время было сдѣлано еще одно нововведеніе въ нормальной школѣ: въ программу ея введены были новѣйшіе языки (нѣмецкій въ 1841, англійскій въ 1845) и рисованіе. Спеціализація занятій въ школѣ объясняется большою спеціализаціей наукъ, начавшейся къ срединѣ прош-

¹⁾ О дисциплинѣ будетъ сказано ниже.

²⁾ Въ началѣ прошлаго столѣтія естественно-историческія науки, какъ-то: зоологія, ботаника, минералогія и геологія, преподавались такъ поверхностно, что по нимъ не полагалось особенной степени agrégé. Эта степень была учреждена только въ 1869 г., и тогда и въ нормальной школѣ на отдѣленіи sciences образовались три подотдѣленія: 1) по математикѣ, 2) по физикѣ и химіи и 3) по естественнымъ наукамъ.

лаго столѣтія. Раньше, во времена Наполеона, можно было требовать чтобы ученики одного отдѣленія посѣщали лекціи другого отдѣленія. То же самое, по традиціи, предписывалось и въ регламентѣ школы, издавномъ въ правленіе Людовика Филиппа; но это предписаніе становилось все менѣе и менѣе выполнимымъ, такъ какъ при спеціализаціи наукъ дѣлалось все болѣе и болѣе труднымъ не только посѣщать лекціи на обоихъ отдѣленіяхъ, но и прослушать всѣ лекціи на одномъ отдѣленіи. Введеніе же новыхъ языковъ объясняется все большимъ и большимъ значеніемъ ихъ для высшаго научнаго образованія. Впрочемъ преподаваніе ихъ, по свидѣтельству самихъ учениковъ школы, было довольно слабо; оно поручалось болѣею частью тѣмъ изъ учениковъ школы, которые знали эти языки.

Что касается до спеціально педагогической подготовки, то она и въ этотъ періодъ времени стояла на второмъ планѣ. Въ 1838 г. было постановлено, чтобы ученики въ концѣ третьяго года присутствовали на урокахъ въ парижскихъ коллегіяхъ и сами принимали участіе въ преподаваніи, подъ руководствомъ профессоровъ, по тѣмъ предметамъ, которые они избрали своею спеціальностью и по которымъ они готовились къ экзамену на степень агрегѣ. Эти упражненія продолжались, обыкновенно послѣ пасхи, отъ 6 до 8 недѣль.

Для характеристики нормальной школы въ періодъ времени отъ 1830 г. до 1848 г. считаемъ нелишнимъ привести одно мѣсто изъ исторіи этой школы, составленной Поломъ Дюпюа (Centenaire, p. 241). „Царствованію Луи Филиппа она обязана была всѣмъ тѣмъ, чѣмъ она была. Въ это царствованіе все время заботились объ ея организаціи. вмѣстѣ со своимъ названіемъ и со своимъ новымъ жилищемъ (для нея было выстроено новое обширное зданіе на улицѣ *Ulm*), она получила ту фисіономію, которую она сохранила вопреки всѣмъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ позднѣйшаго времени“. Главный трудъ въ организаціи школы принадлежитъ Кузену и Дюбоа. Первый былъ директоромъ школы, а впоследствии министромъ просвѣщенія; Дюбоа былъ преемникомъ Кузена въ управленіи школою.

При Наполеонѣ III, по крайней мѣрѣ въ началѣ, нормальная школа подверглась большимъ стѣсненіямъ, отчасти потому, что Наполеонъ имѣлъ уже въ виду захватить всю власть въ республикѣ, отчасти же и потому, что послѣ социалстическаго революціи въ 1848 году въ обществѣ было настроеніе, благоприятное для реакціи. Когда Наполеонъ еще былъ президентомъ республики, послѣдовало преобразованіе среднихъ и высшихъ школъ въ духѣ антилибераль-

номъ. Инициатива этого преобразования принадлежала самому Наполеону, проектъ же Фортулу (Fortoul). 10-го апрѣля 1852 г. былъ изданъ декретъ о новомъ устройствѣ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній (nouveau régime d'études secondaires et supérieures). Ему предпослано было письмо Фортула къ президенту республики. Въ этомъ письмѣ излагалось, что методы ученія, которымъ до сихъ поръ слѣдовали, „породили слишкомъ много умовъ безплодныхъ и опасныхъ, и что для искорененія зла слѣдовало бы устранить изъ средняго образованія (т. е. изъ лицеевъ) разсужденія и пренія историческія и философскія, которыя мало приличествуютъ дѣтямъ, когда умъ еще не окрѣпъ и когда преждевременныя изслѣдованія порождаютъ только скептицизмъ и пустое тщеславіе“. Въмѣстѣ съ тѣмъ предлагалось соответственно измѣнить и ученіе въ нормальной школѣ и экзамены на степень агрегаціи. Предлагаемыя мѣры, говорится въ письмѣ, имѣютъ въ виду образовать скромныхъ преподавателей, а не риторовъ, болѣе способныхъ выкапывать проблемы неразрѣшимыя и опасныя, чѣмъ передавать практическія знанія. Необходимо, чтобы преподаватели, призванные именемъ государства къ почетному дѣлу ученія, научились при помощи тяжелаго искуса (un pénible poviciat) забыть себя ради учениковъ и искать славы своей только въ успѣхахъ дѣтей, имъ ввѣренныхъ.

Новымъ уставомъ значительно былъ пониженъ уровень научнаго образованія въ нормальной школѣ. Особенно пострадали науки слесныя, имѣющія близкое отношеніе къ человѣческому обществу, а именно исторія и философія. Исторія стала преподаваться кратко и поверхностно, философія ограничивалась краткимъ курсомъ логики. Науки математическія были въ этомъ отношеніи счастливы; но и тутъ новый уставъ нашелъ необходимымъ ограничить программу по космографіи. Полученіе степени агрегэ затруднено было чисто формальнымъ образомъ. Нормальная школа, по новому уставу, должна была готовить только лиценціатовъ по литературѣ и по наукамъ. Кончившіе курсъ съ этою степенью получали мѣста въ лицей. къ экзамену же на степень агрегэ допускались ученики нормальной школы, прослужившіе не менѣе трехъ лѣтъ въ лицей и достигшіе 25 лѣтняго возраста.

Слѣдствіемъ пониженія курсовъ было то, что нормальная школа не была въ состояніи приготовить кандидатовъ на профессуру въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Чтобы исправить этотъ пробѣлъ, въ 1854 г. учреждено было Фортуломъ особенное отдѣленіе въ нормаль-

ной школѣ для избранныхъ учениковъ, окончившихъ трехлѣтній курсъ съ отличіемъ. Для этихъ учениковъ дана была возможность въ теченіе 4-го и 5-го года подготовиться къ профессурѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или въ самой школѣ, или при какомъ либо другомъ высшемъ учебномъ заведеніи или даже за границей.

Всѣ вышеозначенныя мѣры были отмѣнены со смертью Фортула въ 1856 году. Замѣтимъ, что Наполеонъ III послѣ удачной крымской войны, значительно укрѣпившей власть его и поднявшей авторитетъ его во Франціи и въ Европѣ, сталъ относиться либеральнѣе къ школьному вопросу. Послѣ Фортула министромъ просвѣщенія назначенъ былъ Рудаль (Rouland), директоромъ нормальной школы извѣстный историкъ литературы Низаръ (Nisard) и помощникомъ и руководителемъ научной секціи знаменитый Пастёръ (Pasteur, directeur des études scientifiques et administrateur de l'École).

Прежде всего отмѣненъ былъ трехлѣтній стажъ въ лицей для тѣхъ, которые желали экзаменоваться на степень аггѣгѣ. Стажъ былъ объявленъ, и то одногодный, только для тѣхъ, которые не могли прямо по окончаніи курса сдать экзаменъ на агрегацію. Затѣмъ было предоставлено болѣе свободы преподаванію. По исторіи были назначены два профессора въ нормальную школу; каждый изъ нихъ получилъ три лекціи въ недѣлю. Экзаменъ на степень лиценціата былъ опять назначенъ по окончаніи перваго года. Въ министерство Дюрюа (Dugué) опять философіи было возвращено ея прежнее значеніе. Классъ логики въ лицей опять сталъ называться классомъ философіи. Поступавшіе въ нормальную школу обязательно должны были пройти этотъ классъ въ лицей. Соответственно этому была восстановлена и степень агрегаціи по философіи. Въ то же министерство отмѣненъ былъ и одногодичный стажъ въ лицей, такъ что всѣ ученики нормальной школы могли, по окончаніи курса, явиться на конкурсный экзаменъ для полученія агрегаціи безъ всякой отсрочки. Такимъ образомъ все, что только было придумано для пониженія уровня научнаго образованія въ нормальной школѣ, было отмѣнено, и школа опять заняла то высокое положеніе, котораго она достигла при Людовикѣ Филиппѣ.

Послѣ низверженія Наполеона III, въ министерство Жюль Симона принята была мѣра, которая дала возможность питомцамъ школы еще болѣе посвятить себя специальнымъ занятіямъ по избранному предмету: были отмѣнены семестральные экзамены и экзамены въ концѣ года, за исключеніемъ тѣхъ, которые производились въ концѣ

второго года на отдѣленіи *lettres*. При существованіи экзаменовъ на *licencié* и *agrégé* эти экзамены были лишними, они отнимали только время у воспитанниковъ для собственныхъ занятій. Дальнѣйшія перемѣны въ учебномъ планѣ нормальной школы произошли отъ большей спеціализаціи наукъ и касались главнымъ образомъ естественнаго и исторіи.

Естественное отдѣленіе, которое уже съ 1868 г. существовало, но въ весьма скромныхъ размѣрахъ, получило болѣе широкое развитіе. Для этого отдѣленія были прикуплены сосѣдніе дома и приспособлены къ изслѣдованіямъ науки. По исторіи была учреждена еще третья кафедра, а именно для прохожденія новѣйшей исторіи. Расширеніе курса исторіи заставило болѣе спеціализировать учащихся на отдѣленіи *lettres*. Эта спеціализація начиналась уже со 2-го года. Такъ какъ кандидаты на степень *agrégé* по исторіи должны были представить диссертацию еще раньше окончательнаго экзамена, то, чтобы дать имъ возможность приготовить эту диссертацию, ихъ освободили отъ половины лекцій по литературѣ и философіи и, обобщая это постановленіе, освободили философовъ отъ половины лекцій по исторіи и литературѣ, а словесниковъ отъ половины лекцій по философіи и исторіи.

Самая главная реформа, которой подверглась высшая нормальная школа, произошла въ началѣ текущаго столѣтія, а именно въ 1904 г., когда эта школа была соединена съ парижскимъ университетомъ. Прежде однако, чѣмъ мы перейдемъ къ реформѣ, положившей конецъ самостоятельному существованію нормальной школы, скажемъ нѣсколько словъ о дисциплинѣ, господствовавшей въ этой школѣ, и о томъ значеніи, какое она имѣла для французскаго образованія.

Для характеристики дисциплины возьмемъ одинъ изъ прежнихъ періодовъ школы, а именно цвѣтушій періодъ ея въ правленіе Людовика Филиппа, и послѣднее время.

Для занятій были назначены два зала: одинъ для отдѣленія *lettres*, другой для отдѣленія *sciences*. Занятія эти находились подъ наблюденіемъ особыхъ надзирателей (*maîtres surveillants*). Въ залѣ предписывалось соблюдать строго тишину. Перемѣна мѣста или же занятіе группами дозволялось только съ разрѣшенія помощника директора (ихъ было два, особый для каждаго отдѣленія). Зимой и лѣтомъ вставали въ 5 часовъ. Начинали и оканчивали день молитвой; точно также читалась молитва передъ приемомъ пищи и послѣ

нея. Книги опасныя или пустыя не допускались въ школу; запрещено было чтеніе газетъ. Каждое воскресенье предписывалось присутствовать на обѣднѣ въ домово́й церкви школы отъ $\frac{3}{4}$ до 8 часовъ. Отпуска давались сначала только разъ въ недѣлю, обыкновенно въ воскресенье отъ 9 часовъ утра до 8 часовъ вечера. Больше продолжительный отпускъ зависѣлъ отъ усмотрѣнія директора. Позже давался еще отпускъ въ четвергъ отъ 1 часа до 5 часовъ пополудни. Впослѣдствіи этотъ строгій режимъ сталъ все болѣе и болѣе ослабѣвать. Уже въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія вставать зимою было позволено въ 6 часовъ, въ послѣднее время вставали и позже. Раньше должны были спать въ 9 и 10 часовъ, позже въ 11 часовъ. Точно также отпуска по воскресеньямъ и четвергамъ были въ послѣднее время продолжены до 11 часовъ вечера. Молитвы и посѣщеніе церкви совершенно прекратились. Самая церковь въ школѣ была закрыта и должность духовника упразднена.

Изъ всей предшествующей исторіи высшей нормальной школы въ Парижѣ, которая въ собственномъ смыслѣ начинается со времени Наполеона 1-го, видно, что она не ограничивалась ролью семинаріи для приготовленія учителей лицеевъ, а становилась все болѣе и болѣе подготовительною школою для кандидатовъ на профессуру и для ученыхъ. Въ ней особенное вниманіе обращено было на хорошую постановку научнаго образованія. Преподаваніе наукъ было поручено выдающимся профессорамъ. Ученикамъ открыты были доступы къ лекціямъ на факультетахъ, въ Collège de France, École polytechnique, Musée des sciences naturelles. Кроме того въ самой школѣ были устроены особенныя лекціи и конференціи для собственныхъ занятій учениковъ, для бесѣдъ съ ними профессоровъ, для дебатовъ ихъ между собою. Въ самой же школѣ къ ихъ услугамъ были — бібліотека, физическій кабинетъ, химическая лабораторія, коллекціи по наукамъ естественнымъ. Принимались въ школу только самыя лучшіе изъ учениковъ лицеевъ. Въ самой школѣ заставляли ихъ съ перваго же года работать усиленно. По окончаніи перваго года всѣ должны были держать экзаменъ на *licencié*; не выдержавшіе увольнялись изъ школы. Въ третьемъ году всѣ должны были готовиться къ экзамену на степень *agrégé*. При такихъ условіяхъ только наиболѣе способные и дѣятельные могли кончить школу. Не слѣдуетъ однако полагать, что все ученіе въ школѣ состояло въ томъ, чтобы подготовить учениковъ къ экзаменамъ. Конечно, спеціализація занятій въ школѣ позволила ученикамъ соединить приготовленіе къ

прежней нормальной школы, или экстернами. Особенное управление упраздняется и замѣняется университетскимъ; упраздняются также должности особенныхъ профессоровъ и руководителей курсовъ (*maitres des conférences*), и, если какіе-нибудь курсы оставлены въ помѣщеніи прежней нормальной школы, то они предоставляются профессорамъ университета, по назначенію министра. Курсы эти читаются не только для тѣхъ, которые живутъ въ интернатѣ: они доступны для всѣхъ, готовящихся къ педагогической дѣятельности, будутъ ли они пансіонеры или экстерны.

Реформа коснулась также экзаменовъ на степень агрегаціи, дающей право на занятіе должности преподавателя въ лицеевѣ. Вслѣдствіе введенія новѣйшихъ языковъ въ учебные планы лицеевѣ, требовались учителя этихъ языковъ. Для приготовленія и испытанія ихъ учреждена агрегація по новѣйшимъ языкамъ. Затѣмъ вообще повышены требованія по всѣмъ агрегаціямъ. По нынѣшнимъ правиламъ къ экзаменамъ на степень агрегаціи допускаются только тѣ, которые представляютъ дипломъ высшихъ знаній по избранной спеціальности (*diplôme d'études supérieures*). Сначала, а именно въ 1894 г., дипломъ высшихъ знаній былъ установленъ для тѣхъ, которые экзаменовались на степень агрегаціи по исторіи и географіи, а съ 1904 г. такой дипломъ установленъ и для экзаменующихся по всѣмъ другимъ наукамъ: на факультетѣ *lettres* по философій, по классическимъ языкамъ и по новѣйшимъ языкамъ, на факультетѣ *sciences* по математикѣ, по физическимъ наукамъ и по естественнымъ наукамъ. Чтобы дать ясное представленіе объ этихъ дипломахъ, сообщимъ о тѣхъ трудахъ и знаніяхъ, которые требуются для полученія ихъ. Слѣдующее требуется:

А. По философій:

1) сочиненіе ¹⁾ по философій вообще или по какому-либо избранному вопросу философій; 2) отвѣтъ на вопросы, касающіеся предмета сочиненія или же предметовъ, находящихя въ связи съ нимъ; 3) объясненіе какого-либо болѣе обширнаго мѣста въ философскомъ текстѣ. (Текстъ назначается за три мѣсяца до экзамена).

В. По классическимъ языкамъ (lettres):

1) болѣе глубокое изученіе трехъ болѣе обширныхъ текстовъ—греческаго, латинскаго и французскаго (по выбору кандидата, одобренному факультетомъ); 2) сочиненіе ¹⁾ по вопросу, касающемуся одного

¹⁾ Мы переводимъ такъ „composition d'un mémoire“. Разумѣется просто письменная работа.

Эта реформа была вызвана слѣдующими обстоятельствами. Во-первыхъ нормальная школа мало готовила учителей, необходимыхъ для лицеевъ и коллегій. Судя по выпускнымъ спискамъ, окончивавшихъ ежегодно школу было обыкновенно меньше того, что полагалось по штату, а полагалось 25 на отдѣленіи lettres и 20 на отдѣленіи sciences. Для того, чтобы имѣть надлежащій контингентъ учителей для лицеевъ, правительство уже раньше увеличило число стипендій на факультетахъ lettres и sciences въ университетахъ для тѣхъ, которые желали держать экзаменъ на степени licence и agrégation или, другими словами, для тѣхъ, которые посвящали себя педагогической дѣятельности. Затѣмъ въ 1902 г. были преобразованы лицей, согласно съ новыми требованіями времени ¹⁾. Реформа лицеевъ требовала реформы и нормальной школы, существовавшей для приготовленія учителей лицеевъ. При этомъ имѣлось въ виду организовать ее такъ, чтобы она была и школою высшаго знанія и истинно педагогическимъ институтомъ. Наконецъ не мало вліянія на реорганизацію нормальной школы имѣло и то обстоятельство, что она являлась въ глазахъ республиканскаго общества какъ бы привилегированнымъ заведеніемъ, нарушающимъ принципъ демократическаго равенства, такъ какъ въ ней небольшая кучка людей получала всевозможныя удобства для того, чтобы приготовиться къ своей профессіи, между тѣмъ какъ масса людей, готовящихся къ той же дѣятельности въ провинціи, лишена была многихъ средствъ, чтобы добиться своей цѣли. Всѣ эти причины имѣли слѣдствіемъ то, что высшая нормальная школа была преобразована и тѣсно связана съ парижскимъ университетомъ.

Преобразование это заключалось въ слѣдующемъ.

Прежде всего она перестала быть самостоятельнымъ учрежденіемъ. До реформы она имѣла свой конкурсъ, свое особое управленіе, своихъ профессоровъ и руководителей конференцій. Реформа 1904 г. ²⁾ установила общій конкурсъ какъ для тѣхъ, которые желаютъ поступить въ нормальную школу, такъ и для тѣхъ, которые желаютъ получить стипендію, учрежденныя въ университетахъ. Всѣ, выдержавшіе конкурсный экзаменъ, записываются студентами парижскаго университета, одни на отдѣленія lettres, другіе на отдѣленія sciences, смотря по выбору. Они могутъ быть или пансіонерами и жить въ помѣщеніи

¹⁾ См. статью о реформѣ среднихъ учебныхъ заведеній во Франціи. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1904 г., № 10, отд. 4.

²⁾ См. *Revue de l'Enseignement sup.* за 1904 г. Т. 48, стр. 10 и слѣд.

agrégé. Въ настоящее время экзаменовъ на эту степень—въ отдѣленіи lettres пять (agrégation de philosophie, d'histoire et de géographie, de lettres, de grammaire, de langues vivantes),—въ отдѣленіи sciences три (agrég. de mathématiques, de sciences physiques, de sciences naturelles). Желающій экзаменоваться на степень агрегации долженъ прежде всего представить свидѣтельство на степень licencié и дипломъ высшихъ знаній по избранной наукѣ; затѣмъ онъ подвергается двойному экзамену: вступительному (épreuves préparatoires) и окончательному (ép. définitives); наконецъ кандидатъ обязанъ дать урокъ по избранному предмету.

Къ числу нововведеній слѣдуетъ отнести и то, что къ экзамену на агрегацию по философіи допускаются теперь не только слушатели отдѣленія словеснаго (lettres), но и слушатели отдѣленія естественно-математическаго (sciences). Кромѣ того, по философіи требуется теперь не только знаніе философіи древней и новой, но и философіи средневѣковой, которая раньше совсѣмъ пренебрегалась.

Представимъ схему экзаменовъ на степень агрегации, какъ она опубликована въ декретѣ 1904 года 18-го іюня ¹⁾.

Лиценція по философіи.

Предварительныя условія (т. е. свидѣтельства и дипломы, которые должны быть представлены раньше экзамена): а) licence ès lettres или licence ès sciences, б) степень бакалавра lettres-mathématiques, в) дипломъ высшихъ знаній по философіи.

Испытаніе вступительное (épreuves préparatoires):

1) сочиненіе по какому-либо предмету философіи, взятому изъ лицейской программы по философіи (установленной для класса философіи и математики въ лицахъ);

2) сочиненіе по исторіи философіи на тему, касающуюся главнѣйшихъ философовъ древнихъ, средневѣковыхъ и новыхъ, указанныхъ въ программѣ за годъ впередъ.

Испытаніе окончательное (épreuves définitives).

1) Объясненію трехъ текстовъ философскихъ: греческаго, латинскаго, французскаго или на другомъ новѣйшемъ языкѣ,—текстовъ, взятыхъ изъ производеній философскихъ, указанныхъ въ программахъ за годъ впередъ. Самый текстъ дается за часъ до экзамена. Для греческихъ и латинскихъ авторовъ дозволяется пользоваться словаремъ.

¹⁾ Revue de l'Enseign., 1904, 48, стр. 13—19.

2) Урокъ по философіи, на приготовленіе котораго дается 5 часовъ; приготовленіе находится подъ контролемъ. Произведенія, требуемая кандидатомъ, по возможности, предоставляются ему.

Агрегация по исторіи и географіи ¹⁾.

Предварительное условіе: а) licence ès lettres, б) дипломъ высшихъ знаній по исторіи и географіи, или взамѣвъ его дипломъ архивариуса, палеографа, или дипломъ школы высшихъ знаній (dipl. de l'École des hautes études).

Испытаніе вступительное:

- 1) сочиненіе по древней исторіи до 476 г. по Р. Хр.,
- 2) сочиненіе по исторіи отъ 476 г. до 1559 года,
- 3) сочиненіе по исторіи отъ 1559 г. до нашихъ временъ.

(Темы изъ программы лицейской, назначенныя за годъ впередъ).

4) сочиненіе по общей географіи. Кандидату предоставляется пользоваться хронологіей и атласомъ.

Испытаніе окончательное:

Урокъ по исторіи и по географіи.

Агрегация по классическимъ языкамъ и литературамъ (*agrég. de lettres*).

Предварительныя условія: 1) licence ès lettres, 2) дипломъ высшихъ знаній по классическимъ языкамъ.

Испытаніе вступительное:

1) тема латинская (thème latin) (т. е. переводъ статьи съ французскаго на латинскій), 2) тема греческая, 3) переводъ (version) съ латинскаго на французскій языкъ, 4) переводъ съ греческаго на французскій, 5) сочиненіе французское, на тему, относящуюся къ авторамъ, указаннымъ въ лицейскихъ программахъ за годъ впередъ.

Испытаніе окончательное:

- 1) объясненіе греческаго текста средней трудности,
- 2) объясненіе латинскаго текста средней трудности,
- 3) объясненіе французскаго текста.

Тексты берутся изъ авторовъ, указанныхъ въ лицейскихъ программахъ. Позволяется пользоваться латинскимъ и греческимъ словаремъ.

¹⁾ По исторіи и географіи экзамены бывають двухъ степеней, мы припомнимъ только программу экзамена 1-ой степени, какъ болѣе важнаго.

4) Урокъ, предметъ котораго берется изъ программы, предназначенной для французскихъ сочиненій.

Агрегация по грамматикѣ. Требования тѣ же самыя, какъ и по словесности или классическимъ языкамъ (lettres). Разница только въ томъ, что требуется грамматическій разборъ текста латинскаго, греческаго и французскаго (étude grammaticale d'un texte latin, d'un texte grec, d'un texte français).

Агрегация по новѣйшимъ языкамъ.

Условия предварительныя: а) licence ès lettres или свидѣтельство о способности преподавать новѣйшіе языки, б) дипломъ высшихъ знаній по новѣйшимъ языкамъ и литературамъ.

Испытаніе вступительное:

1) сочиненіе на французскомъ языкѣ на тему изъ исторіи литературы нѣмецкой, англійской, итальянской или испанской,

2) сочиненіе на новѣйшемъ иностранномъ языкѣ на тему, относящуюся къ исторіи новѣйшей цивилизаціи странъ, говорящихъ на нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ и испанскомъ языкахъ, 3) переводъ съ французскаго на иностранный языкъ (thème), 4) переводъ съ иностраннаго языка на французскій (version).

Испытаніе окончательное:

1) урокъ на французскомъ языкѣ, предметъ котораго берется изъ программы лицейской, указанной за годъ впередъ;

2) урокъ на иностранномъ языкѣ, предметъ котораго тоже берется изъ программы лицейской, указанной за годъ впередъ;

3) объясненіе двухъ иностранныхъ текстовъ, одного въ стихахъ, другого въ прозѣ. Текстъ берется изъ авторовъ, указанныхъ въ годичной программѣ. Позволяется пользоваться словаремъ.

4) чтеніе и объясненіе на иностранномъ языкѣ текста, взятаго изъ главнѣйшихъ авторовъ, указанныхъ въ программѣ.

Что касается до экзаменовъ на степень агрегации по математическимъ, физическимъ и естественнымъ наукамъ, то мы ограничимся указаніемъ на главнѣйшія требованія.

По каждой изъ этихъ агрегаций требуются три свидѣтельства о приобрѣтеніи степени licence: по математическимъ наукамъ licence по дифференціальному и интегральному счисленіямъ, по рациональной механикѣ и по общей физикѣ; по физическимъ наукамъ licence по общей физикѣ, по общей химіи, по рациональной механикѣ или общей

математикѣ; по естественнымъ наукамъ licence по зоологiи или общей физиологiи, по ботаникѣ, по геологiи; кромѣ того свидѣтельство о знанiи общей физики и общей химiи. Болѣе спеціальныя знанiя по избранной наукѣ кандидатъ долженъ доказать представленiемъ диплома высшихъ знанiй по этой наукѣ и экзаменами, состоящими въ письменныхъ работахъ и урокахъ. Уроки, которыми заканчиваются испытанiя, должны, по физикѣ и химiи, состоять въ изложенiи предмета въ связи съ опытами, а по естественнымъ наукамъ въ приготовленiи или подборѣ предметовъ, необходимыхъ для иллюстрацiи урока.

Если сравнить нынѣ установленныя правила испытанiй на агрегацию съ тѣми, которыя раньше практиковались, то прежде всего кидается въ глаза то, что число экзаменовъ увеличено. Въ прежней нормальной школѣ будущiй учитель держалъ всего два экзамена: на лиценціатство и на агрегацию; теперь же онъ держитъ три экзамена: на лиценціатство, на дипломъ высшихъ знанiй и на агрегацию. Прежде на отдѣленiи sciences было два экзамена на licence, теперь ихъ три. Такое число экзаменовъ совершенно не соразмѣрно съ тѣмъ временемъ, которое отведено для приготовленiя къ учительской профессiи, а отведено только три года. При необходимости держать экзаменъ на licence въ первомъ году и готовиться къ экзамену на агрегацию въ третьемъ году, остается на приобрѣтенiе высшихъ знанiй и усвоенiе научнаго метода всего одинъ годъ,—что безъ сомнѣнiя весьма недостаточно. Впрочемъ этотъ недостатокъ, который давно уже чувствовался, нынѣ устраненъ, такъ какъ въ 1907 году экзаменъ на licence измѣненъ такъ, что дается возможность учащимся уже съ перваго года начать факультетское или высшее изученiе наукъ ¹⁾. Измѣненiе это сдѣлано только для отдѣленiя историко-филологическаго (lettres), для котораго оно было всего болѣе необходимо. Раньше на этомъ отдѣленiи установлены были общiя для всѣхъ испытанiя на степень licence, спеціальныя касались только нѣкоторыхъ предметовъ (греческаго и новѣйшихъ языковъ). Теперь эти общiя испытанiя отмѣнены и введенъ экзаменъ болѣе спеціальный, на подобiе экзамена на дипломъ высшихъ знанiй, а именно экзаменъ по четыремъ группамъ: по философiи, по исторiи и географiи, по классическимъ языкамъ и литературамъ, по новѣйшимъ языкамъ и литературамъ. вмѣстѣ съ отмѣною общихъ экзаменовъ отмѣняется и общая тема по французскому языку; она также спеціализируется, смотря по тому, по какой

¹⁾ Revue de l'Enseignement. T. 54, № 9, стр. 230 и слѣд.

группѣ экзаменуется учащійся: для философовъ дается тема по философіи, для историка по исторіи и т. д. Кромѣ того, по латинскому и греческому языку требуется только переводъ съ латинскаго и греческаго на французскій и объясненіе темъ грамматическое и литературное. Вмѣстѣ съ тѣмъ упразднено и преподаваніе такъ называемой высшей реторики на первомъ курсѣ историко-филологическаго факультета. „Благодаря этимъ преобразованіямъ, какъ говорится въ декретѣ 8-го іюля 1907 г., студенты уже со дня вступленія въ университетъ будутъ въ состояніи предаться изученію наукъ по собственному выбору, и въ то же время профессорамъ будетъ возвращена ихъ настоящая роль—учить своихъ слушателей научнымъ методамъ вмѣсто того, чтобы допоявлять ихъ лицейскія знанія, организуя для нихъ курсъ высшей реторики“ ¹⁾. Какіе результаты получатся отъ этихъ преобразованій, теперь рѣшить преждевременно, такъ какъ и самая реформа еще не кончена.

Кромѣ подъема научнаго образованія будущихъ учителей, реформою 1904 года имѣлось еще въ виду и усиленіе ихъ педагогической подготовки. Относительно этой подготовки пока ничего нельзя сказать, такъ какъ до сихъ поръ въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлано. По прежнему требуется только представить раньше экзамена на агрегацию свидѣтельство о стажѣ (stage), т. е. о посѣщеніи и даваніи уроковъ въ какомъ-либо лицѣ; но дальше этого пока дѣло не двинулось. Правда, въ нѣкоторыхъ университетахъ читаются лекціи по педагогикѣ, но эти лекціи мало посѣщаются, потому что, какъ объясняютъ сами читающіе эти лекціи, онѣ не обязательны и не дается никакого диплома по педагогикѣ. Вообще замѣтимъ, что французы мало довѣряютъ педагогикѣ, и до сихъ поръ большинство ихъ убѣждено, что лучшая педагогика состоитъ въ томъ, чтобы знать хорошо свой предметъ, и что знающій свой предметъ съумѣетъ и преподавать его хорошо и воздѣйствовать на умственное и нравственное развитіе учащихся. Брюнетьеръ, одинъ изъ выдающихся ученыхъ, самъ бывший профессоромъ нормальной школы, посмѣивается надъ нѣмецкою педагогикой и совѣтуетъ учителямъ больше всего бояться того, чтобы не

¹⁾ Dès son entrée à la faculté, l'étudiant, dans quelque section qu'il s'inscrive, pourra se livrer aux études de son choix. Et de même coup les maîtres des facultés seront rendus à leur véritable rôle qui est de former les étudiants aux méthodes scientifiques, non de compléter leurs études secondaires en organisant, à l'entrée de la faculté des lettres une rhétorique supérieure, que la plupart de leurs nouveaux élèves subissent à contre-cœur. (Revue de l'Ens., T. 54, № 9, стр. 230).

казаться педагогами. „Ayons avant tout des professeurs, qui ne songent qu'à professer et moquons nous de la pédagogie... Mais, ce que nous pouvons exiger de nos professeurs,—c'est qu'ils ne leur donnent pas l'exemple de se moquer de ce qu'ils leur enseignent; c'est qu'ils se souviennent de ce mot de Joubert, que le vrai pédantisme dans un professeur est précisément la crainte de paraître pédant. Avons-nous besoin pour cela de Basedow ou de Pestalozzi?“ (Brunetière, *Éducation et Instruction*, Paris 1895, стр. 8 и 73). При такомъ взглядѣ на педагогику даже людей высоко стоящихъ по своему научному образованію и занимающихся педагогическою дѣятельностью, не трудно понять, почему педагогика плохо прививается во французскихъ школахъ.

Въ заключеніе мы не можемъ не обратить вниманія на одно обстоятельство, которое характеристично для французскаго народа. Какъ ни взмѣчивъ онъ въ отношеніи политическаго устройства, однако въ школьномъ дѣлѣ онъ является довольно консервативнымъ. Та организація школъ среднихъ и высшихъ, какая была установлена при Наполеонѣ I, въ существенныхъ чертахъ сохранилась и до сихъ поръ. Конечно, программы ихъ видоизмѣнялись, сообразно съ развитіемъ наукъ и съ потребностями или обстоятельствами времени, но онѣ никогда не изувѣчивались, и никогда не выбрасывались изъ нихъ предметы, необходимые для полноты научнаго образованія.

Такъ, когда въ лицеяхъ было учреждено реальное отдѣленіе, классическіе языки не были изгнаны, а остались въ нихъ, образуя одно изъ отдѣленій, такъ называемое греко-латинское. Этотъ здравый консерватизмъ спасалъ французскую школу отъ постоянныхъ ломокъ и перестроекъ и давалъ возможность такимъ полезнымъ учрежденіямъ, какими является высшая нормальная школа въ Парижѣ, просуществовать цѣлое столѣтіе. Да и теперь она въ сущности не уничтожена, а только преобразована и тѣснѣе соединена съ парижскимъ университетомъ. И теперь еще продолжаютъ существовать ся интернатъ, продолжаютъ читаться еще нѣкоторые курсы въ интернатѣ, и теперь еще въ отчетахъ университетскихъ о нормальной школѣ и объ ученикахъ ся упоминается особо ¹⁾.

¹⁾ См. рѣчь декана Кроассе, въ которой, между прочимъ, говорится о нормальной школѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: L'école normale, devenue le collège des boursiers de l'État, destinés à la carrière de l'enseignement, mêle de plus en plus son existence à celle de la Faculté. Certains cours se feront rue d'Ulm, pour la préparation de l'agrégation. Mais ces cours seront accessibles aux étudiants de la Sorbonne qui se préparent à la même épreuve et, d'autre part, les normaliens prend-

Исторія нормальной школы невольно выливается въ памяти нашей судьбу одного отечественнаго учебнаго заведенія, имѣвшаго много сходнаго съ нормальной школой. Я разумѣю Главный Педагогическій институтъ, учрежденный въ царствованіе императора Николая Павловича, въ 1828 году. Этотъ институтъ, по крайней мѣрѣ въ мое время, когда директоромъ его былъ Давыдовъ, преслѣдовалъ двойную цѣль: главнымъ образомъ онъ готовилъ учителей гимназій, но кромѣ того онъ давалъ подготовку и для кандидатовъ на профессуру. Въ институтѣ было тоже, какъ въ нормальной школѣ, два отдѣленія: историко-филологическое и естественно-математическое. На томъ и другомъ отдѣленіи преподавали профессора университета и академики; были также и свои преподаватели. Особенно хорошо было поставлено естественно-математическое отдѣленіе. Чистую математику преподавалъ знаменитый Остроградскій, астрономію академикъ Савичъ, физику академикъ Лонцъ, химию профессоръ Воскресенскій, зоологію академикъ Браунтъ, ботанику профессоръ Шиховскій, а послѣ его смерти академикъ Рупрехтъ, минералогію и геологію профессоръ Куторга. Слабѣе было обставлено отдѣленіе историко-филологическое или словесное ¹⁾.

Выдающимися профессорами на этомъ отдѣленіи были И. Срезневскій, читавшій о славянскихъ нарѣчіяхъ весьма живо и оригинально, Благовѣщенскій, художественно переводившій римскихъ авторовъ, особенно сатириковъ, и Вышнеградскій, профессоръ педагогики. Другіе профессора, къ сожалѣнію, оставляли желать многого. Профессоръ русской словесности Лебедевъ былъ человѣкъ весьма старательный

ront l'habitude de venir aussi, même en troisième année, aux cours de la Sorbonne. Ce, qui continuera faire la force de l'École, ce ne sera plus l'existence d'un enseignement séparé: ce sera la formation, par le concours, d'un groupe d'élite, qui, en se mêlant fraternellement à tous les étudiants de l'Université de Paris, tiendra à l'honneur de s'y faire remarquer parmi les meilleurs (Revue de l'Enseign. за 1906 г. Т. 52, № 11, стр. 378). Ср. также отчетъ университетскій за 1907 г., въ которомъ также особо упоминается о нормальной школѣ. Dans ces chiffres ne sont pas compris les élèves de l'École normale... Les élèves de l'École normale ont été cette année, au même titre que les autres étudiants, élèves de la Faculté, et nous avons trouvé en eux d'excellents travailleurs. J'estime qu'aujourd'hui la fusion est faite entre les étudiants d'origines diverses (Revue de l'Enseign. за 1907 г. Т. 54, № 9, стр. 1 и слѣд.).

¹⁾ Я имѣю въ виду только то время, когда я учился въ институтѣ. Раньше нѣкоторые курсы были вѣдены лучшими силами. Такъ философію преподавалъ Фишеръ, греческій языкъ Грефе, русскую словесность Плетневъ.

и начитанный, но не обладалъ даромъ изложенія. Греческій языкъ преподавалъ профессоръ Штейнманъ, слишкомъ нерадиво относившійся къ своимъ обязанностямъ. Исторія и философія были въ тѣ времена въ загонѣ, какъ нѣкоторое время и во Франціи. Поэтому нельзя было ожидать, чтобы эти науки преподавались такъ, какъ они могли бы преподаваться при другихъ условіяхъ. Профессоръ всеобщей исторіи Лоренцъ былъ весьма даровитый и солидный ученый, но онъ долженъ былъ читать исторію, не выходя изъ рамокъ тѣхъ лекцій, которыя, по предложенію министерства, были имъ составлены на нѣмецкомъ языкѣ, просмотрѣны цензурой и затѣмъ переведены на русскій языкъ; притомъ онъ читалъ лекціи на нѣмецкомъ языкѣ. Старикъ же Устряловъ читалъ русскую исторію прямо по своей книгѣ. Философія поручена была священнику, притомъ такому, который вообще былъ слабъ въ этой наукѣ и часто не понималъ того, что диктовалъ студентамъ. Не смотря на эти пробѣлы, главный педагогическій институтъ успѣлъ въ краткій періодъ своего существованія (начиная съ директорства Миддендорфа и оканчивая директорствомъ Давыдова) дать Россіи массу преподавателей среднихъ и высшихъ заведеній¹⁾, изъ которыхъ многіе отличились своею профессорскою, научною и общественною дѣятельностью. Назовемъ только умершихъ: Благовѣщенскаго, обоихъ Лавровскихъ, Васильевскаго, Вышнеградскаго и во главѣ всѣхъ Менделѣва. И вотъ этотъ институтъ, вскорѣ послѣ своего двадцатипятилѣтняго юбилея, былъ въ 1858 г. однимъ почоркомъ пера уничтоженъ, не потому, чтобы онъ былъ бесполезенъ, или чтобы не было надобности въ учителяхъ, а потому только, что институтъ былъ закрытымъ учебнымъ заведеніемъ, а въ это время общественное мнѣніе было вообще настроено противъ закрытыхъ заведеній и въ особенности противъ таковыхъ заведеній для взрослыхъ. И хотя этотъ мотивъ въ дѣйствительности не могъ считаться серьезнымъ, потому что тѣ, которые учились въ институтѣ, могли бы свидѣтельствовать, что жизнь въ институтѣ не только не мѣшала имъ приготовиться къ своей профессіи, но, напротивъ того, содѣйствовала достиженію ихъ цѣли, и что, если были какія-нибудь стѣсненія, то они вызывались условіями общежитія, однако общественное мнѣніе было противъ закрытыхъ заведеній, и министерство сочло нужнымъ закрыть институтъ. Но что же было придумано въ замѣкъ его? Въ

¹⁾ По официальнымъ даннымъ 681 чел.: 42 высшихъ, 377 среднихъ и 262 низшихъ заведеній. Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, Е. Шмидт, стр. 482.

замѣнъ его были придуманы такъ называемые педагогическіе курсы, или, выражаясь проще, учительскія стипендіи, которыя выдавались лицамъ, уже окончившимъ университетскій курсъ и изъявившимъ желаніе посвятить себя педагогической дѣятельности. Стипендіаты жили на частныхъ квартирахъ и обязаны были ходить на нѣкоторые курсы въ университетъ и посѣщать уроки гимназіи. Повидимому, большинство стипендіатовъ не считало нужнымъ выполнять этого обязательства. Но крайней мѣрѣ профессоръ Благовѣщенскій отзывался о кандидатахъ, что онъ знаетъ о существованіи ихъ только потому, что каждый мѣсяцъ двадцатаго числа расписывается въ полученіи за нихъ жалованья. Эти такъ сказать вольные педагогическіе курсы просуществовали, кажется, десятокъ лѣтъ и сами собою замерли.

Такова была судьба нашей нормальной школы. Въмѣсто того, чтобы преобразовать ее, сообразно съ требованіемъ времени, ее уничтожили, не замѣнивъ ее ничѣмъ такимъ, что способно было бы къ жизни. Къ сожалѣнію, такова судьба и всей нашей школы. У нея нѣтъ твердо установившихся традицій. Отсюда ея неустойчивость и постоянная перестройка, зависящая то отъ измѣнчивыхъ вѣяній времени, то отъ личныхъ и случайныхъ взглядовъ ея устроителей.

А. Шейманъ.

ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ Н. А. МЕНШУТКИНА.

Въ давно прошедшія времена вся обширная область естественнаго знанія, начиная съ механики и кончая отдѣльными обобщеніями въ области біологіи, носила названіе физики. Въ недавнее время вся эта область дѣлилась на механику—ученіе о движеніи и силахъ, на физыку—ученіе о силахъ вообще, или, какъ мы теперь говоримъ, ученіе объ энергіяхъ и, наконецъ, химию—ученіе объ однородныхъ веществахъ. Казалось, трудно что либо измѣнить въ этомъ раздѣленіи знанія. Однако вспомнимъ нѣкоторыя общезвѣстныя явленія: гальваническій токъ разлагаетъ химическія соединенія, другими словами, электрическая энергія способствуетъ образованію новыхъ химическихъ индивидуумовъ. Ясно, что въ приведенномъ случаѣ вниманіе ученаго одинаково привлекается какъ энергетикою процесса, такъ и веществомъ. То же можно сказать и о цѣломъ рядѣ явленій такъ называемыхъ электрохимическихъ, термохимическихъ и фотохимическихъ. Приведемъ еще примѣръ: въ нѣкоторой смѣси веществъ образуются новыя химическія соединенія, реакція идетъ медленно, иногда она совершается въ продолженіе десятка лѣтъ. Какъ она совершается? каковы законы теченія химическаго превращенія? Отвѣты на эти вопросы, составляющіе предметъ химической динамики, связаны по столько съ энергетикою процесса, по сколько и съ вопросомъ о тѣхъ однородныхъ веществахъ, которыя взяты и вновь образуются при изучаемомъ явленіи. Изъ этихъ примѣровъ видно, что существуетъ промежуточная область между физикою и химіей. Эта область знанія получила наименованіе физико-химіи. Нужна ли эта новая дифференцировка познанія? Это трудно рѣшить логическими постулатами; этотъ вопросъ разрѣшила сама жизнь. Жизнь научная вызвала новую дисциплину, превратившуюся теперь

въ смѣлаго юношу, который всюду, куда проникаетъ, ставитъ вопросы рѣзко, молодо и увлскательно...

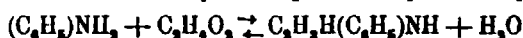
Этого юношу, физико-химію встрѣтилъ на своемъ научномъ пути покойный Николай Александровичъ.

Первыя физико-химическія изслѣдованія Н. А-ча появились на зарѣ современной физической химіи, приблизительно за десять лѣтъ до работъ Оствальда, Арреніуса, вант-Гоффа и другихъ, до тѣхъ работъ, которыя впоследствии легли красутольными камнями новой дисциплины. Въ 1877 году было напечатано первое изслѣдованіе Н. А-ча по этерификаціи; въ немъ была изучена скорость и предѣлъ химическаго превращенія между спиртами и органическими кислотами съ образованіемъ воды и сложныхъ эфировъ. Вся затронутая Н. А-чемъ область была еще не разработана. Н. А-чу пришлось, какъ и всякому пионеру, искать новые пути, и не удивительно, что сразу не былъ найденъ кратчайшій и совершеннѣйшій путь. Опредѣлявшіяся часовыя скорости образованія сложнаго эфира, т. е. то количество сложнаго эфира, которое образовалось въ часть времени, не вполне соотвѣтствуютъ той величинѣ, которую въ настоящее время называютъ „скоростью химической реакціи“ и которая независимо отъ цѣлага ряда случайностей, влиявшихъ на опредѣлявшіяся часовыя скорости, характеризуетъ данную химическую реакцію. Однако огромная заслуга Н. А-ча заключается въ томъ, что онъ вступилъ на новую почву и упорнымъ трудомъ расчистилъ путь не только для своихъ изслѣдованій, но также и для послѣдующихъ изслѣдователей этой области. Съ обычной жизненной точки зрѣнія, пожалуй, покажется проще всего для изученія скоростей химическихъ реакцій опредѣлять то количество вещества, которое образуется въ часть времени. Но какъ это часто бываетъ кажущаяся простота далека отъ научной простоты. Нашъ юноша, наша физическая химія вскорѣ нашла Н. А-чу, что интерпретировать съ случайными количествами вещества, образовавшимися въ часть времени, при постоянно измѣняющемся составѣ смѣси, нельзя, и что нужно въ этой случайности отыскивать нѣчто постоянное, нѣчто вполне опредѣленное для каждой химической реакціи, т. е. тѣ величины, которыя получили названіе „константъ“ химической реакціи. Химическая реакція обыкновенно при постоянной температурѣ въ началѣ идетъ быстро, затѣмъ замедляется и наконецъ постепенно затихаетъ. Вотъ изъ этой постоянно мѣняющейся скорости математика научастъ насъ вычислять нѣкоторую постоянную, характерную для каждой реакціи величину—константу. Вычисленіе константъ водется

такимъ путемъ, что получается величина, соответствующая скорости химической реакціи въ начальныхъ условіяхъ опыта, т. е., другими словами, той скорости, которая развивается при совершенно опредѣленныхъ относительныхъ количествахъ вещества, взятыхъ для производства самаго опыта. Большинство физико-химическихъ исследований П. А-ча и состоит въ нахожденіи этихъ начальныхъ скоростей, въ опредѣленіи этихъ константъ химической реакціи. Что достигалось изученіемъ этихъ константъ? Можно отвѣтить, что изученіемъ этихъ скоростей реакціи стремятся проникнуть въ законы, управляющіе микросмосомъ молекулярнаго строенія, подобно тому какъ изученіемъ скоростей движенія планетъ постигаютъ астрономической макрокосмосъ. Въ этомъ отношеніи значительная заслуга принадлежитъ П. А-чу. Онъ съ самаго начала ясно и опредѣленно поставилъ вопросъ о зависимости скоростей химической реакціи отъ молекулярнаго строенія реагирующихъ веществъ. П. А-чъ пишетъ: „Одна и та же реакція, наприимѣръ если изучаютъ спирты и кислоты, тогда образованіе эфира, количественно прослѣживается въ цѣломъ ряду изомеровъ при возможно полной одинаковости условій. Имѣя рядъ численныхъ данныхъ, и если дагѣ представить себѣ, что тамъ изучены главнѣйшія реакціи, не трудно тогда *цѣлыя группы изомеровъ опредѣлить числами*. Такихъ исследованийъ, по крайней мѣрѣ законченныхъ, въ химической литературѣ совершенно неизвѣстно“. Подчеркнутыя слова были пророческими словами! Какимъ обширнымъ литературнымъ накоплениемъ въ настоящее время для отдѣльныхъ численныхъ данныхъ скоростей химическихъ превращеній и какую важную роль сыграли эти данныя тамъ, гдѣ нужно было установить и доказать наиболее delicate случаи химическаго строенія, какъ, наприимѣръ, при отысканіи числа стереоизомеровъ, отвѣчающихъ новымъ теоріямъ. Приводимъ еще цитату, характерную для тѣхъ деталей, которыя были выработаны П. А-чемъ и которыя нынѣ сохранились въ органической химіи при изученіи подобныхъ вопросовъ. „Избравъ метиловый спиртъ единицей при сравненіи состава спиртовъ, послѣдніе представляются происходящими изъ перваго замѣщеніемъ одного или болѣе атомовъ водорода метиловаго спирта различными остатками. При такомъ замѣщеніи, во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, этерификаціонная способность спиртовъ сравнительно съ таковою метиловаго спирта падаетъ, но падаетъ различно, въ зависимости отъ многихъ условій“... и дагѣ: „Уменьшеніе способности спиртовъ образовывать эфиры, обуславливаемое находящимися въ нихъ углеводородными остатками, до-

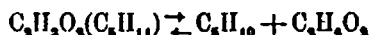
послѣдствіе опредѣлять химическое значеніе послѣднихъ сравнительно съ водородомъ", и наконецъ П. А-чъ пишетъ: „Химическое значеніе перемѣнной спиртовъ выводится, представляя перемѣнную какъ разность состава спиртовъ отъ состава метилового спирта и опредѣляя химическое значеніе ея изъ разностей этерификаціонныхъ данныхъ для искусственныхъ системъ спиртовъ". Въ заключеніе нужно сказать, что П. А-чъ изучалъ не только этерификацію одноатомныхъ спиртовъ и одноосновныхъ кислотъ, но и значительное число многоатомныхъ спиртовъ и многоосновныхъ кислотъ, а также и этерификацію соединений смѣшанной функціи, какъ-то спирто-кислотъ, фенолокси-кислотъ; для послѣднихъ двухъ рядовъ органическихъ соединений также внутреннюю этерификацію; наконецъ были сдѣланы отдѣльные опыты съ галодовымѣщенными спиртами и кислотами. Весь этотъ обширный матеріалъ былъ разработанъ въ пять лѣтъ, начиная съ 1876 г. и кончая 1881 годомъ.

Въ послѣдующихъ работахъ надъ разложеніемъ и образованіемъ ацетанилида 1882 года П. А-чъ не ограничивается изслѣдованіемъ часовыхъ скоростей, но изучаетъ теченіе реакціи во времени, съ вычисленіемъ константъ, которыя и даютъ намъ полную картину химическаго превращенія. Вновь изученная реакція выражается уравненіемъ:

Она не идетъ до конца и ограничена предѣломъ, какъ найдено П. А-чемъ. Лучшими числами этой работы должно считать измѣненіе предѣла образованія ацетанилида съ температурой; эти цифры могутъ служить не только для опредѣленія характера тепловаго эффекта реакціи, но при помощи ихъ можно вычислять и самую величину тепловаго эффекта.

Еще большій интересъ представляетъ работа П. А. Меншуткина того же 1882 года, посвященная реакціи распадація искусственнаго третичнаго амила. Изучая данныя П. А-ча съ современной точки зрѣнія, можно сказать, что реакція

представляетъ одинъ изъ лучшихъ случаевъ аутокатализа, т. е. самоускоренія. Приведемъ подлинныя слова П. А-ча: „оно (разложеніе на амилеи и искусную кислоту) никогда не замѣтно тотчасъ и въ наиболѣе благоприятномъ случаѣ (изъ изслѣдованныхъ) потребовало два часа, чтобы разложеніе достигло замѣтной величины; при какой бы температурѣ ни началось разложеніе, скорость его въ началѣ мала, затѣмъ съ

теченіємъ времени становится все больше и больше, достигаетъ максимума, затѣмъ уменьшается и наконецъ становится равной нулю*.

Для насъ ясно теперь, что одинъ изъ продуктовъ реакціи является ускорителемъ. Въ началѣ его гѣтъ и реакція не идетъ или почти не идетъ, затѣмъ появляются его слѣды, реакція ускоряется все болѣе и болѣе, пока наконецъ въ силу матеріальнаго истощенія, т. е. значительнаго уменьшенія концентраціи изучаемаго эфира, по закону дѣйствующихъ массъ, реакція начинаетъ замедляться, несмотря на ускоряющее дѣйствіе вновь выдѣляющейся уксусной кислоты.

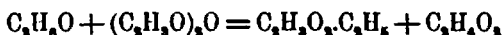
Говоря объ этихъ работахъ, нельзя не обратить вниманія на необыкновенную кипучую дѣятельность Н. А-ча въ 1882 году: въ этомъ году онъ напечаталъ шесть изслѣдованій; четыре изъ нихъ посвящены этерификаціи, одно ацетанилиду и одно уксусному тритичному амиду. Въ 1883 году замѣчается нѣкоторое затихше: напечатано только небольшое изслѣдованіе „О взаимномъ вытѣсненіи основанийъ въ растворѣ изъ среднихъ солей“. Въ этой статьѣ доказано полное вытѣсненіе щелочами анилина и триэтиламина изъ ихъ соединеній съ кислотами, это же доказано и для спиртовыхъ растворовъ аммоніевыхъ солей. Непосредственное титрованіе соответствующихъ солей ѳенілмъ натромъ, кали, а также баритомъ при индикаторѣ фсиколфталеинѣ дало теоретическія числа для кислотъ, образующихъ соответствующія соли. Связь послѣдней работы съ непосредственно слѣдующими работами, относящимися къ амидамъ, очевидна. При анализѣ смѣси, заключающей амиды и соли, полученнейшей при изученіи хода реакціи разложенія и образованія амидовъ по уравненію

Н. А-чъ утилизировалъ свои наблюденія надъ дѣйствіемъ спиртовыхъ и водныхъ растворовъ щелочей. Изученіе вышенаписанной реакціи для ацетанида и другихъ амидовъ велось съ точки зрѣнія современной химической динамики и были получены не только данныя для сужденія о вліяніи строенія на скорости, но также и данныя для зависимости предѣловъ реакціи отъ температуры и отъ химической массы реагирующихъ веществъ. Предѣлъ для большинства реакцій образованія амидовъ, противоположно тому, что наблюдалось для ацетанида, увеличивается съ повышеніемъ температуры, т. е. значитъ реакція образованія амидовъ идетъ съ поглощеніемъ тепла (эндотермическая реакція). Въ работахъ съ амидами Н. А. впервые примѣнились законы химической динамики для провѣрки изученныхъ имъ дѣйствій

химическихъ массъ. Оказалось, что полученныя П. А-чомъ данныя во всеобщемъ совпали съ вычисленными на основаніи теоріи. П. А-чь пишетъ: „Всѣ изслѣдованные нынѣ случаи дѣйствія химической массы показываютъ, что въ жидкихъ системахъ, противно тому, что требуетъ теорія Бертелло-Гульдберга, вліяніе въ данной обратной реакціи химической массы одного изъ дѣйствующихъ веществъ отлично отъ вліянія массы другого дѣйствующаго вещества и отлично отъ теоретическихъ количествъ“. Фактически П. А-чь былъ вполне правъ. Причина этихъ отступленій выяснена впоследствии самимъ П. А-чемъ. Она главнымъ образомъ зависитъ отъ вліянія растворителя, въ которомъ происходитъ реакція. При системахъ, не разбавленныхъ заранее избыткомъ какого-либо посторонняго растворителя, таковымъ являются сами реагирующія вещества, и очевидно, что съ измѣненіемъ относительныхъ количествъ ихъ во время реакціи тѣмъ самымъ мѣняется и характеръ среды. Въ особенности это должно сказаться замѣтнымъ образомъ для тѣхъ случаевъ, когда оба реагирующія вещества рѣзко отличаются степенью ассоціаціи своихъ молекулъ въ жидкомъ состояніи.

Слѣдующимъ изслѣдованіемъ Н. А-ча является изученіе скорости реакціи образованія сложныхъ эфировъ изъ спиртовъ и ангидридовъ кислотъ по типу:

Съ этой работой въ ближайшей связи находится изслѣдованіе „о разложеніи искуснаго ангидрида водою“, произведенное совмѣстно съ М. Ф. Васильевымъ. Въ этой работѣ Н. А-чь является уже въ полномъ вооруженіи современной физической химіи. Въ этомъ изслѣдованіи Н. А-чь примѣняетъ растворитель, именно бензолъ.

Въ 1887 году Н. А-емъ были впервые подмѣчены факты, которые, разработанные имъ впоследствии, составили лучшее открытіе, связанное съ его именемъ, именно было замѣчено вліяніе растворителя на ходъ реакціи. Замѣна бензола ксилоломъ и вслѣдъ затѣмъ гексаномъ въ качествѣ растворителей при изученіи реакцій ангидрида и спирта привела къ значительному измѣненію константы скоростей. Привожу подлинныя слова (1887 г.): „Какъ видно изъ таблицъ, во всѣхъ изслѣдованныхъ растворителяхъ реакція протѣкаетъ съ совершенною правильностью, а между тѣмъ оказывается, что индифферентный растворитель оказываетъ огромное вліяніе на скорость реакціи“ и далѣе: „Въ моихъ опытахъ измѣняется растворитель, измѣняется среда, въ которой происходитъ взаимодѣйствіе. По этой причинѣ мнѣ думается,

что мои опыты представляют некоторую новую особенность течения химической реакции в зависимости от среды". Из приведенных слов ясно видно, что Н. А-ч давал себя полный отчет об открытом им явлении и в весьма сдержанной форме констатировал, что это открытие должно быть вполне признано за ним.

Вслед за этим следуют исследования, сделанные в сотрудничестве с М. Ф. Васильевым, реакция соединения триэтиламина с галогенгидридами по уравнению типа:

В этой работе изложены замечательные наблюдения, о которых упоминалось раньше, влияния среды на скорость химического превращения. Как раз реакция написанная выше уравнения была изучена в 23 растворителях. Оказалось, что скорость реакции колеблется в зависимости от растворителя от 0,00018 для гексана до 0,143 для бензидового спирта, т. е. в зависимости от растворителя меняется в 742 раза. Как известно, вант-Гофф указал на связь этих замечательных изменений в скоростях реакций с диэлектрическими постоянными и внутренним трением растворителя. Следующее место из работы Н. А-а показывает, что связь явлений химических с тем рядом явлений физических, которые зависят от диэлектрической постоянной, как например, электропроводности в различных растворителях, была им тоже подмечена: „По опытам Н. А. Каблукова электропроводность растворов хлористого водорода в углеводородах и простых эфирах ничтожно мала; лучше проводят электричество алкогольные растворы (при чем электропроводность уменьшается с увеличением частиваго вѣса алкоголя). В общемъ нельзя не усмотрѣть аналогичныхъ измененийъ въ электропроводности среды и въ скорости происходящаго въ той же средѣ соединенія триэтиламина съ іодистымъ этиломъ“. Дальнѣйшее развитіе идей Н. А-а видно изъ его вступленія къ статьѣ: „Вліяніе состава алкоголей на скорость этерификаціи ихъ“. Н. А. пишетъ: „Имѣя въ виду обширный трудъ В. Оствальда относительно вліянія строенія и различныхъ замѣстителей на электропроводность кислотъ и приноминная многократно доказанное соотношеніе электропроводности со скоростями реакцій, я поставилъ себя задачей изслѣдовать вліяніе различныхъ замѣстителей на скорость этерификаціи въ бензолномъ растворѣ замѣщенныхъ алкоголей и сравнить полученныя данныя относительно вліянія различныхъ элементовъ и сложныхъ группъ на это

рификацію съ дальшим В. Осталяда*. Въ этой интересной работѣ, произведенной въ сотрудничествѣ съ М. Ф. Васильевымъ и С. И. Астафьевымъ, изслѣдована реакція образованія сложныхъ эфировъ изъ спиртовъ и ангидридовъ кислотъ, т. е. реакція, о которой шла уже выше рѣчь. Новая работа отличается отъ предыдущей не только обширностью матеріала: изслѣдовано около 40 соединенийъ съ спиртовой функцией, но и постановкой опыта: применяется растворитель бензолъ, строго соблюдается постоянство температуръ, вырабатываются опредѣсленныя условія для начального состоянія системы. Подробный разборъ полученныхъ результатовъ не составляетъ задачу физико-химическаго обзора; однако нельзя не упомянуть о типичныхъ явленіяхъ, вновь подтвержденныхъ этимъ изслѣдованіемъ. Оказалось, что по прежнему и въ этихъ условіяхъ (растворитель 15 объемовъ бензола, температура 100°) скорость реакціи наибольшая для первичныхъ спиртовъ, затѣмъ слѣдуютъ вторичные и наконецъ третичные съ необыкновенно малой скоростью реакціи. Интересно также, что замѣщеніе водорода хлоромъ и цианомъ и кислородъ-содержащими группами даже у углерода, не примыкающаго къ гидроксилу, понижаетъ скорость этерификаціи. Въ общемъ можно сказать, что тѣ радикалы, которые повышаютъ степень электролитической диссоціаціи для кислотъ, при образованіи эфировъ понижаютъ скорость реакціи, что становится понятнымъ, если вспомнить, что электропроводность кислотъ зависитъ отъ степени іонизаціи съ образованіемъ іона водорода, а скорости этерификаціи спиртовъ отъ реакціонной подвижности гидроксила.

Вслѣдъ за этой работой Н. А-а слѣдуютъ обширныя изслѣдованія надъ скоростями реакціи амміака и аминовъ съ бромгидридами. Результаты первой части этихъ работъ, относящихся къ аминамъ жирнаго ряда, лучше всего характеризовать словами самого Н. А-а: „При взаимодействіи бромгидриновъ и аминовъ скорость этой реакціи измѣняется въ широкихъ предѣлахъ: есть амины, неспособные соединяться съ бромгидринами, а есть и такіе, скорость соединенія которыхъ измѣняется сотнями, тысячами единиц“. И далѣе: „Нашъ училъ, что амміакъ есть типъ органическихъ аминовъ: конечно, по простотѣ состава это будетъ вѣрно, но при взглядѣ на таблицы мы всегда видимъ, что амміакъ занимаетъ послѣднія мѣста таблицъ, между пропил-, дипропил- или триэтиламиномъ и имъ подобными слабыми основаніями“. Изъ приведенныхъ словъ ясно, что изучаемый типъ реакціи охватывалъ весьма обширную область явленій, онъ давалъ возможность не только судить о строеніи химическихъ соединенийъ и зависи-

мости этого строения и скорости реакции, но получалась, быть может, въ первый разъ возможность ввести въ кругъ изслѣдованія скоростей реакцій одно изъ тѣхъ простѣйшихъ соединений, съ которымъ генетически связана вся данная группа. Говоря объ этихъ изслѣдованіяхъ, нельзя не указать на тѣ формальныя трудности, которыя преодолевалъ съ успѣхомъ Н. А-чъ. При изученіи скорости химической реакціи образованія аминовъ встрѣтилась большая трудность въ томъ, что одновременно могли образоваться амины различнаго замѣщенія. Комбинируя условія опыта, Н. А-чу удалось направлять реакціи такъ, чтобы онѣ протекали регулярно, т. е. съ образованиемъ только одного амина, а не смѣси аминовъ. Первал сорія работъ Н. А-ча въ этой области имѣетъ громадное значеніе въ смыслѣ установленія связи строеніи различныхъ аминовъ со скоростями ихъ образованія. Второю серіей работъ является взаимодействие анилиновъ съ бромгидридами. Въ ряду этихъ изслѣдованій Н. А-чъ снова возвращается къ вопросу о вліяніи нейтральной среды на скорость химической реакціи. Въ работахъ 1900 года прежде всего указывается, что вопросъ этотъ стоитъ въ непосредственной связи съ вопросомъ о вліяніи разбавленія на скорость химической реакціи, разработаннымъ однимъ изъ учениковъ Н. А-ча В. А. Омелянскимъ. Въ одной изъ работъ 1900 г. Н. А-чъ приводитъ рядъ данныхъ, изъ которыхъ слѣдуетъ (приводимъ слова подлинника): „всегда, лишь при значительныхъ разжиженіяхъ, наступаетъ постоянство произведенія константы скорости на сумму объемовъ реагирующихъ тѣхъ и растворителя“. Это правило, выработанное Н. А-чемъ и его учениками, применимое къ такъ называемымъ двумолекулярнымъ реакціямъ, можетъ получить право на названіе закона. Получается полная аналогія между закономъ постоянства эквивалентной электропроводности въ очень разбавленныхъ растворахъ, т. е. произведеніемъ $v.K_1 = \Lambda \infty$, гдѣ K_1 , удѣльная электропроводность, а $\Lambda \infty$ — максимальная эквивалентная электропроводность, и закономъ $K.v = K \infty$, гдѣ $K \infty$ будетъ максимальная молекулярная константа, т. е. константа для очень разбавленныхъ растворовъ, умноженная на степень разбавленія или относенная къ одному и тому же молекулярному количеству реагирующихъ веществъ. Разрѣшивъ этотъ въ высшей степени важный вопросъ для всего ученія о химической динамикѣ, Н. А-чъ справедливо указываетъ на сложность явленій, наступающихъ при замѣнѣ одного растворителя другимъ при изученіи одной и той же реакціи.

Въ промежутокъ времени между первой большою работою Н. А-ча

о вліянніи растворителей на ходъ химическаго превращенія и его новыми работами были опубликованы изслѣдованія Каррары, А. Гемптина и А. Бекаерта, посвященныя тому же вопросу, а также появились знаменитыя „Лекціи по Физической Химіи“ ванъ-Гоффа, въ которыхъ ванъ-Гоффъ останавливается на данныхъ, полученныхъ Н. А-чомъ. Въ новой работѣ Н. А-чъ совершенно опредѣленно указываетъ, что высказанныя ванъ-Гоффомъ возрѣнія по рѣшаютъ еще полностью вопроса о „вліяніи химически-недѣятельныхъ растворителей на скорость реакцій“ и что нужно „обратить вниманіе на химическія свойства растворителей“—„нельзя отрицать, что въ общемъ видна связь между этими свойствами и обуславливаемыми ими скоростями реакцій“. При первомъ взглядѣ получается какъ бы противорѣчіе: съ одной стороны „химически-недѣятельные растворители“, съ другой—связь между химическими свойствами растворителей и изучаемымъ явленіемъ. Однако это противорѣчіе только кажущееся, ибо подъ терминомъ „химически-недѣятельный“ подразумѣвается только то, что не извѣстно никакихъ стехіометрически опредѣленныхъ реакцій между даннымъ растворителемъ и реагирующими веществами; а вліяніе химизма растворителя состоитъ въ возможности вызывать и мѣнять степень ассоціаціи какъ самихъ реагирующихъ молекулъ, такъ и послѣднихъ молекулъ съ молекулами растворителя. Къ той же категоріи явленій относится способность растворителя ионизовать молекулы раствореннаго вещества, каковую, конечно, если и можно допустить въ изучаемыхъ случаяхъ, то только развѣ въ ничтожно малой степени. Вслѣдъ за указаніемъ на необходимость ввести принципъ химизма въ вопросы о вліянніи растворителей на скорость химической реакціи, Н. А-чъ переходитъ къ изученію весьма сложнаго вопроса о классификаціи величинъ скоростей реакцій одного и того же класса веществъ въ различныхъ растворителяхъ. Вопросъ этотъ ставится въ слѣдующемъ видѣ: „Метода, которая могла бы привести къ рѣшенію вопроса о вліянніи растворителя на возникновеніе той или другой правильности въ скоростяхъ, была бы слѣдующей: открытая для даннаго случая строенія правильность распределенія скоростей реакціи въ нѣкоторомъ растворителѣ проверяется изслѣдованіемъ той же реакціи въ другомъ растворителѣ. Если и въ другомъ растворителѣ распределеніе скорости будетъ такое же, какъ и въ первомъ, то очевидно это распределеніе находится въ зависимости отъ строенія частицы дѣйствующаго вещества“. При рѣшеніи этого вопроса встрѣтились значительныя трудности: оказалось, какъ и заранѣе можно было предвидѣть, что нѣкоторые раство-

рители нельзя было признать за химически-недѣятельные даже въ первомъ значеніи этого слова. Такимъ, напримѣръ, оказался ацетонъ для реакціи анилиновъ съ бромгидридами, ибо величины константъ, полученныхъ въ ацетонныхъ растворахъ реакціей съ бромистымъ аллиломъ и бромистымъ метиломъ, не соответствовали тѣмъ правильностямъ, которыя были подмѣчены для другихъ растворителей и которыя были слѣдующимъ образомъ описаны Н. А-чемъ: „несмотря на то, что примененные растворители принадлежатъ къ различнымъ химическимъ функциямъ, несмотря на очень большія различія, которыя въ наиболѣе выдающемся случаѣ достигаютъ отношенія 1:332—во всѣхъ случаяхъ константы по бромистому метилу менѣе константъ по бромистому аллилу“. Въ заключеніе Н. А-чъ дѣлаетъ слѣдующій практической выводъ: „для изслѣдованія соотношенія химическаго строенія со скоростями производимыхъ ими реакцій не слѣдуетъ пользоваться ацетоннымъ растворомъ“.

Въ статьѣ 1902 года, посвященной изученію реакцій гетероциклическихъ соединеній съ тѣми же бромистыми аллиломъ и метиломъ, Н. А-чъ разработалъ очень характерную для этихъ соединеній съ точки зрѣнія химической динамики реакцію. Скорости реакціи мѣняются въ широкихъ предѣлахъ, такъ для пиперидина скорость реакціи выражается числомъ (съ бромистымъ аллиломъ) 276, а для пиперидина 20.600.

Послѣднія, опубликованныя Н. А-чемъ, работы 1903—1906 годовъ озаглавлены: „О вліяніи катализаторовъ на образованіе амидовъ“ и „О скоростяхъ химическихъ превращеній въ полиметиленовыхъ рядахъ“. Эти работы, какъ видно изъ ихъ заглавій, относятся къ различнымъ областямъ. Однако сопоставленіе этихъ работъ даетъ намъ картину той необыкновенной энергіи, которую проявляетъ Н. А-чъ въ своихъ работахъ. Работами надъ катализаторами Н. А-чъ затрогиваетъ новую обширную область, съ которой ему раньше приходилось встрѣчаться только при рѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ. При чтеніи этихъ работъ видно, что Н. А-чу рисовались новые обширные горизонты въ изучаемой области... Иной характеръ носить работа надъ полиметиленовыми соединеніями; въ ней Н. А. строго выработанными методами, вычеканенными работой, связанной со всей научной дѣятельностью, просто и, можно, сказать изящно разрабатываетъ и классифицируетъ данныя новыхъ изслѣдованій, сравнивая послѣднія съ данными прежнихъ работъ¹⁾. Здѣсь мы встрѣчаемъ изученію этерификаціи полиме-

¹⁾ Нужно упомянуть, что матеріалъ для цитируемой работы былъ предоставленъ Н. А-чу профессоромъ Московскаго университета Н. Д. Золотскимъ.

тиленовыхъ алкоголей, изученіе алкилированія полиметиленовыхъ аминовъ, и къ классическому числу 23-хъ растворителей, въ которыхъ была изучена реакція триэтиламина съ іодистымъ этиломъ, присоединяется 24-е число: это скорость той же реакціи въ гексаметиленѣ.

Часто, говоря о значеніи изученія скоростей химическихъ превращеній, приводятъ какъ примѣръ—теченіе во времени общеизвѣстныхъ реакцій образованія сложныхъ эфировъ въ нѣкоторыхъ продуктахъ питанія. Посмотримъ на вопросъ шире! Недавно появилась монографія Сванте Арреніуса „Иммунохимія“. Въ своей книгѣ знаменитый ученый разбираетъ взаимодействія между токсинами, этими ужасными ядами, продуктами дѣятельности бактерий, и антитоксинами, благотворными противоядіями, вызывающими иммунитетъ организма. Законы этихъ взаимодействій—это тѣ же законы медленно текущихъ химическихъ превращеній. Обратимся къ другой, захватывающей всеобщій интересъ области знанія. Открыто двадцать два (новыхъ радиоактивныхъ элемента. Характернымъ признакомъ этихъ элементовъ являются постепенное распаденіе ихъ атомовъ на новые атомы. Каковы законы, управляющіе этимъ распаденіемъ? Это тѣ же законы медленно текущихъ химическихъ превращеній. Характерной величиной, опредѣляющей каждое новое радиоактивное тѣло, является не атомный вѣсъ, который неизвѣстенъ, а промежутокъ времени, въ который данное вещество на половину превратится въ новое радиоактивное вещество; величина, которая непосредственно вычисляется изъ константы скорости даннаго распада, опредѣляемой и вычисляемой такъ же, какъ и константа обыкновенной медленно текущей химической реакціи.

Николай Александровичъ „въ тиши лабораторій“, согласно любимому выраженію покойнаго, посвятилъ много труда и времени на изученіе явленій, не бьющихъ на внѣшній эффектъ, мало говорящихъ непосредственно воображенію, но намъ думается, что связь этихъ явленій съ важными биологическими процессами и съ загадочными неорганическими процессами говорятъ намъ о значеніи труда Н. А-ча; и думается, что память о Н. А-чѣ должна быть дорога всѣмъ тѣмъ, кто готовъ кѣнить упорный и послѣдовательный трудъ въ области научныхъ завоеваній.

В. Искитиненскій.

БАРОНЪ В. Р. РОЗЕНЪ.

(Шекрологъ).

(Род. 21-го февраля 1849, † 10-го января 1908).

Барона Виктора Романовича Розена я узналъ, когда онъ былъ еще студентомъ. Я только что поступилъ на факультетъ восточныхъ языковъ, а онъ кончалъ тогда курсъ по арабско-персидско-турецкому разряду; съ тѣхъ поръ мнѣ непрерывно приходилось наблюдать эту рѣдкую по своимъ высокимъ качествамъ личность. Помню В. Р. привлекательнымъ юношей, очень подвижнымъ, жизнерадостнымъ, очень словоохотливымъ, всегда благодушно настроеннымъ и всегда съ портфелемъ, наполненнымъ книгами. Что измѣнилось въ немъ за сорокъ лѣтъ? Немного. Конечно, наружность подверглась вліянію времени и сидячаго образа жизни: онъ пополнился, что очень не шло къ его небольшому росту, надъ которымъ онъ иногда подтрунивалъ; его русые волосы слишкомъ рано покрылись сѣдиной, что придавало обманчивый видъ старости; движенія сдѣлались болѣе плавными; но душевныя качества сохранились въ прежней силѣ. Тотъ же добродушный юморъ, та же безкорыстная готовность дѣлиться со всѣми своими знаніями и хлопотать за другихъ,—вотъ тѣ характерныя признаки, которые украшали В. Р., были неразлучны съ нимъ такъ же, какъ остался неразлучнымъ и портфель съ книгами.

В. Р. происходилъ изъ дворянъ Эстляндской губерніи, родился 21-го февраля 1849 г. въ Ревелѣ.

Отецъ В. Р., Романъ Романовичъ, принадлежалъ къ евангелическо-лютеранскому исповѣданію и, состоя на государственной службѣ, занималъ въ послѣднее время должность совѣтника Эстляндскаго губернскаго правленія въ г. Ревелѣ; онъ былъ женатъ на Елизаветѣ

Захарьевнѣ Сульхановой, происходившей отъ грузинской фамилии, переселившейся изъ Кутаиса въ Россію въ XVII ст. вмѣстѣ съ имеретинскимъ царемъ Арчилемъ. Отецъ Е. З. служилъ въ Ревелѣ, гдѣ женился на русской. Вслѣдствіе брака Р. Р. съ православной и дѣти его стали православными. По officialному положенію они состоятъ членами принадлежащаго къ матрикулѣ эстляндскаго дворянства семейства бароновъ фонъ-Розенъ; но родоваго имѣнія не имѣютъ.

Въ 1859 г. В. Р. поступилъ въ Эстляндскую дворянскую гимназію Ritter-und Domschule (Вышгородское дворянское училище), основанную въ 1319 г., потомъ (1893) закрытую, а нынѣ возстановленную, состоявшую тогда изъ 6 классовъ, при чемъ старшіе имѣли двухгодичный курсъ, слѣдовательно для прохожденія всего курса требовалось 8 лѣтъ; но ученики, отличившіеся успѣхами, могли сократить этотъ срокъ на полгода, имъ было предоставлено право держать экзаменъ въ январѣ вмѣсто весны. В. Р. такъ и поступилъ, ему удалось окончить гимназію въ самомъ началѣ 1866 г.

Еще будучи въ гимназіи, В. Р. рѣшилъ поступить на факультетъ восточныхъ языковъ, т. е. сдѣлалъ такой выборъ сознательно и совершенно самостоятельно. Вмѣстѣ со своимъ товарищемъ по гимназіи и другомъ, г. З., онъ обсуждалъ вопросъ о дальнѣйшихъ научныхъ усовершенствованіяхъ и, чувствуя склонность къ филологическимъ занятіямъ, хотѣлъ посвятить себя филологіи, но не классической: „классиковъ много—говорилъ В. Р.—и вступать въ ихъ ряды не особенно заманчиво, а вотъ другое дѣло восточная филологія; надо сдѣлаться ориенталистомъ“. На такое рѣшеніе могло подѣйствовать и то обстоятельство, что въ гимназіи преподавался въ вечерніе часы еврейскій языкъ для тѣхъ учениковъ, которые намѣревались впоследствии поступить на богословскій факультетъ Дерптскаго университета. Да и въ томъ домѣ, гдѣ жила семья В. Р., находилась бібліотека богословскихъ, а отчасти и восточныхъ книгъ, сдѣлавшаяся извѣстною В. Р. Еврейскимъ языкомъ В. Р. занимался одинъ семестръ у преподавателя нѣмецкаго языка и закона Божія Зальмана. Конечно, и способность В. Р. къ изученію языковъ и легкость усвоенія ихъ не мало содѣйствовали его рѣшимости погрузиться въ восточные тексты и рукописи. Подготовка же В. Р. къ намѣченной имъ новой области была далеко не обычная. Кромѣ русскаго языка, которымъ В. Р. владѣлъ въ совершенствѣ, нѣмецкій былъ для него роднымъ, на французскомъ онъ писалъ свободно, по англійски говорилъ; изъ древнихъ языковъ латинскій и греческій не представляли для него затрудненій;

да и вообще среднюю школу онъ прошелъ очень серьезнымъ образомъ. Обращаясь къ восточнымъ языкамъ, В. Р. просто хотѣлъ удовлетворить своей умственной потребности, совершенно забывъ о матеріальныхъ выгодахъ, которыя чужды этой специальности; а ужъ кто, какъ не В. Р., могъ бы стремиться къ болѣе блестящей карьерѣ! И такое рѣшеніе заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что семья, рано лишившись главы, жила на скромную пенсію, и не только о роскоши, но даже и о какихъ-либо излишествахъ нечего было думать; въ этомъ отношеніи В. Р. не былъ избалованъ и никогда объ этомъ не сожалѣлъ.

При поступленіи въ началѣ 1866 г. въ университетъ В. Р. не имѣлъ ценза по возрасту и первое полугодіе числился вольнослушателемъ. Онъ занялся на разрядѣ арабско-персидско-турецко-татарскій, увлекаясь по преимуществу арабскимъ; кромѣ того слушалъ лекціи и по еврейскому разряду у Д. А. Хвольсона, опять таки въ интересахъ арабскаго языка, что естественно, такъ какъ, если нельзя быть классикомъ съ однимъ латинскимъ языкомъ или съ однимъ греческимъ, такъ и для арабиста необходимо знаніе еврейскаго.

Однако свой первый научный трудъ, сочиненіе на медаль, В. Р. представилъ не по арабской словесности, а по персидской: „Полная оцѣнка Шахнама“. За это изслѣдованіе онъ былъ награжденъ золотою медалью.

Составъ того курса, на которомъ находился В. Р., проф. В. В. Григорьевъ называлъ на послѣднемъ экзаменѣ „блестящимъ“, и это было безусловно справедливо. Изъ этого курса, кромѣ В. Р., профессорскую кафедру занялъ В. Д. Смирновъ, избравшій свою спеціальностію османскій языкъ; затѣмъ П. С. Поповъ, проведшій въ Китаѣ 30 лѣтъ и давшій по китайской исторіи и китайскому языку рядъ цѣнныхъ работъ, вполне обезпечивающихъ любому ученому докторскую степень, состоитъ нынѣ преподавателемъ китайской словесности въ Петербургскомъ университетѣ; покойный В. М. Успенскій, не смотря на сложныя служебныя обязанности, обогатилъ наши свѣдѣнія о Китаѣ нѣсколькими цѣнными трудами; И. В. Надеринъ, безвременно похищенный смертію, извѣстенъ своими разысканіями монгольскаго Каракорума; штабсъ-капитанъ Н. Е. Бранденбургъ, впоследствии извѣстный археологъ, прослушалъ курсъ мусульманскаго востока въ званіи вольнослушателя; В. А. Теплоу, посѣщавшій университетъ изъ учебнаго отдѣленія министерства иностранныхъ дѣлъ въ качествѣ вольнослушателя, впоследствии напечаталъ нѣсколько книгъ по новѣйшей

исторіи Турціи. Извѣстно, что отъ подбора слушателей зависитъ и усидчивость ихъ занятій; при выдающемся составѣ невольно является соревнованіе, тутъ нельзя отставать, нельзя пропускать лекцій; а потому приходится усиленно работать.

Едва-ли ошибусь, если скажу, что всѣ эти лица подпали болѣе или менѣе сильному влиянію В. В. Григорьева, незадолго предъ тѣмъ поступившаго въ университетъ и находившагося тогда въ апогеѣ своей учено-литературной дѣятельности и въ разцвѣтѣ своихъ умственныхъ силъ. Его увлекательныя бесѣды, его поощреніе къ научнымъ изслѣдованіямъ, его интересныя темы возбуждали пылкую энергію молодыхъ слушателей и поддерживали въ нихъ интересъ къ ученымъ занятіямъ. Особенно радовался Григорьевъ, когда ему удавалось кого либо изъ окончившихъ курсъ пристроить на службу. Тѣ изъ упомянутыхъ адѣсь лицъ, которыя остались въ Петербургѣ, не прекращали своихъ сношеній съ любимымъ профессоромъ, обращались къ нему за совѣтомъ, указаніями или за книжками и никогда не встрѣчали отъказа; а уѣхавшіе на востокъ вели съ нимъ непрекращавшуюся переписку. „Я люблю молодежь—часто говорилъ Григорьевъ—и самъ почерпаю силы изъ бесѣды съ нею“. И вотъ что важно: всѣ тѣ питомцы университета, которые находились въ общеніи съ Григорьевымъ, работали на пользу науки болѣе или менѣе усердно, въ зависимости отъ того досуга, который давала имъ служба; но работали непременно. Кое-кто завидовалъ этому влиянію, были даже попытки ему противодѣйствовать; но оно продолжало дѣйствовать и крѣпнуть, пока Григорьевъ оставался въ университетѣ; когда же онъ покинулъ профессуру, его удаленіе сейчасъ же сказалось на ученой производительности молодыхъ ориенталистовъ послѣдующихъ выпусковъ. Особенно замѣтно было это на китаистахъ. Пока онъ читалъ имъ лекціи, они заражались стремленіемъ къ самостоятельнымъ изысканіямъ и потомъ печатали свои труды; а когда эти лекціи прекратились, остановились, за крайне рѣдкимъ исключеніемъ, и труды нашихъ синологовъ.

Про В. Р. можно сказать, что онъ по пути общенія со студентами пошелъ еще дальше Григорьева, организовавъ это общеніе шире, можетъ быть оттого и привязанность къ В. Р. его учениковъ была сильнѣе и выражалась ярче. Но замѣчалась и существенная разница между ними; съ Григорьевымъ можно было разойтись самымъ рѣшительнымъ образомъ и даже прервать съ нимъ всякія сношенія, что случалось и даже не особенно рѣдко; ничего подобнаго по отношенію къ В. Р. мнѣ неизвѣстно.

Арабскій языкъ и арабская словесность на факультетѣ восточныхъ языковъ тогда преподавались на младшихъ курсахъ В. Ф. Гиргасомъ, а на старшихъ М. Т. Навроцкимъ, переведеннымъ въ Петербургъ въ помощь Шейху Тавтави въ 1855 г. изъ Казани, гдѣ онъ состоялъ учителемъ арабскаго языка въ 1-й гимназіи. Нельзя сказать, чтобы Навроцкій былъ на высотѣ профессорскаго положенія: ни по ученой степени (кандидатъ казанскаго университета), ни по литературнымъ трудамъ онъ не могъ считаться авторитетомъ по своему предмету; а его своеобразныя приемы при объясненіяхъ ¹⁾ и какія-то странныя причмокиванія языкомъ производили нѣсколько комичное впечатлѣніе, особенно на первыхъ порахъ. Понятно, что В. Р. здѣсь не былъ удовлетворенъ въ своихъ стремленіяхъ досконально ознакомиться съ арабскою литературою и еще на университетской скамьѣ сталъ мечтать о томъ, какъ было бы хорошо послушать лекціи у европейскихъ свѣтилъ ориентализма, надрѣмъръ, у Флейшера, глубокаго знатока древней арабской поэзіи.

При окончаніи В. Р. университетскаго курса профессора ориенталисты предлагали ему остаться при университетѣ со стипендіей для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ арабской словесности; но и на этотъ разъ В. Р. не обнаружилъ въ себѣ практическихъ соображеній, что впоследствии и отразилось на его служебныхъ расчетахъ, онъ остался вѣрныи своему намѣренію прослушать лекціи у европейскихъ ориенталистовъ и, найдя матеріальную поддержку у своего дяди, уѣхалъ за границу. Опъ два семестра слушалъ въ Лейпцигѣ лекціи Флейшера, затѣмъ лекціи Креля и другихъ.

Лекціи „шейха“ арабистовъ и самъ онъ произвели на В. Р. неизгладимое впечатлѣніе; отзывы В. Р. о Флейшерѣ были самые восторженныя. Впоследствии, когда Флейшеръ скончался, В. Р. характеризовалъ покойнаго такъ: „полное отсутствіе мелкаго самолюбія и эгоизма, которые составляли основныя черты характера Флейшера и благодаря которымъ онъ былъ просто идеальнымъ профессоромъ и истинно великимъ челоѣкомъ. Такимъ его считали рѣшительно всѣ, которымъ посчастливилось—это было счастье—имѣть съ нимъ какія либо личныя сношенія“ ²⁾.

В. Р. оцѣнилъ разницу между способомъ отечественнаго препода-

¹⁾ О нихъ можно имѣть нѣкоторое понятіе по руководству Навроцкаго: „Опытъ грамматики арабскаго языка“ С.-Иб. 1867.

²⁾ Зап. вост. отд. И. Р. А. О., т. III (1888), стр. 300.

вѣція восточныхъ языковъ, иногда ведущагося безъ всякихъ опредѣленныхъ правилъ и школьныхъ традицій, и строгимъ методомъ, выработаннымъ филологическою наукою на западѣ, и потому сдѣлался убѣжденнымъ сторонникомъ западной школы и ея научныхъ приѣмовъ. Испытавъ на себѣ плодотворность поѣздки за-границу для усовершенствованія въ своемъ предметѣ, В. Р. настаивалъ, чтобы молодыя люди, намѣревающіеся посвятить себя ученой дѣятельности въ области востоковѣдѣнія, непременно по окончаніи университетскаго курса пробывши бы нѣкоторое время подъ руководствомъ западныхъ профессоровъ. Такой взглядъ В. Р. проводилъ на практикѣ, когда самъ сдѣлался профессоромъ и получилъ возможность вліять на дѣла факультета восточныхъ языковъ.

Въ январѣ 1871 г. умеръ профессоръ М. Т. Навроцкій, и факультетъ восточныхъ языковъ поспѣшилъ вызвать В. Р. изъ за-границы для порученія ему, по соблюденіи извѣстныхъ требованій, преподаванія арабскаго языка на младшихъ курсахъ въ должности доцента. В. Р. пріѣхалъ и сталъ готовиться къ профессурѣ. Къ этому времени относится первый печатный трудъ его, въ *Revalsche Zeitung* 19 Aug. 1871 онъ помѣстилъ статью: *Ein arabisches Manuscript in Reval*.

Между тѣмъ необходимость поскорѣе дать помощника профессору Гяргасу заставляла снѣзнить съ соблюденіемъ необходимыхъ формальностей. Въ ноябрѣ 1871 г. В. Р. сдалъ магистерскій экзаменъ; напечаталъ небольшую, но увлекательно написанную диссертацию: „Древне-арабскія поэзія и ея критика“. Впослѣдствіи онъ часто ссылался на эту свою работу, когда заходила рѣчь о магистерскихъ диссертациахъ, былъ къ нимъ всегда снисходителенъ, говоря, что и самъ написалъ для полученія степени магистра небольшое сочиненіе. 8-го мая 1872 г. состоялась защита диссертации; двѣ пробныя лекціи прочитаны 21-го и 25-го сентября; 28-го сентября происходила баллотировка В. Р. въ факультетѣ на должность доцента, причемъ онъ былъ избранъ единогласно. Также единогласно прошелъ онъ въ совѣтъ университета въ засѣданіи 30-го октябры, началъ чтеніе лекцій 13-го ноябры.

Для В. Р. настало трудное время, приходилось учить и самому расширять кругъ своихъ знаній путемъ самостоятельной работы. Лѣтомъ 1873 г., вмѣсто отдыха, В. Р. поѣхалъ за-границу, чтобы прослушать въ Грейфсвальдѣ лекціи Альвардта, извѣстнаго знатока арабской поэзіи.

Съ тѣхъ поръ В. Р. сталъ часто пользоваться канікулярнымъ

временемъ, чтобы совершать поѣздки за-границу. Главнѣйшая цѣль ихъ: изученіе арабскихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ западной Европы, и сношенія съ западными арабистами по предмету общей специальности.

Первую заграничную командировку съ ученою цѣлью В. Р. получилъ, какъ сказано, въ 1873 г. съ 1-го іюня по 15-ое сентября.

Въ 1875 г. онъ былъ командированъ за границу на вакаціонное время и 28 дней для „окончанія предпріятого имъ труда“ ¹⁾ и для собранія матеріала для задуманнаго имъ вмѣстѣ съ проф. В. Ф. Гиргасомъ приготовляемаго къ печати учебнаго пособия для студентовъ, „Арабской Хрестомати“. Эта поѣздка В. Р. особенно была замѣчательна въ смыслѣ обилія сдѣланныхъ имъ выписокъ изъ арабскихъ рукописей. Впослѣдствіи этими выписками онъ подѣлился съ нѣкоторыми своими учениками.

Въ 1879 г. В. Р. былъ командированъ съ 15-го мая по 15-ое сентября для изслѣдованій по исторіи арабской литературы III вѣка гиджры и для собранія свѣдѣній о нѣкоторыхъ важныхъ событіяхъ русско-византійской исторіи въ бібліотекахъ Вѣны, Лейдена, Лондона и Парижа. На расходы по командировкѣ было ассигновано университетомъ 500 руб.

Въ 1883 г. В. Р. получилъ командировку на лѣтніе мѣсяцы по 15-ое сентября, съ пособиемъ въ 500 р., во Флоренцію для изученія рукописи Агапы изъ Манбиджа и въ Лейденъ на международный съѣздъ ориенталистовъ.

Кромѣ того онъ былъ представителемъ отъ университета еще на съѣздахъ ориенталистовъ въ Берлинѣ въ 1881 г. съ 20-го августа по 15-ое сентября, и въ Вѣнѣ въ 1886 г. съ 15-го сентября по 1-ое октября, съ пособиемъ въ 300 р.

Независимо отъ перечисленныхъ поѣздокъ, которыя В. Р. предпринималъ для изученія арабскихъ рукописей, онъ постоянно выписывалъ ихъ изъ разныхъ заграничныхъ бібліотекъ для списыванія здѣсь. Такъ, лѣтомъ 1878 г. онъ получилъ изъ королевской придворной бібліотеки въ Вѣнѣ на полгода рукопись Джахила, которую и списалъ всю. Въ 1889 г. ему была доставлена на тѣхъ же основаніяхъ изъ королевской бібліотеки въ Берлинѣ турецкая рукопись Каабъ эль-ахбаръ. Нѣсколько разъ онъ пользовался на дому ру-

¹⁾ Впрочемъ, подъ этимъ трудомъ надо разумѣть обработку сочиненія Джахила на араб. яз. *Китабъ ал-Хайванъ*—„Жизнь животныхъ“.

копсіями изъ библіотеки учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Вотъ, слѣдовательно, чему отдавалъ В. Р. свои досуги и чѣмъ онъ былъ занятъ въ тиши кабинета. И заготовилъ онъ научнаго матеріала столько, что обработка его оказалась не подъ силу одному человѣку.

Лѣтомъ 1876 г. предстоялъ въ С.-Петербургѣ международный съѣздъ ориенталистовъ; предсѣдателемъ организаціоннаго комитета былъ В. В. Григорьевъ, который пригласилъ В. Р. въ составъ комитета секретаремъ для иностранной перенески. 1875 годъ, когда начались работы по устройству съѣзда, являлся въ политическомъ отношеніи для насъ очень тревожнымъ. Въ Германіи существовало большое неудовольствіе противъ Россіи по поводу заступничества императора Александра II за Францію; на турецкомъ горизонтѣ собирались тучи,—все это повело къ тому, что выйти за границей представителей комитета изъ мѣстныхъ ориенталистовъ иногда оказывалось затруднительнымъ. Только благодаря связямъ В. Р. съ иностранными учеными и его такту, удалось наладить это дѣло; но не безъ труда. Григорьевъ такъ былъ восхищенъ успѣхомъ В. Р., что поднесъ ему на память мраморную группу на письменный столъ, сочинивъ къ ней остроумную надпись. Впоследствии В. Р. пришлось редактировать 2-й томъ трудовъ этого съѣзда ориенталистовъ на иностранныхъ языкахъ (1879).

Перейдемъ къ ученымъ трудамъ В. Р.

Большое значеніе онъ придавалъ описанію рукописей и самъ много потрудился на этомъ поприщѣ. Онъ началъ съ собранія, принадлежащаго учебному отдѣленію восточныхъ языковъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ 1877 г. было напечатано: *Les manuscrits arabes de l'Institut des langues orientales*. Вслѣдъ затѣмъ онъ описалъ и персидскія рукописи, тамъ же находящіяся: *Les manuscrits persans de l'Institut des langues orientales* (1886). Поступивъ въ Академію Наукъ, онъ счелъ своимъ долгомъ продолжить трудъ своихъ предшественниковъ, академикомъ Фрона и Дорпа, по описанію арабскихъ рукописей Академіи и въ 1881 г. обнародовалъ *Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique*. Вмѣстѣ съ К. Г. Залеманомъ В. Р. опубликовалъ *Indices alphabetici codicum manuscriptorum persicorum, turcicorum, arabicorum qui in bibliotheca Imperialis litterarum Universitatis Petropolitanae conservantur*. Petropoli, 1888. Также вмѣстѣ съ г. Залеманомъ напечаталъ *Catalogus librorum manuscriptorum et impressorum monasterii S-ae Catharinae in monte Sinai ad fidem codicis*

Porphyriani. Petropoli, 1891. Затѣмъ тогда же обнародовалъ Manuscripts Babys. (Collections Scientifiques de l'Institut des langues orientales, VI). Наконецъ, во время пребыванія въ Болоньи лѣтомъ 1883 г., куда В. Р. прибылъ съ цѣлью отысканія неизвѣстныхъ еще арабскихъ источниковъ для исторіи Византіи и, не найдя ничего интереснаго по этому счету ни въ этомъ городѣ, ни во Флоренціи, онъ рѣшился посвятить 3 недѣли самаго усидчиваго труда для описанія болонской коллекціи арабскихъ рукописей графа Марсильи ¹⁾. Результатомъ явилось: *Remarques sur les manuscrits orientaux de la collection Marsigli à Bologne. Rome, 1885.* (въ *Atti della R. Accademia dei Lincei*).

Занятія подобнаго рода не принадлежатъ къ числу видныхъ, немного могутъ прибавить къ ученой славѣ труженика; но они повели В. Р. къ непосредственному знакомству съ рукописными сокровищами Европы по части арабской литературы, и въ этой области В. Р. отличался рѣдкою начитанностью, что и сказывалось въ его ученыхъ трудахъ и въ его руководительствѣ учениками.

Надо замѣтить, что, занимаясь описаніемъ восточныхъ рукописей, В. Р. дѣлалъ это въ извѣстную мѣру, не вдавался въ излишнія мелочи, и самъ осудилъ эту мелочность въ подобномъ трудѣ Альвардта, высказавъ, что „авторъ принесъ бы гораздо большую пользу наукѣ, если бы онъ половину времени, потраченнаго на бесплодную работу повторенія извѣстнаго, пагинированіе и приводеніе въ порядокъ сотенъ нигуда не годныхъ списковъ совершенно ничтожныхъ учебниковъ и трактатовъ, употребилъ на болѣе достойныя его дарованія и его научныхъ силъ работы“ ²⁾.

Академикъ А. А. Куникъ для своихъ историческихъ изслѣдованій часто нуждался въ пособіяхъ восточныхъ писателей и въ такихъ случаяхъ обыкновенно обращался къ содѣйствию ориенталиствъ. Н. И. Ильминскій, І. Ф. Готвальдъ, А. Я. Гаркави и другіе помогали Куннику по части восточныхъ текстовъ и словъ; конечно, онъ постигшимъ использовать и арабскія познанія В. Р. для своихъ работъ. На этотъ разъ результаты такого общенія между историками и ориенталистами оказались, по своимъ послѣдствіямъ, очень плодотворными. На впечатлительную натуру В. Р. не могло не подѣйствовать въ благоприят-

¹⁾ Кажется, за этотъ трудъ В. Р. получилъ итальянскій офицерскій крестъ ордена хорона.

²⁾ Зап. вост. отд. И. Р. А. О., т. III (1888), стр. 305.

номъ смыслѣ обращеніе Куника, а стремленіе его приноситъ пользу другимъ своими знаніями уже извѣстно.

Дѣлая изысканія о Запискѣ готскаго топарха, по поводу новыхъ открытій о таманской Руси и крымскихъ готахъ, Куникъ для рѣшенія одного частнаго вопроса обратился къ В. Р. съ просьбою сообщить ему въ русскомъ переводѣ свидѣтельства арабскихъ писателей о крещеніи св. Владимира. В. Р. перевелъ для Куника два такихъ разсказа объ этомъ событіи; одинъ взятъ имъ у ал-Макина, египетскаго христіанина († 1273), по тексту, изданному въ Лейденѣ въ 1625 г.; другой — извлеченъ изъ лѣтописи багдадскаго астронома Ибнъ-ал-Атира († 1233) по изданію Торнберга. Куникъ напечаталъ оба разсказа, не сдѣлавъ изъ нихъ никакихъ выводовъ и не снабдивъ никакими поясненіями ¹⁾. Впослѣдствіи другой византиинецъ, В. Г. Васильевскій, отнесся къ этимъ арабскимъ извѣстіямъ съ особеннымъ вниманіемъ. Онъ просилъ В. Р. продолжить переводъ разсказа изъ Ибнъ-ал-Атира, что тотъ и исполнилъ и кромѣ того провѣрилъ по оригиналу полное сообщеніе ал-Макина о данномъ вопросѣ, переведенное самимъ Васильевскимъ съ латинскаго перевода хроникки ал-Макина ²⁾. На основаніи этихъ данныхъ Васильевскій сдѣлалъ разъясненіе нѣкоторыхъ запутанныхъ вопросовъ въ византийско-славянскихъ отношеніяхъ времени св. Владимира. Этимъ онъ до нѣкоторой степени увлекъ В. Р. въ интересы своей специальности, т. е. въ область византиновѣднія.

По мысли же академика Куника В. Р. исполнилъ большую и интересную работу совместно съ его инициаторомъ. Дѣло касалось перевода съ арабскаго языка на русскій отрывка изъ сочиненія испанскаго араба, географа XI ст., ал-Бокри, пользовавшагося запискою еврейскаго путешественника X ст. Ибрагима ибн-Икуба для сообщенія свѣдѣній о славянахъ и ихъ сосѣдяхъ. Планъ широко задуманнаго наданія ал-Бокри не осуществился во всей полнотѣ по винѣ Куника, который въ послѣдній періодъ своей дѣятельности много начиналъ трудонъ, но скоро къ нимъ охлаждивалъ и оставлялъ несовершенными. Такъ случилось и съ ал-Бокри. Предполагалось сперва облгородовать нѣмецкій переводъ, а вслѣдъ за нимъ русскій. В. Р. свою за-

¹⁾ А. Куникъ, „О запискѣ готскаго топарха“ (С.-Пб. 1874), въ XXIV т. Записокъ Императорской Академіи Наукъ, стр. 147—8.

²⁾ Васильевскій, „Русско-византийскіе отрывки“ II. (Жур. Мин. Нар. Пр. 1876 г. кн. март., отд. II, стр. 132, 146).

дачу исполнилъ къ апрѣлю 1876 г., т. е. далъ текстъ, переводъ и предисловіе; но нѣмецкая часть затянулась. Тогда Кунникъ рѣшилъ опубликовать русское изданіе въ двухъ частяхъ. Первая появилась въ 1878 г., куда вошла работа В. Р. на русскомъ языкѣ. Послѣ смерти Кунника въ 1899 г. въ числѣ его бумагъ нашлись и записки его, относившіяся къ ал-Бекри, и нѣмецкій переводъ В. Р. арабскаго текста. Печатать этотъ переводъ В. Р. не рѣшился; но спасти изысканія Кунника счелъ своею обязанностью. При содѣйствіи приватъ-доцента А. Э. Шмидта и при участіи самого В. Р. эти бумаги Кунника были переведены на русскій языкъ и вмѣстѣ съ объяснительной запиской В. Р. напечатаны въ 1903 г. въ видѣ второй части Сборника „Извѣстія ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ“. Появленію этой второй части мы всецѣло обязаны В. Р., которому она доставила навѣрно больше труда и хлопотъ, чѣмъ обработка арабскаго текста.

16-го февраля 1879 г. В. Р. былъ избранъ адъюнктомъ Императорской Академіи Наукъ по части „магометанскихъ языковъ“.

Въ Академіи В. Р. началъ работать очень усердно; прежде всего онъ приступилъ къ каталогизаціи арабскихъ рукописей Азіатскаго музея, какъ сказано выше, и осуществилъ эту задачу, обнародовавъ *Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique. Première livraison. St. Pétersb., 1881.* Затѣмъ въ изданіяхъ же Академіи В. Р. помѣщалъ свои труды по изученію арабской литературы III в. гиджры (IX по Р. X.). Послѣдніе, впрочемъ, стали появляться въ академическихъ изданіяхъ еще раньше избранія его адъюнктомъ Академіи; нѣбо въ виду переводъ одного разсказа Джахиза, *Anhang* къ работѣ А. Шифнера *Mahakatjajana und König Tshanda-Pradjota (Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences de St. Pétersb. VII, série, t. XXII. 1875).* Джахизъ († 255 = 869 по Р. X.) очень интересовалъ В. Р., который думалъ издать полностью его сочиненіе *Китабъ ал-Хайвалъ* — „Жизнь животныхъ“ и обыкновенно называлъ его своимъ „любимцемъ“.

Затѣмъ, уже будучи адъюнктомъ, В. Р. началъ въ 1880 г. въ *Mélanges asiatiques, t. VIII,* статью: *Zug arabischen Literatur-Geschichte der älteren Zeit. I, Ibn-Quteiba.* Этотъ отдѣлъ арабской литературы называется арабами (*Ибнъ-Халдунъ*) *едебъ*, т. е. изящная словесность, однимъ изъ представителей которой былъ Джахизъ. Изученіемъ этой изящной словесности III в. гиджры В. Р. занялся очень старательно, и до 1879 года она стояла у него на первомъ планѣ.

В. Р. вошелъ въ составъ Академіи Наукъ, когда тамъ возгорѣ-

лась борьба двухъ партій: старой, такъ называемой нѣмецкой, и новой—русской. Первая старалась поддерживать прежній порядокъ, т. е., печатать труды академиковъ на иностранныхъ языкахъ, преимущественно на нѣмецкомъ, чтобы знакомить ученыхъ западной Европы съ состояніемъ науки въ Россіи; выбирать въ академическую среду ученыхъ изъ нѣмцевъ, которые снособствовали бы сближенію Академіи съ подобными же учрежденіями на западѣ. Вторая отвергала такое служебное значеніе Академіи, желала сдѣлать ее русской и, исходя изъ того положенія, что наука только тогда дѣлается народнымъ достояніемъ, когда ученые сочиненія издаются на національномъ языкѣ, настаивала на печатаніи ихъ по русски. В. Р. примкнулъ въ русской партіи и принялъ живое участіе въ борьбѣ и оттого постоянно находился въ возбужденномъ состояніи. Случай съ выборами Д. И. Менделѣева обострилъ отношенія между обѣими партіями въ такой степени, что едва не произошелъ между ними полный разрывъ: предстояли выборы другого кандидата, предложеннаго нѣмецкой партіей, и русская партія рѣшила, если бы избраніе состоялось, выйти всѣмъ изъ Академіи. В. Р. вполне раздѣлялъ такое намѣреніе и, чтобы показать болѣе самостоятельности, подалъ прошеніе объ увольненіи до производства выборовъ. Онъ рассчитывалъ, что будетъ имѣть возможность взять свое прошеніе обратно, такъ какъ по уставу Академіи подобному прошенію не дается хода въ теченіе полугода и въ это время предлагаютъ академику взять просьбу назадъ. Между тѣмъ кандидатъ нѣмецкой партіи не прошелъ въ Академію и академикамъ противоположнаго направленія не было надобности настаивать на своемъ рѣшеніи, они остались; но съ В. Р. дѣло разрѣшилось иначе: непрѣимый секретарь Академіи Пауль доложилъ министру народнаго просвѣщенія А. И. Школану, что извѣстный параграфъ устава Академіи относится только къ академикамъ, а не къ адъюнктамъ, и прошеніе В. Р. поступило на утвержденіе: 8-го марта 1882 г. В. Р. былъ уволенъ отъ должности адъюнкта. Такой оборотъ дѣла нѣсколько огорчилъ В. Р., такъ какъ компанія была проиграна; но онъ скоро утѣшился тѣмъ, что освободился наконецъ отъ постоянныхъ волненій, вызванныхъ борьбой, и потому могъ свободно предаваться научнымъ занятіямъ, о чемъ и заявилъ въ своей рѣчи передъ докторскимъ диспутомъ.

Самымъ важнымъ ученымъ трудомъ В. Р., украсившимъ изданія Императорской Академіи Наукъ, была его докторская диссертация: „Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченія изъ лѣтописи Яхъ

Антиохійскаго“ (С.-Пб. 1883), гдѣ авторъ проявилъ счастливое сочетание знаній языковъ арабскаго и греческаго съ возможностью пользоваться русскими источниками. Это та область византийско-славянскихъ отношеній, въ которую увлекли В. Р. два нѣслѣдователя, А. А. Куникъ и В. Г. Васильевскій, и вліяніе которыхъ неоднократно признавалъ В. Р. Но подобная тема явилась для самого В. Р. нѣсколько неожиданной, такъ какъ занятый въ то время изученіемъ арабской литературы III в. гаджры, онъ только попутно и то для другихъ интересовался извѣстіями арабовъ по исторіи Византіи, и вовсе не думалъ, что ему самостоятельно придется коснуться этой области. Тѣмъ не менѣе онъ не упускалъ изъ виду желаніе византинистовъ узнать источникъ, откуда почерпалъ свои свѣдѣнія ал-Макинъ. Когда въ 1879 г. В. Р. задумалъ большую лѣтнюю поѣздку за границу для работъ въ бібліотекахъ Вѣны, Лейдена, Лондона и особенно Парижа, гдѣ онъ еще не былъ, то въ своемъ ходатайствѣ о командировкѣ онъ кромѣ своей главной цѣли — необходимости продолжить давно начатыя изслѣдованія по исторіи арабской литературы III в. гаджры — выдѣлъ въ виду, очевидно, для В. Г. Васильевскаго, собрать свѣдѣнія о нѣкоторыхъ важныхъ событіяхъ русско-византийской исторіи изъ разныхъ арабскихъ историческихъ рукописей.

Счастье сопутствовало В. Р. въ эту поѣздку. Занимаясь въ парижской національной бібліотекѣ, онъ обратилъ вниманіе на одну арабскую рукопись, являющуюся продолженіемъ исторіи Евтихія александрійскаго и ошибочно приписанную по каталогу какому-то Саиду антиохійскому. Когда В. Р. занялся изученіемъ этой рукописи, онъ открылъ, что она составлена Яхъей, сыномъ Саида, антиохійскимъ, и что она послужила ал-Мавнуну источникомъ извѣстій о византийскихъ дѣлахъ X вѣка. Иначе говоря, В. Р. сдѣлалъ то открытіе, которое являлось такъ страстно желательнымъ для византинистовъ. Онъ тогда же приступилъ къ списыванію рукописи и къ собиранію свѣдѣній объ ея авторѣ, въ виду будущаго изданія всего текста и перевода. Это предположеніе полностью не осуществилось, такъ какъ подобная задача потребовала бы много свободнаго времени, котораго у В. Р. не было, во-1-хъ, вслѣдствіе лекцій и во-2-хъ, вслѣдствіе академическихъ занятій. Онъ ограничился тѣмъ, что обнаружилъ только отрывокъ изъ рукописи Яхъи, относящійся ко времени царствованія Василія II Болгаробойцы. Но мысль о полномъ изданіи рукописи не покидала В. Р. Уступая свои выписки другимъ ученымъ, данный списокъ онъ берегъ для себя. Книга вышла въ свѣтъ въ февралѣ

1883 г. Надо удивляться, что такой обширный трудъ (632 страницы) былъ оконченъ въ столь короткій срокъ; это—результатъ постоянныхъ, упорныхъ занятій, на какія не всякій способенъ. Какъ разъ въ это время В. Р. сказалъ пишущему эти строки: „я еще не жалею“ и затѣмъ пояснилъ, что онъ все протекшее время только учился и работалъ и не имѣлъ никакихъ развлеченій, никакихъ жизненныхъ удовольствій.

Пазванная книга была оценена по достоинству и на диспутъ, въ которомъ принялъ участіе В. Г. Васильевскій, и въ ученой литературѣ. О. И. Успенскій посвятилъ разбору этой книги большую статью ¹⁾ и заявилъ, что для русскихъ византинистовъ приобрѣтеніе въ свои ряды В. Р. составляетъ важное событіе и что подобныя труды „имѣютъ свойство возбуждать духъ изслѣдованія и пытливости, оживлять науку и поддерживать интересъ къ вопросамъ, которые многими почитаются поконченными и сданными въ архивъ“.

Казалось бы, что послѣ такого блестящаго выступленія на новомъ поприщѣ, В. Р. будетъ работать и дальше въ той же области; но на дѣлѣ это ожиданіе осуществилось не во всей полнотѣ.

Изслѣдованіе лѣтописи Лхъи Антиохійскаго В. Р. задумалъ расширить поисками тѣхъ источниковъ, которыми долженъ былъ пользоваться этотъ авторъ. Для этой цѣли онъ считалъ необходимымъ ознакомиться съ флорентійскою рукописью Агапія, сына Константина ал-Мабидже, современника Евтихія. Получивъ лѣтомъ 1883 г. командировку въ Италію для рассмотрѣнія арабскихъ рукописей въ Болоньи, онъ посѣтилъ и Флоренцію, гдѣ въ библиотекѣ св. Лаврентія ему была предоставлена возможность изучить интересовавшее его сочиненіе. Оказалось, однако, что для той цѣли, которую преслѣдовалъ В. Р., данная рукопись не оправдала возлагавшихся на нее ожиданій, такъ какъ историческій рассказъ въ ней былъ доведенъ только до второй половины VIII в., а затѣмъ прерывался, т. е. рукопись не имѣла конца, почему и вопросъ, пользовался ли Лхъя лѣтописью Агапія, остался открытымъ. Тѣмъ не менѣе В. Р. обратилъ на нее большое вниманіе, списалъ ее и помѣстилъ о ней въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (январь, 1884 г.) подробную статью: „Замѣтки о лѣтописи Агапія Мабиджскаго“, чѣмъ дѣло и ограничилось: ни текста, ни перевода В. Р. не обнарудовалъ.

¹⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1884 г., апрѣль, отд. Критики и библиографіи, стр. 282—315.

Переводную изъ Ибнъ ал-Атира статью подъ заглавіемъ „Арабскія сказанія о пораженіи Романа Діогена Алп-Арсланомъ“ В. Р. помѣстилъ въ Запискахъ восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества, т. I.

Когда въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія образовался въ Петербургѣ небольшой кружокъ классиковъ, съ В. Г. Васильевскимъ во главѣ, для изданія съ переводомъ и объясненіями сочиненій императора Константина Порфиророднаго, то туда былъ приглашенъ и В. Р. Занятія этого кружка пошла было усердно; но потомъ предпріятіе это распалось по разнымъ причинамъ, между прочимъ, и потому, что изученіемъ сочиненій Константина Порфиророднаго занялся въ Казани профессоръ Д. О. Бѣляевъ и часть своего труда, „О церемоніяхъ византійскаго двора“, напечаталъ въ Запискахъ Императорскаго русскаго археологическаго общества (новая серія, т. V и VI; часть неоконченной работы появилась послѣ смерти автора).

По изданію текстовъ В. Р. навсегда оставилъ память своимъ участіемъ въ редактированіи нѣкоторой части сочиненія Табарі. Въ половинѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія лейденскій арабистъ де-Гуе задумалъ грандіозное предпріятіе изданія арабскаго подлинника „Всеобщей Исторіи“ Табарі на международныя средства, В. Р. энергично поддерживалъ эту мысль своими статьями¹⁾. Его редакціи въ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir at-Tabari. Ser. III, vol. III, принадлежать* стр. 1368—1742 (*Lugd. Batav. 1883—1884*). По его же ходатайству была ассигнована нѣкоторая сумма на печатаніе текста Табарі изъ членскихъ взносов, оставшихся неизрасходованными отъ 3-го международнаго съѣзда ориенталистовъ въ С.-Петербургѣ.

Секта бабидовъ, начавшая въ послѣднее время проявлять свою силу въ Персіи и у насъ въ Закаспійской области, заинтересовала В. Р. настолько, что онъ занялся изученіемъ ея съ особенною старательностью. Нѣсколько замѣтокъ по этому вопросу онъ помѣстилъ въ Запискахъ восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества, а именно: 1) Новые бабидскія рукописи (т. IV, 1889 г.), 2) Посланіе „Благія вѣсти“ (т. VII, 1892 г.), 3) Еще о

¹⁾ Въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* онъ помѣстилъ двѣ статьи: а) „О предполагаемомъ изданіи арабскаго историка Табарі“, іюнь 1876 г. б) „Вѣщо объ изданіи Табарі, арабскаго хрониста“, ноябрь 1877 г. Затѣмъ въ *Запискахъ восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества* 1886 г. напечаталъ: *Annales auctore Abu Djafar etc. at-Tabari.*

посланиі „Благія вѣсти“ (ibid.), 4) Бабидскій антихолерный талисманъ (ibid.). Въ 1891 г. онъ напечаталъ Manuscripts Babuz. Еще раньше, въ 1889 г., В. Р. просилъ разрѣшенія въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ разсматривать донесенія посланниковъ и консуловъ въ Персіи и Турціи по вопросу о бабидскомъ движеніи. Въ послѣднее время онъ былъ занятъ обработкою бабидскихъ текстовъ.

Въ февралѣ 1885 г. В. Р. былъ избранъ управляющимъ восточнымъ отдѣленіемъ Императорскаго русскаго археологическаго общества, а это обстоятельство дало другое направленіе дѣятельности В. Р. Дѣло въ томъ, что В. Р. предстояло оживить дѣятельность отдѣленія, и онъ задумалъ организовать печатаніе статей по востоку на новыхъ началахъ. Для осуществленія этой мысли понадобился и новый органъ, при помощи котораго можно было бы начать новую жизнь отдѣленія. Не упраздняя прежній печатный органъ „Труды“, онъ создалъ еще „Записки“.

Главное отличіе этого изданія отъ прежняго составилъ отдѣлъ критики и библиографіи, гдѣ должны были сосредоточиваться извѣстія о всѣхъ новыхъ книгахъ по восточновѣдѣнію, какъ русскыхъ, такъ и иностранныхъ съ болѣе или менѣе подробнымъ отзывомъ о нихъ. Подобному отдѣлу В. Р. справедливо придавалъ большое значеніе.

Если В. Р. брался за какое-либо дѣло, то брался съ увлеченіемъ, иначе онъ отклонялъ его отъ себя самымъ рѣшительнымъ образомъ. Болѣе чѣмъ съ увлеченіемъ началъ В. Р. изданіе Записокъ восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества. Онъ, можно сказать, жилъ этими Записками и отдавалъ имъ всѣ свои знанія, весь свой трудъ, все свое время. Осуществленію прежнихъ научныхъ плановъ пришлось отложить на неопредѣленный срокъ, которому, однако, не суждено было настать; за большія работы онъ болѣе не принимался. Для славы его имени это, конечно, было значительнымъ ущербомъ. Видныя самостоятельныя изысканія, а не разсужденія, хотя бы оригинальныя и цѣнныя по поводу чужихъ трудовъ, оставили бы болѣе глубокой слѣдъ въ наукѣ, чѣмъ многочисленныя мелкія статьи и рецензіи, которыми В. Р. наполнялъ „Записки“. А для крупнаго творчества онъ былъ подготовленъ такъ, какъ бывають подготовлены очень немногіе¹⁾. Получилось то, что бы-

¹⁾ Насколько справедливо было высказывать такіа ожиданія, можно убѣдиться по одной замѣчательной статьѣ В. Р., написанной имъ по поводу спора, возникшаго изъ страницъ Записокъ Императорскаго археологическаго общества между А. А.

васть съ человѣкомъ, отдавшимся срочной журнальной работѣ. Постоянная забота о томъ, чтобы книжка получила надлежащій видъ, переговоры съ сотрудниками, чтеніе корректуръ, все это поглощало массу времени. Въ особенности отдѣлъ критики и библиографіи причинялъ В. Р. много безпокойства; здѣсь требовалась извѣстная полнота, по крайней мѣрѣ относительно болѣе видныхъ произведеній, а необходимыхъ рецензій получить иногда не было возможности; приходилось пополнять этотъ недостатокъ собственными средствами и самому сообщать о книгахъ иной специальности, даже о китайскомъ словарѣ. Но за то для успѣховъ русскаго востоковѣдѣнія Записки имѣли великое значеніе; въ этомъ согласны всѣ отечественные ориенталисты, и такое значеніе Записокъ было оцѣнено и за границей. По первоначальному предположенію В. Р. Записки должны были выходить въ свѣтъ по четыре выпуска въ годъ. На дѣлѣ это не всегда удавалось, такъ какъ случались непродвижныя задержки разнаго рода. Между прочимъ, когда въ факультетѣ восточныхъ языковъ было задумано изданіе Сборника („Восточныя Замѣтки“), посвященнаго Парижской школѣ живыхъ восточныхъ языковъ по случаю ея столѣтняго юбилея, то редактированіе этого объемистаго Сборника принялъ на себя В. Р.; а это неизбежно должно было отразиться на ходѣ Записокъ. О выходѣ въ свѣтъ выпуска или цѣлаго тома В. Р. объявлялъ на засѣданіяхъ отдѣленія съ особенною торжественностію и радостію. Всего В. Р. проредактировалъ 17 томовъ Записокъ и на восемнадцатомъ былъ застигнутъ смертію.

Во время занятій въ заграничныхъ бібліотекахъ В. Р. заготовилъ громадный научный матеріалъ, использованіе котораго едва ли было доступно одному лицу, даже при полной свободѣ располагать своимъ временемъ. Кромѣ рукописей по изящной словесности III вѣка мусульманской эры, В. Р. списывалъ все, что находилъ новаго и интереснаго въ арабской литературѣ. Сознаніе, что самому не совладать съ огромнымъ запасомъ выписокъ, къ тому же разнообразнаго содержанія, явилось у В. Р. довольно рано и повело къ тому, что онъ началъ

Слидующимъ и барономъ В. Г. Тивенгаузенемъ о значеніи и достоинствѣ показаній Ибн-Фадлана. Статья называется: „Прологемма къ новому изданію Ибн-Фадлана“ (Записки восточнаго отдѣленія, т. XV). По научнымъ пріемамъ и эрудиціи автора эта работа является образцомъ ученыхъ изслѣдованій, и если бы В. Р. исполнилъ свое нахѣреніе дать полный переводъ Ибн-Фадлана, съ надлежащимъ комментариемъ, мы получили бы трудъ высокой важности.

передавать, для обнародованія, свои запасы другимъ ученымъ. Конечно, одного сознанія для такого, можно сказать, самопожертвованія еще мало; нужно еще нѣчто другое, чтѣ бываетъ далеко не у всякаго, нужно безкорыстное желаніе блага другимъ, желаніе прйтти на помощь людямъ, работающимъ на ученомъ поприщѣ, и подѣлиться съ ними своими изысканіями, своими знаніями. В. Р. далъ покойному П. М. Меліоранскому тему и матеріалъ для докторской диссертациі „Арабъ филологъ о турецкомъ языкѣ“ (С.-Пб. 1900). Работая въ Оксфордѣ лѣтомъ 1875 г., В. Р. списалъ фонетико-грамматическій отдѣлъ турецкой части сочиненія невзвѣстнаго автора, назвавшего свой трудъ „Переводчикомъ“ (въ русскомъ переводѣ: „Книга: переводчикъ персидскій, турецкій и монгольскій“), изъ кодекса Бодлеянской бібліотеки, слылъ сдѣланный списокъ съ двумя другими, тамъ же находящимися рукописями и, надо полагать, намѣревался приготовить эти выписки къ печати. Но все ограничилось тѣмъ, что В. Р. сдѣлалъ сообщеніе (оставшееся не напечатаннымъ) въ засѣданіи Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго общества 15-го марта 1890 г. подъ заглавіемъ: „О древнѣйшихъ грамматикахъ турецкаго и монгольскаго языковъ, написанныхъ на арабскомъ языкѣ“; а затѣмъ передалъ свой матеріалъ П. М. Меліоранскому.

Въ томъ же 1875 г. В. Р. въ Лейденѣ списалъ арабскую рукопись, трактующую о познаваніи будущаго, о гаданіи и о фазіономіи по взглядамъ персовъ. Это сочиненіе приписывается Джахизу, и потому понятно, что оно обратило на себя вниманіе В. Р.; но самъ В. Р. не использовалъ этого труда, а предоставилъ его всецѣло К. А. Иностранцеву, которому находящіяся тамъ „Примѣты и повѣрья“ послужили темой для магистерской диссертациі: „Матеріалы изъ арабскихъ источниковъ для культурной исторіи сасанидской Персіи“ (С.-Пб. 1907). Дѣло не ограничилось въ данномъ случаѣ простой передачей списка, но и въ изслѣдованіи г. Иностранцева В. Р. принималъ участіе, какъ это засвидѣтельствовалъ самъ авторъ, заявивъ, что онъ обязанъ В. Р. рядомъ цѣнныхъ замѣчаній при обработкѣ и текста, и перевода.

Отдалъ В. Р. и свой списокъ съ рукописи своего „любимца“ Джахиза, когда узналъ, что голландскій арабистъ Фанъ-Флотенъ предпринялъ изданіе сочиненій этого автора. Вѣроятно, разстаться съ Джахизомъ В. Р. было не легко, такъ какъ онъ самъ постоянно имѣлъ въ виду подобное изданіе; но, говоря, что двоимъ ученымъ

не для чего исполнять отдѣльно одну и ту же работу, В. Р. пожертвовалъ своимъ трудомъ¹⁾. На этотъ разъ жертва не привела къ такимъ благоприятнымъ послѣдствіямъ, какія были раньше: Фанъ-Флотенъ скончался, и его предпріятіе осталось неоконченнымъ.

Затѣмъ одну капитальную работу В. Р. уступилъ А. А. Васильеву, именно списокъ съ лѣтописи Агапія Манбиджскаго, когда узналъ, что г. Васильевъ заинтересовался этимъ авторомъ.

Преподавательская дѣятельность В. Р. охарактеризована его учениками вполне ярко. Они цѣнили содержательность его лекцій, ихъ ясность и живость изложенія; для тѣхъ своихъ учениковъ, которые желали еще особо пользоваться его руководствомъ, онъ не жалѣлъ ни времени, ни своихъ силъ и устраивалъ регулярныя лекціи у себя на дому. В. Р. не пропускалъ безъ разсмотрѣнія ни одной студенческой работы, а потомъ и работы своихъ учениковъ и нерѣдко вносилъ туда свои поправки и дополненія; онъ входилъ не только въ научныя интересы своихъ слушателей, но и въ ихъ житейскія потребности и въ устройство ихъ дальнѣйшей судьбы. Неудивительно, поэтому, то признательное отношенію къ В. Р. его учениковъ, которое они проявляли при всякомъ случаѣ. Въ день 25-лѣтія профессорской дѣятельности В. Р. они поднесли ему сборникъ своихъ ученыхъ трудовъ—„Музаффарія“ (С.-Пб. 1897) и съ тѣхъ поръ постоянно чтили день 13-го ноября—день первой его лекціи въ 1872 г.; а также отмѣчали и 30-го октября—день, въ который В. Р. былъ избранъ доцентомъ.

А сколько учениковъ В. Р. благодаря его ходатайству получили тѣ или другія назначенія! Однихъ, пользуясь расположеніемъ М. А. Гамазова, директора учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, онъ рекомендовалъ для дипломатической дѣятельности; другихъ, при содѣйствіи Д. О. Кобова, пристраивалъ по министерству финансовъ чиновниками на окраинахъ.

Постоянно хлопоча за другихъ и стараясь устроить ихъ къ мѣсту или къ занятіямъ, В. Р. никогда и ничего не предпринималъ лично для себя. Его служебная карьера шла своимъ обычнымъ по-

¹⁾ Печатью В. Р. пользовалъ рукопись Джахиза, кромѣ вышеупомянутой статьи на нѣмецкомъ языкѣ, еще дважды на русскомъ: „Бедульское остроуміе“ (въ Запискахъ вост. отд. И. Р. А. О., т. III, стр. 126—128). „Два слова о значеніи слова „зевдикъ“ (тамъ же, т. VI, стр. 336—340). Кромѣ того помѣстилъ въ Арабской хрестоматіи отрывки изъ его сочиненія.

рядомъ, и если ему дѣлались какія предложенія административнаго характера, напримѣръ, приглашеніе на должность ректора, онъ отказывался отъ нихъ безусловно. Но въ многочисленныя университетскія комиссіи разнаго рода, отнимавшія много времени, онъ шелъ безропотно и исполнялъ свои обязанности съ образцовой акуратностью.

Служебная карьера В. Р. не очень сложна, какъ и всякаго ученаго, не стремящагося къ широкой общественной дѣятельности или къ администраціи. Послѣ защиты магистерской диссертациі, В. Р. съ 30-го октября 1872 г. началъ службу штатнымъ доцентомъ университета. Въ февралѣ 1879 г. былъ избранъ адъюнктомъ Императорской Академіи Наукъ, а въ 1882 г. уволенъ отъ этой должности. Въ маѣ 1883 г. получилъ званіе экстраординарнаго профессора, а въ ноябрѣ 1885 г. — ординарнаго. Въ декабрѣ 1890 г. вновь утвержденъ адъюнктомъ Академіи Наукъ по исторіи и литературѣ азиатскихъ народовъ, а въ 1900 г. избранъ экстраординарнымъ и въ 1901 г. ординарнымъ академикомъ. Съ 22-го сентября 1893 г. по 1-е августа 1902 г. состоялъ деканомъ факультета восточныхъ языковъ и за это время нерѣдко исправлялъ обязанности ректора. Въ 1902 г. былъ утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора.

Въ 1883 г. В. Р. устроилъ свой семейный очагъ, женившись на дочери генерал-лейтенанта О. О. Вессаго, Ольгѣ Феодосьевнѣ, и оцѣ прочтѣ погружался въ скромную семейную жизнь, которая такъ гармонировала съ его потребностію въ кабинетныхъ занятіяхъ.

В. Р. не былъ на востокѣ и не видѣлъ въ томъ надобности для арабистовъ, такъ какъ древній арабскій языкъ, языкъ корана, не сохранился до нашего времени въ неприкосновенности въ живой рѣчи, а удержался только въ литературѣ; для подкрѣпленія своего взгляда онъ обыкновенно приводилъ въ примѣръ Флейшера, который не былъ на востокѣ. Въ послѣднее время онъ поколебался въ этомъ убѣжденіи и не только сталъ сознавать пользу поѣздки на мусульманскій востокъ, но и самъ составлялъ для себя планы посѣщенія нѣкоторыхъ странъ его.

В. Р. былъ убѣжденный и горячій русскій патриотъ и это доказывалъ онъ не одними словами, какъ часто бываетъ, а своими поступками и дѣлами. Онъ пламенно желалъ величія и блага своему отечеству и русскому народу и въ этомъ отношеніи превосходилъ очень многихъ русскихъ по рожденію.

В. Р. скончался 10-го января 1908 г. отъ крупознаго воспаления легкихъ.

Подводя итогъ ученой дѣятельности В. Р., хочется спросить: исполнилъ ли онъ свой долгъ по принятой на себя обязанности? все ли онъ далъ, что могъ дать въ теченіе своей, къ сожалѣнію, непродолжительной жизни? Отвѣтъ, помимо всякихъ сравненій и примѣровъ, получится безусловно въ пользу В. Р. Иначе и быть не можетъ. Вѣдь онъ всю свою жизнь провелъ въ упорномъ научномъ трудѣ, онъ никогда не пропускалъ времени для пріобрѣтенія знаній и эти знанія не таилъ про себя, а широкой волной распространялъ въ кругу своихъ учениковъ, сослуживцевъ и всѣхъ тѣхъ, кто обращался къ его помощи по научнымъ вопросамъ. Слѣдуетъ ли послѣ этого предъявлять къ В. Р. какія-либо требованія или дѣлать упреки? Конечно, могутъ сказать, какъ и всякому ученому, отчего В. Р. исполнилъ то, а не другое; но никто не скажетъ, что онъ *не дѣлалъ* или *мало дѣлалъ* для науки. Въ такомъ случаѣ только вмѣсто одной работы появилась бы другая; но не объ разномъ. Что же касается выбора той, а не иной задачи, то это зависитъ отъ разныхъ условий, не всегда намъ извѣстныхъ, и для успѣшнаго разрѣшенія ея имѣютъ значеніе не навязываніе со стороны какой-либо томы, а собственный интересъ исследователя. Въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи В. Р. далъ такъ много, что за нимъ навсегда сохранится память, какъ объ одномъ изъ первоклассныхъ арабистовъ.

Русская наука стояла у него на первомъ планѣ, и онъ радовался ей успѣхамъ во всѣхъ отрасляхъ.

Когда сходятъ со сцены такіе люди, какъ В. Р., ихъ роль не оканчивается съ ихъ смертію; они продолжаютъ жить въ своихъ ученыхъ трудахъ, они продолжаютъ дѣйствовать въ лицѣ своихъ учениковъ; а В. Р. довелось рѣдкое счастье создать цѣлую школу ихъ.

Полный списокъ трудовъ В. Р. составленъ его ученикомъ И. Ю. Крачковскимъ и напечатанъ въ „Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ“ 1908 г., № 2, стр. 175—182 ¹⁾. Отзывъ о тридцатилѣтней ученой дѣятельности В. Р. былъ сообщенъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1902 г. кн. декабрьская (Соврем. Лѣтов., стр. 157—161).

Некрологи В. Р. были помѣщены: А. Д. Рудневымъ въ „Бирже-

¹⁾ Тамъ я не нашелъ указанія только на некрологъ академика Дорна (Nekrolog Bernhard Dorn's), напечатанный В. Р. въ „Petersburger Zeitung“ 1881 г., 28-го янв., № 148, за подписью У. в. К., и на довольно значительную статью въ „Инциклопедическомъ Словарѣ“ П. П. Борезина, т. II, „Аравія“, стр. 146 — 156, безъ подписи.

выхъ Вѣдомостяхъ" вѣчернее приложеніе къ 10-му января 1908 г.; Н. А. Мѣдниковымъ въ „Новомъ Времени“, 12-го января, № 11435; Н. Я. Марромъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, № 11; И. Ю. Крачковскимъ въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“, № 22; П. К. Ковцевымъ въ „Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ“, 1908 г., № 2 (съ приложеніемъ портрета).

И. Шесслерій.

ФРАГМЕНТЪ РИМСКАГО ЛЕГИОННАГО ЗНАМЕНИ.

Въ коллекціи В. С. Голенищева среди массы чрезвычайно интересныхъ вещей эллинистическаго и римскаго времени, найденныхъ въ Египтѣ, имѣется между прочимъ небольшой бронзовый дискъ съ ажурнымъ изображеніемъ внутри, ажурной надписью и рельефнымъ изображеніемъ на периферіи. Купленъ былъ этотъ дискъ теперешнимъ его владѣльцемъ въ Луксорѣ, въ Верхнемъ Египтѣ.

Дискъ литой, массивный; вылить весь сразу. Слѣдовъ рѣза послѣ отливки не видно. Въ центрѣ диска, въ кругѣ, изображена ажурно волчица вправо, голова повернута къ зрителю и опущена къ одному изъ двухъ младенцевъ, симметрично сидящихъ около нея на землѣ, лѣвый вправо, правый лѣво. Оба младенца, держа каждый обѣими руками по сосцу волчицы, усердно сосутъ ее. Полоска снизу обозначаетъ почву; она соединена съ охватывающей внутренній кругъ полосой подставкой въ формѣ двойнаго Т. Съ той же полосой тремя полосками металла соединена и фигура волчицы. Охватывающая внутренній кругъ полоса прорѣзана, за исключеніемъ небольшого куска вверху, ажурной надписью:

LEGVIFERRFCFEL т. е. leg(ioni) VI ferr(atae) f(ideli) c(onstanti) fel(icitate).

Вмѣстѣ съ верхнимъ массивнымъ кускомъ описываемой полосы вылиты довольно суммарно двѣ сильно выдающіяся впередъ орлиныя головы. Ретуши рѣзцомъ не видно и на нихъ. Задняя часть диска плоская, по-среднѣй выдается полукруглая массивная скоба, не припаянная, а вылитая одновременно съ дискомъ. Скоба поставлена вертикально къ изображенію; это доказываетъ, что дискъ прикрѣпленъ былъ къ горизонтальному стержню входившему въ скобу. Размѣры:

діаметръ диска—0,07, діам. внутреннего круга—0,045, шир. скобы—0,028, входившаго въ нее стержня 0,014, выш. скобы—0,018.

Слѣдовъ позолоты или серебрянія не видно. Не исключена, однако, возможность, что дискъ былъ покрытъ тонкой пластинкой болѣе благороднаго металла; такое предположеніе позволяетъ сдѣлать суммарность работы скульптурныхъ частей диска.

Надпись на дискѣ, упоминающая шестой желѣзный легіонъ, стоявшій почти безъ перерывовъ въ Сиріи ¹⁾, показывасть, что дискъ нашъ, несомнѣнно, составлялъ часть утвари даннаго легіона, а самая форма предмета и его изображенія дѣлають весьма вѣроятнымъ, что передъ нами часть легіоннаго знамени ²⁾.

Форма римскихъ легіонныхъ знаменъ намъ въ достаточной мѣрѣ извѣстна по цѣлому ряду изображеній на надгробныхъ и такъ называемыхъ триумфальныхъ рельефахъ, частяхъ войскового утвари и монетахъ ³⁾. Тщательное сопоставленіе этихъ изображеній съ товѣстами

¹⁾ Если памятникъ нашъ не только купленъ, но и найденъ въ Египтѣ, то придется предположить, что временно легіонъ былъ и въ Египтѣ, что вполнѣ возможно, хотя и не засвидѣтельствовано. Изъ сосѣдей Сиріи легіонъ въ слутные времена конца II и начала III вѣка могъ быть высланъ въ Египетъ. Если думать о ближайшихъ временахъ къ намъ опредѣляемому времени, послѣ котораго только и могло возникнуть наше знамя, то невольно приходится на умъ возстаніе Авидія Кассія и такъ называемая узурпація Песценнія Нигра, которые оба изъ Сиріи властвовали и въ Египтѣ, см. *Wickens, Ostraka I*, 801 и 803. Присоединеніе Египта къ сарійскимъ узурпаторамъ легче объяснить, если предположить, хотя бы краткую, военную экспедицію въ страну. Все это, однако же, конечно, только возможности. По стилю и формѣ буквъ и бы не рѣшился датировать нашъ памятникъ позднѣе нач. III вѣка по Р. Хр.

²⁾ Иное назначеніе ииѣ болѣе чѣмъ сомнительно. Возможно было бы только предположить въ нашѣмъ дискѣ фалеру т. е. украшеніе конной сбруи или форменной одежды солдата, равнозначащее нашему ордену. Но такое объясненіе ииѣ менѣе вѣроятно. Впрочемъ и при этомъ объясненіи всѣ мои выводы и предположенія остаются въ силѣ, такъ какъ фалера есть главная составная часть и легіоннаго знамени. Въ той же коллекціи В. С. Голенищева находится еще одинъ памятникъ, ииѣющій отношеніе къ римскому военному дѣлу. Это—пурипуровое, правда сильно выцѣвѣнное, vexillum—римское каладерійское знамя. Изображена на немъ Викторія, стоящая на шарѣ; въ правой поднятой рукѣ у нея вѣнокъ съ геммой, въ лѣвой приподнятой—пальмовая вѣтвь. Фонъ всего изображенія тенерь желтый, очевидно, поверхъ шелъ когда-то слой золотой краски. Знамя прикрѣплено къ довольно тонкой и легкой поперечной палкѣ. Надо надѣяться, что этотъ, единственный въ своемъ родѣ. памятникъ будетъ опубликованъ въ ближайшемъ будущемъ.

³⁾ Сохранились, главнымъ образомъ въ Германіи, и нѣкоторыя части знаменъ, см. *Domaszewski, Die Fahnen im römischen Heere (Abhandlungen des arch.-ep.*

дало возможность Домашевскому возстановить почти во всѣхъ подробностяхъ форму легионныхъ знаменъ въ эпоху римской имперіи.

Кромѣ легионнаго орла каждый манипулъ (позднѣе центурія) легиона имѣлъ свой значекъ. Значекъ этотъ имѣеть за все время существованія римской имперіи измѣнявшуюся только въ деталяхъ форму (каковъ онъ былъ въ эпоху республики мы не знаемъ)¹⁾: на высокомъ древкѣ, заканчивавшемся обыкновенно остриемъ копья, прикрѣплялась, во-первыхъ, подъ самымъ остриемъ поперечная перекладина; съ концовъ этой перекладины свѣшивались, прикрѣпленные къ кольцамъ, пурпурныя появки, заканчивавшіяся обыкновенно, вѣроятно, серебряными листьями плюща. Ниже распределялись, не всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ: доска съ надписью, указывавшею на то, какой войсковой части знамя принадлежало, нѣсколько серебряныхъ фигуръ различныхъ размѣровъ, наконецъ, серебряный же полумѣсяцъ (обыкновенно въ самомъ низу подъ фалерами).

На самомъ верху древка вмѣсто острія копья прикрѣплялось иногда металлическое изображеніе руки или такое же изображеніе вѣника; оба эти изображенія иногда соединялись; почти всегда вѣнокъ и рука не вытѣсняли острія копья, а только прикрѣплялись передъ нимъ; иногда въ вѣнокъ вставлялась не рука, а изображеніе щита и т. п. почетныхъ знаковъ. На знаменахъ вексплаций подъ поперечной палкой прикрѣплялось vexillum (см. Cagnat, *Rev. arch.* 1895, 1 p. 214—дискъ, принадлежавшій къ утвари вексплаций XX и II легионовъ, найденный въ Британніи, нынѣ въ Cabinet des Médailles въ Парижѣ).

Начиная, приблизительно, съ эпохи М. Аврелія къ этимъ обычнымъ составнымъ частямъ манипулярнаго или центуріатнаго легионнаго знамени присоединяется новая. Внизу подъ дисками—фалерами появляется изображеніе животнаго, чаще всего каприкорна (козерога)²⁾. Это изо-

Seminares der Universität Wien, V), Wien 1885, 51, Fig. 53—фрагментъ серебряной дощечки съ надписью, называющей ту часть легиона, которой принадлежало знамя. ср. 52, Fig. 54—серебряная рельефная фалера; оба памятника найдены были въ Нидербергѣ. Интересенъ и бронзовый каприкорнъ на втулкѣ, найденный въ Реймѣ. *Domaszewski*, *ibid.*, 54, Fig. 55 (о немъ рѣчь будетъ ниже).

¹⁾ См. соображенія по этому поводу, высказанныя *Ch. Renel*, *Cultes militaires de Rome. Enseignes militaires*, Lyon 1903 (*Ann. de l'Univ. de Lyon*, XII), 73 сл. и 236 сл.

²⁾ См. *Domaszewski*, I. 1., 48, Fig. 48—никопийская монета времени М. Аврелія, ср. знамя XIV легиона *Domaszewski*, I. 1., 35, Fig. 12.

бражніе, начиная съ эпохи Септимія Севера, постепенно переходить, какъ показываютъ монеты, на верхнюю часть древка, замѣняя собой остріе копья ¹⁾. Изображеніе такого знамени, заканчивающагося головой быка, имѣемъ мы и на одномъ рельефѣ изъ Виминація ²⁾. Найденный на Рейнѣ литой бронзовый козерогъ, прикрепленный къ массивной ступкѣ, составлялъ, очевидно, верхнюю часть знамени одного изъ рейнскихъ легионовъ ³⁾.

Цѣлый рядъ памятниковъ показываетъ намъ, что эти звѣри были своего рода гербами легионовъ. Сопоставленіе этихъ памятниковъ впервые дано было Домашевскимъ ⁴⁾, ему же принадлежитъ заслуга правильного объясненія части этихъ гербовъ ⁵⁾. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что большинство этихъ животныхъ суть знаки зодіака; выборъ этихъ знаковъ стоитъ въ носомнѣнной связи съ астрологическими вѣрованіями; это—сокращенныя геліогтуры частью самихъ легионовъ, частью ихъ основателей—по большей части Цезаря (быкъ) и Августа (козерогъ).

Появленіе такихъ легионныхъ гербовъ ⁶⁾, по всей вѣроятности, стоитъ въ связи съ военными реформами Цезаря или Августа; первоначально, однако, судя по изображеніямъ на извѣстномъ Кремонскомъ ящикѣ, гербы эти выступаютъ самостоятельно и появляются какъ отдѣльныя *signa* рядомъ съ легионнымъ орломъ ⁷⁾. Съ перваго момента своего появленія эти значки пріобрѣтаютъ естественную и

¹⁾ *Domaszewski*, l. 1., 48, 16—18, Fig. 49—51 монеты Септимія Севера.

²⁾ См. *Domaszewski*, *Arch.-ep. Mitth. aus Oesterreich*, XV, 192, Fig. 3. Голова быка прикреплена къ поперечной палкѣ, съ которой свѣшивались обшечныя попки.

³⁾ *Domaszewski*, *Fahnen*, 54, Fig. 55.

⁴⁾ *Domaszewski*, *Fahnen*, 54 сл.

⁵⁾ *Domaszewski*, *Arch.-ep. Mitth.*, XV, 182 сл., ср. *Cagnat* ст. *legio* въ *Daremberg et Saglio*, *Dict. d. ant.*, III B, 1074 сл., fig. 4426—4433. *Ch. Renel*, *Les enseignes*, 211. Послѣдній изъ указанныхъ авторовъ, не приводя новаго матеріала, дѣлаетъ, однако, рядъ хорошихъ новыхъ воспроизведеній памятниковъ и интересныя объясненія на базѣ, отсутствующей у Домашевского, широкой религіозно-исторической конценціи.

⁶⁾ О распространенности самого обычая имѣть гербы и воспроизводить его на памятникахъ см. моя замѣчанія: Римскія свинцовыя тессеры, 157 сл. Намозначая, что корпоративныя единицы, напр. коллегія, изображали, вѣроятно, свои гербы и на своихъ знаменахъ, можетъ быть, не безъ вліянія на это со стороны войска.

⁷⁾ См. *Not. d. sc.* 1887, tav. IV. *Mommsen*, *Correspondenzbl. d. Westd. Zeitschrift*, 1888, 55. *Domaszewski*, *Arch. ep. Mitth.* V (1892), 184 сл., Fig. 2. *Cagnat* въ *Daremberg et Saglio*, l. 1. 4427; *Rev. arch.* 1888, XI, 29.

традиціонную для изображенія знаковъ зодіака форму ажурныхъ изображеній, заключенныхъ въ кругъ ¹⁾. Въ эпоху имперіи рядомъ съ ними и по ихъ образцу появляются въ легіонахъ вполнѣ аналогичныя имъ *imagines* императоровъ, также ажурныя и заключенныя въ кругъ. Эти *imagines* въ легіонахъ остаются вплоть до поздняго времени самостоятельными знаменами, носимыми особыми *imaginiiferi*; въ преторіанскихъ когортахъ *imagines*, вѣроятно, съ первыхъ временъ существованія преторіанцевъ соединяются органически съ знаменемъ преторіанской когорты, чередуясь съ *вѣнками* и замѣняя собою легіонныя *phalerae* ²⁾.

Императорскія *imagines* въ легіонахъ постепенно вытѣсняютъ особые знаки съ легіонными горбами. Изображенія этихъ гербовъ переходятъ, приблизительно со временъ М. Аврелія, на самыя легіонныя или центуріатныя знамена; мы видѣли, что первоначально они помѣщаются внизу знамени, затѣмъ переходятъ на верхъ его, закрывая собою знамя.

Въ числѣ извѣстныхъ знаковъ зодіака, бывшихъ гербами легіоновъ, имѣется и изображеніе волчицы съ близнецами—римская форма знака близнецовъ (*gemini*). Вмѣстѣ съ калпикорномъ близнецы составляютъ гербъ второго италійскаго легіона, основаннаго М. Авреліемъ ³⁾.

Все изложенное показываетъ, что и нашъ дискъ былъ, по всей вѣроятности, такимъ же *insigne* легіона, какъ и только что упомянутыя. Вопросъ только въ томъ, былъ ли онъ частью самостоятельнаго значка или частью обычнаго легіоннаго знамени. Незначительные размѣры нашего памятника не позволяютъ отдать предпочтеніе первой альтернативѣ, несмотря на то, что форма его вполнѣ аналогична дискамъ, составляющимъ значки, изображенные на упомянутомъ выше кременскомъ ящикѣ. Приходится, поэтому, искать нашему диску мѣста на обычномъ легіонномъ знамени. Прикрѣпленіе къ поперечному древку заставляетъ прежде всего думать о томъ поперечномъ древкѣ знамени, съ котораго свѣшиваются пурпурныя повязки ⁴⁾. Аналогія со вторымъ

¹⁾ См. *Domaszewski, Arch. ep. Mitth.*, XV, 187, 25.

²⁾ *Domaszewski, Fahnen*, 56 сл. и 69 сл.

³⁾ Изображены на монетахъ Галліена *Domaszewski, Fahnen*, 35, ср. *Cagnat y Daremberg et Saglio l. I.*, 1078 и *Ch. Renel, Les enseignes*, 229 сл., fig. 48; Renel отрицаетъ, на мой взглядъ безъ достаточнаго основанія, зодіакальное значеніе нашего изображенія. Я готовъ, впрочемъ, допустить, что въ эпоху возникновенія II италійскаго легіона зодіакальный смыслъ изображенія понимался не какъ болѣе или менѣе точная генитура, а въ болѣе общей формѣ.

⁴⁾ Ср. изображеніе знамени на коринфскомъ шильствѣ Брешіанскаго музея,

италійскимъ легиономъ позволяютъ думать, что и шестой желѣзный легионъ, какъ и всѣ или большинство легионовъ, имѣлъ въ своемъ гербѣ два insignia; эти insignia въ нашемъ знамени могли быть укрѣплены на поперечной палкѣ знамени на обоихъ его концахъ въ томъ мѣстѣ, откуда свѣшивались пояски. Не исключена, однако, и третья возможность: нашъ дискъ могъ красоваться наверху знамени подъ самымъ остриемъ копья, прикрѣпленнымъ въ центрѣ вѣвка, часто украшающаго верхъ римскихъ манипулярныхъ значковъ. Во всякомъ случаѣ ажурная работа диска показываетъ, что онъ былъ прикрѣпленъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы фономъ его было небо или сплошная одноцвѣтная поверхность: только на такомъ фонѣ, даже при незначительности размѣровъ, дискъ нашъ могъ быть понятенъ и эффектенъ.

Появленіе знака близнецовъ въ гербѣ нашего и второго италійскаго легиона требуетъ объясненія. Объясненіе это, однако, найти не легко. На вѣрный путь, можетъ быть, способно повести изслѣдователя слѣдующее, можетъ быть и рискованное, сопоставленіе. Второй италійскій легионъ былъ созданъ императорами М. Аврелиемъ и Л. Веромъ, вѣроятно, для нуждъ ихъ большой парянской войны. Въ этой войнѣ отличился и нашъ шестой желѣзный легионъ: это доказываетъ возобновленіе упомянутыми императорами легионныхъ монетъ Антонія съ надписью *legio VI* ¹⁾. Нельзя ли предположить, что по этому случаю шестой легионъ, какъ и вновь основанный второй, первоначально имѣвшій прозвище „благочестивый“, получилъ гербъ, напоминавшій о первомъ въ аналахъ имперіи совмѣстномъ правленіи двухъ императоровъ. Возможно, что гербъ былъ только дополненъ при М. Аврелии вторымъ знакомъ: первымъ оставался бытъ—*insigne* Антоніевыхъ, сохраненныхъ Августомъ легионовъ (*X Fretensis* и *V Macedonica*) ²⁾.

Съ такимъ объясненіемъ согласовалась бы и необычная форма прикрѣпленія герба къ знамени—переходная между прикрѣпленіемъ герба къ древку визу и наверху знамени, и необычный видъ самого герба, напоминающій еще самостоятельную *signa* со знаками зодіака.

Domaszewski, Fahnen, 44, fig. 33: das Querholz... trägt an beiden Enden Scheiben, von welchen Bänder niederhängen, die an ihren Enden mit Kpheublättern geschmückt sind.

¹⁾ *Cohen, I, 46 и 83. Domaszewski, Arch.-ep. Mitth., XV, 187 сл.* Надо отметить, что монета VI легиона—единственная изъ довольно многочисленныхъ легионныхъ Антоніевыхъ, возобновленная императорами.

²⁾ См. *Domaszewski, I, 1, 188.*

Не объясняется ли, наконецъ, такимъ происхожденіемъ и появленіе двухъ орлиныхъ головъ на нашемъ дискѣ? Не есть ли и это указаніе на двухъ совмѣстно правившихъ императоровъ? ¹⁾

Намѣченная выше исторія легіонныхъ гербовъ въ связи съ исторіей римскаго знамени вызываетъ естественнымъ путемъ нѣсколько немаловажныхъ соображеній болѣе общаго характера.

Выше было указано, что легіонные гербы и значки съ гербами обяваны своимъ происхожденіемъ прямо или косвенно Цезарю. Огромная роль, которую въ этотъ періодъ начинаетъ играть астрологія въ вѣрованіяхъ тогдашняго римскаго общества вполне согласуется съ такимъ проникновеніемъ астрологін и въ войсковую жизнь. Это, однако, не все. Дарованіе легіонамъ въ видѣ особаго знака, какъ одного изъ знаменъ, символическаго изображенія, напоминавшаго рожденіе египетскаго верховнаго вождя и основателя, несомнѣнно, является рѣзкимъ указаніемъ на проникновеніе въ отношенія между войскомъ и его вождемъ монархическаго принципа. Считать ли авторомъ этого нововведенія Цезаря или Августа (послѣднее мнѣ вѣроятнѣе), фактъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ останется одинаково знаменательнымъ. Отъ этого до появленія знаменъ съ изображеніемъ императора только одинъ шагъ.

Самая форма новаго легіоннаго знамени чрезвычайно характерна. Форма эта, несомнѣнно, восточнаго происхожденія. Стоитъ только просмотрѣть превосходную статью Sarco о восточныхъ знаменахъ ²⁾, чтобы въ этомъ убѣдиться. Литыя изображенія, изображенія ажурныя, заключенныя въ солнечный кругъ, изображенія, въ которыхъ главную роль играютъ символическія животныя—это обычная форма знаменъ ассиро-вавилонскаго культурнаго круга, знаменъ Ассурназирбала и Саргона ³⁾. Если присмотрѣться поближе къ этимъ изображеніямъ, то аналогія становится еще разительнѣе: техника нашего, возникшаго въ Сиріи, диска и дисконъ, упомянутыхъ знаменъ абсолютно одина-

¹⁾ Нѣчто подобное, какъ указываетъ мнѣ Е. М. Придики, было въ обычаѣ въ Птолемеевской египетскій, гдѣ во времена совмѣстнаго правленія двухъ царей на монетахъ появляются на ихъ оборотѣ по одной, а *два орла*, см. *Strabon*, *Νομίσματα τοῦ κράτους τῶν Πτολεμαίων*, I, 387 (τοῖ). Надо однако отмѣтить, что типъ двухъ орловъ не вездѣ указываетъ на соправительство, см. напр. *ibid.* III, пп. XVII, 5—6; XXII, 10—11 и др., гдѣ предполагать сомнительное соправительство Филадельфа и Квергета врядъ ли возможно.

²⁾ См. *ЖЮ*, III (1903), 333 сл.

³⁾ См. *ЖЮ*, I. I. Fig. 1, 2 и особенно Fig. 7 (стр. 340).

кова: та же полоса, изображающая землю, та же подставка и при томъ почти той же формы, то же соединеніе фигуръ съ периферіей круга. Такое совпаденіе не можетъ быть случайно, какъ не случайно и совпаденіе между формой римскихъ vexilla и персидскихъ знаменъ ¹⁾.

Промежуточныхъ звеньевъ мы, правда, не имѣемъ, но мы знаемъ и изъ Арріана (VII, 14) и изъ нѣкоторыхъ документальныхъ упоминаній ²⁾, что эллинизмъ въ своей войсковой организаціи въ данномъ случаѣ усвоилъ традицію Востока и ввелъ въ свою военную практику незнакомое грекамъ понятіе войскового знамени, знамени военачальника. Разъ воспринята была идея, дана была и выработанная вѣками форма. Я не сомнѣваюсь, что недалеко то время, когда мы получимъ въ руки и документальныя вещественныя доказательства этого пока апріорнаго предположенія.

Зарождающаяся римская монархія, основанная на постоянномъ войскѣ, естественно примкнула къ восточно-эллинистической традиціи. Для знаковъ съ легионными гербами это для меня несомнѣнно; не случайно и то, что только Марій создалъ легионнаго орла и что традиція наша говоритъ о древнѣйшихъ значкахъ, какъ о безличныхъ пучкахъ сѣна или травы. Когда возникла форма обычнаго позднѣйшаго легионнаго знамени, мы не знаемъ, но многое и въ немъ говоритъ о сравнительно позднемъ происхожденіи. Круглая форма фалера, полумѣсяцъ, пурпурныя полосы съ кистями свѣшивающіяся съ колець, все это властно напоминаетъ Востокъ.

Къ романизованному Востоку примынуло и христіанство: ажурный крестъ въ labarum Константина—прямой потомокъ ассирійскаго солнечнаго диска, зодіакальных signa и императорскихъ imagines иерывыхъ вѣковъ римской имперіи.

М. Ростовцевъ.

¹⁾ *Sarre*, *ibid.* 348 сл.

²⁾ *Συμβολή* въ Птолемеескомъ войскѣ *P. Meyer*, *Das Heerwesen der Ptolemäer und Römer in Aegypten*, 96.

Ажурный дискъ изъ собранія В. С. Голенничева.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗЪ ОБЛАСТИ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКО- ЗНАНІЯ ¹⁾).

В. Глоссографическія контроверсы.

Только что отмѣченная принципиальная разница во взглядахъ на отношеніе къ рукописной традиціи между мной и Покровскимъ еще рѣзче сказывается въ области глоссографіи. Упрекая меня за чрезмѣрный консерватизмъ въ этомъ случаѣ, мой оппонентъ старается поставить данную контроверсу на объективную почву, замѣчая (Р. 39), что „консерватизмъ и радикализмъ въ подобномъ дѣлѣ должны покоиться на извѣстной системѣ широкаго изученія реальныхъ особенностей памятника. Вмѣсто этого авторъ сгнѣшить приступить съ лингвистической помощью къ заведомымъ опискамъ или подоразумѣніямъ въ глоссахъ, объясняемымъ съ точки зрѣнія то палеографіи, то критики источниковъ и т. д.“. На этотъ разъ Покровскій обставляетъ свой критическій тезисъ очень обильными фактическими иллюстраціями, которыя при соответствующей группировкѣ и съ необходимымъ добавленіемъ новыхъ фактовъ дадутъ мнѣ матеріалъ для нижеслѣдующихъ глоссографическихъ экскурсовъ, значеніе которыхъ усиливается отъ того, что въ большинствѣ отдѣльныхъ глоссографическихъ контроверсъ Покровскій является солидарнымъ съ такимъ первокласснымъ авторитетомъ по глоссографіи, какъ Гётце.

I.

Я долженъ впрочемъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ я расхожусь съ Гётцемъ или другими глоссографами, Покровскій, по-

¹⁾ *Продолженіе.* См. мартовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1908 годъ.

видному, согласенъ со мной. По крайней мѣрѣ на стр. 38 онъ заявляетъ, что „авторъ очень много занимается глоссами, и въ обихъ его трудахъ можно найти рядъ интересныхъ новыхъ толкованій къ отдѣльнымъ труднымъ глоссамъ и рядъ не лишенныхъ значенія наблюдений надъ особенностями отдѣльныхъ глоссаріевъ“. Съ своей стороны, я признаю, что въ нѣкоторыхъ (впрочемъ, очень немногихъ) случаяхъ Покровский, критикуя мои глоссографическія комбинаціи, безусловно правъ: въ особенности удачны тѣ его замѣчанія, гдѣ онъ вышнеллируетъ къ возможности истолкованія нѣкоторыхъ глоссъ, какъ продукта грамматическаго домысла глоссаторовъ: ср., напримѣръ, его правдоподобныя соображенія относительно *equatosis* (Р. 53), *pellicator*, *pellicatio* (*ibid.*, 54 сл.)¹⁾. Впрочемъ, что касается этихъ двухъ послѣднихъ случаевъ, то я сомнѣваюсь, чтобы опредѣленіе *pelex*, какъ *sollicitatrix thalami maritalis*, можно было назвать (всгдѣ за Покровскимъ) „характернымъ“; гораздо лучше въ этомъ отношеніи слѣдующая глосса: *Pellicio blanditiis decipio: unde et pellices concubinae vocantur, quae blanditiis fallunt* (CGL. II, p. XIII).

Зато аналогичныя подозрѣнія Покровскаго (Р. 49) по поводу принятаго мной (Э. 182) изъ CGL. II, 414, 48 прилагательнаго *pellax* представляются мнѣ совершенно необоснованными. „Происхожде-

¹⁾ Какъ ни obviously связать *pellacatio* (ср. „Кирякову“ глоссу: 'Алѣтѣ *fallacia, delectatio, fallacitas, pellacatio* CGL. II, 288, 40) съ *pellax*, *-ācis*, однако такое толкованіе нѣсколько затрудняется полнымъ отсутствіемъ отглаголенныхъ глаголовъ на *-ācare*, образованныхъ отъ именной основы на *-āc-* (*formātor* „истонникъ“, отъ *formāx*, *-ācis*, [ср. Paul Dig. 33, 7, 14] не представляеть собой достаточно близкой аналогіи для *pellacatio*). Кстати: какъ объяснить происхожденіе прилагательнаго *pellax*, съ его долгимъ *a* въ косвенныхъ падежахъ? Мнѣ представляются двѣ возможности его истолкованія. Съ одной стороны, можно, пожалуй, исходить изъ вошенъ *abstractum lax* (ср. Paul. ex Festo p. 83, 14: *Lacit decipiēdo inducit. Lax etenim fraus est*), которое въ косвенныхъ падежахъ могло имѣть долгое *a* (ср. *raz*, *raicis*; вопроса объ эпохѣ происхожденія этой долготы я не затрагиваю). И вотъ *pellax* могло быть прилагательнымъ, гипотетическимъ изъ сочетанія **per lacem*, подобно тому какъ *perfidus* возникло изъ *per fidem*, *peritūrus* изъ *per ius*, *pernox* изъ *per nocem* и т. п., при этомъ со стороны конечнаго значенія ближе всего подходить два первыхъ прилагательныхъ, со стороны окончанія—послѣднее. Съ другой стороны, однако, можно также и объяснить *pellax* въ связи съ гл. *pellicio* (> **per-lācio*): первоначально могло возникнуть прилагательное **per-lāc-s*, gen. **per-lāc-ēs*, (ср. напр. *perpes* > **per-pet-s*), а затѣмъ подъ вліяніемъ близкаго по значенію и звуку *fallax* это прилагательное получило въ косвенныхъ падежахъ *ā*. Если такъ, то это былъ бы случай аналогическаго образованія, возникшаго еще въ ту эпоху, когда краткое *a* не являлось въ своемъ качествѣ въ послѣдударномъ слогѣ. Изъ этихъ двухъ толкованій я лично рѣшительно предпочелъ бы второе.

ние этого *potax*, говорить онъ, неясно: зналъ ли глоссографъ реальное образование отъ *potare* или оно явилось какъ чисто глоссографическій продуктъ въ результатъ этимологій и контаминацій, рѣшить крайне трудно“. Основаніемъ къ такому скептицизму критикомъ является тотъ фактъ, что въ одной глоссѣ (II, 153, 28) *pinus* интерпретируется черезъ *πίτῆς*, въ чемъ, по словамъ Покровскаго, „можно заподозрить этимологическую спекуляцію“. Последнее подозрѣніе безусловно справедливо, но неужели этого факта достаточно, чтобы бросить хоть какую-нибудь тѣнь на реальность *potax* въ глоссѣ *Πότῆς bibax potax*? Я рѣшительно не представляю себѣ того ряда силлогизмовъ, который оправдывалъ бы подобный скептицизмъ, а слѣдовательно для меня неясны и логическія его основанія. Что касается ссылки на матеріалъ, собранный Гётцемъ подъ словомъ *bibulus*, то я не нашелъ въ немъ ни одного факта, имѣющаго серьезное значеніе въ данной связи. Въ заключеніе замѣчу, что образование *potax* такъ просто и естественно, что едва ли былъ поводъ выставлять относительно его всѣ вышеизложенныя подозрѣнія.

Въ этой же связи коснусь гл. *laccessare*, вслѣдъ за Гётцемъ принятаго мной (Э. 244 сл.) за реальный фактъ. Не соглашавсь съ этимъ, Покровский, между прочимъ, спрашиваетъ (Р. 68): „чѣмъ, напримѣръ, лучше *unicum laccessantes* такихъ *unica*, какъ *incolantibus habitantibus* (V, 635, 15), *parans* вм. *parens* (II, 142, 1, послѣ *parat* и *paravisse*), *edax comedans* (V, 142, 1—Ainplon. II)“ и т. п. Но дѣло въ томъ, что *laccessantes* не можеть быть объяснено вліяніемъ соотвѣстныхъ словъ, какъ во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ; итакъ, пришлось бы заподозрить здѣсь или палеографическую ошибку или ошибочный грамматическій домыселъ или, наконецъ, просто описку. Все это, конечно, чрезвычайно гадательно. Еще болѣе гадательны предположенія критика (Р. 64) о вліяніи на форму *laccessare* и т. п. этимологій латинскихъ грамматиковъ, сближавшихъ этотъ глаголъ съ *laerare*. Впрочемъ, вообще весь экскурсъ Покровскаго о поздне-латинскомъ переходѣ глаголовъ 3-го спряженія въ 1-е (Р. 62 сл.), заключая въ себѣ, безспорно, интересные наблюденія, все-таки не разрѣшаетъ въ определенной формѣ вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ глаголы на *-āre* этого типа были распространены. Дѣло въ томъ, что тѣ внѣшнія совпаденія между формами *indic. praes.*, *coni. praes.* и *fut. pr.*, на которыхъ указываетъ Покровский, могли вести не только къ лабораторнымъ недоразумѣніямъ грамматиковъ, но и къ возникновению реальныхъ фактовъ языка—синтактическихъ и морфологическихъ (при-

чемъ не всегда можно отличить одни отъ другихъ). Во всякомъ случаѣ въ своей диссертациіи я эти вопросы не подвергалъ разсмотрѣнію, наблюденія же Покровскаго, вызванныя нѣсколькими строками одного моего примѣчанія (Э. 120^а), при всемъ интересѣ, который они, несомнѣнно, представляютъ, слишкомъ еще отрывочны, чтобы можно было на основаніи ихъ установить какія-нибудь опредѣленныя формулы: для этого требуется систематическій пересмотръ гораздо болѣе обширнаго матеріала и притомъ не исключительно глоссографическаго, такъ какъ черезчуръ изолированныя глоссографическія изслѣдованія, какъ это мы скоро увидимъ, далеко не безопасны. Пока же можно сказать, что съ одной стороны нѣкоторыя глоссографическія показанія дѣйствительно ненадежны, съ другой стороны, однако, цѣлый рядъ несомнѣнныхъ примѣровъ изъ латинскаго языка (напр. *meiare*¹⁾, *pi(n)sare* и т. п., не говоря уже о древнѣйшихъ въ родѣ *lavāre* при *lavāre* и т. п.), а также факты романскихъ языковъ не позволяютъ намъ отвергать возможность реальныхъ явленій этого типа уже на латинской почвѣ.

Въ частности, я не раздѣляю скептическаго отношенія Покровскаго (Р. 14) къ гл. *fallare* и образованному отъ него помету *agentis fallator*, такъ какъ: а) эти два образованія другъ друга подкрѣпляютъ, б) гл. *fallare* имѣетъ многочисленныя отклоненія въ романскихъ языкахъ (ср. хотя бы Körtling, Lat.-rom. Wtb.² № 3598), в) образованіе *falla*, отъ котораго могъ возникнуть гл. *fallare*, отсюда не можетъ быть названо безусловно испорченнымъ чтеніемъ, какъ это думаетъ Покровскій (см. объ этомъ выше, въ 1-мъ этюдѣ), д) равенство *falsator* = *simulator*, предполагаемое критикомъ, представляется мнѣ нѣсколько сомнительнымъ.

II.

Подозрительное отношеніе къ реальности тѣхъ или другихъ переданныхъ въ глоссаріяхъ словъ или формъ возникаетъ иногда въ

¹⁾ Отмѣчу кстати (Глосса. Аваз.: *Exemil* (cond. *eximil*) *producit* *exculit* (ac. *exculmit*) *eximil* (CIL. IV, 338, 42), въ какой-то глоссѣ *Buxelerz*, но показанію Гётца (Thes. v. v. *eximo*), очень остроумно и правдоподобно предполагаетъ комбинацію двухъ глоссъ, съ логиками *exemil* и *eximil*. Въ такомъ случаѣ изъ второй глоссы можно было бы извлечь гл. *eximāre*, но зарегистрированный ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ словарей и не нашедшій себѣ мѣста въ Thesaurus Гётца въ качествѣ самостоятельной лексической величины, что и заставляетъ меня обратить на него специальное вниманіе.

связи съ возможностью объяснить соответствующія чтенія какъ результаты вліянія сосѣднихъ глоссъ другъ на друга или однихъ составныхъ частей глоссы на другія. При этомъ, однако, нѣкоторые глоссографы обнаруживаютъ известную неустойчивость въ пользованіи этой методологической точкой зрѣнія.

1) Такъ, напримѣръ, въ глоссѣ *excihiat* ἐχχίηται (CGL. II, 64, 17) Гётцъ категорически настаиваетъ на исправленіи леммы въ *excihat*; я, однако, рѣшительно протестую противъ безусловной необходимости такой поправки. Правда, Покровский (Р. 42) въ оправданіе ея указываетъ на то, что „*excihiat* стоитъ послѣ *excihiat*“, откуда і могло проникнуть въ *excihat*“; однако это соображеніе отнюдь не оправдываетъ безапелляционности Гётцовой конъектуры (на которой не настаиваетъ и Покровский). Развѣ всякую глоссографическую шпигитъ, легко могущее быть объясненнымъ какъ результатъ ошибки вслѣдствіе вліянія сосѣдней глоссы, должно быть исправлено въ болѣе обычную форму?

2) Если такъ, то почему же сперва Гётцъ, а за нимъ Покровский (Р. 40) съ полнымъ довѣріемъ относятся къ глоссографическому шпигитъ *angustiatio*, которое они извлекаютъ изъ глоссы: *Angustio* (ae: *angustiatio*) στενωπός (CGL. II, 494, 38)? Не слѣдуетъ забывать, что эта форма легко могла возникнуть подъ вліяніемъ предшествующей глоссы: *Ambulatio* περιπάτος. Впрочемъ, несостоятельность чтенія *angustiatio* вытекаетъ и изъ другихъ соображеній, о чемъ см. ниже экскурсъ IV, пунктъ 4. Пока же замѣчу, что радикальный скептицизмъ Гётца и уклончивый—Покровскаго по отношенію къ *excihiare* съ одной стороны и абсолютная довѣрчивость обоихъ глоссографовъ къ *angustiatio*—съ другой представляется мнѣ несомнѣнной методологической непослѣдовательностью.

3) Нѣкоторую непослѣдовательность аналогичнаго характера представляетъ собой и то, что Покровский безъ всякихъ оговорокъ и дальнѣйшихъ лексикографическихъ оправданій извлекаетъ (М. 15) изъ глоссы *Σφαιδοπέτης fundator* (CGL. II, 449, 25) очень отвѣтственную форму *fundator*, хотя она легко могла бы быть объяснена какъ искаженіе обычнаго *funditor* подъ вліяніемъ предшествующей глоссы съ *interpretamentum funda*. Во всякомъ случаѣ слѣдовало безусловно сослаться хотя бы на отвѣченную въ словаряхъ параллель Schol. Bern. ad Verg. Geogr. I, 141, которая, вѣроятно, и Гётца склоняла къ принятію этого рѣдкаго дублета (Thes. стр. 476).

Кстати останавлюсь на любопытной глоссѣ, приведенной Гётцемъ

тамъ же: *funditor possessor* (CGL. V, 548, 7) и до сихъ поръ не получившей правильной истолкованія. Гётцъ предлагаетъ вмѣсто *funditor* читать *fundator*, а Покровский (l. c.) предполагаетъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ обычной формой *funditor* (отъ *funda*), но что „въ позднѣмъ языкѣ это слово ассоціировалось съ *fundus* и могло значить *possessor*“. Я не могу въ данномъ случаѣ согласиться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ глоссографомъ. Поправка Гётца совершенно не нужна; что касается этимологическаго толждства двухъ *funditor* и объясненія значенія *possessor* лишь какъ результата семасіологической ассоціаціи съ близкимъ по звуку *fundus*, то это толкованіе Покровскаго представляется мнѣ не только необычайно смѣлымъ ¹⁾, но и тѣмъ менѣе нужнымъ, что засвидѣтельствованіе *funditor*=*possessor* въ глоссаріяхъ отнюдь не служитъ доказательствомъ того, что это слово возникло въ поздне-латинскомъ языкѣ ²⁾. Я скорѣе предположилъ бы, наобо-

¹⁾ Говори это, я нисколько не отрицаю возможности семасіологическаго вліянія между близкими по звуку словами: это любопытное языковое явленіе уже давно обратило на себя вниманіе какъ языковѣдовъ вообще, такъ и семасіологовъ. Такъ, интересные примѣры этого рода изъ французскаго языка приводитъ *A. Darmesteter, La vie des mots*, 131 (напр. *miniature*, первоначально—картина, нарисованная при помощи *minium*, а затѣмъ, подъ вліяніемъ *mignard*,—картина небольшихъ размѣровъ); ср. также *K. Schmidt, Die Gründe des Bedeutungswandels*, 29 сл., гдѣ указанъ цѣлый рядъ примѣровъ этого рода (не всегда, впрочемъ, удачныхъ) изъ различныхъ языковъ; нѣкоторыя данныя по этому вопросу приведены мной Э. 43 (съ прим. 2). При этомъ надо, однако, имѣть въ виду, что подобное семасіологическое взаимодѣйствіе сходныхъ по звуку словъ, какъ это и вполнѣ естественно, бываетъ только въ такихъ случаяхъ, когда между этими словами есть номинно звуковой близости хоть какое-нибудь семасіологическое сродство (какъ бы оно ни было отдаленно), а можно ли таковое допустить между *funditor* „французикъ“ и *fundus* „земельный участокъ“? Я, по крайней мѣрѣ, отказываюсь признать какую бы то ни было точку соприкосновенія въ значеніяхъ этихъ словъ, а потому безусловно отвергаю всякое изъ семасіологическое взаимодѣйствіе. Иное дѣло *funda* „праца“ и гл. *funderē*: если даже правы тѣ, которые выводятъ *funda* изъ греч. *σφαιδόνη* (въ чемъ, впрочемъ, я лично отнюдь не увѣренъ), то, во всякомъ случаѣ, это латинское слово связывалось въ сознаніи говорящихъ съ гл. *funderē*, который въ нѣкоторыхъ своихъ значеніяхъ очень близко соприкасался съ понятіемъ праца. На этой же почвѣ затѣмъ возникло и инструментальное образованіе *fundibulum*—*σφαιδόνη* (ср. CGL. III, 299, 4, а также *Rönsch, Itala und Vulgata*, 38), которое могло возникнуть отъ гл. *funderē* (хотя нельзя поручиться за то, что въ основѣ его лежатъ *funda*: ср. напр. отмѣненное образованіе *turibulum*, о которомъ см. Э. 104); о дальнѣйшей судьбѣ этого слова (очень интересной) см. замѣтку Тильмана въ *Arch. f. lat. Lex.* III, 540.

²⁾ Аналогичное недоразумѣніе представляетъ собой замѣчаніе Покровскаго (М. 156) по поводу глоссографическаго *formidosus* (CGL. V, 457, 10): „Если слово

рогъ, очень древнее происхождение этого *funditor* (и во всякомъ случаѣ совершенно самостоятельное отъ *funditor* = *σφαιδονέτης*), каковое образование, замѣчу кстати, быть можетъ, возникло по аналогіи съ **territor* „владѣлецъ земли“, которое превосходно объясняло бы оставшееся до сихъ поръ загадочнымъ *territorium*. Если эта гипотеза вѣрна, за что, конечно, я не ручаюсь, то *territorium* первоначально должно было значить „земельное владѣніе“ (ср. кстати глоссу Amplon. prim.: *Territorium possessio* (CGL. V, 396, 21)¹⁾ и лишь впоследствии приобрѣло то значеніе, съ которымъ оно обыкновенно засвидѣтельствовано. Замѣчу на всякій случай, что съ морфологической стороны **territor*: *territorium* можно было бы ближайшимъ образомъ сопоставить съ *portitor*: *portitorium* (объ этомъ послѣднемъ образованіи ср. напр. Götzt, Thes. gloss. s. v.). Въ заключеніе этого морфологическо-глоссографическаго экскурса напомню очень любопытную глоссу изъ сборника Скалигера (CGL. V, 613, 36): *Villaturia* (Götzt: *villatoria*) *territoria*.

4) Въ связи съ вліяніемъ отдѣльныхъ частей глоссъ другъ на друга остановлюсь на одномъ принципиальномъ вопросѣ: если одна изъ этихъ частей испорчена, обезцвѣиваются ли этимъ другія части? Я полагаю, что положительный отвѣтъ на такой вопросъ можно дать только при наличности какихъ-нибудь специальныхъ условій, иначе—подобный отвѣтъ представлялся бы съ моей точки зрѣнія методологически неправильнымъ. Вотъ причина, почему я рѣшительно не могу согласиться съ замѣчаніемъ Покровскаго (Р. 53) по поводу образованія *iterator* въ глоссѣ: *viator vicerat vel iterator* (CGL. V, 518, 39), что оно „возможно, но не слѣдуетъ упускать изъ виду испорченность глоссы“. Предположеніе, что я упустилъ изъ виду испорченность этой глоссы, неосновательно, такъ какъ „форма“ *vicerat* снабжена у

это датируется изъ очень древняго источника, то оно можетъ быть такимъ же деомплативнымъ образованіемъ отъ *fortis*-*d*-, какъ и глаголъ *fortis*-*äre*; если же оно возникло поздно, то его можно считать производнымъ отъ только что названнаго глагола“. Противъ редакціи черной части этой глоссы можно выставить очень серьезные методологическія возраженія.

¹⁾ Эту глоссарію вообще заключаетъ въ себѣ нѣкоторые любопытные факты, неизвѣстные изъ другихъ глоссографическихъ источниковъ: ср. напр. глоссу: *Compendiatim angustiatim* (351, 20), въ которой обѣ части, если и не ошибаясь, представляютъ собой ἀπὸς ἀρῆς (тѣмъ болѣе надо показать, что Гётцъ въ своемъ Thesaurus не посвятилъ самостоятельной рубрики *interpretamentum angustiatim*): интересна также глосса: *Follescit timescit* (361, 2), лемма которой даетъ, повидямому, новый лексикографическій фактъ.

меня знакомъ. вопроса (II. 171^s). И тѣмъ не менѣе образованіе *iterator* представляется мнѣ въ высшей степени вѣроятнымъ въ виду хотя бы фактовъ, приведенныхъ у меня II. 171, среди которыхъ между прочимъ встрѣчается и глоссографическое подкрѣпленіе — CGL. II, 91, 19: *Iterat* *obdutorē*.

III.

Вообще для выясненія вопроса о достовѣрности тѣхъ или другихъ глоссографическихъ свидѣтельствъ очень важно привлеченіе возможно болѣе обильнаго глоссографическаго матеріала. При этомъ необходимо принимать во вниманіе не только варианты различныхъ рукописей, заключающихъ одинъ и тотъ же глоссарій, но также и показанія различныхъ глоссаріевъ, прямо или косвенно соприкасающіяся съ изслѣдуемымъ случаемъ. Изъ которыхъ изъ такихъ ссылокъ (какъ напр. мы это только что видѣли по поводу *iterator*) могутъ укрѣпить нашу вѣру въ то или другое традиціонное чтеніе, другія, наоборотъ,—поколебать эту вѣру. Я долженъ, однако, замѣтить, что глоссографы нерѣдко перещиваютъ значеніе подобныхъ ссылокъ и дѣлаютъ на основаніи ихъ болѣе категорическіе выводы, чѣмъ это допустимо съ точки зрѣнія строгой методологіи.

1) Такъ, напримѣръ, по поводу глоссы: *Experient* *deproban* (CGL. IV, 68, 26), откуда я извлекаю (II. 148) гл. *deprobare*, Покровский замѣчаетъ (Р. 40): „Эту и спорченную глоссу Гётцъ читаетъ въ видѣ: *experientur probant* и онъ правъ: ср. въ томъ же глоссаріи 68, 7: *experitur probat scil*, 71, 52: *experibere probabis* и въ другихъ глоссаріяхъ, напримѣръ V 413, 32: *experimento probamento*“. Неужели этихъ ссылокъ достаточно, чтобы скомпрометтировать, да еще такъ радикально, чтеніе *deproban*? Я уже не говорю о послѣднемъ примѣрѣ, который, конечно, ничего не доказываетъ, но и то обстоятельство, что въ другихъ мѣстахъ того же глоссарія (Cod. Vat. 3321) гл. *experiri* неоднократно толкуется посредствомъ *probare*, отнюдь не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ какъ разъ въ этомъ глоссаріи нерѣдко одно и то же слово (иногда въ той же формѣ) встрѣчается по два или по нѣсколько разъ и притомъ съ разными *interpretamenta*: ср., напримѣръ, IV 7, II: *Accelerat adpropinquat celeriter venit* и 8,1: *Adcelerat adpropinat vel festinat* (a: *festinat appropinat*), 32,49: *crepitans resonans* и 34 42: *crepitanti* (cod. *cripitanti*) *sonanti*; 37, 20: *consedere desedere* и 37, 21: *considunt sidunt* (рядомъ!); 42, 7: *comperisse agnovisse* и 45, 29: *comperio cognosco* и т. п. Конечно, гл. *deprobare*

нигдѣ больше не засвидѣтельствованъ ¹⁾, однако самъ по себѣ онъ вполне естественъ и префиксъ *de-* въ немъ можетъ быть объясненъ приблизительно такъ же, какъ, напримѣръ, въ глаголахъ *de-clareare*, *de-monstrare*, *de-finire*, *de-planare* (= *explanare*, см. Non. II, p. 25, 24 ed. L. Mill.), *de-notare*, *de-palare* и т. п.; съ другой стороны, укажу, напримѣръ, на глоссу изъ того же глоссарія (IV 37, 30): *corrūp(u)ere exossipaverunt*, interpretamentum которой также представляетъ собой ѣк. ср. ²⁾. Что касается леммы *experiant*, то, конечно, трудно ручаться за то, что это чтеніе—правильно; не исчерпывая всѣхъ возможностей, замѣчу только, что ничто не мѣшаетъ намъ предположить здѣсь даже простой пропускъ окончанія, чтѣ нерѣдко наблюдается въ леммахъ даннаго глоссарія: ср. напр. 39, 25; *Commūcal(un) consūcātum conturbatus* (a: *conturbatum*), 41, 20: *Commūni(ss)e remūisci vel recordare* (sic) и т. п. Сверхъ всего этого, для меня неясно, какъ смотритъ Гётцъ на возникновеніе *experiant deprobant* изъ первоначальнаго *experiantur · probant*? Принимаетъ ли онъ палеографическую замѣну *ur* = *de*, или полагаетъ, что *deprobant* явилось благодаря нижестоящему interpretamentum *depellunt*, а окончаніе *ur* исчезло по тѣмъ или другимъ причинамъ? Во всякомъ случаѣ въ этомъ и заключается главное opus probandi противниковъ гл.: *deprobare*. Любопытно, что тотъ же Гётцъ (Thes. gloss., стр. 315), приведя изъ того же глоссарія глоссу *Degladiandi deoccidendi* (IV, 48, 20), не снабжаетъ interpretamentum ея никакой оговоркой, хотя гл. *deoccidere*, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ больше не засвидѣтельствованъ ³⁾, а кромѣ того изъ другихъ глоссографическихъ источниковъ извѣстна другая редакция: *Degladiandi occidendi* (284, 15; 405, 17). Предоставляю судить читателю о томъ, насколько это послѣдовательно. Что касается меня, то я гл. *deprobare* считаю съ чисто глоссографической точки зрѣнія гораздо болѣе вѣроятнымъ, какъ реальный фактъ, чѣмъ гл. *deoccidere*.

2) По поводу извлеченнаго мной (С. 3) изъ CGL. III, 368, 23 *tinimbulum* Покровскій замѣчаетъ (Р. 53): „Пересмотръ матеріала въ Thesaurus подѣ *tinimbulum* показываетъ, что и въ *tinimbulum* мы

¹⁾ Въ настоящее время я неохотѣ утвердно отношусь къ формѣ *deprobatus*, которую я цитировалъ (И 148) изъ Maxim. Taurin. *Serm.* 110. Впрочемъ, мой критикъ этого вопроса не касается.

²⁾ Ср. еще IV, 41, 3: *Congregonem conpropri(um)onem et negatorem*, 45, 1: *Consolatores confortatores* и т. п.

³⁾ Тождественная глосса въ Excerpta ex libro glossarum (CGL. V, 180, 30) восходитъ, конечно, къ общему источнику.

нимъ, по всей вѣроятности, *compendi(um) scripturae* вм. *tinnibulum*¹⁾. Кто поручится, однако, за то, что критикъ правъ¹⁾? Я лично считаю форму *tinnibulum* вполне вѣроятной и чрезвычайно простой, а что касается того, какъ опасно прибѣгать къ конъектурамъ въ такихъ случаяхъ, то я укажу на ненужную поправку глоссографическаго *crepaculum* (напр. CGL. V, 282, 28) въ *crepitaculum*, предложенную Гётцемъ (очевидно подозрѣвавшимъ въ этомъ чтеніи также продуть аббревіатуры) и справедливо отвергнутую А. I. Маженымъ (Рукописное преданіе загадокъ Альдгелма, 166) при помощи ссылки между прочимъ на Aldhelm *Asc.* 31, 3; сходство съ интересующимъ насъ случаемъ увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что одна изъ рукописей Альдгелма—Брюссельская—даетъ вариантъ *crepiculum*, принятый вдобавокъ однимъ изъ издателей (Моно). Съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ *Centonemata Stephani* (гдѣ засвидѣтельствовано *tinnibulum*) очень часто встрѣчаются въ качествѣ помѣт *ἀπαξ εἰρημένα* или очень рѣдкія слова, какъ, напримѣръ, *respirium* (III, 348, 63), *perfusorium* (353, 77 и 354, 3), *vulnerarius*=*saucius* (363 1), *testacium* (cod. *testatum* 365, 68), *figularius* (366, 76), *turabulum* (368, 16)²⁾, *grabataris* (368, 68)³⁾. Въ заключеніе замѣчу, что форма *tinnibulum*, повидимому, могла бы опереться на показаніе одного поздне-латинскаго текста, а именно *Auct. Vitae S. Hilarii Arelati* 19, гдѣ читается: *Fulsit elogium pietatis, iustitiae byssinum, praedicationis tinnivololum*, по поводу какового мѣста Forcellini говоритъ слѣдующее: „*Hic tinnivololum* puto adhiberi pro *tinnibulum* ex solita litterarum *b* et *v* permutatione. Male quidam legunt *tinniololum* pro *tinnivololum*“⁴⁾.

¹⁾ Зато это замѣчаніе (l. 42) относительно *disserasset disseremasset* (CGL. V, 567, 32) очень правдоподобно.

²⁾ Эта форма засвидѣтельствована еще въ двухъ-трехъ глоссахъ (см. Götz, *Thes.*), являясь интереснымъ дублетомъ при *turibulum*, о чемъ см. II. 31; во всякомъ случаѣ характерно, что этотъ болѣе рѣдкій вариантъ мы встрѣчаемъ какъ разъ въ *Cent. Stephani*.

³⁾ Гётцъ въ *Thes.* (s. v.) безъ всякой оговорки сохраняетъ переданную въ рукописи форму *grabataris*; я долженъ, однако, замѣтить, что исходя -āris, во-первыхъ, рѣдко является при корнѣ, не заключающей *l* (см. II. 241), а во-вторыхъ, несомнѣнъ обычай для того значенія даннаго слова, которое опредѣляется греческимъ эквивалентомъ *κλινοπέδιον*. Впрочемъ, все-таки я не рѣшаюсь безусловно отвергнуть реальность засвидѣтельствованной въ рукописяхъ формы.

⁴⁾ Это замѣчаніе Форчеллини дѣлаетъ необходимой существенную оговорку по поводу сказаннаго мной Э. 53 (въ концѣ страницъ).

3) На стр. 51 мой критикъ утверждаетъ, что извлеченное мною (Э. 54) изъ „Филоксеновой“ глоссы *tinuilum* πλῆκτρον (CGL. II, 198, 33) „засвидѣтельствовано сбивчиво.....: такъ, очень странно употребляется *tinuilus* въ греко-латинскихъ глоссахъ: II, 326, 6: ἵχος ἐπὶ χάλκῳ καὶ σφῆρου *tinuilus tinuilus*“. Я, однако, рѣшительно не вижу, почему эта послѣдняя глосса дѣлаетъ сбивчивой перуку.

IV.

Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнiю, что всякiй осторожный глоссографъ долженъ обращать вниманiе на качество того рукописнаго источника, изъ котораго онъ извлекаетъ то или другое чтенiе. При этомъ, однако, недостаточно одной суммарной характеристики рукописи, а необходимо входить въ подробный анализъ специфическихъ ея чертъ, и только пристальное изученiе этихъ чертъ примѣнительно къ изслѣдуемому конкретному случаю можетъ дать сколько-нибудь достоверный результатъ. Къ сожалѣнiю, эти требованiя далеко не всегда выполняются глоссографами, что неминуемо влечетъ за собой или прямыя ошибки или сомнительныя утверждения. Иллюстрирую это положенiе нѣсколькими примѣрами.

1) „Взгъдъ за Löwe, говоритъ Покровский (Р. 49), (авторъ Э. 202) придаетъ значенiе Амплиевой глоссѣ *strenuōsissimus fortissimus*. Но, какъ указываетъ Гётцъ (Thes. подъ *strenuus*), вторая рукопись этого глоссарiя (V, 390, 49) даетъ *strenuissimus*“. Итакъ, по мнѣнiю моего критика это послѣднее показанiе компрометируетъ чтенiе *strenuōsissimus*. Но развѣ чтенiя второй рукописи (Эпинальской) вообще всегда лучше чтенiй первой рукописи (Амплиевой)? Такое мнѣнiе рѣшительно не согласуется съ реальными наблюденiями надъ вариантами этого глоссарiя (Amplon. I). Приглядываясь къ этимъ вариантамъ, мы видимъ, что очень часто то въ той, то въ другой рукописи наблюдаются опибки и въ частности—пропускъ слоговъ: ср. напр.:

340, 43: *Adolorent sacrificarent (sacrificent)*,

345, 25: *Ambiosus (ambigiosus, читай ambagosus) circulos (circulosus)*,

351, 31: *Commatum (commaticum) articulatum* и т. п.

Впрочемъ, въ этихъ случаяхъ выборъ чтенiя очень простъ, такъ какъ несостоятельность подчеркнутыхъ вариантовъ очевидна. Но бываютъ случаи, когда оба варианта одинаково возможны: ср. напр. V, 340, 57: *Auspicia cantiones (cantationes) avium*. Гётцъ (Thes.) поступаетъ въ данномъ случаѣ очень осторожно, не рѣшаясь отдать

предпочтению какому-нибудь одному чтению. Впрочемъ, ужь если выбирать, то скорѣе слѣдовало бы остановиться на *cantationes*, такъ какъ легче допустить, что это чтение было сокращено (вслѣдствіе пропуска слога) въ *cantiones*, чѣмъ обратное ¹⁾; во всякомъ случаѣ я на примѣрахъ показалъ, какъ часто въ этомъ глоссаріи наблюдается пропускъ слоговъ. Строго говоря, и въ глоссѣ 344, 4: *Adsculum (sic) turpidinis (turpitudinis) minister* можно колебаться въ выборѣ написанія. Правда, Гётцъ отдаетъ настолькоъ рѣшительное предпочтение варианту *turpitudinis*, что о *turpidinis* даже вовсе не упоминаетъ въ Thesaurus, однако не слѣдуетъ забывать, что форма *turpido* (: -*edo*), повидимому, кое-гдѣ засвидѣтельствована ²⁾, а вромѣ того она представляла бы довольно обычный для латинскаго языка дублетъ на -*edo* (: -*ido*) при параллельномъ образованіи на -*tudo* въ родѣ: *nigrēdo* : *nigritudo*, *dulcēdo* : *dulcītudo* и т. п. (ср. Corssen, Krit. Beitr. 524). Впрочемъ, въ концѣ концовъ и въ этомъ случаѣ я скорѣе склонился бы, вслѣдъ за Гётцомъ, къ принятію болѣе пространнаго варианта *turpitudinis*. Переходя теперь къ вариантамъ *strenuissimus* и *strenuosissimus*, я долженъ подчеркнуть, что теоретически они оба возможны (такъ же, какъ *cantiones cantationes*); хотя первый изъ нихъ засвидѣтельствованъ довольно часто въ текстахъ, тогда какъ второй—почти unicuique, однако отсюда нельзя дѣлать выводъ о нереальности формы *strenuosissimus*. Не слѣдуетъ забывать, что 1) степени сравненія прилагательныхъ на -*ius*, вообще говоря, набѣгались въ латинскомъ языкѣ, 2) приписать *strenuosissimus* какой-нибудь ошибкѣ нѣтъ повода ³⁾, 3) скорѣе эта форма могла перейти въ *strenuissimus*, чѣмъ обратно ⁴⁾. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній и

¹⁾ Такой случай, какъ V, 351, 58 (ср. также IV, 34, 26) : *Cicmare mansuetifacere* (cod. Epinal. *mansuetifacere*), ничего не доказываетъ, такъ какъ тутъ лишній слогъ скорѣе всего—результатъ зрительнаго вліянія предшествующей глоссы: *Cicm placidum vel mansuetum*. Съ другой стороны, *cantatio* едва ли могло бы быть результатомъ диттографіи въ родѣ *tristitia* ви. *tristia* (напр. IV, 518, 40) или *concorporare* ви. *corporare* (ibid. V, 649, 33; правильное мнѣніе объ этомъ послѣднемъ случаѣ высказано Покровскимъ Р. 42).

²⁾ Ср. по этому поводу Schuchardt, Der Vokalismus d. Vulgärlat. I, 387.

³⁾ Иначе обстоятъ дѣло, напр., въ глоссѣ CGL. V, 439, 4 (Exc. ex gloss. A. A.): *Alumnus quem quis aluit id est qui nutriendus accipitur seu nutriciosus vel deliciosus aut filius non ex proprio semine, sed nutritus*; здѣсь чтение *nutriciosus*, вѣроятно, ошибочное (ви. *nutricius*), но ratio этой ошибки очень проста (вліяніе соседняго *deliciosus*).

⁴⁾ Ср. напр. CGL. IV, 543, 4: *Nuscios* (с.: *nuscius*) ви. *nusciosus*, гдѣ, впрочемъ,

фактовъ я, въ противоположность Покровскому, рѣшительно не нахожу возможности не придавать значенія формѣ *strenuosissimus*, тѣмъ болѣе что она документально засвидѣтельствована у Фредегара (2, 53)¹⁾, да и самъ Покровскій когда-то отиѣтилъ (М. 105)—хотя и безъ указанія на первоисточникъ—прилагательное *strenuosus*, какъ реально существующее.

2) Замѣчу кстати, что въ той же работѣ (М. 105) Покровскій приводитъ—опять-таки безъ всякой точной цитаты—прилагательное *lutuosus*. При помощи Форчеллини и имѣющейся у него ссылки на Лоewe (Prodr. p. IX) авторъ могъ бы дойти до первоисточника этой формы—Gloss. Abav. CGL. IV, 362, 39: *Lutulentus lutuosus* (abc: *lutuosus*) и тогда онъ увидѣлъ бы, что и тутъ рукописи колеблются. Правда, цѣлыхъ три рукописи даютъ вариантъ *lutuosus*, однако, если мы примемъ во вниманіе чрезвычайную близость между собой этихъ рукописей (см. объ этомъ хотя бы въ предисловіи Гётца къ этому тому, стр. XXIV сл.), то придется свести данное чтеніе скорѣе всего къ общему источнику. Можно ли довѣрять, однако, этому варианту? Если стать на ту точку зрѣнія, на которую сталъ Покровскій по отношенію къ *strenuosissimus*, то на этотъ вопросъ пришлось бы дать безусловно отрицательный отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что форма *lutuosus*, на сколько мнѣ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, не встрѣчается ни въ какихъ другихъ памятникахъ латинской письменности. Единственно, чѣмъ можно было бы оправдать этотъ вариантъ (помимо лингвистическихъ соображеній), это—трудностью объяснить появленіе лишняго *u* палеографическимъ путемъ; но вѣдь этотъ аргументъ въ еще большей степени примѣнимъ и къ реабилитаціи формы *strenuosissimus*, такъ какъ въ первомъ прилагательномъ лишнее *u*, пожалуй, могло бы быть (хотя бы и съ нѣкоторой натяжкой) истолковано, какъ результатъ зрительнаго вліянія леммы, начинающейся слогами *lutu-*. Что касается качества рукописей abc, то оно въ общемъ, конечно, не выше, а скорѣе ниже качества основной рукописи глоссарія Abavus (Cod. Leidensis 67 F), хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ и превосходить его. Не лишено нѣкотораго интереса то обстоятельство, что аналогичное колебаніе въ томъ же глоссаріи мы находимъ и по отношенію къ глоссѣ 325, 25, которая въ основной рукописи читается такъ: *Coppeditinarius voluptarius*, тогда какъ въ рукописяхъ ab (такъ же какъ и въ de)

дѣло началось, очевидно, съ ἀπογραφία (cp. *ibid.* V, 314, 52: *frigorios* [другая рукопись *frigoriosus*]).

¹⁾ Cp. *Arch. f. lat. Lex.* III, 504.

interpretamentum представлять собой вариант *voluptarius*. Чтение других глоссариевъ (см. Götz, Thes. s. v. *suppedinarius*) скорѣе восходятъ къ варианту *voluptarius*. Какъ бы то ни было, *voluptarius* хорошо извѣстно и изъ текстовъ, и я затруднился бы утверждать, что въ глоссаріяхъ эта форма не засвидѣтельствована ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, если Покровский будетъ отстаивать подлинность принятой имъ формы *lutuosus*, то я не понимаю, по какимъ методологическимъ соображеніямъ онъ отвергнетъ *struciosissimus*, которое, строго говоря, съ чисто критической точки зрѣнія должно быть признано значительно болѣе достовернымъ.

3) Болѣе сложный случай представляетъ собой „Кириллова“ глосса: фородеѣ; *soniosus* (a: *sonosus*, ed. *sonorosus*) (CGL III, 481, 13), въ которой Гётцъ исправляетъ *interpretamentum* въ *sonorus*. Что касается меня, то я считаю возможнымъ (Э. 195) сохранить рукописное *sonosus* въ виду того, что это—очень легко объяснимая форма. Покровский въ свою очередь возстаетъ противъ этого (Р. 42), указывая на то, что: а) въ этой глоссѣ обѣ части испорчены, а потому въ ней надо относиться съ особой осторожностью, б) чтенія рукописи а „не имѣютъ критической цѣны“. Однако первое возраженіе само по себѣ не даетъ еще права примѣнять радикальные приемы въ обѣихъ частяхъ глоссы; что касается рукописи а (=cod. *Laudunensis* 444), то мнѣ хорошо извѣстно ея невысокое критическое значеніе (ср. хотя бы Götz, Praef. ad CGL II, p. XXVII sq.) ²⁾, но такая суммарная характеристика еще не разрѣшаетъ всѣхъ конкретныхъ случаевъ по критикѣ „Кирилловыхъ“ глоссъ. Чтобы ближе выяснитъ надлежащую точку

¹⁾ Кстати напомню еще любопытный глоссографическій дублетъ *assarius*, извѣстный намъ Glossae ponticum: *Assarius* (a: *assarius*) *qui assat* (CGL II, 568, 29). Хотя одна изъ рукописей—b (=Cod. *Santabrigiensis*) даетъ въ этой глоссѣ хорошо извѣстный изъ текстовъ вариантъ *assarius*, тогда какъ *assarius*—ἀσας ἀρτυμένων, а (такъ же какъ и Гётцъ) не рѣшаюсь признавать это unicum за нереальную форму. Наоборотъ, въ другой глоссѣ изъ того же глоссарія: *Bustarius* (b: *bustarius*) *mortuorum incensor* (570, 35) вариантъ рукописи b представляетъ собой unicum, и на этотъ разъ еще большой вопросъ, можно ли отнести къ нему съ довѣріемъ, какъ къ реальной формѣ (итальянскія *bustajo* и *bustaja*, какъ показываютъ уже ихъ значенія, отнюдь не могутъ быть возведены къ этому прототипу).

²⁾ Впрочемъ, Гётцъ, и притомъ безъ всякой нужды, иногда предпочитаетъ чтенія рукописи а, даже не упоминая про чтенія основной рукописи: ср. напр. CGL II 273, 9, откуда онъ извлекаетъ *pervigilantia* (чтеніе а) вм. *pervigilantium*. Аналогичную несомнѣтельную ошибку мы находимъ у Гётца (такъ же какъ и у Покровскаго) по отношенію *angustatio*, о чемъ см. слѣдующій пунктъ.

зрѣнія на интересующую насъ глоссу, прошу обратить вниманіе на слѣдующія глоссы:

- a) П 220, 17: Αἰδήμων *modestus pudoriosus* (a: *pudorosus*) *verecundus pudens* (a: *pudens*).
- b) 495, 35: Σπεῖρω *semino satio* (Götz: *sato?*) *sero*.
- c) 420, 53: Προσδερέω *pr<a>estoleo* (a: *praestulor*, e: *praestolu*).
- d) 359, 27: Δεπίζω *squamio*.
- e) 462, 11: Ὑδρεύομαι *haurio aquor aqueo*.
- f) 341, 41: Καταλαῶ *obganno* (a: *obgannio*) *obloquor*.
- g) 363, 27: Δουσῶ *ravio furio* (a: *rabio furo*).
- h) 442, 42: Συμπάιζω *concludio* (ae: *concludo*).
- i) 403, 43: Ὑπέκκαυμα *subustius* (e: *subustus*).
- k) 462, 57: Ὑμήν *hoc membranum membranum*.

Изъ этихъ случаевъ особенный интересъ имѣетъ, конечно, а. Какъ форма лучше — *pudoriosus* или *pudorosus*? Проще, разумеется, вторая, и я лично затрудняюсь сказать, насколько правъ Гётцъ, категорически отдавая предпочтеніе первой; во всякомъ случаѣ для *pudoriosus* я не знаю другихъ параллелей кромѣ *laboriosus* и *torporiosus* (Valerius, Migne 87, 447a)¹⁾, но первая изъ этихъ формъ такъ и остается неразъясненной²⁾, а вторая пока слишкомъ одиноко засвидѣтельствована, чтобы можно было что-либо построить на ней. Очень возможно поэтому, что *pudoriosus* — не болѣе, какъ палеографическій вариантъ съ лишнимъ *i* передъ *o*, какъ въ *satio* (случай b), а если такъ, то рукопись а даетъ правильное чтеніе³⁾, какъ и въ случаяхъ с и h, гдѣ мы находимъ также въ основной рукописи лишнее *e* (ср. случаи d и e) или *i* (ср. случай i, гдѣ впрочемъ лишнее *i* является передъ *u*); впрочемъ, въ случаѣ h, быть можетъ, мы имѣемъ не палеографическое смѣшеніе *io* : *o*, а результатъ влияния предшествующей глоссы: Συμπάιζμα *conclusio concludio*, въ которой, въ свою очередь, вторая часть interpretamenti, быть можетъ, не заключаетъ въ себѣ реального факта. Аналогичное съ этимъ послѣднимъ сомнѣніе можетъ, пожалуй, возникнуть и по поводу случая k⁴⁾. Что касается *furio* (случай g), то тутъ скорѣе всего мы имѣемъ дѣло съ ошибкой (подъ

¹⁾ См. *Arch. f. lat. Lex.* VI, 106.

²⁾ Попытка Покровскаго (М. 119) объяснить *laboriosus* изъ реально существующаго прилагательнаго *laborius*, какъ мы видѣли выше (см. „Лексикографическія контroversы“ II, пунктъ 20), отнюдь не можетъ быть названа удачною.

³⁾ Впрочемъ, это, конечно, не болѣе какъ предположеніе.

⁴⁾ Ср. мое общее наблюденіе по поводу „Кириллова“ глоссарія II. 81².

вліяніемъ сосѣдняго *rabio*), опять-таки исправленіи въ рукописи а. Правда, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, такъ же какъ и въ случаяхъ с и f, это исправленіе очень элементарно и могло быть сдѣлано на основаніи простаго знанія латинскаго языка, однако это нисколько не умалитъ объективной правильности соответствующихъ чтеній а; весьма правдоподобно также чтеніе а *pidorosus*; принимая же во вниманіе неоднократное появленіе въ основной рукописи „Кириллова“ глоссарія лишняго *i*, мы можемъ съ большой степенью вѣроятія остановиться на чтеніи *sonosus*, тѣмъ болѣе что эта форма, какъ я отмѣтилъ въ своей диссертаци, очень проста въ морфологическомъ отношеніи. А что въ „Кирилловомъ“ глоссаріи много любопытныхъ и часто совершенно новыхъ лексикографическихъ данныхъ, объ этомъ можно заключить хотя бы по длинному списку такихъ фактовъ, приведенному мной II. 67 ¹⁾. Принять чтеніе *sonosus* при наличности *soniosus* мой критикъ, казалось, могъ бы тѣмъ легче, что онъ самъ въ другомъ мѣстѣ своего этюда (P. 49 сл.) настаиваетъ на возможности палеографическаго колебанія -o- -io- ²⁾. Какъ бы то ни было, поправка Гётца (*sonorus*) весьма гадательна, а я съ своей стороны (на чтѣ критикъ не обратилъ достаточнаго вниманія) считаю таковой же форму *sonosus* (см. Э. 248, гдѣ она снабжена знакомъ вопроса).

4) Съ другой стороны, скептицизмъ Покровскаго по отношенію къ *sonosus* находится въ полномъ противорѣчій съ оцѣнкой глоссы изъ *Idiomata cod. Harleiani: Angustio* (ae: *angustiatio*) στενωτός (CGL. II, 494, 38); а именно, Покровскій, въ противоположность моему осторожному отношенію къ этимъ двумъ вариантамъ (ср. въ особенности II. 277), рѣшительно высказывается въ пользу *angustiatio*, а въ *angustio* видитъ продуктъ *ἀπλογραφία*. „Вѣдь мало ли такихъ *ἀπλογραφία*, говоритъ онъ (P. 40),—нельзя же ихъ оправдывать теоретически какъ реальные факты языка“. Хотя я вполне согласенъ съ тѣмъ, что *ἀπλογραφία*—очень обычное явленіе въ глоссографической традиціи, однако сводить къ этому принципу всю оцѣнку вариантовъ *angustio: angustiatio* значитъ черезчуръ упрощать вопросъ. Ошибка Покровскаго

¹⁾ Изъ отмѣченныхъ тамъ фактовъ сомнительнымъ представляется мнѣ теперь лишь одинъ—*legestum* (ср. *Götz, Thes. v. v. segestrum*). Но по поводу *legimus* ср. теперь *Sommer* въ *Indogerm. Forsch.* XI, 72 (ср. также *Thielmann* въ *Arch. f. lat. Lex.* VIII, 257); относительно *remdiculum* ср. матеріалъ у Гётца (*Thes. v. v. pediculus*); образованіе *propugnaculum* кажется Гётцу сомнительнымъ, см. однако II. 230.

²⁾ Впрочемъ, какъ мы увидимъ ниже, въ этихъ соображеніяхъ Покровскаго все представляется достовернымъ.

включается въ томъ, что онъ предвѣщаетъ вопросъ о достовѣрности формы *angustiatio*, а между тѣмъ какъ разъ эта форма въ высшей степени сомнительна. Не слѣдуетъ забывать, что она а) такъ же, какъ и *angustio*, представляетъ собой ἀκατὰ εἰρημένον; б) засвидѣтельствована въ рукописи а (= cod. Laudunensis), относительно которой самъ Покровский, какъ мы видѣли въ предыдущемъ пунктѣ, справедливо замѣтилъ (двумя страницами дальше!), что „чтенія (ея) не имѣютъ критической цѣны“¹⁾; что касается изданія Лаббея (= с), то оно самостоятельнаго значенія не имѣетъ, такъ какъ основано какъ разъ на cod. а; с) легко могла возникнуть подъ влияніемъ леммы предшествующей глоссы: *Amulatio* περίκατος²⁾. Если даже каждое изъ этихъ обстоятельствъ, взятое въ отдѣльности, и не можетъ подорвать довѣрія къ *angustiatio*, то совокупность ихъ, во всякомъ случаѣ, дѣлаетъ этотъ вариантъ болѣе чѣмъ подозрительнымъ. Сверхъ этого нѣкоторое значеніе, быть можетъ, имѣетъ и то, что переписчикъ cod. а (или его источникъ) не прочь былъ иной разъ пустить въ ходъ интерполяцію: ср. напр. II, 495, 1: *Initatio* (ae: *imitatio*) μοσθησιασμός или 505, 30: *scapellum* (ae: *scabellum*) σκίλα и т. п., что заставляетъ съ еще большей осторожностью отнестись къ варианту *angustiatio*: можно ли въ самомъ дѣлѣ поручиться за то, что это не была неудачная интерполяція вмѣсто показавшагося переписчику страннымъ *angustio*? Итакъ, въ противоположность Покровскому, я считаю вариантъ *angustiatio* отнюдь не болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ *angustio*. Что касается этого послѣдняго варианта, то въ настоящее время онъ представляется мнѣ столь же сомнительнымъ, какъ и восемь лѣтъ тому назадъ. Какова же, однако, истинная редація этой глоссы? Издатели *Thesaurus linguae latinae* предлагаютъ читать вм. *angustio*—*angustiae*. Хотя эта конъектура и гораздо лучше того „чтенія“, которое дается безвѣстнымъ, неисккуснымъ, невѣжественнымъ и смѣлымъ переписчикомъ cod. а, однако я не рѣшаюсь остановиться и на ней. Дѣло въ томъ, что въ виду спеціальнаго характера этого глоссарія (въ немъ приводятся случаи различія въ грамматическомъ родѣ между латинскими и греческими словами) едва ли удобна форма множественнаго числа, а потому болѣе всего вѣроятнымъ, пожалуй, было бы чтеніе *angustia*: во всякомъ случаѣ, въ этомъ глоссаріи мы нерѣдко

¹⁾ Въ этомъ обстоятельствѣ я и усматриваю явное противорѣчіе съ пунктомъ 3, о чемъ я говорю въ началѣ этого пункта.

²⁾ Этотъ моментъ отмѣченъ мною выше: см. пунктъ 2 въ экскурсѣ II.

находимъ вмѣсто *plurabilia tantum* (хотя бы и не въ строгомъ смыслѣ), соотвѣтствующія формы единственного числа: ср. напр. *divitia* (492, 66), *natis* (493, 46), *acdis* (496, 4) и т. п.; къ тому же *sg. angustia* неоднократно засвидѣтельствовано не только въ глоссаріяхъ (см. Götz, Thes. s. v.) ¹⁾, но и въ текстахъ (см. Thes. linguae latinae, vol. II, столб. 59). Съ другой стороны, относительно *Idiom. cod. Harl.* надо замѣтить, что, хотя въ этомъ глоссаріи и замѣчается въ общемъ тенденція распределять слова по категориямъ на основаніи окончаній и хотя отвергаемая мной чтенія *angustio* и *angustiatio* и находятся среди *nomina actionis* на *-tio*, однако это отнюдь не можетъ служить безусловнымъ препятствіемъ къ предлагаемому мной исправленію, такъ какъ принципъ распределенія словъ на морфологическія категории проведенъ все-таки неполнѣ послѣдовательно: ср. хотя бы слово *taeceria* (495, 11), проскользнувшее въ тотъ же самый рядъ существительныхъ на *-tio* ²⁾. Что касается причины, почему *angustia* перешло въ *angustio*, то тутъ прежде всего какъ разъ могло повліять то обстоятельство, что большинство леммъ въ этомъ отдѣлѣ глоссарія означивалось на *-tio* ³⁾.

Выше, въ самомъ началѣ настоящаго этюда, мы цитировали тезисъ Покровскаго, что „консерватизмъ и радикализмъ (въ отношеніи къ глоссографической традиціи) должны покоиться на извѣстной системѣ широкаго изученія реальныхъ особенностей намятника“. Приведенные мной примѣры въ достаточной мѣрѣ показываютъ, съ одной стороны, какъ справедливъ этотъ тезисъ, а съ другой, — какъ мало слѣдовало ему его автору. Ниже будутъ рассмотрѣны еще нѣкоторые случаи, подтверждающіе это послѣднее замѣчаніе.

А. Грушина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Къ примѣрамъ, приведеннымъ тамъ, прошу прибавить еще одинъ изъ *Glossae* поминимъ: *Angiportus angustia* (CGI. II, 566, 43), пропущенный Гётцемъ, по всей вѣроятности, потому, что здѣсь эта любопытная форма встрѣчается въ качествѣ *interpretamentum* (объ этой чертѣ *Thesaurus*'а подробно будетъ сказано въ другой связи).

²⁾ Я уже не говорю о такихъ словахъ, какъ *aerugo* (494, 34), *arundo* (494, 39) и т. п., которые все таки означиваются на *-o*.

³⁾ На всякій случай напомню кромѣ того неоднократно засвидѣтельствованное въ глоссаріяхъ *sentio* вм. *sentia* (см. Götz, Thes. s. v. *sententia*).

AD AESCHYLI PROMETHEUM

annotationes criticae et exogeticae.

Lemmata et locos afferro ex Weilii editione stereotypa priore, quae Lipsii in aedibus Teubneri prodiit anno 1889, quacum altera anni 1907 iis, de quibus quaesivi, locis congruit omnibus, praeter unum v. 90. Weckleinii editiones brevitatis causa sic appello: „*editionem latinam*“ dico eam, quae inscribitur „Aeschyli fabulae cum lectionibus et scholiis codicis Medicei et in Agamemnonem codicis Florentini ab Hieronymo Vitelli denovo collatis edidit N. Wecklein. Berolini. MDCCCLXXXV“; „*editionem graecam*“ dico eam, quae inscribitur „Αἰσχύλου δράματα σωζόμενα καὶ ἀπολωλότων ἀποσπάσματα μετὰ ἐξηγητικῶν καὶ κριτικῶν σημειώσεων τῆ συνερργασία Εὐγενίου Ζωμαρίδου ἐκδιδόμενα ὑπὸ Ν. Wecklein. Τόμος δεῦτερος. Ἀθήνησιν. 1896“; „*editionem germanam*“ dico eam, quae inscribitur „Aeschylus' Prometheus... für den Schulgebrauch erklärt von N. Wecklein. Zweite Auflage. Leipzig. 1878“.

V. 2. Σκύθην ἐς οἶμον, ἄβροτον εἰς ἐρημίαν.

Non satis accurate a Weckleinio in apparatu critico ed. latinae affertur ex scholiis Aristophanicis ἄβροτον: nam in cod. Ravennate, omnium antiquissimo, legitur ἄβατον, ut iam Dindorfius monuit; nunc vide Rutherfordii Scholia Aristophanica v. I p. 364 ad Ran. 814. Tamque inepte Ravennatis scholiastes Aeschyli verba abruptit, ut suspicari non liceat, ipsum ex aliquo codice Aeschylaeo, nostris simili, id correxisse, sed in scholiis, quae describeret, invenisse. Quod non nullius momenti puto: hoc enim et ceterorum cum Suida Aristophanis scholiastarum et scholiastae Homerici ad E 78 testimonia, quae pro ἄβροτον afforuntur, aliqua ex parte compensantur. Hesychii autem glossa ἄβροτον ἅπαν-

ἠρώπων, quod huc pertinere creditur, brevius est, quam ut id pro certo affirmari queat. Utrumque igitur vetustum esse videtur, et utrum utri anteferendum sit, non codicum aut grammaticorum testimoniis, sed ratione diiudicandum est.

V. 12—13. Κράτος Βία τε, σφῶν μὲν ἐντολὴ Διὸς
ἔχει τέλος δὴ κοῦδὲν ἐμποδῶν ἔτι.

Quaeritur, utrum ad ἐμποδῶν audiatur — σφῶν ἂν ἐμοί. Hoc videtur intellexisse scholiastes, cum ita interpretaretur: ἡ μὲν παρὰ τοῦ Διὸς ἐντολὴ ἢ δι' ὑμῶν ἀγγελθεῖσά μοι ἔχει ἤδη τέλος καὶ οὐδὲν ἔστιν ἐμποδῶν τοῦ γενέσθαι, ἄκων δὲ ἐπιχειρήσω τῷ δεσμεύειν, ubi καὶ οὐδὲν — γενέσθαι hoc significat: „neque quidquam impedit, quin a me Iovis mandatum efficiatur“. Sic et Paleius intellegit, cum dicit: „and nothing now remains but resolution on my part to carry it into effect“. In eandem sententiam vertit Pierron: „je n'ai plus qu' à me mettre à l'oeuvre“. Sed Weckleinus audiri vult σφῶν, idemque interpretes nonnulli, ut Droysenus: „weîtres bleibt euch nichts zu thun“, Schoemannus: „nichts liegt zu thun euch weiter vor“, Donnerus: „Weîtres hält euch nimmer auf“. Hoc illo rectius esse existimo: nam cum σφῶν μὲν toti sententiae cum vi quadam praepositum sit, nec minus graviter in iis quae sequuntur ei opponatur ἐγὼ δέ, quo subiectum logicum quod dicitur mutari significatur, consentaneum est ad ἐμποδῶν audiri σφῶν totumque locum sic intellegi: „neque quidquam vos amplius detinet“, h. e. „liberi estis ab officio“; quod ni ita esset, Aeschylus obiectum (sive subiectum logicum) ad ἐμποδῶν mutari aliquo modo ostendisset, velut sic: κοῦδὲν ἐμποδῶν ἔτι ἐμοί, ἀλλ' ἄτολμός εἰμι.

V. 14. ἐγὼ δ' ἄτολμός εἰμι συγγενῆ θεῶν
δῆσαι.

Scholiastes συγγενῆ ita interpretatur: τὸν ἀπὸ μιᾶς ὀρμώμενον τέχνης, idque Weckleinus in ed. graeca, quamquam aliam interpretationem magis probare videtur, posse tamen ferri arbitratur. At absurdum est, nisi forte quis furem cognatum appellat ob id ipsum, quod aliquid sibi abstulerit: Vulcanus enim ignis dominus, Prometheus fur est.

V. 33. πολλοὺς δ' ὄδυρμούς καὶ γόους ἀνωφελεῖς
φθέγγει· Διὸς γὰρ δυσπαραίτητοι φρένες.

Quod scholiastes, Weckleinio in ed. graeca probatus, ad v. 33 adnotat προαναφωνεῖ τὰς μονοψῆδας αὐτοῦ, vereor, ne non rectū sit: nam,

ut ex v. 84 apparet, Vulcanus Prometheus Iovi supplicaturum putat, ille autem neque in ea monodia, quae versibus 88 — 129 continetur, neque postea animum obstinatum deponit. Itaque ea verba ad monodias huius quidem fabulae pertinere non possunt. Quo igitur? an ad Prometheus Solutum?

V. 85. ψευδωνύμως σε δαίμονες Προμηθεά
καλοῦσιν.

In scholio cod. M ad hunc versum haec dicta sunt: εὐφωῶς ἀπὸ τοῦ ὀνόματος ἔλαβεν τὸ διάνοημα· Προμηθεὺς γάρ ἐστιν ὁ προορῶν τὰ μήδεα, καὶ τροπῇ τοῦ δ εἰς τὸ θ. Sic unde nexa sint illa καὶ τροπῇ κτλ., non video. Et scholiastes recentior haesisse videtur, si quidem pro dativo nominativum τροπῇ reposuit. Dele καί: plana erit sententia: „Prometheus est qui τὰ μήδεα providet, δ in θ mutato“.

V. 88. ὦ δῖος αἰθῆρ καὶ ταχύτεροι πνοαί,
ποταμῶν τε πηγαὶ ποντίων τε κυμάτων
ἀνήριθμον γέλασμα, παμμήτορ τε γῆ.

Sine causa pro nominativo παμμήτορ, ut est in M, nunc fere vocativus παμμήτορ ex codicibus recentioribus reponitur ¹⁾. Constat enim, haud raro a poetis in eadem verborum continuatione nominativum cum vocativo coniungi, ut Hom. Il. III, 276 sq. Ζεῦ πάτερ Ἴδηθεν μεδέων κύδιστε μέγιστα Ἰηέλιός θ' ὅς πάντ' ἐφορᾷς. Aristoph. Nub. 264 sq. ὦ δέσποτ' ἀναξ ἀμέτρητ' Ἀήρ... λαμπρός τ' Διῖθῆρ; idiom ex prisco usu remanere videtur, si quidem in Vedis Indorum constanter pro altero vocativo cum „ca“ (= τέ) particula nominativus ponitur. Vide Gildersleevei Syntax of classical Greek § 12.

V. 107. οἷόν τέ μοι τάσδ' ἐστί. θνητοῖς γὰρ γέρα.

In hoc versu cum lex illa Porsoniana violata sit, Weckleinus in ed. latina et graeca dubitanter ille quidem scribendum coniecit θνητοῖαν γέρα, quanquam ipse concedit, asperitatem hic cacsura pedis quarti minui. At nihil est mutandum, propterea quod lex illa non violatur, si rem ipsam spectas. Nam Porsonus ipse iam concesserat, si secunda quinti pedis pars eius sit generis, ut praecedenti verbo adhaerent, non iam amplius necesse esse, ut verbum praecedens brevi syllaba terminetur; quo in genere ponit voces encliticas easque non encliticas, quae sententiam aut versum inchoare noqueunt, ut γάρ, γοῶν, μέν atque οἷαν ἄν,

¹⁾ Nunc video, Weillium in ed. stereotypa altera (a. 1907) scripsisse παμμήτορ.

si verbo suo statim subiungitur, idque cum elisione. Verum tamen ea lex fines, a Porsono constitutas, excedit, ut nuper luculentissime demonstravit G. Dottinus eo opusculo, quod inscribitur „Les composés syntactiques et la loi de Porson dans le trimètre iambique des tragiques grecs“ (Revue de philologie a. 1901, p. 197—219). Quae cum ita sint, traditam lectionem in illo Aeschylī versu non esse tentandam existimo.

V. 197. ἀλγεῖνά μὲν μοι καὶ λέγειν ἔστιν τάδε,
ἀλγος δὲ σιγᾶν, πανταχῇ δὲ δύσποτμα.

Weckleinus in ed. graeca ad v. καὶ λέγειν haec adnotavit: „πολλῶ δὲ μᾶλλον παθεῖν“, allato v. 642 καίτοι καὶ λέγουσ' οἰόρομαι: in hanc igitur sententiam locum intellegit, ut sit: „acerba mihi quidem illa sunt vel ad narrandum (nedum ad patiendum)“. Sed mirandum in modum interpretes (Droysenus, Hartungius, Pierron) illud καὶ non verterunt, nimirum quod ei istam vim non tribuebant. Et mihi quidem videtur καὶ ortum esse duabus huiusmodi sententiis conflatis: ἀλγεῖνά μὲν μοι λέγειν, ἀλγος δὲ σιγᾶν ἔστιν τάδε, et ἀλγεῖνά μοι καὶ λέγειν καὶ σιγᾶν τάδε, ut in ea, quam habemus, sententiarum ratione καὶ non „etiam“, sed „et“ valeat. Itaque, quod in v. 106 ἀλλ' οὔτε σιγᾶν οὔτε μὴ σιγᾶν τύχας οἶόν τε μοι τάδ' ἔστί secundum legem grammaticam dixit poeta, idem hic expressit minus diligenter structa oratione; quod Rossice ita convertas: „больно мнѣ и говорить оъ этомъ, больно и молчать“. Similiter, sed in altero sententiae membro, positum est καὶ verbi causa in hoc notissimo versiculo: χαλεπὸν τὸ μὴ φιλῆσαι, χαλεπὸν δὲ καὶ φιλῆσαι.

V. 241. Ζηγὶ δύσκλητς θεᾶ.

Weckleinus in ed. graeca haec ita interpretatur: „ἄδοξον θέαμα τῷ Δί“. Dat. Ζηγὶ igitur, nisi quid me fallit, ex θεᾶ nexum esse existimat, hac notione: „ut Iovi spectaculum ignominiosum praebeam“. In eandem sententiam Droysenus haec intellexisse videtur, cum ita converteret: „schändlich Schaugepräg des Zeus“. Ego vero magis assentior iis, qui dativum volunt ο δύσκλητς esse suspensum, ita interpretantes: „ut omnibus praebeam spectaculum, quod Iovem ignominia afficiat“, ut v. 69 Vulcanus eundem Prometheum dicit θέαμα δυσθέατον ἡμᾶσιν, quod est: „quod spectaculum omnium oculis molestum est“, et v. 304 δέρκου θέαμα: nam Prometheus omnibus ille quidem spectaculo est, sed ignominiam sibi Iovi soli imponit. Sic interpretes: Schoemannus: „ein Anblick Zeus zum Schimpf“, Hartungius: „Zeusen dient der Anblick nicht zum Ruhm“, Pierron: „mais mon supplice est l'opprobre de Jupiter“.

V. 246. καὶ μὴ φίλοις ἐλαϊνὸς εἰσορᾶν ἐγώ.

Sic ex coniectura Th. Mistschenkii (Revue de philologie a. 1877, p. 268) Weilius in editione sua scripsit, codicibus καὶ μὴν praebentibus. Weckleinus quid de ea re sentiat, non liquet: nam in textum in nulla id ille quidem recepit editione, sed in latina inseruit Appendici, „coniecturas virorum doctorum minus certas continentium“, in graeca vero (p. 253) etiam quodammodo probavit, cum haec diceret: „ἢ ἐννοια... φαίνεται πρόσφορος“. Verum tamen otiosum est, quoniam id, quod in codicibus traditur, sententiam habet probam, leviaeque sunt, quae a Mistschenko opponuntur; haec enim dicit: „καὶ μὴν ne s'explique pas bien ici, où l'on attendrait plutôt καὶ γάρ: et le vers tout entier est bien peu digne d'Eschyle. Le poëte avait écrit sans doute: καὶ μὴ φίλοις, „même pour des gens qui ne seraient pas mes amis“. At καὶ μὴν valet „et vero“ etiam in Prom. 1080 καὶ μὴν ἔργῳ καὶ εἶ μὴθ' ἔχθρων σεσάλευται; totus autem versus quo nomine parum dignus sit Aeschylō, incertum est. Immo vero id ipsum, quod coniecit, parum quadrare videtur: potuitne dicere Prometheus, sese etiam non-amicis (h. e. non solum incuriosis sui, sed etiam inimicis) miserabilem esse aspectu, cum modo Robur malis suis insultare ac laetari vidisset? Accedit, quod eiusmodi ratio loquendi, quae huic μὴ φίλοις plane similis sit, ut adiectivum nomen generis masculini sine articulo cum μὴ coniunctum sit, apud Aeschylum non reperitur (quantum ex Dindorfii Lexico Aeschyleo p. 212—3 colligere licet): substantivis enim apud Aeschylum μὴ sic non iungitur; iungitur adiectivis, ita tamen, ut omnibus, qui huc pertinent, locis aut neutri adiectivi cum articulo apponatur: Ag. 1000 ἐς τὸ μὴ τελεσφόρον. Ch. 641 et Suppl. 335 τὸ μὴ θέμις (nam hoc quoque, cum neutri generis sit, adiectivi munere fungitur). Ch. 930 τὸ μὴ χρεῶν. Suppl. 197 τὸ μὴ θρασύ. Suppl. 198 τὸ μὴ μάταιον. Eum. 432 τὰ μὴ δίκαια. Suppl. 446 μὴ τὰ καίρια; sine articulo uno tantum loco Ch. 78 δίκαια καὶ μὴ [δίκαια], ubi tamen G. Hermannus et qui cum eo faciunt „alterum δίκαια ab interprete adscriptum esse videtur“; aut masculino adiectivi cum articulo Ag. 1639 τὸν δὲ μὴ πειθάνορα; aut denique adiectivo cum substantivo coniuncto Eum. 903 νίχης μὴ κακῆς.

V. 275.

... ταῦτά τοι πλανωμένη
πρὸς ἄλλοτ' ἄλλον κημονῆ προσίζανει.

Weckleinus in ed. graeca ταῦτά cum πλανωμένη coniungit, sic explicans: „κατὰ τὰ αὐτά, κατὰ τὸν αὐτὸν τρόπον (κυρίως σύστοιχος αἰτ., τὰ αὐτὰ πλανήματα πλανωμένη)“. Sic et scholiastes: „ἢ περὶ τὰ αὐτὰ πλανωμένη ἢ

πημονή ἄλλοι· ἐπ' ἄλλοις προσζίνει". Hoc non equidem video, quid sit, quocum pariter errare dicatur calamitas. Malim ταῦτά cum προσζίνει coniungere, ut sit: „errans, aequè alium alias assidit“, h. e. „aequè omnes affligit“. Sic et Schoemannus intellexisse videtur, cum ita converteret: „denn das Unglück schweift umher, bald sucht es den, bald jenen heim, ohn' Unterschied“.

V. 293. γνώσει δὲ τὰδ' ὡς ἔτομ', οὐδὲ μάτην
χαριτογλωσσεῖν ἐνι μοι

Omnes, quos quidem norim, editores, praeter L. Schmidtium, post ἔτομ' commate distinguunt, ut, nisi me fallit animus, sententia, quae est οὐδὲ μάτην κτλ., ex se ipsa apta sit ac non e γνώσει pendeat. At tamen concinnior est oratio, si ea sententia e γνώσει nexa est. Sic Droysenus statuisse videtur, ita locum interpretatus: „sehn wirst du, wie wahr das gesprochen, wie fern leer freundlich Geschwätz“, sic et Schoemannus et Ahrensius. Quae cum ita sint, duo membra eiusdem enuntiati (ὡς ἔτομα et οὐδὲ μάτην κτλ.) commate divelli non debent.

V. 309—310. ...μεθάρμοσαι τρόπους νέους.

Interpres (Schmidtus, Weckleinus) statuunt, νέους per anticipationem quandam dictum esse: „προληπτικῶς, ὥστε νέους εἶναι ἦτοι μεταβαλὼν τοῖς σεαυτοῦ τρόπους ποιήσον αὐτοὺς νέους“. Haec Weckleinus in ed. graeca, qui confert Eur. Iph. A. 343 μεταβαλὼν ἄλλους τρόπους. At ne hic quidem anticipationem video: nam cum μεθαρμοῦσθαι, sicut μεταβάλλειν, proprie sit non „mutare“, sed „relicta aliqua re aliam sibi adaptare vel sumere“ (v. Stallbaum, ad Plat. Cratyl. p. 405 D. Klotz. ad Eur. I. A. 337), in v. νέους nulla inest anticipatio; est enim „abiectis pristinis moribus, adopta novos“, ut Eur. Alc. 1157 νῦν γὰρ μεθαρμόμαθα βελτίω βίον τοῦ πρόσθεν „meliozem vitam priore sumpsimus“. Anth. Pal. VII, 182 ἐκ δ' Ἰμέβαιος σγαθεῖς γοερὸν φθέγμα μεθαρμοῦσατο „Hymenaeus conticuit et flebilem vocem sumpsit“.

V. 328. ἢ οὐκ οἶσθ', ἀκριβῶς ὦν περισσόφρων, ὅτι
γλώσση ματαία ζημία προστριβεται.

Meinekeus ad hunc locum haec annotavit (Philologus XX, 51): „Man verbindet, soviel ich weiss, allgemein ἀκριβῶς mit οἶσα, was hier wenigstens nicht passend ist. Vielmehr gehört es zu περισσόφρων und hat wie auch anderwärts die bedeutung von *in hohem grade*. Wahrscheinlich gehört hierher die glosse des Hesychios Ἀκριβῶς: ἄκρως“. Eum secuti sunt Weckleinus et Weilius, commate post οἶσθ' posito. Pendet

animi L. Schmidtus, qui cum in textu post ἀκριβῶς distinxerit, in annotatione dicit, ἀκριβῶς varie posse coniungi. Ego vero errare Meinekeum puto et qui cum eo faciant. Ac primum quidem opinio illa, qua ἀκριβῶς pro eo quod est ἄκρως dici posse putatur, parum firmo fundamento constituta est. Nam ἀκριβῶς, ea vi usurpatum, qua est ἄκρως, ut sit „quam maxime“, „plene et perfecte“, „plano“, quam in sententiam aliis quoque locis dici vocabulum contendit Meinekeus, inferioris est graecitatis, quantum quidem ex iis locis, qui in Stephani Thesaurο v. I, p. 1297 coacti sunt, iudicari potest: allati sunt enim ex Luciano: λευκός ἀκριβῶς et ἀκριβῶς μέλαν, quod Stephanus sic exponit: „plene et perfecte nigrum, vel plane nigrum, aut, exactam, vel plenam et perfectam nigredinem habens, et ad quam nihil addi possit“; ex Galeno: ἀκριβῶς θερμός, χολῶδες, φιλόπολις; ex Cassio Dione. Sed ex antiquioribus nullum exemplum in Thesaurο aut ab Aeschylī interpretibus affertur, ubi ea notione praeditum sit. Recte igitur M. Schmidtus in Hesychii editione minore eam glossam, ut Hesychii ipsius ad Diogenianum additamentum, e textu in inferiorem paginae partem relegavit. Adde quod ἀκριβῶς verbo περισσόφρων adiectum plane supervacaneum esset, quoniam περισσόφρων ipsum est λίαν συνετός. Denique verborum ἀκριβῶς et εἰδέναι tam frequens est usitataque consociatio, ut ne hic quidem facile divelli queant, praesertim cum caesura tertii pedis aliqua ex parte copulenter. Quod si voluisset Aeschylus, ἀκριβῶς cum περισσόφρων coniungi, iure in eo reprehenderetur, quod sic, nullo intervallo, apposuisset εἶδθα, quocum nemo non id iungere consuevit. Quid est igitur, quod Meinekeus a vulgata interpretatione discesserit? Quod interrogatio est, opinor. At rhetorica, quae hoc valeat: „perfecto scis probe“, ut impedimento esse non possit. An fuit Meinekeus ex eo genere, quos olim M. Hauptus derisit (Opusc. v. II, p. 289), qui opinantur, „adlaborandum esse cordato homini in primis ne Hesychium frustra legisse videatur“? Nos vero putamus, ἀκριβῶς non inepte ad εἶδθα propter περισσόφρων adiectum esse: haec enim est sententia: „sciunt hoc tardiora ingenia, procaces lingua poenas dare solere; te, qui praeter modum sapiens sis, certo id scire oportet“. Itaque revocandam censemus vulgatam interpretationem atque ἀκριβῶς cum εἶδθα iungendum.

V. 330 — 332. ζηλῶ σ' ὀυθούναχ' ἐχτός αιτίας κυρεῖς
 πόνων μετασχεῖν καὶ τετολημηκῶς ἐμοί.
 καὶ νῦν ἔασσον μηδὲ σοι μελησάτω.

Versum 331 Weilius ex coniectura scripsit, cum codices haec exhibeant: πάντων μετασχών καὶ τετολημηκῶς ἐμοί. Weckleinus in ed. graeca

ita versum correxit: τούτων μετασχεῖν καὶ τετολημῶς ἐμοί. Non tamen dubitamus, quin neutrum ab Aeschylō profectum sit: sic enim in prioribus duobus versibus Oceanus eorum dolorum, quibus tunc Prometheus cruciabatur, particeps esse diceretur. Sic et scholiastae intellexisse videntur, velut schol. M., qui ita interpretatur: θαυμάζω σε πῶς οὐδὲν κίκονθας ὑπὸ Διὸς συναλγῶν ἐμοί. Quod non est ita: non enim potest Prometheus dicere, gaudere se, Oceanum, quod hunc suum casum doluerit, non Iovis iram sibi contraxisse, quoniam Oceanus modo ad eum venit nec est ἐκτὸς αἰτίας, h. e. extra periculum irae Iovi movendae, ut apparet ex v. 334 πάπταινε δ' αὐτὸς μὴ τι κημανθῆ; ὁδῶ, v. 344 ἀλλ' ἠούχαζε σαυτὸν ἐκποδῶν ἔχων, v. 374 σαυτὸν σῶζ' ὄπω; ἐπίστασαι, v. 388 μὴ γάρ σε Ἠρῆνος οὐμὸς εἰς ἔχθραν βάλῃ, v. 390 τούτου φυλάσσω μὴ ποτ' ἀχθεσθῆ κέρ. Accedit quod verbis καὶ νῶν significatur, non eiusdem temporis esse id, de quo vv. 330—1 agitur, atque id, quod v. 332 rogat ut faciat; quod longe secus est, Weilii aut Weckleinii coniectura admissa. Sequitur, ut vv. 330—1 necesse sit de alio quodam auxilio agi, quod Prometheus ab Oceano ante latum sit, quod Juppiter aegre ille quidem tulerit, neque vero ultus sit. Quid quod ipsa haec πόνων vel τούτων μετασχεῖν huc parum apta sunt? Quae quidem sic accipi, credo, volebant inventores sui, ut esset: „alicuius casum dolere“; quam in sententiam tragica (ceterique, opinor, omnes) aliter loquuntur, ut συναλγεῖν S. Ai. 283, συναλγεῖν κακοῖ; Eur. Rhes. 807, συναλγεῖν τόχαι; Aesch. Pr. 288, συνασχάλλειν κακοῖ; vel μόχθοι; Aesch. Pr. 161. 303. 243, συγκάμνειν κῆμασιν vel κημόσυνασιν vel κακοῖ; Aesch. Pr. 414. 1059. Eur. Alc. 614, συμπονεῖν τῷ μογῶντι Aesch. Pr. 274. At μετέχειν πόνου vel πόνων S. Phil. 248. Eur. Heraclid. 7. Hel. 716 (itemque μέτεσσι μοι πόνων Eur. Ph. 249), aut τόχης Eur. Ion. 1368. Eur. Fragm. 787, 3, aut κακῶν Eur. Ph. 1690, aut ἀλγους Aesch. Pers. 540, aut δοσπραξίας Eur. Hel. 1221, aut εὐπραξίας Eur. Hel. 736, aut εὐτοχίας Eur. Ion. 507 (itemque μέτεσσι μοι εὐτοχίας Eur. Sup. 956),—haec omnia in iis dicuntur, qui ipsi in isdem rebus secundis vel adversis versantur, in quibus versatur alius. Quocirca συναλγεῖ τινα vel quid simile constanter dicitur in laborantis amico, sive verus sive falsus est, qui non in eodem ipso versatur malo, sed (verbis saltem) eius fortunam miseratur; contra, μετέχει τινα κακῶν vel πόνων vel simile in eo dicitur, qui ipse (re, non verbis) laborat, sive amicus est alterius laborantis sive non est, sive miseratur eius fortunam sive non miseratur. Et hoc quidem loco dubitari non potest quin Oceanus verbis Prometheus casum miserari dicatur, id quod hic v. 303 dixit συνασχαλῶν κακοῖ; nam πόνων μετασχεῖν ita demum recte diceretur Oceanus, si ipse,

quemadmodum Prometheus, ad Caucasum affixus esset, quoniam verbo πόνου tota hac fabula aut graves Ionis labores, aut Promethei corporis dolores designantur. Verum etiam si hoc loco πόνου dolores animi significaret, ne sic quidem tamen πόνων μετασχεῖν „casum dolere“ vel „miserari“ designaret, sed „ipsum eodem animi dolore affectum esse“¹⁾; quod cum non in nostra potestate situm sit, „ausus esse“ (τετολημῶς) Oceanus dici non potest. Itaque iis, quae supra dixi, hoc demonstrare conabar, Weillii et Weckleinii coniecturas parum aptas esse ac vv. 330—1 Oceanum dici olim participem fuisse Promethei fortium factorum.

Negant, traditam scripturam posse stare (v. Weckleinii ed. graecam p. 257), quod neque alibi usquam Oceanus Prometheum adiuvans sit, et in hac fabula v. 234 poeta haec dicentem faciat Prometheum: καὶ τοῖσιν οὐδεὶς ἀντέβαινε πλὴν ἐμοῦ. Neque ego habeo, qua ratione haec conciliem, quamquam Hartungium (p. 140 editionis suae) haec video adnotasse: „Dass aber Oceanos nicht mit dem Prometheus gemeine Sache gemacht haben könne, würde H. Kiehl nicht geläugnet haben, wenn er besser in den Sinn der Dichtung eingedrungen wäre“. Cum igitur aliam explicationem non habeam, ita statuo, aut poetam in fabulae minutis sibi non constare, quemadmodum alias in talibus sibi non constet, qua de re mox fusius disputabimus; aut, quod magis adducor ut credam, in vv. 330—1 Prometheum per ironiam contraria dicere, quam quae intellegi velit, perinde ac si diceret: „quoniam me ante non adiuvisti extraque culpam manes, nunc quoque curam istam tuam depone“. Multa enim Prometheum, cum Oceano colloquentem, per ironiam dicere, apparet. Quod si abest ironia, sic quoque causalem nexum sententiarum esse opinor, ut καὶ fere „proinde“ significet, atque hanc esse sententiam: „gaudeo, tum te Iovis iram effugisse; proinde nunc cave obeas periculum“. Restat, ut de constructione πάντων μετασχόν καὶ τετολημῶς ἐμοὶ pauca moneam. Quae mihi non adeo impedita esse videtur, ut emendatione egeat. Nam et Dindorfius non male interpretatus est, cum haec diceret:

¹⁾ Nam neque in Aesch. Pers. 540 ἄλλους μετέχοσαι est „fortunam virorum miserantes“, sed „quae ipsae, ut viri, sunt in miseria“, neque in Eur. Ph. 249 ὦν μετὰ μοι πόνων hoc significat: „quorum vicem doleo“, sed hoc: „quorum labores vel dolores ad me pertinent“ vel, ut bene Hartungius, „ihre Noth ist meine Noth“. Ceterum quod hic πόνου animi dolores significare dico, sequor Bernardacem, qui ad hunc locum haec adnotavit (Εὐριπίδου δράματα. Φοῖβος. Ἀθήνησιν. 1888): „τὸ δὲ πόνου ἐνταῦθα εἴρηται ἐπὶ φυλακῆς ὀδύνης καὶ θλίψεως, ὡς παρ' ἡμῖν σήμερον, ὅτι ἐπὶ κόπου, ὅπως συνήθως“. Ipse autem, cur πόνου hic animi tantam dolorem significet, non video: cumque de bello agatur, cunctas eius, cuicui modi sint, molestias designari existimo.

„praepositio verbi μετασχών etiam ad proximum pertinet verbum τετολ-
μηκώς. Quia forma loquendi utuntur poetae in verbis cum σύν compositis,
rarissime in aliis“; idque Hermannus probatum esse videtur, qui S. Ant.
v. 537 καὶ θυμμετίσχω καὶ φέρω τῆς αἰτίας; simillimum adiecit. Sed nescio
an rectius illa traiectione eo explanetur, quod Lobeckius ad S. Ai. 475—6
(p. 221—223 ed. III) exposuit: „constructionem verbi et nominis inter-
dum interpositione enuntiatii secundarii interrumpi“, ut illud καὶ τετολ-
μηκώς positum esse διὰ μέσου videatur, ut loquuntur grammatici. Neque
Aeschylum minus, quam ceteros poetas tragicos, ab ea re alienum fuisse,
docet Ag. 635 πῶς γὰρ λέγεις χειμῶνα ναυτικῆ στρατῶ ἐλθεῖν τελοστῆσαι
τε διαμόνων κότφ. Vide etiam Weckleinius ad Eur. Hec. 605 (in ed.
Pflugkiana), Jebbium ad S. Ant. 1279, Kruegerum ad Thuc. I, 102,
2¹). — Quod si scholiastes, quantum ex eius interpretatione, quae est
καὶ οὐκ ἔασω κτ., colligi potest, in libro suo ἔασω pro ἔασον invenit,
probabile est in eo libro scriptum fuisse κοὶ νῶν ἔασω, in hanc senten-
tiam: „quoniam tum Iovis iram offugisti, nunc te iterum periculum obire
non sinam“. Et hoc ferri potest, etsi, sequente imperativo μεληράτω,
vulgatum ἔασον praestare videtur: similiter tamen v. 520 τοῦτ' οὐκ ἂν
ἐκπύθοιο μηδὲ λιπάρει, sed hoc lenius: nam οὐκ ἂν ἐκπύθοιο vim impera-
tivi habet.

V. 342—3.

μάτην γὰρ οὐδὲν ὠφελῶν
ἔμοι πονήσεις, εἴ τι καὶ πονεῖν θέλεις.

Sic M cum eoque pars editorum; recentiores codices aliaque pars
editorum θέλεις. Quid est igitur causae, quod hi a M—o recedere ac
recentiores sequi maluerint? Hermannus quidem haec adnotavit: „θί-
λοις... quod receperunt Brunckius et Schützius, non, ut Wellauerus ait,
inepte, sed aptissime, immo sententia etiam flagitante, quia μάτην πο-
νήσεις idem fere est quod πονήσεις; ἂν μάτην“. Grammaticam igitur
affert rationem, hoc oblitus, uti videtur, etiam tum, cum ipse potentialis
modus sit in apodosi, nedum futurum ind., quod „idem fere“ esse ait,
non igitur prorsus idem, saepe protasin efferrī indicativo. Quod Paleius
confirmat versu Eum. 847 (= 887 Weil.) εἰ δὲ μὴ θέλεις μένειν, οὐ τὰν
δικαίως τῆδ' ἐπῆρρέποις πόλει κτ.; vide etiam Dindorfii Lex. Aesch.
p. 101a. Nihil igitur affert Hermannus. Hartungius (p. 141 ed. suae)

¹) Similem traiectionem, sed enuntiatorum, inesse puto in loco notissimo Pera.
vv. 8—15, ubi illis πᾶσα γὰρ ἰσχύς Ἀσπατογένης φῆχωντε interrumpi videtur sententia,
quae est ἠραολοπεῖται θυμὸς ἰσῶθεν, νέον δ' ἄνδρα βαυζέει“, ut recte Blomfieldius.

haec dicit: „Hermann erachtet die Lesart θέλοις als einzig richtig und nothwendig, weil μάτην πονήσεις so viel wie πονήσεις ἂν μάτην sei. Allein es ist Regel, wo Jemand etwas zu thun Miene macht, droht oder verspricht, dass ei mit dem Indicativ (gewöhnlich futuri) gebraucht werde“. Hoc ex eadem est nota, praesertim cum id, quod praeceptum, huc non pertineat. Denique Weckleinus in ed. graeca haec scripsit: „ἡ γραφή νεωτέρων χειρογράφων θέλοις συνάδει μᾶλλον τῇ ἐννοίᾳ“ (p. 258), quod „ὁ Προμηθεὺς δὲν προσνέμει εἰς τὴν ἀγαθότητα τοῦ Ὀκεανοῦ σοβαρὰν θέλησιν“ (p. 125). Neque hoc satis dignum esse videtur, propter quod a M—o recedamus. Ac primum quidem sententia conditionali, indicativo elata, contineri potest non modo id, quod sitne an non sit, is qui loquitur incertus est, sed etiam id, quod etsi vero rerum statui contrarium esse compertum habet, cum quadam tamen condicione effert, ut, quid de ea re sentiat, per formam condicionis indicare nolit ¹⁾, ut Prom. 978 νοσοῦμ' ἂν, εἰ νόσημα τοῦ ἀχθροῦς στοιγεῖν, ubi ἐστὶ auditur, cuius loci sententia haec est: „inimicos Odisse non est morbus; non igitur sum aegrotus“. Praeterea ne hoc quidem Weckleino assentior, Prometheus non credere, velle Oceanum ad Iovem proficisci, pro se deprecaturum, aut saltem, etiam si dubitatio ei moveatur, id potentiali condicionis forma indicare: paulo post enim, vv. 340—1 pro illa facilitate ei gratias agens, nullum omnino verbum facit, se ei fidem non habere: τὰ μὲν σ' ἐπαινώ κούδα μὲ λήξω ποτέ προθυμίας γὰρ οὐδὲν ἐλλείπεις: parum igitur probabile est, eum, posteaquam id asseverasset, etiam si re ipsa non crederet, continuo se id non credere aperte indicasse. Et quod v. 380 Oceanus rursus paratum se esse ait, documento est, eum non videre Prometheus de fide sua dubitantem; quaerit enim: ἐν τῷ προθυμῆσθαι δὲ καὶ τολμᾶν τίνα ὄρᾳς ἐνοῦσαν ζῆμیان; Neque tum Prometheus de eius προθυμίᾳ se dubitare ostendit: dicit tantummodo, videri sibi eum μόγθον περισσὸν κούφονον τ' εὐθηλίαν (v. 383), atque: ἐμόν, inquit, δοκῆσαι τὰ μιλᾶκηνμ' εἶναι τότε (386), h. e. vereri se ait, ne sibi ea εὐθηλία tribuatur. Accedit, quod Medicei scriptura a consuetudine loquendi praesidium habet. Nam εἰ-καί, quod hic positum est, non idem est atque καὶ εἰ: G. Hermannus quidem (ad Vigerum p. 829, 307), quocum et Krueger in „Gr. Sprachlehre“ § 65, 5, 15 et nunc Gerthius in Kuehneri „Ausführliche Grammatik“ II, 2, § 578, 2 facit ²⁾, haec

¹⁾ Nam est ubi condicio, indicativo elata, a potentiali vel irreali non differat, nisi quod illa is qui loquitur, quid de ea re sentiat, non indicat, his indicat.

²⁾ Madvigius quoque (Synt. d. gr. Spr. § 194 d) in eadem est sententia, cum

docet: „Non idem est, utrum καὶ εἰ, an εἰ καὶ dicas. Καὶ εἰ est *etiam* si, et καὶ refertur ad ipsam conditionem eamque indicat non certam esse: *etiam tum, si*. Quare καὶ εἰ usurpatur de re, quam sumi tantum a nobis ut veram indicamus: ut καὶ εἰ ἀθάνατος ἦν, *etiam si immortalis essem*: non de re, quam esse veram indicamus, ad quod exprimendum adhibetur εἰ καί: εἰ καὶ θνητός εἰμι, *quamquam mortalis sum*. Aeschylus Choeph. 296 καὶ μὴ κέκοιθα, τοῦργον ἔστ' ἐργαστέον. *Etiam si non fido, perperandum facinus est*. Homerus: τοῦ δ' ἐγὼ ἀντίος εἶμι, καὶ εἰ κοπι χεῖρας ἔσκειν. Contra εἰ καὶ est *etsi*, et καὶ conditioni postpositum, non ad εἰ refertur, neque conditionem ipsam indicat incertam esse. Quare εἰ καί, *quamquam*, rem ita esse, ut dicitur, significat. Sophocles in Oed. R. 302 πόλιν μὲν, εἰ καὶ μὴ βλέπεις, φρονεῖς δ' ὄμμας, οἷα νόσφ' ἔνοσταν. *Ei si caecus es, vides tamen, quo in malo versetur civitas*. Potest hoc etiam omisso καὶ dici: εἰ μὴ βλέπεις, φρονεῖς δ' ὄμμας. Sed usurpatur etiam εἰ καί sic, ut non sit *etsi*, sed *si etiam*, id est, ut καί non cum εἰ, sed cum aliquo eorum vocabulorum, quae sequuntur, coniungi debeat. Idque ipsum Latini saepe per *etiam si* significant. Exemplum ibidem occurrit v. 305 Φοῖβος γάρ, εἰ καὶ μὴ κλύεις τῶνδ' ἀγγέλων, πέμψασιν ἡμῖν ἀντίπεμψεν. Id est, *si hoc etiam non audivisti ex his nunciis, quod non est, quamquam non audivisti*. Non enim indicat, non audivisse, sed fieri forsitan potuisse, ut non audiverit. Nos qui duplicem vim, quam habet εἰ καί, simillimis particulis *wenn auch* tribuimus, ita diceremus: *wenn du es auch nicht von diesen boten weisst*¹⁾. Haec Hermannus. Ex iis, quos affert, locis maximi momenti est O. R. 305: in quo notio „si orte“ adeo est manifesta, ut nonnulli εἰ τι μὴ reponant, quod, ut ait Jebbiius (ad Soph. O. R. 305), plane designat „unless perchance“. Itaque eo loco, de quo agimus, cum et τι et καὶ „forte“, „fortasse“ significet, hanc esse arbitror sententiam: „quamquam fieri potest, ut laborare paratus sis“, „хоть, можетъ бытъ, ты и готовъ трудиться“: concedit igitur Prometheus, id fieri posse, ac non diffidit. Quod si quem verborum collocatio εἰ τι καὶ offendit, idem est atque εἰ καί τι, ut εἰ τι μὴ idem est atque εἰ μὴ τι. Quibus rebus expositis, satis docuisse videor, cur prior essem in eam partem, ut Medicei scripturam servandam putarem. Vide etiam, quae de h. l. infra ad v. 667 dicemus.

dicit „εἰ καί, wenn gleich, mehr zur Bejahung der Bedingung sich neigend, fast = obgleich“.

¹⁾ Vide etiam, quae de ea re docet Jebbiius in Appendice ad Soph. O. R. 224.

V. 463. (αἴζευστα πρῶτον ἐν ζυγοῖσι κνώδαλα) ὅπως
θνητοῖς μεγίστων διάδοχοι μοχθημάτων
γένοιντο.

Omnes, quos sciam, editores Dawesii coniecturam γένοινθ' receperunt, libris γέωνθ' exhibentibus,—sine causa, ut mihi quidem videtur. Nam in sententiis finalibus, si enuntiatio primaria praeteritum tempus habet, Aeschylus, ut solet ponere optativum (9 locis omnino: Prom. 202. 203. 659. Sept. 20. 55. 215. Pers. 450. Sup. 986. Eum. 670), ita hoc uno loco haud dubie coniunctivo usus est: Eum. 638 τὴν δ' αὖ τοιαύτην εἶπον, ὡς δηχθῆ λέως. Item Sophocles cum semper fere (23 locis) optativum adhiberet, semel tamen haud dubio coniunctivum posuit: El. 390—1 ὅπως... πάθης,... ὅπως ἐκφύγω, quod pendet ex v. 388 τίς, ὦ τάλαινα, τόνδ' ἐπὶρᾶσω λόγον; etiam in Ant. 412 καθήμεθ' ἄκρων ἐκ πάγων ὑπήνεμοί, ὁμῆν ἀπ' αὐτοῦ μὴ βάλῃ πεφευγότες codices praebent coniunctivum, qui ab H. Stephano aliisque in optativum mutatus est. Euripidem omitto: apud quem Weber 31 coniunctivos et 65 optativos numerat. Quam ob rem, si dubitari non potest, quin vel uno loco apud Aeschylum coniunctivus reperiat, non video, cur hoc quoque loco contra librorum auctoritatem scriptura mutetur, praesertim cum hic, quemadmodum in illo altero Aeschyli loco (Eum. 638) et in Sophoclis Electra, actio sententiae finalis etiam ad id tempus, quo effertur ab eo, qui loquitur, pertineat. Quae cum ita sint, Webero assentior, censi, hoc loco codicum scripturam servandam (Entwicklungsgeschichte der Absichtssätze, p. 85).

V. 472. αἰχῆς πεπονθῶς πῆμ', ἀποσφαλεῖς φρενῶν
πλανᾷ.

Sic Weilius ex Heimsoethii coniectura scripsit pro eo, quod codices habent πέπονθας αἰχῆς πῆμ' κτλ., ut asyndeton tolleretur. Quod Weckleinus in ed. graeca (p. 148) non opus esse censet, cum haec dicit: „ἀναφέρονται ταῦτα [verba πέπ. αἰχῆς πῆμα] οὐχὶ εἰς τὴν τιμωρίαν τοῦ Προμηθέως, καθὰ ὑπολαμβάνει ὁ Ζγολ. λέγων „τοῦτο διὰ τὸ φιλονεικῆσαι Διί“, ἀλλὰ ἐπιβεβαιούμενος ὁ κορυφαῖος τὰς προηγησαμένας λέξεις τοῦ Προμηθέως λέγει: πάσχεις πάθημα ἀπρεπές, ὅτι ἄλλοις βοηθήσας ἀδυνατεῖς νὰ βοηθήσῃς σεαυτῷ. Ἐνεκα δὲ τούτου κεῖται καὶ τὸ ἀσύνδετον ὅτι τὸ πλανᾷ ἐπεξηγεῖται τὸ προηγούμενον πέπονθας (πρβ. Κρυγ. Α' § 59, 1, 5)“. Quae sane Interpretatio iam a Schoemannno p. 308 ed. eius proposita erat. Quod ego non assentior: nam, si ita esset, diceretur chorus in contumeliam vertere Promethei, quod, cum alios adiuvare solitus esset,

sibi iram ferre non posset. Nam licet Schöemannus, allato v. 1039 *οὐδὲ γὰρ αἰττῆς ἐπιμαρτυρεῖται*, rem ita se habere probare studeat, attamen sic ea sententia, ut ait G. Hermannus, „reprehensionem contineret Promethei eamque verbis enuntiatam gravissimis“. In Evangelio quidem summi pontifices Iudaeorum, quod Christum, cruci affixum, simili modo allocuti sunt, dicuntur id fecisse illudentes (*ἐμπαίζοντες* Matth. 27, 41. Marc. 15, 31, *ἐςμωκτίζον* Luc. 23, 35). Quare scholiastae interpretatio „τοῦτο δὲ τὸ φιλωνειτῆσαι Δία“ mihi magis probatur, quam Weckleinii. Et chorus, cum *πέπ. αἰεὶς κῆμα* dicit, idem fere vult, quod ipse Prometheus v. 438 *ἴρων ἐμαυτὸν ὡς προσελούμενον*, Prometheus a Iove δὲ τὸ φιλωνειτῆσαι αὐτῷ turpi supplicio affectum esse. Restat, ut doceam, quaenam ratio illis ἀποσταλείς κτλ. intercedat cum *πέπ. αἰεὶς κῆμα*. Locum recte intellexit Heimsoethius, cum reponeret *πεπονθώς*, ut haec sententia fieret: „quoniam turpi calamitate affectus es, a mente desertus es“. At eadem ratio, credo, traditae scripturae subest, sed propter asyndeton non diserte enuntiatum est, sed ab iis ipsis, qui audiunt, inveniri debet. Huiusmodi asyndeta memorantur in Kuehneri Gerthiique „Ausführliche Grammatik“ II, 2, § 546, 5a, et a Kruegero in „Sprachlehre“ II, 59, 1, 7 unus locus allatus est, ubi, ut in hoc Aeschyleo, priore enuntiatum causa continetur posterioris: Eur. Aug. 4 (=fr. 276 N) *γοναίαιές ἐσμεν· τὰ μὲν ὄνην νικώμεθα, τὰ δ' οὐκ ἂν ἡμῶν θράσος ὑπερβάλοτό τις* „mulieres sumus: qua de causa partim metu vincimur, partim vero audaciam nostram nemo superet“.

V. 550.

οὐκοτε

τὰν Διὸς ἁρμονίαν θνατῶν παρεξίασι βουλαί.

Weckleinii scholiastam, qui Διὸς ἁρμονίαν interpretatur esse τὸ τῆς αἰμαρμένης ὄνομα (quod Paleius in τὸν τῆς εἰμ. νόμον corrigi iubet), ita refellere conatur, ut dicat, eam interpretationem pugnare cum versu 517 sq., ubi Prometheus docet, mundum a Parcis regi et Furiis, Iovem vero ipsum fatalem necessitatem aufugere non posse. „Ἄλλ' ὅμως“, inquit, „τοιαύτη ἔννοια θὰ συνῆπτε τὸν τὸν κόσμον κυβερνῶντα νόμον τῆς μούρας πρὸς τὴν θέλησιν τοῦ Διός, εἰς τοιαύτην ὅμως ἐκδογὴν ἐναντιοῦται στίχ. 533 [=517₁Weil.]“. „Ὅθεν πολλῶ πθανώτερον φαίνεται, ὅτι ἐνταῦθα ἁρμονία Διὸς σημαίνει μόνον τὴν διακόσμησιν καὶ τάξιν ἐν τῇ ἀρχῇ τοῦ Διός“. Quod non magni momenti esse duco: manifestum est enim, pietatem filiarum Oceani non motam esse impia Promethei oratione: quae Iovem precantur v. 526 sq., non Parcas aut Furias. Non igitur mirum est, eas hic quoque Iovis imperium agnoscere.

V. 621. τοσοῦτον ἀρκῶ σοι σαφηνίσας μόνον.

Libri σαφηνίσαι; participium ex Linwoodii coniectura ab omnibus fere recentioribus editoribus receptum est. At quid est ἀρκῶ cum participio coniunctum? Huius constructionis haec exempla repperi: Soph. Ant. 547 ἀρκέσω θνήσκουσ' ἐγώ. O. C. 498 ἀρκεῖν οἶμαι μίαν φυγὴν τάδ' ἐκτίνουσαν. Eur. Hel. 1274 οὐκοῦν οὐ χωρὶς τῆσδε δρῶν ἀρκεῖς τάδε; Iph. A. 1418 ἡ Τυνδαρίς παῖς ἀρκεῖ μάχας τιθεῖσα καὶ φόνους. Or. 668 ἀρκεῖ αὐτὸς ὁ θεὸς ὠφελεῖν θέλων. Or. 1592 φησὶν οἰωπῶν ἀρκέσω δ' ἐγὼ λέγων. (Participium, cum articulo coniunctum, in his legitur: Eur. Alc. 383 ἀρχοῦμεν ἡμεῖς οἱ προθνήσκοντες σέθεν. Rhos. 329 ἀρχοῦμεν οἱ σφζοντες Ἴλιον πάλαι. Sup. 511 ἐξαρκέσας τὴν Ζεὺς ὁ τιμωρούμενος). Xen. Cyr. IV, 5, 44 οὔτε ἐγὼ ἀρκέσω πράττων τι πρὸ ὑμῶν, οὔτε ὑμεῖς πρὸ ἡμῶν. Xen. Cyr. V, 4, 36 οὐδέν σε δεήσει τῷ ἀγαθῷ ἀνδρὶ μάχεσθαι, ἀλλ' ἐκεῖνος τούτῃ ἀρκέσει μηχανώμενος. Xen. Oec. 12, 4 ὅστις μέλλει ἀρκέσειν, ὅταν ἐγὼ ἀπῶ, ἀντὶ ἐμοῦ ἐπιμελούμενος. His omnibus locis acuitur et cum vi quadam effertur verbi ἀρκεῖν subiectum, quod, cum alii rei opponatur, fere non omittitur, sed plerumque adest. At hoc loco, de quo agitur, si σαφηνίσας reponimus, subiectum verbi ἀρκῶ neque acuitur neque adest. Sed cum etiam huiusmodi duos locos habeam, quibus item non in subiecto verbi ἀρκεῖν sententiae caput insit, — Soph. Ai. 76 ἔνδον ἀρκεῖται μένων (= 80 ἐμοὶ μὲν ἀρκεῖ τοῦτον ἐν δόμοις μένειν). Thuc. V, 9, 1 ἀρκεῖται βραχέως δεδηλωμένον, — illud σαφηνίσας ferri quidem posse concedo, necessarium esse non credo. Quin etiam σαφηνίσαι retineri posse existimo, modo ἀρκῶ ea vi accipiatur, ut sit „possum“, quemadmodum vestustiores editores et Paleius. Verum, ut res sese habet, facillimum est ac nescio an melius, quam ea Linwoodii coniectura, hoc, quod ab Hartungio receptum est (casu, opinor, in Weckleinii ed. latina omissum): τοσοῦτον ἀρκεῖ σοι σαφηνίσαι μόνον, ubi σοὶ profecto non ad ἀρκεῖ, sed ad σαφηνίσαι referendum est, ut sit: „so viel allein dir mitzuthellen sei genug“. Occasione oblata hoc etiam moneo, parum recte σοὶ in editionibus sine accentu scribi videri, quoniam post ἀρκῶ (ἀρκεῖ) debet esse caesura, et σοὶ quin ad σαφηνίσας (σαφηνίσαι) pertineat, dubium non est, ad ἀρκῶ autem fieri potest ut non pertineat. Non ignoro equidem, versus inveniri, in quibus caesura pedis tertii etiam verba arctius coniuncta divellantur, ut S. O. C. 280 βλέπειν δὲ πρὸς τοὺς | δυσσαβεῖς, φυγὴν δὲ τοῦ (vide Dottinii „Les composés syntactiques et la loi de Porson“ in „Revue de philologie“ a. 1901, p. 199). Quos quidni aliter dividi statuamus? veluti in hoc nonne post βλέπειν δὲ et post δυσσαβεῖς pausa fieri potest?

V. 629 μή μου προκήδου μάσσειν, ὡς ἐμοὶ γλυκὸ.

lis locis, quibus ὡς pro ἢ post gradum comparativum poni posse demonstratur, adde Plut. De educat puer. c. 17 (=p. 13 A) γένος οὐδέν ἐστιν ἐξωλέστερον οὐδέ μᾶλλον καὶ θᾶπτον ἐτραχηλίζον τὴν νεότητα, ὡς [τὸ] τῶν κολάκων „genus hominum adulatoribus pestilentius nullum est“.

Sergius Sobolevskius.

(Ὀλοκτανίε ε.π.ῶδες).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЛѢТНІЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ

1908 г.

для ознакомленія учителей и учительницъ рисованія съ новыми методами преподаванія графическихъ искусствъ.

Новые методы преподаванія рисованія, черченія и лѣпки получаютъ все большее и большее распространеніе, вслѣдствіе чего примѣнявшіяся коллекціи моделей замѣняются преимущественно предметами изъ окружающей природы и обстановки; одновременно разрабатываются новые приемы преподаванія и способы исполненія работъ красками, углемъ, перомъ, изученіе цвѣта посредствомъ цвѣтныхъ бумагъ и т. д.

Разнообразіе и обиліе моделей и приемовъ преподаванія часто ставятъ преподающихъ въ затруднительное положеніе при распредѣленіи занятій по классамъ, вслѣдствіе чего иногда наблюдаются нежелательное однообразіе въ выборѣ упражненій и увлеченіе тѣмъ или другимъ отдѣломъ курса въ ущербъ прочимъ.

Курсы имѣютъ цѣлью познакомить преподающихъ рисованіе, черченіе и лѣпку въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ съ новыми приемами преподаванія этихъ предметовъ посредствомъ послѣдовательно составленныхъ лекцій и практическихъ занятій, иллюстрируемыхъ коллекціями: учебныхъ пособій, матеріаловъ, руководствъ и работъ учащихся, а также и со способами распредѣленія занятій по классамъ.

Занятія будутъ происходить лѣтомъ 1908 года въ теченіе двухъ недѣль въ помѣщеніи училища при ев.-лютер. церкви св. Анны, Нирочная ул., 8, съ 16-го по 28-ое іюня включительно.

Условія поступленія на курсы.

На курсы принимаются лица обоего пола, занимающіяся или интересующіяся преподаваніемъ рисованія.

Плата за право посѣщенія курсовъ опредѣлена въ 25 р., изъ которыхъ 10 руб. вносятся при записи и 15 р. передъ началомъ занятій.

Заявленія о желаніи поступить на курсы присылаются до 1 апрѣля 1908 г. послѣ этого срока приемъ будетъ производиться по мѣрѣ возможности въ зависимости отъ числа свободныхъ мѣстъ.

Заявленія и взносы адресовать учредителю курсовъ Александру Николаевичу Смирнову, С.-Петербургъ, Саперный пер., 12.

Съ октября 1907 г. группою профессоровъ университета и преподавателей средней школы издается въ С.-Петербургѣ новый журналъ:

Г Е Р М Е С Ъ,

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ВѢСТНИКЪ АНТИЧНАГО МІРА,

по слѣдующей программѣ:

1. Библиографія: а) русская и б) иностранная.
2. Археологическая хроника: а) Россіи, б) Эллинскаго Востока, с) Запада.
3. Статьи научныя и популярныя: а) по языку, б) по литературѣ, с) по исторіи, д) по философіи, е) по искусству.
4. Переводы греческихъ и римскихъ авторовъ.
5. Статьи по методикѣ и дидактикѣ преподаванія древнихъ языковъ и древней исторіи.
6. Хроника учебныхъ заведеній.
7. Вопросы читателей и отвѣты на нихъ.
8. Объявленія.

Сотрудниками Гермеса состоятъ:

Проф. Д. В. Айналовъ, И. О. Аменскій, И. О. Араповъ, А. Г. Бекетрелъ, проф. В. Н. Бенешевичъ, К. М. Блумбергъ, И. Н. Бороздинъ, проф. В. П. Бузескулазъ, проф. Б. В. Варнеке, Ф. Э. Гидеманъ, С. И. Гинтовъ, проф. Н. Н. Глубоковский, проф. А. П. Державскій, проф. С. А. Жебелевъ, проф. Г. Э. Зенгеръ, Г. Г. Зоренбургъ, проф. Ф. Ф. Зылинскій, прив.-доц. А. Ф. Баль, С. П. Кондратьевъ, академикъ Ф. Е. Коринъ, проф. М. Н. Крашенинниковъ, академикъ В. В. Латышевъ, Ф. А. Лютскъ, проф. А. I. Малеинъ, проф. В. К. Маммбергъ, А. А. Мартовъ, прив.-доц. П. П. Митрофановъ, С. В. Мирошниковъ, И. П. Мурзинъ, проф. Д. И. Научевскій, проф. И. В. Нетушилъ, академикъ П. В. Никитина, проф. А. В. Никитскій, проф. Н. Н. Новосадскій, П. Д. Перовъ, П. Д. Погодинъ, проф. М. М. Покровскій, хранитель Императорскаго Эрмитажа Е. М. Придиакъ, проф. М. И. Ростовцевъ, прив.-доц. А. Ф. Семеновъ, хранитель Императорскаго Эрмитажа Я. Н. Смирновъ, проф. С. И. Соболевскій, П. П. Соколовъ, проф. Ф. Ф. Соколовъ, гр. Н. П. Толстой, проф. Г. А. Турасъ, проф. И. Г. Туревичъ, членъ Археологической Комиссіи прив.-доц. В. В. Фурмаковскій, М. Р. Фосмеръ, В. Р. Фохтъ, К. В. Хилинскій, проф. И. Н. Холодиакъ, С. О. Цыбульскій, проф. Г. И. Челпановъ, П. П. Черняевъ, проф. С. П. Шестаковъ, проф. Я. Р. фонъ-Штернъ и многіе другіе.

Журналъ выходитъ каждыя двѣ недѣли, въ началѣ и срединѣ каждого мѣсяца, кромѣ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Объемъ номера 1¹/₂—2 листовъ.

Подписная цѣна, за годъ, съ 1-го янв. 5 руб., за полгода 3 руб.

Первый томъ (1907 г. №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6). Ц. 1 р. 50 коп.

Продолжается подписка на 1908 годъ.

Отвѣтственные редакторы: профессоръ А. I. Малеинъ и преподаватель гимназіи С. О. Цыбульскій.

С.-Петербургъ. Невскій пр., № 32 (на. 59). Редація „ГЕРМЕСА“.

Содержаніе
НОВОЙ СЕРІИ ЧАСТИ XIV
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
(мартъ и апрѣль 1908 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

**Именной Высочайшій указъ, данный Правительствующему
Сенату.**

1. (9-го февраля 1908 года)

Стран.
27

**Высочайшше приказы по ведомству министерства народ-
наго просвѣщенія.**

(7-го января 1908 года, № 2)	3
(14-го января 1908 года, № 3) .	4
(15-го января 1908 года, № 4)	—
(21-го января 1908 года, № 6)	—
(28-го января 1908 года, № 7)	7
(4-го февраля 1908 года, № 9) .	27
(11-го февраля 1908 года, № 10) .	30
(18-го февраля 1908 года, № 11) .	43
(21-го февраля 1908 года, № 12)	47
(8-го марта 1908 года, № 14) .	—

Циркуляры Министерства Народнаго Просвѣщенія.

1. (18-го декабря 1907 года, № 28929). По вопросу о порядкѣ допущенія постороннихъ лицъ къ испытаніямъ изъ полнаго курса мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ 10
2. (2-го января 1908 года, № 11). По вопросу о воспрещеніи перехода среди учебнаго года лицъ педагогическаго персонала на службу изъ одного учебнаго заведенія въ другое 11
3. (24-го января 1908 года, № 2014). О практическихъ занятіяхъ по химіи въ VI классѣ реальныхъ училищъ 50
4. (4-го февраля 1908 года, № 3045). О числѣ уроковъ по греческому языку въ V, VI и VII классахъ гимназій —
5. (2-го марта 1908 года, № 5970). О переводныхъ испытаніяхъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 51
6. (11-го марта 1908 года, № 7104). О переводныхъ испытаніяхъ въ городскихъ училищахъ 55

Отъ Управленія Пенсіонной Кассы Народныхъ Учителей и Учительницъ. 12

Определенія Основнаго Отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія. 13 и 56

Определенія Отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія по Начальному Образованію 15 и 60

Определенія Отдѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія по Техническому и Профессиональному Образованію. 17 и 64

Описокъ книгъ, рассмотрѣнныхъ Ученымъ Комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ 18 и 64

Отъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія. 19

Учебно-воспитательный Комитетъ Педагогическаго Музея Военно-Учебныхъ Заведеній. 22

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Фр. Ф. Вестбергъ. Къ анализу восточныхъ источниковъ о Восточной Европѣ. 16—28 (<i>окомчаніе</i>)	1
Ф. И. Леонтовичъ. Правоспособность литовско-русской шляхты.	53
П. Г. Васенко. Дьякъ Иванъ Тимофеевъ, авторъ „Временника“	88
А. Грушевскій. Изъ харьковскихъ лѣтъ Н. И. Костомарова	233
В. Ф. Миллеръ. Къ быльнѣ о Добрынѣ и Василии Казими- ровичѣ	296
Н. Шапошниковъ. Ремесло	319
С. А. Шумаковъ. Столбцы помѣстного приказа	330

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Ф. Ф. Зигель. <i>Povšechne české dějiny právní</i> , проф. <i>Ироміра Чельковского</i> . Изд. 2-е. 1902—1906. — Къ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. <i>О. Вальцера</i> . С.-Пб. 1908	122
Н. А. Котляревскій. <i>Н. М. Гумляръ</i> . Иванъ Сергѣевичъ Тур- геневъ. Юрьевъ. 1907	174
Н. К. Бозинъ. <i>М. Гершензонъ</i> . П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мыш- леніе. С.-Пб. 1908	181
С. А. Шумаковъ. <i>А. В—нъ</i> . Грамоты и акты Вятскаго Успен- скаго Трифоновна монастыря 1580—1764 гг. Вятка. 1906	183
Н. М. Петровскій. Указатель къ „Опыту русской библиографіи“ В. С. Сошкова. Составилъ <i>В. Н. Рогожинъ</i> . С.-Пб. 1908	196
И. В. Шаровольскій. Отвѣтъ моему критику	215
С. К. Буличъ. <i>Всеволодъ Четиминъ</i> . Исторія русской оперы (съ 1674 по 1903 г.). Москва. 1906	377
А. Музыченко. По поводу новой книги проф. Рейна	404
І. М. Кулишеръ. <i>Paul Mantoux. La révolution industrielle au XVIII-e siècle</i> . Paris. 1906	417
А. И. Соболевскій. <i>Н. Каринскій</i> . Образцы глаголицы. С.-Пб. 1908	428
Н. П. Кондаковъ. Атласъ исторіи древняго искусства. Соста- вилъ проф. <i>А. А. Павловскій</i> . Одесса. 1907.— <i>А. А. Павловскій</i> . Курсъ исторіи древняго искусства. Одесса. 1906	430
А. В. Марковъ. <i>С. Шамбинаго</i> . Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. С.-Пб. 1908.	433
— Книжныя новости	227 и 446

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

* * * * * Подготовительныя работы по введенію всеобщаго обученія въ Россіи	1 и 168
А. Ф. Лазурскій. Школьныя характеристики	46 и 121

Отзывы о книгах:

Е. П. Ковалевскій. <i>Н. Союзны-Шалеръ. Гражданинъ и его отношеніе къ государству</i>	103
А. С. Виреніусъ. <i>Е. Н. Зальцова. Учебникъ массажа и шведской гимнастики</i>	105
К. В. Фохтъ. <i>Г. Лемаръ. Методическое пособие къ рѣшенію геометрическихъ задачъ</i>	114
— <i>Christine Zalewska. Rechenbuch für deutsche Schulen</i>	115
О. Д. Хвольсонъ. <i>С. Ковалевскій. Учебникъ физики</i>	118
Н. С. Ройтманъ. <i>Курсъ элементарной геометріи</i>	206
В. М. Шнигевичъ. <i>Свободное знаніе. Подъ редакціей проф. Э. Д. Гримма, проф. Л. Г. Петражицкаго, прив.-доц. В. В. Сиповскаго и проф. В. М. Шимкевича.—Мірозданіе. Естественнo-историческій очеркъ проф. Ковалевскаго</i>	241
О. Д. Хвольсонъ. <i>В. К. Лебединскій. Вопросы физики</i>	243
К. В. Фохтъ. <i>А. Н. Глазолевъ. Элементарная алгебра</i>	245
— <i>Книжныя новости</i>	119 и 248

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Л. Д—ръ. <i>Письмо изъ Парижа</i>	101
В. П. Вуэскуль. <i>Г. Э. Шульдъ (некрологъ)</i>	118
А. Д. Вейсманъ. <i>Парижская нормальная школа</i>	123
В. А. Кистяковскій. <i>Физико-химическія изслѣдованія Н. А. Меншуткина</i>	153
Н. И. Веселовскій. <i>Баронъ В. Р. Розентъ (некрологъ)</i>	167

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. Г. Бекштремъ. <i>Изъ области этрускологіи. III</i>	85
А. А. Грушка. <i>Спорные вопросы изъ области латинскаго языкознанія</i>	104 и 137
М. И. Ростовцевъ. <i>Фрагментъ римскаго легионнаго знамени</i>	129
<i>Sergius Sobolevskius. Ad Aeschylus Prometheum</i>	155

ОБЪЯВЛЕНІЯ

2

Отзывы о книгахъ:

Н. С. Ройтманъ. Курсъ элементарной геометріи	206
В. М. Шимкевичъ. Свободное знаніе. Подъ редакціей проф. Э. Д. Гримма, проф. Л. Г. Петражицкаго, прив.-доц. В. В. Ситовскаго и проф. В. М. Шимкевича.—Мірозданіе. Естественно-историческій очеркъ проф. Ковалевскаго	241
О. Д. Хвольсонъ. В. К. Лебединскій. Вопросы физики	243
К. В. Фохтъ. А. Н. Глаголевъ. Элементарная алгебра .	245
— Книжныя новости.	246

О ВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

А. Д. Вейсманъ. Парижская нормальная школа . . .	123
В. А. Кнестяковскій. Физико-химическія изслѣдованія Н. А. Меншуткина	166
Н. П. Веселовскій. Варонъ В. Р. Розенъ (<i>искротиль</i>) .	167

О т дѣ л ъ к л а с с и ч е с к о й ф и л о л о г и и .

М. П. Ростовцевъ. Фрагментъ римскаго легионнаго знамени	129
А. А. Грушка. Спорные вопросы изъ области латинскаго языкованія	137
Sergius Sobolevskius. Ad Aeschyli Prometheus	155

О б ъ я в л е н і я . .	2
-------------------------	---

Редакторъ Э. Л. Радловъ.

(Вышла 4-го апрѣля)

•••••

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогическія и научныя, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки 12 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ 12 р. 75 к., съ пересылкою въ другіе города 14 р. 25 к., за границу—16 р. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ Редакціи находящіяся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902—1907 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію.

При „Журналѣ“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листовъ „Извѣстія по народному образованію“ съ приложеніемъ „Справочной книги по низшему образованію“. „Извѣстія“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „Журнала“, по „Справочная книга“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „Журнала“ изданіе. Цѣна „Извѣстій“ составляетъ 3 р. съ пересылкою и доставкою, за границу—4 р.

